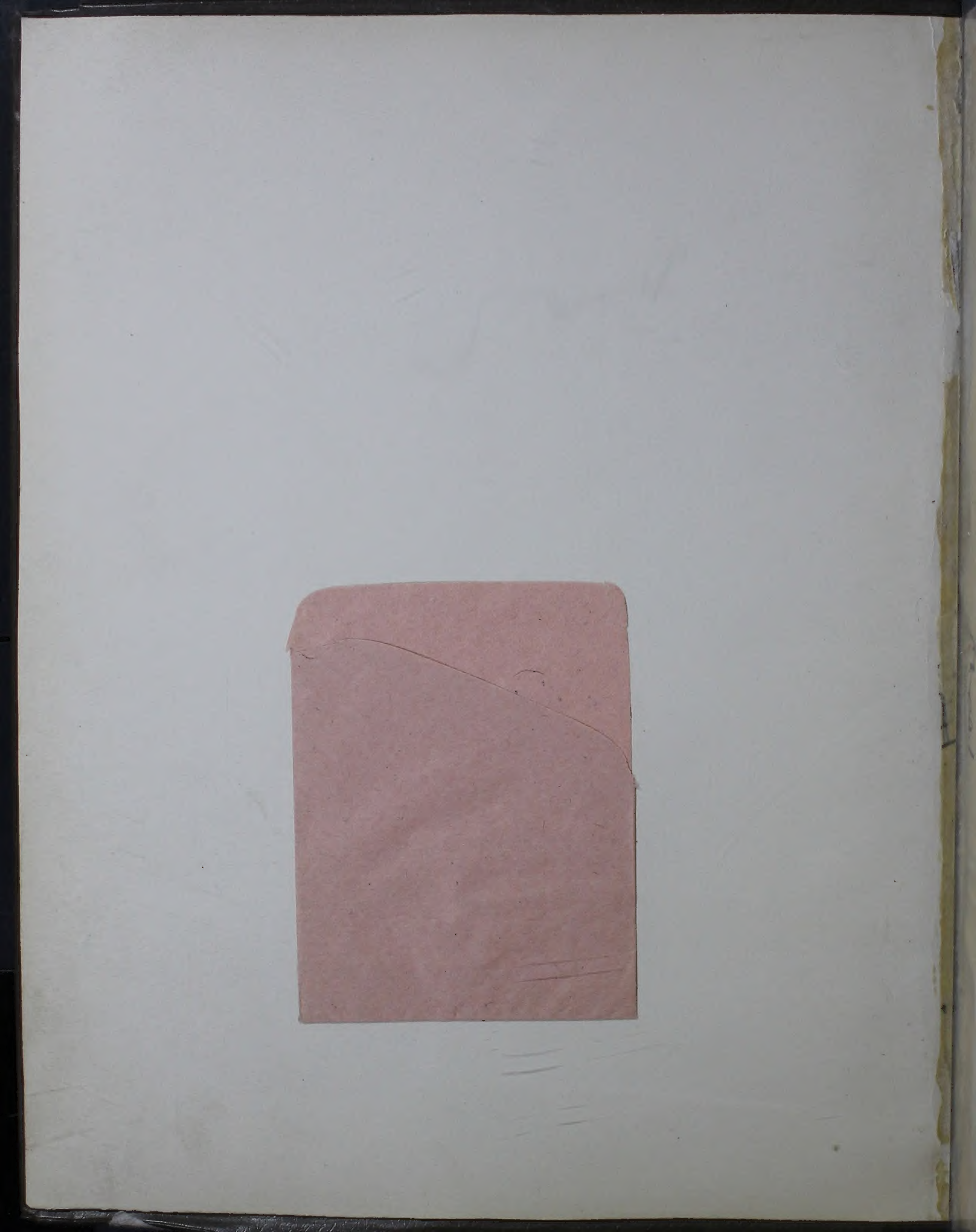
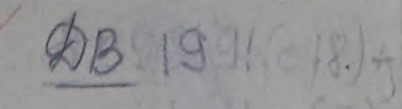
Краснов П.
По Азии:
Путевые очерки

СПб, 1903.





П. Красновъ.

ПО АЗІИ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

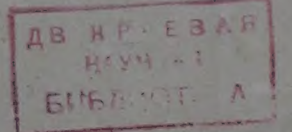
Манчжуріи, Дальняго Востока, Китая, Японіи и Индіи.

ИЗДАНО ПРИ ПОСОБІИ

Военнаго Министерства.

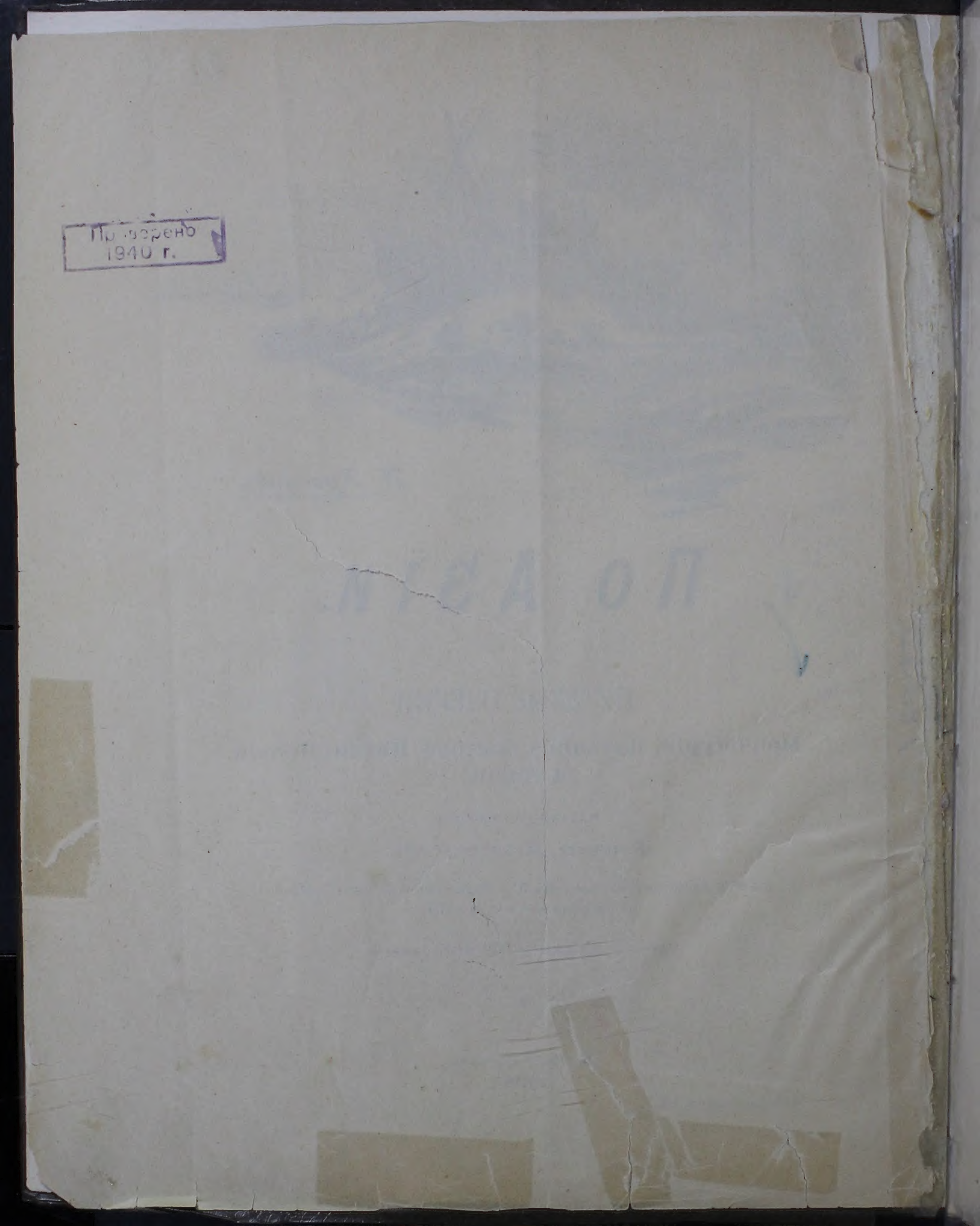
Съ 18-ю иллюстраціями академика Н. С. Самокиша, 53-мя цинкографіями по фотографіямъ и 2-мя картами.

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ



С.-Петербургъ.
1903.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.



Посвящается

Его Высокопревосходительству

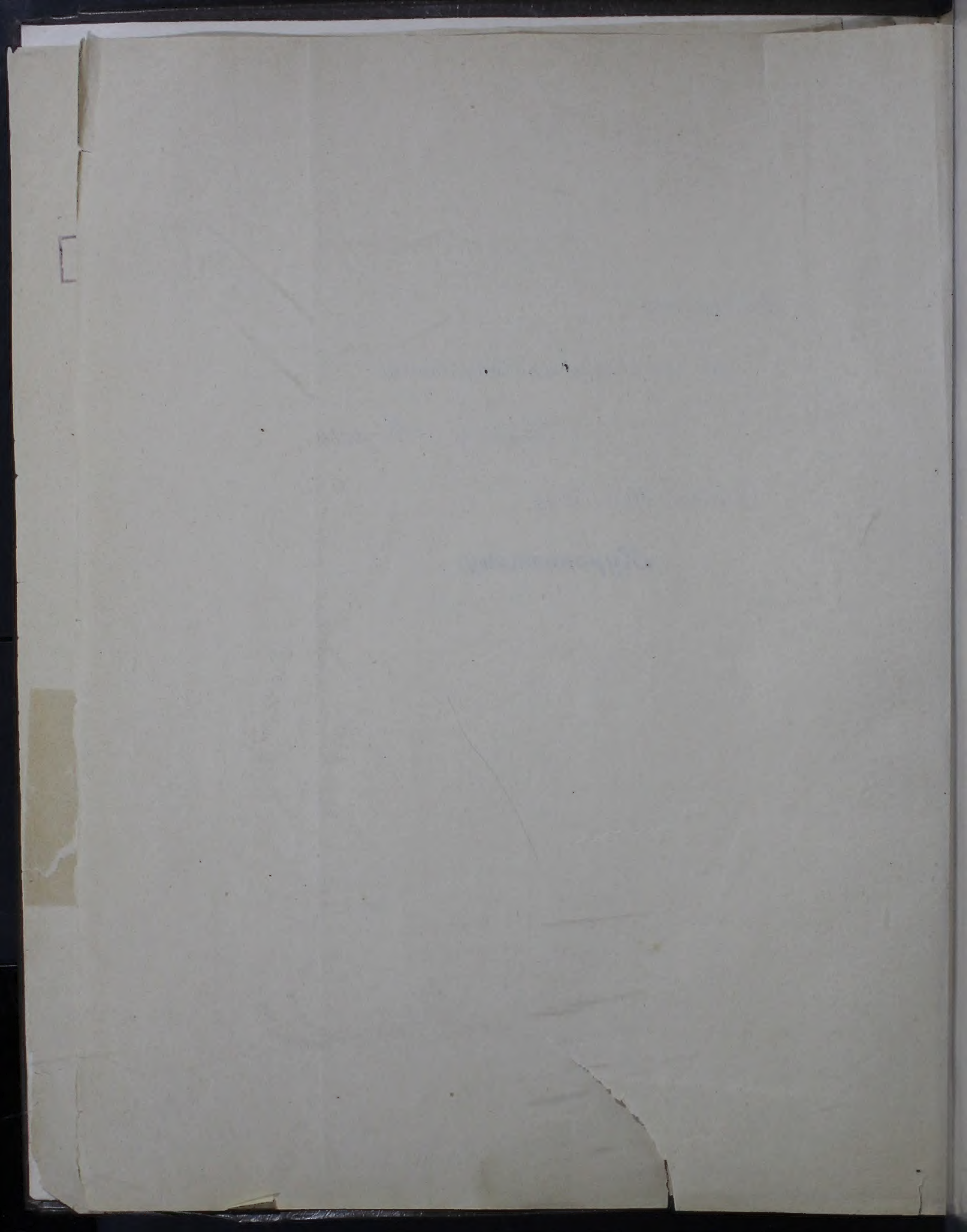
Военному Министру

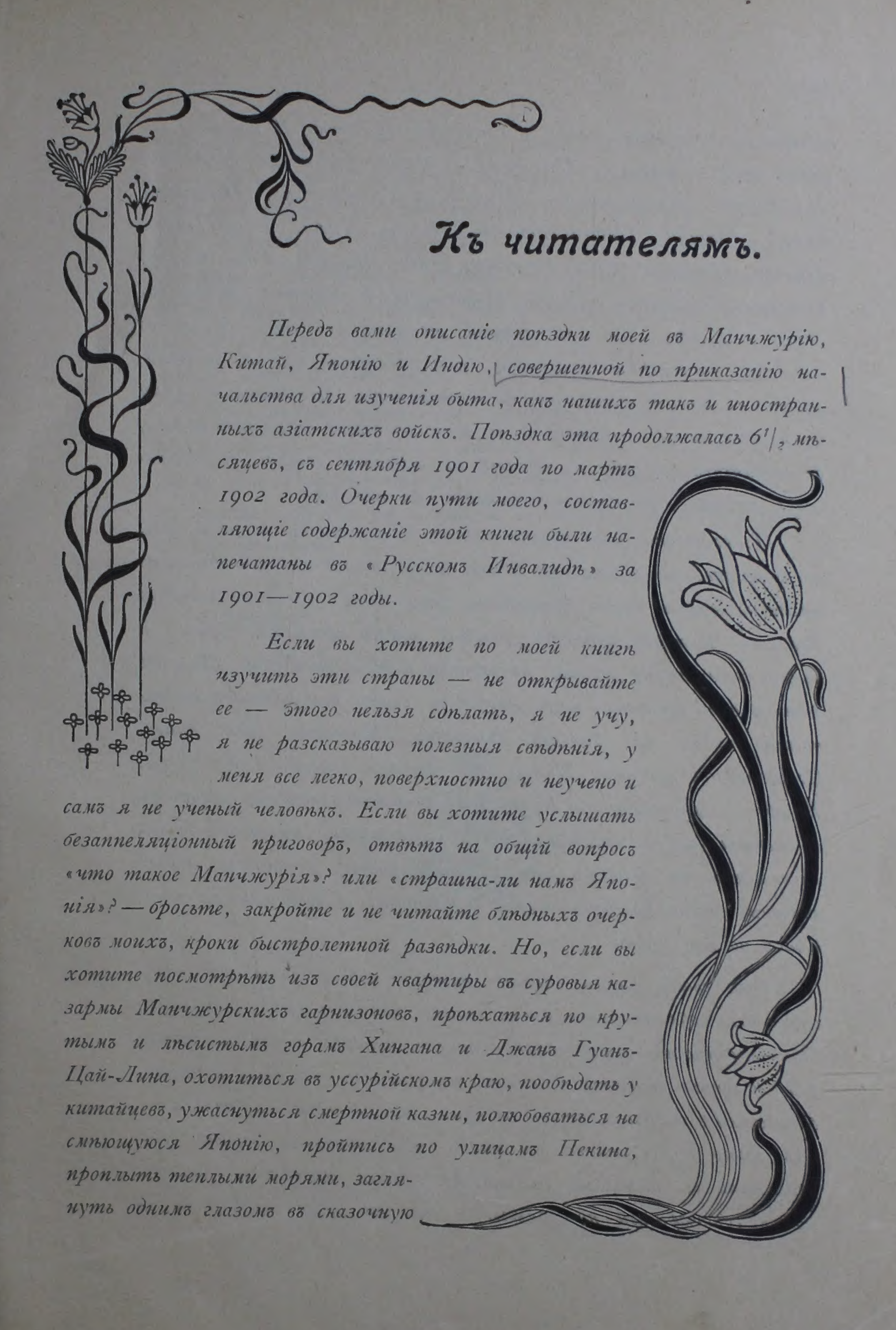
Алексѣю Николаевичу

Куропаткину.

д. Николаевка,

1902 г.





Къ читателямъ.

Передъ вами описаніе поѣздки моей въ Манчжурію, Китай, Японію и Индію, совершенной по приказанію начальства для изученія быта, какъ нашихъ такъ и иностранныхъ азіатскихъ войскъ. Поѣздка эта продолжалась $6^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ, съ сентября 1901 года по мартъ 1902 года. Очерки пути моего, составляющіе содержаніе этой книги были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1901—1902 годы.

Если вы хотите по моей книгѣ изучить эти страны — не открывайте ее — этого нельзя сдѣлать, я не учу, я не разсказываю полезныя свѣдѣнія, у меня все легко, поверхностно и неучено и самъ я не ученый человѣкъ. Если вы хотите услышать безаппеляціонный приговоръ, отвѣтъ на общій вопросъ «что такое Манчжурія»? или «страшна-ли намъ Японія»? — бросьте, закройте и не читайте блѣдныхъ очерковъ моихъ, кроки быстролетной развѣдки. Но, если вы хотите посмотрѣть изъ своей квартиры въ суровыя казармы Манчжурскихъ гарнизоновъ, проѣхаться по крутымъ и лѣсистымъ горамъ Хингана и Джанъ Гуанъ-Цай-Лина, охотиться въ уссурійскомъ краю, пообѣдать у китайцевъ, ужаснуться смертной казни, полюбоваться на смѣющуюся Японію, пройтись по улицамъ Пекина, проплыть теплыми морями, заглянуть однимъ глазомъ въ сказочную

Индію — откройте книгу и слѣдуйте за мною. Я побывалъ за эти полгода въ городахъ: Иркутскѣ, Хайларѣ, Цицикарѣ, Харбинѣ, Хабаровскѣ, Владивостокѣ, Никольскѣ-Уссурійскомъ, Нингутѣ, Омосо, Гиринѣ, Портъ-Артурѣ, Инкоу, Чифу, Тянь-Цзинѣ, Пекинѣ, Нагасаки, Кобэ, Іокогамѣ, Токіо, Шанхаѣ, Гонкъ-Конгѣ, Сайгонѣ, Сингапурѣ, Коломбо, Пондишери, Калькуттѣ, Бенаресѣ, Агрѣ и Бомбеѣ, — если хотите побывать со мною въ этихъ городахъ, посмотрѣть ихъ такъ, какъ смотрѣлъ ихъ я, познакомиться съ моими спутниками по путешествію, бесѣдовать съ ними на разныя темы — слѣдуйте за мною въ вагонъ желѣзной дороги, въ китайскія избушки — фанзы, на верховую лошадь, въ стрѣлковую двуколку, на парусную шлюпку, на пароходъ.

Посмотрите, что можно видѣть и испытать за полъ года, посмотрите, какъ великъ міръ и какъ много, много есть интересныхъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Оживленно бойко бьется пульсъ на дальнемъ Востокѣ. Каждый пароходъ, каждый поѣздъ привозитъ новыхъ и новыхъ людей въ еще недавно, пустынный и безлюдный край. Можетъ быть и вамъ придется когда нибудь по своей, или казенной надобности ѣхать на Дальній Востокъ. Прочтите мою книгу. Соблазнитесь переѣхать Индію отъ Бомбея черезъ Агру, Дели, Бенаресъ, Дарджилингъ и Калькутту, освѣжить свой умъ красотами древнеиндѣйской и магометанской архитектуры, умилиться передъ Гималаями въ Дарджилингѣ. Путь простъ, желѣзныя дороги хороши, отели комфортабельны и недороги. А воспоминаніе останется на всю жизнь.

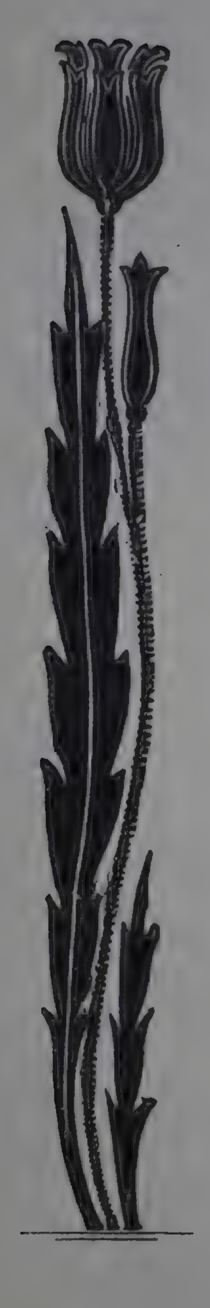
Отъ своего имени считаю долгомъ передъ началомъ повѣствованія поблагодарить всѣхъ моихъ манчжурскихъ знакомыхъ. Они — чужіе мнѣ люди, правда родные по мундиру, кормили и поили меня въ пути, отдавали для моего ночлега свои скромныя жилища, безпокоились и болѣли душою за меня. Наименовать ихъ нельзя — ихъ много — съ этапа на этапъ, изъ города въ городъ меня передавали съ ласковымъ вниманіемъ. Меня провожало участіе моихъ сотоварищей по оружію и они же меня встрѣчали съ

полнымъ радушіемъ. Безъ нихъ я ничего не видѣлъ бы, ничего не зналъ, безъ нихъ не проѣхалъ бы черезъ Манчжуру. Ихъ имена у меня въ сердцѣ и все, что осталось въ воспоминаніи у меня хорошаго и теплаго о Манчжуріи связано съ именами тамошнихъ начальниковъ, офицеровъ, казаковъ и солдатъ, выказавшихъ мнѣ столько вниманія и заботы. Они наглядно доказали, что Россійская Армія есть великое военное братство, что на товарища — солдата всюду и вездѣ можно положиться.

Меня будутъ критиковать (и критиковали уже) — прошу снисхожденія — писалъ что видѣлъ, а видѣлъ мало, писалъ, какъ умѣлъ. . . . Описать видѣнныя красоты, чудеса міра не смогъ — не хватило красокъ на палитрѣ, не хватило словъ въ головѣ — за что простите. . . .

С.-Петербургъ.

2 апрѣля 1902 года.



Часть I

Въ Манчжуріи и на Дальнемъ Востокѣ.

I.

Передъ дорогой.

Profession de foi.—Сборы въ дорогу.—Совѣты бывалыхъ людей.—Взглядъ впередъ.

На-дняхъ я уѣзжаю на дальній востокъ. Мнѣ придется проѣхать весь безконечный сибирско-китайскій путь, передъ моими глазами пронесутся и степи Забайкалья, и лѣсистый суровый Хинганъ, мнѣ придется проѣхать по Сунгари, посѣтить основныя базы русской цивилизаціи въ обширномъ и дикомъ краю,—Хабаровскъ, Никольское и Владивостокъ, побывать тамъ, гдѣ русскій капиталъ и русская промышленность столкнулись съ американскими дѣльцами; оттуда мой путь лежитъ въ дряхлый и оскорбленный Пекинъ, гдѣ маленькая горсть русскихъ солдатъ и казаковъ призвана блюсти представительство передъ Китаемъ, потомъ придется посмотрѣть на людей будущаго, на способныхъ, энергичныхъ, ловкихъ японцевъ; полміра пройдутъ передо мною, какъ картины панорамы, показываемой слѣпымъ раешникомъ...

Если бы отъ меня требовалось научное описаніе новыхъ краевъ, я бы не былъ такъ смущенъ, какъ смущенъ въ данное время. Не испугала бы меня ни съемка пути, ни составленіе описаній горъ и лѣсовъ, подступовъ и проходовъ—потому не смутило бы, что для этого есть формулы, есть правила, есть извѣстный шаб-

лонъ, даже готовыя фразы есть. Сначала нужно было бы написать на поляхъ „географическое положеніе“ и, вооружившись секстантомъ и хронометромъ, наносить на карту точку за точкой. Потомъ пришлось бы поговорить о климатѣ. Климатъ, дескать, континентальный, или морской, атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ столько-то, потомъ пустить сугубыя слова изотера и изохимена, господствующіе вѣтры и т. д., шагъ за шагомъ, по готовой программѣ разобрать страну. Но мнѣ приказано составить иное описаніе. Я долженъ наводить фотографію глазъ моихъ на все, что я увижу въ пути, такъ, чтобы мои фотографіи были наполнены живыми, движущимися, говорящими и даже думающими людьми! Трудная задача!

Пристально смотрю я на развѣшенную передо мною карту Манчжуріи, вижу рыжія горы, голубыя рѣки, вижу тонкую сѣтку названій мелкихъ и крупныхъ, вижу черточки путей: — это все условные знаки. И за ними, за этими условными знаками, скрываются лѣса и горы. Осенній прохладный воздухъ рвется въ легкія, вѣтеръ колышетъ вершинами деревъ, летятъ на землю сухіе желтые листья, летятъ шишки съ могучихъ кедровъ. Въ лѣсу есть люди, много людей. Одни съ утра и до поздней ночи копаютъ и возятъ землю, носятъ бревна, стучатъ топорами, другіе съ ружьемъ за плечами пробѣгаютъ на маленькихъ коняхъ черезъ лѣса и горы, дозоромъ проходятъ надъ желѣзнымъ путемъ. Этого на картѣ нѣтъ. Да и карта мала. Она не даетъ понятія о цѣлыхъ мѣсяцахъ пути, о непрерывной смѣнѣ видовъ и впечатлѣній. Тамъ, между горъ, среди лѣсовъ, есть маленькіе домики, есть китайскія фанзы, есть кумирни и землянки, есть бараки—и въ этихъ баракахъ, землянкахъ и фанзахъ идетъ жизнь, согласная съ уставомъ о внутренней службѣ; здѣсь войска отбываютъ свою повинность. Русская гуманная цивилизація тихо, но неуклонно шествуетъ на востокъ. Впереди идутъ казаки и солдаты. Но русскіе солдаты общительны; войска готовы страдать за идею, это войска сердца... Заглянуть въ эти фанзы-казармы, потолковать со стрѣлками и казаками, разглядѣть весь укладъ ихъ жизни по общеимперскому уставу, но въ обстановкѣ необычайной и нарисовать ее вамъ такъ, какъ она есть...

Честность побуждаетъ меня идти и сказать—не за свое дѣло взялся—отставьте... Но жажда пути, жажда смѣны впечатлѣній, жажда перемѣны пейзажей и лицъ, жажда перелистывать книгу жизни, открывая картину за картиной, заставляетъ меня взяться за это дѣло и ѣхать...

И я ѣду.

Всякій отправляющійся въ путь, въ новыя неистоптанныя мѣста, обыкновенно начинаетъ съ опроса бывалыхъ людей, какъ доѣхать, что взять съ собою, что купить на мѣстѣ. Этого опроса не избѣжалъ и я.

— Будете въ Иркутскѣ, непремѣнно купите себѣ оленью доху, рублей за сто достанете, а безъ дохи вы пропадете въ Манчжуріи, тамъ такіе вѣтры бываютъ, что идти можно только нагнувшись подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ. Да возьмите консервовъ побольше, тамъ хотя этапы и устроены, но есть мѣста, гдѣ ничего нѣтъ. Хорошо бы взять вамъ и палатку, все-таки лучше, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. Ночью тамъ очень холодно. Да купите въ Читѣ лошадки три забайкальскихъ, ихъ можно дешево достать, а прокормить—вездѣ прокормите. Вообще запаситесь всѣмъ необходимымъ изъ дома. Тамъ все очень дорого...— говорилъ мнѣ одинъ бывалый человѣкъ.

— Дохи не покупайте. Вамъ будутъ совѣтовать купить доху— такъ вы дохи не покупайте. Есть въ Иркутскѣ хорошіе романовскіе полушубки, они стоятъ почти столько же, сколько и въ Петербургѣ, такъ вы ихъ тоже не покупайте, а купите вы себѣ бурку. Безъ бурки вамъ трудно будетъ. Днемъ-то тамъ очень тепло, а вотъ по ночамъ большіе морозы бываютъ. Ну да теперь тамъ всюду есть этапы, а на этапахъ вы все необходимое достанете, тамъ и горячая пища есть, и все. Лошадей тоже не покупайте. Хлопотъ много. Васъ всегда или на почтовыхъ довезутъ, или съ поста на постъ конными доставятъ, а то въ рабочемъ поѣздѣ проѣдете,—говорилъ другой бывалый человѣкъ.

Третій совѣтовалъ купить валенки, вьюкъ Гинтера, револьверъ Маузера, палатку, англійскіе сапоги съ завязками—словомъ если бы я вздумалъ покупать все, что мнѣ совѣтовали, то отъ прогоновъ не осталось бы ничего. И оттого я собрался въ путь, взявши съ собой всѣ форменныя вещи и пристегнувъ къ нимъ изъ неформенныхъ только бурку и шведскую куртку, въ необыкновенной практичности которой я неоднократно убѣждался на маневрахъ и въ дальнихъ охотахъ...

— И вамъ не страшно ѣхать?—спрашиваютъ меня.

— Страшно? Но что же страшнаго въ пути?

— Помилуйте, край совсѣмъ не умиротворенъ. Повсюду бродятъ шайки хунхузовъ. Вѣдь это только нарочно пишутъ, что полное спокойствіе, на дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго.

— А вотъ и посмотримъ, что правда и что неправда.

— Ну, а если нападутъ?

— Буду обороняться. Кажется не зря пятнадцатый годъ обучаюсь стрѣльбѣ и рубкѣ—пора научиться, пора не бояться обнажить оружіе на самозащиту.

— А если убьютъ?

— А, если убьетъ кускомъ штукатурки съ новостроющагося дома, если наѣдетъ ломовой, или раздавитъ вагономъ конножелѣзной дороги?—Повѣрьте, вашъ Невскій опаснѣе всѣхъ степей, лѣсовъ и горъ Манчжуріи, хулиганы хуже хунхузовъ уже потому, что хунхуза я могу встрѣтить огнемъ трехлинейной винтовки, а отъ уличнаго безобразника, что меня защититъ?

— И вамъ не жалко разставаться съ полкомъ, родными, близкими.

— Конечно, жалко. Жутко подумать, что придутъ въ полкъ молодыя лошади, придутъ новыя укомплектованіи и я ничего не увижу. Скучно будетъ и безъ смѣнной ѣзды, ежедневной, которая надоѣла, но къ которой въ то же время и привыкъ, скучно будетъ и безъ лошадей, привѣтственнаго ржанія которыхъ такъ будетъ недоставать. Конечно, много прелести въ маленькой уютной казенной квартирѣ, когда въ нее пріѣдете вы, X, и вы, Z, и вы, Y, и другіе, дорогіе сердцу моему и когда въ стѣнахъ ея раздадутся творенія Глинки, Рубинштейна, Даргомыжскаго... въ передачѣ—вы знаете, въ какой художественной передачѣ!

Но не комфортъ спокойнаго сна, сытнаго обѣда, заботливо-обезпеченнаго уклада полковой казарменной жизни дорогъ мнѣ. Мнѣ дорога кавалерійская служба потому, что она вѣчное движеніе. Маневры съ ихъ перипетіями, переходами, столкновеніями, гонкой и веселой задорной перебранкой, основанной на полковомъ самолюбіи—уже наслажденіе, но, когда маневръ обнимаетъ протяженіе въ сорокъ тысячъ верстъ, когда поясы и климаты будутъ мѣняться чуть не ежедневно, когда придется пройти мимо хотя уже разобраннаго стола, стола изъ-за котораго встали, но все же стола, за которымъ пировала война; когда можно будетъ по недопитымъ стаканамъ и крошкамъ судить, какъ пировали, что ѣли и что пили, когда придется подсмотрѣть военную обстановку нашихъ восточныхъ сосѣдей и пожать руку стрѣлкамъ и морякамъ далекаго востока, скромнымъ героямъ долга и присяги—такой маневръ стоитъ и лишеній, и опасностей, и безсонныхъ ночей на морозѣ въ лѣсу, и тряски на перекладныхъ, и томительныхъ передвиженій шагомъ на усталыхъ лошадяхъ.

И не страхъ, не тревога, не апатія, не тоска по жизненнымъ удобствамъ наполняютъ мое сердце, но великая радость и благодарность тѣмъ, кому я обязанъ этой интересной командировкой.

Во время нея мнѣ придется повидать донцовъ, кубанцевъ, оренбуржцевъ и уральцевъ, призванныхъ охранять желѣзную дорогу. И какъ интересно будетъ сравнить ихъ между собой. Одни войска молодыя, другія постарше, прошедшія туркестанскую, кавказскую школу, третьи, живущія далекими преданіями турецкихъ походовъ и двѣнадцатаго года. Какъ перемѣнились они за эти годы, какъ приспособились они въ новой походно-боевой обстановкѣ на заставахъ манчжурскаго пути? Что можемъ ждать мы отъ нихъ въ будущемъ? Живо ли казачество? Есть ли существа, достойныя носить то имя, которое волнуетъ и понынѣ западную Европу и возбуждаетъ зависть въ иноземцахъ?!

Не приговоръ я ѣду постановлять, а ѣду лишь наблюдать типы. А они есть—типы лихихъ рубакъ, беззавѣтныхъ храбрецовъ—это мнѣ подсказываетъ мое сердце, это говорятъ тѣ отрывочныя статьи и замѣтки, что печатаются въ повременныхъ изданіяхъ, это говорятъ и бывалые люди...

Въ юности мы зачитывались Майнъ-Ридомъ, Густавомъ Эмаромъ, Куперомъ, Жаколіо — картины пампасовъ и льяносовъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, образы дикихъ охотниковъ за черепами, ужасныя сцены сожженія фермъ, вырѣзанія жителей, проносились передъ нами и съ дѣтства мы получали безотчетную любовь къ этой жизни, уваженіе къ африканскимъ боерамъ, всевозможнымъ команчо, вождямъ индѣйцевъ и всей авантюристической жизни американскихъ піонеровъ. Теперь въ степяхъ и таежныхъ лѣсахъ сосѣдней Монголіи у насъ появились свои герои. Понадобились люди для отчаянной борьбы съ природой, явилось противодѣйствіе со стороны иной, не похожей на нашу, культуры. И началась упорная борьба. Исторія возникновенія войнъ учитъ насъ, что если столкнутся двѣ культуры, разница между которыми слишкомъ велика, то естественнымъ слѣдствіемъ столкновенія этихъ культуръ будетъ война. И каждую минуту тамъ, на далекомъ востокѣ, можетъ произойти взрывъ и кровавое столкновеніе. Кавказъ сыгралъ свою роль и кавказскія войска уступили свою славу туркестанскимъ, наступаетъ очередь для войскъ Приамурскаго округа... Но вотъ вопросъ — будетъ ли война? На Кавказѣ и въ Туркестанѣ, гуманная культура русскихъ, культура сердца, полная философскихъ отвлеченныхъ воззрѣній, столкнулись съ фанатичной привязанностью къ краю, съ мусульманскою нетер-

пимостью—треніе было неизбѣжно... Но дряхлый Китай не воинственъ. Вѣротерпимость русскихъ, уваженіе ихъ къ старымъ обычаямъ, нѣкоторое, хотя и отдаленное сходство въ воззрѣніяхъ, то же презрѣніе къ смерти, и главное—не алчность русскихъ, не подкупятъ ли Китай, и не дадутъ ли ему слиться съ русскими безъ тренія, безъ войны?

Но вѣдь столкновеніе уже было. Китайская и русская кровь пролиты и за великое сооруженіе пути, прорѣзавшаго всю Азію, дорого заплачено. Заплачено человѣческими жизнями... Но намъ кажется, что тутъ нѣтъ причины для войны, а вышло лишь маленькое недоразумѣніе, произошли ошибки, неизбѣжныя въ большомъ дѣлѣ.

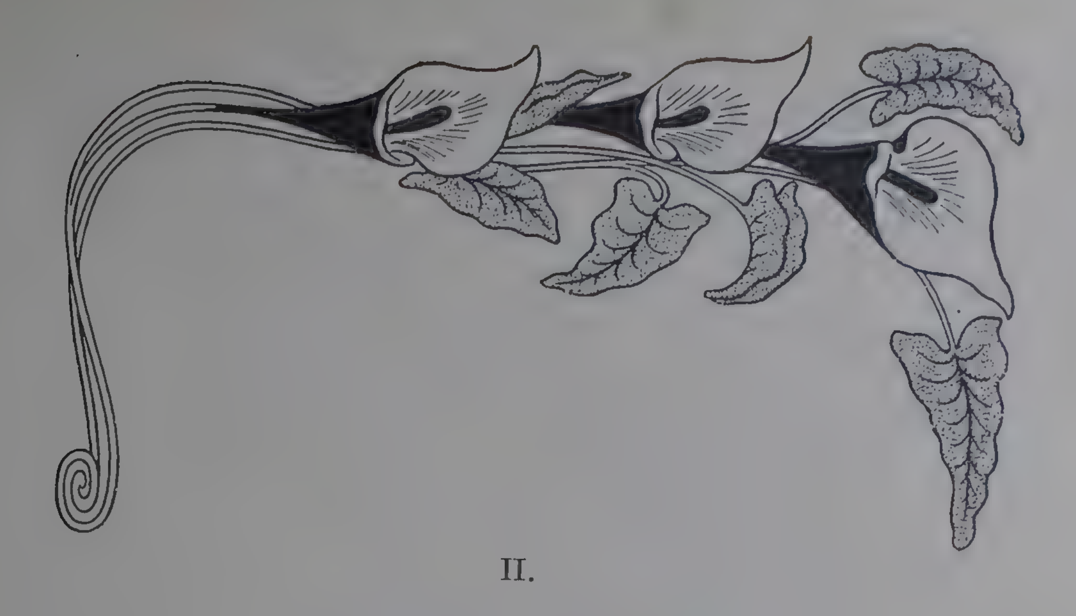
По картѣ ползетъ красной полосой китайскій путь. И вы знаете, что это величайшее сооруженіе послѣдняго времени. Отъ него ждутъ рѣшенія вопросовъ экономическихъ и политическихъ, новой эры торговли и промышленности... Но на этомъ пути скромно и тихо, никому невѣдомые, живутъ наши офицеры и солдаты. Они наши товарищи, наши родственники, братья наши по оружію. Я ѣду къ нимъ въ гости и, вернувшись, разскажу вамъ, какъ живутъ они далеко на чужбинѣ и что дѣлаютъ. Говорятъ, что ихъ жизнь интереснѣе жизни Люсьеновъ и Томовъ Соуэровъ, которыхъ вы навѣрно помните съ гимназической или корпусной скамьи. Я попытаюсь вамъ раскрыть ихъ подвиги, потому что подвигъ не столько воевать, сколько жить въ тяжелыхъ условіяхъ, въ чужой землѣ, вдали отъ всего, что намъ дорого и свято...

Я постараюсь разсказать все, какъ умѣю... А вы простите меня за нескладный разсказъ. Помните, что писать мнѣ придется усталому, писать послѣ утомительной дороги, когда хотѣлось бы лечь и отдохнуть. Одно обѣщаю—буду писать только правду...

— Чудакъ человѣкъ, слышу я голоса, еще и не выѣхалъ, а все уже описалъ.—Да вы взяли ли билетъ на дорогу? Нѣтъ.—Получили ли прогоны? И то нѣтъ.—Такъ чего же вы разболтались такъ?

А это уже всегда такъ дѣлается. Трудно выѣхать, трудно сняться съ мѣста. Тутъ нужно и стремянную выпить, и присѣсть на минуту, и снова встать, и опять присѣсть, безъ этого не уѣдешь. А когда ѣдешь такъ далеко, да въ такія интересныя страны—поневолѣ разболтаешься...

С.-Петербургъ.
2 сентября 1901 г.



II.

Изъ окна сибирскаго поѣзда.

Сибирскій поѣздъ.—Пассажиры-сибиряки.—Картины Поволжья.—Уралъ.—Разсказъ стараго казака о жизни въ новомъ краю.—Тайга.

7-го сентября 1901 года я выѣхалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву, чтобы слѣдовать дальше съ сибирскимъ поѣздомъ на Самару, Златоустъ, Челябинскъ, Иркутскъ и Читу—далѣе можно было надѣяться, что изъ любезности провезутъ и до Хайлара,—перваго города Манчжуріи.

Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, изъ Москвы ходитъ особый, дорогой, скорый, безпересадочный спеціальный сибирскій поѣздъ. Въ девять неполныхъ дней онъ доставляетъ пассажировъ до Иркутска. Попасть на него не легко. Въ Сибирь теперь ѣдетъ много народа. Поѣздъ обставленъ до нѣкоторой степени комфортабельно, выигрываетъ двое сутокъ, а потому пассажиры ѣдущіе въ Сибирь стремятся попасть на него.

Года три тому назадъ въ Петербургъ привозили показывать диковинный „*сибирскій*" поѣздъ. Въ немъ были прекрасныя постели, мраморныя ванны, громадный салонъ-вагонъ, мягкая мебель, окно въ хвостѣ поѣзда, изъ котораго можно было обозрѣвать сибирскіе виды, словомъ, не поѣздъ, а одно наслажденіе. Обыкновенно, когда напутствуютъ отъѣзжающаго въ Сибирь, ему говорятъ: „О, вы чудно поѣдете. Сибирскій поѣздъ — это послѣднее слово комфорта"... и путешественникъ мечтаетъ о чудныхъ салонахъ, мраморныхъ ваннахъ и прочихъ чудесахъ сибирскаго поѣзда.

Такой поѣздъ-чудо дѣйствительно есть. Это не греза, не мечта, не фантазія путешественниковъ, а фактъ. Онъ называется *„международнымъ“* поѣздомъ, и онъ одинъ. А остальные три, циркулирующіе между Москвой и Иркутскомъ поѣзда—носятъ скромное названіе *„казеннаго“*. И въ казенномъ поѣздѣ есть мягкія постели, есть салонъ, есть буфетъ, начальникъ казеннаго поѣзда тоже молодой человѣкъ, какъ и на международномъ, но далеко не такой предупредительный, прислуга грубовата и переутомлена, купе тѣсны, особой роскоши нѣтъ. Чѣмъ блещетъ сибирскій поѣздъ, такъ это своей библіотекой. Въ ней собраны почти всѣ лучшія сочиненія о Сибири, Китаѣ и дальнемъ востокѣ, въ ней всѣ наши классики—Гончаровъ, Тургеневъ, Толстые, Достоевскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Аксаковъ, до современныхъ — Чехова, Короленко и Горькаго включительно. И вотъ послѣ двѣнадцати часовъ пути, побродивъ въ Москвѣ цѣлый день я сижу въ казенномъ поѣздѣ и направляюсь въ Сибирь. Нашъ поѣздъ груженъ сибирякам. Это народъ простой, обходительный, вѣжливый, но молчаливый. Сибирь они любятъ, на *«Россію»* глядятъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Жалѣютъ, что въ Сибири не такъ развита промышленность, какъ въ Россіи, что сѣдельные ленчики для забайкальскихъ казаковъ приходится выписывать изъ Москвы отъ Волка, переплачивая громадныя деньги за перевозку, что сибирское сукно можно пальцемъ проткнуть, но въ то же время, какъ будто и не желаютъ, чтобы Россія надвинулась на Сибирь. Они любятъ своихъ малышей-лошадокъ, башкирокъ и бурятокъ, находятъ, что естественные аллюры лошади—тропота и перевалъ и что галопомъ сибирскихъ лошадей нельзя учить ходить. Послушать ихъ, такъ пришлось бы для нихъ особый уставъ писать; но въ тоже время они горды сознаніемъ, что они край Россіи, они храбры, хороши стрѣлки, не знающіе опасностей. Пока поѣздъ бѣжитъ мимо зеленыхъ пашень, красивыхъ селъ и рощъ Московской и Рязанской губерній, они кажутся немного велики, непропорціональны съ пейзажемъ своими широкими плечами, грузными фигурами, величавыми бородами по поясъ, но тамъ, у себя, они на мѣстѣ. Тамъ эти коренные сибиряки прямо великолѣпны. Кромѣ нихъ въ Сибири есть еще наносный слой, это или неудачники, или экзальтированные юноши, брѣдящіе охотничьими поисками, жизнью въ тайгѣ и глубоко тоскующіе, тоскующіе до пьянства среди пустынь и дебрей холодной Сибири...

Въ вагонѣ ярко горитъ электричество. Мимо несутся города

и села мануфактурной полосы, видны озаренныя блестящимъ свѣтомъ мастерскія фабрикъ, неширокія, но дѣятельныя рѣки, чистые, красивые города. Горы ситца, миткаля и сукна несутся отсюда на востокъ, потребляются этими широкими, красивыми людьми, въ глазахъ которыхъ свѣтится искреннее добродушіе, доброта къ людямъ, доброта, готовая отдать жизнь за други своя.

Ночь становится темнѣе, поля глуше. Я забираюсь наверхъ и ложусь на мягкой желѣзнодорожной постели — низкомъ домѣ моемъ на десять дней...

Съ утра я уже у окна вагона. Бѣлый дымокъ налетаетъ порывами, застилаетъ на минуту однообразный пейзажъ и опять видны поля, деревни, рощи, лѣса, мужики, видна—Русь.

Русь—это равнина. Ровныя поля, деревни, села, вѣтряныя мельницы вокругъ селъ, бѣлые храмы съ зелеными куполами, черныя дороги, перелѣски и опять безконечная ширь желтыхъ полей съ черными заплатами свѣжевспаханныхъ озимыхъ. Луговъ мало, горъ нѣтъ, рѣки мелкія и сухія. Только овраги тутъ и тамъ прорѣзываютъ равнину, то крутыми, почти отвѣсными, желтыми песчаными берегами, то мягкими складками, покрытыми чуть желтѣющимъ дубнякомъ. И характеръ русскихъ ровный, чуть мечтательный, безъ вспышекъ, безъ насилія. Глядя на эти поля, мелькающія мимо оконъ, на эти села, съ торчащими вверхъ журавлями колодцевъ, съ ивовыми рощами возлѣ выгоновъ, понимаешь силу терпѣнія Руси, ея слабыя и сильныя стороны. Да, въ этой однообразной странѣ, гдѣ Тамбовская губернія незамѣтно сливается съ Пензенской, а Пензенская ничѣмъ не отличается отъ Самарской—люди одни, и вѣра ихъ одна, и помыслы ихъ одни. Эти люди—«*земляки*»;—земля, просто земля, черная, запаханная, или желтая подъ сжатыми полями, или изумрудная подъ озимыми, породила ихъ, только земля, не горы, не утесы, не море, даже не рѣки, а только земля. И какъ земля мощны они, и сила военная ихъ—не сила огня, не сила бѣшенаго моря — но страшная и въ то же время кроткая сила земли.

Цѣлыя сутки отъ Москвы до Сызрани — одна ровная желтая гладь, то съ черными, то изумрудно-зелеными четырехугольниками пахоты. Передъ Волгой начинаются холмы. Ночью звенитъ знаменитый сызранскій мостъ, громадныя желѣзныя полосы переплетаются тонкой паутиной, внизу далеко-далеко блестятъ отраженія огней въ темной водѣ — мы переходимъ Волгу.

На другой день на западѣ виднѣются неясныя очертанія

высокихъ обрывистыхъ холмовъ, они тянутся долго, то подымаясь, то опускаясь—это виденъ правый берегъ Волги, знаменитые Жигули. Лѣвый ровенъ, топокъ, покрытъ густою травою. Внезапно за поворотомъ дороги появляется еще неширокая и мутная рѣка, надъ нею рядъ громадныхъ сѣрыхъ амбаровъ, за амбарами по склонамъ, некрутого холма раскинулся городъ. Бѣлые дома правильными улицами взбѣгаютъ вверхъ, между ними такіе же бѣлые храмы, широкая улица идетъ по холму, по ней стоятъ электрическіе фонари и виденъ высокій монументъ. Это Самара.

За Волгой поля тѣ же. Но яровыя преобладаютъ надъ озимыми, горизонтъ изъ желтаго дѣлается чернымъ, а заплаты, напротивъ—желтыми и зелеными. Вскорѣ появляются холмы. Мягкими, спокойными очертаніями вырисовываются они на сѣверѣ, разрѣзанные балками, поросшими мелкимъ дубнякомъ. Холмы отходятъ въ сторону, опять равнина; тутъ и тамъ мелькаютъ бревенчатыя избушки, крытыя соломой, изъ балки выбѣгаетъ стадо бѣлыхъ, черныхъ и бурыхъ барашковъ и испуганное поѣздомъ несется въ балки. Много шири. Много труда исполосовать, испахать эту ширь черными, ровными бороздами, засѣять и съ тревогой слѣдить потомъ за движеніемъ тучъ. Эта ровная ширь не давала ни образовъ, ни оригинальной веселой мелодіи пѣсенъ, ни богатаго красками эпоса. Религію, архитектуру, краски, заимствовала она отъ сосѣдей, съ береговъ голубого моря, гдѣ есть и горы, и особая горамъ присущая игра свѣта и тѣней. Тѣ же, кому мало было чужого, кому тѣсны были безпредѣльныя поля—рвались на востокъ. Тамъ, на востокѣ, за татарскимъ городомъ Бугурусланомъ, видны высокіе холмы. Это уже не края балокъ, не зигзаги, промытые водою, а настоящіе холмы, съ крутыми скатами буро-краснаго песка. По склонамъ настроены маленькія, слѣпленныя изъ глины и крытыя соломой хаты, и монгольскія лица чаще и чаще появляются на платформѣ. Дома разбросаны возлѣ склоновъ красныхъ холмовъ на громадной площади, широкія улицы вдругъ разражаются цѣлыми кучками мелкихъ узкихъ переулковъ, дома и домики бѣгутъ къ рѣчкѣ, лѣпятся по ея берегамъ; сидятъ возлѣ самой воды. Изъ ихъ неладной стаи подымаются тонкія сѣрыя башни минаретовъ, косой серпъ луны торчитъ вмѣсто креста, мы не въ Азіи еще, но мы уже вышли и изъ Россіи.

А холмы становятся выше. Они бѣгутъ на сѣверъ, сплетаются съ другими такими же холмами, образуютъ широкое предгорье и уходятъ. Ихъ почти уже не видно. Но вотъ они снова

веселой толпой, уже обросшіе пухомъ березъ и дубовъ, подбѣгаютъ къ желѣзнодорожному пути, идутъ рядомъ съ нимъ и снова уходятъ. Это предгорья Урала. Поѣздъ уже не обходитъ ихъ. По насыпямъ и выемкамъ онъ бѣжитъ на нихъ, карабкается вверхъ, углубляется въ Уральскія горы. Темнѣетъ. Вагонъ качаетъ сильнѣе и сильнѣе, частые повороты, подъемы и спуски даютъ себя знать.

Мелкій дождь сыплетъ, какъ сквозь сито; небо покрыто сѣрой ватой облаковъ. Горы выше и круче. Чѣмъ дальше углубляешься въ Уралъ, тѣмъ красивѣе его находишь. Съ южной стороны дороги, непрерывно изгибаясь, то сверкая пѣной въ быстринахъ, то темная у омута стремится рѣка Ай. Всѣ берега ея желты отъ осенней листвы густого кустарника,—къ сѣверу идутъ крутые скаты горъ, поросшіе золотистыми березами. Надъ березовыми рощами поднимаются круглыя каменныя сопки, сѣрыя и голыя. Сквозь золото березъ язычками мелькаютъ темныя елки, онѣ становятся чаще, мѣстами весь лѣсъ теменъ отъ нихъ и опять золотыя березки, желтые луга и шаловливый темный Ай. Горы уже высокія, круглыя, то отдѣльными шапками подымающіяся вверхъ, то бѣгущія округлыми цѣпями холмовъ.

Уралъ красивъ. Онъ не величественъ, не страшенъ, не дикъ и не угрюмъ, онъ только красивъ и изященъ. Ай разливается широкимъ озеромъ и въ озеро глядится городъ Златоустъ. Бѣлый храмъ, какъ игрушка стоитъ въ долинѣ между горъ, маленькіе домики, заводскія постройки бѣгутъ отъ него въ стороны. Желѣзный путь дѣлаетъ крутой зигзагъ по горѣ и подходитъ къ станціи. На платформѣ продаютъ чугунныя и желѣзныя издѣлія уральскихъ заводовъ. Нашъ Шеффильдъ, или Золингенъ не блещетъ изяществомъ рисунковъ, но уже замѣтно и у насъ стремленіе работать по художественнымъ образцамъ.

Уральскія горы немало отмѣрили мѣста на востокъ. Кряжъ идетъ за кряжемъ, одинъ повыше, другой пониже, на одномъ преобладаетъ золотистая береза, другой весь покрытъ темно-зеленой сосной—будто Финляндія, гдѣ нибудь у Новой Кирки или Перкіярви. Возлѣ станціи Уржумки справа виденъ невысокій мраморный столбъ. Это высшее мѣсто пути желѣзной дороги, это грань—здѣсь Европа—тамъ, куда мы переваливаемъ—Азія.

Но Азіи нѣтъ. Есть Сибирь, есть Россія, а Азія—далеко къ югу, или еще дальше, къ востоку.

Здѣсь тѣ же зелено-желтые лѣса, тѣ же каменистыя сѣрыя

сопки, тѣ-же скаты, хребты и долины, рѣдкіе заводы, деревушки, черныя дороги. Вправо видна одинокая Александровская сопка, вышиною въ 3,500 футовъ, голая, сѣрая, будто съ наваленными на вершинѣ камнями.

Холодно и сыро кругомъ. Темныя тучи несутся низко, мѣстами онѣ заволакиваютъ вершины хребтовъ и лежатъ на деревьяхъ. Отъ этого сѣраго неба и красивый пейзажъ скучнѣе, тоскливѣе, непріютнѣе, чѣмъ онъ есть на дѣлѣ. Дайте солнце этимъ спокойнымъ негордымъ вершинамъ, дайте синеву неба золотистымъ лѣсамъ и лугамъ, какія краски заблещутъ кругомъ, какъ призывать будутъ вершины сопокъ, манить узкія травянистыя долины и тѣнь высокихъ березъ!

Подъ гору поѣздъ несется, какъ бѣшеный. Вагонъ качаетъ и трясетъ, рельсы визжатъ и стонутъ. Горы уходятъ. Онѣ становятся ниже и ниже, уже и сосенъ нѣтъ—однѣ березы; еще верста, двѣ,—горы уже синѣютъ зубчатой полосой на сѣверѣ; остались холмы и между ними озера. Первое длинное и узкое синее озеро показалось еще въ рамѣ лѣсистыхъ горъ, потомъ совершенно круглое, а за горами широко раскинулось, словно морской заливъ, обширное Ильменское озеро. Возлѣ большое село, бѣлая церковъ, челноки и степь, поросшая березовымъ кустарникомъ. Контрастъ поразительный, ширь громадная, ширь и безлюдье. Деревни рѣдки, дорогъ не видно, запаханныхъ полей мало. Сибирь начинается... До того „дальняго Востока", куда я ѣду еще очень далеко, цѣлыя недѣли пути, а онъ уже встаетъ передо мной, суровый, величественный, полный тяжелой борьбы съ природой, побѣдъ надъ нею, доставшихся трудомъ и самопожертвованіемъ. Кругомъ слышны разсказы тамошнихъ жителей о жизни среди стихійныхъ бѣдствій въ войнѣ съ непокоренной природой.

Къ раненому офицеру подсаживается плотный чернобородый забайкальскій казакъ. Зовутъ его Платонъ Павловичъ. Они требуютъ чаю и тихо бесѣдуютъ о своемъ тревожномъ прошломъ. Я сажусь съ ними и вотъ изъ простого разсказа казака о пережитомъ имъ наводненіи 1896 года, вызванномъ свирѣпымъ тайфуномъ, разыгравшемся въ Японскомъ морѣ, передо мною встаетъ цѣлая страшная, величественная картина.

Въ вагонѣ ярко горитъ электричество. Мимо оконъ проносится унылый пейзажъ однообразной Барабинской степи, а тамъ во мракѣ ночи являются другіе виды, и кажется, будто я вмѣстѣ съ Платономъ Павловичемъ переживаю страшный тайфунъ...

Тайфунъ *), этотъ бичъ Японскаго моря, ревѣлъ уже шестой день. Широкія бѣлыя волны ходили по Амурскому заливу и мѣрно качались броненосцы и крейсера эскадры у Владивостока, безтолково кивали мачтами китайскія джонки. Не одна лодка, не одинъ сампанъ погибли въ эту страшную бурю когда трепетали желѣзныя крыши и съ грохотомъ падали вывѣски на землю. А тутъ еще полилъ дождь, тропическій, безпросвѣтный, безконечный дождь.

Тайфунъ порывами влеталъ и въ предгорія хребта Мухдехень, визжалъ въ ущельяхъ, гнулъ дубы и кедры, обрывалъ цѣпкіе побѣги винограда и мчался дальше вглубь горъ. Горныя рѣки остановились въ своемъ быстромъ теченіи и надулись, а вѣтеръ гналъ въ нихъ мутныя волны Амурскаго залива и вода волновалась и прибывала. Надулся и ревѣлъ кроткій Суйфунъ, быстро выступая изъ береговъ, разливалась маленькая Эльдагу и въ унисонъ съ ними ревѣла пограничная Хубта-Ушагоу. То, что происходитъ въ Петербургѣ, въ Галерной гавани въ миніатюрѣ, происходило тутъ во всю свою величину — по сибирскому масштабу. Устья Эльдагу и Суйфуна слились съ моремъ и бѣлохребетныя волны катали свободно по сушѣ какъ у себя въ морѣ, вырывали кусты и деревья, валили заборы и, гордыя своимъ разгуломъ, лизали скалы тамъ, гдѣ рѣка Суйфунъ течетъ между щекъ. Иногда схвативъ фанзу кого-либо изъ манзъ, онѣ устремлялись на нее дружной атакой, схватывали съ мѣста и уносили съ собою и жалкій скарбъ ея, и самого манзу вмѣстѣ съ женой и маленькими желтыми дѣтьми. Никто не подавалъ имъ помощи, потому что помощи подать было нельзя.

Шестой день изъ слободы Полтавки, гдѣ волею начальства занимала свой постъ 5-я сотня Верхнеудинскаго полка, не было никакихъ извѣстій. Никто не пріѣзжалъ съ пакетами, никто не заглядывалъ за письмами. Разливъ отрѣзалъ Полтавку отъ желѣзной дороги и отъ всего крещенаго міра. Хорошо, если только отрѣзалъ, а если... И глаза всѣхъ, кого заботили судьбы пятой сотни, съ молитвой устремлялись на образъ Подателя всѣхъ благъ.

Пятая сотня помѣщалась въ тѣсныхъ избахъ, построенныхъ при сліяніи рѣкъ Ушагоу и Суйфуна. Сначала тамъ былъ только постъ, потомъ вмѣсто поста поставили сотню, казаки поселились въ постовой конюшнѣ, а лошадямъ своими руками выстроили-

---

*) *Тайфунъ* — вѣтеръ свойственный морямъ Великаго океана. Онъ произвелъ страшныя наводненія въ Приморской области въ 1890 и 1896 годахъ; *сампанъ*—китайскій яликъ, *манзами* называютъ русскіе китайцевъ въ Приморской области.

навѣсъ. Судьбы этой пятой сотни, боровшейся теперь съ грознымъ тайфуномъ, не давали спать ни командиру полка, ни офицерамъ штаба. Сотенный былъ тамъ съ женою и дѣтьми...

Маленькая избушка штабной квартиры была измѣрена шагами не въ первый десятокъ разъ. Не разъ командиръ начиналъ что-то говорить, но махалъ рукой и мучительная мысль пробѣгала по его лицу... Помочь нельзя.—„Ну, а еслибы хотя узнать... Что тамъ... Залило... Есть ли провіантъ... Кого снесло? Можетъ тамъ виднѣе будетъ“... проговорилъ онъ, наконецъ, ни къ кому изъ офицеровъ не обращаясь.

Въ окна штабной избы видны были горы, скрывавшія коварный Суйфунъ. Тайга качалась, вѣтки деревъ тянулись къ западу, будто умоляли о помощи. Желтые скаты горъ побурѣли, почернѣли отъ ливня и болота покрылись водой.

— Что же, — сказалъ плотный и кряжистый подъесаулъ съ черной бородой по поясъ и съ широкимъ старо-русскимъ красивымъ лицомъ. — Я поѣду. Я холостой... ежели, оборони Богъ, что случится.

— Поѣзжайте, пожалуйста, Платонъ Павловичъ, — сказалъ командиръ.—Вы очень, однако, не рискуйте, а только взгляните, что тамъ... Уже, или скоро... можетъ еще и не дошло, а... Да возьмите съ собою людей хорошихъ.

Долги ли сборы забайкальца? Вышелъ на грязную площадь, кликнулъ вахмистра, да урядниковъ, позвалъ казаковъ.

— Вотъ что, братцы, полтавцы погибаютъ. Надо бы ихъ спровѣдать,—кто со мной охотникомъ на развѣдку?

Въ Забайкальи нѣтъ охотниковъ, потому что всѣ—охотники. Отобралъ Платонъ Павловичъ аргунцевъ, потому что уже больно хорошіе гребцы на Аргуни. Посѣдлали монголокъ и еще до полдня пошли.

И только перевалили хребетъ, какъ стали тонуть по болотамъ. Всякое болото разлилось отъ дождей въ бурную рѣчку, всюду пришлось выпускать монгольскихъ привычныхъ коней впередъ, а самимъ плыть сзади, держась за хвосты. Вотъ и Фадѣевка... А Полтавки не видно—всю площадь сравнялъ Суйфунъ и не видать устья Ушагоу. Ни одной лодки на обширномъ водномъ пространствѣ, только сѣдыя волны, да пѣна, да сломанный лѣсъ на разливѣ.

Платонъ Павловичъ собралъ фадѣевцевъ.—Помогите, братцы, полтавцевъ провѣдать.

Молчаніе.

— Что жъ, станичники, нѣшто не православные тамъ?—съ укоромъ проговорилъ подъесаулъ. — Дайте лодку, да лоцмана, чтобы направилъ, гребцы мои будутъ.

Станичники тоже все были народъ бывалый, одинъ на одинъ на тигра хаживали, не разъ по Суйфуну во Владивостокъ добѣгали, однако охотниковъ ѣхать въ тайфунъ не находилось. — Что же, ребятежъ—понукалъ ихъ Платонъ Павловичъ

— Поѣхать-то? Поѣхать это просто... А зря людей потопишь, и самъ погибнешь,—потому видно, что нельзя, проговорилъ станичный атаманъ.

Подъесаулъ и самъ видѣлъ, что нельзя, но онъ былъ на военной службѣ, на русской военной службѣ, гдѣ кромѣ слова „нельзя" есть еще слово — „должно".

— Эхъ, кумъ!—съ упрекомъ обратился онъ къ громадному казаку, у котораго годъ тому назадъ пришлось ему крестить.

Глаза загорѣлись у казака—не вытерпѣлъ онъ попрека.

— Ну, инъ быть по твоему! — воскликнулъ онъ, — ладно. Лодка моя хорошая,—засвѣтло доѣдемъ.

Вернулся къ своимъ Платонъ Павловичъ, сталъ вызывать охотниковъ на весла—всѣ хотятъ станичниковъ провѣдать, пришлось на узелки вытянуть кому ѣхать.

Поплыли... Маленькую рыбацкую лодку заливало, задувало, она черпала обоими бортами, однако выгребали... Вотъ поворотъ, вотъ и щеки Суйфуна, вотъ и устье Ушагоу, а Полтавки не видно... Ближе, ближе... Всѣ глаза проглядѣлъ Платонъ Павловичъ, насторожился и кумъ... Молчаніе царило въ лодкѣ, только волны плескали, да вылъ сердитый тайфунъ.

— Живы!—облегченно сказалъ кумъ,—во-онъ чернѣются.

Полтавку залило до крышъ. И вотъ на скользкихъ конькахъ крышъ мостились казаки, отогрѣваясь другъ о друга. Тамъ же между казаками сидѣлъ и командиръ съ женою и съ дѣтьми. Волны ходили кругомъ, мочили ноги, подбирались къ людямъ, но никого еще не смыли. Питались чѣмъ Богъ пошлетъ; ѣли горсти мокрой муки и горстями же черпали мутныя волны Суйфуна...

— Что, живы ли, братцы? — кликнулъ потрясенный зрѣлищемъ Платонъ Павловичъ.

— Ничего, отсиживаемся...— раздалось изъ волнъ.

— Всѣ цѣлы?

— По послѣдней перекличкѣ всѣ.

— Всѣ, всѣ... — раздалось съ крышъ, съ разныхъ концовъ разлива.

— Близко-то не ѣздите, ваше благородіе, не дай Богъ о заборъ опрокинется,—предупредительно кричали съ крыши.

— Командиру доложите, молъ, благополучны, ничего... Живы, молъ, здоровы... Аммуниція, однако, погибла, да погибли запасы провіанта и фуража. Лошадей мы выпустили еще въ началѣ, такъ уплыли, должно къ федосѣевцамъ.

— Есть,—отвѣчалъ Платонъ Павловичъ. Кумъ уже отваливалъ, челнокъ наполнялся водою.

— Да скажи,—донеслось до него,—что патроны погибли—быстро вышелъ Суйфунъ изъ береговъ, не успѣли патроны вынести. Однако часового разводящій въ самый разъ снялъ.

Тѣмъ же путемъ, съ тѣми же переправами, держась за хвостъ лошади вплавь, прибылъ Платонъ Павловичъ къ командиру и доложилъ о „благополучіи“ пятой сотни.

— Ну, спасибо, Платонъ Павловичъ. Ну и тайфунъ!! слава Богу теперь затихаетъ, не такъ реветъ сильно... Спаслись значитъ. Спасибо вамъ, голубчикъ, за развѣдку и молодцамъ аргунцамъ спасибо...

Тайфунъ стихъ, наводненіе спало, рѣки взошли въ свои берега, войсковая казна и казачьи карманы пополнили убытки, пятую сотню въ свое время смѣнила шестая, шестую смѣнитъ первая, можетъ быть и полки перемѣнятся, но Полтавка все стоитъ на своемъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ, если заревѣтъ съ силой 1890 или 1896 года тайфунъ, придется сидѣть снова казакамъ на крышахъ, а можетъ быть... можетъ быть придется и погибнуть.

Платонъ Павловичъ кончилъ разсказъ. Разсказывалъ онъ просто, безъ затѣй, безъ злобы...

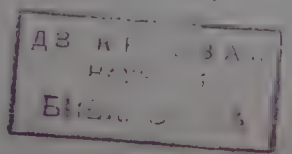
— Вотъ, когда и я страху натерпѣлся, хотя и на войнѣ не былъ,—весело смѣясь добавилъ онъ...—Однако кажется время и спать.

Въ салонѣ уже никого не было, пассажиры всѣ спали. Кругомъ степь, желтая, некошенная, необработанная, дикая степь, мѣстами поросшая невысокимъ желтымъ березнякомъ. Иногда поѣздъ гудитъ, спускаясь внизъ съ балки. Внизу темная водная поверхность—могучій Иртышъ. Онъ тихъ и спокоенъ, скованный желѣзнымъ мостомъ. Далеко внизу на волнахъ чуть качаются огни лодокъ и пристаней, изъ паровозной трубы къ водѣ летитъ фейерверкъ искръ; искры рѣютъ надъ водой, опускаются ниже и ниже и вдругъ гаснутъ, внезапно коснувшись Иртыша. Вдали сверкаютъ огни, видно электричество, колокольни, высокія зданія — мы приближаемся къ Омску, столицѣ сибирскаго казачества. На вок-

залѣ висятъ доски съ надписью: «Поѣзда изъ Сибири» «Поѣзда изъ Россіи». Какъ будто бы Сибирь не Россія Но Россія кругомъ. Она въ толпѣ русскихъ лицъ, она въ окрестныхъ поляхъ и березовыхъ рощахъ. Полчаса остановки и мы опять устремляемся въ степовую даль. Опять степи, березовые перелѣски — и такъ три дня и двѣ ночи, начиная отъ Урала. Тяжело живется здѣсь сибирскому казаку. Поселковъ не видно, разстоянія громадны, сѣдла и сукна для казаковъ долго путешествуютъ въ обозѣ, пока достигнутъ станицы. Подъ купами березовыхъ рощъ глазъ жаждетъ увидать домики и мазанки казацкихъ станицъ, но только пушистый заяцъ выбѣгаетъ изъ кустовъ, останавливается передъ поѣздомъ, подымается на заднія лапки, настораживаетъ уши, опушенныя бѣлымъ кантомъ и снова мчится въ лѣсъ. Пустыня. Не придумаешь иного наименованія для безконечнаго простора широкой степи. Лѣтомъ здѣсь скотъ волнуется отъ цѣлыхъ тучъ мошкары и комаровъ, знаменитаго сибирскаго гнуса, все прячется по домамъ, надѣваетъ сѣтки на лица и на руки, бросаетъ работу... Зимою... Зимою, когда вдругъ закуритъ и замететъ на всемъ двѣ тысячи-верстномъ пространствѣ Бараба, когда все заблеститъ и завертится отъ миріадъ снѣжинокъ и сольется въ общую сѣрую мглу, когда въ безграничномъ просторѣ гуляетъ вѣтеръ, пріобрѣтая страшный размахъ, небывалую удаль, когда реветъ и мечетъ вся степь, словно океанъ, какъ назвать тогда эту землю, въ которую робко дерзаетъ входить человѣкъ, то кочующій, какъ корабль въ океанѣ, то осѣвшій маленькими островами, на хуторахъ и станицахъ, по заимкамъ и поселкамъ, какое слово болѣе подойдетъ къ этому леденящему шумному размаху, не скованной, не воспитанной природы? Стихія?!!...

Двѣнадцать часовъ ѣзды за Омскъ такою же стихійною желтою степью и начинается тайга. Сначала тайга, это тѣ же рощицы мелкой сосны и осины, не толще оглобли, густо-густо растущія по полямъ. Осиновые и березовые острова становятся больше, тянутся нѣсколько верстъ и прерываются болотистыми пространствами. Въ лѣсу много валежника и сухостоя. Сухостой торчитъ во всѣ стороны, на землѣ гніютъ громадные стволы березъ, высокая трава, желтая и коричневая въ это глухое осеннее время, покрываетъ кочки болотъ, лѣсъ имѣетъ неопрятный видъ. Тайга сливается съ Барабой почти незамѣтно. Степь удаляется, отдавая мѣсто лѣсу, и лѣсъ и болото царятъ теперь кругомъ. Иногда между мелкой поросли березъ торчатъ громадные обгорѣлые стволы березъ, сосенъ и лиственницъ. По нимъ можно до-

2



гадаться, что когда то тайга была громаднымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Сибирскіе палы ее уничтожили. Огонь, разводимый крестьянами съ цѣлью выжечь для себя участки вмѣсто выкорчевыванія, захватываетъ иногда площади въ нѣсколько десятковъ верстъ и въ нѣсколько дней обрабатываетъ тайгу. Море пламени кипитъ тогда надъ вершинами деревъ, и дымъ несется на тысячи верстъ. Вмѣсто дѣвственнаго лѣса, на обзоленной землѣ торчатъ одни черные пни погибшихъ великановъ. Потомъ появляется зеленая трава и цѣлая армія мелкихъ березъ и осинъ покрываетъ громадную площадь.

Изрѣдка въ тайгѣ еще остались участки не опаленные пожаромъ. Тамъ сосны перемѣшались съ лиственницами, лѣсъ шумитъ таинственно и тихо:—и тайга тамъ красива.

Еще черезъ сутки мимо оконъ начинаютъ мелькать невысокіе холмы, тянущіеся почти не измѣняя своей вышины, на много верстъ. Это отроги горъ — сибирскіе увалы. Мѣстами они становятся довольно высокими, окрестность принимаетъ на мгновеніе видъ горной страны, густой лѣсъ покрываетъ увалы, образуетъ лощины съ красивыми скатами. Виды опять начинаютъ напоминать Финляндію. Стѣсненный увалами, но все-таки широкій и могучій течетъ между ними Енисей. Еще день, послѣдній, лѣса обрываются, видны богатыя села, каменноугольный заводъ, лѣса чуть синѣютъ на далекомъ горизонтѣ, не смѣя подойти ближе,— и къ вечеру мы на сліяніи рѣкъ Ангары и Иркута—въ Иркутскѣ.

Десяти-дневное заточеніе въ вагонѣ окончено, опять на волѣ, въ чужомъ городѣ.

Иркутскъ, сентябрь 1901 г.

Типы бурятовъ.

III.

Въ Иркутскѣ.

Первыя впечатлѣнія.—Ангара.—Видъ на Байкалъ.—Народонаселеніе Иркутска.—Общественная жизнь

Иркутскъ столица Сибири. Кромѣ того Иркутскъ порубежный городъ. Только за Иркутскомъ начинается настоящая Азія—до сихъ поръ была все Россія. Лишь названія нѣкоторыхъ станцій изрѣдка выдавали, что тутъ есть что-то не русское, но кругомъ кипѣла русская жизнь, съ добродушнымъ укладомъ ея, съ ея лѣсами и широкими полями, просторными тихими рѣками и невысокими поросшими лѣсомъ горами. Отъ Петербурга до Иркутска десять дней пути, 5,718 верстъ, ни разу пейзажъ не поразилъ, не восхитилъ, не вырвалъ *«ахъ!»* изъ устъ и не заставилъ сердце затрепетать особеннымъ трепетомъ при видѣ новаго, непонятнаго и красиваго. Въ Иркутскѣ первый разъ почудилось что-то пограничное, что-то чуждое всему видѣнному. Казалось на первый взглядъ все было также обыденно, какъ и во всѣхъ россійскихъ городахъ. Извощикъ мчалъ по грязной и широкой шоссированной улицѣ, по пути виднѣлись освѣщенныя луной приземистыя избушки съ плотно задвинутыми ставнями, съ тесовыми крышами и заборами, деревянные тротуары, бѣлыя церкви, окруженныя островерхими елочками, лиственницами и туйями, запахъ на улицахъ былъ запахъ выгребовъ и помойныхъ ямъ,

сдобренный воскреснымъ ароматомъ водки, которой несло и отъ возницы, и изъ многихъ таинственныхъ уголковъ и закоулковъ улицъ. Несмотря на поздній полуночный часъ, на улицахъ еще было движеніе, словомъ, все на первый взглядъ было такъ же, какъ и въ Рязани, и въ Калугѣ, и въ Пензѣ, и въ Казани... Даже извощикъ такой же оборванный, съ дребезжащими узкими дрожками безъ верха, былъ настоящій россійскій извощикъ.

А между тѣмъ иногда въ воздухѣ потянетъ едва замѣтный ароматъ чего-то прянаго, не то пахучаго дерева, не то куреній, не то дыма. Онъ едва уловимъ, но онъ вамъ что то напоминаетъ. Гдѣ слышали вы этотъ запахъ? Я слышалъ его очень сильнымъ, раздражающимъ въ далекой восточной Африкѣ, я слышалъ его въ Смирнѣ, въ Ялтѣ, я слышалъ его всюду, куда принесъ его азіатскій востокъ. И я назвалъ его запахомъ востока... Вотъ этотъ то запахъ востока, правда, весьма разбавленный, я почуялъ и ночью въ Иркутскѣ.

Когда утромъ 17-го сентября я вышелъ на улицы города, я видѣлъ передъ собою несомнѣнно русскій городъ, городъ красиво раскинувшійся на изгибѣ быстрой Ангары, опушенный таежными холмами съ сѣвера, запада и юга, но городъ обыденный, и только тогда, когда я поднялся на высокую песчаную гору надъ вокзаломъ и посмотрѣлъ на востокъ, вверхъ по теченію рѣки Ангары, я понялъ, что Иркутскъ—это граница Россіи. Царство лѣсовъ и полей, степи и горы—игрушки кончались, кончалось все широкое, но простое, кончалось все неволнующее умъ, страшное, суровое иногда, но несложное—отсюда начиналась уже Азія—таинственная колыбель народовъ, страшная своей непонятностью, полная самыхъ странныхъ философскихъ религій и вѣрованій — Азія!...

Широкая, какъ Нева у Николаевскаго моста, рѣка Ангара несется черезъ городъ. Ея волны прозрачны и холодны, съ особымъ зеленоватымъ бутылочнымъ оттѣнкомъ. Набережной нѣтъ, и маленькіе дома, склады бревенъ и досокъ, пароходы и барки лѣпятся прямо у песчанаго невысокаго берега. Холмы, покрытые таежнымъ лѣсомъ, отступили здѣсь отъ рѣки, чтобы дать мѣсто городу, и городъ красиво расположился въ лощинѣ. Около двѣнадцати церквей, среди которыхъ одинъ соборъ въ византійскомъ стилѣ, красивыя зданія музея, театра, губернаторскаго дома, пассажъ Второва—словомъ большая группа каменныхъ зданій заполняютъ площадь города, опоясанную рѣкой. Холмы становятся къ востоку выше, и рѣка пробила между ними себѣ узкій про-

ходъ. Въ эти ворота видны еще горы, которыя, какъ кулисы, выступаютъ справа и слѣва, уже синія, не русскія горы. Надъ ними что-то блеститъ и переливается серебристымъ блескомъ перламутра. Равнинный глазъ не вѣритъ присутствію „чего-то“ тамъ, и первая мысль — облака. Но очертанія слишкомъ рѣзки, линіи прямы и направлены то по отвѣсу, то наклонно къ землѣ и переливаютъ мягкими серебристыми тонами. Тутъ есть и розовыя, и зеленыя, и голубыя краски, но онѣ такъ сильно разбавлены серебристо-бѣлымъ, что не видны, но только чувствуются глазомъ. Снѣговыя горы!... Это уже не русское явленіе, это что то новое, таинственное, азіатское. День былъ лѣтній, жаркій; березы и рябина въ садахъ еще не сняли свой желтый осенній уборъ, солнце свѣтило по лѣтнему, по блѣдно-голубому небу неслись легкія прозрачныя облака, а тамъ бѣлѣлъ снѣгъ. Кулиса темносинихъ горъ рѣзче выдѣляла его дѣвственную чистоту и дѣлала таинственнѣе эти горы *). Изъ подъ нихъ и бѣжала Ангара—зеленоватая, тоже не русская. Пейзажъ отъ этого сплетенія красокъ и линій получился особенный, если хотите—декадентскій, но красивый. Горы, отъ которыхъ тянуло зимнимъ холодкомъ, преграждали путь дальше, отдѣляли серебряной завѣсой родную Россію отъ чего то чужого, азіатскаго.

— Что это тамъ?—спросилъ я оборваннаго татарина съ тачкой, проходившаго мимо.

— Байкалъ—отвѣтилъ онъ мнѣ.

«*Святое озеро*», тайну котораго еще не вполнѣ проникъ человѣческій умъ, озеро, полное самыхъ таинственныхъ легендъ.— Конецъ Россіи, Сибири, потому что, несмотря на убѣжденія сибиряковъ,—Сибирь та же Россія, только разсматриваемая въ увеличительное стекло... Конецъ.... — Азія начинается, и начинается такой эффектной завѣсой...

Я опустилъ глаза. Внизу, надъ огромной выемкой для товарной станціи работало много народа. И точно нарочно Россія устроила здѣсь, на рубежѣ, этнографическую выставку своего населенія.

Громадный великороссъ со свѣтлой бородой мощными ударами заступа разбивалъ горную основу, подлѣ него съ кирками въ рукахъ возились два малоросса, а три черкеса возили ее въ тачкахъ. Эстонецъ съ трубкой въ зубахъ флегматично смотрѣлъ

---

*) Хотя хребетъ Хамаръ Дабанъ, о которомъ идетъ рѣчь и не принадлежитъ къ числу хребтовъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, однако онъ бываетъ чистъ не больше одного, двухъ мѣсяцевъ въ году.

на ихъ работу, а цѣлое татарское семейство, раскинувъ шатеръ, варило тутъ-же себѣ пищу. Старикъ башкиръ, съ двумя хорошенькими внуками, на крошечныхъ башкирскихъ лошаденкахъ въ двуколкахъ перевозили песокъ на берегъ рѣки. Инженеръ-полякъ съ гордымъ видомъ наблюдалъ за работами, расхаживая въ черной тужуркѣ съ зелеными кантами. Два бѣлорусса торчали однѣми льняными головами изъ глубокой земляной траншеи. Русь несчастная, заблудшая въ своихъ поискахъ новыхъ мѣстъ, и Русь преступная, искупившая свои преступленія наказаніемъ, собралась на рубежѣ Азіи. Надъ ними шумѣли русскія сосны, русскій песчаный обрывъ былъ у нихъ подъ бокомъ а въ ворота Ангары смотрѣлъ полный тайнъ Байкалъ.

И, когда я снова взглянулъ на Иркутскъ, мнѣ стало ясно, почему тутъ была когда-то таможня, почему народонаселеніе здѣсь такъ же пестро, какъ въ приморскихъ городахъ нашего юга.

Иркутскъ въ Петербургѣ рисуется чѣмъ то безконечно-далекимъ, полудикимъ, пожалуй даже опаснымъ.

— Люди тамъ отставные мошенники. О прошломъ никого лучше не спрашивать. У дверей гостинницы стоитъ убійца, а содержатели магазиновъ каторжники. Поѣдете куда нибудь, берегите карманы. Тутъ украдутъ и не замѣтите...—такъ говорятъ объ Иркутскѣ, такъ пишутъ путешественники, побывавшіе въ Иркутскѣ.

Первое впечатлѣніе на вокзалѣ было немного дикое. Пьяный господинъ въ офицерскомъ пальто безъ погонъ и въ фуражкѣ съ алымъ околышемъ привязался къ жандарму и его оттягивалъ старый рваный мужиченко, обнимавшій его за шею и говорившій заплетающимся пьянымъ языкомъ: „Оставь, ваше благородіе, потому я простилъ ему, оставь, пойдемъ". Офицерское пальто моталось на пьяныхъ ногахъ и выискивало къ кому еще придраться. Принадлежность пальто выпившему субъекту подлежала сомнѣнію.

— Смотрите, укралъ пальто и куражится,—проговорила въ страхѣ, приближаясь ко мнѣ, моя спутница...

Итакъ первое слово, услышанное мною въ Иркутскѣ, было—*«укралъ»*.

Какіе то выпившіе и весьма развязнаго вида человѣки, въ мохнатыхъ сибирскихъ папахахъ, кинулись на мои вещи и мигомъ унесли на дворъ. Я едва поспѣвалъ за ними, по щиколку утопая въ грязи.

— Куда?—обдавая водочнымъ паромъ, спросила отрепанная фигура, сидѣвшая на козлахъ.

— Гостинница Деко,—отвѣтилъ я и мы понеслись.

Въ гостинницѣ меня тоже встрѣтили грязно одѣтые, небритые мрачные люди, очевидно прямо изъ каторги и принялись водворять меня въ освѣщенномъ электричествомъ номерѣ. Сименсовскія горѣлки такъ не гармонировали съ разсохшимися рамами оконъ, изъ которыхъ дышала тайга, съ рваными драпировками и жалкой мебелью. Цѣны были разбойничьи.

А между тѣмъ—Иркутскъ дѣйствительно центръ. Въ немъ есть промышленное училище и горное училище, есть гимназія, юнкерское училище, женская гимназія, въ театрѣ 18-го сентября шла патріотическая пьеса „*Измаилъ*", двѣ городскія библіотеки прекрасно обставлены, воинскія части въ лицѣ Иркутской конно-казачьей сотни и Иркутскаго резервнаго баталіона несутъ службу военную, караульную, конвойную, полицейскую и прочую, и прочую и, соревнуя другъ съ другомъ, выбиваютъ на смотрахъ стрѣльбы выше отличнаго. Я узналъ, поживъ въ Иркутскѣ, что Иркутскій баталіонъ считаетъ Красноярскую сотню лише Иркутской, а красноярцы, вѣроятно, благоволятъ къ иркутцамъ, потому что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, что въ часы досуга можно великолѣпно прокутить не только полуторное жалованье, но и надѣлать долговъ въ ресторанѣ Деко, гдѣ на эстрадѣ танцуютъ и поютъ накрашенныя дѣвицы, весьма рѣзваго поведенія, воспѣвая „прекрасную страну Испанію", что тамъ же въ низкѣ ресторана есть маленькіе кабинеты со слѣпыми и нѣмыми стѣнами, словомъ, что въ извѣстномъ отношеніи Иркутскъ весьма мало отсталъ отъ большихъ городовъ. Узналъ я, что хотя въ Иркутскѣ большинство барышень немного обурячены, но прехорошенькія, что морозъ ихъ краситъ, и офицеры, юнкера и гимназисты въ нихъ влюбляются, но самое дорогое, что я узналъ, это было то, что отъ Калиша до Иркутска и отъ Торнео до Карса живетъ единая дружная военная семья, съ веселымъ сердечнымъ составомъ офицеровъ, что чистота помѣщеній, опрятность въ одеждѣ, требуемыя уставомъ внутренней службы,—первые признаки русской культуры,—несутся медленно въ самые медвѣжьи углы невидными работниками русской арміи...

Первымъ, кто показалъ мнѣ это въ Сибири, былъ командиръ Иркутской конно-казачьей сотни, войсковой старшина К., который, отдавая мнѣ визитъ, весело сверкая маленькими живыми глазками подвижного лица, сказалъ мнѣ:

— Милости просимъ къ намъ-съ. Видалъ вашъ полкъ на

Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ, восхищался, показывали мнѣ ваши казармы, позвольте пригласить посмотрѣть нашихъ иркутцевъ. Скачки у насъ на-дняхъ будутъ на призы, а завтра на полѣ у Шадринской заимки буду учить сотню: любопытствуете— пріѣзжайте.

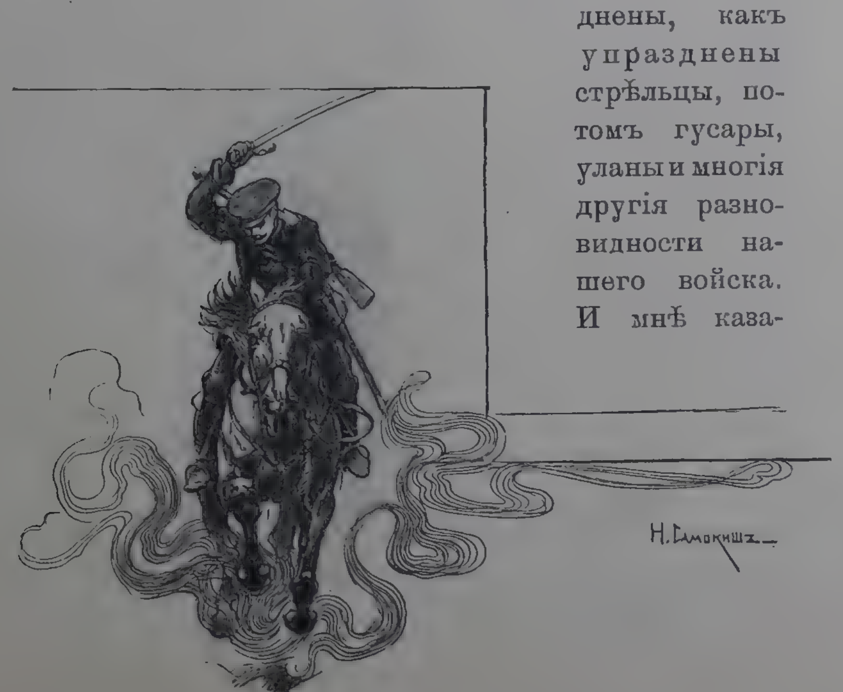
Иркутскъ, 18 сентября 1901 г.

IV.

Иркутскіе казаки.

Есть ли теперь казаки? — Иркутское казачество. — Какъ комплектуется сотня.—Сотенное ученіе.—Лава.—Джигитовка.—Размышленія по поводу видѣннаго.

Не помню кто, но кажется г. Миткевичъ въ своихъ статьяхъ *«о казачьей лавѣ»* доказывалъ, что тѣ чудеса, которыя дѣлали казаки въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, въ настоящее время немыслимы. Маленькія казачьи лошадки неспособны на шокъ и сами изведутся гораздо скорѣе, нежели изведутъ противника, сидящаго на кровныхъ пятивершковыхъ лошадяхъ. Признаюсь, тогда же мнѣ было больно сознавать, что казачество отживаетъ свой вѣкъ и что недалеко то время, когда казаки будутъ упразднены, какъ упразднены стрѣльцы, потомъ гусары, уланы и многія другія разновидности нашего войска. И мнѣ каза-



лось—нѣтъ ли тутъ ошибки, нѣтъ ли увлеченія красотой большихъ лошадей, нѣтъ ли пристрастія къ сраженію, разыгрываемому на ровной мѣстности, слагающемуся изъ ряда столкновеній линіи на линію. Казакъ созданъ для одиночнаго боя, жизнь его на конѣ и въ степи пріучили его къ сѣдлу и въ сѣдлѣ казакъ прочнѣе и увертливѣе, нежели регулярный и тѣмъ болѣе иноземный кавалеристъ. И мнѣ опять слышались возраженія—казаки отжили свое время и теперь уже нѣтъ тѣхъ людей, которые сроднились бы съ лошадью.

Такія мысли неотступно лѣзли мнѣ въ голову, когда въ холодный сентябрскій день, на грязномъ иркутскомъ извозчикѣ, я ѣхалъ по размытой черноземной дорогѣ, направляясь къ заимкѣ Шадрина.

Иркутская конно-казачья сотня состоитъ изъ иркутскихъ казаковъ—потомковъ бывшаго здѣсь когда-то городового полка. Въ виду малочисленности ихъ они не живутъ по станицамъ, но во время своего свободнаго пребыванія приписаны къ сельскимъ обществамъ Иркутской губерніи, подчинены старостамъ, старшинамъ и прочимъ деревенскимъ властямъ и совершенно смѣшались съ русскимъ населеніемъ. Долговременное пребываніе ихъ среди бурятовъ и пріисковаго бродяжническаго люда, тяжелая жизнь среди таежной глуши, отозвались на ихъ типѣ и половина казаковъ носитъ несомнѣнно въ себѣ не малую примѣсь монгольской крови.

Войско, состоящее въ мирное время изъ одной сотни, въ военное время изъ полка шестисотеннаго состава, затерявшееся, и находящееся наканунѣ реорганизаціи, принадлежитъ къ числу любопытныхъ явленій нашей мало изслѣдованной, живущей больше на основаніи традицій казацкой жизни. Иркутскіе казаки служатъ черезъ два года въ третій по году. Приходитъ казакъ на службу въ мартѣ мѣсяцѣ и къ марту слѣдующаго года онъ уже увольняется домой на два года, а черезъ два года — онъ снова долженъ явиться на службу опять на годъ. Но подобно тому, какъ это сдѣлано въ уральскомъ казачьемъ войскѣ, иркутскіе казаки могутъ выставлять вмѣсто себя наемниковъ изъ казаковъ же, и, кажется, это ими широко практикуется. При подобныхъ условіяхъ службы весьма трудно подготовить въ сотнѣ же хорошій кадръ урядниковъ и приходится довольствоваться непродолжительнымъ ихъ обученіемъ. Большимъ подспорьемъ является для сотни то, что многіе казаки, окончивъ годъ службы, сейчасъ же нанимаются на службу вновь и такимъ

образомъ остаются на второй, третій, а иногда и дольшій сроки службы. Однако, составъ иркутской сотни, видѣнный мною, былъ моложавъ, безъ усовъ и бородъ, худощавъ, стриженъ по-солдатски, подъ гребенку. Иркутская сотня, составляя съ резервнымъ баталіономъ, юнкерскимъ училищемъ и дисциплинарной ротой гарнизонъ города Иркутска, несетъ въ немъ—службу кавалеріи на совмѣстныхъ ученіяхъ, полицейско-разъѣздную, отправляетъ команды на пріиски для предотвращенія тамъ безпорядковъ, сопровождаетъ партіи арестантовъ и несетъ службу въ гарнизонѣ. Очевидно на ученья времени остается немного. Въ подобныхъ же исключительныхъ условіяхъ комплектованія и службы находится еще красноярская казачья сотня...

Все это мнѣ было извѣстно, когда я проѣзжалъ по предмѣстью города и шагомъ на усталой лошади направлялся въ гору по плохой черноземной дорогѣ, мимо густыхъ зарослей мелкаго березняка. Вдали на горахъ виднѣлись высокія деревья тайги, справа; съ Байкала, леденящій вѣтеръ несъ обрывки черныхъ тучъ. Вотъ показались бараки лагеря резервнаго баталіона и училища, садъ сзади нихъ, вотъ довольно высокій соломенный барьеръ, павильонъ, украшенный флагами и зеленью для скачекъ, за нимъ чистое поле...

— Да гдѣ-жъ они?—проворчалъ извозчикъ, буланая лошаденка котораго совсѣмъ выбилась изъ силъ.

Я оглянулъ поле. Привычный глазъ тотчасъ замѣтилъ тонкую черточку развернутаго строя сотни. Я бросилъ извозчика и пѣшкомъ подошелъ ближе. Только что было дано *„вольно оправиться“*. Маленькія разномастныя, но подобранныя по взводамъ лошадки, съ косматыми громадными гривами, стояли, опустивъ головы и фыркали. Маленькіе глазки ихъ сердито косились по сторонамъ. Казаки въ фуражкахъ съ желтыми околышами и съ козырьками, надѣтыхъ на затылокъ и въ теплушкахъ безъ погонъ выглядѣли вольными наѣздниками. Фронтъ былъ низокъ вслѣдствіе мелкорослости лошадей и четвертый взводъ на бѣлыхъ лошадяхъ съ затесавшейся между ними буланой рѣзалъ глазъ яркимъ пятномъ... Но эта разношерстность конскаго состава, мелкорослость его, некрасивая обмундировка выкупалась бравымъ видомъ людей, чистымъ равненіемъ, всѣмъ напряженнымъ подтянутымъ видомъ сотни. Словомъ впечатлѣніе было выгодное для сотни, грозное, мелкорослость не была такъ замѣтна.

Сотенный командиръ производилъ ученіе, видимо довольный тѣмъ, что есть собратъ по оружію, которому можно показать

труды многихъ лѣтъ, съ которымъ можно поговорить о темпѣ, о направленіи, о равненіи, о лавѣ, словомъ о всемъ томъ, о чемъ любятъ поговорить преданные своему дѣлу военные люди...

Онъ увидѣлъ меня, подъѣхалъ, познакомилъ съ офицерами и, предложивъ стать на горкѣ, попросилъ для его практики изобразить начальство.

Пять тысячъ верстъ раздѣляли шадринскую заимку отъ красносельскаго военнаго поля. Павильонъ, увитый зеленью, былъ вмѣсто Царскаго валика, а вмѣсто новопурскаго лѣса таинственно чернѣла угрюмая тайга. Было скользко на полѣ, едва покрытомъ затоптанной осенней травой, тучки съ дождемъ налетали, кропили насъ и уходили... Я былъ въ сибирской глуши, возлѣ таинственнаго Байкала, а предо мною все дѣлалось такъ же, какъ не разъ видѣлъ я, да и самъ дѣлывалъ на военномъ полѣ. Та же программа, рекомендованная „Наставленіемъ для веденія занятій въ кавалеріи", тотъ же темпъ рыси, тотъ же махъ намета... Можетъ быть не такъ изящны были сигналы, подаваемые трубачемъ, старая сибирская труба басила; не такъ точно, въ одну секунду, подымались сибирскіе маштаки въ наметъ, но впечатлѣніе строя было столь стройное, что забывалось, что это Сибирь, что это часть, которая рѣдко бываетъ въ сборѣ, что тутъ нѣтъ сосѣдей, у которыхъ можно позаимствовать сноровки, поучиться пріемамъ.

Но все это было знакомое... И вотъ развернулась въ нѣмую, разсыпалась на звенья лава... Нѣтъ, иркутскіе таежные казаки лише видѣнныхъ мною донцовъ и уральцевъ. Ихъ крошечныя, но сильныя и мощныя лошадки словно маленькіе свинцовые шарики катились по полю. Карьеръ короткій, частый, но быстрый, необыкновенно увертливый и грозный. Много слышалъ я о монгольскихъ лошадяхъ чудесъ, но, поклонникъ чистокровной, я считалъ эти чудеса обычными розсказнями путешественниковъ. Теперь я самъ видѣлъ. Да—онѣ дѣлаютъ версту въ цѣлыхъ двѣ минуты, но за то на этой верстѣ онѣ увертливы и поворотливы какъ заяцъ въ сравненіи съ болѣе быстрой, но менѣе ловкой борзой. Эта атака не опрокинетъ, не сшибетъ несущуюся стройную конницу, но она озадачитъ ее своими быстрыми и непонятными дѣйствіями. Почти часъ носилась сотня по полю, не сходя съ карьера, то разсыпаясь въ лаву, то моментально по знаку сбиваясь въ тѣсныя кучки маленькихъ звеньевъ. И лошади не были въ поту. И вотъ лава рысью ушла отъ меня далеко, версты на полторы. Длинная цѣпь маленькихъ лошадокъ скрылась за

холмомъ. И вотъ скачутъ на меня. Скачутъ быстро, скачутъ маленькіе, словно катятся по полю, черные шарики... Стонетъ земля. Какой-то знакъ—секунда—и вся сотня упала... Лошади всѣхъ семидесяти двухъ казаковъ и восьми урядниковъ съ полнаго хода упали. Упали настолько одновременно, что даже не разравнялись. Я зналъ этотъ фокусъ джигитовки, я не разъ видѣлъ, какъ долго крутилась лошадь, не желая падать на мѣстѣ и казакъ уговаривалъ ее, я считалъ этотъ номеръ возможнымъ лишь для показа, какъ обыкновенный кондитерскій кунштюкъ смотровой джигитовки, но такъ, какъ онъ былъ сдѣланъ въ иркутской сотнѣ—это уже былъ серьезный боевой пріемъ. Лошади легли такъ быстро, какъ ложится пѣхота, когда раздается въ концѣ перебѣжки грозный окрикъ—„стой, ложись“. Секунда и уже затарахтѣли выстрѣлы лежащихъ казаковъ. Замялись, къ великому негодованію командира, двѣ лошади, въ третьемъ взводѣ... Двѣ, изъ восьмидесяти! Правильный огонь изъ-за положенныхъ лошадей разгорался по всей стрѣлковой линіи. Лошади лежали, какъ убитыя. Ни одна не вздохнула, ни одна не дрогнула, не подняла головы... Стрѣльба длилась долго. И вотъ сотенный подалъ сигналъ. Все встрепенулось. Лошади вскочили,—казаки уже на нихъ; „за мной—на крестъ!“... Раздался страшный особенный гикъ, какой-то дикій ревъ слышался въ немъ. Тайга говорила, тайга ревѣла и гичала, и настоящая угрюмая лѣсная тайга отвѣчала своимъ сынамъ дальнимъ эхомъ. Увѣряю васъ—шокъ былъ страшный, стремительный, тяжелый...

И я вспоминалъ обычные, чуть свысока, отзывы о казакахъ далекой Азіи.

— Китайцевъ то важно били, однако;—скажетъ кто-нибудь въ защиту.

— Ну, что китайцы! Китайцы—это вздоръ...

Вообразимъ себѣ иностранную пѣхоту, въ мундирахъ цвѣта хаки. Иркутская лава летитъ на нее со страшной скоростью. Пѣхота лежитъ. Лава близко... Пора... „*Встать, въ кучки, примыкай штыки*“. Сумятица. Страшнаго огня пѣхотнаго нѣтъ, но нѣтъ лавы... Длинная черная цѣпь чуть дымится и выстрѣлы звѣролововъ-охотниковъ безъ промаха бьютъ кучки... „*Штыки долой! — стрѣлять!*“... — Нѣтъ стрѣлковъ, сверкнули шашки и грозная съ гикомъ несется лава...

„Фантазія!“, слышу я... Я знаю, что для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что это не фантазія, нужно видѣть иркутскую лаву, нужно видѣть поразительную быстроту кладки этихъ ма-

леньких лохматых лошадок, съ сердитыми, злыми глазами...

Я видѣлъ потомъ оборону въ кругу, видѣлъ джигитовку, видѣлъ сборъ сотни на карьерѣ—все это было европейское, наше, какъ и у насъ въ Красномъ Селѣ. Одно было лучше — всѣ и всегда цѣлились и говорятъ, на карьерѣ рѣдкій промахнется при стрѣльбѣ боевымъ патрономъ по однофигурной мишени...

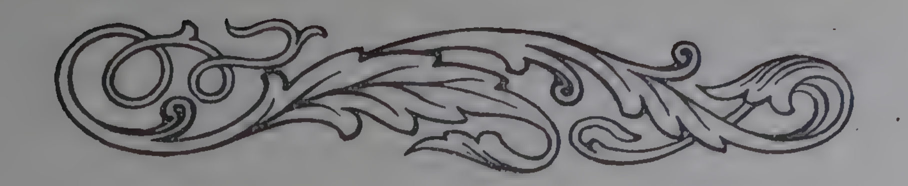
Погода совсѣмъ испортилась. Я ѣхалъ верхомъ на маленькой томской лошаденкѣ, дѣлясь впечатлѣніями съ командиромъ и офицерами. Сзади теноръ выводитъ высокимъ голосомъ.

„Ревѣла буря, громъ гремѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала,
И безпрерывно дождь шумѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.
Въ таежныхъ дебряхъ камыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На низкомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой...

Мы шли проселкомъ черезъ деревню къ помѣщенію сотни. Красивая каменная часовня съ образами хорошаго письма стояла между бревенчатыхъ бараковъ. На дворѣ встрѣтилъ дежурный, внутри желѣзныя койки, крытыя сѣрыми одѣялами, кухня, сверкающая мѣдью, дымящаяся ароматными щами, какія не снились ни Деко, ни Метрополю—иркутскимъ ресторатoрамъ, пробная порція на столѣ, конюшни съ табличками именъ казаковъ на столбахъ, чисто мытые полы, таблицы, портреты... Россія цивилизующая, Россія несущая чувство долга и дисциплины глядѣла со стѣнъ, глядѣла изъ умныхъ глазъ худощаваго вахмистра и краснощекаго дежурнаго. И пріятно было сознаніе, что ни сибирскіе холода, ни маленькія до смѣшного лошадки, ни удаленность отъ центра не ослабили власти этого центра въ маленькой военной семьѣ. И когда все въ Иркутскѣ туго воспринимаетъ рвущуюся въ него по желѣзной дорогѣ цивилизацію, военный міръ уже забралъ переда и мощно рвется впередъ...

Завтра дальше, вглубь Азіи, наблюдать тамъ трепетъ общественной и мощное дыханіе военной жизни.

Иркутскъ, сентябрь 1901 г.



V.

Охранники.

Охранная стража.—Встрѣча съ ранеными казаками на Иркутскомъ вокзалѣ.—Три типа охранныхъ казаковъ.

И опять Манчжурія, дальній востокъ, на который я стремился встрѣтила меня авангардомъ и разсказы про службу тамъ я услышалъ еще въ Иркутскѣ; съ типами манчжурскихъ піонеровъ я познакомился на рубежѣ старой и новой Сибири. Я увидалъ охранниковъ.

Когда въ 1896 году было рѣшено провести желѣзную дорогу къ Великому Океану не черезъ русскія земли, а по сопредѣльной съ нами китайской области Манчжуріи, для охраны ея отъ китайцевъ была собрана вольнонаемная охранная стража. Въ тяжелую годину мятежа большого кулака, отозвавшагося возмущеніемъ и нападеніями боксерскихъ шаекъ на нашу желѣзную дорогу, на долю охранной стражи выпало не мало тяжелыхъ дней. Много чиновъ ея погибло на кровавой нивѣ, выполняя свой долгъ по совѣсти и по присягѣ, многіе пошли домой израненными, больными, неспособными къ труду.

Охранную стражу образовали казаки, по доброй волѣ, за хорошее жалованье, согласившіеся идти на полную лишеній, опасностей и тревогъ жизнь. Больше всего сотенъ было сформировано изъ донцовъ, потомъ были еще сотни терцевъ, кубанцевъ, уральцевъ и оренбуржцевъ. Офицеры были взяты на службу изъ войскъ, считались въ запасѣ и на частной службѣ у правленія желѣзной дороги. Эта частная военная служба породила много недоразумѣній, а потому въ 1901 году охранная стража была замѣнена пограничной, не вольнонаемной, а набираемой по общему положенію и считающейся на службѣ по министерству финансовъ.

Я засталъ охранную стражу, какъ разъ въ моментъ расформированія и первыхъ людей ея увидалъ въ Иркутскѣ.

По обычаю многихъ путешественниковъ я пріѣхалъ на станцію за два часа до отхода поѣзда. По случаю ремонта помѣщеній I и II класса, вся огромная, разнокожная и разнотипная толпа народа была въ небольшомъ залѣ третьяго класса. Тутъ и буряты, и хохлушка, и томскіе и иркутскіе мужики съ лицами бандитовъ, и купцы, и чиновники, и солдаты. Дѣлать въ этой толпѣ мнѣ было нечего, носильщикъ доставалъ билеты и я вышелъ на платформу. День былъ ясный, хотя и вѣтряный; вся панорама Иркутска съ бѣлыми колокольнями церквей, окруженныхъ высокими зелеными елками, съ группами домовъ, бѣгущихъ вверхъ къ самой, желтой золотомъ березъ тайгѣ, разворачивалась передо мною. Прямо у ногъ, сейчасъ за запасными путями, быстро стремилась Ангара, будто торопилась куда-то, изрѣдка всплескивая набѣгавшими другъ на друга волнами. Влѣво за мостомъ видны были храмы Иннокентіевскаго монастыря, отражавшіеся въ водной шири... Тишина была кругомъ, особенная сибирская тишина. Тамъ, на вокзалѣ, стоялъ людской гомонъ, дребезжали дрожки, а тутъ былъ тихій городъ, тихая рѣка, безмолвная тайга. Словно все это было нарисовано, и водная гладь рѣки стремилась лишь потому, что кто-то внизу вращалъ громадные цилиндры. Отдавшись этой тишинѣ, любуясь особеннымъ меланхоличнымъ видомъ столицы Сибири, я неподвижно стоялъ за выступомъ стѣны. Ничего я не слышалъ, кромѣ этой тишины, которую очень явственно ощущалъ своимъ сердцемъ. Вдругъ привычный уху жаргонъ казацкой рѣчи выдѣлился изъ общаго гула голосовъ на станціи. Я прислушался, невольно заинтересовался, вышелъ изъ-за угла и осмотрѣлся.

— А ты не ври! потому надо всегда правду говорить!—говорилъ огромнаго роста представительный человѣкъ съ черными усами. одѣтый въ полушубокъ, шитый сюртукомъ, съ мѣдными, гладкими пуговицами, съ желтыми кантами и въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ. Лицо у него было серьезное, почти строгое, глаза блестѣли строго и сурово.

Такъ сурово остановленный имъ казакъ былъ невысокаго роста, бѣлобрысъ, безъ бороды и безъ усовъ. Онъ былъ блѣденъ, съ безкровнымъ лицомъ, впалыми, лихорадочно горящими глазами, съ огромной черной, сибирскаго барана лохматой папахой съ желтымъ верхомъ на головѣ. На немъ былъ коротенькій полушубокъ съ георгіевскимъ крестомъ на груди, а на ногахъ синія

рейтузы съ желтымъ кантомъ. Съ ними вмѣстѣ съ какимъ-то блаженнымъ выраженіемъ на лицѣ, глядя на Иркутскъ, стоялъ третій широколицый бородатый казакъ и слегка усмѣхался.

— Я и не вру, Николай Парамоновичъ,—сказалъ: въ лейбъ-казакахъ, проговорилъ кавалеръ.

— Лейбъ-казаки носятъ красныя шапки и мундиръ короткій, мнѣ ли не знать!—добродушно усмѣхаясь, проговорилъ бородачъ какъ-то въ сторону, словно онъ и не кавалеру говорилъ.

— Во!-во!—въ самый разъ. Это вѣрно. А вы сами говорите, что въ черкески были одѣты—это конвой... густымъ басомъ поддержалъ бородача черноусый гигантъ.

— Такъ, такъ, вѣрно, вѣрно,—какъ-то сконфуженно проговорилъ кавалеръ и улыбнулся, обнаруживъ попорченные зубы.

Я подошелъ ближе. Вблизи чувствовался запахъ іодоформа—вся группа, да и тѣ блѣдныя испитыя лица, въ желтыхъ шапкахъ, что тѣснились кругомъ, были больные и раненые казаки охранной стражи, возвращавшіеся изъ госпиталей домой на Донъ.

При моемъ приближеніи охранники вытянулись, бородачъ сталъ радостно улыбаться... Я узналъ его. Это былъ нашъ казакъ 3-й сотни—Голицынъ *).

— Голицынъ, ты что же это, братъ, безъ креста?—сказалъ я ему, когда онъ весело улыбаясь и видимо признавъ меня, приложился.

— Не привелъ Богъ, ваше высокоблагородіе, скромно потупляя глаза проговорилъ Голицынъ,—дѣловъ было достаточно, кубыть и народу перепортилъ порядочно, и самъ захворалъ, а креста не дали. Медаль, сказываютъ, намъ выйдетъ.

— А вы донскіе тоже?—спросилъ я группу казаковъ.

— Донскіе, всѣ донскіе, ваше высокоблагородіе—отвѣчалъ могучій высокій казакъ,—я—Долговъ, вахмистромъ былъ у Петра Николаевича Денисова, изволите знать, вѣроятно, въ лейбъ-казачьемъ полку служили. Я самъ Каменской станицы, а это тоже Каменской станицы—Поповъ указалъ онъ на георгіевскаго кавалера.

— Вотъ этотъ я вижу молодецъ, вишь ты какимъ завиднымъ крестомъ украсился,—сказалъ я.

— Имъ повезло, ваше высокоблагородіе, такъ что они въ Пекинѣ были, Пекинъ городъ съ генераломъ Линевичемъ брали.

*) Фамиліи казаковъ вымышленныя, разговоръ—записанъ точно и передается лишь съ нѣкоторыми пропусками излишнихъ подробностей.

— Генералъ Линевичъ мнѣ крестъ и навѣсили. Я въ тѣ поры и раненъ былъ,—вотъ въ руку меня ранили и въ ногу двѣ пули. Извините, потому и согнувшись стою. Силы въ ней настоящей нѣтъ, вотъ и калоши одѣлъ, все ей холодно, — и онъ улыбнулся, какъ бы прося прощенія за свою больную ногу.—За раны меня и ко второму егорію представили, да не знаю—выйдетъ ли?

— Если представили, почему не выйти?—замѣтилъ я.

— Оно точно,—своимъ рѣшительнымъ басомъ проговорилъ Долговъ, да только какъ бы не было отказа.

— Служба наша-то вышла *особенная*, ваше высокоблагородіе,—съ легкой ироніей на словѣ „особенная" сказалъ Голицынъ.

— Мы, ваше высокоблагородіе, какъ шли сюда, такъ полагали, что мы Государю Императору служить идемъ, Ему, Отцу-Батюшкѣ, защиту дѣлаемъ, рѣшительно высказалъ Долговъ мысль, которая, очевидно, давно его тяготила...—По первамъ-то оно, ваше высокоблагородіе и дѣйствительно такъ выходило. Стали намъ кресты выдавать, офицерамъ, которые раны получили, или отличія, къ примѣру,—тоже безъ обиды все дали, ну, а потомъ заминка вышла,—нѣтъ нашей охранной стражѣ крестовъ, да и споди тутъ. А мы... старались ваше высокоблагородіе... Били на овѣсть...

Старый казакъ помолчалъ немного и съ тихимъ вздохомъ добавилъ.

— Сказываютъ, ваше высокоблагородіе, что какъ стали намъ кресты выходить, а вѣдь на крестъ то, сами знаете, всю жизнь прибавка идетъ, инженеры и задумались кому эту прибавку платить? — Инженерамъ—говорятъ, потому, что сказываютъ ихъ это дорога, а инженерамъ платить неохота, да и деньгами они поизсякли, вотъ и не хочетъ никто изъ нихъ къ Государю съ докладомъ о нашихъ крестахъ идти... А мы полагали, что мы на государевой службѣ.

— Не все одна служба-то, что ли, ежели война, просто сказалъ Голицынъ,—все одно для Россіи старались.

— Уже и били же мы ихъ, ваше высокоблагородіе, — внезапно воодушевляясь, воскликнулъ Поповъ,—страсть. Еще вотъ японцы, дѣйствительно молодцы; бравые солдаты и хорошіе вояки. Къ Пекину мы, да они подошли, бой ведемъ. Да не съ боксерами, а съ настоящимъ ихъ войскомъ. И какъ забрали штурмой ворота, пошла рубка... Ей, Богу, ваше высокоблагородіе, рука устала, такъ рубили. Тяжело было и пѣ-

хотѣ—двое сутокъ почти не ѣвши шли... А пока мы съ японцами очищали городъ отъ Китая, англичане съ другого конца пожаловали — дескать они освободили! А нѣмцы такъ и прямо на другой день пожаловали... И что тутъ было... Жаль было Пекина, право жаль... Сколько убитыхъ—страсть. И изъ-за чего... Ну да всего тутъ было въ ихъ войскахъ.

— Да, ваше высокоблагородіе,—задумчиво проговорилъ Голицынъ,—вотъ вѣрите, въ полку жалованья въ десять разъ меньше получали и работы было вдосталь, а служить было легче, потому что порядокъ былъ, а тутъ въ охранникахъ и не разберешь, что было!

— Смѣшно сказать, ваше высокоблагородіе,—перебилъ Голицына Долговъ—былъ у насъ офицеръ Л. Онъ нашей сотней командовалъ, а самъ не то со „спѣхоты" былъ, не то такъ чудной какой-сь-то. Разъ въ конномъ строю командовалъ намъ „шагъ въ бокъ", а когда подъ ханшинъ-заводомъ у насъ дѣло было, такъ онъ цѣпь нашу разсыпалъ, да и кричитъ мнѣ—командуй Долговъ полусотней, потому я по вашему, по казацкому, не умѣю—ну я и скомандовалъ своимъ—„жарь по всѣмъ"...

Но тутъ уже Голицынъ не могъ выдержать—больно хотѣлось ему похвастать своимъ подвигомъ.

— Я какъ вдарилъ по имъ,—захлебываясь проговорилъ онъ, перебивая вахмистра,—вижу ихъ командиръ въ синей курткѣ и упалъ, а я второй разъ заряжаю—ну, думаю—держись! Тутъ наши знаменщика повалили, славно били, вѣрите, почти каждый безъ промаха... Они и остановились. Ружье на руку положатъ и не прикладываясь, палятъ и палятъ. А мы на нихъ на „ура". Ничего въ насъ страха не было, положимъ, китаецъ... Его что же бояться, онъ насъ во какъ боялся!"

— А какъ же вы жили до войны?—спросилъ я.

— Да, плохо, ваше высокоблагородіе; все время въ разъѣздахъ, да то туда, то сюда пошлютъ. Домовъ у насъ не было, конюшень тоже, ровно будто на бивакѣ все время. Оттого и баловались. Заниматься съ нами не занимались. Ни ученьевъ, ничего ровно этого не было. Такъ жили себѣ, да и только—проговорилъ Голицынъ, привыкшій къ кипучей дѣятельности въ полку, въ которомъ онъ служилъ раньше.

— Дѣйствительно, это такъ,—поддержалъ товарища разсудительный Долговъ, а безъ занятія всякое баловство человѣку въ голову лѣзетъ... И баловались. Обидно намъ было что и отличія-то намъ нѣтъ, да и такъ слышно желтыми хунхузами насъ

прозвали, а вѣдь хунхузъ извѣстно, что обозначаетъ — разбойникъ—одно слово.

— Вѣдь наши ребята какіе,—проговорилъ Поповъ,—имъ дай занятіе, а безъ занятія онъ, какъ русскій на печи лежать не станетъ, самъ станетъ охотничать, или тамъ что... Ну и выходилъ грѣхъ.

— Народъ-то отчаянный сюда шелъ, ваше высокоблагородіе—проговорилъ Долговъ.—Трудно и управиться было. Еще кабы свой знающій офицеръ...

Много еще интереснаго хотѣли мнѣ разсказать станичники про свое манчжурское житье-бытье, но время было садиться въ вагонъ. Они пошли и въ вагонъ со мной. Голицынъ все мнѣ разсказывалъ, какъ они брали „ханшинъ-заводъ", а Долговъ разсыпался похвалами храбрости штабсъ-капитана Ржевускаго, который „достойный былъ человѣкъ", Поповъ больше говорилъ о себѣ, какъ его ранило и какъ онъ остался въ бою, потомъ разсказали и про то, какъ пріѣхалъ генералъ Гродековъ и говорилъ имъ, что онъ думалъ, что никого изъ нихъ не осталось и что онъ пріѣхалъ только для того, чтобы могилы поставить надъ ихъ трупами, а они молодцы, живы, да еще и пушки отбили.

Я смотрѣлъ на ихъ оживленныя, мужественныя лица, слушалъ ихъ, и мнѣ, прожившему всю почти жизнь съ казаками, ясно рисовались ихъ образы. Бородачъ Голицынъ—это лапотникъ, сѣрый казакъ, спокойный, немножко съ лѣнцой, но усердный исполнитель Царской воли. Это земская сила, грубая, но твердая въ основахъ вѣры; это человѣкъ, которому тяжело было бы, если бы ему „не припало" убить на войнѣ китайца. До грабежа онъ не унизится, но съ мертваго сниметъ, потому что мозги у него хозяйственные и жалованье свое онъ копитъ, мечтая выдѣлиться на заработанныя деньги изъ той семьи, въ которой онъ состоитъ „въ зятьяхъ". Въ разговорѣ у него „*мы*". Станичники его, его начальники, словомъ, общая сила, которая, какъ говорятъ, все сдѣлаетъ, потому что „гуртомъ и батьку бить можно".

Поповъ развитѣе, развязнѣе, смышленѣе, но и хитрѣе. У него „*всяко бывало*". Онъ храбръ, но онъ обдуманно храбръ. Онъ знаетъ, что за храбрость даютъ кресты и производятъ въ чины и онъ не боится смерти. Денегъ онъ не копитъ. Онъ или одинокъ, или, если и есть у него жена и хозяйство, такъ давно брошенныя. Но деньги ему нужны. Онъ рѣчистъ, ему нужна каѳедра, нужны слушатели. Онъ и газету читалъ, и политикѣ не чуждъ. Офицеру онъ повинуется, но и критикуетъ офицера. Онъ

пьетъ немного, но онъ любитъ угостить свою аудиторію, подкупить ее, чтобы среди нея рельефнѣе выдѣлить свое „*я*“ и о немъ только и говорить. „*Я, мнѣ, меня*“, съ его устъ не сходитъ. Съ офицеромъ, который сумѣетъ стать выше этого „*я*“, такой человѣкъ, какъ Поповъ чудесъ надѣлаетъ. Онъ будетъ боготворить его и мечтать умереть на его глазахъ. Экзальтированный, нервный, почти всегда сынъ богатой семьи, баловень матери дома—онъ мечтаетъ о подвигахъ, о крестахъ и медаляхъ. Такіе люди нужны впереди, но зорко нужно смотрѣть за ними, потому что душа у нихъ мелкая.

Долговъ, старый казакъ, типъ тѣхъ старыхъ преданныхъ людей, умѣющихъ привязаться къ части, къ дѣлу, къ лицу. Онъ ничего не сдѣлалъ ни подъ „ханшинъ“ заводомъ, ни при атакахъ. На его рукахъ умеръ Ржевусскій, онъ же состоялъ при полковникѣ Денисовѣ. О себѣ онъ не говоритъ. Центральное мѣстоимѣніе въ его рѣчи—„*онъ*“. Онъ критикуетъ плохихъ офицеровъ, но критикуетъ осторожно, съ болью въ сердцѣ, ему тяжело сознаться, что изъ-за нихъ много дѣлается зря. Такіе люди—соль отряда, сила его. Беззавѣтно преданные дѣлу, храбрые, разсудительные, о себѣ недумающіе. Впослѣдствіи они иногда ошибаются водкой, но пьютъ умѣючи, наединѣ, по-вахмистерски.

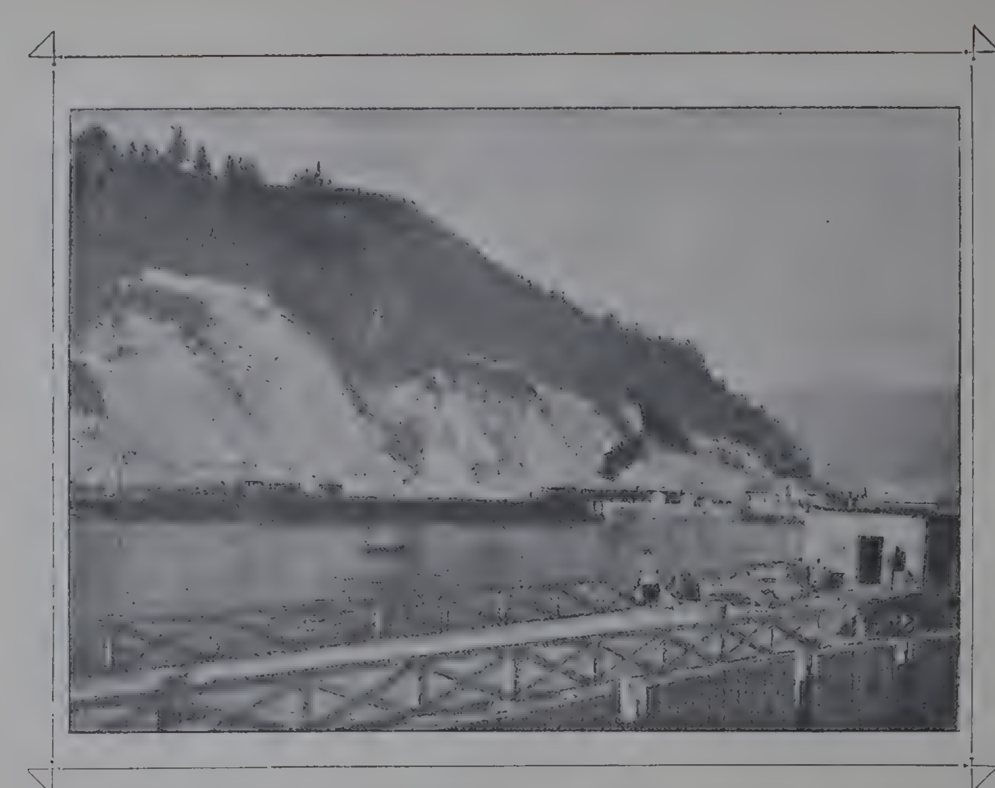
Когда на прощанье я подалъ имъ руку—Долговъ далъ свою спокойно, Поповъ съ развязностью галантнаго кавалера, а Голицынъ робко, несмѣло, неувѣренно протянулъ свою и не сжимая оставилъ грубую трудовую громадную лапу въ моей.

Я пожалъ ихъ честныя руки. Честныя потому, что или творили они волю пославшаго, или не вѣдали, что творили.

Мы расцѣловались, я просилъ ихъ передать привѣтъ тихому Дону и знакомымъ станичникамъ, они просили поклониться въ Харбинѣ оставшимся дослуживать ихъ товарищамъ-казакамъ охранныхъ сотенъ.

Поѣздъ тронулся. Они стояли на платформѣ, весело улыбаясь, махали шапками. Весело было и у меня на душѣ.

ст. Манчжурія.
24 Сентября.



Озеро Байкалъ. Западный берегъ.

VI.

Къ границамъ Манчжуріи.

Передъ Байкаломъ. Переправа черезъ Байкальское озеро. По Забайкалью. Станція „Китайскій разъѣздъ". Въ товарномъ вагонѣ. Валъ Чингисхана. На рубежѣ двухъ Имперій. Въ Манчжуріи.

Отъ Иркутска путь идетъ по склонамъ невысокихъ таежныхъ горъ, лѣвымъ берегомъ Ангары. Онъ почти все время слѣдитъ за изгибами рѣки, дѣлаетъ повороты, срѣзаетъ черезчуръ покатые склоны, идетъ надъ самой рѣкой. Тяжелые пласты гнейса, кое-гдѣ прослоенные неширокими полосами каменнаго угля глядятъ въ окна вагона. Растительность та же. Тѣ же пожелтѣвшія березы, тѣ же лиственницы и ели, но природа все болѣе и болѣе мрачная, не похожая на русскую. Вагонъ старый, грязный до противнаго, переполненный. Хорошо, что въ немъ ѣхать только четыре часа до Байкальскаго озера. Разговоры между пассажирами, какъ и всюду передъ пароходомъ, о качкѣ и о морской болѣзни. Народъ, какъ, видно все сухопутный. Русскіе люди не любятъ и боятся моря и

воды. Иной и радъ бы поѣхать моремъ, да вдругъ его возьметъ сомнѣніе: а какъ поднимется штормъ, зашумятъ волны и съ грознымъ шипѣніемъ закачается пароходъ. Что тогда? Испытывать всѣ ужасы морской болѣзни? И вотъ и мужественный человѣкъ, не разъ бывавшій въ передѣлкахъ и испытавшій послѣ хорошей пирушки ту же морскую болѣзнь, колеблется, раздумываетъ и ѣдетъ сушей втрое дальше и втрое хуже. А тутъ Байкалъ-который злѣе моря!! Какъ не волноваться!

Въ окна вагона, какъ стѣна за рѣкою, глядитъ таинственный снѣжный Хамаръ-Дабанъ, такой красивый переливами вѣчныхъ снѣговъ, покрывающихъ его верхнія вершины. Я говорю „вѣчныхъ", хотя и бываютъ лѣта, когда недѣли на двѣ, на мѣсяцъ онъ очищается отъ снѣга и тогда еще непривѣтливѣе, еще суровѣе выглядятъ темные зубцы скалистыхъ горъ его.

Поѣздъ проходитъ въ узкую щель и спускается внизъ къ Байкалу. На ст. „Байкалъ", отправной его точкѣ, кипитъ жизнь. Пароходы, доки полны людей, видно нѣсколько зданій, рельсовый путь, а дальше мертвая пустыня суровыхъ горъ и густыхъ лѣсовъ. Хамаръ-Дабанъ ревнивою завѣсою спускается въ темныя некрасивыя воды Байкала. И самъ онъ не такъ красивъ отсюда, какимъ казался издали. Снѣгъ лежитъ неровно и потому выглядитъ грязнымъ. Словно Азія занавѣсилась отъ Европы старымъ дырявымъ парусомъ, изъѣденнымъ временемъ, но грознымъ дикостью своего рисунка и своихъ очертаній. На пристани появляются уже и китайцы въ синихъ курткахъ и черныхъ кофтахъ и шапочкахъ. Къ поѣзду поданъ небольшой пароходъ „Ангара", типа нашихъ шлиссельбургскихъ пароходовъ. Свѣжій „баргузинъ" вздымаетъ бѣлые гребешки на темныхъ водахъ и холодомъ прохватываетъ все тѣло. А на солнцѣ тепло. Сибирское солнышко еще грѣетъ, освѣщаетъ и холодныя волны Байкала и заставляетъ ихъ отдавать зеленымъ бутылочнымъ цвѣтомъ. Вагоны поданы къ пароходу и носильщики носятъ ящики и тюки внизъ въ трюмъ. Лебедка стучитъ и кряхтитъ, но сибиряки работаютъ молча, не выкликая „вира" и „помалу", какъ то дѣлаютъ черноморцы. И пароходъ грязенъ и тѣсенъ, переполненъ публикой.

Часа черезъ два мы отваливаемъ. Переправу пароходъ обыкновенно дѣлаетъ въ четыре часа, но когда дуетъ „баргузинъ" бываетъ, что и всю ночь пароходъ не въ силахъ подойти къ пристани и ошвартоваться. Капитанъ, краснощекій шведъ, озабоченно шагаетъ поперекъ палубы и изрѣдка смотритъ на волны. Дамы осаждаютъ его вопросами.

— Пристанемъ ли сегодня? Какъ волны, позволятъ-ли? Капитанъ надѣется. И то, что онъ надѣется, а не увѣренъ, убиваетъ всякую энергію въ дамахъ, онѣ блѣднѣютъ и мало по малу уходятъ съ палубы. Пароходъ начинаетъ покачивать, то онъ идетъ прямо, то вдругъ закряхтитъ и полѣзетъ на волну, поддавая носомъ и осаживая кормой. Видъ однообразный и суровый:— слѣва, къ западу,—холмы, тайга, лѣсъ лиственницъ и березы, этотъ берегъ издали напоминаетъ своими громадными скатами съ желтыми деревьями на желтомъ грунтѣ—осенніе виноградники южнаго берега Крыма,—справа—на востокъ громоздятся высокія горы, черныя, безлюдныя и угрюмыя. Снѣгъ лежитъ не всюду, но холодомъ, смертью вѣетъ отъ горъ. Онѣ будто относятся къ иному царству, къ царству тѣней и мрака и даже веселое голубое небо плохо гармонируетъ съ ихъ черной окраской. Оно будто и само понимаетъ это и начинаетъ хмуриться; вправо небо загорается золотымъ закатомъ, надъ нимъ вытянулись тонкія облачка, а внизу темныя угрюмыя горы.

Качаетъ. И качаетъ основательно. „Ангара“ то подымается на дыбы, то ныряетъ такъ глубоко внизъ, что не видно ни носа, ни публики на немъ; волны пѣнятся, отскакиваютъ отъ ея боковъ, зеленѣютъ, вздымаются выше и сердито бьютъ по бортамъ. На палубѣ третьяго класса мертвое царство. Шестеро китайцевъ лежатъ въ мертвую рядкомъ, стонутъ и крайне неприлично себя ведутъ; послѣдствія ихъ обѣда разлиты по палубѣ, по ихъ лицамъ, по кофтамъ,—повсюду. Толпа рабочихъ болѣе или менѣе живописно склонилась надъ бортами. Женщины, блѣдныя, съ сердитыми лицами, негодуя на мужчинъ, еще крѣпятся, но и онѣ скоро отдаютъ дань Байкалу. Вѣтеръ воетъ въ снастяхъ, пароходъ раскачивается все сильнѣе и сильнѣе и мертвая лежка пассажировъ дѣлается общей. Въ первомъ классѣ маленькая дѣвочка плачетъ и стонетъ и увѣряетъ, что она умираетъ. Торопливо пробѣгаетъ къ уборной молодая женщина. Лицо блѣдно, глаза безумные, сколько страданія въ нихъ и муки!!

Кругомъ темная ночь. Сильно горятъ звѣзды, темны волны, не видно огней. Мѣрно работаетъ машина; равнодушный къ людскимъ страданіямъ ходитъ капитанъ. Онъ знаетъ, что отъ этихъ мукъ не умираютъ, что еще свѣжѣе себя чувствуютъ послѣ страшной морской болѣзни. Его волнуетъ одинъ вопросъ — пристанемъ-ли?

Но мы пристаемъ, опоздавъ всего на полтора часа. На пристани горитъ электричество, поданъ поѣздъ, на вокзалѣ буфетъ,

сибирское пиво и ужинъ. Ночью, въ половинѣ перваго мы покидаемъ негостепріимный Байкалъ и вступаемъ въ Забайкалье.

Съ утра кругомъ горы и лѣсъ. Но горы смѣющіяся, пріятныя глазу своими округлыми холмами и весело разбѣгающимися во всѣ стороны увалами. И лѣсъ не угрюмая тайга, а смѣсь мощныхъ сосенъ, березъ, лиственницъ и мелкаго кустарника. Кустами обросла текущая между горъ рѣка Селенга, кусты на болотѣ, кусты между пашенъ, густой кустарникъ между горъ—отроговъ Яблоноваго хребта.

Тутъ и тамъ видны скирды овса или огромныя копны сѣна—то оборотливый и скупой забайкальскій казакъ прикопилъ для себя на зиму; проскачетъ табунъ разношерстныхъ лошадей со многими отмастками между ними. Покажутся буряты на лошадяхъ или на телѣгахъ и опять веселыя, но пустынныя горы. На станціяхъ преобладаютъ косые глаза и лукавыя азіатскія лица. Вотъ лама—священникъ бурятскій, съ портфелемъ подъ мышкою, въ желтомъ халатѣ и оригинальномъ уборѣ, со слугою спѣшитъ во второй класъ. Въ буфетѣ двое халатниковъ въ мягкихъ круглыхъ шапкахъ съ гримасами усаживаются рядомъ съ вами и, дуя на блюдечки, пьютъ чай; въ лѣсу у станціи привязана бѣлая маленькая мохнатая лошаденка съ длинной всклокоченной гривой, посѣдланная краснымъ азіятскимъ сѣдломъ. Я подхожу къ ней, она злится, прикладываетъ уши назадъ и обнажаетъ зубы, какъ собаченка. Смѣясь и привѣтливо кивая головой спѣшитъ къ ней хозяинъ-бурятъ.

— Она русскихъ не знаетъ, сердита—говоритъ онъ и садится на нее съ пенька, медленно, по-азіятски, разбираетъ полы своего халата, дергаетъ ее за поводъ и катитъ быстрою иноходью по лѣсу, потомъ возвращается, показывая лошаденку и смѣется отъ восторга.

— Крѣпки лошадь!—говоритъ онъ.—Садись, катайся...

Но пора на поѣздъ. Уже пробили второй звонокъ. Погода теплая, лѣтняя, на солнцѣ жарко, пахнетъ сосною, лѣсомъ, не чувствуется холоднаго дыханія Байкала.

Чѣмъ дальше углубляемся мы въ Забайкалье, тѣмъ мягче становятся контуры горъ, меньше лѣсовъ, шире и раздольнѣе степь.

Въ окна видны причудливыя фигуры верблюдовъ. Цѣлые караваны ихъ тянутся мимо. Ночью проѣхали Читу, гдѣ противъ ожиданія оказался недурной буфетъ; до этого довольствовались вольными буфетами, устраиваемыми на каждой станціи мѣстными

жительницами. Къ поѣзду съ окружныхъ деревень сходятся женщины и приносятъ вареныя и печеныя яйца, жареную курицу, рыбу копченую или жареную, пирожки съ мясомъ и хлѣбъ, тутъ-же стоитъ два-три самовара, изъ которыхъ оборотливыя казачки продаютъ кипятокъ по пятаку за маленькій чайничекъ. Есть и лакомства—кедровыя шишки и сырая брусника. Цѣны не дешевыя. Яица 40 и 50 коп. десятокъ, курица 60 коп. и 1 рубль, рыба--двадцать копѣекъ за маленькую рыбку. Пассажиры всѣхъ трехъ класовъ, безъ различія званія и состоянія, толпятся возлѣ этихъ торговокъ и живо раскупаютъ провизію. Мужики щупаютъ плавающихъ въ жирномъ и мутномъ соку куръ, тыкаютъ пальцами въ рыбу, испытывая качество товара, публика перваго класса брезгливо покупаетъ и завернувъ въ бумагу тянетъ въ вагонъ рыбу или кусокъ курицы, словно стыдясь своего поступка. Ѣсть всѣмъ хочется. А ѣсть больше нечего. Буфетовъ мало и тѣ еще хуже...

За ст. Сахандо мы перерѣзываемъ Яблоновый хребетъ и скатываемся въ обширную равнину рѣки Ингоды. На горизонтѣ видны пустынныя горы съ рѣзкими очертаніями. Среди этихъ горъ на берегу р. Ингоды находится станція „Китайскій разъѣздъ“.

Мы пріѣзжаемъ на нее позднею ночью. Станція... Но не думайте, что это станція съ платформами, залами, буфетомъ, установленнымъ посудою, ярко горящими лампами, съ оживленной толпой пассажировъ, чистымъ столовымъ бѣльемъ и хрустальнымъ стекломъ... „Китайскій разъѣздъ“—это выровненная песчаная площадка въ ущельи между горъ. На площадкѣ два балагана. Одинъ бревенчатый побольше, другой досчатый поменьше. Въ бревенчатомъ побольше залы I и II класса и III класса. Это маленькія комнатки, грязныя и заплеванныя, съ деревянными скамейками и столами, освѣщенныя единственной висячей лампой. Жарко, душно и мерзко. „Съ души претъ“. „Залъ“ заваленъ вещами, свертками, пакетами, чемоданами. На нихъ и на скамьяхъ, на столѣ, на полу—всюду люди. Старуха съ провалившимся носомъ и въ синихъ очкахъ, полякъ, напялившій на себя, Богъ вѣсть для чего, синій бурятскій халатъ и шапку съ назатыльникомъ, нѣсколько чернорабочихъ, дѣти, офицеръ охранной стражи съ толстой и капризной женой, темныя личности, храпящія во всѣ носовыя завертки подъ скамейками, легавый щенокъ и тараканы. Некуда ступить, негдѣ сѣсть. Въ буфетѣ лучше. Тамъ меньше народа, есть чай и какіе-то угрюмые господа, подрядчическаго вида... Ждать поѣзда надо долго. Четыре съ половиною часа.

Я сидѣлъ сначала въ „залѣ“, но потомъ бросилъ вещи на волю Провидѣнія и вышелъ на воздухъ. Что за чудная картина раскрылась передо мною. Было свѣжо, но тихо. Такъ обаятельно тиха и ласкова была ночь, такъ кротко мигали звѣзды, словно хотѣли онѣ обласкать душу и показать, какъ чиста и красива природа въ сравненіи съ людскимъ стадомъ. Пахло степью, пустыней, просторомъ, воздухомъ, не зараженнымъ людскимъ дыханіемъ. Задумчиво смотрѣли горы, окружавшія станцію, на мерцающіе тамъ огни, на груды пакетовъ, свертковъ товара, на бродящихъ темныхъ людей. И передъ этимъ небомъ, вѣчнымъ, великимъ, праведнымъ, такъ мелки казались людскіе интересы, такъ ничтожна вся ихъ суета съ вонючими буфетами, съ разбросанными товарами и алчною бранью. Мощная, широкая и высокая, широкая долинами, высокая голыми вершинами горъ природа глядѣла на насъ. И вотъ небо поблѣднѣло, ночь убывала, потянуло холодкомъ, розовый востокъ заигралъ въ горахъ и перламутромъ покрылись вершины. Вдругъ выдвинулся невидный раньше желѣзный мостъ черезъ рѣку Ингоду, показалась и сама рѣка, еще сонная, накрытая простыней тумана, не разбуженная дуновеніемъ вѣтерка. Пришелъ поѣздъ, въ товарномъ вагонѣ начали продавать билеты до границы Россіи—станціи Манчжуріи. Масса народа толпилась передъ временной кассой и на всю эту массу былъ назначенъ лишь одинъ вагонъ третьяго класса. Рабочіе съ желѣзной дороги, мелкіе коммерсанты, толстый рыжій нѣмецъ, ѣдущій культуртрегеромъ во Владивостокъ и блѣдный и прыщавый нѣмецъ телеграфистъ, два бурята, три монгола, шесть китайцевъ, полякъ, дама съ провалившимся носомъ, человѣкъ двадцать переселенцевъ, хохлушка съ дѣтьми, дѣти одни, двѣ барышни, офицеръ съ женой, штукъ восемь отставныхъ каторжниковъ стремились занять мѣста въ единственномъ вагонѣ и, пробивая себѣ дорогу мѣшками и сундуками, энергично бросились на приступъ. Въ минуту все было полно. Сидѣли другъ у друга на колѣняхъ, на полу, бранили дорогу, которая за всѣ эти удобства взяла пять съ полтиной и все лѣзли и лѣзли. Мѣстъ не было. Я пошелъ просить служебнаго вагона.

— У насъ нѣтъ вагона, сказалъ начальникъ станціи, единственный вагонъ, который мы имѣемъ, назначенъ въ распоряженіе генерала С. Доѣзжайте въ немъ до Ундурги, это шесть верстъ, а там вамъ дадутъ товарный вагонъ, сказалъ начальникъ участка.

Пришлось покориться. Въ роскошномъ служебномъ вагонѣ вылетѣли мы черезъ ущелье и пошли крутиться взадъ и впередъ,

обходя горы; черезъ полчаса мы были въ Ундурги. Необыкновенно любезный и расторопный начальникъ станціи готовъ былъ все сдѣлать, чтобы угодить... Но на нѣтъ и суда нѣтъ и мнѣ и ѣхавшему со мной веселому офицеру охранной стражи Z, предложили провести сутки до „Манчжуріи" въ товарномъ вагонѣ. Мы отдались судьбѣ и засѣли въ товарный вагонъ, имѣя впереди холодную азіятскую ночь.

Товаро-пассажирскій поѣздъ тронулся и медленно поползъ по утесамъ, выемкамъ и насыпямъ и сталъ извиваться по горамъ. Временами онъ по три раза возращался къ одному и тому-же мѣсту.

День теплый, синее небо глядится въ открытыя двери вагона, мой пріятель Z, разстелилъ у дверей бурку, положилъ подушки и подъ аккомпаниментъ грохотаколесъ, немилосердно фальшивя, поетъ пѣсни. Горы уходятъ отъ дороги и, красивыя тѣнями, которыя набросило на нихъ утреннее солнце, загромождаютъ горизонтъ, но до нихъ—обширныя нетронутыя степи, кочевья бурятовъ. Все пусто. Иногда за цѣлый часъ пути не увидишь ни поселка, ни человѣка, ни животнаго. Потомъ покажется кочевье бурятъ, ихъ круглыя кибитки, сшитыя изъ войлока, таганокъ надъ костромъ, табунъ отъ рожденія нечищенныхъ, косматыхъ лошадей и опять степь. Караванъ верблюдовъ очертится на горизонтѣ безобразными апокрифическими, странными контурами, потомъ горы подойдутъ ближе, покажется мелкая, глинистая рѣка Ага, илиОнонъ, и снова горы уходятъ и степь развертывается на многія версты. Z пытается охарактеризовать природу и поетъ романсъ Даргомыжскаго.

„Я помню глубоко, глубоко,
Мой взоръ проникалъ и рощи, и долъ
И степь обнималъ онъ широко"...

— Нѣтъ, у насъ на дорогѣ не такъ, перебилъ онъ вдругъ свое пѣніе, у насъ всегда провезутъ. Наши инженеры отличные люди. Съ ними только нужно умѣть ладить. Конечно, положеніе наше странное. Мы и военные, и не военные, и не то мы служители, не то офицеры, словомъ Богъ знаетъ что такое, Ну и трудно. Когда случилась эта китайская передряга, ей Богу многіе изъ насъ заслужили кресты, вѣдь и умирали, многіе и ранены были, а не даютъ. Почему? Да, говорятъ, это ваше дѣло драться и умирать, вы для этого и наняты. Инженеры строятъ дорогу, а вы защищаете ее... Что-же—вѣрно, спорить не можемъ, но такъ

какъ мы ни на минуту не переставали считать себя военными, намъ и было обидно. Вѣдь, что ни говорите, а охранная стража много помогала. Мы не съумѣли, не всѣ, а нѣкоторые, удержать казаковъ, но дрались казаки отчаянно. Два, три человѣка шли выбивать до ста китайцевъ. Смерть имъ была ни почемъ... И вотъ за подвиги награда — товарный вагонъ! извольте престижъ офицерскаго званія охранить при такихъ обстоятельствахъ.

— Ну, престижъ офицерскаго званія зависитъ вовсе не отъ того, гдѣ ѣхать, а отъ того, какъ вести себя, проговорилъ я.

— О, вы не знаете здѣшнихъ рабочихъ—отвѣтилъ онъ мнѣ и, сердито отвернувшись отъ меня, унылымъ басомъ запѣлъ — „скажи, зачѣмъ, тебя я встрѣтилъ“...

— Ахъ, воскликнулъ онъ вдругъ, — Вяльцева это неподражаемо пѣла. Удивительно! А тутъ, взгляните, какая мерзость!

Но кругомъ былъ широкій просторъ полей. Мы террасами спускались внизъ къ границѣ Россіи. Сухое перекати-поле неслось на встрѣчу поѣзду и прыгало на ямкахъ и выбоинахъ. Голубое небо сливалось со степью и горы, уходя вдаль, были совершенно фіолетовыми.

Вечерѣло. Холодкомъ тянуло изъ степныхъ далей, нужно было закрывать ворота вагона. Z изъ двухъ чемодановъ раскинулъ себѣ койку, я подстелилъ бурку и накрылся шинелью. Рано было, не спалось. Нашъ вагонъ, прицѣпленный въ хвостѣ поѣзда, прыгалъ, кряхтѣлъ и звенѣлъ всѣми болтами и скрѣпленіями. Прыгалъ и я съ нимъ, стараясь попасть на подушку и не пропустить подъ пальто холода, а холодно было ужасно. Зубы танцовали въ тактъ съ вагономъ и наши вещи прыгали съ мѣста на мѣсто. Глупыя мысли лѣзли въ голову, вспоминались крушенія, случаи, когда вагонъ отрывался на крутыхъ подъемахъ и летѣлъ подъ гору, пока не налеталъ на что-либо, или на закругленіи не срывался съ обрыва въ пропасть. На станціи Турга сзади прицѣпили платформу съ русскими рабочими, рабочіе пили водку и жгли лучину.

— Надѣлаютъ эти каторжники пожара! — ворчалъ изъ подъ дохи Z.

Пожаръ въ товарномъ вагонѣ, послѣднемъ вагонѣ поѣзда! Вѣтеръ свищетъ на встрѣчу и пламя въ минуту охватываетъ весь вагонъ. Не выскочишь, не остановишь... И веревки-то сигнальной къ намъ нѣтъ...

А поѣздъ идетъ и идетъ, то медленно, то быстро, словно срывается съ обрыва и тогда вещи танцуютъ совсѣмъ дикую

пляску. Темно, холодно. Начнешь задремывать и вдругъ проснешься, пораженный тишиною. Что случилось?.. Станція. Поѣздъ стоитъ. Кругомъ голоса, скрипъ шаговъ. Вотъ съ визгомъ отодвигаются ворота и волна холода клубомъ влетаетъ въ вагонъ. Видны звѣзды, ясное небо, безъ облаковъ, безъ тучъ, въ щели появляется фонарь и чья-то физіономія. Кто-то вопрошаетъ грубымъ голосомъ: „кто сюда забрался?“.

— Офицеры ѣдутъ, убирайтесь вы, кричитъ Z.

Вагонъ задвигается и снова темнота. Ворвавшійся въ вагонъ клубъ мороза медленно, но неуклонно расползается по всѣмъ угламъ вагона и прохватываетъ сквозь пальто.

— Ишь черти, окаянные, холода напустили,— ворчитъ подъ дохою Z.

Проходитъ часъ по крайней мѣрѣ, мы все стоимъ. Я засыпаю и черезъ минуту просыпаюсь отъ грознаго оклика Z.—„кто тамъ?“. Въ двери опять щель и кто-то наблюдаетъ за нами.

— Это они ждутъ, когда мы всѣ уснемъ, чтобы обчистить насъ, этакій отчаянный народъ. Въ полной увѣренности, что это такъ, мы бодрствуемъ и на разъѣздахъ, и въ Борзѣ, и въ Тимошкинѣ. И на каждой станціи кто-то внимательно слѣдитъ въ щель вагона, пропуская туда ночной холодъ. Z. грозитъ револьверомъ. Я начинаю соглашаться, что насъ стерегутъ. Засни, дескать, только...

Утромъ въ Шарасунѣ все разъясняется. Мы ждали воровъ, а старшій кондукторъ поѣзда, принявшій бригаду въ Тургѣ, не разспросилъ толкомъ, чѣмъ груженъ таинственный товарный вагонъ въ хвостѣ поѣзда и заглянулъ въ него. Отвѣтъ, что ѣдутъ офицеры его не удовлетворилъ. Хорошо, какъ такъ, а ежели тамъ злоумышленники, которые путемъ-дорогою выкидываютъ товары изъ вагона? И онъ сторожилъ насъ. Но настало утро и взаимныя волненія кончились. Солнце ярко свѣтило, было тепло по лѣтнему и весело на душѣ, несмотря на вторую проведенную безъ сна ночь.

За станціей „Сибирь“ мы переѣхали границу Россіи. Ея совсѣмъ не было замѣтно. Верстахъ въ двухъ отъ дороги виднѣлись не то невысокіе холмы, не то какіе-то громадные осыпавшіеся окопы; „валъ Чингисхана“, сказалъ мнѣ Z. Не было традиціоннаго осмотра вещей, таможенныхъ солдатъ и офицеровъ, размѣна денегъ и новыхъ мундировъ жандармовъ. Границу Финляндіи не переѣдешь такъ спокойно, какъ мы переѣхали границы сопредѣльнаго съ нами старика-философа, гиганта Китая.

Начинались пески Монголіи. Черноземная почва Забайкалья поддавалась здѣсь вліянію песковъ и была сѣрѣе и суше.

Поѣздъ медленно подвигался къ станціи Манчжуріи. Валъ Чингисхана скрывался, стушевывался въ раздольи чуть всхолмленной равнины, окруженной невысокими безлѣсными горами. Безлюдно и тихо было въ долинѣ. Тысячи лѣтъ многовѣковымъ покровомъ покрыли жизнь, которою когда-то волновались эти степи, маленькія горки и высокіе хребты. Здѣсь поклонялись имени человѣка, который родился съ запекшейся кровью въ рукѣ и вся жизнь котораго была кровь. Въ этихъ раздольныхъ степяхъ, въ пустыняхъ съ наноснымъ летучимъ пескомъ, между унылыхъ, темныхъ, громадныхъ сосенъ тогда бродили азіаты. Табуны лошадей, посѣдланныхъ все такими же деревянными красными ленчиками, съ низкими и толстыми луками, прототипами нашего казачьяго сѣдла, съ красными кожаными подушками, пестрыми уздечками и пахвами, мирно щипали траву этихъ долинъ. Шапки, малахаи, шлемы и платки покрывали ихъ черныя головы, пестрые халаты на много верстъ сдѣлали степь цвѣтнымъ ковромъ: то рыли валъ, обозначали границу владѣній могущественнаго Чингисхана.

Можетъ быть завтра эти пестрые халаты взберутся на маленькихъ лошадокъ, и, закинувъ колчаны и луки со стрѣлами за плечи, забравъ подъ потники сырое мясо, помчатся мелкою тропотою впередъ и впередъ, разбившись, согласно монгольской тактикѣ, на отдѣльные отряды. Орда понесется. Дикій табунъ, управляемый дикими людьми, налетитъ на чужія государства и исковеркаетъ и осквернитъ все святое для нихъ. Полно, люди ли они? Ихъ понятія такъ непохожи на наши, они словно иного міра, иныхъ взглядовъ и вѣрованій.

Отъ потока ихъ остались только крохотныя черточки на европейскомъ горизонтѣ. Наѣздники Монголіи разсѣялись и влили лишь мѣстами свою кровь въ европейское бѣлое населеніе. Валъ Чингисхана осыпался. Гордо несется мимо поѣздъ, окуривая его темнымъ дымомъ и въ его стремленіи въ нѣдра Монголіи еще болѣе силы и мощи, нежели въ гикѣ и свистѣ монголовъ и дробномъ топотѣ ихъ лошаденокъ. Эти двѣ тонкія желѣзныя полоски несутъ съ собою такія силы, которыя навѣки неизгладимыми чертами врѣжутся въ желтую монгольскую грудь. Вонъ ярославецъ бѣжитъ за кипяткомъ на разъѣздѣ, хохлушка кормитъ молокомъ дѣвчонку, грекъ изъ Одессы, еврей изъ Варшавы, юный корнетъ съ молодою женою, спѣшащій въ пограничную стражу, нѣмецъ изъ Риги выползли на площадку и грѣются.

Гдѣ мы? Кругомъ русскія лица. Привѣтливый и любезный ротмистръ приглашаетъ обѣдать; молодой инженеръ предлагаетъ остановиться.—Противъ станціи бѣлое зданіе и вывѣска „Московская кондитерская“—рядомъ Парамоновы, Ивановы, Стукины въ балаганахъ и шалашахъ торгуютъ всѣмъ, что угодно. Вотъ и спеціально галантерейный магазинъ, продажа пива, торговля консервами, желѣзнымъ и москотильнымъ товаромъ. Русскіе рабочіе, пьяные и оборванные, часовой въ фуражкѣ съ желтымъ околышемъ и зелеными погонами, барыня съ ребенкомъ, несомымъ деньщикомъ, прикащикъ на велосипедѣ, чиновникъ съ фотографіей... Коновязь, вокругъ которой хлопочутъ казаки...

Гдѣ мы?

Въ девятнадцати верстахъ отъ границы Россіи—на станціи Манчжуріи начальной восточно-китайской дороги... словомъ мы—въ Китаѣ.

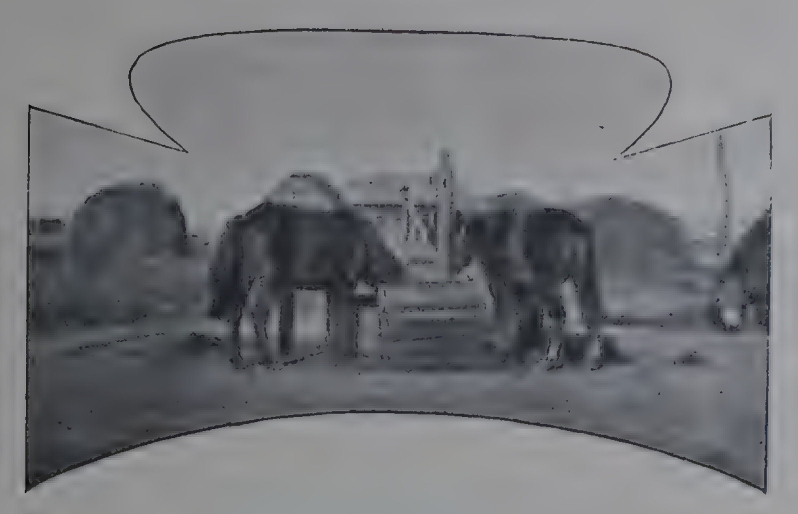
Да гдѣ-же китайцы?

А вонъ они. Вонъ толпа косачей сидитъ на платформѣ и что-то ѣстъ, вотъ два монгола, привязавъ лошадей у лавочки, болтаютъ съ приказчикомъ, стоя на порогѣ... и только. Кругомъ не русскія горы. Мимо землянки, возвышающейся аршина на два надъ землею и крытой землею же, ходитъ дневальный. Внутри землянки въ два яруса настланы нары и спятъ или валяются казаки. Подлѣ тынъ, за тыномъ маленькія косматыя лошаденки, привязанныя къ столбамъ, подлѣ столбовъ прямо на землѣ сдѣланы кормушки... Есть уже и конюшня, есть землянка для офицера, заботливой женской рукою обитая синимъ ситцемъ и украшенная бездѣлушками. Есть столбъ съ надписью—такая-то Оренбургская сотня... Есть полинялый флагъ. Будетъ каменный домъ для офицера, будетъ казарма, конюшни. Кругомъ валяется лѣсъ, бродятъ рабочіе, слышенъ визгъ пилы, удары молотка по камню...

Рабочихъ рукъ не хватаетъ.

Рабочія артели получаютъ много — 1 р. 60 к. въ день на брата. Да не много вырабатываютъ—все дорого. Тоска гложетъ. Бабъ нѣтъ, вино одолѣваетъ. Негдѣ лобъ перекрестить... А хочется Бога вспомнить. Нѣтъ ни сберегательной кассы, куда спрятать деньги, а держать при себѣ опасно, убьютъ — кругомъ каторжный народъ. И пьетъ рабочій, и когда приходитъ время получить разсчетъ, онъ ничего не имѣетъ—все пропито, удержано за прогулъ, высчитано въ желѣзнодорожную лавочку за провизію.

Туго и тихо, неувѣренными шагами хмѣльного человѣка подвигается въ Китай русская цивилизація, но подвигается упорно.



Помѣщеніе для лошадей охранной стражи на ст. Манчжурія.

Каждый поѣздъ приноситъ толпу какихъ-то предпріимчивыхъ человѣковъ въ картузахъ и сапогахъ бутылками съ маленькими узелками и сундучками. Эти человѣки пьютъ на станціи водку и чай, кряхтятъ, вздыхаютъ и вдругъ строятся маленькимъ балаганчикомъ и чѣмъ-то торгуютъ. Торгуютъ несомнѣнною дрянью, но бойко и по дорогой цѣнѣ.

За войскомъ пошелъ купецъ, за купцомъ двинется ремесленникъ, за ремесленникомъ пахарь. Монголъ съ удивленіемъ присматривается къ нимъ, пьетъ чай, пробуетъ водку и кажется доволенъ. Русская цивилизація ему нравится — она отъ сердца, отъ пьянаго иногда сердца, но безъ побоевъ и главное безъ унизительныхъ церемоній.

Ошибка была сдѣлана: желѣзная дорога двинулась раньше войска; теперь она исправляется и первое впечатлѣніе Манчжуріи — тихое и мирное.

На Хайларъ изъ Манчжуріи поѣзда ходятъ два раза въ день: утромъ, въ 9 часовъ утра и вечеромъ, въ половинѣ 11-го ночи. Росписаніе соблюдается точно, хотя платы съ пассажировъ и не берутъ, и ходятъ только вагоны 4-го класса для рабочихъ и дорожныхъ мастеровъ. Для чистой публики изъ любезности прицѣпляютъ служебные вагоны. Для меня, для Z. и для молодого корнета охранной стражи, ѣхавшаго съ женою, нацѣпили прекрасный вагонъ. Услужливый проводникъ приготовилъ намъ чай и мы весело пили его, слушая хвалебные гимны инженерамъ и ихъ любезности, которые произносилъ Z.

— Наша дорога, — говорилъ онъ, — хорошая дорога, милая дорога. Это почти военная дорога, тутъ офицера цѣнятъ, любятъ его.

Молодая дама, притомъ еще, кажется, находившаяся въ ожиданіи семейной радости, пріѣхавшая въ Манчжурію въ 3-мъ классѣ вмѣстѣ съ рабочими, отдыхала при мысли объ удобномъ и мягкомъ купе. Признаюсь, и мои старыя кости болѣли, послѣ встряски на днѣ товарнаго вагона.

Мы рано, но не надолго заснули. На слѣдующей же станціи вагонъ приказано было отцѣпить и отправить обратно.

— Для генерала С.?—спросилъ Z.

— Для генерала С., — отвѣчалъ озабоченный начальникъ станціи, — а вамъ мы сейчасъ очистимъ отдѣленіе четвертаго класса.

Но очистить отдѣленіе, биткомъ набитое рабочими и россійскими культуртрегерами, крѣпко заснувшими подъ мѣрный стукъ машины, было нелегко. Призванъ былъ дежурный по станціи казакъ охранной стражи, который буквально, какъ вещи, выволокъ ближайшихъ пассажировъ на площадку и, не обращая вниманія на ругань и сопротивленіе, выбросилъ ихъ багажъ. Двѣ скамейкп, между скарбомъ этихъ бѣдныхъ людей, заплеванныя и измазанныя, съ остатками чая, колбасы и водки были отданы намъ почти что съ боя.

Z. былъ мрачнѣе ночи. Я смѣялся надъ нимъ, молодая дама была близка къ обмороку и пилила несчастнаго мужа, который собственноручно устраивалъ ей возможно мягкое ложе. Не знаю, проклиналъ ли онъ въ этотъ часъ, что имѣлъ неосторожность жениться, но онъ съ поразительной кротостью успокаивалъ ее и стелилъ ей одѣяла и подушки, распаковывая безчисленные тюки. Кругомъ были сонныя, разбуженныя, недовольныя лица. Всюду торчали грязные сапоги, пахло махоркой, водкой, лукомъ. И такъ изъ купе перваго класса мы черезъ товарный вагонъ перешагнули въ чернорабочее отдѣленіе 4-го класса. Все это было довольно оригинально, хотя и не Богъ вѣсть, какъ пріятно. Наиболѣе возмущенная и протестующая публика удалилась, остальные размѣстились и, какъ все на свѣтѣ постепенно образуется — образовался нѣкоторый порядокъ и въ вагонѣ.

Нестерпимо душно было въ немъ. Корнетская жена охала, стонала и ворочалась, Z. мрачно курилъ и на этотъ разъ уже не хвалилъ инженеровъ и порядки, благодаря которымъ не могли наготовить достаточно вагоновъ; несчастный мужъ прикурнулъ

въ углу вагона и съ открытыми глазами думалъ должно быть невеселыя думы.

Я вышелъ на тормазъ. Песчаная степь убѣгала вдаль, озаренная луной на ущербѣ. Звѣзды тихо мигали. Большая Медвѣдица, уже немного опустившаяся и нагнувшаяся, кротко свѣтила семью звѣздами своими не на обычномъ петербургскомъ мѣстѣ. Пустыня была кругомъ. На всемъ обширномъ пространствѣ ея не было видно ни одного костра, ни одного фонаря и ни одной свѣтящейся точки. Ширь песчаная, ширь пустынная, безконечная и таинственная. И только рельсы, нѣмые свидѣтели того, что тутъ былъ и работалъ человѣкъ, уходили назадъ, прямые и ровные. Одинокій мчался поѣздъ, нагруженный тружениками и товарами. Холодная ночь тянулась долго.

Землянка охранной стражи на ст. Манчжурія.

Когда я пришелъ въ вагонъ, все было въ немъ спокойно. Дружный храпъ раздавался со скамей съ рабочими, тихо сопѣла молодая охранная дама, и мужъ ея мутными глазами смотрѣлъ вдаль. Z. лежалъ на полу и спалъ. Я смотрѣлъ на корнета и думалъ—что, братъ, тяжело?...

Но я не угадалъ его мыслей. Нѣсколько разъ, за ночь онъ тихонько спускался со своей скамьи и поправлялъ одѣяло на женѣ и заботливо, съ кроткой любовью, смотрѣлъ на нее.

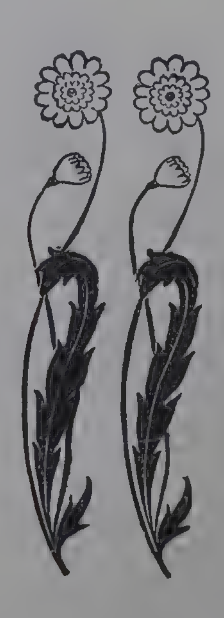
Онъ любилъ и жалѣлъ ее...

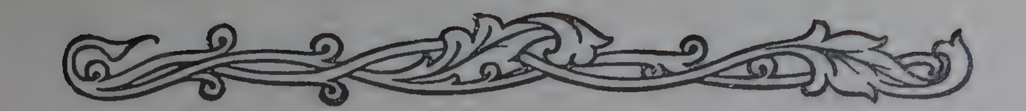
На разсвѣтѣ пустыня заиграла золотистыми тонами, дали, едва прикрытыя туманомъ, разворачивались быстро и широкимъ просторомъ раздвигался горизонтъ Манчжуріи. Мы приближались къ Хайлару.

Вотъ Ангунь, съ пересохшимъ русломъ, вонъ остатки укрѣпленій, вырытыхъ Хайларскимъ отрядомъ, постъ съ вышкой на горѣ. На предпослѣдней станціи передъ Хайларомъ—Куку-Норѣ, возлѣ станціонной избы, воздвигнутъ балаганъ-землянка съ надписью „буфетъ". Хорошенькая буфетчица, жена охраннаго фельдшера, бойко торгуетъ чаемъ, водкой, селедкой и сдобными булочками своего изготовленія. Видъ у ней неприступный, видъ барышни. Чернорабочіе ея конфузятся и безъ торга кидаютъ гривенники за маленькія рюмочки водки.

Еще два часа пустыни и первый китайскій городъ—Хайларъ.

Хайларъ, сентябрь 1901 г.

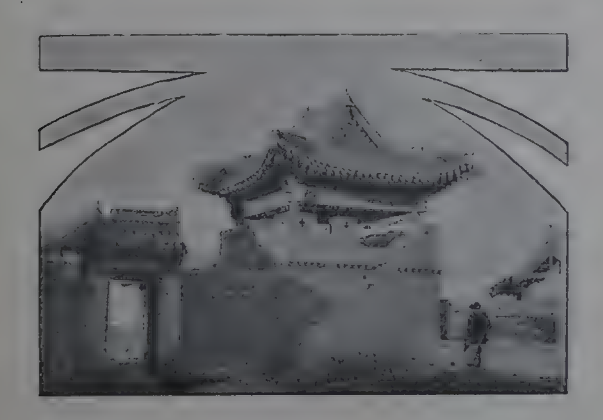




VII.

Хайларъ.

Описаніе города.—Городская жизнь до и послѣ войны.—Торговля.—Расположеніе Нерчинскаго резервнаго батальона.—Хайларскія кумирни.—Китайскіе боги.—Концертъ въ Хайларѣ.



Главная сѣверная кумирня г. Хайлара.

Хотя Хайларъ и считается китайскимъ городомъ, но это не городъ, это лишь административный центръ западной Манчжуріи — Монголіи. Улицы Хайлара до прихода русскихъ войскъ были заняты лишь лавками купцовъ; городской китайской жизни въ нихъ не замѣчалось. Изъ Хайлара по сылались посты на границу Россіи въ 30—35 человѣкъ солдатъ при офицерѣ. Обыкновенно солдаты расходились на вольныя работы и на посту оставалось три, четыре человѣка, которые выпрашивали себѣ пропитаніе у нашихъ казаковъ. Китайцы въ Хайларѣ являлись преимущественно начальствомъ. На южной оконечности Хайлара, внѣ его, сидѣлъ китайскій губернаторъ-амбань, три кумирни хранили городъ отъ злыхъ духовъ. У священной рощи стоялъ арсеналъ и жили солдаты. Солдаты носили длинныя фитильныя ружья со стволами раструбомъ, изъ которыхъ стрѣляли лишь для грома и для дыма, которымъ укрывались отъ непріятеля. Занятія у солдатъ производились по вечерамъ, въ темнотѣ.

И по типу Хайларъ монгольскій городъ. Заботами монголовъ воздвигалась много лѣтъ тому назадъ громадная плотина, обсаженная тальникомъ, чтобы прекратить доступъ водамъ р. Эмина

въ протокъ, подмывавшій стѣны города. Они же издали строгій законъ, которымъ запрещалось, подъ страхомъ смертной казни, сломать хотя бы вѣточку въ священной рощѣ, защищавшей городъ отъ наносныхъ песковъ. Китайцы уважали этотъ законъ и роща была неприкосновенна. Теперь бродяги-рабочіе валятъ деревья, простоявшія много вѣковъ и рубятъ вѣтки на костры. Если погибнетъ роща, погибнетъ и Хайларъ, какъ погибли многія села и города въ дюнахъ верховьевъ Сунгари *). Монголы же поставили громадный и безобразный памятникъ, владычествующій надъ степью Хайлара. Онъ имѣетъ видъ возвышенія, украшеннаго метлами и издали производитъ впечатлѣніе громаднаго сфинкса.

Китайцы принесли съ собою лишь башенки на воротахъ Хайлара, охранныя стѣнки и кумирни. Три года тому назадъ въ Хайларѣ кипѣла полная суеты монгольско-китайская жизнь. По улицамъ текли потоки грязи, въ ней рылись бѣлыя, черныя и пятнистыя свиньи, бѣгали рослые мулы и маленькія лошаденки, провозя то монгола, то китайца. У воротъ сидѣлъ караулъ съ ружьями, съ жестяными саженными стволами съ раструбомъ; въ трехъ кумирняхъ, расположенныхъ за городомъ, важно возсѣдали бонзы, а въ ямынѣ китайскій амбань собиралъ подати и дулъ палками и праваго, и виноватаго. Весь городъ состоялъ тогда изъ одной улицы, полной оживленія.

Двое воротъ, сѣверныя и южныя, ведутъ въ городъ, окруженный стѣнами. Стѣны сдѣланы изъ земли съ соломой, снабжены для вида бойницами и вышиною аршинъ пять. Надъ воротами воздвигнуты башенки съ крышей въ китайскомъ стилѣ, изъ сѣрой черепицы. Впереди воротъ, вродѣ равелина, вынесеннаго за гласисъ, поставлена стѣнка изъ кирпича, со вмазанной въ нее доской съ китайскимъ изреченіемъ. Эта стѣнка бережетъ городъ отъ злого духа, который можетъ ходить только прямо, и не даетъ въ то же время вѣтрамъ заносить улицу пескомъ. Улица была образована рядомъ глухихъ стѣнъ безъ оконъ, съ одними дверьми, съ балконами вдоль стѣнъ на грубо обдѣланныхъ деревянныхъ столбахъ. Она производила впечатлѣніе глухого корридора. Но войдешь въ двери съ мелкимъ переплетомъ, затянутымъ бѣлой бумагой и очутишься на просторномъ дворѣ. На дворъ весело глядятся зеленые и красные, иногда отдѣланные золотомъ переплеты оконъ. За ними бумага; переплеты занимаютъ цѣлыя стѣны, дома имѣютъ видъ галлерей. Комнаты безъ

*) Въ настоящее время по распоряженію Военнаго Министра рубка этой рощи строго воспрещена и преслѣдуется закономъ.

печей, съ худыми земляными потолками, поросшими травой. Оттого и городъ издали производитъ впечатлѣніе холма, съ прямыми отвѣсными скатами. Возлѣ столбовъ-балконовъ стояли тогда посѣдланные лошади и мулы, сидѣли китайцы и монголы и весело говорили о своихъ дѣлахъ...

Потомъ появились на столбахъ и на стѣнахъ длинныя бѣлыя афиши, испещренныя вертикальными письменами китайцевъ, наклеились на воротахъ громадные листы съ изображеніемъ какого-то воина весьма звѣрскаго вида и Хайларъ заволновался. Китайцы, мирно работавшіе на желѣзной дорогѣ, взяли изъ арсенала маузеровскія ружья и пошли бить бѣлыхъ дьяволовъ...

Черезъ три мѣсяца Хайларъ лежалъ въ развалинахъ. Земляная стѣна осыпалась, стѣны домовъ были полуразрушены, бумага оконъ порвана, мѣдные идолы увезены, глиняные изуродованы, письмена на стѣнахъ кумирень поколоты штыками. Сотни труповъ гнили на осеннемъ солнцѣ, заражая воздухъ, свиньи и волки помогали санитарамъ...

Военная буря быстро пронеслась. Какъ вихрь, налетѣла она со своими неизмѣнными спутниками—разореніемъ и болѣзнями—и также быстро и ушла. Хайларъ лежалъ въ развалинахъ. Позднею осенью въ него собрался вновь сформированный Нерчинскій резервный баталіонъ и размѣстился на зиму, какъ могъ. О, что это была за зима! Въ китайскихъ домахъ безъ печей, безъ настоящихъ оконъ и крышъ, мерзли и мокли офицеры. Ихъ жены, эти устроительницы уютности и комфорта на окраинахъ, жили въ Читѣ. Хайларъ переживалъ болѣзненный кризисъ, онъ медленно оправлялся. Грязь исчезала, трупы закапывались, воздухъ очищался...

— А вотъ пройдемтесь, посмотрите сами, что удалось намъ устроить солдатскими руками, хотя въ теплѣ, да проведемъ эту зиму,—радушно говорилъ мнѣ видный полковникъ, бывалый кавказецъ, начальникъ Хайларскаго гарнизона.—„Откуда-бы только начать—ну хоть съ сѣверныхъ воротъ“.

По глубокому песку улицы, прямой и ровной, мы дошли до воротъ, на которыхъ сохранились еще пестрыя афиши боксеровъ. Правая сторона улицы была по преимуществу военная, лѣвая торговая. На 150 жителей Хайлара уже было выстроено 18 лавокъ. Торговали гармониками, надъ окнами свѣже-побѣленнаго домика была громкая надпись „гостиница“. Я открылъ дверь—облако табачнаго дыма вырвалось оттуда. Сквозь дымъ былъ виденъ биліардъ и толпа какихъ-то личностей вокругъ него... Гро-

мадные дворы между фанзами были завалены ящиками съ товарами, но цѣны еще были дорогія. Бутылка иркутскаго пива стоила шестьдесятъ копѣекъ.

— Почему такъ дорого? спросилъ я.

— Помилуйте, — бойко отвѣчалъ ярославецъ, — „и рады-бы дешевле, да никакъ невозможно, потому провоза нѣтъ. Если-бы желѣзная дорога возила по-настоящему, тогда съ нашимъ удовольствіемъ. А то кланяешься, кланяешься пока вагонъ подадутъ, а подали вагонъ, смотри на каждой станціи въ оба, чтобы не отцѣпили".

— Зачѣмъ-же отцѣплять?

— Какъ, зачѣмъ? Движенія открытаго нѣтъ. Всякому дать надо. И начальнику, и оберу, и смазчику—сами посудите во что товаръ то влетитъ. Никакъ невозможно дешевле.

— Да, трудно имъ пока—проговорилъ полковникъ. Хотѣлъ имъ таксу установить, вродѣ, какъ у желѣзнодорожныхъ лавокъ, ничего не выходитъ — потому что и правда, переплачиваютъ за товары. Думалъ конкуренціей сбить цѣну и то ничего не выходитъ—у всѣхъ цѣна одна. Ну вотъ и пріемный покой.

Зеленая двустворчатая дверь, съ рѣзнымъ переплетомъ рамъ, ввела насъ въ обширную палату. Глинобитныя стѣны были цѣликомъ сдѣланы вновь, въ нихъ пробиты окна, вставлены стекла, поставлены кровати, печи, умывальники. Чувствовалось, какъ незамѣтно и сюда вступалъ уставъ о внутренней службѣ и захватывалъ вмѣстѣ съ другими законоположеніями всѣ распорядки новорожденнаго баталіона.

Къ полковнику подошелъ его старшій офицеръ — штабсъ-капитанъ и пошелъ разговоръ о бревнахъ, о доскахъ, о счетахъ и работахъ. Доски дѣлать приходится самимъ изъ бревенъ, въ ручную. Шелевка стоитъ 70 коп., не хватаетъ суммъ отдѣлать офицерскія квартиры.—„А надо какъ-нибудь!"—говорилъ полковникъ, „семьямъ разрѣшено перебираться, хоть что-нибудь надо сдѣлать".

Весь баталіонъ работалъ. Въ одномъ мѣстѣ офицеръ, весь въ глинѣ, руководилъ кладкой печи, въ другомъ показывалъ, какъ дѣлать колонны въ низенькомъ залѣ новаго военнаго собранія. Двуколки возили известь. Въ ротныхъ помѣщеніяхъ бѣлили стѣны, устанавливали нары и пирамиды для ружей. На одномъ изъ дворовъ; на столбахъ, висѣли три большихъ желѣзныхъ колокола, взятые изъ китайской кумирни—это была звонница походной церкви. Сама церковь была тутъ-же въ низенькой

фанзѣ. Простой деревянный иконостасъ нехитрой работы, иконы новаго письма, хоругви, бѣдная обстановка деревенскаго храма такъ много говорили человѣческому сердцу. Какъ отрадно было войдти сюда и сознавать, что въ монгольской глуши раздаются родные напѣвы церковныхъ пѣснопѣній, а со стѣны глядятъ лики, родные съ первыхъ дней жизни...

Ротные дворы вмѣщали и кухни, и помѣщенія ротныхъ командировъ. Эти маленькіе квадраты, образованные одноэтажными фанзами, были полны кипучей дѣятельности. Тутъ и строгали, и пилили, и красили, и бѣлили. Складъ ружей, обозный сарай, тѣсный, но крытый, съ прочными воротами на петляхъ, кузница, швальня, въ которой уже сидѣли, поджавъ ноги, портные — все это было въ возобновленныхъ земляныхъ фанзахъ, побѣленныхъ известкой, съ окнами со стеклами. Все было тѣсно, бѣдно, все говорило о грошахъ экономіи, о выкраиваніи остатковъ, но все было чисто, ровно и по военному привѣтливо. Нары были просторны, свѣта много, воздуха достаточно.

— Пришлось работами занять весь баталіонъ, а строевыя занятія бросить пока. Тороплюсь къ зимѣ,—говорилъ полковникъ.— А вотъ это учебная команда—вотъ тутъ будетъ гимнастика, это учебный залъ...

Фанзы были неузнаваемы. Глухія стѣны, мрачно глядѣвшія на улицы, открыли рядъ оконъ. На окнахъ уже видны кисейныя занавѣски — это офицеры устроились и сдѣлали себѣ маленькій комфортъ.

— Дорого, дорого все здѣсь,—жаловался и толстый подполковникъ.—Вотъ эта дрянь, — ткнулъ онъ въ жестяной умывальникъ,—и то полтора рубля стоитъ. Спасибо инженерамъ, лѣсомъ немного помогаютъ.

— Ну, идемте въ собраніе. Пока въ лѣтнее, временное.

Но и во временномъ было очень уютно. Оно состояло изъ залы, изъ столовой и двухъ маленькихъ комнатъ для проѣзжающихъ офицеровъ и библіотеки. Стѣны были завѣшаны матеріями, столы въ столовой накрыты чистой скатертью. По мановенію ока явилось красное крымское, водка, омулевая икра, консервъ судака и котлеты, и радушные хозяева принялись меня угощать.

— 1-го октября у насъ первый баталіонный праздникъ, именины новорожденнаго. Оставайтесь,—уговаривали меня офицеры.— Новое собраніе будетъ готово, потанцуемъ.

Жизнь кипѣла. Пришелъ дежурный съ рапортомъ, отдали

приказаніе надѣть дневальнымъ шинели въ рукава, говорили о производствѣ, вспоминали товарищей по училищу, начальниковъ, словомъ военное собраніе далекаго монгольскаго Хайлара напоминало любое наше собраніе въ Россіи...

— Кумирни мы застали разрушенными. Всѣ металлическіе идолы увезены, остались лишь глиняные, — разсказывали офицеры, — да и тѣ варварски изуродованы. Пойдемте, посмотримъ. Въ главной теперь помѣщается артиллерійскій складъ, въ западной интендантскій складъ... А еще винца.—Не пьете? Ну, Богъ съ вами. Такъ можете посмотрѣть ихъ. Можете, отчего же...

Послѣ завтрака я пошелъ смотрѣть кумирни.

Самая большая сѣверная кумирня лежитъ между желѣзнодорожнымъ городкомъ и городомъ, ближе къ послѣднему. Нѣсколько типичныхъ каменныхъ китайскихъ построекъ, съ рѣзными украшеніями и островерхими крышами, заключены въ каменную загородку. По краямъ построены квадратныя башенки, подъ которыми висѣли желѣзные колокола. Они взяты теперь для баталіонной церкви Нерчинскаго баталіона. Маленькіе колокольчики еще остались и меланхоличнымъ дребезжаніемъ встрѣтили меня, когда я подошелъ къ кумирнѣ.

Холодный вѣтеръ со страшной силой дулъ съ сѣверо-востока. Этотъ вѣтеръ — бичъ Манчжуріи, вообще отличающейся здоровымъ климатомъ. Земля была мерзлая, небо безъ единаго облачка. Яркое солнце боролось съ морозомъ, но одолѣть его не могло.

Во дворѣ кумирни поспѣшно взадъ и впередъ шагалъ часовой. Подлѣ запертаго сарая, жилища бонзъ, стояли китайскія пушки на толстыхъ синихъ колесахъ, обитыхъ гвоздями по ободу и по спицамъ; такіе же передки съ сидѣньями были подлѣ. Тѣла орудій были завязаны войлокомъ, но по размѣру и очертаніямъ они походили на наши. Дворъ поросъ сухимъ желтымъ бурьяномъ. Этотъ первый дворъ преграждался каменнымъ павильономъ, испещреннымъ китайскими письменами и стѣнкой съ башнями. Маленькія калитки вели во внутренній дворъ. Дворъ мощеный ровными сѣрыми плитками имѣлъ посерединѣ небольшое каменное украшеніе. Кривое дерево росло подлѣ, прямо передъ главной кумирней. Главная кумирня имѣла справа и слѣва отдѣленія меньшихъ размѣровъ для злыхъ и добрыхъ духовъ... Все позолочено, покрыто красной, синей и зеленой краской; краски еще свѣжи и горятъ на солнцѣ. По стѣнамъ аль фреско сдѣланы грубые рисунки. Рѣшетчатыя двери вели въ главное капище. Ефрейторъ Нерчинскаго баталіона, молчаливый и угрюмый, какъ всѣ

сибиряки, сбѣгалъ за ключемъ и открылъ храмъ. Громадный Будда съ ужаснымъ лицомъ, Будда, аляповато раскрашенный клеевыми красками, еще болѣе страшный отъ многихъ ранъ, нанесенныхъ ему ударами штыковъ и сабель, глядѣлъ выпученными глазами съ возвышенія. Впереди въ стойкахъ на длинныхъ красныхъ палкахъ были громадные диски зеленаго цвѣта съ письменами золотомъ, большая золотая рука съ поджатымъ безыменнымъ пальцемъ, какія-то орудія богослуженій. Въ малыхъ капищахъ тѣ-же аляповатые, пестро раскрашенные боги изъ глины, или изъ папье-маше. Справа розовые и бѣлые — добрые боги, слѣва красные и черные—злые.

— Это вотъ женское отдѣленіе храма,—по своему объяснялъ мнѣ ефрейторъ, указывая на троицу розовыхъ боговъ, — „а это для мущинъ“, показалъ онъ на злыхъ.

Боги, принадлежности богослуженія на красныхъ палкахъ, все выглядѣло балаганной бутафоріей. И только фрески по стѣнамъ, китайскія, безъ перспективы, но богатые рисункомъ и дикостью сценъ, ими представляемыхъ, показывали, что это не балаганъ, а что-то, что хотѣли богато украсить, гдѣ хотѣли уйти отъ будничной вседневной обстановки въ иной міръ—міръ мечтаній и грезъ—сладкихъ обѣщаній и страшныхъ угрозъ.

Идолы грубые, безобразные, безъ изящныхъ округлыхъ формъ, безъ духовной красоты въ глазахъ, показывали и религію—тяжелую, мрачную давящую воображеніе...

Они не производили впечатлѣнія. Въ кумирню я входилъ свободно, какъ въ сарай, въ который составили никому ненужныя вещи. Это не Колизей, не галлерея боговъ Греціи Императорскаго Эрмитажа, въ которыя входишь со смущеннымъ сердцемъ, подавленный идеей культа красоты и силы человѣческаго тѣла... Тѣ штыковые удары, которые попортили маски идоловъ, тѣ хищническія руки, что разнесли по всѣмъ угламъ Россіи маленькихъ бронзовыхъ боговъ — дѣлали это безъ суевѣрнаго страха и безъ злобы. Бояться было нечего. Наивность идоловъ не вызывала чувства фанатической злобы, даже въ самыхъ закоренѣлыхъ изувѣрахъ...

Смотрѣть было больше нечего. Мимо звонящихъ жестянымъ звономъ, словно чухонскія коровы на пастбищѣ, башенокъ кумирни, я прошелъ въ степь и поѣхалъ къ кумирнѣ священной рощи. На фонѣ развѣсистыхъ густыхъ сосенъ рощи кумирня выглядитъ красивымъ изящнымъ замкомъ. Рука европейца уже коснулась ея: балконъ, поддержаный красными столбами, выда-

вался къ лѣсу, тамъ виденъ былъ столъ, стулья и хамакъ. Кумирня занята хайларскимъ интендантомъ. Рядомъ, во дворѣ у помѣщенія боговъ, вынесенныхъ и уничтоженныхъ, возятся засыпанные мукою солдаты и носятъ кули, складывая ихъ въ бунты, вдоль стѣнъ кумирни, покрытыхъ живописью.

Tout passe, tout casse, tout lasse. Въ законномъ движеніи впередъ къ востоку Россія, быть можетъ помимо воли своей, играетъ ту роль, которая ей предначертана свыше. Безъ миссіонеровъ, безъ кровавыхъ экспедицій, сама не желая, она заняла Хайларъ и двинулась дальше.

Защита китайской восточной дороги... Нѣтъ!! не защита дороги вызвала присутствіе Россіи въ Монголіи, а историческія судьбы народовъ; бразды, управляемыя незримою рукою, привели ее къ тому, что монголы волнуются и просятъ русскихъ получать съ нихъ дань. Китайцамъ платить они не хотятъ, русскіе не берутъ, а безъ дани жить какъ-то страшно азіату. Россія не европейское государство. Пронеситесь, какъ я, черезъ Русь, отъ Петербурга до Хайлара, приглядитесь къ декораціи природы, къ сценамъ жизни и нравовъ — всюду Азія. Въ Москвѣ — тѣ же буряты и монголы, лишь почищенные и перекрашенные, всюду господство сердца—любовь и желаніе мира и правды.

Помимо воли Московскаго Царя, палъ триста лѣтъ тому назадъ Искеръ, столица Сибирскаго царства и идолы Кучумовы были повержены во прахъ казаками Ермака; прошла съ тѣхъ поръ треть тысячелѣтія; судьбы Россіи привели ее къ новой грани, незамѣтной, но естественной. И теперь, какъ тогда, мы не хотимъ Монголіи, много земель у насъ и такъ, но Монголія хочетъ насъ. Ламы съ удовольствіемъ смотрятъ на то, что въ ямынѣ, гдѣ жилъ за бумажными окнами амбань, поселился русскій полковникъ, а въ арсеналѣ стоитъ 1-я рота баталіона и живетъ молодой офицеръ съ хорошенькой женою и маленькой дочкой...

Въ серединѣ Хайлара, на расчищенной площадкѣ, на каменномъ постаментѣ, стоитъ желѣзный крестъ — это мѣсто закладки хайларскаго собора. Денегъ на него нѣтъ. Русскіе солдаты и офицеры собрали, что могли, но строить не на что... Однако, не вѣрится, что тутъ не подыметъ свою голову православный храмъ и не зазвучатъ надъ кумирнями, расплываясь по священной рощѣ, колокола, призывая, на удивленіе монголовъ и китайцевъ, людей къ Богу любви и всепрощенія. Деньги будутъ...

Когда я отъѣхалъ отъ послѣдней кумирни и, уже подъѣзжая

къ станціонному городку съ его чистыми улицами и маленькими палисадниками, оглянулся назадъ и увидѣлъ черныя линіи городскихъ стѣнъ, кумирни и грозныя и нелѣпыя очертанія памятника среди голой степи, мнѣ не вѣрилось, что это русскій городъ что тамъ кипитъ русская жизнь. Солнце спускалось за деревья священной рощи и золотило горы, окружавшія причудливыми хребтами Хайларъ. Нѣтъ, думалъ я, это галюцинація, это обманъ, то, что я видѣлъ — неправда. Вѣдь мы въ центрѣ Монголіи, въ шести дняхъ пути отъ Пекина...

На столѣ у инженера К*, у котораго я остановился, лежала литографированная записка, адресованная мнѣ и гостепріимному хозяину.

На запискѣ значилось: „Распорядительный комитетъ офицерскаго собранія Нерчинскаго резервнаго баталіона доводитъ до свѣдѣнія гг. членовъ и гостей собранія, что сего 27-го сентября мѣсяца состоится семейный вокально-музыкальный вечеръ. Начало въ 8 часовъ вечера“.

Проѣзжая изъ Петербурга туристка, концертная пѣвица, военная дама, любезно предложила повеселить и развлечь хайларское общество.

Я и хозяинъ К*. поѣхали.

Собраніе, передѣланное изъ китайской фанзы было ярко освѣщено свѣчами, вставленными въ бра изъ китайскихъ штыковъ. Полы покрыты коврами, стѣны задрапированы пестрой матеріей, на окнахъ кисейныя занавѣски. Рядомъ, въ столовой, сервированъ ужинъ. Надъ піанино, задрапированные русскими флагами, висятъ портреты Ихъ Величествъ. Весь Хайларъ на лицо. О, несомнѣнно это русскій городъ. Офицеры баталіона, ихъ жены, дѣти, инженеры, доктора, офицеры пограничной стражи, маленькое общество. Жена инженера акомпанировала, пѣвица пѣла. По китайской фанзѣ гремѣла „*Свадьба*“ — Даргомыжскаго и тихими переливами, пробуждая неясную тоску на сердцѣ, раздавалась „*Ласточка*“—Гурилова... Концертъ былъ конченъ. Въ прихожую явились бродячіе музыканты—двѣ скрипки и двѣ арфы, баталіонный адъютантъ подъ звуки плавнаго меланхоличнаго вальса пошелъ танцовать по неровному полу еще вчера китайской фанзы, сегодня русскаго военнаго собранія.

Потомъ ужинали, потомъ двѣ дѣвочки, дочери командира баталіона, танцовали модный аликасъ, потомъ была музыка... Разъѣзжались въ третьемъ часу.

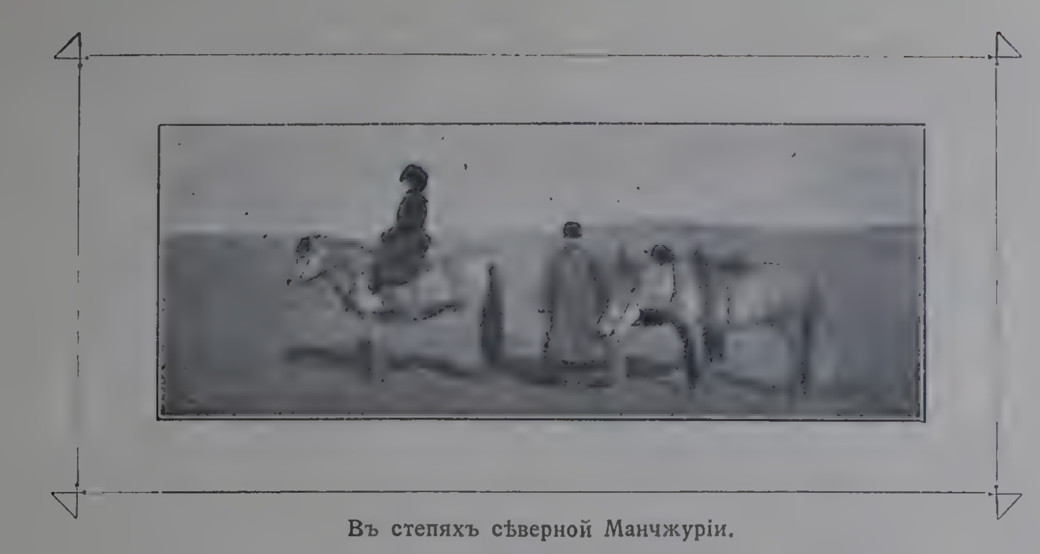
Бѣшеная тройка несла по степи. Томскій иноходецъ совсѣмъ

легъ на бокъ и раздвоивъ свой жирный крупъ только качалъ имъ, пристяжки стлались по землѣ и казалось не касались ея ногами, колокольчикъ не звенѣлъ, а лишь трепеталъ, тарантасъ прыгалъ по дорогѣ, холодный вѣтеръ дулъ съ горъ, звѣзды ярко мигали съ безоблачнаго неба. Мой сосѣдъ былъ задумчивъ.

— Хайларъ идетъ по обратному пути цивилизаціи, проговорилъ онъ, наконецъ,—желѣзная дорога прошла черезъ него раньше шоссе и первое пѣніе было серьезное, концертное пѣніе, а не шансонетка,—этотъ первый признакъ европейской культуры... Не предвѣщаетъ ли это Хайлару особеннаго развитія и могущества... Во всякомъ случаѣ сегодняшній день историческій, достойный быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ Хайлара.

Я промолчалъ—онъ не продолжалъ. Колеса тарантаса не шумѣли, а журчали, станція неслась на насъ съ неудержимой быстротой. Когда мы выходили, въ головѣ немолчно стоялъ призывъ слышанной пѣсенки: „Ай люли, ай люли, ей полюбится Тарасъ“. Темныя горы окружали городъ, въ ихъ кольцѣ былъ одинъ прорывъ, на востокъ. Туда шелъ желѣзный путь... Русскій путь къ Великому океану...

Хайларъ.
Сентябрь 1901 г.



Въ степяхъ сѣверной Манчжуріи.

VIII.

Въ Манчжуріи.

Въ служебномъ вагонѣ.—Монгольскія лошади.—Заброшенныя могилы.—Въ Казачьихъ Якшахъ.—Посты охранной стражи.—Мендухэ.—Сибирское гостепріимство.—Ночь въ горахъ —Хорго.—Рабочіе желѣзной дороги.

30-го сентября днемъ я выѣхалъ изъ Хайлара въ служебномъ вагонѣ и направился къ Хингану. Нашъ вагонъ сильно болтало, да и немудрено, вѣдь это новорожденный путь. По настоящему, по нему нельзя и ѣздить, но изъ любезности меня и еще нѣсколькихъ „казенныхъ" людей везли со скоростью 12 верстъ въ часъ съ поѣздомъ, доставляющимъ шпалы и баластъ на конецъ пути. Мы проѣхали будущую станцію Хакъ, потомъ Джемертэ и у Якши остановились. Здѣсь кипѣла работа. Рабочіе уже были преимущественно китайцы, но характеръ поселка сохранился русскій. Русская большая въѣзжая изба, землянки, дома инженеровъ, плохенькая землянка Кубанской сотни, тыномъ обведенная конюшня, въ которой гулялъ вѣтеръ и мерзли мохнатыя монгольскія лошаденки, дальше—черная шоссированная дорога подымалась на вершину некрутого холма, ни дать ни взять какъ въ Таганрогскомъ округѣ Войска Донского: вотъ каковы оказались Большія Якши. Отсюда, на протяженіи шестидесяти верстъ, нѣтъ рельсоваго пути и ѣдутъ на лошадяхъ. Проѣзжихъ было много, были женщины,

дѣти, какіе-то важные и избалованные чиновники; лошадей не было. Смотритель станціи былъ раздраженъ, говорилъ дерзости. Холодно смотрѣлъ я на всю эту исторію. Бѣлый кубанскій монголъ, посѣдланный казачьимъ сѣдломъ стоялъ предо мною, и бородатый кубанецъ въ рыжемъ полушубкѣ и круглой барашковой шапкѣ, съ винтовкой и шашкой, но безъ единаго признака солдатскаго званія, ожидалъ моего приказанія ѣхать.

— Поѣхали,—проговорилъ я, садясь на лошадь, въ которой едва былъ 1 аршинъ 13 вершковъ.

— Эге,—промычалъ хохолъ—и мы тронулись...

Отъ Большихъ Якшей до начала укладки рельсоваго пути со мною верхомъ ѣдетъ офицеръ пограничной стражи.

— Вы давно здѣсь?—спрашиваю я его.

— Второй годъ,—отвѣчаетъ онъ,—я раньше въ охранной былъ.

— Ну какъ служится?

— И не говорите. Чтобы служить здѣсь надо или пить, или играть, или охотиться. Я не охотникъ, въ игрѣ мнѣ не везетъ, пить не умѣю, а потому—тоска. Здѣсь весело живутъ одни инженеры, да и у тѣхъ такое веселье, что не одинъ изъ нихъ самоубійствомъ покончилъ. Сторона такая проклятая. Лошади скверныя, службы никакой—просто не знаешь, какъ время убить...

Лошади дѣйствительно были скверныя. Я не говорю про наружный видъ. Ихъ не ковали, не чистили, не разбирали хвостовъ и длинная грива грязными космами висѣла далеко ниже шеи — это бы еще ничего, это дѣло поправимое, овесъ, щетка, немного труда и изъ этихъ лошадокъ можно было бы создать великолѣпныхъ нарядныхъ понекъ, но онѣ были слабы. Первыя двадцать верстъ, пока были кубанскія лошади, онѣ еще шли довольно бодро, но когда намъ подали своихъ лошадей донцы, дѣло измѣнилось къ худшему, лошади шли за поводомъ и въ постоянномъ посылѣ шенкелями и плетью. Сѣдло, созданное въ Москвѣ по казацкому образцу тоже не прельщало удобствами, — было грубо и такъ неопрятно, что скорѣе напоминало „домашнюю справу", а не казенную вещь. Словомъ ѣзда особеннаго удовольствія не доставляла.

— Всегда онѣ у васъ такъ бѣгутъ?—спросилъ я у казака.

— Постоянно. И чудное дѣло, ваше благородіе, у монголовъ онѣ быстрыя, сильныя лошади, а къ намъ попадутъ—плохи.

— Не кормите вѣрно.

— Да припадаетъ такъ, ваше благородіе, что недѣли по двѣ овса не имѣемъ, доставки нѣтъ.

— Вотъ погодите, — проговорилъ офицеръ, — когда окончательно нашу стражу приметъ пограничная, можетъ быть и порядокъ заведется, а то теперь какое-то переходное время. А китайской дорогѣ было до насъ дѣло, пока была опасность, а потомъ все равно... смотрите-ка вправо,—перебилъ онъ самъ себя, — видите, тамъ маленькія насыпи—это укрѣпленная позиція генерала Орлова.

Поднявшись на холмъ, дорога не круто спустилась внизъ и пошла мимо высокой и довольно крутой стѣны уваловъ; вправо отъ дороги эти увалы отходили на версту и далѣе, образуя балки, одинъ выдвигался впередъ и подходилъ почти къ дорогѣ. Внизу мѣсто было болотистое, поросшее высокой травой; теперь эта трава совершенно сухая уныло шелестѣла подъ порывами морознаго вѣтра, тогда и она, и почернѣвшіе отъ пробѣжавшихъ паловъ увалы были зелены. Позиція занимаетъ гребень поперечнаго увала и отходитъ вправо отъ дороги. Кругомъ командующія горы. Цѣлый рядъ вершинъ и вершинокъ образуетъ длинныя балки, по которымъ обходъ былъ и легокъ, и возможенъ. Китайцы не обошли генерала Орлова. Одни говорятъ, что имъ помѣшала гроза, другіе, что послѣ того, какъ молнія разбила у нихъ передокъ, они отошли назадъ изъ суевѣрнаго ужаса, что боги на сторонѣ русскихъ; вѣрнѣе, они боялись русскихъ и памятно еще имъ было айгуньское избіеніе, послѣ котораго долго волки и лисицы копали китайскіе трупы изъ-подъ земли.

Мы ѣдемъ больше двухъ часовъ перемѣнными аллюрами, поднимаемся на высокую гору и здѣсь видимъ широкую и глубокую долину. Должно быть тамъ внизу течетъ рѣчка, потому что кусты и деревья протянули свои тонкія, то черныя, то красныя вѣтки подняли стволы и тѣсной толпой бѣгутъ вдоль по долинѣ. Между нихъ черной линіей видна насыпь строющейся желѣзной дороги *). Влѣво вьется дымокъ—это Казачьи Якши.

Недалеко отъ дороги, въ унылой степи, стоятъ четыре креста. Два побольше и два поменьше. Грубые комья земли образуютъ могильные холмы, надъ ними кресты, сдѣланные изъ кривыхъ, сѣрыхъ палокъ. На одномъ вѣтеръ или святотатственная рука снесли верхнюю перекладину и онъ стоитъ калѣкой. Двое меньшихъ не сохранили никакихъ надписей; на большихъ—перочиннымъ ножикомъ криво и косо нацарапано, что это умершіе отъ ранъ казаки Верхнеудинскаго казачьяго полка Ефимъ Ординъ и

*) Смычка пути состоялась въ двадцатыхъ числахъ октября 1901 года.

Михаилъ Перебоевъ... Два ворона кружились надъ крестами, уныло шумѣла сухая трава, да холодный, порывистый, манчжурскій вѣтеръ вылъ и свисталъ въ сухихъ перекладинахъ могильныхъ крестовъ... Унылая степь, унылыя горы—ширь и пустыня кругомъ...

Когда большая война ураганомъ проносится надъ страною и сотни, тысячи жертвъ находятъ себѣ безвременную могилу на чужой сторонѣ, когда изнуренный народъ еле сводитъ концы съ концами, разоренный военными расходами и полки бѣдны—такіе памятники, такія забытыя могилы могутъ найти оправданіе... Но въ этомъ походѣ, гдѣ гибли единицы — долгъ товарищей былъ воздать вѣчную память героямъ и жертвамъ манчжурскаго похода. Вѣдь живы же тѣ верхнеудинцы, что стремя къ стремени шли и бились съ Ординымъ и Перебоевымъ, живы тѣ, кто копалъ имъ могилы на чужой сторонѣ; въ верстѣ стоитъ казачій пикетъ. Зачѣмъ дѣло стало? Отчего не исполнить трогательную просьбу казака—не насыпать курганчикъ ему въ головахъ и... „пусть на курганѣ калина родная растетъ и красуется въ яркихъ цвѣтахъ, пусть вольная пташка на этой калинѣ порой пропоетъ эту пѣсенку мнѣ, какъ жилъ былъ казакъ далеко на чужбинѣ и помнилъ Байкалъ на чужой сторонѣ“... А то забытые... покинутые... Ни вѣтки, ни куста, ни вѣнка изъ терна, ни порядочной надписи. Жутко подлѣ такой могилы, за товарищей ихъ, казаковъ, жутко. Сидятъ поди-ка теперь въ теплыхъ хатахъ, дуютъ чай, чуть что не ведрами, а надъ тѣлами товарищей свищетъ вѣтеръ и качаетъ ихъ кривые кресты. Дальше, дальше... Вотъ болото, родникъ, шумъ, крикъ, ругань, почтовыя тройки возлѣ юртъ, сложенныхъ изъ кошемъ: мы въ Казачьихъ Якшахъ.

— Да поймите вы, чортъ васъ возьми, что я ѣду по казенной надобности,—кричалъ какой-то тучный господинъ съ глазами на выкатѣ, вы мнѣ обязаны дать тройку.

— Позвольте, милостивый государь, я раньше вашего пріѣхалъ, мое право на тройку, понимаете ли вы *право*, возражалъ ему офицеръ въ погонахъ стрѣлковаго полка.

— Вы по какому дѣлу изволите ѣхать?

— Изъ отпуска. И я не могу опоздать.

— А я обязанъ прибыть на службу. Смотритель, дайте мнѣ лошадей, обращался тучный проѣзжающій къ худому, рыжему смотрителю, растерянно поглядывавшему по сторонамъ.

Станція... То есть двѣ юрты, согрѣваемыя желѣзными печами и самоварами, полны народомъ. Нѣмецкое семейство, многочадное,

укутанное пледами и платками, ѣстъ колбасу и пьетъ чай; офицерская жена, та самая пѣвица г-жа К., которую мы слышали въ Хайларѣ, ѣдущая какъ и мы, верхомъ, по-мужски, въ черномъ полушубкѣ, высокихъ сапогахъ и громадной черной сибирской папахѣ, растерянно и пугливо озирается по сторонамъ большими голубыми глазами; старый ротмистръ, молодой хорунжій и бывалый стрѣлокъ-поручикъ, составивъ тріумвиратъ, дѣлятся своими запасами, доставая завернутую въ бумагу колбасу, сало, ветчину и водку.

— Надо бы пригласить и даму, а то она совсѣмъ потерялась здѣсь,—шепчетъ поручикъ.

— Всенепремѣнно—басомъ отвѣчаетъ молодой хорунжій.

— Сударыня, не угодно ли, чѣмъ Богъ послалъ. Въ дорогѣ знаете правила особенныя, а въ Манчжуріи, гдѣ не разберешь, что за государство такое, и весьма особенныя,— зоветъ ротмистръ.

„Сударыня“ конфузится, но подходитъ: она очень голодна, ея вещи опоздали. У нихъ тамъ съ мужемъ идетъ корзинка и въ корзинкѣ есть все: и курочка, и мясо, и шоколадъ, и вино...

— Рюмочку коньяка,—предлагаетъ ротмистръ.

— Я коньяка не пью,—жалобнымъ тономъ отвѣчаетъ дама,— дайте лучше водки.

Она прозябла ко всему прочему и водка ей необходима.

Въ углу юрты, по которой свободно гуляетъ вѣтеръ, на крошечной лавочкѣ ютится вся компанія. На дворѣ, окруженномъ дырявымъ тыномъ звенятъ тройки, суетятся ямщики. Я и мой временный пріятель не имѣемъ мѣста, да и торопимся, а потому идемъ на постъ.

Постъ расположенъ всего въ двухстахъ шагахъ отъ станціи. Онъ состоитъ изъ двухъ юртъ—солдатской и казачьей—и плетневаго заборчика, за которымъ сложено сѣно и привязаны лошади, мохнатыя и грязныя, какъ вездѣ въ Манчжуріи. По бокамъ юртъ прокопаны небольшіе стрѣлковые поясные окопы. Это—на всякій случай. На посту пять казаковъ и восемь солдатъ. У солдатъ юрта почище, постороннихъ нѣтъ и на маленькой желѣзной печуркѣ весело кипитъ котелъ, наполненный тонкими аппетитными ломтями ветчины. Солдаты имѣютъ видъ довольный. Ихъ пригнали съ румынской границы, гдѣ они день и ночь стояли на часахъ, закладывали секреты и сторожили контрабанду. Здѣсь службы нѣтъ. Рѣдко-рѣдко придется проводить почту, да и ту въ очередь съ казаками. У казаковъ погрязнѣе. Юрта набита „вольными“ людьми подозрительнаго вида—рабочими съ желѣзной до-

роги, прiисковыми бродягами, а, можетъ быть, и каторжниками. Народъ все угрюмый и имѣетъ видъ непроспавшiйся. Донцы тоже взлохмачены, и мыла не видали съ самаго тихаго Дона. Службой довольны, потому что ея нѣтъ.—А чистить, ковать лошадей, выѣзживать ихъ, строить себѣ хотя бы изъ самана казарму и конюшни!—говорю я.—Смѣются...

О, казакъ хитрое существо. Трудно съ нимъ ладить тому, кто его не знаетъ. Много надо прожить съ казакомъ, пудъ соли, какъ говорится, съѣсть съ нимъ, чтобы понять его. Казакъ—кондитеръ въ душѣ, онъ умѣетъ подкупить и заговорить начальство, онъ пользуется своимъ авторитетомъ казака, природнаго кавалериста, пользуется уваженiемъ безшабашной удали и полной готовности исполнить какое угодно приказанiе, хотя бы запереть рабочихъ, желающихъ подать „ядовитыя письма" проѣзжающему генералу,—въ каталажку, какъ здѣсь зовутъ кутузку, и живетъ въ Манчжурiи бариномъ. Казакъ уменъ. Онъ умѣетъ успокоить, заговорить офицера, прельстить его своими доводами и устроиться по своему—и грязно, и бѣдно, и безъ работы.

— Нужно чистить лошадей!—говоритъ ему офицеръ.—Помилуйте, ваше благородiе, да рази эту скотину можно къ примѣру щеткой. Да она заразъ съ эстого подохнетъ. Ее никто никогда не трогалъ. Такъ обтереть—это дѣйствительно оботремъ. Да будьте безъ сумлѣнiя—потрафимъ.

Офицеръ изъ пѣхоты. Лошадь видалъ только у себя въ обозѣ. Смотритъ онъ на худого крошечнаго мохнатаго монгола и думаетъ—чортъ его знаетъ, можетъ и правда ее чистить нельзя.

— Что-то худоваты у тебя кони,—говоритъ офицеръ старшему на посту—я тебя смѣщу на низшiй окладъ.

— Воля ваша, ваше благородiе,—отвѣчаетъ старшiй, смиренно потупляя глаза,—а только развѣ эту скотину накормишь?! Она, сами знаете, свиной породы. Отродясь окромя травы ничего не жрала...

Что сказать? Нужно много видѣть лошадей, нужно съ молокомъ матери всосать убѣжденiе, что овесъ и кормитъ, и чиститъ, и гладитъ, нужно знать службу кавалерiйскаго солдата, чтобы понять, что всего можно добиться, всего достигнуть и получить и видъ, и бодрость духа даже отъ сибиряка. Но для этого нужно быть прежде всего кавалеристомъ...

А можетъ быть и правда эти лошади неспособны къ выѣздкѣ, не могутъ служить для кавалерiи?

Неспособны?.. А Иркутская конно-казачья сотня?.. Правда,

ремонтъ охранной стражи очень плохъ и много придется поработать пограничной стражѣ, чтобы посадить свои сотни на лихихъ манчжурскихъ маштаковъ. Но безъ работы ничего не выйдетъ. Безъ работы можно только обыгрывать инженеровъ въ манчжурскую „макашку“, въ которой въ банкѣ меньше тысячи рублей не бываетъ...

Но время ѣхать дальше. Казакъ въ полушубкѣ и старой фуражкѣ съ желтымъ околышемъ тянетъ трехъ бѣлыхъ монголовъ съ водопоя. Мы садимся и ѣдемъ.

Небо безоблачно. Яркое солнце свѣтитъ въ лицо, а въ спину дуетъ рѣзкій пронзительный вѣтеръ, онъ пробираетъ сквозь теплый полушубокъ, и старый абиссинскій ревматизмъ въ лопаткѣ напоминаетъ иныя степи, иные ночлеги.

Впереди на бѣленькой лошадкѣ бодро ѣдетъ дама съ мужемъ. Мы обгоняемъ ихъ.

— Ишь, господинъ юнкеръ и чести не отдаетъ, — ворчитъ мой спутникъ-корнетъ.

— Да это не юнкеръ, а дама,—говорю я.

— Корнетъ оборачивается. Дама хохочетъ чему-то. Ея розовое лицо горитъ отъ мороза, глаза блестятъ...

— Да, не юнкеръ!—говоритъ корнетъ и вдругъ погружается въ глубокую задумчивость.

А мимо тѣ же увалы, покрытые желтой сухою травою, мы спускаемся въ широкую долину, въ сторонѣ видны густыя поросли кустовъ, вдоль нихъ лежитъ черное полотно дороги, еще безъ рельсовъ и безъ шпалъ. Горы становятся круче и выше, мы вступаемъ въ предгорія Хингана. Около четырехъ часовъ дня мы прибыли на станцію Мендухэ. Не заночевать ли здѣсь—предложилъ мой спутникъ.

— Ладно. Зачѣмъ къ ночи ѣхать,—согласился я, и мы пошли искать себѣ ночлегъ.

Если вамъ будутъ разсказывать про сибирское или манчжурское гостепріимство — не вѣрьте. Въ Манчжуріи гостепріимны только офицеры, но офицеры гостепріимны всюду въ Россіи, военная семья русская—это гордость Россіи, потому что это дѣйствительно единая семья. Инженеры окажутъ пріемъ знакомому, человѣку съ рекомендаціей, или власть имущему,—для такихъ—шампанское льется рѣкою, повара готовятъ деликатесы, и Европа, и Америка заполняютъ длинные столы отборными питіями и явствами, но простой смертный, особенно скромный охранникъ, армейскій офицеръ, не найдетъ себѣ пріюта въ инженерномъ баракѣ.

Въ Мендухэ, красиво раскинувшемся по крутому склону, покрытому мелкимъ березнякомъ, есть землянка, именуемая въѣзжей избой. Въ крошечной комнатѣ этой избы, съ окномъ на одномъ уровнѣ съ горизонтомъ, было столько народа, что не только лечь, но и сѣсть было негдѣ. Все нѣмецкое семейство in corpore, толстый интендантскій чиновникъ, тріумвиратъ, угощавшій даму водкой и колбасой, важный чиновникъ, требовавшій лошадей, груда вещей, теплаго платья, калоши, палки и шашки—загромождало комнату совершенно. У самаго окна, на грязномъ столѣ шипѣлъ, кипѣлъ и свистѣлъ самоваръ; всѣ закусывали, собираясь здѣсь ночевать въ повалку.

— Ну нѣтъ, здѣсь не устроишься,—проговорилъ корнетъ и растерянно оглянулся кругомъ.

Интендантъ и нѣмцы смотрѣли враждебно, офицеры выказывали желаніе потѣсниться, но и потѣсниться было некуда, землянка буквально была расперта народомъ.

— Нельзя тутъ у кого-либо переночевать? — обратился я къ ямщику.

— А толконитесь къ десятнику, больше тутъ негдѣ,—равнодушно отвѣтилъ ямщикъ.

Десятникъ помѣщался въ этой же землянкѣ, гдѣ у него была крошечная каморка съ двумя маленькими окнами. Едва я открылъ дверь, какъ меня обдало теплымъ паромъ. Въ комнатѣ было жарко натоплено, кипящій самоваръ испускалъ длинныя струи бѣлаго пара, какая-то баба стирала бѣлье, мужикъ въ зипунѣ сидѣлъ у грубо стесаннаго стола и пилъ желтый мутный чай.

— Что вамъ?—недовольнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да вотъ ищемъ гдѣ бы переночевать—отвѣтилъ корнетъ.

— Окромя въѣзжей негдѣ,—сухо отвѣтилъ десятникъ.

— Да тамъ полно народа,—проговорилъ корнетъ.

— Ночуйте въ коридорѣ, въ сѣняхъ, — отвѣтилъ десятникъ и мрачно сталъ дуть на блюдечко.

Въ сѣняхъ стояло помойное ведро, ходили куры и было свѣжо также, какъ и на дворѣ.

Мы вышли на улицу. Отъ вѣтра было нестерпимо холодно. Вѣтеръ рвалъ полы полушубка, морозилъ уши, щеки, носъ.

— Что же мы будемъ дѣлать,—задумчиво проговорилъ корнетъ. Вѣдь темнѣетъ уже.

— Пойдемъ къ казакамъ,—предложилъ я.

Мендуховскій постъ прилѣпился къ самой горѣ. Это мрачнаго вида землянка, еле поднимающаяся надъ горизонтомъ, мѣ-

стами крытая кривыми досками, мѣстами хворостомъ и соломой. Она совсѣмъ по наружному виду не походила на человѣческое жилье, а тѣмъ болѣе на казарму. Противъ нея черезъ дорогу было мѣсто, огороженное тыномъ. Тамъ было набросано сѣно и стояли въ два ряда хвостами другъ къ другу пестрые монголы— это была казачья конюшня.

Урядникъ почтительно насъ встрѣтилъ. На посту помѣщалось пять казаковъ и восемь солдатъ.

— Что, братъ, не устроишь ли намъ ночлегъ, — спросилъ корнетъ, истомившійся въ поискахъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе,—отвѣчалъ урядникъ, — только плохо у насъ, да и клопъ одолѣлъ совсѣмъ, просто житья отъ него нѣтъ. Вотъ въ моемъ помѣщеніи барыня хотѣли стать, да и то, какъ видно, дальше ѣдутъ.

Урядникъ помѣщался въ той же землянкѣ, гдѣ у него была сдѣлана каморка съ крошечнымъ окномъ безъ стеколъ. Въ каморкѣ были сдѣланы нары, накрытыя грязными одѣялами. На одной изъ постелей, съежившись, сидѣла г-жа К*. Ни ей, ни ея мужу мѣста въ Мендухе не нашлось. Мы познакомились.

— Не ночевать же здѣсь,—проговорила она и надъ губою дрогнула брезгливая складка. — И все-таки здѣсь лучше, здѣсь хотя бы вѣжливые и привѣтливые люди, здѣсь не боишься оскорбленій. Мы ѣдемъ дальше на Хорго, тамъ больше домовъ. Мужъ надѣется устроиться у кого-нибудь.

— Но, вѣдь, ночь наступаетъ, а вы и такъ проѣхали сорокъ четыре версты сегодня, а до Хорго еще двадцать четыре.

— Да, двадцать четыре,—безучастно отвѣтила К*.

— Вы позволите и я поѣду съ вами. Все-таки насъ будетъ больше,—предложилъ я.

— Сдѣлайте ваше одолженіе. Хотя говорятъ, что теперь здѣсь совсѣмъ безопасно. Про хунхузовъ ничего не слыхать, да и здѣсь не Сибирь.

Въ это время за тонкой стѣной раздалась пьяная грубая ругань и споръ.

— Эй, потише вы тамъ,—крикнулъ урядникъ.

— Ну, чаво потише, — ишь какое начальство, — отвѣчали изъ-за стѣны.

— А то и начальство. Вотъ возьму плетку, да выгоню васъ на морозъ, такъ будете знать,—отвѣтилъ урядникъ.

За стѣной что-то проворчали, но затихли.

— Кто тамъ помѣщается?—спросилъ я.

— А рабочіе, ваше благородіе. Народъ-то больно каторжный. Денегъ зарабатываютъ порядочно, рублей до сорока, до пятидесяти въ мѣсяцъ и все пропиваютъ. Дѣйствительно, куда ихъ дѣвать. Почтовая контора есть только на Хинганѣ, надо, значитъ, туда несть, спрятать опасно, народъ тутъ самой варнакъ, только держись, обокрадутъ, а чего добраго и убьютъ,—ну и пьютъ. Ну и жизнь ихъ тоже не веселая. Помѣщенія плохія, ночью холодно, провіантъ свой готовятъ кое-какъ, еще гдѣ артель большая, такъ тамъ котлы есть, а то просто въ котелкахъ, да въ чугункахъ варятъ себѣ. Годъ, почитай, работаютъ, лба не перекрестятъ. Попъ наѣзжаетъ иной разъ на Хинганъ, а тѣ, которые на смычкѣ, тѣмъ далеко. Иные такъ озлобляются, особенно спьяна, что къ домамъ инженеровъ караулъ ставить приходится. Что тутъ будетъ, ваше благородіе, какъ мы уйдемъ—одному Богу извѣстно.

— Эта „крупа",—презрительно махнулъ урядникъ рукою въ сторону солдатъ пѣшей сотни,—эта крупа не управится; ее самою прирѣжутъ. Эти варнаки только и боятся, что слово казакъ, потому ежели что, мы ихъ не щадимъ. Манчжурія одно слово... А никакъ и лошадей барынѣ ведутъ.

Мы поднялись и стали собираться. Съ почты привели телѣгу, которая за шесть рублей обязалась доставить наши вещи до Хорго. Дама сѣла на маленькаго сѣраго конька, мужъ влѣзъ на своего, сѣлъ и я и сопровождаемые однимъ казакомъ, мы поѣхали мимо въѣзжаго дома.

Дорога свернула влѣво, въ долину рѣчки, обросшей дубовымъ кустарникомъ, по ломающемуся хрупкому льду мы переправились въ бродъ черезъ нее и опять поѣхали унылыми пустынными каменистыми кряжами по склону долины.

Долина незамѣтно расширялась. Внизу поросли кустарниковъ становились гуще и выше, показывалась лиственница и мелкій и кривой таежный березнякъ бѣжалъ по скатамъ. Вдали позлащенныя закатомъ виднѣлись зубчатыя горы, причудливо рисуясь розовыми очертаніями на угасающемъ небѣ. Краски были волшебныя. Онѣ мѣняли тона ежеминутно, то ложась темно-фіолетовыми тѣнями въ ущельяхъ горъ, то вспыхивая пурпуромъ на хребтѣ, то замирая розовымъ прозрачнымъ свѣтомъ на далекомъ западѣ. Низъ долины покрылся тьмою, предметы быстро теряли очертанія, спуски казались оврагами, горы дѣлались выше и мрачнѣе. Выпрыгнула на зеленовато-синемъ небѣ одна звѣздочка, засвѣтилась яркимъ пламенемъ, къ ней пристала другая, третья, вотъ засверкали Плеяды и Полярная звѣзда, тихая и кроткая, выплыла

наверхъ, въ сопровожденіи Большой Медвѣдицы. Небо загорѣлось звѣздами, но отъ нихъ не стало свѣтлѣе. Дорога перевалила черезъ высокій хребетъ и пошла крутиться на полугорѣ, извиваясь съ изгибами долины. Въ темнотѣ путь казался безконечнымъ. Лошадь у пѣвицы спотыкалась и не шла; по каменистому грунту и наши бѣжали неохотно. И вдругъ далеко на горѣ показался лѣсной пожаръ. Пламя охватило горы и ярко-краснымъ заревомъ разлилось по небу. Зловѣще было это освѣщеніе, таинственны горныя дали, ужасны зубцы высокаго Хингана, отчетливо рисовавшіеся на ярко-красномъ небѣ. А ночь кругомъ была такъ же таинственна и темна. Скалистыя горы были слѣва—вправо долина, вдоль которой вился желѣзный путь съ уложенными уже рельсами. Мы четыре раза пересѣкали его, шли въ бродъ черезъ замерзшую широкую рѣчку; лошади разбивали хрупкій ледъ и вода хлюпала и плескала изъ подъ него, и, наконецъ, за поворотомъ долины, за выступомъ горы показались огни.

— А вотъ и Хорго,—проговорилъ казакъ.

Мы слѣзли и въ поводу побрели искать себѣ пристанища. Былъ девятый часъ вечера и бараки были темны.

— У кого лучше остановиться?—спросили мы у казака.

— А здѣсь больше не у кого, кромѣ г-на В*, всѣ у него становятся.

— Веди насъ къ нему.

Черезъ минуту мы стояли у небольшого бѣлаго барака, сдѣланнаго изъ самана.

На стукъ въ окно открылась дверь и въ ней показался растрепанный малый со свѣчою въ рукахъ.

— Господа спятъ,—заявилъ онъ.

— А нельзя ли будетъ переночевать у васъ?—спросилъ мужъ молодой дамы.—Вотъ моя карточка.

Малый взялъ карточку и исчезъ, словно провалился въ темномъ домѣ. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ на холодномъ вѣтру, наконецъ малый вернулся.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ,—вы можете остановиться въ конторѣ. Онъ провелъ насъ въ небольшую комнату съ двумя окнами, возлѣ которыхъ стоялъ громадный некрашеный столъ. Столъ занималъ почти всю комнату. Въ углу была грязная деревянная кровать, накрытая ковромъ и шкафъ съ бумагами. Въ комнатѣ было тепло. Сѣрая кошка играла на коврѣ. Громадная висячая лампа ярко освѣщала и столъ и бѣлыя, мазаныя стѣны, и коверъ, и кошку, и нашу прозябшую компанію. Малый разста-

рался самоваромъ, принесъ чай, сахаръ, хлѣбъ, но комната осталась все такой же неуютной, съ какимъ-то особеннымъ грустнымъ отпечаткомъ. Она говорила о тяжелой работѣ по проведенію желѣзнаго пути, о тоннеляхъ, выемкахъ, насыпяхъ, закругленіяхъ, о счетѣ шпалъ, о степныхъ пожарахъ, нападающихъ на эти шпалы, о пескѣ и о рабочихъ.

И я видѣлъ во мракѣ ночи всклокоченныя лица, красныя и грязныя, видѣлъ жилистыя руки, впившіяся въ лопаты и быстро кидающія большіе комья земли. И среди нихъ цѣлая армія въ синихъ, ватныхъ блузахъ и такихъ же синихъ панталонахъ, въ онучахъ и туфляхъ, то съ обнаженными головами, съ затылка которыхъ свѣшивались длинныя косы, то въ самыхъ разнообразныхъ шапкахъ, съ шумомъ и криками роющихъ землю, носящихъ ее въ маленькихъ корзиночкахъ на коромыслѣ, набивающихъ рельсы. Русскій рабочій получаетъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. въ день (въ тоннелѣ); онъ живетъ въ тяжелыхъ непривычныхъ условіяхъ, онъ бросилъ семью дома, онъ не имѣетъ развлеченій, онъ каждую минуту рискуетъ жизнью, его могутъ уволить во всѣ четыре стороны по одному капризу инженера и тѣмъ не менѣе его жизнь сносна. У него есть идея. Онъ копитъ деньги, онъ откладываетъ и изъ своего заработка онъ что-нибудь да унесетъ домой. Если онъ хорошій рабочій, онъ унесетъ даже много, нѣсколько сотъ рублей. Даже когда онъ пьетъ, у него есть вдохновеніе, идея въ пьянствѣ, онъ можетъ бахвалиться, куражиться, онъ знаетъ, что онъ заработалъ на выпивку. Да, онъ живетъ въ вонючей землянкѣ, онъ питается кое-какъ, но онъ удовлетворенъ сполна и какъ многіе мнѣ говорили „жаловаться не можетъ“. Кончится работа—онъ пойдетъ домой, понесетъ свои деньги и если дорогой его никто не убьетъ—онъ доволенъ. Другой бѣжитъ съ работы, но онъ бѣжитъ на пріиски добывать воровское золото, онъ запасается винчестеромъ или маузеромъ и обращается въ ползуна по скаламъ, удовлетворяя своей потребности къ бродяжничеству. Среди нихъ много убійцъ. Здѣсь, въ Манчжуріи, жизнь нипочемъ. Тамъ и тутъ видишь крестъ среди глухой степи и на крестѣ ножичкомъ нацарапано: *„Здѣсь покоится тѣло убитаго—неизвѣстно кто и неизвѣстно какой губерніи—30-го іюля 1901 года“*. Казаки нашли тѣло, охранный офицеръ составилъ протоколъ и произвелъ дознаніе и казаки зарыли тѣло въ землѣ и поставили немудреный крестъ. Тамъ, гдѣ сто рублей не деньги, гдѣ десятникъ пьетъ шампанское—много простора для широкихъ натуръ, для разгула и бро-

дяжества за золотомъ, при постоянномъ рискѣ получить пулю въ лобъ отъ кочевника-солона, или горца-даурца.

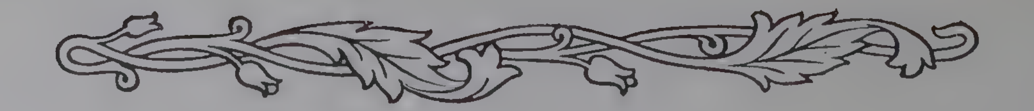
Другое дѣло китаецъ. Вотъ онъ стоитъ весь передо мною въ синей курткѣ на желтомъ грязномъ тѣлѣ, въ панталонахъ и туфляхъ. Онъ плачетъ и воетъ отъ мороза, онъ трясется и прыгаетъ возлѣ костра и онъ же бѣжитъ и напѣваетъ пѣсню безъ словъ, согрѣтый яркимъ манчжурскимъ солнышкомъ. Вотъ группа ихъ сидитъ у костра, ѣстъ чумизу, лепешки изъ муки и мяса. Дайте ему „мало мало сыпи (спать), мало мало кушай" и онъ работаетъ уже, покрикивая и смѣясь, показывая свои бѣлые зубы. Онъ плохой работникъ, но и плата ему плохая—40 коп. въ день. А заплатить за чумизу, за муку, за право грѣться у костра, за мясо, за трубку, длинную, тонкую трубочку съ костянымъ мундштучкомъ и серебряной чашечкой? А имѣть разсчетъ съ десятникомъ въ шелковой кофтѣ и съ блестящей косой, съ бѣлымъ, сытымъ лицомъ, что степенно ходитъ между ними? что у него останется, четыре чоха—одна копѣйка... Когда накопится нѣсколько копѣекъ, китаецъ спѣшитъ въ вертепъ и куритъ опіумъ до одурѣнія. Тамъ пьяныя грезы замѣняютъ ему дѣйствительность... Тамъ въ сладостномъ бреду онъ забываетъ и морозъ, и скудную пищу, и круглыя палатки, въ которыхъ онъ живетъ въ ноябрьскую стужу. Кончится работа, наступитъ зима и эта армія будетъ распущена. Куда она пойдетъ? Домой? Но домой ей нечего нести, у китайцевъ нѣтъ сбереженій. Бунтовать, требовать у десятника, у начальника участка денегъ? Но на пути стоитъ казакъ въ рыжемъ полушубкѣ, въ громадной папахѣ, сдвинутой на затылокъ и съ плетью въ рукѣ. Онъ на тысячи этихъ крикуновъ пойдетъ одинъ, крикнетъ „цуба" и тысяча завопитъ жалобно и злобно: „шанго, шанго" (хорошо, хорошо) и убѣжитъ въ лѣса, по деревнямъ, чтобы снова прозябать, какъ прозябали раньше. Что имъ дала работа? Ничего... И когда вмѣсто казаковъ по постамъ станутъ солдаты, по 10—12 человѣкъ, раскиданные на 20—30 верстъ, много соблазна для этихъ людей вырѣзать костромскихъ или вятскихъ, потерявшихся между скалъ и степей...

. . . .

Тускло горитъ лампа, кошка возится на одѣялѣ, голыя стѣны грустны и безконечно печальна и уныла вся обстановка нашего ночлега.

Хинганъ—Бухату 3—4 октября 1901 года.

———



IX.

На Хинганѣ.

Въ предгоріяхъ Хингана.—Китайцы.—Въ тоннелѣ.—Китайскій базаръ.—За Хинганскимъ хребтомъ.

Рабочіе китайцы на Хинганѣ.

Рано утромъ въ окно ворвалось яркое и веселое манчжурское солнышко, то солнышко, которое скрадываетъ непригляднуую обстановку, дѣлаетъ жизнь веселѣе и придаетъ всему веселый оттѣнокъ. Вѣтеръ вылъ по прежнему. Маленькіе монголы топорщились мохнатою шерстью, какъ воробьи на морозѣ. Ихъ держалъ статный красивый казакъ въ громадной черной папахѣ, запрокинутой на затылокъ, въ мундирѣ и буркѣ.

Черезъ минуту вышла и г-жа К* съ мужемъ. Время ѣхать. Хотя переходъ всего 30 верстъ до вершинъ Хингана.

Лошади бойко бѣгутъ по каменистой дорогѣ. Кругомъ горы. Сначала безлѣсныя, потомъ покрытыя мелкой березой и дубомъ, потомъ съ примѣсью лиственницы, глухіе таежные лѣса. Они щетиною деревъ покрываютъ крутые скаты, лѣпятся на острые пики сопокъ, покрываютъ гребни скалъ. Долина, по которой мы ѣдемъ, то съуживается, то расширяется на многія версты, и тогда море громадной желтой травы сливается съ коричневыми ство-

лами и сучьями невысокаго, молодого, но густого лѣса. Объ этомъ лѣсѣ никто не думаетъ. Желѣзная дорога рубитъ его для своихъ потребностей, какъ попало, лѣсные пожары проложили тутъ и тамъ широкія черныя дороги между березокъ и лиственницъ.

А какое раздолье должно быть здѣсь лѣтомъ! Все зелено. Яркая зелень березъ прерывается нѣжными пятнами перистыхъ лиственницъ, трава на многія версты покрыта цвѣтами. Лиловые ирисы, бѣлыя лиліи, тюльпаны, желтые луки, бѣлыя метелки сухихъ травъ разноцвѣтнымъ ковромъ устилаютъ лощину. Черныя и коричневыя скалы, пятнами выдаваясь тутъ и тамъ на зеленомъ фонѣ, лишь усиливаютъ веселую гармонію красокъ. Голубое небо виситъ надъ зубцами суровыхъ горъ, всюду звенятъ ручьи студеной воды.

Хинганъ сравниваютъ съ Ураломъ. Но Хинганъ въ десять разъ величественнѣе, грознѣе и выше Урала. Богатая даурская флора Хингана придаетъ ему лѣтомъ необыкновенно жизне-радостный видъ. И даже осенью, когда все голо, — громадные черные дубы, что стоятъ, будто посаженные, по краямъ дороги, лѣсъ, лѣзущій на утесы, узкая долина между обрывистыхъ щекъ, по которой бѣжитъ дорога, желтая трава, болота—все это красиво, поразительно, волнующе красиво...

Хинганъ не пустыня. Онъ кипитъ жизнью. Синія куртки и ватныя панталоны китайцевъ покрываютъ его склоны густыми толпами. Они лѣпятся и копошатся, какъ муравьи, надъ полотномъ дороги, носятъ землю, возятъ кули съ чумизой и мукой на арбахъ на громадныхъ колесахъ съ массою тоненькихъ спицъ, запряженныхъ гдѣ одной, гдѣ парой монгольскихъ лошадей, или на двуколкахъ съ массивными колесами съ тяжелыми дубовыми спицами, расположенными въ видѣ буквы Н. Они бѣгаютъ вверхъ и внизъ по горѣ, смѣются, киваютъ головами дамѣ, ѣдущей съ нами и звонкими голосами кричатъ: *„шанго капитанъ, шибко шанго“*.

Но вотъ на гати одинъ стоитъ и воетъ, какъ собака, заливаясь слезами... Онъ дрожитъ отъ холода, на немъ легкая синяя куртка, его голова ничѣмъ не покрыта, ему жутко и скверно на этомъ вѣтру. Кто его обидѣлъ? Я подъѣзжаю, я спрашиваю его. Онъ испуганно смотритъ на меня, силится улыбнуться сквозь слезы и бормочетъ; *„бутунде“*—не понимаю.

Да и намъ, гордымъ европейцамъ, не скоро удастся понять въ чемъ состоятъ горе и радости этихъ узкоглазыхъ и косоглазыхъ людей. Эти люди хватаются за штыкъ, и умираютъ, говоря

зловѣще: *„собака"*. Если они видятъ, что ихъ товарищъ тонетъ, они смѣются и кричатъ: *шанго*; это же одобрительное *„шанго"* говоритъ палачу и жертва, ожидающая своей очереди при видѣ ловко срубленной головы товарища. На видъ это высокіе, статные люди. Но вотъ невысокій казакъ на станціи схватилъ провинившагося гиганта-китайца и бросилъ его о землю... Бросилъ и съ презрѣніемъ сказалъ: „мозглякъ"!.. Онъ былъ легокъ, какъ гнилушка, этотъ Голіаѳъ въ синей кофтѣ. Онъ мало и плохо ѣстъ...

На Хинганѣ наша маленькая случайная компанія пріютилась въ пустомъ громадномъ домѣ инженера Б*. Тамъ кипѣла работа. Плотники и столяры вставляли рамы, печники клали печи, электротехники проводили электричество. Въ Хинганѣ Россія кончилась. Въ магазинѣ продавали китайцы вмѣстѣ съ русскими, были американскіе консервы, а французское шампанское было въ одной цѣнѣ съ крымскимъ краснымъ № 24: оба стоили два съ полтиной бутылка. Въ этомъ же магазинѣ сдачу сдали китайскими серебряными деньгами, съ изображеніемъ дракона, съ китайскими письменами по одну сторону и надписью, конечно, по-англійски: „Hu peh province, i mace ahg 4,4 condareens". И населеніе преимущественно состояло изъ китайцевъ.

Легко одѣтые, дрожащіе отъ стужи, они то и дѣло подымались и спускались по крутымъ и каменистымъ горнымъ тропинкамъ. За хинганскимъ хребтомъ, на полугорѣ шла колоссальная работа: пробивали тоннель въ двѣ версты длиною. Цѣлый рядъ сараевъ, освѣщенныхъ электричествомъ, съ машинами и локомобилями, наполнялъ всю долину. Машины нагнетали воздухъ въ черную дыру начатаго тоннеля, машины давали свѣтъ тамъ и бурили каменную грудь великана Хингана. Онѣ же пожирали лѣсъ. Невысокіе унылые пеньки торчали по скатамъ горы, и только на недоступныхъ кручахъ еще уцѣлѣла гуща нетронутаго лѣса. Тоннель начинается глубокой выемкой. У спуска въ нее прибита доска съ надписью: „постороннимъ лицамъ входъ въ тоннель воспрещается". Но мы въ Манчжуріи, въ какомъ-то особомъ государствѣ, гдѣ все позволено, а потому я смѣло лѣзу внизъ. Черная дыра, подпертая бревнами, какъ рана, какъ пулевой входъ, зіяла передо мной. Туда бѣжали узенькіе рельсы и длинной лентой сверкали огни маленькихъ электрическихъ лампъ. По тоннелю шло непрерывное движеніе. Одни входили въ него, неся бревна, доски, инструментъ, другіе выходили, торопясь къ смѣнѣ. Рабочіе были въ перемѣшку русскіе и китайцы.

Впрочемъ не одни русскіе—тутъ много было итальянцевъ, шведовъ, чухонъ и нѣмцевъ. На трудную и деликатную работу однихъ русскихъ повидимому нельзя допустить. Въ тоннелѣ было темно. Идти можно было только по узенькимъ досчатымъ мосткамъ, положеннымъ на бревнахъ. Подъ мостками текла вода Длинные ледяные сталактиты свѣшивались сверху тоннеля. Было холодно и сыро. Тоннель пробитъ на 200 саженей.

— Когда думаете кончить работу? — спросилъ я у одного рабочаго.

— Черезъ два года,—отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, черезъ два года не кончить, — поправилъ его человѣкъ въ фуражкѣ съ кокардой,—года черезъ четыре пожалуй кончимъ. Да еще какъ бы и бросить не пришлось. Много воды, работа тяжелая, всюду сплошной камень. По тупикамъ поѣздъ отлично проходитъ.

Дѣйствительно, рельсы взбѣгали чуть не на вершину Хингана и спускались съ нея, поворачиваясь назадъ, и опять спускались, образуя зигзагъ песчаныхъ насыпей на темномъ и мрачномъ фонѣ горы.

Недалеко отъ станціи „Хинганъ", въ лѣсу, на самой вершинѣ стоитъ заброшенная монгольская кумирня, окрашенная въ красный цвѣтъ. Боговъ въ ней нѣтъ, на дворѣ сложены мѣшки, кули и сѣно. Рядомъ съ капищемъ стоятъ скамьи и сдѣлана открытая сцена — попытка увеселять тѣ тысячи народа, что собрались здѣсь на работы; внизу цѣлый городъ бараковъ и по дорогѣ, между громадными развѣсистыми дубами, — китайскій базаръ. Чего-чего тутъ нѣтъ! И циновки, и шелкъ, и красныя палочки, похожія на длинные карандаши, которыми китайцы ѣдятъ, и трубки, и мясо подозрительныхъ звѣрей, и кондитерскія, гдѣ китайцы раскатывали тѣсто и готовили жирные пельмени, и теплое платье, и чеснокъ, и шапки. То и дѣло проѣзжали двуколки, запряженныя лошадьми и ослами, провозя муку, овесъ и разные припасы.

Дорога все время спускается. И по мѣрѣ того, какъ шагъ за шагомъ сходишь внизъ, вѣтеръ становится мягче, холодъ не такимъ сильнымъ, солнце грѣетъ смѣлѣе и Хинганъ лишь иногда дохнетъ ледянымъ своимъ дыханіемъ. Отроги его, постепенно понижаясь, уходятъ вправо и влѣво. Они покрыты густымъ лѣсомъ и таинственно манятъ къ себѣ.

— Тамъ,—говоритъ казакъ, неопредѣленно указывая на сѣверъ—тамъ, верстахъ въ восьмидесяти отсюда есть золото. Двое

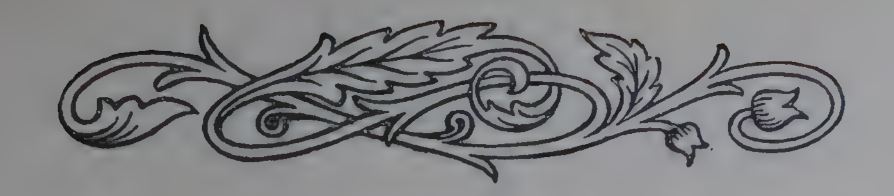
нашихъ пошли на охоту. Пошли—день нѣтъ, другой нѣтъ, и по сію пору нѣтъ. Либо блукаютъ гдѣ либо, либо на золото напали. Тутъ и рабочихъ много ходитъ отъ себя работать. А звѣря тутъ—Господи, ты, Боже мой, край не початый.

И онъ вздохнулъ. Вздохнулъ-ли онъ по тѣмъ товарищамъ, что „блукаютъ" въ лѣсу и по сію пору, или вздохнулъ по тѣмъ богатствамъ, которыя щедрой рукою разсыпала природа въ хинганскихъ горахъ и которыя лежатъ такъ, не прибранныя ни къ чьимъ рукамъ?

Мы спустились въ долину рѣки Яла и подошли къ мѣстечку Бухату. Въ Бухату намѣчена большая станція, кругомъ разбросаны бараки--здѣсь стоитъ штабъ 1-й бригады Заамурскаго округа пограничной стражи. Въ баракахъ живутъ семейные и холостые офицеры. Лѣтомъ здѣсь рай земной, зимою въ баракахъ холодно и ухъ какъ холодно!..

Отсюда дорога окончательно спускается внизъ, становится значительно теплѣе, горы ниже, покрыты скалами самыхъ дикихъ, самыхъ безобразныхъ и оригинальныхъ очертаній. Тутъ въ широкихъ долинахъ, покрытыхъ богатою растительностью расположены станціи Ялъ, Баримъ, Джалантунъ и нѣсколько дальше большое селеніе Фулярди на рѣкѣ Нонни, въ 28 верстахъ отъ города Цицикара. Туда я отправился изъ Бухату по желѣзной дорогѣ, безплатно, изъ любезности, въ четвертомъ классѣ, переполненномъ офицерами пограничной стражи.

Фулярди. 7-го окт. 1901 г.



X.

На далекомъ посту.

На охоту за фазанами. — „Лыцарь", „макака", „комендантъ". — Казачій постъ. — За золотомъ. — Охота. — Возвращеніе домой. — Тяжелое извѣстіе.

Предгорія Хингана, долины рѣкъ Яла, Хоригола, Нонни считаются раемъ для охотника. По крутымъ сопкамъ бѣгаютъ дикія козы, собираясь нерѣдко въ громадныя стада, водятся изюбри, попадаются олени, заходятъ и знаменитые пантачи, пара роговъ съ которыхъ стоитъ до пятисотъ рублей [1]). Въ горныхъ ущельяхъ бѣгаютъ кабаны, волки и лисицы, въ лѣсной чащѣ можно встрѣтить тетеревовъ и рябчиковъ, а въ раздольныхъ, покрытыхъ густою травою долинахъ фазаны вспархиваютъ, какъ галки. Тутъ каждый офицеръ, каждый казакъ—охотникъ. Здѣсь ходятъ на охоту постоянно, каждый день, и устроиться въ компаніи нѣтъ ничего легче.

Въ первыхъ числахъ октября тутъ днемъ жарко, какъ лѣтомъ, къ ночи же наступаютъ заморозки. Я отдыхалъ на дневкѣ, послѣ пути верхомъ изъ Якшей въ долину Яла, въ уютномъ баракѣ одного изъ офицеровъ, убранномъ заботливой рукой его супруги, Евлампіи Матвѣевны, когда мнѣ сказали, что, если я хочу побывать на охотѣ, такъ къ тому есть случай. Собирается компанія за фазанами.

Черезъ минуту я былъ готовъ. Маленькія лошадки были поданы и покойной рысью мы помчались къ Усть-Хориголъскому казачьему посту.

Насъ было четверо — двое петербургскихъ — я и пожилой,

---

[1]) Китайцы считаютъ порошокъ, сдѣланный изъ роговъ (пантовъ) молодого оленя—изюбря—цѣлебными отъ всѣхъ болѣзней, почему и цѣнятъ ихъ очень дорого.

живой и остроумный чиновникъ, назначенный на Сахалинъ и прозванный „макакой“ за свою живость и подвижность, „комендантъ“ и „лыцарь“.

„Лыцарь“ былъ красавецъ-мущина. Это старый охранникъ, снискавшій себѣ уваженіе среди казаковъ и инженеровъ. Прямой, честный, откровенный, чуждый происковъ и заискиваній, любитель свободной жизни, гдѣ возможно влить всю свою энергію въ дѣло, „лыцарь“ пошелъ въ охрану потому, что тутъ было живое, боевое дѣло, чуждое сухой канцелярщины. Онъ и по наружности, и по костюму былъ настоящимъ „лыцаремъ“, героемъ тѣхъ польско-казацкихъ войнъ съ турками и татарами, которыя такъ прекрасно воспѣлъ Сенкевичъ. Громаднаго роста, широкоплечій, съ длинными усами и маленькой бородкой, онъ носилъ бѣлую папаху и бѣлый архалукъ, подтянутый наборнымъ кавказскимъ ремешкомъ.

„Комендантъ“, сухой и длинный, со встрепанными волосами, неряшливо одѣтый — былъ просто интеллигентный бродяга, вся жизнь котораго проходитъ въ лѣсу съ ружьемъ, съ собакой, въ кругу крестьянъ, въ товарищеской бесѣдѣ съ ними. Онъ все отдастъ или все пропьетъ, а самъ и зиму и лѣто ходитъ въ одномъ кителѣ, не думая и не заботясь о себѣ.

Жизнь „макаки“ — это цѣлый романъ. Длинная повѣсть неудачника, страдавшаго за слово, за рѣзкое сужденіе, за правду, слишкомъ смѣло сказанную. Онъ тоже бродяга. Но бродяга по трактирамъ, по домамъ, среди людей. Ему общество необходимо, потому что онъ любитъ говорить, уснащая свою рѣчь прибаутками, анекдотами, присказками. И фигура у него маленькая, съ большими черными глазами, съ топорщащимися усами—подвижная и шустрая, и голосъ у него всегда сиплый, простуженный, и таланты у него ресторанно-салонные — играть на гитарѣ, пѣть романсы А. Д. Вяльцевой или Давыдова, словомъ — *со слезой*, или цыганскіе, и слухъ у него есть, но все это незаконченное. Онъ и гусаромъ былъ, и сердца покорялъ, и въ полиціи служилъ, и арестантами завѣдывалъ. И все дѣлалъ хорошо, и благодарности получалъ, но отовсюду уходилъ, потому что все ему надоѣдало. Познакомишься съ нимъ, послушаешь его веселую болтовню:— талантъ, вотъ первое заключеніе,—а потомъ — великій человѣкъ на малыя дѣла...

Такимъ квартетомъ съ двумя вѣстовыми спускались мы быстрою рысью съ каменистой сопки въ долину р. Хоригола. Вороненькій монголъ, съ громадными въ ширину, но короткими ушами,

мохнатый и гривастый шелъ подъ „макакой“ неуклюжимъ галопомъ.

— А я галопадой все, не могу иначе,—кричалъ весело „макака“.

Намъ всѣмъ было весело. Чудная солнечная погода бодрила и радовала.

— Смотрите, „макака“, не пуделять, а то въ кольцо повѣшу,—шутливо-строго говорилъ „лыцарь“.

— „Voila bon Sardanapale“—кричалъ „макака“, заражая всѣхъ своимъ жизнерадостнымъ видомъ, и сейчасъ же добавилъ объясненіе любимой своей поговорки:—это, видите-ли, метръ д'отель въ гостинницѣ „Москва“ въ Петербургѣ подаетъ картофель зажаренный цѣликомъ, то, что у насъ называется „въ мундирахъ“ и говорить „voila bombes á la Sardanapale“, но такъ какъ по французскому онъ не разумѣетъ, такъ у него и вышло — voila bon Sardanapale“.

— Вы уже съ этимъ попались,—говоритъ „лыцарь“.

— Когда?

— А помните у брата. Спрашиваютъ у его брата; сколько у него дѣтей, онъ отвѣчаетъ—шесть сыновей, а „макака“, какъ ученый попка, возьми да и крикни—voila bon Sardanapale.

— Это было даже très bon!—восклицаетъ сиплымъ голосомъ „макака“.

Но вотъ и постъ. На берегу рѣчки, подъ нѣсколькими развѣсистыми деревьями стояла землянка. Такія бани бываютъ въ бѣдныхъ петербургскихъ деревняхъ. Маленькая, съ плохою крышей, землянымъ поломъ и крошечными окнами наполовину безъ стеколъ. Это желѣзнодорожное сооруженіе для казаковъ охранной стражи. Внутри была устроена маленькая желѣзная печка на ножкахъ, съ длинной желѣзной трубою—она же и плита для восьми человѣкъ казаковъ и казачки — жены старшаго. Вдоль стѣнъ, завѣшанныхъ старой дерюгой отъ мучныхъ мѣшковъ, были сдѣланы нары, на нарахъ лежали одѣяла и почти черныя подушки. Тѣсно, грязно, противно. Никакой мебели, никакихъ украшеній. У кривой двери на листѣ бересты написано карандашемъ: „Усть-Хоригольскій постъ Заамурскаго округа пограничной стражи“.

— Эхъ, козаче, козаче, житье твое собачье, проговорилъ входя на постъ „комендантъ“ и свободнымъ движеніемъ сбросилъ на койку винчестеръ. Ну-ка хлопцы, чайку.

— Есть, пожалуйте, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ, очищая для гостей грубое подобіе стола, сдѣланное изъ досокъ возлѣ окна.

— Ну, какъ охота? спросилъ „комендантъ“.

— Ничего, ладно. Вечóръ Архиповъ козу убилъ, а третьяго дня Ладневъ чуть не пропалъ, докладывалъ старшій.

— Что, золото что-ли искать собрался? спросилъ „комендантъ“ у Ладнева.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, а чисто бѣда со мною стряслась, отвѣчалъ Ладневъ, только Богъ спасъ. Пошелъ этто я на прошлой недѣлѣ, помните еще, когда снѣгъ отъ шелъ, на Финганъ за козами. Поднялся на сопку, нѣтъ козъ, пропали онѣ всѣ, какъ провалились, я на другую, на третью, дальше, чаща всё глуше и глуше становится. Отошелъ я уже далеко отъ дома, верстъ съ тридцать. Вечерѣть стало. Вдругъ вижу диковиннаго звѣря. Громадный, черный, рога у него небольшіе, а грива и хвостъ будто у лошади. Я вдарилъ въ него изъ трехъ-линейки. Важно попалъ.

— Зубръ? спросилъ „макака“.

— Да развѣ зубры здѣсь водятся? проговорилъ „комендантъ“.

— Почемъ знать, задумчиво сказалъ „лыцарь“, Хинганъ— это закрытая книга, никто ее не читалъ. Если зубры водятся въ Закавказьѣ, отчего не водиться имъ тутъ. Здѣсь есть такія глухія мѣста, гдѣ нога европейца не бывала, и гдѣ растутъ деревья, которыя четыре, пять человѣкъ еле могутъ охватить.

— Что-же, убилъ? спросилъ „комендантъ“.

— Никакъ нѣтъ. Пуля наша жесткая. Онъ упалъ было на колѣни, да потомъ всталъ и пошелъ, шибко такъ. А по снѣгу видно кровь въ обѣ стороны хлещетъ, такъ по обѣимъ сторонамъ и видать. Иду за нимъ, уже и пути не замѣчаю. Всё думаю вдарю второй разъ — добью его. А такого звѣря уважительно убить. Только туть совсѣмъ темно стало. Сѣлъ я подъ деревомъ; сижу. Хлѣба со мною два фунта было, тридцать патроновъ. Сталъ я стрѣлять, сигналъ подавать. Нѣтъ отвѣта. Ну, думаю, заночую. Ночью снѣгъ опять посыпалъ и потерялъ я слѣдъ. Пошелъ наугадъ съ утра, еще верстъ тридцать прошелъ, ни жилья, ни человѣка. Поѣлъ я хлѣбецъ, опять заночевалъ. Стало теплѣе, снѣгъ потаялъ. На утро я пошелъ опять дальше, сапоги изорвались, по камнямъ идти больно, силы стали оставлять меня. Страхъ началъ нападать. Чувствую я, что заблудился и что смерть моя за мною ходитъ. Поѣлъ я коры древесной, еще хуже стало. Однако ночь проночевалъ, и подъ утро снова всталъ и пошелъ. Верстъ шесть надо быть отошелъ, завертѣлось у меня въ головѣ. Значитъ силы стали меня покидать совсѣмъ, пришловремя по-

мирать. Снялъ я съ себя винтовку, патронташъ снялъ, чтобы легче было, легъ подъ деревомъ, и сталъ читать молитвы какія помнилъ. Сталъ я отходить и въ полусознаніи скатился внизъ, подъ горку... Не знаю, много ли такъ я пролежалъ, потому что уже потерялъ счетъ времени, только очнулся я и вижу крыша надо мной, огонь горитъ, сидятъ трое въ землянкѣ и порусски говорятъ. Одинъ словно за старшаго у нихъ.—„Не давайте ему сразу много", говоритъ онъ, „а дайте ему чаю". Напоили меня чаемъ, потомъ мяса дали, хлѣба. Два дня меня продержали, кормили хорошо, чтобы силы мнѣ набрать. На третій день дали мнѣ хлѣба, говядины и одинъ пошелъ провожать меня. Вели все безъ дорогъ и все круги дѣлали. А винтовку и патроны мнѣ вернули; вывели такъ они меня на тропу и говорятъ: ступай такъ—хорошо выйдешь. Простились со мной и ушли. Я пошелъ и должно такъ верстъ двадцать прошелъ, увидалъ желѣзную дорогу. Оказалось, что я съ Фингана попалъ между Мендухэ и Якшами...

— Что же это за люди?—спросилъ „макака".

— А кто ихъ знаетъ?—отвѣчалъ казакъ,—надо полагать золото моютъ.

На минуту въ землянкѣ воцарилось молчаніе,

— А ты, старшій, — сказалъ „лыцарь", — что же крышу у конюшни началъ крыть, да и бросилъ.

— Невозможно, ваше высокоблагородіе, — промолвилъ старшій—десятникъ за доски и такъ обѣщалъ командиру жаловаться...

— Вотъ изволите видѣть, каково наше положеніе!—воскликнулъ „лыцарь", ни къ кому не обращаясь, но во всѣхъ вызывая сочувствіе къ казакамъ.

— Однако пойдемте. Хлопцы, кто съ нами, — сказалъ „комендантъ".

— Дозвольте мнѣ пойдти, проговорилъ Ладневъ.

— Идетъ. Ты только свисни собаку,—сказалъ „комендантъ", управлявшій охотой.

— „Берданъ", ваше благородіе, и такъ пойдетъ,—отвѣчалъ Ладневъ.

„Берданъ", бѣлый съ коричневыми пятнами ублюдокъ пойнтера, уже съ самаго нашего появленія выказывавшій желаніе пойти за дичью, услышавъ свое имя вскочилъ и сталъ улыбаться и легкимъ радостнымъ ворчаніемъ выказывать свое удовольствіе.

Мы вышли изъ землянки и перейдя черезъ желѣзную дорогу пошли вдоль по долинѣ рѣки Хорогола. Неуспѣли мы разойтись какъ слѣдуетъ цѣпью, какъ уже собака сдѣлала стойку, минута—

и сверкая богатымъ опереніемъ громадный золотистый фазанъ, какъ ракета, взлетѣлъ изъ травы, за нимъ другой, третій, четвертый... Началась стрѣльба. Обиліе дичи горячило охотниковъ... Даешь себѣ слово выдержать, не торопиться, берешь въ руки свое бьющееся волненіемъ сердце, но вотъ изъ-подъ самыхъ ногъ съ легкимъ пискомъ вылетаетъ красавецъ и выстрѣлъ гудитъ мимо,

Ходить трудно. Сухая трава выше пояса. „Берданъ“ прыгаетъ въ ней то и дѣло скрываясь. Грунтъ кочковатый. гдѣ пониже, тамъ, между кочекъ, замерзшее за ночь болото, въ которое чуть не по колѣно уходитъ нога. Фазаны рѣютъ въ воздухѣ и сумы начинаютъ наполняться прекрасною дичью. „Комендантъ“ подымается на сопки, онъ обѣщалъ единственной дамѣ нашей стоянки, милой и любезной Евлампіи Матвѣевнѣ, настрѣлять къ именинамъ рябчиковъ. „Макака“ съ казакомъ и „Берданомъ“ пошли искать козу, которая, какъ молнія выскочила изъ травы и ускакала въ горы. Мы съ „лыцаремъ“ идемъ на постъ. Казаки накрошили намъ мяса молодой козы и чудно изжарили его съ лукомъ и чеснокомъ. Они же приготовили намъ чай, подали свой сахаръ, и усталые ходьбой по жарѣ мы усѣлись въ землянкѣ. Вскорѣ пришелъ „комендантъ“ съ парой рябчиковъ и „макака“, убившій фазана, но не нашедшій козы.

— Что, хлопцы, холодно у васъ зимою?—спросилъ „комендантъ“.

— Дюже холодно, ваше благородіе, бываютъ дни, что силы нѣтъ сидѣть въ землянкѣ.

— Да, землянка не важная, проговорилъ я и почему-то вспомнилъ чудный теплый домъ о тринадцати комнатахъ съ электрическимъ освѣщеніемъ на Хинганѣ.

Возвращались мы уже вечеромъ. „Макака“, опять шелъ „галопадой“, мы наѣлись козы, впереди ждалъ ужинъ въ уютной квартирѣ Евлампіи Матвѣевны—охота была царская—всѣмъ было хорошо и весело...

„Лыцарь“ прошелъ къ себѣ, и за ужиномъ у Евлампіи Матвѣевны не былъ. За то вся молодежь поста, человѣкъ восемь офицеровъ, усѣлись за маленькимъ столомъ у радушной хозяйки. Пришла и пѣвица К., было свѣтло, тепло, за окномъ весело мигали звѣзды, говорили про Петербургъ, про Россію, „макака“ пытался пѣть подъ гитару, но его смѣнила madame К., которая, несмотря на 120 верстъ, сдѣланныхъ въ эти три дня, чуднымъ меццо-сопрано спѣла; „*Мнѣ жаль тебя*“, кто-то хотѣлъ послать за трубачами, бутылки редерера уже появились на столѣ... Въ са-

мый разгаръ шумнаго разговора, такого разговора, который бываетъ только послѣ охоты, за ужиномъ, въ обществѣ милыхъ дамъ, дверь открылась и въ ней показалась громадная стройная фигура „лыцаря". Глубокая скорбь лежала на его челѣ, еще одна лишняя морщина легла у него между бровей.

— Что случилось? спросилъ его „комендантъ".

— Пришла телеграмма—медленно и внятно сказалъ „лыцарь". что почтовыя отдѣленія, бывшія на большихъ станціяхъ, закрываются. Почта будетъ приниматься только въ Хайларѣ, Цицикарѣ и Харбинѣ.

Все замолкло. Казалось громы, землетрясеніе, извѣстіе о пожарѣ, о нападеніи хунхузовъ не поразило-бы такъ, какъ поразили эти нѣсколько словъ. Веселья какъ не бывало.

— Значитъ отрѣзаны, промолвилъ суроваго вида пограничный штабсъ-ротмистръ. „Лыцарь" не отвѣчалъ.

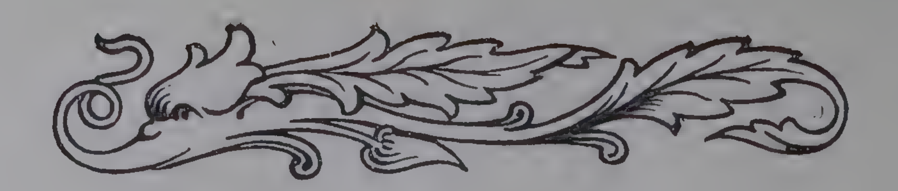
И всѣ эти люди, большинство которыхъ имѣло семьи въ Россіи и посылало имъ деньги, люди, какъ дѣти радовавшіеся письмамъ съ родины, какъ дѣти копившіе гроши изъ скуднаго своего содержанія, чтобы послать своимъ далекимъ, милымъ женамъ, были убиты этимъ извѣстіемъ. Возить въ Цицикаръ за триста верстъ! Ждать писемъ мѣсяцами, не имѣть возможности, не ожидая соблазна, сдать деньги на почту, что-же это? Неужели проигрывать трудовые гроши въ макао, неужели пропивать! Пятьсотъ офицеровъ, нѣсколько десятковъ тысячъ казаковъ и рабочихъ не могутъ сдать деньги, чтобы послать ихъ на родину, гдѣ каждая копѣйка дороже чѣмъ тысяча рублей здѣсь!

— Поневолѣ запьютъ и рабочіе, и казаки, проговорилъ штабсъ-ротмистръ.

— Да, хранить при себѣ опасно, убьютъ, сказалъ „комендантъ".

— Voila bon Sardanapale, воскликнулъ „макака", но никто не улыбнулся больше. Молодая хозяйка заливалась слезами, пѣвица не въ силахъ была ее утѣшить. Домъ веселья и смѣха въ минуту сталъ домомъ печали и слезъ.

Цицикаръ.
9 октября 1901 г.



XI.

Съ охранной стражей.

Въ вагонѣ. Положеніе офицера пограничной стражи. Солдаты погрзничной стражи и казаки бывшей охранной. Постъ Джелантунъ. Ученье 24-й донской сотни. Фулярди. На р. Нонни.

Слѣдующій за Бухату постъ находится на рѣкѣ Ялъ, потомъ въ Карасу. Карасу лежитъ въ ущельи между высокихъ сильно вывѣтривающихся горъ. Громадныя скалы образовали фантастическія стѣны какого-то стариннаго замка, поднялись отдѣльными высокими башнями, выступами и шпилями самыхъ причудливыхъ очертаній и формъ. Здѣсь у подошвы горнаго хребта стоитъ постъ кубанской сотни при офицерѣ. У офицера чистая землянка о двухъ комнатахъ съ сѣнями. На окнахъ гардины, на полу ковры, по стѣнамъ вѣера, оружіе, портреты: — офицеръ живетъ съ женою и женщина внесла уютность и красоту въ бѣдное обиталище охраннаго офицера. За Карасу горы уходятъ въ обѣ стороны, Ялъ течетъ широкій и спокойный, вмѣсто лѣсовъ начинаются рощи и мѣстность ровною степью медленно опускается въ долину рѣки Нонни.

Эти мѣста я, „лыцарь", „макака", г-жа К* съ мужемъ, ѣхали въ людномъ и шумномъ вагонѣ четвертаго класса, среди офицеровъ ново-организованной пограничной стражи. Между ними старымъ охранникомъ былъ только „лыцарь". Молодежь ѣхала невесело. Всѣ разсчитывали на хорошій окладъ въ Манчжуріи, а по расцѣнкѣ оказывалось, что въ Манчжуріи будутъ получать меньше, чѣмъ въ Россіи.

Сухой и черный поручикъ съ армянскимъ носомъ особенно горячился.

— Ты, пойми, душа мой,—говорилъ онъ „лыцарю"—на Кавказѣ мнѣ давали на дрова каждый мѣсяцъ 40 рублей, а какія

тамъ дрова—въ декабрѣ въ кителѣ ходи. Мнѣ фуражъ давали. Я лошадей люблю, я сюда хочу привести лошадь, я на свои кормить долженъ. Жить скучно, возятъ то на платформѣ, то въ товарномъ вагонѣ, а какой-нибудь счетоводъ катитъ въ служебномъ вагонѣ. За что такая напасть? Скажи пожалуйста!

— Ваше дѣло, поручикъ, пустяки, вы одинъ,—съ жаромъ и со слезою въ голосѣ говорилъ пожилой штабсъ-ротмистръ,—а войдите въ мое положеніе: у меня въ Россіи жена и двѣ дочери. Мнѣ имъ надо послать мало-мало семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Я получаю 118, что же, я на сорокъ три жить здѣсь долженъ? За сахаръ надо платить полтинникъ фунтъ, хлѣбъ, мясо, все втридорога. Вѣдь я водить долженъ компанію съ желѣзнодорожниками. Если я ихъ буду сторониться, у моихъ людей, ни печей, ни стѣнъ, ни крышъ не будетъ. Они меня зовутъ—у нихъ шампанское, ликеры, поваръ, двѣ прислуги, а мнѣ бѣлье деньщикъ стираетъ... Вамъ смѣшно, а стыдно сказать, десятникъ, простой мужикъ, здѣсь получаетъ больше чѣмъ я. При такихъ условіяхъ тяжело служить, господа!—и штабсъ-ротмистръ оглянулъ вагонъ, ища сочувствія своимъ словамъ.

— Вы говорите объ уваженіи со стороны мелкихъ агентовъ дороги. Какое можетъ быть уваженіе, когда насъ возятъ то на площадкахъ со шпалами, то на рельсахъ, то въ вагонахъ отопленія... Проводники надъ нами смѣются,—сказалъ поручикъ.

— Ну, это пока дорога еще не готова. Погодите, скоро эксплоатація приметъ путь и все образуется, спокойно сказалъ „лыцарь“.

— Однако, начальники участковъ и дистанцій имѣютъ свои вагоны, неужели для офицеровъ нельзя завести хоть третьяго класса, но изолированный отъ полуинтеллигентной толпы вагонъ? Вѣдь мы воспитаны и образованы вовсе не для того, чтобы кондуктора и стрѣлочники подсмѣивались надъ нами.

— Эхъ, господа,—проговорилъ задумчиво „лыцарь“ и все-то вы говорите о себѣ. Я, да мнѣ, да меня—смирись, опустись на дно, и помни—претерпѣвый до конца спасется, терпи казакъ—атаманомъ будешь. Въ нашемъ новомъ положеніи есть нѣчто худшее.

— Уменьшеніе содержанія, что можетъ быть хуже этого, —сказалъ поручикъ съ армянскимъ носомъ.

— Нѣтъ, господа, не въ деньгахъ счастье,—задушевнымъ голосомъ проговорилъ „лыцарь“,—наше горе въ томъ, что уводятъ казаковъ и на ихъ мѣсто ставятъ новобранцевъ. Я не хочу хаить

солдатъ. Русскій солдатъ не уступитъ казаку, можетъ быть даже и лучше его будетъ, но только не здѣсь. Вы видали, какъ расположены посты. На 20—30 верстъ 10—12 вооруженныхъ людей, сидящихъ то въ горныхъ, то въ лѣсныхъ, то въ степныхъ дебряхъ; кругомъ варнаки, солоны, охотники до оружія, до денегъ, кругомъ мстительные монголы. Да, казакъ былъ плохъ. У многихъ оказалось, что казакъ и на руку не чистъ, и неопрятенъ, и службу несетъ неисправно, и на тайные пріиски бѣгать любитъ—все это правда. Но казакъ прошелъ уже военную школу, какъ никакъ онъ не боится лошади, онъ любитъ и понимаетъ природу, какъ не поймутъ ее никогда витебскіе мужики, замѣнившіе терцевъ, кубанцевъ и донцовъ. Да донцы оказались вороваты, кубанцы лѣнивы, уральцы, терцы и оренбурцы любили выпить лишнее, но, если бы за ними слѣдили построже, увѣряю васъ передъ ними преклонились бы... Я вынесъ съ ними весь „выгонъ", я видалъ, какъ вдвоемъ, втроемъ они врывались въ деревни, полныя мятежниковъ „большого кулака" и рубили десятками ихъ. Они водили безъ дорогъ, по звѣровымъ тропамъ. Ихъ офицеры, которыхъ упрекаютъ въ пьянствѣ и неумѣніи держать себя съ желѣзнодорожными агентами, имѣли большой процентъ убитыхъ и раненыхъ. И теперь дня не проходитъ безъ того, чтобы гдѣнибудь на югѣ не былъ убитъ казакъ охранной стражи. И они умѣютъ стоять малыми постами. Если ставить солдатъ—ставьте роты и сотни вмѣстѣ. Мнѣ жаль охранной стражи. Это были истинные искатели приключеній — это были казаки двадцатаго вѣка. А деньги, мелкія обиды—это пустяки. Лучше меньше денегъ, да больше военнаго начальства, понимающаго въ чемъ состоитъ высота офицерскаго званія...

— Славно сказали... Чудно, хорошо! Voila bon Sardanapale, воскликнулъ „макака". И на его подвижномъ и добромъ лицѣ было видно истинное увлеченіе.

А поѣздъ ползъ медленно и уныло по безконечной равнинѣ, поросшей невысокимъ раскидистымъ дубомъ.

И вотъ остановка. Стоимъ пять, десять, двадцать минутъ.

— Эй, послушайте, кондукторъ,—кричитъ поручикъ съ армянскимъ носомъ, — что долго здѣсь будемъ стоять?

— А сколько будемъ, столько и будемъ, — грубо отвѣтилъ агентъ.

— Потрудитесь выражаться вѣжливо,—загорячился поручикъ.

— А вы не кричите. Много васъ тутъ начальства ходитъ, за всѣми не досмотришься.

— Послушайте, я васъ!!.

— Что, я васъ?!. Я васъ!.. Слыхали мы это,—руки коротки! Надѣлъ шпоры, да и думаетъ и Богъ вѣсть цаца какая!

Поручикъ побагровѣлъ и кинулся... Но сильныя руки сдержали его. „Лыцарь“ остановилъ его.

— Что вы дѣлаете! — прохрипѣлъ поручикъ.

— А помните № 9 „конфиденціально, циркулярно“. Ни малѣйшаго снисхожденія вамъ не будетъ, а какъ вамъ оправдаться...

— Да, я читалъ... уже спокойнѣе сказалъ поручикъ, — но вѣдь меня оскорбили,

— Терпите—все образуется... отвѣтилъ „лыцарь“...

— Но почему стоитъ поѣздъ? Я имѣю право спросить? — проговорилъ поручикъ.

— Поѣздъ стоитъ потому, что машинистъ пошелъ обѣдать. Обѣдать онъ будетъ долго, поэтому предлагаю вамъ пойти посмотрѣть Джелантунъ — это будущій уѣздный городъ. Господа, кто съ нами.

— Voila bon Sardanapale — на этотъ разъ кстати воскликнулъ „макака“ — я иду съ вами.

Почти весь нашъ вагонъ пошелъ за „лыцаремъ“. Джелантунъ со временемъ будетъ прехорошенькимъ мѣстечкомъ. Онъ расположенъ по рѣкѣ Ялу, изобилующей рыбой изъ породы форелей. Одна улица уже разбита. На ней стоятъ магазины русскій и китайскій, живутъ рабочіе, мастера, десятники, есть недурная столовая, немного въ сторонѣ дача инженера, начальника дистанціи, порядочное помѣщеніе 24-й Донской сотни съ крытыми конюшнями, сотеннымъ дворомъ и плацомъ для занятій. Не даромъ здѣшній начальникъ участка О. предметъ поклоненія и обожанія охранниковъ—онъ дѣлаетъ для другихъ все то, что и для себя. Сотня строилась на ученье. Бравый вахмистръ производилъ разсчетъ, лошади были подобраны по мастямъ, имѣя въ первой полусотнѣ бѣлыхъ монголовъ, а въ четвертомъ взводѣ вороныхъ. И командовавшій сотней молодой поручикъ выѣхалъ на европейской полукровной лошади, словомъ, вліяніе кавалериста сказывалось на видѣ сотни замѣтно. Не было мѣсива папахъ и фуражекъ, желтыхъ и зеленыхъ петлицъ, какъ то зачастую бываетъ на ученьяхъ, но всѣ люди были одинаково одѣты. Сотня училась горячо. Пожалуй даже слишкомъ горячо, потому что неуравновѣшенные монголы заносили и подпирали во всю, а потому и тишины было мало! Но вѣдь эта сотня готовилась не для военнаго поля подъ Краснымъ Селомъ, а для набѣговъ на мятежныя

деревни, для защиты огнемъ ставшей дорогою русскому сердцу, стоившей многихъ жертвъ, китайской восточной дороги. Все время, пока мы завтракали, сотня училась. Потомъ вихремъ вылетѣли пѣсенники и старыя донскія пѣсни огласили равнины Джалантуна.

Эти родныя пѣсни, пѣсни далекаго Дона, звучали и мощно, и грустно среди странной, своебразной природы степей долины Ялы, между китайскихъ рабочихъ, китайскихъ бродячихъ музыкантовъ, проводниковъ скрипучихъ обозовъ и переводчиковъ. Поѣздъ давно тронулся, давно возобновились споры между офицерами, „макака" что-то весело разсказывалъ, а эти пѣсни все звучали далекимъ отголоскомъ въ моемъ сердцѣ, натягивали особыя нервныя струны и онѣ отвѣчали цѣлымъ строемъ мыслей.

Манчжурія не наша. Небесная имперія изъ своего сердца— Пекина — шлетъ сюда начальниковъ, устанавливаетъ законы, дѣлаетъ „кантами" *) тѣмъ, кому она признаетъ это нужнымъ. И здѣсь-же смѣшиваясь съ однотонной, грустной пѣсенкой китайца, мощными аккордами гремитъ донская пѣсня. Казаки пришли сюда изъ своихъ степей, они показали китайцу иную, новую жизнь, жизнь бодрую и веселую, жизнь дѣятельную, жизнь, гдѣ живутъ для жизни, а не для смерти. Оставьте ихъ здѣсь. Поселите казацкіе хутора и станицы вдоль по Ялу, по Нонни, по Сунгари, пусть курчавые мериносы и пестрыя волошскія овцы, пусть черкасскіе быки смѣшаются съ черноголовыми монгольскими баранами и рыжими быками. Пусть чистокровный жеребецъ ходитъ въ косякѣ косматыхъ, маленькихъ матокъ и пусть за казачьей шашкой идетъ и казачье умѣнье приспособиться ко всякой жизни, всюду устроиться. Эта миссія надежнѣе, чѣмъ всѣ миссіонеры Англіи, Франціи и Германіи, вольетъ идеи гуманности и любви къ жизни, она позволитъ за казаками пойти впередъ и величавой Россіи. Россіи мирной, ласковой и доброй...

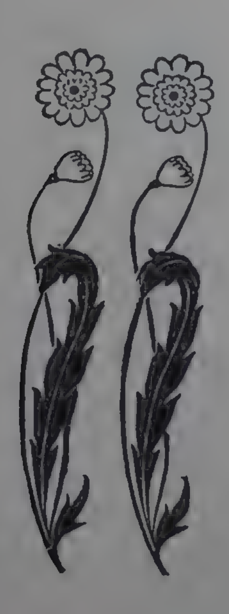
Къ вечеру мы пріѣхали на рѣку Нонни въ мѣстечко Фулярди. Фулярди разбито правильно. Всѣ желѣзнодорожныя постройки, хорошія помѣщенія 26-й Кубанской сотни, ея конюшни, маленькій, круглый манежъ, все обнесено невысокой глиняной стѣнкой, „на всякій случай". Кубанцы прекрасно обстроились. У нихъ даже дѣлаютъ церковь. Паникадила изъ бѣлаго некрашенаго дерева, повязанныя бантами, иконостасъ, обтянутый синимъ китайскихъ холстомъ, розовыя ленточки подъ образами, все,

*) Отсѣченіе головы.

что имѣли казаки, казачки, командиръ и офицеры, все отдано, чтобы украсить домъ молитвы. А когда вечеромъ, въ субботу, сюда придетъ статный командиръ въ черкескѣ и станетъ читать у аналоя молитвы, какой мощный, дружный хоръ гудитъ подъ низкимъ потолкомъ сарая, сколько чувства и молитвенной силы въ немъ! Этой сотнѣ врагъ не страшенъ — Богъ поведетъ ее, Богъ убережетъ ее!!

Въ нѣсколькихъ стахъ саженей день и ночь кипитъ работа. Устанавливаютъ въ желѣзныхъ кессонахъ громадный, почти верста длиною, мостъ черезъ рѣку Нонни. Тамъ ночью сверкаетъ электричество, слышна дубинушка и мѣрные удары бабы, забивающей столбы въ грунтъ рѣки. Огни отражаются искорками въ мелкихъ волнахъ Нонни, удары разносятся далеко по водѣ и будятъ осетровъ и харіусовъ, пугливо поглядывающихъ въ воздухъ. Говорятъ, къ апрѣлю мостъ будетъ готовъ. А пока по временному мосту, построенному въ десять дней, китайцы на рукахъ перекатываютъ вагонъ за вагономъ. Изъ Фулярди идетъ дорога и на Цицикаръ.

Цицикаръ, 10 окт. 1901 г.



Н. Самокишъ.

XII.

На охотѣ за фазанами.

Манчжурскіе типы. — Сборы на охоту. — Памятникъ Му-ту-шань.—Охота.—Пѣсенники кубанцы.— Разсказъ Михаила Сергѣевича.

Въ Манчжуріи между офицерами охранной стражи кое гдѣ еще можно встрѣтить типы старыхъ дворянъ, помѣщиковъ, нѣкоторое подобіе героямъ Тургенева, Лермонтова, Писемскаго. Здѣсь взгляды цѣльнѣе, привычки шире, здѣсь еще сохранились *типы*.

Пригласившій меня, К, съ женою и „макаку" на охоту въ

долинѣ рѣки Нонни Михаилъ Сергѣевичъ былъ именно типомъ стараго дворянина.

Я пріѣхалъ къ нему утромъ. Гости уже собрались. Г-жа К. въ бѣлой черкескѣ, „макака“ въ высокихъ сапогахъ, самъ хозяинъ, невысокаго роста, стройный и худощавый, въ черкескѣ съ кинжаломъ китайской работы на наборномъ ремешкѣ, сидѣли въ маленькой столовой и закусывали.

— А, дорогой гость, пожалуйте!—Гей, хлопцы—чаю! закусить... Да подайте фазаньи потроха. Вотъ рекомендую—Дмитрій Ивановичъ,—ѣдетъ на Сахалинъ...

— Добавьте—по доброй волѣ — Михаилъ Сергѣевичъ, прохрипѣлъ „макака“. Мы знакомы.

— Эге, да вы я вижу со всѣми знакомы. Ну ладно. Хотите „пеперманта“, у насъ, батенька, всё заграничное. Налейте барынѣ „кремъ де-какао“. Ружье взяли? Лошадь вамъ будетъ. Тутъ охота царская. Прямо стрѣлять устаешь. Эхъ, голубчикъ, жалко, что вы не пріѣхали недѣлями двумя раньше. Что тутъ гусей было—страсть. А утокъ, а лебедей. Теперь всѣ улетѣли. Гей, хлопцы!

Маленькій черноусый казакъ въ казакинѣ изъ чернаго кавказскаго шелка, появился въ дверяхъ.

— Вахмистра, да гэть живо!

— Какъ веселы у васъ всѣ въ Манчжуріи, проговорила К.

— Солнышко, барыня, свѣтитъ и грѣетъ, непріятель подъ носомъ, некогда грустить.

— Вахмистръ пришелъ, доложилъ хлопецъ, высовываясь въ дверь.

— Живо сюда.

Вошелъ вахмистръ, благообразный солидный казакъ въ черкескѣ.

— Здорово Бондаренко.

— Здравія желаю.

— Все благополучно?

— Такъ точно.

— Ну вотъ, еще коня дай намъ. Пѣсенники готовы?

— Заразъ сѣдлаютъ.

— Ну поторапливай ихъ. Да пусть Похилко возьметъ винтовку, не припадутъ-ли дрохвы или жираны.

— Слушаю.

— Ну ступай.

Михаилу Сергѣевичу не сидѣлось. Маленькими шагами онъ

ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и мысли видимо перебѣгали въ его мозгу. „Макака“ примостился съ ногами на постель хозяина, стоявшую тутъ же и перебиралъ струны гитары. Въ окно былъ видѣнъ дворъ, окруженный глиняной коричневой стѣнкой, за дворомъ—желтая степь и роща дубовъ.

— Лошади готовы, доложилъ хлопецъ.

— Ну, айда. Пожалуйте барыня.

Старый кавалеръ, кавалеръ тѣхъ временъ, когда женщину и нѣжно любили, и рыцарски уважали, былъ видѣнъ въ его манерахъ, въ обращеніи его съ К.

Мы вышли во дворъ. Сѣрые, вороные, рыжіе и чалые монголы насъ ожидали. Пѣсенники стояли фронтомъ къ подъѣзду. Живо сѣли мы на коней и выѣхали со двора. Черная дорога вилась мимо китайскаго кладбища и рощи дубовъ и уходила въ степь. Кругомъ видны были деревни. Сѣро-коричневые фанзы съ трубами возлѣ домовъ были окружены заборами, возлѣ росли деревья. Издали онѣ походили на наши русскія деревушки. И только мы отъѣхали съ версту, какъ изъ трубъ ближайшей деревни повалилъ дымъ, затѣмъ показался дымъ въ трубахъ и дальнихъ деревень.

— Это они сигналъ подаютъ, что мы выѣхали, сказалъ полный и видный поручикъ охранной стражи; черезъ полчаса въ Цицикарѣ будутъ знать, что казаки поѣхали на проѣздку.

Навстрѣчу намъ попадались китайскія двуколки на колесахъ съ тремя толстыми спицами, запряженныя то быками, то лошадьми, то ослами. Сжатыя поля пшеницы и чумизы чередовались съ цѣлиною, лишь кое-гдѣ скошенной. Грачи и сороки носились въ воздухѣ. Было тепло, небо чуть подернутое паромъ не выпускало солнечнаго свѣта, но было ясно. Впереди, на сѣромъ иноходцѣ, рядомъ съ дамой, тоже на плотномъ, сѣромъ монголѣ, ѣхалъ Михаилъ Сергѣевичъ, сзади я, „макака“, К. и еще двое офицеровъ сотни Михаила Сергѣевича, еще сзади — пѣсенники и охотники. Кубанскія малороссійскія пѣсни стонали плачущими напѣвами въ воздухѣ и разливались широкими басовыми октавами отъ китайской деревни до деревни. Мы проѣхали верстъ восемь до одиноко стоящаго въ полѣ памятника.

Двѣ высокія, четыреугольныя колоны, сложенныя изъ сѣраго кирпича, образовали сѣнь, накрытую черепичатой, украшенной глиняными драконами крышей. Подъ сѣнью стояла громадная художественно сдѣланная черепаха. На ней былъ столбъ, весь испещренный надписями. Въ верстѣ за памятникомъ, въ

сторонѣ отъ дороги, было поставлено четыре маленькихъ черепахи, со столбами, покрытыми надписями, на ихъ спинахъ; за этими черепахами было богатое манчжурское кладбище.

— Это памятникъ губернатору здѣшнихъ мѣстъ, Му-ту-шань, сдѣлавшему много добра жителямъ. Черепаха—это знакъ долговѣчности. Какъ долго живетъ черепаха, такъ долго будетъ жить и память о его добрыхъ дѣлахъ въ народѣ. Маленькія черепахи поставлены въ память четырехъ его сыновей. А это кладбище—мѣсто упокоенія этихъ знаменитыхъ людей. Обратите вниманіе на морду черепахи, она вся черная отъ бобоваго масла. Каждый прохожій считаетъ своимъ долгомъ, проходя мимо памятника, сотворить молитву доброму генію и помазать черепаху масломъ, сказалъ Михаилъ Сергѣевичъ—здѣсь мы слѣземъ и пойдемъ цѣпью.

Казаки забрали лошадей, мы разошлись шаговъ на пятьдесятъ одинъ отъ другого и пошли по снятымъ полямъ чумизы.

— Лисица! крикнулъ фланговый казакъ.

Дѣйствительно, по полю влѣво отъ насъ катила лисица. Казаки молніей вскочили на коней и помчались за нею и на перерѣзъ съ ними понеслись и офицеры; это была бѣшеная скачка, по бороздамъ хлѣбныхъ полей, черезъ канавы. Но напрасно, лисица была далеко.

На минуту охота разстроилась. Но вотъ довольные скачкой, шагомъ и рысью вернулись охотники и мы пошли вдоль по берегу балки.

Михаилъ Сергѣевичъ шелъ легкой, изящной походкой. Едва вылеталъ фазанъ, раздавался выстрѣлъ и красиво, поднявъ кверху свой пышный хвостъ, фазанъ падалъ на землю.

— Кто стрѣлялъ? спрашивали казаки, нашъ дѣдушка?—значитъ е.

Пальба шла по всей линіи. Маленькій казакъ въ черкескѣ, съ шомпольнымъ ружьемъ, все больше мазалъ мимо.

— Глянь-ко хлопцы, смѣясь говорилъ урядникъ въ пограничной курткѣ,—Похитко ружье бье за то, что не попалъ.

Веселый смѣхъ шелъ въ толпѣ.

Сначала мнѣ не везло. Фазаны вспархивали въ сторонѣ, далеко, но вотъ изъ подъ самыхъ ногъ съ легкимъ клекотомъ, похожимъ на тетеревиный, красновато-огненнымъ шаромъ взлетѣлъ громадный пѣтухъ. Я приложился, выстрѣлилъ и описавъ широкую дугу, фазанъ тяжело шлепнулся на землю.

Я пошелъ поднимать его. Гляжу, у Михаила Сергѣевича ружье тоже дымится.

— Вы стрѣляли?—спрашиваю я.

-- Стрѣлялъ.

Мы оба выстрѣлили въ одинъ моментъ.

— Фазана убили вы,—говоритъ Михаилъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, по вашей стрѣльбѣ я полагаю, что вы его убили.

— Увѣряю васъ вы,—говоритъ хозяинъ.

— Вы, ваше благородіе, — кричитъ мнѣ съ лошади казакъ.

Мы прошли такъ съ версту. Каждый убилъ по одному, а Михаилъ Сергѣевичъ уже пять фазановъ.

— Ну, пойдемте на ту сторону,—предложилъ онъ.

По крутому откосу мы спустились къ кочковатому болоту. Перейти черезъ него было не легко. Кочки маленькія, поросшія травою въ человѣческій ростъ, скользкія,—ошибешься и попадешь въ прикрытую ледкомъ грязную тину, въ которую проваливаешься выше колѣна. Дѣлая смѣшные жесты, размахивая руками, опираясь на ружья, падая и проваливаясь, мы перелѣзли кое-какъ черезъ болото. Обиліе фазановъ вознаградило насъ за наши труды. Сейчасъ же, пропуделявъ по шести фазанамъ, я свалилъ пѣтуха и дуплетомъ положилъ пѣтуха и курицу. Патроновъ не было, а дичь носилась надъ нами. Въ высокую траву юркнула лиса, громадный табунъ дрофъ поднялся въ двухстахъ шагахъ отъ насъ, стаи утокъ носились надъ головою. Всѣ мы были увѣшаны дичью. А день только разгорался. Охота длилась всего два часа.

— Что, хлопцы, обѣдали?—спросилъ Михаилъ Сергѣевичъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Ну и намъ пора на обѣдъ. Поди-ка, барыня наша тоже хочетъ ѣсть.

— Еще какъ!—сверкая глазами отъ удовольствія видѣнной богатой охоты, отвѣчала К.

— Ну, айда домой.

Лошади тянули къ дому и шли просторною ходой. Казаки пѣли про „дівчіну“, „у сосіда хата біла“, про „козацкіе походы“, про то, какъ султанъ поганой вѣры вздумалъ сватать дочку русскаго царя.

Потомъ вдругъ дружно грянули свою манчжурскую лихую и грустную пѣсню:

Любимъ драться мы съ Китаемъ,
Пулѣ пулей отвѣчать,
И съ бутылкой предъ огнями,
На бивакѣ пировать!

Пей, друзья, покуда пьется
Горе въ жизни забывай!..
Издавна у насъ ведется—
Пей, ума не пропивай.
Трай-рай-рай
Трай-рай-рай
Тра-ра-ри-ра-ри-ра-рай
Издавна у насъ ведется
Пей, ума не пропивай.
Любимъ шумное веселье,
Нектаръ чаши круговой.
Чашѣ вѣрно, въ часъ бездѣлья,
Служить всадникъ строевой...

* * *

Можетъ завтра въ эту пору
Громъ и ядра зашумятъ,
Ядра съ ревомъ, пули съ свистомъ
Къ намъ съ Хингана прилетятъ,

* * *

Можетъ завтра въ эту пору
Насъ на ружьяхъ понесутъ,
И ужъ водки послѣ боя
Намъ понюхать не дадутъ

* * *

Можетъ завтра, павши жертвой
Кто-нибудь друзья, изъ насъ
Между мертвыхъ полумертвый
Будетъ ждать послѣднiй часъ...

Басовыя ноты хора постепенно умирали въ воздухѣ. Кругомъ были чужiя деревни, отовсюду можно было ожидать врага. „Можетъ завтра въ эту пору насъ на ружьяхъ понесутъ“...—могильные кресты одинокихъ могилъ, разбросанныхъ по широкой степи, стычки и схватки, невѣдомыя мiру, не отмѣченныя ни въ какихъ реляцiяхъ, но такiя, гдѣ „кто-нибудь друзья изъ насъ между мертвыхъ полумертвый будетъ ждать послѣднiй часъ“,—говорили это, и пѣсня, не казачья, а придуманная, звучала здѣсь не фальшиво, и ноты припѣва были не пошлы, а глубоко торжественны... Отъ нихъ дышало разгуломъ войны, ужасомъ смерти и спокойствiемъ передъ ея величiемъ, пѣсня была дика, а вдали, на широкомъ просторѣ степи, виднѣлись казенные бараки Фулярди, дымили трубы машинъ и локомибилей.. Мечъ и знанiе шли рука объ руку.

Черезъ часъ мы были дома. Горячiй супъ изъ фазановъ, фазаньи котлеты и компотъ изъ американскихъ фруктовъ изъ Санъ-Франциско, рюмка добраго вина, ликеры и кофе, а главное,

радушный хозяинъ, его офицеры, тѣсная русская семья въ далекомъ Китаѣ насъ ожидали.

К. пѣла подъ гитару: *„Пропадай ты жизнь молодецкая!“*, и каждый думалъ свою думу...

— Скажите,—прервавъ свое пѣніе, проговорила вдругъ К.,— скажите, Михаилъ Сергѣевичъ, за что вы получили свой георгіевскій крестъ?

Въ столовой воцарилась тишина. Всѣ знали, что хозяинъ разсказчикъ на рѣдкость и приготовились слушать.

— За пустяки, — коротко сказалъ Михаилъ Сергѣевичъ. — Это было въ тѣ тяжелые дни, когда армія Сулеймана отрѣзала отрядъ герцога Лейхтенбергскаго у Эски - Загры. Цѣлый день мы бились, прокладывая себѣ путь къ отряду генерала Гурко. Пробиться мы не могли. Посланный рано утромъ корнетъ съ 8-ю драгунами не вернулся—онъ былъ изрубленъ. Въ полдень поѣхалъ поручикъ, но и его постигла неудача. Нашъ полкъ всю ночь стоялъ, не разсѣдлывая, въ кукурузномъ полѣ. Лошадей кормили изъ рукъ, сами ничего не ѣли. Усталые, голодные, лежали мы на землѣ, ожидая дѣла, ожидая смерти· Я былъ при штабѣ, разсѣдлалъ лошадь и у сѣдла прикурнулъ на землѣ. Вскорѣ событія кроваваго дня исчезли изъ моей головы и я переселился въ міръ грезъ, въ свою семью... Вдругъ голосъ адъютанта разбудилъ меня.

— Юнкеръ Z., вставайте, Герцогъ васъ проситъ къ себѣ. Я вскочилъ, ничего еще не соображая, посѣдлалъ свою лошадь и поѣхалъ къ палаткѣ Его Высочества. Меня посылали съ разъѣздомъ въ отрядъ генерала Гурко. Командиръ полка назначилъ со мною 10 отборныхъ всадниковъ, все георгіевскихъ кавалеровъ. Помню, дали мнѣ поѣсть вареной кукурузы, сѣлъ я на лошадь, а лошадь была у меня добрая, и поѣхалъ. Драгуны на рукахъ меня вынесли, четверо изъ нихъ пали, шестеро остались живыми, и доставили маленькій пакетикъ Гурко... Вотъ и все. За это я получилъ этотъ крестикъ. Потомъ дѣла были труднѣе. Подо мной подрядъ было убито двѣ лошади, я былъ контуженъ въ голову,—тогда ничего не давали. Общая операція была неудачная, потому и участники ея ничего не получили. Это все равно, какъ и теперь. Тамъ, гдѣ былъ общій успѣхъ, тамъ и наградъ было больше, напротивъ, гдѣ были общія дѣла неудачны—участники ничего не получили.

Хозяинъ замолчалъ. На дворѣ стояла ясная лунная ночь. Молодой мѣсяцъ серебрилъ крыши домовъ и мягкими бѣлыми

снопами врывался въ окна. По лицу Михаила Сергѣевича витали думы и призраки суровой и тяжелой турецкой войны, образы героевъ ея наполняли комнаты его манчжурской квартиры.

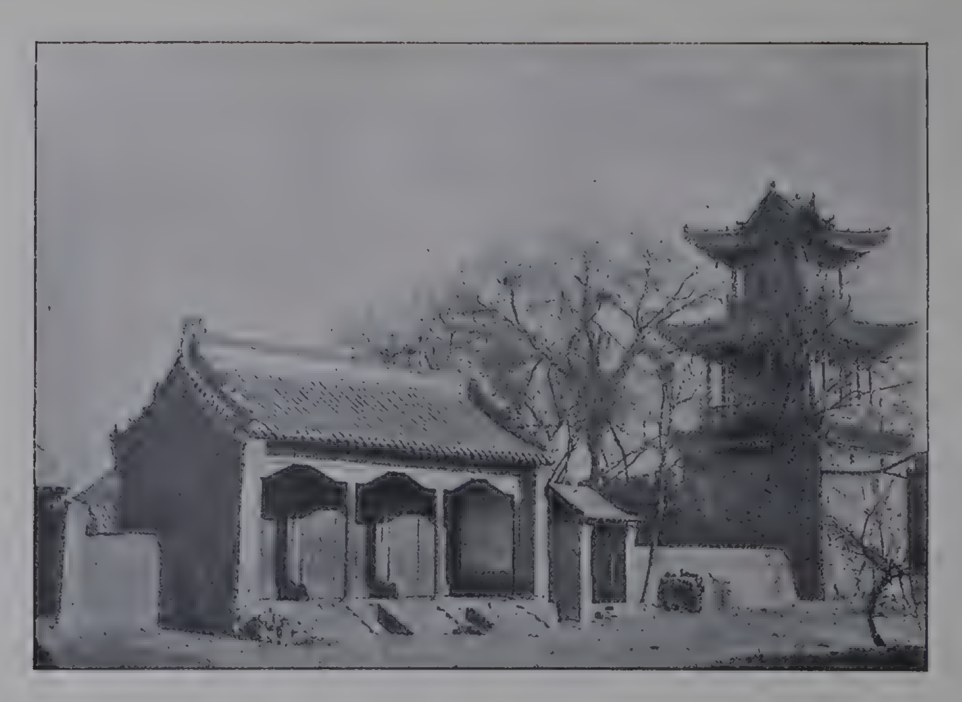
Госпожа К. поднялась прощаться.

— Какъ грустно разставаться съ вами, — проговорилъ хозяинъ, вы внесли струю свѣжаго русскаго воздуха въ нашу невеселую китайскую жизнь.—И съ вами!—обратился онъ ко мнѣ! Когда и гдѣ мы свидимся!..

Я вышелъ на дворъ. Было холодно и тихо. Тамъ, далеко въ степи, возлѣ рощи на кладбищѣ покоились кости былыхъ хозяевъ этихъ мѣстъ. А вокругъ кипѣла молодая жизнь, полная поэзіи, полная очарованія геройскихъ подвиговъ, жизнь съ громкой исторіей...

Цицикаръ
10 октября.

У памятника Му—Ту—шань.



Дворецъ цицикарскаго дзянь-дзюня — теперь офицерское собраніе 20-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

XIII.

Цицикаръ.

Китайская деревня. Переправа черезъ р. Нонни.—Предмѣстье Цицикара.—Александръ Ивановичъ.—Русскія войска въ Цицикарѣ.—Пріѣздъ полковыхъ дамъ.—У Фудутуна Сего.—Въ тюрьмѣ.—Въ гостяхъ у Александра Ивановича.—Въ курильной лавкѣ.—Кумирня.

Городъ Цицикаръ, столица Хей-лу-дзянской провинціи, лежитъ на р. Нонни. Пробраться въ него можно или прямо изъ Фулярди, или, поѣхать до желѣзнодорожной станціи Цицикаръ, и оттуда лошадьми 30 верстъ до города, Остановиться?.. Тамъ негдѣ остановиться. Нѣтъ тамъ ни гостинницъ, ни въѣзжихъ домовъ, ни гарнизоннаго собранія.

— Да остановитесь у Александра Ивановича,—посовѣтовалъ мнѣ на прощанье „лыцарь“,—помѣщеніе у него всетаки довольно

чистое. Василій Ивановичъ, переводчикъ-китаецъ изъ Джалантуна написалъ на красной бумагѣ записку къ Александру Ивановичу въ Цицикаръ и съ этой запиской въ карманѣ, послѣ обѣда, я верхомъ покатилъ изъ Фулярди.

Дорога тянется степью. Въ одномъ мѣстѣ болото, и довольно глубокое, задержало мой путь. Я пересѣкъ три деревни. Улицы деревень образовались глиняными заборами; за заборомъ стояли фанзы. Фанза — это мазанка о двухъ или трехъ комнатахъ съ сѣнями и большими окнами съ рѣзнымъ переплетомъ, заклеенными особой прочной бѣлой бумагой. Отъ этихъ оконъ въ фанзахъ всегда царитъ какой-то тусклый полусвѣтъ, и онѣ кажутся блѣдными и невеселыми. Вокругъ комнаты вьется труба, приспособленная для сидѣнія и для лежанія и называемая *каномъ*. Канъ сдѣланъ изъ глины четыреугольной формы, и входитъ въ печь, расположенную снаружи фанзы и имѣющую высокую пирамидальную трубу. Отъ кана въ фанзѣ тѣсно. Рядомъ съ фанзой сараи для овощей, для скота, у иныхъ маленькая домашняя кумирня.

Всѣ эти постройки заключены въ невысокую глиняную загородку, образующую дворъ. На иныхъ дворахъ помѣщается и огородъ. Усадьбы раскинуты во всѣ стороны, образуя лабиринтъ улицъ, страшно пыльныхъ въ то время, когда мы ѣхали. Въ деревнѣ пахнетъ дымкомъ, пылью, навозомъ и особымъ прянымъ, и немного противнымъ запахомъ китайца. Большія лохматыя собаки лежатъ у заборовъ, валяются въ грязи; тутъ-же бродятъ и маленькія черныя свиньи съ длинною шерстью, противнаго вида. Пѣтухи и куры сидятъ на посѣстахъ, у воротъ висятъ тряпки съ надписями хорошихъ пожеланій на новый годъ, иногда вывѣшена клѣтка и въ ней жаворонки и другія пѣвчія птицы. Иногда покажется манза въ сѣромъ балахонѣ, выплывутъ разодѣтыя въ зеленые и синіе китайскіе шелки манчжурскія бабы и дѣвки, увидятъ русскихъ и бѣгомъ, трусливо спрячутся за дворами. Онѣ не любопытны. По крайней мѣрѣ вы не видите глазъ. которые провожаютъ изъ-за глиняныхъ заборовъ пристальнымъ взглядомъ, вы не слышите, ни замѣчаній, ни насмѣшекъ. Въ деревнѣ — тихо. Даже собаки, эти непримиримые враги лошадей, не кидаются за вами съ хриплымъ лаемъ, но смирно лежатъ въ кучахъ песка. Въ растворенныя ворота видны просторные дворы. Посреди нихъ на цыновкахъ навалены кочни капусты, помидоры, насыпаны зерна чумизы и хлѣба. Гдѣ-нибудь въ углу привязаны лошади и мулы, да большой красный лохматый быкъ задумчиво стоитъ у открытыхъ дверей фанзы. Въ серединѣ деревни

постройки больше. Стѣны аккуратно сложены изъ сѣраго сырцоваго кирпича, за стѣнами видны чистенькія постройки, по большей части три въ рядъ, съ громадными окнами, дворикъ, на которомъ растетъ невысокая, но кряжистая и развилистая ива, кумирня въ сторонѣ и у воротъ, прикрытыхъ стѣнкой, два высокихъ красныхъ шеста—это жилище старшины селенія, или кого либо изъ начальства. Но и тамъ никого не видно. Послѣ кроваваго погрома, гдѣ за вину боксеровъ отвѣтили всѣ — деревни притаились и несмѣло принялись за обычную мирную жизнь.

За деревней опять степь. Пестрые фазаны выпархиваютъ по сторонамъ хорошо наѣзженной дороги. Дорога уклоняется къ востоку и подходитъ къ р. Нонни. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ около 200 саженей, черезъ нее ходитъ два китайскихъ парома, установленныхъ на сѣрыхъ плоскодонныхъ и неуклюжихъ джонкахъ. Подлѣ паромовъ цѣлый таборъ двуколокъ. Часть ихъ уже поставлена на помостъ парома; тамъ молча распоряжается хозяинъ, прилично одѣтый китаецъ. За переправу лошади полагается пять копѣекъ. Паромъ готовъ отваливать. По счастью нашлось мѣсто и для меня съ казакомъ и мы установились возлѣ арбы, въ которой лежалъ въ безсознательномъ состояніи манза. Вчера его ранили хунхузы и товарищи раненаго перевозили его въ Цицикаръ къ русскимъ врачамъ.

Китайцы убрали сходни и сначала на шестахъ, потомъ весьма неуклюжими веслами стали подавать паромъ на лѣвый берегъ рѣки.

Минутъ черезъ десять днища джонокъ зашуршали по песку и мы пристали къ берегу. На берегъ скинута одна тоненькая дощечка. Привычныя монгольскія лошади смѣло прыгаютъ съ помоста въ воду, мы перебѣгаемъ за ними на песокъ, поимъ ихъ и ѣдемъ дальше. Дорога идетъ по глубокому песку. Это островъ. Черезъ четыре версты намъ предстоитъ новая переправа. Второй протокъ Нонни много уже и быстрѣе перваго. Паромы меньше. До полсотни китайскихъ двуколокъ, сопровождаемыхъ русскими мужиками, везетъ муку изъ Россіи въ хлѣбородную Манчжурію. Паромы едва помѣщаютъ по шести арбъ, подъемъ на противоположный берегъ затруднительный, но переправа идетъ энергично и быстро. Черезъ полчаса мы были уже за Нонни и вверхъ по ея теченію направлялись къ Цицикару.

Вечерѣло. Румяный закатъ загорѣлся надъ пустынною степью. Спокойная рѣка отразила его и расплавленное золото забрызгало у ея береговъ. Панорама стѣснилась, задернулась золотою дымкою и подъ ея вуалемъ мы увидали сѣрыя зубчатыя стѣны,

островерхія башенки съ округлыми крышами, причудливый узоръ этихъ башенъ, зубцовъ и трубъ. Сѣрый, чужой городъ надвигался на насъ на золотѣ сухой травы и песка. Болотистая лужа преградила дорогу къ нему, смѣло вошли въ нее лошади, отразились на минуту въ водѣ и пошли брызгать, разгоняя красные обручи вокругъ. Влѣво сухою листвою шумѣли столѣтніе дубы и ивы, изъ-за земляного забора протягивавшія къ намъ корявыя вѣтви. Вправо песчаная осыпь — прямо дорога въ ворота. Кругомъ китайцы. Манчжуры съ желто-землистымъ цвѣтомъ лица въ сѣрымъ и синихъ курткахъ, въ круглыхъ шапкахъ-треухахъ, отороченныхъ лисицей, енотомъ, или собакой, китайцы въ туфляхъ съ неуклюжими носками, манзы изъ деревень, сопровождающіе двуколки, запряженныя тремя - пятью пестрыми лошадьми кое-какъ неправильнымъ цугомъ привязанными веревками къ оглобельной, заморенной лошаденкѣ или быку. Китайскія лавочки съ чеснокомъ, трубками, редисками, свеклой, капустою, мясомъ, тѣстомъ, мукою, куртками и штанами на теплой ватѣ, лавки съ сѣдлами, наборами, деревянными гробами, простыми крашеными красной краской и громадными кипарисовыми, испещренными рѣзными гіероглифами; лавки, торгующія бумагой, матеріей, стеклянными шариками, фотографіями двусмысленнаго содержанія, ониксовыми мундштучками и соломенными цыновками...

Купцы, степенно сидящіе въ ермолкахъ съ коралловыми шариками на головахъ, торговцы, звонящіе въ гонги, торговцы пронзительно кричащіе, погонщики муловъ и быковъ, звонко выкликающіе „йогъ, йогъ“, толкотня, давка, оживленіе шумъ и крики. Теперь только можно было разобрать, что золотистая дымка, вуалемъ покрывавшая сѣрыя стѣны города была не дымка тумана, но мелкая, ѣдкая вонючая пыль, поднятая всѣмъ этимъ людомъ и подхваченная сухимъ степнымъ вѣтромъ. Запахъ чеснока, дыма отъ кизяковъ, запахъ нечистотъ и куреній, словомъ запахъ китайца, Азіи, далекаго востока, бьетъ въ носъ. Гортанный говоръ кругомъ. Ни слова русскаго, вывѣски не вдоль, а по отвѣсу, цвѣтные фонари, обручи съ алыми и бѣлыми лентами, металлическія украшенія, повѣшенныя на шестахъ и карнизахъ домовъ, ни одного европейскаго лица на пестромъ фонѣ азіатовъ, ни слова русскаго, ни одного родного костюма... Китай, одинъ Китай! Одни желтыя лица манчжуръ, болѣе блѣдныя—китайцевъ, сѣрыя—манзъ; только косые глаза и черныя косы видны на синемъ фонѣ догорающаго дня. Жутко въ этой толпѣ одному...

Но вотъ изъ-за угла неуклюжей осыпавшейся саманной стѣны, на фонѣ звуковъ этой толпы, спустившейся словно изъ сказокъ тысячи и одной ночи, покрывая ихъ, какъ покрываетъ инструментъ солиста звуки замирающаго оркестра, раздались знакомые, отрывистые: *„ать! два! ать! два! на лѣ—во!...* Русская пѣхотная команда долетѣла изъ-за сѣрой стѣны и ей отвѣтилъ изъ города бодрый мотивъ русской военной музыки. Эти звуки боевой родины лишь на секунду выдвинулись изъ-за хаоса звуковъ кипящаго торговаго квартала и затихли, потонули въ немъ, но такъ мощны они были, такъ много сказали нашимъ сердцамъ, что гордые въѣхали мы въ бурный потокъ народной толпы, стѣсненной въ узкихъ воротахъ; „цуба"! повелительно кликнулъ казакъ, и сотенная толпа боязливо раздалась передъ нимъ и мы въѣхали въ главную улицу города Цицикара.

Здѣсь магазины были больше и приличнѣе, толпа лучше одѣта, шума меньше. По серединѣ улица перехватывалась аркой на тонкихъ столбахъ, съ крышей изъ черепицы и съ пестрою надписью, дальше видна была стѣна и ворота съ каменной башней надъ ними. Все протяженіе этой улицы немного болѣе версты. Отъ этой улицы вправо и влѣво отходили узкія, то пустынныя съ одними голыми стѣнами, прерываемыми лишь входными воротами, жилыя, то людныя, пестрыя, торговыя улицы. На перекресткѣ у самой арки, возлѣ большого магазина со стеклянными окнами и выставленными въ нихъ жестянками, скобами и инымъ европейскимъ товаромъ, казакъ остановилъ свою лошадь.

— Александръ Ивановичъ, коротко сказалъ онъ. Я слѣзъ съ лошади, вошелъ въ магазинъ и подалъ записку первому попавшемуся приказчику. Три молодыхъ китайца въ сѣрыхъ курмахъ склонились надъ лоскуткомъ красной лоснящейся бумаги, покрытой въ три столбца письменами Василія Ивановича и стали разбирать ихъ. Мальчикъ китаецъ, холеный и чисто вымытый, въ нарядной шелковой синей кофтѣ, склонился тоже къ бумагѣ, просмотрѣлъ ее и подошелъ ко мнѣ.

— Александра Ивановича нѣтъ дома,—сказалъ онъ мнѣ ломанымъ русскимъ языкомъ,—„пойдемъ его домъ".

Онъ протянулъ мнѣ руку и мы пошли въ переулокъ. Пройдя немного, мы вошли въ ворота. Въ воротахъ была фанза, въ фанзѣ магазинъ. Въ магазинѣ цѣлая толпа молодыхъ и старыхъ китайцевъ обступила меня; пришлось со всѣми поздороваться. Потныя грязныя руки пожимали мою. А моя была въ ранахъ отъ веревокъ и постоянной упаковки и распаковки свертковъ. Хорошо, что я

не брезгливъ и не мнителенъ. Хозяева предложили мнѣ чаю. Я отказался. Меня опять повели на большую улицу къ тому же магазину. Базаръ стихалъ, лавки запирались. Сумракъ окутывалъ дома.

— Подожди, сказалъ мнѣ водившій меня мальчикъ и юркнулъ въ магазинъ. Я остался на улицѣ. Вокругъ меня собралась толпа китайцевъ, они разглядывали меня, дышали мнѣ въ лицо чесночнымъ дыханіемъ.

— „Цуба",—крикнулъ казакъ, и они отступили. Я взглянулъ на своего кубанца.

Въ сѣрой заломленной на затылокъ папахѣ, въ черной пограничной тужуркѣ, съ патронташемъ-самодѣлкой, гдѣ за поясъ безъ крышки были натыканы патроны, съ винтовкой за плечами, онъ стоялъ среди толпы, держа въ поводу двухъ приземистыхъ монголовъ. Сколько осанки было въ его фигурѣ, сколько презрѣнія и сознанія своего превосходства въ красивыхъ сѣрыхъ глазахъ! Скажи ему слово, любого схватитъ изъ толпы и разорветъ, или плетью отдуетъ на глазахъ у всѣхъ. Онъ словно соколъ на цѣпкѣ, изъ подъ колпачка яснымъ окомъ глядящій на стаю чирикающихъ сѣрыхъ воробьевъ... Мальчикъ вышелъ въ сопровожденіи пожилого китайца.

— Александръ Ивановичъ,—сказалъ онъ.

Александръ Ивановичъ умильно улыбался и пожималъ мою руку обѣими руками.

— „Моя дома—твоя дома, живи",—говорилъ онъ мнѣ, скаля бѣлые, крѣпкіе зубы, „русскій обѣдъ кушай, для тебя русскій обѣдъ, русскій поваръ, поѣхали"...

Онъ сѣлъ верхомъ на одну изъ привязанныхъ у лавки лошадей, на другую сѣлъ его слуга манчжуръ въ высокомъ сѣромъ колпакѣ, отороченномъ лисьимъ мѣхомъ, третью пустили и она побѣжала одна сзади. Лошадь Александра Ивановича неслась быстрою иноходью, мой конь еле поспѣвалъ, казакъ несся полевымъ галопомъ. Вылетѣли въ ворота, пронеслись мимо сѣрой кирпичной зубчатой стѣны, надъ воротами которой развѣвался русскій флагъ, свернули направо, потомъ налѣво и остановились у воротъ. Опять толпа китайцевъ.

Александръ Ивановичъ дѣлаетъ смѣшные книксены передъ каждымъ, они отвѣчаютъ ему, присѣдая и хихикая, опять потныя руки, запахъ чеснока и китайца.

— Не хочешь ли чаю, вина,—говоритъ Александръ Ивановичъ.—У меня въ домѣ три комнаты, бери любую.—И онъ ве-

детъ меня сперва налѣво. Комната съ окномъ изъ бумаги во всю стѣну, съ мелкимъ переплетомъ. Вдоль стѣны нѣчто вродѣ наръ, прямыхъ, покрытыхъ соломенною цыновкой. Кое-гдѣ подушки. Сзади комната поменьше.

— А то вотъ! — кричитъ Александръ Ивановичъ и тянетъ меня вправо. Такая же комната какъ и влѣво, только цыновки покрыты коврами и въ головахъ лежатъ шелковыя подушки.

— Садись,—говоритъ радушно Александръ Ивановичъ и тянетъ меня на подушки. За другую руку меня тянетъ какой-то старикъ въ сѣромъ халатѣ. Остальные наполняютъ комнату, толпятся у дверей...

Здѣсь не дадутъ заниматься! Любопытные цѣлыми толпами будутъ стоять у двустворчатыхъ дверей безъ замка, весь день будетъ кругомъ икающій, носовой говоръ, никуда отъ нихъ не уйдешь!

Конечно, въ крайности! Но есть ли крайность? когда рядомъ за высокою, кирпичною стѣною стоитъ русскій полкъ? Попытаюсь, толкнусь.

Я благодарю Александра Ивановича. Ему жаль меня выпустить, Ну, хоть чаю!—говоритъ онъ мнѣ, или папиросъ. Я отказываюсь. Мнѣ нужно къ русскому полковнику. До завтра.

Мы ѣдемъ съ кубанцемъ назадъ. Вотъ стѣны импани, вотъ безобразные львы и драконы у подъѣзда дворца цицикарскаго дзянь-дзюня, нынѣ офицерскаго собранія 20-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Въ воротахъ молодой, хорошенькій подпоручикъ въ сѣрой тужуркѣ съ жетономъ Павловскаго училища.

— Здравствуйте... Вашъ однокашникъ, пріѣхалъ по казенной надобности... Не знаю, гдѣ помѣститься,—говорю я.

— Гдѣ? Да помѣститесь въ моей квартирѣ, а я уйду къ товарищу,—отвѣчаетъ подпоручикъ.

Черезъ минуту я въ маленькой фанзѣ. Двѣ комнаты, сѣни, русская печь, русскія окна со стеклами, каменный полъ изъ мелкихъ, темнокрасныхъ плитокъ, стѣны обитыя ситцемъ и два русскихъ деньщика съ самоваромъ. Всюду чисто, тепло, даже жарко... Я въ гостяхъ у русскаго офицера. Молодой подпоручикъ съ необыкновеннымъ радушіемъ устраиваетъ меня, хлопочетъ и я чувствую себя совсѣмъ дома.

Когда черезъ полчаса я вышелъ, луна сіяла на безоблачномъ небѣ. Зубцы, круглыя башни, ворота импани и китайской стѣны образовали узкую улицу, залитую луннымъ свѣтомъ. Китайскія

крыши шибашни подымались надъ стѣною безъ оконъ и безъ дверей. Было безлюдно. Часовой стрѣлковаго полка въ шинели и съ ружьемъ стоялъ неподвижно у воротъ. Тихая ночь была волшебна. Не вѣрилось, что эти стѣны, эти зубцы и башни настоящіе, казалось, что это картонъ кулисъ, что вотъ-вотъ зазвучитъ музыка и выйдутъ пѣвцы какой-нибудь сложной обстановочной оперы. Но тихо было въ заснувшемъ городѣ. Я вернулся черезъ маленькую калитку къ фанзѣ, озаренной молочнымъ свѣтомъ, сѣлъ на скамейку и задумался...

Звуки пѣхотной „зари" разбудили меня. Солдаты пѣли „*Отче нашъ*" и „*Спаси Господи*" и русская молитва неслась мимо высокихъ зубчатыхъ стѣнъ къ безоблачному, звѣздному небу далекой Манчжуріи.

Послѣдніе звуки молитвы замерли въ ночномъ воздухѣ, рота разошлась по сосѣднимъ фанзамъ, подошла смѣна къ часовому и наступила тишина.

Подлѣ, за перегородкой, копошились деньщики, у воротъ былъ часовой, а въ трехстахъ шагахъ отъ насъ за стѣною импани спалъ обширнѣйшій городъ западной Манчжуріи, столица громадной Хей-лу-дзяньской провинціи...

Городъ Цицикаръ занятъ русскимъ отрядомъ генерала Ренненкампфа въ августѣ 1900 года. Съ тѣхъ поръ многіе полки стояли тамъ гарнизономъ, смѣняя одинъ другой и задерживаясь въ городѣ не болѣе полугода. При мнѣ въ немъ размѣстились штабъ и три роты 20-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, 1 пѣшая батарея Забайкальскаго дивизіона и госпиталь. Подобно большинству китайскихъ городовъ Цицикаръ обнесенъ зубчатою стѣною изъ саманнаго кирпича. Стѣна эта, вышиною до 3-хъ саженъ, пулями не пробивается, но отъ дѣйстія снарядовъ и даже лопатъ осыпается. Толщина ея до сажени въ основаніи. Въ городъ ведутъ южныя и сѣверныя ворота съ башенками. Городъ имѣетъ протяженіе до трехъ верстъ въ длину и до двухъ въ ширину, примыкая западной стѣной къ р. Нонни, которая его огибаетъ; въ сѣверной части города расположена цитадель, или, какъ китайцы называютъ,—импань. Импань окружена собственною кирпичною стѣною изъ прочнаго сѣраго кирпича, вышиною около четырехъ саженей, съ нѣсколькими круглыми башнями у входовъ. Въ импани помѣщался дворецъ губернатора, или дзянь-дзюня, совѣтъ, или ямынь, казармы, тюрьма и нѣкоторыя правительственныя зданія. Всѣ они представляли изъ себя прочныя кирпичныя фанзы, въ 3, 4 и 5 комнатъ съ дворикамы, обнесенными

каменными стѣнками и каменными тротуарами. Кромѣ импани хорошими кирпичными постройками въ Цицикарѣ—были училище, кумирни и нѣсколько домовъ богатыхъ купцовъ. Остальные дома сложены изъ самана съ земляными стѣнками, образующими улицы. Улицы песчаныя, немощеныя съ канавами для нечистотъ, коегдѣ прикрытыми досками. До прихода русскихъ при каждой лавкѣ, на улицѣ имѣлось огороженное мѣсто, заражавшее воздухъ своими испареніями. Полиціи, конечно, не было никакой. Русскіе учредили туземную полицію, уничтожили клоаки, запретили выбрасывать на улицу на съѣденіе свиньямъ трупы младенцевъ, приказали вывозить мусоръ за городъ, а покойниковъ закапывать и до нѣкоторой степени улучшили воздухъ во всемъ городѣ. Сами русскіе заняли импань, училище, одну изъ кумирень и нѣсколько лучшихъ фанзъ. Весь прошлый годъ не устраивались, жили на юру, ютясь за бумажными окнами, не ломая и не передѣлывая фанзъ, все ожидали приказанія уходить въ Россію. Но вотъ пришло распоряженіе зимовать въ Цицикарѣ.

Закипѣла работа. Понадобились стекла, а стекло стоитъ 2 рубля кусокъ, понадобились доски, скобы, матеріи, обои... На минуту задумались, но вѣдь нужно! И вотъ, какъ въ Хайларѣ, такъ и въ Цицикарѣ закипѣла работа. Офицеры обратились въ архитекторовъ, солдаты въ плотниковъ и печниковъ, стали выкладывать печи, дѣлать оконныя рамы, вставлять стекла, гдѣ устраивать нары, гдѣ приспособлять для спанья китайскіе каны. Штабъ полка и первыя двѣ роты заняли дворецъ дзянь-дзюня и его постройки, хлѣбопекарня и нестроевые пріютились возлѣ тюрьмы, у кумирни стала батарея, китайскую школу заняли музыканты. Образовалась группа маленькихъ домиковъ, словно дачекъ въ китайскомъ стилѣ, разставленныхъ по дворамъ. Самое большое помѣщеніе взяли подъ офицерское собраніе. У подъѣзда подлѣ драконовъ поставили двѣ китайскія пушки, повѣсили подлѣ на башнѣ русскій флагъ. Первая комната фанзы составила прихожую, направо двѣ комнаты отдѣлали для штабъ-офицера и комисара, налѣво—большую комнату взяли подъ столовую и залу. Пестрый ситецъ обилъ стѣны. Съ него глядитъ изъ золотой рамы лицо Державнаго Вождя русской арміи, между колоннокъ стоитъ буфетъ, два стола для ѣды и одинъ для газетъ. Широкія окна наполовину заполнены стекломъ, наполовину бумагой, полъ каменный, шкапы китайскіе. Рядомъ въ маленькой фанзѣ кухня, дальше помѣщеніе караула. Подлѣ священныхъ драконовъ стоятъ дежурные съ георгіевскими крестами, герои Баянъ-му; въ часъ

развода у китайскихъ воротъ выстраивается караулъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, конные ординарцы на китайскихъ сѣдлахъ и въ синихъ курмахъ и дежурный офицеръ въ мундирѣ при орденахъ ждетъ смѣны...

Приказаніе остаться застало полкъ врасплохъ. Думали пробыть до осени, полушубковъ не брали. А между тѣмъ закрутили монгольскіе холода, задули вѣтры, жутко стало въ рубахахъ на ученьяхъ и стрѣльбѣ. А мундиры жалко. И вотъ купили синія китайскія ватныя куртки „курмы", со стеганами рукавами и просторнымъ воротомъ, подработали ихъ въ полковой швальнѣ подъ одинъ фасонъ и вышелъ полкъ въ синихъ теплушкахъ. Не говоря про удобство—даже красиво... Охотниковъ посадили на монгольскія сѣдла, пестрыя, съ большими росписными тебеньками, но удобныя,—словомъ, сноровились.

Еще въ прошломъ году инженеромъ г. Запольскимъ на дворѣ батареи воздвигнута была небольшая деревянная церковь для цицикарскаго гарнизона. Подъ иконостасъ была взята драгоцѣнная рѣзьба изъ дворца дзянь-дзюня, иконы выписаны изъ Россіи, поставлены серебряныя паникадила, богатая рѣзная люстра повѣшена подъ куполомъ. Это уже настоящая церковь съ причтомъ и большимъ числомъ прихожанъ, а не трогательный домъ молитвы кубанскихъ казаковъ, съ деревянными паникадилами и полотняными бантами, какъ въ Фулярди...

Открылись въ Цицикарѣ почтово-телеграфная контора и отдѣленіе русско-китайскаго банка... Словомъ, гарнизонъ устроился.

Не устраивались только офицеры. Ихъ семьямъ запрещено было селиться при мужьяхъ, и они проживали въ Хабаровскѣ и въ Читѣ. Весьма естественно, что офицерскіе капиталы и сбереженія плыли туда, гдѣ и жизнь дорога, и потребности шире, а тутъ ютились какъ-нибудь, по бивачному. Въ окна не вставляли стекла, потому что дорого, мебели не заводили и томились, и тосковали внѣ службы и работъ въ неприютной, безъ тѣни комфорта, обстановкѣ. Въ такомъ состояніи засталъ ихъ августовскій приказъ, разрѣшавшій женамъ пріѣхать къ мужьямъ.

Все оживилось. Самые хмурые капитаны начали улыбаться и напѣвать пѣсни, послѣдніе займы были сдѣланы и работа въ фанзахъ закипѣла.

— Надо непремѣнно каны выломать, совѣтуетъ ротному его субалтернъ, — это отъ нихъ такой скверный запахъ идетъ по фанзѣ, китайцемъ воняетъ; Вѣра Васильевна не снесетъ этого запаха?

— Да, Вѣрочка любитъ, чтобы въ комнатахъ хорошо пахло. Ну-ка, Ковалевъ, четырехъ человѣкъ съ ломами.

— А обивать стѣны, Иванъ Петровичъ, какъ думаешь? Можетъ сходимъ посмотримъ обои у Александра Ивановича. У Тинь-пань-юня я видѣлъ вчера хорошенькіе ситцы.

— Это мы подождемъ Вѣрочки. Она любитъ сама это устраивать. Да у насъ съ тобой, Семенъ Алексѣичъ, и вкуса такого нѣтъ.

— Это мало-мало вѣрно... подражая манзамъ говоритъ подпоручикъ. Фанзу отдѣлываютъ вчернѣ. Ставятъ печь и плиту, устраиваютъ уборную, разбиваютъ садикъ, отгораживаютъ дѣтскую, вставляютъ стекла, дѣлаютъ русскія рамы. Фанза выглядитъ уютнѣй.

И вотъ пріѣзжаетъ Вѣрочка. О! восточно-сибирскія стрѣлковыя дамы сами почти что всѣ изъ Сибири. У нихъ и вкусъ есть, и умѣнье изъ ничего создать обстановку. Глиняныя стѣны китайскаго дома закрыты коричневымъ ситцемъ въ кабинетѣ мужа, блѣдно-голубымъ въ спальной и бѣлымъ въ дѣтской. На окнахъ висятъ кисейныя занавѣски и темныя гардины. Соломенная циновка закрываетъ полъ, тутъ пришпиленъ вѣеръ, тамъ двѣ китайскія стрѣлы—невинная военная добыча мужа: „Артёлка“ неустанно возитъ подъ наблюденіемъ Ковалева со станціи ящики со стуликами и креслами; Вѣрочка въ мужниной тужуркѣ командуетъ деньщикомъ и четырьмя временно прикомандированными людьми изъ роты. Деньги летятъ. Сегодня купили куръ и живыхъ фазановъ и положили основаніе птичному двору, вчера прицѣнивались къ ослику для Петьки и завтра его навѣрно купятъ. Поговариваютъ о коровѣ. Александръ Ивановичъ и Тинь-пань-юнь ласково улыбаются русской „бабушкѣ“, а та уже воюетъ съ ними, хорошенькая въ своемъ платочкѣ и кофтѣ, сопровождаемая деньщикомъ Щадринымъ съ берданкой на плечѣ.

— У фу-да-юня такіе же платки вчера мнѣ по два рубля уступали, говоритъ она.

Она уже побывала у фу-да-юня; хотя фу-да-юнь и не говоритъ ни слова по-русски, но ей служилъ переводчикомъ полуголый мальчишка, преслѣдовавшій ее всю улицу воплями „шанго капитанъ деньга давай, мама папа убили, кушáй хочу“...

Вѣрочка уже присматривается къ нему и думаетъ, что ежели его отмыть, да подрессировать, то выйдетъ отличный казачекъ, или, какъ почему то по-англійски на востокѣ зовутъ „бойка“ (boy—мальчикъ). А вѣдь онъ ничей. И ему хорошо будетъ...

Субалтерну Семену Алексѣевичу предложено бросить дорогое собраніе съ антрепренеромъ, 28 рублей въ мѣсяцъ, и столоваться у нихъ за 15 или даже, если будетъ своя корова, и за двѣнадцать. Предлагали даромъ, да подпоручикъ заартачился.

На дворѣ импани становится веселѣе. Петька носится на ослѣ, фельдфебельскіе Сашка и Ванька бѣгаютъ за нимъ, возлѣ дракона стоитъ командирская бонна съ Олечкой и Варенькой. Вѣрочкинъ „бойка" съ косою, въ синей курмѣ, за заборомъ доитъ корову. Правда, изъ капитанскаго кармана вылетѣло не мало денегъ на „великое переселеніе народовъ", но по подсчетѣ оказалось, что съ будущей экономіей это все-таки будетъ дешевле, чѣмъ жить на два дома.

За Вѣрочкой пріѣхала мать-командирша съ бонной и дѣтьми, потомъ жена батальонера, молодая и блѣдная жена адъютанта, стали поговаривать о балѣ въ собраніи...

Тяжелый призракъ полнаго китайцами города, мысль о томъ, что „можетъ завтра, въ эту пору насъ на ружьяхъ понесутъ", стали уходить куда-то вдаль. Громадные кипарисовые гробы съ китайскими письменами, черныя свиньи, рвущія на улицѣ младенцевъ, мрачныя сѣрыя стѣны, казни и цѣпи, сознаніе, что только горсть русскихъ стоитъ здѣсь, что, чтобы выйти на улицу, надо брать солдата съ ружьемъ — все это смѣнилось заботами о Петькиномъ воспитаніи, о Вѣрочкиныхъ капризахъ, и среди китайскаго города, къ великому неудовольствію исправляющаго должность дзянь-дзюня фудутуна Сего, закипѣла русская жизнь.

— Русская бабушка пришла, думаетъ престарѣлый фудутунъ съ блѣднорозовымъ шарикомъ и павлинымъ перомъ на шапкѣ, не скоро значитъ уйдутъ русскіе и идетъ къ подполковнику генеральнаго штаба С* бесѣдовать о дѣлахъ управленія, какъ ему, не огорчая русскихъ, подластиться къ пекинскому двору...

Въ Цицикарѣ становится сносно... Но каково въ тѣхъ ротахъ, гдѣ одинъ-два офицера живутъ среди китайцевъ, отдѣленные сотнями верстъ, не только отъ родины, но даже отъ штаба полка... Вѣдь одна рота стоитъ въ Фулярди, одна — по линіи Цицикаръ—Мергенъ, одна—въ Хуланченѣ, одна—въ Пейтулиндзе и одна—въ Боянъ-су-су... Туда почта приходитъ разъ въ два мѣсяца, тамъ стекла, и за два рубля не достанешь, дерева нѣтъ, нѣтъ рынка, гдѣ торгуютъ мясомъ, рыбой и овощами, тамъ въ офицерской квартирѣ висятъ винчестеръ, и куча фазановъ и зад-

няя нога козы показываютъ, что русскимъ піонерамъ въ Манчжуріи приходится не легче, чѣмъ американцамъ прошлаго столѣтія и южно-африканскимъ бурамъ, подвигами которыхъ мы такъ восхищались съ дѣтства, забывая иногда про своихъ невидныхъ, незнаемыхъ героевъ далекой окраины.

А рядомъ совсѣмъ обособленный живетъ Цицикаръ, съ издавна замкнутый, чисто китайскій, или вѣрнѣе манчжурскій городъ. Во всѣхъ восточныхъ городахъ, даже въ центрѣ Абиссиніи, всегда найдется какой-нибудь предпріимчивый грекъ, армянинъ, еврей, или итальянецъ, который устроитъ свою торговлю европейскими товарами, консервами, или какимъ-нибудь печеньемъ. Въ Цицикарѣ нѣтъ никого. Издѣліями запада, американскими консервами, удѣльными винами, заграничными ликерами, ситцемъ и полотномъ здѣсь торгуютъ китайцы: Александръ Ивановичъ и Тинъ-пань-юнь, и единственными европейцами здѣсь являются русскія стрѣлковыя роты, батарея, почта, банкъ и госпиталь. Суровый китайскій законъ царитъ здѣсь. Почти каждую недѣлю палачъ рубитъ головы передъ представителемъ правосудія съ длиннымъ мечомъ, а за каменною стѣною, у воротъ, прикрытыхъ кирпичною стѣнкою отъ злого духа, въ обширныхъ фанзахъ, сидитъ исправляющій должность цицикарскаго дзянь-дзюня фудутунъ Сего.

Оговариваюсь относительно имени. Въ китайскомъ языкѣ такъ много полутоновъ, придыхательныхъ звуковъ, чуждыхъ русскому языку, что изобразить какое-либо слово нашимъ алфавитомъ весьма затруднительно. Я пытался уловить имя мандарина со словъ переводчика и поймалъ Се-хо, или Саго...

До прихода русскихъ войскъ въ большомъ дворцѣ сидѣлъ справедливый и неподкупный дзянь-дзюнь Шеу, застрѣлившійся при извѣстіи объ успѣхахъ нашихъ войскъ. Шеу былъ старикъ, преданный императору, большой патріотъ. Сего тоже не молодъ. Говорятъ, онъ весьма не глупъ, Вслѣдствіе бѣгства императорскаго двора изъ Пекина онъ не утвержденъ дзянь-дзюнемъ и, по настоянію русскаго правительства, исполняетъ его должность. Вся Манчжурія и Монголія, отъ р. Сунгари до границъ Забайкалья и отъ Амура до пустыни Гоби, подчинена ему. Манчжуры, монголы, буряты, дауры, солоны и китайцы посылаютъ старшинъ своихъ улусовъ ластиться и задаривать его, чтобы получить почетное и выгодное званіе эльхедда или ухередды. Отъ поры до времени на маленькомъ монголѣ, верхомъ, на короткихъ стременахъ, въѣзжаетъ во дворъ фудутуна чиновникъ въ черной кру-

глой шапкѣ съ стеклянным прозрачнымъ шарикомъ на маковкѣ и съ длиннымъ чернымъ перомъ, торчащимъ назадъ. Впереди него и сзади ѣдутъ солдаты въ красныхъ супервестахъ. Это гонецъ изъ Пекина съ бумагами. Какъ бьется сердце старика-фудутуна въ тѣ минуты, когда, послѣ троекратныхъ присѣданій и возгласовъ о здоровьи, о томъ, какъ доѣхалъ, будетъ переданъ пакетъ отъ его величества богдыхана. Что въ немъ! Приказаніе ли сдать должность, повѣситься, отдаться въ руки палачамъ, или производство изъ третьяго класса въ четвертый, пожалованіе новымъ званіемъ? Нужно угощать посланца, нужно съ любезною улыбкою вести съ нимъ учтивый разговоръ. Приличіе того требуетъ...

Ежедневно въ канцеляріи фудутуна ждутъ чиновники съ матовыми и прозрачными шариками на шапкахъ. У нихъ въ рукахъ палочки съ тушью и тонкіе листы бумаги. Каждый день несетъ что-либо новое... Поймали хунхузовъ, есть люди, которые сопротивлялись уплатѣ государственной повинности, жалуясь на свое разореніе. Ихъ били палками по рукамъ, имъ заковывали въ деревянные бруски головы—они упорствовали. Ихъ надо казнить. Но сдѣлать „кантами" неудобно. Русскій полковникъ сидитъ тутъ. Русскіе косо смотрятъ на казни. Казнить позволено однихъ хунхузовъ. Надо выдать ихъ за таковыхъ. Въ углу писцы съ глубокомысленнымъ видомъ выводятъ вертикальные столбцы китайскихъ письменъ на громадныхъ афишахъ, возвѣщая городу, что поймали разбойниковъ. Эти афиши расклеютъ на башняхъ и стѣнахъ, и толпы китайскихъ грамотѣевъ будутъ читать ихъ... Подполковникъ С* прислалъ переводчика сказать, что въ четыре часа дня „Великаго Россійскаго Императора гвардіи капитанъ желаетъ представиться его превосходительству". Нужно принять. Нужно подготовиться къ пріему...

„Великаго Россійскаго Императора гвардіи капитанъ"—это вашъ покорный слуга.

Безъ четверти четыре въ мою фанзу робко постучались и на зовъ „войдите", ко мнѣ прошелъ переводчикъ русскаго коммиссара. Онъ былъ въ парядной голубой шелковой съ серебряными украшеніями кофтѣ, желтомъ халатѣ и черной ермолкѣ съ пуговкой изъ мелкихъ коралловыхъ бусъ. Я былъ въ лагерной формѣ при орденахъ. Четыре уссурійскихъ казака сопровождали насъ. Чтобы изъ собранія попасть во дворъ дзянь-дзюня нужно перейти только улицу. У воротъ насъ встрѣтили съ поклонами и улыбками два пожилыхъ китайца. За первыми воротами были

вторыя. Въ промежуткѣ стояли шпалеры изъ восьми солдатъ, по четыре съ каждой стороны, разомкнутые на руку дистанціи. Солдаты одѣты прекрасно. На головахъ черныя повязки въ родѣ чалмы съ узломъ и маленькими ушами на лбу, черныя кофты, черные штаны и бѣлыя съ чернымъ туфли. Поверхъ кофтъ одѣты безрукавки, покроемъ напоминающія кирасирскіе супервесты эффектнаго оранжеваго цвѣта съ черными китайскими буквами на нихъ. Одежда новая; солдаты-манчжуры высокаго, не ниже 2 аршинъ 9 вершковъ роста, прекрасно подобраны и отлично выправлены. Стойка, равненіе шеренгъ, держаніе рукъ сдѣлали бы честь любому нашему солдату. Всѣ были безъ оружія. Я смотрѣлъ имъ прямо въ глаза и они отвѣчали мнѣ тѣмъ же. Нѣсколько тупой, но спокойный взглядъ. И лица красивыя, несмотря на выдающіяся скулы, и чуть косые глаза. Солдаты цицикарскаго дзянь-дзюня по одеждѣ были бы не плохи и для маріинской сцены, по выправкѣ—для любого полка нашей арміи...

За вторыми воротами мой путь шелъ налѣво по узенькому каменному троттуару мимо растеній, стоявшихъ въ горшкахъ и шпалеры чиновниковъ. Въ ту минуту, когда я вышелъ изъ воротъ, фудутунъ направился изъ своей фанзы и чиновники присѣдали передъ нимъ и онъ отвѣчалъ имъ улыбкой, похожей на гримасу, и присѣданіями. Мы поздоровались за руку. У входа въ фанзу, фудутунъ знаками показывалъ, чтобы я прошелъ первый, а я, наученый подполковникомъ С* китайской вѣжливости, такъ же знаками упрашивалъ пройти его впередъ. Вышла маленькая мимическая сцена Чичикова съ Маниловымъ. Она повторилась и у входа въ кабинетъ фудутуна. Я прошелъ оба раза первымъ. Кабинетъ—маленькая, полусвѣтлая отъ бумажныхъ оконъ, комната. Задняя половина его занята широкимъ возвышеніемъ, тянущимся отъ стѣны до стѣны и покрытымъ ковромъ. Посрединѣ маленькій столикъ, по бокамъ двѣ шелковыя подушки, для меня и фудутуна. Переводчикъ остался стоять. На столикѣ маленькія блюдечки съ сушенымъ медомъ, китайскими орѣшками, печеньемъ и сахарными яблочками—три блюдечка съ моей стороны и три у фудутуна. Самъ Сего одѣтъ въ черную ватную курму и такой же халатъ, на головѣ черная шапочка съ розовато-синимъ шарикомъ и павлиньимъ перомъ, опущеннымъ назадъ и внизъ. Лицо его желтое, морщинистое, сѣдые усы опущены внизъ, глаза усталые.

— Какъ здоровье?—спрашиваетъ онъ меня черезъ переводчика и глядитъ, поднявъ и скосивъ немного глаза, на него.

Я отвѣчаю и спрашиваю его сколько ему лѣтъ—это китайская вѣжливость. Фудутунъ польщенъ. Ему уже 63 года. Онъ обнаруживаетъ легкое волненіе и даетъ еле замѣтный знакъ. Въ щели двери за нами наблюдаютъ. Являются двое слугъ въ черномъ и приносятъ чай въ чашкахъ на блюдечкахъ. Чашки безъ ручекъ и прикрыты такими же чашечками, которыя слегка погрузились въ чай. Чай крѣпкій, безъ сахара. Но сахаръ свободно можно замѣнить медомъ и сластями. Фудутунъ молчаливъ, говорить приходится мнѣ. Я опять спрашиваю у него есть ли у него сыновья: спросить про дочерей и про жену считается неприличнымъ. У фудутуна одинъ сынъ. Потомъ онъ спрашиваетъ меня нравится ли мнѣ городъ. Онъ подавленъ, видимо ему хочется спросить другое, выпытать у свѣжаго лица извѣстіе, долго ли останутся русскіе въ Манчжуріи и не возьмутъ ли ее совсѣмъ, но говорить о политикѣ неприлично и фудутунъ опять молчитъ. Я разсказываю ему о впечатлѣніи, которое произвели на меня его солдаты, восхищаюсь его прекраснымъ чаемъ, умиляюсь его сѣдинами, заботливо освѣдомляюсь о его здоровьи и о благополучіи его подданныхъ,—онъ улыбается, кланяется, предлагаетъ еще чаю, но я отказываюсь—приличіе требуетъ окончить аудіенцію и я откланиваюсь. Опять мимическая сцена Чичикова съ Маниловымъ, присѣданія чиновниковъ, хмурыя воинственныя лица манчжурскихъ солдатъ и я на улицѣ...

Отъ фудутуна я пошелъ въ тюрьму, посмотрѣть ея ужасы. Идти недалеко. Переводчикъ провелъ меня въ просторную фанзу, полутемную, какъ всѣ китайскія помѣщенія. Тамъ стоялъ столъ посерединѣ и съ боковъ два длинныхъ стола. Человѣкъ шесть писцовъ усиленно скрипѣли перьями, выводя на тонкихъ полупрозрачныхъ листахъ китайской бумаги длинные ряды письменъ. Два чиновника, одинъ съ бѣлымъ фарфоровымъ шарикомъ—младшій и другой съ прозрачнымъ стекляннымъ—старшій встрѣтили меня и поздоровались. Кто они были я не зналъ. Можетъ быть начальство тюрьмы, можетъ быть судьи, во всякомъ случаѣ лица, отъ которыхъ зависѣло разрѣшить или не разрѣшить мнѣ осмотръ тюрьмы. Разрѣшеніе, конечно, было дано немедленно. Одинъ изъ чиновниковъ кинулся провожать меня, я просилъ не безпокоиться и мы пошли къ воротамъ. Желѣзный замокъ открылъ ихъ. Вправо, въ темной каморкѣ ютилась полуголая стража, прямо былъ пустынный дворъ. Сухая корявая ива росла на пескѣ. Часть зданій развалилась отъ времени—осталось только центральное строеніе. Это полутемный сарай, длинный и низкій, полный людскихъ

испареній. По одной стѣнѣ его тянутся нары—по другой столы. Часть арестантовъ обѣдала. Они проворно ѣли какое-то бѣлое тѣсто, рисъ и мясо, и апатично, тупымъ взглядомъ, смотрѣли на меня. На нарахъ лежали закованные въ тяжелыя деревянныя колоды преступники. Ноги и руки ихъ были вложены въ деревянныя доски крестъ на крестъ. Ноги у щиколки, руки у запястья. Они не стонали, не жаловались. Можетъ быть ихъ ожидаетъ смерть,—имъ все равно. Тупо и равнодушно моргаютъ они косыми глазами и думаютъ свою думу. Да еще и думаютъ ли?..

Пріятно было выйдти изъ этой фанзы, пріятно было увидѣть открытую желѣзную дверь и очутиться на волѣ. Это были звѣри въ клѣткахъ, одни закованные, другіе хотя и свободные, но подавленные и равнодушные ко всему, какъ звѣри.

— О! ихъ хорошо кормятъ! — сказалъ переводчикъ. Будто дѣло въ ѣдѣ, а не въ свободѣ, не въ воздухѣ, не въ волѣ!!!...

Нѣтъ, надо посмотрѣть сытаго, довольнаго, счастливаго китайца, стряхнуть эту мрачную картину человѣческаго бѣдствія. Къ кому только пойдти?.. А, къ Александру Ивановичу...

Александръ Ивановичъ былъ счастливъ, или притворялся, что онъ счастливъ меня видѣть. Въ раскрытую дверь былъ видѣнъ китайскій столикъ, два стулика подлѣ него и двое дѣтей съ книгами, сидящихъ съ ногами на стульяхъ. Дѣти мѣрно качались взадъ и впередъ и жужжали, зазубривая наизусть китайскую грамоту. Они скосили на меня плутовскіе глазенки и продолжали качаться и твердить, какъ куколки у маятника. Меня провели направо. Я подалъ свою руку цѣлому десятку китайцевъ. Навѣрно въ числѣ ихъ было не мало и слугъ. Они корчили гримасу, изображающую улыбку, и кланялись. Александръ Ивановичъ провелъ меня въ правую комнату магазина и усадилъ за столикъ. Пришелъ молодой богато одѣтый китаецъ, подали чай и полубѣлый манзовскій хлѣбъ. Чай былъ въ стаканахъ на европейскій ладъ: Александръ Ивановичъ щеголялъ знаніемъ обычаевъ свѣта. Онъ бывалъ и въ Петербургѣ. Онъ справился о здоровьи генерала-отъ-инфантеріи Духовского, котораго онъ знавалъ въ бытность его въ Хабаровскѣ, и узнавъ, что генералъ скончался, сожалительно зацокалъ и приговаривалъ „хорошій былъ женералъ, очень хорошій Серги Михалычъ; жаль, очень жаль, онъ вѣдь женералъ фельдмаршаль былъ сдѣланъ въ Государевомъ совѣтѣ“, и онъ быстро перевелъ извѣстіе о смерти Духовского молодому китайцу; тотъ тоже зацокалъ.

— Я давно не былъ въ Россіи, проговорилъ Александръ

Ивановичъ, — „съ того самаго времени, какъ эта непріятность вышла. Скажи пожалуйста, какъ погорячились! Двѣсти лѣтъ жили душа въ душу и вдругъ какая оказія! Въ Благовѣщенскѣ сколько хорошихъ ребятъ потопили. Очень погорячились. И наши тоже виноваты“.

— Нашъ Государь не хотѣлъ войны,—вставилъ я.

— Вашъ Государь—ангелъ, добрый духъ. И на такое дѣло подняли руку!! Что было! ай-я-яй что было. Мнѣ кажется англичанинъ всему виною. Ему сорвалось въ Южной Африкѣ, онъ давай мутить, а наши сдуру, извѣстно дураки, не разобрали и обидѣли... Ай-я-яй какъ горячились!! Прямо до дурости дошли...—говорилъ Александръ Ивановичъ. И вдругъ, простодушно и притворяясь простакомъ, задалъ вопросъ, который навѣрно волнуетъ въ настоящее время все населеніе Манчжуріи—„а что—совсѣмъ заняли русскіе Манчжурію, или временно?“..

— А что?—спросилъ я въ свою очередь, притворяясь ничего не понимающимъ.

— Да уже либо брали-бы совсѣмъ, либо ушли, а то такая политика! Ай-я-яй такая политика!! Дзянь-дзюнь, фудутунъ не беретъ, русскіе не берутъ, а не платить страшно... Ну еще чайку,—будто испугавшись своей откровенности, проговорилъ Александръ Ивановичъ и кинулся было наливать. Но я отказался. Много было симпатичнаго въ немъ. Правда и хитрости не мало, за то вѣжливость, учтивость, какихъ въ Европѣ у простыхъ людей не найдете!

Отъ Александра Ивановича я прошелъ на улицу, смотрѣлъ какъ дѣлаютъ пельмени изъ вонючаго тѣста, жарятъ на улицѣ снѣдь, ѣдятъ ее въ темныхъ пахучихъ балаганахъ, видѣлъ торговца живыми фазанами и вдругъ въ глухой улицѣ увидѣлъ фанзу съ дверью наружу. Я потянулъ воздухъ. Одуряющій запахъ! Ба, да это курильня. Я толкнулъ дверь и попалъ къ торговцу опіумомъ.

Обширная лавка была раздѣлена на двѣ части. Прямо былъ прилавокъ, за нимъ шкапъ, въ которомъ висѣли длинныя трубки съ серебряными чубучками и стояли стеклянныя лампочки съ огарками — это было хранилище трубокъ, Остальная часть была занята нарами, накрытыми цыновками, съ подушками и маленькими скамеечками, курильщиковъ было трое. Одинъ лежалъ спиной ко мнѣ, головой ниже ногъ и сладко храпѣлъ, рука его была небрежно брошена, огарокъ въ стеклянномъ сосудѣ догоралъ, трубка валялась подлѣ. Другой полулежа курилъ, нагрѣвая

опіумъ на пламени огарка, третій, сидя на корточкахъ только что разжигалъ маленькій темный комочекъ опіума. Никто не обратилъ на меня вниманія, хозяинъ вышелъ изъ задней двери и сейчасъ же скрылся, курильщики медленно продолжали свое дѣло. Сизый дымокъ плавалъ въ фанзѣ, было тихо и полутемно кругомъ. Какія грезы витали въ дремотномъ снѣ храпящаго китайца? Какое забвеніе и отъ чего, отъ какихъ трудовъ, находилъ онъ, въ неудобной позѣ лежа, на жесткомъ помостѣ наръ? Богъ вѣдаетъ про то...

Изъ курильной лавки я прошелъ за городъ въ кумирню. Старенькій бонза отперъ мнѣ двери въ капище и, пока я разсматривалъ уродливыя изображенія боговъ, со страшными лицами, съ выпученными глазами, пока смотрѣлъ на доски, испещренныя золотыми іероглифами, бонза стоялъ въ углу и перебиралъ маленькія курильныя свѣчки. Ему видимо тяжело было мое любопытство оно оскорбляло его чувство страха и особеннаго уваженія къ этимъ уродамъ изъ соломы, глины и папье-маше... И мнѣ стало совѣстно его деликатнаго указанія на неумѣстность безцеремоннаго разглядыванія. Я далъ ему двугривенный и собрался уходить. Онъ поспѣшно на полученныя деньги сталъ ставить курительныя свѣчки передъ идолами. Выходило, что я поклонился идоламъ...

Тихо было на дворѣ кумирни. Громадное дерево раскинуло широкія вѣтви надъ плитами двора и надъ маленькимъ памятникомъ. Въ сторонѣ, при свѣтѣ догорающаго дня, съ воемъ и переливами тоскливой музыки двигалась похоронная процессія и тоскующія рулады флейтъ, плачъ и причитанья, сухое дерево, грозные идолы и сконфуженный бонза—все это на сѣромъ фонѣ цицикарскихъ стѣнъ производило впечатлѣніе тоски, горя и печали...

Скучная жизнь. Угроза боговъ, страхъ тюрьмы, колодокъ и смерти, пьяное забвеніе въ сизомъ дымкѣ курильни, упорная однообразная, китайская работа и смерть, оплаканная, печальная смерть, чтобы сгнить въ роскошномъ гробу изъ кипарисоваго дерева! Для чего жить?..

И какъ отвѣтъ на это мелькнули передо мной прошлогоднія вывѣски съ пожеланіями счастливаго новаго года, оставшіяся на магазинахъ, птички въ клѣткахъ, заманчивый рядъ шариковъ и перьевъ, холеные мулы, запряженные въ крытыя каретки, словомъ цѣлая сложная китайская жизнь, которую я видѣлъ, созерцалъ, но понять которую мнѣ не дано еще...

Алая полоса моремъ огня отразилась въ Нонни подъ стѣнами города, принявшими красный отблескъ, востокъ потемнѣлъ и рѣзко выдвинулась на немъ огненная полоса надвигавшагося пала. Картина города, башенъ и зубчатыхъ стѣнъ, кумирень и фанзъ, стала удивительной и волшебной. Сказочный восточный городъ утопалъ во мракѣ, чтобы снова явиться съ посеребренными молодою луною причудливыми контурами. Подымался холодный, пронзительный вѣтеръ; слуги мели пустынную улицу. Магазины были заперты. Городъ отдавался сну, отдыху и картежной игрѣ, азарту которой нѣтъ равнаго въ мірѣ... Я шелъ домой. Надо было готовиться къ отъѣзду на Харбинъ...

Пароходъ „Успѣхъ" на Сунгари
15 (28) октября 1901 г.

Цицикарскія ворота.

XIV.

Харбинъ.

Желѣзнодорожная станція Цицикаръ.— Мостъ черезъ р. Сунгари.—Харбинъ.— Свадьба въ кабакѣ.— На пароходѣ „Успѣхъ".

Отъ станціи „Цицикаръ" на Харбинъ поѣзда ходятъ разъ въ день, обыкновенно около семи часовъ утра, но могутъ пойти и въ 9, и въ 12, могутъ и совсѣмъ не пойти. Чтобы поспѣть во время на станцію, надо выѣхать въ 3 часа ночи. Любезный докторъ К*. предложилъ мнѣ свою тройку, два охотника стрѣлковаго полка были наряжены заботами добрѣйшаго полковника Ф*. сопровождать меня; багажъ былъ уложенъ и, заложивъ руки подъ голову я лежалъ на доскахъ, прислушиваясь къ вою вѣтра и тиканью часовъ, лежавшихъ подлѣ на печкѣ. Не спалось. И проспать я боялся, и впечатлѣнія дня тяжелымъ кошмаромъ стояли въ моей головѣ, и передѣланная фанза казалась ночью страшной и необычной, словно пытались ея стѣны разсказать всю скучную исторію ея прежнихъ обитателей; словомъ, было не по себѣ...

Среди ночи за стѣнкой зашевелились деньщики, пришелъ мой кубанецъ, принесъ сѣдло, стали вздувать самоваръ, кряхтѣть и охать, начали разговаривать.

Былъ третій часъ. Время вставать.

Луна уже скрылась. Однѣ звѣзды кротко мигали на голу-

бомъ небѣ. Холодный вѣтеръ завывалъ за окномъ. Жутко было покидать теплую фанзу, грустно разставаться съ привѣтливыми деньщиками, со всею привычною обстановкою офицерской квартиры, но лошади ждали и я выѣхалъ за ворота.

Дорога на станцію Цицикаръ изъ города идетъ по лѣвому берегу р. Нонни по глубокому песку. Ѣхать пришлось почти все время шагомъ. То и дѣло попадались манзовскіе обозы съ сѣномъ и овощами, спѣшившіе въ Цицикаръ на рынокъ. Облака пыли летѣли въ лицо, въ темнотѣ вырисовывались силуеты быковъ, муловъ, лошадей, арбъ, вспыхивала трубочка въ зубахъ у манзы, и опять пустыня и темная ночь. Стрѣлокъ охотникъ, ѣдущій впереди, не сворачиваетъ обозовъ и мы, вылетая изъ колеи, прыгаемъ и ныряемъ въ пескахъ. Въ этомъ отношеніи казаки нахальнѣе. Казакъ даже когда ѣдетъ одинъ, свернетъ весь китайскій обозъ въ сторону грознымъ окликомъ „*шуба*“. Солдатъ гуманнѣе, деликатнѣе, менѣе господинъ въ Манчжуріи.

Путь кажется безконечно длиннымъ. Звѣзды мигаютъ, не погасая, небо тихое и только вѣтеръ мятежный и черный ходитъ, между небомъ и землею, не находя себѣ покоя. На полпути мы въѣзжаемъ въ громадное селеніе, ѣдемъ долгое время по улицамъ мимо темныхъ заборовъ, мимо фанзъ и кумирни и опять песчаная пустыня. Часа черезъ три пути звѣзды по краямъ неба начинаютъ медленно меркнуть, гаснуть одна за другой, горизонтъ раздается, дорога виднѣе и безотраднѣе.

Въ седьмомъ часу по замерзшему топкому болоту мы подъѣзжали къ желѣзнодорожной насыпи, Поѣзда еще не было... Онъ долженъ былъ придти только въ четыре часа. Итого въ моемъ распоряженіи оказывалось 9 часовъ, которые некуда было дѣвать,

Станція Цицикаръ—только станція и постъ, занятый пѣшею ротою охранной стражи. У командира ея, браваго поручика, въ жарко натопленной землянкѣ собралось цѣлое общество, ожидавшее движенія поѣзда. Все фулярдійскіе знакомые. К*. съ женою, „макака“, еще двое офицеровъ. Для насъ начальникъ станціи смилостивился и предоставилъ цѣлый вагонъ 4-го класса. Это была роскошь, какой мы давно не имѣли.

К*. узнавши, что я ѣду по Сунгари на Хабаровскъ присталъ ко мнѣ, чтобы я отвезъ вмѣстѣ съ собою жену его въ Хабаровскъ. Ему нужно остаться въ Харбинѣ. Здѣсь это никого не удивляетъ. Тутъ барышень и молодыхъ барынь даже прямо посылаютъ черезъ торговыя фирмы Кунста и Альбертса, Эммери или Чурина, которыя имѣютъ отдѣленія по всей Манчжуріи и

передаютъ кліентокъ съ рукъ на руки, какъ товаръ — такъ послать съ офицеромъ это даже роскошь.

К*. пѣла подъ гитару. „Макака“ хрипѣлъ „*Подъ чарующей лаской твоею оживаю я сердцемъ опять*“, шумѣли, спорили, ѣли битки, пили кремъ-де-те и кремъ-де-какао, сосали леденцы, словомъ, въ крошечной каморкѣ поручика наслаждались жизнью во всю, какъ только можно наслаждаться въ самой глуши Манчжуріи.

Тронулись подъ ночь и подъ ночь другого дня прибыли въ Харбинъ.

Долго стояли мы у „Затона“, на лѣвомъ берегу Сунгари, глядя, какъ вспыхивали вдали электрическіе фонари и загорались огнями квадраты улицъ, все ожидали паровоза съ того берега. Наконецъ паровозъ прибылъ, машинистъ разсказалъ новости изъ Харбина, подкрѣпился чаркой вина и къ ночи мы взошли на громадный восьми-пролетный съ ѣздою по низу сунгарійскій мостъ...

Когда глядишь на этотъ мостъ, охватываешь мыслью надводные бараки, въ которыхъ возводятся быки на рѣкѣ Нонни, вспоминаешь тупики и тоннель на Хинганѣ, невольно удивляешься генію человѣческому, начинаешь проникаться уваженіемъ къ зеленымъ кантамъ и серебрянымъ топору и якорю. Да, они не ужились съ офицерами, у нихъ были счеты съ рабочими, можетъ быть это они отчасти создали боксеровъ въ Манчжуріи, но все-таки работа ихъ велика.

Я видѣлъ восхищеніе китайцевъ при взглядѣ на этотъ мостъ, слышалъ восторженное „*шанго*“, когда они переходили на многосаженной высотѣ надъ сонною рѣкою.

Ночью, при свѣтѣ полной луны, между пустынныхъ береговъ этотъ мостъ казался какой-то ажурной сѣткой, паутинкой на спичкахъ, легкимъ и изящнымъ созданіемъ человѣческихъ рукъ. Не вѣрилось, что человѣческихъ... А по нему шли поѣзда и цивилизація, русская цивилизація, тихо и незамѣтно вливалась въ дебри Манчжуріи.

Два года тому назадъ здѣсь стояла жалкая манзовская деревушка, теперь здѣсь кипитъ русская городская жизнь. Харбинъ дерзаютъ называть манчжурскимъ Петербургомъ...—ну, до Петербурга ему далеко, неизмѣримо далеко, но волею людскою все-таки здѣсь творится нѣчто особенное. Харбинъ состоитъ изъ трехъ частей — „*пристань*“, „*Сунгари*“, или новый Харбинъ и „*старый Харбинъ*“. На „пристани“ много длинныхъ каменныхъ

пакгаузовъ, уютныхъ домиковъ дачнаго типа, бараковъ и лавокъ. Здѣсь-же стоитъ и громадная мельница. За пристанью — четыре версты ѣзды по болоту, крутой и довольно-таки некультурный подъемъ и „Сунгари". „Сунгари" распланированъ на много широкихъ улицъ, продольныхъ и поперечныхъ, въ немъ есть фонари, троттуары, есть каменная и довольно красивая церковь, нѣсколько прекрасныхъ кирпичныхъ зданій, что-то вродѣ клуба и цѣлая серія лачугъ — и, наконецъ, въ „старомъ Харбинѣ", въ 8 верстахъ отъ „Сунгари", чудные магазины Кунста и Альбертса, Чурина, правленіе китайской дороги, банкъ, дворецъ Юговича въ саду изъ старыхъ дубовъ и тальника, съ цвѣтниками и изящными дорожками, остатки жалкой китайской крѣпости, пограничная стража, рынокъ, электрическое и керосиновое освѣщеніе маленькихъ одноэтажныхъ лачугъ барачнаго типа.

Что думали строители, когда планировали такъ Харбинъ? Неужели они считали себя равными геніальному Петру, когда разбрасывали на 12 верстъ этотъ городъ, создавая разомъ три. Отчего не прилѣпились у берега на пристани. Отчего не заняли холмъ, гдѣ „Сунгари" и не бросили старый Харбинъ? Жаль было. И вотъ вмѣсто одного города—три. Въ одномъ театръ, не спрашивайте какой, въ другомъ—граммофонъ, услаждающій васъ пѣніемъ Прянишникова, Тартакова и Сѣверскаго. Кабакъ-гостинница Гамартели—въ старомъ Харбинѣ; на пристани—общежитіе. Войска стоятъ на пристани, пограничная стража — въ старомъ Харбинѣ, парныя, съ пристяжкой извозчики зашибаютъ деньгу и въ городѣ кишитъ жизнь, какъ будто-бы его охватила золотая горячка.

Надо думать, Блюмфонтенъ и Іоганнесбургъ также зарождались. Да и здѣсь кипитъ желѣзнодорожная горячка и жутко офицеру съ небольшими средствами въ ней. Извозчикъ три рубля до пристани, номеръ два рубля въ сутки, но что за номеръ! Это каморка одиночнаго заключенія съ картонными стѣнами, то слишкомъ холодная, то пышащая жаромъ, заплеванная и загаженная несмотря на свою молодость, каморка безъ признака удобствъ. Ошалѣлый лакей и три беременныя горничныя ничего не могутъ сдѣлать для чистоты и порядка. И этотъ вертепъ переполненъ.

Мы пріѣхали къ Гамартели позднею ночью. Тамъ гремѣлъ оркестръ пограничной стражи. Въ низенькой столовой дымъ стоялъ коромысломъ. Парадные мундиры, золотыя перевязи и портупеи, эполеты и погоны, зеленые канты, и среди этого одна женская

фигура въ флёръ д'оранжахъ, подвѣнечномъ платьѣ, хрупкая, тонкая, нѣжная. Свадьба въ кабакѣ. Это отзывалось разсказами Бретъ-Гарта, такъ и казалось, что и жениху имя не корнетъ такой-то, а какой-нибудь „Джонъ изъ горящаго ущелья". Больно было за невѣсту. Дики казались звуки маршей и вальсовъ, придавленные низкими потолками, дисонирующіе въ тѣсныхъ стѣнахъ; холостой пирушкой выглядывалъ трактирный столъ, залитый шампанскимъ и тускло освѣщенный свѣчами...

Въ номерѣ прыгали крысы и бѣдная обстановка его была хуже избы, хуже казацкой землянки...

Съ утра я началъ погоню за пароходомъ. Казенные, ихъ около 30-ти, прекратили свои рейсы. На Амурѣ со дня на день, съ часа на часъ, ожидали шугу, сало, — словомъ по нашему, по русскому – ледъ. Пароходъ рисковалъ зазимовать на полпути. Напрасно я просилъ управленіе китайской дороги дать хоть катеръ — мнѣ было отказано...

На купеческой пристани грузился и разводилъ пары пароходъ „*Успѣхъ*" братьевъ Косицыныхъ, руководимый отчаяннымъ капитаномъ Иваномъ Петровичемъ. Старый морской волкъ, молоканъ при этомъ—онъ не боялся замерзнуть. На „*Успѣхѣ*", на верхней палубѣ была сдѣлана досчатая тонкая рубка съ картонными переборками и въ ней холодныя, неотапливаемыя каюты.

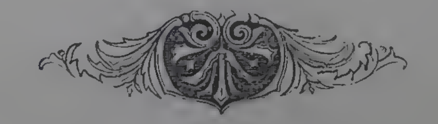
Я показалъ ихъ г-жѣ К*.—Угодно ѣхать со мною пять дней при такихъ условіяхъ?

— О, да. Лишь-бы не оставаться въ этой ужасной харбинской гостинницѣ.

Мы взяли билеты до Хабаровска и 13-го октября, въ 2 часа пополудни, ввѣрили свою жизнь Богу, Ивану Петровичу и капризамъ Сунгари и Амура...

Пароходъ выбралъ якорныя цѣпи, подтянулъ поближе баржу, груженую быками и медленно отвалилъ отъ пристани внизъ по рѣкѣ...

Хабаровскъ, 20 окт.



XV.

По Сунгари и Амуру.

Пассажиры и команда „Успѣха".—Берега.—Постъ Хоздяньгоу.—Солдатскія могилы.—Деревня Чанъ-линъ-хэ.—Продажа гробовъ.—Постъ Кантай.—Наши самодѣльныя укрѣпленія.—Зимой на Сунгари.—На мели.—Морозы.—Угаръ.—Хабаровскъ.

На *«Успѣхѣ»* пассажировъ мало. Г-жа К*, занимаетъ одну каюту, рядомъ я съ вольноопредѣляющимся охранной стражи, купецъ изъ Владивостока, которому надоѣли мытарства китайской дороги и три богатыхъ китайца—вотъ и всѣ. Команды 12 человѣкъ, наполовину китайцевъ. Капитанъ, Петръ Ефремычъ—его помощникъ, коренной сибирякъ, рулевой солидный и невозмутимый мужчина и три матроса—россійскіе, а не сибирскіе,—остальные манзы, поваръ кореецъ и русскій мальчикъ матросъ, онъ же и лакей... Путь предстоитъ безъ малаго на тысячу верстъ—пересѣчь богатый край присунгарійской долины...

Сунгари быстрая рѣка, желтая отъ массы песка и глины, поднятыхъ теченіемъ. Ширина ея доходитъ до версты, фарватеръ капризный, а потому пароходъ все время мотается отъ одного берега къ другому. По берегамъ стоятъ сигналы—доски съ цифрами красныя на правомъ и бѣлыя на лѣвомъ; баканы, означающіе перекаты, за прекращеніемъ навигаціи убраны. Телеграфъ, бѣгущій по правому берегу и эти сигналы—единственные признаки цивилизаціи, свидѣтели, что здѣсь есть люди. А то, на востокъ тянется безконечная равнина, поросшая сухою травою, почти по поясъ. Лѣтомъ, когда эта трава зеленая и пестритъ лиловыми ирисами, бѣлыми лиліями, пунцовыми тюльпанами, какая красота и роскошь должна быть въ этой обширной степи. Преріи и пампасы южной Америки будутъ ли пышнѣе даурской флоры степей Сунгари? Правый берегъ покрытъ холмами. Это

отроги хребта Джанъ-гуань-цай-линъ; они становятся выше и выше и верстахъ въ 200 отъ Харбина образуютъ настоящую горную страну. Здѣсь у поста Ходзянь-гоу мы останавливаемся. Не хватаетъ дровъ и мы ихъ покупаемъ у китайцевъ.

Постъ Ходзянь-гоу занятъ ротой пограничной стражи при офицерѣ. Кругомъ возведенъ высокій редутъ, горжей примыкающей къ берегу. Укрѣпленіе весьма солидное, съ большимъ наружнымъ рвомъ, правильной профили и вѣрное въ планѣ. Видна офицерская работа. Внутри землянки, темныя, грязныя, много хуже конюшенъ самаго плохого кавалерійскаго полка. Кругомъ крутыя и трудно доступныя горы, поросшія мелкою зарослью дуба. Говорятъ, здѣсь козъ милліоны, а фазановъ, на поляхъ чумизы, палками бить можно. Подымешься на гору, къ пустому соломенному сараю,—китайскому посту, взглянешь на западъ — цѣлое море горныхъ хребтовъ и долинъ. Маленькая рѣчка, обросшая густымъ кустарникомъ и громадными ивами, бѣжитъ къ Сунгари, надъ нею стоятъ домики манзъ, видны правильные квадраты сжатой свѣтло-желтой чумизы и почти бѣлаго гаоляна. Лошади и быки бродятъ по долинѣ, черная домашняя кошка прыгаетъ въ кустахъ. Прямо отъ барака вьется на верхъ тропинка и наверху четыре одинокихъ креста,—два большихъ хорошихъ, крашеныхъ бѣлою масляною краской съ мѣдными образками на нихъ и два маленькихъ. На крестахъ аккуратныя надписи. Съ чувствомъ благоговѣнія подхожу къ могиламъ... Въ одной: *«Рядовой охранной стражи китайской восточной желѣзной дороги Онисимъ Борщенко убитъ хунхузами подъ городомъ Боянму 9-го іюля 1901 года. Чаю воскресеніе мертвыхъ и жизни будущаго вѣка аминь»*—Рядомъ съ нимъ— *«Рядовой 15-й роты охранной стражи Петръ Семичевъ 20-марта 1901 года постъ Хондзянгоу»*... Подъ маленькими крестами *«китайскіе младенцы, умершіе не успѣвъ быть окрещенными»*...

Ихъ взяли, одинокихъ и заброшенныхъ на постъ, взяли грубыя солдатскія руки; они кормили ихъ солдатскимъ пайкомъ, не умѣя окрестить таинствомъ, но уже окрестивши ихъ своею любовью. Младенцы скончались. Ихъ зарыли, но вѣдь нельзя же было не обозначить могилъ существъ, которыхъ любили и которыя какъ-никакъ напоминали человѣка. И вотъ братское кладбище увеличилось еще двумя крестами...

Когда ѣдешь по Сунгари и смотришь направо и налѣво, на раскиданные то здѣсь, то тамъ посты солдатъ и казаковъ, неизмѣнно, почти всюду, видишь эти бѣлые намогильные кресты. Это вѣхи того тяжелаго пути, который прошла охранная стража,

занимаясь промѣрами, устанавливая сигналы, учреждая и охраняя навигацію на р. Сунгари. Она не допускала хунхузовъ лѣваго берега сноситься съ правымъ, она не дозволяла имъ скопляться въ шайки... И вотъ безмолвные свидѣтели, какъ тяжело ей это давалось, кресты и кресты, словно длинное кладбище, протянувшееся вдоль ленты рѣки, тутъ одинъ, тамъ два, тамъ три. Имена покойниковъ забыты, ихъ кости истлѣли, но пусть тогда, когда Россія въ своемъ медленномъ, но мощномъ поступательномъ движеніи на востокъ, дойдетъ до Сунгари и осядетъ на ней, какъ осѣла на Волгѣ, Иртышѣ, Оби, Енисеѣ, Амурѣ, пусть тогда помнятъ дѣльцы и крестьяне, горожане и инженеры, пароходовладѣльцы и гуртовщики скота, золотоискатели и штейгеры, что своимъ благосостояніемъ, что обширными степями, рыбной рѣкою и богатыми горами они обязаны недолговѣчной охранной стражѣ и русскому стрѣлку и казаку, словомъ—военному сословію, святому, безкорыстному, идеальному военному дѣлу... Но гудитъ пароходъ, сзывая пассажировъ на бортъ. Пора оторвать грустный взглядъ отъ солдатскихъ могилъ, пора впередъ внизъ по рѣкѣ.

. . . .

Что хорошо въ Манчжуріи, такъ это солнце. Холодно ли, жарко ли, дуетъ ли вѣтеръ или тихая погода, оно неизмѣнно ласковое и привѣтливое, радостно освѣщаетъ берега, и пустыня при его свѣтѣ кажется менѣе безотрадной...

Съ полудня оба берега идутъ въ горахъ. На западѣ красивою синею грядою виденъ малый Хинганъ, на востокѣ отроги Джанъ-гуанъ-цай-лина подходятъ къ самой водѣ и крутыми сопками падаютъ въ рѣку. По склонамъ и по вершинамъ бѣгутъ поросли мелкаго дубняка съ совершенно коричневою въ это время листвою, будто кружки, нарисованные искуснымъ топографомъ на желтомъ фонѣ засохшей травы. Горы лѣваго берега—Хингана—еще далеки. Лишь изрѣдка вершины ихъ выбѣгаютъ ближе къ рѣкѣ, образуютъ по берегу одну-двѣ террасы, за которыми степной просторъ, разгулъ несѣянныхъ травъ до самыхъ синихъ горъ, красивою волнистою грядою заслоняющихъ горизонтъ.

Очень рѣдко попадаются китайскія деревни. До войны ихъ было больше; война, кровавымъ потокомъ пронесшись по Сунгари, смела до основанія бѣдныя манзовскія постройки и только трубы заброшенныхъ кановъ еще торчатъ кое-гдѣ на берегу.

Но вотъ и манзы. Они бѣгутъ по берегу въ бѣдныхъ сѣрыхъ одѣяніяхъ и кричатъ что то на пароходъ.

— Это они дрова намъ предлагаютъ,—говоритъ Иванъ Це-

тровичъ и командуетъ „стопъ“ и „къ якорю“.—Значитъ будемъ стоять часа два, или три.

Что за деревня! Подъ громкимъ именемъ Чанъ-линъ-хэ скрывается около десятка сѣренькихъ глиняныхъ фанзъ. Дворы покрыты щепками, всюду бревна, доски, шпалы и гробы. Вотъ громадное бревно, цѣлый стволъ вѣкового дерева поставленъ вертикально на дворѣ и двое китайцевъ, обнаживши грязные торсы и стоя на подмосткахъ, пилятъ его на доски. Ну не чудаки ли! Неужели они не видали, или не догадались положить бревно горизонтально? Нѣтъ, пилятъ на двухсаженной высотѣ, рискуя каждую минуту свалиться... Одно слово китайцы!—говоритъ про нихъ Петръ Ефремовичъ, торгующій дрова.

Деревня Чанъ-линъ-хэ живетъ лѣснымъ дѣломъ. Главнымъ образомъ заготовленіемъ гробовъ. Вотъ ихъ сколько навалено по берегу. Бѣлые, новенькіе, а вотъ и старые, посѣрѣвшіе, развалившіеся—неужели подержанные? — спрашиваетъ съ отвращеніемъ К.

Мы обращаемся къ переводчику. Что же вы думаете? Правда. Когда кости манзы сгніютъ и трупъ обратится въ ничто—китайцы забираютъ подержанное домовище и несутъ его въ ремонтъ. Пожалуй вонъ на той дощечкѣ съ письменами, что болтается надъ фанзою, и вывѣска есть, „здѣсь чистятъ, красятъ и ремонтируютъ гробы, а также дѣлаютъ ихъ вновь. Продажа новыхъ и подержанныхъ, покупка старыхъ гробовъ!“

Какъ согласить это съ неприкосновенностью могилъ! Неужели и тутъ идолъ золотой выше вѣковыхъ предразсудковъ таинственной религіи?...

Второй день плаванія приходилъ къ концу. Рѣка была какъ растворенное масло, тихая, ровная, лишь съ тонкими линіями тамъ, гдѣ она крутилась на быстринѣ. Горы темнѣли и хребты ихъ сливались въ одну общую линію. Солнце медленно опускалось за нихъ и заревомъ заката охватило полъ-неба. Это зарево отразилось вмѣстѣ съ берегами въ сонной рѣкѣ и наполнило ее расплавленнымъ металломъ. Пароходъ замедлялъ ходъ. Ему нужно было спустить на берегъ вольноопредѣляющагося. На водѣ качались однодеревки, въ нихъ сидѣли казаки въ мохнатыхъ шапкахъ и полушубкахъ, толпа солдатъ стояла на берегу возлѣ небольшой четырехъ-угольной крѣпостцы съ башней и воротами, такой, какія рисуютъ маленькимъ дѣтямъ на картинкахъ. Нѣчто среднее между средневѣковымъ замкомъ и обыкновеннымъ глинянымъ базомъ для скота. На башнѣ, на шестѣ трепался сизый

флагъ, когда-то бывшій краснымъ, бѣлымъ и синимъ, но теперь утратившій свою національность—это постъ Томали. Здѣсь стоитъ около сорока солдатъ и казаковъ. Недавно 4.000 хунхузовъ пытались пройти на лодкахъ на ту сторону Сунгари — и что-же? постъ не только не пустилъ ихъ, но отобралъ ихъ джонки и сплавилъ ихъ караваномъ внизъ по рѣкѣ къ городу Санъ-Сину.

Немудрено что всѣ китайцы,—землепашцы и купцы, ежедневно передъ идолами своими благодарятъ русскаго Царя за то, что даровалъ имъ миръ и порядокъ... Но за то вонъ на холмѣ возлѣ крѣпости свѣжая могила, бѣлый крестъ... Впрочемъ гдѣ нѣтъ могилъ возлѣ постовъ въ этомъ опасномъ краю?!

Солнце сѣло. Мы отдали якорь и ждемъ луну. Она не замедлила появиться. Полная, блестящая ночная красавица вышла на горизонтъ изъ за завѣсы горъ въ сознаніи своей красоты и мощи и серебряная риза ея протянулась черезъ рѣку отъ берега до берега, освѣтила нехитрыя снасти парохода и обманчиво стали рисоваться дали и предметы. На „*Успѣхъ*“ раздалась команда, зазвенѣла цѣпь, наматываемая на валъ, якорь повисъ безжизненно на таляхъ, пароходъ дрогнулъ и пошелъ однообразно стучать колесами, будоража сонную воду, пуская къ небу фейерверкъ красныхъ искръ и разсыпаясь серебромъ за кормой. На мачтѣ баржи загорѣлся фонарь, заскрипѣлъ проволочный конецъ буксира и понеслись темные берега рѣки мимо насъ.

Обыкновенно пароходы не ходятъ ночью по Сунгари. Фарватеръ рѣки капризный, много перекатовъ и мелей — идти, да еще съ буксиромъ опасно. Если пароходъ наскочилъ на мель, а на баржѣ не успѣютъ свернуть въ сторону и она налетитъ на корму, жалкое суденышко будетъ разбито въ щепки, случится одна изъ самыхъ ужасныхъ катастрофъ. По берегамъ только посты. Да и тѣ рѣдко. Перевозочныхъ средствъ никакихъ, ночь морозная. Положимъ „*Успѣхъ*“ сидитъ всего на три фута въ водѣ, Иванъ Петровичъ человѣкъ бывалый и опытный, рулевой съ краснымъ лицомъ такъ внимательно смотритъ вдаль, что... Да и мы въ рукахъ Божіихъ...

Но когда, закрывшись съ головою въ бурку, дрожа отъ стужи, лежишь въ холодной каютѣ и не можешь заснуть, несмотря на коньякъ и горячій чай, невольно прислушиваешься къ тому, что дѣлается на бакѣ. Тамъ съ футштокомъ въ рукахъ стоитъ матросъ, смѣняемый каждые четыре часа, Онъ непрерывно опускаетъ палку въ воду и мѣряетъ дно. Когда все тихо значитъ глубина болѣе восьми футовъ, опасности для плаванія нѣтъ. Но

вотъ слышишь протяжное *„семь“*, *„шесть съ половиной“*, *„пять“*.— на мостикѣ команда *„стопъ“* и мы тихо несемся внизъ по рѣкѣ— *„пять“*, *„пять съ половиной“*, *„семь, семь“*,—на мостикѣ кричатъ въ машину *„ходъ впередъ“*, — промѣръ молчитъ, все благополучно, можно забыться тяжелымъ сномъ на холоду, на жесткой койкѣ. А каково то К!? утромъ на ней лица нѣтъ. Она не привыкла къ такому морозу.

На зарѣ мы опять стоимъ и грузимся дровами. Это постъ „Кантай“, унтеръ-офицерскій. Крошечная землянка, темная и смрадная. Передъ нею воткнуты въ землю шесты, на шестахъ виситъ штукъ десять фазановъ. На этомъ посту находится 39 солдатъ. Окоповъ они не возводили. Лѣнь.

— А не боитесь хунхузовъ, спрашиваю я у расторопнаго солдата, уроженца Орловской губерніи.

— Чего ихъ бояться, ваше высокоблагородіе, насъ слава Тебѣ Господи 39 человѣкъ противъ многихъ тысячей станемъ вѣдь это китаецъ!

И сколько презрѣнія къ китайцу, столько мощи и гордости слышится въ этомъ отвѣтѣ, что я невольно вспоминаю презрительное „мозглякъ“, слышанное мною отъ казаковъ.

Однако справедливо-ли это презрѣніе къ непріятелю? Да, китайцы дрались плохо, они не умѣли стрѣлять, они терпѣливы, незлобивы, довольствуются малымъ, но, если они увидятъ надъ собою твердую справедливую руку, если природную дисциплину ихъ переведутъ на дисциплину воинскую—они готовы тогда совершать чудеса исполнительности. Я видѣлъ въ Харбинѣ китайцевъ въ черномъ одѣяніи съ краснымъ суконнымъ кругомъ на груди и надписью по-русски и по китайски — *„полицейскій“*. Они весьма старательно несли службу; къ сожалѣнію харбинскій муниципалитетъ не озаботился чисто и красиво одѣть ихъ, помыть и выправить,—русскіе полицейскіе изъ китайцевъ выглядятъ хуже солдатъ цицикарскаго фудутуна, а этого быть не должно. А вы знаете изъ кого они набраны? Изъ хунхузовъ—изъ китайскаго казачества, изъ тѣхъ самыхъ хунхузовъ, которыхъ въ Петербургѣ считаютъ чуть что не хищными звѣрьми. И если явится въ одинъ прекрасный день въ Манчжурію не англійскій капралъ, строитель крѣпости Боянъ-му, а русскій офицеръ и урядникъ и по волѣ Русскаго Царя создастъ полки изъ хунхузовъ—они могутъ стать прекрасными войсками. Все дѣло въ выдѣлкѣ и обработкѣ.

Говорятъ, что китайскія крѣпости по Сунгари планировались

англичанами. Странное дѣло. И Томали, и Боянъ-му, и Санъ-Синъ стоятъ на самомъ берегу рѣки подъ горами. Они могутъ обстрѣливать только рѣку, но отойдите на десять верстъ вверхъ или внизъ и вы можете свободно форсировать рѣку и съ крутыхъ горъ прямо камнями закидать всю эспланаду.

Подъ вечеръ третьяго дня плаванія мы проплыли мимо Санъ-Сина, лежащаго въ устьѣ р. Мудань-Дзянь. Куча китайскихъ фанзъ безпорядочно громоздились по берегу Мудань-Дзяни, въ сторонѣ стояли бараки нашихъ войскъ и тутъ же были и кресты солдатскихъ могилъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Толпа джонокъ тѣснилась у устья, груды красныхъ и бѣлыхъ бакановъ лежали на берегу.

Жуткое впечатлѣніе производили наши маленькіе посты въ самомъ центрѣ Китая. Особенно тяжело пришлось охранной стражѣ. Пріѣзжаю на постъ... Все равно какой, такихъ какъ онъ десятки по Сунгари. Стоятъ казаки, человѣкъ двадцать. Землянка прикрыта соломой и камышемъ; русская печь самодѣлка, нары, рыбаи фазаны.

— Ну, какъ станичники живете?—спрашиваю я ихъ.

— Да ничего, ваше благородіе... Вотъ рыбой питаемся, козу на дняхъ убили, да и сейчасъ трое на охотѣ. Мѣсто-то наше глухое. Желѣзнодорожный пароходъ къ намъ такъ что не заходитъ, да и зайдетъ, такъ порученій отъ насъ ему не приказано брать, иной разъ по мѣсяцу сидимъ безъ муки и безъ мяса, одна надежда, если „*Атаманъ*“ или „*Газимуръ*“ *) пойдутъ, тамъ матросиковъ попросить—привезутъ, а свой нѣтъ. Не хочетъ что-то. Ну, иной разъ разсердишься на нихъ и сбарантуешь что у манзъ. Что же не погибать же намъ... А то вотъ охотой рыбку ловимъ... Зимой, ваше благородіе, тяжело, проговорилъ старшій.

— А хунхузы?

— Да мы вотъ окопались. Да неугодно-ли я вамъ, ваше благородіе, посмотрѣть все наше обзаведеніе я вамъ покажу, какъ мы своимъ умомъ додумались. Можетъ и плохо... А такъ думаемъ, что мы ровно-бы и въ крѣпости. Неугодно-ли будетъ вамъ пойти со мною.

Землянка была окружена солиднымъ землянымъ валомъ со рвомъ. Профили неопредѣленной, но по грудь стрѣлку и съ косыми исходящими углами. Въ землянкѣ нары, потолокъ изъ кривыхъ палокъ и печь.

— Сами строили, ваше благородіе, извѣстно какіе мы ин-

*) Казенные пароходы, состоящіе въ распоряженіи генералъ-губернатора.

женеры, своимъ умомъ добрались. Вѣдь сами и мѣсто выбирали. Когда насъ селили, намъ сказали: ѣзжайте за Фугдинъ городъ и гдѣ увидите дрова свалены, тамъ и становитесь постомъ. Вотъ мы и поѣхали. Выбрались. Мѣсто ничего, чистое, рѣка, видимъ, рыбная, сазанъ долженъ быть въ ней, опять и козы, и фазаны, и рябчики—стать можно. Стали мы въ соломенныхъ шалашахъ Однако, зима близко, надо и о домѣ подумать. Давай, говорю товарищамъ, пошукаемъ. Пошли на развѣдку, нашли фанзы, что китаецъ бросилъ, ну мы ихъ осмотрѣли, досокъ изъ нихъ понабрали, балокъ, столбовъ, потаскали къ себѣ, ничего устроились. Офицеръ пріѣзжалъ—благодарилъ. Живемъ помаленьку.

— А это что?—спросилъ я, увидѣвъ въ углу глубокую яму, въ которую чуть виднѣлся свѣтъ. Подлѣ ямы были составлены и винтовки.

— А это, ваше благородіе, подземный ходъ. Времени у насъ было много, вотъ мы и надумали, а что ежели такой грѣхъ случится, что китаецъ внутрь крѣпости ворвется и зажжетъ фанзу нашу, чтобы выкурить насъ. Вотъ мы и прорыли ходъ на 24 сажени за гору. Онъ значитъ къ намъ, а мы своимъ ходомъ на гору и оттуда его огнемъ и выбьемъ.

Урядникъ посмотрѣлъ на меня, будто спрашивая моего одобренія. Я похвалилъ его за расторопность и пошелъ на пароходъ. Казаки провожали меня до сходней, Имъ интересно было видѣть у себя офицера, разговарить съ нимъ. Это вѣдь нашъ послѣдній пароходъ, говорили они — теперь на шесть мѣсяцевъ зима—никого не увидимъ.

Засвиститъ, завоетъ въ ноябрѣ холодный вѣтеръ съ Хингана, надуется Сунгари, покроется „бѣляками“, потомъ вдругъ затихнетъ и пойдетъ по ней сало. Тридцати-градусный морозъ скуетъ это сало, до дна промерзнетъ рѣка и голубой неприкрытый снѣгомъ ледъ еще больше морозитъ и холодитъ, чѣмъ пушистая, снѣжная русская зима. Мертвая желтая трава уныло зашелеститъ въ степи, безлюдны станутъ горы, тоскливъ пейзажъ. Ни письма, ни денегъ, ни провизіи, ни матеріи, ни водки, ни вина. Притаится въ землянкѣ въ эту пору постъ и только сизый дымокъ, что вьется изъ желѣзной трубы, будетъ свидѣтельствовать, что здѣсь живутъ люди. Съ утра и до ночи пойдутъ разговоры, зазвенятъ пѣсни, запиликаетъ гармоника. И чуть стихнетъ вѣтеръ, уже потащутся съ винтовками казаки на охоту. Оставшіеся, кто будетъ дубить шкуру, кто плести нагайку, кто у трубы сушитъ козью ножку, чтобы сдѣлать изъ нея ручку на плетку...

Нѣтъ, солдаты, пригнанные изъ разныхъ губерній такъ не проживутъ. Ихъ тоска скорѣе загложетъ...

Въ общемъ берега Сунгари однообразны своею пустынностью. Будь здѣсь города, которые сверкали-бы по ночамъ лентами электрическихъ фонарей, пейзажъ былъ бы веселѣе, а то все одна и та-же степь, однѣ и тѣ-же голубыя горы.

Три дня мы шли по рѣкѣ безъ приключеній. Въ 2 часа пополудни мы всѣ собирались въ холодной каютъ-кампаніи, ѣли щи, неизмѣнно вареную и неизмѣнно жесткую курицу и что-нибудь сладкое, пили безконечный чай, согрѣваясь имъ, слушали разсказы бывалаго Ивана Петровича, про его плаваніе въ заливѣ Св. Лаврентія, во время поисковъ выхода клондайкской золотой жилы на азіатскомъ материкѣ и коротали время до вечера... Ночью старались заснуть въ замороженной каютѣ и кое-какъ въ этомъ успѣвали. На третью ночь мы чуть было не погибли. Впрочемъ, чуть-чуть не считается.

Я только что завернулся на-глухо, съ головою въ бурку, по обыкновенію прислушиваясь къ выкликамъ матроса. Все шло благополучно; футштокъ молчалъ, и я началъ дремать. Вдругъ страшный толчекъ едва не сбросилъ меня съ койки. Пароходъ внезапно сталъ, но машина еще продолжала нѣкоторое время работать, потомъ и она остановилась. По верхней палубѣ, собственно по желѣзной крышѣ нашихъ каютъ, поднялась бѣготня, раздался топотъ десятка ногъ и отчаянный крикъ капитана.

— На баржѣ лѣво на бортъ!..

— Есть!—донеслось съ баржи совсѣмъ громко, тогда какъ она шла отъ насъ обыкновенно на такомъ разстояніи, что человѣческій голосъ едва могъ быть слышенъ. Затѣмъ страшный трескъ, сильный толчекъ, потрясшій судно и могильная тишина. Все это совершилось такъ быстро и слѣдовало такъ непосредственно одно за другимъ, что я едва успѣлъ выпутаться изъ подъ бурки и выскочить наверхъ. Вся команда, капитанъ, Петръ Ефремовичъ, толпились на бакѣ. Тамъ горѣли фонари.

— Ну, что?—взволнованно спросилъ капитанъ.

— Руль цѣлъ,—отвѣчалъ рулевой снизу отъ самой воды.

— А течь?

— Три дюйма только.

— Сходня спасла. Ишь ее въ щепы разбило-то какъ...

— Ну, за работу! — весело проговорилъ капитанъ. — Петръ Ефремовичъ, надо-бы завести концы и рею поставить между.

Спустили рею, принесли къ кормѣ, задвинули между пароходомъ и баржею и матросы, и китайцы начали раскачивать ее въ стороны, Недружно и несмѣло три голоса запѣли дубинушку и подъ возгласы—„Идетъ!.. идетъ!..“ — заколебали пароходъ на мели. Кругомъ глубина была достаточная. Сняться было возможно.

А если не снимемся? Тогда на плоту пришлось-бы доѣхать до берега. Тамъ идти пѣшкомъ до поста и далѣе ѣхать верхомъ... Пустяки!.. А К*? — мелькнуло у меня въ головѣ, и я понялъ, какъ необдуманно я поступилъ, когда согласился взять ее съ собою, какую отвѣтственность я на себя взялъ, и мнѣ стало жутко... Я-то могу идти пѣшкомъ хотя по сту верстъ въ день, я-то могу ѣхать на китайской арбѣ, а каково будетъ ей?!...

Два часа команда возилась, не въ силахъ будучи тронуть пароходъ съ мѣста. Наконецъ, въ 1-мъ часу ночи застучали колеса и далекій берегъ началъ мало-по-малу отходить.

— Шесть, семь; семь, восемь, — уныло кричалъ матросъ на бакѣ.

Выбравшись на глубокое мѣсто „*Успѣхъ*“ отдалъ якорь и мы заночевали. Ночь была темная, моросилъ дождь...

На пятый день плаванія я проснулся отъ нестерпимаго холода. Дулъ пронзительный вѣтеръ. По широкой голубоватой рѣкѣ, покрытой массой острововъ, поросшихъ густымъ непроходимымъ тальникомъ, носились барашки, или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, *бѣляки*.

— Гдѣ мы? спросилъ я у капитана.

— Часа два, какъ вошли въ Амуръ, отвѣтилъ онъ.

Ни шуги, ни сала, только холодъ ужасный. Все обмерзло. Кругомъ сосульки льда и солнце уже не въ силахъ растопить его. Берега низки, поросшіе кустарникомъ, ни селеній, ни церквей не видать. Пустыня одинакова, какъ на нашемъ, такъ и на манчжурскомъ берегу. Только сигнальныхъ столбовъ какъ будто больше, да кое-гдѣ видны столбы телеграфа. Капитанъ хотѣлъ къ ночи прибыть въ Хабаровскъ, но мы брали опять дрова, потомъ подошли къ опасному перекату, отдали якорь и заночевали. Было 11° мороза одинаково на воздухѣ и въ каютѣ. К*. такъ промерзла, что выпросила разрѣшеніе поставить у себя въ каютѣ ведро съ углями. Температура быстро поднялась въ ея и смежной съ переборкой не до верху моей каютѣ, и первый разъ за три ночи я забылся мертвымъ сномъ. Однако, что-то безпокоило меня во снѣ и часа черезъ три я очнулся. Въ виски нестерпимо стучало, въ ушахъ былъ непрерывный звонъ.—Сквозь помутившееся сознаніе мелькнула мысль:—я угорѣлъ. Но состояніе всего

тѣла было такое покойное, такія неопредѣленныя грезы витали въ головѣ, такъ было хорошо всему тѣлу, что нѣсколько мгновеній я лежалъ въ сознаніи, что отхожу въ вѣчность и не шевелился. Мнѣ было все равно...

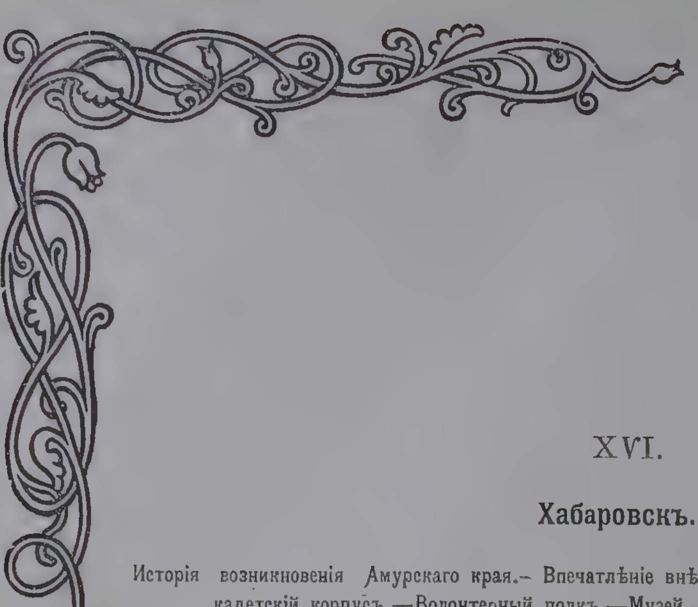
Но вдругъ страшная мысль поразила меня. Вѣдь если угорѣлъ я, и уже умираю, то К*, у которой стояло ведро, должна была угорѣть еще больше, если я умираю, то она умерла быть можетъ. Ее надо спасти. Эта мысль вернула мнѣ сознаніе; я сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и поднялся. Но сейчасъ же упалъ. Руки и ноги мнѣ не повиновались. И опять мысль, что въ двухъ шагахъ отъ меня отходитъ въ вѣчность молодая, прекрасная женщина, громадный талантъ, полная изящества и граціи и, что мой долгъ спасти ее, вернуло мнѣ силы; на четверинкахъ доползъ я до двери, распахнулъ ее, потомъ вышибъ тонкій замокъ каюты К*. и открылъ ее настежъ. Послѣ этого я такъ ослабѣлъ, что нѣсколько минутъ безъ движенія лежалъ на палубѣ и ловилъ ртомъ, и легкими холодный ночной воздухъ. Луна освѣщала палубу и бушующую рѣку. И вотъ я уловилъ шорохъ К*. очнулась, начала оживать. А морозъ густымъ паромъ врывался въ каюту и вытѣснялъ углекислоту; сознаніе и силы возвращались и къ К*. Она сѣла и тихо промолвила: Ахъ, мнѣ было такъ хорошо... Я была въ Петербургѣ... Пѣла... Мама моя, мама его были... Какъ холодно...

Потомъ она совсѣмъ очнулась и спросила меня—и вы умирали?. Я, сидя на полу у двери каюты — отвѣтилъ: и я. И всю ночь мы просидѣли такъ, дрожа отъ стужи, набираясь силъ, съ ужасной головною болью и звономъ въ ушахъ... Къ утру мы перебрались въ каютъ-кампанію. Тамъ шумѣлъ самоваръ, испуская клубы бѣлыхъ паровъ и нагрѣвая воздухъ. Вдали, сквозь стекла дверей, виднѣлся высокій берегъ, памятникъ, церковь, дома въ промежутки съ деревьями, круглыя сопки, лѣсъ мачтъ и нѣсколько пароходовъ надъ водою—мы подходили къ Хабаровску.

Въ 7 часовъ утра, 19-го октября, мы подошли къ песчаному берегу, кинули якорь, подтянулись и по обледенѣлой дощечкѣ, обдаваемой волнами прибоя сбѣжали на берегъ и направились по крутой горѣ пѣшкомъ—извощиковъ не было—въ городъ.

На другой день Амуръ покрылся льдомъ и всякая навигація прекратилась. Мы были послѣдними въ этомъ году, пришедшими водою изъ Харбина въ Хабаровскъ.

Хабаровскъ, 21 октября.



XVI.

Хабаровскъ.

Исторія возникновенія Амурскаго края.– Впечатлѣніе внѣшности города.—Хабаровцы.—Хабаровскій кадетскій корпусъ.—Волонтерный полкъ.—Музей.—Концертъ въ военномъ собраніи.

Пятьдесятъ одинъ годъ тому назадъ, дѣло, начатое казаками Поярковымъ, Дежневымъ и Хабаровымъ завершилось энергіей Г. И. Невельскаго и гр. Муравьева-Амурскаго, которые, твердо вѣря въ будущность Амурья, заняли самовольно его устье и на мысѣ Куегда, на мѣстѣ нынѣшняго Николаевска, водрузили русскій военный флагъ...

Это былъ смѣлый безумно рискованный шагъ. Только надежда на рыцарскій характеръ Императора Николая I, только твердая увѣренность въ пользѣ дѣла для Россіи, могли побудить его сдѣлать. Сибирь, и тѣмъ болѣе Амуръ, настолько не жаловались въ Петербургѣ, что графъ Нессельроде высказывалъ мысль: „отдаленная Сибирь до сего времени была глубокимъ мѣшкомъ, въ который спускались наши соціальные грѣшки и подонки, въ видѣ ссыльныхъ, каторжныхъ и т. п.; съ присоединеніемъ же Амура дно этого мѣшка должно оказаться распоротымъ и нашимъ каторжникамъ представится широкое поле для бѣгства по Амуру въ Великій океанъ“ Амуръ въ Петербургѣ считался столь зловреднымъ, что одно время о немъ и его занятіи было запрещено даже писать... И вдругъ приходитъ донесеніе о томъ, „что какой-то“ Невельской, получивъ приказаніе доставить на транспортѣ „Байкалъ“ припасы для Камчатки и другихъ сѣверныхъ округовъ, доставивъ ихъ, поспѣшно покинулъ Петропавловскій рейдъ и 28 мая 1849 года на личный страхъ произвелъ развѣдку Сахалина, выяснилъ, что онъ не полуостровъ, какъ то полагалъ Крузенштернъ, а островъ, и что устье Амура не закрыто непроходимыми мелями, а вполнѣ доступно для судоходства. Не прошло и года

со времени промѣровъ Невельскаго, какъ по его слѣдамъ стали рыскать англійскія и американскія суда, и безлюдный край легко могъ оказаться накрытымъ иноземнымъ флагомъ. И вотъ Невельскій, 1 августа 1850 года, достигши мыса Куегда, собираетъ селенія или такъ называемыя „столбища" гиляковъ, молится Богу и при салютѣ однофунтоваго фальконета и 6 ружей поднимаетъ русскій флагъ и объявляетъ, что отнынѣ устье Амура, Сахалинъ и побережье Татарскаго пролива составляютъ россійскія владѣнія, которыя будутъ охраняемы военной силой. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе въ Петербургѣ!? Мѣшокъ Нессельроде былъ разорванъ, маленькій морской офицеръ порвалъ всѣ тонкія нити дипломатической вѣжливости и задѣлъ достоинство Китая. Разжалованный въ рядовые еще за промѣры устья Амура, Невельскій особымъ комитетомъ, назначеннымъ для разсмотрѣнія его дѣйствій, объявляется подсуднымъ военному суду, исходитъ приказъ снять Николаевскій постъ, поставленный Невельскимъ, воспретить всякое новое посягательство на устья Амура, Сахалинъ и побережье Татарскаго пролива.

Но тутъ выходитъ на сцену гр. Муравьевъ-Амурскій. Ему удается добиться личнаго доклада Государю о амурскихъ дѣлахъ. Всякій, кто знаетъ натуру Императора Николая I—можетъ представить себѣ, что произошло. Страстная, живая, бойкая рѣчь Муравьева раскрыла истину передъ Императоромъ, и Государь произнесъ знаменательныя слова: *„разъ гдѣ поднятъ русскій флагъ, онъ опускаться не долженъ"*... Николаевскій постъ былъ оставленъ, а Невельскій назначенъ начальникомъ военной экспедиціи въ устья Амура. 22 августа 1858 года айгунскимъ трактатомъ завершается присоединеніе цѣлой области къ Россіи и начинается заселеніе новаго края уже на прочныхъ началахъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ состоялось мудрое повелѣніе въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III о постройкѣ великой сибирской дороги.

Съ этого времени Хабаровка, бывшая съ 1880 года административнымъ центромъ Приамурскаго края, пріобрѣтаетъ особое значеніе и начинаетъ быстро развиваться. Въ 1893 году ее переименовываютъ въ Хабаровскъ...

Первое впечатлѣніе отъ города весьма благопріятное. Лѣтомъ онъ весь въ зелени. И зелень эта, и каменные, и деревянные дома и домики, то взбѣгающіе на длинные холмы, то убѣгающіе въ глубокія балки, ровная тайга лѣваго берега, синія горы и сопки по Уссури,—наконецъ, двѣ широкія мощныя рѣки, обра-

зующія громадный разливъ—цѣлое море—все это чаруетъ глазъ; но войдешь въ городъ, прогуляешься по улицамъ и задумаешься. Недаромъ Хабаровскъ носитъ имя казацкаго атамана Хабарова:—казацкій городъ. Городъ безъ плана, безъ рисунка,—всякій лѣпилъ свой домъ гдѣ хотѣлъ, отмежевывая себѣ сколько угодно мѣста. Маленькій городъ расползся на громадное разстояніе — словно хуторъ казацкій, гдѣ у каждаго хозяина свое помѣстье. Тутъ каменный домъ изящной архитектуры и рядомъ баракъ, потомъ дачка съ садикомъ, опять два-три дома изъ кирпича и снова домишки. Улицы едва могли выравняться между ними. Тамъ начинается мелкій буро-рыжій дубнякъ—тайга, кажется и городъ кончился, вмѣсто улицъ—полевыя дороги—нѣтъ,—тутъ строится громадное зданіе изъ камня, стоитъ кирпичный домикъ военно-топографическаго отдѣла, два голубыхъ деревянныхъ, и опять тайга на нѣсколько десятковъ сажень—тайга спускается къ замерзшему ручью, а за ручьемъ хорошія кирпичныя казармы, большая начатая постройка Хабаровскаго кадетскаго корпуса и маленькій сѣрый двухъэтажный домикъ — нынѣшній корпусъ, бывшая военная школа, деревянные бараки 2-го баталіона 24-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и опять пустырь, оврагъ, въ которомъ стоитъ маленькій домикъ, а за пустыремъ улица, дома, деревянные тротуары и все это на полверсты, чтобы снова обратиться въ проселочную дорогу. И русскіе города широки и отмежевываютъ себѣ земли порядочно, а Хабаровскъ чисто по казацки строился—во всю, благо за землю не платить.

Собственно похожи на улицу—Муравьевъ-Амурская—этотъ Невскій проспектъ Хабаровска, набережная, да двѣ-три побочныя, спускающія въ балки. Остальныя еще только будутъ улицами—а пока это только дома. Но отъ этого Хабаровскъ только живописнѣе. Особенно красивъ городской садъ, гдѣ на скалѣ надъ Амуромъ высится бронзовая статуя графа Н. Н. Муравьевъ-Амурскаго. Гордо глядитъ онъ на текущую у его ногъ рѣку, на пароходы и баржи, снующіе мимо, на обширную панораму тайги за рѣкою. Садъ окруженъ изящной рѣшеткой изъ ружей и орудій, тутъ стоятъ наши пушки временъ занятія Амура и китайскія орудія, тутъ хорошенькія зданія музея, библіотеки, военнаго собранія, а противъ нихъ дворецъ генералъ-губернатора, дальше кирпичный соборъ Успенія Пресвятыя Богородицы и перспектива Муравьевъ-Амурской съ бульваромъ посерединѣ, со строящимся довольно изящнымъ зданіемъ общественнаго собранія на-

право,—гостинницей „Хабаровскъ" налѣво и нѣсколькими каменными домами.

Хабаровскъ это городъ будущаго. Залогомъ того, что онъ процвѣтетъ въ будущемъ являются Хабаровскій кадетскій корпусъ, реальное училище, техническое желѣзнодорожное училище, женская гимназія и нѣсколько городскихъ училищъ, — всѣ эти заведенія въ будущемъ дадутъ настоящихъ хабаровскихъ гражданъ, хабаровцевъ и хабаровокъ, которые будутъ говорить „у насъ на Амурѣ", „у насъ въ Хабаровскѣ", которые будутъ любить Хабаровскъ, его горы, его дѣвственную тайгу, *какъ родину* и какъ родину будутъ беречь ее. А пока въ Хабаровскѣ мѣстныхъ жителей нѣтъ. Вмѣсто хабаровцевъ вы видите петербуржцевъ, москвичей, орловцевъ, севастопольцевъ, одесситовъ, самарцевъ и т. д., всѣ интересы которыхъ сосредоточены тамъ, у себя, въ Россіи. Хабаровскъ пока—это проходящія казармы,—гостинница, которую не берегутъ и не любятъ. Одни пріѣзжаютъ сюда на службу, на срокъ—на три или на пять лѣтъ; эти такъ и живутъ, не заводя себѣ обстановки, отсчитывая прожитые не годы, а мѣсяцы, и мечтая о возвращеніи на родину.

— Намъ осталось прожить еще двадцать пять мѣсяцевъ, — говоритъ вамъ прекрасная молодая дама въ петербургскомъ платьѣ, наливая маленькую чашку чаемъ и доливая кипяткомъ изъ самой новомодной бульотки. Вы оглядываете обстановку, общество,— все генеральный штабъ—вы въ петербургской гостиной. Только ковровъ много, медвѣжьи шкуры такой величины и такой цѣнности, какихъ въ Петербургѣ не найдете.

— А мнѣ еще цѣлыхъ тридцать шесть мѣсяцевъ,—съ тоскою говоритъ пожилой капитанъ, а вотъ Андрей Андреевичъ, счастливецъ,—онъ въ ноябрѣ кончаетъ.

— Довольно жить бивакомъ—надоѣло,—замѣчаетъ Андрей Андреевичъ. Я уже мечтаю, какую обстановку я сдѣлаю въ Россіи. Отдохну вволю...

Вы смотрите въ чудные задумчивые, тоскующіе глаза хозяйки, смотрите на ея прекрасную фигуру, а потомъ въ окно, гдѣ подъ голубымъ небомъ торчатъ дубовые кустики тайги, виднѣются далекія дикія горы и вы понимаете, что эта обстановка ей не къ лицу. Ей надо укутать свое личико соболями, уткнуть фарфоровый носикъ въ крошечную муфту и нестись по Невскому и по Морской, а не по Муравьевъ-Амурской...

И все-таки эти тоскующіе по родинѣ, рвущіеся домой, въ Россію, люди, люди, попавшіе сюда на службу—украшеніе Хаба-

ровска. Это они изъ ничего создали громадный музей, это они устроили военное собраніе, они играютъ на любительскихъ спектакляхъ, они поддерживаютъ бодрый воинскій духъ въ войскахъ, они воспитываютъ будущихъ хабаровцевъ и хабаровокъ, они требуютъ мостовыхъ, которыхъ еще нѣтъ, фонарей, водопровода, они борются съ вѣчными отвѣтами „нельзя, невозможно, климатъ не позволяетъ"...

Остальные за малыми исключеніями—хищники.

Тамъ, гдѣ золото валяется въ пескѣ, гдѣ морскую капусту можно набирать, какъ гнилушки на берегу моря, гдѣ соболи, черныя лисицы и медвѣди продаются гольдами за безцѣнокъ, гдѣ есть волшебная рыба кэта, устремляющаяся съ моря въ Амуръ такими стадами, что вода обращается въ кашу и, черпая воду, черпаешь десятки солидныхъ рыбъ—тамъ работать никто не хочетъ. Наживы меньше чѣмъ два рубля на рубль никто не признаетъ. Въ Хабаровскѣ вы не услышите о винтѣ по тысячной или по двухсотой, а по двадцатой, или услышите о „макашкѣ"—на десятки тысячъ. Послѣдній мѣщанинъ наровитъ вывезти отсюда нѣсколько тысячъ рублей. Вотъ отчего лѣсное хозяйство въ зачаткѣ, вотъ почему на берегу Татарскаго пролива, гдѣ сребро-свинцовыя руды прямо выходятъ на поверхность земли, а свинецъ, оставшійся отъ старой китайской разработки, валяется на поверхности—никто не хочетъ работать свинца и серебра — невыгодно. Зачѣмъ брать серебро, когда есть подлѣ золото, или морская капуста, или „кэта", которая при затратѣ на снасти въ 1.500 рублей, даетъ доходъ въ 55.000 рублей въ годъ? И свинецъ и серебро увозится въ Англію, подъ равнодушными и даже презрительными взглядами сибиряковъ, явившихся на Амуръ наживать во что бы то ни стало... Имъ не жалко, сожженныхъ паломъ лѣсовъ, имъ не жалко разоренныхъ рудниковъ, истребленныхъ пантачей, медвѣдей, соболей и енотовъ. Ихъ девизъ— „apres nous le deluge"—все равно въ этихъ мѣстахъ больше не бывать...

И Приамурье и Приамурскій край ждутъ не дождутся, когда выростутъ маленькіе хабаровскіе кадеты и гимназистки, когда они пріѣдутъ на Амуръ, какъ на родину и скажутъ—„это *наша тайга*, это та милая сопка, на которую мы взбирались когда были дѣтьми, здѣсь въ этой пади, гдѣ впервые мы встрѣтились и объяснились, мы устроимъ ферму. Наша земля хороша и богата, будемъ работать надъ нею, разведемъ пушистыхъ соболей, а въ горахъ съ роскошными травами попробуемъ начать молочное хо-

зяйство, о которомъ мечтали наши бѣдные родители и которые считали это невозможнымъ.

Я вѣрю, что это будетъ. И тогда на суровомъ лбу Муравьева-Амурскаго разгладятся складки и улыбка озаритъ его лицо. Только тогда Амуръ и Приморье станутъ цѣннымъ ограненнымъ бриліантомъ, а пока это круглый, грязный камушекъ, безъ огранки, щербатый, въ которомъ только опытный взглядъ бриліантщика различаетъ благородство формъ и видитъ внутренній огонь.

Первый шагъ сдѣланъ: заложены учебныя заведенія, берутъ всѣхъ, чтобы только путемъ воспитанія подготовить породу хабаровскихъ отцовъ и матерей и прочно заселить богатый, красивый, но пустынный край.

Купечество, къ сожалѣнію, преимущественно иностранное, вступило въ борьбу съ хищниками и на смѣну прежнихъ бойкихъ лавочниковъ, признававшихъ лишь крупную наживу, явились солидныя фирмы Кунста и Альберса, Эммери и Чурина, заполнившія Сибирь и востокъ громадными складами и магазинами и давшія возможность нормировать цѣны...

Давно ли Хабаровскъ питался одною рыбой? Давно ли лимоны привозились въ замороженномъ видѣ и стоили 1 р. штука, а сахаръ пятьдесятъ копѣекъ фунтъ? Теперь, благодаря желѣзной дорогѣ и энергіи вышеупомянутыхъ фирмъ,—лимонъ дошелъ до гривенника, сахаръ 22 коп. фунтъ, а кэта осталась достояніемъ простонародья; кэта жареная, кэта вареная, соленая, вяленая, копченая употребляется въ пищу въ несмѣтномъ количествѣ.

Я пробовалъ копченую кэту—хороша. Напоминаетъ и семгу, и балыкъ. Хуже балыка и лучше семги, нѣжнѣе, мягче, и стоитъ 1 р. 50 к. пудъ.. По обычаю туриста пробовать все пробовалъ я и кэтовую икру, прозрачную, желтую, съ зернами величиною съ крупную клюкву. Какая мерзость! часа два я не могъ придти въ себя отъ этой пробы и повторять ее не посовѣтую никому.

Во всякомъ случаѣ и за кэтой есть будущность, какъ есть будущность за Хабаровскомъ, хотя и говорятъ, что Хабаровскъ, не расцвѣтши отцвѣтаетъ и замѣнится новымъ, молодымъ, созданнымъ манчжурскими инженерами, Харбиномъ.

Хабаровскій кадетскій корпусъ вступилъ во второй годъ своего существованія. Въ немъ четыре класса и около 160 человѣкъ кадетъ... Но даже и это незначительное число мальчиковъ оказалось нелегко набрать. Не многіе изъ нихъ имѣли-бы право на поступленіе въ кадетскіе корпуса по россійскимъ правиламъ,

остальнымъ, по ихъ происхожденію, не мѣсто въ корпусѣ. Это дѣти писарей, унтеръ-офицеровъ, произведенныхъ въ первый классный чинъ и сдѣлавшихся чиновниками, только по сибирскому масштабу. Поэтому первоначальное воспитаніе дѣтей невозможно Многіе мальчики прибыли изъ далекихъ урочищъ, съ постовъ, гдѣ отцы ихъ несли тяжелую оберъ-офицерскую службу. Тамъ ихъ первымъ воспитателемъ былъ деньщикъ, деньщикъ сибирскій зараженный немного хищнымъ духомъ и страстью къ наживѣ, многіе прибыли отъ распавшихся семей, семей безъ отца, или безъ матери, что тоже нехорошо отозвалось на ихъ нравственности. Поэтому Хабаровскій корпусъ долго не будетъ имѣть того рыцарскаго духа, которымъ пропитаны старо-дворянскіе корпуса — 1-й и 2-й петербургскіе, Михайловскій-Воронежскій—этотъ центръ образованія молодежи всего юго-восточнаго степного коренного дворянства и другіе корпуса центральной полосы Россіи. Отъ этого и характеръ кадетъ, и ихъ проступки въ Хабаровскѣ имѣютъ мѣстный отпечатокъ.

Благодаря благосклонному вниманію ко мнѣ временно-исправляющаго должность приамурскаго генералъ-губернатора генерала-отъ-инфантеріи Беневскаго и любезности директора корпуса мнѣ удалось побывать въ зданіи корпуса и ознакомиться съ его физіономіей.

Пока новое зданіе еще представляетъ голыя стѣны и изъ трехъ этажей выведенъ всего одинъ корпусъ ютится въ старомъ зданіи военной школы, расширенномъ бревенчатыми пристройками, распертомъ во всѣ стороны, насколько это было возможно, и все-таки тѣсномъ. Маленькія постели кадетъ стоятъ въ дортуарахъ почти безъ промежутка, обстановка умывальной и уборной много хуже, чѣмъ въ гвардейскихъ полкахъ у солдатъ, а классы простымъ убранствомъ напоминаютъ классы городскихъ училищъ. Дѣти попадаютъ сразу въ спартанскую суровую обстановку, въ ту обстановку, которую имъ создала ихъ родина и въ которой имъ придется жить.

Была большая перемѣна. Кадеты только-что позавтракали и съ крикомъ и визгомъ носились по рекреаціонной залѣ, прыгали черезъ рѣшетку, шумѣли и возились. Мой приходъ возбудилъ нѣкоторое любопытство, но меньше, чѣмъ это было-бы въ Россіи. Говорятъ — они мало впечатлительны, нервы ихъ не такъ тонки, они грубѣе россійскихъ дѣтей. Всѣ они знаютъ толкъ деньгамъ и, отправляясь въ отпускъ, каждый ведетъ запись расходамъ до мельчайшихъ подробностей, — что-же, если хотите, это

хорошо. Исправить ихъ легче, но воспитать и образовать нелегко. Они ничего не видали, кромѣ тайги, сопокъ, тихаго задумчиваго Амура, косоглазыхъ гольдовъ, корейцевъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, китайцевъ съ косами, да родителей своихъ, тоскующихъ по родинѣ. И они, какъ отцы и матери, привыкли говорить, *„въ Россіи“*, *„россійскіе“*, хотя для нихъ — Сибирь уже есть Россія. Они воинственны. Маршировать, играть въ войну, драться, глядѣть на китайскія пушки, стоящія въ корпусномъ садикѣ — это ихъ любимая забава... Одна бѣда — учить ихъ некому. Ни объявленія, ни повышенная плата не могутъ привлечь достаточное количество учителей въ Хабаровскъ. Одинъ французъ соблазнился поѣхать туда „oú sourit l'Amour“, да за прекращеніемъ навигаціи по Шилкѣ застрялъ въ Иркутскѣ, другой ѣдетъ моремъ—математику ведутъ директоръ и инспекторъ, люди, кончившіе артиллерійскую академію, а русскій, а исторію, а естественную исторію?.. Гдѣ офицеръ пограмотнѣе, гдѣ такъ кто-нибудь тихо катитъ шаръ образованія, не подготовленный спеціально къ педагогической дѣятельности *). И всетаки это зерно, хотя и брошенное насильно, но упавшее на почву, нуждавшуюся въ зернѣ, и почву, которая дастъ хорошіе плоды...

Прошлая китайская передряга, мобилизація и созданіе громадныхъ воинскихъ силъ тамъ, гдѣ ничего не было, вызвало новые способы организаціи воинскихъ частей. Создались молодые полки и отправились нести тяжелую гарнизонную службу тамъ, откуда ушли коренные городскіе полки...

И раньше, напримѣръ, во времена Кавказской войны тоже приходилось Россіи создавать новыя части для усиленія пограничной линіи. Цѣлые баталіоны, со всѣми офицерами, со знаменами, отдѣлялись отъ своихъ, такъ сказать, метрополій и шли составлять новые полки съ новыми наименованіями. Они вносили съ собою духъ тѣхъ полковъ, которые ихъ послали и старались молодому полку въ мирѣ и на войнѣ стяжать ту же славу, которую уже имѣли ихъ родители...

Въ китайскую передрягу рѣшили создать стрѣлковую бригаду по-новому — путемъ вызова охотниковъ. И вотъ для образованія вторыхъ баталіоновъ 21-го, 22-го и 23-го Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и цѣликомъ 24-го полка изъ многихъ полковъ Кіевскаго военнаго округа были вызваны охотники для укомплектованія новыхъ частей. Съ умиленіемъ мы читали въ

*) Въ настоящее время учители прибыли.

газетахъ, какъ цѣлыя части выходили по вызову охотниковъ какъ приходилось выбирать изъ нихъ уже по назначенію...

Кто рвался на войну? Во-первыхъ, тотъ прекрасный воинскій элементъ воинственный, патріотическій, который въ былыя времена уходилъ въ казаки,—во-вторыхъ...

Во-вторыхъ, вышли тѣ, которые были недовольны службой у себя въ полку, тѣ, у кого были дома грѣшки, которые нужно было погасить либо подвигами, либо смертью.

Въ боевомъ отношеніи, да еще въ твердыхъ рукахъ это были люди, которымъ хоть новый Измаилъ брать, но для мирной дѣятельности народъ нелегкій и безпокойный. Волею судебъ они позадержались въ Одессѣ и прибыли въ Хабаровскъ въ тяжелую зимнюю пору. Вмѣсто подвиговъ и крестовъ, вмѣсто громкой военной славы пришлось ходить въ караулъ, конвоировать арестантовъ, строить нары, табуреты, сѣдла, столы, умывальники, кадки, бочки, солить и сушить кэту, питаться за неимѣніемъ мяса рыбой, учиться пріемамъ, маршировкѣ. Кругомъ непривычныя лохматыя сопки, возлѣ,—Амуръ и тайга угрюмая, нахохлившаяся, мрачная, зима безъ снѣга, съ морозами въ 30—40° R.— одно слово—Сибирь. У людей заиграли нервы. Забыть свои полки и Россію они не смогли. Имъ хотѣлось легкой жизни, а они попали на тяжелую, да еще къ командиру съ твердой рукой, не измѣняющему тому, чему онъ присягалъ. Пойдутъ въ городъ въ гости къ новымъ знакомымъ, а тамъ сибирскіе разсказы о тысячахъ, о золотѣ, о „фазанахъ“ и „лебедяхъ“, дающихъ тысячныя шкурки. Съ каторжной откровенностью сибирскіе охотники за черепами поясняютъ орловцу, или симбирцу, или самарцу, что фазанъ—это китаецъ, а лебедь—это кореецъ въ его бѣлой одеждѣ. А у самарца дома двухъ рублей нѣтъ: подушную заплатить, послѣднюю коровенку продали... И люди будто одичали... И несмотря на все это, служебное колесо вертится. Надо отдать справедливость командиру и офицерамъ—неуклонно и настойчиво, они, сами, можетъ быть, также тоскующіе, повернули колесо службы, организовали учебную команду, громадную команду конныхъ охотниковъ, слишкомъ въ сто коней, заняли людей. Изъ ничего создали оркестръ, управляемый офицеромъ, случайно получившимъ музыкальное образованіе... На дняхъ придутъ новобранцы. Люди иныхъ понятій разбавятъ эту волонтерную массу и черезъ годъ полкъ образуется. А теперь еще, подобно тому какъ интеллигенція Хабаровска грезитъ о Россіи, такъ и тутъ унтеръ-офицеры, при рапортѣ вмѣсто того, чтобы сказать — „въ

столовой 2-го батальона 24-го полка“ говорятъ „въ столовой 2-го батальона 446 пѣхотнаго“ или иного какого родного полка. Тѣло полка уже есть, но душа его еще не образовалась вполнѣ. Потому и проступковъ много, и люди пустыя претензіи любятъ заявлять.

Помнится мнѣ, на Кавказѣ, въ старомъ полку, имѣющемъ ротные образа, принесенные еще „изъ Свейской земли“, на инспекторскомъ смотру, инспектирующій допытывалъ у солдатъ разницу между жалобой и претензіей. Солдатъ объяснилъ хорошо, но по уставному, а начальству хотѣлось добиться знанія „своими словами“.

— Ну, вотъ къ примѣру, фельдфебель погорячится и ударитъ тебя по лицу и ты пожалуешься, какъ это будетъ называться? спросило начальство.

— Кляуза, ваше превосходительство, бойко отвѣтилъ солдатъ.

Можетъ быть это и не совсѣмъ поевропейски и несомнѣнно лучше, если солдатъ знаетъ твердо, что физіономія его неприкосновенна, потому что онъ носитъ имя знаменитое, но жаловаться начальству на то, что не даютъ воды, а даютъ чай во время тифа по меньшей мѣрѣ — кляузно, равно и о подметныхъ письмахъ...

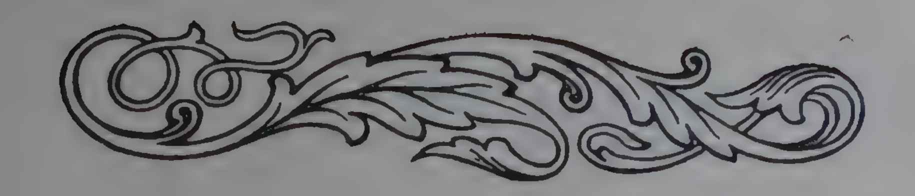
Въ Хабаровскѣ есть музей. Обширный богатый музей, но и онъ такой-же раскиданный и многообразный, какъ и вся Сибирь. Чего-чего въ немъ нѣтъ?..—и богатый отдѣлъ рыбъ и раковъ, и птицы, и звѣри, и скелеты, и страшные шаманскіе бурханы гольдовъ, гиляковъ, ороченъ и алеутовъ и ихъ одежды, и орудія ихъ промысловъ, и саночки, въ которыя запрягаютъ собакъ, и машины золотоискателей и орудія золотопромышленниковъ-хищниковъ, ихъ лопатки и совочки, ихъ запруды и сита, или грохоты, и гробъ богатаго китайца изъ Мукдена, и японскія бездѣлки и полный костюмъ солдата дзянь-дзюня Шеу, на которомъ китайскими письменами написано: „солдатъ Хабаровскаго дзянь-дзюня“— (какова предусмотрительность!)—И стулъ съ фрегата „*Паллады*“, на которой плавалъ Гончаровъ, и кусокъ ея дерева, и серебряныя монеты, и фальшивая трехрублевка сахалинской работы, и карта Сахалина, сдѣланная изъ сахалинскихъ бабочекъ хорошо извѣстнымъ петербуржцамъ Ландсбергомъ и пышное одѣяніе того же Шеу, расшитое золотомъ, и фигурки каторжной жизни и китайское оружіе и китайскія знамена — словомъ много, очень много интереснаго. Помѣщеніе музея, заложенное еще при С. М. Духовскомъ, разрослось и расширилось. Музей любимое дѣтище

начальника края и постоянно пополняется. Средствъ нѣтъ, а хотѣлось-бы и шкапы стеклянные подѣлать для медвѣдей и тигровъ, для образцовъ одежды, а то пылится и моль ѣстъ, да и публика, наполняющая музей, не особенно боится надписей „просятъ не трогать, всѣ предметы покрыты ядомъ“. На карты, на выпивку денежки въ Сибири есть — ну, а на музей — кошель тугой... А публики по воскресеньямъ и четвергамъ много. Тутъ и китайцы, и корейцы, и японцы, и русскіе таежные волки. Какъ приглядываются они къ машинкамъ хищническаго золотого промысла, будто чертежи въ мозгу укладываютъ, запоминаютъ... А Китай, а Японія, а модели фруктовъ, а рыба которую они ловятъ и которой торгуютъ—для нихъ это школа. А школу не всякому изъ нихъ удалось пройти...

Рядомъ съ музеемъ, охраняемое двумя бронзовыми пушками, стоитъ военное собраніе. Военное собраніе заложено тоже во времена С. М. Духовского, въ расцвѣтъ молодого города, когда его посѣтилъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ. Въ собраніи играютъ любители... 21-го октября въ день восшествія на Престолъ Государя Императора въ собраніи начался сезонъ. Былъ первый балъ. Проѣзжавшая черезъ городъ случайно, петербургская концертная пѣвица Л. Ѳ. Бакмансонъ пѣла въ пользу образовательныхъ средствъ Гижигинской округи Приморской области, Богомъ забытой округи. Хабаровскіе старожилы со временъ г-жи Леоновой не слыхали хорошаго пѣнія. Можете поэтому представить, что съ ними было, когда они услыхали Л. Ѳ. Но знаете, что имъ больше всего понравилось? „*Отворите мнѣ темницу*“ Рубинштейна. Требовали повторенія—пѣвица повторила.

А въ окно собранія глядѣли льдины на Амурѣ, запорошенныя снѣгомъ, луна серебрившая дикія горы и тайга на тысячу верстъ—тайга до Ледовитаго океана!..

Владивостокъ 27 окт. 1901 г.



XVII.

Владивостокъ.

Прощанье съ Хабаровскомъ.—Въ гольдской деревнѣ.—По Уссурійской желѣзной дорогѣ.—Амурскій заливъ.—Владивостокъ на рейдѣ.—Разговоръ съ обывателемъ.

Иногда какъ будто не хочется уѣзжать изъ Хабаровска. Милый Амуръ, который будто и дѣйствительно sourit подъ яркимъ небомъ, мнѣ жаль его!

Послѣ 11-ти градуснаго мороза и страшной стужи 19-го октября—22-го и 23-го вдругъ, теплая чисто весенняя погода, ледъ исчезъ, замерзшая грязь начала оттаивать, давая понятіе о томъ, что дѣлается весною и Хабаровскъ такъ повеселѣлъ, что стало жаль покидать его. А милые, гостепріимные хабаровцы—нѣтъ, не хабаровцы, а петербуржцы, одесситы, кіевляне, съ которыми такъ сошелся за четыре дня, неужели и ихъ покинуть?! Отказаться отъ блиновъ у В., не поѣхать въ женскую гимназію, гдѣ проѣзжая пѣвица будетъ „*показывать*“ дѣвочкамъ, какъ поютъ: вѣдь маленькія хабаровки этого не видали никогда. Неужели не съѣздить на охоту на козъ и тигровъ на ст. Хинганъ, не смотаться къ гольдамъ и не посмотрѣть ихъ вышивки и одежды изъ рыбьей кожи? Не навѣстить кумирню на берегу Амура, на обрывѣ, на скалѣ, не побывать у японокъ?...

У гольдовъ я былъ. Видѣлъ я удивительную египетскую, нѣтъ не египетскую, а китайскую, и даже не китайскую, а гольдскую вышивку шелками по шелку, видѣлъ и ихъ оригинальные узоры въ чисто декадентскомъ стилѣ, видѣлъ полупрозрачные шуршащіе и, говорятъ, совершенно непромокаемые костюмы, шитые особымъ „гольдскимъ“ швомъ изъ кожи той-же благодѣтельницы кэты, видѣлъ громадный рынокъ, гдѣ торгуютъ медвѣжьими шкурами, японскими плодами „*каки*“, вкусными и нѣжными, рыбой и мя-

сомъ, и опять рыбой, редиской величиной съ кочанъ капусты, рябчиками и фазанами, кэтой соленой и кэтой вареной, кэтой вяленой и копченой, толкался среди китайцевъ въ синихъ юбкахъ и черныхъ кофтахъ, корейцевъ въ бѣлыхъ костюмахъ, корейскихъ дворянъ въ черныхъ высокихъ шляпахъ въ видѣ усѣченнаго конуса съ широкими полями, японцевъ и гольдовъ, русскихъ и малороссовъ, бродилъ я по тайгѣ, былъ у уссурійскихъ казаковъ, видѣлъ паровую мельницу и громадные склады богача-китайца Тифонтая, узналъ, что у него шкурка соболя стоитъ дороже чѣмъ у Мертенса въ Петербургѣ и, набросавъ все это въ свое кроки, я обязанъ ѣхать дальше. И, какъ ни хочется мнѣ еще любоваться чудными глазами хабаровскихъ дамъ, слушать дивное пѣніе, веселиться—долгъ службы прежде всего и, скрѣпя сердце, я сажусь въ вагонъ.

Отъ Хабаровска до Владивостока 721 верста. Желѣзная дорога въ рукахъ военнаго вѣдомства. На паровозѣ солдаты Уссурійскаго желѣзнодорожнаго баталіона, проводники они-же—порядокъ военный, движеніе сравнительно скорое—32 часа, при поѣздѣ очень хорошій и недорогой ресторанъ-вагонъ—словомъ дорога хотя и проходитъ по самой азіатской глуши, вполнѣ культурная и ужасы *манчжурки* на ней забываются.

И пейзажъ изъ оконъ вагона не грустный сибирскій и не унылый манчжурскій. Среди высокихъ дубовъ и тисовъ, поросшихъ по горамъ и обвитыхъ засохшими стеблями дикаго винограда и скелетами ліанъ, нѣтъ-нѣтъ мелькнутъ запаханныя поля, обширное село съ бѣлыми мазанками, крытыми тесомъ и церквами. Широкіе, малороссійскіе и казачьи хутора между горъ, подобныхъ Альпамъ съ вершинами, уже запорошенными снѣгомъ стоятъ среди красивыхъ рощъ. Отъ хуторовъ бѣгутъ тропы и ѣзженныя дороги, замѣтно нѣкоторое оживленіе края. На станціяхъ вы видите лотки и столики, компанія хохлушекъ торгуетъ булками, жареными нарѣзаными на ломти курицами и мясомъ и, конечно, кэтой во всѣхъ видахъ. Китайцы, корейцы и русскіе покупаютъ у нихъ провизію. Переселенки веселы, шутятъ, смѣются.

Красивые желѣзные мосты идутъ черезъ рѣки Хоръ, Иманъ, Уссури и Суйфунъ. И рѣки не такъ безобразно широки, какъ рѣки Сибири, а красивы, задумчивы и поэтичны. Со временемъ это будетъ изящный уголокъ Россіи.

Подъѣзжая къ станціи Надеждинской, невольно испытываешь легкое волненіе. Сейчасъ увидишь Великій или Тихій океанъ.

Вотъ между круглыхъ горъ сверкнула полоса расплавленнаго серебра, еще четверть часа и поѣздъ идетъ по самому берегу Амурскаго залива. Какая красота! Какая гармонія рѣзныхъ береговъ, скалъ и полуострововъ, вбѣгающихъ въ голубыя тихія сонныя воды, какъ красиво это синѣющее, но не синее море, съ кучами облаковъ надъ нимъ. Гдѣ видалъ я это море, эту зеленую глубину, сквозь которую сквозятъ темныя гальки, гдѣ видѣлъ я этотъ короткій берегъ, безъ пляжа, безъ длинной илистой, покрытой ракушками полосы? Въ Крыму? Нѣтъ, въ Крыму краски были ярче, природа богаче, море синѣе, небо теплѣе, даже и этою позднею осенью. Крымъ пѣлъ вамъ гимнъ любви и свѣта, Крымъ уже проснулся, облекся въ пышныя ткани, нацѣпилъ изумруды виноградниковъ и кипарисовъ, рубины и сапфиры яркихъ рощъ и красивыхъ татарскихъ деревень, надѣлъ діадему дворцовъ и городовъ и обворожилъ смѣлой улыбкой красавицы, привыкшей побѣждать. Приморскій край у Владивостока еще блѣденъ послѣ долгаго сна. Одежды его—таежный дубокъ, да пышныя травы, травы дикія, годныя лишь для утренняго туалета и улыбка Амурскаго залива такая тихая, кроткая и задумчивая. Онъ манитъ васъ, что-то обѣщаетъ, но еще и боится васъ. Вотъ-вотъ заблеститъ сапфирами, улыбнется яркому солнышку, обрадуется чему-то и опять нахмурится, поблѣднѣетъ и позеленѣетъ, будто застыдится голыхъ сопокъ, некрасивой тайги, невеселаго и не пышнаго наряда своего...

Отъ Седанки до Владивостока путь идетъ по горамъ, по самому берегу океана. Вонъ виденъ бывшій лагерь нашихъ стрѣлковъ,—теперь переселенческіе бараки на „первой рѣчкѣ“, вотъ корейская деревня, тѣсная и грязная, съ цѣлымъ лѣсомъ круглыхъ желѣзныхъ трубъ надъ кубическими домами, надъ нею грозная батарея, вотъ широкая и красивая Алеутская, Свѣтланская и вокзалъ.

Мы на берегу Великаго океана, въ жемчужинѣ дальняго востока—городѣ Владивостокѣ. Этотъ городъ выросъ въ какія нибудь пять, шесть лѣтъ. Его сравниваютъ и съ Генуей, и съ Севастополемъ. Генуи я не видалъ, но Владивостокъ красивѣе Севастополя. По крутымъ, мѣстами почти отвѣснымъ сопкамъ, окружающимъ почти круглый заливъ — Золотой Рогъ, фронтомъ на юго-востокъ выстроенъ городъ. Большіе каменные дома стоятъ надъ домами, иногда такъ, что фундаментъ однихъ почти прикасается къ крышамъ другихъ и образуютъ цѣлую колоннаду домовъ, лѣпящихся по горѣ. Вотъ вправо, среди домовъ,

выдалась скала, на скалѣ павильонъ, выше—каменныя стѣнки, скатъ покрытый дубнякомъ и прямолинейныя, грозныя очертанія батарей. По длинной косѣ Егершельдъ—стрѣлкѣ Владивостока—идетъ прекрасное военное шоссе, отъ шоссе отходятъ пути на батареи, откровенно показывающія свои длинныя пушки разноязычной публикѣ, бродящей по улицамъ. Часовой охраняетъ только ихъ, а подступы къ нимъ, возможность снять фотографію или кроки охраняются бѣлой доской съ надписью на четырехъ языкахъ, что „здѣсь ходить запрещено". Что это? Безпечность, нежеланіе стѣснить жителей, или увѣренность въ грозной силѣ батарей? Во всякомъ случаѣ снять кроки и пересчитать орудія, опредѣлить подступы къ нимъ сдѣлать весьма легко. И это тогда, когда японцы у путешественниковъ отбираютъ фотографическіе аппараты, нѣмцы и англичане создаютъ тысячи стѣсненій, лишь бы не допустить ни одинъ нескромный взоръ до своихъ пушекъ и батарей. Съ Егершельда открывается удивительно красивый видъ. Прямо передъ вами зеленовато-синяя громадная простыня Великаго океана и на ней темнокоричневыми пятнами выдѣляются Русскій островъ, островъ Аскольдъ и вправо группа острововъ „Голыхъ" у залива Посьета. Справа далеко вдающійся въ берегъ Амурскій заливъ, сонный и вялый, тогда, когда океанъ играетъ и переливается всѣми цвѣтами, синими и зелеными. Тутъ тишина и пустыня, крутыя сопки задернутыя дымкой тумана и перспектива горныхъ хребтовъ, уходящихъ отъ моря. Влѣво—проливъ Босфоръ Восточный съ четыреугольными парусами джонокъ на немъ, словно громадными птицами, рѣющими надъ водою. Налѣво назадъ—вся бухта передъ вами. Она кажется маленькой и тѣсной отъ той жизни, которая кипитъ на ней. Громадные снѣжнобѣлые военные крейсера:—„Россія", „Рюрикъ" и „Громобой"—бѣлый же почтовый японскій пароходъ, черный англичанинъ, грязный, закопченый доброволецъ „Тамбовъ",—„Манчжурія" и „Харбинъ" — китайской дороги, стая меньшихъ пароходовъ, сотни три джонокъ,—бѣлыя какъ чайки военныя шлюпки и катера, черные сампаны китайцевъ, парусныя и гребныя лодки и все это ходитъ взадъ и впередъ, кричитъ, свиститъ и сверкаетъ бѣлою пѣной; а за ними высокая декорація города, коричневыхъ сопокъ и яснаго неба.

27-е октября, а въ тѣни $+ 11^\circ$ R., всѣ безъ пальто, дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ... Надолго ли? Говорятъ до перваго дуновенія нордъ-веста, при которомъ стекла запорошатся морознымъ рисункомъ, а лица и носы заалѣютъ по сибирски...

Владивостокъ богатый городъ. Давно-ли здѣсь въ жалкихъ лачугахъ ютились солдаты линейныхъ баталіоновъ и матросы, пóтомъ и кровью завоевывая, среди тоскливой природы сибирской, заливы и порты? Давно-ли въ туманныхъ нѣдрахъ и недоступной для почты глуши, бездорожной, на постахъ жили солдаты и офицеры, охраняя отъ притязаній иноземныхъ флотовъ изумрудныя бухты и сапфировые заливы? Давно-ли Владивостокъ былъ кучкой деревянныхъ бараковъ, ютившихся на берегу, холодныхъ и жалкихъ, самодѣльныхъ построекъ солдатъ? И вотъ войско сказало: безопасенъ край. И на смѣну солдату пошелъ инженеръ, банкиръ и купецъ. Рядъ дворцовъ покрылъ пустыню, хлѣбъ и мясо вздорожали, за то подешевѣли шелки, японскія вещи, перчатки, objets d'art. Вмѣсто безлюдной стоянки, гдѣ жизнь скрашивалась пѣсенниками, военнымъ оркестромъ, картишками, охотой и водкой, воздвигся обширный городъ съ парными извозщиками, хорошей плитной мостовой, гранитными тротуарами, коегдѣ электрическимъ освѣщеніемъ, недурными садами, храмами торговли, роскоши и комфорта. Вотъ хорошаго собора во Владивостокѣ нѣтъ. На него собираютъ еще деньги. Успенскій соборъ маловатъ, а церковь флотскаго экипажа и совсѣмъ незамѣтна, за то есть католическій костелъ, лютеранская кирка, китайская, японская и корейская кумирни. Я съ удовольствіемъ останавливалъ свой взглядъ на богатыхъ обширныхъ дворцахъ, вытянувшихся лицомъ къ морю на роскошной Свѣтланской и спрашивалъ— не казармы ли это завоевателей и охранителей края—и мнѣ отвѣчали: Это, торговое заведеніе Кунста и Альберста, онъ поставляетъ все на войска далекаго востока; какъ рыба „кэта" для гольдовъ такъ фирма Кунста и Альберста для европейцовъ—все. Это честный нѣмецъ и въ исторіи украшенія Владивостока и его роста онъ не малая величина.

— Ну, а это?

— Это магазины Чурина, благодѣтеля новаго края. Онъ раскинулъ свои торговыя заведенія отъ Иркутска до Владивостока и отъ Харбина до Портъ-Артура. Они вмѣстѣ съ Кунстомъ устанавливаютъ цѣны на припасы для всего востока.

— А это озаренное электрическими шарами грандіозное зданіе, съ огромными залами?

Обыватель Владивостока съ негодованіемъ взглянулъ на меня.

— Это „Пасификъ"! — воскликнулъ онъ такъ, какъ будто я не узналъ чего то такого, что всѣ должны знать.

— „Пасификъ"? въ недоумѣніи повторилъ я.

— Ну, да—„Тихій Океанъ“—въ переводѣ. Храмъ оперетки, шансонетки и разгула... Тутъ теперь ваша петербургская Смолина и Кубанскій—прелесть! А какія пѣвички, а какія женщины! Одна есть донская съ Чичаговки, ахъ! огонь, а не дѣвка!.. Содержитъ театръ Ивановъ. Было время, когда онъ пришелъ сюда съ „калинкой“. Штукъ пятнадцать дѣвокъ было съ нимъ и онъ самъ съ тулумбасомъ запѣвалъ: — „На горѣ да калина, а подъ горою малина“, а дѣвки визжали... И вотъ смотрите—милліонеръ. Уважаемый человѣкъ въ городѣ. Ну вѣдь и женщины у него—первый сортъ—всю ночь увеселенія...

— Это? — обративъ свой взоръ на громадное трехъ-этажное зданіе еще въ лѣсахъ,—спросилъ я.

Хи-хи! — ядовито усмѣхнулся обыватель,—мы впереди гнилого Петербурга. Это новый отель,—„Золотой Рогъ“, тутъ будетъ 350 номеровъ, ванны, залы, ресторанъ и все по самой заграничной модѣ,—и онъ посмотрѣлъ на меня такъ, будто хотѣлъ сказать,— „на-ко, выкуси“.

— А гдѣ-же казармы?—спросилъ я.

— Далеко,—отвѣтилъ обыватель.

— Однако, пойдемте.

— Ладно, — уныло сказалъ обыватель, только ничего тамъ нѣтъ интереснаго.

Мы прошли за вокзалъ. Тамъ на склонѣ горы я увидѣлъ маленькій сѣрый приземистый одноэтажный сарайчикъ. Обыватель остановилъ меня.

— Не это, конечно,—сказалъ я.

— Это,—проговорилъ обыватель,—не казармы, — а комнаты для пріѣзжающихъ офицеровъ. Тутъ ихъ двѣ. Одна для офицерскихъ женъ и другая — для офицеровъ. Конечно, не хорошо-бы лишать гостинницы дохода. Да, знаете, генералъ Линевичъ такъ просилъ. Неловко было отказать: — пекинскій герой. Ну, городъ далъ, что могъ... А казармы—за городомъ. Собраніе выстроили имъ хорошенькое. Моряки строятъ себѣ чудное собраніе. Да вѣдь и войскъ у насъ нѣтъ. Они уже ушли. Теперь *мы* здѣсь...

И дѣйствительно. Едва только „стоянка“ или урочище обратилось въ цвѣтущій городъ, — жемчужину далекаго востока — солдаты и казаки пошли добывать новыя мѣста. Гдѣ стрѣлки?.. Они уже цивилизуютъ Никольскъ-Уссурійскій, Барабашъ, Новокіевское, Хунчунъ... Ихъ посѣвы пожинаютъ люди иныхъ вѣдомствъ... Ну, хоть-бы спасибо городъ сказалъ? Памятникъ-бы поставили.

— Помилуйте, за что-же? Вѣдь не воевали. Кабы война была. Кабы англичанина или японца отогнали!—говоритъ обыватель.

— Да вѣдь пiонерамъ,—поселеннымъ казакамъ,—пѣхотинцамъ,—порою хуже было чѣмъ на войнѣ.

— А долгъ службы,—сказалъ обыватель.

— Да, долгъ службы,—тихо промолвилъ я—„и присяги“...—добавилъ немного погодя. Что-то теплое охватило меня и потянуло меня „на линiю“, къ казакамъ, въ таежную глушь, гдѣ живутъ восточно-сибирскiе стрѣлки и казаки въ вѣчной войнѣ съ природой.

Владивостокъ 30 октября.

XVIII.

У поселенцевъ.

Встрѣча на охотѣ.—Какъ селились донцы въ Уссурійскомъ краю. — Поселенный казачій хуторъ. — Причины бѣдности поселенцевъ.—Неумѣнье примѣниться къ новомъ краю.—Степной пожаръ.

Душно стало во Владивостокѣ съ его кипучей торговой дѣятельностью, съ жизнью города, претендующаго сдѣлаться столицей, съ его чаями, завтраками и обѣдами, и я вырвался на волю.

Было очень свѣжо, когда я вышелъ на станціи Надеждинской изъ поѣзда и пошелъ въ сопки. На мнѣ полушубокъ и папаха, за плечами винтовка, внѣшнихъ отличій званія нѣтъ, я не только не офицеръ, я даже не баринъ. Охотничья справа моя, побывавшая въ Абиссиніи, такая поношенная.

Здѣсь охота запрещена только на островѣ Аскольдѣ, занятомъ владивостокскимъ обществомъ охоты. Тамъ живутъ пятнистые олени „даніели“, и ихъ тамъ такъ много и они такіе ручные, что, когда на нихъ охотился гостившій во Владивостокѣ принцъ Генрихъ Прусскій, онъ за день настрѣлялъ ихъ до восьмидесяти штукъ. А въ другихъ мѣстахъ—по соболю-ли, за пантами-ли, или по медвѣдю, или тигру—охота дозволена всѣмъ.

Ясное голубое небо было надъ сопками, покрытыми черной и бѣлой березой, дубами и густымъ кустарникомъ. Мѣстами луга съ сухой и высокой желтой травой разнообразили пейзажъ. Узкая рѣчка прервала мой путь, живописный мостикъ изъ палокъ и неотдѣланныхъ стволовъ нависъ надъ нею. Лѣсъ сталъ гуще, дорога уже обратилась въ тропинку и, наконецъ, совсѣмъ исчезла. Не прошло и часа, какъ я былъ въ дѣвственной глуши и оріентировался лишь по солнцу, да по компасу. Стало немного жутко въ чужомъ лѣсу, не изъ деревьевъ, а изъ заросли кустовъ, прутьевъ и засохшей травы. Звѣря не попадалось. Птицы не пѣли

и та же мертвая, поразительная тишина царила кругомъ, — молчаніе тайги. Высокія заросли смѣнялись прогалинами, лѣсъ росъ не сплошной, а островами. Мѣстами пробѣжавшій палъ оставилъ черныя дороги, будто рѣки и озера. Стая голубыхъ сизоворонокъ съ крикомъ летала возлѣ дерева, я подошелъ изслѣдовать причину ихъ волненія—оказалась бѣлка, притаившаяся въ лѣсу.

Часамъ къ двѣнадцати безплодное шатаніе по тайгѣ утомило меня и я присѣлъ отдохнуть. Едва я разложился, какъ вѣтви кустарника раздвинулись и изъ-за нихъ показался человѣкъ съ берданкой за плечами, съ сухимъ и черствымъ выраженіемъ лица, безъ бороды и усовъ. На немъ была папаха мелкаго кавказскаго барана, высокіе сапоги, пиджакъ, поясъ съ патронами. Сумки для дичи или мѣшка не было.

— Хлѣбъ да соль, привѣтствовалъ онъ меня.

— Садитесь, на двоихъ хватитъ,—отвѣчалъ я.

Онъ присѣлъ на корточки, какъ сидятъ корейцы, китайцы, калмыки, киргизы и... донскіе казаки.

— Съ Дона? спросилъ я.

— Переселенцы. По доброй волѣ промѣняли царство небесное на дикія скалы. Бѣдствуемъ и свою глупость проклинаемъ.

Однако одежда его была весьма исправная, а пиджакъ подбитъ сибирскою бѣлкой. Я замѣтилъ ему объ этомъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Не всѣ, какъ я, совѣсть потеряли, — отвѣтилъ онъ и спросилъ:—да вы кто будете?

Я назвался. Онъ всталъ, снялъ папаху и поклонился.

— За какимъ дѣломъ пріѣхать сюда изволили? — спросилъ онъ.

— Полюбопытствовать, какъ вы живете?—отвѣтилъ я.

— На манеръ ходока,—сказалъ онъ,—а что?.. разно. Только сюда народъ не смущайте,—строго замѣтилъ онъ. — Одно горе тутъ, ваше благородіе. Тутъ честному казаку-землепашцу не жизнь. Такъ охотничать, *соболевать* можно.

— А много соболей бьете,—наивно спросилъ я. Онъ опять усмѣхнулся.

— Тутъ, ваше благородіе,—проговорилъ онъ, — не въ томъ дѣло, что много, что мало, а въ томъ, какой соболь. Иному до тысячи рублей цѣна, а эту весну я въ пятнадцать тысячъ соболя убилъ.

Я началъ догадываться въ чемъ дѣло. Чтобы вызвать его на откровенность я подлилъ ему водки въ стаканъ и сталъ уго-

щать успленнѣе. Ѣлъ онъ охотно. Высокій, красивый, сильный и гибкій онъ былъ изященъ, какъ изящно бываетъ всякое хищное животное, принужденное подкрадываться, прятаться, нападать.

— Шесть годовъ, какъ я здѣсь, ваше благородіе, и ничего. Уваженіемъ въ городѣ Владивостокѣ пользуюсь, домъ у меня полная чаша и другимъ переселенцамъ меня въ примѣръ ставятъ. Потому что я примѣнился, а кабы всѣ такъ-то примѣнились, такъ на Сахалинѣ островѣ мѣста не хватило...

Онъ помолчалъ немного, потомъ сказалъ, какъ бы про себя: „не у всѣхъ такая развязка бываетъ“ и окончательно умолкъ.

— А ну, станичникъ, разскажи мнѣ, какъ ваши тутъ бунтовали?—спросилъ я.

— Одна глупость, ваше благородіе, а сколько изъ-за нея всего вышло. Сраму одного, Господи Ты Боже мой!.. Говорить-то стыдно. Ну, да извольте, я все по-порядку.—Онъ усѣлся поудобнѣе и началъ разсказывать.—Сами, ваше благородіе, изволите знать какая есть наша жизнь на Дону. Земля черная, жирная, степи конца края не видно, кругомъ жизнь, хутора, поселки, пѣсни льются по Дону, большіе кони скачутъ по немъ, офицеры живутъ, виноградъ родится, вино хорошее дѣлаемъ, въ церковь ходимъ, Бога благодаримъ, за Царя молимся, обуты, одѣты, кто за плугомъ весь день на работѣ, у кого жена въ полѣ работаетъ. Тутъ и бараны, и овцы, и быки, и лошади, тутъ „въ степу“ и дрохвы, и заяцъ, и лисица. Живи—Бога благодари. Только развѣ человѣкъ бываетъ когда доволенъ своею судьбой? Да николи, во вѣки вѣковъ такого человѣка не было, который бы сказалъ: благодарю Тебя, Создатель, что далъ Ты мнѣ всего такъ много. Нѣтъ, каждому хочется все больше и больше. Такъ и у насъ сталъ народъ смущаться — земли мало, служба тяжела, надо идти въ новыя мѣста. А тутъ грамотка вышла, книги посылать стали, господа писали, что на далекомъ востокѣ открылся рай. Земля плодотворная, климатъ чудесный, кругомъ охота, рѣки рыбныя, одно слово—живи и блаженствуй. Земли отпускаютъ тамъ по 30 десятинъ на душу, 300 рублей даютъ пособія, ну и пошелъ соблазнъ въ народѣ. Идемъ, дескать на новыя мѣста. До шестидесяти семей тогда въ 95 году насъ поднялось. Пошли мы на *легкую* работу, на веселую жизнь. Два мѣсяца болтались на пароходѣ, наконецъ высадили насъ въ городѣ Владивостокѣ. Посѣли мы съ женами и съ дѣтьми въ палаткахъ на берегу моря и послали стариковъ выбирать землю. Вернулись старики и говорятъ

намъ: „надо, братцы, домой. Тутъ селиться нечего. Были мы на Сурѣ (Уссури) рѣкѣ, были на Иманѣ и на Суйфунѣ до самаго Хабаровска дошли—земля всюду одна, твердая, камнемъ покрытая, не пухлая и не черная, тутъ ни пшеница, ни хлѣбъ не родится. Спрашивали мы хохловъ и они намъ сказали, что овца здѣсь дохнетъ, на скотѣ сибирская язва сидитъ, а лошади наши здѣсь къ работѣ не годны. Сѣять можно только гречиху, да корейское зерно чумизу, чтобы дѣлать пайзу—кашу, какъ манзы или корейцы. Рыбы и звѣря точно много, однако рыбой не проживешь, потому что сбыта ей настоящаго нѣтъ. Всѣ мы хлѣбопашцы. Отцы и дѣды наши землею жили, хлѣбъ сѣяли и намъ на чумизу переходить не годится. Какъ вы думаете, братцы, что намъ дѣлать?“ Рѣшили мы просить начальство, отпустить насъ домой, потому что земли для насъ непригодныя. А деньги мы обязались выплатить назадъ въ десятилѣтній срокъ. Такъ мы и заявили. Ну, однако, нашу заявку не приняли. А сказали намъ: ищите самыя лучшія мѣста,—будутъ ваши. Смотрите по желѣзной дорогѣ, гдѣ вамъ лучше. Наши старики и говорятъ, что все осмотрѣли и не нашли ничего хорошаго. Погибать не хотимъ на новой землѣ, отпустите назадъ. Намъ говорятъ, вы присланы сюда на охрану желѣзной дороги и вы обязаны здѣсь служить. Посулили намъ второе пособіе и многіе малодушные пошли становиться на Иманѣ. Служить Государю и мы не отказывались, пошли тоже строиться. Только видимъ, что толка изъ этого нѣтъ, что земля хлѣба не родитъ, овесъ выходитъ какой то пьяный, словомъ землепашествомъ заниматься нельзя, мы и вернулись назадъ во Владивостокъ. Насъ и спрашиваютъ, чего вы хотите? Старики вышли и говорятъ: „такъ и такъ, въ указѣ писано что земля тутъ къ земледѣлію способная, что можно сѣять и рожь, и пшеницу, а ни то, ни другое здѣсь не родится и какъ намъ быть мы просто не знаемъ. Дайте намъ земли хорошія, а нѣтъ—отпустите обратно на тихій Донъ. Хоть и срамно передъ товарищами будетъ возвратиться, а все лучше чѣмъ здѣсь такъ погибать“. Возврата вамъ не будетъ, говоритъ начальство, а хотите селиться или нѣтъ,—лучшія земли вамъ отдаемъ.

— Нѣтъ, говорятъ старики, селиться мы не желаемъ... И такъ три раза спросили и мы три раза отказались. Тогда вышло четыре роты солдатъ, двѣ съ винтовками и двѣ съ веревками. Мы не сопротивлялись. Стали насъ вязать, а были между нами старики съ двумя, тремя Георгіями, за турецкую войну полученными. Повязали насъ всѣхъ, покидали на шаланду, подали на поѣздъ и отвезли въ эти мѣста селиться. Вотъ мы и

поселились. Было у меня на Дону три коня верховыхъ было шесть паръ быковъ, тридцать овецъ, вокругъ дома моего росъ вишневый садикъ, были и яблоньки, а тутъ ничего у меня не стало. Стыдно сказать, — былъ я казакъ безъ лошади! Сталъ я присматриваться къ сосѣдямъ. Вижу, неподалеку, на заимкѣ — это, по здѣшнему, хуторъ такъ называется — живетъ богатый уссурiйскiй казакъ. Познакомились. Вижу—онъ днемъ ничего не дѣлаетъ: спитъ или чай пьетъ, работаютъ у него все корейцы, а онъ живетъ между тѣмъ хорошо. И сталъ я его допытывать. Онъ мнѣ и объяснилъ, Сибирь, дескать, страна каторжная, тутъ и житье однимъ каторжнымъ людямъ. Вотъ началъ и я этими дѣлами заниматься. Начальство я глупыми просьбами не безпокою, спросятъ: „ну, какъ въ новомъ краю живешь?—только похваливаю. Стали меня, ваше благородiе, другимъ казакамъ въ примѣръ ставить:—не бунтуетъ, дескать, примѣнился... А какъ я примѣнился?.. Я самъ знаю, что не ладно...

Казакъ поникъ головою и заколчалъ.

Солнце поднялось высоко и стало припекать. Время было идти домой. Я поднялся...

— Что-же, ваше благородiе, можетъ быть къ нашимъ старикамъ зайдете? — спросилъ меня казакъ.

— А далеко это будетъ — спросилъ я.

— Нѣтъ, заразъ дойдете, — отвѣчалъ казакъ.

Мы спустились къ ручью, перебрались черезъ него и вышли на пыльную дорогу. Кустарникъ скоро прекратился, на скошенныхъ лугахъ стали видны громадные стоги сѣна, показался океанъ и почти на его берегу нѣсколько бѣлыхъ домиковъ,—это и былъ казачiй хуторъ, по здѣшнему — поселокъ.

Казаки видимо хотѣли устроиться, какъ на Дону. Домики ихъ были побѣлены, устроены рундучки (крылечки), только крыты они были вулканизированнымъ желѣзомъ. Кругомъ дома шла огорожа или тынъ и тамъ были жалкiе навѣсы для домашняго скарба. Не было главнаго — не было сада — съ вишнями. съ цвѣтами, съ яблоками и грушами, не было база для скота, да и сами домики, по сравненiю съ домами на Дону, выглядѣли игрушками.

Мой спутникъ провелъ меня къ среднему дому. Сѣдой старикъ, съ медалью за Кавказъ на зипунѣ, встрѣтилъ меня и повелъ въ хату. Какая бѣднота! Какая непривычная въ казачьемъ домѣ грязь! Сколько народа набилось въ хатѣ! Старуха-казачка наставляла самоваръ, молодая красивая женщина возилась съ

дѣтьми, а ихъ было четверо—и все маленькія; на печи, съ книжкой въ рукахъ, лежалъ мальчикъ; дѣвочка лѣтъ 14-ти хлопотала по хозяйству.

— Эта вотъ хозяйка моя,— представлялъ мнѣ старикъ.—Это вотъ, жена сына... Сынъ-отъ въ охранной стражѣ, въ Инковѣ (Инкоу) городѣ служитъ, а другой пошелъ повинность отбывать. Уже не донской, а уссурійскій казакъ... Справляли его, подразорились маненько. Кони то тутъ сто, да двѣсти рублей, а смотрѣть на коня, такъ не видно.

— Плохо живемъ, ваше благородіе, — вмѣшалась старуха,— всѣ глаза проплакали, что Донъ покинули: Спасибо сынъ помогаетъ — служить пошелъ. Такъ и то какая подмога — вотъ пишетъ — Безпалова то зятя въ августѣ убили, да троихъ ранили, такъ и деньги то евоныя этакою страстью нажитыя въ руки не идутъ. Страсть одна, а не служба. Еще убьютъ его, соколика моего, надежду то нашу!

Заплакала и молодуха.

— А земля? — спросилъ я.

— Что земля,—съ горечью сказалъ старикъ — оно, конечно, господа правы — тридцать десятинъ дали, чего тебѣ больше, да аренду можно держать, да корейцы за пустяки работаютъ. Да что съ того!... Что?!... Нонѣшній годъ — овесъ родился пьяный... Хлѣбъ не родится по этимъ мѣстамъ. Тутъ надо навозомъ много лѣтъ удобрить и то не родится. Одна чумиза. Да и ее корейцу дать, онъ два три года попашетъ, да и броситъ — потому что почва истощается.

Старикъ вдругъ выпрямился во весь богатырскій ростъ, расправилъ широкую грудь и ударилъ кулакомъ по ней.

— Я земледѣлецъ! воскликнулъ онъ, — ты мнѣ дай землю, чтобы я посѣялъ на ней, да собралъ зерно. А тутъ нѣтъ земли! Галька одна, да уголь... Овцы нѣтъ. Нѣтъ овцы—нѣтъ и одежи, потому дома на Дону мы всѣ въ овцѣ. Бабамъ прясть нечего...

— Вотъ, какъ обносилась я, воскликнула молодуха — кто скажетъ, что я донская казачка! Всѣ шелки то продали. Какъ нищіе стали.

— Семьи поразошлись, — сказалъ старикъ, — вонъ у сосѣда дочки гуляютъ. Одна во Владивостокѣ въ шляпкѣ ходитъ, а другая въ Харбинѣ — хорошо это? А? А женить второго сына не на комъ! Дѣвокъ нѣтъ.

— Да и свадьбу то справить не на что! Какая свадьба! Однимъ сѣномъ живемъ, а и сѣно то восемь копѣекъ пудъ стоитъ... вмѣшалась старуха...

Я оглядывалъ тѣмъ временемъ избу. Что я могъ сказать имъ? Я, слуга меча, а не плуга, солдатъ, не знающій сохи. Можетъ и правы они. Можетъ быть они бѣдны, потому что земля плохая, а можетъ быть и правда, какъ говорятъ въ городѣ, они пьяницы и лѣнтяи...

Широкой желтой полосою, гонимый вѣтромъ, подавался къ морю палъ.

Только нѣтъ!.. Не похожъ старикъ на пьяницу; — онъ, старый казакъ, сошелъ за бунтаря, а онъ вѣдь одного хочетъ — кусочка такой земли, на которой бы хлѣбъ родился. Да и не видно водки, хотя и воскресенье сегодня... Просто не примѣнились...

Пока я думалъ свои думы, дверь хаты распахнулась и въ нее вбѣжалъ мальчикъ.

— Дѣдушка! воскликнулъ онъ... — трава горитъ. Палъ набѣжалъ. Наши стоги пылаютъ... Говорятъ манза костеръ разводилъ, да не затушилъ. Кореецъ сказывалъ... Артемъ Иванычъ побѣжалъ на конѣ за нимъ!

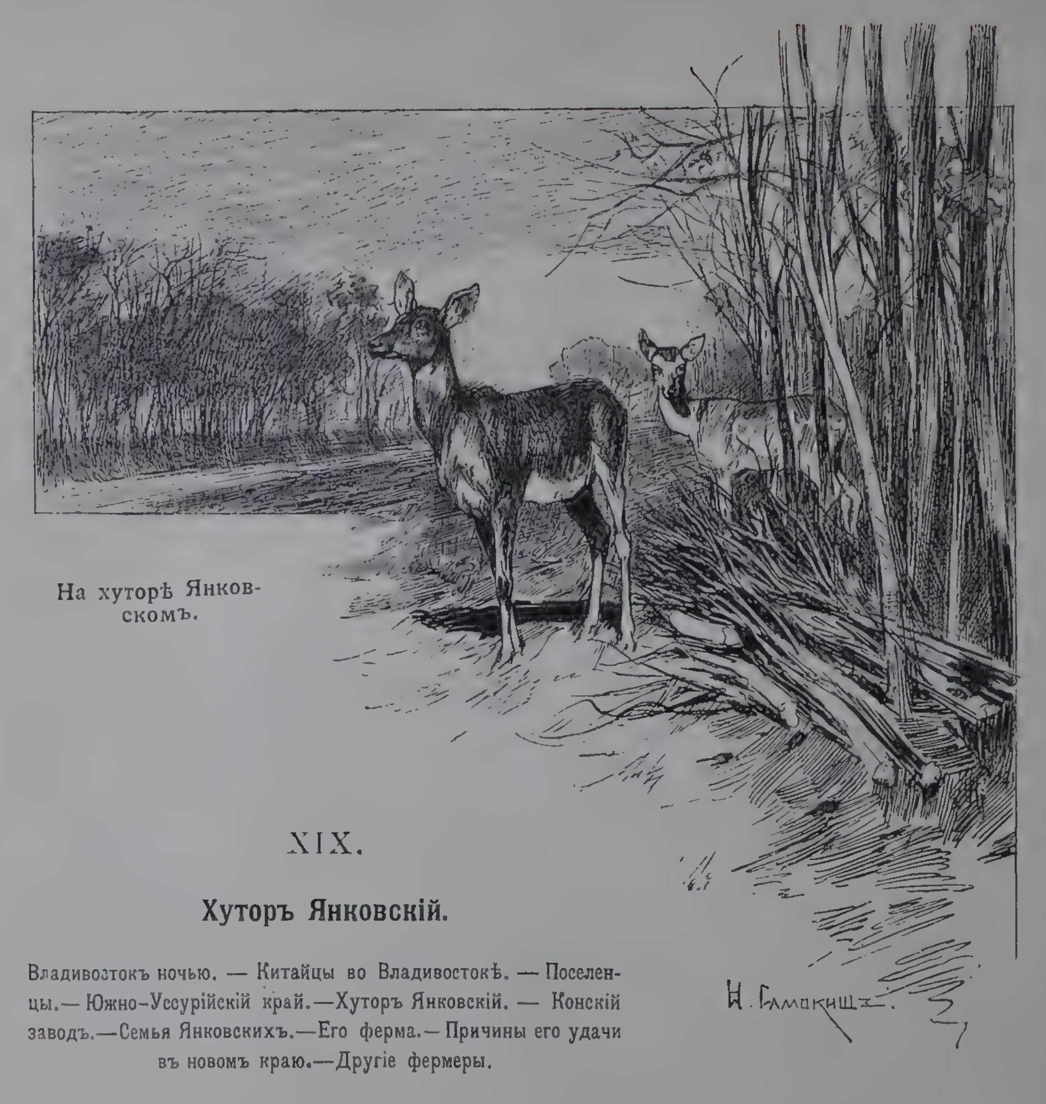
Всѣ кинулись изъ избы.

Вышелъ и я.

Широкой желтой полосою, гонимый вѣтромъ, подавался къ морю палъ. Кое гдѣ чернѣли и дымили объятые пламенемъ стога: Все населеніе поселка — и старики, и дѣти, и казаки, и женщины — стояли и смотрѣли, какъ медленно гибли накошенные лѣтомъ стога. Вотъ запылалъ Артемовъ стогъ, вотъ стогъ Безпалова... палъ подходилъ къ морю.

А море синѣло, чуть подернутое рябью, красивое подъ синимъ небомъ Италіи, потому Италіи, что мы были на широтѣ Милана и Венеціи...

Владивостокъ, 5 ноября 1901 года.



На хуторѣ Янковскомъ.

XIX.

Хуторъ Янковскій.

Владивостокъ ночью. — Китайцы во Владивостокѣ. — Поселенцы.— Южно-Уссурійскій край.—Хуторъ Янковскій. — Конскій заводъ.—Семья Янковскихъ.—Его ферма.— Причины его удачи въ новомъ краю.—Другіе фермеры.

Позднею ночью я возвратился во Владивостокъ. Было холодно и ясно. Яркою точкой горѣла надъ горами Венера; Большая Медвѣдица нагнулась, отбросивъ Полярную Звѣзду чуть внизъ, Плеяды мерцали, молодой, едва народившійся мѣсяцъ узкимъ серпомъ стоялъ надъ водой. Съ „*Россіи*“ пускали прожекторомъ яркіе бѣлые лучи въ городъ. Лучи эти шарили по домамъ, потомъ подымались на зубчатыя горы и золотили ихъ сухую траву и желтый дубокъ. Много огней было на рейдѣ, еще больше въ городѣ. Экипажные фонари сбѣгали внизъ къ водѣ, поворачивали, шли по Свѣтланской, вдоль моря, и снова ползли на горы, то исчезая, то нарождаясь вновь. Морское собраніе, „Пасификъ“, „Золотой Рогъ“ — горѣли тысячами огней, бѣлые электрическіе шары висѣли у магазиновъ и разнообразили своимъ свѣтомъ желтыя точки освѣщенныхъ оконъ.

Чудная картина, картина, которую не скоро забудешь, картина, возможная лишь на берегу океана, въ виду высокихъ горъ, у люднаго города.

По глухимъ и дальнимъ улицамъ брели артели китайскихъ рабочихъ, на Свѣтланской ходили торговцы, чиновники, офицеры. Слышалась русская рѣчь въ перемежку съ нѣмецкой и англійской, прерываемой гортаннымъ говоромъ китайцевъ. Вся чернь, весь „народъ“ во Владивостокѣ — китайцы. Китайцы торгуютъ на рынкѣ, китайцы носятъ ваши вещи на станціи, китайцы—ломовые, китайцы — водоносы, булочники, мясники, повара, портные, сапожники, переплетчики, шапочники. Стоитъ вамъ выйти изъ магазина съ покупками, какъ толпа китайскихъ дѣтей уже обступитъ васъ съ просьбами дать донести ваши вещи до дома. Только извощики русскіе.

— Самое большое зло, которое могутъ намъ сдѣлать здѣсь китайцы,—говорила мнѣ одна владивостокская дама,—это — уйти всѣ разомъ изъ Владивостока. Это будетъ хуже войны. Мы погибнемъ.

Конечно, это преувеличено. Но, правда, нѣжнымъ владивостокскимъ барынямъ придется стать у плиты, а чиновникамъ таможеннымъ и инымъ — ходить съ ведрами по воду, тачать сапоги и ставить заплаты на наиболѣе протираемыя въ канцеляріи мѣста...

Русскаго простонародья мало. Ремесленниковъ почти совсѣмъ нѣтъ. Поселенцы — казаки, русскіе и хохлы изъ Черниговской, Полтавской, Астраханской и иныхъ губерній все пытаютъ земли и стараются къ нимъ примѣниться. И чуютъ они, что что-то выйдетъ изъ ихъ трудовъ, а что—Богъ вѣдаетъ. Край имъ расписали, какъ рай Божій:—молочныя рѣки текутъ между кисельныхъ береговъ, во всемъ богатство, они и пошли.

Что составляетъ богатство крестьянина?—*хлѣбъ*—рожь и пшеница, по преимуществу, и гдѣ много хлѣба—тамъ и край богатый. А хлѣбъ въ Уссурійскомъ краѣ родится туго, урожаи плохи, много случайностей —вотъ и растетъ недовольство среди крестьянъ новымъ краемъ и видѣнныя мною слободы и поселки — Чичаговка, Попова-Гора, Шкотова, Исаева, Раздольная, — несмотря на весьма выгодное положеніе вблизи города и моря—бѣдствуютъ. Дома маленькіе, скота мало, не видно ни огородовъ, ни бахчей, ни садовъ, ни скирдъ хлѣба, словомъ, не видно того, что радуетъ вашъ взоръ при въѣздѣ въ русскую деревню. Все бѣдно. Но почему же? Вѣдь край богатый?

Богатый... Кто сказалъ, что край богатый? Путешественники... Выйдетъ путешественникъ въ лѣтнюю пору гдѣ-нибудь на берегъ у Владивостока и залюбуется. Трава выше человѣческаго роста. Лиловые ирисы, желтые чертополохи, люцерны, громадные колокольчики всѣхъ цвѣтовъ, лиліи, тюльпаны... А какъ красивы синія горы съ черными скалами, поросшія дубомъ. Въ долинахъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ поросли кряжистыя деревья. Дубъ, пробковый дубъ, грецкій орѣхъ, орѣшникъ, вязъ, черная береза, то стоятъ отдѣльно, словно въ паркѣ, то сплотились стѣною, по нимъ побѣжалъ виноградъ и черныя грозди мелкихъ ягодъ его свѣшиваются надъ тихо журчащимъ ручьемъ. По землѣ ползутъ вѣтки кишмиша и тоже протягиваютъ плоды свои усталому путнику. По горной тропинкѣ медленно спускается весь въ бѣломъ кореецъ, ведя въ поводу лошадь, запряженную въ неимовѣрно скрипящую арбу. Въ арбѣ сидитъ корейка съ юбкой, подтянутой подъ груди и кофтой, накинутой на плечи. Вы входите въ лѣсъ. Красные и черные дятлы ползаютъ по стволамъ, маленькія пестрыя птички порхаютъ въ кустарникахъ, вотъ съ топотомъ промчалось стадо оленей, сѣрыя козы щиплютъ траву, гордо прошелъ изюбрь... Вы наклоняетесь къ ручью съ прозрачной, какъ кристаллъ водой и видите застывшую подъ солнечнымъ лучемъ королевскую форель съ красными плавниками. Голубое небо сверкаетъ, соперничая въ цвѣтѣ съ синимъ моремъ. Кто нѣжнѣе, кто лучше? Кто больше балуетъ вашъ глазъ, веселитъ вашу душу, кто больше радуетъ сердце? Путешественника пригрѣло. Онъ сѣлъ отдохнуть на пескѣ и видитъ въ немъ блестящія крупинки. Что это? — золото! А вонъ тѣ маленькія стеклышки, что горятъ разноцвѣтными огнями на днѣ ручья — это алмазы — будущіе брильянты... Эта черная глыба — каменный уголь, эта розовая — мраморъ... Растроганный путешественникъ пишетъ гимнъ земному раю, открытому имъ въ долинѣ рѣки Уссури и земледѣлецъ и молодой офицеръ, какъ бабочки летятъ на огонь, чтобы опалить свои крылья и узнать, что красивый пейзажъ и богатая охота не накормятъ крестьянина, не заполнятъ всю жизнь молодого человѣка.

Но вѣдь есть же все это?

Да, есть.

Про Уссурійскій край сложилась легенда. Когда Богъ создалъ міръ и, уставъ, почилъ отъ дѣлъ своихъ, восточный берегъ Азіи былъ пустыненъ. Мертвый камень и голыя скалы покрывали его и жалка была земля по Уссури. Богъ забылъ про нее.

И Ему, Творцу неба и земли, напомнили о ней. Но уже матеріалы были израсходованы, растенія разсажены, звѣри поселены— остались одни остатки. И вотъ остатки были брошены по Уссури. И попала сюда и пальма, но пальма жалкая, маленькая, и папоротники, и пробковое дерево, и виноградъ, и олени, и тигры, и фазаны — словомъ все — и появилась богатая флора и богатая фауна. И, дѣйствительно, проѣхавши и пробродивши на охотѣ пять дней по самымъ дебрямъ Приморской области, я пришелъ къ тому заключенію, что природа устала здѣсь творить. Нѣтъ чистоты въ отдѣлкѣ--богато, но грубо. Лошадь маленькая, приземистая, косматая и слабая, корова хуже европейской; въ Европѣ осетръ—царь рыбъ, на Байкалѣ и въ Сибири онъ уже грубѣе,— тутъ кэта, калужина, еще грубѣе, владивостокскія устрицы хуже черноморскихъ, словомъ все маркой слабѣе. Но богатство тѣмъ не менѣе безспорное. Поселенцы только взяться не умѣютъ за дѣло, не понимаютъ края. И я рѣшилъ попытаться разгадать причину этого непониманія. Дерзко, не правда-ли? Но вѣдь я рѣшу съ налета и мое рѣшеніе можете оспаривать и не принимать, сколько угодно. Я просто слышалъ о г. Янковскомъ—образцовомъ хозяинѣ здѣшнихъ мѣстъ, и вотъ рѣшилъ съѣздить къ нему, посмотрѣть, спросить и написать о видѣнномъ маленькое донесеніе.

А о Янковскомъ мнѣ начали говорить еще съ Иркутска... „Съѣздите къ Янковскому“,—сказалъ мнѣ и генералъ Беневскій— „это замѣчательный человѣкъ“. „Побывайте у Янковскаго, сколько у него оленей! какая охота“,—сказалъ мнѣ офицеръ, съ которымъ я познакомился на озерѣ Байкалъ. „Вотъ посмотрите конскій заводъ у Янковскаго“,—сказалъ не помню кто во Владивостокѣ...

Я посмотрѣлъ на карту и тамъ я увидалъ полуостровъ Янковскій, хуторъ Янковскій и вотъ, прямо послѣ встрѣчи съ казакомъ на охотѣ, послѣ чудной ночи во Владивостокѣ, раннимъ утромъ, 31-го октября, я уже сидѣлъ на небольшомъ пароходѣ „Новикъ“ и направлялся на хуторъ „Янковскій“.

Хуторъ Янковскій лежитъ на полуостровѣ. соединенномъ съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. На полуостровѣ два хозяина— Гекъ и Янковскій. Уже подъѣзжая къ берегу вы видите хорошія постройки, плетень, деревья, не выросшія какъ попало волею судебъ, но очевидно нарочно саженныя искусною рукой и висячій фигурный мостикъ изъ рыбьихъ костей. Широкая окопанная канавами дорога идетъ отъ берега въ гору и скрывается за невысокимъ хребтомъ. Прямо на берегу за аккуратнымъ тыномъ стоитъ

одноэтажный домикъ—это дача Гека. И дорога чистая и ровная, и дача, и аллея, уходящая въ гору, и мостикъ, все это придаетъ полуострову жилой, опрятный видъ, заставляющій забыть, что это медвѣжій уголъ Россіи—дальній востокъ. Пароходъ бросаетъ якорь въ бухтѣ, саженяхъ въ 100 отъ берега, съ него спускаютъ шлюпку и немногочисленные пассажиры, въ томъ числѣ и я съ любезнымъ штабсъ-капитаномъ С., вызвавшимся познакомить меня съ краемъ, садимся въ нее. Нѣсколько взмаховъ веслами и мы на берегу...

Дорога переваливаетъ черезъ гору и спускается въ котловину, закрытую со всѣхъ сторонъ горами. Тутъ за вѣтромъ на солнечномъ припекѣ тепло. За рядами деревьевъ начинается проволочная изгородь, такая же чистая и аккуратная, какъ и все,—за изгородью видны стада дикихъ козъ, оленей и нѣсколько изюбрей. Они бродятъ на свободѣ между дубовъ, среди кустарника, вытягиваютъ шеи при нашемъ приближеніи и кротко глядятъ на насъ чудными черными глазами. Еще нѣсколько шаговъ—изящныя ворота, совсѣмъ простыя, широкій дворъ, нѣсколько построекъ деревянныхъ и каменныхъ, длинная конюшня, заборы и навѣсы. За заборами табуны жеребятъ, за табунами лѣсъ и горы.

Хозяина не оказалось дома и насъ приняли хозяйка и управляющій. Въ домѣ деревенская простота и городской комфортъ. Бѣлыя стѣны, каминъ, простой столъ, барометръ, шкафъ съ книгами, портреты Государя и Государыни, японскія бездѣлки. Радушіе хозяйки было полное. Не прошло и минуты, какъ она сама накрыла столъ чистою скатертью и на столѣ появились фазанъ, жареный въ маслѣ, и чай съ чуднымъ домашнимъ хлѣбомъ. Послѣ завтрака хозяйка повела насъ осматривать конскій заводъ...

Начали съ жеребцовъ. Старшій производитель завода „*Саидъ*“, арабской породы, 23-хъ лѣтъ, купленъ въ Томскѣ. Это маленькій типичный арабчикъ, серебристо-бѣлый, съ чуднымъ глазомъ на выкатѣ, широколобый, нервный, тонконогій, весь грація, элегантность, изящество. За нимъ провели нѣсколько производителей собственнаго Янковскаго завода, преимущественно рысистой породы. Это приземистыя, широкія, крѣпкія двухъ вершковыя лошади,—всѣ вороныя, потомъ рыжаго, Хрѣновскаго государственнаго завода, за нимъ двухъ хилыхъ узкогрудыхъ вороныхъ лошадокъ, присланыхъ Янковскому государственнымъ коннозаводствомъ и совершенно недостойныхъ стать производителями даже и на далекой окраинѣ. Къ сожалѣнію, госпожа Янковская не могла мнѣ объяснить, съ какихъ заводовъ или пунктовъ были

получены эти лошади. Всѣхъ производителей на заводѣ—одинадцать. Матокъ отъ 150 до 160. Матки поступаютъ въ косяки изъ Россіи. Есть арабскія матки, есть англійскія, но большинство свои, происшедшія отъ смѣси корейскихъ и манзовскихъ мѣстныхъ лошадей съ лошадьми томскими и переродками арабо-томскими и англо-томскими. Матки не высоки ростомъ, не выше двухъ вершковъ. Воспитаніе исключительно табунное. Ни матки, ни молодежь не знаютъ конюшни круглый годъ. Лишь на ночь ихъ загоняютъ на базы, гдѣ въ рѣшеткахъ онѣ получаютъ сѣно, зерна чумизы и иногда овесъ. Молодежь, которую мнѣ пришлось видѣть, имѣла довольно флегматичный видъ, человѣка не подпускала, но заарканенная довольно скоро давала себя оповаживать. Мнѣ показали отдѣльно на недоуздкахъ и часть трехлѣтокъ. Почти всѣ были не выше одного вершка. Арабская кровь сказалась въ чистенькихъ головкахъ, тонкихъ, хотя и мохнатыхъ ногахъ и увы, у многихъ, въ нѣкоторой сѣдлистости спинъ; монгольская и корейская дали поразительно широкую грудь и задъ, короткое туловище и коровій поставъ заднихъ ногъ, дающій имъ неуклюжую свиную побѣжку. По свидѣтельству Приморскаго драгунскаго полка, лошади завода Янковскаго оказались выносливѣе всѣхъ лошадей мѣстныхъ породъ, сильнѣе и могучѣе ихъ. Это и должно было быть: арабская кровь непремѣнно должна была сказаться. Что лошади Янковскаго безспорно лучшія *мѣстныя* лошади отъ Байкала до Тихаго океана—это не подлежитъ сомнѣнію. Онѣ неприхотливы на кормъ. Имъ все равно—чумиза, овесъ, пьяный овесъ, просо, сѣно—онѣ все ѣдятъ. Онѣ не требуютъ ни конюшни, ни сопряженнаго съ нею ухода, онѣ *довольно* выносливы. Но онѣ мелки. Рѣдкая имѣетъ 2 вершка росту, не рѣзвы на карьерѣ, коротки настолько, что трудно положить вьюкъ на нихъ и мало способны къ нервнымъ, смѣлымъ, порывистымъ движеніямъ, необходимымъ для военной лошади.

Могли-ли бы онѣ быть лучше? Безспорно—да. Если бы матки шли въ косякъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, напримѣръ, на пятомъ или на шестомъ году—молодежь была бы сильнѣе. Если бы вмѣсто случайныхъ производителей производителями стали англійскіе чистокровные жеребцы, хорошо выдержанные на овсѣ—молодежь стала бы энергичнѣе, нервнѣе и, еслибы молодежь подкармливали немного овсомъ—она стала бы рослѣе. Ибо Blut und Futter machen Wunder. А въ томъ видѣ, какъ заводъ есть — это первая и весьма почтенная попытка разводить лошадей, приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ, но попытка, къ сожалѣнію, диллетантская.

Лошади Янковскаго имѣютъ и еще одинъ крупный недостатокъ. Онѣ дороги. Невыѣзженный трехлѣтокъ стоитъ 400—500 рублей, всего при двухъ вершкахъ роста. Это уже по-сибирски.

Я сказалъ про лошадей Янковскаго, что онѣ *довольно* выносливы. Онѣ безспорно выносливѣе всѣхъ монгольскихъ, манчжурскихъ, корейскихъ и манзовскихъ лошадей; китайскую и японскую конницу онѣ замотаютъ, онѣ пройдутъ и сто верстъ въ день, но не каждый день и какъ?—тихимъ шагомъ и свиною рысью. Любая донская лошадь—я не говорю уже про полукровную—измотаетъ и собьетъ наилучшую лошадь дальняго востока. Я знаю—мнѣ будутъ доказывать противное. Но вѣдь есть-же люди, которые и по сіе время вѣрятъ, что есть киргизскія лошади болѣе рѣзвыя, чѣмъ чистокровныя, однако, таковыхъ, всякій кавалеристъ то знаетъ,—на дѣлѣ нѣтъ—такъ и съ лошадьми Тихаго океана.

Осмотръ завода былъ оконченъ. Мы прошли мимо богатаго птичнаго двора, надъ которымъ носились красные, бѣлые и пестрые голуби, гдѣ бродили крошечныя японскія куры, словно модель настоящихъ, заглянули на скотный дворъ, увидали водомѣръ на барометрической станціи, школу, библіотеку, пекарню и вернулись домой.

Вечерѣло. Но вечеръ былъ такъ хорошъ, такимъ не зимнимъ тепломъ вѣяло въ долинѣ, такъ прозраченъ и свѣжъ былъ морской воздухъ, что не хотѣлось разставаться съ дворомъ, и мы съ С. долго стояли на крыльцѣ, полною грудью вбирая воздухъ.

Вдругъ конскій топотъ прервалъ вечернюю тишину. Хорошенькая лошадка вбѣжала во дворъ, съ нея, съ мужского сѣдла, соскочила молоденькая дѣвушка съ ребенкомъ въ рукахъ, бросила поводья подбѣжавшему корейцу и стала подниматься по лѣстницѣ.

— Это вы, Дмитрій Петровичъ?—весело сказала она,—а я племянницу привезла. Сестра захворала, я дочку ея и взяла съ собой.—„Лебедку" оботрите,—обратилась она къ корейцу—а то переправа глубокая, заливъ опять поднялся.

Потомъ она вопросительно взглянула на меня. С. представилъ меня ей, она порывисто пожала мнѣ руку и прошла въ домъ... И мнѣ вспомнились наши восторги передъ бурскими дѣвушками, передъ ихъ выносливостью и прочими гражданскими доблестями. А эта чѣмъ хуже? Эта семья, вся чисто фермерская, сильная своею чистотою, своимъ разумнымъ отношеніемъ къ труду, любовью къ землѣ, къ животнымъ, къ дѣлу—чѣмъ ниже ихъ? Она выше, потому что она одна. Подлѣ въ 70 верстахъ Влади-

востокъ, торговый городъ съ сибирскими аппетитами и съ восточнымъ развратомъ—кругомъ бѣдствующіе, потерявшіе почву подъ ногами, запьянствовавшіе переселенцы, а дальше манзы и корейцы, у которыхъ научишься развѣ терпѣнію, да непротивленію злу...

Хуторъ Янковскаго—полная чаша. Самъ М. И. Янковскій уважаемый далеко за предѣлами Приморской области человѣкъ, сыновья его учатся въ Америкѣ, люди всесторонне образованные. А 26 лѣтъ тому назадъ, когда Янковскій съ женою впервые появился на полуостровѣ—онъ былъ такой-же переселенецъ, какъ и чичаговцы, шкотовцы и другіе, да еще при этомъ интеллигентный человѣкъ, значитъ менѣе приспособленный воспитаніемъ къ тяжелому земледѣльческому—мужицкому труду. Но онъ несъ съ собою знанія и вѣру въ дѣло и вотъ теперь, на старости лѣтъ, можетъ съ гордостью взглянуть на благоустроенный и красивый полуостровъ и сказать—я его создалъ! Я создалъ его, какъ Робинзонъ,—изъ ничего!

Янковскій понялъ, что въ новомъ и дикомъ краю единственный способъ хозяйства—это *ферма*. Его оборотъ хозяйства—и лошади, и быки, и птица, и олени, и пантачи, съ которыхъ онъ два раза въ годъ спиливаетъ панты и продаетъ ихъ китайцамъ почти на 2,000 рублей въ годъ. Онъ занимается съ сыновьями охотой, лученіемъ рыбы. онъ сѣетъ чумизу, рожь, пшеницу и овесъ, онъ разводитъ яблоки, виноградъ, тыквы, картофель и морковь, не одно такъ другое, не другое, такъ третье—хозяйство его идетъ. Потому что взглядъ у него широкій, потому что онъ примѣнился и понялъ природу края и она его и поняла, и вознаградила труды его.

Много разсказывала мнѣ его жена, добродушная, умная женщина за обѣдомъ гдѣ все было свое. Мясо въ щахъ, капуста—свои, коза и соусъ изъ моркови свои, своей охоты фазанъ, вареная кэта своего лова, огурцы своего сада, варенье изъ дикаго винограда своихъ лѣсовъ, свое масло и сметана и только дивныя оладьи были сдѣланы изъ *американской муки*.

Янковскій не могъ добиться *своей* пшеничной муки, а этого хотѣли добиться упрямые хохлы, донцы и мужики. Переселенцу никакъ не втолкуешь, что въ новомъ краю надо и жить по новому. Онъ все сѣетъ знакомые хлѣба, ведетъ трехпольное хозяйство, не желаетъ замѣнить овецъ дикими козами и оленями, куръ—фазанами, пшеницу—чумизой или гаоляномъ. Онъ упрямо садитъ фруктовыя деревья на южномъ скатѣ горъ, потому что такъ онъ дѣлалъ въ Россіи и забываетъ про то что, въ Россіи

солнце не Италіи, а морозы не съ Ледовитаго океана. Тутъ въ февралѣ на южныхъ склонахъ солнце иногда такъ пригрѣваетъ, что дерево пускаетъ соки и выбрасываетъ почки. А задуетъ вѣтерокъ съ моря, покроется небо тучами, дохнетъ Ледовитый океанъ и засохло, завяло дерево, померзли его соки. А крестьянинъ проклинаетъ край и не хочетъ взглянуть, что у доктора Е. въ Барабашѣ на сѣверномъ склонѣ, въ ущельи зрѣютъ чудные яблоки... Ни выкорчевать лѣса, ни унавозить землю, ни мѣнять хлѣба онъ не желаетъ. Потому то при всемъ богатствѣ края русскіе поселки и станицы жалки и бѣдны. Кто ихъ научитъ? Тутъ нѣтъ школъ, тутъ мало церквей, народъ здѣсь еще не осѣлъ, онъ только осѣдаетъ. Умѣетъ-ли онъ во-время осѣсть и приноровиться, какъ приноровился Янковскій?

Чай былъ допитъ въ бесѣдѣ, живой и остроумной. Видно было, что тутъ всѣ—и управляющій съ женой, и хозяйка, и дочь—труженики и друзья. Вечерніе досуги тутъ коротаются за книгой, за журналомъ, за работой, а не за чаркою вина или картами.

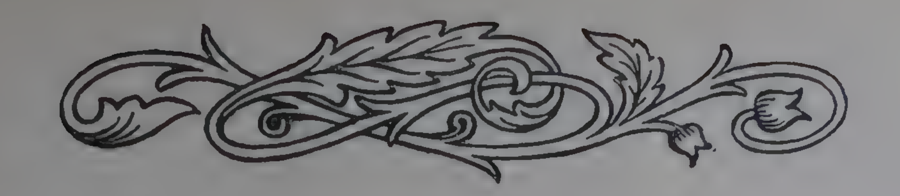
Намъ отвели ночлегъ въ школѣ. Большая половина ея была занята громадными шкафами съ книгами. Тутъ были сочиненія по всѣмъ отраслямъ естествознанія и сельскаго хозяйства, видно было, что здѣсь слѣдятъ за наукой.

— Неправда-ли, Дмитрій Петровичъ—нѣсколько тысячъ таихъ фермеровъ, какъ Янковскій и край зацвѣтетъ,—сказалъ я своему спутнику.

— Да, немного ихъ уже есть. Завтра вы увидите заимку Якобса—дѣло только что начато, но поставлено прочно; Кенике открываетъ свой конскій заводъ, у Бринера хорошая дача, да и у Гека тоже, отвѣчалъ С.... Янковскій, Бринеръ, Кенике, Гекъ, Якобсъ, вотъ кто является *русскими* колонистами въ новомъ краю, подумалъ я. А гдѣ же Артемовъ—жалобщикъ на начальство, гдѣ же полтавскіе, черниговскіе, астраханскіе, симбирскіе? Отчего у нихъ заимки такъ плохо идутъ?

Но отвѣта я не сталъ искать. Завтра со свѣтомъ нужно ѣхать въ урочище Барабашъ, въ 8-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, гдѣ, благодаря любезности генерала Анисимова, мнѣ было обѣщана звѣровая охота...

Владивостокъ, 5 ноября 1901 г.



XX.

Адеми-Барабашъ.

Былое глухихъ стоянокъ Уссурійскаго края.—Семь крестовъ. — Исторія самоубійствъ.—Барабашъ.—Въ 8-мъ стрѣлковомъ Восточно-сибирскомъ полку.—Мысли передъ охотой.

Наши восточно-сибирскіе стрѣлковые полки расквартированы въ настоящее время въ Манчжуріи, Никольскѣ-Уссурійскомъ и урочищахъ Барабашъ, Раздольное, Посьетъ, Новокіевское и Зайсановка. Нѣкоторыя роты занимаютъ береговую линію и стоятъ въ Славянкѣ и на выдающихся мысахъ залива Петра Великаго. Почти всюду построены кирпичныя казармы съ обширными офицерскими флигелями, проведены дороги и почта, хотя и весьма неисправно, но все-таки изрѣдка доходитъ и приноситъ цѣлую груду старыхъ газетъ, состарѣвшихся новостей. Общество офицеровъ сплотилось, ставятъ любительскіе спектакли, есть музыка, командиры полковъ стараются возможно тѣснѣе связать офицерскія семьи—словомъ жизнь сдѣлалась возможной.

Не то было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Роты приходили въ урочища и становились бивакомъ. Для офицеровъ строили сарай-землянку, перегораживали ее пополамъ занавѣсью, по одну сторону которой ютились офицерскія семьи, по другую — сами офицеры. Увлеченные поэтичными описаніями роскошной природы Уссурійскаго края, его охотой, образомъ жизни первобытныхъ людей, большимъ окладомъ, амурской пенсіей, суточными и прогонными, на которыя можно покутить, возможностью жениться на своей первой любви, какой-нибудь наивной институткѣ или гимназисткѣ, вѣрящей, что съ милымъ рай въ шалашѣ, зеленая молодежь изъ училищъ охотно разбирала ваканціи на дальній востокъ и шла служить туда безъ права перевода въ Россію впослѣдствіи. Туда же на пять лѣтъ переводились изъ полковъ

старые офицеры, которымъ нужно было временно исчезнуть съ горизонта, задолжавшіе чрезмѣрно, имѣвшіе въ своей семьѣ романъ, увезшіе чужую жену, или женившіеся на кухаркѣ, словомъ такіе, которыхъ общество полка, стоящаго въ Россіи, признавать за своего члена болѣе не хотѣло. Составлялся удивительный подборъ, связывался чортъ съ младенцемъ. „Мезальянсныя“ жены вносили свой легкомысленный колоритъ въ офицерскія семьи, возникала свобода нравовъ, къ которой чутко приглядывались наивныя гимназистки и институтки, поѣхавшія далеко отъ родителей исключительно по любви. И вотъ, когда „догорѣли огни, облетѣли цвѣты“, когда прошло утро любви и смѣнилось холоднымъ сѣрымъ днемъ, днемъ безъ просвѣта, жизнью безъ возврата, слабыя натуры заколебались. А тутъ житейская мудрость въ лицѣ капитана съ сизымъ носомъ говоритъ, что надо пить... На сцену явился штосъ, проигрыши, оскорбленія — словомъ та ужасная картина нравственнаго паденія, которая всегда является послѣдствіемъ вина, и картъ. Въ то время, какъ мужъ пропадалъ у товарищей за бутылкой и за зеленымъ полемъ, жена сначала плакала, потомъ тосковала, потомъ утѣшалась съ другимъ холостымъ офицеромъ, товарищемъ мужа — и романъ обращался въ драму...

На берегу Амурскаго залива, въ устьѣ рѣчки Адеми, есть мѣсто, называемое „*Семь крестовъ*“.

Среди сосновой рощи, на самомъ берегу моря, стоятъ семь бѣлыхъ крестовъ. Съ лодки или парохода въ лунную ночь они выглядятъ какъ призраки недавняго прошлаго, какъ свидѣтели чего-то ужаснаго, рокового. Сосны мягко шумятъ надъ забытыми могилами, море плещетъ и шипитъ по песку у ихъ подножія, да стая бѣлыхъ чаекъ носится надъ ними, унылымъ крикомъ нарушая монотонный говоръ моря и деревьевъ. Сѣрыя мысли туманомъ окутываютъ вашу голову, когда вы смотрите на эти семь крестовъ. Одинъ уже повалился, еще пройдетъ нѣсколько лѣтъ и исчезнетъ самый видъ ихъ, и забудется черная лѣтопись этого уголка нравственныхъ страданій. Эти семь крестовъ поставлены надъ могилами семи самоубійцъ, кончавшихъ разсчеты съ жизнью почти ежегодно. А когда лѣтомъ нависнетъ на цѣлые мѣсяцы туманъ надъ моремъ и клубами заходитъ между сосенъ, кажется будто души самоубійцъ сойдутся у семи крестовъ и бесѣдуютъ, и вспоминаютъ тѣ тяжелыя минуты, которыя привели ихъ въ могилу... Сѣрыя мысли, кровавое чувство, неясный шопотъ тоски, заполняютъ все ваше существо

Эти семь самоубійцъ, покоящіеся на берегу моря—семь офицеровъ. И они когда-то вышли изъ училища и, сверкая эполетами и звеня шпорами, пріѣхали домой. И у нихъ была старушка мать, которая любовалась ими и со слезой на глазахъ крестила ихъ, выросшихъ, наконецъ, „родителямъ на утѣшеніе"...

На утѣшеніе!..

Узнала-ли она о томъ, что сынъ ея, рѣшился на такой грѣхъ, на такой ужасъ? Думали-ли о ней въ ту роковую минуту, когда холодное дуло коснулось виска... Нѣтъ, не думали! Потому что если-бы думали, призракъ живой или умершей матери остановилъ-бы руку и палецъ не нажалъ-бы на гашетку... Красивые темные глаза изъ подъ соболиныхъ бровей, томная улыбка женскаго лица отразились въ послѣднемъ потухшемъ взглядѣ самоубійцы. Изъ семи — четыре покончили изъ-за женщины. Мнѣ разсказывали исторію этихъ самоубійцъ. Вотъ тотъ, надъ которымъ упалъ крестъ... — это ротный командиръ той роты, что занимала Адеми. Это у его жены былъ дивный ротикъ, соболиныя брови, чудные глазки и свободная совѣсть. Мужъ догадывался и пилъ, пилъ и становился мрачнѣе. Сѣрые туманы залива угнетали его, море наводило тоску, жену онъ презиралъ, молодого субалтерна ненавидѣлъ. Свѣтъ сходился для него клиномъ... И вотъ припадокъ пьяной горячки и смерть... За нимъ послѣдовалъ и другъ дома. И ему измѣнили. А тутъ пришелъ Надсонъ со своей ноющей поэзіей, Надсонъ, еще только что вошедшій въ моду, Шопенгауеръ, котораго надо читать понимая — и второе самоубійство... Кажется эта женщина довела до могилы и третьяго. Должно быть хороша была! А, можетъ быть, по сибирскому масштабу нравилась. — Двое просто спились и проигрались отъ скуки, а двое покончили отъ той ужасной болѣзни, что называется тоскою по родинѣ. Море и сопки, сосны съ бѣлыми крестами между ними давили ихъ. Имъ было тѣсно. Хотѣлось къ матери, къ сестрамъ, къ братьямъ, къ товарищамъ, хотѣлось въ Россію. Въ переводѣ имъ отказали. Сухіе, черствые люди ихъ окружали. Они просили ласковаго слова, а имъ предлагали стаканъ водки, имъ нужно было участіе,—ихъ сажали за карточный столъ, имъ хотѣлось свѣта, тепла, шалости дѣтской, невинной,— имъ говорили про дисциплинарный уставъ. И молодое сердце не выдержало. Отпускъ былъ ихъ мечтою. Но на отпускъ нужно было накопить много денегъ, около тысячи рублей, а гдѣ ихъ накопишь! И вотъ тоскующіе, мятущіеся они дошли до бездны и удлиннили тѣлами своими линію могилъ у Адеми...

Семь крестовъ — это бытовая страница изъ былой жизни далекой окраины. Это дѣла хотя и не очень давно, но, слава Богу, минувшихъ дней. На смѣну старымъ командирамъ-линейцамъ явились новые, болѣе гуманные. Женатые получили возможность жить отдѣльно отъ холостыхъ.

Когда въ веселый и теплый день, 1-го ноября мы на плохенькихъ монгольскихъ лошаденкахъ верхомъ проѣзжали по большой дорогѣ мимо крутыхъ скалъ и сопокъ, черезъ густой дѣвственный лѣсъ и наконецъ, за поворотомъ дороги, подъ горою, увидали широкую долину р. Мангугая—Барабашъ радостно и весело улыбнулся намъ своими садами. Была поздняя осень, ни на одномъ деревѣ, ни на одномъ кустѣ не было ни листика и все-таки даже голые сучья его были пестры, и весь онъ словно громадный макартовскій букетъ горѣлъ различными тонами дикихъ красокъ, красныя вѣтки жимолости и рядомъ сѣрыя грецкаго орѣха; между ними черные сучья и коричневая сухая листва дубовъ, бѣлые стволы березъ, зеленоватыя ивы, стебли и ярко желтые листья засохшаго винограда, сѣрые и голубые дома, рядъ высокихъ красныхъ кирпичныхъ построекъ — казармы, офицерскіе флигеля и собраніе 8-го Восточнаго Сибирскаго стрѣлковаго полка, голубенькая церковь, рѣчка, тихо текущая среди садовъ, и маленькій деревянный мостикъ надъ нею выглядѣли привѣтливо и красиво. Дома женатыхъ офицеровъ-хозяевъ расползлись во всѣ стороны, утонули среди разноцвѣтныхъ сухихъ вѣтвей и деревьевъ Вотъ и фруктовый садъ доктора Е.; вотъ ручная козочка подполковника К*, полковой садъ и въ немъ чья-то женская фигура, рядомъ съ офицеромъ. Въ собраніи народъ во всѣхъ комнатахъ. Толстый „батя“ играетъ на бильярдѣ съ худощавымъ штабсъ-капитаномъ, въ столовой идутъ разговоры о предстоящемъ инспекторскомъ смотрѣ и адъютантъ отыскиваетъ какого-то пропавшаго изъ списковъ мастерового. Въ гостиной батэліонный адъютантъ и молодой подпоручикъ обдумываютъ откуда достать штатскіе костюмы для предстоящаго любительскаго спектакля.

— Иванъ Петровичъ ѣздилъ за-границу, вотъ у него попросить, говоритъ молодой подпоручикъ.

— Иванъ Петровичъ уже обѣщалъ штаны, а жилетка у него вся сносилась, у насъ остановка за жилетками, дѣловито замѣчаетъ адъютантъ.

— Не бѣда, жилетку намъ Марья Семеновна сошьетъ новую, говоритъ подпоручикъ, увы, уже женатый.

Въ библіотекѣ я нашелъ груду газетъ и журналовъ. „Военный Сборникъ“, „Русскій Инвалидъ“, „Развѣдчикъ“, „Варшавскій Военный Журналъ“, „Вѣстникъ иностранной военной литературы“, „Вѣстникъ офицерской стрѣлковой школы“, „Журналъ для всѣхъ“, „Вѣстникъ иностранной литературы“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Новое Время“, „Россія“, „Нива“, „L'armée illustrée“, „The illustrated London News“, „Illustration“, „Petit Journal“, мѣстныя газеты — словомъ такой подборъ, который отнюдь не напоминалъ объ убогой стоянкѣ и котораго, я ручаюсь, вы не найдете гдѣ нибудь въ губернскомъ городѣ средней Россіи.

Начальника охотничьей команды мы застали за подготовкой къ двумъ важнымъ событіямъ текущей полковой жизни — инспекторскому смотру и спектаклю, за составленіемъ отчетности по командѣ, которая вмѣстѣ со счетами лежала на письменномъ столѣ и за писаніемъ громаднаго занавѣса. Занавѣсъ занималъ всю стѣну спальни начальника. На немъ клеевыми красками былъ набросанъ итальянскій пейзажъ, античный храмъ и танецъ вакханокъ...

Вечеромъ окна домовъ и казармъ освѣтились, по урочищу зажгли фонари, появился патруль, и изъ собранія и въ собраніе ходили офицеры. Жизнь билась ровнымъ, мѣрнымъ пульсомъ, въ Барабашѣ, безъ встрясокъ и вспышекъ.

Мнѣ отвели чудную теплую комнату съ мягкой постелью въ собраніи, С. пошелъ ночевать къ товарищу, нарядъ охотниковъ былъ сдѣланъ, лошади обѣщаны...

Я лежалъ и думалъ о видѣнномъ въ этотъ день, о слышанныхъ исторіяхъ и мнѣ казалось, что военное вѣдомство уже вступило на правильный путь заселенія войсками окраинъ. Многіе семейные офицеры арендовали куски земли, насадили сады, разводятъ коровъ. Ихъ дѣти смотрятъ на урочища, какъ мы глядимъ на свои родовыя Краснополье, Степановку, Маниловку, они осѣдаютъ на землѣ. Здѣсь семейный офицеръ оказался выше холостого. Его не соблазняетъ переводъ въ Россію и многіе такъ обжились, что о переводѣ и не мечтаютъ. Если бы сюда ѣхали только пожилые семейные офицеры, если бы не было холостой молодежи, или ее было бы меньше—гармонія вышла бы полнѣе. Изъ полковъ сюда переводятся люди пожившіе, знающіе на что они идутъ, по большой части семейные — ихъ не тянетъ домой,

можетъ быть потому не тянетъ, что они имѣютъ право на переводъ въ Россію черезъ пять лѣтъ. Молодежь въ худшемъ положеніи. Начитавшись Майнъ-Рида, Эмара, Купера, грезя тигровыми охотами, жизнью въ дѣвственномъ лѣсу, особаго рода охотничьимъ геройствомъ, ста рублями жалованья, можетъ быть и женитьбой, юнкеръ выходитъ на далекую окраину и разочаровавшись, не имѣетъ уже права хлопотать о переводѣ въ Россію. Ему одинъ исходъ — академія. Но вѣдь не всякій можетъ ее вмѣстить... А если еще начальство не довольно молодымъ и загонитъ его на постъ, одного, въ глухую, хотя и дѣвственную тайгу? Какой мечтою ему жить? На него нападетъ отчаяніе. Онъ видитъ, что ему не уйти ни отъ этихъ сопокъ, ни отъ дѣвственныхъ лѣсовъ, ни отъ этого давящаго 10,000 верстнаго разстоянія, отдѣляющаго его отъ родины. Если-бы его поддерживала надежда, что онъ *можетъ* перевестись — ему было-бы легче. А еще лучше зеленую молодежь не выпускать раньше извѣстнаго срока на дальній востокъ. Тогда и меньше было-бы случайныхъ браковъ, по минутному увлеченію, по любви, хотя и пылкой, первой, но недолговѣчной. Окраина пока тяжела для молодежи... Охота... И охота теперь уже не та. Тигры и барсы не сидятъ по деревамъ, ожидая стрѣлка. Впрочемъ для того, чтобы дать вамъ понятіе о томъ, какова охота въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, разскажу вамъ про охоту и весьма удачную, на которой я былъ 2-го ноября въ долинѣ рѣчки Амба-Бира.

Владивостокъ, 6-го ноября 1901 года.

XXI.

Охота въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

О тиграхъ.—Сборы на охоту.—Охотничьи команды въ стрѣлковыхъ Восточно-Сибирскихъ полкахъ.—Долина Амба-бира.—Первый звѣрь.—Облава.—Гураны.—Возвращеніе ночью въ Барабашъ.

— Вы хотѣли поохотится на тигра, — говорилъ мнѣ вечеромъ Дмитрій Петровичъ—но этого, къ сожалѣнію, я не могу вамъ устроить. Тигровъ тутъ больше нѣтъ. Лѣтъ пять тому назадъ ихъ было много. Вонъ на томъ хребтѣ, у такъ называемой пороховой пади, тигръ загрызъ часового, который стоялъ у погреба. Поутру нашли отъ него только кеньги, ружье, да груду костей—тигръ чисто обработалъ солдата... Вотъ Янковскій-сынъ года два тому назадъ случайно убилъ еще тигра. Онъ ѣхалъ съ работникомъ подъ вечеръ въ поле. Тигръ вскочилъ на работника и свалилъ его съ лошади, а Янковскій выстрѣломъ изъ винчестера раздробилъ тигру черепъ и тѣмъ спасъ работника; а теперь про тигровъ что-то не слыхать.

— Да вотъ и нашъ начальникъ команды весною двѣ ночи

просидѣлъ надъ трупомъ павшей лошади и ничего не высидѣлъ,— вмѣшался въ разговоръ молодой поручикъ.

— Мы лучше всего поѣдемъ въ долину рѣки Амба-бира,— тамъ увидимъ навѣрно дикихъ козъ-гурановъ, оленей, можетъ быть изюбрь набѣжитъ, могутъ быть и кабаны, и барсы. Во всякомъ случаѣ поохотиться удастся. А на счетъ тигра—такъ это надо ждать случая. Иногда годами про нихъ не слышно,—проговорилъ Дмитрій Петровичъ.

— Значитъ завтра, въ 6 часовъ утра, у собранія, сказалъ подпоручикъ, выпросившійся у командира полка съ нами на охоту.

— Есть,—отвѣчалъ я и мы разошлись.

Всю ночь мнѣ снились крутыя сопки, олени и козы. Въ пять часовъ я поднялся. Было очень холодно и темно. Всѣ звѣзды были на небѣ, ничто не обѣщало скораго разсвѣта, стояла настоящая зимняя морозная ночь. Я вышелъ на дворъ. Тишина была полная. Барабашъ спалъ мертвымъ сномъ, горѣли огни лишь въ ротахъ, да фонари у моста и у квартиры командира полка, гдѣ ползали закутанные въ тулупы часовые. Какъ водится, мои спутники проспали и едва въ семь часовъ появились охотники: Дмитрій Петровичъ въ манзовской шапкѣ съ винчестеромъ, подпоручикъ съ трехстволкой и тройка лошадей, посѣдланныхъ мексиканскими сѣдлами.

Въ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ всѣ охотники посажены на лошадей и образуютъ ѣздящую команду въ 160 коней на полкъ. Полки еще не успѣли обзавестись сѣдлами и конскимъ снаряженіемъ и ѣздятъ на казачьихъ, пѣхотныхъ, англійскихъ и мексиканскихъ сѣдлахъ. Солдаты всѣмъ сѣдламъ предпочитаютъ казачьи, но я испробовалъ мексиканское и нахожу его очень удобнымъ. По посадкѣ оно напоминаетъ англійское, да и конструкція его такая же, только съ высокой и круглой передней лукою, широкой задней, деревянными, выгнутыми изъ толстаго лубка стременами, привязанными къ сѣдлу поверхъ его и подпругой не на пряжкѣ, а завязывающейся узелкомъ.

Наши загонщики—ихъ было двадцать человѣкъ,—всѣ сидѣли на различныхъ сѣдлахъ. Глядя на ихъ бодрыя лица, на ихъ непринужденную, но достаточно прочную посадку, я думалъ, что въ этомъ краю, особенно при борьбѣ съ китайцами, легко поддающимися паникѣ, охотники могутъ сыграть и болѣе почтенную роль, нежели ѣздящая пѣхота. На стрѣлковую бригаду придется около 600 охотниковъ—цѣлый кавалерійскій полкъ. А

что ежели подъ дружнымъ огнемъ ротъ непріятель дрогнетъ и побѣжитъ, развѣ не могутъ охотники воспользоваться быстротою своихъ коней и преслѣдовать непріятеля, ну хотя-бы и рысью? Но тогда имъ нужно дать шашки. А если дать шашки, то онѣ будутъ мѣшать дѣйствовать въ пѣшемъ строю... Значитъ, если дать шашки, то ихъ нужно приторочить къ сѣдлу, какъ то сдѣлано въ англійской кавалеріи. Хорошо было-бы также офицера, завѣдывающаго охотниками, хотя на годъ прикомандировывать къ кавалерійскому полку. Не для хитростей манежной ѣзды и тайнъ мундштука, не для увлеченія полевымъ галопомъ и рубкой, но лишь для того, чтобы научится правильному уходу за лошадью, сѣдловкѣ, распредѣленію аллюровъ на походѣ, временемъ, когда можно поить и когда нельзя, чисткѣ и нѣкоторой холѣ лошади, объѣздкѣ неука и другимъ свѣдѣніямъ, необходимымъ для всякаго человѣка, имѣющаго дѣло съ лошадью. А то полагаться на знанія нашего простолюдина—значитъ калѣчить лошадей, заѣзживать ихъ на одинъ поводъ, сподпруживать и набивать имъ спины...

Бесѣдуя объ этомъ и иныхъ высшихъ военныхъ матеріяхъ, мы выѣхали изъ Барабаша, проѣхали мимо того мѣста, гдѣ тигръ скушалъ часового и направились по узкой долинѣ между крутыхъ скалистыхъ горъ. Вскорѣ мы покинули большую дорогу и по едва замѣтной тропинкѣ, утопая въ густыхъ травахъ, стали взбираться на гору. Солнце начало припекать и въ полушубкѣ было жарко. Здѣсь удивительныя перемѣны температуры. Днемъ на охотѣ, въ одной шведской курткѣ, изнываешь отъ жары, ночью—полушубокъ и башлыкъ только-только хватаютъ, чтобы предохранить отъ стужи.

Наша тропинка поднимается по косогору мимо крутыхъ скалъ и пиковъ самыхъ причудливыхъ очертаній. Вотъ направо, словно сосокъ, выдался круглый пикъ, черный, и голый, а рядомъ ровная и острая гора тянется на многія версты. Тутъ обнажилась порода и розовый, и сѣрый алебастръ слоями крутымъ зигзагомъ видны между травъ, тамъ скатъ идетъ совершенно полого и вдругъ обрывается внизъ отвѣсной стѣной чернаго камня. Всѣ краски дикія, всѣ цвѣта землистые. Тутъ стоитъ заимка—моютъ золото, тамъ двѣ-три корейскихъ фанзы и подлѣ нихъ рядъ корейцевъ сидитъ на корточкахъ въ своихъ высокихъ черныхъ шляпахъ, вправо степи—травы соперничаютъ въ ростѣ, бѣлые изсохшіе цвѣты звѣздочками и темныя метелки тянутся—кто выше, влѣво лѣсъ изъ корявыхъ дубовъ, дуплистыхъ и рас-

кидистыхъ и стройныхъ березъ и ивъ,—прямо ручей, а сзади песчаный спускъ. Мы перешли не одинъ горный потокъ съ замерзающими берегами, поднялись по страшной кручѣ въ лѣсъ, выбрались на полевую дорогу и около полудня спустились въ долину Амба-бира.

Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ. У корейцевъ по копѣйкѣ за копну была куплена солома чумизы и задана лошадямъ вмѣсто сѣна, разожгли костеръ, согрѣли воду и занялись чаемъ, а пока что подпоручикъ спугнулъ фазана и выстрѣломъ убилъ его...

Долина сначала широкая, верстъ пять шириною, постепенно съуживалась и пересѣкалась высокимъ хребтомъ. Края поросли непроходимымъ лѣсомъ, щеки долины были отвѣсныя, образованныя вулканическими породами и недоступныя не только человѣку, но и звѣрю. Вдоль этихъ щекъ долженъ былъ идти гонъ.

Послѣ часового отдыха С. разставилъ конныхъ охотниковъ, условился, чтобы гонъ начать по тремъ, непосредственно другъ за другомъ слѣдующимъ выстрѣламъ, и мы поѣхали рысью на пять верстъ впередъ къ поперечному хребту. Легкій вѣтеръ дулъ намъ навстрѣчу, было жарко подъ жгучими лучами солнца. Мы доѣхали до корейской деревни, оставили здѣсь лошадей, а сами пошли занимать стрѣлковую линію. Насъ было пятеро. Я, С., подпоручикъ и двое солдатъ. У меня и у солдатъ были трехлинейки, почему мы имѣли право стрѣлять только противъ горы и назадъ по долинѣ. Идти было тяжело. Впереди легкой, горской походкой шелъ С., подпоручикъ старался не отставать отъ него, я скинулъ полушубокъ и, задыхаясь отъ жары и непривычки ходить по горамъ, еле поспѣвалъ за ними, еще сзади карабкались солдаты.

Вдругъ между густой травы, среди тонкихъ вѣтокъ лозы показались стройное сѣрое тѣло гурана-самки. Она остановилась, увидѣвъ людей, С. выстрѣлилъ, но не расчиталъ разстоянія и гуранъ громадными скачками, сверкая снѣжно-бѣлымъ зеркаломъ, понесся по долинѣ.

Ахъ, чортъ!—невольно вырвалось у С. Я не стрѣлялъ, не до того было. Усталъ очень, весь былъ мокрый и еле двигался. Но видъ звѣря нарушилъ однообразіе хребтовъ и мы оживились. Всѣ взяли ружья на изготовку, разговоры смолкли и мы тихо карабкались на горы. Первыми поставили солдатъ, потомъ у начала горъ сталъ подпоручикъ, я съ С. стали лѣзть дальше. Трава кончилась. Мы дошли до того мѣста, гдѣ неизвѣстно какая

сила пробила узкую щель въ горномъ хребтѣ и пробивъ разбросала камни далеко кругомъ. Это была декорація вальпургіевой ночи, да нѣтъ! и декоратору не поставить всѣ эти камни, скалы, то покрытыя зеленымъ мохомъ, то сами зеленыя, словно малахитовыя отъ вкрапинъ мѣдной руды, такъ дико и такъ красиво. Вотъ дубъ въ два охвата толщиною и вышиною всего три сажени, но зато какой раскидистый и дуплистый, вотъ „чортово дерево"— колючее и острое, вотъ виноградъ съ изсохшими желтыми листьями, опять камни, словно стѣна наваленные одинъ на другой, какъ постройка циклоповъ, камни величиною съ лошадь и больше, и круглые, и ноздреватые, какъ губка. Между нихъ журчитъ ручей. Дно чистое, вода, какъ кристаллъ и на днѣ пятнистыя форели съ красными плавниками, величиною въ четверть. Мы ложимся на землю и пьемъ чудную влагу, холодную какъ ледъ, потомъ полземъ дальше, къ самымъ щекамъ долины. Здѣсь, у окна въ сосѣднюю долину, между крутыхъ скалъ мы съ С. занимаемъ номера.

— Олень жмется къ скаламъ, говоритъ шопотомъ С.—смотрите не прозѣвайте, онъ придетъ скоро и незамѣтно.

Мы дѣлаемъ три выстрѣла и прячемся за широкіе стволы деревьевъ. Въ узкой и темной долинѣ, куда не проникаютъ теплые солнечные лучи, холодно. Я начинаю остывать и мерзнуть. Въ долинѣ мертвая тишина. Иногда налетитъ вѣтерокъ и зашуршитъ сухою травою, зашумитъ въ вѣтвяхъ и опять тишина. Робко пискнула нѣсколько разъ птичка, простучалъ дятелъ, но звѣря не видно. Должно быть его и не будетъ. Время тянется томительно долго. Закрадывается въ душу сомнѣніе—да услыхали-ли наши выстрѣлы стрѣлки? Начался-ли гонъ? Почему не пришли олени? Холодъ донимаетъ. Не вѣрится, чтобы въ этой молчаливой безжизненной тайгѣ была жизнь...

Но вотъ ухо начинаетъ ловить какіе-то протяжные звуки— это гонъ. Ну, значитъ ничего не будетъ—думаю я, но на всякій случай беру винтовку на изготовку...

И вотъ вправо что-то зашуршало въ травѣ, разъ, другой, и громадный козелъ съ вѣтвистыми рогами выпрыгнулъ на чистое мѣсто и не спѣша пошелъ въ гору. Откуда берется въ такія минуты хладнокровіе? Вѣдь сердце бьется, дыханіе такъ спираетъ, что задыхаешься, а въ тоже время глазъ ловитъ мушку, а мушка ищетъ козла. Грянулъ выстрѣлъ—козелъ метнулся и остановился за деревомъ и стоитъ. Что онъ? А онъ раненъ... Теперь вся его хорошенькая мордочка съ кроткими черными глазами, его вѣт-

вистые рога видны отчетливо. До него не болѣе полутораста шаговъ. Спокойнѣе я беру его на мушку—еще выстрѣлъ, другой, онъ дѣлаетъ два-три неловкихъ скачка и скрывается, падая въ высокой травѣ. Двѣ ноги у него перебиты, брюхо прошито пулей, но онъ не убитъ. Наступаетъ самое непріятное дѣло охотника—добиваніе раненаго звѣря...

И только что я хотѣлъ побѣжать къ своему козлу, какъ четыре громадныхъ оленя выскочили съ горы. Заложивъ на спину вѣтвистые рога, они, дѣлая скачки въ четыре-пять саженей подъ гору и исчезая въ высокой травѣ скрылись за гору. Я не стрѣлялъ, у С. рука дрогнула и онъ промахнулся. Слишкомъ эффектенъ былъ видъ этихъ мощныхъ эластичныхъ животныхъ, казавшихся такими громадными.

Гонъ подошелъ къ намъ. Солдаты прирѣзали и выпотрошили козла, охота была кончена.

Вечерѣло. Солнце спускалась за горы. Пока собрали солдатъ, зануздали лошадей, стало и совсѣмъ темно. Молодой мѣсяцъ проливалъ неясный полусвѣтъ на дорогу, мы доѣхали до корейцевъ и здѣсь остановились кормить лошадей. Солдаты развели громадный костеръ и варили себѣ чай, среди нихъ стояли, какъ люди другой эпохи, корейцы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ длинными черными волосами, падающими на плечи. Костеръ бросалъ на нихъ неясные блики, дрожащія тѣни. За костромъ были деревья надъ рѣчкой, а дальше мракъ. Рядомъ маленькія монголки жевали чумизу. Ихъ никто не привязывалъ, никто не держалъ, онѣ сами стояли табуномъ. У костра была жарко. Единственный стаканъ наполнялся чаемъ и переходилъ изъ рукъ въ руки. Всѣмъ было хорошо и весело въ этой таежной глуши, среди дикихъ хребтовъ.

— Года два тому назадъ, проговорилъ С., я ночевалъ въ этой корейской деревушкѣ. Ночью меня разбудилъ страшный крикъ и визгъ. Тигръ утащилъ свинью у корейцевъ.

— Вы стрѣляли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, темно было. Ничего не видно...

— Тутъ, ваше благородіе, про тигру больше года не слыхать. А изюбрь одинъ сегодня прошелъ сквозь цѣпь,—проговорилъ солдатъ.

— Это вѣтеръ отъ васъ былъ,—сказалъ другой, они и учуяли, туго отъ гона шли.

— Вѣдь поди-же ты, звѣрь, а свое понятіе имѣетъ,—задумчиво сказалъ первый и зѣвнулъ.

Время было ѣхать. Обратный путь тянулся безконечно. Лошади пристали и еле шли по горамъ. Мы много шли пѣшкомъ, и лишь къ полуночи достигли Барабаша. Это была удачная охота. Мы мало настрѣляли звѣря, потому что насъ было мало. Въ долинѣ, въ которой стоялъ подпоручикъ, прошло шестнадцать козъ, да многія прорвались сквозь линію. А на первый взглядъ лѣсная тайга казалась такой тихой и пустынной, словно никто въ ней и не живетъ...

Если не считать фазановъ, которыхъ съ хорошей собакой можно бить десятками, бекасовъ и перелетной водяной дичи—звѣровая охота по свидѣтельству здѣшнихъ охотниковъ слагается приблизительно всегда такъ, какъ описано мною. Тигра-же можно убить лишь случайно, но также случайно и тигръ можетъ прыгнуть на васъ ночью со скалы...

Владивостокъ 6 ноября 1901 г.

XXII.

Въ Никольскѣ Уссурійскомъ.

Сходство съ малороссійскимъ городомъ.—Крѣпость.—У генерала Анисимова.—Воспоминаніе о Тянь-Цзинѣ.—Могутъ ли китайцы быть хорошими солдатами.—О генералѣ Линевичѣ, русскомъ офицерѣ и солдатѣ.

Случалось ли вамъ проѣзжать когда либо черезъ малороссійскіе города? Если случалось, то вы, конечно, помните одну, двѣ церкви на горѣ, одну кирпичную, съ зелеными куполами, окруженную пирамидальными тополями и одну старую, деревянную, немного покосившуюся на сторону; помните вы и широкія пыльныя улицы, лужи, никогда не просыхающія среди нихъ, помните и пеструю свинью, копошащуюся въ этой лужѣ со стаей маленькихъ поросятъ, помните и стадо гусей, бѣлыхъ съ большими желтыми ногами и сѣрыхъ, что съ озабоченнымъ гоготаніемъ степенно идутъ черезъ улицу. Помните и рядъ домовъ бѣлыхъ съ зелеными ставнями и крышами, то соломенными, то тесовыми, то желѣзными, герани и бальзамины на окнахъ и вишневые садочки за невысокимъ тыномъ. Помните и переѣздъ черезъ мелкую песчаную сонную рѣчку съ нависшими надъ низкими берегами вербами, но особенно запомнился вамъ характерный запахъ дыма отъ соломы и пыли, полыни и еще чего то — степной малороссійскій запахъ, котораго нѣтъ въ другихъ деревняхъ средней и сѣверной полосы Россіи. Въ такомъ городкѣ, какомъ-нибудь Бѣловодскѣ или Старобѣльскѣ, вы найдете бѣлый квадратный гостиный дворъ, гдѣ торгуютъ всѣмъ: мыломъ и хомутами, леденцами и дегтемъ, бритвами и паклей, найдете и портного изъ Варшавы или Москвы, постоялый дворъ и гостинницу „Австралію“, съ билліардами и обѣдами, — клубъ мѣстнаго общества. Улицы въ такомъ городкѣ идутъ прямо,

кое-гдѣ лежитъ деревянный тротуаръ и поставлены керосиновые фонари. По улицамъ пѣшеходовъ не видно, но въ каждомъ домѣ у окна вы непремѣнно найдете усатую или чубатую голову или румяное личико съ карими глазами.

Вотъ такой именно городъ при первомъ взглядѣ на него напоминаетъ Никольскъ-Уссурійскій. Вы переѣзжаете длинный мостъ черезъ тихую рѣчку, катите по пыльной дорогѣ и влетаете сразу въ широкую улицу съ бѣлыми домами. Красный соборный храмъ видѣнъ вправо, влѣво сѣренькая церковь, вотъ и гостинница, на сей разъ почему то „Австрія", билліардъ, кисейныя занавѣски, афиши, возвѣщающія спектакль и прибытіе фотографа, вотъ и портной... Да не въ Бѣловодскѣ ли я? А нѣтъ... Есть что то новое... На вывѣскѣ уродливыя письмена и надпись порусски: „Синъ-цонъ, портной военнаго и партикулярнаго платья", а рядомъ свою мастерскую открылъ не Гершко Шмулевичъ, а „Хираи" — японецъ. По улицѣ вмѣсто жида въ длинномъ сюртукѣ, въ пейсахъ и съ бородой клиномъ, или чумака во всемъ бѣломъ, вы встрѣтите китайца въ синей кофтѣ и юбкѣ, или корейца въ бѣлыхъ ватныхъ шараварахъ, туфляхъ и черной соломенной шляпѣ, такъ тонко сплетенной, что издали она кажется волосяной... Но малороссійскій элементъ преобладаетъ. Нѣтъ, нѣтъ да и выкатитъ бравая, полная фигура въ сапогахъ бутылками, пиджакѣ и шараварахъ и остановится у воротъ.

Городъ раскинулся на порядочное разстояніе. Дома и домики малороссійскаго стиля, лишь кое-гдѣ перерываются китайской постройкой съ окнами безъ стеколъ, но съ бумагой и красными лоскутками, повѣшенными на обручахъ и изображающими китайскую вывѣску, но такихъ мало. Они жмутся по окраинамъ, а повсюду малороссійскія постройки, порядки и лѣнь. Только тополей пирамидальныхъ нѣтъ, да возлѣ бѣлыхъ домиковъ посажены не веселыя вишни и яблони, а верба да дубокъ.

Извощикъ на парѣ съ пристяжкой, въ рессорныхъ городскихъ дрожкахъ, мчитъ васъ по широкой и пыльной улицѣ, вы прыгаете на промоинахъ, получаете брызги грязи въ лицо въ лужахъ, пугаете свиней, куръ и гусей и выноситесь за городъ. Вотъ обветшавшія ворота, поставленныя для проѣзда Государя Императора въ бытность Его Государемъ Наслѣдникомъ, вотъ еще старыя каменныя ворота, шоссе, обсаженное молодыми деревьями съ дорожками по краямъ, посыпанными пескомъ. Ни дать, ни взять въѣздъ въ помѣстье.

Въ саду вы видите степенную фигуру стрѣлковаго унтеръ-

офицера съ крестами и медалью на груди, видите за деревьями высокія двухъэтажныя кирпичныя постройки и бѣлую вывѣску съ надписью „2-я легкая батарея Восточно-Сибирской артиллерійской бригады"; за постройкой рѣшетка, просторный дворъ и конюшни, рядомъ такая же казарма 4-й батареи, потомъ 7-го стрѣлковаго полка — это „крѣпость" города Никольска. Казармы уходятъ вправо, образуютъ закрытыя площади, дворы. Вдоль дворовъ идутъ панели, обсаженныя деревьями, кое-гдѣ видны часовые, будки и китайскія пушки. По лѣвую руку идутъ деревянные бараки, утопающіе лѣтомъ въ зелени — это помѣщенія штабовъ, канцелярій и начальствующихъ лицъ. Противъ нихъ густой, правильно разбитый садъ, ротонда для музыки и танцевъ; словомъ, маленькая провинціальная роскошь, устроенная военными.

Здѣсь стоитъ штабъ 1-го сибирскаго армейскаго корпуса и живутъ командиръ его и начальникъ 2-й стрѣлковой бригады. Нужно-ли называть имена генераловъ Линевича и Анисимова, имена, которыя, въ тяжелую годину всеобщаго военнаго соревнованія, вдругъ всплыли на военномъ горизонтѣ и отдали пальму первенства русскому оружію. У васъ навѣрно живо въ памяти лѣто 1900 года, когда весь образованный міръ слѣдилъ съ трепетомъ за судьбою посланниковъ въ Пекинѣ, когда плылъ изъ Германіи фельдмаршалъ Вальдерзе, когда Линевичъ взялъ Пекинъ въ двѣ недѣли форсированнаго марша... Помните вы, конечно, и ошибку англійскаго генерала Сеймура, который зарвался въ Тянь-Цзинѣ и былъ отрѣзанъ боксерами. Помните тамъ геройскую оборону маленькаго отряда стрѣлковъ и казаковъ полковника Анисимова. Эти имена на скрижаляхъ русской военной исторіи не забудутся...

И вотъ я въ ихъ домахъ... Имѣю возможность бесѣдовать съ ними...

Передо мною умное, добродушное лицо съ сѣдою бородою, георгіевскій крестъ въ петлицѣ, который магнетизируетъ меня, симпатичное лицо супруги генерала... Сзади японскія ширмы, альбомы, та русско-японская обстановка, которую вы неизмѣнно встрѣтите у всякаго состоятельнаго человѣка на дальнемъ востокѣ...

За окнами темная холодная ночь, остатки валовъ Никольскаго укрѣпленія, желтыя сопки и Суйфунъ, собирающійся становиться...

Рядъ разбуженныхъ моими вопросами воспоминаній выливается цѣлой галлереей картинъ.

Вотъ толпы вооруженныхъ саблями боксеровъ съ неистовыми криками бѣгутъ по тѣсной улицѣ европейскаго квартала въ Тянь-Цзинѣ. Рота стрѣлковъ должна ихъ остановить. Но боксеры-фанатики, они твердо вѣрятъ, что они заколдованы отъ пуль и смѣло идутъ на роту. Выдержанные стрѣлковые залпы валятъ толпу, но остальные не робѣютъ — они прыгаютъ черезъ трупы и ближе и ближе... Еще залпы, залпы въ упоръ — толпа отхлынула и ждетъ. Трупы должны воскреснуть... Но они лежатъ поблѣднѣвшіе, со стиснутыми зубами, скорченные въ неестественныхъ позахъ. Ихъ не приказано убирать... И вотъ среди китайцевъ проносится слухъ, что боксеры воскреснутъ черезъ три дня. Три дня проходятъ, а трупы лежатъ. Ихъ коснулось уже тлѣніе. Народъ китайскій ходить смотрѣть ихъ, ждетъ воскресенія, но его нѣтъ. Воскресеніе боксеровъ отсрочиваютъ на двѣ недѣли, но уже вѣра въ колдовство поколеблена... А тѣмъ временемъ со всѣхъ стѣнокъ сыпятся пули и гранаты. На крышахъ сидятъ мальчишки съ флагами и точно указываютъ сигналами куда ложатся снаряды. Много пало славныхъ стрѣлковъ. Ихъ носили сначала на кладбище, потомъ и этого нельзя было дѣлать; китайскія пули и снаряды ложились туда, куда шла процессія. Стали закапывать убитыхъ по ночамъ во дворахъ. Тутъ нашли себѣ кончину и многіе офицеры стрѣлковаго полка. И ихъ погребали также просто, тамъ, гдѣ застигла ихъ смерть. Дни и ночи грохотъ выстрѣловъ, дни и ночи визгъ и вой пуль, шипѣніе снарядовъ. Китайцы стрѣляли въ три смѣны. Затихнутъ на минуту выстрѣлы—это значитъ наступила смѣна и опять съ новой энергіей полетятъ пули. Совсѣмъ особенный характеръ боя въ улицахъ между фанзъ, глинобитныхъ стѣнокъ и заборовъ. Штыкъ рѣшилъ дѣло. И твердо вѣрятъ тянь-цзинскіе герои въ силу и мощь штыка, твердо вѣрятъ въ то, что лишь штыкомъ можно достигнуть рѣшительнаго успѣха...

Умолкъ генералъ. Тяжелыя воспоминанія пережитого охватили его. И какъ дополненіе къ его словамъ раздались простыя слова вѣрной спутницы его...

Въ то время, какъ въ Тянь-Цзинѣ шла первая упорная борьба съ боксерами, еще вѣрящими, въ свою неприкосновенность и неуязвимость, въ Портъ-Артурѣ молчаливо страдалъ маленькій кружокъ полковыхъ дамъ. Онѣ собирались вмѣстѣ, думали, ожидали чего-то. Косатые „бои“, прислуживавшіе имъ, вдругъ сдѣлались грубы. Невѣжественныя кухарки съ рынка приносили слышанные ими разговоры, что ежели только что —

такъ они всѣхъ русскихъ прирѣжутъ. Появились вдовы, жены раненыхъ, искалѣченныхъ офицеровъ. Въ эту пору выдвинулся рыцарскій благородный образъ адмирала Алексѣева, сплотившій и вдохновившій всю эту страдающую толпу женщинъ...

Кровавая страница была дописана. Съ музыкой и пѣснями вошли въ Тянь-Цзинь русскіе полки и можно стало „считать раны, товарищей считать". Неутѣшныя вдовы прибыли выкапывать трупы своихъ мужей и перевозить ихъ въ Портъ-Артуръ, чтобы хотя среди русскихъ похоронить дорогія тѣла. Подвигамъ стрѣлковъ поставили памятникъ, газеты еще такъ недавно полныя описаній этихъ тяжелыхъ дней умолкли, перешли къ другимъ темамъ...

И вотъ я дерзновенной рукою стираю пыль, покрывающую страницы исторіи тянь-цзинскихъ страданій и словами ея героевъ рисую вамъ вновь знакомыя картины. Послѣ шумныхъ успѣховъ русскаго оружія въ газетахъ мелькнули статейки о томъ, что боксеры недисциплинированная сволочь, что они трусы, бѣгущіе отъ одного вида русскихъ, что побѣдить ихъ было легко, что они были почти безоружны. Да, впослѣдствіи — это было такъ. Но первые боксеры, еще вѣрившіе въ колдовство отъ пуль были ужасны. Они шли большими толпами на русскія роты и даже выдержанные стрѣлковые залпы не могли ихъ остановить. Въ своемъ изувѣрствѣ они падали на штыки стрѣлковъ и смѣло стояли, когда съ громовымъ *ура* бѣжали на нихъ наши цѣпи. Тянь-цзинское испытаніе было самымъ тяжелымъ. Недаромъ Сеймуръ застрялъ въ Тянь-Цзинѣ. Энергія фанатиковъ была сломлена русской стойкостью, русскимъ презрѣніемъ къ смерти. Но дайте желтымъ людямъ правильное военное воспитаніе, научите ихъ воинскому искусству, заставьте народъ китайскій уважать званіе солдата и въ войскѣ видѣть опору страны — о, тогда дорого придется заплатить европейцамъ за ихъ дерзкія выходки, за ихъ презрительное отношеніе къ Китаю!

Но врядъ-ли это возможно... Долголѣтіе — основа жизни и уваженіе всего китайскаго міра; солдатъ не можетъ быть долголѣтенъ—онъ готовитъ себя къ смерти, можетъ-ли быть онъ уважаемъ? Когда хозяинъ фирмы Кунстъ и Альбертсъ вздумалъ одѣть сотенную толпу своихъ китайскихъ слугъ и прикащиковъ въ одноформенныя китайскія куртки, старшина этихъ прикащиковъ ему отсовѣтовалъ это дѣлать, „Люди ваши станутъ тогда походитъ на солдатъ", сказалъ онъ, „а въ солдаты ни одинъ порядочный китаецъ не пойдетъ и они разойдутся". А если бы по-

рядочные китайцы поняли, что для того, чтобы отстоять свое отечество отъ враговъ имъ нужны солдаты и офицеры и что никакое оружіе не спасетъ ихъ, если они сами не будутъ храбры— трудно было бы съ ними тягаться... Но китайцы не знаютъ, что такое любовь къ отечеству, самаго слово „отечество" нѣтъ на ихъ языкѣ. Ихъ спаяло на минуту изувѣрское ученіе большого кулака они повѣрили ему и пошли сражаться. На долю русскихъ, именно на долю героевъ Таку и Тянь-Цзиня, выпало разувѣрить ихъ въ этомъ и они разувѣрили...

Но легко-ли это далось?..

Вотъ здѣсь я слышу простой разсказъ о дѣйствіяхъ подъ Тянь-Цзинемъ, часа четыре передъ тѣмъ я видѣлъ суроваго на видъ человѣка, обожаемаго начальника, который сидя на холмѣ подъ пекинскими стѣнами и осыпаемый пулями, говорилъ своимъ адъютантамъ — „не подходите близко — еще убьютъ"—будто его одного не могли убить! Полковникъ Антюковъ не послушалъ его, подошелъ... и былъ убитъ. Здѣсь я вижу ту силу, которая сломила колдовство боксеровъ, — необыкновенную нравственную силу русскаго солдата и офицера...

И, когда позднею ночью я вышелъ на улицу, и два часовыхъ замерли у денежнаго ящика и повернули голову ко мнѣ, какую выправку я увидалъ! Полную достоинства, горделивую выправку русскаго солдата. Во всемъ виднѣлся одинъ глазъ, глазъ, проникавшій въ самую глубь полкового дѣла и понимавшій, что на далекой окраинѣ фронтъ и строй, извѣстное военное щегольство въ одеждѣ еще нужнѣе, чѣмъ въ столицахъ.

Въ офицерскомъ собраніи я нашелъ тѣ же газеты и журналы, что и въ Барабашѣ, и отчасти тѣ же заботы о предстоящемъ любительскомъ спектаклѣ. Тоже „*7-е сентября*" на газетахъ преслѣдовало меня, хотя уже было *29-е октября*; газеты, письма идутъ непозволительно долго и это главная бѣда, главный недостатокъ окраинъ. Почта не поспѣваетъ, почта не налажена, почта весьма неаккуратна...

Нингута 9 ноября 1901 года.

XXIII.

Въ Нингутѣ.

„Манчжурка".—Приспособленные вагоны.—Тупики.—На Хайлинскомъ этапѣ.—Въ долинѣ р. Мудан-дзяни.—Обиліе фазановъ.—Нингута.—Казармы Нингутинскаго гарнизона.—Отношенія между китайцами и русскими.—Слухи о хунхузахъ.—На именинахъ у Нингутинской фудутунши.—Театральное представленіе. — Опера. — Драма. — Оперетка. — Китайскій обѣдъ. — Внутренняя жизнь китайской семьи. — Выводы.

И вотъ я опять на „*манчжуркѣ*". Да проститъ мнѣ китайская восточная желѣзная дорога, что я ее такъ непочтительно называю, но vox populi—vox Dei, а тутъ ее иначе не называютъ. Все въ ней такъ особенно и своеобразно, что право и названіе ей должно быть подходящее, особенное. 29-го октября она праздновала окончаніе пути, давно ожидавшуюся хинганскую смычку, потомъ было крушеніе, потомъ выслали росписаніе и въ газетахъ прошелъ слухъ, что движеніе открыто и публика повалила. Но газетные репортеры забыли добавить, что движеніе открыто въ

„приспособленныхъ“ вагонахъ и по росписанію, регулируемому машинистомъ купно съ начальникомъ станціи. *„Приспособленный“* вагонъ — это обыкновенный товарный вагонъ, въ которомъ по краямъ и посерединѣ сдѣланы простыя скамьи, а въ углу поставлена желѣзная печка, да сдѣлано по два окна въ продольныхъ стѣнахъ. Снаружи вагонъ покрашенъ въ зеленую или желтую краску, для отличія классовъ; вотъ и всѣ приспособленія.

Боже мой, какъ ропщете вы, когда на тридцатиминутномъ переѣздѣ изъ Петербурга въ Красное Село вы не найдете мѣста и простоите на платформѣ. А тутъ въ такомъ *„приспособленномъ“* вагонѣ ѣдутъ двое, трое, семеро сутокъ. И за то спасибо! А какъ ворчите вы, когда поѣздъ опоздаетъ на десять минутъ или простоитъ двѣ лишнія минуты на станціи. Вы и въ окно высовываетесь, и гнѣвно вопрошаете: „чего мы стоимъ?“ „зачѣмъ дѣло стало...“ А тутъ опаздываютъ на сутки, стоятъ въ Мурени полдня, почему — неизвѣстно, черезъ тридцать верстъ въ Пилинхо берутъ дрова, еще черезъ тридцать въ Таймоґоу раскачиваются, чтобы пролѣзть по тупикамъ и спуститься съ горъ въ долину р. Мудандзяни, а спустившись отдыхаютъ въ Модаши часа три. Въ Хайлинѣ вы просите, чтобы отцѣпили данный вамъ изъ любезности вагонъ уссурійской дороги, грозите скандаломъ, вамъ предлагаютъ выгрузить ваши вещи, даютъ черезъ полминуты свистокъ и укатываютъ чужой вагонъ въ Харбинъ, потому что онъ кому-то понадобился. По *„манчжуркѣ“* царитъ произволъ. Ничего нѣтъ вѣрнаго и точнаго, вы не знаете, къ кому вамъ обратиться за помощью... То васъ везутъ въ отдѣльномъ салонѣ, ухаживаютъ за вами — это тогда, когда вы просили кого-нибудь наверху, или нашли знакомаго; то предлагаютъ возсѣсть на платформу и въ морозную ночь любоваться синимъ небомъ и кроткимъ сіяніемъ звѣздъ, это тогда, когда вы ѣдете простымъ пассажиромъ, никому невѣдомымъ офицеромъ русской службы.

На *„манчжуркѣ“* на горы ползутъ по тупикамъ. Поднимутся по скату саженей на десять, остановятся, переведутъ стрѣлки и ползутъ назадъ, поднимаясь еще выше. Тупиковъ много. Тупики на Хинганѣ, у Пограничной и у Таймогоу. На Хинганѣ переваливаютъ Хинганскія горы, у Пограничной поднимаются на Кентейскій хребетъ (горы Ляо-линъ), у Таймогоу спускаются съ него. Говорятъ, эти тупики чисто россійская выдумка; нельзя не отдать справедливости, они очень остроумны, но не безопасны. Страшно смотрѣть, какъ вагонъ катится внизъ по уклону къ концу рельсовъ. Тамъ на концѣ поставленъ барьеръ,

виситъ красный фонарь и за нимъ обрывъ саженей на тридцать въ каменистую пропасть. А если не остановитъ или оборвется? Что такое барьеръ для вагоновъ съ паровозомъ — соломинка, — легкій трескъ и вы посыпетесь внизъ по уклону градусовъ въ 60. Говорятъ и сыпались. Но вотъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фонаря поѣздъ останавливается, слышенъ протяжный унылый звукъ сигнальнаго рожка стрѣлочника, толчокъ и вы катитесь еще внизъ теперь паровозомъ впередъ. И такъ разъ до десяти, пока не окажетесь въ долинѣ.

Зато какъ красиво снизу смотрѣть на гору, по которой зигзагомъ вьется желѣзный путь. Гдѣ-нибудь на полугорѣ пыхтя идетъ паровозъ, карабкаясь выше и выше и то теряясь между деревьевъ лѣса, то появляясь на открытомъ мѣстѣ. Наверху онъ совсѣмъ, какъ игрушка.

За Пограничной—Манчжурія имѣетъ суровый видъ. Густые лѣса покрыли крутыя горы. Много сосенъ и елей, много гущизны отъ нихъ въ глухомъ бору. Тутъ въ глуши, въ землянкахъ, вмѣстѣ съ горными орлами и козами ютятся и хунхузы. По желѣзнодорожной линіи здѣсь больше благоустройства, чѣмъ на востокѣ за Харбиномъ. Станціи окружены постройками изъ кирпича, сотни охранной стражи имѣютъ конюшни и кое-какія помѣщенія. Станція Мурень — это цѣлый русскій городокъ съ кирпичными домами, изящнымъ паромомъ черезъ рѣчку Мурень, павильономъ среди парка и дорогами, красиво бѣгущими отъ одной группы домовъ къ другой. По мѣрѣ того, какъ путь спускается къ долинѣ Мудандзяни, горы становятся утесистѣе, фигурнѣе, красивѣе, мѣстность гуще населена китайцами.

Мнѣ хотѣлось посѣтить г. Нингуту и для этого я слѣзъ на ст. Хайлинъ. Отъ Хайлина до Нингуты — 27 верстъ. По росписанію поѣздъ приходилъ въ Хайлинъ въ 3 ч. 46 мин. пополудни, но мы прибыли въ началѣ десятаго часа вечера. Это было 8-го ноября, въ михайловъ день, а машиниста, кажется, звали Михаиломъ, или начальники станцій по пути были Михаилы, только мы очень долго стояли на каждой остановкѣ.

Итакъ морозною ночью я вылѣзъ на песчаную насыпь и мрачно посматривалъ то на свои вьюки, то на свѣтившіяся огнями невдалекѣ низенькія землянки. Увидавъ дежурнаго по станціи казака я подозвалъ его.

— Послушай, станичникъ, гдѣ бы мнѣ переночевать, спросилъ я его.

— Однако, ваше благородіе, тутъ есть этапъ и комната для проѣзжающихъ офицеровъ,—отвѣчалъ казакъ.

— А ну-ка, братецъ, какъ-бы мнѣ туда попасть.

— Отчего не попасть, извольте.—Онъ крикнулъ товарищей, они похватали мои вещи и потащили между дровъ куда-то внизъ, въ пустыню, къ свѣтящемуся вдали огоньку.

Минутъ черезъ пять мы очутились возлѣ небольшой землянки съ окнами въ уровень съ землею. Бравый унтеръ-офицеръ стрѣлковаго полка меня встрѣтилъ. Начальникъ этапа уѣхалъ на полковой праздникъ въ гор. Нингуту и онъ остался на этапѣ.

— Что, можно здѣсь переночевать? спросилъ я.

— Оно можно,—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ,—только *мало-мало* погодите, я узнаю. Тамъ барыня одна ночуетъ.

— Барыня? удивился я.

— Такъ точно. Изъ Владивостока ѣдутъ къ мужу.

Онъ исчезъ въ землянкѣ и черезъ минуту вернулся.

— Пожалуйте! — сказалъ онъ. Дверь растворилась, меня обдало свѣтомъ — передо мною въ свѣтло-сѣрой черкескѣ при кинжалѣ и револьверѣ сидѣла госпожа К.

— Положительно насъ судьба сталкиваетъ съ вами, воскликнула она.—Вы куда.

— Въ Нингуту и вѣроятно далѣе, въ Гиринъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ и прекрасно. Одна, я-бы побоялась ѣхать этимъ путемъ на Гиринъ, а съ вами—мы отлично доѣдемъ. Кстати, за вами уже прислали лошадей изъ Нингуты отъ Амурскаго полка.

Мы напились чаю, она осталась въ комнатѣ для офицеровъ, а я, скрѣпя сердце, улегся въ кухнѣ въ компаніи со стѣснявшимся меня необыкновенно деликатнымъ унтеръ-офицеромъ и развязнымъ, подвыпившимъ по случаю праздника, деньщикомъ.

На утро мы выѣхали. Было свѣжо, градуса 4 мороза, но на солнцѣ тепло. Дорога вилась по долинѣ р. Мудандзяни между двухъ высокихъ хребтовъ—Ляо-линъ и Чан-лин-цза. То и дѣло попадались китайскія деревушки и подлѣ каждой непремѣнно была маленькая кумирня величиной въ аршинъ, словно игрушка, стоявшая гдѣ-либо въ кустахъ, на утесѣ, на скатѣ горы, но непремѣнно въ тихомъ красивомъ, наводящемъ на раздумье уголкѣ. Въ этомъ отношеніи китайцы большіе поэты и любители красоты.

Возлѣ деревень шли полосы обработанныхъ полей съ остатками пучковъ чумизной соломы. На этихъ поляхъ... Вы не повѣрите, да и я не вѣрилъ, когда мнѣ это разсказывали, не вѣрилъ, пока не увидалъ самъ, — на этихъ поляхъ, какъ у насъ грачи

осенью, бродили и перелетали чудные фазаны. Вотъ четыре пѣтуха, поднявъ кверху зеленоватые хвосты, быстро бѣгутъ отъ насъ, переливая огненно красными грудями, бѣлой шейкой и зеленой спиною, вотъ двѣ самки, сѣрыя, бѣдныя опереніемъ низко летятъ надъ полями, вотъ цѣлое стадо ихъ, штукъ двадцать, копошится въ межахъ. Ихъ до противнаго много. Въ Бухату мы находили ихъ съ собакой, въ Фулярди мы массу настрѣляли безъ собаки, но здѣсь охотиться, стрѣлять было-бы противно, такъ ихъ было много и такъ они мало были напуганы — тутъ охотиться было все равно, что охотиться въ своемъ птичникѣ...

Мы ѣхали перемѣнными аллюрами часа три. Все время по дорогѣ попадались намъ китайскія арбы, запряженныя то быками, то мулами, то ослами и лошадьми, то и тѣми, и другими, и третьими вмѣстѣ. На арбахъ лежали снопы или сидѣли кучей китайцы. Попадались и пѣшеходы съ прямыми коромыслами, на которыхъ висѣли коробки и корзинки со всякими припасами. Одни шли изъ города, сдѣлавъ закупки, или, напротивъ, распродавъ деревенскій товаръ, другіе ѣхали въ городъ на куплю и продажу. Смуглыя и грязныя, не такъ смуглыя, какъ грязныя лица, косые глаза, шапки съ лисьими наушниками, курмы съ заплатами и новыя синія, косы длинныя и косы короткія, попадались то и дѣло и давали знать, что мы углубляемся въ настоящій Китай.

И вотъ вдали, на берегу блестящей синимъ льдомъ рѣки, показалась безпорядочная куча сѣрыхъ домовъ, нѣсколько густыхъ елокъ у кумирень посерединѣ и сѣрые унылые деревянные заборы.

— Что это? спросилъ я у казака.

— А это и есть самая Нингута̀, ваше благородіе, отвѣчалъ бравый амурецъ.

Ни крѣпостной стѣны, ни круглыхъ башенъ съ зубцами, ни фигурныхъ воротъ, какъ то было въ Цицикарѣ. Городъ походилъ скорѣе на большую деревню. Въ него въѣзжаешь сразу. Только что было еще чумизное поле, кумирня съ елками, кладбище и вотъ заборъ, тѣсная улица, китайскія лавчонки, толкотня, шумъ, крикъ и китайская вонь. Лавки меньше и бѣднѣе, чѣмъ въ Цицикарѣ, не видно пестрыхъ вывѣсокъ, длинныхъ лентъ новогоднихъ пожеланій, но за то есть масляные и довольно частые фонари. Торгуютъ тѣмъ же, чѣмъ и въ Цицикарѣ: зеленью, мясомъ, мундштучками, соломенными матами, морской капустой, всякою снѣдью. Но тутъ, среди толпы, иногда увидишь китайца,

въ черной курмѣ, обшитой по краямъ и кругомъ рукавовъ желтою лентой и съ кругами нашитыми на груди и на спинѣ съ китайскими надписями — это китайскіе солдаты. Русское правительство разрѣшило фудутуну держать пѣшихъ и конныхъ солдатъ въ Нингутѣ и по деревнямъ для охраны отъ хунхузовъ, которыми кишитъ вся эта страна. Отъ главной улицы бѣгутъ вправо и влѣво переулки, тѣсные, смрадные, полные людей, телѣгъ, лошадей и муловъ. Лошади здѣсь уже другой породы, нежели въ Манчжуріи, онѣ мельче, круглѣе, не такъ лохматы и мохнаты, какъ лошади хей-лунь-цзяньской провинціи, почти всѣ бѣлой масти. Китайцы имъ коротко, ершикомъ подстригаютъ гривы и чолки, отчего онѣ имѣютъ опрятный и немного кокетливый видъ. Въ глубинѣ переулковъ попадаются китаянки. Всѣ онѣ набѣлены и нарумянены, носятъ волосы туго зачесанные назадъ и зашпиленные изящными рѣзными серебрянными булавками. У многихъ въ волосы вставлены искусственные цвѣты, которые пучками торчатъ надъ ушами. Порядокъ на улицѣ полный. Китайцы почтительно даютъ вамъ дорогу, если вы обгоняете и китаецъ васъ не видитъ, то ему кто либо указываетъ и онъ сторонится. Многіе ласково улыбаются, кланяются и говорятъ „*здраствуй*". Вотъ три мальчишки, и увѣряю васъ, прехорошенькіе, забавно вытянулись во фронтъ, приложили руки къ краю ватной шапчонки и хохочутъ вамъ въ лицо. Это наши солдаты ихъ такъ научили.

А вотъ и сами солдаты. У воротъ съ шестомъ и русскимъ флагомъ стоитъ часовой, дальше еще шесть, еще и еще — вся набережная р. Мудандзяни, на которой были лучшія фанзы, дома фудутуна, кумирни занята нашими войсками. Здѣсь стоятъ три сотни Амурскаго казачьяго полка, баталіонъ 18-го Восточно-Сибирскаго полка, 7-й полевой госпиталь и три конногорныхъ взвода. Какъ то они устроились въ этихъ маленькихъ сѣренькихъ фанзахъ?

А что же — насколько можно — прекрасно. И тепло, и просторно.

Войскамъ, расквартированнымъ въ Манчжуріи, много приходилось тратить силъ, энергіи, времени и денегъ на то, чтобы устраиваться. Только что устроятся полки гдѣ-нибудь въ Тунгинчинѣ, ихъ переводили въ Гиринъ, изъ Гирина двигали въ Омосо или Нингуту. До 8-го сентября въ Нингутѣ стояли приморскіе драгуны, теперь пришли амурскіе казаки, былъ одинъ стрѣлковый полкъ, пришелъ другой. Одни принимаютъ отъ дру-

гихъ не конченную работу и по чужому плану передѣлываютъ ее вновь. Пѣхотѣ легче. У нея и людей больше, и мастерового люда больше въ нее попадаетъ. Вонъ въ восемнадцатомъ полку есть не только плотники, слесаря и каменьщики, но есть часовыхъ дѣлъ мастеръ и... клоунъ, настоящій клоунъ изъ цирка Соломонскаго. А въ такой глуши, какъ Манчжурія—клоунъ находка. Въ кавалеріи и у казаковъ эскадроны и сотни иногда не насчитываютъ сорока человѣкъ, столько народа въ командировкѣ; мастеровыхъ меньше, времени меньше, а работы больше—потому лошади двухъ сотенъ пока... пока стоятъ на коновязяхъ и днемъ, и ночью. А вѣдь лошади дорогія, по 200 рублей иныя плочены и не дешевле 120—130 рублей. Положимъ, въ Россіи за двухсотъ-рублевую и сорока-бы не дали, положимъ, всѣ онѣ мохнатыя, какъ медвѣди, съ густыми гривами и всклокоченными хвостами, но и имъ бѣдняжкамъ, по ночамъ, я думаю, тяжело. Казаки заняли двѣ кумирни. Тамъ, гдѣ стояли идолы, пришлось выровнять полъ, переднюю стѣнку, обыкновенно створчатую, сдѣлать вновь, вложить въ нее раму со стеклами, поставить печи, устроить нары. Въ сосѣдней фанзѣ, жилищѣ бонзъ стали лошади и лукаво смотрятъ изъ-за рѣзныхъ рѣшетокъ на свѣтъ божій. Тѣ сотни, что устраивались въ фанзахъ, имѣли еще больше работы. Чтобы комната приняла опрятный, жилой, казарменный видъ, нужно было выломать каны. Положимъ, каны давали тепло, сушили фанзу, но не въ русскомъ духѣ поджариваться на канѣ, когда кругомъ холодно, многіе каны дымили, да и мѣста много занимали, а его и такъ небогато въ фанзѣ. И вотъ каны сломали, поставили вмѣсто нихъ нары, по стѣнамъ повѣсили лубочныя картины: „взятіе Эхо“, „штурмъ Пекина“ и каррикатуры на Китай московскаго производства. Ружья и шашки составили въ пирамиды, сложили сѣдла — словомъ устроились хоть куда. У стрѣлковъ подѣлали даже деревянныя постели, а вмѣсто ставень для тепла снаружи оконъ подвѣсили толстые соломенные, зашитые въ холстъ маты. Одна бѣда: фанзы маленькія — больше 30—40 человѣкъ не умѣстишь въ самую большую, вотъ и приходится разбивать роты не только по взводамъ, но и по отдѣленіямъ. Сколько отъ этого лишней работы, лишней траты на освѣщеніе и отопленіе и, наконецъ, лишняго наряда дневальныхъ.

Подойдешь къ узорнымъ пагодообразнымъ воротамъ китайской постройки, на воротахъ надпись по зеленой доскѣ бѣлыми буквами: „1-я рота 18-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка“, войдешь во дворъ, вотъ стѣнка отъ злого духа, вотъ панели

прямо въ фанзу, направо и налѣво въ двѣ малыя постройки. Китайскій дворъ... Вотъ-вотъ выглянетъ изъ дверей китаянка или китаецъ выйдетъ, почесываясь, но нѣтъ. Окна въ фанзахъ со стеклами, двери плотныя, безъ створокъ, надъ дверьми вывѣски — „первая полурота“, „вторая“, „кухня“, „канцелярія“, „баня“... На дворѣ поставлена гимнастика и подъ руководствомъ офицера идетъ оживленная чехарда. На кухнѣ уже готовы вкусныя щи и парится прекрасная гречневая каша. Вообще въ отношенія пищи войска довольны. Мясо дешево, овощи можно достать почти повсемѣстно, много рыбы и дичи для разнообразія солдатскаго стола.

Кругомъ казармъ-фанзъ кипитъ китайская жизнь. На одномъ дворѣ съ начальникомъ гарнизона, командиромъ Амурскаго полка полковникомъ Печенкинымъ живетъ вдова бывшаго нингутинскаго фудутуна—степенная старушка-китаянка, рядомъ съ госпиталемъ—дворъ фудутуна, а дальше 3-я рота. Между жителями установились дружескія отношенія, вотъ китаецъ навѣсилъ русскую вывѣску на рынкѣ, вотъ и Чуринъ, проникшій и сюда, повѣсилъ доску съ китайскими письменами. Сліяніе націй, столь отличныхъ одна отъ другой, идетъ на почвѣ практической жизни, торговыхъ и иныхъ сосѣдскихъ сношеній. Въ Нингутѣ на берегу р. Мудандзяни стоитъ маленькая деревянная разборная церковь, въ ней аккуратно идутъ богослуженія, но священникъ нингутинскаго гарнизона не навязываетъ новой религіи заглохшему въ язычествѣ Китаю. Онъ не стучитъ въ запертыя двери, но ждетъ, когда эти двери откроются сами.

Солдаты, скрѣпя сердце, сдружились съ китайцами. Сначала они противны были русскому человѣку.

— Духъ отъ него нехорошій, говорили мнѣ стрѣлки про своихъ сосѣдей,—живетъ грязно, ѣстъ всякую мерзость,—но потомъ привыкли. Мало-по-малу между нашими солдатами установился и особенный русско-китайскій воляпюкъ, на которомъ они успѣшно ведутъ переговоры.

— Чумиза есть?—спрашиваетъ солдатъ у китайца.

— Есть; мало—мало, есть—говоритъ китаецъ.

— Чумиза кушъ-кушъ (т. е. для ѣды, а не для корма).

— Шанго чумиза,—говоритъ китаецъ.

— Чумиза капитанъ (офицерская, для собранія), поясняетъ солдатъ.—Шибко шанго чумиза.

— Шибко шанго, — говоритъ китаецъ и идетъ доставать зерно.

Кромѣ своего фудутуна у китайцевъ есть еще другой фудутунъ—полковникъ Печенкинъ. Въ случаѣ сложной тяжбы, какого-либо особаго происшествія китайцы идутъ къ нему за разъясненіями, съ просьбой, съ жалобой.

Мы только что вышли съ полковникомъ съ сотеннаго двора 1-й сотни, онъ же и дворъ кумирни, какъ на маленькомъ бѣломъ иноходцѣ, отвалившись корпусомъ назадъ, въ синей юбкѣ, черныхъ шароварахъ, желтой штофной курмѣ и круглой шапкѣ съ шарикомъ изъ шнурка, подкатилъ переводчикъ. Онъ медленно слѣзъ съ сѣдла, отдалъ лошадь молодому китайцу, сопровождавшему его и поклонился полковнику.

— Въ чѣмъ дѣло, фу-женъ? спросилъ полковникъ.

— Тутъ, господинъ полковникъ, дѣло есть. Пріѣхалъ одинъ человѣкъ изъ Тунгинчина, говоритъ: вчера наѣхали 150 хунхузовъ на ханшинный заводъ, увели пять человѣкъ въ плѣнъ, взяли скота, лошадей и ушли въ горы. Нашъ фудутунъ хочетъ отправить солдатъ, и проситъ, чтобы ваши помогли. Потому безъ вашихъ наши ночью боятся идти.

— Но зачѣмъ же я пошлю?—проговорилъ полковникъ.—Въ Тунгинчинѣ стоитъ взводъ драгунъ, навѣрно офицеръ уже началъ преслѣдованіе.

— Они, господинъ полковникъ ушли далеко въ горы, больше семидесяти пяти верстъ...

— Ну, тѣмъ болѣе я не могу послать никого, сказалъ полковникъ.

Хунхузамъ предложено добровольно сдаваться, обѣщано имъ прощеніе и плата отъ 50 коп. до 5 рублей за каждое сданное ружье. Но кому охота сдавать маузеровскія или двухлинейныя ружья за 5 рублей, когда рыночная цѣна имъ болѣе тридцати!..

Хунхузы знаютъ, что русскіе преслѣдуютъ ихъ лишь въ извѣстной полосѣ и въ этомъ пространствѣ не дѣйствуютъ, но кругомъ каждый день слышно объ ихъ подвигахъ.

— Еще фудутунъ проситъ дать его людямъ пропускъ, говоритъ переводчикъ.

— Пропускъ будетъ, отвѣчаетъ полковникъ и хочетъ идти дальше, но переводчикъ забѣгаетъ впередъ его и говоритъ:

— Еще фудутунъ проситъ васъ и супругу вашу на обѣдъ. Сегодня жена фудутуна именинница.

— Скажи фудутуну, что благодарю его, но быть у него не могу. У меня обѣдаютъ гости изъ Петербурга, говоритъ полковникъ.

— Хорошо, отвѣчаетъ переводчикъ и отстаетъ отъ насъ.

Здѣсь, въ Нингутѣ установились простыя дружескія отношенія и между властями. Фудутуну дано понять, что онъ фудутунъ надъ китайцами, но для русскихъ онъ только китаецъ. И, если русскій офицеръ заходитъ въ гости къ китайцу, то это уже большая честь для китайца. Китайцы оцѣнили это положеніе и остались имъ очень довольны. Они постепенно отбросили половину своихъ церемоній, перестали ломаться передъ русскими и стали стараться сблизиться съ нами... Что это за именины жены фудутуна? Какія могутъ быть именины у китайца? Очевидно, какой-то семейный праздникъ, который весьма будетъ украшенъ присутствіемъ русскаго полковника, не даромъ его такъ добиваются. Это уже третье приглашеніе къ нему сегодня.

— Что, лучше стало, когда русскіе тутъ—спрашиваю я у китайца.

— Шанго!—говоритъ китаецъ.—Русскихъ хунхузы боятся. Русскіе „ура“ кричатъ и идутъ, хунхузъ этого шибко боится. Торговать можно, можно землю работать спокойно. Спасибо Русскому Царю, что взялъ насъ себѣ въ охрану.

На то, что лучшія фанзы заняты солдатами, а въ кумирнѣ стоятъ лошади—житель не въ претензіи. Это въ порядкѣ вещей. Все равно пришли бы и китайскія войска они бы не стѣснялись. Китайцы сознаютъ, что русскія войска внесли съ собою порядокъ и чистоту, а главное напугали хунхузовъ.

А ими кишитъ Гиринская область. Отъ Нингуты по Мудандзяни весь трактъ на Омосо, Гиринъ, Куанчендзы и Мукденъ считается дѣйствительно небезопаснымъ. Здѣсь безъ солиднаго конвоя не ходятъ...

И такъ при мнѣ хунхузы напали на ханшинный заводъ у Тунгинчина, а на второй день моего пути я услыхалъ о томъ, что четвертый эскадронъ Приморскаго полка ходилъ въ экспедицію въ окрестности Эрчжана и что одинъ драгунъ раненъ въ руку, а эстандартъ-юнкеръ едва не попалъ въ плѣнъ.

Оружіе у хунхузовъ исключительно огнестрѣльное. Отъ кремневаго ружья, не такъ опаснаго для врага, какъ для стрѣлка, до фальконетовъ, спенсеровъ, хорошихъ маузеровскихъ ружей и двухлинейныхъ винтовокъ. Стрѣляютъ хунхузы весьма неважно...

Все это мнѣ разсказывали въ Нингутѣ, отговаривая меня ѣхать въ Гиринъ черезъ Омосо.

— А барынѣ, говорили стрѣлки госпожѣ К.—ни подъ какимъ видомъ нельзя тутъ ѣхать, это очень опасный путь.

— Вы поѣдете?—задорно сверкая глазами спросила меня К.

— Конечно, поѣду—отвѣчалъ я.

— И я съ вами!—воскликнула пѣвица...

Въ этотъ день мы завтракали у полковника Печенкина. За завтракомъ къ намъ опять пришелъ переводчикъ и передалъ приглашеніе фудутуна къ нему на обѣдъ.

— Можетъ быть и вы пойдете? спросилъ меня полковникъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, но, какъ мнѣ одѣться?

— А мы пойдемъ такъ, какъ мы есть, въ пальто и снимать его не будемъ. У нихъ въ фанзахъ холодно. Кстати вы посмотрите китайскій спектакль.

Дамы тоже пожелали идти, и часа въ два пополудни, мы, отправивъ дамъ съ переводчикомъ впередъ, въ коляскѣ полковника, пошли пѣшкомъ къ дворцу нингутинскаго фудутуна на праздникъ именинъ его супруги...

Не знаю сумѣю-ли я передать вамъ все то, чему я былъ свидѣтелемъ въ домѣ фудутуна, смогу-ли изобразить тотъ клочекъ жизни, который вдругъ открылся передо мной, найду-ли краски, чуждыя европейской палитрѣ, подыщу-ли штрихи и пятна? Слишкомъ своеобразно и своеобычно все это было, и не бѣдно ни аксесуарами, ни содержаніемъ, напротивъ, богато и тѣмъ и другимъ.

Привѣтствуемые хозяиномъ, въ золотисто желтой шелковой съ узорами курмѣ и шляпѣ съ блѣднорозовымъ шарикомъ и чернымъ перомъ у воротъ дома, мы переступили узорчатыя двери фанзы и вошли въ полутемную большую комнату. Вся фанза, обыкновенно у богатаго китайца состоящая изъ трехъ большихъ и двухъ маленькихъ комнатъ со стѣнами изъ рѣзныхъ рамъ, заклеенныхъ бумагою, была обращена теперь въ одинъ обширный залъ. Отъ бумажныхъ оконъ въ немъ было полутемно, особенно въ серединѣ, края же были ярко освѣщены сквозь стекла, вставленныя между бумагой. Вся середина была заставлена столиками и скамьями, на которыхъ сидѣли не богато, но чисто одѣтые люди въ синихъ юбкахъ и черныхъ курмахъ—купцы города Нингуты. Г-жу Печенкину, г-жу К., полковника и меня усадили въ первый уголъ возлѣ кана на невысокія табуретки съ квадратными подушками; съ нами сѣли фудутунъ и почетный гость его фудутунъ города Хунчуна и главный переводчикъ. Подлѣ вертѣлся и другой переводчикъ, менѣе богато одѣтый. Едва мы сѣли, какъ принесли круглый столъ и стали заставлять его различными яствами и питіями...

Прямо напротивъ, на противоположномъ канѣ, какъ на эстрадѣ шло представленіе. Декораціи не было. Ее замѣняли драпировки изъ малиноваго тонкаго шелка, повѣшенныя на задней стѣнѣ. Актеры въ маскахъ и шелковыхъ халатахъ толпились на канѣ. Всѣ они мужчины, даже и на женскихъ роляхъ. Когда мы пришли, шла опера, изображавшая смерть императора и торжественное восшествіе на престолъ его малолѣтняго сына. На первомъ планѣ стояла молодая китаянка въ пышныхъ шелковыхъ одеждахъ, шитыхъ шелками-же: это императрица. Актеръ, игравшій ее, былъ прекрасно загримированъ и такъ искусно подражалъ женскому голосу, что получалась полная иллюзія. И ноги его оканчивались маленькими ходулями по формѣ уродованныхъ ногъ китаянки. Такой костюмъ, какой былъ надѣтъ на немъ, въ Европѣ стоилъ-бы не одну сотню рублей. Его курма изъ чуднаго малиноваго шелка была въ широкихъ рукавахъ оторочена лиловыми полосами и вся расшита гладью пестрыми шелками самымъ причудливымъ узоромъ. Юбку съ разрѣзомъ, изъ-подъ котораго видна была другая юбка, тоже пестрая, тоже расшитая богатыми шелками. И прическа китаянки и серебряныя стрѣлы возлѣ ушей и пучки цвѣтовъ—все до послѣдней мелочи было правдиво у этого актера. На него пріятно было смотрѣть. Зато остальные, изображавшіе приближенныхъ и царедворцевъ, не менѣе богато одѣтые въ пестрые шелковые расшитые халаты, были въ ужасныхъ маскахъ. Отъ этихъ масокъ ихъ головы казались вдвое больше, чѣмъ онѣ были на дѣлѣ черныя и сѣдыя бороды и усы торчали страшными клочьями, набѣленныя и нарумяненныя маски выглядѣли не людскими, а масками какихъ-то страшилищъ...

Вправо и влѣво сидѣли музыканты. Они были бѣдно, даже грязно одѣты въ черныя лохмотья, такъ одѣты, какъ одѣваются бѣдные манзы. Направо сидѣлъ флейтистъ съ маленькой деревянной флейточкой, кларнетистъ съ длиннымъ чернымъ кларнетомъ и двое пилившихъ смычками по какимъ-то доскамъ съ натянутыми струнами,—нѣкоторомъ подобіи скрипокъ. Лѣвый уголъ былъ занятъ большими мѣдными тарелками и двумя китайцами, трещавшими маленькими сухими палочками на подобіе кастаньетъ. Этотъ трескъ раздавался непрерывно, то частый и бойкій, то медленный ритмичный, къ нему подстраивался кларнетъ, подсвистывала флейта и ныли скрипки. Подъ этотъ своеобразный оркестръ императрица разсказывала о своемъ горѣ. Она тянула грустную, переливистую, унылую однообразную мелодію, какъ плачъ, какъ скорбь, какъ тоску страдающаго сердца. Палочки били въ

ухо и усиливали раздраженіе слухового нерва, наполняли все ваше существо тоскою. Она кончила, взмахнула руками, вычурно повернулась и отошла назадъ. Тарелки ударили вмѣстѣ съ гонгомъ—„дзынь“—и на авансцену вышелъ старикъ съ жезломъ. Онъ говорилъ речитативомъ, что покойный императоръ вмѣстѣ съ жезломъ передалъ ему право установить на престолѣ маленькаго сына императора. И пока онъ говорилъ съ легкими завываніями на окончаніяхъ фразъ, палочки все отбивали тотъ-же мѣрный ровный ритмъ, а музыка стонала и плакала. Принесли младенца, завернутаго въ тряпки, подъ плачущій маршъ вошли солдаты въ золотистыхъ курмахъ, испещренныхъ надписями, и начали присягать. Хора нѣтъ въ этой оперѣ, да сколько я могъ замѣтить и вообще китайцы не знаютъ хорового пѣнія; мотивъ очень однообразный; во все время оперы, а она длилась больше часу,—онъ почти не измѣнился ни разу и надоѣлъ намъ чрезвычайно...

Опера приходила къ концу. Изящный китаецъ въ шапкѣ съ енотовыми отворотами, синемъ халатѣ и черной расшитой чернымъ выпуклымъ узоромъ курмѣ подошелъ къ намъ и подалъ три деревянныя дощечки, выкрашенныя въ красную краску и покрытыя китайскими письменами. Это былъ репертуаръ пьесъ, которыя артисты могутъ играть. Намъ было все равно, что ни играли-бы они, и мы передали ихъ хозяину, но хозяинъ непремѣнно настаивалъ, чтобы выбрали мы; мы обратились къ хунчунскому гостю, но и онъ хотѣлъ, чтобы это былъ нашъ выборъ. Оставалось ткнуть куда нибудь пальцемъ, наугадъ, что мы и сдѣлали. Фудутунъ прочелъ и засмѣялся, засмѣялся и переводчикъ— „вы хорошо выбрали“, сказалъ онъ—„это будетъ изображаться, какъ сынъ защищаетъ отца“.

Опера кончилась. Началась драма. Вышелъ актеръ загримированный старухой и роскошно, но не такъ богато одѣтый, какъ были одѣты актеры въ оперѣ, пришелъ старикъ въ уродливой маскѣ, и они стали бесѣдовать. Что они говорили осталось неизвѣстнымъ, потому что переводчикъ занялся обѣдомъ, и мы его не безпокоили, потому что трудно переводить быструю живую рѣчь. Но должно быть они говорили что либо смѣшное, потому что купцы временами дружно смѣялись. Пьеса кончилась, опять затрещали трещотки, засвистали флейты, забили тарелки и, окруженная пестрой свитой въ богатыхъ одеждахъ съ флагами и павлиньими перьями за плечами, вышла молодая китаянка.

— Это королева хунхузовъ—пояснилъ намъ переводчикъ.

— А, на злобу дня, подумали мы.

На сценѣ произошло маленькое сраженіе, махали саблями надъ головами и въ заключеніе схватили молодого китайца, связали ему руки назадъ и посадили въ кресло. Это плѣнникъ хунхузовъ. Его надо пытать, можетъ быть даже казнить, но онъ красивъ и королева хунхузовъ въ него влюбляется. Ея любви всячески препятствуетъ старикъ хунхузъ съ сѣдою бородою и въ черной маскѣ, одѣтый въ черное рубище. Тутъ какъ въ опереткѣ, то поютъ, то говорятъ. Королева поетъ гимнъ любви передъ плѣнникомъ, хунхузъ и плѣнникъ отвѣчаетъ ей безъ пѣнія, просто. И гимнъ любви грустенъ. Это почти жалоба, скучная, монотонная, безъ порыва, безъ страсти. Актеръ, играющій королеву, прекрасно говоритъ глазами о своей страсти, голосъ его нѣженъ, мелодиченъ, но пѣніе уныло и скучно...

Пока идетъ пьеса, намъ подаютъ обѣдъ. О! эти китайскіе обѣды! Начали со сластей. Тутъ были и пастила, и орѣхи въ сахарѣ, и медъ, и сушеные яблоки, и печенье — все болѣе или менѣе съѣдобное. Къ сластямъ подали чай, безъ сахара, въ прикрытыхъ чашками же чашкахъ. Ну, слава Богу, подумалъ я, этимъ и ограничимся. Нѣтъ, вотъ четверо слугъ, руководимые церемоніймейстеромъ, несутъ громадный подносъ, весь уставленный маленькими мисочками безъ ручекъ. Это похлебка. Отъ всего припахиваетъ бобовымъ масломъ и еще чѣмъ-то непріятнымъ. Намъ даютъ европейскій столовый приборъ, приносятъ и палочки. Мы только что сытно пообѣдали, а потому дамы на-отрѣзъ отказываются, мы хотимъ послѣдовать ихъ примѣру, но хозяинъ проситъ.

— Мы были у васъ, говоритъ онъ черезъ переводчика, кушали всѣ ваши блюда, просимъ васъ попробовать наши.

Нечего дѣлать, полковникъ вооружается ножомъ и вилкой, я политично беру палочки: ими меньше возьмешь.

— Вотъ морская трава, совѣтуетъ переводчикъ. Беру морскую траву. Точно вязига, только жесткая, и совершенно безъ вкуса,—вотъ это похлебка изъ свинины. Пробую и похлебку.

— „Шанго“! говорю я въ восторгѣ, и не могу прибавить по русски—„какая мерзость“—потому что тутъ сидитъ переводчикъ.

Фудутунъ въ упоеніи, онъ беретъ свои палочки и отваливаетъ мнѣ громадную порцію, но я не въ состояніи больше ѣсть.

А блюда несутъ еще и еще. Вотъ жареная курица съ рисомъ, баранина, свинина въ темномъ соусѣ, а это что за склизкіе куски

въ палецъ толщиною съ темными отростками на темной кожѣ и бѣловатой внутренностью?—А, это трепанги, морскіе черви.

Полковникъ храбро кладетъ себѣ трепанга на тарелку, „это мнѣ по зубамъ, по крайней мѣрѣ, „говоритъ онъ. Я пытаюсь отдѣлаться курицей, изжаренной на бобовомъ маслѣ, но это мнѣ не удается. Палочки фудутуна лѣзутъ въ миску, и цѣлый червь лежитъ у меня на тарелкѣ. Ничего не подѣлаешь — надо ѣсть. Безвкусно, прѣсно, по-просту говоря—гадко. Пора-бы кончать обѣдъ. Куда тутъ! Еще партія блюдъ. Ихъ уже и ставить некуда, весь столъ покрытъ мисками и мисочками, а тутъ несутъ еще партію. Это сладкое. Миндальное печенье въ видѣ сердечекъ, румяное и разсыпчатое, какія-то бѣлыя пышки, пирожное изъ муки, еще какія-то лепешечки, соусъ къ нимъ, — всего не перечтешь.

— Попробуйте, говоритъ мнѣ К., держа въ рукахъ миндальное печенье, превкусно.

Къ сладкому подаютъ двѣ наливки бр. Смирновыхъ въ Москвѣ—малороссійскую запеканку и вишневку и рюмки. И фудутуну, и его гостю изъ Хунчуна наливка нравится. Онъ придумываетъ игру, чтобы заставить и гостей выпить. Фудутуднъ беретъ орѣхъ въ руку и прячетъ. Потомъ подаетъ кулакъ кому-нибудь изъ сосѣдей. „Ю?“, лукаво спрашиваетъ онъ. Ему киваютъ головой и говорятъ по русски—нѣтъ. Онъ хохочетъ отъ восторга, что вы не угадали — есть, есть! говоритъ онъ по-русски, разжимая кулакъ. Вы должны чокнуться и выпить. Но ему и этого мало. Приносятъ игральныя кости. Сколько очковъ? онъ кидаетъ, потомъ считаетъ по кругу гостей и на какомъ гостѣ счетъ остановится тотъ долженъ выпить и самъ закинуть кости. Три раза выходитъ выпить женѣ командира полка. Фудутунъ счастливъ. Да и не онъ одинъ. Всѣмъ эта игра нравится. Вонъ и купцы и переводчики по сосѣдству слѣдятъ за костями, какъ онѣ упадутъ, кому выпить. И самому фудутуну досталось не разъ.

Но пора кончить. Отъ обѣда горько во рту, отъ трубочекъ, которыя покуриваютъ гости, кружится голова, въ ушахъ звонъ отъ треска палочекъ, ударовъ тарелокъ, пиликанья скрипокъ и монотоннаго пѣнія. Подъ предлогомъ, что мы хотимъ поздравить фудутуншу мы поднимаемся.—Помилуйте, говоритъ хозяинъ,—зачѣмъ вамъ безпокоиться, она сама къ вамъ выйдетъ.—Приходится остаться. Сквозь заднія двери приходятъ накрашенныя дѣти, три старушки въ богатыхъ халатахъ, нѣсколько китаянокъ, набѣленныхъ и нарумяненныхъ, съ булавками и цвѣтами въ волосахъ,

Барыни... Старыя смѣло, молодыя застѣнчиво протягиваютъ намъ руку и присѣдаютъ; красивы-ли онѣ?.. Трудно сказать. Слой бѣлилъ и румянъ такъ великъ, что нельзя опредѣлить подъ нимъ истиннаго вида лица. Волосы такъ туго зачесаны назадъ и такъ гладко приглажены къ черепу, что производятъ впечатлѣніе наклеенныхъ на куклу, да и сами онѣ похожи болѣе на куколъ. Ноги мало изуродованы. Говорятъ на сѣверѣ, въ Манчжуріи эта мода не такъ сильна. Онѣ высокаго роста. Сложены... Нельзя ничего сказать, потому что на нихъ широкіе халаты съ просторными рукавами, скрывающіе, и грудь и талію.

Мы настойчивы, мы хотимъ поздравить старушку у нея. Эта фанза, гдѣ мы были—пріемная, за нею лежитъ дворъ и на дворѣ стоитъ другая фанза, въ ней то, на теплыхъ канахъ, и течетъ жизнь китайца. Фудутунъ охотно ведетъ насъ туда. У входа красивыми пирамидами наставлены пышки и печенья, тарелки съ разною снѣдью и горятъ красныя витыя восковыя свѣчи. Это жертвоприношеніе предкамъ. Налѣво — пиръ кипитъ горою. Здѣсь на канахъ, поджавъ ноги, сидятъ толпы маленькихъ китайцевъ и китаянокъ. Передъ ними широкія квадратныя скамеечки, уставленныя мисочками. Слышно аппетитное чавканье, маленькія рожицы перемазаны ѣдою, палочки быстро работаютъ. Ихъ угощеніемъ завѣдуетъ жена сына фудутуна. Вотъ и она. Она сконфуженно присѣла и подала намъ руку. Какой пышный капотъ на ней, ручка маленькая, нѣжная, а лицо?.. Маска. Лицо вербнаго херувима глядѣло на меня. Тупо, съ весьма легкимъ любопытствомъ. Ну хоть-бы быстрый взглядъ, хоть-бы улыбка кокетства?! Нѣтъ, почти равнодушное лицо. Подъ краской даже не знаешь молода она, или нѣтъ. Но кажется очень молода. А мы, предводительствуемые дамами, идемъ впередъ. Вотъ кабинетъ фудутуна, квадратный столъ краснаго дерева, сухіе цвѣты на окнѣ подъ стеклянными колпаками, чашки, трубки, бумага.

По другую сторону фанзы въ маленькой комнатѣ его спальня. Мы и туда заглянули. Просторный матрацъ лежитъ на канѣ, въ головахъ подушки. Санъ-галліевская желѣзная печка нагрѣвала комнату...

Пора прощаться. Фудутунъ одѣлъ свою парадную шляпу и не смотря на холодъ проводилъ насъ до воротъ. Дамы сѣли въ коляску, а мы съ полковникомъ взгромоздились въ каретку фудутуна, запряженную муломъ и поѣхали домой. Когда мы уже садились, къ фудутуну подошелъ высокій мрачнаго вида здоровый китаецъ, одѣтый во все черное, два раза присѣлъ передъ

фудутуномъ и по нашему приложилъ правую руку къ своей шапкѣ—это офицеръ, начальникъ отряда, посылаемаго преслѣдовать хунхузовъ. Фудутунъ сказалъ ему что-то, офицеръ повернулся и вышелъ, его ждала лошадь и конный солдатъ...

Говорятъ, китайцы пережили свой вѣкъ и дряхлѣютъ въ младенческой старости. А не запоздали-ли они своимъ развитіемъ, не устремились-ли они на мелочи, потративъ на нихъ много времени и отстали отъ Европы?.. Да и далеко-ли они отстали? Давно-ли у насъ домашніе актеры были у помѣщиковъ, давно-ли перестали ходить раешники, да и теперь пожалуй еще ходятъ? Въ отдѣлкѣ мелочей китайцы превзошли насъ. Наша *петрушка* груба и неизящна, странствующіе артисты одѣты въ рубище, а тутъ всѣ въ богатыхъ и дорогихъ шанхайскихъ костюмахъ. Насъ поражаетъ ихъ опера и музыка—но можетъ быть и наша опера, лѣтъ двѣсти тому назадъ, была-бы также заунывна и тосклива. А этотъ пиръ съ именитымъ купечествомъ въ черныхъ курмахъ, этотъ гинекей съ дѣтьми, развѣ не похоже это на то, какъ въ старое время городничій давалъ пиръ въ честь своей супруги и звалъ купцовъ и горожанъ. Давно-ли наши дамы смѣшались съ мужчинами и ведутъ общій разговоръ? Да и смѣшались-ли? Не видимъ-ли мы и теперь сплошь да рядомъ, какъ половина стола, занята фраками и мундирами, а другая пестритъ шелками? И развѣ въ кабинетѣ не сидятъ за сигарами и ликерами мужчины въ то время, какъ дамы переговариваются по-сосѣдству въ гостиной или будуарѣ хозяйки? Европа уже стучится во всѣ двери въ Китай. Война втолкнула насильно въ Манчжурію русскія войска и вдругъ неожиданно и незамѣтно началось сліяніе. Сегодня смирновская наливка и представленіе женъ и дѣтей, завтра дѣйствія совмѣстно русскихъ и китайскихъ солдатъ противъ хунхузовъ—глядишь явилось уваженіе ребенка къ взрослому и началась дружба.

Кому у кого учиться? Терпѣливая земледѣльческая культура китайцевъ достойна подражанія. Нашъ сѣетъ съ руки полной пригоршней, китаецъ сыплетъ изъ особенной сѣялки съ соскомъ, нашъ боронитъ, у китайца ребенокъ босыми ноженками ходитъ сзади и утаптываетъ сѣмена, отъ того у китайца изъ зерна родится кустъ и изъ мѣшка, изъ котораго нашъ засѣетъ полдесятины, китаецъ засѣетъ ихъ пять, нашъ глядитъ и дивится. И китайцу русскіе нравятся. Прежде всего, какъ и въ Абиссиніи понравились китайцу наши военные врачи. Лѣчатъ, оперируютъ и вылѣчиваютъ. Потомъ и русскій солдатъ понравился. Ставятъ

наши свои печи, ломаютъ каны. „Не хорошо ломать каны“, — говоритъ китаецъ; — „безъ кана нельзя, твоя печь ничего не стоитъ“. Но смотритъ, — у русскаго съ печью тепло, у него съ каномъ—холодно, и задумывается. Войди сюда гарнизонами нѣмцы, англичане, французы, пошла-бы ломка, презрѣніе къ чужой расѣ, а вошли русскіе и идетъ сравненіе одной культуры съ другой, молчаливое, ненавязчивое. Хунхузы шлютъ письма по городамъ и селеніямъ, гдѣ стоятъ наши, что какъ только уйдутъ русскіе, они разорятъ эти мѣста. Сами хунхузы работаютъ на пользу симпатій къ русскимъ. Стоитъ идти одной нашей арбѣ съ конвоемъ, чтобы за ней пристроилось десять китайскихъ. Нашъ обозъ тянется на многія версты—такъ отягощенъ онъ китайцами, которые просятъ нашей охраны. Для манзы, т. е. для крестьянина-земледѣльца русскій солдатъ — защита, а не утѣснитель. Русскіе не занимали фанзъ, не покинутыхъ китайцами. Фудутунъ въ Нингутѣ и фудутунъ въ Цицикарѣ, попрежнему, живутъ въ своихъ дворцахъ, заняты дворцы лишь дзянь-дзюня Шеу, застрѣлившагося въ Цицикарѣ, и покойнаго нингутинскаго фудутуна.

Нингута, Эрчжанъ, Омосо.
10, 12 и 14 ноября 1901 г.

На привалѣ у Таладжана.

XXIV.

Черезъ Манчжурскія горы.

Пути на Гиринъ. Офицерскія жены—героини. Отъ Нингуты до Омосо. Въ Шалиджанѣ. Отголоски войны. Эрчжанъ. Омосо. Морозы и вѣтры. Этапъ Угозанъ—холостой и этапъ Ляфазанъ—женатый. Черезъ Джанъ-гуанъ-цай-линъ. Встрѣча съ китайскими солдатами. Эхо-мозанъ. Рѣка Сунгари. Гиринъ.

Отъ Нингуты на Гиринъ есть два пути. Или вернуться на Хайлинъ и по желѣзной дорогѣ ѣхать на Харбинъ, съ Харбина на Куанчендзы и оттуда около 150 верстъ на лошадяхъ въ Гиринъ, или по верховой дорогѣ ѣхать на Омосо и на Гиринъ—всего около 320 верстъ. Съ одной стороны была *Манчжурка* съ ея произволомъ, приспособленными вагонами и нелюбезными служащими, съ другой—этапы въ дымныхъ фанзахъ, хунхузы и животныя, хотя и не совсѣмъ справедливо, но все таки именуемыя верховыми лошадьми.

Я предпочелъ второе. Госпожа К* была того же мнѣнія и волей неволей мнѣ приходилось дней на шесть стать ея cavalier servant.

Можетъ быть вы удивитесь, какъ это дама ѣдетъ зимою пятьсотъ верстъ по неустроенной дорогѣ. Здѣсь это мало кого удивляетъ. Вчера на полковой двуколкѣ съ нянькой и двумя дѣтьми проѣхала г-жа В* къ мужу въ Омосо, черезъ недѣлю вмѣстѣ съ обозомъ поѣдетъ и госпожа С* въ телѣгѣ—туда же. Прочти мы про это въ англійскихъ газетахъ, узнай мы, что это бурскія женщины спѣшатъ устраивать хозяйство у своихъ мужей—мы умилились бы духомъ, мы можетъ быть, концертъ дали бы въ ихъ пользу, а вѣдь это наши... Это Вѣра Павловна, Любовь Семеновна, Анна Васильевна. Чего же тутъ восторгаться! Да и сами онѣ не видятъ въ этомъ геройства. Вотъ развѣ что верхомъ, этому здѣсь удивляются лихія стрѣлковыя дамы.

— „Ахъ, милочка, но вѣдь, *говорятъ*, это для насъ вредно. И лошади тутъ такія скверныя“, говорили К* и В*, и С*.

— Но вѣдь и трястись нѣсколько сутокъ по рытвинамъ и ухабамъ, по каменнымъ спускамъ и крутымъ подъемамъ! Какъ вы могли перенести все это? отвѣчала К*.

Взаимное удивленіе, а потомъ разговоръ о томъ, у кого есть коровы, почемъ мясо, фазаны и куры и гдѣ бы найти хорошаго толковаго „боя“ для услуги.

Для иностранцевъ такой путь героизмъ, для нашихъ дамъ это долгъ жены. А то мужъ растратится, сопьется, да еще, чего добраго заболѣетъ. А путь,—ce sont de пустяки, какъ здѣсь говорится.

Вотъ почему, хотя госпожу К* любезные стрѣлки и отговаривали ѣхать верхомъ и пугали хунхузами, но отпустили, какъ вчера отпустили госпожу В*, а завтра проводятъ и С*...

На то и Манчжурія.

Итакъ, 10-го ноября, въ морозное и вѣтряное утро, на лошадяхъ амурскаго полка и съ конвоемъ изъ трехъ казаковъ, напутствуемые благими пожеланіями полковника Печенкина, мы выступили изъ Нингуты.

Довольно хорошая дорога вилась между полей чумизы: изрѣдка были деревни, манзы глазѣли на насъ, попадались встрѣчные люди, китайскіе обозы на арбахъ, а въ общемъ все было тоже, что и до Нингуты...

То же обиліе фазановъ въ поляхъ, тѣ же манзы и грубыя

манзовскія двуколки. На полпути мы увидали одинокую фанзу и надъ нею русскій флагъ.

— Это первый станокъ—сказалъ мнѣ казакъ—Лончагоу, угодно будетъ закусить?

Но было еще рано и мы поѣхали дальше. Около двухъ часовъ пополудни мы увидали манежъ изъ навоза, безъ крыши, деревушку, русскіе флаги надъ фанзами и остановились у перваго этапа—Шалиджана. Здѣсь на просторномъ дворѣ въ фанзахъ богатаго китайца стоялъ эскадронъ Приморскаго полка.

Эскадронный командиръ, молодой ротмистръ, встрѣтилъ насъ съ распростертыми объятіями.

— Такъ это вы!—воскликнулъ онъ,—а я получилъ приказаніе заготовить для васъ и для барыни лошадей, и голову ломалъ кто такой ѣдетъ...

— Вотъ, съ войны здѣсь... Одичалъ. Тоскливо тутъ, если бы не дѣло—все бы бросилъ. Дѣло выручаетъ. Вы нашу школу знаете! И тутъ, какъ въ Петергофѣ отъ мундштучной цѣпки до сапога—чистота. Э, да что вспоминать! Ну, что Ш. все скачетъ? И все на „Шасерѣ". А К. уставы пишетъ? Какія новости у насъ въ Петербургѣ. Вѣдь ничего не знаешь!..

И полилась бесѣда. Вы знаете, конечно, эти разговоры о выѣздкѣ лошадей, о тѣлахъ, о закормкѣ, объ экспедиціяхъ, о ночлегахъ недѣлями въ лѣсу, о нашихъ молодцахъ солдатахъ.

...Большая шайка хунхузовъ спряталась въ фанзахъ. Ихъ нужно было выбить. Охотники залегли позади, наши драгуны подошли къ фанзамъ. „Ваше высокоблагородіе дозвольте въ фанзу дойти"—просится одинъ, другой,—а это почти на смерть. Я не пустилъ ихъ. Мы зажгли крышу и хунхузы выбѣжали въ ворота. Наши люди совсѣмъ не боятся ихъ... Вотъ на уборку сибиряковъ не выгонишь. Увѣряли меня, что лошадь отъ чистки запаршивѣетъ...

Потомъ опять мы вспомнили Маріинскій театръ, тепло и свѣтъ въ зрительномъ залѣ и живительные звуки оркестра.

— Когда-то я тамъ буду! вздохнулъ ротмистръ. Молодой подполковникъ, ѣхавшій въ Омосо и ночевавшій у командира эскадрона и тоже бывшій гвардеецъ, вздохнулъ въ унисонъ...

— А всетаки здѣсь хорошо!—воскликнулъ ротмистръ.—Здѣсь кипитъ истинно боевая жизнь. Ахъ, оставайтесь на завтра, послушаемъ пѣсенниковъ, лошадокъ посмотримъ... Право?.. Нѣтъ, вы посмотрите, какая прелесть!..

Онъ вывелъ меня изъ фанзы. Лунная ночь была тепла. Мяг-

кій, молочный свѣтъ обливалъ весь дворъ, причудливыя ворота, крыши фанзъ и бумажныя окна. Пестрая компанія манзовскихъ лошадей, отбитыхъ у хунхузовъ, мирно жевала на коновязи чумизную солому. Въ углу пѣла кавалерійская труба. Тамъ строился на зорю полуэскадронъ. Люди въ полушубкахъ съ медалями, многіе съ георгіевскими крестами на груди, становились въ шеренги. И вотъ запѣли молитву. Сколько силы, сколько смысла было въ простыхъ словахъ нашей молитвы. Кончилъ хоръ „Отче нашъ". Высокимъ фальцетомъ вывелъ унтеръ-офицеръ „Спаси Го-споди люди Твоя"—„и благослови достояніе Твое" подхватилъ хоръ.

Грянулъ отбой, и люди пошли поить на ночь коней. И въ лунномъ свѣтѣ проходили крупныя гнѣдыя драгунскія лошади, слышался звонъ шпоръ и грубо ласковые оклики...

И видѣлъ я на тѣсномъ дворѣ ряды коновязей, сѣдла и потники, сложенные подъ брезентами, всю тяжелую обстановку кавалерійскаго квартиробивака.

— И давно вы такъ стоите?—спросилъ я.

— Съ 6-го сентября.

— А долго будете стоять?

— Сами не знаемъ. Со дня на день ожидаемъ, что прикажутъ идти назадъ въ Раздольное.

Мы вернулись въ фанзу. К. хлопотала за чаемъ, подполковникъ, укладывалъ свои вещи.

Послѣ чая, К* улеглась въ комнатѣ хозяина, а мы трое рядомъ. И долго между нами за рюмкой коньяка шла дружная бесѣда...

На другой день намъ предстоялъ небольшой переходъ всего 35 верстъ, по очень тяжелой горной дорогѣ. Подъемы и спуски, безконечный переходъ черезъ базальтовую долину, который пришлось сдѣлать пѣшкомъ, насъ истомилъ. Камни. Черные ноздреватые камни кругомъ. Словно черти играли въ мячъ. Ни повозка, ни что тутъ не проѣдетъ, однѣ наши двуколки, отчаянно сотрясаясь, движутся, прыгая по каменьямъ. На-дняхъ тутъ проѣхалъ начальникъ края генералъ Гродековъ, можно удивляться, какъ тарантасъ не разбился на этой дорогѣ. За базальтовой долиной безконечный подъемъ, спускъ и чудная долина Эрчжана.

— Совсѣмъ Крымъ, говоритъ К*, только моря, нѣтъ.

Дорога лѣпится по горному карнизу. Крутыя скалы и обрывы, кусты и въ кустахъ рѣка. На солнцѣ жарко до духоты, небо Манчжуріи,—а почему не Италіи? вѣдь мы на 44° сѣверной

широты, на одной высотѣ съ Генуей, Миланомъ... Темносинее небо Италіи надъ нами, ни облачка, ни вѣтерка. Полною грудью вдыхаешь воздухъ и не надышешься... Въ долинѣ, утопая въ кустахъ, стоитъ деревушка Эрчжанъ—гнѣздо хунхузовъ. Надъ фанзой переводчика колышется русскій флагъ—тамъ нашъ ночлегъ.

Переводчика... Не подумайте, что русскаго. Здѣшній переводчикъ умѣетъ говорить только на русско-китайскомъ воляпюкѣ. „Чумиза кушъ-кушъ-ю?“, „мало-мало сыпи“, „капитанъ покой нуженъ, манза цуба“—вотъ и все...

Затопили дымные каны. Маленькій стрѣлокъ Митинъ сварилъ намъ изъ убитаго мною фазана супъ и кашу изъ чумизы, мы пообѣдали, заѣли чудными консервами изъ американскихъ фруктовъ, устроили К* въ дальнемъ помѣщеніи фанзы на канѣ, а сами подъ бумажнымъ окномъ заснули мертвымъ сномъ; хунхузы,—которые, говорятъ, бродятъ въ пятнадцати верстахъ отъ Эрчжана на озерѣ Нанхуту,—намъ и не снились...

Въ 5-ть часовъ утра мы были уже на ногахъ, въ 7-мь на коняхъ. Переходъ длинный—шестьдесятъ верстъ. Первые тридцать верстъ дорога идетъ съ горы на гору, переваливаетъ черезъ хребты, въ низкихъ мѣстахъ она затоплена водою, теперь эта вода замерзла и лошади падаютъ на льду. Горы покрыты таежнымъ лѣсомъ, мѣста глухія и унылыя... Но яркое солнце глядитъ съ безоблачнаго неба и пустыня веселѣе и безлюдный дикій край, сопки, утесы и горы не такъ безотрадны. На полъпути, въ деревушкѣ Талачжанъ мы дѣлаемъ привалъ, пьемъ чай, ѣдимъ фазана и снова въ путь. Теперь дорога ровная. Спуски и подъемы не велики и не круты. Кругомъ просторныя желтыя степи и безконечно красивъ ихъ широкій кругозоръ. Сухія травы пестры метелками ковыля и камыша. Словно нивы лѣтомъ онѣ колышатся подъ шаловливымъ вѣтеркомъ. Вотъ лѣсной островъ преградилъ дорогу и снова степь на много верстъ. На горизонтѣ синѣютъ горы, далекія, заманчивыя, таинственныя. Послѣ завтра пойдемъ черезъ нихъ... Подъ вечеръ мы увидали дымы, небольшую кучку сѣрыхъ домовъ возлѣ рощи высокихъ дубовъ, снова привѣтливые русскіе флаги. Это и было Омосо, мѣсто стоянки штаба и трехъ ротъ 13-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка...

Черезъ часъ мы были въ теплой комнатѣ съ бумажными окнами на квартирѣ у радушно принявшаго насъ командира полка...

Подъ вечеръ я возился съ вещами и слышалъ разговоръ драгунъ, сопровождавшихъ меня со стрѣлками.

— Ну мѣста у васъ!—Диво!—говорилъ драгунъ.

— Ладныя мѣста. Степь одно слово, отвѣчалъ стрѣлокъ.

— Земля черная и съ пескомъ. Ежели ее да немного навозомъ—пшеница выйдетъ—во! восхищался драгунъ.

— Я и то видалъ—пшеница „китайка" родится настоященская—поддакивалъ стрѣлокъ.

— А народа нѣтъ. Что за чудо! Говорили Китай народомъ богатъ, а тутъ пустыня,—дивился драгунъ.

— Эту бы землю намъ. Получше будетъ, чѣмъ на Сурѣ (Уссури) или на Амурѣ, Ни тебѣ холода, ни тебѣ дождей въ уборку... Шибко шанго. Неужели китайцу отдадутъ назадъ?

— А на что жъ я Егорія получалъ! Ладно, не сдадимъ. Селись сколько хошь... Этаку землю отдать!

— А быки-то, землякъ, видалъ. Ровно черкасскіе. Одна лошадь плоха.

— И лошадь поправимъ, авторитетно замѣтилъ драгунъ,—россійскую приведемъ и выправимъ породу и подъ верхъ и въ соху.

— Ладныя земли. Лѣтомъ, повѣрь, даже гнуса и того нѣтъ!..

Мнѣ показалось, что оба облизнулись въ темнотѣ. Впрочемъ, можетъ быть, это мнѣ только такъ показалось. Было темно. Луна была за тучами.

Омосо—это одинъ изъ самыхъ медвѣжьихъ угловъ Манчжуріи. Желѣзная дорога отстоитъ отъ него въ одну сторону на 180 верстъ, въ другую на 270 верстъ. Ближайшій центръ—Гиринъ въ 160 верстахъ; почтоваго тракта нѣтъ, есть лишь не утвержденная этапная линія Омосо—Гиринъ. Почта... Но можно-ли вообще говоритъ здѣсь о почтѣ, когда она и по дальнему востоку ходитъ весьма неисправно... Но все-таки почта приходитъ сюда разъ въ двѣ недѣли. Само Омосо за то живописно пріютилось подъ рощей громадныхъ вѣковыхъ дубовъ, на берегу рѣчки, въ которой лѣтомъ можно даже купаться. Кругомъ синѣютъ горы, то съ бѣлыми снѣговыми зимою вершинами, то поросшія густымъ таежнымъ лѣсомъ. Улицы въ Омосо окопаны канавами, помѣщенія занятыя войсками побѣлены, возлѣ каждаго стоитъ мачта съ русскимъ флагомъ, издали совсѣмъ малороссійскій хуторъ. Фанзы побогаче окружены заборами изъ бревенъ или досокъ, поставленныхъ стоймя, лавки выходятъ прямо на улицу, всюду образцовая не китайская чистота—это уже заботы стрѣлковъ. Солдаты и

офицеры ютятся въ фанзахъ съ бумажными окнами, лишь кое кто побогаче устроилъ себѣ стеклянный переплетъ. Стекло въ Омосо—рѣдкость, бутылка мадеры стоитъ 4—5 рублей, а пиво 1 руб. и не потому, что мадера и пиво такъ дороги, а потому—что дорого стекло. Камни и рытвины базальтовой долины, ухабы переваловъ Ляо-лина не допускаютъ провозъ стекла безъ большого боя. Потребленіе въ единственной лавочкѣ малое, потому и цѣны стоятъ безбожныя. Въ Омосо живетъ четыре европейскія дамы, двѣнадцать офицеровъ, два доктора и одинъ чиновникъ—это интеллигенція мѣстечка; кромѣ того три роты солдатъ и охотничья команда—словомъ жизнь невеселая... Но русскія войска не боятся уединенныхъ стоянокъ. На-досугѣ поставили барачный лагерь, на-досугѣ выстроили землянки для охотниковъ, на-досугѣ очистили улицы и наводятъ порядокъ у китайцевъ. А вѣдь кажется уголокъ, до котораго триста лѣтъ скакать, такъ и то не доскачешь... Сѣрыя фанзы, китайская глушь кругомъ, а военный оркестръ за обѣдомъ играетъ вальсы и марши самые россійскіе, и дамы поговариваютъ о спектаклѣ и о вечерѣ. А ихъ только четыре. Порядочной кадрили не составишь... А если бы ихъ было четырежды четыре, можетъ быть уже и балъ состряпали-бы.

Въ Омосо погода разсердилась и перестала баловать насъ. Надъ горами къ ночи нависли темнокоричневыя тучи, звѣзды скрылись, задулъ и завылъ страшный вѣтеръ, потрясая заборами, свистя подъ крышами и треща бумажнымъ переплетомъ оконъ. Третьяго дня, на охотѣ на фазановъ, жарко было въ одной тужуркѣ, сегодня, 16-го ноября,—18° R. мороза и страшный вѣтеръ. Драгуны конвойные закутались, у лошадей дыбомъ встала лохматая шерсть и заиндевѣла.

Едва стало свѣтать мы покинули Омосо и поѣхали по обледенѣлой, покрытой снѣгомъ дорогѣ между полей гаоляна, рѣдкихъ фанзъ и болотъ. Кругомъ синѣли горы. Вскорѣ начался тяжелый подъемъ, потомъ спускъ, опять подъемъ и первый постъ этапа Джанъ-гуанъ; здѣсь въ пустой и холодной фанзѣ, рядомъ съ солдатскимъ помѣщеніемъ, мы съ К* закусили и слегка согрѣлись.

Манчжурскій вѣтеръ—это бичъ страны. Не успѣваешь оттирать щеки,—ни башлыкъ, ни фуражка, ни маленькая папаха не спасутъ вашихъ ушей и затылка. Нужна, или громадная сибирская мохнатая папаха, или еще лучше самая простая манзовская шапка. Манзовская шапка весьма остроумное изобрѣте-

ніе Манчжуріи. Это полукруглый суконный колпакъ, къ которому у полей подшиты четыре куска пушистаго мѣха—или енота, или лисицы, кошки, или собаки. Два куска побольше—для щекъ и для ушей и два поменьше—на лобъ и затылокъ. Наша драгунская шапка похожа въ этомъ отношеніи на манзовскую, но у нашей все жесткое—тутъ напротивъ, все мягко, пушисто и красиво. Опустишь въ морозъ всѣ четыре мѣховые клапана и ничто не мерзнетъ ни уши, ни лобъ, ни шея...

За Джанъ-гуаномъ начался безконечный перевалъ черезъ хребетъ Джанъ-гуанъ-цай-линъ. Дорога круто поднялась на верхъ, потомъ долгое время шла по неширокому хребту. Вправо и влѣво были крутые спуски, почти обрывы, густо поросшіе тайгою. Но эта тайга гораздо пышнѣе и красивѣе сибирской. Громадные кедры, ели больше двухъ охватовъ, лиственницы, пихты, дубы, березы густо смѣшались съ кустами смородины, шиповника, ивняка и поросли дикимъ виноградомъ. Иныя столѣтнія деревья свалились и мостомъ перекинулись надъ дорогой, вьющейся глубокимъ и узкимъ корридоромъ. Тутъ устроить засаду нѣтъ ничего легче. Два хорошихъ стрѣлка разстрѣляютъ роту; поди доберись до нихъ въ этихъ дебряхъ, по отвѣснымъ стѣнамъ пади. Какая красота кругомъ! Даже теперь, зимою, когда все покрыто снѣгомъ. Что Уралъ,—Уралъ ребенокъ, Хинганъ однообразенъ растительностью, Джанъ-гуанъ-цай-линъ—выше, красивѣе ихъ. Что за горы кругомъ! хребты идутъ и вправо и влѣво, тянутся спереди, подымаются сзади. Вотъ главныя, голыя, самыя высокія сопки, безъ лѣса, покрытыя снѣгомъ, а снѣгъ на нихъ словно серебро сверкаетъ подъ южнымъ солнцемъ. Кругомъ темнозеленые хребты, узкіе, съ крутыми скалистыми спусками. Дорога вьется по нимъ. За лѣсомъ вѣтра нѣтъ и яркое солнце замѣтно пригрѣваетъ. То справо, то слѣва, то спереди, то сзади глядитъ оно на насъ, слѣдуя за изгибами дороги. Спускъ пологій и тоже длинный. Кругомъ раскиданы маленькіе поселки и фермы китайцевъ. Поля словно налинованы бороздами отъ посѣвовъ гаоляна и чумизы. А вдали розовыя, фіолетовыя, лиловыя, самыхъ прозрачныхъ лаковыхъ тоновъ, самыхъ причудливыхъ очертаній виднѣются горы.

Солнце уже скрылось за горы, когда мы подъѣхали къ небольшой деревушкѣ Уого-занъ. Въ деревушкѣ, въ холодной крошечной фанзѣ живетъ офицеръ, рядомъ сорокъ стрѣлковъ, еще дальше 50 китайскихъ солдатъ—еще вчера—хунхузовъ. Это нашъ второй этапъ. Этапъ не правительственный, потому что казна на него не отпустила денегъ, а просто—полковой этапъ.

Ближайшій интеллигентный человѣкъ—за 40 верстъ, кромѣ солдатскаго обѣда ничего, кругомъ горы, которыя нужно преодолѣть прежде чѣмъ что-либо получить, или до чего-либо добраться. Одичаешь, станешь боятся людей, отвыкнешь отъ живой бесѣды. Я видѣлъ лѣсничихъ, видалъ офицеровъ на постахъ въ Россіи, тамъ тоже одиночество, лѣсъ и болота давятъ, но тамъ хотя разъ въ недѣлю есть почта, тамъ нѣтъ сознанія давящаго громаднаго разстоянія. Вы скажете—въ Сибири. Но вѣдь отсюда и до самой Сибири далеко...

Рано я легъ спать въ крошечной каморкѣ офицера. Холодно было, крысы бѣгали кругомъ, начальникъ поста въ углу читалъ запоемъ свѣжія книги, на дворѣ завывала вьюга. И вдругъ затрещалъ, заторопился сигнальный рожокъ, отбивая пѣхотную зорю и раздалась молитва. Секунда и торжественные звуки русскаго гимна полились изъ солдатскихъ грудей къ темному морозному небу. И опять, какъ въ Шалиджанѣ молитва и гимнъ какъ-то особенно успокоили насъ. Мы почувствовали себя подъ охраной Россіи, почти въ Россіи. И когда въ концѣ молитвы наши глаза невольно поднялись къ небу, мы ощутили въ сердцахъ полное удовлетвореніе:—на высокомъ шестѣ мощно рѣялъ подъ небомъ темный кусокъ матеріи—это былъ русскій флагъ.

. . . .

На утро вѣтеръ стихъ и стало теплѣе. Красивая, густо заселенная китайцами долина идетъ почти на двадцать верстъ, вдали синѣютъ горы и особенно одна изъ нихъ—Лаба-лаза привлекаетъ наше вниманіе своими характерными очертаніями. Отдѣльно отъ другихъ стоитъ она, словно замокъ великана, съ необычными башенками, нависшими скалами, такими крутыми боками, что растительности нѣтъ на нихъ. Среди громадной цѣпи горъ она одна такая. Поровнявшись съ нею мы перевалили черезъ небольшой хребетъ и спустились къ деревушкѣ Ляфазанъ, гдѣ въ чистой фанзѣ командира расквартированной здѣсь роты насъ ожидалъ, и притомъ сверхъ всякаго ожиданія, уютный ночлегъ.

Какая разница на такихъ глухихъ стоянкахъ между семейнымъ и холостымъ офицеромъ! Здѣсь на окраинѣ преклоняюсь предъ ихъ женами. Чистый ротный дворъ, баня, пекарня, въ которой пекутъ прекрасные торты и чудный хлѣбъ, женская чистота во всемъ. День офицера занятъ, тоска по родинѣ его не грызетъ и онъ охотнѣе занимается ротою и своимъ прямымъ дѣломъ. Въ Россіи сложилось понятіе о томъ, что постъ это мѣ-

сто, гдѣ живутъ для охраны солдаты, они выставляютъ часовыхъ, коротаютъ время въ бесѣдѣ, балуются, портятся и возвращаются въ полкъ никуда негодными людьми. Конечно, бываютъ и такіе посты. Почти всѣ посты охранной стражи столь обременены различными дѣлами, что строемъ не занимаются,—не то въ войскахъ. На какомъ-нибудь глухомъ Шалиджанѣ щелкаетъ бичъ и бѣгаетъ смѣна молодыхъ солдатъ, трясясь безъ стремянъ, въ Ляфазанѣ слышны мѣрные отсчеты р-разъ—два—идетъ обученіе пріемамъ, выправка, подготовка къ стрѣльбѣ. Скучать некогда. Нужно послать конвой для почты, проѣзжающаго офицера проводить, за триста верстъ подвезти муку и чай. Одни бродятъ по сопкамъ за двуколками, другіе путешествуютъ на поиски хунхузовъ, третьи учатся...

Вернется ротный командиръ домой — у него не пустая холодная фанза со скукой и тоскою одиночества, а свѣтлая чистая комната. Дѣти ждутъ, надо дѣтей грамотѣ учить, ариѳметикою заняться съ ними, о Богѣ поговорить. За тихой бесѣдой, да за дѣломъ незамѣтно пройдетъ вечеръ, а тамъ опять ученье, воспитаніе солдата, игры съ дѣтьми. Это глушь, это пустыня для его жены, но у ней много дѣла. Дикая козочка у нея на воспитаніи, для сына есть оселъ, есть корова, хлѣбъ, масло, все до послѣдней мелочи надо готовить самой. Если простоятъ до весны, нужно выписать сѣмянъ и посадить цвѣты и овощи, а то моркови, свеклы, рѣпы нѣтъ, трудно разнообразить столъ—все картофель, да капуста. Выписать... Только, когда-то придетъ? Какъ посмотритъ почтовый чиновникъ въ Петербургѣ, когда изъ магазина ему подадутъ пакетъ съ надписью „Манчжурія чрезъ Нингуту и Омосо на постъ“ и далѣе весьма мудреное названіе?.. Не приметъ пожалуй... Скажетъ: „почта не ходитъ“. Очень жаль, потому что она могла бы ходить. Въ городѣ Аддисъ — Абебѣ въ Абиссиніи живутъ три француза и одинъ англичанинъ и туда ходитъ и французская и англійская почта. Пакеты четыреста верстъ везутъ сперва на верблюдахъ, а потомъ несутъ 600 верстъ пѣшкомъ, на людяхъ. Можно было бы и тутъ установить почту хотя бы на манзахъ... Стѣсняются, не обидѣлись бы китайцы. А китайцы, не стѣсняясь за все дерутъ съ русскихъ въ три дорога... Да, почта здѣсь много могла бы помочь и женатымъ—въ хозяйствѣ, и холостымъ—книгами...

Но какъ посылать ее, когда дороги такъ тяжелы. 17-го ноября, напримѣръ, мы выступили впятеромъ, я, К*, три драгуна и двуколка съ вещами изъ Ляфазана въ 8 часовъ утра и еле-еле

въ 4 часа дня добрались до унтеръ-офицерскаго поста Эхомозанъ, всего 40 верстъ, а шли рѣзво, по 8 верстъ въ часъ, да на 20-й верстѣ нужно было перевалить черезъ горный хребетъ Ляолянъ,—а это двѣ версты крутого подъема, по снѣгу,—двуколка и становилась раза четыре, приходилось мѣнять лошадей, за подъемомъ такой же крутой спускъ. Сходили въ поводу и, конечно, не разъ падали. Утѣшались только тѣмъ, что это послѣдній перевалъ до Гирина, Ляо-линскія горы почти также величественны, какъ и Джанъ-гуанъ-цай-линскія. Онѣ тоже поросли густыми кряжистыми дубами, кедрами, елями и кустарникомъ. Хорошенькіе зяблики, синицы и зеленые дятлы съ веселымъ пискомъ порхаютъ въ вѣтвяхъ. За лѣсомъ отвѣсныя скалы. Тамъ, если поискать навѣрно найдутся дикія козы и кабаны...

За спускомъ дорога идетъ узкой долиной между крутыхъ отвѣсныхъ скалъ. Здѣсь намъ встрѣтилась маленькая партія, человѣкъ двѣнадцать, пѣшихъ китайскихъ солдатъ. Одѣты чисто въ простую черную матерію на ватѣ, ружья несутъ на ремнѣ черезъ одно плечо дуломъ книзу. У всѣхъ ружья Маузера. Шли довольно бодро, но какая апатія и равнодушіе ко всему на лицахъ. Противно смотрѣть.

За хребтомъ Ляо-линъ дорога стала ровнѣе, чаще стали попадаться китайскія фанзы, вотъ деревушка побольше, это и есть Эхомозанъ; у чистой фанзы насъ встрѣтилъ бравый унтеръ-офицеръ и провелъ въ помѣщеніе для проѣзжающихъ. Двѣ стѣны его состояли изъ громадныхъ оконъ, заклеенныхъ лишь бумагою.

— Какъ странно, проговорила К*, устраиваясь на канѣ на ночь и прощаясь со мною,—въ Петербургѣ зимою я изъ за маленькой щелки въ окнѣ подняла бы цѣлую бурю, а здѣсь ложусь спать отдѣленная отъ 10 градуснаго мороза лишь тоненькимъ листочкомъ бумаги...

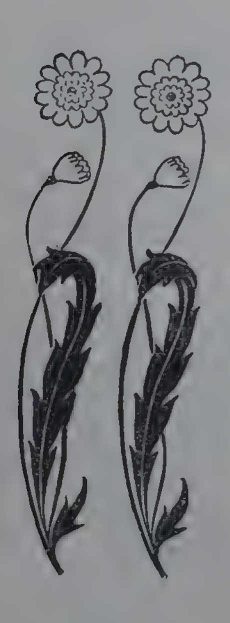
Въ фанзѣ, дѣйствительно, становилось холодно. Широкій канъ не нагрѣвалъ ее...

Я переночевалъ со стрѣлками и утромъ мы двинулись кончать нашъ длинный путь къ Гирину. Онъ и вамъ, пожалуй, надоѣлъ, а намъ и тѣмъ болѣе, вы читаете про него въ теплѣ, а мы его совершали въ морозные и вѣтряные ноябрьскіе дни...

Горы становились теперь ниже и ниже, долина расширялась, отдѣльныя фанзы—фермы смѣнились деревнями, нигдѣ ни кусочка тайги или степи—все словно разлиновано желтыми бороздками полей гаоляна. Между отдѣльныхъ нивъ посажены большія деревья или длинной зарослью поросъ бурьянъ. Все чаще

видишь фанзы, возлѣ которыхъ виситъ на шестѣ рядъ обручей съ краснымъ лоскуткомъ—это постоялые дворы. Подлѣ корыта для лошадей стадо черныхъ свиней и нѣсколько ословъ, лошадей и муловъ. Дорога все оживленнѣе и оживленнѣе, то и дѣло приходится встрѣчать или обгонять арбы, или пѣшихъ манзъ. Вотъ за перегибомъ скалъ, вдругъ стѣснившихъ дорогу, показалась линія старыхъ вербъ, высокій берегъ, сталью сверкнулъ ледъ на рѣкѣ—это Сунгари... Еще двѣ-три версты и по обледенѣлой деревянной мостовой мы въѣхали въ городъ Гиринъ...

Омосо, Фанзы Ляфазанъ—Эхомозанъ, Гиринъ,
14, 16 и 17 ноября 1901 г.



Хунхузы.

XXV.

О хунхузахъ.

Остановка въ Гиринѣ.—Болѣзнь.—Кто такое хунхузы? — Три рода хунхузовъ. — Хунхузы разбойники, хунхузы отъ хунхузовъ и хунхузы-обиженные и оскорбленные.—Уничтожены ли хунхузы? — Способъ сражаться хунхузовъ. — Оборона селеній. — Значеніе ханшинныхъ заводовъ.—Отсутствіе инструкторовъ.

18-го ноября, подъ вечеръ мы въѣхали въ Гиринъ. Въ Гиринѣ есть гостинница „Россія", но номера тамъ еще не готовы, и это только притонъ шансонетныхъ пѣвицъ сомнительнаго поведенія, да весьма посредственный ресторанъ; остановиться тамъ негдѣ. Пока я бесѣдовалъ о ночлегѣ съ этапнымъ комендантомъ, высокимъ плечистымъ сотникомъ и съ хозяиномъ гостинницы, къ намъ подошелъ молодой офицеръ 16-го стрѣлковаго полка и предложилъ мнѣ уступить свою квартиру. Комендантъ предлагалъ свою, подпоручикъ настаивалъ на своей.

— Здѣсь вы нигдѣ, ничего не достанете,—говорилъ мнѣ молодой стрѣлокъ,—а меня вы ничѣмъ не стѣсните. Я на это время перейду къ товарищу.

Вечерѣло. Городъ стихалъ, лавки запирались, раздумывать

было нечего, пришлось еще, еще и еще разъ воспользоваться гостепріимствомъ собратьевъ по оружію и отправиться за подпоручикомъ. Черезъ часъ я уже устроился въ слегка приспособленной фанзѣ на ротномъ дворѣ 16-го полка. Г-жа К. отправилась къ мужу.

На утро я проснулся въ тяжеломъ сознаніи, что я боленъ и нехорошо боленъ. Въ грудь нестерпимо кололо, въ глазахъ поминутно темнѣло, дышать было нечѣмъ. Однако, я превозмогъ себя, явился по-начальству, сдѣлалъ необходимые визиты въ городѣ, но, когда вернулся домой, я былъ способенъ только лежать. Къ вечеру меня навѣстилъ фельдшеръ изъ Аргуньской сотни, на утро врачъ изъ полевого госпиталя и призналъ мое положеніе серьезнымъ. Дѣлать было нечего,—изъ развѣдчика, весело смотрящаго на лѣса и горы, на манчжуръ и китайцевъ я обратился волею Провидѣнія въ госпитальнаго больного, лѣниваго, неподвижнаго, ни на что не годнаго. Фанза была дымная, холодная, съ каномъ. На канѣ было жарко, кругомъ морозъ, — словомъ условія для жизни тяжелыя не только для больного человѣка, но и для здороваго... Но... но о болѣзни моей узнали въ штабѣ 2-го Сибирскаго армейскаго корпуса; командиръ корпуса, начальникъ его штаба и особенно состоящій при штабѣ, генеральнаго штаба капитанъ С. съ рѣдкимъ вниманіемъ и сочувствіемъ отнеслись къ моему нездоровью, отвели мнѣ прекрасное помѣщеніе въ теплыхъ фанзахъ, занятыхъ штабомъ корпуса, помѣщеніе съ русскою печью, съ поломъ, устланнымъ сѣрымъ сукномъ, свѣтлое и просторное, капитанъ С. закуталъ меня такъ, какъ будто-бы я былъ итальянской пѣвицей, а не солдатомъ, и въ покойной коляскѣ бережно перевезъ въ новую квартиру. Меня окружили рѣдкимъ вниманіемъ, сердечнымъ участіемъ, словно я былъ не просто случайный проѣзжающій по казенной надобности, а лучшій другъ ихъ и братъ. Я отмѣчаю этотъ случай,—увѣренъ—обыденный для всей русской арміи, какъ лучшую характеристику этого чисто христіанскаго, великаго учрежденія, именуемаго „*Россійская армія*“.

И вотъ я въ теплѣ, въ холѣ, на мягкой койкѣ, заботливо пестуемый двумя врачами, лежу въ чужомъ городѣ съ многотысячнымъ китайскимъ населеніемъ. Въ единственное окно я вижу маленькій дворикъ, сѣрыя кирпичныя фанзы, запорошенныя снѣгомъ, обрывокъ голубого неба и бѣлый дымокъ, что стелется изъ трубъ по этому небу. Писать я не могу, читаю съ трудомъ, но много слушаю разсказовъ объ этомъ еще незнакомомъ мнѣ го-

родѣ, о его завоевателѣ генералѣ Ренненкампфѣ, о герояхъ недавнихъ экспедицій въ Императорскіе лѣса и Лунганской и о хунхузахъ. Эти разсказы сливаются по временамъ съ горячечнымъ бредомъ больного воображенія и по ночамъ, при свѣтѣ одинокой свѣчи, проснувшись весь мокрый, пылающій отъ жара, я гляжу на окно, на стѣны и не вижу ихъ, а вижу опять крутые подъемы и спуски, дремучіе лѣса, безконечныя степи и болота... Вижу хунхузовъ... Днемъ я спокойнѣе. Разсказы я сличаю съ тѣмъ, что я видѣлъ дорогой и все стараюсь свести въ одно цѣлое и составить ясное представленіе о томъ, что такое хунхузъ и передать это представленіе на бумагѣ и вамъ. Попытаюсь...

Въ густо населенной, запаханной и засѣянной Срединной Имперіи, где каждый клочокъ земли обработанъ, гдѣ на все назначена подать и даже самая мысль подчинена контролю мандариновъ, среди забитаго суровой религіей народа, вѣчно голоднаго, постоянно боящагося наказанія, казни, тюрьмы, лишенія имущества, народа поэтому апатичнаго и вялаго, преданнаго начальству и тупого,—иногда вдругъ рождалась свѣтлая голова. Откуда брались въ ней мысли о правдѣ, откуда являлось стремленіе и любовь къ свободѣ, жажда широкаго военнаго дѣла? Богъ знаетъ! Приносили-ли въ глухую улицу китайской деревни это стремленіе къ широкой и вольной жизни искатели Жень-шеня, что возвращались изъ дремучихъ лѣсовъ съ верховьевъ Сунгари и Уссури, или бродячій монголъ изъ свиты заѣзжаго ухередды съ унылой пѣснью несъ нехитрый разсказъ о широкомъ просторѣ монгольскихъ степей, или старинныя легенды и пѣсни о героическомъ Китаѣ будили что-то, заставляли звучать какія-то новыя струны въ китайскомъ сердцѣ, но вдругъ тѣсно становилось манзѣ между сѣрыхъ стѣнокъ двора его родителей, не радовали его свѣтло-желтыя поля заколосившейся чумизы, изъ которой выпархивали бронзовые-клуазонне фазаны—и стремился юный манза промѣнять лопату и сѣялку на саблю и ружье, и искалъ онъ легкаго живого труда.

Онъ искалъ еще и правды. Весь Китай былъ опутанъ сѣтью лжи, низкопоклонничества, взяточничества безъ разбора и любая правда трогала и примиряла взволнованнаго манзу съ жизнью...

На сѣверѣ Китая лежала горная и лѣсная страна Манчжурія. Манчжурія для Китая была тоже самое, что для России Сибирь и въ Манчжуріи же созидались въ горныхъ ущельяхъ и непроходимыхъ дебряхъ особыя китайскія запорожскія сѣчи... Вотъ сюда то въ развалины хинганскихъ, джанъ-гуанскихъ, ляо-лин-

скихъ хребтовъ, въ заповѣдныя дебри лѣсовъ императорской охоты, и являлись эти люди, которымъ тѣсно было на китайскомъ міру, нервные токи которыхъ выбивали ихъ на поверхность тихо текущей китайской жизни. Это китайское казачество получило наименованіе *хунхузовъ* (краснобородыхъ) и стало считаться заурядъ-разбойниками. Но не всякій хунхузъ разбойникъ. Есть хунхузы, которые будучи обласканы сельскими обществами манчжуръ или корейцевъ, нанимались къ нимъ въ защитники, въ „*казаки*“ (sic!) и служили имъ вѣрою и правдою. Хозяева постоялыхъ дворовъ не разъ высказывали, что хунхузъ, пріѣхавъ на постоялый дворъ не только заплатитъ, но еще и щедро заплатитъ, это сытый хунхузъ. Они избирали себѣ вождей и служили имъ вѣрою и правдою. Не было примѣра, чтобы хунхузъ не исполнилъ приказанія и если начальникъ говорилъ — „я послалъ туда такого то“ — то говорилъ съ увѣренностью, что посланный, или убитъ, или доставилъ въ точности приказаніе.

Китайское правительство знало о существованіи шаекъ хунхузовъ, знало и ихъ вождей и поддерживало ихъ, и деньгами, и оружіемъ. Гиринскій дзянь-дзюнь, этотъ фальшивый другъ русскихъ, осмѣливающійся называть наши войска своими гостями, не разъ пособлялъ деньгами знаменитыхъ вождей Шасыянвана и Ліудадзыра. Но кромѣ этихъ легальныхъ средствъ къ существованію у хунхузовъ было еще сильное средство — грабежъ. Это тѣже поиски казацкіе на Волгу, на Терекъ, на Кубань... Въ минуты нужды, пылали фанзы, разметывались скрипучіе обозы и трупами купцовъ и поселянъ устилались горныя долины.

На противодѣйствіе настоящимъ хунхузамъ-китайцамъ всякій манза-манчжуръ или кореецъ вооружался ружьемъ и имѣлъ его на-готовѣ, чтобы встрѣтить набѣгъ разбойничьей вольницы.

Въ тяжелую годину всеобщаго смятенія, когда явилась проповѣдь о томъ, что европеецъ есть зло, что Китаю надо вооружиться противъ русской желѣзной дороги, противъ миссіонеровъ, противъ торговцевъ, при всеобщемъ возбужденіи, эти жалкіе манзы взяли со стѣнъ свои кремневки, фальконеты, дробовики, берданки, двухлинейки и высыпали встрѣчать нашихъ солдатъ и казаковъ въ горахъ и лѣсахъ Манчжуріи... Ихъ тоже назвали хунхузами.

Наконецъ, нѣкоторые рабочіе, обиженные агентами восточно-китайской дороги, неполучившіе или недополучившіе денегъ, оставшіеся на зиму безъ работы, уходили въ сосѣднія деревни, брали оружіе и шли добывать себѣ денегъ: — и ихъ назвали хунхузами.

Итакъ въ Манчжуріи къ началу нашихъ столкновеній съ Китаемъ шатались и бродили хунхузы трехъ родовъ: 1) хунхузы—pur sang—хунхузы ради вольной жизни, военныхъ приключеній и схватокъ, 2) хунхузы — противъ хунхузовъ, и 3) хунхузы—униженные и оскорбленные мстители.

Едва только упорядочились работы на дорогѣ и бѣднота китайская стала меньше страдать отъ черезъ-чуръ европейскаго веденія дѣла постройки—хунхузы послѣдняго типа исчезли. Какъ только экспедиція барона Каульбарса, полковника Сервіанова, капитана Солунскова и проч. очистили дебри Императорскихъ лѣсовъ, Ирхахуньскія горы и треугольникъ Мукденъ—Бодунэ—Нингута пересталъ быть ареной разбойническихъ набѣговъ хунхузовъ, вооруженные манзы повѣсили свои ружья на стѣнахъ фанзъ и они стали ржавѣть по мѣрѣ того, какъ орало стало сверкать ярче серебра...

Хунхузы pur sang сдались. Шасыянванъ отправленъ въ Читу, а оттуда прослѣдуетъ въ Казань, а сумасшедшій Ліуданзыръ бредитъ русскими въ Хунчунѣ. Ихъ многочисленные сподвижники служатъ въ полицейской стражѣ гиринскаго дзянь-дзюня, частью за 10-ти-копѣечный паекъ работаютъ русскимъ—содержа летучую почту и составляя развѣдочные отряды.

Хунхузовъ—нѣтъ.

Но можно ли сказать съ увѣренностью, что ихъ *и не будетъ*? Да, желѣзнодорожныхъ хунхузовъ скоро не станетъ, съ уничтоженіемъ настоящихъ хунхузовъ не станетъ и манзъ, могущихъ обратиться въ хунхузовъ, ну, а вотъ настоящихъ-то хунхузовъ, этихъ выходцевъ изъ Китая, изъ Манчжуріи, въ горныя пустыни, этихъ горныхъ орловъ, этихъ степныхъ волковъ, ненавистниковъ земледѣльческаго труда, этой воинственной голытьбы тоже не будетъ?

Пусть даже всѣ сдадутся. Но на мѣсто сдавшихся явятся новые любители свободной жизни, военнаго разгула, набѣговъ и поисковъ. Годъ, два, пройдутъ спокойно. Но, какъ весною ручьи напояютъ рѣки, такъ новые выходцы съ весеннимъ тепломъ соберутся подъ покровомъ столѣтней тайги; на мѣсто Шасыянвана и Ліуданзыра—явятся Содажень или Крадожень и опять запылаютъ фанзы, потечетъ кровь и на развалинахъ бѣднаго, но аккуратнаго манзовскаго хозяйства рѣкою польется ханшинъ и пойдетъ широкая игра.

„Мы добычу подѣлимъ
Славно попируемъ,

Сладко выпьемъ, поѣдимъ,
Все горе забудемъ".

И противъ нихъ полѣзутъ по болотамъ, невѣроятнымъ крутизнамъ, непроницаемымъ лѣсамъ русскіе стрѣлки и казаки. Начнутся опять экспедиціи, сдачи—и снова стихнетъ людская молва о хунхузахъ и опять до новаго притока.

А уйдутъ русскіе?.. О, тогда старые подвижники Шасыяньвана и Ліуданзыра, не получая отъ дзянь-дзюня полнаго содержанія, покинутъ его знамена и пойдутъ мстить тѣмъ, кто помогалъ русскимъ. Китайцы это хорошо понимаютъ.

— Скажите, когда вы будете уходить,—говорятъ лучшіе китайскіе люди—мы уйдемъ вслѣдъ за вами въ Россію.

— Безъ васъ мы не проживемъ,—говорятъ земледѣльцы и манзы торговцы,—дай Богъ здоровья вашему Императору на многіе годы, васъ боится собака, волкъ и воронъ, и уважаютъ волъ, лошадь и мулъ.

— Уходъ русскихъ повергнетъ Манчжурію въ рядъ кровавыхъ и огненныхъ схватокъ,—говоритъ и ученый китаецъ переводчикъ. Одинъ дзянь-дзюнь ничего не говоритъ и лишь лукаво ухмыляется. Онъ знаетъ, что когда *гости* уйдутъ, ему—*хозяину*—свободнѣй станетъ. Вѣдь и *гости* то у него—*незваные*.

И такъ изъ года въ годъ хунхузы будутъ. Но кто будутъ эти хунхузы? Да тѣ же люди, которые просто полюбили оружіе и коня и рады промѣнять плугъ и повозку торговца на винтовку, или на сѣдло. Тѣ, кому въ Китаѣ все равно не избѣжать смертной казни...

Несмотря на свою жестокость—эти люди честны и привязчивы. За ласку они готовы идти на мученія и смерть. Они храбры, способны къ дальнимъ передвиженіямъ, выносливы, неприхотливы...

Храбры...

Я вижу, какъ недовѣрчиво читаете вы эти строки. Я вижу, какъ вспоминаете вы эпизоды столкновенія нашихъ войскъ съ хунхузами... Съ нашей стороны убита одна лошадь—хунхузы потеряли 180 человѣкъ убитыми,—эти реляціи еще памятны вамъ и вы даже къ нимъ относились недовѣрчиво. Но нужно знать вооруженіе и тактику хунхузскихъ шаекъ, съ которыми сталкивались наши экспедиціи.

Хунхузы вооружены различно, но преимущественно огнестрѣльнымъ оружіемъ—фальконетами и ружьями всѣхъ системъ—отъ рушницъ съ жестяными стволами и фитильными запалами до

маузеровскихъ двухлинеекъ. Пороха и патроновъ они имѣютъ недостаточно, стрѣльбѣ ихъ никто не обучалъ. Прицѣлъ и мушка имъ непонятны, лишь недавно подмѣтили они, что, когда русскіе цѣлятся—у нихъ лѣвый глазъ „сыпи",—т. е. спитъ, закрытъ, но но для чего русскіе это дѣлаютъ имъ это неизвѣстно. Хунхузы стрѣляютъ по впечатлѣнію. Случалось ли вамъ, на охотѣ стрѣлять по громадному выводку птицъ, не цѣлясь, не беря ихъ даже на вскидку, а лишь—*по впечатлѣнію?* Увѣренъ, что результатъ всегда бывалъ одинъ и тотъ же—птицы улетали, не оставляя ни одной подбитой; а вѣдь вы бухали шаговъ на двадцать, да еще дробью... Такое же впечатлѣніе производила и стрѣльба хунхузовъ. Пули вокругъ, да около ломали вѣтви, падали сбоку, сзади, въ колеса двуколокъ—производили впечатлѣніе цѣлаго дождя пуль, но рѣдкая попадала. Бывали и такіе случаи. Русскіе карабкаются на крутую сопку съ почти отвѣсными скатами, гребень сопки занятъ хунхузами и ружья ихъ не опущены внизъ, но направлены даже нѣсколько вверхъ. Естественно, что потерь при такомъ огнѣ наши отряды имѣть не могли.

Въ дѣйствіяхъ противъ русскихъ хунхузами руководили китайскіе офицеры. По китайскому обычаю начальники въ бою размѣщаются позади подчиненныхъ и, чѣмъ старше начальникъ, тѣмъ дальше его мѣсто отъ передовыхъ линій. Поэтому стрѣлковыя линіи заняты не столь наблюденіемъ за тѣмъ, что дѣлается у противника, сколько оглядываніемъ на свое начальство. Начальство весьма подвержено паникѣ. Съ одной стороны у начальства сладкая жизнь „большого человѣка" въ Китаѣ, награды и почести, съ другой—мука и смерть. Поэтому послѣ недолгой перестрѣлки старшій начальникъ начинаетъ отходить, за нимъ отходитъ линія офицеровъ; оставшись безъ начальства и стрѣлки уже обращаются въ безоглядное бѣгство. На бѣгу они не отстрѣливаются. Имъ все равно. Когда они видятъ, что русскіе ихъ настигаютъ, они покорно становятся на колѣни, складываютъ руки и подставляютъ головы подъ удары драгунъ и казаковъ. Рубили и конные стрѣлки, тѣ, которые запаслись шашками отъ артиллеріи, или отъ самихъ китайцевъ. Офиціально охотникамъ шашекъ не дали, нѣкто предложилъ даже съ коня колоть штыкомъ, но очевидно этотъ нѣкто никогда съ ружьемъ на конѣ не сидѣлъ. Вотъ и появлялись дѣла съ сотнями убитыхъ хунхузовъ и единицами легко раненыхъ русскихъ.

Успѣху русскаго оружія много содѣйствовалъ еще необыкновенный нравственный подъемъ въ рядахъ нашихъ отрядовъ.

У солдатъ историческимъ путемъ сложилось убѣжденіе, что китаецъ не можетъ побѣдить русскаго. Если бы гдѣ-либо китаецъ одолѣлъ русскихъ, то это было бы такимъ пятномъ, такимъ несмываемымъ позоромъ, что лучше умереть, нежели допустить до него. Вотъ почему въ самыя критическія минуты въ нашихъ рядахъ спокойствіе и порядокъ были полные и каждую минуту готово было дружное *„ура“* и стремительный натискъ.

А положенія во время обѣихъ экспедицій генерала Каульбарса подчасъ бывали весьма серьезныя. Врагъ бывалъ кругомъ, по обрывамъ, на недосягаемыхъ кручахъ, въ дремучемъ бору и врагъ во много разъ превосходившій численно. Наши охотники карабкались на лошаденкахъ на кручи, казаки строили лаву и съ гикомъ атаковали, и неприступныя твердыни горъ и дѣвственныхъ лѣсовъ покрывались бѣгущими и трупами. Труднѣе давались русскимъ бои за мѣстные предметы. За крѣпкими стѣнами, окруженными двойными рвами ханшинныхъ заводовъ, непріятель укрывался прочно. Первая попытка овладѣть съ четырьмя сотнями казаковъ Ліуданзыромъ, запершимся въ заводѣ у дер. Мопашанъ, окончилась неудачей. Но, два—три выстрѣла изъ полевого орудія, десять—двѣнадцать горныхъ гранатокъ—брешь въ стѣнѣ, и заводъ, эту цитадель селенія можно брать штурмомъ...

Хунхузамъ недостаетъ лишь правильнаго обученія. Но уже не разъ лукавый глазъ заглядываетъ, какъ это у русскаго во время выстрѣла одинъ глазъ „сыпи“ и русскій попадаетъ; не сегодня, завтра кто-нибудь покажетъ мушку и линію прицѣливанія, а тамъ и до самаго прицѣла дойдутъ. Китаецъ упоренъ въ оборонѣ предмета, который ему не приказано отдать. Были случаи, что китайскую орудійную прислугу находили изрубленною на орудіяхъ.

Въ хунхузахъ дремлютъ сѣмена того растенія, которое разрослось у насъ въ казачество. Вольный, смѣлый духъ, преданность престолу, государю, начальнику, преданность тому, кто обласкалъ, кто привлекъ къ себѣ чужое сердце.

Врядъ ли китайцы сумѣютъ воспользоваться хунхузами и подобно тому, какъ мы переработали Степана Разина, Кондратія Булавина, Емельяна Пугачева—въ Краснощекова, Платова, Иловайскаго и другихъ, переработать Ліуданзыра, Шасыянвана и пр. въ полезныхъ слугъ для отечества. Потому не сумѣютъ, что у китайцевъ нѣтъ отечества... Но можетъ быть найдется кто-либо другой? Есть западно-европейскія страны, которыя что-то слишкомъ интересуются далекой отъ нихъ Манчжуріей; можетъ быть

ихъ инструкторамъ угодно будетъ объяснить хунхузу употребленіе прицѣла и личнымъ примѣромъ показать, какъ надо воевать?..

Но, я усталъ писать. Легкое усиліе, которое требуется, чтобы водить перомъ по бумагѣ истомило меня совершенно. Голова опять тонетъ въ подушкахъ, фонарь крыльца лѣзетъ въ окно, меня обступаютъ продавцы шелковыхъ халатовъ, мѣди, клуазонне и жемчуговъ, всѣ дышутъ на меня чеснокомъ и суютъ свои шелки, чашки и вышивки... Потомъ снопъ нитей, яркія точки между нихъ, незримая музыка съ простымъ мотивомъ и бредъ...

Гиринъ.
25 ноября 1901 г.

XXVI.

Гиринъ.

Предмѣстье Гирина. — Физіономія Гиринскихъ улицъ. — Лавки. — Торговля шелковыми издѣліями. — Коммиссіонеры. — Желаніе китайскихъ купцовъ завязать торговлю съ Россіей. — Продажа гробовъ. — Дворецъ дзянь-дзюня. — Русско-китайская школа. — Похоронная процессія. — Кумирня бога Ада. — Вѣрованія китайцевъ въ загробную жизнь. — Кумирня богини милосердія. — Казнь. — Яма миріады тѣлъ-уанъ-рэнъ-канъ. — Англійскій госпиталь. — Размѣщеніе русскаго гарнизона. — Общественная жизнь.

Когда подъѣзжаешь къ Гирину, города почти не видишь. Бросаются въ глаза высокія сѣрыя фабричныя трубы монетнаго двора на правомъ берегу р. Сунгари, а затѣмъ цѣлое море маленькихъ деревенскихъ фанзъ, крошечныхъ кумирень, носящихъ не вполнѣ благозвучное названіе „мяо“, полей чумизы и гаоляна, огородовъ, постоялыхъ дворовъ, съ изображеніемъ деревянной рыбы на столбѣ и съ пестрыми обручами, висящими на палкѣ— деревня такъ тѣсно обступила Гиринъ, что за ея постройками не видно длинной каменной зубчатой стѣны съ восемью воротами, съ башенками надъ ними; не видно и каменныхъ кумирень съ драконами у входа. Деревня затолкала, затѣснила городъ. По жесткой, промерзлой и весьма пыльной дорогѣ въ безконечной вереницѣ двуколокъ, груженыхъ цыновками, ватой, ящиками и

тюками и запряженныхъ то мулами, то лошадьми, то и тѣми и другими вмѣстѣ, привязанными тонкими веревочными постромками къ оглобельному кореннику, среди жалобныхъ криковъ погонщиковъ съ длинными бичами, кричащихъ на свое запряженное стадо „у-ò! у-ó“! въѣзжаешь по каменнымъ плитамъ въ ворота. За воротами сейчасъ-же начинается громоздкая неуклюжая мостовая изъ тяжелыхъ обледенѣлыхъ досокъ и безконечный рядъ лавокъ.

Гиринъ важный административный центръ, мѣстопребываніе дзянь-дзюня, этого полномочнаго генералъ-губернатора обширной гиринской провинціи и большой торговый пунктъ, ведущій транзитную торговлю съ Монголіей, Манчжуріей, Забайкальемъ, Инкоу и Шанхаемъ. Среди бездны маленькихъ лавочекъ, ларей и хожалыхъ торговцевъ, то тутъ, то тамъ подымается высоко къ небу черная лакированная доска, испещренная золотыми письменами,— это складъ шелка, тонкихъ вышивокъ, ваты; еще дальше виденъ толстый столбъ, покрашенный въ свѣтло-коричневую краску съ большими и пестрыми головами драконовъ, торчащими въ разныя стороны—это китайскій ломбардъ и банкъ. На улицахъ толкотня и сутолока. Бѣдные манзы въ синемъ и сѣромъ рубищѣ, въ ватныхъ штанахъ и туфляхъ на толстой и мягкой подошвѣ, идутъ взадъ и впередъ, то неся на коромыслѣ привязанные на веревочкахъ коробки и сита съ разными лепешками, жаренымъ и печенымъ тѣстомъ, издающимъ отвратительный запахъ бобоваго масла, то слоняясь безъ дѣла по улицамъ; среди ихъ толпы, смуглой и грязной, то и дѣло степенно шагаютъ красивые мулы, везущіе тяжелую двуколку, или маленькія лошадки съ ершикомъ подстриженными гривами тянутъ большую арбу, съ сѣномъ, соломой, стеблями гаоляна или досками, за ними нарядный мулъ везетъ двухколесный экипажъ съ полукруглымъ тентомъ изъ синей матеріи и со стеклянными оконцами, окрещенный русскими *„фудутункой“*, хотя въ такихъ щегольскихъ экипажахъ ѣздятъ и не одни фудутуны; въ окно фудутунки выглядываетъ намазанное лицо китаянки съ цвѣтами и серебряными гребенками надъ ушами, дальше катитъ рысью стрѣлковая повозка зеленаго цвѣта съ солдатомъ въ мохнатой шапкѣ, везущимъ русскую даму въ шляпкѣ и въ ротондѣ. Среди бѣдно одѣтыхъ манзъ съ пучками мѣха у ушей, на лбу и на затылкѣ и съ длинными косами вдругъ появится толстый упитанный китаецъ въ маленькой круглой шапочкѣ съ краснымъ гаруснымъ шарикомъ, въ шелковой тканой узоромъ курмѣ и синей юбкѣ, или на аломъ суконномъ сѣдлѣ

прокатитъ иноходью чиновникъ съ черными перомъ и прозрачнымъ шарикомъ на шапкѣ, за нимъ на такой же маленькой лошадкѣ мчится и его слуга въ шапочкѣ съ алою нитяной кистью на макушкѣ. А кругомъ лавки. Вонючіе „чофаны“ съ кипяткомъ и жирными противнями, установленными толстыми каравайчиками тѣста, всякимъ варевомъ, пареной морскою травой, рисомъ и чумизой, лавки мясныя, лавки, возлѣ которыхъ висятъ длинныя и блестящія гирлянды золотисто-красныхъ и изумрудныхъ фазановъ, маленькіе зайчики и словно колоды приставлены замерзшія туши дикихъ козъ; рядомъ зеленныя съ капустой, морскою травою, рисомъ, зерномъ и рѣдиской, цѣлый рядъ кожъ, шкуръ лисьихъ и енотовыхъ, собачьихъ и кошачьихъ, цѣлыя шубы изъ сѣрыхъ кошекъ, шапки съ оторочкой мѣхомъ кота, енота, лисицы или черной собаки; сапоги, продажа рѣдкостей, издѣлій изъ нефрита, печатокъ, чернильницъ, трубокъ и трубочекъ, лавка жестяника съ цѣлымъ рядомъ фонарей, чайниковъ и ведерокъ, еще далѣе четырехугольный рѣзной ящикъ съ дракономъ обозначаетъ помѣщеніе серебреника. Здѣсь кропотливо выдѣлываютъ тѣ цвѣты причудливой формы, кузнечиковъ съ дрожащими усами или шевелящихся рыбокъ, которыми любятъ украшать свои жирные черные волосы китаянки, здѣсь же, ради русской моды, готовятъ бокальчики, спичечницы и портъ-сигары съ изображеніемъ китайскаго дракона и надписью китайскими знаками любой русской фамиліи, причемъ такъ какъ почти каждый русскій слогъ отвѣчаетъ цѣлому ряду китайскихъ словъ, то любезный и привѣтливый мастеръ подберетъ непремѣнно хорошія слова: „божество“, „другъ“, „орелъ“, или что-либо въ этомъ родѣ.

Улица лавокъ упирается въ площадь. На площади стоитъ стадо муловъ, приведенныхъ для продажи; на возвышеніи раешникъ показываетъ толпѣ панораму китайскихъ картинъ на стеклѣ, манзы тѣсно обступили его, наваливаются другъ на друга, лѣзутъ на плечи сосѣдямъ и хохочутъ. Отъ площади бѣгутъ вправо и влѣво переулки. Ряды сѣрыхъ досчатыхъ заборовъ, а за ними низкія крыши каменныхъ фанзъ. Ни дать, ни взять уголокъ какого либо нашего уѣзднаго или заштатнаго городишки. Въ переулкахъ замерзшіе потоки жидкости не двусмысленнаго происхожденія и обложенныя деревомъ канавки китайской канализаціи. Зима — все замерзло, а потому запаха никакого.

Переулокъ снова выходитъ въ улицу и опять толкотня и лавки безъ конца. У маленькаго ларька толпа манзъ слушаетъ, какъ предсказатель, разложивъ на костяхъ судьбу человѣческую,

предрѣшаютъ по нимъ будущее. Рядомъ торгуютъ книгами, еще дальше вся сѣрая кирпичная стѣна покрыта лубочными картинами. Тутъ и боксерская пропаганда, изображающаго толстаго мясистаго китайца, обнаженнаго по поясъ и стоящаго съ засученными рукавами и окруженнаго солдатами. Солдаты стрѣляютъ въ него, но пули отскакиваютъ и падаютъ къ его ногамъ. Рядомъ изображенія китаянокъ, сценки семейной жизни порою весьма нецензурнаго содержанія. Большія торговыя конторы не имѣютъ выставки товаровъ, но ихъ дорогія ткани, выставки и костюмы бережно уложены въ картонныя и деревянныя коробки и поставлены на полки въ заднихъ фанзахъ. Однако, заберитесь-ка въ такой магазинъ, васъ обступитъ толпа прикащиковъ, къ нимъ присоединится еще нѣсколько человѣкъ любопытныхъ и въ сопровожденіи ихъ вы проникнете въ заднюю фанзу. Тамъ теплѣе. На канѣ, на квадратной скамеечкѣ, станутъ раскладывать роскошныя матеріи, вышивки, все, что вы ни попросите... Ахъ, какія тутъ есть вышивки, какіе халаты, пестрыя курмы! То нѣжныя полупрозрачныя, созданныя для того, чтобы подчеркивать скрытыя подъ этою тканью прелести, которыхъ, увы, китаянки не имѣютъ, то тяжелыя, на ватѣ, теплыя и жесткія, драпирующіяся такими солидными складками. Какіе хорошенькіе наушнички съ вышитыми на нихъ шелками павлинами или хорошими, словами, какія дивныя полосы съ хризантемами и фазанами, расшитыми по черному и по бѣлому шелкамъ, какой штофъ съ ткаными узорами, пестрыя одѣяла, гдѣ квадратики тканы разноцвѣтными шелками и розовый уходитъ въ фіолетовый, а фіолетовый обращается въ зеленый. Пестро и нѣжно, пестро и чаруетъ глазъ неожиданными переливами тоновъ и красокъ...

Несмотря на обиліе лавокъ съ самыми разнообразными товарами, въ городѣ не замѣтно кипучей торговой дѣятельности. Не видно покупателей, а тѣмъ болѣе покупательницъ, возвращающихся обремененными свертками. *Фудутунки*, запряженныя мулами, везутъ китайскихъ дамъ не въ магазины и лари, а къ родственникамъ, или знакомымъ въ гости. Лавки почти всегда пусты. Только офицеры, да военныя дамы русскаго гарнизона ходятъ по магазинамъ, любуясь вышивками и закупая шелки. Торговля идетъ или оптомъ, или на дому, черезъ комиссіонеровъ, которыми кишитъ китайскій торговый городъ.

Вы еще спите или пишете свои впечатлѣнія, глядя какъ суровый манчжурскій морозъ и яркое солнце разцвѣтило радугой окна, отразилось въ нихъ тысячью огней и бросило ихъ разсѣян-

нымъ свѣтомъ въ полутемную комнату, какъ въ сѣняхъ уже слышно шлепанье туфель и къ вамъ всовываетъ свою голову солдатъ и говоритъ:

— Тамъ китаецъ пришелъ, ваше благородіе.

— Что ему надо? — спрашиваете вы.

— Товаръ принесъ, — отвѣчаетъ солдатъ.

— Ну, зови, — говорите вы, хотя отлично сознаете, что вы ничего не купите.

Дверь отворяется и съ большимъ чернымъ узломъ въ рукахъ и розовой шапкѣ, отороченной соболемъ, входитъ купецъ.

— Здравствуйте, — говоритъ онъ по-русски и тянетъ вамъ свою грязную лапу. Затѣмъ онъ медленно развязываетъ узелъ и показываетъ вамъ хорошенькія чашечки клуазонне, кипы шелковыхъ тканей, вышивки, жемчугъ изъ Сунгари... Цѣны ужасныя, но смѣло давайте половину и начинайте торгъ.

— Нэтъ, нельзя, — чуть не шепотомъ говоритъ купецъ. — Моя не могу отдать. Этотъ жемчугъ не моя. Моя ходи, моя скажи кто продаетъ и сегодня приди и отвѣтъ давай...

— Я дамъ русскими деньгами, — говорите вы.

Это еще болѣе укрѣпляетъ торговца въ намѣреніи: „моя ходи, моя спроси“. Русскій рубль въ Манчжуріи идетъ сильно въ гору. За него уже даютъ 1 руб. 40 коп. серебромъ китайскими доларами. Русскій бумажный рубль удобенъ китайскому купцу, онъ его легко можетъ увезти и онъ увѣровалъ въ его силу и легкость къ обмѣну на что угодно. Довѣріе русскому рублю полное, а потому товары за русскія деньги идутъ дешевле, нежели за китайскія.

Вечеромъ купецъ опять у васъ. Жемчужины уступлены. Не нужно ли еще чего? И такъ по домамъ разносятся товары и идетъ не видный, но обширный торгъ по всему Гирину.

Я познакомился въ Гиринѣ съ богатымъ купцомъ Нью. Я былъ у него въ гостяхъ, пилъ чай съ англійскимъ печеньемъ, ѣлъ виноградъ „дамскіе пальчики“, пилъ красное вино и шампанское, бесѣдовалъ съ его матерью, почтенной сѣдой старушкой и его конфузливой намазанной молодой женой съ узкими и длинными полупрозрачными ушами и съ дорогими жемчужными булавками въ волосахъ. Нью учится по-русски. У него на столѣ лежатъ толстые словари Попова — русско-китайскій и китайско-русскій. Ему очень хочется обрусѣть, одѣть русскій костюмъ, завести торговлю съ Россіей, но онъ боится. Говоритъ онъ по-русски еще неважно, медленно подыскивая слова.

— Русскій костюмъ удобный, работать можно, говоритъ онъ, китайскій костюмъ неудобный—работать нельзя, не этотъ мѣсяцъ, а мартъ моя ходи на Москва. Москва вози китайскіе товары — шелкъ, вышивка, костюмъ китайскій, на Москва продавай, въ Москвѣ купи стекло, желѣзо, ножи и другія вещи и ходи Гиринъ; Гиринъ продавай...

Еще наши гиринскіе купцы Соловей и К° везутъ только смирновку и консервы да бакалею, а уже торговый умъ китайца задумываетъ завести правильную и дѣльную торговлю съ Россіей. За ситецъ, скобяной товаръ и за желѣзо, въ которомъ такъ нуждаются китайцы, онъ отдастъ шелка, мѣдь, серебро и кропотливую китайскую вышивку. Дзянь-дзюнь, который несмотря на свой высокій санъ такой же купецъ какъ и прочіе гиринскіе торгаши хлопочетъ объ электричествѣ въ Гиринѣ и объ желѣзной дорогѣ на Куанчендзы. Русская торговая предпріимчивость пока спитъ.

Таково первое впечатлѣніе торговаго Гирина. Присматриваешься къ чуждой китайской жизни, заглядываешь на постоялые дворы, уставленные колодами, у которыхъ мѣрно жуетъ чумизу и бобовые жмыхи многочисленная компанія лошадей и муловъ, полные фудутунокъ, задравшихъ вверхъ оглобли, вглядываешься въ китайскій укладъ жизни и силишься понять его, приноровить къ себѣ. И чудится, что не доросъ еще Китай. Что это не изжившая свой вѣкъ, не пережившая свою культуру нація, застывшая на одной точкѣ, а нація лишь остановившаяся на минуту, обратившуюся въ вѣка, въ своемъ развитіи. Явится среди этого народа свой Петръ Великій, энергичный, чуждый предразсудковъ, прорубитъ окно, если не въ Европу, то въ Россію и потечетъ свѣжій воздухъ въ запертую комнату и затхлый спертый воздухъ исчезнетъ и обновится.

Едва только докторъ мнѣ позволилъ выходить на воздухъ, я сталъ ходить по улицамъ, смотрѣть и слушать и старался сколько могъ понимать эту новую кипучую жизнь.

Какъ-то подъ вечеръ я съ капитаномъ С. вышелъ на Сунгари. Она у Гирина имѣетъ около 300 саженей ширины. По ту сторону синѣли горы, то округлыя, то угловатыя, утесистыя. Онѣ, эти горы, шли рядами; ближнія рисовались густыми темными тонами, дальнія блѣднѣли, тускнѣли, сливались съ небомъ. У самаго берега два солдата-китайца съ красными накидками и длинными мѣдными трубами издавали заунывные звуки — они учились. Немного дальше на синей, чистой отъ снѣга, площадкѣ „мальчишекъ радостный народъ коньками звучно рѣжетъ ледъ“.

Правда, коньковъ у нихъ не было. Возлѣ лѣсныхъ дворовъ были наставлены груды бѣлыхъ массивныхъ гробовъ, черезъ улицу въ магазинахъ тоже были гробы, покрашенные въ бѣлую или красную краску и испещренные серебряными и золотыми узорами и письменами. Трогательный культъ предковъ имѣетъ въ себѣ много ужаснаго. Если китаецъ не имѣетъ средствъ съ должною пышностью устроить своему родственнику похороны, онъ, пока не накопитъ денегъ, выноситъ покойника въ гробу и ставитъ въ рощѣ, возлѣ могильныхъ холмиковъ. И я видѣлъ много такихъ гробовъ съ ихъ страшными обитателями въ окрестностяхъ Гирина, въ деревняхъ и селахъ. Лечившій меня въ Гиринѣ докторъ Е. Ѳ. Клопферъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ слѣдующей сцены. На одномъ кладбищѣ китайцы замѣтили, что кто-то просверливаетъ гробы и поджигаетъ драгоцѣнный прахъ. И вотъ они рѣшили перенести останки родныхъ въ другое мѣсто. Какой-то бѣдный манза пришелъ къ гробу съ двумя небольшими ящиками. Въ гробу лежалъ его сынъ, умершій лѣтъ десять тому назадъ. Одежды сохранились совершенно, а трупъ изсохъ и обратился въ мумію. Старикъ хладнокровно вынулъ покойника изъ могилы, снялъ съ него одежды и потомъ спокойно ножомъ отрѣзалъ ему ноги и уложилъ ихъ вмѣстѣ съ туловищемъ въ небольшой ящикъ. Не правда-ли, ужасно!? Пылкая и временами необузданная до отвращенія фантазія Эдгара Поэ не придумала такого ужаса...

Но дальше, дальше! Мимо гробовъ, черезъ горбатый деревянный мостикъ, идущій надъ спускомъ къ рѣкѣ, дальше по набережной къ дворцу дзянь-дзюня. Всѣ ворота дворца прикрыты стѣнками отъ злого духа, на главномъ входѣ изображены вычурные боги, напоминающіе бубновыхъ королей на старыхъ картахъ и написаны хорошія слова, пожеланія долголѣтія, богатства и пр. Самого дзянь-дзюня нѣтъ. Онъ уѣхалъ въ Харбинъ навстрѣчу товарища министра финансовъ, но во дворцѣ его только что кончилось засѣданіе чиновниковъ. Дворъ еще полонъ челяди. Одни стоятъ при лошадяхъ у длинной коновязи, другіе толпятся возлѣ синихъ суконныхъ паланкиновъ и фудутунокъ. На всѣхъ черныя курмы, на шапкахъ длинныя красныя кисти и у всѣхъ типичныя нахальныя лакейскія физіономіи. Въ ихъ толпѣ зубоскалитъ старый дзянь-дзюньскій солдатъ съ красной обшивкой по супервесту и красными знаками на груди и спинѣ. Подъ широкими воротами стоятъ сѣкиры и прямые ножи на древкахъ, большой барабанъ—знаки власти дзянь-дзюня. Въ швейцарской сидитъ ста-

рый привратникъ. За воротами второй дворъ, въ немъ полуоткрытый залъ съ громадными поломанными креслами—судилище дзянь-дзюня, тутъ-же рядомъ, за дверками съ бумагой вмѣсто стеколъ, и канцелярія его превосходительства. Въ канцеляріи большой шкафъ съ маленькими книжками, печатанными на тонкой „китайской“ бумагѣ, надо думать законы и приказы, рядомъ кипа „дѣлъ“, писанныхъ тушью на бѣлой и красной бумагѣ, большіе и узкіе конверты, печати, чернильницы, кисточки и тушь. Правитель дѣлъ, немолодой китаецъ, съ поклонами и улыбкой встрѣтилъ и проводилъ насъ. За этой первой фанзой слѣдовалъ еще дворъ и тамъ помѣщеніе самого дзянь-дзюня. Направо отъ входа была его спальня, налѣво пріемная. Въ спальной въ глубинѣ былъ канъ и не ахти какое чистое генеральское красное ложе; по стѣнамъ въ рѣзныхъ рамочкахъ висѣли группы, гдѣ дзянь-дзюнь былъ снятъ съ инженерами, и большой портретъ генерала Гродекова. Но въ окна были вставлены стекла и висѣли кисейныя занавѣски. Съ потолка свѣшивалась большая керосиновая лампа, а подлѣ кана выглядывала кнопка электрическаго звонка. Въ пріемной надъ дверью висѣлъ большой портретъ генерала Айгустова, нѣсколько группъ, да на полу стоялъ громадный глобусъ. Вдоль стѣнъ были шкафики и на нихъ наставлены возлѣ зеркала двѣ вазы клуазонне и нѣсколько бездѣлушекъ изъ нефрита. На полу былъ положенъ небольшой коверъ. Небогатая, непышная обстановка. Немногочисленные слуги провожали насъ изъ одной фанзы дворца въ другую. Отъ дворца, однако, получалось незавидное впечатлѣніе. Да, зданіе построено солидно. Сѣрыя кирпичныя стѣны толсты и прочны, но краски на вычурныхъ драконахъ, на стѣнкахъ и дверяхъ и выцвѣли, и полиняли, а штукатурка осыпалась—все бѣдно и голо. Дворецъ казенный и какъ видно дзянь-дзюни не ахти какъ о немъ заботятся. На дворахъ и дворикахъ между фанзами отвратительная грязь и вонь. Всюду замерзшія лужи. Все запущено. Какъ будто все доживаетъ послѣдніе дни и ждетъ какого-то толчка и обновленія.

Мимо громадныхъ, аляповато сдѣланныхъ драконовъ, мы вышли опять на набережную и пошли внизъ по рѣкѣ. Тутъ среди домовъ гиринской знати пріютилась наша почтово-телеграфная контора, а рядомъ, надъ сѣрыми воротами висѣла вывѣска, гласившая по-русски, „китайско-русская школа“. Мы прошли въ ворота. Классы кончились. Учитель русскаго языка, онъ-же письмоводитель при дипломатическомъ чиновникѣ, г. Большаковъ

ушелъ домой, учитель китайскаго — съ пріятелемъ готовились обѣдать. Три ученика еще сидѣли въ классѣ съ красными партами и черной доской, утвержденной на канѣ. Русская азбука, тетрадки съ прописями, большія и тяжелыя китайскія чернильницы, тушь и китайскія линейки валялись на низкомъ табуретѣ. Двое изъ учениковъ были уже юноши лѣтъ по 18—20; они плохо говорили по-русски. Зато мальчикъ лѣтъ 15-ти пребойко и презабавно болталъ съ нами. Онъ объяснилъ, что его зовутъ Фуженъ-чинъ, потомъ по моей просьбѣ написалъ свое имя по-русски, а мою фамилію по-китайски, объяснилъ, что въ школѣ всего обучается 18 учениковъ, что до обѣда они занимаются русскимъ языкомъ, а послѣ обѣда китайскимъ и что школа существуетъ съ прошлаго года. Всѣ трое вышли насъ провожать и вывели опять на набережную.

Солнце спускалось за горы. По небу разлилось море огня. Это море отразилось въ прозрачномъ льду рѣки Сунгари, и алымъ заревомъ покрыло заборы и дома по берегу рѣки. Морозная туманная дымка затянула дали. Отъ этой дымки яркіе красные и оранжевые цвѣта стали бѣлѣе, пріобрѣли молочный, опаловый оттѣнокъ. Озаренные послѣднимъ свѣтомъ, меланхолично засыпали раскидистыя ракиты на берегу. Городъ утихалъ. Магазины затворялись. Прикащики, кто пѣшкомъ, кто верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, спѣшили по домамъ. Кое гдѣ мерцали огоньки, да съ пронзительнымъ крикомъ, неся на лоткѣ фонарь, проходили торговцы съ жареной курицей, приправленной пряными специями, этимъ любимымъ вечернимъ блюдомъ китайцевъ.

Мы съ С* задумчиво брели домой.

Еще часъ, другой—городъ погрузится во мракъ, и только русскій патруль будетъ ходить по нему, да запоздалый офицеръ спѣшно пройдетъ за городъ въ арсеналъ, торопясь на пресловутыя тактическія занятія.

На слѣдующее утро, ясное и морозное, ко мнѣ зашелъ докторъ Клопферъ.

— Пойдемте осмотрѣть кумирни,—предложилъ онъ мнѣ.

Я, конечно, согласился и мы вышли на улицу.

На большой улицѣ, ведшей къ городскимъ воротамъ, мы наткнулись на похоронную процессію. Впереди всѣхъ нѣсколько человѣкъ на громадныхъ и громоздкихъ носилкахъ несли высокую толстую мачту съ какими-то подвѣсками, флагами и изображеніемъ дракона. Сзади, по два въ рядъ, совершенно такъ,

какъ ходятъ у насъ факельщики, медленно шествовали манзы, несшіе бѣлые бумажные флаги, за ними громадная толпа, гдѣ по два, гдѣ по четыре, гдѣ по восьми человѣкъ, несли жертвоприношенія покойнику. Это были сдѣланные, и весьма искусно, изъ бумаги дома со всѣмъ убранствомъ, со стульями, столами, канами, вазами, чашками, эти дома были сажень длиною и почти столько же шириною и сдѣланы изъ разноцвѣтной бумаги соотвѣтствующихъ цвѣтовъ. Они напоминали исполинскія елочныя бонбоньерки; за домами слѣдовали бумажныя кумирни, люди, лошади, посѣдланныя красными сѣдлами, мулы, фудутунки, верблюды съ тюками почти въ натуральную величину, высокіе памятники, сдѣланные подъ камень и изображающіе черепаху, на которой поставленъ столбъ съ надписями о доблестяхъ покойника; позади всей этой длинной процессіи бонбоньерокъ, человѣкъ тридцать манзъ, одѣтыхъ въ зеленыя куртки съ различными надписями, несли тяжелыя носилки. Эти носилки, выкрашенныя въ красную краску, были искусно приспособлены для ношенія ихъ цѣлой толпой; на носилкахъ возвышался навѣсъ или балдахинъ изъ красной матеріи съ богато вышитыми на немъ золотомъ и шелками драконами; подъ балдахиномъ стоялъ гробъ... За гробомъ, какъ у насъ слѣдуетъ вереница каретъ, такъ и тутъ тянулась длинная линія фудутунокъ, запряженныхъ, то мулами, то лошадьми, то простыхъ синихъ и бѣлыхъ, то суконныхъ, обитыхъ золотыми гвоздиками. Въ фудутункахъ сидѣли намазанныя китаянки и китайцы въ бѣлыхъ траурныхъ одеждахъ, еще сзади, на простыхъ двуколкахъ, запряженныхъ нѣсколькими лошадьми и мулами, тоже въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, ѣхали наемныя плакальщицы. Онѣ выли и причитали не хуже нашихъ деревенскихъ бабъ. Процессію, какъ водится и у насъ, сопровождала толпа любопытныхъ, тутъ же плелся и солдатъ-полицейскій и нищіе, и хромые, и убогіе. Все это шествіе, вычурное и странное, похожее на шествіе игрушекъ въ балетѣ „Щелкунчикъ", направлялось за городскую стѣну. Тамъ запылаютъ исполинскія бонбоньерки — бумажныя фанзы и манзы, мулы и верблюды, памятники и деревья—все благосостояніе, которое родные покойнаго желаютъ ему въ иномъ лучшемъ мірѣ. Гробъ зароютъ, носилки унесутъ, толпа факельщиковъ вернется къ купцу, организатору бюро похоронныхъ процесій въ городѣ Гиринѣ, и на мѣстѣ трупа останется невысокая кучка земли, а въ домашнемъ храмѣ китайца прибавится лишняя табличка съ именемъ покойнаго.

— Хотите знать, что по понятіямъ китайца дѣлается съ душою покойника послѣ его смерти? проговорилъ Клопферъ — тутъ въ Гиринѣ есть оригинальная кумирня бога ада и въ ней изображена загробная жизнь китайца.

Предложеніе отвѣчало нашему настроенію и мы повернули ко вторымъ воротамъ, къ кумирнѣ бога ада.

Въ кумирнѣ бритые бонзы звонили въ колокола и желѣзныя била. Туда входили и оттуда выходили манзы. У входа продавали маленькіе бумажные домики, а также пучки тонкихъ курительныхъ свѣчекъ для воскуриванія передъ идолами.

По грязнымъ доскамъ мы спустились къ калиткѣ, охраняемой двумя каменными полинялыми и облѣзлыми драконами, и сквозь нее прошли въ обширный мощеный каменными плитками и кирпичемъ дворъ. Прямо передъ нами на каменномъ возвышеніи была главная кумирня. У рѣзныхъ дверей ея стояли металлическія била и бритый бонза, сопровождаемый толпой любопытныхъ китайцевъ, равнодушно колотилъ въ нихъ палкой. На большой жаровнѣ, вставленныя въ горку пепла, тлѣли тоненькія желтыя свѣчи, издавая непріятный запахъ гари.

Богъ ада (буддійскій Чень-ши-мяо) — громадный идолъ съ серебрянымъ лицомъ и страшно выпученными глазами, окруженный пестрыми драконами, стоялъ посрединѣ кумирни въ угрожающей позѣ. Въ вышину онъ имѣлъ до четырехъ саженей, сдѣланъ изъ соломы съ глиной и известкой и пестро раскрашенъ. Съ правой и лѣвой стороны отъ него были разставлены его короли „енъ-ваны“. Они образовали шпалеры въ направленіи къ богу ада. Подъ ихъ громадными ступнями были сдѣланы маленькіе скорченные человѣчки—манзы, попавшіе въ ихъ власть. По стѣнамъ кумирни, плохо освѣщенные, страшные и грозные, были разставлены стражи бога ада съ копьями и кривыми, пилообразными мечами. У многихъ лица были черныя, на затылкѣ были рога, настоящіе черти, какъ ихъ рисуютъ въ нашихъ народныхъ изданіяхъ. У ногъ бога ада наставлены тарелочки съ лепешечками и печеньемъ, курились свѣчки—все это жертвоприношенія китайцевъ. Тутъ-же стоялъ и маленькій барабанчикъ, употребляемый бонзами во время богослуженій. Отъ главной кумирни покоемъ идутъ двѣ длинныя постройки изъ прочнаго сѣраго кирпича. Каждая изъ построекъ раздѣлена на шесть отдѣленій; отдѣленія заперты рѣшетчатыми калитками, покрашенными красной краской и отъ этихъ рѣшетокъ постройки производятъ впечатлѣніе сараевъ или хлѣвовъ. Здѣсь, въ этихъ боковыхъ

кумирняхъ, представлена картина страшнаго суда и загробной жизни. Всѣ сценки изображены фигурами изъ глины и папье-маше — немного ниже человѣческаго роста — это черти и слуги бога ада—и маленькими куколками въ полъ-аршина—это умершіе праведники и грѣшники. Изображенія грубы и аляповаты, краски рѣзки, покрыты пылью и полиняли, многіе идолы поломаны. Нѣтъ желанія красотою формъ украсить тотъ ужасный разсказъ, который изображаютъ намъ эти куклы. Въ первомъ отдѣленіи чиновникъ бога ада занятъ разборомъ людскихъ дѣлъ. Жалкіе покорные люди стоятъ на колѣняхъ передъ нимъ, ожидая своей участи. Всѣмъ имъ предстоитъ обратиться или снова въ людей, или въ животныхъ, но раньше этого обращенія многіе попадутъ въ адъ, гдѣ претерпятъ мученія за свои грѣхи. Во второмъ отдѣленіи начинаются изображенія людскихъ мукъ. Вотъ праведники переходятъ по мосту, минуя адъ, а рядомъ котлы, гдѣ варятся люди, черные черти сдираютъ кожу съ людей и распиливаютъ ихъ на части. Несчастный манза подвѣшенъ за крюкъ, вставленный ему въ бокъ, а на противоположной сторонѣ висѣлицы самый обыкновенный *нашъ* чортъ съ рогами устанавливаетъ на рычагѣ тѣ самыя гири и чашки, которыми во время земной жизни обмѣривалъ и обвѣшивалъ манза-купецъ. Въ третьемъ отдѣленіи обнаженная женщина поставлена между деревянныхъ колодокъ и два черта распиливаютъ ее вдоль. Это вдова, которая вопреки обычаю китайцевъ, выходила замужъ не за вдовцовъ, а за холостяковъ и притомъ дважды. Теперь одну ея половину отдадутъ одному холостяку, другую-другому. Дальше черти рвутъ кишки людямъ, которые при жизни дѣлали подарки, а потомъ отнимали подаренное обратно. Въ пятомъ отдѣленіи передъ чиновникомъ бога ада стоятъ на колѣняхъ корова и магометанинъ; эта корова пришла жаловаться на магометанина за то, что тотъ убивалъ ее при жизни (китайцы не бьютъ коровъ, считая ихъ только рабочимъ скотомъ). Тутъ же рѣжутъ ножомъ человѣка, который обижалъ другихъ съ цѣлью выдвинуться самому (вспомните русское выраженіе: „безъ ножа зарѣзалъ"—уже не отсюда-ли?). Еще дальше сдираютъ кожу съ людей, носившихъ при жизни платье, не соотвѣтствующее ихъ званію, тутъ же и прелюбодѣй, сжигаемый на желѣзной кровати люди, убившіе ради мѣха собакъ, пожираются псами, цѣлую толпу людей сбрасываютъ со скалы, усѣянной ножами... и много еще пытокъ и истязаній представлено маленькими фигурками... Но вотъ мученья кончены. И праведники, и грѣшники попадаютъ

въ послѣднее отдѣленіе, гдѣ идетъ раздача кожъ. Шкура чиновника ожидаетъ праведника, потому что, по понятіямъ китайцевъ, нѣтъ лучше жизни и полезнѣе дѣятельности, какъ жизнь и дѣятельность чиновниковъ; шкуры тигра, змѣи, собаки, рыбы приготовлены для окончившихъ пытки. Громадный чертъ предупредительно держитъ собачью шкуру, готовый подать ее кому надо. Здѣсь же стоитъ старушка Муй-пуо,—дарующая превращеннымъ изъ бутылочки спасительный нектаръ забвенія. Его получаютъ бывшіе люди и забываютъ, что они были когда-то людьми. Еще мгновеніе и ихъ кидаютъ въ печь (вспомнимъ огонь чистилища), на стѣнѣ кумирни изображенъ дымъ этой печи и изъ дыма вылетаютъ превращенные люди, звѣри, животныя, птицы, насѣкомыя и рыбы. Тутъ же есть и обратное изображеніе — змѣя за хорошую жизнь обращается обратно въ женщину...

Какая смѣсь наивныхъ вѣрованій! Чего-чего тутъ нѣтъ! и адъ, и рай, и страшный судъ... Неужели отсюда, изъ кумирни Чень-ши-мяо идетъ нашъ разсказъ о мукахъ адовыхъ, неужели и древній міръ черпалъ свои вдохновенія отсюда же? Неужели Китай внесъ свою долю вѣрованій въ суевѣрія темной толпы, или страхъ передъ неизвѣстностью смерти, желаніе облечь ее въ видимыя и ужасныя формы, общій для всѣхъ народовъ, племенъ, расъ и цвѣтовъ кожи? У насъ мягкая христіанская религія уже давно вытѣснила грубый разсказъ объ адѣ, сказки древняго міра считаются только сказками, а здѣсь въ полной силѣ эта вѣра въ метаморфозы и въ загробныя физическія страданія. Что же это, какъ не младенчество? Идолы покрыты пылью; правда, имъ, или эмблемѣ ихъ, еще кланяются и у алтарей дымятся свѣчи, но уже нѣтъ никого, кто бы заботился о ихъ реставраціи, окраскѣ и починкѣ. Они отживаютъ свой вѣкъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ покинули мы съ докторомъ эту кумирню...

— Но у китайцевъ есть и своя заступница, богиня милосердія, — промолвилъ Клопферъ. — Пойдемте посмотримъ ея кумирню...

Идти пришлось недалеко, все вдоль стѣны, по дорогѣ, заставленной деревенскими подводами съ чумизой, гаоляномъ, хворостомъ и дровами. У восьмыхъ гиринскихъ воротъ мы увидали красивую двухъэтажную кумирню бога войны и при ней, на второмъ дворѣ, кумирню богини милосердія. Богиня милосердія изо-

бражена въ видѣ женщины въ пестрыхъ одеждахъ, держащей въ рукахъ глаза. Она почитается цѣлительницей всякихъ, но особенно глазныхъ болѣзней. Такъ же какъ и у бога ада, вдоль стѣны, стояли помощницы богини. Одна держала двухъ дѣтей, такъ какъ богиня даруетъ бездѣтнымъ дѣтей; другая кормила грудью ребенка—богиня возвращаетъ матерямъ молоко... Съ края былъ страшный стражъ съ мечемъ, охранявшій богиню отъ злого духа. Въ капищѣ богини было оживленіе. То и дѣло входили китайцы и китаянки, чаще послѣднія, бухали на колѣни, лежали на четверенкахъ, вставали, воскуривали тоненькія свѣчки, которыя продавались пачками въ притворѣ...

Въ Гиринѣ много есть еще кумиренъ, но тамъ тѣ же идолы, злые и добрые боги, и въ ихъ изображеніяхъ не такъ рѣзко проглядываетъ идейная сторона китайской религіи. Заходили мы и къ бонзамъ. Тѣ же темныя комнатки съ каномъ, тѣ же столы и столики, вазочки и бездѣлушки изъ нефрита и группы въ рамкахъ, и также обязательный безвкусный жидкій чай безъ сахара, какъ и у другихъ богатыхъ китайцевъ...

— Если у васъ крѣпкіе нервы,—проговорилъ на пути домой докторъ,—вамъ нужно посмотрѣть еще казнь и страшную *уанъренъ-канъ*—яму миріады тѣлъ.

— Крѣпкіе или некрѣпкіе, а посмотрѣть необходимо, потому что я обязанъ разсказать о Гиринѣ, начертать его возможно подробнѣе со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами, — отвѣчалъ я.

И я посмотрѣлъ. Это сцены, которыя никогда не забудешь, которыя вѣчно, въ тяжелыя минуты одиночества будутъ грезиться, пугать разстроенное воображеніе по ночамъ. Тяжелыя картины! Вся пылкая декадентская фантазія Эдгара Поэ, вылившаяся въ картинахъ смерти, всѣ его Лигейи, Мореллы, гибель дома Эшеровъ, Красная Смерть, блѣднѣютъ передъ тою дѣйствительностью, передъ тѣмъ ужаснымъ настоящимъ, которое открыто совершается и въ Гиринѣ, и въ Мукденѣ, и въ Пекинѣ, и въ Тьелинѣ.

Я буду кратокъ, я пощажу ваши нервы и набросаю лишь въ общихъ чертахъ эти язвы китайскихъ административныхъ центровъ.

На смертную казнь въ Гиринѣ смотрятъ легко. Почти ежедневно рубили и рубятъ, по приказанію дзянь-дзюня, головы хунхузамъ, людямъ, обвиненнымъ въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ, наконецъ простымъ убійцамъ. Казнь производится обыкновенно утромъ у седьмыхъ воротъ. Преступниковъ въ ихъ

обычныхъ бѣдныхъ одеждахъ, съ руками и ногами, закованными въ тяжелыя деревянныя колодки, сажаютъ на двуколки и везутъ изъ тюрьмы на лобное мѣсто. По дорогѣ китайцы выносятъ имъ небольшіе стаканчики ханшина и напаиваютъ несчастную жертву до состоянія безразличія ко всему.

За городомъ, между жалкихъ пригородныхъ фанзъ, у подножія громадной горы съ дикими скалистыми боками, изрѣзанными временемъ, горы желтой, лишенной растительности и словно напоминающей о суровости иного, новаго міра, возлѣ полей гаоляна есть песчаная площадка. Уже издали по вѣтру доносится ужасный запахъ гніющаго человѣческаго тѣла, запахъ „ямы миріады тѣлъ". Вотъ и она. Она окружена невысокой черной деревянной рѣшеткой, сажени три въ квадратѣ. Эту рѣшотку и крышку на петляхъ надъ нею преступники, осужденные на смерть, видятъ и обоняютъ. Они знаютъ, что и ихъ обезглавленныя тѣла скоро будутъ тамъ, среди миріады имъ подобныхъ. Они видятъ и небольшія клѣтки около аршина въ квадратѣ, приготовленныя для ихъ головъ. На площади небольшая толпа народа ждетъ казни. Казнь дѣло обыкновенное, стремиться смотрѣть ее нечего... Тутъ и палачъ съ длиннымъ мечомъ, немного похожимъ на нашу косу. И представитель дзянь-дзюня со стрѣлою,—знакомъ права на смерть. Преступниковъ сгружаютъ съ арбъ, они покорно становятся на колѣни и опускаютъ головы. Имъ закручиваютъ руки назадъ. Смерть неизбѣжна, жить осталось нѣсколько минутъ. Палачъ, улыбаясь, пробуетъ мечъ, толпа смѣется, шутитъ; въ толпѣ равнодушіе къ торжественному акту и лишь любопытство къ тому, насколько ловокъ палачъ. Но вотъ лица становятся серьезнѣе, иные блѣднѣютъ.

Сейчасъ начнется. Преступники смотрятъ на первую жертву. Вотъ палачъ подошелъ, обѣими руками занесъ мечъ надъ головой, что-то хряпнуло, взмахнулась коса на головѣ у палача и съ глухимъ стукомъ упала на землю отрубленная голова. Секунду тѣло еще стоитъ на колѣняхъ. Безобразно бѣлѣютъ кости позвоночнаго столба, торчатъ жилы и брыжжетъ кровь. Вотъ и оно рухнуло...

— „Шанго"!—говоритъ слѣдующій и вытягиваетъ шею для болѣе ловкаго удара.

— „Хау, хау",—выражаютъ свое одобреніе дзянь-дзюньскіе чиновники.

Слѣдующая, потомъ третья, четвертая головы падаютъ, отрѣзанныя однимъ ловкимъ ударомъ. Но на седьмомъ ударѣ сабля

тупится. Голова не упала, но лишь склонилась, палачъ пилитъ кожу; тѣло, стоящее на колѣняхъ, качается и тяжело падаетъ на землю. Надо перемѣнить ножъ. Толпа молчитъ, но смуглыя лица въ ней не выражаютъ волненія, они улыбаются...

Казнь кончена. Головы казненныхъ собраны въ клѣтки; къ тѣламъ, изъ которыхъ вытекла кровь, подходятъ тюремные сторожа. Съ обезглавленныхъ людей сбиваютъ колодки, потомъ снимаютъ одежды, зацѣпляютъ крюкомъ за что попало—за ребро, за ногу, за животъ и по пыли волокутъ къ ямѣ. Бѣлыя руки и ноги безпомощно взмахиваютъ въ воздухѣ надъ ямой въ послѣдній разъ и съ глухимъ шумомъ исчезаютъ за деревянной рѣшеткой. Толпа расходится. На пескѣ чернѣютъ лужи крови, свиньи и собаки пробираются къ этимъ лужамъ.

Китайское правосудіе совершилось. „Кантами", кончено, нѣсколько новыхъ тѣлъ прибавилось въ ямѣ миріады тѣлъ. . .

. . . .

Въ сопровожденіи малоросса, Каргопольскаго драгуна, я подъѣзжалъ утромъ 29 ноября къ этой ямѣ.

Надо за вѣтромъ, ваше благородіе,—проговорилъ драгунъ,— а то духъ нехорошій идетъ.

— А ты былъ тутъ?—спросилъ я.

— Точно такъ,—неохотно отвѣтилъ драгунъ,—первый разъ просто невозможно смотрѣть—такая страсть, потомъ ничего, привыкаешь.

— А яма закрыта?—спросилъ я.

— Когда бываетъ закрыта, когда нѣтъ. Да открыть всегда можно...—Онъ посмотрѣлъ—сейчасъ открыта,—проговорилъ онъ.

Я слѣзъ съ лошади, зашелъ за рѣшетку и вступилъ на деревянную крышку ямы. Передо мною было отверстіе немного больше аршина ширины и длины.

Яма миріады тѣлъ... Уанъ-ренъ-канъ...

Да, это миріада тѣлъ, тѣлъ безголовыхъ, почернѣвшихъ разрушившихся. На основаніи безчисленныхъ костей, расплывчатыми образами рисовались темныя, сгнившія тѣла. Съ трудомъ можно было различать ноги и руки въ общей кашѣ, кишащей бѣлыми червями. И на самомъ верху отчетливо рисовались два болѣе свѣжіе обезглавленные, обнаженные трупа...

Ужасная картина! Человѣческій умъ не въ состояніи придумать такого ужаса, какъ эта окруженная черной рѣшеткой открытая, вонючая яма. Сколько ихъ тутъ, въ этой ямѣ?! Сотни, тысячи, можетъ быть сотни тысячъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ

Гиринъ, эта яма наполняется и не можетъ наполниться. Низы гніютъ, разсыпаются, обращаются во прахъ, въ ничто... Она почти полна. До верхнихъ труповъ не болѣе двухъ аршинъ, но они каждый день опускаются. Страшный смертельный процесъ идетъ на глазахъ у всѣхъ.

Когда я отшатнулся отъ этой могилы миріады тѣлъ—голубое небо показалось мнѣ блѣднымъ и скучнымъ и жизнь противной...

Занявши Гиринъ, мы не вмѣшиваемся въ китайское управленіе и законы. Наша политика „laisser faire, laisser passer“, но есть вещи, которыя несовмѣстимы съ близостью привѣтливаго, бѣлаго съ синимъ и краснымъ флага. Яма должна быть засыпана, смерть не должна испытывать поруганія и самое кантами пора уничтожить. Со всѣхъ сторонъ въ Гиринъ стучится Европа. Вотъ на окраинѣ города рядъ чистыхъ фанзъ. Здѣсь уже 13 лѣтъ живетъ mister Грейгъ—докторъ. Онъ англичанинъ. Его послало сюда ирландское благотворительное общество и онъ устроилъ больницу для китайцевъ. Онъ одинъ, съ женою и съ ребенкомъ, прожилъ 13 лѣтъ среди чужой культуры, онъ одинъ устроилъ эти лакированныя парты въ своей аудиторіи, гдѣ онъ принимаетъ больныхъ и говоритъ о Великомъ Богѣ; онъ одинъ устроилъ аптеку, хирургическій кабинетъ и помѣщенія для больныхъ мущинъ и женщинъ. Всюду чистота, порядокъ, даже щегольство.

— Какъ хорошо у васъ устроено, мистеръ Грейгъ, very good...—говорю я.

— Не говорите мнѣ комплиментовъ, вы конфузите меня—ломанымъ русскимъ языкомъ отвѣчаетъ мистеръ Грейгъ.

Да, такому дѣлу и не пристали комплименты. Это полное отверженіе отъ самаго себя и отдача всего своего „я“ на пользу далекому—ближнему. Тутъ живутъ еще англійскіе миссіонеры, есть французъ monseigneur и два abbé католика. Жутко имъ пришлось во время боксерскихъ волненій. Грейгъ счастливо уѣхалъ, а одинъ изъ abbé двѣ недѣли просидѣлъ въ камышахъ, пока его не нашелъ разъѣздъ штабсъ-ротмистра Булатовича.

Благодаря ли казнямъ и ужасной ямѣ, видѣнной мною, благодаря ли сѣрымъ стѣнамъ, сѣрымъ домамъ и сѣрой толпѣ, или вслѣдствіе болѣзни и суровой холодной погоды, но Гиринъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Въ этомъ громадномъ городѣ, съ безконечными рынками, узкими извилистыми переулками, среди китайской грязи, совсѣмъ затерялись наши войска· 14-й и 16-й стрѣлковые полки, батарея, сотня, штабъ корпуса,

правленіе бригады, управленіе артиллеріи, госпиталь,—все это затушевалось среди многотысячной толпы манзъ, купцовъ, чиновниковъ, фудутуновъ. Въ Цицикарѣ, въ Куанчендзахъ войска стоятъ кучно. Образуется плотная русская колонія, легче живется солдатамъ и офицерамъ. Здѣсь все разбросано. Штабъ корпуса занялъ бывшую военную школу недалеко отъ вторыхъ воротъ, управленіе бригады и артиллеріи и три роты 14-го полка стоятъ въ импаняхъ арсенала въ трехъ верстахъ отъ штаба. Одна рота 14-го полка перебросилась на правый берегъ Сунгари, 16-й полкъ разбитъ по ротно по грязнымъ постоялымъ дворамъ между восьмыми и четвертыми воротами, а 1-я рота его можетъ видѣть и обонять ужасную яму миріады тѣлъ, сотня попала на набережную, а батарея вышла совсѣмъ за городъ. Произошло это отъ того, что здѣсь не русскіе выбирали себѣ фанзы и импани, а китайцы назначали постройки для постоя.

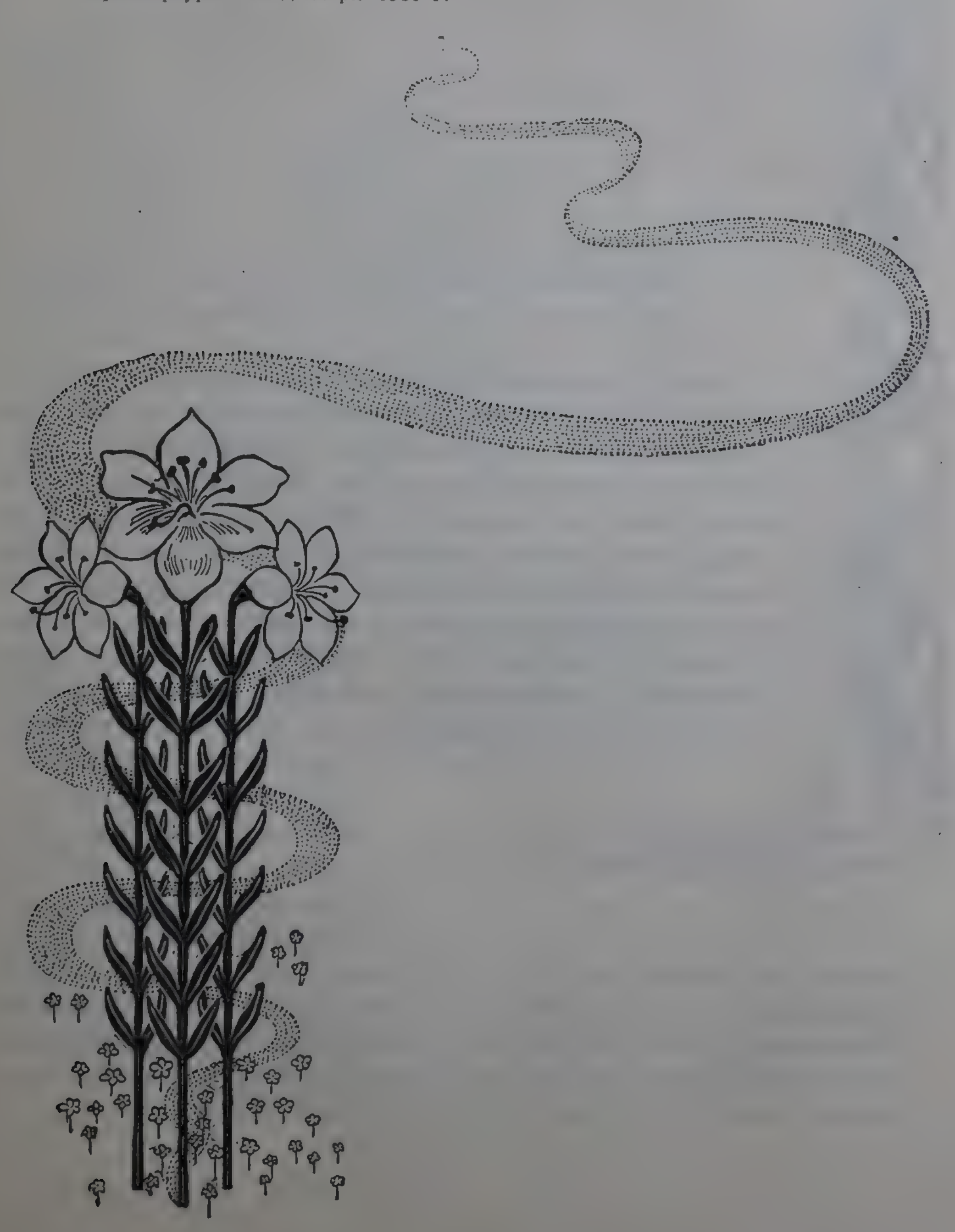
Оттого, несмотря на обиліе построекъ, и построекъ богатыхъ, въ Гиринѣ лошади сотни Аргунскаго полка зябнутъ день и ночь на коновязи, оттого бѣдны и жалки помѣщенія офицеровъ и солдатъ и тяжка ихъ жизнь. Мы были деликатны, мы пожалѣли сдавшагося намъ дзянь-дзюня, не захотѣли военнымъ постоемъ обременить города. Что же китайцы? Этотъ полудикій и грубый народъ зазнался: былъ даже случай, что на перекресткѣ и въ грязную пору одинъ богатый купецъ крикнулъ на русскаго офицера „цуба капитанъ"! Здѣсь, въ Гиринѣ, вступила въ силу дипломатія и началось няньченье съ грязными и нахальными дзянь-дзюнями и положеніе воиновъ-побѣдителей стало жуткимъ...

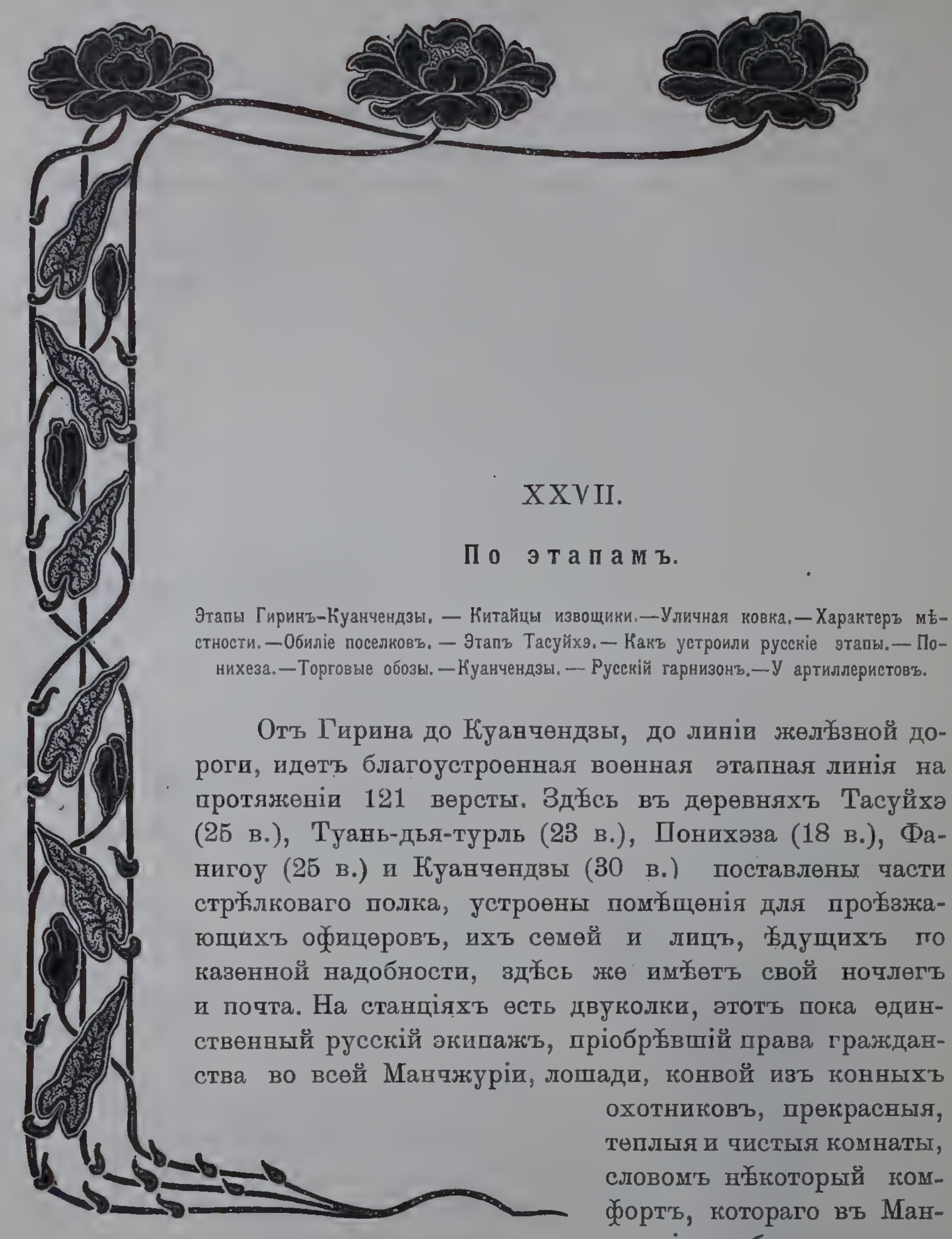
Ни спектаклей, ни баловъ, ни вечеровъ. Полковыя дамы пытаются собрать молодежь на огонекъ, пытаются устроить журъфиксы, вечеринки, но, выходятъ одни сплетни. Карты, шансонетки въ „Россіи", а тамъ, скука и ожиданіе, когда уведутъ, отпустятъ въ отпускъ, переведутъ въ иную стоянку. Пойдти въ гости—но разстоянія одолѣваютъ. Шататься по темнымъ улицамъ одному, ночью, пять-шесть верстъ—охотниковъ мало. Оттого въ Гиринѣ скучнѣе нежели даже въ маленькой Нингутѣ, и особенно нежели въ дружной и тѣсной семьѣ гарнизона Куанчендзы. А между тѣмъ дайте только опредѣленную мечту молодежи, что черезъ два, три года можно перевестись обратно въ Россію—пойдетъ иная жизнь, будетъ другая работа.

Но лично я съ грустью покидалъ Гиринъ. Еще разъ подтвердилась пословица, что люди красятъ мѣсто. Здѣсь я нашелъ людей истинно прекрасныхъ, добрыхъ, отзывчивыхъ, удивитель-

ныхъ людей. Такихъ людей мало въ Россіи, они рѣдки и въ Сибири. Ихъ создали лишенія походовъ, ихъ создала великая, но и тяжелая боевая служба на далекой чужбинѣ. Они вылѣчили и выходили меня, они и снабдили меня на дорогу теплыми вещами и истинно по товарищески проводили меня изъ этого далекаго уголка Манчжуріи, гдѣ ярко загорѣлся русскій свѣтъ, гдѣ съ войсками пришла школа, придетъ, Богъ дастъ и широко разовьется и русская культура, и русская торговля.

Портъ-Артуръ. 6 декабря 1901 г.





XXVII.

По этапамъ.

Этапы Гиринъ-Куанчендзы. — Китайцы извощики.—Уличная ковка.—Характеръ мѣстности.—Обиліе поселковъ. — Этапъ Тасуйхэ.— Какъ устроили русскіе этапы.— Понихеза.—Торговые обозы.—Куанчендзы.— Русскій гарнизонъ.—У артиллеристовъ.

Отъ Гирина до Куанчендзы, до линіи желѣзной дороги, идетъ благоустроенная военная этапная линія на протяженіи 121 версты. Здѣсь въ деревняхъ Тасуйхэ (25 в.), Туань-дья-турль (23 в.), Понихэза (18 в.), Фанигоу (25 в.) и Куанчендзы (30 в.) поставлены части стрѣлковаго полка, устроены помѣщенія для проѣзжающихъ офицеровъ, ихъ семей и лицъ, ѣдущихъ по казенной надобности, здѣсь же имѣетъ свой ночлегъ и почта. На станціяхъ есть двуколки, этотъ пока единственный русскій экипажъ, пріобрѣвшій права гражданства во всей Манчжуріи, лошади, конвой изъ конныхъ охотниковъ, прекрасныя, теплыя и чистыя комнаты, словомъ нѣкоторый комфортъ, котораго въ Манчжуріи вообще еще очень мало. Когда я ѣхалъ здѣсь, въ концѣ ноября 1901 года, этапная линія была только что закончена. Перегонъ отъ Гирина на Куанчендзы обыкновенно дѣлаютъ на перемѣнныхъ лошадяхъ въ два дня. Ѣдутъ въ Туань-дья-турль, или прямо до Понихэза (66 в.) и на другой день въ Куанчендзы. Такъ я и сдѣлалъ.

30-го ноября утромъ я съ докторомъ К., ѣхавшимъ по дѣламъ службы въ Портъ-Артуръ, покинулъ Гиринъ и по неуклюжей мостовой, къ тому-же еще обледенѣлой, заковылялъ по тѣснымъ улицамъ къ седьмымъ воротамъ. Погода была мягкая, ночью набѣжали тучки и морозъ сбавилъ. Было градусовъ 6—7 мороза. Постоявши нѣсколько минутъ у городскихъ воротъ, въ ожиданіи когда проѣдетъ громадный обозъ китайскихъ арбъ, мы выѣхали въ предмѣстье.

При встрѣчахъ съ обозами я никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь изъ китайцевъ билъ мула или лошадь. Не видалъ я и обычныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ сценъ, когда громадный перегруженный ломовой возъ вдругъ загрузнетъ и станетъ; красивый битюгъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы вытащить возъ, на его крупѣ появляются морщины кожи, онъ всею мощною грудью ложится въ хомутъ, а возъ все стоитъ; и вотъ грубая брань летитъ по его адресу, сыпятся удары возжей съ желѣзной пряжкой, или полѣномъ, дубиной, чѣмъ попало, по животу, по спинѣ, по самымъ больнымъ мѣстамъ; животное надсаживается, торопится, но возъ перегруженъ и оно не можетъ его сдвинуть; и вотъ вспотѣвшее, съ измученными, полными нѣмого укора глазами, тяжело дыша, останавливается оно и стоитъ, безпомощно разставивъ ноги, а брань, и удары продолжаютъ сыпаться на избитое тѣло, и собравшаяся толпа даетъ совѣты, какъ больнѣе досадить несчастной лошади. Здѣсь этого нѣтъ. Длинный бичъ, необходимая принадлежность китайской арбы, больше щелкаетъ по землѣ, лишь изрѣдка задѣвая по спинамъ милыхъ ослушниковъ, возжей нѣтъ, но „уб“ „уб“ гортанное и разно выговариваемое или характерное „трр“ заставляетъ умныхъ животныхъ принимать вправо, или влѣво, поворачивать, идти и останавливаться. Если выйдетъ замѣшательство, погонщикъ выбѣжитъ впередъ и поправитъ задержавшихся муловъ и лошадей.

И вмѣстѣ съ этимъ, очень часто, на улицѣ у постоялыхъ дворовъ въ деревнѣ — вы видите варварскій станокъ для повала лошадей, видите и лошадь лежащую на землѣ въ самой неудобной позѣ и китайца кузнеца, гнущаго раскаленное желѣзо прямо на копытѣ. Живой рогъ шипитъ и дымитъ и страшно смотрѣть въ расширенные отъ боли темные глаза лошади. Холодной ковки я не видалъ въ Манчжуріи... А впрочемъ, давно ли поваль и пригонка копыта по подковѣ вывелись въ нашихъ богоспасаемыхъ городахъ и весяхъ?

Въ предмѣстьѣ — улицы шире, вмѣсто досчатой мостовой

вьется пыльная дорога, вправо виднѣется страшная черная рѣшетка „уанъ-ренъ-канъ“, со своей горой, будто сорвавшейся съ декораціи Вальпургіевой ночи, видна хорошенькая кумирня на горѣ; мы сворачиваемъ мимо кладбища, состоящаго изъ безконечнаго ряда кучекъ земли, насыпанныхъ близко, близко одна къ другой, спускаемся къ рѣчкѣ и въѣзжаемъ въ раздолье полей и нивъ китайскихъ деревень.

Дорога узка. Она не отмежевала себѣ полверсты, какъ въ нашихъ раздольныхъ степяхъ, гдѣ широкою черною лентой вьется степная дорога, гдѣ каждый хохолъ прокладываетъ себѣ новый путь, норовя въ грязь непремѣнно проѣхать цѣлиной, но узкая, въ одну колею, съ рѣдкими разъѣздами, тянется она между полей гаоляна. Горы по мѣрѣ удаленія отъ Гирина становятся ниже, скромнѣе, долина шире. И по всему широкому кругозору видны дугообразныя полосы и бороздки съ маленькими торчками сухого и жесткаго камыша гаоляна. Бѣда для кавалеріи. Въ этихъ торчкахъ легко поранить ноги лошадямъ, нанести имъ опасныя засѣчки. Камышины остры, какъ ножи, и высовываются гдѣ на два вершка, гдѣ на четверть надъ землей.

Повсюду видны маленькія деревушки. Въ этомъ отношеніи китайская земледѣльческая культура выше нашей. Манзы не селятся большими обществами, какъ черноземная русь, гдѣ слободы и станицы имѣютъ иногда нѣсколько тысячъ человѣкъ обитателей, но ихъ деревушки напоминаютъ маленькіе финскіе поселки, они часты, но невелики и всѣ обсажены деревьями. Почти подлѣ каждой деревушки, по кругу или овалу, растутъ громадныя вѣковыя дерева—это священная роща предковъ. Часто по дорогѣ видишь громадные дворы, обнесенные глинянымъ или деревяннымъ заборомъ и длинныя фанзы за ними. У воротъ непремѣнно мотается на шестѣ рядъ обручей оклеенныхъ пестрой бумагой или торчитъ деревянная, грубо сдѣланная, рыба. Это китайскіе трактиры. Въ нихъ видишь заночевавшее стадо большихъ черныхъ свиней, много муловъ и лошадей, арбъ и повозокъ, иногда и нѣсколько „фудутунокъ“. Внутри есть каны, есть „чофанъ“, гдѣ пекутъ лепешки, варятъ рисъ и чай, готовятъ свинину и куръ.

На шестой верстѣ отъ Гирина находится горный перевалъ. Горы поросли лѣсомъ, дорога на перевалѣ усыпана каменьями, иногда въ человѣческую голову величиной. На самой вершинѣ, у дикаго обрыва поставлена кумирня, Она красиво, декоративно расположена среди разнообразныхъ породъ деревъ и кустовъ, между песчаныхъ осыпей. Спустившись за перевалъ дорога идетъ

все ровнѣе и ровнѣе, еще двадцать верстъ ѣзды между полей и вы видите среди сѣрыхъ фанзъ китайской деревни нѣсколько бѣленькихъ, словно малороссійскихъ заборовъ и хатъ, мачту съ русскимъ флагомъ и доску надъ воротами, гласящую, что это этапъ № 1 „Тасуйхэ“. Стрѣлокъ-часовой у воротъ, кучка людей въ полушубкахъ увидавъ васъ бѣжитъ во внутрь предупредить старшаго, что нужны лошади. Черезъ ворота вы попадаете во дворъ. Дворъ, чисто выметенный, всюду порядокъ, вывѣски „квартира коменданта“, „обозные“, „команда“, „квартира для проѣзжающихъ“. Вы отворяете дверь и передъ вами двѣ теплыхъ комнаты съ русскими печами и двойными окнами. Тепло, просторно, не вѣришь, что это китайская фанза. На окнахъ повѣшены занавѣски, стоятъ деревянныя постели, крытыя одѣялами, нѣсколько столовъ и стульевъ.

Едва вы вошли, какъ уже расторопный солдатъ идетъ къ вамъ съ предложеніемъ: самоваръ прикажете, ваше благородіе, или горячаго.

— Да развѣ есть горячее? спрашиваете вы.

— Точно такъ, вопросительно-удивленно говоритъ сибирякъ, можно курицу, или щи сготовить... Но вы торопитесь. Уже солнце перевалило за полдень, лошадей перемѣнили, время ѣхать...

И опять поля безъ конца. Мѣстами вдоль дороги насажены кусты и деревья, по межамъ тоже здѣсь и тамъ ростутъ высокіе дубы и осоки. Встрѣчныхъ много. То попадется длинный обозъ съ китайскими вещами, то на вереницѣ арбъ тянутся ящики съ виномъ, консервами, табакомъ и прочимъ товаромъ изъ Россіи, и сзади на маленькой манзовской лошадкѣ въ огромной шубѣ-барнаулкѣ и въ папахѣ ѣдетъ безъ всякаго конвоя русскій „купецъ“. Онъ заподрядилъ эти арбы отъ Куанчендзы, копѣекъ по двадцать съ пуда, считая, что на арбу пойдетъ по 50 по 60 пудовъ груза. Попавъ въ такой обозъ погружаешься въ облако пыли. Мулы, испугавшись, скачутъ въ сторону, манзы-проводники усиленно кричатъ „уó, уó“, чмокаютъ и уговариваютъ ихъ — минута,—порядокъ возстановленъ, только скрипятъ арбы, да пыль стоитъ столбомъ надъ дорогой...

Незамѣтно мелькаютъ версты. Солнце, бывшее слѣва, появляется передъ лицомъ и горизонтъ краснѣетъ. Становится холоднѣе. Послѣдній перегонъ приходится ѣхать въ темнотѣ. Вотъ большая арка, доска съ надписью: „деревня Понихеза“. Ночлегъ... Въ теплой комнатѣ, въ бесѣдѣ съ комендантомъ мы за-

бываемъ морозъ и усталость. Сытный ужинъ насъ ожидаетъ... Потомъ и сонъ.

Этапы Куанчендзы — Гиринъ — гордость этого края. Нигдѣ внутри Россіи нѣтъ такихъ изящныхъ почтовыхъ станцій, какъ здѣсь. Но нельзя сказать, чтобы жизнь коменданта была легка. Кругомъ китайская деревня. Деньги можно только копить, и копить, имѣя отдаленную мечту попасть когда-либо въ отпускъ, или добиться перевода въ Россію.

За Понихезой горы совсѣмъ уходятъ, холмы становятся рѣже и вскорѣ широкая равнина, степь, но степь запаханная, открывается нашему взору. Мы на границѣ Монголіи. Куда ни взглянешь—всюду бороздки полей и желтые торчки гаоляна и чумизы, да маленькія деревушки...

Вотъ къ дорогѣ прицѣпилась узенькая рѣчка, дорога идетъ по обрыву берега, вдали видна роща, а за рощей тысячи бѣлыхъ, дымовъ идутъ прямо вверхъ.

Былъ морозный вечеръ, когда мы подъѣзжали къ гор. Куанчендзы. На поблѣднѣвшемъ и покрывшемся розовой краской заката небѣ, почти что изъ подъ самой земли, изъ низкихъ кановыхъ трубъ вырывались бѣлые дымы соломеннаго и кизечнаго дыма. Узенькій деревянный мостъ велъ черезъ рѣчку къ каменнымъ городскимъ воротамъ съ китайской башенкой. Высокая каменная стѣна тянулась вдоль берега, какая-то безобразная шишковатая башня возвышалась надъ первой кумирней; дорога, пройдя въ ворота, уперлась въ широкую, конечно относительно широкую, улицу, примѣрно, какъ Гороховая въ Петербургѣ, и мы повернули по ней направо къ этапу. Рядъ лавокъ, навѣсовъ, вывѣсокъ, то въ видѣ вертикальныхъ черныхъ досокъ, то въ видѣ маленькихъ квадратныхъ и ромбическихъ дощечекъ, связанныхъ цѣпочками открылся передъ нами. Предметы торговли были тѣ же, что въ Гиринѣ, но выставки въ лавкахъ и вывѣски были ярче, богаче, обширнѣе, все было расчитано на вкусъ азіата-монгола. И торгъ въ Куанчендзы шелъ виднѣе, былъ шире и и оживленнѣе, чѣмъ въ Гиринѣ. Городъ, вслѣдствіе отсутствія грубо стесанныхъ изъ досокъ заборовъ, былъ оригинальнѣе. Всѣ фанзы изъ кирпича, или изъ камня. Постоялые дворы громадной величины, расчитаны на большой съѣздъ. Этапъ былъ занятъ семейнымъ офицеромъ. Комендантъ предлагалъ разгородиться холстомъ, но мы съ докторомъ не пожелали стѣснять даму и пошли искать пріюта у добрыхъ людей. И добрые люди, и пріютъ живо нашлись. Насъ пригрѣла стоящая здѣсь батарея.

Гарнизонъ Куанчендзы занялъ одну боковую улицу. Всѣ части размѣстились въ бывшихъ постоялыхъ дворахъ, которыми была застроена эта улица. Работа по приспособленію была громадная. Всѣ дворы были покрыты навозомъ, выбиты и затоптаны, въ порядочныхъ каменныхъ фанзахъ не было половъ и длинныя окна, какъ галлерея, тянулись вдоль всей стѣны. Не одна тысяча возовъ песку была ввезена во дворы, почти годъ работали артиллеристы и стрѣлки, настелили полы, выложили стѣны, вставили окна, подѣлали потолки и печи. Вмѣсто грязныхъ фанзъ явились недурныя одноэтажныя казармы. Все сбито въ кучу, въ одно мѣсто. Вся русская колонія заняла одинъ уголокъ и составилась тѣсная русская семья.

На другой день при 19 градусахъ мороза надъ Куанчендзы разразилась одна изъ тѣхъ бурь, которыя только и возможны въ Монголіи и юго-западной Манчжуріи. Когда я вышелъ на улицу, чтобы наблюдать чужую, новую жизнь — не было видно стѣнъ домовъ на той сторонѣ. Все было затянуто пылью. Пыль царила вездѣ. Городъ представлялъ изъ себя нѣкоторое подобіе песчанаго смерча. Морозъ хваталъ за уши, за носъ, вѣтеръ распахивалъ бурку, игралъ полами пальто. Въ облакѣ пыли иногда вырисовывалось запряженное цугомъ стадо лошадей или муловъ и слышалось „у-о, у-о!“, да полузамерзшій мальчишка бѣжалъ за мной, жалобно крича „шанго капитанъ деньги нѣтъ, деньги давай“ и при этомъ крестился, хотя врядъ-ли онъ былъ христіанинъ.

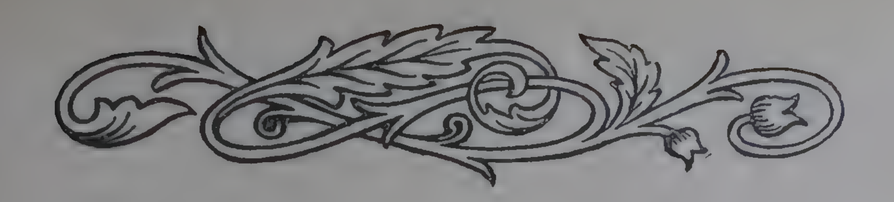
Кумирни, лавки, товары—все было затянуто пылью. Ни видѣть, ни снимать. Пришлось вернуться домой и попасть на обычный воскресный пирогъ у жены командира батареи.

Вся батарея была въ сборѣ. Радушная хозяйка суетилась за столомъ, забывая сама ѣсть. Въ просторной столовой, убранной по-русски, забывалось, что мы въ Манчжуріи... Да мы и не были въ Манчжуріи. Въ Манчжуріи не ѣдятъ такихъ горячихъ малороссійскихъ колбасъ, заливного поросенка, пирога съ капустой и еще многихъ яствъ, заѣдая все чуднымъ мороженымъ. Ни слова жалобы, ни тоски, ни стона среди офицеровъ. Всѣ веселы и оживлены. Привѣтливъ бригадный генералъ, радушны хозяева, послѣдній „юнецъ“ подпоручикъ, едва изъ училища и тотъ и веселъ, и оживленъ, ничуть не тоскуетъ въ китайскомъ Куанчендзы, гдѣ кромѣ манзъ и пыли ничего нѣтъ. И не затоскуетъ. А почему? — Да потому, что онъ находится въ такой прочной военной семьѣ, которую забрось хотя на сѣверный полюсъ и тамъ она будетъ весела и бодра. Эта артиллерійская семья

едина. Она связана однимъ училищемъ въ высшимъ образованіемъ, а образованіе, или скажемъ словами поэта — „науки намъ сокращаютъ дни быстро текущей жизни“.

Послѣ обѣда въ уютной гостиной раздались неизбѣжные возгласы: „пасъ“ „двѣ пики“ и иные, которые за незнаніемъ игры боюсь перепутать. Я простился съ радушными хозяевами и въ чудной ихъ коляскѣ покатилъ на желѣзнодорожную станцію, находящуюся въ пяти верстахъ отъ города.

Портъ-Артуръ, 9-го декабря 1901 года.



XXVIII.

Къ Портъ-Артуру.

Китайская восточная желѣзная дорога.—Перевозка китайцевъ.—Замерзшіе манзы.—Станція Тьелинъ-сянъ.—Почетный караулъ русскихъ и китайцевъ.—Квантунъ.—Взглядъ назадъ на китайскую дорогу и охранную стражу.

Отъ Харбина на Портъ-Артуръ движеніе непрерывныхъ поѣздовъ уже установлено. Четыре раза въ недѣлю ходятъ поѣзда съ приспособленными классными вагонами и почти каждый день проходятъ товарные поѣзда. До станціи Кундюлинъ (второй къ югу отъ Куанчендзы) движеніе производится безплатно, а потому желѣзная дорога ни за что не отвѣтствуетъ, отъ Кундюлина до Портъ-Артура по участку инженера Гиршмана открыто правильное настоящее быстрое движеніе. Тутъ все есть—баластированный путь, при нѣкоторыхъ поѣздахъ прекрасные вагоны, паровозы, буфеты, чудныя станціонныя постройки, нѣтъ, или почти нѣтъ одного—людей...

Китайская восточная желѣзная дорога не желаетъ брать пассажировъ до тѣхъ поръ, пока она не откроетъ настоящаго движенія. А пассажиры желаютъ по ней ѣхать, имъ нужно ѣхать, имъ сказали тамъ, гдѣ-то въ Петербургѣ, въ Чифу, въ Пекинѣ, въ Гиринѣ, они прочли, наконецъ, въ газетахъ, что ѣхать можно, они затратили деньги, добрались до китайскаго разъѣзда и хотятъ ѣхать дальше. „Хорошо, поѣзжайте“, говоритъ дорога и даетъ холодные товарные вагоны, или приспособленные съ печкой, но публики много, есть рабочіе китайцы, которыхъ нужно везти на участки, куда ихъ дѣвать? И вотъ бѣдныхъ плохо одѣтыхъ манзъ сажаютъ десятками на платформы и везутъ. А на дворѣ вѣтеръ, достигающій силы урагана, морозъ 20—30 градусовъ. На манзахъ лишь теплыя ватныя курмы, да ватные штаны. Они сидятъ сбив-

шись въ кучу, какъ стадо барановъ. Поѣздъ мчитъ день, поѣздъ несется ночью. Холодно бѣднымъ манзамъ. Что они? Ничего, смѣются. Все таки везутъ...

— „Повѣрите-ли“,—говорилъ мнѣ красивый инженеръ, любезно согласившійся довезти меня въ своемъ вагонѣ до ст. Кундюлинъ, такъ какъ въ поѣздѣ, пришедшемъ изъ Харбина теплыхъ приспособленныхъ вагоновъ не оказалось,—„повѣрите-ли, бываетъ, что эти несчастные китайцы замерзаютъ въ пути. Что подѣлаешь? Не велишь ихъ пускать, а они лѣзутъ, вагоновъ мало. Движеніе не открыто“...

Въ служебномъ вагонѣ было тепло. Истопникъ принесъ ароматнаго чая съ прекраснымъ кексомъ. Въ окна вагона глядѣла темная холодная ночь, вѣтеръ свисталъ за окномъ.

Въ Кундюлинѣ я пересѣлъ въ вагонъ второго класса. Настоящій вагонъ съ длинными диванами, обитыми сѣрымъ сукномъ, подъемными спинками, съ отопленіемъ и только съ истопникомъ китайцемъ. Здѣсь я встрѣтилъ знакомаго офицера охранной стражи. Разговоръ шелъ о морозахъ.

— Вчера за Харбинымъ шестерыхъ китайцевъ пришлось сбросить съ платформы.

— Какъ сбросить? за что?—спросилъ горный инженеръ, ѣхавшій изъ Петербурга.

— Заснули ночью и замерзли, вѣдь холода-то какіе...

— Кто же сбросилъ?—продолжалъ допытывать инженеръ.

— Да манзы же и сбросили.

— Что же они?

— Лежатъ...

Разговоръ смолкъ. Я укутался въ пальто и растянулся на мягкомъ диванѣ. Какъ хорошо мнѣ было сознавать, что я не манза, что меня никто не посадитъ въ морозъ на открытую платформу и что, если бы я по винѣ желѣзной дороги замерзъ и былъ сброшенъ подъ откосъ, Боже какая переписка поднялась бы!!.

Я проснулся, когда мы подъѣзжали къ станціи Тье-линъ-сянъ, почему то переименованный русскими въ фамильярное Тѣлинъ. Небольшой городокъ весь построенъ изъ камня. На высокой утесистой скалѣ стоитъ башня кумирни, другая башня есть и въ городѣ. У полотна, возлѣ каменнаго вокзала, еще не подведеннаго подъ крышу—суматоха—ожидаютъ встрѣчнаго поѣзда съ товарищемъ министра финансовъ. На деревянной площадкѣ выстроены рота, сотня и батарея въ пѣшемъ строю безъ орудій охранной стражи. Желтые, въ перемежку съ зелеными погонами,

при новенькихъ шинеляхъ и видимо смотровой одеждѣ, какъ-то рѣжутъ пестротою военный глазъ. Старики уральцы выдѣляются бравымъ молодцоватымъ видомъ, между ними видны кое-гдѣ и георгіевскіе кавалеры, но ихъ мало. Лѣвѣе и немного позади караула пограничной стражи становились китайскіе солдаты. Громадныя знамена на длинныхъ древкахъ чуть колыхались на вѣтру, чисто одѣтые солдаты съ ружьями Маузера, опущенными стволами книзу становились въ шеренгу и не спѣша равнялись. У каждаго въ стволѣ была воткнута маленькая кисточка изъ красной матеріи, должно быть для предохраненія отъ сырости. Въ ожиданіи встрѣчнаго поѣзда нашъ стоитъ четыре часа, но никто на это не сердится, хотя тутъ и платное движеніе—помилуйте, везутъ да еще въ тепломъ вагонѣ съ мягкими скамейками!

Но вотъ съ грохотомъ прикатилъ поѣздъ съ юга, а мы тронулись къ Мукдену. Чѣмъ дальше мы подаемся на югъ, тѣмъ лучше и лучше становится путь. Полотно баластировано, на станціи изящныя постройки изъ булыжника и кирпича съ черепичными крышами, драконами и иными украшеніями въ китайскомъ стилѣ. Большинство служащихъ китайцы. Китаецъ—помощникъ кассира, китаецъ истопникъ, китаецъ стрѣлочникъ въ полушубкѣ, высокихъ сапогахъ и съ косою на спинѣ, китайцы носильщики и лакеи въ буфетѣ. Буфеты уже налажены. Горячія блюда, чай, вина, закуски, консервы, водки—все какъ въ Европѣ.

На одной изъ станцій, не доѣзжая Мукдена, на нашъ поѣздъ грузятъ человѣкъ 150 хунхузовъ. Часть ихъ, бывшіе солдаты, одѣты въ форменныя солдатскія куртки, остальные въ бѣдныхъ манзовскихъ платьяхъ. Ихъ сопровождаютъ казаки охраны. Лица у нихъ веселыя, они смѣются. Въ Мукденѣ ихъ сдадутъ дзянь-дзюню, они поступятъ въ городскую стражу, а часть отправятъ обратно въ Китай и Манчжурію на родину и, такъ какъ они профессіональные солдаты и землепашество имъ неизвѣстно, они снова вскорѣ уйдутъ въ горы и опять займутся роднымъ резбойническимъ ремесломъ. Что же имъ печалиться... Ихъ нужно разбить по вагонамъ. Вызываютъ офицера, онъ отдаетъ приказаніе, и партіи идутъ въ крытые вагоны, оберегаемые часовыми...

За Мукденомъ теплѣе. Еще снѣгъ лежитъ въ поляхъ и утренній морозъ пощипываетъ за уши, но нѣтъ-нѣтъ налетитъ откуда-то теплый вѣтеръ, пахнетъ водою, моремъ, скоро и Квантунъ. На Квантунскомъ полуостровѣ все красновато-желтаго цвѣта, такого цвѣта, которымъ изображаютъ на картахъ горы. И поля, и горы, и скалы, и утесы, все чуть запорошенное снѣгомъ, красно.

На первый взглядъ одинъ песокъ, кажется и жить здѣсь невозможно, но вотъ въ балкѣ притаилась деревня вся изъ булыжника, узкія улицы и переулки бѣгутъ по горамъ, видны сады, цѣлыя разсады молодыхъ деревьевъ. За деревней опять борозды полей гаоляна, желтые пучки соломы и камыша. Все запахано и удобрено, самые склоны горы, кручи и тѣ въ бороздахъ...

Здѣсь, недалеко отъ Портъ-Артура насъ ожидало маленькое огорченіе. Вагонъ съ моими вещеми, вещами К* и горнаго инженера гдѣ-то ночью по недоразумѣнію отцѣпили. Это здѣсь еще бываетъ. Людей не хватаетъ на желѣзной дорогѣ, толковыхъ, честныхъ, знающихъ людей; приходится брать кого попало лишь бы заполнить мѣста, организовать движеніе, устроить, какъ мудро выражаются желѣзнодорожники,—службу тяги. Отъ того и много нареканій на дорогу, а виновата-ли она? Кто будетъ разбирать, когда Русь такъ велика, что не хватаетъ на всю ее не только образованныхъ, но просто грамотныхъ людей.

Итакъ мы на Квантунѣ. На томъ маленькомъ уголкѣ земли, что мы еще такъ недавно арендовали у Китая и на которомъ мы постепенно и терпѣливо вводимъ свои порядки.

Голый скучный полуостровъ. Мелькнетъ иногда то съ той, то съ другой стороны вагона въ окна море и опять пустынныя сопки и желтыя долины. Станціи идутъ чаще, почти каждыя 20 верстъ. Вездѣ приличные каменные вокзалы съ надписью золотомъ порусски и по-китайски наименованія станціи, вездѣ отдѣльныя залы I, II и III класса, чистенькіе песчаные перроны. Не вѣрится, что это та же *Манчжурка* съ ея холодными сараями, землянками вмѣсто станцій, съ товарными вагонами вмѣсто пассажирскихъ. Когда глядишь на толстые американскіе рельсы такъ солидно лежащіе на баластированномъ пути, на массивные, высѣченные изъ большихъ гранитныхъ валуновъ вокзалы, на дворы со стѣнами, съ круглыми башнями изъ гранита, проникаешься уваженіемъ къ этому пути и вѣришь въ его міровое значеніе. Черезъ два года, говорятъ, весь путь будетъ такой. Черезъ два года понесутся поѣзда изъ Петербурга на дальній востокъ, поднимутъ транзитную почту, и кругосвѣтное путешествіе станетъ возможнымъ въ 40 дней. Великій путь! Стоя здѣсь на рельсахъ этого пути, глядя вправо и влѣво на пустыню, окружающую путь, невольно задумаешься... Въ естественномъ своемъ стремленіи на востокъ Россія дошла до мысли провести китайскую восточную желѣзную дорогу. Она обагрила ея полотно кровью своихъ сы-

новъ, она цѣною жизни многихъ сотенъ людей заплатила за обладаніе этимъ нервомъ своего организма.

Много тренія вышло съ этой постройкой, я добросовѣстно описалъ вамъ всѣ мытарства, которыя испытываешь путешествуя по ней, не для осужденія самой дороги, а для того, чтобы показать, сколько трудностей приходится преодолѣвать при такомъ громадномъ предпріятіи. Когда все *образуется*—этотъ путь будетъ величайшимъ сооруженіемъ міра. Будутъ катастрофы. На нихъ со злою насмѣшкою будутъ указывать враги дороги, но гдѣ ихъ нѣтъ? Если на царскосельской желѣзной дорогѣ были катастрофы на дистанціи въ 28 верстъ, то какъ же имъ не быть на протяженіи 10.000 верстъ? Сколько рѣкъ, горныхъ хребтовъ пронизываетъ эта дорога, сколько климатовъ она мѣняетъ!!.. Я былъ въ ея конечныхъ пунктахъ, я видѣлъ упорный трудъ мысли и рабочей силы надъ сооруженіемъ пути. Хинганскій тоннель, мосты черезъ Нонни и Сунгари, тупики, Сунгарійскія мастерскія, все это такія крупныя дѣла, которыя безъ ошибокъ не сдѣлаешь.

Подъѣзжая къ конечному пункту восточно-китайской дороги, преклоняясь передъ величіемъ ея пути и грандіозностью ея начертаній и сооруженій, я позволю себѣ сказать два слова о пограничной стражѣ на дорогѣ. Больше я ее не увижу, я поѣду въ другія мѣста.

Пограничная стража на дорогѣ будетъ состоять изъ 55 пѣшихъ и стольких же конныхъ сотенъ, значитъ приблизительно изъ 11 тысячъ человѣкъ, 6 тысячъ лошадей, управляемыхъ около 700 офицерами. Это не будутъ полки съ сѣдыми знаменами, съ преданіями былой службы государевой, это не будутъ молодые полки—кости отъ старыхъ полковъ съ желаніемъ дотянуться до тѣхъ частей, которыя ихъ создали,—нѣтъ это будутъ только сотни и роты, сведенныя въ бригады. Въ эти сотни и роты нужны офицеры, хорошіе офицеры, потому что служить имъ придется въ одиночку безъ постояннаго надзора начальниковъ, съ рѣдкой инспекціей, въ странѣ полной соблазновъ.

Охранная стража имѣла чудныхъ офицеровъ—ихъ влекла новизна службы, самостоятельность дѣла, желаніе боя.

Присматриваясь къ новому составу охранной стражи, чаще видишь тоску на лицѣ, сознаніе своей безцѣльности, иногда желаніе дѣятельности, вмѣшательство въ желѣзнодорожные порядки, посредничество между рабочими и инженерами. Порою видишь грубый разгулъ, порою озабоченность какими-то высшими соображеніями. Строевого дѣла мало; имъ некогда заниматься. Люди въ

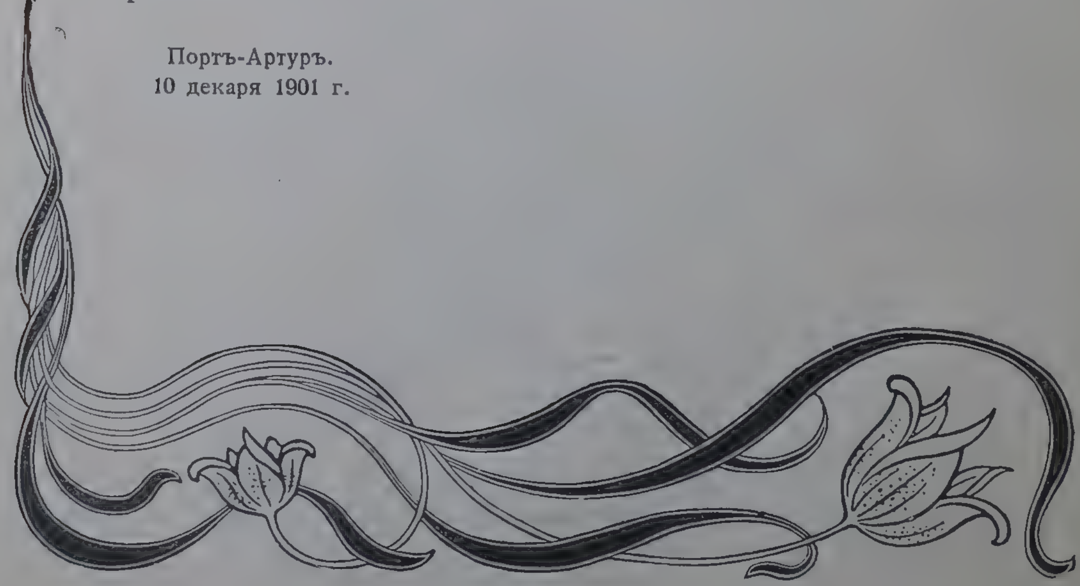
нарядѣ, въ разгоны, по постамъ. Скучно. Отряднымъ начальникамъ невозможно слѣдить за отрядами и быть отцами-командирами. Сошлись люди изъ разныхъ частей, изъ пѣхоты и кавалеріи, товарищества быть не можетъ.

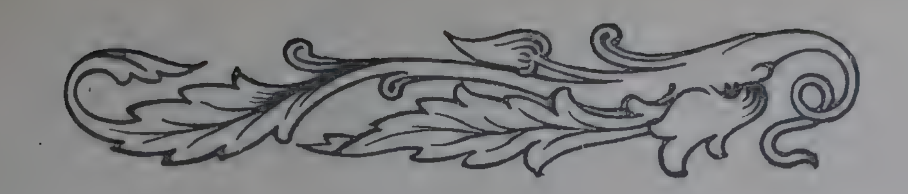
Приходится имъ прозябать, скучая въ тяжелыхъ стоянкахъ. А рядомъ инженеры, люди другихъ понятій и взглядовъ, хорошо обезпеченные и служба охраны, необыкновенно тяжелая, обращается иногда въ смертельную тоску, шатанье по буфетамъ и разговоры.

. . . .

Поѣздъ подходитъ къ Портъ-Артуру. Въ правое окно вагона видна голубая полоса залива, лѣсъ мачтъ джонокъ и перепелочная гора съ маякомъ на вершинѣ. И вспомнилась мнѣ чистенькая Уссурійская дорога, вѣтка Шанхай-Гуань-Инкоу, тамъ ходятъ теплые вагоны, при поѣздѣ идетъ ресторанъ и тамъ не нуждаются въ особой охранѣ, потому что тамъ каждый машинистъ, кондукторъ, стрѣлочникъ, начальникъ станціи, его помощникъ—солдаты, по присягѣ готовые каждую минуту защищать ее отъ враговъ. И никто не посягнетъ никогда ни на одну изъ этихъ дорогъ, и поѣзда тамъ ходятъ безъ охранной стражи...

Портъ-Артуръ.
10 декаря 1901 г.





XXIX

Встрѣча съ товарищемъ.

Разговоръ съ товарищемъ о полковыхъ дамахъ на дальней окраинѣ, объ описаніи Манчжуріи, о тяжести жизни на далекомъ, заброшенномъ посту и объ охранной стражѣ.

На одной изъ станцій китайской восточной дороги, въ буфетѣ я встрѣтилъ стараго товарища Вихрева. Онъ былъ въ енотовой папахѣ, еще болѣе увеличивавшей его саженный ростъ, въ шведской курткѣ съ форменными металлическими пуговицами и въ офицерскомъ пальто. Онъ огрубѣлъ и опухъ какъ-то за тѣ пятнадцать лѣтъ, что я его не видалъ. Я узналъ его по росту болѣе, нежели по лицу. Мы поздоровались.

— А, дружище, какими судьбами? А я здѣсь въ охранной стражѣ околачиваюсь. Прозябаемъ, можно сказать, доживаемъ свой вѣкъ. А ты пишешь. За тѣмъ и пріѣхалъ?

Я разсказалъ ему вкратцѣ цѣль своей поѣздки.

— Какъ же читалъ, читалъ. Въ „Инвалидѣ“ пишешь. И знаешь,—онъ скорчилъ гримасу презрѣнія—не понравилось. Прилизано, чисто, мазокъ не тотъ. Ты, напримѣръ, пишешь, что полковыя дамы полезны на дальней окраинѣ. Ахъ, другъ, да если бы ихъ было много или онѣ были всѣ хорошія, а то вѣдь смуту въ полку заводятъ, да и только. Жили мы съ тобой тихо, мирно, а пріѣхала Вѣра Павловна—я ей не поклонился, и пошло писать. А потомъ сегодня она въ твоей тужуркѣ ходитъ, водку пьетъ въ собраніи, я, дескать, ваша походная сестра, а на завтра пріѣхала капитанша Кэтова, привезла ворохъ платьевъ и долой тужурку,—подавай и ей такія же. Командирскому сынишкѣ купили осла—и твоему Шуркѣ надо осла, а потомъ пойдетъ ревность. Ахъ, зналъ я гарнизонъ: всѣхъ дамъ четыре, офицеровъ восемь, а два враждебныхъ лагеря. Вишь ты — пріѣхала пятая,

и прехорошенькая, и всего то ей 19 лѣтъ, а тамъ была премьерша лѣтъ за сорокъ, и пошла мутить. А хорошенькая не сдается. Молодежь у ней, старушкѣ больше платья хвалятъ, нежели физіономію, а та злится, ей Богу и смѣхъ, и грѣхъ, а другъ другу не кланялись, а вѣдь жили, какъ на ладони! За дамой уходъ нуженъ, а какой тутъ уходъ! И распускаются онѣ тутъ, ходятъ въ китайскихъ халатахъ, простоволосыя, становятся отъ скуки раздражительными и злыми. Мужъ злится, а молодые подпоручики сидятъ, да глаза пялятъ. Нѣтъ лучше, кабы дамъ здѣсь не было!

— А смягчающее вліяніе женщины? При женщинѣ и карты, и водка на умъ не пойдутъ, возразилъ я.

— Да онѣ, братъ, сами и макашку, и банчишко и коньякъ очень обожаютъ. Вотъ, что единственно онѣ хорошо дѣлаютъ— это столъ выправятъ, китайца стряпать научатъ.

— Ты пессимистомъ сталъ, другъ мой.

— А станешь! Ты все думаешь женщина! неземное созданіе, барышня, а тутъ дама-барыня это совсѣмъ особое существо. Женской прислуги „міюля“ — нѣтъ, значитъ денщикъ и за горничную, и за кухарку. Ну, а нашъ сибирскій денщикъ для такой работы грубоватъ. Вотъ и пойдетъ: ахъ, онъ мнѣ грубитъ! ахъ, онъ нечистоплотенъ и пошло, и пошло. А если еще при этомъ дѣтки. Весь день содомъ.

— Неужели всѣ такія. Я видѣлъ, напротивъ, что здѣшнія полковыя дамы скрашиваютъ жизнь офицеровъ. И притомъ здѣсь, какъ нигдѣ, много красивыхъ женщинъ, а хорошенькія личики могутъ украсить самую скверную стоянку.

Вихревъ вздохнулъ.

— „Бой“,—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, — еще графинчикъ.

Графинчикъ подали, онъ выпилъ рюмку и опять заговорилъ.

— Вотъ тоже и описанія ты дѣлаешь. Ничего не пойму— манзы, фанзы, фанзы, манзы, а дальше то что? Пишешь: „гора, словно величественная руина, по которой ползетъ будто мохъ, гигантскій лѣсъ“... Чортъ знаетъ, что такое! А ты напиши — гора столько-то футовъ вышиною,—вотъ это будетъ дѣло. Дальше пишешь—„широкая рѣка плавно катила свои волны“ — а сколь широкая, откуда вытекаетъ, куда впадаетъ? Поверхностно, мой другъ, выходитъ. Ты словно бороздишь по землѣ, а не захватываешь самую глубь, плугомъ не разворачиваешь земляныя нѣдра.

— Ты что-же хочешь, что-бы я докладную записку о Манчжуріи составилъ? спросилъ я.

— Нѣтъ—научное описаніе,—тараща на меня свои выпуклые глаза проговорилъ Вихревъ.

— Ну, за это я не возьмусь. Надъ такимъ трудомъ много лѣтъ надо просидѣть, надо изучить матерьялъ, быть и зоологомъ, и ботаникомъ и прочее.

— Вотъ именно ботаникомъ, подхватилъ Вихревъ. Ты пишешь: „высокій гаолянъ закрывалъ совершенно мѣстность". А что такое гаолянъ? А ты бы написалъ, что это одинъ изъ видовъ кукурузы, описалъ-бы его свойства, упомянулъ-бы, что для китайца гаолянъ это все: и пища, и домъ, и заборъ, и солома, и кормъ для скота.

— Такихъ описаній уже много написано и безъ меня. Въ хабаровскомъ архивѣ есть прекрасные матерьялы для описанія Манчжуріи, составленные офицерами генеральнаго штаба, а моя задача только дать картину Манчжуріи такъ, какъ она представилась моему взору при проѣздѣ черезъ нее осенью и зимою 1901 года.

Но, какъ большинство русскихъ спорщиковъ, Вихревъ не слушалъ меня.

— Ты описываешь, какъ ты ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, что тебя везли въ товарномъ вагонѣ, что тебѣ было холодно и голодно, а отчего ты не напишешь, что рельсы мѣстами идутъ зигзагомъ, что уклоны и повороты слишкомъ велики, что весною часть пути будетъ смыта.

— Но я не компетентенъ въ этомъ. Меня провезли безъ катастрофъ, мѣстами даже везли скоро и если я страдалъ отъ чего, такъ только отъ недостатка подвижного состава и отъ грубыхъ служащихъ, да и то грубыхъ отъ переутомленія, а это дѣло поправимое.

— Вотъ какъ ты заговорилъ, промолвилъ Вихревъ. Ну выпьемъ по стаканчику.

— А ты много пьешь, замѣтилъ я.

— Да, гордо сказалъ Вихревъ, у меня манчжурская марка. А это марка солидная. Мы пьемъ водку, а закусываемъ пивомъ, и это выходитъ очень хорошо.

— Серьезная марка.

— Привыкли. Скуки ради. Намъ учить нашихъ людей не приходится, да и чему учить? Быть жандармами на станціяхъ, слѣдить за порядкомъ, это они сами понимаютъ. Вотъ намъ и

скучно. Ты вотъ и напиши, почему намъ скучно. Не знаешь, ну такъ пойдемъ, до поѣзда еще далеко.

Онъ всталъ, кликнулъ буфетчику, чтобы за нимъ записали и повелъ меня по полотну. Холодный вѣтеръ съ вьюгой подхватилъ полы моего пальто и заигралъ ими, морозъ обжегъ лицо и уши. По сугробамъ въ одинъ день наметеннаго снѣга, мы вышли на поле и направились къ одинокой землянкѣ. Тамъ, въ маленькой комнатѣ, сырой и холодной, стояла деревянная постель, узкій столъ, два табурета и желѣзная печка, которая вся дрожала и колыхалась отъ только что разгорѣвшихся въ ней дровъ.

— Черезъ минуту здѣсь будетъ жарко, какъ въ банѣ, сказалъ Вихревъ, а черезъ часъ морозъ заставитъ топить ее вновь. И вотъ моя обстановка. Я перечелъ весь запасъ моихъ книгъ. Я передумалъ всѣ мои думы и вездѣ тоска. У моряка есть каютъ-компанія, есть библіотека, есть дѣло, есть море, которое онъ любитъ. У насъ нѣтъ каютъ-компаніи, нѣтъ и дѣла, нѣтъ и библіотеки. Въ самой глухой стоянкѣ есть церковь—мы лишены ея. Разъ въ день мимо нашего пустыря проносится поѣздъ. Выходишь, смотришь и видишь все нашего брата-офицера. И знаю я, что когда-нибудь увижу въ вагонѣ мало-мало миловидное лицо, узнаю, что она свободна и тутъ-же въ тѣ двадцать минутъ, что поѣздъ будетъ стоять на станціи, объяснюсь въ любви и сдѣлаю предложеніе. Въ Харбинѣ или Портъ-Артурѣ церковь свяжетъ навсегда нашу случайную встрѣчу и въ эту землянку я введу нѣжное существо, какую-нибудь институтку, ѣхавшую въ гувернантки. Пріѣдетъ другой, моложе меня, такой-же одичалый въ Манчжуріи, пообѣщаетъ вывезти ее изъ трущобы, и она также довѣрчиво уйдетъ съ нимъ, какъ пошла за мною. Трущоба. Сойтись съ китайцами трудно. Въ нихъ много хорошихъ чертъ, но симпатичной ни одной. Это не афганцы, не персы, не индусы, не сарты, не народы Кавказа, которыхъ можно полюбить. Съ ними не подружишься. Вотъ смотри—моя жизнь открыта передъ тобой. Дайте, дайте надежду уйти отсюда опять въ полевыя войска и я буду считать дни своего возвращенія.

Вихревъ въ отчаяніи сѣлъ на табуретъ. По его грубому лицу текли слезы. Въ комнатѣ, освѣщенной желѣзной лампочкой безъ абажура, было неуютно. Жара скоро стала невыносимой. Я не зналъ, чѣмъ его утѣшить. Скуку можетъ лѣчить лишь живое дѣло, а Вихревъ не былъ созданъ для него и не умѣлъ за него взяться.

И такихъ Вихревыхъ было много на линiи. Долго мы оба молчали. Наконецъ, онъ всталъ, сорвалъ съ себя старыя петлицы съ дракономъ и подалъ ихъ мнѣ.

— На, возьми. На память о расформированной охранной стражѣ. Мнѣ слово это нравилось. Охранной... охранять... защищать кого-то, кого обижаютъ, что-то рыцарское видѣлось въ этомъ.

Онъ помолчалъ немного, потомъ добавилъ: Да и денегъ тоже... Старухѣ матери нечего посылать.

Вдали просвисталъ поѣздъ.

— Ну! ступай. Прощай... Мимолетное видѣнiе! Все внесъ разнообразiе въ мою жизнь. Эру составилъ. Буду теперь такъ считать—это было до или послѣ того, какъ я видѣлся съ тобою, а то вѣдь дни забываешь.

Мы поцѣловались.

Я вышелъ въ степь и пошелъ къ вокзалу. Метель курилась по прежнему...

Портъ-Артуръ 25 дек. 1901 г.

XXX.

Заключенiе о Манчжурiи.

Географическое положенiе Манчжурiи.—Климатъ.—Горы и рѣки.—Флора и фауна.—Административное дѣленiе Манчжурiи на три области — Хей-лу-дзянскую, Гиринскую и Шен-дзинскую провинцiи. — Народонаселенiе. — Чиновники и народъ.—Монголы.—Монгольская лошадь.—Манзы земледѣльцы.—Ихъ бытъ.—Желтая опасность.—Сравненiе Китая съ до Петровской Русью.

Кроки Манчжурiи набросано. Признаюсь, оно сдѣлано поспѣшной, мало искусной рукою. И неполно оно. Вотъ вырванъ клокъ между Харбиномъ и Хайлиномъ, не вычерченъ Мукденъ... Болѣзнь помѣшала мнѣ пробраться въ него. Но тѣмъ не менѣе я заканчиваю съемку Манчжурiи, храбро подрисовываю масштабъ, черчу стрѣлу—сѣверъ и югъ и готовъ подписаться... Но сомнѣнiя одолѣваютъ меня. Ясно-ли оно, видите-ли вы, какъ я ихъ видалъ, эти дѣвственныя степи и горы, эти дремучiе лѣса, грязныхъ манзъ, фанзы, образующiя деревни и фанзы, образующiя города, видите ли вы, на общемъ сѣромъ и скучномъ фонѣ монголовъ, манчжуръ и китайцевъ, свѣтлыя вкрапины нашихъ войскъ, полюбили ли вы, какъ я полюбилъ, этапныхъ комендантовъ-начальниковъ маленькихъ гарнизоновъ, забытыхъ и оторванныхъ и отъ Россiи, и отъ полка? Боюсь, что нѣтъ. Боюсь, что Манчжурiя въ моемъ описанiи расплылась у васъ, перебилась картинками Южно-Уссурiйскаго края и неполное дорожное кроки мое размазалось въ сѣрое пятно. Лѣса смѣшались со штриховкой ситуацiи и ничего не вышло. Попробую приложить легенду, „повторить для ясности“ все изложенное, суммировать свои столь мимолетныя наблюденiя...

Вооружаюсь перомъ составителя учебника географiи для среднихъ учебныхъ заведенiй и начинаю.

Манчжурiя лежитъ между 54° и 40° сѣв. широты и 133° и 151° вост. долготы отъ Ферро, слѣдовательно на одной высотѣ со средней Европой, имѣя южную оконечность на одной паралели

КАРТА
МАНЧЖУРІИ

Масштабъ

200 160 120 80 40 0 200 400 вер.

1 : 8 400 000

МАНЧЖУРІЯ

Хр. Джугджуръ

Хр. Илхури Алинь

Хр. Малый Хинганъ

Хр. Хинганъ

Хр. Ванда

Хр. Ухина

Амуръ

Зея

Бурея

Уссури

Сунгари

Шара Мурень

Ляо-хэ

Оз. Ханка

Оз. Далай норъ

Оз. Далноръ

ВОСТ ГОБИ

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ

ХАБАРОВСКЪ

ВЛАДИВОСТОКЪ

Никольскъ Уссурійскій

Полтавка

Нерчинскъ

Айгунъ

Мергень

Цицикаръ

Харбинъ

Хайларъ

Нингута

Санъ-синъ

ГИРИНЪ

МУКДЕНЪ

Ляоянъ

Инкоу

Дальній

Портъ Артуръ

ПЕКИНЪ

Тянь-цзинь

СЕУЛЪ

КОРЕЯ

Зал. Печили

о. Русскій

Заливъ Петра Великаго

Корейскій зал.

85 85 90 95 100

10 15 20 25

55 50 45 40

съ южной Италіей, южнѣе Константинополя, а сѣверную на высотѣ Москвы. По величинѣ своей Манчжурія немногимъ меньше нежели вся Западная Европа. Несмотря на значительное протяженіе съ сѣвера на югъ и на то, что южныя оконечности лежатъ въ теплыхъ широтахъ, климатъ Манчжуріи скорѣе суровый, нежели теплый и въ отношеніи характера ея, ее удобнѣе дѣлить на сѣверную Манчжурію и южную. Сѣверная идетъ отъ границъ Забайкалья до хребта Джанъ-гуань-цай-линъ и южная далѣе до границъ Кореи и Квантунскаго полуострова. И въ той, и въ другой части Манчжуріи лѣто жаркое, обильное грозами, въ южной переходящими въ тропическіе ливни. Въ сѣверной Манчжуріи съ августа мѣсяца устанавливается ровная погода съ умѣреннымъ тепломъ, въ сентябрѣ начинаются ночные заморозки и холодные и упорные вѣтры нагоняютъ холодъ. Могучее ледяное дыханіе Ледовитаго океана прохватываетъ путника насквозь, и никакая шинель, никакая бурка не устоитъ противъ знаменитыхъ хинганскихъ вѣтровъ. Хорошій романовскій полушубокъ или шуба-барнаулка единственная надежная защита отъ ледяного дуновенія этого вѣтра. Мелкіе камушки, пыль и песокъ подымаются столбомъ и летятъ въ лицо путнику, еще увеличивая боль отъ холода. Между Хинганомъ и Забайкальемъ уже съ конца сентября начинаются морозы въ 10—15°R, а въ октябрѣ, ноябрѣ и по январь они доходятъ до 30—40°R. Безснѣжная зима царитъ надъ землей. Если выпадетъ иногда снѣжокъ, то такой жалкій, сухой, дѣлающій пейзажъ лишь еще болѣе печальнымъ и безотраднымъ. За Хинганомъ, этой угрюмой и высокой стѣною, теплѣе. Въ октябрѣ и даже въ началѣ ноября тамъ еще выдаются теплые, чисто лѣтніе дни и только ночные морозы холодятъ жилище. Эти заморозки становятся продолжительнѣе и съ конца ноября зима вступаетъ въ свои суровыя права. И тутъ морозъ доходитъ до 30°R, что при сильныхъ вѣтрахъ дѣлаетъ климатъ весьма суровымъ. Но зима тянется недолго. Уже въ февралѣ солнце сильно пригрѣваетъ, днемъ уже тепло, а въ мартѣ наступаетъ ранняя весна. Она не сопровождается, какъ у насъ, разливомъ рѣкъ и прекращеніемъ сухопутныхъ сообщеній, напротивъ, рѣки начинаютъ высыхать и движеніе становится сомнительнымъ. На выручку водѣ начинаются грозы, сопровождаемыя страшными ливнями. Луга обращаются въ болота, а къ осени рѣки выходятъ изъ береговъ, съ ревомъ несутся на мосты, ломаютъ на пути всѣ препоны, размываютъ насыпи и полотно дорогъ. Къ сентябрю все опять успокоивается, наступаютъ заморозки, а за ними тихо шествуютъ и морозы.

За Джанъ-гуанъ-цай-линскимъ хребтомъ, у Гирина и далѣе на югъ къ Мукдену, лѣто длится дольше. Лишь съ первыхъ чиселъ ноября начинаются морозы и быстро срываютъ послѣдній листъ съ деревьевъ. Морозъ борется съ солнцемъ. По утрамъ температура спускается до 30°R, а днемъ, если нѣтъ вѣтра, на солнцѣ таетъ. Зима идетъ ровная, спокойная и длится недолго. Какъ только день пойдетъ на прибыль, солнце Италіи прогрѣваетъ землю и уже въ февралѣ маленькій, случайно выпавшій снѣжокъ темнѣетъ и таетъ. Въ началѣ марта зеленѣютъ поля и лѣса, и манза-земледѣлецъ спѣшитъ запахать и засѣять нивы. Съ средины лѣта погода портится, начинаются ливни, горныя рѣчки ревутъ и мечутъ, почва растворяется, дороги обращаются въ грязныя липкія рѣки и сообщеніе прекращается. Въ августѣ небо, словно наигравшись молніей, громомъ и тучами, вдругъ начинаетъ ласково улыбаться и безмятежно синее стоитъ надъ землею такое чистое и ласковое, загорающееся прозрачнымъ пурпуромъ на восходѣ и закатѣ. Наступаетъ лучшее время года въ южной Манчжуріи.

Въ общемъ климатъ въ Манчжуріи здоровый, ровный, съ массой свѣжаго горнаго и лѣсного воздуха, съ чистымъ небомъ и яркимъ солнцемъ.

Такія колебанія въ температурѣ между лѣтомъ и зимою, и общая суровость климата всецѣло зависятъ отъ вида страны. Если издали посмотрѣть на карту Манчжуріи, то сразу выдѣляются какъ бы двѣ тарелки, поставленныя одна подлѣ другой—сѣверная Манчжурія—замкнутая горами Большимъ, Малымъ Хинганомъ и Джанъ-гуанъ-цай-линомъ и южная съ большими хребтами Ляо-линъ и Ирхахунь, не допускающимъ въ нее свѣжіе морскіе вѣтры. Всѣ горы Манчжуріи не доходятъ до полосы вѣчныхъ снѣговъ и украшены снѣжной короной лишь въ зимнее время. На всѣхъ, за исключеніемъ одинокихъ, скалистыхъ сопокъ и каменныхъ предгорій растутъ большіе дѣвственные лѣса, мѣстами, вслѣдствіе неутомимыхъ паловъ, обратившіеся въ унылую тайгу. Наибольшей высоты достигаютъ горы Большого Хингана и Джанъ-гуанъ-цай-линскаго. Ихъ хребты необыкновенно извилисты, бездна отдѣльныхъ хребтовъ отходитъ въ стороны, тянется десятки верстъ и постепенно сливается съ горизонтомъ. Вершины остры, щеки круты, а мѣстами отдѣльныя каменистыя сопки недоступны. На перевалахъ горная порода обнажена и иногда на десятки саженъ подымается вверхъ глянцевитой отвѣсною стѣною. Горы Джанъ-гуаня еще болѣе дики, нежели горы

Хингана. Необыкновенная вулканическая сила сжала темную кору, выпятила безобразный горбъ, морщину, мѣстами давшую трещины.

Изъ этихъ трещинъ хлынулъ расплавленный минералъ, вылетѣли круглые черные камни и образовали мрачную и дикую базальтовую долину. Мѣстами горы такъ дики и мрачны, что затрудняешься создать гипотезу ихъ образованія.

И рѣки въ Манчжуріи—величественныя, широкія и спокойныя, напоминающія рѣки Сибири. Главныя изъ нихъ—Сунгари судоходная болѣе чѣмъ на тысячу верстъ и связывающая такіе большіе центры, какъ Гиринъ и Харбинъ съ Амуромъ, судоходная Нонни, при которой лежитъ Цицикаръ и сплавная Мудандзянь. Съ горъ и хребтовъ Хингана и другихъ горъ течетъ еще много маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, дающихъ прекрасную питьевую воду, свѣжую и чистую какъ кристаллъ. Въ сѣверной Манчжуріи въ болѣе низменной ея западной части есть нѣсколько громадныхъ озеръ, въ южной—горные хребты и отсутствіе равнинъ не даетъ возможности водѣ собираться большимъ количествомъ. Въ общемъ, даже при бѣгломъ осмотрѣ Манчжуріи приходишь къ тому заключенію, что это страна и богаче, и лучше по климату и природѣ, нежели сопредѣльная съ нею Сибирь. Тутъ много сибирскаго, суроваго, но это суровое скрашено яркимъ солнцемъ, голубымъ небомъ и выглядитъ веселѣе.

Въ горахъ Хингана, въ долинѣ рѣки Хориголъ, уже теперь воровскимъ способомъ намывается малая толика золота, это золото находится и навѣрно еще и въ большихъ количествахъ найдется и въ Маломъ Хинганѣ, и на Ляо-линѣ, и далѣе. Всюду можно видѣть въ горахъ буровато-красный золотоносный песокъ... И это, какъ говорятъ обрусѣвшіе манзы—„*худо есть*“. Потому худо, что тамъ, гдѣ есть хотя одна крупинка золота, человѣкъ ошалѣваетъ, имъ овладѣваетъ золотая горячка, руки у него трясутся, голова отказывается работать, глаза не видятъ. Онъ спѣшитъ „*застолбить*“ свой участокъ, составляетъ компанію и съ какимъ-то остервенѣніемъ моетъ и моетъ золото... и разоряется. А между тѣмъ, тутъ же рядомъ лежитъ сереброносная свинцовая руда, есть залежи ртути, есть богатые подѣлочные камни, граниты, гнейсы, порфиры, базальты. Матеріалъ для грандіозныхъ построекъ валяется подъ руками, но его никто не видитъ. На Хинганѣ уже открыли залежи каменнаго угля, откроютъ навѣрно и еще, и безлѣсная сѣверная Манчжурія обогатится. Тутъ еще все неизслѣдовано. Партіи горныхъ инженеровъ только предпри-

няли свои работы и имъ приходится не мало бороться съ косностью китайскихъ сановниковъ и нашимъ нежеланіемъ вмѣшиваться въ китайскія дѣла.

За песчаными степями окрестностей Хайлара, скрашенными лишь священной сосновой рощей возлѣ города, начинаются богатые луга предгорій Хингана, зеленая отъ кустовъ долина рѣки Эминъ и лѣсистый, похожій на Уралъ, Хинганъ. На немъ еще преобладаетъ дубъ и береза, да раскидистыя елки кое-гдѣ темными пятнами сквозятъ черезъ улыбающуюся листву зеленыхъ вѣтвей. На Джанъ-гуанѣ и на Ляо-линѣ мощные и кряжистые дубы смѣшались съ громадными кедрами, елями, пихтами, соснами, между ними протянули свои вѣтви каштаны, дикіе абрикосы и яблони, и виноградъ обвилъ ихъ цѣпкими стеблями. Здѣсь тоже богатство флоры, что и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и тотъ же конгломератъ видовъ, цвѣтовъ и формъ. А тамъ, гдѣ горы широко раздвинулись, образовавъ просторныя долины, тамъ тысячи травъ, выше роста всадника—сдѣлали степи такими, о какихъ мы читали въ Тарасѣ Бульба, да у Генриха Сенкевича въ ихъ яркихъ картинахъ днѣпровскихъ степей далекаго прошлаго. Чего-чего тутъ нѣтъ. У полковой или пограничной дамы лѣтомъ на столѣ стоитъ такой букетъ, которому позавидовала бы любая оранжерея. Лиловые ирисы, бѣлыя, желтыя и красныя лиліи, тюльпаны, фіалки, ковыль—трава съ бѣлыми метелками, чудныя кормовыя травы, травы такія густыя, что трудно идти, трудно продираться сквозь ихъ прочные, упругіе стебли... Лѣсъ травъ.

Въ густыхъ лѣсахъ Хингана бродятъ кабаны, волки и черный уссурійскій медвѣдь ищетъ добычи. Въ горной южной Манчжуріи еще изрѣдка заляжетъ краснымъ пятномъ на уединенной скалѣ тигръ и, щуря желтые глаза и раздувъ бѣлыя бакенбарды, зорко смотритъ, ища добычи. Пятнистый барсъ порою крадется сквозь камыши, идетъ неуклюжій медвѣдь, ползаетъ енотъ, да рѣдко-рѣдко лиса-чернобурка пронесется по степи, раздувъ по вѣтру драгоцѣнное правило. Есть и соболь, и выдра, и обыкновенная красная и пышная лиса сиводушка. Благородный олень, изюбрь со своими пантами, дикая коза, или гуранъ—солидныя приманки звѣролова-охотника, а послѣдніе довольно частая добыча даже и любителя-охотника.

Орлы, соколы и ястребы, вороны и сороки съ высоты скалъ и неба зорко слѣдятъ за фазаньими выводками, за куропатками, рябчиками и тетеревами. Охота въ Манчжуріи еще только начи-

нается, дичь не распугана и охотнику приволье въ ея степяхъ и лѣсахъ.

Сѣверная Манчжурія также угрюма и молчалива, какъ и Сибирь. Въ поляхъ не поетъ свою ласковую пѣсню жаворонокъ, не слышно ни соловья, ни рѣзкаго посвистыванья чижика въ лѣсной чащѣ. Въ полѣ и въ лѣсу южной Манчжуріи веселѣе. Синицы, сивоворонки, зяблики, чижы, свиристели, черные, красные и зеленые дятлы нарушаютъ могильную тишину лѣса. Маленькіе задорные воробьи съ рѣзвымъ пискомъ носятся надъ полями и чѣмъ-то роднымъ, русскимъ отзывается отъ ихъ хлопотливой возни. Точно стая школьниковъ выбѣжала изъ училища и съ шумомъ и смѣхомъ кидаетъ снѣжками, бьетъ ранцами и возится и тузитъ другъ друга...

И гнуса въ Манчжуріи меньше, чѣмъ въ Сибири. Маленькія черныя мушки и комары докучаютъ лѣтомъ жителю, но даютъ возможность жить.

Туземцы совсѣмъ не охотятся. Только любители сильныхъ ощущеній изъ манзъ-промышленниковъ ходятъ за пантами, за енотомъ и соболемъ, остальные лишь давятъ арканами дикихъ козъ, да бьютъ силками фазановъ. Говорятъ, въ Монголіи процвѣтаетъ соколиная охота, я видалъ на рынкахъ Цицикара, Гирина и Пекина продажныхъ ручныхъ соколовъ, но самому участвовать на этой въ высшей степени интересной охотѣ мнѣ за недостаткомъ времени и поздней порою не пришлось.

Въ административномъ отношеніи Манчжурія раздѣляется на *Хей-лун-цзянскую* провинцію съ главнымъ городомъ Цицикаромъ, охватывающую степи Монголіи у пустыни Гоби, долину рѣки Нонни и лѣвый берегъ Сунгари съ хребтомъ Малымъ Хинганомъ, *Гиринскую* провинцію — съ главнымъ городомъ Гириномъ, охватывающую правый берегъ Сунгари и хребты Джанъ-гуанъ-цай-линъ и Ляо-линъ и примыкающую къ Уссурійскому краю и границѣ Кореи и *Шен-цзинскую* провинцію съ главнымъ городомъ Мукденомъ, граничащую съ собственнымъ Китаемъ на западѣ, Квантунскимъ полуостровомъ на югѣ и Кореей на востокѣ. По пространству наибольшая Хей-лун-цзянская, по густотѣ народонаселенія — Шен-цзинская.

Во главѣ каждой провинціи стоитъ генералъ-губернаторъ, или дзянь-дзюнь, мандаринъ второго класса съ розовымъ шарикомъ и павлиньимъ перомъ. Онъ имѣетъ право держать войска своего имени и распоряжаться жизнью жителей своей провинціи. Въ его распоряженіи находятся суды, тюрьмы, канцелярія и цѣ-

лый штатъ чиновниковъ, болѣе или менѣе крупныхъ. Онъ отъ себя назначаетъ фудутуновъ или градоначальниковъ въ города, мандариновъ съ матовымъ, розовымъ шарикомъ и чернымъ перомъ, даотаевъ или судей, а на сѣверо-востокѣ Хей-лун-цзянской провинціи — ухередъ или старшинъ кочующихъ племенъ. Отъ дзянь-дзюня зависитъ все: благополучіе или гибель, богатство или разореніе страны.

Вслѣдъ за чиновниками слѣдуетъ именитое и видное китайское купечество. Торговое дѣло пользуется у китайцевъ большимъ уваженіемъ и сами дзянь-дзюни и даже такіе великіе въ исторіи Китая люди, какъ Ли-хунгъ-чанъ — представители крупныхъ фирмъ и торговцы. Чиновники и купцы, предводители военныхъ отрядовъ, то есть, тѣ-же чиновники въ сущности — аристократія Китая, люди, берегущіе традиціи китайской земли, пособники боксеровъ, враги гнилого Запада, патріоты. У нихъ своя китайская вѣжливость. Онъ наступитъ вамъ на ногу и не извинится, онъ войдетъ въ засаленномъ халатѣ, но онъ-же не войдетъ въ комнату раньше васъ, немедленно отдастъ вамъ визитъ, не придетъ къ вамъ, не пославши впередъ карточку съ человѣкомъ. Сегодня онъ дастъ вамъ честное слово — завтра онъ измѣнитъ и скажетъ вамъ, что онъ передумалъ. Китайскій сановникъ или купецъ — дикарь, но въ то-же время и образованный человѣкъ; дикарь честенъ, китаецъ плутъ, дикарь прямодушенъ, китаецъ хитеръ, дикарь довѣрчивъ, китаецъ себѣ на умѣ. Человѣкъ европейскаго образованія развилъ свой умъ науками, смягчилъ свое сердце общеніемъ съ женщинами, улучшилъ свой бытъ комфортомъ. Отъ этого суровая природа меньше вліяетъ на него и больше остается времени на самоусовершенствованіе. И китайцы ученые. Они прекрасные математики и астрономы, ихъ исторія восходитъ дальше нашей, почти поголовно все народонаселеніе ихъ грамотно, у нихъ есть газеты, спектакли, бродячіе актеры, семейные праздники, обширный культъ предковъ, визиты, переписка, но все это будто покрыто слоемъ пыли. На ихъ канахъ тепло, ихъ постели мягки, рѣзные столы и шкафы удобны, фонари даютъ много свѣта, у нихъ свой богатый и разнообразный столъ, и они все таки не то, что европейцы. Они будто не доспѣли, или переспѣли. И рѣшить этотъ вопросъ никто не можетъ, потому то Китай, правительственный, сановный Китай — загадка, вопросительный знакъ. Даже люди, всю жизнь прожившіе въ Китаѣ, не могутъ разгадать его.

Внизу, по деревнямъ, въ глинобитныхъ холодныхъ фанзахъ

съ бумажными окнами и дымными канами сидитъ манчжуръ и Китай земледѣльческій, кустарный и извозный — это и есть *манзы*, или, какъ ихъ окрестилъ нашъ народъ *„ходя“* — манчжурская деревня или мужики. Манзы еще грязнѣе, но и проще, и пожалуй лучше. Они гостепріимны, радушны, ѣдятъ разнообразную пищу и въ потѣ лица добываютъ себѣ хлѣбъ. Если тѣ китайцы противны, то эти жалки. „Народъ“ Манчжуріи слѣдуетъ раздѣлить на монголовъ, манчжуръ и китайцевъ. Монголы живутъ въ Хейлунцзянской провинціи и навѣщаютъ восточную окраину Гиринской. Это прямодушные и честные люди, слово которыхъ твердо. Забайкальскіе казаки отдаютъ монголамъ пасти стада свои на зиму, и монголы не только возвращаютъ ихъ въ цѣлости, но даже передаютъ и приплодъ владѣльцамъ скота. Они разводятъ прекрасный монгольскій скотъ, верблюдовъ и лошадей. Монгольская лошадь славится своею выносливостью, а монголъ почитается природнымъ кавалеристомъ и чуднымъ наѣздникомъ.

Здѣсь надо оговориться. О кавалерійскихъ способностяхъ монгола и его лошади писали и говорили люди штатскіе, а потому къ понятію *кавалерійскія способности* надо отнестись осторожно. Главнѣйшія свойства кавалеріи—быстрота и неожиданность появленія, пораженіе воображенія противника, дѣйствіе на впечатлѣніе, на нервы, стремительною атакой, ничѣмъ не сокрушимой, быстрая и точная развѣдка, скорое, главное своевременное доставленіе донесеній... Монгольская лошадь не проворна. Она можетъ сдѣлать 100 верстъ въ день, но не сдѣлаетъ 60-ти въ пять часовъ. Она неприхотлива на кормъ, но на плохомъ корму она слабосильна, она мелка и короткій карьеръ ея не поразитъ мало-мальски стойкаго противника, она не совка, и *скоро* на ней трудно работать.

Монголъ наѣздникъ только потому, что онъ крѣпко сидитъ на лошади. Но уже давно сознали, что искусство ѣзды состоитъ не въ томъ, чтобы впиться въ лошадь, какъ клещъ, а въ томъ, чтобы войти въ полную нравственную связь съ лошадью, подчинить ея нервный организмъ себѣ и сдѣлаться съ ней однимъ цѣлымъ. У монгола лошадь сама по себѣ, онъ самъ по себѣ. Грубая сила, суровыя удила, плеть, вотъ его средства управленія; тонкаго регулированія движеній лошади, этой музыки шенкелей и поводьевъ, которыя дѣлаютъ развѣдку наслажденіемъ, потому что не только вы развѣдываете, но и лошадь развѣдываетъ вмѣстѣ съ вами, у монголовъ нѣтъ. Но онъ дико проскакалъ мимо инженера или путешественника, гикнулъ, джигитнулъ—вотъ и прославился наѣздникомъ и кавалеристомъ.

Монголъ питается молокомъ стадъ своихъ. Землепашества онъ не знаетъ, да и песчаная почва восточной окраины Хейлунцзянской провинціи не благопріятствуетъ земледѣлію.

Дальше къ югу начинаются поля манчжурскихъ крестьянъ. Тутъ больше чумиза. По виду она напоминаетъ нашу пшеницу, такая-же низкая, съ такимъ-же колосомъ, но только съ мелкимъ зерномъ. Ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ мельницъ въ Манчжуріи я не видалъ. Зерно размалываютъ конскимъ приводомъ.

Въ Гиринской и особенно въ Шенцзинской провинціяхъ земледѣліе процвѣтаетъ. Кромѣ чумизы сѣютъ уже и гаолянъ, громадные стебли котораго растутъ на высоту до четырехъ аршинъ плотною стѣною, а зерно собирается въ громадную кисть, похожую на метелку. Здѣсь-же появляются и огороды. Капуста, не кочанная, а длинными пучками, редисъ величиною съ рѣпу, картофель, лукъ, чеснокъ и еще много овощей и злаковъ, нами не употребляемыхъ въ пищу, воздѣлывается манзами. Подъ Гириномъ уже растетъ мелкій и плотный виноградъ, громадные водянистые арбузы и тыквы, есть яблоки, груши, абрикосы, персики и сливы. Подъ Мукденомъ и дальше на югъ виноградъ крупный, зеленовато-розовый, абрикосы слаще, груши мягче и фруктовыхъ садовъ больше.

Силу народа, его мощь и дѣеспособность его войска составляетъ религія. Народъ религіозный, съ твердыми вѣрованіями всегда будетъ стоекъ въ оборонѣ, храбръ на приступѣ, силенъ и тягучъ на походѣ. Силу нашей арміи главнымъ образомъ составляетъ твердая вѣра нашего народа въ Бога. Вѣра, доходящая до фанатизма, способна на порывы, на скачки, на завоеванія, на отчаянную смерть, она даетъ дерзкихъ солдатъ, но трудно управляемыхъ, трудно дисциплинируемыхъ и нерѣдко фанатики доводятъ до катастрофы. Приглядываясь къ религіознымъ вѣрованіямъ китайца, приходишь къ грустнымъ выводамъ. Эгоизмъ земной жизни, торговая сутолока, работа, отдыхъ, ѣда, невинныя развлеченія занимаютъ все время китайца. Онъ не думаетъ о Богѣ, предоставляя бонзамъ бить въ бубны, звонить и молиться о его благополучіи. Тѣ ужасные идолы, что стоятъ въ кумирняхъ, покрытые пылью, не пугаютъ и не утѣшаютъ китайца. Онъ къ нимъ равнодушенъ. Идолы покрыты пылью, а инструменты, употребляемые при богослуженіи, поломаны и сдѣланы грубо и просто. Напрасно инженерныя дамы сѣвернаго участка китайской восточной дороги собирали деньги на постройку кумирни для бѣдныхъ китайцевъ, бѣдные китайцы въ

ней не нуждаются. Православный храмъ былъ-бы гораздо умѣстнѣе въ этомъ краю, гдѣ столько собрано рабочихъ. Напрасно также возмущаются нѣкоторые изъ насъ тѣмъ, что эскадроны, сотни и роты поставлены въ кумирняхъ. Сами китайцы этимъ довольны, заняты нежилыя, *ненужныя* зданія.

А между тѣмъ китайцы вѣрятъ въ загробную жизнь, похороны у нихъ торжественный моментъ жизни семьи, они одѣваютъ бѣлыя платья, потому что радуются той перемѣнѣ, которая происходитъ съ душою покойника послѣ смерти и надѣются, что она будетъ къ лучшему. Для умилостивленія адскихъ силъ они должны принести въ жертву все имущество покойнаго. Но китаецъ экономенъ: онъ дѣлаетъ вещи изъ бумаги и вотъ за гробомъ несутъ, а потомъ предаютъ сожженію бумажныя фанзы, лошадей, людей, верблюдовъ и пр. Въ первой комнатѣ, посвященной предкамъ, у нихъ курятся свѣчи, въ праздники поставлены блюда, но это скорѣе формальность, нежели религіозный обрядъ. Маленькія кумирни *„мяо“* въ деревняхъ запущены, нерѣдко поломаны и нажива стоитъ впереди религіи. Въ Китаѣ все продажно. Китайцы возмущались, что желѣзная дорога проходила слишкомъ близко отъ могилъ, что она срубила для своего пути священныя деревья, но если-бы имъ заплатили хорошенько за порубку или разоренныя могилы—они замолчали-бы.

Наши синологи прилежно изучаютъ Китай и сами сознаютъ, что они его не знаютъ. Я видѣлся съ г. Познѣевымъ, г. Колесовымъ—настоящими знатоками Китая и они отказывались сдѣлать выводъ о немъ. Тѣмъ болѣе мои *впечатлѣнія*—только впечатлѣнія. Иностранцы смѣлѣе насъ. Каждый англичанинъ или французъ, проѣхавшій по китайской восточной желѣзной дорогѣ, пишетъ книгу о Манчжуріи, гдѣ вы найдете все, даже то, чего нѣтъ въ Манчжуріи.

Послѣднее время много пишутъ о „желтой опасности“. Солдаты дзянь-дзюней и хунхузы, которыхъ я видѣлъ въ Манчжуріи, составляютъ только порядочный матеріалъ для войска, которому нужны хорошіе офицеры, а ихъ то и не можетъ быть въ Китаѣ по самому характеру китайца. Въ застѣнномъ Китаѣ идетъ энергичное обученіе войскъ японскими инструкторами, которыхъ вызвалъ къ себѣ Юанъ-ши-кай, войска Дун-фу-сяна и другихъ генераловъ прошлой компаніи обучались нѣмецкими и американскими инструкторами, учителями японцевъ. Да простятъ мнѣ наши сосѣди, они великолѣпные дрессировщики, но они не умѣютъ передать своимъ солдатамъ духа войны, механизма *сраженія*, а

не *парада*. У самихъ нѣмцевъ это восполняется великолѣпнымъ офицерскимъ составомъ, у японцевъ—дикимъ фанатизмомъ и звѣрствомъ солдатъ, ихъ жаждою крови и убійства въ бою, а чѣмъ пополнится это у китайцевъ? Природною трусостью, вошедшимъ, въ плоть и кровь непротивленіемъ злу и нелюбовью къ активной войнѣ.

Мнѣ кажется—желтая опасность обратится лишь въ избіеніе китайцевъ, въ горы труповъ и въ страшныя походныя тягости для войскъ.

Я уже писалъ о климатѣ Манчжуріи, о ея горахъ и лѣсахъ; посмотримъ на бытъ ея населенія. Объ одеждѣ китайцевъ составилось представленіе, что она крайне неудобна. Напротивъ, одежда манзы состоитъ изъ свободной куртки, въ зимнее время подбитой ватой или мѣхомъ, и называемой *курмою*, изъ свободныхъ штановъ, зимою на ватѣ, валеныхъ туфель. На ноги они одѣваютъ чулки и обматываютъ ногу почти по колѣно бинтомъ, въ холода подкладывая сѣно между ногою и бинтомъ. Шапка его валеная, съ мѣховыми наушниками. Богатые люди, солдаты и чиновники, поверхъ курмы надѣваютъ халатъ и короткую безрукавку; а шапку носятъ круглую, съ гаруснымъ шарикомъ. Мандарины имѣютъ шапку фетровую, съ загнутыми кверху полями. Въ Манчжуріи рѣдко можно видѣть у женщинъ уродованныя ноги. Женскій костюмъ очень красивъ. На ноги одѣты пышные шаровары, курма такая-же, какъ у мужчинъ, и все прикрыто пышнымъ халатомъ. Замужнія женщины косъ не носятъ. Ихъ волосы собраны на головѣ въ хитрую прическу, поддерживаемую цѣлымъ рядомъ серебряныхъ булавокъ, шпилекъ и украшенную цвѣтами. Что замѣчательно, такъ это то, что въ Манчжуріи старыя женщины красивѣе молодыхъ. Молодыхъ слишкомъ уродуетъ обычай красить и бѣлить лицо и проводить поперекъ нижней губы широкую малиновую полосу. Молодое и можетъ быть миловидное лицо выглядитъ ужасной маской.

Манчжурскія фанзы я вамъ описывалъ. Онѣ хороши и комфортабельны для дикарей, у нихъ богатая рѣзьба, но мало простора, мало свѣта, нѣтъ хорошей мягкой мебели... Видится что-то слишкомъ старинное, убогое, даже и въ богатой рѣзьбѣ и яркихъ краскахъ. Эти ящики краснаго (покрашеннаго) дерева съ золотыми разводами, эти окованные мѣдью шкафы на узорчатыхъ петляхъ, эти тяжелыя кресла, съ наручниками напомнили мнѣ обстановку боярскаго дома временъ Іоанновъ. Вотъ вотъ сѣдобородый бояринъ въ длинной парчевой одеждѣ, въ богатомъ охабнѣ

выйдетъ къ вамъ съ ласковымъ поклономъ... И выходитъ упитанный китаецъ въ шелковомъ расшитомъ шелками же халатѣ, нарядномъ и блестящемъ какъ парча, и хитро и ласково улыбается.

— Хау!

Его жена, или жены, накрашенныя и намазанныя не хуже, чѣмъ мазались наши боярыни и боярышни, сидятъ въ терему.

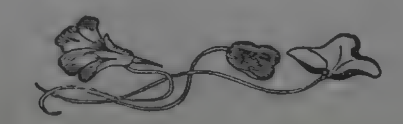
А Гиринъ, Куанчендзы, Нингута зимою? Когда бѣлые дымы столбами тянутся по лазурному небу, развѣ не напоминаютъ картинъ Васнецова, изображающихъ старую Москву. Нѣтъ только бородъ въ толпѣ, тонкая бумага вмѣсто пузыря въ окнахъ, а толпа та же. Тѣ же крикливые раешники, бубличники, тѣ же конные чиновники на алыхъ сѣдлахъ—дѣти боярскія—тѣ же каретки, у насъ замѣненныя возками. Китай не дотянулъ до насъ на четыре вѣка... Дотянетъ ли? Явится ли сюда такой Петръ Великій, который не только двинетъ впередъ народъ, обрѣжетъ косы, какъ знакъ косности, подобно тому, какъ обрѣзали нѣкогда у насъ бороды, сдеретъ халаты, вольетъ свѣжую военную кровь и создастъ новое поколѣніе воиновъ, потому что вопреки бреднямъ Берты Суттнеръ и К° сила государства прежде всего военная сила!.. Возможно ли это? Если возможно, то и желтая опасность возможна...

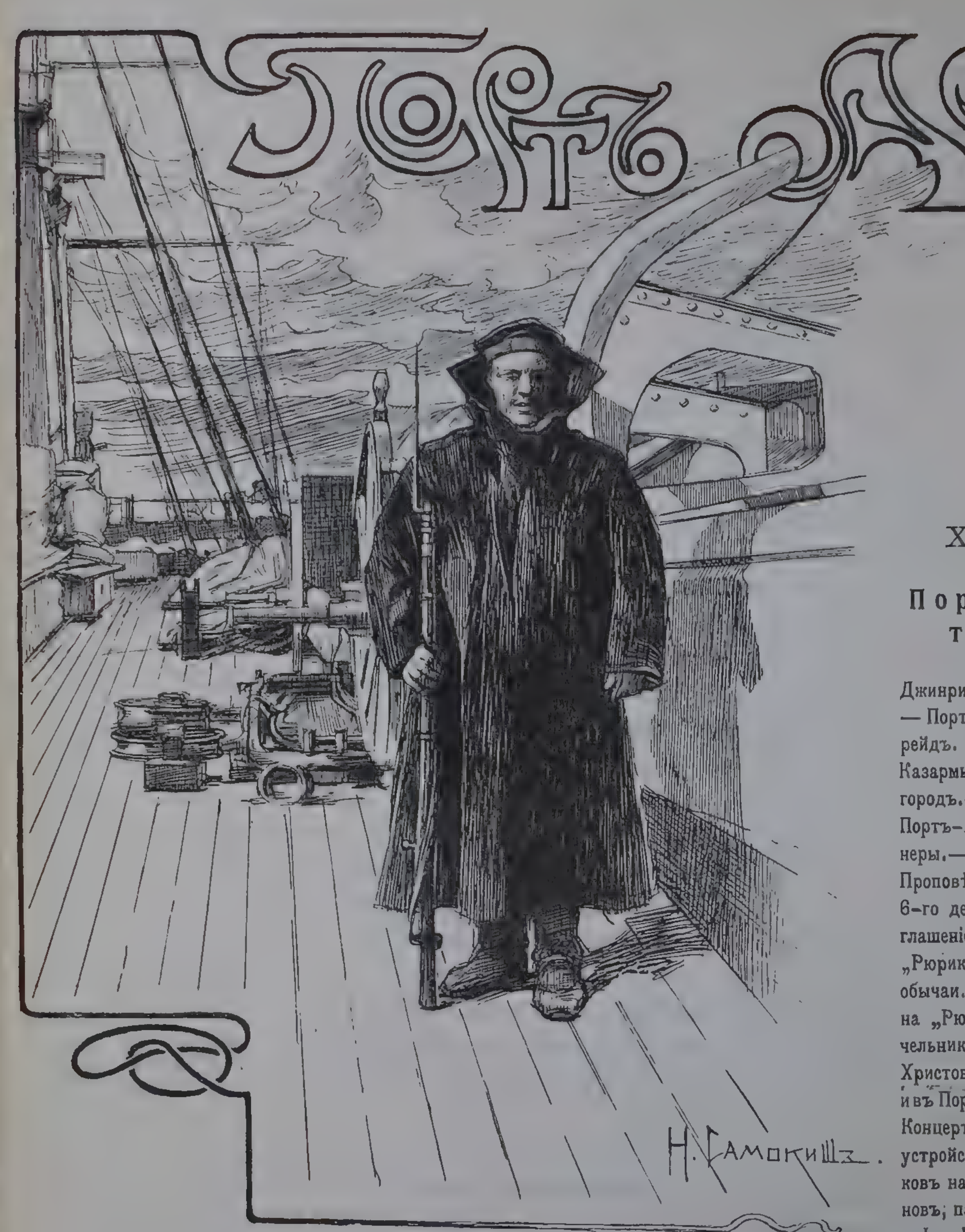
Дороги Манчжуріи хорошо проходимы только зимой, и то по переваламъ и горамъ; даже по большому тракту могутъ идти только двуколки, по тропамъ же лишь вьюки. Лѣтомъ, во время дождей, дороги заплываютъ жидкою грязью и никакой обозъ по нимъ не пройдетъ; наши орудія, наши повозки шли—но на плечахъ у солдатъ.

Пока въ Манчжуріи порядокъ, но едва выйдутъ наши гарнизоны, въ Мукденѣ, Гиринѣ и Цицикарѣ пойдетъ безпощадная рубка головъ, и мандарины вознаградятъ себя за временное воздержаніе.

А впрочемъ довольно о Манчжуріи... Я въ Портъ-Артурѣ, въ военно-морскомъ царствѣ. Интересно взглянуть, что сдѣлали русскіе люди въ этомъ уголкѣ за тѣ три года, что они имъ обладаютъ... Посмотримъ...

Портъ-Артуръ 26 декабря 1901 г.





XXXI.

Портъ-Артуръ.

Джинрикши-китайцы. — Портъ-Артурскій рейдъ. — Улицы. — Казармы. — Китайскій городъ. — Женщины въ Портъ-Артурѣ. — Піонеры. — Гостинницы. — Проповѣдь священника 6-го декабря. — Приглашеніе на крейсеръ „Рюрикъ“. — Морскіе обычаи. — Всенощная на „Рюрикѣ“ въ Сочельникъ. — Рождество Христово на „Рюрикѣ“ и въ Портъ-Артурѣ. — Концертъ въ пользу устройства памятниковъ на могилахъ воиновъ, павшихъ въ Китаѣ. — Новый городъ.

Поѣздъ китайской восточной дороги остановился у конца рельсовъ, у города Портъ-Артура. Крутыя горы кругомъ вокзала. На неширокой и грязной вслѣдствіе оттепели площадкѣ стояли прекрасные извощики парой съ пристяжкой, съ просторными колясками. Въ сторонѣ, у подошвы искусственнаго обрыва выравнялась длинная шеренга маленькихъ двухколесныхъ шарабановъ съ верхомъ и тонкими оглоблями. Оглобли были уперты въ землю, и манзы въ синихъ курмахъ и шапкахъ стояли подлѣ. У всѣхъ на рукавахъ были номера. Это были заимствованные изъ Японіи

джинрикши, сокращенно называемые въ Портъ - Артурѣ „рикшами“.

Какъ въ „Россіи“ извощики, такъ здѣсь эти люди - лошади обступили насъ съ нескладнымъ говоромъ.

— Капитанъ, телѣжка, телѣжка, капитанъ.

Пассажиры, офицеры, дамы и солдаты садились въ телѣжки, рикши подымали оглобли и мѣрнымъ бѣгомъ бѣжали по грязному густому снѣгу, а помощники ихъ бѣжали сзади, поддерживая крыло. Признаюсь, мнѣ неловко было ѣхать на человѣкѣ и я взялъ парнаго русскаго извощика. Рикши мелькали передо мной. Они разгоняли гортанными криками толпу въ тѣсныхъ улицахъ, тяжело дышали при трудныхъ подъемахъ на гору.

Было очень тепло. Нанесенный бурею снѣгъ быстро таялъ и улицы покрывались жидкой черной грязью. Отъ города получалось неопредѣленное впечатлѣніе. Узкія улицы вились между каменныхъ заборовъ и каменныхъ одноэтажныхъ домовъ. Возлѣ домовъ были оставлены дорожки, нѣчто вродѣ троттуаровъ и проведены узкія выложенныя гранитомъ канавки. Это не русскій городъ — вотъ ваше первое впечатлѣніе. Это городъ.... городъ дальняго востока, края свѣта. Дома одноэтажные, каменные, нѣтъ мезониновъ, много каменныхъ стѣнокъ и заборовъ. Да.... все это фанзы, искусно инженерами и архитекторами передѣланныя въ дома. Окна выложены каменными рамами, но двери прямо въ комнаты, кое-гдѣ еще сохранились и длинныя веранды, преобразованныя въ стеклянныя галлереи. Крутая гора упиралась въ море. На синезеленыхъ волнахъ колыхались мачты джонокъ и вертлявые сампаны, дальше стояла, точно большое семейство, флотилія черныхъ судовъ морского пароходства китайской желѣзной дороги, а влѣво у подножія громадной горы—„Золотой“ виднѣлись чистые бѣлые корпуса военныхъ судовъ, краса и гордость нашего флота:— „*Дмитрій Донской*“, „*Громобой*“, „*Наваринъ*“, „*Нахимовъ*“, „*Гилякъ*“, „*Севастополь*“ и нѣсколько мелкихъ. Въ маленькомъ бассейнѣ они стояли какъ игрушки въ тазу... Между берегомъ и горою виднѣлся проливъ и за нимъ темносиняя полоса открытаго моря — Корейскій заливъ.

Картина рейда не такъ красива, какъ во Владивостокѣ: морской горизонтъ стѣсненъ, перегороженъ Золотою горою, море такъ заставлено судами, что не видно, какъ, словно птицы, легко взмахивая крыльями, носятся бѣлые гребные катера, не видны неуклюжіе сампаны и маленькіе и юркіе паровые катера. На рейдѣ тѣсно отъ боевыхъ великановъ.

Набережная узка. Тутъ есть двухэтажные дома русской постройки, рестораны со стеклянными балконами-столовыми, цѣлый рядъ конторъ пароходныхъ обществъ и жалкое отдѣленіе русско-китайскаго банка.

Магазины русскіе: „Чуринъ и К°“, „И. Ф. Соловей“, „Сіетасъ“, дальше вглубь—„Кунстъ и Альбертсъ“ и другіе... Товары обычные дальняго востока, — во-первыхъ, напитки, во-вторыхъ напитки и въ третьихъ, напитки, потомъ консервы, бакалея, галантерейные товары — все до коньковъ и фотографій включительно.

Но вотъ чинную линію обрусѣвшихъ фанзъ прерываетъ башенка кумирни, стѣнка отъ злого духа—здѣсь морское собраніе, дальше опять безконечныя ворота, стѣнки и переходы, а за ними въ маленькихъ комнатахъ ютится штабъ Квантунской области. Еще далѣе двухэтажный домъ подъ морскимъ флагомъ начальника края, потомъ маленькая походная церковь, и пошли лѣпиться по горамъ длинныя сѣрыя постройки—казармы стрѣлковъ и артиллеріи, надъ каменной китайской крѣпостью рѣетъ „Красный Крестъ“ — здѣсь помѣщается госпиталь, затѣмъ виденъ скаковой кругъ съ бесѣдкой, развалины старыхъ казачьихъ казармъ, учебный плацъ, на которомъ учится батарея и еще дальше новыя казачьи казармы...

Три года тому назадъ войска ютились въ фанзахъ. Во время тропическихъ ливней глиняныя стѣнки фанзъ расплывались и обваливались и вдругъ цѣлая воинская часть оказывалась подъ дождемъ, намокала, валялась въ грязи, простужалась, хворала тифомъ и диссентеріей... Три года такой жизни... О сѣрыхъ труженикахъ вспомнили, и склоны горъ, окружающихъ городъ, покрылись казармами.

— Я слышалъ, какъ вы жили раньше,—сказалъ я при знакомствѣ съ сотеннымъ командиромъ, — а какъ вы устроились теперь?

— А вотъ пріѣзжайте. Милости просимъ, — отвѣтилъ мнѣ есаулъ.

Казармы помѣщаются за городомъ, недалеко отъ скакового круга. Это громадная высокая постройка съ массой свѣта, воздуха, въ которой не только можно жить, но можно производить и занятія. Рядомъ солидный каменный навѣсъ для лошадей, открытый сообразно съ климатомъ на одну сторону, еще дальше два офицерскихъ, удобныхъ и помѣстительныхъ флигеля. Какими роскошными показались они мнѣ послѣ приспособленныхъ манчжурскихъ казармъ. На стѣнахъ висѣли наши обычныя таблицы для

стрѣльбы, отданія чести, знаковъ отличія и проч. Въ одномъ изъ угловъ въ шелковой самодѣльной изящной рамѣ были вставлены штукъ двадцать портретовъ. Это георгіевскіе кавалеры сотни, ея гордость и честь. Подъ образомъ горѣла лампада, въ окна рвались лучи свѣта. Тепло, просторно и чисто въ казармѣ. Рѣдкая часть имѣетъ такое помѣщеніе въ Европейской Россіи — это не только удобное, но роскошное помѣщеніе...

Съ площадки былъ видъ на городъ.

— Вотъ тамъ,—говорилъ мнѣ командиръ сотни,—раскинется новый городъ—эти ровные кварталы—новый китайскій кварталъ—эту часть снимутъ, сломаютъ, а вонъ тамъ подниметъ свой куполъ портъ-артурскій соборъ.

И Богъ дастъ это будетъ. Дальній не съѣстъ Портъ-Артура, да онъ и замерзъ въ нынѣшнемъ году. Портъ-Артуръ вызванъ къ существованію жизнью. Дальній—полетомъ фантазіи и конкуренціей.

Въ китайскомъ кварталѣ распланированы широкія и прямыя улицы и въ нихъ предоставлено китайцамъ строиться, какъ они хотятъ. И китайцы, закоснѣлые китайцы, любители бумажныхъ оконъ, построили приличные домики со стеклами въ рамахъ, чистые и опрятные. Какой хорошій вышелъ кварталъ! Они разселились по своему,—ремесленники къ ремесленникамъ, кузнецы къ кузнецамъ. Вотъ улица рикшъ, вотъ мясная, съѣстная, бочарная. Безобразные гробы не торчатъ здѣсь напоказъ, напоминая о суетѣ мірской, какъ въ Цицикарѣ и Гиринѣ. Всѣ товары разложены по окнамъ и не загромождаютъ панелей. Въ открытыя двери фанзъ видны горны, колеса, огонь, верстаки и кипитъ работа. Чистое шоссе вьется по горѣ и идетъ къ батареямъ...

Въ Портъ-Артурѣ двѣ русскихъ и нѣсколько японскихъ фотографій, матросская чайная—она же и мѣсто спектаклей профессіональной труппы и труппы любителей артистическаго кружка, морское собраніе, сдѣланное изъ китайскихъ фанзъ на европейскій ладъ, гарнизонное собраніе, сдѣланное русскими въ китайсконижегородскомъ стилѣ, китайскій театръ Тифонтая, общество садоводства, крошечный садикъ на берегу моря, загородный садъ „Кронштадтъ“, „дачныя мѣста“ возлѣ лагеря стрѣлковыхъ полковъ, гдѣ понемногу начинаютъ осѣдло селиться офицеры и сухопутные моряки, и скачки... Скачки для портоваго города — это уже много. Скачутъ казаки, артиллеристы, инженеры и гражданскія лица.

Что самое главное—въ Портъ-Артурѣ есть женщины. Жен-

щины служатъ въ портѣ, женщины работаютъ въ управленіяхъ дороги, на нихъ есть спросъ, какъ на невѣстъ и, кромѣ дамъ, въ Артурѣ есть и барышни; мало, но есть. На дальнемъ востокѣ барышни такъ же рѣдки, какъ мангустаны въ Петербургѣ. А видали вы мангустаны, хотя бы въ милютиныхъ рядахъ? Ради женщинъ дѣлаются балы. На балахъ, правда, больше мужья танцуютъ съ женами, да иногда захожіе (вѣдь моряки не ѣздятъ) моряки оживляютъ общество своимъ присутствіемъ. Послѣ баловъ идутъ сплетни, сплетни даютъ пищу уму, и общество не закисаетъ.

Общество Портъ-Артура состоитъ изъ служащихъ съ семьями, офицеровъ, „*піонеровъ*" дальняго востока и китайцевъ. Служащіе хотя и глядятъ, какъ волки въ лѣсъ, въ Россію, но Квантунъ любятъ и холятъ. Можетъ быть эта любовь у нихъ идетъ отъ начальника края, отъ его неустаннаго созиданія, можетъ быть теплый климатъ и море, непрестанная творческая дѣятельность, можетъ быть случайный подборъ, но квантунскіе служащіе смотрятъ съ гордостью на Артуръ и неустанно работаютъ, создавая Россіи громкое имя на дальнемъ востокѣ. Офицеры—всегда офицеры. Но на Квантунѣ они какъ то бодрѣе, подтянутѣе, присутствіе вѣчно смѣняющихся изящныхъ моряковъ не даетъ имъ распускаться, боевая заря, загорѣвшаяся заревомъ востока въ прошломъ году надъ ихъ знаменами, еще освѣщаетъ ихъ лица ореоломъ славы, а бѣленькіе кресты и ордена съ мечами на сюртукахъ подбодрили ихъ,—тутъ незамѣтно тоски и унынія. Тутъ всѣ силы, всѣ мольбы направлены къ тому, чтобы удержать за собою тѣ клочки земли, тѣ порты, которые орошены кровью ихъ солдатъ, и къ которымъ коварно за спиною мандариновъ подбираются „знатные иностранцы". Спустится гордый русскій флагъ съ флагштоковъ въ Инкоу, въ Чжинь-чжоу — и упадетъ эта нервная, бодрая, симпатичная энергія съ мужественныхъ лицъ артурскаго гарнизона.

Въ Артурѣ нѣтъ гостинницы, въ которой можно было бы остановиться порядочному человѣку, въ которой его ожидала бы чистая постель, вѣжливая прислуга и свѣтлая комната съ умывальникомъ. Номера Никобадзе, Метрополь и иные — вертепы съ крошечными, холодными, сырыми и грязными клѣтушками—смрадны, тѣсны и гнусны. Не говорящій по-русски грязный „бой", котораго не дозвонишься, сломанные замки, разбитыя окна и пьяный говоръ за стѣной—вотъ единственныя удобства этихъ вертеповъ. И въ этомъ виновато третье сословіе Артура—„*піонеры*".

Служащіе и офицеры останавливаются у знакомыхъ, въ гарнизонномъ или морскомъ собраніи, или ютятся за большія деньги въ частныхъ квартирахъ,—„піонерамъ" хорошей гостинницы дать нельзя. „Піонеръ" гдѣ то наживаетъ, гдѣ то проживаетъ, но онъ всегда какъ говорится въ „полъ-свиста". Онъ якобы проводникъ культуры, онъ сознаетъ это и чванится: „рикшу" по затылку, встрѣчнаго китайца — по физіономіи, грязные сапоги на подушку отеля, плевокъ на портьеру, другой на обои, третій на картину. Это своеобразная культура идетъ въ занятый войсками край.

. . . .

Когда вы придете къ кому нибудь на дальнемъ востокѣ, васъ первымъ дѣломъ спросятъ:

— Вы первый разъ на дальнемъ востокѣ.

— Первый, отвѣчаете вы.

— А откуда изволили пріѣхать?.. Надолго?.. А по какому собственно дѣлу? — потому что безъ дѣла сюда никто не пріѣзжаетъ, Портъ-Артуръ не Ницца и не Парижъ. Эти вопросы вамъ неизмѣнно зададутъ всюду и вездѣ и по нимъ, и по вашимъ аллюрамъ постараются опредѣлить „піонеръ" вы, или нѣтъ.

У „піонеровъ" планы широкіе, аппетиты большіе и счетъ денегъ начинается съ десяти тысячъ и кончается милліономъ. „Піонеръ", понюхавъ чистенькій военно-морской Портъ-Артуръ, воротитъ носъ и устремляется въ Дальній, гдѣ „піонерское" гнѣздо прочно свито. Изъ Дальняго „піонеры" сейчасъ начинаютъ писать культурныя письма и стараются охаять и огрязнить Артуръ. Заводится „Дальній", раздутый какъ какія-нибудь „сормовскія" или „нефтяныя", а объ тыловомъ и стоящемъ на прямомъ пути въ Манчжурію Инкоу старательно молчатъ. Господамъ „піонерамъ" онъ не съ руки, потому что на Инкоу лежитъ еще властная рука военно-морского вѣдомства и тамъ стоитъ порядочный гарнизонъ.

У „піонера" выраженія всегда натуралистическія, въ стилѣ народниковъ. „Ну и городъ, слышите вы ночью—всю ночь шатаюсь, пожрать негдѣ. Что пожрать,—я вторую ночь не спамши, сморился совсѣмъ, эхъ, и занесла же насъ нелегкая. Теперь бы выпить самое время". Собесѣдники послѣ продолжительной качки накрѣпко ошвартовываются у двери въ какой нибудь вертепъ и стучатъ въ нее.

Откуда берутся они? Ужъ не съ Сахалина ли? Посмотришь и черезъ недѣлю видишь ихъ въ изящныхъ тройкахъ, они сидятъ

за столами, что то пишутъ, щелкаютъ на счетахъ, листаютъ пачки ассигнацій. . . . .

То, что Портъ-Артуръ городъ съ прочнымъ и хорошимъ будущимъ, доказываетъ вдругъ создавшаяся портъ-артурская военная школа, пушкинская школа, и еще проектированныя школы и своя газета „Новый Край"... Военно-морская рука тяжела для „піонеровъ", но подъ нею легко работаютъ настоящіе труженики дѣла и широкій путь прокладываютъ они Россіи. Здѣсь созидаются люди, которымъ, можетъ быть, въ будущемъ предстоитъ пережить осаду болѣе ужасную, чѣмъ севастопольская... Я видалъ ихъ лица. Я слышалъ 6-го декабря въ церкви проповѣдь священника и слѣдилъ за лицами солдатъ, казаковъ и матросовъ. Священникъ говорилъ о высотѣ воинскаго званія. Онъ говорилъ на тему: *„больше сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя"*, онъ говорилъ о томъ вниманіи, которое Христосъ оказывалъ военнымъ людямъ, приходившимъ съ Нимъ въ соприкосновеніе. Онъ напомнилъ молящимся о сотникѣ Корниліи и сотникѣ Логинѣ, онъ напомнилъ о солдатѣ Малхѣ, которому апостолъ Петръ отсѣкъ ухо. Всеблагій Христосъ, вопреки нынѣшнимъ китайскимъ ученіямъ о непротивленіи, призналъ права на существованіе силы, потому что сила есть защита слабыхъ, есть покой и миръ страны. „Хорошо тѣмъ, кто убитъ за вѣру и Государя, хорошо имъ у Христа".

И на лицахъ солдатъ я видѣлъ полную святую готовность умереть на полѣ битвы, готовность ясную, сознательную... Тутъ были георгіевскіе кавалеры, солдаты съ медалями за „походъ въ Китай", люди, бывшіе подъ Таку и Тянь-Цзинемъ, когда бой съ китайцами былъ ужасенъ и китайскія силы были вопросительнымъ знакомъ.

Молебенъ кончился. Послѣднія ноты многолѣтія прогремѣли подъ деревяннымъ куполомъ маленькой церкви. Я вышелъ на улицу. Необычная для Портъ-Артура вьюга бушевала. Парадъ былъ отмѣненъ. Грязная компанія китайскихъ сановниковъ изъ Мукдена брела по улицѣ съ чиновникомъ въ формѣ дипломата.

Дня черезъ три я стоялъ на набережной и смотрѣлъ на заливъ, уснувшій подъ теплыми солнечными лучами, на золотую гору съ маякомъ и батареей на вершинѣ, на громадныя стройныя бѣлыя суда съ блѣдножелтыми трубами, на ихъ мачты и такелажъ. Смотрѣлъ, какъ синяя поверхность воды вдругъ зеленѣла отъ набѣгавшаго вѣтра, какъ крутились въ воздухѣ бѣлыя чайки и цѣлыми стаями медленно и плавно опускались на воду. Между

золотой горой и берегомъ былъ маленькій и узкій проливъ и за проливомъ чернѣло море, цвѣта индиго. Тамъ былъ вѣтеръ, тамъ играли и возились волны. Иногда на мачтѣ какого-нибудь корабля быстро взлетала вереница комочковъ и, достигнувъ вершины, тихо разворачивалась въ гирлянду пестрыхъ флачковъ—это подавали сигналъ. Сампаны, качаясь отъ движеній весломъ, порывисто ходили по рейду и дежурили у бортовъ пароходовъ, какъ дежурятъ извощики у параднаго подъѣзда. На пристани шла суматоха. Съ сотни джонокъ сгружали мандарины, муку, уголь. Носильщики съ длинными палками на плечѣ ходили между китайскихъ двуколокъ и стадъ ословъ и муловъ въ сбруѣ. Пробѣгали джинрикши, ѣздили извощики, слышались голоса, крики, шумъ. Портовый городъ жилъ передъ святками во всю. На главной улицѣ у розовой скалы были наставлены привезенныя изъ Японіи елки съ мягкой и плоской хвоей, и китайцы разносили ихъ по домамъ.

А я стоялъ одинокій у моря, смотрѣлъ на востокъ и сознавалъ, что одинадцать тысячъ верстъ раздѣляетъ меня отъ елки моей родины, отъ тѣхъ святочныхъ огней, которые завтра вдругъ заблестятъ и зажгутся миріадами свѣтлыхъ точекъ во многихъ окнахъ многихъ этажей холоднаго сѣвернаго города.

Вдругъ возгласъ надъ ухомъ заставилъ меня очнуться отъ думъ.

— Вернулись?!—Ну, какъ съѣздили? „*Рюрикъ*“ здѣсь—говорилъ высокій морской докторъ со свѣтлорусой бородой и въ очкахъ. Мои владивостокскіе знакомые, веселые, радушные, гостепріимные моряки обступили меня.

— А что вы подѣлываете? спрашивалъ меня краснощекій веселый мичманъ, отъ котораго пышало такимъ здоровьемъ и свѣжестью, что пріятно было на него смотрѣть.

— Какъ видите,—отвѣчалъ я,—сижу у моря и жду погоды.

— Что такъ?—спросилъ молодой лейтенантъ N. съ маленькой бородкой и сѣрыми глазами, изъ которыхъ такъ и сверкало остроуміе.

— Да срочный доброволецъ опоздалъ. Мнѣ не на чемъ ѣхать въ Японію, я рискую опоздать въ Петербургъ, а это „*мало-мало худо есть*“, не люблю и не привыкъ я опаздывать.

— А вы кого ждете?—спросилъ докторъ.

— „*Владиміра*“—онъ долженъ былъ придти 26-го и 29-го идти въ Нагасаки, а о немъ не слышно. Агентъ говоритъ, что раньше 7-го января не будетъ.

— А другія общества?—спросилъ N.

— Былъ. Морское пароходство китайской восточной дороги отправляетъ „*Манчжурію*“ 2-го января, а въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли, японскомъ „Ниппонъ Кайша“, восточно-азіатской компаніи, пароходовъ на праздникахъ не будетъ. Вотъ я и сижу у моря, жду погоды, не придетъ-ли случайный пароходъ, хотя-бы угольщикъ...

— Словомъ вы праздники проводите въ Портъ-Артурѣ? Грѣхъ будетъ, если вы не навѣстите „*Рюрика*“—сказалъ краснощекій мичманъ.

— Очень благодаренъ. Я непремѣнно буду, отвѣчалъ я.

— Да, что говорить! Завтра у насъ госпожа К. будетъ на всенощной, пріѣзжайте; вы вѣдь съ нею знакомы?

— Какъ-же,—отвѣчалъ я.

— Такъ не забудьте,—проговорилъ докторъ—гребной катеръ будетъ завтра у адмиралтейской пристани въ безъ четверти пять. Мы васъ ждемъ.

И они пошли веселою толпою по улицамъ за покупками для матросской елки.

На другой день, едва солнце скрылось за городомъ, я былъ у пристани. Было холодно. Рейдъ былъ черный; и въ сумеркахъ догоравшаго дня, словно нарисованные, безъ тѣней стояли суда. На мачтахъ рѣяли бѣлые флаги съ краснымъ крестомъ—сигналъ, обозначающій, что на кораблѣ идетъ богослуженіе. Золотая гора, служившая фономъ всей этой декораціи, чуть свѣтилась еще вершиною отъ послѣднихъ лучей солнца. Катеръ былъ готовъ. Ждали капитана, поѣхавшаго за госпожей К... Вотъ и они.

— Встать — раздалась команда — и двѣнадцать гребцовъ въ темныхъ курткахъ вытянулись вдоль бортовъ. На кожаныя подушки кормы былъ брошенъ красивый коврикъ, морской флагъ висѣлъ за кормой. Мы усаживаемся. Мы—капитанъ, г-жа К., я и еще двое офицеровъ.

— Садись! — слышна бодрая команда рулевого, — весла! — и словно птица распускаетъ крылья—поднялись кверху бѣлыя лопасти, замерли на секунду въ вертикальномъ положеніи и распластались въ воздухѣ.

— На воду!—зашелестила темная вода, дрогнула шлюпка, и разрѣзая заливъ, понеслась въ темноту надвигавшейся ночи. На судахъ загорѣлись огни. Иные фонарики, высоко поднятые въ синеву неба, точно звѣздочки сверкали во мракѣ, иные горѣли низко. Рядъ свѣтлыхъ круговъ иллюминаторовъ вдругъ загорѣлся подъ бортами и колеблющимися полосами отразился въ заливѣ.

А шлюпка съ мѣрнымъ шелестомъ веселъ, гнувшихся въ рукахъ у матросовъ, неслась мимо судовъ.

Откуда-то сверху послышался слабый голосъ „кто гребетъ“ и на него мощно и смѣло крикнулъ боцманъ—офицеръ!

Лампочки надъ трапомъ загорѣлись, ясно сталъ виденъ пестрый коверъ внизу и бѣлыя ярко вымытыя ступени сходней.

— „Крюкъ“! раздалось съ кормы. Два крайнихъ матроса высоко подняли весла, щелкнули ими лопасть о лопасть, уложили по длинѣ лодки и взяли багры.

— „Шабашъ“!—птица высоко подняла бѣлыя крылья, взмахнула ими, сложила ихъ, и мы тихо подтянулись къ площадкѣ сходней. Два матроса сбѣжали внизъ, чтобы помочь выдти. Мы поднялись наверхъ. Вахтенный начальникъ, краснощекій мичманъ, встрѣтилъ командира рапортомъ и крикнулъ куда-то въ темное пространство мачтъ и трубъ—„отсвистать“.

Когда вы приходите въ первый разъ на военный корабль, вы себя неловко чувствуете. Вѣроятно штатскій, попавшій въ эскадронъ, испытываетъ такое-же чувство. Наши моряки, народъ необыкновенно любезный, вѣжливый, радушный и деликатный, но, какъ всѣ моряки, немного щекотливый въ отношеніи особыхъ правилъ приличій и вѣжливости. Этотъ кодексъ морскихъ приличій создаетъ отношенія, при которыхъ тѣсно связывается вся морская семья. Знаемъ-ли мы ихъ? Нѣтъ. У насъ мало кто и бывалъ-то на военномъ кораблѣ и такъ-же какъ и во времена Гончарова о морякахъ, мы имѣемъ весьма смутное представленіе. Какъ я поѣду на корабль? Какъ примутъ? А вдругъ качать начнетъ, что тогда? Просто побаиваемся мы моря, не довѣряемъ ему.

Если вы познакомились съ моряками и хотите быть на кораблѣ или на суднѣ (но отнюдь не на *пароходѣ*, потому что военное судно назвать пароходомъ это все равно, что сказать „черная лошадь“ въ кавалеріи), сдѣлайте визитъ на судно. Войдя на судно, снимите шапку—это такой обычай, держащійся во флотѣ со временъ Императора Петра. Отдать честь—это не то. Вѣдь на суднѣ и церковь, и знамя, и пушки, военный корабль—это нѣчто живое, одухотворенное, нѣчто такое, что мало привѣтствовать одной прикладкой руки къ головному убору. Къ вамъ подойдетъ вахтенный начальникъ, спросите у него, на суднѣ-ли капитанъ, и если его нѣтъ, то выньте визитную карточку и скажите—будьте столь любезны не откажите *приказать* отнести карточку командиру, не просите передать: вахтенный начальникъ обидится, скажетъ, что онъ передать не можетъ, не его это дѣло,

а прикажетъ отнести. Потомъ отправьтесь въ каютъ-компанію (васъ проводитъ туда матросъ). Тамъ вы познакомитесь съ офицерами, васъ угостятъ виномъ или чаемъ, или кофеемъ. Уходя оставьте карточку для каютъ-компаніи. Васъ пойдутъ провожать, непремѣнно попрощайтесь съ каждымъ и, выходя съ судна, шапки не снимайте, а приложите лишь руку къ головному убору.

Въ разговорѣ съ моряками помните, что они не ѣздятъ, а „ходятъ". Когда вы пришли? Куда идете отсюда? и т. д. Не называйте матроса солдатомъ, вѣдь и стрѣлки и казаки, и гусары не любятъ, когда ихъ зовутъ солдатами.

Когда мы прибыли, богослуженіе уже началось. Мы спустились съ верхней палубы внизъ и попали на батарейную палубу. Подъ низкимъ потолкомъ громадная батарейная палуба „*Рюрика*" казалась безконечной. Шеренги матросовъ въ чистыхъ синихъ суконныхъ рубахахъ и полосатыхъ голландкахъ тонули во мракѣ. Часть переборки была раскрыта и тамъ былъ сверкающій золотыми и серебряными ризами иконостасъ. Возлѣ самаго клироса, выпячиваясь къ нему и закрывая его своимъ тѣломъ, стояла большая 12-ти-дюймовая пушка, на потолкѣ были придѣланы желѣзныя крѣпы для подвязыванія коекъ. Хоръ матросовъ стоялъ за мачтой и ихъ красивые голоса лились оттуда знакомыми мотивами. Священникъ въ бѣлой ризѣ и самъ сѣдой, съ радушнымъ добрымъ лицомъ, поспѣшно, по морскому, гдѣ всякая минута на счету, служилъ всенощную.

— О кораблѣ семъ, всякомъ градѣ, странѣ и вѣрою живущихъ въ ней—слышался его голосъ.

И матросы, и мы молились о „кораблѣ"—которому ввѣрено столько жизней, который есть самостоятельная единица,—городъ, страна... и думалось мнѣ, почему въ полкахъ не молятся „о полкѣ семъ", развѣ полкъ, съ его прочно сбитой корпораціей офицеровъ, съ его хозяйственными заведеніями, не самостоятельная единица?

И когда съ клироса раздались торжественные звуки „*Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ*"—всѣ вздохнули...

Всенощная кончилась. Приложились къ иконѣ, и собрались въ каютъ-компанію къ обѣду. И всѣ притихли.

— День-то такой, началъ краснощекій мичманъ и не договорилъ. Но всѣ поняли.

— Насъ въ семьѣ пятеро, проговорилъ молодой механикъ, и сегодня мы всѣ собрались бы у матери, и была бы елка... А вотъ меня не будетъ.

— Хорошій обычай—елка, если бы у меня были дѣти, я бы имъ всегда устраивалъ елку, розговѣнье на Пасху, говѣнье. Пускай они вырастутъ, станутъ можетъ быть даже атеистами, но у нихъ всегда останется теплое воспоминаніе въ эти дни. Они будутъ помнить эти таинственныя закрытыя двери, за которыми зажигали елку—и въ тяжелыя минуты жизни эти воспоминанія дѣтства будутъ сладкимъ утѣшеніемъ, памятью чего-то хорошаго счастливаго, счастливаго и невозвратнаго...

Послѣ обѣда посидѣли недолго и разошлись. Въ этотъ день каждому хотѣлось уединиться, сосредоточиться, написать письма. Когда-то они дойдутъ, эти письма, до мѣста назначенія!..

Ночь была темная. Огни кораблей, береговая линія фонарей не разсѣивали мрака, но лишь яркими звѣздочками сверкали въ темномъ небѣ. Густой туманъ спускался на землю. На катерѣ мѣрно взмахивали веслами матросы, и мы подавались къ берегу.

Въ день Рождества Христова на той же палубѣ въ люкѣ горѣла огнями елка. Электрическія лампочки и парафиновыя свѣчи отражались и звѣздочками разсыпались въ золотыхъ хлопушкахъ, украшеніяхъ и орѣхахъ. Елка стояла на ватной подстановкѣ, изображавшей чистый снѣгъ родины. По ватѣ были выведены узоры изъ ленточекъ, написано имя крейсера „Рюрикъ“ и сдѣланы буквы „Р. Х.“. Елку убирали сами матросы. Вонъ тотъ высокій, съ черной бородой и кроткими глазами, особенно старался. Онъ и сейчасъ съ такою любовью смотритъ на зеленое деревцо, сверкающее огнями. У него, въ его семьѣ, никогда не было елки, но онъ помнитъ елочку въ сельской школѣ, что зажигала имъ учительница. И вотъ, въ далекомъ Портъ-Артурѣ, на краю свѣта, на кораблѣ, къ которому нелегко привыкнуть, горитъ чистая, вѣчная елка.

Фельдфебель по списку вызываетъ матросовъ, они подходятъ къ капитану, который стоитъ рядомъ съ госпожею К. У К. въ рукахъ офицерская фуражка, въ фуражкѣ билеты, скатанные въ трубочки. Каждый вынимаетъ номеръ, получаетъ сласти и выигрышъ—рубаху, платки, сапожную щетку, фуфайку. Выигрышъ пустяки, но это подарокъ и онъ радуетъ матроса. Видны сіяющія лица, улыбки. На томъ мѣстѣ, гдѣ вчера стояли церковные пѣвчіе, теперь гремитъ экипажный оркестръ... Вотъ мичманъ вызвалъ пѣсенниковъ, они стали въ кружокъ и затянули *„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“*, но вотъ кругъ сталъ шире, лихая казацкая *„Посѣю лебеду на берегу“* разнеслась рѣзвымъ припѣвкомъ подъ палубой и отдалась о пушки, мачты и переборки. Молодой мат-

росъ, поднявъ руки кверху и мелко сѣменя ногами, выбѣжалъ впередъ и пустился въ присядку. Фуражка еле сидитъ на его гладко выстриженной головѣ, а ноги выдѣлываютъ прямо чудеса... Команда тѣснѣе придвинулась, хоръ увлекается, а матросъ самъ не свой. То высоко взмахнетъ онъ фуражкой надъ головой, такъ что черныя ленточки заиграютъ, то надвинетъ ее на затылокъ, смѣется, сверкаетъ глазами, а ноги такъ и бьютъ веселый тактъ:

«Скакалъ и гулялъ по лугамъ,
По зеленымъ лѣсъ-дубровушкамъ,
Съ донскимъ съ молодымъ казакомъ».

— Ахъ, ловко Гришинъ, ахъ важно,—не выдерживаетъ кто-то повисшій на желѣзныхъ прутьяхъ отъ коекъ.

Всѣхъ развеселилъ матросъ.

— И есть лица,—говоритъ блѣдный чернобородый красивый лейтенантъ,—которые думаютъ поставить дрессированнаго японца рядомъ съ этими людьми. Да, японцы стойки, они не боятся смерти. Я видѣлъ, какъ рота ихъ начисто легла подъ арсеналомъ въ Тянь-Цзинѣ и никто не вздохнулъ, не испугался, но эта же рота не подумала, что пять шаговъ вправо они прошли-бы безъ потерь. А наши! И вѣдь всѣ такіе!..

— Господа, чай, кофе пить! Лидія Өедоровна намъ спѣть обѣщалась,—зоветъ внизъ капитанъ. И внизу, возлѣ груды газетъ и журналовъ, у піанино хорошо, уютно и весело. Вѣстовые разносятъ чай и сладкій крюшонъ. Докторъ садится за рояль. Мичманъ поетъ басомъ итальянскую арію, за нимъ госпожа К. оглашаетъ каютъ-компанію нѣжнымъ меццо-сопрано. „*Penso il prima volta*“ несется подъ низкимъ потолкомъ. Батюшка бросаетъ шашки и идетъ слушать поближе. Пѣніе кончено. N. разсказываетъ сценки и анекдоты. И сценки, и анекдоты стары, какъ міръ, всѣ давно ихъ выучили наизусть, но N. такъ хорошо ихъ разсказываетъ, его подвижное лицо такъ чудно мимируетъ, что вся каютъ-компанія умираетъ со смѣха. Расходятся близко къ полночи. Моряки укладываются въ каютахъ на койкахъ, мы, сухопутные, идемъ по домамъ. Портъ-Артуръ спитъ и таетъ подъ теплымъ вѣтромъ. Грязь стоитъ вездѣ невылазная...

На праздникахъ стрѣлки 9-го полка въ гарнизонной чайной играли въ солдатскомъ спектаклѣ. Играть приходилось по два, по три раза въ день и всякій разъ чайная была полна. Въ пьесѣ „*Солдатская любовь*“ много смѣялись проказамъ барабанщика „*Портъ-Артурскаго крѣпостного полка*“ Ярошкина (Портъ-Артурскій полкъ—

это была „отсебятина“ актера, надзирателя больныхъ 9-го полка, вызвавшая много смѣха).

Когда на сцену вышелъ старшій унтеръ-офицеръ Доугель, въ соломенной шляпѣ, парикѣ и платьѣ и заговорилъ такимъ голосомъ, какимъ говорятъ старыя полковыя дамы, восторгамъ не было конца. „Ахъ ты, чтобъ тебѣ,—ну во“ такъ и слышалось кругомъ. Когда плута Ярошкина второй разъ накрыли и онъ притворился трубочистомъ — публика была въ восторгѣ. Пьеса, по нашему, грубая, нелѣпая и простая, солдатамъ страшно нравилась. Половина удовольствія состояла въ томъ, чтобы угадать, кто кого играетъ.

Послѣ пьесы выскочилъ съ гармоніей солдатъ въ красной рубашкѣ и запѣлъ о томъ, какъ совершивши кругосвѣтный туръ—онъ пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ. И этому смѣялись. Смѣялись и глупымъ словамъ о томъ, какъ у него была карета и пара лошадей и онъ все пропилъ... И это было похоже на правду, потому что артистъ былъ въ порядочномъ дрейфѣ.

— Я его, каналью, взаперти держалъ съ утра, — жаловался мнѣ распорядитель спектакля, — нѣтъ, ухитрился какъ-то пронести бутылку, слова теперь перевираетъ. Зарѣзалъ меня, прямо зарѣзалъ.

Двѣ, три полковыя дамы были съ офицерами на первой скамейкѣ, а дальше все солдаты...

Да, на святкахъ въ Портъ-Артурѣ веселились не хуже, чѣмъ въ Кронштадтѣ. Каждый день гдѣ-нибудь была елка. 26-го декабря въ гарнизонномъ собраніи былъ балъ, а передъ нимъ концертъ. Пѣла г-жа К. съ тѣмъ, чтобы сборъ пошелъ на устройство памятниковъ на могилахъ павшихъ въ Китаѣ русскихъ воиновъ.

„Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“... Но тѣ мертвые, что пали у Таку, подъ Тянь-Цзинемъ, въ Пекинѣ—не мертвы. Ихъ имена должны навѣки остаться въ потомствѣ. Ихъ живые товарищи должны видѣть, что русскіе не бросаютъ прахъ героевъ безъ памяти. Въ Тянь-Цзинѣ кипитъ работа по устройству памятника на братской могилѣ. Въ посольской церкви въ Пекинѣ тоже будетъ могила... А мертвые Бейтана, а мертвые Шанхай-Гуаня, а тѣ маленькія брошенныя одинокія могилы стрѣлковъ и казаковъ, что разбросаны по всему побережью? Г-жа К. видала ихъ, она съ тоскою останавливала взоръ у одинокихъ крестовъ и ей запала мысль помочь памяти героевъ... Пусть и китайцы увидятъ, что русскіе цѣнятъ память мертвыхъ... Это заставитъ ихъ уважать насъ...

30-го декабря у начальника края былъ балъ, впереди ожидается еще елка въ гарнизонномъ собраніи. Такъ, несмотря на удаленность отъ родины, чисто по русски встрѣчали и провожали святки въ Портъ-Артурѣ....

Впрочемъ собирались больше кружками—моряки съ моряками, военные съ военными, піонеры съ піонерами.

Мнѣ, какъ свѣжему, пріѣзжему человѣку приходилось бывать повсюду.

Присматривался я къ новымъ нашимъ торговымъ и инымъ центрамъ на дальнемъ востокѣ, присматривался и удивлялся. Какъ недружно живутъ у насъ различныя вѣдомства. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ общей работы. И въ Харбинѣ и въ Инкоу и въ Портъ-Артурѣ это особенно бросается въ глаза. Если одно вѣдомство строится здѣсь, то другое уходитъ верстъ на пять въ сторону, а третье воздвигаетъ свое новое еще дальше. Отъ этого вмѣсто одного благоустроеннаго города является нѣсколько неблагоустроенныхъ. Харбинъ раскололся на три отдѣльныхъ городка, Инкоу отбросилъ къ желѣзной дорогѣ на семь верстъ „русскій поселокъ“, въ Портъ-Артурѣ, на берегу моря, на грязномъ и илистомъ пляжѣ, широко планируется „новый городъ“. И въ старомъ-то еще не сдѣлали тротуаровъ, не вывели вторыхъ и третьихъ этажей, а уже на громадной площади бамбуковыми вѣхами провѣшиваютъ прямыя направленія новыхъ улицъ.

По невылазной грязи и невозможной дорогѣ, верхомъ, я проѣхалъ въ этотъ городъ. Навстрѣчу на двуколкѣ ѣхалъ офицеръ 11-го стрѣлковаго полка. На глубокихъ колеяхъ двуколку швыряло со стороны на сторону и офицеръ должно быть проклиналъ и дорогу, и погоду.

На большой равнинѣ, красиво очерченной горами и примыкающей къ морю кипѣла работа. Насыпали щебнемъ шоссе, возводили трехъ-этажное зданіе, стояла готовая оранжерея и одноэтажныя каменныя казармы 11-го полка тянулись широкой улицей къ горамъ. Повсюду были квадраты кирпича, камня, песка.

Мѣстами уже были выложены фундаменты, мѣстами стояли еще только балаганы изъ цыновокъ для китайскихъ рабочихъ. Съ перваго взгляда поражало отсутствіе мачтъ съ крестами, которыми въ Россіи начинается всякая постройка. Нѣкоторыя зданія уже были готовы и одиноко, и какъ-то глупо торчали среди еще не сдѣланныхъ улицъ. У моря росла группа деревьевъ, на краю города была сосновая роща. Что съ ними сдѣлаютъ? Изъ города былъ чудный видъ на заливъ и внутреннее море, на закопчен-

ный каменнымъ углемъ рейдъ съ его верфями и складами, судами и джонками...

Рискуя сломать лошади ногу, я проѣхалъ по жидкой по колѣно грязи къ вокзалу. Рикши мѣсили грязь, возя тележки, въ тележкахъ сидѣли дамы и господа, китайская толпа бродила по панелямъ. Здѣсь, какъ и во Владивостокѣ, простого народа, русскихъ мужиковъ, нѣтъ. Здѣсь всякій мужикъ, запасный солдатъ, если останется, становится или извощикомъ, или „*піонеромъ*“ и вы его въ толпѣ не узнаете.

Если не смотрѣть батарей, Портъ-Артуръ можно осмотрѣть и изучить въ три дня... Черезъ три дня послѣ моего пріѣзда меня уже потянуло впередъ на Пекинъ. Да и докторъ К. торопилъ меня скорѣйшимъ отъѣздомъ.

Простившись съ необыкновенно радушными хозяевами, пріютившими меня въ Портъ-Артурѣ, я еще до святокъ поѣхалъ въ Пекинъ, давъ обѣщаніе къ Рождеству вернуться въ Портъ-Артуръ.

Портъ-Артуръ, декабрь 1901 г.

Крейсеръ 1-го ранга „Рюрикъ“.

Лѣтній дворецъ Ли-хун-чанга въ Тянь Цзинѣ.

XXXII.

Къ Пекину.

Пути на Пекинъ.—На пароходѣ „*Инкоу*".—Чифу.—Китайскій городъ.—Фруктовые сады.—На *Kuring*'ѣ.—Капитанъ-англичанинъ.—Французы пассажиры.—Канунъ сочельника въ трюмѣ.—Пароходный обѣдъ.—Типы пассажировъ.—Качка.—Цинвандао.—На французкомъ этапѣ.—Сочельникъ у французовъ.—Путешествіе въ Тангъ-хо.—Англійская желѣзная дорога.—Тонгъ-ку.—Тянь-Цзинь.—Въ Astor-houser'ѣ.—Русскій участокъ.—Дворецъ Ли-хунгъ-чана.—Арсеналъ.

Изъ Портъ-Артура въ Пекинъ есть два пути. Сухопутный—по китайской восточной дорогѣ до Дашичао (14 часовъ ѣзды), тамъ пересадка на другой поѣздъ, 45 минутъ ѣзды до русскаго Инкоу, на телѣжкѣ 9 верстъ съ переправой черезъ рѣку Ляо-хэ въ англійское Инкоу, по военной русской дорогѣ на Шанхай-Гуань—12 часовъ ѣзды, по военной англійской дорогѣ на Тонгку, Тянь-Цзинь и Пекинъ, двое сутокъ, итого четверо сутокъ и морской на пароходѣ морского пароходства китайской восточной желѣзной дороги до Чифу—9 часовъ. Изъ Чифу на пароходахъ китайской компаніи Роберта Гарта на Тонгку—6 часовъ и изъ Тонгку до Пекина 30 часовъ—за двое сутокъ можно было-бы доѣхать до Пекина. Но мы попали въ Артуръ въ самое небла-

гопріятное время: рѣка Пейхо замерзла и пароходы въ Тонгку перестали ходить, а ѣхать нужно было въ новый интернаціональный портъ Цинвандао, оттуда 7 верстъ на двуколкѣ на станцію Танъ-хо и 12 часовъ ѣзды до Тянь-Цзиня; а рѣка Ляо-хэ у Инкоу не замерзла еще, такъ что предстояло отъ Инкоу 22 версты ѣхать вверхъ и выбраться къ ст. Тянгфуантай, гдѣ по слухамъ уже была переправа на санкахъ.

Мы съ докторомъ рѣшили поѣхать туда моремъ, а назадъ по желѣзной дорогѣ и 9-го декабря вечеромъ сѣли на маленькій пароходъ китайской дороги „*Инкоу*", отправлявшійся въ Чифу.

Въ 9 часовъ вечера мы отвалили и вышли изъ бухты на рейдъ, на которомъ, словно городъ на водѣ, стояла сверкая огнями вся наша эскадра. „*Наваринъ*", „*Сысой Великій*", „*Нахимовъ*" и „*Севастополь*" были вытянуты въ кильватеръ. Кругомъ была ночь, пустыня океана, безконечный горизонтъ морскихъ волнъ, небо, усѣянное звѣздами и, словно живыя чудовища, стояли эти громадные, сверкающіе огнями корабли. И долго съ палубы была видна линія огней, высоко поднятыхъ на мачты и три яруса освѣщенныхъ иллюминаторовъ. Берегъ исчезъ — мы вышли въ открытое море, „*Инкоу*" начало качать и мы съ докторомъ ушли внизъ, въ уютную и теплую, освѣщенную электричествомъ, каюту. Тамъ вскорѣ я и заснулъ мертвымъ сномъ, убаюканный качкой, не замѣчая и забывши про нее...

Ночь была еще въ полной силѣ, когда „*Инкоу*", описавъ широкую дугу, вошелъ въ обширную гавань Чифу, уставленную пароходами и джонками, и бросилъ якорь. Качка прекратилась и на „*Инкоу*" стало тихо. Немногіе пассажиры, ѣхавшіе съ нами, еще спали. Я вышелъ на палубу. Было тепло, тихо и пасмурно. Саженяхъ въ двухстахъ отъ парохода, въ туманѣ и мракѣ неясно рисовалась гора съ башенкой кумирни и мачтой на верху, нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ европейской постройки, каменные молы для шлюпокъ и тысячи шаландъ, шампунокъ и сампановъ*), облѣпившихъ берегъ. Сампаны уже подплыли къ борту нашего парохода, и ихъ гребцы взобрались по сходнямъ и при видѣ меня кинулись съ возгласами—„капитанъ, шлюпка надо есть"...

Но ѣхать было рано. Я стоялъ у борта и смотрѣлъ, какъ постепенно день вступалъ въ свои права. Сначала вода изъ тем-

*) *Шаланда*—небольшая баржа для перевозки грузовъ на рейдѣ, *шампунка*—грузовая лодка въ родѣ, чухонской лайбы и *сампанъ*—яликъ.

ной сдѣлалась зеленой, бутылочнаго цвѣта, потомъ вдругъ еле видныя горы на рядѣ острововъ, преграждающихъ въѣздъ въ гавань, освѣтились солнечными лучами, и ихъ красноватыя вершины, покрытыя снѣгомъ, заиграли яркими красками, словно электричество упало откуда то на нихъ. А низы все еще тонули въ туманѣ и сливались съ тихимъ покойнымъ моремъ. Солнце подымалось выше и сгоняло пары. Стала видна башня готическаго стиля церкви, озарился яркимъ свѣтомъ германскій бѣлый стаціонеръ *„Ягуаръ“*, стали отчетливо видны и другіе большіе и малые пароходы, стоявшіе на рейдѣ. На *„Инкоу“* началось движеніе, вышелъ и мой сотоварищъ по поѣздкѣ въ Пекинъ, докторъ К.

— Поѣхали?—спросилъ я. Докторъ отвѣчалъ утвердительно. Мы спустились по трапу въ грязный сампанъ, двое китайцевъ заюлили веслами, которыя у нихъ вставлены сзади и сбоку лодки по одному на шпиляхъ и которыми они, стоя на кормѣ, довольно ловко гонятъ сампанъ впередъ по морю. Забурлила и заиграла зеленая волна, разсыпаясь въ серебряную пѣну подъ носомъ, виднѣе стала ея прозрачность и красота, и черезъ пять минутъ мы пристали къ гранитной лѣстницѣ у мола...

Снѣгъ, выпавшій вчера, или третьяго дня, быстро таялъ; въ воздухѣ было сыро и тепло, какъ у насъ въ пасмурный іюльскій день. Прямо передъ нами шла чистая улица съ тротуарами, большими каменными домами и магазинами. Вотъ „Сіетасъ и К°“—иноземный Кунстъ, торгующій всѣмъ: и лампами, и консервами, и бумагой, и посудой, и оружіемъ и игрушками, въ данную минуту больше игрушками, потому что было 23-е декабря новаго стиля, канунъ сочельника. Дальше было два приличныхъ отеля—„Севіу-отель“ и „Бичъ-отель“—еще дальше открылся видъ на городъ. Прямо передъ нами былъ неширокій пляжъ, покрытый тысячью маленькихъ бѣлыхъ, розовыхъ и желтыхъ блестящихъ камушковъ. Эти камушки, чисто вымытые водою, блестѣли и сверкали словно самоцвѣтные. Пляжъ плоскою дугою уходилъ вправо, къ востоку. Почти на берегу стояла солидная церковь, выложенная изъ темно-зеленаго дикаго камня, церковь суровой средневѣковой архитектуры. Зеленовато-синее море мягко набѣгало на пляжъ и съ ласковымъ шопотомъ разливалось по нему. На берегу тумана уже не было. Но морская даль еще была закрыта сѣрой дымкой, стушевавшей горизонтъ и въ этой дымкѣ, отражаясь всѣмъ силуэтомъ, стояла типичная китайская трехмачтовая джонка. Влѣво пляжъ вскорѣ кончался, огромная скала подымалась изъ

воды въ видѣ круглой горы и эта скала вся была покрыта садами и изящными коттэджами. Да, именно коттэджами—сказать постройками, домами, было-бы слишкомъ грубо. Отъ скалы въ воду упали камни и выбѣжали маленькими грядами въ зеленую прозрачную влагу воды. Надъ камнями рѣяли громадныя бѣлыя чайки и легкій прибой окружалъ ихъ тонкимъ кольцомъ пѣны. Внизу—вдоль и позади пляжа былъ китайскій городъ—на горѣ, стояли дома европейцевъ. Мы съ докторомъ пошли по чистой, усыпанной крупнымъ пескомъ дорожкѣ, между садовъ европейской колоніи.

— Какъ это чисто и какъ хорошо устроено! восхищался докторъ—смотрите, полицейскіе даже есть и съ палками.

И правда, два здоровыхъ китайца въ синихъ курткахъ, съ бѣлыми значками на плечахъ и со здоровыми бамбуковыми палками стояли на перекресткѣ.

— А какая тишина! Никакихъ криковъ, никакой грязной толпы. Очевидно, сюда китайцевъ безъ надобности не пускаютъ.

На улицахъ было какъ-то сонливо тихо. Большія грушевыя деревья, яблони и тисы стояли оголенные. И между ними, красиво рисуясь узорчатыми плоскими и мягкими листьями, росли невысокія туйи, сосны съ кронами вѣтвей наверху и олеандры и лавры, не скинувшіе своего лѣтняго убора. Вездѣ на газонахъ подъ потаявшимъ снѣгомъ была трава, трава желтовато-сѣрая, поблекшая, сухая, но все-таки трава. Между большихъ двухъ этажныхъ и трехъ-этажныхъ домовъ, утопая среди сучьевъ и зелени туйи, стояли маленькіе особняки дачнаго типа. Узкая дорожка, прекрасно содержанная, постепенно поднималась наверхъ къ сѣрой башнѣ, доминировавшей надъ городомъ. На этой горѣ только одна башня, чисто-китайскаго стиля, напоминала, что этотъ городъ былъ когда-то китайскимъ. Мы дошли до башни, прочли у подножія ея надпись „private“—„частное“, спросили на всякій случай у привратника, можно-ли подняться на нее и, узнавъ что она заперта, сѣли у ея подножія. И такъ видъ былъ очаровательный .Направо пляжъ, спокойный,тихій и пустынный заливъ и масса сѣрыхъ квадратовъ домовъ китайскаго города, а прямо далекія розовыя скалы, залитыя теперь солнечнымъ свѣтомъ и рейдъ, кишащій судами. Прямо у ногъ голубыя волны разбивались о высокія скалы, грядою уходившія въ воды. И ихъ скалистое основаніе еще сажени на двѣ было видно подъ синевато-зеленой прозрачной водой. А кругомъ сады. Сады безъ листьевъ, правда, но сады, съ такими оригинальными и чистыми вѣтвями

и стволами, какихъ нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Манчжуріи. Воробьи съ веселымъ пискомъ перелетали съ мѣста на мѣсто и они пищали особенно не по нашему, а будто на какомъ-то иностранномъ діалектѣ.

Мы обошли кругомъ горы по дорожкѣ, между невысокими стѣнками, выложенными изъ крупнаго камня, у подножія мы увидали большое и приличное зданіе изъ дикаго камня, на которомъ было написано—„русская почтовая контора“ и повѣшенъ нашъ зеленый почтовый ящикъ.

На набережной лежали кусты и вѣтки сосны и омелы—этихъ шарообразныхъ зеленыхъ вѣтокъ съ маленькими парными ягодками, которыми англичане на Рождество украшаютъ свои жилища. Эта зеленая выставка, на снѣгу, у каменной стѣны, мало напоминала тотъ роскошный лѣсъ елокъ, который вдругъ выросталъ передъ Рождестомъ у стѣнъ гостинаго двора, но она шептала что-то моему сердцу и хотя шептала на иностранномъ языкѣ, но шептала что-то трогательное и великое.

— Ахъ, какъ это чисто! продолжалъ восхищаться докторъ все время паркъ, дачное мѣсто! Какой воздухъ, какая мягкость атмосферы.

Проходившій мимо матросъ съ „Jaguar'а“ акуратно отдалъ честь и онъ привлекъ вниманіе доктора.

— Посмотрите, и матросъ какой молодчина. И какъ одѣтъ и честь какъ щеголевато отдалъ. Пріятно смотрѣть!

За набережной, отдѣленной деревянной аркой въ китайскомъ стилѣ, начинался китайскій городъ. Сразу пошли узкія тѣсныя улицы, мощеныя лишь по серединѣ широкими каменными плитами и покрытыя жидкой скользкой грязью. Китай съ его вонючими чофанами, лавками, ларями и ходячими торговцами, пронзительно выкликающими свои товары, насъ обступилъ. То и дѣло приходилось останавливаться, потому что встрѣчались вьючные мулы и лошади, шли китайцы съ громадными тюками, сшитыми изъ соломы. Приходилось прижиматься къ грязнымъ стѣнамъ, расталкивать толпу, вступать въ жидкую грязь незамощенной части улицъ. Улицы сплетались въ хитрый лабиринтъ, въ которомъ трудно было разобраться. Нигдѣ ни одного полицейскаго, да и европейцевъ въ этомъ городѣ совсѣмъ не видно. Невольно напрашивалось сравненіе съ Портъ-Артуромъ, гдѣ въ новомъ китайскомъ городѣ прямыя широкія улицы и чистыя фанзы со стеклянными окнами. Насколько сады европейской части Чифу дѣлали этотъ горчьо

красивѣе Портъ-Артура, настолько грязь китайскаго квартала убивала это превосходство.

Чифу интернаціональный городъ. Здѣсь живутъ консулы всѣхъ націй, сюда во французскій пансіонъ направляются дѣвочки всѣхъ колоній Печелійскаго залива, здѣсь же по необходимости воспитываются и дѣти офицеровъ портъ-артурскаго гарнизона и южно-манчжурскаго отряда, и кромѣ того Чифу—это фруктовый садъ и парники русскаго Китая и дальняго востока. Уже въ Хабаровскѣ я слышалъ его имя. Тамъ на улицахъ продавали круглыя и деревянистыя, но очень сочныя груши, большіе яблоки и темный крупный и сладкій виноградъ. Откуда это привозятъ? спрашивалъ я; изъ Чифу, былъ неизмѣнный отвѣтъ. Потомъ эти же фрукты изъ Чифу я видѣлъ во Владивостокѣ, въ Гиринѣ и въ Портъ-Артурѣ, они же продавались манзами на всѣхъ станціяхъ южной вѣтки китайской восточной дороги. Въ Портъ-Артурѣ, за столомъ собранія, въ которомъ меня угощали гостепріимные хозяева его, часто подавали прекрасную капусту, огурцы, морковь и другую зелень—откуда? Изъ Чифу... Конечно и въ Портъ-Артурѣ могутъ свободно произрастать и давать плоды и яблони, и груши, и виноградъ, но тамъ общество садоводства еще только-только народилось, и той широкой промышленной предпріимчивости у насъ нѣтъ, чтобы самимъ разводить сады.

Въ Чифу стаиваютъ наши суда иногда и вы имѣете знакомыхъ моряковъ, вы вѣроятно по адресу слыхали, что есть такой городокъ на свѣтѣ—Чифу. Городъ китайскій, но если хотите вмѣстѣ съ тѣмъ и дачное европейское мѣсто, красивый клочекъ земли, скала, кинутая мысомъ въ Печелійскій заливъ и богато воздѣланная человѣческими руками.

Мы бродили съ докторомъ по городу часа четыре и исходили его вдоль и поперекъ, во многихъ мѣстахъ были даже по два раза, только въ китайскій городъ не рискнули заглянуть во второй разъ, ужъ очень тамъ грязно и гадко. Время было идти на пароходъ.

Зимою, когда устье Пейхо замерзаетъ и прямое сообщеніе съ Тянь-Цзиномъ прекращается, пароходы идутъ въ Чифу, а оттуда въ маленькое новорожденное Цинвандао, не имѣющее закрытой бухты, а потому неудобное для стоянки судовъ. Тамъ предпріимчивые янки уже соорудили молъ, къ которому могутъ причаливать суда, связали его рельсами съ маленькой станціей Тангъ-хо, находящейся между Шанхай-Гуанемъ и Тонгку и повезли товары изъ Пекина въ Шанхай и обратно. Изъ Чифу на

Цинвандао ходятъ пароходы только одной компаніи—Chinese Engineering and Mining C°. Пароходъ ея „*Fu-ping*“ и отходилъ 23-го Декабря на Цинвандао.

Мы взяли сампанъ и поѣхали на „*Fu-ping*“.

— Англійскій пароходъ!—мечталъ мой спутникъ,—какая чистота и порядокъ, какой комфортъ насъ ожидаетъ. Уже что-что, а англичане умѣютъ устраивать. И вы посмотрите, какой онъ большой.

Изъ воды дѣйствительно солидно подымался высокій черный остовъ *Fu-ping'a*“. Но онъ былъ грязенъ и выглядѣлъ простымъ угольщикомъ, а не почтовымъ пароходомъ солидной англійской компаніи. Мы поднялись на бортъ. Насъ встрѣтилъ крѣпышъ „кэптенъ“, коренастый и приземистый, съ короткими рыжими усами въ сѣрой визиткѣ и котиковой фуражкѣ, надвинутой на глаза.

— Билетъ перваго класа до Цинвандао стоитъ 60 доларовъ—сказалъ онъ.

Дорогонько,—подумали мы, но пошли осматривать, какая прелесть насъ ожидаетъ за эти деньги. Всюду грязь была ужасная. Давно немытая и нескобленная палуба была залита масломъ, засыпана углемъ и кухонными отбросами. Въ маленькой каютъ-компаніи, помѣщавшейся въ верхней рубкѣ, было тѣсно. Столовое бѣлье было грязно и порвано. Каюты... Но это не были каюты, какъ привыкли мы понимать это слово. Это были маленькія конуры въ трюмномъ помѣщеніи и притомъ конуры безъ всякой отдѣлки. Вмѣсто коекъ были какіе-то ящики безъ матрацовъ, подушекъ и бѣлья. Вотъ вамъ и англійскій комфортъ и чистота! Но почему такія большія деньги? Мы заявили капитану, что онъ дорого хочетъ за проѣздъ въ однѣ сутки—60 руб., когда мы на комфортабельномъ „*Инкоу*“ за семичасовой проходъ отъ Портъ-Артура до Чифу заплатили всего 4 р. 50 к.

— У васъ на пароходѣ даже каютъ настоящихъ нѣтъ,—сказали мы ему.

— Если вамъ не нравится, возьмите другой пароходъ,—хладнокровно сказалъ „кэптенъ“ и повернулъ къ намъ спину.

Мы вынули деньги и заплатили. Другого парохода не было, а ѣхать было нужно.

— Запишите наши фамиліи и № каюты,—проговорилъ К.

— Мнѣ вашихъ фамилій знать не надо,—грубо замѣтилъ „кэптенъ“—мнѣ подавайте только ваши долары...

Между тѣмъ на пароходъ собрались и другіе пассажиры,

ѣхавшіе изъ Шанхая. Все французы. Красивый пожилой капитанъ артиллеріи Aime Pelletier, ѣхавшій въ Тянь-Цзинь въ международный отрядъ, семья буржуа-архитектора, графъ—attaché французскаго посольства въ Пекинѣ, двое молодыхъ, только-что 12 дней тому назадъ обвѣнчавшихся, какой-то хмурый, вслѣдсвіе незнанія языковъ, датчанинъ и русская молодая дама, г-жа К...— это и всѣ пассажиры.

Пароходъ долженъ былъ отойти въ 1 часъ дня, но пробило и 2, и 3, а на немъ все было тихо. „Кэптэнъ", заложивъ руки за спину, шагалъ вдоль палубы, французы оживленно болтали между собою и съ нами въ каютъ компаніи, но ни свистковъ, ни стука паровой лебедки—этихъ предвѣстниковъ скораго отплытія не было слышно на пароходѣ. Наконецъ въ четыре часа прибылъ молодой худощавый агентъ компаніи, весьма сдержанный и корректный, и началъ выдавать росписки на проѣздъ. Намъ съ докторомъ вернули по пятнадцати рублей. Билетъ, какъ оказалось, стоилъ не 60, а 45 руб. Буржуа-архитекторъ изъ кожи лѣзъ на французскомъ языкѣ, доказывая, что онъ такихъ сумасшедшихъ денегъ не заплатитъ.

— Вы должны дать комфортъ за эти деньги,—кричалъ французъ,—дайте намъ матрацы, каюты, бѣлье и я заплачу вамъ охотно, а такъ нельзя брать деньги.

Англичанинъ слушалъ его, очевидно ничего не понимая, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его сухомъ красивомъ лицѣ.

Когда французъ кончилъ, англичанинъ извинился передъ докторомъ и просилъ его быть переводчикомъ. Онъ внимательно выслушалъ переводъ и спокойно замѣтилъ, что, если господину не нравится пароходъ и стоимость билета, то никто не обязываетъ его ѣхать съ нимъ—онъ можетъ его покинуть.

Интересно было наблюдать въ это время французскаго капитана. Ему, видимо, не пріятно было, что его соотечественникъ затѣялъ этотъ споръ. Онъ молчалъ и хмурился. Но вотъ и онъ не выдержалъ. Спокойно разсудительно сталъ уговаривать онъ архитектора не волноваться, а покориться,—все равно другого парохода нѣтъ... Вступилась и жена архитектора. Самого архитектора прямо взрывало. Онъ вскакивалъ, ходилъ по каютъ-компаніи и, наконецъ, въ отчаяніи выскочилъ на палубу. Однако заплатилъ. Не хотѣлось ему сгружаться. Агентъ ушелъ. Прогудѣлъ свистокъ, выбрали якорь и тронулись. Свѣжій вѣтеръ поднялся съ моря и развелъ волненіе. Медленно прошли мы мимо громаднаго японскаго торговаго парохода „Chivo-Maru", окру-

женнаго множествомъ шаландъ и шлюпокъ, выбрались проливомъ мимо скалистыххъ острововъ и вышли въ открытое море. Сидѣвшихъ въ каютъ-компаніи попросили уйти: капитану и офицерамъ парохода нужно было обѣдать. Мы всею толпой сошли въ трюмъ и усѣлись тамъ на чемъ попало: на ящикахъ, на лѣстницѣ, даже на полу...

— И подумать, что это канунъ сочельника!—задумчиво сказалъ графъ.

Молодая француженка въ отвѣтъ на его замѣчаніе запѣла милымъ, небольшимъ голосомъ популярную рождественскую пѣсенку. Припѣвъ подхватили французы и грязный трюмъ огласился веселой хоровой пѣсныо. За первой слѣдовала другая, третья, потомъ на минуту смолкло и молодая русская на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, запѣла старинную французскую пѣсню. Все притихло. Даже свирѣпый „кэптэнъ" вышелъ изъ каютъ-компаніи и сталъ наверху лѣстницы у открытаго люка. А пѣсня звучала все громче и сильнѣе, очаровывая французовъ.

— Ah qu'il est beau d'aimer, le joli mois de Maie, Ah qu'i est doux d'aimer!..—неслось по трюму и вырывалось сильными нотами на палубу... Французы пришли въ восторгъ. Русская дама спѣла еще двѣ, три пѣсни. Въ это время въ трюмъ спустился китаецъ boy—и повелительно сказалъ—„diner"—мы пошли въ каютъ-компанію ѣсть англійскій обѣдъ.

Если у меня спросятъ теперь, что такое простой англійскій обѣдъ—я отвѣчу, что это обѣдъ немного лучше китайскаго. Такая же масса блюдъ, такая же безвкусица и такія же маленькія порціи. Мы, трое русскихъ еще молчимъ, зато французы, чувствующіе себя хозяевами, изощряются въ остроуміи.

— Voilá une bonne soupe chinoise, — замѣчаетъ мой визави-графъ.

— Même avec un cheveu chinois,—подхватываетъ мой сосѣдъ-архитекторъ, увидавшій въ моей тарелкѣ длинный черный волосъ. Его толстая жена съ ужасомъ кричитъ: ah quel horreur! хорошенькая молодая вскидываетъ на меня глаза и всѣ накидываются на boy'a.

— Вы немного тратите на наваръ для вашего супа, — замѣчаетъ графъ.—Нѣсколько волосъ и довольно.

За супомъ слѣдуетъ мясо, курица, какія-то устрицы, но все въ такихъ маленькихъ кусочкахъ, что нужно ихъ разыскивать подъ микроскопомъ. Но французы не унываютъ. Въ маленькой и грязной каютъ-компаніи все время гудятъ ихъ голоса. Они уже

разбились болѣе или менѣе на группы. Графъ-парижанинъ, холеный, привыкшій къ комфорту, поэтъ, знатокъ литературы, хорошо говоритъ по-англійски, охотился гдѣ-то на слоновъ, убилъ въ Аннамѣ пантеру и ѣдетъ стрѣлять тигровъ въ Манчжуріи. Онъ словно соскочилъ со страницъ романа Поля Бурже или Марселя Прево. Капитанъ Пеллетье, видный мужчина, съ большимъ носомъ, длинными усами и эспаньолкой, уже разросшейся въ бороду, une figure vigoureuse, какъ написали-бы французы, въ безукоризненно новой венгеркѣ съ черными шнурами и длинными брюками съ тройнымъ алымъ лампасомъ, служилъ уже въ колоніяхъ, имѣетъ légion d'honneur за тонкинскую экспедицію и немного напоминаетъ славныхъ героевъ Мопассана,—архитекторъ съ женой и маленькой дѣвочкой — это Тартаренъ Додэ. Онъ уже былъ въ Петербургѣ, что-то работалъ, а потому приправляетъ свою рѣчь русскими словами: „ничево", „карашо", „очинь просто" и тому подобное. На немъ крылатка, красный шарфъ, мятая шляпа — все показываетъ, что франковъ у него немного и что онъ пріѣхалъ въ Китай работать и зарабатывать эти франки. Молодые... Читали вы остроумные разсказы Gyp? Вотъ тамъ есть такое jeune ménage.

— Что ты хочешь, моя миленькая кисочка?—Прижаться къ своему славному André — и André прижимаетъ свою маленькую кисочку. У кисочки на „Fuping'ѣ" съѣхала немного на сторону юбка, поблѣднѣли щечки и покраснѣлъ носикъ, но глаза и взгляды остались тѣ же, французски кокетливые, покоряющіе. André высокъ, красивъ и грубоватъ—такова была наша веселая, до надоѣдливости шумливая французская каютъ-компанія на Fuping'ѣ.

Къ вечеру совсѣмъ стало свѣжо. Холодный вѣтеръ завылъ въ желѣзныхъ снастяхъ, волны начали плескать на борта со злобой и мало нагруженный пароходъ сталъ ложиться то на правый, то на лѣвый бортъ. Я ушелъ въ свою трюмную нору, легъ на доски, подложилъ подъ голову пальто и предался грустнымъ мыслямъ. О чемъ можетъ думать человѣкъ, когда его перекатываетъ противъ его воли съ бока на спину и обратно, когда то наваливаетъ его на одинъ край койки, то на другой, когда въ полутемной каютѣ мерцаетъ и дымитъ масляный фонарь, а тюки ползаютъ по грязному полу, какъ живые? Онъ думаетъ, если онъ военный, конечно, о томъ, что гдѣ-то далеко есть родина, съ твердой землей, съ зелеными полями лѣтомъ, со снѣжною зимою, что тамъ есть полкъ, есть родные, есть друзья... Онъ думаетъ о тѣхъ прекрасныхъ людяхъ, которые остались тамъ, далеко въ Европѣ, о чудныхъ лошадяхъ и лихой, и веселой службѣ въ

столицѣ. И въ эти минуты путешествіе, о которомъ онъ грезилъ и мечталъ многіе годы, кажется ему такимъ суетнымъ и скучнымъ, и самъ онъ кажется себѣ такимъ жалкимъ и ничтожнымъ, и онъ завидуетъ оставшимся дома...

Внизу, на койкѣ, стоналъ мой спутникъ. Меня не укачало на счастье, но всѣ мои бока избило ерзаньемъ по жесткой кровати и ударами объ острые желѣзные шпангоуты парохода...

Настало холодное ясное утро. Я вышелъ наверхъ. Пустой пароходъ совсѣмъ разболтало. Хочешь идти прямо—кидаетъ вправо, едва успѣваешь схватиться за что нибудь, чтобы не вылетѣть за бортъ, стоишь, держишься обѣими руками за желѣзныя полосы перилъ и ждешь момента, когда пароходъ установится на секунду, чтобы добѣжать до каютъ-компаніи. Капитанъ въ широкомъ драповомъ пальто, какъ ни въ чемъ небывало, шагаетъ взадъ и впередъ по палубѣ, французы кричатъ и поютъ въ верхней рубкѣ, докторъ мрачно сидитъ между ними. Море ему пока мало нравится. Съ полудня на западѣ показываются невысокія, но рѣзко очерченныя, припорошенныя снѣгомъ горы и низкій песчаный берегъ. Пейзажъ унылый и пустынный. Это уже берегъ настоящаго застѣннаго Китая. Зеленыя волны сердито бѣгутъ на него однообразными рядами, словно цѣпи стрѣлковъ, словно безконечныя полчища враговъ. При этомъ холодномъ вѣтрѣ, въ этомъ уныломъ пейзажѣ самое солнце кажется тусклымъ и блеклымъ. Море ненатуральнаго цвѣта. Оно совсѣмъ декадентское — море тоски, берегъ стенаній. Такъ и кажется, что именно на этомъ уныломъ берегу, возлѣ этого непрозрачнаго зеленаго моря, сидѣлъ діаволъ и думалъ, какъ низвести ему родъ человѣческій.

Около четырехъ часовъ показались на берегу низкія одноэтажныя постройки, дымы локомотивовъ и длинный каменный молъ, у котораго разгружался пароходъ подъ датскимъ флагомъ. „Fuping“ ошвартовался подлѣ, на него вскочилъ ожидавшій его прихода высокій красивый морякъ во французской формѣ, такой же черноусый и чернобородый, какъ и Пеллетье и съ нимъ полдюжины красивыхъ молодцовъ французскихъ матросовъ, въ плащахъ и синихъ шапочкахъ.

— Lieutenant Armand Majas,—отрекомендовался онъ намъ, и собравъ всѣхъ, обратился со слѣдующей рѣчью: — „я прошу васъ, моихъ соотечественниковъ, и васъ, мои друзья русскіе, переночевать на нашемъ этапѣ. Каждая семья будетъ имѣть отдѣльную комнату, молодая русская отдѣльную и всѣ холостые помѣстятся въ одной. Мои матросы заберутъ ваши вещи и отне-

сутъ ихъ ко мнѣ. Мы, французы, просимъ васъ въ этотъ сочельникъ сдѣлать честь быть нашими гостями. Здѣсь стоитъ,—обратился онъ особо къ намъ, — полурота вашихъ стрѣлковъ и есть вашъ офицеръ, monsieur Kondiréff, но у него такая маленькая комната, что вы его стѣсните, а намъ вы только сдѣлаете удовольствіе и скрасите нашъ сочельникъ"...

Мы быстро переглянулись съ докторомъ.

— Отказаться неловко, быстро сказалъ мнѣ докторъ.

— Не отказывайтесь, скороговоркой проговорила госпожа К., которой очень понравились любезные французы.

Мы поблагодарили monsieur Майаса и пошли вереницей по дамбѣ.

На берегу кипѣла работа. Китайцы разбивали гору, чтобы выровнять площадку для приморской станціи; на песчаномъ пляжѣ, образуя улицу, протянулись этапы. Лѣвую сторону заняли англійская, японская и нѣмецкая казармы, по правую вытянулись изящныя постройки французовъ, и все замыкалось небольшимъ домикомъ съ балкономъ, обращеннымъ къ морю—русскимъ этапомъ. Національные флаги, высоко поднятые на мачтахъ, рѣяли въ синемъ небѣ.

Французскій участокъ, или какъ почему-то называютъ здѣсь по иностранному — французская концессія, обнесена землянымъ валомъ въ ростъ человѣка и имѣетъ ворота, прикрытыя полукруглыми окопами. Внутри поставлены длинныя одноэтажныя бѣлыя казармы. Ихъ много, всѣ онѣ окружены легкими галлереями, а на дворахъ ими образуемыхъ посажены деревья. У входа—помѣщеніе офицеровъ. Это длинная постройка въ восемь комнатъ, расположенныхъ вдоль бокового корридора номерами, съ кухней и помѣщеніемъ для прислуги. Во всѣхъ номерахъ поставлены желѣзныя печи, всѣ хорошо меблированы, украшены картинами. Въ номерѣ, занятомъ для г-жи К., висѣла въ рамочкѣ гравюра, изображающая Государя Императора и Государыню Императрицу вмѣстѣ съ Феликсомъ Форомъ.

У начальника этапа каждому нашлась постель, матрацъ и одѣяло. Матросы и слуги-китайцы быстро устроили намъ номера. Я пошелъ навѣстить начальника нашего этапа, французы болтали въ уютной столовой въ ожиданіи обѣда.

Русскій этапъ былъ сдѣланъ изъ разрушенной англійской постройки. Онъ состоялъ изъ помѣщенія команды и маленькой комнаты съ кухней для офицера. И комната, и казарма имѣли унылый, приспособленный, временный видъ. На нештукатурен-

ныхъ стѣнахъ видны были заплаты старыхъ развалинъ и вся постройка выглядѣла починеннымъ инвалидомъ. Иностранныя концессіи были новенькія и какъ видно построенныя на много лѣтъ, прочно, навсегда, а не временно. И офицеры иностранные ждали смѣны, а не того, когда отзовутъ обратно въ Россію. Тутъ въ Цинвандао задумывался новый интернаціональный портъ, быть можетъ что-нибудь подобное Тянь-Цзиню въ недалекомъ будущемъ.

Я пришелъ къ самому обѣду.

— Ага,—весело воскликнулъ хозяинъ,—мы всѣ одинадцать. Прекрасно! Кунъ!—крикнулъ онъ —voulez vous nous servir, mon petit!...

На зовъ явился красивый смуглый аннамецъ въ черной курткѣ, бѣлыхъ панталонахъ и черной чалмѣ и подалъ супъ.

Начался обѣдъ. Обѣдъ веселый, шумный, такой шумный, какими у насъ бываютъ только концы обѣдовъ, когда каждый старается перекричать сосѣда и никто не слушаетъ собесѣдника. Но тутъ была разница. Всѣ слушали, говорили и слушали. Графъ любезничалъ съ русской дамой. Они говорили, кажется, о литературѣ и графъ непритворно удивлялся ея знаніямъ французскихъ писателей. Мой сосѣдъ архитекторъ, какъ ученый попка, сыпалъ русскими словами:

— Очинь карашо, Александро-Нієвская лавра, до свиданья.

Хозяинъ съ жаромъ разсказывалъ о тонкинской экспедиціи, молодая madame Barsanti не моргая слушала его, капитанъ артиллеріи изрѣдка дѣлалъ замѣчанія, маленькая Yvonne, дочка архитектора, положивъ голову на руку, сладко спала подъ шумъ разговора, доктора нашъ и французскій бесѣдовали другъ съ другомъ.

И веселъ, и бодръ былъ лейтенантъ, начальникъ этапа. Онъ зналъ, что онъ не вѣчно будетъ жить на этомъ уныломъ берегу, но зналъ также, что этапъ его будетъ вѣченъ, что французскій флагъ не спустится съ высокой мачты и что отъ его казармы со временемъ побѣгутъ дома и образуютъ улицы французскаго колоніальнаго городка—Chi-Wan-dao. Онъ садилъ овощи. Салатъ и редиска, морковь и брюква уже дали ему плоды. Что-то будетъ изъ фруктовыхъ деревьевъ. Онъ не соберетъ ихъ плодовъ, но черезъ два года пріѣдетъ другой лейтенантъ и будетъ продолжать его дѣло...

— Кунъ! шампанскаго!—крикнулъ онъ.

Заискрилась желтоватая влага въ стаканахъ.

— Первый разъ, messieurs et mesdames, мы принимаемъ рус-

скую даму—и притомъ въ сочельникъ; вы, мои соотечественники, и вы, русскіе, наши храбрые сосѣди, составили для меня лучшій сюрпризъ, вы мое arbre de Noël—vive la Russie et vive la France!“

Я отвѣчалъ тостомъ, въ которомъ благодарилъ за ихъ гостепріимство и радушіе и желалъ счастія Франціи...

Высоко поднялись руки со стаканами, полными вина и у всѣхъ какъ-то восторженно блестѣли глаза.

На десертъ подали жареные каштаны и грецкіе орѣхи, и оживленная бесѣда шла до полуночи. Лишь въ полночь мы улеглись по комнатамъ. Печки жарко нагрѣли воздухъ, тяжелыхъ одѣялъ было много, во всемъ проглядывала уютность и забота о комфортѣ.

Долго не могъ я заснуть. Мнѣ все грезились приспособленныя фанзы въ Эхомозанѣ, Лафазанѣ и другихъ мѣстахъ, видѣлись тоскующія лица и вѣчный вопросъ—будетъ-ли смѣна?...

Въ 4 часа утра я былъ уже на ногахъ. Поѣздъ изъ Тангъхо шелъ въ 7 часовъ утра, а до станціи было около 7 верстъ. Въ пять часовъ утра французскіе матросы уже грузили вещи графа, капитана, архитектора и jeune ménage на платформы на высокихъ колесахъ, запряженныя большими мулами. Наши опоздали пріѣхать за нами, какъ я потомъ узналъ—нарочно. Французскія повозки давно уже потянулись по песчаной дорогѣ, когда наши двуколки еще только запрягались.

— А не опоздаемъ? спросилъ я садясь въ двуколку.

— Не опоздаемъ, удивленно вопросительно отвѣтилъ сибирякъ.

Французскіе матросы помогали ему грузить наши вещи. Разговоръ между ними шелъ на китайскомъ языкѣ.

— „Шанго?“ спрашивалъ матросъ у стрѣлка, вдвигая чемоданъ между рядками двуколки.

— Не, пу-хау, мы, братъ, внизъ поставимъ тяжелые ящики, а это деликатная вещь.

— Ah, délicat, je comprend ça,—ловитъ слово французъ, вынимаетъ чемоданъ и хочетъ ставить маленькій сундучекъ.

— „Мамандэ“ (подожди),—говоритъ стрѣлокъ,—экой прыткій, надо примѣрить раньше.

Но вотъ все готово.

— „Цуба“!—кричитъ матросъ.

Мы трое на одной двуколкѣ и вещи на другой, наконецъ выѣзжаемъ. Мы ѣдемъ тихо. Дорога плохая, говоритъ стрѣлокъ и кривитъ душою. Ему хочется обмануть французовъ.

— Но вотъ мы скрылись за поворотомъ и понеслись чисто русской отчаянной ѣздой.

— Ты не по той дорогѣ ѣдешь,—говорю я, видя, какъ онъ не свернулъ туда, куда свернули французы.

— Мы по своей поѣдемъ, гордо говоритъ стрѣлокъ, и гонитъ лошадей. Двуколка прыгаетъ, мы едва держимся, мелькаютъ мосты, броды, деревни, кумирни, манзы и фанзы. Мы несемся почти три четверти часа. „Шибко“ холодно. Предразсвѣтный вѣтеръ пробираетъ насквозь. Вотъ и станція, обслуживаемая индѣйскими войсками „гуркасами“.

Мы пріѣхали раньше французовъ. Наши вещи давно сложены маленькой грудой на перронѣ и стрѣлокъ въ дубленомъ полушубкѣ и валенкахъ стоитъ надъ ними, когда появляются французы. Бѣдняги совсѣмъ смерзли въ синихъ суконныхъ плащахъ и изящныхъ чулкахъ и шароварахъ. Они съ завистью посматриваютъ на нашего увальня-солдата, которому здѣшній восьмиградусный морозъ съ вѣтромъ одно удовольствіе. Съ завистью глядитъ на полушубокъ, валенки и рукавицы и часовой гуркасъ въ коричневато-желтой тужуркѣ изъ сукна, такихъ же шароварахъ до колѣна и забинтованныхъ ногахъ, съ крошечной черной шапочкой на макушкѣ и съ голыми руками. Надо думать, его пробираетъ на вѣтру, хотя онъ и вида не подаетъ, что ему холодно.

Наши спутники-французы являются совсѣмъ прозябшіе. Жена архитектора плачетъ отъ холода, дѣвочка ея отморозила руки и ноги и докторъ К. съ помощью, увы! моего коньяка оттираетъ ей ихъ руками. Jeune ménage позабыла о кокетствѣ и суетъ мнѣ свои обледенѣлые пальчики, чтобы я ихъ оттеръ. Я готовъ отогрѣть ихъ поцѣлуями, да боюсь мужа, боюсь нарушить нашъ тѣсный франко-русскій союзъ.

Въ ожиданіи поѣзда мы отогрѣваемся въ крошечной каморкѣ телеграфиста. Черезъ 20 минутъ мы поѣдемъ по англійской дорогѣ въ Тянь-Цзинь...

Желѣзная дорога между Шанхай-Гуанемъ, Тонгку и Пекиномъ построена англичанами; во время послѣднихъ безпорядковъ она была возстановлена и эксплоатировалась русскими войсками, потомъ была сдана нами нѣмцамъ и теперь снова передана въ вѣдѣніе англичанъ. Такъ какъ во время нашей эксплоатаціи мы перевозили иностранныхъ офицеровъ и солдатъ безплатно, то и теперь англичане возятъ русскихъ офицеровъ безъ платы за проѣздъ. Мы съ докторомъ этого не знали и уплатили по 9 рублей за проѣздъ до Тянъ-Цзиня.

На платформѣ, въ ожиданіи поѣзда, толпились китайцы, да

наша маленькая кучка пассажировъ съ „*Fuping'a*“ жалась въ углу, за вѣтромъ. Красивый солдатъ индѣйскихъ войскъ, „гуркасъ“, въ курткѣ цвѣта хаки, съ широкимъ поясомъ съ патронами, револьверомъ, штыкомъ и ножомъ мрачно ходилъ по платформѣ держа ружье у ноги. Лицо у него было темное, съ красивыми выразительными глазами, а маленькая черная круглая шапочка на головѣ придавала бравый видъ. Но видно ему было очень холодно. Нѣсколько несуразыхъ японцевъ въ фуражкахъ прусскаго образца съ желтымъ околышемъ и синихъ шинеляхъ при ружьяхъ ожидали поѣзда.

И гуркасъ, и японцы тщательно отдавали честь мнѣ, доктору и капитану Пеллетье. Но вотъ на платформу вышелъ рослый китаецъ съ двумя флагами, зеленымъ и краснымъ, и вдали показался поѣздъ. Снаружи онъ выглядѣлъ изящнѣе нашихъ поѣздовъ. И платформы—третій классъ, и второй, и первый обиты вагонной обшивкой, покрытой темнымъ лакомъ. На платформахъ ѣхали толпами манзы. Не знаю, замерзаютъ ли они здѣсь и сбрасываютъ ли ихъ обледенѣлые трупы подъ откосъ, но думаю, что нѣтъ. Здѣсь не бываетъ такихъ суровыхъ морозовъ, какъ въ Манчжуріи и кромѣ того англичане не считаютъ возможнымъ ходить ночью, потому что опасаются крушенія и мести боксеровъ. Нашъ поѣздъ будетъ ночевать въ Тянъ-Цзинѣ.

Вагонъ перваго класса состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ поставлены такія скамейки, какія ставятъ у насъ обыкновенно въ лѣтнихъ вагонахъ второго класа. Въ углу помѣщается желѣзная печка, отъ которой въ вагонѣ нестерпимо жарко. Истопникъ—китаецъ, контролеръ—англичанинъ. Поѣздъ трогается безъ звонковъ, по знаку флагомъ. Идетъ онъ очень скоро. Вправо все время тянется гряда причудливыхъ скалъ и горъ, влѣво ровная низменность постепенно спускается къ морю. Станцій много. На каждой станціи толпы мальчишекъ и взрослыхъ китайцевъ съ дикими пронзительными воплями осаждаютъ поѣздъ. Одни принесли виноградъ, груши, китайскіе и грецкіе орѣхи и каштаны, другіе торгуютъ лепешками и печеньемъ, третьи просто нищенствуютъ. Ихъ не пускаютъ на платформу, гдѣ за порядкомъ слѣдитъ гуркасъ съ палкой, они бѣгаютъ по полотну, навязывая свои товары пассажирамъ. Отъ ихъ крика больно становится въ ушахъ. Разговаривать въ вагонѣ нельзя. Стонъ стоитъ отъ голосовъ. „Лизи, лизи, лизи“ пронзительно кричитъ торговецъ грушами, другой, наигрываетъ на струнномъ инструментѣ смычкомъ нехитрую мелодію, третій при видѣ васъ вопитъ: „шанго

капитанъ, денга, денга, кушъ—кушъ надо". Но вотъ поѣздъ трогается и оставляетъ всю эту толпу на станціи. И груши, сочныя и сладкія, и темный виноградъ, все мѣстное, все родится здѣсь на этихъ поляхъ и подлѣ горъ.

Вотъ и Тонгку, которому пришлось занять такое видное мѣсто въ исторіи послѣднихъ китайскихъ безпорядковъ. Вся деревушка—двѣ улицы. И улицы сплошь заняты лавками, гостинницами сомнительнаго свойства и ресторанами. Флаги всѣхъ націй рѣютъ надъ домами, громадные бунты соли увѣнчаны русскими флачками, а на улицахъ солдаты всѣхъ странъ и народовъ. Наши стрѣлки, нѣмецкіе пѣхотинцы 210-го Восточно-Азіатскаго полка, французы въ темносинихъ шинеляхъ и блинообразныхъ фуражкахъ, англичане и самодовольные японцы. Въ концѣ улицы рѣка Пейхо и низменная болотистая отмель, полого спускающаяся къ морю. Тамъ были и форты, тамъ была пролита первая русская кровь. Китайцы кули, китайцы съ санками, на которыхъ они перевозятъ черезъ рѣку, съ шестами толпились у станціи, ожидая работы.

За тѣ полчаса, что поѣздъ стоялъ у Тонгку, можно было его свободно обойти со всѣхъ сторонъ. На замерзшей Пейхо зимовала флотилія джонокъ, ожидая весны. Вверхъ по Пейхо—горъ нѣтъ. Оба берега унылы и пустынны. Теперь это равнина, покрытая кое гдѣ снѣгомъ, лѣтомъ это болото, залитое водою, грязное и трудно проходимое. Обстрѣлъ кругомъ до горизонта. Глядишь и отказываешься понимать, какъ могли китайцы сдать эти форты, какъ дерзнули русскіе и союзники идти на нихъ въ атаку. На стрѣльбищѣ не бываетъ такого ровнаго горизонта, такого широкаго кругозора. Лѣтомъ, когда почва нагрѣется и водяные пары начнутъ подыматься кверху, образуется кругомъ мглистое марево, въ которомъ исчезаютъ, словно тонутъ предметы. И эта равнина тянется долго: до Тянь-Цзиня, за Тянь-Цзинь, почти до самаго Пекина. Виды скучные, однобразные. Изрѣдка покажутся два, три простенькихъ креста, да нѣсколько кучекъ красноватой земли. Здѣсь было дѣло. Здѣсь пали жертвы войны. Не доѣзжая Тянь-Цзиня, вправо видѣнъ валъ, за валомъ сѣрыя кирпичныя постройки, высокія фабричныя трубы—это восточный арсеналъ. Еще дальше—станція Тянь-Цзинь. Это замѣчательное мѣсто для русской военной исторіи. Это каменное зданіе, два три сосѣднихъ—долгое время служили опорнымъ пунктомъ для отряда полковника Анисимова. О крѣпость русскихъ залповъ и штыковъ разбилась энергія боксеровъ. Отсюда до арсенала гладкое мѣсто и изъ

арсенала орудія могли бить какъ хотѣли... Едва выходишь изъ вокзала какъ китайцы съ бляхами на груди окружаютъ пассажировъ Это коммисіонеры гостинницъ „Astor-house „Hôtel de colonie“ и Victoria hôtel“. Лучшая, но и самая дорогая—„Astor-house“, очень хорошъ и „Hôtel de colonie“, гдѣ за 6 р. въ сутки можно имѣть прекрасный номеръ съ полнымъ пансіономъ. У станціи дежуритъ англійскій сипай въ тюрбанѣ и забайкальскій казакъ Читинскаго полка.

Вся наша компанія размѣщается на рикшахъ и мчитъ сломя голову по улицѣ, носящей русское наименованіе „желѣзнорожной“. На этой улицѣ. въ маленькомъ домикѣ устроился армянинъ или грекъ, кондитеръ и колбасникъ, да есть нѣсколько интернаціональныхъ кабаковъ. Всѣ дома одноэтажные, старые и грязные. Желѣзнодорожная улица выходитъ на „русскую набережную“—здѣсь по лѣвому берегу рѣки Пейхо назначенъ русскій участокъ. Пока это пустырь съ грудой развалинъ бывшей китайской военной школы, съ паркомъ и прудомъ при ней, но пустырь, у котораго вѣчно толпятся джонки и на который сильно точатъ зубы англичане и нѣмцы. Въ будущемъ это лучшій участокъ Тянъ-Цзиня, ближайшее мѣсто къ желѣзной дорогѣ и къ рѣкѣ, независящее отъ наводки, или разводки мостовъ.

Рикши сворачиваютъ на неуклюжій мостъ на баржахъ, перетягиваютъ телѣжки по неровной досчатой настилкѣ и мы въ европейскомъ Тянь-Цзинѣ.

Долой на время Китай! Забудемъ манзы и фанзы, забудемъ грязныя, тѣсныя вонючія улицы, маленькіе сѣрые домики и грязную толпу, забудемъ лари и лавочки, гдѣ на желѣзныхъ противныхъ дымятся сѣрые комочки тѣста и гдѣ висятъ свиныя туши, забудемъ крикъ и шумъ!

Надъ замерзшей рѣкой сверкали алые лучи заката. Высокія мачты джонокъ тѣснились по берегамъ, и среди нихъ кое-гдѣ бѣлѣлъ высокій корпусъ парохода. По синѣвшей, наѣзженной дорогѣ быстро скользили маленькія санки, толкаемыя сзади китайцемъ съ шестомъ, въ санкахъ сидѣли французскіе матросы и, смѣясь, обгоняли другъ друга. Ихъ свѣжіе европейскіе, не гортанные азіатскіе, голоса далеко разносились въ едва морозномъ воздухѣ и таяли въ вечерней мглѣ. Высокія ивы склонились надъ рѣкой, за ивами виднѣлись сады, гдѣ туйя, кипарисъ и сосна смѣшали свою вѣчную зелень съ голыми сучьями фруктовыхъ деревьевъ, буковъ, дубовъ, грецкихъ орѣховъ и каштановъ. Среди садовъ, въ аллеѣ улицы, виднѣлись высокіе каменные дома ста-

ринной архитектуры, съ готическими башнями, съ лѣпными украшеніями. На перекресткахъ широкихъ шоссированныхъ улицъ были прибиты доски и на нихъ крупными буквами написаны названія. Вотъ „Taku-road“, затѣмъ „Consular-road“ и Невскій проспектъ Тянь-Цзиня—„Victoria-road“. Красивые сипаи съ палками, въ черныхъ штатскаго покроя драповыхъ пальто, китайцы въ шапочкахъ и повязкахъ на рукавѣ стояли по улицамъ, отдавая честь офицерамъ и наблюдая за порядкомъ. Грязи нѣтъ нигдѣ. Кучки талаго снѣга, аккуратно сложенныя между деревьевъ, показываютъ, что здѣсь выпадалъ снѣгъ.

А навстрѣчу и обгоняя насъ несутся рикши съ нарядными красивыми женщинами въ большихъ шляпкахъ, степенно ѣдутъ верхомъ офицеры, нѣмецкій солдатъ весь въ сѣромъ, въ рыжихъ нечерненыхъ сапогахъ ѣдетъ на маленькой лошадкѣ, катитъ большой фургонъ съ сѣномъ, запряженный парой муловъ и управляемый сипаемъ, ѣдутъ кареты, коляски и джентльмены съ амазонками. Изрѣдка среди этой чинной толпы, съ мѣшкомъ на спинѣ пройдетъ заморенный манза, прижимаясь къ заборамъ садовъ и избѣгая встрѣчи съ полицейскими.

Въ „Astor hous'ѣ“, гдѣ я остановился, меня ждали мои вещи, уже привезенныя коммиссіонеромъ, уютный номеръ съ мягкою постелью, ванна и объявленіе, что отъ 6—8 утра я могу имѣть чай, или кофе, отъ 8—10—lunch—съ холодной и горячей пищей, въ 1 часъ дня tiffin изъ 5 блюдъ и въ $7^1/_2$ вечера — dinner изъ 6 блюдъ—и за все съ номеромъ и услугами лакеевъ-китайцевъ, съ полотенцами и свѣжимъ бѣльемъ обязанъ платить 8 доларовъ въ сутки. И мнѣ вспомнились наши провинціальныя гостинницы съ номерами, оклеенными красными обоями, съ кроватями сомнительнаго происхожденія, купленными быть можетъ послѣ заразнаго больного, по случаю, и счета, гдѣ номеръ проставленъ въ 2 р. 50 к. и къ нему присчитываютъ: — простыня — 50 к., двѣ свѣчи—60 к.—полотенце—30 к., за ванну—1 р., обѣдъ 1 р. 50 к., завтракъ 1 р., 2 самовара—60 к., да лакею меньше рубля вы не дадите, такъ что пожалуй скверный номерокъ гдѣ либо въ Тамбовѣ обойдется дороже шикарнаго номера въ дорогомъ „Astor-hous'ѣ“.

Переодѣвшись и умывшись, я кинулся бродить по городу, смотрѣть, какъ зажигаются фонари, какъ постепенно темнѣютъ дали и деревья принимаютъ фантастическіе образы. Чудный городъ жилъ. Во всѣхъ этажахъ появлялись огни и кое-гдѣ засвѣтилась огнями рождественская елка.

Въ столовомъ залѣ отеля тоже горѣла большая и украшенная золотомъ и серебромъ елка, органчикъ игралъ пьесы, большая компанія нѣмецкихъ офицеровъ обѣдала за длиннымъ столомъ съ одной изъ полковыхъ дамъ, въ углу сидѣли декольтированныя англичанки и дѣвочка съ распущенными волосами въ молитвенномъ экстазѣ смотрѣла на елку. Большой залъ отеля былъ полонъ. Всюду шуршали платья и слышался тихій ропотъ застольныхъ разговоровъ.

Слуги-китайцы въ голубыхъ балахонахъ съ нумерами на груди приходили и уходили, перемѣняя блюда, и нигдѣ я не видѣлъ, чтобы собралась батарея бутылокъ, начались тосты и рѣчи, побагровѣли носы и дошло дѣло до объятій. Все было чинно, тихо и спокойно.

На другой день рано утромъ я пошелъ навѣстить одного моего станичника, теперь забайкальскаго казака, молодого офицера, командира полусотни, охранявшей нашъ участокъ. Я засталъ его на ровномъ и гладкомъ плацу среди сада, плацу натоптанномъ манежной ѣздой, проѣзжившающимъ высокую, нарядную австралійскую лошадь. Сбоку плаца стояла развалившаяся красивая бесѣдка, дальше были видны развалины большого дома и рядъ начатыхъ каменныхъ бараковъ. За зданіемъ росла роща, былъ прудъ съ мостомъ и купальней, земляной валъ, ограды и на краю его виднѣлись переплетъ густыхъ вѣтвей и бѣлый крестъ.

— Здѣсь была, говорилъ мнѣ командиръ полусотни, китайская офицерская школа, тамъ, дальше, въ тѣхъ громадныхъ сараяхъ, крытыхъ вулканизированнымъ желѣзомъ, помѣщался воздухоплавательный паркъ, а въ этомъ павильонѣ жилъ начальникъ школы и съ балкона смотрѣлъ на ученья.

— Нашъ участокъ лучшій, продолжалъ онъ, слѣзши съ коня и ведя меня осматривать и садъ, и развалины школы; англичане страшно недовольны тѣмъ, что здѣсь рѣетъ русскій флагъ. Вѣдь этотъ прудъ единственное мѣсто для купанья лѣтомъ. Въ немъ проточная свѣжая вода, а кругомъ чудная роща, лучшее мѣсто прогулокъ всей европейской колоніи.

По развалинамъ лѣстницы мы вошли въ громадное зданіе школы. Потолки, двери, окна, полы, крыша, все сгорѣло, подожженное боксерами, остались однѣ кирпичныя стѣны. Зданіе построено квадратомъ, вдоль стѣнъ идетъ арочный свѣтлый коридоръ и изъ него двери въ отдѣльныя просторныя комнаты. Всѣхъ комнатъ около семидесяти. Я шелъ съ хорунжимъ по каменному корридору и думалъ: какую чудную гостинницу можно здѣсь устроить!

Номера готовы. Вотъ въ этомъ обширномъ дворѣ я посадилъ-бы цвѣты и кусты, пальмы и туйи, и поставилъ-бы бесѣдки и столики ресторана. Тамъ, въ деревянномъ домѣ, я устроилъ-бы лѣтній ресторанъ, гдѣ по вечерамъ играла-бы музыка. На площадкѣ, гдѣ джигитуютъ казаки, былъ-бы лаунъ-тенисъ, а въ саду раскинулись-бы уютныя дачки изъ камня, вродѣ тѣхъ, что я видѣлъ въ городѣ Дальнемъ. У воротъ висѣлъ-бы на мачтѣ громадный русскій флагъ и большими золотыми буквами значилось-бы: „русскій участокъ". По набережной Пейхо вытянулись-бы въ линію магазины. Тутъ были-бы склады ситца, кожи, скобяного товара, отсюда грузились-бы товары на джонки и плыли въ Пекинъ въ обмѣнъ на шелка, вышивки и чай. Тамъ, гдѣ теперь за счетъ казны и денегъ, пожертвованныхъ англійскими купцами, возлѣ братской могилы вяло сооружается часовня, ярко сверкалъ-бы куполами русскій православный храмъ и мощный благовѣстъ колоколовъ гудѣлъ-бы на зависть иноземцевъ по всему Тянь-Цзиню...

Но пока пустырь и безлюдье были на русскомъ участкѣ. Валялись кирпичи, камни, доски, да были сложены запасы сѣна— нѣмецкіе запасы. Старцевъ умеръ. Новыхъ предпріимчивыхъ людей еще не явилось устраиваться тамъ, гдѣ съ такимъ прилежаніемъ строятся иностранцы. Наша военная сила, стараніями начальника Квантунской области, открыла прямую дорогу къ Пекину, захватила лучшій кусокъ для Россіи въ городѣ, которому въ будущемъ предстоитъ стать выше Шанхая. Тянь-Цзинь ждетъ піонеровъ. И Богъ дастъ они явятся, но не въ сапогахъ бутылками и съ кабацкой развязкой, а солидные, степенные представители крупныхъ фирмъ. Тянь-цзинскій участокъ это лучшій выигрышъ послѣдней войны, этотъ кусочекъ земли, орошенный русскою кровью можетъ принести милліонные доходы и стать и красивымъ, и выгоднымъ мѣстомъ въ Тянь-Цзинѣ, украшеніемъ города и завистью иностранцевъ. Но пока—это унылый пустырь.

— Что есть еще интереснаго въ Тянь-Цзинѣ? спросилъ я хорунжаго.

— Да, знаете, что. Поѣдемте во дворецъ Лихунгъ-чана, хотя онъ и разрушенъ, и разграбленъ, но по обломкамъ кое-что можно видѣть. Ѣхать туда надо черезъ весь городъ, вотъ вы все и увидите. Вѣдь это не Пекинъ. Китайскія постройки здѣсь невелики, тутъ интересенъ европейскій кварталъ.

Мы взяли рикшъ и поѣхали. День былъ теплый. Ослѣпительное солнце блистало на льду рѣки и придавало веселый, радост-

ный видъ городу, аллеямъ улицъ, набережной, обсаженной деревьями, богатымъ домамъ и праздничной нарядной толпѣ. Встрѣчные иностранные офицеры салютовали намъ, мы отвѣчали имъ тоже салютомъ и мчались по набережной рѣки Пейхо.

Черезъ равные промежутки посреди улицы стояли китайскіе полицейскіе также часто, какъ у насъ на Невскомъ и порядокъ былъ полный. Это мѣсто верховыхъ прогулокъ иностранцевъ, и много было видно ихъ скачущихъ по каменистому шоссе. Шеи и затылки нашихъ рикшъ покрылись потомъ, дыханіе стало неровнымъ, здѣшніе китайскіе рикши слабосильны, мы рѣшили ихъ перемѣнить. Несчастные возницы едва остановились и закашлялись тяжелымъ груднымъ кашлемъ. Мы слѣзли, и толпа другихъ рикшъ, ожесточенно отталкивая другъ друга, окружила насъ съ воплями „телѣжка капитанъ!“ „капитанъ телѣжка“.

— Мы, русскіе, жалѣемъ ихъ и портимъ, — сказалъ хорунжій. — За тотъ конецъ, что мы проѣхали, имъ надо дать пять копѣекъ, а мы дали по двугривенному.

— Они вѣдь такъ устали!—проговорилъ я,—смотрите, какъ дышутъ, и какой непріятный кашель.

— Вотъ видите. Мы слѣзли и заплатили болѣе чѣмъ нужно, а англичанинъ или нѣмецъ катитъ себѣ, да еще палкой погоняетъ, если рикша „мало мало“ тихо бѣжитъ. А отъ этого они, если увидятъ русскаго, сейчасъ-же обступятъ его и не дадутъ прохода назойливыми приставаніями.

Съ набережной мы свернули въ узкую улицу китайскаго города, мощеную большими гранитными плитами, и попали въ страшную китайскую сутолоку. Тутъ и варили, и пекли, пахло китайской кухней, тутъ и причесывались, и брились, и кричали что-то, и толкались, ѣхали каретки на мулахъ, бѣжали рикши и, заградивши совершенно дорогу, стоялъ большой возъ съ цыновками, запряженный пятью маленькими лошадьми и двумя ослами. Мы насилу протискались въ этой толпѣ. И долго ѣхали мы китайскимъ кварталомъ, любуясь на золотыя и черныя, на зеленыя и красныя, ажурныя рѣзныя вывѣски, на богатыя вывѣски золотомъ по голубому полю, на пеструю хлопотливую толпу. Два раза по мостамъ мы переѣхали Пейхо увидали грандіозную черную башню католическаго собора на берегу и, наконецъ, остановились у сѣрыхъ стѣнъ со львами у подъѣзда. Вотъ и дворецъ...

Два казака Читинскаго полка охраняли его. Одинъ сейчасъже пришелъ съ ключами, другой побѣжалъ за переводчикомъ. Зимній дворецъ построенъ вродѣ квадратнаго цирка—это театръ.

Бомба пробила крышу и вѣтеръ гулялъ теперь въ срединѣ зала, мощенаго каменными плитами. Залъ былъ окруженъ двухъэтажной галлереей, а галлерея вся была разгорожена маленькими рѣзными переборками на массу комнатъ, каморокъ, комнатушекъ чулановъ и чуланчиковъ. Тутъ жили жены Ли-хунъ-чанга, тутъ были его шелка, его богатства. Каменный полъ былъ заставленъ маленькими столиками и стульями и въ дни пріемовъ здѣсь угощались знакомые государственнаго человѣка, пили чай, ѣли лакомства и любовались на затѣйливую игру актеровъ въ уродливыхъ маскахъ, игравшихъ на высокой эстрадѣ. Рѣзьба почти вся цѣла. Кое-гдѣ видны обломки массивныхъ столовъ, креселъ съ такою художественною рѣзьбою, что у насъ они составили-бы украшеніе любого кабинета. За театромъ былъ садъ. Въ небольшомъ саду съ мощеными плитами по китайскому обыкновенію дорожками стояла европейско-китайская круглая бесѣдка, а за нею построенный англичанами легкій двухъ-этажный домъ съ большими стрѣльчатыми окнами, съ балконами и изящной баллюстрадой—лѣтній дворецъ Ли-хунгъ-чанга.

Возлѣ дворцовъ были нагромождены стѣны и стѣнки, настроены маленькія клѣтушечки для слугъ и солдатъ, обычные китайскіе переулки, закоулки и задворки.

Все поломано, разбито, разорено и разрушено войною.

Мнѣ разсказывали очевидцы смерти Ли-хунгъ-чанга, что разбитый параличемъ старикъ, вялый и хилый, жестоко страдалъ нравственно. Ему снились окровавленные принцы—и разрушенное богатство его, эти поломанныя электрическія лампочки, сломанныя переборки и европейская мебель. Ли-хунгъ-чанъ былъ мудрый политикъ, но жестокій человѣкъ. Изъ пустынныхъ покоевъ его хотѣлось на воздухъ, на свѣтъ, подальше отъ мрачнаго Китая, въ веселый иностранный кварталъ.

Я видалъ потомъ восточный арсеналъ съ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, на который я теперь, зимою, когда почва тверда, еле могъ взбѣжать, арсеналъ прекрасно оборудованный съ фабриками и заводами, съ фланкируемыми рвами, съ массивными воротами, въ которыя ведетъ деревянный мостъ и съ обстрѣломъ ни тридцать верстъ, смотрѣлъ на него и еще разъ не могъ понять, какъ могли взять его, и притомъ такъ скоро, русскіе. Положимъ, рота Комендантова имѣла 60% убитыми и ранеными и самого командира въ томъ числѣ, положимъ, это было одно изъ самыхъ жаркихъ дѣлъ кампаніи, но арсеналъ взятъ, недавно надъ нимъ рѣялъ русскій флагъ, теперь только замѣ-

ненный французскимъ... Нѣтъ, положительно, китайцы плохіе солдаты.

У подножія арсенала, утопая въ болотѣ, обледенѣлые стоятъ кресты. Ихъ около девяносто. Три принадлежатъ офицеру и двумъ стрѣлкамъ, убитымъ въ окрестностяхъ Тянь-Цзиня,—остальные—стрѣлкамъ умершимъ отъ тифа и дисентеріи въ эту тяжелую войну. Кресты стоятъ еще бодро и прямо, но еще лѣто съ дождями, могильные холмики сравняются съ грунтомъ, кресты покосятся, а потомъ и упадутъ... Это бы еще не бѣда!—не все-ли равно, что дѣлается надъ ненужными костями; вонъ на могилахъ двоихъ нашихъ стрѣлковъ нѣмцы въ Тянь-Цзинѣ поставили громадный каменный фундаментъ и выстроили домъ, такъ что перенести ихъ прахъ въ общую братскую могилу оказалось невозможнымъ, — лишь бы имена ихъ не были забыты, лишь бы попали они на скрижали вѣчнаго памятника, эти герои русской славы въ далекомъ Китаѣ...

Дальше смотрѣть было нечего... Мы пообѣдали съ товарищемъ въ „Astor-hous'ѣ“, и на другой день, въ 9 часовъ утра, я продолжалъ свой путь въ Пекинъ...

Пекинъ 13-го (26-го) декабря 1901 г.

Императорскій лѣтній дворецъ.

XXXIII.

Пекинъ.

Изъ окна вагона.—У Пекинской стѣны.—Станція Чинъ-Минъ.—Посольская улица.—Hôtel du Nord.—У своихъ въ Пекинѣ.—Чинъ-Минская улица.—Уличное движеніе.—На городской стѣнѣ.—Мѣсто, гдѣ былъ убитъ баронъ Кеттелеръ.—Переулки.—Поѣздка въ лѣтній Императорскій дворецъ.—Китайскій караулъ.—Сказочный паркъ.—Неистовства итальянцевъ.—Мнѣніе китайскаго офицера о европейцахъ.—Зимній дворецъ.—Отчего Пекинскіе дворцы производятъ такое впечатлѣніе.—Храмы неба и земли.—Слѣды американской стоянки.—Буддійскій и конфуціанскій монастыри.

Послѣ видѣнныхъ мною манчжурскихъ городовъ, Пекинъ представлялся моему воображенію такимъ-же грязнымъ и однообразнымъ городомъ, не заслуживающимъ ни большого интереса, ни особеннаго вниманія. Китайцы все-таки рисовались мнѣ дика-

рями, а способны-ли дикари создать что-либо такое, что исторгло-бы изъ груди вашей возгласъ восторга?

Я прожилъ въ Пекинѣ 4 холодныхъ зимнихъ дня и я не видалъ Пекина. Да, если-бы я прожилъ и двадцать четыре, цѣлый годъ,—все-таки я долженъ былъ-бы признаться, что я Пекина не знаю, такъ онъ обширенъ, такъ величественны и грандіозны его постройки, такъ все, что въ немъ есть—богато, интересно, связано со сказочными преданіями сказочнаго города.

Отъ Пекина у меня остались только впечатлѣнія, яркія, пестрыя, грандіозныя. Уже подъѣзжая къ Пекину чувствуешь, что тутъ бьется пульсъ какой-то большой жизни, что это центръ... Маленькія деревушки окружены садами и огородами. Лѣтомъ здѣсь всюду зелень. По огородамъ подѣланы стѣнки изъ камыша отъ солнца для сохраненія влаги и сырости, для устройства необходимой нѣкоторымъ овощамъ тѣни. Повсюду прокопаны арыки, канавы и колодцы и далеко тянется каналъ съ бѣлыми кучками кирпича и матеріала для устройства плотинъ во время наводненій. Вдали видны деревья, то сѣрыя, голыя, лиственныя, то темнозеленыя сосны, туйи и кипарисы. Между деревьями что-то сѣрое, какія-то башни, круглыя, квадратныя, опять круглыя, башни, раскинувшіяся на громадномъ протяженіи многихъ верстъ.

Весь вагонъ у лѣвыхъ оконъ.

— Это Пекинъ, говоритъ бывалый офицеръ и всѣ смотрятъ.

Неширокая и мутная, мѣстами подо льдомъ, уставленная караванами джонокъ показывается Пейхо и надъ нею пекинская стѣна. Стѣна сѣрая, сложена изъ громадныхъ кирпичей и вышиною съ пятиэтажный домъ. Поѣздъ долго бѣжитъ мимо нея и мы смотримъ на эти громадные кирпичи, изъѣденные временемъ, на выступы и зубцы. Говорятъ, она не такъ стара, ей около трехсотъ лѣтъ всего, но она кажется очень старой. Между нею и полотномъ желѣзной дороги осталось ровное песчаное пространство и здѣсь, у самой стѣны, я увидалъ китайцевъ, которые крутили маленькіе золотые шарики, привѣшенные къ станкамъ. Отъ этихъ станковъ тянулись тонкія желтыя и красныя нити на нѣсколько саженей и тамъ были закрѣплены на катушкѣ.

— Что это такое? спросилъ я.

— Это приготовляютъ шелкъ, крутятъ его, отвѣтилъ намъ бывалый.

Но вотъ и вокзалъ. Станціонное зданіе, перронъ, рядомъ со стѣною, казались такими маленькими, такими жалкими, еле замѣт-

ными. Едва мы вышли, какъ насъ атаковала толпа грязныхъ оборванныхъ рикшъ. Они вырывали изъ рукъ наши вещи и тянули за рукава, толкали, насильно усаживая въ колясочки. На помощь намъ подоспѣлъ сипай полицейскій въ черномъ пальто и грязновато-бѣломъ тюрбанѣ. Ударами палкой по чемъ попало, по спинамъ, по плечамъ и по головѣ пекинскихъ извощиковъ, онъ привелъ ихъ въ порядокъ, мы поторопились сѣсть въ телѣжки, чтобы успокоить взволнованныхъ рикшъ и цѣлой вере-

Посольская улица.

ницей стремительно понеслись въ городъ. Вотъ ворота, широкія, вымощенныя громадными плитами, толкотня, давка въ нихъ, одинъ рикша, везущій нѣмецкаго офицера, вываливаетъ его, зацѣпивъ телѣжкой о столбъ, мы сворачиваемъ направо, и мимо красныхъ стѣнъ и громадныхъ мраморныхъ львовъ несемся въ Посольскую улицу и по ней къ единственной гостинницѣ въ Пекинѣ—отель „du Nord".

Посольская улица напоминаетъ улицы европейскаго квартала въ Тянь-Цзинѣ. Чистое и ровное шоссе съ маленькими канавами, выложенными гранитными плитами, деревья вдоль улицы

и деревья за высокими стѣнами посольскихъ зданій и дворовъ. Эти стѣны, то новыя, сдѣланныя послѣ осады, такія-же сѣрыя, какъ и всѣ въ Китаѣ, то старыя, совсѣмъ щербатыя, избитыя и испорченныя пулями. Въ каждую миссію ведутъ ворота съ колоннами, лѣпными украшеніями и часовымъ, неизмѣнно берущимъ на караулъ при нашемъ проѣздѣ. По правую руку мы видимъ американское и голландское посольства, по лѣвую—начинается русское. Русскій участокъ очень великъ. Поперекъ его проложена, между развалинъ бывшихъ китайскихъ домовъ, широкая улица, пока еще безъ домовъ. На перекресткѣ стоитъ бѣлый столбъ съ доскою и надписью по-французски и по-русски—„улица Линевича“, „rue Linéwitch“. Улица Линевича упирается въ широкое и пыльное шоссе, идущее вдоль красныхъ стѣнъ императорскаго города. По обѣимъ сторонамъ ея кипитъ работа. Большое двухъ-этажное зданіе съ верандой русско-китайскаго банка уже готово, возлѣ строятъ фундаменты для дома посланника и казармъ, еще дальше за разбитой осадой стѣной видна зелень посольскаго сада, церковь съ золотымъ куполомъ и колокольней въ китайскомъ стилѣ и ворота съ двумя будками и бравымъ молодцоватымъ стрѣлкомъ 5-го Восточно-Сибирскаго полка на часахъ.

Нашъ участокъ доходитъ до канала съ каменной набережной и каменнымъ мостомъ. Вправо видна высокая стѣна съ пробитымъ въ ней проходомъ, влѣво красныя стѣны императорскаго города и дальше облако пыли—улицы, полныя народа,—улицы Пекина. Набережная носитъ названіе „русской“. По лѣвую сторону канала идетъ стѣна и боковой ходъ нашего посольства, рядомъ англійское, соединенное мостомъ съ противоположнымъ итальянскимъ, противъ нашего находится японское посольство. Русло канала сухое. По этому-то каналу пробрались во время атаки сипаи и дошли до англійскаго посольства безъ выстрѣла, въ то время, какъ у воротъ неподалеку кипѣлъ отчаянный бой русскихъ и японцевъ. За мостомъ—правую сторону улицы, примыкая къ стѣнѣ, занимаетъ нѣмецкое посольство, имѣющее кромѣ своей оборонительной стѣнки еще равелинъ на китайской стѣнѣ, фланкирующій ее скорострѣльными пушками. По лѣвую сторону—французское, а за нимъ австрійское посольства. За посольствами на 1000 метровъ оставленъ обширный выровненный плацдармъ и начинается широкая и людная, китайская артерія—Ходамыньская улица.

Всѣ посольства обведены каменной оборонительной стѣной, приспособленной для двухъ-яруснаго огня—внизу сквозь амбра-

зуры и вверху поверхъ стѣнки. Нѣмцы имѣютъ еще равелинъ для обстрѣла рва съ появляющейся башней на два пулемета, и французы окопались глубокимъ рвомъ. Оборонительныя сооруженія почти закончены. Всѣ китайскія фанзы, бывшія до осады между посольствами, снесены совсѣмъ или лежатъ въ развалинахъ. Всюду имѣются запасы провіанта, фуража и огнестрѣльныхъ припасовъ на 5 мѣсяцевъ. Словомъ, имѣя въ виду китайцевъ, можно сказать, что посольства готовы къ оборонѣ jusqu'aux bout des ongles...

Но...

Но, если китайцы будутъ имѣть такія прекрасныя ружья, какія я видалъ у гвардіи, охраняющей дворцы, если европейскіе инструкторы покажутъ имъ не только учебный шагъ и печатаніе съ носка, да ружейные пріемы, но научатъ ихъ еще и цѣльной и мѣткой стрѣльбѣ, то нѣтъ ничего легче, какъ въ нѣсколько часовъ со стѣнъ императорскаго города и городской разгромить посольства съ ихъ ничтожными отрядами.

Hotel du Nord пріютился среди китайскихъ лавочекъ и ларей, на углу тѣснаго и грязнаго переулка противъ Посольской улицы. Это рядъ фанзъ, расположенныхъ на дворахъ и раздѣленныхъ узкими корридорами и проулками. Двери номеровъ выходятъ прямо во дворы, окна бумажныя, китайскія, обстановка европейская, ковры, большая кровать съ пружиннымъ матрацомъ, туалетъ и столъ, и вмѣстѣ съ этою роскошью переборка изъ тонкихъ и дырявыхъ сосновыхъ досокъ и холодъ въ номерѣ. Но едва мы устроились съ докторомъ въ гостинницѣ, какъ намъ пришлось собираться вновь и переѣзжать въ миссію. Начальникъ охраны полковникъ Д. и командиръ сотни князь К., мой бывшій товарищъ по Павловскому училищу, и слышать не хотѣли, чтобы русскій офицеръ и русскій врачъ селились гдѣ-нибудь въ отелѣ. Къ великой зависти французскаго графа Lésdains, соотечественники котораго оказались далеко не такими гостепріимными, мы покинули гостинницу.

— Et bien, vous partez—воскликнулъ онъ, увидавъ какъ поспѣшно выносили наши вещи читинскіе казаки—Куда?

— Къ своимъ, въ посольство,—не безъ національной гордости отвѣтилъ я.—Они и допустить не хотѣли, чтобы мы русскіе, ютились гдѣ-то въ отелѣ.

— Мнѣ тоже отвели комнату, но, къ сожалѣнію, у одного изъ моихъ колегъ вчера появилось бебе и моя комната занята, мнѣ придется еще пожить здѣсь,—уныло говорилъ графъ.

— Что-же, здѣсь отлично! лучше чѣмъ на этомъ fameux Fouping—кричалъ докторъ, вооруженный фотографіей.

— И не напоминайте—отвѣчалъ графъ— до свиданья.

Мы вышли на Ходамыньскую улицу, сѣли въ просторную коляску, запряженную парой крупныхъ лошадей и покатили назадъ по Посольской улицѣ. Двуколка съ читинскимъ казакомъ понеслась сзади, увозя наши пожитки.

Въ миссіи насъ ожидалъ полный комфортъ, трогательная заботливость о нашемъ удобствѣ и роскошный и обильный столъ въ чистомъ, изящно убранномъ, маленькомъ офицерскомъ собраніи миссіи, гдѣ совсѣмъ забываешь, что находишься въ Пекинѣ, что за стѣною собранія, въ садикѣ, подъ кедрами лежитъ плита, а подъ нею покоятся тѣла 28 солдатъ, убитыхъ при взятіи Пекина, что тутъ-же рядомъ лежатъ и тѣ шесть матросовъ, что пали тутъ, на этихъ стѣнахъ и въ этомъ самомъ садикѣ во время осады.

Тутъ тепло, тихо и весело. Офицеры сидятъ такою дружною товарищеской семьей, лампа привѣтливо горитъ надъ столомъ, а стрѣлокъ и читинскій казакъ, обносящіе блюда—совсѣмъ не напоминаютъ о Пекинѣ. Даже картины на стѣнахъ и тѣ не китайскія...

— Почему это сегодня Саватиль не приходитъ къ намъ? спрашиваетъ за столомъ высокій русый капитанъ, ротный командиръ, у плотнаго артиллериста.

— Не знаю право... Да вѣдь у нихъ Рождество!—спохватывается артиллеристъ.

— Да и точно, соглашается капитанъ.—Я и радъ, что его не было. Теперь и безъ него дѣла по горло. Только-бы управиться. Сегодня первый разъ сполна „Женитьбу“ репетировали.

У стрѣлковъ на Рождествѣ солдатскій спектакль — идетъ „Женитьба“ Гоголя.

— Кто это Саватиль? спрашиваю я.

— А это мы прозвали нашего учителя французскаго языка. Онъ офицеръ морской пѣхоты, фамилія его совсѣмъ другая, но мы его такъ прозвали, потому что онъ какъ только войдетъ въ комнату—сейчасъ возглашаетъ „Bonjour, comment ça va-t-il“?—Всѣ его и прозвали—Саватиль—отвѣтилъ молодой поручикъ.

— Что же нѣмцевъ на „Женитьбу“ звать будете! спрашиваетъ князь.

— Да вотъ вышло недоразумѣніе. Они къ себѣ почему-то на елку не позвали. Какъ тутъ быть?—говоритъ ротный командиръ.

— Позвать надо. Графъ Montjillat такой милый, и потомъ

онъ говоритъ по-русски и понимаетъ, ему спектакль будетъ очень интересенъ, отвѣчаетъ старшій субалтернъ.

— У насъ дружба съ французами и нѣмцами,—говоритъ мнѣ черезъ столъ ротный командиръ,—съ французами—par alliance, а съ нѣмцами потому, что они больше всего по духу своей службы подходятъ къ нашимъ.

— Но, господа, вы слыхали, японцы-то!—прорываетъ смѣхомъ веселаго подпоручика,—вѣдь экая прелесть! Услыхали, что къ намъ Саватиль ходитъ, къ себѣ тоже француза пригласили. Теперь и по-французски, и по-нѣмецки занимаются.

— Удивительный народъ. Мнѣ разъ какъ-то въ пекинскомъ клубѣ маіоръ Ямамото, ихъ начальникъ отряда, говоритъ—мы, взяли у европейцевъ все хорошее, что у каждаго есть, оттого мы такъ и хороши. Вотъ только самомнѣнія они, кажется ни у кого не брали—оно ихъ, настоящее японское,—замѣчаетъ капитанъ.

— Вы видѣли ихъ—спрашиваетъ меня князь.

— Немного, на улицѣ,—отвѣчаю я.

— Выправка удивительная. А злы ужасно, настоящіе маленькіе звѣрьки. Все у нихъ аккуратно, храбрость дьявольская, но немного прямолинейная.

Разговоръ за столомъ идетъ оживленный, почти заграничный. Позднимъ вечеромъ мы расходимся. Мы идемъ съ княземъ.

— Вотъ здѣсь,—говоритъ онъ мнѣ, пролѣзая со мной въ овальную дыру въ стѣнѣ,—больше всего было попаданій. На этомъ дворикѣ и убиты всѣ тѣ, кто здѣсь похороненъ.

Дворикъ залитъ луннымъ свѣтомъ. Видны сѣрыя стѣны и маленькія фанзы—казармы казаковъ. Мы проходимъ еще два дворика, въ которыхъ стоятъ подстриженныя въ видѣ драконовъ елки и входимъ въ теплую уютную квартиру князя.

Мнѣ не спится. Я съ нетерпѣніемъ жду утра. Хочется ходить и ходить по міровой столицѣ, столицѣ Поднебесной Имперіи,—городу, имя котораго было знакомо еще съ дѣтскихъ лѣтъ—одновременно съ именами Москвы, Петербурга, Кіева и ранѣе Парижа, Лондона, Берлина.

Ночь въ Пекинѣ... Засните сами, когда комната, дворы, освѣщенные полной луною, полны призраковъ вчерашней войны, засните, когда рядомъ едва слышно спитъ городъ съ милліонами китайцевъ!

Едва брежжилъ свѣтъ, я уже былъ на ногахъ.

— Какъ погода?—спросилъ я у казака.

— Шибко холодно, ваше благородіе, — мало-мало вѣтеръ большой—на сибирскомъ діалектѣ отвѣтилъ мнѣ казакъ.

— Все равно, скорѣе чаю, и скажи доктору, что я иду въ городъ...

— Понимаю,—отвѣчалъ по-сибирски казакъ и вышелъ изъ комнаты. Я одѣлъ пальто и пошелъ торопить доктора. Но онъ уже былъ готовъ.

Мы прошли по Посольской улицѣ и отъ запертыхъ воротъ императорскаго города свернули на широкую, торговую Чинъ-мынскую улицу. На мраморномъ мосту съ ажурными перилами и со многими рѣзными столбиками стояли торговцы вареным тѣстомъ, грушами, мандаринами, различнымъ печеньемъ; здѣсь-же три раешника, окруженные громадною толпою, раскинули театры. За мостомъ, у городской стѣны и Чинъ-мынскихъ воротъ были выстроены извощики всѣхъ видовъ. Здѣсь стояли двухколесныя безрессорныя телѣжки съ тяжелыми желтыми лакированными колесами и съ полукруглымъ верхомъ изъ синяго холста, запряженныя большими красивыми мулами въ мѣдной сбруѣ. Эти телѣжки или „фудутунки“ очень неудобны для ѣзды. Подъ низкимъ верхомъ можно сидѣть только поджавши ноги или вытянувъ ихъ вдоль дна, тряска немилосердная, а самъ извощикъ или идетъ рядомъ пѣшкомъ, или подсаживается на оглоблю. Телѣжка немилосердно прыгаетъ по разщелинамъ каменной плитной мостовой и, чтобы сидѣть въ ней, нужно китайское терпѣніе. Около сотни такихъ крытыхъ извощиковъ было на площади. Они стояли выравненные, какъ у насъ у вокзаловъ, они же непрерывной чередой тянулись вдоль стѣнъ домовъ, въ ожиданіи сѣдоковъ. Между ними, опустивъ тонкія оглобли на землю, помѣстились рикши, тутъ же стояли маленькіе ослики, посѣдланные плоскими монгольскими сѣдлами съ бубенчиками на нагрудникѣ. Хозяева осликовъ бѣгутъ за сѣдокомъ сзади, и кое-гдѣ между этими тремя типами легковыхъ извощиковъ виднѣлись сѣрыя двухколесныя платформы, запряженныя четырьмя или пятью мулами или лошадьми—это ломовые извощики.

По Чинъ-мынской улицѣ, по каменнымъ плитамъ старой мостовой и по мягкимъ неимовѣрно пыльнымъ обочинамъ, непрерывной чередой тянулись извощики-фудутунки съ сѣдоками, обозы съ кладью, звонко крича бѣжали рикши и спѣшнымъ шагомъ проходили люди, несущіе паланкины—эти собственные экипажи Пекина. Среди экипажей сновали маленькіе манчжурскіе иноходцы. На иноходцѣ, откинувшись назадъ и подогнувши ноги

на коротенькихъ стременахъ, въ черной курмѣ и синемъ халатѣ, въ круглой шапкѣ съ золотымъ или стекляннымъ шарикомъ одной изъ низшихъ степеней катилъ офицеръ или чиновникъ, а сзади него, тоже верхомъ, одинъ или двое вѣстовыхъ. Звеня бубенцами мелкой дробной тропотою пробѣгали ослики, совсѣмъ подавленные какимъ-нибудь громаднымъ грузнымъ китайцемъ, шли пѣшеходы, носильщики съ товарами, везли страшно скрипучую тачку на большомъ деревянномъ колесѣ. На тачкѣ были поставлены двѣ овальныя кадки съ водой, или она была въ ростъ человѣка нагружена капустой и другими овощами.

То и дѣло среди всей этой сутолоки медленно и важно шествовалъ караванъ большихъ коричневыхъ косматыхъ двугорбыхъ верблюдовъ, нагруженныхъ тюками съ чаемъ, рисомъ, или шелкомъ.

Ослы пронзительно кричатъ, имъ не менѣе пронзительно вторятъ продавцы каштановъ, всякаго печенья, обсахаренныхъ яблочковъ и орѣховъ. Стукъ тоненькихъ палочекъ о мѣдныя стѣнки большого стакана, которымъ торговецъ печеньемъ зазываетъ покупателей выбрать палочки и полакомиться его ѣдой, стоитъ гомономъ въ ушахъ.

Эту толкотню, останавливая движеніе, пересѣкаетъ безконечная похоронная процесія. Несутъ круглые и плоскіе зонтики, громадный балдахинъ, тяжелый гробъ, подставки съ ѣдою и жертвами, несутъ знамена, а сзади, какъ и у насъ, ѣдутъ степенной вереницей кареты. Всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ—одеждахъ траура. Вдоль улицы—красная, сверкающая золотомъ и большими и малыми фонарями идетъ свадебная процесія съ богато украшеннымъ золотомъ и стекломъ паланкиномъ невѣсты. Флейты визжатъ и пищатъ, скрипки стонутъ, сухія деревянныя палочки выбиваютъ непрерывную дробь. Толпа любопытныхъ идетъ за нею.

Движеніе громадное. Говорятъ въ Лондонѣ такое-же движеніе. Я не былъ въ Лондонѣ, и чтобы дать вамъ понятіе, каково оно въ Пекинѣ, приведу такое сравненіе. Представьте себѣ, что въ Маломъ театрѣ и одновременно въ Александринскомъ кончились представленія и непрерывная линія извощиковъ и пѣшеходовъ устремились на Чернышевъ мостъ и запрудила его. Но этотъ живой потокъ черезъ полчаса пройдетъ, да и рядомъ на Фонтанкѣ, напримѣръ, въ это же время мало движенія, въ Пекинѣ же такой потокъ экипажей, телѣжекъ, рикшъ, обозовъ и людей съ тачками непрерывенъ по всѣмъ улицамъ съ

ранняго утра и до заката солнца. Съ закатомъ только на улицахъ становится тихо и лишь полицейская стража, съ бумажными яйцевидной формой фонарями, ходитъ дозоромъ мимо темныхъ домовъ.

Мы съ докторомъ толкаемся въ этой толпѣ, глазѣемъ на чужой городъ, останавливаемся у лавокъ и у лотковъ торговцевъ. И Боже мой! чѣмъ тутъ не торгуютъ. Иной принесъ всего нѣ-

Лавка въ Чинъ-Минской улицѣ.

сколько шапокъ, а уже разложился съ ними, устроился на циновкѣ и ведетъ торговлю. Другой торгуетъ замочками, металлическими чернильницами для туши, печатками, а рядомъ на столѣ раскинулъ кости и разложилъ карты прорицатель будущаго. Я описывалъ вамъ торговую сутолоку Гирина—это такая-же, только въ десять разъ больше. Дома одноэтажные, рѣдко двухъэтажные съ кладовой наверху и сверху до низу покрыты вывѣсками и

рѣзьбой. Какая рѣзьба тутъ! Какіе тонкіе художественные листья, птицы, звѣри, животныя. Цѣлые фронтоны саженей, пять въ длину и три въ ширину, сплошь покрыты хитрымъ сплетеніемъ листьевъ, вѣтвей, животныхъ и драконовъ. Длинныя лакированныя черныя доски, покрытыя золотыми письменами, спущены по отвѣсу внизъ—это вывѣски. Всюду золото, эмалевая зеленая и красная краски, всюду особенная китайская роскошь.

Мы съ докторомъ свернули въ переулокъ. Боже, что за толкотня! Переулокъ такой, что двѣ телѣги не разъѣдутся, дома тѣсно сдавили его, а самъ онъ между ними словно канава, такъ затоптанъ онъ и заѣзженъ. Пѣшеходы снуютъ впередъ и назадъ, толкаютъ насъ, мы толкаемъ ихъ, мы совсѣмъ въ ихъ грязной толпѣ. Большой возъ семерикомъ муловъ застрялъ между домами, его приперла фудутунка, а тутъ еще рикша съ толстымъ китайцемъ. Шумъ, крики. Мы прижались къ магазину и ждемъ, когда все это расцѣпится. А толпа прибываетъ сзади, совсѣмъ толкучка.

И это еще только половина Пекина. Другая убѣжала отъ союзнаго погрома въ деревни и только, только возвращается. Вотъ вставляютъ новую рѣзьбу вмѣсто сожженной боксерами, вотъ укрѣпляютъ вывѣску, вносятъ прилавки въ магазинъ. Городъ отстраивается вновь, приводится въ порядокъ.

Мы поднялись на стѣну. Словно шоссе, широкое и мягкое было передъ нами. Въ облакахъ пыли тонулъ громадный городъ. Вотъ золотисто желтые квадраты крышъ императорскихъ дворцовъ, вотъ зеленые квадраты лѣса туйи и голубая крыша съ золотымъ шаромъ храма неба.

Еще дальше въ дымкѣ тумана синѣютъ далекія горы. Тамъ находится сказочный дворецъ богдыхана.

Стѣна не уже Невскаго проспекта. Она тянется ровной пустынной дорогой, прегражденной лишь высокими башнями у воротъ. Разбитыя войною башни спѣшно возобновляются. Но хитрые китайцы! Класть новую башню изъ камня и дорого, и времени нѣтъ, и лѣнь, и вотъ на столбахъ устраивается изукрашенная декоративная башня.

Мы медленно идемъ по вершинѣ стѣны. Холодный вѣтеръ Манчжуріи обжигаетъ наши лица, пыль забивается въ глаза, въ уши, наполняетъ ротъ. Но каждый шагъ открываетъ новыя красоты. У самыхъ ногъ обширные плацы и дворы иноземныхъ миссій, солидные пакгаузы и двухъэтажныя казармы. Во дворахъ идетъ ученье. Пѣтушинымъ шагомъ ходятъ одѣтые во все сѣрое нѣмцы, вереница лошадей подъ конными охотниками

на проѣздкѣ. Тутъ-же коричневато-желтые американцы готовятъ смѣну караула. Еще дальше гремитъ барабанъ и ходитъ сверкая штыками русская рота. А за этой панорамой военной жизни—красныя массивныя стѣны, сверкающія стекляннымъ блескомъ желтыя крыши императорскихъ дворцовъ. Между ними деревья садовъ и парковъ! Лѣтомъ зелень этихъ деревьевъ, красная окраска стѣнъ и желтыя крыши подъ голубымъ небомъ должны давать удивительную блестящую гармонію. Желтая окраска крышъ не есть окраска, но каждая черепица крыши покрыта желтой маіоликой, оттого она и прозрачна, и блестяща, какъ небо и сливается съ небомъ сверкающей полосой. Крыши дворцовъ, пагодъ и кумиренъ возвышаются надъ ровнымъ сѣрымъ городомъ, тянущимся безъ конца.

По отлогой апарели, по которой можетъ взойти конница, мы спустились къ подножію стѣны и вдоль нея прошли къ Хода-мыньской улицѣ. Опять такое-же страшное движеніе. Будто что-то случилось, или масляница съ ея балаганами привлекаетъ городъ и окрестное населеніе сюда. Опять фудутунки, рикши, ослы и паланкины, но больше всего торговцевъ и пѣшеходовъ. Извольте усмотрѣть въ этой сутолокѣ вѣчнаго города боксерское движеніе? Можетъ быть сейчасъ уже при насъ идутъ совѣщанія? Вонъ тѣ большія красныя афиши и эти бѣлыя, возлѣ которыхъ стоитъ толпа, можетъ быть призывъ къ войнѣ?!

Но вотъ потокъ людской толпы раздвоился и медленно обтекаетъ загороженное квадратное мѣсто. За загородкой работаютъ китайцы, навалены каменныя плиты, стучатъ молотками каменотесы. Это мѣсто, гдѣ былъ убитъ чернью баронъ Кеттелеръ. Здѣсь ставятъ ему памятникъ. Такъ вотъ мѣсто, гдѣ главный виновникъ всей этой китайской передряги нашелъ себѣ смерть! О! за его жизнь дорого заплачено! Китай помнитъ, какъ на улицахъ, на глазахъ у толпы, при звукѣ барабановъ европейской стражи рубили головы мандаринамъ въ отместку за эту случайную смерть.

Хода-мыньская улица безконечна. Мы идемъ съ докторомъ по ней уже два часа, сдѣлали не менѣе восьми верстъ, а картина уличной толпы все также пестра и оживленна, вывѣски магазиновъ все также ярки и богаты, движеніе сильно.

Маленькіе кривые и узкіе переулки бѣгутъ въ обѣ стороны. Одни торговые—полны толпою, пестры вывѣсками, напротивъ въ жилыхъ—тишина. Высокія сѣрыя кирпичныя стѣны тянутся, кое-гдѣ прерываемыя воротами. На воротахъ нарисованы боги. Иногда ворота отперты, видна стѣнка отъ злого духа, маленькій дворъ

и фанзы, выстроившіяся покоемъ, съ бумажными окнами въ рѣзныхъ переплетахъ. На улицѣ ребятишки съ нарумяненными щеками играютъ въ палочки или кости, валяются въ пескѣ черныя свиньи, да рыжая или черная собака торопливо пробѣгаетъ, ища нечистотъ.

Вдоль большихъ и малыхъ улицъ Пекина проложены канавы, прикрытыя деревомъ—это канализація Пекина. Но она плохо дѣйствуетъ. Кромѣ того всѣ переулки, выходящіе на главную улицу и не имѣющіе магазиновъ такъ загажены, что противно смотрѣть на нихъ. Лѣтомъ воздухъ убійственный. Вонь и пыль—это бичъ Пекина. Вони мы почти не слыхали, а пыль измучила насъ. Вѣтеръ становился все сильнѣе и сильнѣе, уже не облака, а цѣлыя тучи пыли и мелкаго песка неслись намъ навстрѣчу, мѣшая смотрѣть на улицы, наблюдать толпу. Переулками мы вышли на Посольскую улицу, тамъ было пусто. Европейцы, не имѣющіе дѣла на воздухѣ и выходящіе только на прогулку, сидѣли въ миссіяхъ, по домамъ; только полицейскіе изъ китайцевъ въ форменной одеждѣ, да полицейскіе солдаты съ національными шарфами на рукавѣ бродили по улицѣ. Около десятка рикшъ дежурило на „русскомъ мосту", продавцы бумажныхъ фонарей и огарковъ собирались на перекресткахъ. По посольскому кварталу китайцамъ запрещено ходить послѣ заката безъ фонаря и вотъ предпріимчивые китайцы образовали особый родъ торговли—маленькими яйцевидными бумажными фонарями со вставленными въ нихъ огарками.

— Ну, что-же, какъ Пекинъ? спросилъ меня князь, когда я вернулся.

— Великолѣпенъ, отвѣчалъ я.

— Да, его нужно или внимательно изучать, переходя отъ отъ лавки къ лавкѣ, отъ рѣзьбы къ рѣзьбѣ, изучая ея стиль, заглядывая въ кумирни и дома, или пройдтись одинъ, два раза по улицамъ и переулкамъ, и довольно. Вотъ дворцы—другое дѣло. Правда, въ нихъ ничего не осталось—все расхищено до послѣдней мелочи, все увезено, но архитектура ихъ, ихъ сады—нѣчто великолѣпное! Посѣтите также ламайскій и конфуціанскій монастыри, храмы неба и земледѣлія, вотъ и все... Башни всѣ одинаковы. Вы видали осадную башню съ нарисованными въ амбразурахъ пушками?

И я вспомнилъ, что, дѣйствительно, подъѣзжая къ чинъ-минскому вокзалу, мы съ докторомъ обратили вниманіе на высокую многоэтажную башню со многими амбразурами, въ которыя были

вставлены бѣлые деревянные щиты съ нарисованными на нихъ черными кругами. И эти круги на бѣломъ фонѣ на громадной башнѣ производили глупое, совершенно дѣтское впечатлѣніе. Точно дѣти баловались здѣсь, на этой башнѣ, постройкѣ циклоповъ.

У князя зажгли лампы, подали чай. Было уютно и тепло въ его квартирѣ, особенно послѣ мороза и вѣтра улицъ.

— Непремѣнно постарайтесь повидать дворцы. Не видѣть дворцовъ—не видѣть Пекина, сказалъ князь.

И я рѣшилъ во-чтобы то ни стало, хотя однимъ глазомъ, взглянуть на сказочную роскошь императорскихъ садовъ и дворцовъ.

Но дворцы были недоступны. Со дня на день ожидали пріѣзда императрицы, у воротъ стояли караулы и получить пропускъ было невозможно.

— Жалко, вы поздно пріѣхали, сказали мнѣ въ посольствѣ, когда я являлся, — теперь дворцы заперты. Самаго интереснаго вы не увидите. Вамъ остается посмотрѣть только храмы неба и земледѣлія, да ламайскій и конфуціанскій монастыри.

— А нельзя-ли какъ-нибудь? просилъ я.

— Нѣтъ, невозможно. Еще недавно было можно, а теперь это возбудило-бы слишкомъ много неудовольствія.

Приходилось отказаться отъ поѣздки во дворцы и оставить васъ безъ ихъ описанія. Я высказалъ свои сожалѣнія въ русскомъ военномъ собраніи и тамъ мнѣ посовѣтовали попытаться проникнуть во дворцы за всемогущій бакшишъ, или за нашими смѣлыми казаками, которые въ мышиную нору и туда пролѣзутъ. Князь К. предложилъ мнѣ шестерыхъ развѣдчиковъ и, 17-го декабря въ 7 часовъ утра, я направился къ лѣтнему дворцу. Отъ Посольской улицы до дворца считается 18 верстъ, изъ коихъ половину надо сдѣлать по городу. Ясный день только что начинался, когда мы свернули мимо красной стѣны запретнаго города и углубились въ центръ Пекина. Торговцы открывали лавки, повара и кондитеры на сковородкахъ раскладывали снѣдь, пастухи связывали чернымъ свиньямъ ноги и укладывали ихъ рядами вдоль дороги, водовозы везли воду на неимовѣрно скрипучихъ тачкахъ въ овальныхъ кадкахъ, пекинскіе извощики выстраивали своихъ муловъ, запряженныхъ въ синія фудутунки вдоль дороги, любители стрѣльбы изъ лука, „боксеры“ отправлялись съ колчанами и луками за городъ. Большое существо, именуемое Пекиномъ, просыпалось и начинало шевелиться.

Мы проѣхали въ большія ворота, свернули, мимо разру-

шенной бомбардировкой башни, въ поля, и въ страшной пыли понеслись мимо рощицъ туій, замерзшихъ рисовыхъ полей, огородовъ, кумиренъ, окруженныхъ высокими и толстыми осинами или соснами, или вѣковыми туйями, мимо постоялыхъ дворовъ, вдоль мощеной громадными длинными гранитными плитами мостовой. На четырнадцатой верстѣ мы въѣхали въ мощенныя улицы городка Хай-и-діенъ, проѣхали его насквозь и увидали недалеко отъ себя высокій и красивый контурами горный кряжъ. Вся окрестность была покрыта садами, отдѣльными деревьями и полями. Широкіе каналы и пруды, покрытые синѣющимъ на солнцѣ льдомъ, пересѣкали дорогу. Черезъ нихъ вели пузатые мосты изъ каменныхъ плитъ съ бѣлыми мраморными перилами.

— Что, далеко до дворца? спросилъ я развѣдчика.

— А вонъ видно—показалъ мнѣ бравый забайкалецъ.

Отъ синѣющихъ вдали горъ отскочила одна высокая скала. Ея склоны поросли лѣсомъ темнозеленыхъ кудрявыхъ туій. На самой вершинѣ была круглая трехъярусная пагодообразная башня съ крышей изъ желтой черепицы, сверкавшей подъ солнечными лучами. Отъ башни шла лѣстница, еще ниже желтѣли фигурныя крыши пагодъ и мосты съ мраморными перилами. Вправо и влѣво были брошены еще такія-же крыши, мосты, зелень и сучья лиственныхъ деревъ. Получался какой-то особенный китайскій видъ, тотъ пейзажъ, который такъ часто мы видимъ на китайскихъ вещахъ. И этотъ видъ на темно-синемъ тепломъ небѣ, на синеватыхъ съ молочно-розовымъ отливомъ узорчатыхъ горахъ былъ видомъ не нашего міра. Краски были такъ густы, цвѣта такъ причудливо разнообразны, контуры необычны, что не вѣрилось, что это правда, а не капризъ природы, не обманъ зрѣнія, не игра воображенія.

Австралійскій конь мой получилъ не одинъ ударъ шпоръ—я тороплюсь къ таинственнымъ воротамъ.

Скорѣе, скорѣе! И вотъ мостъ; за мостомъ мощеный плитами обширный дворъ и тамъ, на возвышеніи, трое пестрыхъ воротъ, стоящихъ врядъ. На мосту часовой-китаецъ въ тулупѣ дѣлаетъ угрожающій жестъ ружьемъ. Что одинъ часовой! Мимо него проскочили-бы, но на плацу цѣлая рота китайскихъ солдатъ маршируетъ подъ команду китайца въ черной курмѣ, расшитой бархатомъ и круглой шапкѣ, шитой галуномъ.

— Нельзя, ваше благородіе! растерянно говоритъ казакъ слово, которое ему совсѣмъ незнакомо.

Я слѣзаю съ лошади и зову капитана. Китайскій капитанъ

Ворота Императорскаго дворца.

спѣшно подходитъ ко мнѣ, прикладываетъ руку къ шапкѣ и мы здороваемся.

— Чириковъ, зову я казака, который здѣсь въ Пекинѣ „самоукомъ" научился говорить по-китайски.

Мы начинаемъ разговоръ. Долго тыкая въ грудь пальцемъ капитана бесѣдуетъ мой забайкалецъ. Наконецъ, весь мокрый отъ напряженія онъ обращается ко мнѣ.

— Нельзя, ваше благородіе, говоритъ онъ, нужна бумага отъ большого ихъ начальника.

Капитанъ съ черной, холеной косой, знаками показываетъ мнѣ, какая большая должна быть бумага и какая печать на ней.

— Ты скажи ему, Чириковъ, говорю я, что я завтра уѣзжаю въ Петербургъ и что мнѣ некогда ѣздить за бумагой.

Чириковъ давится; слышно часто повторяемое гортанное „иго" и опять отвѣтъ нельзя.

Капитанъ смотритъ умными глазами на меня и молчитъ.

Какъ глупо будетъ, если, проскакавъ 18 верстъ, мы вернемся, не солоно хлебавши.

Но вотъ капитанъ беретъ меня за рукавъ и что-то говоритъ казаку.

— Онъ хочетъ идти съ вами вдвоемъ, а чтобы мы остались переводитъ Чириковъ.

— Ну, ладно. Пошли...

И мы переходимъ мостъ, подходимъ къ желѣзнымъ воротамъ, у которыхъ замерли часовые, держа на-караулъ, мы у дверей...

. . . .

Помните вы дѣтство? Помните книжку съ раскрашенными рисунками, помните дивную фантазію „тысячи и одной ночи". Какъ часто вечеромъ на Рождествѣ, подъ потухшей елкой вы сидѣли въ гостиной и слушали удивительные разсказы о чудныхъ странахъ, о принцахъ, о князьяхъ, о иной не-русской, полной чудесъ жизни. Сонъ крѣпилъ ваши очи и слова чтицы, матери или гувернантки сливались съ сонными грезами и снилось вамъ... Снилось то, что мнѣ снилось въ тѣ минуты, когда я подходилъ съ китайскимъ капитаномъ къ высокимъ воротамъ лѣтняго пекинскаго дворца...

„Sézam ouvre toi"! и скрипя на желѣзныхъ болтахъ откинулась высокая красная дверь, мы переступили порогъ и очутились въ странѣ сказокъ.

Сотни тысячъ людей работали много лѣтъ, чтобы создать богдыхану, сыну неба, достойное жилище. Они пилили и строгали дерево, они тесали мраморъ, садили прямыя алеи, мостили ихъ плитами, строгали гору и выкладывали на нее мраморную лѣстницу. Мраморная набережная съ рѣзными перилами полукругомъ обвивала прозрачный прудъ, тридцать верстъ въ окружности, рядомъ съ нею шла крытая деревянная галлерея изъ тысячи столбиковъ и каждый столбикъ былъ выкрашенъ въ зеленую краску и на каждомъ были выведены синіе, красные и золотые узоры. И можно было цѣлый часъ идти по галлереѣ вдоль мраморной набережной, и все ей не было конца, а по бокамъ галлереи росли высокія, пушистыя, темныя туйи, розы и разные рѣдкіе цвѣты. И въ озерѣ вода была прозрачная, какъ слеза красавицы, и по озеру росли сплошь широколистные лотосы и чашечки ихъ цвѣтовъ торчали изъ воды. Посрединѣ набережной была устроена громадная площадь, вся выложенная бѣлыми мраморными плитами и на ней были ступени и еще площадь. На этой площади стояли уродливые камни на мраморныхъ ко-

лонкахъ, мѣдные грифоны и чудовищнаго вида птицы. Вокругъ грифоновъ и птицъ была сдѣлана рѣзьба и эта рѣзьба была такъ тонка и такъ правильна, что не вѣрилось, что это создано человѣческими руками. Съ этой второй площадки шли двѣ лѣстницы, за ними еще двѣ, такъ что однѣ сходились, а другія

Лѣтній дворецъ въ Пекинѣ.

расходились и подымались на вершину горы. И если смотрѣть съ этихъ лѣстницъ наверхъ, то на ярко-синемъ небѣ золотымъ пятномъ рисовалась башня, вся созданная какъ-бы изъ цвѣтной паутины, такъ тонки были ея колонки, изящна рѣзьба вокругъ башни. И небо, и башня сливались вмѣстѣ и все, что было подъ небомъ, принадлежало богдыхану и онъ когда хотѣлъ могъ

взойти и любоваться, какъ въ дымкѣ тумана тонутъ окрестности столицы, какъ зеленѣютъ рисовыя поля и въ синеву уходятъ рѣзныя горы.

И золотой узоръ, и зеленая, синяя и красная эмаль на столбахъ башни—яркими пятнами и тонкимъ узоромъ ложились на синеву неба и спорили съ нимъ своею прозрачностью и блескомъ. И тихо было кругомъ. Словно весь міръ заснулъ и успокоился въ полуденной дремѣ. И спало замерзшее озеро, спалъ крутой бѣломраморный мостъ, спалъ корабль, сдѣланный изъ мрамора, спали грифоны и драконы, урны и вазы, спали темнозеленыя исполинскія туйи.

Гдѣ я? какая сказка разыгрывается передо мною, какіе сны грезятся мнѣ. Только во снѣ неподвиженъ и молчаливъ пейзажъ, только сниться можетъ эта успокаивающая даль, эта равнина прозрачнаго льда, эта перспектива мраморной набережной, эти рощи исполинскихъ туій... Вотъ-вотъ раздается звонъ серебряныхъ колокольчиковъ, заколышутся знамена и выйдетъ на эту чудную лѣстницу сынъ неба, братъ луны — богдыханъ. Вотъ распахнутся рѣзныя двери, заклеенныя бумагой, и выскочитъ фантастическій караулъ. Вотъ-вотъ на мраморномъ кораблѣ появится хороводъ красавицъ, а на мосту зацвѣтятся шелки и вышивки сановниковъ... Растворятся всѣ двери и дверки и пышная роскошь дворцовъ ярко озарится солнечнымъ свѣтомъ . .

. . . .

И двери открылись... На мраморномъ полу валялось битое стекло, клочки бумаги, мятыя жестянки изъ подъ консервовъ, солома и сѣно. Громадное въ нѣсколько квадратныхъ саженъ зеркало было разбито. Дворецъ былъ пустъ и чья-то кощунственная рука ударомъ приклада разбила тонкую художественную рѣзную раму чернаго дерева. Все поломано и исковеркано. Мой проводникъ китайскій капитанъ беретъ меня осторожно за рукавъ и красивымъ жестомъ указываетъ на разбитую художественную рѣзьбу.

— Итали—съ паѳосомъ говоритъ онъ и сколько негодованія и возмущенія въ тонѣ его голоса и, взмахнувъ пальцемъ передъ лицомъ, онъ тономъ ниже добавляетъ—„пу-хау“ (нехорошо). О! сколько осужденія въ этихъ словахъ! Сколько горечи, обиды, сознанія непоправимаго, ни на чемъ не основаннаго вандализма.

Эти слова разбудили меня. Но прелесть ландшафта была таже сказочная. Красота золотого шара, круглой пагоды, покрытой золотой рѣзьбой и мраморной лѣстницы на фонѣ темно-си-

няго неба были тѣже—необыкновенныя, неземныя. Обледенѣлый прудъ, мраморная набережная, галлерея съ разбитыми стаканчиками электрическаго освѣщенія, мраморный корабль саженей десять длиною, весь рѣзной, крутой мостъ, туйи, кусты и мѣдные драконы—были сказочные.

Мы шли назадъ, я, очарованный всѣмъ видѣннымъ, китайскій офицеръ, на каждомъ шагу возмущенный разгромомъ и поломками, произведенными сначала англійскими сипаями, а потомъ итальянцами. И вдругъ его что-то осѣнило. Онъ благоговѣйно прикоснулся къ вензелю Государя, бывшему у меня на перевязи, показалъ на себя, обнялъ меня за талію, какъ бы желая показать, что мы двое, сдѣлалъ энергичный жестъ и произнесъ съ глубокою ненавистью—„итали, инглези, аллеманы—ша" (убить)... и замолчалъ. Глаза потухли и стали скучные, задумчивые.

Мы вышли къ казакамъ. Капитанъ приглашалъ меня напиться чаю, но я извинился. Солнце поднялось къ полудню, а впереди было 18 верстъ пути и много вещей, достойныхъ обозрѣнія.

Моихъ казаковъ обступила толпа китайскихъ солдатъ и тамъ шла оживленная бесѣда. Я сѣлъ на лошадь и тихо поѣхалъ полями домой. И все мнѣ слышался негодующій возгласъ офицера: „итали—пу-хау"...

Я понимаю, что въ увлеченіи боя, въ боевомъ экстазѣ, можно взять на память бездѣлушку изъ покинутаго дворца, я даже допускаю, что движимый патріотизмомъ полководецъ можетъ собрать художественныя драгоцѣнности и отправить ихъ въ свой національный музей, но разрушить и разбивать такъ, здорово живешь, чудныя произведенія оригинальнаго искусства, бить зеркала, царапать мозаику и портить художественныя изображенія драконовъ — это мнѣ непонятно. И вспомнились мнѣ, какъ нѣкоторыя газеты и газетки выдумывали анекдоты на казаковъ, а публика, падкая до скандаловъ, съ радостью подхватывала ихъ и старалась очернить, покрыть грязью блескъ русскихъ побѣдъ... За русскими нѣтъ такого пятна. Я не слыхалъ, чтобы китаецъ сказалъ: „солдази—пу-хау" *), я не видалъ исковерканныхъ предметовъ искусства, про которые мнѣ сказали бы—„это сдѣлали русскіе!". Я пишу это для того, чтобы успо-

*) Не знаю почему, но китайцы называютъ русскихъ солдатъ „сол-даза", остальныхъ же иностранцевъ по именамъ „францисъ", „аллеманъ", „инглизъ", „итали" и пр.

коить тѣхъ корреспондентовъ, которые переводили изъ иностранныхъ газетъ клевету на русскія войска. Я не видалъ въ скромныхъ комнатахъ нашихъ офицеровъ „cadeaux de mandarins“ изъ дворцовъ, и наша миссія не украшена дворцовыми мраморными львами и имя наше чисто...

Такъ думалъ я, когда проѣзжалъ мимо изящной, сдѣланной изъ груды камней могилы нѣмецкаго „compagnie-führer'a“—лейтенанта, убитаго въ апрѣлѣ 1901 года, и, взглянувъ на нее, я вспомнилъ наши убогіе кресты надъ матросами въ оградѣ посольской церкви, Все будетъ у насъ—только когда?

Мы проѣхали въ ворота и углубились въ городъ. Какъ вдругъ передовой казакъ сталъ дѣлать мнѣ какіе-то знаки. Я посмотрѣлъ въ указываемую имъ сторону и увидалъ, что ворота зимняго дворца открыты. Мы повернули къ нимъ и мимо часового на рысяхъ влетѣли въ паркъ.

Когда вы въѣзжаете въ Пекинъ со стороны вокзала „Чинъминъ“, то, проѣхавъ ворота городской стѣны, первое, что вы видите—это солидныя красныя стѣны, мраморный мостъ, пару драконообразныхъ бѣлыхъ львовъ, громадныя ворота, запертыя желѣзными коричневаго цвѣта дверьми, деревья за стѣнами и возвышающіяся одна надъ другой желтыя, глазированной черепицы, крыши дворцовъ и башенъ. Направо пойдетъ широкая улица посольствъ, налѣво опять ворота и вдоль городской стѣны улица китайскаго города. Сквозь красныя ворота, мимо мраморныхъ львовъ входили парадомъ международныя войска; за ними находится императорскій или запретный городъ, а еще дальше зимній дворецъ. Теперь у этихъ воротъ стоятъ парные китайскіе часовые и самыя ворота заперты громадными тяжелыми замками.

Мои казаки вскочили въ императорскій городъ со стороны западныхъ воротъ, совершенно такихъ-же, какъ и ближайшія къ Чинъ-мину южныя. Вскочивши полной рысью я сейчасъ же задержалъ цыбастаго австралійца: — было скользко на мраморныхъ плитахъ дворцовой аллеи, да и видъ на дворецъ былъ такъ красивъ, что хотѣлось продлить минуты, запечатлѣть дикій рисунокъ контуровъ, красокъ и рельефа. За воротами сейчасъ же начинался широкій каналъ, въ лѣтнее время покрытый лотосами, теперь замерзшій. Черезъ каналъ шелъ мраморный мостъ съ красивыми рѣзными перилами. За мостомъ были опять ворота, украшенныя богатою рѣзьбой, а за воротами широкій дворъ и лѣстницы къ дворцу. Про мостъ, черезъ который мы

переѣзжали, звонко стуча подковами по мрамору, сложилась слѣдующая легенда.

Давнымъ давно къ воротамъ дворца стекались нищіе и докучали богдыхану мольбами о подаяніи. И богдыханъ выходилъ къ нимъ, сыпалъ щедрою рукою чохи и надѣлялъ убогихъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ замѣтилъ, что число нищихъ не уменьшается, а увеличивается, что, несмотря на щедрыя подачки его, все тѣ же лица ходятъ къ нему просить подаянія и приводятъ своихъ сыновей, друзей и знакомыхъ. Задумался богдыханъ и приказалъ обыскать нищихъ. Солдаты богдыхана исполнили приказъ своего повелителя и нашли у нищихъ такую массу денегъ, что можно было выстроить на нихъ громадный мраморный мостъ.

Легенда походитъ на сказку, но и самъ мостъ, и особенно виднѣющаяся влѣво гора, по которой растутъ туйи и кустарникъ образуя аллеи и на вершинѣ которой стоитъ памятникъ Буддѣ тоже похожи на сказку. Гора подымается круто вверхъ и на самой ея вершинѣ построенъ громадный постаментъ въ видѣ сѣраго гранитнаго колокола исполинскихъ размѣровъ, на колоколѣ поставлена башенка, вся круглая, почти цилиндрическая и на вершинѣ ея сидитъ блестящій Будда. Издали вамъ кажется, что это маленькій шарикъ, или цвѣтная звѣздочка, вѣнчающая башню, а не изображеніе бога колоссальныхъ размѣровъ, еле примѣтное снизу. Архитектура этой башни такъ странна, что кажется будто архитекторъ взялъ листъ бумаги, сложилъ его пополамъ, обрѣзалъ свободные концы волнистой линіей, развернулъ, привелъ во вращательное движеніе и задался цѣлью изъ камня и мозаики создать ту фантастичную фигуру, то тѣло вращенія, которое у него получилось. Оттого и памятникъ на вершинѣ горы производитъ впечатлѣніе какой-то грандіозной игрушки, игрушки въ нѣсколько саженъ вышиною и шириною.

Богдыханскій дворецъ по плану тотъ же дворъ богатаго китайца. Тѣ же стѣнки отъ злого духа, тѣ же широкія ворота съ помѣщеніями для привратниковъ, наконецъ тѣ же дворы, идущіе одинъ за другимъ съ узкими переходами между ними, та же рѣзьба у широкихъ оконъ и дверей и та же бумага между рѣзьбою. Но въ то время, какъ фанзы простого смертнаго выложены изъ сѣраго кирпича, на дворѣ кирпичныя дорожки и крыши изъ сѣрой черепицы, фанзы императора разъ въ двадцать больше фанзъ его подданныхъ, покрашены въ ярко-красный цвѣтъ, выложены богатымъ узоромъ изъ цвѣтной керамики

и имѣютъ крыши изъ черепицы, покрытой блестящей желтой эмалью. Дворы богдыханскаго дворца сплошь выложены мраморомъ и на нихъ поставлены мраморныя и мѣдныя изображенія драконовъ, птицъ причудливой формы, львовъ и урны. Мраморныя лѣстницы, ведущія къ домамъ, уставлены маленькими столбиками съ изображеніями львовъ, а между ступенями положены плиты, на которыхъ такъ тонко сдѣланы драконы и змѣи, что этой китайской работѣ позавидовалъ-бы любой итальянскій скульпторъ. И сами дворцы покрыты деревянной рѣзьбою, сочетаніемъ столбовъ, балокъ, маленькихъ палочекъ и рѣзныхъ звѣрей, пестро раскрашенныхъ красной, зеленой и синей красками и богато изукрашенныхъ золотымъ и серебрянымъ узоромъ. Снимать фотографіи безполезно. Да вы и видѣли картины, изображающія неуклюжія постройки съ пагодообразной крышей, мимо которыхъ проходятъ войска. Эти постройки на картинкахъ имѣли видъ сараевъ или провіантскихъ магазиновъ, а на дѣлѣ онѣ цѣликомъ состоятъ изъ самой тонкой и причудливой рѣзьбы, изъ хитраго сочетанія рамокъ, багета, рѣзьбы и красокъ. Краски, какъ на лубочныхъ картинкахъ, ярки, пестры и ложатся въ особенную китайскую гармонію. Рѣзьба такъ тонка и изящна, что фотографія можетъ взять ее лишь по кускамъ, а въ цѣломъ она сливается, а краски... Мы еще не знаемъ цвѣтной фотографіи.

Между постройками идутъ сады и пруды. Сады растутъ непосредственно между камней дорожекъ и каждое дерево, каждый кустъ холится особо... Темно-зеленыя аллеи туій своею мрачною листвою какъ нельзя болѣе подходятъ къ общему яркому тону построекъ. Мраморъ, золото, керамика, мѣдь, богато покрашенное дерево и художественная рѣзьба — вотъ матерьялы, изъ которыхъ создались дворцы. Внутри все разгорожено на маленькія клѣтушки такими-же створчатыми дверьми и окнами, покрытыми рѣзьбою и заклеенными бумагой...

Мы ѣхали вдоль канала. Никто не мѣшалъ нашему проѣзду. Кое-гдѣ работали китайцы, задѣлывая изъяны, возобновляя разбитую рѣзьбу, подкрашивая и заклеивая бумагой окна. Изъ дворца мы попали въ лабиринтъ узкихъ улицъ, образуемыхъ маленькими фанзами, лавками и ларями — императорскій городъ. Долго мы ѣхали, имѣя съ одной стороны сады запретнаго города, съ другой — ряды лавочекъ, пока не уперлись въ красную стѣну.

— Здѣсь былъ проломъ, ваше благородіе, — доложилъ мнѣ ѣхавшій впереди развѣдчикъ.

И правда былъ проломъ. Слѣды его еще видны по свѣжей краскѣ, а проѣзда нѣтъ. Мы поѣхали къ воротамъ, но стража насъ не пустила выѣхать къ улицѣ посольствъ. Часовые и вышедшій къ намъ офицеръ показывали, что мы должны ѣхать назадъ. Мы повернули и проѣхавъ цѣлый лабиринтъ улицъ и переулковъ выѣхали, наконецъ, на прекрасное широкое шоссе, обсаженное деревьями и, мимо католическаго монастыря Бейцана дошли опять до стѣны запретнаго города, вдоль которой вышли на императорскую дорогу къ „Русской набережной", по которой и выѣхали, наконецъ, къ посольству.

Такъ закончилось мое утреннее волшебное путешествіе по дворцамъ, прогулка по чуднымъ аллеямъ мимо замерзшаго озера, мимо крутыхъ бѣломраморныхъ мостовъ, мимо причудливыхъ башенъ и богатой рѣзьбы галлерей.

И у насъ есть дворцы и сады, есть чудные пруды, аллеи вѣковыхъ дубовъ и липъ, и у насъ есть волшебные фонтаны въ Петергофѣ и красивые пруды въ Гатчинѣ и Царскомъ. И мы, европейцы, имѣемъ и Версаль, и Тріанонъ, и Монрепо, и Пратеръ, но формы нашихъ украшеній, наши строго выдержанные стили, античныя формы статуй, колонны и галлереи, съ дѣтства знакомы и примелькались намъ; наши сады и наши дворцы красивѣе и богаче лѣтняго дворца въ Пекинѣ, но они не имѣютъ ничего сказочнаго, потому что мы знаемъ и понимаемъ ихъ красоту. Красоту же этого стиля, гармонію этихъ яркихъ красокъ и изображеній странныхъ, небывалыхъ и несуществующихъ звѣрей, масштабы построекъ вверхъ и въ ширину, величину озеръ и каналовъ, мы не можемъ понять, она кажется намъ таинственной и даетъ тотъ сказочный колоритъ, который носятъ всѣ эти дворцы, сады, башни и украшенія.

Послѣ дворцовъ я посѣтилъ еще и другія замѣчательныя сооруженія Пекина: храмъ неба, храмъ земледѣлія, буддійскій монастырь и храмъ Конфуція.

Если отъ Посольской улицы повернуть налѣво и поѣхать по мощеной большими плитами, полной необыкновеннаго движенія Чинъ-мынской улицѣ, то въ концѣ ея вы увидите высокую сѣрую стѣну, тянущуюся версты полторы. Въ серединѣ стѣны сдѣланы ворота, черезъ которыя вы въѣзжаете въ чудный паркъ. Чудный не только по понятіямъ китайцевъ, но и европейцевъ. Между просторныхъ квадратныхъ луговъ насажены тѣнистыя аллеи туій, дубовъ и вербъ. Эти аллеи широки и правильны. Вправо и влѣво идутъ такія же аллеи, полныя тѣни и покоя.

Храмъ неба.

Середина аллей вымощена плитами такъ, какъ вымощенъ у насъ тротуаръ на Дворцовой набережной, бока мягкіе, словно приспособленные для верховой ѣзды. Тихо и безлюдно въ паркѣ. Мы проѣхали по мягкой дорогѣ, въ тѣни развѣсистыхъ и пышныхъ деревьевъ, лапчатую хвою которыхъ мы съ такимъ трудомъ выращиваемъ въ теплицахъ, въ середину парка къ обширной площади. Тамъ, на мраморномъ квадратномъ возвышеніи съ рѣзными перилами, стояла круглая трехъ этажная, вся рѣзная и пестрая, башня.

На русскомъ языкѣ есть только одно слово для выраженія стиля этой башни— пагода. Да, это была пагода съ желтымъ куполомъ, увѣнчаннымъ громадной золотою грушею, съ массою столбиковъ и пестрой рѣзьбы. Она была пуста внутри. Она должна была изобразить собою идею неба и въ этомъ отношеніи матеріализаціи идей китайцы далеко превзошли европейскихъ декадентовъ. Храмъ неба былъ чистъ и сверкающъ, какъ голубое небо, сверкавшее у насъ надъ головами, и съ площади, на которой былъ построенъ храмъ неба, видны были квадраты темныхъ туій, сѣрая стѣна вѣчнаго города, ея причудливыя башни и весь городъ съ блестящими желтыми крышами императорскихъ дворцовъ.

Черезъ улицу былъ обширный и красивый паркъ и рядъ громадныхъ сараевъ храма земледѣлія. На его лугахъ, поросшихъ травою, возлѣ квадратной мраморной эстрады, ежегодно богдыханъ проводитъ плугомъ борозду, благословляя тѣмъ земледѣльческій трудъ китайца.

Рядъ построекъ съ мраморными дворами образовалъ среди парка цѣлый кварталъ. Постройки были пусты и все въ нихъ

было разорено и разбито. Опять на полу валялись растоптанныя жестянки, обрывки американскихъ газетъ, обломки креселъ, рѣзьба чернаго дерева, узорчатой черепицы, покрытой слоемъ керамики. И глядя на это разореніе, я вспоминалъ талантливый разсказъ Гюи-де-Мопассана — „Mamzelle Fifi“. Тамъ описывается, какъ нѣмцы въ 1870 году заняли постоемъ старинный замокъ. Увезти коллекціи они не могли и вотъ драгоцѣнныя bibelots складывались въ кучи и ихъ взрывали на потѣху веселой нѣмецкой компаніи; портреты предковъ уродовались, а на мебели пробовали силу сабельнаго удара. И помню я, какъ читая этотъ разсказъ, я думалъ, что это неправда, что талантливый французскій художникъ по злобѣ побѣжденнаго клеветалъ на побѣдителя, что такого вандализма въ XIX вѣкѣ быть не можетъ. И вотъ въ храмѣ земледѣлія я воочію увидалъ, на какой погромъ способны интеллигентнѣйшіе изъ солдатъ всего міра — американцы... Грустно было видѣть этотъ погромъ. Обидно за Европу, стыдно передъ китайцами.

Тихо шептали тѣнистыя туйи, безлиственный паркъ былъ унылъ и пустынны широкіе луга. Мѣдныя урны на площади, мраморъ и лѣстницы, зеленые столбы, да крыши уныло повѣствовали намъ грустную сказку войны и разоренія. Поля и луга были невоздѣланы и священный плугъ императора давно не бороздилъ ихъ тучную землю. Грустно возвращался я домой и видѣлъ рикшъ, на которыхъ съ хлыстами сидѣли американцы и нѣмцы; рикши бѣжали, обливаясь потомъ, а просвѣщенные европейцы стегали ихъ хлыстами, видѣлъ кавалькады офицеровъ и штатскихъ, и толпы оборванныхъ рабочихъ, шедшихъ съ построекъ. И во взглядѣ ихъ косыхъ глазъ я рѣдко видѣлъ злобу и ненависть, напротивъ, терпѣніе и покорность были написаны на смуглыхъ и грязныхъ лицахъ, вѣра во что-то, что успокаиваетъ и помогаетъ молча сносить всѣ удары судьбы. Но что же имъ помогаетъ? Какая религія примиряетъ ихъ съ несчастьями? Какой богъ глядитъ съ высоты неба и обѣщаетъ блаженство за терпѣніе и безропотность?

Я описалъ вамъ міровоззрѣнія китайца на загробную жизнь, насколько они выразились въ кумирнѣ бога ада въ Гиринѣ, мнѣ хотѣлось провѣрить ихъ теперь въ знаменитыхъ монастыряхъ, въ центрѣ китайской учености, и на другой день я съ казакомъ помчался въ монастырц.

Монастыри помѣщаются въ концѣ Ходамыньской улицы, у самой стѣны. Изъ русскаго посольства пришлось выѣхать на-

лѣво, черезъ русскій мостъ и мимо „Hôtel du Nord“, мимо начатаго памятника барону Кеттелеру, проѣхать торговыми рядами верстъ пять. Все время навстрѣчу намъ неслись рикши, медленно тащились фудутунки-извощики, запряженные мулами, обозы съ соломой, сѣномъ, всякими вещами, носильщики и пѣшеходы. Пекинъ всюду былъ многолюденъ и полонъ кипучей дѣятельности. Въ концѣ улицы мы свернули направо и остановились у воротъ монастыря. Монахъ-бонза въ шапочкѣ вышелъ намъ навстрѣчу и пошелъ сопровождать насъ по храмамъ. На первомъ дворѣ въ углу стоялъ причудливой формы мраморный памятникъ сажени три вышиною. На его вершинѣ въ стеклянномъ кубѣ было поставлено мраморное изображеніе Будды. Будда сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и сложивъ руки, и широкое лицо его съ косыми глазами выражало покой и неподвижность.

За богатыми рѣзными воротами налѣво былъ самый храмъ. Въ храмѣ, громадномъ и просторномъ, былъ разлитъ полумракъ. И въ этомъ полумракѣ величественно сидѣли три будды, каждый не менѣе трехъ саженей вышиною и каждый о трехъ лицахъ. Эти громадные будды напоминали китайскихъ боговъ, видѣнныхъ мною въ Манчжуріи, но лица ихъ были не устрашающія, но спокойныя, апатичныя. Справа и слѣва стояло по девяти саженныхъ фигуръ — стражей буддъ, ихъ слугъ — эти фигуры носили характеръ испорченной языческой религіи. Но вотъ мы прошли первый храмъ и черезъ маленькій дворикъ вступили во второй еще большій, высокій и просторный храмъ. Въ этомъ храмѣ мракъ былъ еще гуще, кругомъ, вдоль стѣнъ, стояли маленькія скамеечки краснаго дерева, образуя собою покой. Въ серединѣ теплились три лампадки и противъ нихъ подъ стекломъ было маленькое, не больше поларшина, бронзовое изображеніе Будды. Подлѣ стояли сдѣланные изъ мѣди цвѣтки лотоса, чистый рисъ, мука и цвѣты — жертвы Буддѣ. Въ углахъ были тоже жертвенники и тамъ стояли снова маленькіе будды. Отъ курящихся свѣчекъ въ храмѣ пахло пряною гарью, полумракъ колыхался и казался еще гуще и таинственнѣе. И вотъ въ дверяхъ появился старенькій лама. На немъ былъ золотистый халатъ и мягкая золотистая плюшевая каска съ громаднымъ гребнемъ изъ желтыхъ нитей, такой формы, какъ носили греческіе воины. Медленно вошелъ онъ въ храмъ, снялъ шапку и преклонилъ колѣни передъ Буддой. За нимъ вошелъ второй лама, потомъ цѣлая вереница мальчиковъ. Всѣ чинно усѣлись на скамьяхъ, поджавъ ноги, и разложили передъ собою книжки.

Храмъ земли,

Какой-то бонза въ обыкновенномъ лиловомъ халатѣ опустился на колѣни возлѣ Будды и долго лежалъ передъ нимъ распростертый на землѣ. Мальчики начали читать всѣ сразу, на разные голоса. Ихъ чтеніе напоминало чтеніе нашихъ усердныхъ псаломщиковъ, когда они вдругъ зальются сорокà „Господи помилуй“ и глотая, и коверкая слоги повторяютъ его скороговоркой. Голоса мальчиковъ иногда сливались въ дружный аккордъ, казалось, что они поютъ; нѣсколько мгновеній они шли вмѣстѣ, потомъ умолкали и снова начиналось чтеніе вразбродъ. Долго стояли мы и слушали. Человѣкъ, опустившійся на колѣни, продолжалъ сидѣть передъ Буддой и что-то бормоталъ. Иногда, снаружи, въ часовнѣ звучно ударялъ громадный гонгъ, словно колоколъ соборнаго храма.

Изъ этой кумирни мы пошли въ третью, необыкновенно высокую. Войдя въ нее мы увидали сразу, что вся она занята чѣмъ-то громаднымъ, безобразнымъ, подавляющимъ.

— Будда, величественно сказалъ китаецъ и указалъ наверхъ.

Да, наверху, по крайней мѣрѣ на высотѣ десяти саженей было громадное, въ сажень, лицо Будды. Онъ самъ стоялъ во весь ростъ и въ исполинскихъ золотыхъ рукахъ его были цвѣтные эмалированные лотосы. Говорятъ, онъ сдѣланъ изъ одного куска дерева, но это невѣроятно. Такихъ деревьевъ нѣтъ. Это золотое подобіе человѣка, исполинскаго роста, эта голова, тонущая во мракѣ купола пагоды давили и гнели. У ногъ его курились свѣчи и теплились маленькія лампадки; внизу стояли громадныя вазы клуазонне, которымъ было нѣсколько сотъ лѣтъ, старина глядѣла и со стѣнъ, и со ржавыхъ обитыхъ желѣзомъ дверей, и съ позолоты Будды, и со старыхъ украшеній кумирни. И вправо, и влѣво отъ главной кумирни были постройки и тамъ стояли пыльные будды, теплились лампадки и курились свѣчки. Мы дали на чай проводнику, сунули въ руку ламѣ и лама взялъ, а другіе привратники, хотя и ничего не дѣлали — тоже протянули свои лапы. Изъ главнаго храма неслось пѣніе, перемежающееся съ бормотаніемъ, тамъ во мракѣ тускло мерцали огоньки возлѣ Будды, а напротивъ мраморный Будда кротко смотрѣлъ изъ стеклянной клѣтки.

Конфуціанскій храмъ находится въ переулкѣ влѣво отъ Ходамыньской улицы и почти противъ храма Ламайскаго. Если у буддистовъ было много идоловъ, было торжественное пѣніе, дымъ свѣчей и нарядныя золотистыя одѣянія ламъ и мальчиковъ, если

ихъ престолы окружены скамьями, ихъ мальчики и ламы напоминали торжественное епископальное служеніе католическихъ храмовъ, гдѣ возлѣ статуи Христа ходятъ красные кардиналы, звенятъ колокольчики и гудитъ органъ, то пустой храмъ Конфуція, выложенный веревочными коврами напоминалъ суровую простоту евангелическихъ церквей...

Чинъ-Минская улица.

Храмъ Конфуція расположенъ среди туйевой рощи со многими памятниками, изображающими мраморныхъ черепахъ съ высокими досками, поставленными на ихъ спины. У самой стѣны цѣлый лѣсъ мраморныхъ досокъ, поставленныхъ отвѣсно и исписанныхъ китайскими знаками. Внутри — ничего, только доски съ

надписью заповѣдей Конфуція. На крыльцѣ сосѣдняго храма, за рѣшеткой, лежало десять круглыхъ черныхъ камней, по пяти съ правой и лѣвой стороны. Провожавшій насъ бонза съ благоговѣніемъ подошелъ къ этимъ камнямъ и сказалъ: „Конфусъ“... На камняхъ были выбиты китайскіе знаки — десять заповѣдей Конфуція. Въ сосѣдней кумирнѣ помѣщался тронъ богдыхана и передъ нимъ столъ, покрытый тонкой рѣзьбою. И конфуціанскій бонза также охотно пріялъ мзду, какъ это сдѣлалъ и буддистъ. На дворѣ толпились нищіе.

Ни въ томъ, ни въ другомъ монастырѣ не было ни слѣда разрушенія. Все было цѣло. Можетъ быть союзники испугались грознаго вида гиганта Будды, можетъ быть ихъ смутилъ полумракъ и лампадки, или до нихъ дошли слухи о мягкомъ ученіи Будды и Конфуція и они пощадили ихъ храмы? О, нѣтъ! Нѣмцы выволокли въ одномъ мѣстѣ боговъ на огородъ, а сами размѣстились въ ихъ кумирнѣ, лампадки и полумракъ ихъ не испугали, и Конфуцій, и Будда мало извѣстны въ Европѣ. Просто, сначала ихъ оберегалъ русскій архимандритъ, начальникъ православной духовной миссіи, человѣкъ высокопросвѣщенный и гуманный, а потомъ охранять ихъ стали японцы, ничего не бравшіе, кромѣ оружія, денегъ и настоящей военной добычи.

Подъ вечеръ мы вернулись домой. Пора было собираться въ обратный путь. Я сознавалъ, что не видалъ и сотой доли Пекина, не описалъ и тысячной, но было пора, времени не было. Я извиняюсь передъ вами. Но чтобы описать Пекинъ, надо въ немъ прожить годы, да и описаніе займетъ много томовъ.

Китайскія войска.

XXXIV

Европейскія и китайскія войска въ Пекинѣ.

Нѣмцы.—Въ гостяхъ у графа Montjillat.—Японцы.—Англичане.—Сипаи.—Французы.—Итальянцы и американцы.—Нашъ отрядъ.—Посольская церковь.—Характеристика нашего и иноземныхъ солдатъ.—Китайская рота.—Заключеніе.

— Вы хотите посмотрѣть, какъ живутъ иностранныя войска въ Пекинѣ? сказалъ мнѣ какъ-то за обѣдомъ полковникъ Д., это очень легко устроить. Сдѣлайте визиты всѣмъ начальникамъ отрядовъ, познакомьтесь съ ними и они вамъ охотно и съ удовольствіемъ все покажутъ.

На другой день съ утра я уже мотался съ одного двора

миссіи на другой, болталъ одновременно на трехъ языкахъ и познакомился со всѣми начальниками, и съ ихъ разрѣшенія надняхъ побывалъ и въ казармахъ. Попытаюсь нарисовать вамъ жизнь нашего и чужого солдата въ Пекинѣ, при постоянной боевой готовности.

Нѣмцы устроились чисто, богато, основательно и надолго. За высокой и прочной каменной стѣной у нихъ расположенъ баталіонъ трехротнаго состава 2-го восточно-азіатскаго полка, при немъ команда ѣздящей пѣхоты, батарея и пулеметный взводъ. При всѣхъ этихъ частяхъ состоитъ около 50 офицеровъ. Для офицеровъ построено два большихъ двухъ-этажныхъ флигеля, разбитые на квартиры, двухъ-этажное роскошно обставленное офицерское собраніе, большая квартира баталіоннаго командира, онъ же и начальникъ отряда, пятнадцать каменныхъ одноэтажныхъ казармъ для солдатъ, конюшни, полковая лавочка, унтеръ-офицерскій клубъ, пекарни и прочія хозяйственныя приспособленія—все изъ сѣраго камня и кирпича съ желѣзными зелеными крышами и окнами съ веселыми зелеными ставнями и галлереями для прогулокъ.

Начальникъ отряда, графъ Montjillat, саксонецъ по происхожденію, встрѣтилъ меня у дверей своей квартиры.

— А, здравствуйте,—проговорилъ онъ по-русски,—какъ ви поживаете. Какой сегодня большой холёдъ.

Графъ—офицеръ германскаго генеральнаго штаба и изучилъ русскій языкъ въ мюнхенской академіи, говоритъ онъ достаточно хорошо, но быструю рѣчь понимаетъ плохо. Я пробовалъ говорить съ нимъ по-нѣмецки, но онъ просилъ разговаривать порусски.

— Это практика, сказалъ онъ, а практика языка это все. Сегодня воскресенье, занятій нѣтъ, вы увидите, какъ наши люди отдыхаютъ.

Каждая рота имѣетъ отдѣльную казарму. Казарма разбита на взводы. Во взводахъ, по обѣ стороны, поставлены желѣзныя койки съ волосяными матрацами. Койки вдвое шире нашихъ, имѣютъ подушки, простыни и плотныя сѣрыя одѣяла. Ранцы и снаряженіе уложены на полки, въ изголовьи каждой постели. Подъ кроватями поставлены сундуки. Винтовки съ мѣдными дульными покрышками и отомкнутыми штыками стоятъ въ пирамидахъ у стѣнъ. Стѣны заклеены лубочными картинами китайской фабрикаціи, иллюстраціями изъ нѣмецкихъ журналовъ, фотографическими карточками и цвѣтными рекламами, изображаю-

щими женскія головки. Уставныхъ картинъ и таблицъ, какъ у насъ, у нѣмцевъ не было. На мой вопросъ, почему у солдатъ наклеены лубочныя картины, а не уставныя, графъ мнѣ отвѣтилъ.

— Наши люди всѣ опытные солдаты, они не нуждаются въ повтореніи устава.

Въ углу ротнаго помѣщенія стояла украшенная золочеными картонажами, орѣхами и плодами елка. Былъ третій день Рождества Христова.

При входѣ въ казарму дежурный по ротѣ громко скомандовалъ, и люди напряженно стали „смирно".

Дежурный подошелъ съ рапортомъ и громко доложилъ графу: Herr Major—въ такой-то казармѣ помѣщается столько-то человѣкъ, больныхъ нѣтъ.

Графъ здоровался съ людьми каждой роты и они отвѣчали всѣ въ голосъ, но очень коротко, такъ, что невозможно было разобрать, что они говорятъ. Графъ давалъ „вольно" и люди по пріему, одновременно стуча тяжелыми каблуками высокихъ желтыхъ сапогъ, становились въ особую позицію, приставляя подборъ одной ноги къ серединѣ ступни другой, послѣ этого они слегка шевелились. Одежда на людяхъ разнообразная. Были люди одѣтые по формѣ — въ сѣрыхъ безкозыркахъ, съ кокардой, сѣрыхъ однобортныхъ мундирахъ съ сѣрыми погонами и бѣлыми пуговицами и въ сѣрыхъ шароварахъ въ сапоги и поверхъ сапогъ, были люди въ однѣхъ фуфайкахъ и, наконецъ, на одномъ были надѣты неизвѣстно какъ имъ пріобрѣтенные наши стрѣлковые шаровары съ малиновымъ кантомъ.

Всѣ пятнадцать казармъ были похожи одна на другую. Во всѣхъ были елки и лубочныя картины, во всѣхъ люди становились смирно и дружно каркали на привѣтствіе. Выправку людей у насъ назвали-бы натянутой, видъ ихъ былъ непріятный, черезчуръ городской. У насъ бываютъ такіе солдаты изъ фабричныхъ, фарсеры, любящіе побахвалить, много говорить и пить. Лица у нихъ одушевленныя, глаза немного дерзкіе. Можетъ быть такой видъ у нѣмцевъ былъ, какъ результатъ третьяго дня праздниковъ, но видъ былъ не красивый. Много лицъ было черезчуръ юныхъ, моложавыхъ, но уже опухшихъ.

Конюшни артиллеріи и ѣздящей пѣхоты построены изъ досокъ, плетней и обмазаны глиной. Полы асфальтовые. Внутри конюшни великолѣпны. Много воздуха, много свѣта. Каждая лошадь имѣетъ свой просторный станокъ, подъ лошадьми обильная соломенная под-

стилка; дежурные подходили съ рапортомъ. Артиллерійскія и офицерскія лошади всѣ австралійской породы, на тонкихъ и высокихъ ногахъ, съ короткими туловищами и узкогрудыя. Онѣ не производили впечатлѣнія сильныхъ и выносливыхъ лошадей. Ковка на четыре ноги и очень хорошая. Чистка тоже хороша, хотя шерсть запущена и лошади очень обросли, даже командирскія. Тѣла плохи. Лошади въ рабочемъ худомъ видѣ. Всѣ лошади имѣютъ имена, написанныя на большихъ бѣлыхъ табличкахъ. Много людскихъ именъ: „Elsa, Anna, Irma“ и пр. Пѣхота имѣетъ китайскихъ лошадей, 13—14 вершковъ ростомъ. Содержаніе хорошо. Густыя гривы острижены ершикомъ, хвосты выровнены и подрѣзаны по скакательный суставъ, тѣла худощавы, но лучше артиллерійскихъ. Вообще, какъ я замѣтилъ, на тѣла у нѣмцевъ не обращаютъ такого преувеличеннаго вниманія, какъ у насъ.

Послѣ обхода конюшенъ графъ показалъ мнѣ скотный дворъ для убойнаго скота, бойню, ледники и колбасное заведеніе. Тутъже стоялъ длинный разборный, желѣзный домъ. Онъ обращенъ въ залъ для пѣнія и музыки, въ немъ фехтуютъ въ свободное время солдаты.

— Онъ очень неудобенъ, сказалъ мнѣ графъ, зимою въ немъ холодно, лѣтомъ онъ такъ накаливается, что нечѣмъ дышать. Для этого климата онъ нехорошъ. И точно, отъ раскаленныхъ морозомъ стѣнъ и полукруглаго потолка дышало холодомъ. Жутко было оставаться въ немъ.

Потомъ графъ показалъ мнѣ оборонительную стѣнку на два яруса и довольнымъ голосомъ сказалъ: о теперь они не подойдутъ. Тутъ все обстрѣливается до самыхъ ихъ домовъ.

Заглянули мы мимоходомъ въ пекарню, гдѣ изъ прямоугольныхъ формъ вынимали вкусный бѣлый хлѣбъ на кухню, гдѣ варился жидкій супъ...

— Теперь, милости просимъ ко мнѣ, графиня очень рада будетъ съ вами познакомиться, пригласилъ меня маіоръ.

Въ квартирѣ маіора вся прислуга китайцы. На нихъ одинаковые богатые шелковые халаты, они чисто вымыты и косы ихъ блестятъ. Графиня хорошенькая блондинка, словно соскочившая съ англійскаго кипсека, прекрасно говоритъ по французски. Въ гостяхъ у нихъ кромѣ меня была та русская дама, которая ѣхала въ Цинвандао на Fu-ping'ѣ, одинъ итальянскій офицеръ, атташе нѣмецкаго посольства въ штатскомъ и лейтенантъ. Лейтенантъ по-французски не говорилъ, остальные все время вели разговоръ

по-французски, по-нѣмецки не было сказано ни одного слова. Завтракъ былъ прекрасный, въ русскомъ стилѣ изъ четырехъ блюдъ: рыба, спаржа, фазаны и сладкое. Графиня живетъ почти годъ въ Пекинѣ. Ей не скучно. У ней много дѣла по хозяйству и съ дрессировкой слугъ, кромѣ того она часто ѣздитъ съ мужемъ верхомъ въ окрестности Пекина. Еще вчера они катались за 30 верстъ отъ города, смотрѣть какой-то храмъ.

Китайскія вещи и особенно cadeaux de mandarins совершенно отсутствуютъ въ убранствѣ комнатъ, вся обстановка европейская и весьма богатая. Во всемъ видно, что германское правительство заботливо обставило своихъ офицеровъ на дальнемъ востокѣ. Комфортъ и богатство видны всюду. Тотъ безобразный мундиръ, которымъ снабдили въ Берлинѣ восточно-азіатскій корпусъ, нѣмцы съумѣли сдѣлать изящнымъ, благодаря искуснымъ портнымъ. Я не видалъ ни одного офицера въ поношенномъ платьѣ, напротивъ, на всѣхъ оно было, какъ съ иголки портного. Фуражки, каски, сѣрыя суконныя съ гербами, желтые высокіе сапоги, все это блистало новизной; они такъ одѣваются, что ихъ сѣрый цвѣтъ, убожество украшеній, совсѣмъ незамѣтны, видишь только ловко сшитое платье и прекрасно выправленныхъ людей.

Послѣ нѣмцевъ пришлось взглянуть на *японцевъ*. Вонъ ихъ часовой, нескладно сложенный, но хорошо выправленный, маленькій, въ черномъ мундирѣ съ золотыми пуговицами и фуражкѣ со стоячею тульею съ желтымъ околышемъ и узкимъ краснымъ лампасомъ по шву шароваръ, отлично схватилъ ружьемъ на-караулъ и замеръ въ этой позѣ, вскинувъ обезьянье лицо свое безъ всякаго выраженія на меня. Такъ отчетливо, съ трескомъ, берутъ на-караулъ только нѣмцы да... японцы...

Въ открытыя, несмотря на жестокую стужу, двери кордегардіи, виденъ былъ обѣдавшій караулъ. Всѣ встали при моемъ проходѣ и замерли. Одинъ изъ солдатъ въ бѣлыхъ штиблетахъ побѣжалъ съ ружьемъ на плечѣ проводить меня къ начальнику отряда. Японцы строятся въ громадномъ саду съ вѣковыми деревьями. Планы ихъ построекъ грандіозны. Уже теперь готовы четыре большихъ двухъ-этажныхъ флигеля, бани, столовыя, конюшни, строится офицерское собраніе, флигеля для офицеровъ и домъ для командира. Повсюду разбросаны камень, плиты, доски, бревна, желѣзо, вездѣ кипитъ работа. Начальникъ отряда, маіоръ Ямамото, и его офицеры пока живутъ въ приспособлен-

ныхъ китайскихъ фанзахъ, среди сада и подлѣ развалинъ старой китайской стѣны. Видъ на ихъ домикъ весьма живописный.

Я засталъ Ямамото и всѣхъ его офицеровъ въ сборѣ. Они сидѣли съ тетрадками въ рукахъ за круглымъ столомъ, съ ними былъ французскій офицеръ.

Я извинился, что помѣшалъ ихъ занятіямъ. Маіоръ сталъ любезно улыбаться, потянулъ въ себя съ шипѣніемъ сквозь зубы воздухъ, подавился этимъ воздухомъ и, наконецъ, сказалъ.

— O nein wir haben beendigt ein wenig französisch ..

Французъ прощался. Ямамото познакомилъ меня съ своими субалтернами. Они улыбались, показывая бѣлые зубы, втягивали въ себя воздухъ съ шипѣніемъ, кланялись и пожимали руки.

Ямамото крикнулъ по японски въ сосѣднюю комнату. Оттуда выскочилъ солдатъ, несовсѣмъ опрятно одѣтый, очень напомнившій мнѣ нашихъ деньщиковъ, онъ выслушалъ приказаніе маіора, приложивъ руку къ непокрытой головѣ и исчезъ за дверью.

— Немного ликера, опять выдавилъ изъ себя Ямамото.

— Помилуйте, 11 часовъ утра, я еще ничего не ѣлъ. Какой тутъ ликеръ, отвѣчалъ я. Но Ямамото и слышать ничего не хотѣлъ. Пришлось выпить на-тощакъ мараскину...

Осматривать казармы съ маіоромъ пошли всѣ офицеры и всѣ безъ пальто, въ однихъ мундирахъ, а морозъ былъ градусовъ 12° R.

У японцевъ въ Пекинѣ 2 роты. Каждая рота занимаетъ одинъ флигель, каждый взводъ отдѣльную комнату. Помѣщенія тѣсноваты. Постели стоятъ близко одна къ другой, почти безъ проходовъ. Всѣ постели желѣзныя, широкія, съ откидывающейся заднею частью койки для образованія болѣе широкаго прохода. На всѣхъ постеляхъ положены прекрасные мягкіе матрацы, набитые морскою травою. Вещи нижнихъ чиновъ сложены на верху въ ранцахъ. Ружья стоятъ въ пирамидахъ и всѣ имѣютъ дульныя мѣдныя накладки. Ружья японской фабрики и всѣ новенькія, сейчасъ со станка. Содержаніе казармы, чистота—поразительная. Люди были на ученьи и во взводахъ оставались лишь по два, по три человѣка освобожденныхъ. Едва мы входили—они вытягивались и стояли такъ не шелохнувшись, до самаго нашего ухода. Нужно было видѣть ихъ лица при этомъ! Серьезныя, глубокомысленныя и невыразимо тупыя! Мы ходили по казармѣ, осматривали ружья, выкладывали изъ ранца штиблеты, перчатки, подштанники и бѣлые лѣтніе панталоны, а они

все стояли, какъ истуканы, натянуто, неестественно вытянувъ руки по швамъ, задравъ подбородки кверху, такъ что ноздри были видны наружу. И только, когда мы ушли совсѣмъ въ корридоръ казармы, имъ дали вольно. Кухни у японцевъ чистыя, но совершенно загроможденныя разными сковородками и кастрюлями—обѣдъ—національный по случаю Новаго года. Особенность японскихъ казармъ—это прекрасно устроенная баня съ паровыми котлами для горячей воды, съ душемъ и деревянными кадками для умыванія.

На дворѣ, подъ командой фельдфебеля, бѣгала рота японцевъ. Бѣгъ натянутый, испорченный. Я видѣлъ потомъ, какъ бѣгали въ Японіи рикши, почтальоны и посыльные—куда солдатамъ до нихъ! Далеко. А вѣдь тѣ-же люди. Разрѣши имъ свободно бѣжать и какъ припустятъ!.. У японцевъ тоже есть лошади для охотниковъ, офицеровъ и подъ обозъ. Ямамото повелъ меня и на конюшню.

Нѣтъ, положительно лошадь японцамъ не дается. Всѣ были худыя и грязныя. Отъ бѣдныхъ австралійцевъ, скупленныхъ японцами при демобилизаціи нѣмецкой кавалеріи, остались одна кожа, да кости,—жалко смотрѣть на нихъ...

Ямамото съ поклонами и шипѣніемъ, которое онъ производилъ, набирая сквозь зубы воздухъ, прежде чѣмъ сказать что-нибудь, проводилъ меня до воротъ и приглашалъ еще заходить къ нему.

Я перешелъ по узкому мостику каналъ и очутился у массивныхъ воротъ, надъ которыми рѣялъ англійскій флагъ.

Часовой въ желто-сѣрой тужуркѣ съ карманами и погонами, похожей на наши охотничьи куртки и въ такихъ-же рейтузахъ, въ высокихъ желтыхъ сапогахъ и мягкой штатской мѣховой шапочкѣ, взялъ на плечо при моемъ приближеніи. Я прошелъ въ ворота и направился разыскивать маіора Эверитта, начальника *англійскаго* отряда. Я нашелъ его въ собраніи, у камина, гдѣ онъ, одѣтый въ совершенно такой-же костюмъ, какъ и его солдаты, отличаясь отъ нихъ лишь мало замѣтной звѣздочкой на погонахъ и короной надъ звѣздочкой, ожидалъ меня въ полной готовности. Съ нами пошелъ и фельдфебель. Фельдфебель отличался отъ нижнихъ чиновъ только небольшой палочкой, которую онъ имѣлъ въ рукахъ. Если онъ не бралъ ее, то узнать его можно только по лицу. На мой вопросъ по этому поводу, маіоръ отвѣчалъ: „солдаты должны хорошо знать своего фельдфебеля, знаки отличія ему не нужны“.

Англійская миссія представляетъ изъ себя лабиринтъ китайскихъ построекъ. Люди помѣщены въ дворцовыхъ каретныхъ сараяхъ и бывшемъ слоновомъ паркѣ. Это громадные кирпичные сараи съ крышей изъ эмалированной желтой черепицы.

Сараи разбиты на отдѣленія, въ каждомъ отдѣленіи помѣщается взводъ. Сараи громадны. Окна, сдѣланныя въ нихъ, не пропускаютъ полнаго свѣта и лишь полумракъ царитъ въ нихъ. Желѣзныя печи, поставленныя въ каждомъ взводѣ, не въ состояніи прогрѣть эти сараи съ потолками изъ камыша и цыновокъ и въ помѣщеніяхъ очень холодно. Люди помѣщены широко, просторно. Они спятъ на желѣзныхъ койкахъ съ ложемъ изъ вулканизированнаго желѣза, на которое положено два листа войлока. Объ англійскомъ комфортѣ и изнѣженности и помину нѣтъ. Въ маленькой и грязной кухнѣ готовился обѣдъ, изъ мяса и овощей въ нѣсколько перемѣнъ. Двѣ фанзы были передѣланы въ собранія, или клубы для унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Что поразило меня въ нихъ — это обиліе газетъ и книгъ на столахъ. Около ста различныхъ наименованій газетъ лежало на столѣ.

— Я стараюсь газетами скрасить невеселую нашу жизнь, — сказалъ мнѣ Эвериттъ. — Правительство очень мало отпустило намъ денегъ на нашу миссію и мы устроились хуже всѣхъ. У насъ у однихъ люди живутъ въ фанзахъ.

Я указалъ ему на нашихъ.

— У васъ строятъ казармы, а мы и надежды на это не имѣемъ. Наше правительство, кажется, не хочетъ держать здѣсь отряда...

Сипаи живутъ тѣснѣе, но за то и теплѣе. Сипаи обожаютъ русскихъ и всячески стараются выразить намъ свои симпатіи. Когда здѣсь стоялъ полкъ имперскихъ соваровъ *), офицеры его, съ командиромъ полка, индѣйскимъ магараджей, пригласили на обѣдъ нашихъ читинскихъ офицеровъ. Обѣдъ былъ обильный и въ концѣ его магараджа сказалъ очень теплую рѣчь. Онъ подарилъ любимую свою лошадь командиру казачьяго полка, а совары всячески хотѣли услужить русскимъ. Правда, за эти рѣчи и симпатіи англичане очень быстро убрали магараджу обратно въ Индію, но и теперь нижніе чины сипаи, полицейскіе на станціяхъ, въ Тянь-Цзинѣ и въ Пекинѣ необыкновенно тщательно и внимательно отдавали намъ честь.

---

*) Сипаи — пѣшіе туземные солдаты, совары — конные.

Англійскіе солдаты производятъ впечатлѣніе скорѣе юнкеровъ, нежели солдатъ. Ихъ худощавыя длинныя лица тщательно вымыты, глаза умные и серьезные. Эти люди пойдутъ всюду, куда разсудокъ и самолюбіе ихъ поведетъ, но зря шкуру подъ огонь они не подставятъ и болѣе 10% потерь не перенесутъ.

На обширной площади впереди казармъ они играли въ любимый свой футъ-болль, кромѣ того, на дворахъ и дворикахъ при казармахъ были разбиты площадки для лаунъ-тенниса, и сдѣлана четыреугольная комната для игры въ мячъ подъ открытымъ небомъ. Не смотря на морозъ, два молодыхъ офицера въ однихъ жилетахъ ожесточенно играли тамъ, отбивая ракетой маленькій мячикъ, отражавшійся о стѣну.

На другой день я побывалъ въ гостяхъ у *французовъ*, итальянцевъ и американцевъ. Французы имѣютъ двѣ роты морской пѣхоты. Для нихъ построены солидныя каменныя двухъэтажныя казармы съ галлереей кругомъ. Нижній этажъ разбитъ на маленькія клѣтушки съ удобными постелями и кое-какой мебелью — это помѣщенія для унтеръ-офицеровъ; люди помѣщаются отдѣльно, наверху, даже безъ особыхъ старшихъ. Не знаю, насколько удобно это въ отношеніи дисциплины и порядка, но во всякомъ случаѣ солдатамъ очень весело живется. Все время изъ ихъ камеръ слышался веселый смѣхъ, насвистываніе и напѣваніе всевозможныхъ арій и пѣсенъ. По каменной лѣстницѣ, стуча тяжелыми сапогами, сбѣгали жизнерадостные французы. Они были одѣты въ матросскія голландки и длинные брюки, а на головахъ имѣли широкіе синіе береты, свѣшивающіеся на одинъ бокъ. Народъ все бравый, веселый, любящій пожить и посмѣяться. На кухнѣ было грязно. Провожавшій меня лейтенантъ разнесъ за это фельдфебеля. Фельдфебель покорно выслушалъ замѣчанія и обѣщалъ все исправить. Поваръ и его помощникъ, засорившіе весь кухонный полъ кожурой отъ картофеля, были видимо мало смущены тѣмъ обстоятельствомъ, что фельдфебелю попало. Да и разносъ, въ которомъ слышалось: „ditez donc, vous, s'il vous plait, je vous en pris“ и т. п. мало походилъ на хорошій разносъ. Въ маленькой лавочкѣ для солдатъ, она же и библіотека, было полно. Кто читалъ газету, кто пѣлъ, кто игралъ въ шашки, кто завтракалъ, кто пилъ вино. На нашъ приходъ никто не обратилъ вниманія. Ближайшіе встали, а остальные продолжали развлекаться. Потомъ лейтенантъ показалъ мнѣ души для солдатъ съ холодной и теплой водой и отличныя, но плохо содержанныя конюшни для муловъ и лошадей. По моей просьбѣ

мнѣ вывели одного бѣлаго арабчика (собственно лошадь варварійской породы, но почему-то названную cheval d'arabe) изъ зуавской свиты посланника. Хорошенькая и кокетливая, какъ бываютъ кокетливы только арабы, „лошадка“ прыгала и рѣзвилась на недоуздкѣ подлѣ солдата, видимо побаивавшагося ея.

— Хорошенькая лошадь! сказалъ я.

— О, да. Только она не годится для ѣзды. Слишкомъ горяча. На ней непріятно ѣздить — замѣтилъ мнѣ офицеръ морской пѣхоты.

Офицерскіе флигеля у французовъ роскошны. Квартира commandant'a Coliné занимаетъ два этажа и обставлена китайскими вещами, вышивками и шелками съ восточной роскошью и французскимъ вкусомъ и умѣньемъ. Въ пріемномъ залѣ у commandant'a наставлены диваны, пуфы и пуфики, зеркала, часы, фарфоръ, альбомы и bibelots, какъ въ магазинѣ рѣдкостей, не знаешь, куда приткнуться, гдѣ сѣсть, чтобы чего-нибудь не зацѣпить, не повалить и не разбить...

Рядомъ съ французами видны богатые двухъэтажные флигеля *итальянскихъ* моряковъ. На мраморныхъ воротахъ, выходящихъ на каналъ громадными золотыми буквами написано „Italia“. Наши офицеры острили надъ этой вывѣской — „точно ресторанъ „Италія“. Другія ворота, выходящія на площадь, украшены двумя громадными мраморными львами, привезенными итальянцами изъ пекинскаго дворца. Этотъ „cadeau de mandarins“ сильно смущаетъ китайцевъ. „Хотя-бы постыдились итальянцы“, говорилъ мнѣ китаецъ-переводчикъ, „и убрали этихъ львовъ за ограду, а то прямо наружу выставили свое награбленное добро!“

Итальянцы приняли меня въ богатомъ офицерскомъ собраніи, сплошь устланномъ коврами, съ драпировками на окнахъ и дверяхъ и богатыми скатертями. Вообще съ нѣмецкимъ и итальянскимъ пекинскими собраніями могутъ конкурировать только лучшія собранія нашихъ гвардейскихъ частей.

— У меня всѣ люди матросы, моряки, — сказалъ мнѣ на прекрасномъ французскомъ языкѣ маіоръ Paroldo — и чтобы не баловать ихъ постелями, не отучать отъ корабельной обстановки, наши казармы устроены какъ корабль, люди спятъ на койкахъ.

По старинному парку съ вѣковыми деревьями мы прошли къ одноэтажнымъ свѣтлымъ казармамъ изъ камня. Ихъ было четыре и всѣ устроены, какъ одна. При входѣ, налѣво, большая комната — ротная канцелярія, направо — комната для двухъ унтеръ-офицеровъ. У унтеръ-офицеровъ широкія мягкія постели,

лубочныя картины по стѣнамъ, комоды съ выдвижными ящиками, столъ и стулья. За этими комнатами идутъ четыре свѣтлыхъ зала безъ коекъ. Вмѣсто коекъ въ потолокъ ввинчены, какъ на корабляхъ, желѣзные прутья, на которые на ночь привязываютъ койки. Отъ этого залы пусты. Въ нихъ стоятъ только изящные матросскіе сундучки, да ружья въ пирамидахъ. Итальянскіе матросы бравый, рослый, черноволосый и черноглазый народъ, съ красивыми, худощавыми лицами. Многіе просились на картину своей юношеской красотою. Одѣты они въ голландки синяго сукна и синія-же матросскія шапки.

Маіоръ Paroldo обратилъ мое вниманіе на обширные склады вина, муки, крупы, макаронъ и консервовъ на случай осады.

— Мы имѣемъ и лошадей, — сказалъ мнѣ Paroldo, — мы къ нимъ не привыкли, не знаемъ, какъ съ ними обращаться, но мы ихъ любимъ. Пойдемъ, посмотримъ, это васъ должно интересовать.

Мы прошли въ чистую каменную конюшню, гдѣ стояло до сорока лошадей и муловъ. Какъ видно, это у всѣхъ такъ, что морякъ любитъ ѣздить верхомъ, а кавалеристъ кататься на лодкѣ. Морскія лошади итальянцевъ были выхолены и вычищены на совѣсть. Любовь замѣнила знанія. Маіоръ Paroldo торопился къ мессѣ, которую служилъ у нихъ въ казармѣ патеръ изъ духовной миссіи. На мессѣ обѣщала быть сама „madame la baronne“, жена посланника. Она прошла уже, сопровождаемая матросомъ, эта сильно надушенная, красивая, бѣлокурая американка, и маіоръ волновался. Да и смотрѣть было нечего. Люди были построены на плацу и младшіе офицеры обходили ихъ, дѣлая обычный осмотръ платья, снаряженія и чистоты лица и рукъ. Я простился съ маіоромъ и пошелъ къ американцамъ.

Американскій солдатъ — отбросъ американскаго общества. Онъ пошелъ на военную службу по своей волѣ потому, что ни на какое иное ремесло онъ не оказался пригоденъ, быть можетъ онъ любитъ и приключенія, иногда онъ храбръ, готовъ сносить невзгоды походной жизни, но въ мирной, казарменной обстановкѣ онъ требуетъ, во-первыхъ, комфорта, во-вторыхъ, и, въ третьихъ, комфорта. И правительство Соединенныхъ Штатовъ ему въ этомъ не отказываетъ. Для маленькаго отряда пекинской посольской охраны, отряда всего изъ двухъ ротъ, оно воздвигло цѣлый кварталъ каменныхъ казармъ. У каждаго солдата широкая постель съ пружиннымъ и волосянымъ матрацомъ и съ теплымъ одѣяломъ. У каждаго чемоданъ для вещей и большой запасъ

шерстяного и фланелеваго бѣлья. Въ банѣ сдѣлано 12 маленькихъ комнатъ, въ каждой комнатѣ большая каменная ванна и душъ надъ нею съ проведенной холодной и горячей водой. Одна ванна предназначена для офицеровъ, двѣ для унтеръ-офицеровъ и 9 для нижнихъ чиновъ. На кухнѣ готовился такой обѣдъ, какой не во всякомъ ресторанѣ получишь. На хлѣбопекарнѣ при мнѣ вынули большіе караваи чуднаго бѣлаго хлѣба. Наконецъ, солдатская лавочка у американцевъ — это громадный сарай, гдѣ имѣется все: и тонкія вина, и сигары, и конфекты, и печенья, и фруктовые, и мясные, и рыбные консервы, и бѣлье, и фуфайки, и табакъ, и сапоги, словомъ все, чѣмъ торгуетъ наше экономическое общество для офицеровъ, то имѣется въ Пекинѣ въ американской лавочкѣ. Она общая для офицеровъ и солдатъ. Потому общая, что потребности американскаго солдата подобны потребностямъ офицера. Онъ также испорченъ цивилизаціей, какъ и офицеръ, онъ также нервенъ, живетъ такою-же духовной жизнью. Ни у кого не было стольких ложныхъ тревогъ и несчастныхъ случаевъ, какъ у американцевъ. Ночью имъ ничего не стоитъ всадить пулю въ китайца, принявъ его за боксера или разбойника. Комфортъ американскихъ казармъ подавляющій. Это даже не кадетскій корпусъ — это институтъ благородныхъ дѣвицъ. Придти отъ нихъ домой и смотрѣть свои убогія фанзы, деревянныя койки и соломенные матрацы казалось такимъ контрастомъ, который долженъ былъ-бы убить меня, привести къ самымъ грустнымъ мыслямъ. Однако, я вернулся въ помѣщенія нашего отряда и пришелъ въ такое прекрасное настроеніе, въ такое душевное ликованіе, въ какомъ давно не былъ. Безъ квасного патріотизма увѣряю васъ, что въ военномъ отношеніи нашъ отрядъ выглядѣлъ въ Пекинѣ лучше всѣхъ иноземныхъ...

Мы имѣемъ въ Пекинѣ одну роту 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, полусотню казаковъ 1-го Читинскаго казачьяго полка, два пулемета и два полевыхъ орудія.

Казармы для отряда еще не готовы. Возведены только фундаменты, сдѣлана общая планировка их на обширномъ дворѣ, примыкающемъ къ улицѣ Линевича и построена каменная оборонительная стѣнка съ песчанымъ банкетомъ. Рота помѣщена въ двухъ большихъ фанзахъ. Въ ней сдѣланы настоящія окна, деревянные полы и потолки и русскія печи. Въ казармѣ и тепло, и свѣтло. Для каждаго стрѣлка имѣется деревянная койка, матрацъ съ сѣномъ, подушка и одѣяло. По стѣнамъ повѣшены таблицы отданія чести, знаковъ отличія, караульной службы и

другія, обычныя въ каждой русской части картины. Стрѣлки почти все сибиряки, отлично сжились съ Пекиномъ и подъ руководствомъ офицеровъ весело готовятся поставить „Женитьбу“ Гоголя на импровизированной въ углу казармы 1-й полуроты сценѣ. Дѣла по горло, хоть отбавляй. Ротныя и одиночныя ученья чередуются съ караульной и полицейской службой; надо ухо востро держать и относительно одежды: на виду у всѣхъ. Да, лица нашихъ солдатъ загорѣлыя, темныя, а не блѣднорозовыя, какъ у иностранцевъ, шинель, одѣтая поверхъ полушубка, немного топорщится, но зато солдатъ на часахъ стоитъ весело и бодро глядитъ по сторонамъ, а не мерзнетъ, отбывая тяжелую повинность. У казаковъ такія же фанзы и такъ-же чисто и уютно въ нихъ, достаточно свѣта и воздуха и много тепла. Ихъ разномастные кони не имѣютъ конюшни, они стоятъ и зиму, и лѣто подъ открытымъ небомъ. И это жаль. Много приложено старанія казаками вычистить и выхолить ихъ коней, они въ чудныхъ тѣлахъ, чистенькіе, холеные, но обросшіе по причинѣ вѣчнаго холода. Если-бы этой сотнѣ дать конюшни итальянскихъ моряковъ—казаки показали-бы иностранцамъ, въ какомъ видѣ могутъ быть косматые забайкальцы! Впрочемъ, лѣтомъ эти крѣпыши-тропотуны очень недурно выглядятъ со своей лоснящейся шерстью, пышными гривами и богатыми хвостами.

Русскіе солдаты не имѣютъ ни ваннъ, ни душей, но зато они имѣютъ настоящую русскую баню съ полками, съ паромъ, съ вѣниками, съ двумя котлами горячей и однимъ холодной воды. По субботамъ парься и мойся, сколько хочешь, весь день открыта баня для отдѣльныхъ командъ. Жаль только, что полъ въ ней зимою холодноватъ.

Что хорошо въ нашей миссіи, такъ это то, что Богъ у насъ не забытъ. Посреди посольскаго сада, возлѣ дорогихъ могилъ стоитъ церковь. Она небольшая, эта церковь, весь отрядъ не можетъ въ ней помѣститься, но по субботамъ и воскресеньямъ, когда изъ православной миссіи пріѣзжаетъ іеромонахъ, и колокольный звонъ несется надъ европейскимъ городомъ, свободные люди могутъ придти въ нее и въ молитвѣ найти успокоеніе, набраться силъ, отрѣшиться отъ мысли, что они находятся далеко-далеко отъ родины. Этотъ маленькій храмъ среди чужихъ деревьевъ, фанзъ и плитами устланныхъ дорожекъ — уголокъ Россіи,— этотъ храмъ—та вѣра, которая дѣлаетъ человѣка сильнымъ, отъ нея такъ спокойно глядятъ глаза солдата, такъ хорошо исполняется служба и нѣтъ ни пьянства, ни скандаловъ въ русской

миссіи и въ русскомъ отрядѣ, тогда какъ у иностранцевъ они бываютъ почти каждый день.

Наши миссійскіе казаки отличные лингвисты. Я не имѣлъ другого переводчика, кромѣ казака Чирикова; въ нашей казармѣ по воскресеньямъ всегда есть гости—японцы, французы, нѣмцы. Что они дѣлаютъ у насъ? пьютъ чай и разговариваютъ, то мимикой, то налету пойманными словами, то китайскими всѣмъ знакомыми словами. И понимаютъ другъ друга, такъ понимаютъ, что и не надо лучше. Они и снимались не разъ вмѣстѣ.

Въ то время, какъ наша интеллигенція заискиваетъ передъ иностранцами, бранитъ свое, находитъ все чужое лучшимъ, простые солдаты, чутьемъ понявшіе величіе и превосходство Россіи, сумѣли внушить къ себѣ уваженіе всей этой причесанной и прилизанной публики, немного изнѣженной, нервной и капризной. Глядя на русскаго часового или казака на улицѣ Пекина, скажешь, что это солдатъ, тотъ „чудо-богатырь", которому твердыни Измаила и выси Сенъ-Готарда ничто, пустяки, которому и морозъ, и зной, и дожди, и песчаные смерчи — все *ничего*. Его не удивитъ ни Пекинъ съ его красивыми дворцами и садами, ни американецъ съ роскошной постелью, ни океанъ, котораго онъ никогда не видалъ, ни самая смерть — все для него просто и ясно и въ этомъ его сила. Кажется, что онъ родился въ солдатской шинели, такъ естественна и проста его выправка, такъ свободно отданіе чести... На иностранцѣ мундиръ лишь временная одежда. Онъ не умѣетъ его носить и, или тянется, какъ нѣмцы и японцы, или ходитъ въ мундирѣ, какъ въ штатскомъ пиджакѣ — какъ англичане и американцы, или кокетничаетъ мундиромъ, какъ французы и итальянцы.

Наши солдаты — солдаты всегда. Не будетъ офицеровъ — солдаты останутся. Солдаты другихъ націй только тогда солдаты, когда есть офицеръ, или хорошій капралъ, у нихъ много искусственнаго въ ихъ жизни. И особенно у японцевъ. Дома японецъ ремесленникъ, земледѣлецъ или рикша, одѣнетъ короткій, свободный кимоно, узкіе короткіе штаны, обернетъ ногу чулкомъ, надѣнетъ соломенныя сандаліи „таби" и ему и удобно, и легко, онъ силенъ и бодръ. Живетъ онъ въ складномъ домѣ, спитъ на полу, на матрацѣ „татами" и все дѣлаетъ, сидя на полу, на соломенной цыновкѣ. Кровать ему не пристала, какъ не присталъ ему и тѣсный мундиръ, и сапоги. Нѣмецъ полонъ вахтъ-парадной премудрости, прекрасно дисциплинированъ и страшенъ потому, что впереди него идутъ отличные, образованные, полные

глубокаго патріотизма офицеры. Нѣмецкіе солдаты и живутъ естественнѣе, чѣмъ другіе. Съ американцами начальство заигрываетъ, заискиваетъ передъ ними, будто боится, что вотъ-вотъ они откажутся повиноваться, не пойдутъ туда, куда ихъ пошлютъ. Англичане даже по костюму совсѣмъ штатскіе люди, ружье въ рукахъ у англійскаго солдата выглядитъ также, какъ хорошенькій винчестеръ въ рукахъ у Sontagsjäger'a.

Милые, симпатичные французы! Имъ все пойдетъ, чтобы они ни одѣли, имъ и ихъ береты, и куртки, и шинели идутъ, они всегда бодры и веселы...

Но, довольно... Боюсь, что упрекнутъ меня въ пристрастіи. Я не слыхалъ, по правдѣ сказать, правильнаго отзыва о нашемъ пекинскомъ отрядѣ. Или бранили все — и бѣдную, не яркую нашу форму съ неизящнымъ покроемъ, и фанзы-казармы, и деревянныя постели, — или превозносили все до небесъ.

Будемъ справедливы. Мы въ своемъ родѣ, мы ни на кого не похожи, но мы настолько хороши, что иностранцы намъ завидуютъ. Они и переняли-бы у насъ многое, да нельзя. Прежде чѣмъ перенимать, надо создать русскаго солдата. Наполеону казалось возможнымъ создать казаковъ, но и ему, великому, — это не удалось [1]).

Еще нѣсколько словъ о китайскихъ регулярныхъ войскахъ. Я видалъ одну роту китайцевъ, которая маршировала возлѣ лѣтняго пекинскаго дворца. Всѣ солдаты ея были одинаково одѣты въ свободныя черныя шелковыя куртки съ вышивкой по вороту и борту, въ черныя чалмы, короткія черныя шаровары и валеные китайскіе сапоги на толстой подошвѣ. Обмундированіе очень чистое и изящное. На поясномъ ремнѣ съ мѣдной бляхой были одѣты двѣ патронныя сумки и штыкъ-кинжалъ отъ ружья. Ружья Маузера, трехъ-линейныя, на пять патроновъ. Ружья въ очень хорошемъ *наружномъ* порядкѣ. Офицеровъ при ротѣ было два — одинъ въ строю, другой командовалъ по китайски ротой. У офицеровъ такія же черныя шелковыя куртки, но съ вышивкой бархатомъ по воротнику и груди замысловатаго узора, пояса нѣтъ и сабля въ жестяныхъ ножнахъ одѣта на поясной портупеѣ, такъ что мундирная куртка падаетъ sans gene. На головѣ круглая шапочка съ мѣховыми наушниками, налобникомъ и назатыльникомъ.

---

[1]) По приходѣ въ Тянь-Цзинь нѣмцы стали учиться ходить на ура! прослышавъ, какое это впечатлѣніе производитъ на китайцевъ.

Дно шапочки расшито узоромъ золотыми нитками. На рукавахъ двѣ тесемки золотисто-желтаго шелка обозначаютъ званіе, у младшаго офицера одна такая тесемка. Общій видъ роты красивый, театральный. Люди высокаго роста, прекрасно сложены, иные болѣе 2 аршинъ 10 вершковъ роста. При мнѣ рота дѣлала ружейные пріемы, вздваивала ряды и маршировала въ колоннѣ вздвоенными рядами. Американскіе и нѣмецкіе инструкторы какъ видно вложили душу въ шагистику и муштру. Пріемы удивительно отчетливы. „На караулъ" взяли такъ, что по концамъ ружей можно было провѣсить прямую линію, „на плечо" держали ружья на боку, но каждый съ одинаковымъ поворотомъ цѣвья и уклономъ ружья, ни одинъ не поднялъ, не повернулъ и не опустилъ приклада. Шагъ медленный, учебный. Ногу поднимаютъ на четверть отъ земли, носокъ старательно тянутъ и ставятъ на землю отъ сердца,—„печатаютъ". Что было не хорошо во внѣшней выправкѣ — это головы. У большинства опущены, взглядъ тусклый, вялый, китайскій.

Для неопытнаго военнаго, или, вѣрнѣе, для штатскаго мандаринскаго глаза — рота обучена великолѣпно. Въ оперѣ, или балетѣ изъ китайской жизни — такая сотня статистовъ была-бы гвоздемъ постановки, но отъ воина уже со временъ Суворова требуется нѣчто иное. Мы требуемъ мѣткой стрѣльбы и хорошаго удара. Въ эту войну китайцы еще не умѣли стрѣлять, но изъ разговоровъ со многими китайскими сановниками я могъ убѣдиться, что на этотъ предметъ обученія китайцы думаютъ обратить вниманіе, на ударъ они уже пытались ходить на всѣ союзныя войска, кромѣ нашихъ. Научатся и этому. Медленно, но рѣшительно и злобно просыпается Китай и хотя съ трудомъ, но усваиваетъ европейскую „цивилизацію", такъ не вяжущуюся съ китайскимъ непротивленіемъ злу...

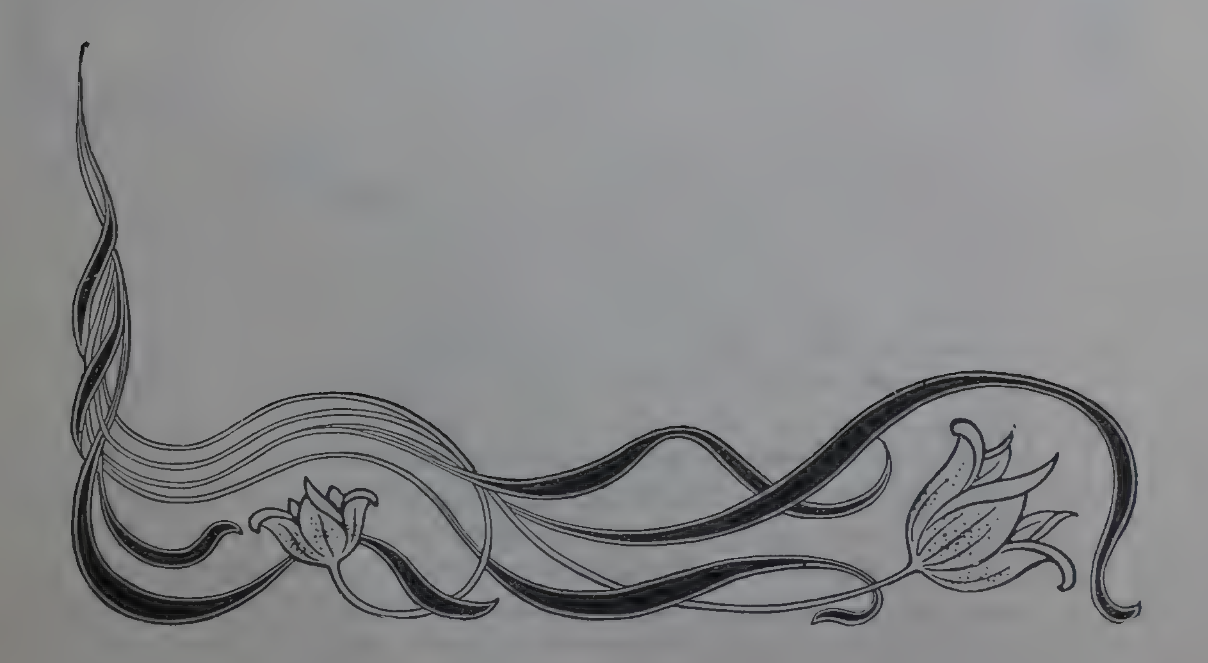
Я кончаю описаніе Пекина. Оно скудное и бѣдное. Это даже не кроки, а набросокъ. Слишкомъ мало времени удалось мнѣ прожить въ немъ и притомъ времени зимняго, когда и дни коротки, и морозъ мѣшаетъ наблюденіямъ. Кто хочетъ поближе познакомиться съ Пекиномъ, прочитать когда и при какомъ императорѣ построенъ тотъ, или другой дворецъ и кто былъ архитекторомъ, тому совѣтуемъ прочесть „Записки о Китаѣ" г-жи Бурбулонъ [1]). Г-жа Бурбулонъ, жена французскаго посланника,

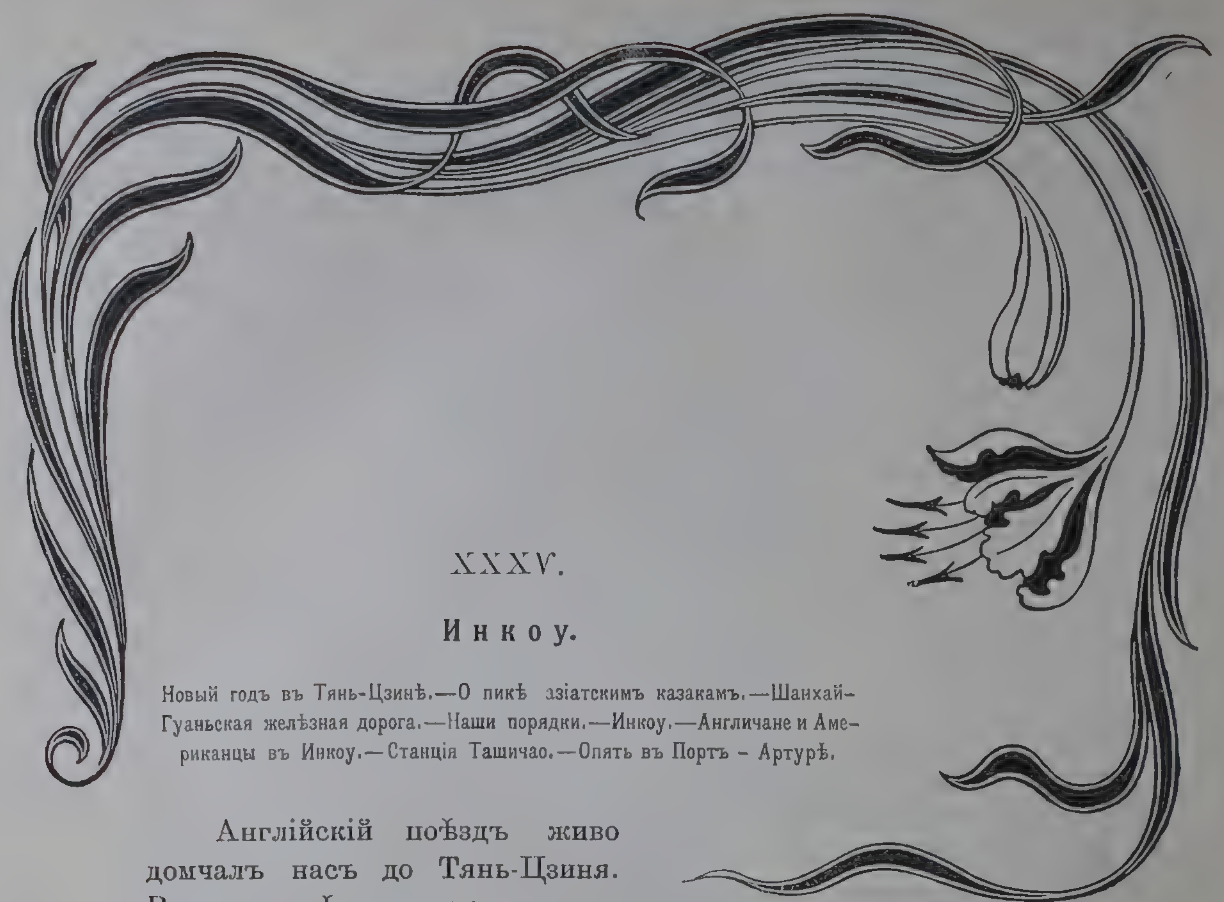
[1]) „Записки о Китаѣ". Г-жи Бурбулонъ С.-Петербургъ, 1885 г. Изд. библіотеки для чтенія. Цѣна 1 р. 50 к. А также Коростовецъ. Китай.

посѣтила Пекинъ въ 1861 году, вскорѣ послѣ разгрома Пекина союзными англійскими и французскими войсками. Она застала Пекинъ въ состояніи того-же разоренія, какое мы видали теперь. Пекинъ за 40 лѣтъ весьма мало перемѣнился. Тѣ же извощики, фудутунки, та же пыль, та же толпа. Мѣстами г-жа Бурбулонъ увлекается, но во всякомъ случаѣ ея описаніе достаточно подробно и вѣрно рисуетъ картину столицы Поднебесной имперіи...

19-го декабря, въ 7 часовъ 30 минутъ утра, мы съ докторомъ простились съ гостепріимными хозяевами и по англійской дорогѣ со станціи Чинъ-Минъ, возлѣ дворцовъ, поѣхали въ Тянь-Цзинь, а оттуда на Шанхай-Гуань и Инкоу.

Нагасаки 6 (19) января 1901 г.





XXXV.

Инкоу.

Новый годъ въ Тянь-Цзинѣ.—О пикѣ азiатскимъ казакамъ.—Шанхай-Гуаньская желѣзная дорога.—Наши порядки.—Инкоу.—Англичане и Американцы въ Инкоу.—Станцiя Ташичао.—Опять въ Портъ-Артурѣ.

Англiйскiй поѣздъ живо домчалъ насъ до Тянь-Цзиня. Въ половинѣ перваго дня мы вышли изъ вагоновъ и отправились бродить по городу. Дальше поѣздъ шелъ на другой день въ 7 часовъ 15 минутъ утра. Въ Тянь-Цзинѣ было тепло. Стояли ясные, чисто весеннiе дни. Снѣгъ на солнцѣ быстро таялъ, пахло зеленью, пахло сырою землею, пахло весною. Весь Тянь-Цзинь кишѣлъ празднично одѣтыми людьми. Былъ Новый годъ и магазины были заперты. Рикши, всадники и амазонки, фуры, кареты и коляски наполняли и Victoria road и Consular road, носились по набережной между чинно стоящими китайцами полицейскими. Мы одни были холодны къ этому движенiю, наши святки еще не наступили. То и дѣло попадались пьяные японскiе солдаты, то по одиночкѣ, то партiями, въ разстегнутыхъ мундирахъ, вдругъ сбросившiе съ себя муштру и вкусившiе благъ цивилизацiи. Два подвыпившихъ нѣмца въ каскахъ вели третьяго домой на буксирѣ. Эти сознавали, что они пьяны и что это не хорошо. Французы навеселѣ катались на санкахъ, весело смѣясь и перекликаясь, итальянцы ѣздили на рикшахъ и среди этого пьянаго военнаго люда только смуглые чернобородые сипаи были

внушительно важны, совершенно трезвы и провожали насъ умными и добрыми глазами.

Я провелъ почти весь день у своего станичника командира полусотни, видалъ его конюшни и ѣздилъ съ нимъ верхомъ. Онъ на высокомъ, относительно,—вершковъ двухъ,—австралійцѣ, купленномъ имъ у нѣмцевъ на аукціонѣ, я—на его крѣпкомъ и сильномъ разъѣвшемся бѣломъ жеребчикѣ безъ вершковъ, сынѣ „Саиба", завода Янковскаго. Вечеръ мы провели вмѣстѣ и, какъ оба донцы, сильно сѣтовали, что у забайкальскихъ казаковъ нѣтъ пикъ.

— Подумайте, какъ это было-бы удобно при атакѣ китайскихъ деревень,—говорилъ мнѣ молодой офицеръ,—вѣдь, вы помните,—улицы деревни узкія, состоятъ изъ невысокихъ каменныхъ стѣнокъ. Ее не перепрыгнешь, да и не перелѣзешь, шашкой стрѣлка, спрятавшагося за стѣной,—не достать, стрѣлять съ коня неудобно, а всадить пику въ крышку черепа, или въ шею—нѣтъ ничего легче.

— Казаки вообще не любятъ пику, хотя прекрасно ею владѣютъ. Пика большая обуза для казака, при томъ рѣдкій начальникъ съумѣетъ заставить казака уважать пику и смотрѣть на нее, какъ на оружіе. И у насъ во многихъ полкахъ, къ стыду нашему, такое чудное оружіе, какъ пика, въ забвеніи—замѣтилъ я.

— Ну, неужели? проговорилъ молодой служака.

— Да. И въ этомъ сильно виновата ожесточенная полемика за и противъ пики. Между прочимъ, сколько я слышалъ, генералъ Драгомировъ противъ пики, а вѣдь это такой авторитетъ, что многихъ пошатнетъ.

— Положимъ, пика сильно мѣшаетъ въ лѣсу. Въ экспедиціяхъ противъ Шасыянвана и Ліуданзыра пика пожалуй была бы неудобна, сказалъ хорунжій.

— Никогда. Научите казака быть внимательнымъ въ лѣсу и онъ не поломаетъ пики. Какъ же наши гвардейцы, лазаютъ по лѣснымъ дебрямъ Финляндіи и Петербургской губерніи и ничего. Бываетъ, что и поломаютъ пику—такъ что за бѣда, долго-ли новую сдѣлать! А тутъ, гдѣ подъ бокомъ Японія съ бамбуковыми лѣсами—въ лучшемъ видѣ вооружите казаковъ пиками. Не надо только дѣлать ихъ слишкомъ тонкими, чтобы кончикъ не колебался и не вибрировалъ, а то это дѣлаетъ ударъ менѣе мѣткимъ. А какъ ваши лошади? спросилъ я.

— Забайкальскія—хороши. Надо отдать справедливость казакамъ—они чудные стрѣлки, но плохіе кавалеристы. Ихъ труд-

но заставить чистить лошадь, а держать въ порядкѣ сѣдельный наборъ—невозможно. Народъ богатый, избалованный.

— Да, сибиряковъ труднѣе выправить, чѣмъ нашихъ. Немного виновато и начальство, и офицеры. Начальству и офицерамъ, какъ пришлому, да притомъ еще тоскующему элементу, тяжело, оно и жалѣетъ нижнихъ чиновъ. Работы мало, позволяютъ и водкой баловаться. Тутъ, напримѣръ, въ артеляхъ водку держатъ, а въ Европейской Россіи это строго запрещено.

— Что подѣлаете! Вѣдь и служба солдата тутъ тяжелѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ все долженъ самъ добывать. Ей Богу живемъ, какъ Робинзоны. И дрова рубимъ, и рыбу ловимъ и солимъ, и мясо заготовляемъ—ну и пожалѣешь казака, задумчиво проговорилъ хорунжій.

Я не отвѣчалъ. Въ „dining room“ отеля вошла компанія чисто одѣтыхъ нѣмцевъ, два англичанина офицера въ красныхъ жилетахъ и черныхъ шитыхъ золотомъ фракахъ, похожихъ въ этой бальной формѣ на нашихъ театральныхъ капельдинеровъ; отель оживился, явились декольтированныя англичанки, повѣяло духами, женской граціей, и разговоръ о пикѣ, о лошадяхъ и о солдатахъ самъ собою умолкъ . . . .

На разсвѣтѣ другого дня казацкая двуколка отвезла мои вещи на вокзалъ, гдѣ я встрѣтился съ докторомъ К. и мы поѣхали дальше.

Затемно мы пріѣхали въ Шанхай-Гуань.

Вдали виднѣлись огни, море, кучки сѣрыхъ домовъ, китайскія стѣны съ зубцами и башни. Здѣсь начинается наша военная дорога. Начальникъ станціи унтеръ-офицеръ Уссурійскаго желѣзнодорожнаго баталіона любезно предложилъ намъ подождать на станціи полчаса, пока не придетъ нашъ русскій поѣздъ съ сѣвера, а потомъ до утра ночевать въ вагонѣ.

Мы заняли дорогу, пріѣхали инженеры, пришло двѣ роты баталіона, починили путь, поставили разбитые боксерами мосты, добыли паровозы, притащили вагоны и на свой страхъ и рискъ безъ поддержки казны деньгами, стали эксплоатировать. Повели дѣло по военному, чисто, быстро и честно. И вотъ, въ то время, какъ уже второй годъ китайская восточная дорога не можетъ оправиться отъ погрома, военная вѣтка завела ресторанъ вагоны, паровое отопленіе, вагоны второго класса съ длинными мягкими диванами, третій теплый классъ съ деревянными скамьями и крытыя платформы со скамьями для китайцевъ. И китайцы не на-

хвалятся этой дорогой. Грузы и люди идутъ безпрепятственно и желѣзная дорога въ мѣсяцъ зарабатываетъ около 60 тысячъ рублей чистаго дохода *).

Пришелъ поѣздъ, веселый, чистый, съ солдатами-проводниками, мы забрались въ него и отогрѣлись послѣ продувныхъ англійскихъ вагоновъ съ желѣзными печами.

На разсвѣтѣ мы тронулись. Въ туманѣ блѣднаго морознаго утра была видна Великая китайская стѣна. Странное впечатлѣніе производила эта сѣрая зубчатая громада, уходящая за горизонтъ. Вдали виднѣлись горы и стѣна ползла на нихъ какъ темная змѣя.

Погода и климатъ круто перемѣнились. Вчера въ Тянь-Цзинѣ въ одномъ мундирѣ было хорошо, такъ согрѣвало солнце, сегодня воетъ вѣтеръ, вьюга застилаетъ горизонтъ—все бѣло, все покрыто снѣгомъ, какъ въ Россіи. Жутко высунуть носъ на станцію, холодно, скверно. Поѣздъ стучитъ по рельсамъ, отбивая монотонную мелодію, на платформахъ частыхъ станцій видны бравые унтеръ-офицеры—начальники станцій, часовые стрѣлки и стрѣлки—жандармы. Среди гомона китайской рѣчи раздаются русскіе голоса и весело звенятъ въ морозномъ воздухѣ.

— Да отгони ты ихъ, Коршуновъ, ишь налѣзли проклятые, того и гляди подъ вагоны попадутъ,—кричитъ начальникъ станціи, скромный желѣзнодорожный унтеръ-офицеръ своему солдату. И Коршуновъ бѣжитъ отгонять толпу манзъ, обступившихъ вагоны.

— Пошли вы, черти полосатые! Цуба, ишь налѣзли! Я вамъ говорю мамандэ! всякому свой чередъ. Придетъ время и сядешь, вопитъ Коршуновъ.

Толпа отхлынула не столько отъ рѣчи Коршунова, сколько отъ его выразительной жестикуляціи. Но не было тутъ бамбуковыхъ палокъ и киданія камнями, что продѣлываютъ тамъ, дальше, за Шанхай-Гуанемъ, дрессированные англичанами обезьяны-гуркасы.

На англійской дорогѣ мы съ докторомъ питались консервами, грушами и каштанами, которые покупали у китайцевъ и сами пекли на желѣзной печкѣ,—здѣсь за 1 рубль мы имѣли въ ресторанѣ сытный русскій обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, а за 50 коп. завтракъ...

*) Въ сентябрѣ 1902 года эта вѣтка сдана обратно китайцамъ.

Въ семь часовъ вечера мы пріѣхали въ Инкоу. Есть три Инкоу. Инкоу станція—на правомъ берегу, у самаго устья рѣки Ляо-хэ. Инкоу—китайскій городъ,—на лѣвомъ берегу Ляо-хэ и Инкоу—русскій желѣзнодорожный городокъ, въ восьми верстахъ отъ китайскаго Инкоу, вверхъ, по лѣвому берегу Ляо-хэ. Это уже у насъ общая такая ошибка—не жить дружно со своими.

Рѣка Ляо-хэ, какъ и всѣ китайскія рѣки, капризная. Глубина ея—морская. Въ ней бываютъ приливы и отливы, а ширина ея около полутора верстъ у устья. Рѣка ничья. Ни русская, ни англійская, ни китайская. Военная дорога говоритъ—нашъ конечный пунктъ Инкоу праваго берега,—китайская восточная дорога говоритъ—довезли до русскаго поселка и довольно. И вотъ образуется девять верстъ перерыва безъ сообщенія. Безвоздушное пространство своего рода. За дѣло взялись китайцы. И взялись по-китайски. Лѣтомъ, когда рѣка позволяетъ—ходитъ паромъ, осенью и весною сообщенія нѣтъ, зимою возятъ по льду, на маленькихъ ручныхъ санкахъ, которыя тянутъ за веревку манзы. Сидѣній на санкахъ нѣтъ. Онѣ покрыты цыновкой, на которой европейцы лежатъ на боку, а китайцы сидятъ, вытянувъ ноги впередъ. На томъ берегу бываютъ китайскіе извощики съ „фудутунками", запряженными мулами, но бываетъ, что ихъ и нѣтъ. Тогда семь верстъ хоть пѣшкомъ иди.

Мы переночевали въ вагонѣ, перекатили черезъ рѣку на санкахъ и пошли бродить по городу. Запорошенный снѣгомъ, съ высокими бамбуковыми заборами вдоль складовъ и дворовъ, Инкоу произвелъ грустное впечатлѣніе. Въ немъ была чума и казалось мнѣ, или и дѣйствительно такъ было, но только мѣстами припахивало дезинфекціей. Мы свернули съ узкой набережной Ляо-хэ въ переулокъ и вышли на большую торговую улицу. Опять вертикальныя доски, цѣпи изъ ромбовъ и четыреугольниковъ китайскихъ вывѣсокъ заколыхались и запестрѣли вдоль домовъ, опять безконечный рядъ лавокъ, торговли шелкомъ, шапками, сапогами, гробами, ящиками, вонючіе чофаны. Улица вышла на площадь. На площади была русская церковь, кумирня, обращенная въ квартиру начальника стрѣлковой бригады, крошечное помѣщеніе штаба и при немъ комендантское управленіе, въ которомъ двоимъ не повернуться, зданіе банка; въ улицѣ не оконченный каменный двухъэтажный домъ гостинницы и за площадью лабиринтъ китайскихъ улицъ и переулковъ. Китайцы сновали по нимъ во всѣхъ направленіяхъ, ѣздили фудутунки, тянулись обозы двухколесныхъ китайскихъ платформъ, нагруженныхъ цы-

новками, мѣшками съ мукою и корзинами съ углемъ. Большой китайскій городъ, не смотря на морозъ, жилъ своею суетною жизнью.

Въ комендантскомъ управленіи было, тѣсно, людно и шумно. На-дняхъ англійскіе матросы со стоявшей въ Ляо-хэ канонерки прострѣлили изъ-за угла руку нашему стрѣлку. Наши заявили объ этомъ консулу. Консулъ потребовалъ, чтобы назвали матроса, и такъ какъ матросъ убѣжалъ и назвать его было затруднительно, то оставилъ дѣло безъ разслѣдованія.

— Что же это, война у насъ что-ли? — говорилъ худощавый подполковникъ. — Я уже отдалъ приказаніе безъ оружія въ городъ не пускать.

— Какой примѣръ для китайцевъ,—заговорилъ молодой поручикъ, разбиравшій почту, — вѣдь просто срамъ.

— Нѣтъ, американцы куда лучше. Ихъ канонерка тоже тутъ стоитъ,—пояснилъ подполковникъ, обращаясь ко мнѣ.—Пріѣхали сюда, всѣмъ визиты сдѣлали, пригласили къ себѣ и никакихъ скандаловъ, а эти — дикари какіе-то! Ни одинъ не пришелъ заявиться начальнику бригады.

Поручикъ углубился въ чтеніе привезенныхъ почтою бумагъ.

— Господа, воскликнулъ онъ,—къ намъ ѣдетъ шансонетка. Вотъ вамъ и просвѣщеніе грядетъ.

— Да, это скоро приходитъ. Вотъ и Славянская пріѣзжала, только русскихъ торговыхъ пароходовъ нѣтъ, проговорилъ мрачный офицеръ генеральнаго штаба.

Я вышелъ изъ тѣсной канцеляріи и пошелъ на улицу. Молодцоватый унтеръ-офицеръ, помогавшій мнѣ выгрузиться изъ вагона, вдался немного въ политику.

— А что, ваше благородіе, сдадимъ мы эту самую Инкову англичанкѣ? спросилъ онъ меня.

— Почему англичанкѣ? Если и отдадимъ, такъ китайцамъ.

— Китаю, ваше благородіе, не управиться. Англичанинъ заберетъ безпремѣнно. Мнѣ намедни, въ трактирѣ, мериканскій матросъ доказывалъ—твоя молъ, уходи, моя уходи—инглиши не уходи, — твоя говоритъ пиши Царю — „не уходи“.

— Какъ же вы разговаривали съ американцемъ?

— А такъ, ваше благородіе. Я ему „іесъ“ говорю, а онъ по-русски, какъ китаецъ лопочетъ,—„моя твоя“, однако мало-мало понимать можно. Шибко тогда мериканецъ виски своего перехватилъ, ну я его съ товарищемъ и доставилъ на корабль ихній. Капитанъ спасибо говорилъ.

А Инкоу, предметъ споровъ и волненій, лежалъ подъ снѣгомъ, словно русская деревня на берегу многоводной рѣки.

Я обѣдалъ у желѣзнодорожнаго доктора и подъ вечеръ перетянулся на станцію и пѣшкомъ побрелъ къ русскому поселку. Вещи ѣхали впереди меня на фудутункѣ. Мы съ докторомъ брели по снѣгу, скользили, падали, ругались и снова шли. Путь въ темнотѣ безлунной холодной ночи казался безконечнымъ. Мы видѣли обѣ канонерки, во льду, у самаго берега, съ ярко освященными электричествомъ иллюминаторами, прошли за городскія ворота, гдѣ насъ окликнулъ стрѣлковый караулъ, и послѣ двухъ часового тяжелаго пути, измученные и продрогшіе, въ мокрыхъ отъ снѣга сапогахъ, дошли до жалкой деревушки изъ бараковъ, примыкающей къ желѣзнодорожной станціи — русскому Инкоу. Здѣсь насъ ожидалъ холодный вагонъ IV класса, грубые служащіе и безпорядокъ на станціи. Мы усѣлись. Чумный докторъ съ ацетиленовымъ фонаремъ обошелъ поѣздъ, и мы въ полутьмѣ тѣснаго отдѣленія, въ обществѣ солдатъ и сторожей, въ купе съ разбитымъ стекломъ поѣхали въ Ташичао, куда и прибыли черезъ сорокъ пять минутъ.

Въ буфетѣ Ташичао было полно народа. Пришло два поѣзда—изъ Инкоу и съ юга изъ Артура, да ожидали поѣзда съ сѣвера. Больше всего было охранныхъ офицеровъ. Они вели себя, какъ дома, не стѣсняясь. Какой то юноша, блѣдный и хмурый, не обращая вниманія на дамъ, сидѣлъ въ разстегнутой шведской курткѣ и слушалъ повѣствованія громаднаго поручика въ енотовой папахѣ, говорившаго громкимъ басомъ. Всѣ курили. Въ облакахъ дыма и морознаго пара сновали китайскія „бои", разносившіе чай, шипѣлъ самоваръ и на узелкахъ сладко спала какая-то баба. Охранный красивый казакъ съ сонными усталыми глазами сторожилъ офицерскія вещи, щеголевато одѣтый въ шелкъ „бой", держалъ на цѣпи чью-то собаку. Голоса гудѣли и сливались, какъ въ банѣ, когда напустятъ много пара.

Черезъ два часа пришелъ поѣздъ съ сѣвера, увы, безъ вагоновъ II класса. Пришлось устроиться съ двумя японцами на жесткихъ лавкахъ III класса и забыться тревожнымъ сномъ, возлѣ безпрестанно отворяемой входной двери.

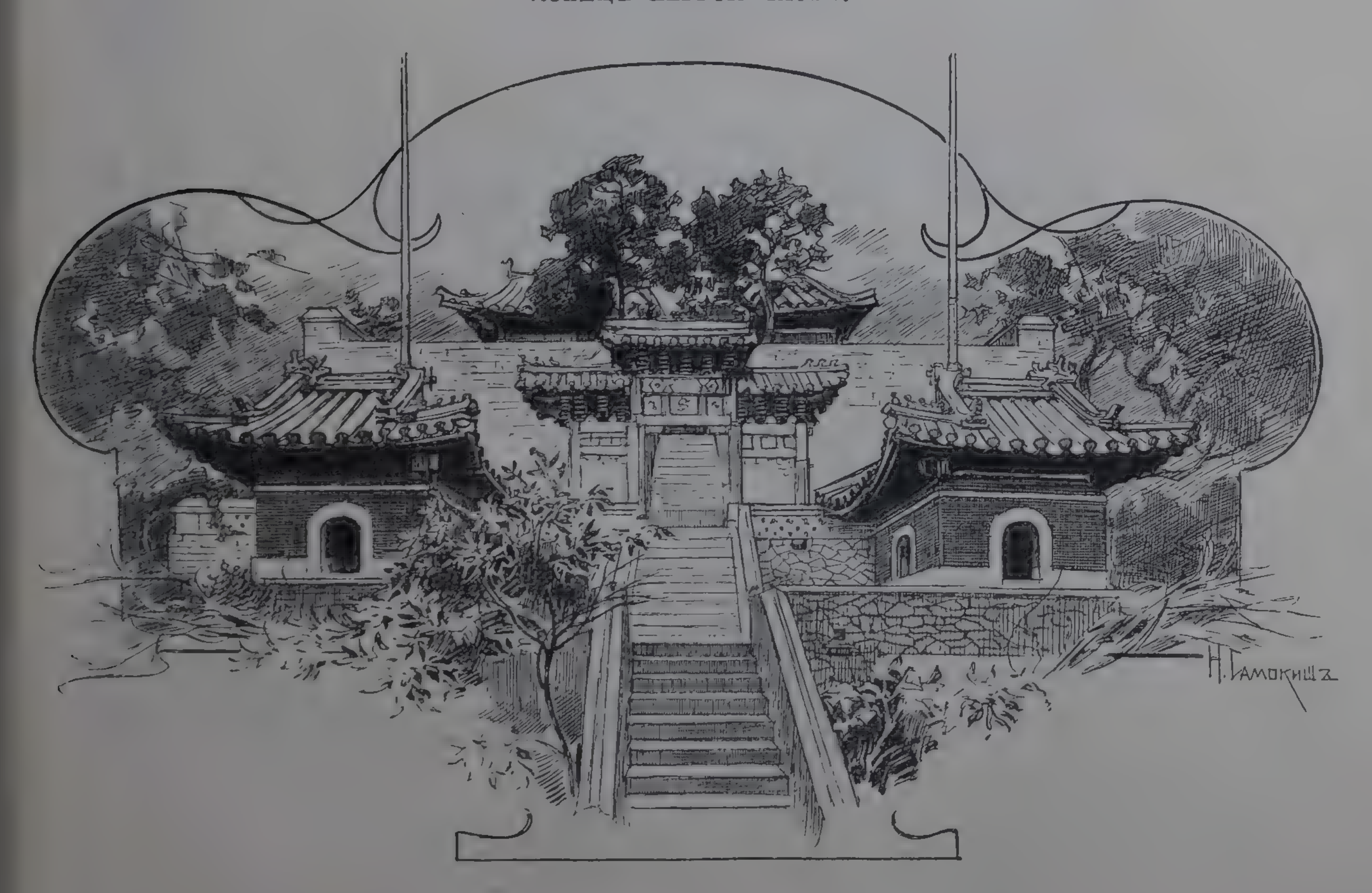
Ночь была холодная. Кругомъ въ степи и на горахъ лѣжалъ снѣгъ. Онъ не покрывалъ землю ровной бѣлой пеленой, но лишь кое гдѣ въ межахъ и на скатахъ лежалъ бѣлый и рыхлый. Утреннее солнце отразилось въ немъ сверкающими точками и онъ началъ таять. Къ полудню стало совсѣмъ тепло, а

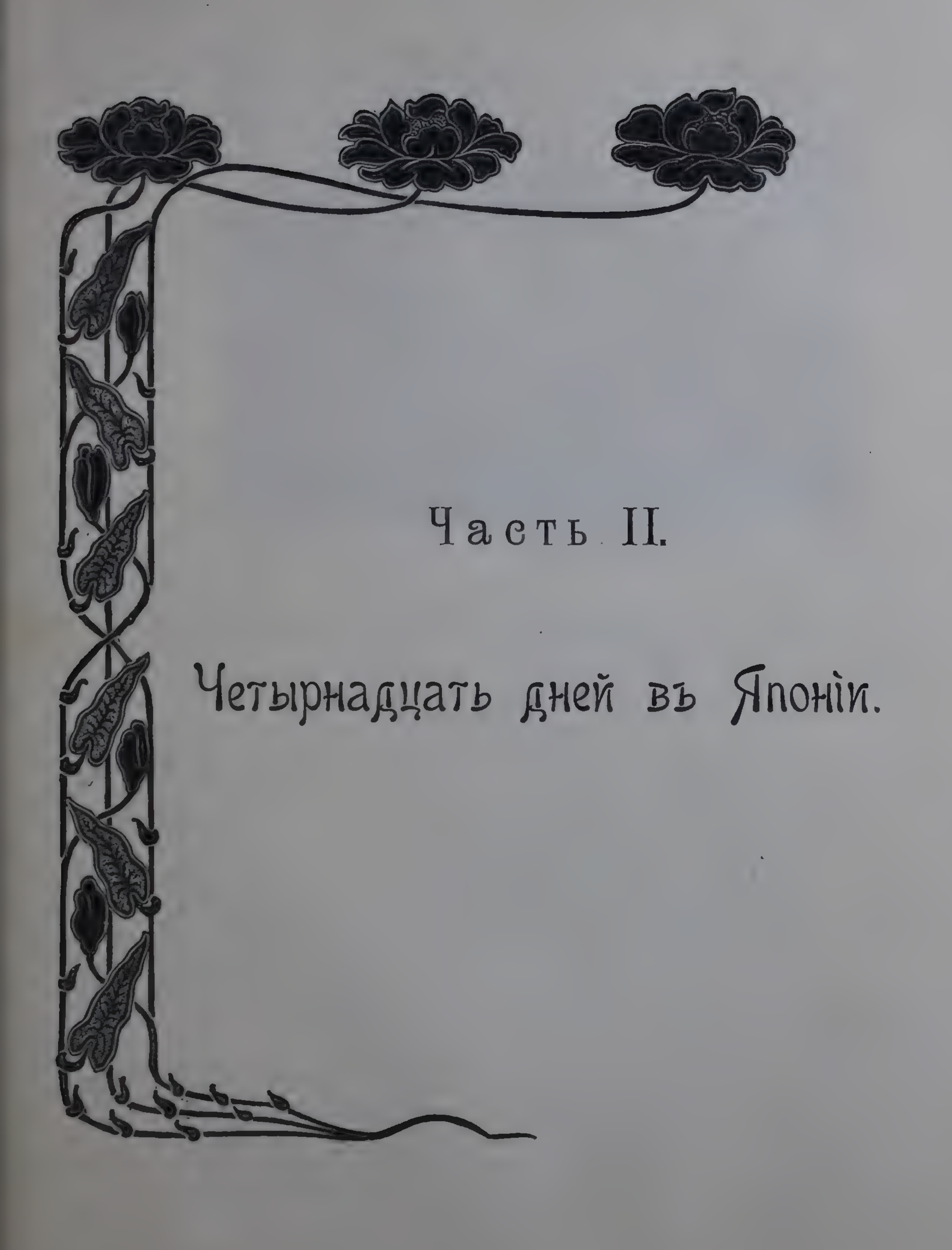
когда, около 3-хъ часовъ дня мы пріѣхали въ Портъ-Артуръ было совсѣмъ тепло, грязно и солнце привѣтливо отражалось въ синихъ волнахъ залива. На квартирѣ, любезно отведенной мнѣ подполковникомъ С, меня ожидали письма, приглашенія на „Рюрикъ“ и печальное извѣстіе, что парохода въ Японію нѣтъ, что „Владиміръ“ добровольнаго флота опоздалъ.

Я провелъ десять превеселыхъ дней въ чудной сухопутной каютъ-компаніи въ Портъ-Артурѣ, слушалъ концерты г-жи К*. былъ въ гостяхъ у моряковъ, описалъ вамъ, какъ умѣлъ Портъ-Артуръ и 2-го января, на пароходѣ китайской восточной желѣзной дороги „Манчжурія“, покинулъ Дальній Востокъ и уѣхалъ въ Японію на рубежъ долголѣтней цивилизаціи Европы и Азіи и скороспѣлой американской.

„Saikio-Maru“. Внутреннее японское море
8 (21 января 1901 года).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.





Часть II.

Четырнадцать дней въ Японіи.

...„Я стоялъ у борта и любовался двѣнадцати-весельнымъ военнымъ катеромъ"...

XXXVI

Къ берегамъ Японіи.

На Портъ-Артурскомъ рейдѣ. Пассажиры „Манчжуріи". Поручикъ Ивановъ. О японскихъ отеляхъ. Пароходы китайской восточной дороги. У береговъ Японіи.

„*Манчжурія*" готовилась къ отплытію. Она должна была выдти въ 12 часовъ дня, но что-то ее задержало и она стояла подъ парами во внутреннемъ бассейнѣ портъ-артурскаго рейда. Паровая лебедка трещала и ворочалась, подымая на кранѣ копны сѣна и спуская ихъ въ трюмъ, раздавались голоса и немолчно кричали внизу манзы, окружавшіе своими грязными сампанами пароходъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ „*Манчжуріи*" дымилъ и чадилъ громадный „*Хайларъ*", а по другую сторону стоялъ чистенькій и кокетливый „*Инкоу*",— все пароходы китайской восточной дороги.

Сѣрый и скучный Артуръ млѣлъ на солнцѣ. Внутренній бассейнъ былъ какъ голубое полотно. И на немъ, отражаясь бѣлыми корпусами, тѣснились „*Рюрикъ*“, „*Громобой*“, „*Нахимовъ*“, „*Гилякъ*“ и стая маленькихъ миноносцевъ, прижавшихся въ уголъ къ сухому доку. У выхода въ море дремалъ парусъ джонки, и море горѣло нестерпимымъ серебрянымъ блескомъ подъ яркими январьскими лучами. Было тепло, солнечно, много глубины было въ синевѣ красиваго неба, отразившагося въ чуть подернутыхъ зыбью водахъ залива.

Я стоялъ у борта и любовался двѣнадцати-весельнымъ военнымъ катеромъ, который, распластавъ весла и сверкая ихъ мокрыми лопастями, держался подлѣ „*Манчжуріи*“ и словно птица парилъ надъ голубою прозрачной водой. На катерѣ сидѣли офицеры, молодые, веселые, они провожали какую-то даму, которая махала имъ платкомъ и они кричали съ катера—„не забывайте насъ, вспоминайте насъ въ Японіи“... Она отвѣчала имъ что-то, должно быть веселое, потому что они смѣялись, махали фуражками и кланялись.

„*Манчжурія*“ выбирала канаты, привязанные къ желѣзнымъ краснымъ бочкамъ и тихо вздрагивала. Вотъ раздались свистки боцмановъ, забурлилъ винтъ, обративъ прозрачную глубину въ молочную зеленую массу и покрывъ ее пѣною, пароходъ дрогнулъ и тронулся. Гребцы на катерѣ навалились на весла и онъ, какъ бѣлая птица, понесся, держась рядомъ съ пароходомъ. Изъ подъ его носа вырывалась бѣлая пѣна, иногда волна отъ парохода налетала на него и онъ прыгалъ тогда, обдавая воду жемчужными брызгами. „*Манчжурія*“ набрала хода, катеръ отсталъ, отдалъ послѣднюю честь, поднявъ весла кверху и медленно повернулъ домой. А „*Манчжурія*“, спокойно и быстро разрѣзая высокимъ носомъ воду, прошла черезъ проливъ, миновала батареи и углубилась въ блестящую синеву Желтаго моря. Портъ-Артуръ скрылся изъ вида, Золотая Гора и берегъ Квантуна заслонили его скучной грядой желтыхъ горъ; горы становились меньше, синѣли, теряли контуры и тѣни, сливались въ одну прозрачную полосу и, наконецъ, исчезли. Море спереди, море справа, море слѣва и море сзади,—кругомъ было открытое море.

Я все еще стоялъ наверху, когда ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ въ черной „тройкѣ“ и англійской рыже-зеленой жокейской шапочкѣ на головѣ. Отъ него брызгало весельемъ и счастьемъ. Казалось, что море и солнце опьянили его и счастье

рвалось наружу, ему хотѣлось поговорить, подѣлиться впечатлѣніями.

— Офицеръ? спросилъ онъ меня, и не дожидаясь отвѣта продолжалъ—да и не отвѣчайте, самъ вижу — совсѣмъ не *джигитъ*.

— То-есть какъ это?—что вы хотите этимъ сказать, молодой человѣкъ? строго спросилъ я его.

— Извините. Я самъ офицеръ, кавалеристъ, и, какъ видите, тоже не джигитъ. А джигитъ это по нашему, по квантунскому—значитъ, кто одѣтъ шикарно, по модѣ, знаете этакіе франтовскіе сапоги цвѣта crême, á la чортъ меня побери,—галстухъ шико, цвѣта лягушиной печенки—вотъ это джигитъ. А на мнѣ высокіе сапоги подъ длинными брюками, а въ крахмальной манишкѣ я чувствую себя совсѣмъ, какъ верховая лошадь, на которую напялили хомутъ. Ну и вашу *тройку* навѣрно китаецъ шилъ? Такъ, угадалъ?—Ну, потому и не джигитъ.

Онъ помолчалъ немного. Молчалъ и я.

— Эхъ, вижу представиться надо. Поручикъ Ивановъ. Обыкновеннѣйшая фамилія, хотя и Полтавской губерніи. Слѣдовало бы на „ко", какъ-нибудь, а меня, видите-ли, Ивановымъ зовутъ. Вотъ вырвался въ отпускъ изъ... да не все ли вамъ равно, изъ какого манчжурскаго медвѣжьяго угла вырвался я. Изъ Чанъ-ту-фу или Шенъ-дья-турль, или еще откуда-нибудь. Стосковался и ѣду провѣтриться.

— Куда же вы ѣдете. Въ Россію?—спросилъ я.

— Эхъ, кабы да въ Россію! Тамъ у меня мать-старуха, сестра-вдова съ дѣтьми, можетъ и невѣста бы тамъ нашлась, да не пускаютъ. Я пятый годъ звоню, а черезъ три года имѣю право на шестимѣсячный отпускъ, да вѣдь имѣть право просить—не значитъ получить. Офицеровъ—нѣтъ—мі-ю, ну и говорятъ вамъ „мамандэ". Петровъ пріѣдетъ молъ, тогда Павлова пустимъ, а Павловъ вернется—Михайловъ поѣдетъ, за Михайловымъ Евстифѣевъ, за Евстифѣевымъ—Евстигнѣевъ, ну а за Евстигнѣевымъ—пожалуйте и вы,—а это выйдетъ еще три года. Далеко ждать-то! Нѣтъ, на праздники на двадцать восемь дней въ Японію отпросился. Вѣдь вы сами знаете, у насъ на дальнемъ востокѣ „цвѣты безъ запаха, рыба безъ вкуса, птицы безъ голоса, женщины безъ сердца, а мущины безъ воспитанія"—такъ вотъ и хочу душой отдохнуть. Двѣнадцать дней побродить по Японіи, понюхать розы японскія, послушать пѣніе птичекъ, узнать ласки гейшъ и посмотрѣть на любезныхъ, привѣтливыхъ воспи-

танныхъ японцевъ. Ну и порученій мнѣ надавали наши дамы—страсть. Вотъ смотрите.

Поручикъ Ивановъ бережно вынулъ изъ бокового кармана визитки свертокъ, развернулъ его и показалъ мнѣ цѣлую кипу клочковъ матерій съ пришпиленными къ нимъ бумажками.

— Марьѣ Осиповнѣ надо подъ этотъ цвѣтъ отдѣлку подобрать; командиршѣ—ширмы купить вотъ такого шелка и одѣяло вышитое шелками въ этотъ тонъ, вы знаете даже... У насъ есть молодая дама, и прехорошенькая, прелесть, шико, мы всѣ ее очень любимъ, такъ она призвала меня и говоритъ—вотъ вамъ деньги и вы мнѣ въ Іокогамѣ купите вотъ то, что написано и подала мнѣ запечатанный конвертъ, а я по простотѣ душевной, при ней и распечаталъ. Боже, какъ покраснѣла! Самыя мочки ушей у ней кровью налились, представьте порученіе—купить шесть паръ панталонъ дамскихъ, съ кружевомъ, а!? Да что подѣлаете, обносилась бѣдняжка, а въ Артурѣ и дорого страшно, да и не достанешь, да и до Артура семьдесять верстъ лошадьми, да двое сутокъ по манчжуркѣ... Ну зато отпустили—погуляю.

Зазвонили къ обѣду. Въ столовой, отдѣланной лакированнымъ деревомъ съ мозаичными деревянными панно въ стилѣ moderne, чистой и богатой, собирались пассажиры. Военная дама, съ которой Ивановъ былъ знакомъ и меня познакомилъ, морская дама, которую провожалъ военный катеръ, молодой офицеръ въ штатскомъ изъ нѣмцевъ, и невысокій пожилой господинъ, тоже видимо военный, кромѣ нихъ молодой американецъ и двѣ хорошенькія американскія миссъ.

Русскіе живо перезнакомились. Красивый и любезный капитанъ сѣлъ въ головѣ стола и началась общая бесѣда. Морячка больше краснѣла—она ѣхала въ Кобэ, куда перекочевывала эскадра; военная дама оказалась разбитной, пожилой господинъ былъ полковникъ и острякъ, а офицеръ изъ нѣмцевъ смѣшилъ всѣхъ тѣмъ, что безпощадно коверкалъ русскія пословицы. Американки ни звука не говорили по-русски и имъ служилъ переводчикомъ молодой американецъ.

Полковникъ чуть запоздалъ, что дало случай офицеру изъ нѣмцевъ сказать:

— Семеро, полковникъ, вдвоемъ не кушаютъ...

— Это Людвигъ Ивановичъ у насъ всегда такъ остритъ, проговорила военная барыня, обращаясь къ морячкѣ, наша компанія превеселая. Людвигъ Ивановичъ красивый, а мы съ полковникомъ не красивые, но симпатичные!

— Это неправда! воскликнулъ полковникъ; Анна Сергѣевна на себя клевещетъ, да и на меня тоже.

— Я знаю васъ, Леонидъ Петровичъ, лукаво проговорила дама—вы весь Артуръ смущаете, васъ всѣ боятся.

— Что-же, я такой страшный?

— Ахъ! Японія—страна обѣденная! вздохнулъ Людвигъ Ивановичъ.

— Это онъ хотѣлъ сказать—обѣтованная, поправилъ его поручикъ Ивановъ.

— Ну все равно, обѣтованная—обѣденная—это все мелочи жизни, добродушно замѣтилъ Людвигъ Ивановичъ.

— Ахъ, это сама прелесть, этотъ Людвигъ Ивановичъ! воскликнула Анна Сергѣевна.

— Да, Людвигъ Ивановичъ у насъ джигитъ. Смотрите, даже смокингъ къ обѣду напялилъ, какъ англичанинъ, проговорилъ полковникъ.

— Это онъ американкамъ хочетъ понравиться, проговорилъ Ивановъ.

— Бѣдный Людвигъ Ивановичъ, всѣ на васъ нападаютъ, сказала морячка и обдала Людвига Ивановича ласковымъ взглядомъ.

— Это все мелочи жизни, спокойно замѣтилъ Людвигъ Ивановичъ, повадился кувшинъ воду носить, все равно всю не переносить.

— Ловко, воскликнулъ полковникъ и всѣ засмѣялись.

Эта веселая, бодрая, военная компанія, отправлявшаяся въ Японію освѣжиться, насытить умъ и сердце красотами природы, набраться силы для новой скучной будничной работы въ манчжурской глуши—отлично спѣлась. Тактъ и умъ полковника руководилъ всѣми и всѣхъ держалъ въ полномъ равновѣсіи. Кокетливая, нарядная и милая Анна Сергѣевна была цвѣткомъ компаніи, за ней ухаживали, ее баловали. Ивановъ здѣсь былъ простакомъ, онъ первый разъ ѣхалъ за-границу и дѣйствительно, какъ острили надъ нимъ бывалые полковникъ и Людвигъ Ивановичъ, былъ „не джигитъ“. Да и трудно человѣку, съ десятилѣтняго возраста носившему мундиръ, вдругъ нацѣпить на себя манишку съ крахмальною грудью, заботиться о свѣжести воротничковъ, о правильно завязанномъ галстухѣ и изучать этикетъ фрака, смокинга, визитки и цвѣтныхъ жилетовъ. У Иванова въ самомъ дѣлѣ подъ низомъ были поддѣты высокіе сапоги, отчего ноги его имѣли деревянный видъ, галстухъ безпомощно спу-

скался подъ жилетъ, а сшитая китайцемъ визитка жала подъ мышками. Воротнички a l'enfant подпирали ему подбородокъ и изъ ловкаго военнаго дѣлали неуклюжаго и несуразнаго штатскаго.

— Вы здѣсь новые,—сказалъ мнѣ полковникъ,—имѣйте въ виду, Нагасаки—это нашъ Петергофъ. Наши жены, жены дальняго востока, отдыхаютъ и отогрѣваются здѣсь послѣ угрюмой Манчжуріи и скучнаго Квантуна. Здѣсь такъ много бываетъ русскихъ, что всѣ рикши, всѣ прикащики въ магазинахъ говорятъ по-русски. Вотъ дальше, за Нагасаки, мы какъ-то не любимъ ѣздить, а потому тамъ уже англійскій языкъ необходимъ. Вы надолго ѣдете въ Японію?

— На двѣ недѣли.

— Что же, дать вамъ маршрутъ? Вы пріѣдете въ Нагасаки въ пятницу днемъ. Осмотрите городъ, въ субботу съѣздите въ О-сува—къ храму бронзоваго коня, въ воскресенье на рикшахъ въ деревню Моги—это красивое мѣстечко. Въ Нагасаки вы можете остановиться въ англійскомъ Nagasaki hôtel; тамъ съ васъ возьмутъ 8 іенъ (іена—немного меньше рубля) за сутки со всѣмъ—завтракомъ, обѣдомъ и чаемъ.

— Ну вотъ,—вмѣшался Людвигъ Ивановичъ,—зачѣмъ зря тратить деньги; въ Kliff-hous'ѣ за 6 іенъ дадутъ чудное помѣщеніе.

— Или въ отелѣ „Belle vue"; тамъ говорятъ по-французски;—сказала Анна Сергѣевна.—Я всегда тамъ останавливаюсь.

— Этотъ отель не „джигитъ",—серьезно замѣтилъ Людвигъ Ивановичъ.

— Всякій хвалитъ тотъ, гдѣ онъ былъ,—проговорилъ полковникъ,—лучшее доказательство, что всѣ отели равно хороши, удобны и комфортабельны.

— Всякій куликъ на своей кочкѣ живетъ,—проговорилъ Людвигъ Ивановичъ.—Отель—это мелочи жизни.

— А гдѣ, господинъ полковникъ, покупать шелки,—спросилъ Ивановъ, котораго какъ видно, мучили дамскія порученія.

— Это вы лучше сдѣлаете въ Іокогамѣ. Слоновая кость, клуазонне и шелкъ—лучше и дешевле въ Іокогамѣ, вотъ черепаховыя издѣлія вы можете взять у Эзаки въ Нагасаки, только торгуйтесь съ нимъ.

— И шелки, и альбомы изъ слоновой кости и перламутры великолѣпны у Нагашима,—снова проговорила Анна Сергѣевна.

— Вы ихъ тамъ покупали, любезные японцы васъ очаро-

вали, вотъ онъ вамъ и понравился. А въ общемъ и у Хондая, и у другихъ и цѣны тѣ же, и товаръ тотъ же. Не обращайте вниманія на подписи prix-fixe—торгуйтесь. Японцы увидятъ въ васъ новичка и запросятъ вдвое.

— Не надуешь, не купишь, — вставилъ свою пословицу Людвигъ Ивановичъ.

— Ахъ, этотъ Людвигъ Ивановичъ, милый Людвигъ Ивановичъ,—сказала Анна Сергѣевна и мило улыбнулась молодому офицеру.

Обѣдъ кончился. Теплая погода манила на палубу. Изящная „*Манчжурія*“ шла со скоростью 14 узловъ въ часъ; черезъ 48 часовъ по отбытіи изъ Артура капитанъ надѣялся быть въ Нагасаки.

И „*Инкоу*“, на которомъ я ѣхалъ въ Чифу, и „*Манчжурія*“ меня удивили. Не русская чистота, повсюду поразительный порядокъ, быстрота хода и дешевизна. Неуклюжій доброволецъ за рейсъ до Нагасаки беретъ съ офицера 40 рублей и тащитъ двое съ половиной сутокъ, а пароходство восточно-китайской дороги за 22 р. 50 к. въ двое сутокъ доставляетъ до Японіи и развѣ можно сравнить грузовые пароходы добровольнаго флота съ новыми изящными „*Манчжуріей*“, „*Монголіей*“, „*Харбиномъ*“ и другими. И вспоминалась сама желѣзная дорога. Почему тамъ нѣтъ такихъ любезныхъ, воспитанныхъ людей, какъ нашъ капитанъ, почему тамъ дѣло не налажено, тогда какъ здѣсь можно только гордиться быстроходными уютными пароходами?

Море почти не волновалось. Ровная зыбь уходила во всѣ стороны и вспыхивала огоньками на западѣ. Солнце медленно погружалось въ морскія воды и закатъ горѣлъ узкими каемками на длинныхъ и тонкихъ облакахъ. И второй день море было также тихо и покойно, и внутри забывалось, что ѣдешь на пароходѣ. Подойдешь къ иллюминатору и тогда увидишь передъ собою ровную бѣловатую пелену морской воды, синія волны и маленькіе гребешки. Иногда на горизонтѣ появятся неправильной формы острова и голыя скалы, выдавшіяся далеко изъ воды.

— Что это? спросишь у капитана.

— Это корейскій архипелагъ, говоритъ морякъ. Если тумана не будетъ—завтра часовъ въ восемь утра вы увидите тамъ, на сѣверо-востокѣ Японію.

Всю ночь мы, однокаютники съ Ивановымъ, прислушиваемся

не гудитъ-ли сирена. Нѣтъ, все тихо, значитъ тумана нѣтъ и Японія близко.

Чуть свѣтъ мы оба наверху, оба съ биноклями въ рукахъ и съ волненіемъ въ сердцѣ...

Да и какъ не волноваться!—Японія видна...

Кобэ 9 (22) января 1902 г.

Каналъ въ Нагасаки.

XXXVII.

Нагасаки.

Нагасакская бухта.—Гора Паппенбергъ.—Медицинскій осмотръ. — На улицахъ.—Базары.—Японскія торговки.

О Японіи такъ много писали, писали прекраснаго и чуднымъ стилемъ, что, кажется, она, и особенно, Нагасаки знакомы намъ болѣе, чѣмъ Пенза, или Тамбовъ. Дерзать описывать Нагасакскую бухту послѣ того, какъ это сдѣлалъ безсмертный Гончаровъ—слишкомъ смѣло. Но красота бухты и миловидность Японіи такъ велика, что о ней всегда пріятно поговорить, какъ бываетъ пріятно говорить о красивой женщинѣ...

Солнце только что взошло, когда вдали показалась неопредѣленная береговая линія. Она не была синяя, темная, грубая, какимъ обыкновенно рисуется издали гористый берегъ, но, напротивъ, какого-то неопредѣленнаго нѣжнаго цвѣта. Справа и слѣва стали видны острова и скалы. Скалы отвѣсныя обмытыя и изъѣденныя моремъ и временемъ, самыхъ причудливыхъ формъ и сѣрозеленыхъ и синихъ тоновъ, на вершинахъ были покрыты густыми плосковерхими соснами. Вода подъ скалами была зеленая, прозрачная, густого купороснаго цвѣта. А кругомъ, блестящее синее море, такое синее, что казалось и въ стаканѣ оно должно было быть синимъ. И не мнѣ одному такъ казалось. Вонъ въ нашей русской компаніи слышенъ веселый смѣхъ. Что такое? Да Анна Сергѣевна снаивничала.

— Смотрите, какая синяя, синяя вода въ морѣ, вотъ-бы набрать бутылку, да свезти домой, воскликнула она и сейчасъ же сама разсмѣялась своимъ словамъ.—Вотъ то глупо сказала! добавила она.

Всѣ наверху, возлѣ мостика. У всѣхъ бинокли. На воздухѣ тепло. 12° R въ тѣни, а на солнцѣ пропекаетъ. Настроеніе у всѣхъ веселое, жизнерадостное, приподнятое.

А Японія, большой ея островъ Кіу-Сіу, медленно надвигается на насъ своими изрѣзанными берегами. Синее море тутъ не пустынно. Вотъ идетъ съ пѣной у носа большая трехмачтовая джонка. Прямые сѣрые паруса держатся на цѣломъ рядѣ тонкихъ бамбуковыхъ рей, у ней двѣ большія мачты посерединѣ и одна маленькая на носу вмѣсто бушприта. Ее обгоняетъ другая съ голландской оснасткой, съ двумя треугольными кливерами на носу. Японцы въ просторныхъ и длинныхъ синихъ рубахахъ съ бѣлыми буквами и головами, повязанными по-бабьи платками, тянутъ сѣти. И кругомъ паруса и лодки, точно бѣлыя птицы ходятъ по заливу. Заливъ становится тѣснѣе. Можно уже видѣть, что горы его береговъ не мертвыя. Рядъ бѣлыхъ и сѣрыхъ черточекъ словно горизонтальные штрихи перомъ покрываютъ ихъ, за черточками маленькія пятна, то желтыя, то свѣтлозеленыя, то черныя. По балкамъ нѣжная молодая зелень, такая свѣтлая и юная, какъ бываетъ зелень березъ на Троицынъ день и кое-гдѣ большія овальныя и круглыя темныя пятна.

— Это поля; говоритъ Леонидъ Петровичъ. А черточки это каменныя стѣнки, поддерживающія землю. Вся гора обработана. Свѣтлая зелень это молодая травка на снятыхъ рисовыхъ поляхъ, потемнѣе это рѣдька, а дальше заготовлены поля для

огородовъ. Зеленыя рощи это заросли бамбуковъ, а темныя пятна это лавры, криптомеріи, сосны и камеліи.

— Лавры, камеліи, бамбукъ, — крипто, крипто, какъ вы сказали полковникъ?—говоритъ Ивановъ.—Вотъ и награда за пять лѣтъ чумизы, манзъ и фэнзъ! Лавры и бамбуки!..

Одинадцать часовъ утра. Берега совсѣмъ близко. Видно, какъ голубая волна бѣлой пѣной разбивается о прибрежныя скалы и кружевомъ опоясываетъ зеленый берегъ. На берегу стоитъ маякъ и отъ него въ воду уходятъ сигналы. Мы поворачиваемъ и передъ нами входъ въ Нагасакскую бухту и знаменитый Паппенбергъ.

Я ожидалъ, что эта скала, съ которой въ концѣ XVIII столѣтія японцы свергли въ воду нѣсколько тысячъ своихъ христіанъ, будетъ выше страшнѣе, массивнѣе, но это былъ лишь маленькій островокъ, весь поросшій, какъ щетиной, густыми соснами и такой милый. Одинъ край его отвѣсно падалъ въ воду и тутъ вода была зеленая и страшно глубокая. Островъ Паппенбергъ былъ такъ умѣло, кстати, брошенъ возлѣ другого такого же маленькаго островка, что производилъ впечатлѣніе искусственно воздвигнутой для украшенія бухты скалы. Направо были горы. Но горы не прямыя, а изрѣзанныя, уходящія вглубь узкими тѣнистыми извилистыми заливами и маленькими бухтами. Густой лѣсъ лавровъ, камелій, криптомерій, громадныхъ уксусныхъ деревьевъ поросъ по склонамъ этихъ горъ и придалъ имъ пушистый, мягкій и нѣсколько причудливый видъ. Темные, словно лакомъ покрытые, листья деревьевъ образовали густой фонъ съ глубокими тѣнями и по нему, какъ громадныя свѣтло-зеленыя перья были разбросаны нѣжные листья и прямые стволы бамбуковъ. Лѣсъ не былъ дикимъ. Тропинки шли отъ бухтъ зигзагомъ въ гору и скрывались подъ зеленой листвою въ лѣсной чащѣ. Въ бухтахъ дремали лодки, развѣсивъ для просушки паруса. Маленькіе, точно игрушечные, домики были брошены тутъ и тамъ... Налѣво лѣса было меньше, берегъ ниже и положе, гряда свѣтло-зеленыхъ, исчерченыхъ стѣнками холмовъ спускалась къ песчаному мысу. Впереди Паппенберга было еще два пустынныхъ и голыхъ островка, о которые тихо плескало море. Вершины ихъ мѣстами были совсѣмъ горизонтальны и такъ прямы; что думалось мнѣ— не батареи-ли тамъ?..

И Паппенбергъ съ его зелеными соснами и сѣрыми скалами, со страшнымъ прошлымъ и радостнымъ настоящимъ, и его сосѣдъ, зеленый островокъ, и лѣсистые берега и море голу-

бое съ набѣжавшими отъ свѣжаго бриза барашками, и паруса джонокъ, сновавшихъ по всѣмъ направленіямъ, все смѣялось, улыбалось, словно хорошенькая дѣвушка, что залилась невиннымъ смѣхомъ, показывая вамъ свѣжія сочныя губы, перламутръ зубовъ и маленькій позолоченный загаромъ носъ съ розовыми прозрачными ноздрями...

Мы остановились у Паппенберга. Раздалась команда: „изъ бухты вонъ“, „якорь отдать“; съ плескомъ упалъ тяжелый якорь въ волны залива, закипѣла и стала малахитовой вода за кормой и мы остановились. Комочкомъ взлетѣлъ на фокъ санитарный флагъ и маленькій бѣлый японскій паровой катеръ, суетливо пыхтя, подбѣжалъ къ спущеннымъ съ „*Манчжуріи*“ сходнямъ.

Японцы не позволяютъ ни одному судну войти въ бухту безъ предварительнаго медицинскаго осмотра пассажировъ.

Восемь врачей въ морскихъ сюртукахъ съ золотыми пуговицами и круглыхъ фуражкахъ съ вышитою золотомъ и шелками гербомъ-кокардой быстро покончили съ пассажирами третьяго класса, повѣрили по спискамъ пассажировъ перваго и вереницей сошли на катеръ... Якорь подняли. Мы прошли мимо Паппенберга, вошли въ узкое горло бухты и, наконецъ, увидали Нагасаки.

Въ высокой, покрытой пухомъ лѣсовъ и сверкающими черточками полей и деревень, рамѣ, словно зеркало лежала голубая овальная бухта.

Если Паппенбергъ и входъ въ Нагасакскую бухту смѣялись вамъ,—то сама бухта залилась здоровымъ смѣхомъ веселья, подрумянила щеки, открыла въ нихъ пушистыя, желтенькія ямочки и сузила глазенки. Вся бухта загромождена судами. Вотъ двѣ бѣлыхъ японскихъ канонерки, вонъ громадный и стройный англійскій почтовый пароходъ „*Empress*“ тоже бѣлый, вотъ наши черные „*Монголія*“ и „*Дальній Востокъ*“ съ привѣтливо вѣющимися за кормой русскими флагами, вонъ французъ угольщикъ и угольщикъ-американецъ. А между ними сотни парусныхъ джонокъ, яхтъ и ботовъ, тысячи лодокъ съ маленькими каютами и съ разноцвѣтными флагами. Направо набережная въ садахъ съ двухъэтажными домами европейской постройки и съ невысокими соснами вдоль улицы. Большой красный трехъэтажный домъ яркимъ пятномъ выдѣлялся на набережной.

— Это „Нагасаки-отель“,—говорилъ полковникъ „Kliff-house“, повыше, Belle vue“, чуть лѣвѣе. Это кварталъ отелей и гостинницъ. Тутъ есть и „Николаевъ“ и „Дальній Востокъ“ и „Влади-

востокъ" русскіе трактиры, и американскіе бары, и англійскія и французскія пивныя.

За набережной шли зеленыя горы и въ этихъ зеленыхъ горахъ между громадными стволами точно игрушки были брошены бѣлые дома, католическая церковь, и дачи. Прямо въ плоской долинѣ, лабиринтомъ сѣрыхъ черепичатыхъ крышъ раскинулось Нагасаки. Кое-гдѣ на общемъ сѣромъ фонѣ сверкалъ зеленью садъ или громадное дерево темнозеленой купой закрывало цѣлый кварталъ сѣрыхъ домовъ.

Вершины горъ были причудливо изрѣзаны. То вдругъ совершенно круглымъ куполомъ, густо поросшимъ соснами выдвинулась скала, словно другой Паппенбергъ, Паппенбергъ среди гребней горъ, то ровный столъ, то пики. Глубокія долины далеко вдались въ горы, тамъ видны поля, лѣса перистыхъ бамбуковъ и темная зелень лавровъ.

Не знаешь куда смотрѣть? Море прекрасно, горы ласкаютъ глазъ, лѣса, сливающіеся съ синимъ небомъ, очаровательны. Ни Ялта съ ея безподобнымъ заливомъ и синѣющимъ въ небѣ Ай-Петри, ни Гурзуфъ съ косматой Медвѣдь-горою не могутъ сравниться съ чарующей прелестью Нагасаки.

Едва мы стали, палуба наполнилась японцами. Они бѣгали среди пассажировъ, приглашая въ свои лодки; комиссіонеры отелей выхваляли гостинницы. Гиды совали карточки въ руки. Мы съ Ивановымъ сдали вещи первому попавшемуся японцу, спустились въ лодку и поѣхали къ берегу.

На берегу бѣгло, по джентльменски осмотрѣла наши вещи таможня, мы сѣли на рикшъ, одѣтыхъ въ синія рубашки съ широкими рукавами и узкіе полотняные рейтузы, въ соломенныхъ сандаліяхъ на ногахъ и съ большими бѣлыми шляпами грибомъ на головахъ и понеслись по набережной къ Kliff-house отелю.

Черезъ четверть часа мы уже бродили по улицамъ, останавливались у магазиновъ, ахали, глядя на чудеса, въ нихъ выставленныя, еще болѣе ахали, узнавая цѣну на эти чудеса, любовались на каменныя стѣны, поддерживающія горы и увитыя плющемъ, цвѣтущими розами и ползучими нѣжными травками.

— Ахъ, какъ это красиво! восклицалъ Ивановъ, вѣдь это пальмы! Боже мой, пальмы въ три сажени роста и прямо въ грунту; я помню, я видалъ въ Ботаническомъ саду, тамъ гораздо меньше... А это мандарины... Да, мандарины на деревьяхъ, и сколько ихъ!.. Глядите, камелія, ей Богу, камелія въ цвѣтахъ!

Нагасаки узкими чистыми шоссированными улицами убѣгало

къ горамъ. У выхода въ бухту были домà европейцевъ. Они тонули въ зелени садовъ, между которыхъ вились мощеные плитами переулки. За каналомъ былъ японскій городъ. Тутъ только по набережной были солидные каменные и двухъ этажные дома пароходныхъ конторъ и банковъ, дальше маленькіе деревянные двухъ-этажные домики японской архитектуры, домики, состоящіе изъ ряда столбовъ, между которыми вдвинуты рамы съ бумажными, или стеклянными окнами. Чѣмъ дальше углубляешься въ тѣсныя улицы—тѣмъ меньше, легче и игрушечнѣе становятся дома, меньше стеколъ, больше бумаги, улицы уже и грязнѣе. То и дѣло переходишь солидные каменные или легкіе желѣзные мосты, пересѣкающіе каналы, идущіе къ морю. Въ широкихъ каналахъ множество лодокъ, „фуне“ съ крошечными каютами и глупымъ китайскимъ весломъ сзади, въ узкихъ—одна вонючая, илистая грязь, берега, поросшіе ползучими растеніями, да дома, подошедшіе прямо къ набережной.

На улицахъ оживленіе. Покрикивая бѣгутъ синіе рикши, бѣжитъ почтальонъ, разнося письма, одѣтый какъ обезьяна въ циркѣ, проходятъ носильщики и характерно стуча сапогами-скамеечками бродятъ японцы и японки.

Среди японокъ много миловидныхъ лицъ. Всѣ онѣ незамѣтно подмазаны и зубы, если не вычернены,—то сверкаютъ перламутромъ; волосы склеены въ характерную японскую прическу, подшпилены булавками, или цвѣтами и густо намазаны. Но блескъ ихъ волосъ и ихъ кокетливая подмалевка не противны, какъ у китаянокъ, а ихъ халаты, завязанные широкимъ поясомъ съ пышнымъ бантомъ назади, изящны и легки. Большинство одѣты въ сѣрые киримоны, только нѣкоторыя имѣютъ пестрые богатые шарфы съ расшитымъ мѣшкомъ за спиною. Но японки мелкорослы, обыкновенная европейская женщина на голову выше женщины японки. Вы видите японскихъ женщинъ въ магазинахъ торгующими, или сидящими дружной семьей на полу, на соломенномъ матѣ за низенькимъ столикомъ и работающихъ что либо. При видѣ васъ онѣ поднимутъ голову, привѣтливо вамъ улыбнутся и, если это на базарѣ то милымъ и нѣжнымъ голосомъ скажутъ по-русски, „покупайте пожалуйста!—пожалуйста покупайте“. Онѣ поймаютъ вашу руку своей маленькой пухлой ручкой, пожмутъ ее, заиграютъ съ вами, какъ играетъ котенокъ съ клубкомъ бумаги, ослѣпятъ улыбкой, изъ которой сверкнутъ бѣленькіе ровные зубки и вы чувствуете, что теряете почву подъ ногами.

Передъ вами неотступно носится образъ граціозной madame Chryzantème, созданный фантазіей Пьера Лоти и вы не видите, что головка немного велика по туловищу, а корпусъ длиненъ по ногамъ, что все таки глаза косые, носъ пуговкой и скулы раздвинуты, какъ у бурятокъ или какъ у китаянокъ. Красота создана прической, причудливымъ костюмомъ, который только намекаетъ, но ничего не даетъ, да... вашей фантазіей. Японка далеко не красива. Поставьте самую красивую японскую головку на европейскій бюстъ, придайте ей неподвижность нашего лица и это будетъ заурядная „калмыковатая“ брюнетка: Но японки такъ граціозны, такъ часто и кокетливо улыбаются, такъ женственны и милы, что въ концѣ концовъ, онѣ очаровательны.

Въ толпѣ проходятъ школьники и школьницы, снуютъ газетчики съ свѣжими новостями. Очень рѣдко, шелестя соломеннымъ башмакомъ, одѣтымъ на копыто, проходитъ вьючная или запряженная въ телѣгу лошадь. А! Японская лошадь! Вы вспоминаете заботы парламента о поставкѣ лошадей въ армію (нужно до 7,000 на дивизію), законъ объ обязательномъ холощеніи въ деревняхъ жеребцовъ, нужды всякой арміи въ лошадяхъ для обозовъ и артиллеріи и вы останавливаетесь. *)

Боже мой—это лошадь! Морда касается земли. Она точно такъ устала, что готова упасть и нюхаетъ землю. Тонкая косматая шея поднимается прямою линіей къ высокой холкѣ, грудь... Но груди нѣтъ Мы долго искали съ Ивановымъ этихъ красивыхъ блестящихъ выпуклостей и не нашли. Плечо касалось плеча. Животъ распертый рисовой соломой полушаромъ виситъ внизъ, а безобразныя ноги едва волочатся. На спинѣ положенъ грузъ, который и не сильному человѣку оказался бы по силамъ... Ни красоты, ни благородства во взорѣ, ни энергіи, заражающей человѣка и дѣлающей его способнымъ на подвиги, ни силы, ни изящества, ни граціи—ничего не было въ этомъ животномъ, носящемъ названіе лошади только потому, что у него четыре ноги и на каждой ногѣ по одному копыту.

Лавки и японскіе трактиры напомнили мнѣ китайскія лавки и чофаны. Только вони почти не было и японскія печенья были такъ чисто приготовлены и такъ аппетитно выглядѣли, что ихъ

---

*) На-дняхъ въ парламентѣ обнародованъ законъ, по которому каждый японецъ, имѣющій жеребца, обязанъ выхолостить его. Насколько удобенъ этотъ законъ въ деревняхъ можно видѣть изъ того, что я почти не видалъ мериновъ.

хотѣлось съѣсть, да ихъ и можно ѣсть. Много было рыбныхъ лавокъ, зеленныхъ, гдѣ лежала громадная рѣдька, морковь, крупная и сочная рѣдиска, великолѣпный картофель, сушеныя каки, свѣтло-желтые папельмусы и ярко-желтые миканы. Папельмусъ это громадный лимонъ съ толстой волокнистой кожей и ломтями съ большими костями внутри. Ѣсть его можно, только очищая отъ кожи каждый ломтикъ, онъ очень сочень, кислъ и слегка горьковатъ. Миканъ — это мандаринъ. Но не тотъ сухой мандаринъ, съ массой костей, который вы имѣете въ Петербургѣ, а нѣжный сочный фруктъ, безъ единой косточки, сладкій и ароматный. На 10 копѣекъ можно получить, смотря по качеству отъ 5—30 микановъ, и тѣ, которые будутъ стоить 3 копѣйки десятокъ, — будутъ лучше 2-хъ-рублевыхъ Петербургскихъ.

Лавки расположились улицами и даже кварталами. Здѣсь, зеленныя, немного подальше мясныя, гдѣ гирляндами висятъ ярко-красные и сине-зеленые фазаны, еще дальше продаютъ матеріи, сшитые кимоно, дѣлаютъ и продаютъ рѣзные изъ дерева ящики, рамки, модели японскихъ домиковъ, еще дальше шелка и вышивки, перламутръ и кость, черепахи и клуазонне.

Лучшіе магазины начинаются за каналомъ въ улицѣ Мегасаки, затѣмъ занимаютъ цѣлую улицу, идущую параллельно набережной мимо почты. Здѣсь глаза разбѣгаются и умъ мутится отъ роскоши выставленныхъ вещей. Мимо, мимо нихъ! Не глядѣть на эти ширмы, портсигары и альбомы — все равно не купить и не привезти ихъ, да и не къ лицу они въ офицерской квартирѣ.

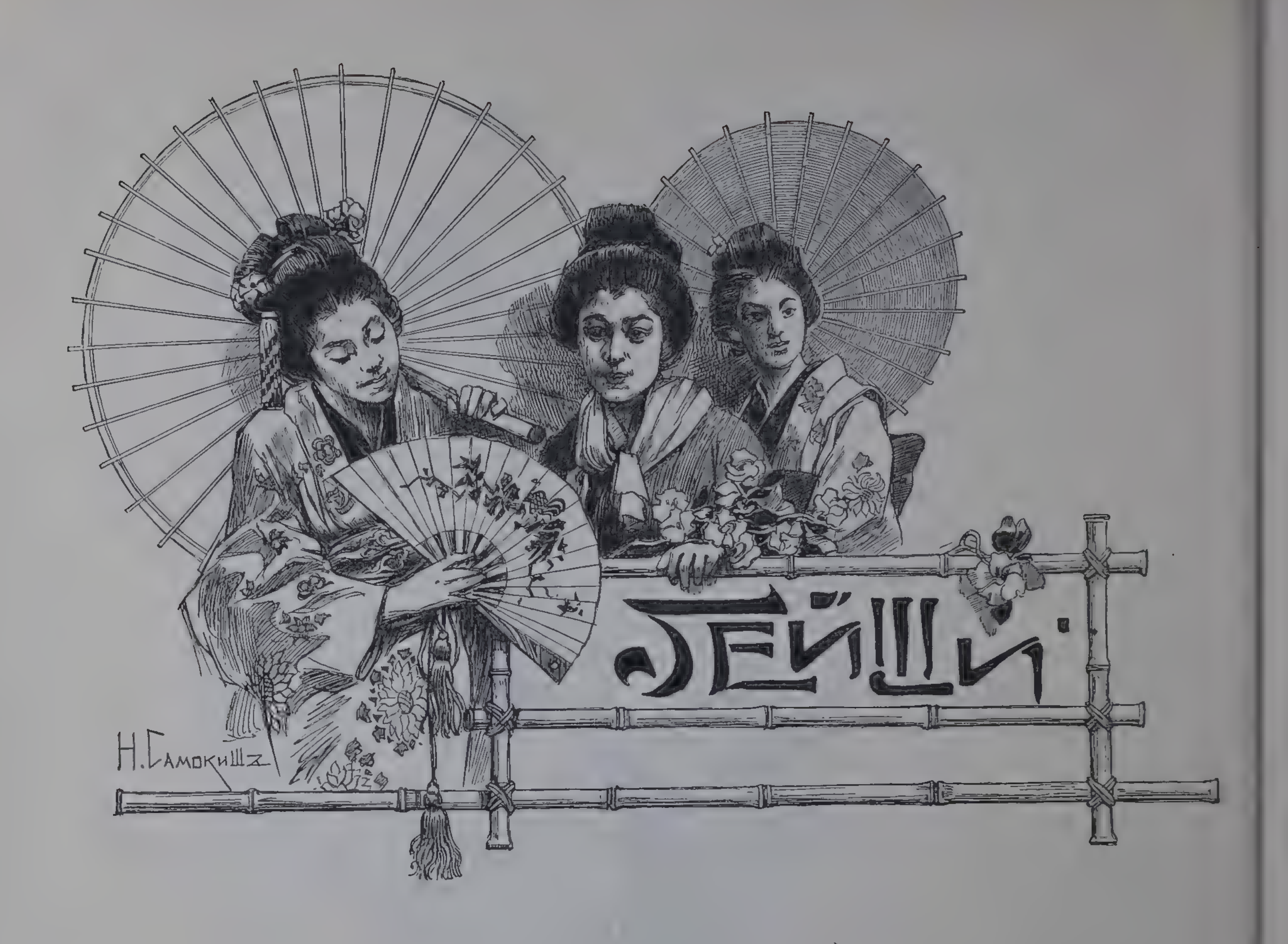
Но Иванова тянетъ къ этимъ лавкамъ, вѣдь у него тамъ, въ Россіи, есть, можетъ быть, невѣста, для нея надо купить что нибудь и онъ прицѣнивается къ вышитымъ шелками одѣяламъ, стоимостью отъ 50—300 рублей и къ альбомамъ изъ слоновой кости отъ 5—100 рублей и другимъ японскимъ прелестямъ. А когда онъ попалъ на базаръ, въ лабиринтъ ларей, установленныхъ, какъ у насъ на вербахъ, издѣліями японскихъ кустарей, когда миловидныя японскія торговки обступили его съ возгласами — „покупайте пожалуйста“ — онъ потерялъ совсѣмъ самообладаніе и сталъ покупать и почтовую бумагу изъ деревянныхъ стружекъ, на которой нельзя писать, и ящики изъ дерева, и шелковые платки, и рамки изъ лака съ слоновой костью, и карточки японокъ и черезъ полчаса былъ такъ нагруженъ, что еле могъ нести покупки. Японки, видя расточительность моего товарища, ворожили его прелестными улыбками, тормошили, тянули въ свою

сторону и маленькими пальчиками переворачивали всѣ товары своихъ ларей. Я насилу увелъ его. На улицѣ онъ остановился противъ меня и воскликнулъ!

— „Ахъ, какія онѣ милыя! Знаете что! Поѣдемъ слушать и смотрѣть гейшъ! Право поѣдемъ".

Я согласился. Мы наскоро пообѣдали въ холодной dining-room'ѣ „Kliff-house'a" и послали за рикшами, говорящими по-русски.

Кобэ. 10 января 1902 г.



XXXVIII.

Гейши.

Поѣздка къ гейшамъ.—Въ кварталѣ—чайныхъ домовъ.—Дѣти гейши.—Гейши.—Танецъ гейшъ.

Ночь была теплая, лунная, свѣтлая. Плиты мостовой переулка, спускавшагося къ морю, каменные заборы садовъ, пальмы, камелiи и лавры, все было залито луннымъ свѣтомъ и носило какой-то таинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ и страстный отпечатокъ. Рикши, плутоватые, развращенные европейцами японцы, ожидали насъ, читая газету подъ подъѣздомъ гостинницы и повѣсивъ длинные овальные бумажные фонари съ нумеромъ на оглобли колясокъ.

— Коляска, капитанъ! привѣтствовали они насъ.—Куда везти?

— Гейша—вразумительно сказалъ Ивановъ,

— Гейша—повторилъ одинъ изъ рикшъ и вопросительно посмотрѣлъ на товарища.

— Гейша—сказалъ старый рикша и посмотрѣлъ на меня.

— Танцы, пояснилъ я, танцы и пѣніе.

— Театръ,—подхватили оба,—японскій театръ?

— Нѣтъ. Дѣвушки танцуютъ.

— А, понимаю.

Они подняли оглобли и осторожно начали спускать телѣжки съ горы.

Мы переѣхали черезъ мостъ и помчались по торговымъ улицамъ Нагасаки. Не смотря на поздній вечеръ они были оживлены еще болѣе, чѣмъ днемъ. Всѣ магазины, лавки и базары были открыты. Электрическія и керосиновыя лампы ярко освѣщали ихъ внутренность и проливали свѣтъ и въ узкія улицы. Повсюду виднѣлись большіе яйцевидные фонари рикшъ, то стоявшіе цѣлой линіей въ одномъ мѣстѣ, то приближавшіеся, то удалявшіеся. Выложенные сѣрыми камнями и поросшіе плющемъ откосы горъ съ большими деревьями густыхъ садовъ были при лунномъ свѣтѣ похожи на декорацію волшебнаго балета, на картину, на что-то сказочное, невозможное на яву, на красивую грезу. Толпа японцевъ, щелкая деревянными сандаліями, шутя и смѣясь ходила по улицамъ. Слышался женскій смѣхъ и говоръ. Гейши, нарумяненныя и разодѣтыя, катили на рикшахъ куда нибудь на званый вечеръ или на балъ.

Мы свернули въ узкую и темную, освѣщенную лишь луною набережную канала, потомъ въ переулокъ и стали подниматься на гору. Здѣсь въ полутемной улицѣ начали часто попадаться парочки японцевъ; изъ-за сквозныхъ стѣнъ домовъ слышались звуки струнныхъ инструментовъ и нескладное унылое женское пѣніе. Мы были въ кварталѣ чайныхъ домовъ.

Рикши остановились у каменнаго подъѣзда, обвитаго плющемъ и ярко озареннаго луною.

Мы поднялись на три ступеньки и попали въ маленькій садъ, усыпанный гравіемъ съ небольшими причудливыми деревьями. Прямо передъ нами былъ домъ, гдѣ насъ встрѣтилъ малый, лѣтъ шестнадцати, болтавшій кое-что по-русски. Мы сказали ему, что желаемъ послушать гейшъ. Онъ повелъ насъ по деревянной лѣстницѣ наверхъ, привелъ въ совершенно пустую

комнату, освѣщенную двумя электрическими лампочками и сплошь устланную соломенными циновками.

— Подожди 10 минутъ,—сказалъ онъ.

— Хорошо, отвѣчали мы.

Малый отодвинулъ деревянную раму, изображавшую въ одно и тоже время и окно, и стѣну дома, и намъ открылся чудный видъ на Нагасаки, на рейдъ съ многими огнями, на небо, озаренное волшебнымъ блескомъ луны. Сосѣдніе дома были освѣщены и со всѣхъ угловъ неслась нескладная дикая пѣсня, треньканіе струнъ и гулъ барабанчиковъ. Но эта музыка намъ нравилась. Она гармонировала съ луною и видомъ своеобразнаго города, гармонировала съ непрерывнымъ щелканіемъ деревянныхъ сандалій, длинными кимоно съ широкими рукавами, словомъ со всѣмъ укладомъ японской жизни.

По лѣстницѣ поднялись двѣ японки въ простыхъ сѣрыхъ халатахъ, онѣ подошли къ намъ особенной японской походкой, на слегка согнутыхъ ногахъ и положили двѣ квадратныя мягкія подушки. Мы усѣлись на полу, на подушкахъ, въ глупой и неудобной позѣ. Одна женщина помоложе осталась съ нами, другая ушла и возвратилась съ деревяннымъ подносомъ съ чашками блѣднаго японскаго чая, съ блюдомъ микановъ и сушеныхъ „какъ". Пришелъ малый и заявилъ, что гейши сейчасъ придутъ. Внизу послышалось движеніе, голоса, къ намъ поднялась пожилая не накрашенная японка съ сухимъ выраженіемъ лица и длиннымъ горбатымъ носомъ. У ней было въ рукахъ нѣкоторое подобіе гитары съ круглой декой, за нею вошли двѣ разодѣтыя въ пестрые кимоно дѣвочки лѣтъ 8-ми или 9-ти. Глаза у нихъ заспанные, лица выражали одно желаніе спать и были безобразны своею подмалевкою. Онѣ прошли неуклюжею походкой къ намъ и сѣли противъ насъ, какъ два бухана.

— Гдѣ же гейши?, спросилъ я у малаго,—нахально курившаго папиросу.

— А вотъ онѣ, гейши. Маленькія гейши, невозмутимо отвѣчалъ малый.—Большія гейши заняты, маленькія лучше танцуютъ.

Дѣвочки невозмутимо сидѣли на полу и только глазами моргали.

— Дайте намъ большихъ гейшъ! Красивыхъ гейшъ! вразумительно сказалъ Ивановъ и потрясъ малаго за воротникъ кимоно.

— Сейчасъ,—проговорилъ малый и спустился по лѣстницѣ. Мы остались одни съ дамами и дѣвочками. Пожилая настраивала

свой трехъ-струнный инструментъ, молодая ласково заглядывала мнѣ въ глаза, и маленькой пухлой ручкой гладила по моей жесткой загорѣлой рукѣ. „Бурханчики“ въ пестрыхъ халатахъ невозмутимо хлопали глазами, какъ будто-бы дѣло ихъ и не касалось. Прошло минутъ десять. Молодая японка очистила намъ по микану, мы съѣли ихъ, проглотили чай, съѣли по какѣ. Наконецъ, послышались шаги, пришелъ пожилой японецъ, тоже немного говорящій по-русски.

— Здѣсь нѣтъ большихъ гейшъ, а только маленькія, заговорилъ онъ, потягивая со свистомъ воздухъ между зубами. Иссъ— маленькія гейши лучше большихъ. Надо идти къ моему брату, у него есть большія гейши. Сколько надо?

— Сколько?—Мы сами не знали сколько.

— Двѣ поютъ, двѣ танцуютъ хорошо?

— Отлично, только давайте ихъ намъ скорѣе.

— Сейчасъ. Надо идти въ другой домъ.

Мы встали, но тутъ малый сталъ съ насъ требовать 2 іены (почти 2 рубля) за угощеніе.

— Два рубля за крошечную чашку чая и пару микановъ. Да вы ошалѣли! возмутился Ивановъ, бросилъ рубль мальчишкѣ и сталъ спускаться. Мальчишка не протестовалъ, но пошелъ за нами. Мы вышли въ узкій грязный переулокъ, прошли мимо храма, спрятавшагося на горѣ въ густомъ саду, свернули въ другой переулокъ и вошли въ маленькій домъ. Опять пустая комната, циновки, подушки, только вмѣсто электричества двѣ высокія керосиновыя лампы, поставленныя на полъ. Подали неизбѣжный чай, миканы, каки.

— Придутъ четыре гейши: двѣ пѣть, двѣ играть, за одинъ часъ по двѣ іены каждой, это лучшія гейши, объявилъ намъ взрослый японецъ. Мы согласились.

Ждать пришлось долго. Пришла старая японка съ гитарой и та молодая, что гладила мнѣ руку—это пѣвица и музыкантша. Онѣ тихо говорили между собою, молодая бросала кокетливые взгляды на Иванова, но Ивановъ былъ мраченъ. Наконецъ внизу послышались женскіе голоса, шуршаніе шелка, капризныя нотки слышались въ разговорѣ, видно было, что шли избалованныя артистки.

Еще минута и къ намъ вошли двѣ миловидныя японки, въ пестрыхъ тканыхъ киримонахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ и съ цвѣтами въ волосахъ—это были гейши.

Онѣ поклонились намъ и сѣли противъ насъ, какъ будто хотѣли дать намъ посмотрѣть на себя.

Пестрые халаты, надѣтые на нихъ, прическа, широкіе рукава, банты сзади, нарумяненныя щечки и губки, и быстрые взгляды красивыхъ черныхъ глазъ дѣйствовали на настроеніе и гейши намъ понравились. Одна изъ нихъ вынула изъ широкаго рукава тонкую бумажку, и завернула въ нее мандаринъ, вычистила его и съѣла. Потомъ онъ что-то сказала музыкантшѣ, подруга ея сѣла въ уголъ подлѣ Иванова, сама гейша встала, повернулась къ намъ спиною, покопошилась и когда обернулась къ намъ, хорошенькое личико ея было закрыто безобразной бѣлой маской младенца.

Началась музыка и пѣніе. Музыка медленная и тихая, пѣніе тоже однообразное, монотонное. Иногда къ пѣвицѣ присоединялась другая гейша, голоса ихъ то сливались, то расходились врозь, опять сходились, переплетаясь, одна переставала пѣть, другая начинала. Тутъ была какая-то мелодія, эта мелодія давала извѣстное настроеніе, она не вызывала ни думъ, ни образовъ, какъ европейская музыка, но погружала мозги въ какое-то оцѣпенѣніе. А гейша въ маскѣ танцовала. Впрочемъ назвать танцами ея движеніе нельзя. Она ходила подъ музыку, дѣлала жесты, кивала головой, наклоняла голову, поднимала ее... Танецъ былъ нескладенъ, маска уничтожала всякую иллюзію танца, было непріятно смотрѣть на нее. По счастію онъ скоро кончился. Начался антрактъ. Гейши усѣлись противъ насъ и молча улыбались.

Вотъ онѣ встали и начали танецъ вдвоемъ. Это тоже не танецъ, скорѣе мимическая сцена съ разговоромъ, рукопожатіями и присѣданіями. То обѣ гейши идутъ вмѣстѣ, сгибая колѣни, то быстро обернутся, то присядутъ. Глаза улыбаются, смѣются, лица веселыя, жесты граціозные. Это двѣ молодыхъ кошечки играютъ съ клубкомъ, каждый жестъ рукъ, движеніе корпуса, головы элегантны, но ноги, со сдвинутыми во внутрь носками, съ согнутыми колѣнями, при полномъ отсутствіи пуантовъ—не хороши. Танецъ медленъ. Страсти онъ ничего не говоритъ. Халатъ ни разу не обнажитъ ноги, не покажетъ ни колѣна, ни бедра. Отъ руки видна одна кисть, грудь закрыта нѣсколькими слоями матерій. Нѣкоторыя движенія напоминаютъ походку китайскихъ жрецовъ, во время богослуженія, иныя шаловливый арабскій danse du ventre...

Гейши кончили танецъ. Хорошенькія кошечки бросили клубокъ и усѣлись, граціозно облизывая лапку и умываясь. Да

женщины-ли это? Эти два маленькія существа въ пестрыхъ халатахъ съ розовыми щечками и пунцовыми губками? Слишкомъ мелки онѣ, слишкомъ закутаны въ матеріи.

Гейши снова встали. Онѣ достали по длинной бѣлой лентѣ и начали играть съ ними, то обвиваясь спиралью, то переплетая ленты, то заставляя ихъ бѣгать, какъ змѣи. И на фонѣ этихъ движущихся лентъ ихъ миловидныя лица, ихъ пестрые станы граціозно извивающіеся, маленькія ручки, мелькающія передъ глазами, были красивы.

Танецъ кончили. Потомъ разыграли еще одинъ танецъ и начали собираться домой. На прощанье онѣ намъ дали маленькія изящныя визитныя карточки съ японской виньеткой и надписью по-французски и по-японски. Одну звали Матуко, другую Вакайакко.

Во все время танца играла музыка и раздавалось пѣніе. Иногда и танцующія гейши пѣли одну, двѣ фразы и потомъ умолкали. Голоса гейшъ были рѣзче монотоннаго слегка глухого пѣнія пѣвицы и на минуту покрывали его. Музыка и пѣніе не услаждали слуха, но они и не надоѣдали. Уши не болѣли. Вы чувствовали, что васъ убаюкиваетъ, усыпляетъ, вы смотрѣли плавныя движенія пестрыхъ гейшъ и вамъ казалось, что вы спите и что это греза—эти хорошенькія головки, несуразно сложенныя женщины и ихъ медленный танецъ, танецъ ногъ, рукъ, головы, корпуса—всего тѣла. И тотъ лихой танецъ, который исполняетъ г-жа Тонская въ Гейшѣ подъ бравурный мотивъ „джонъ кина“ и тѣ плавныя граціозныя движенія, которыя дѣлала г-жа Стоянъ, исполняя роль Мимозы Санъ, ничего общаго не имѣютъ съ кошачьими заигрываніями настоящихъ японскихъ гейшъ.

Ивановъ вышелъ задумчивый. Онъ, да и я, мы не того ожидали. Мы ожидали страсти, быстрыхъ движеній, опьяненія. Но гейши только пѣвицы и танцовщицы. Лоти приписываетъ имъ качества, которыхъ у нихъ нѣтъ. Онѣ ласковы, женственны, но онѣ спокойны. Онѣ приноровлены къ мало-думу-японцу, который медленно воспринимаетъ, туго схватываетъ. Танецъ гейшъ—танецъ Азіи, танецъ востока, гдѣ всегда и вездѣ царили лѣнь и нѣга. И лѣнь и нѣга востока, смѣшавшись съ причудливостью японца, создали характерный танецъ знаменитыхъ гейшъ.

Въ Европѣ разно и по большей части превратно думаютъ о гейшахъ Японіи. Гейша—артистка прежде всего. Она танцовщица или пѣвица, но чаще танцовщица. Съ дѣтства она прохо-

дитъ *серъёзную школу* танцевъ и искусство нравиться. Хорошая гейша умна, образована и воспитана. Гейшъ зовутъ на парадные обѣды и вечера въ *семейные* дома, чтобы онѣ украшали вечеръ красотой, умѣньемъ вести разговоръ, а потомъ игрою и танцами. Но, какъ у насъ артистки бываютъ разныя, такъ и въ Японіи гейши не одинаковы. Есть гейши Савины, Мравины, Преображенскія, Кшесинскія--артистки для искусства и есть гейши чайныхъ домовъ. Японцы ихъ не называютъ артистками—*гейшами*, а просто *мусмэ*, что значитъ—дѣвушка. Мы видали настоящихъ гейшъ, правда не самыхъ блестящихъ. Гейши, становящіяся жрицами любви не пользуются въ Японіи ни почетомъ ни почетнымъ именемъ гейши.

Лыбопытнѣе всего, что мотивъ джонъ-кина придуманъ для европейцевъ и японцы увѣрены, что это англійскій мотивъ, тогда какъ въ Европѣ онъ преподносится за японскій. Японскіе мотивы тягучи и спокойно—усыпительно страстны.

Мы возвращались домой въ двѣнадцатомъ часу ночи. Магазины только, только запирались. Улицы были полны шумнаго и бойкаго движенія.

Ивановъ былъ задумчивъ.

— А всетаки хорошо, сказалъ онъ.—Оригинально хорошо. Мы этого не видѣли. Это намъ снилось... Мнѣ не жаль нашихъ десяти іенъ. Одинъ разъ это стоитъ посмотрѣть.

И онъ былъ правъ. Одинъ разъ—pas plus...

Паркъ возлѣ храма О-сува.

XXXIX

Окрестности Нагасаки.

Храмъ О-сува.—Видъ съ горъ на Нагасаки.—Японскій храмъ.—Поѣздка въ д. Моги.—Окрестности Нагасаки.

На другой день послѣ посѣщенія гейшъ, Ивановъ поднялся рано. Я еще писалъ при одинокой свѣчѣ, когда онъ, ворча, завязывалъ петлею свой галстухъ.

— Чортъ знаетъ что такое!—бормоталъ онъ,—эти мнѣ писатели, скоропанденты разные. Ѣдутъ путешествовать, а сами въ этакое чудное утро сидятъ и строчатъ всякій вздоръ. И онъ распахнулъ ставни.

Утро, дѣйствительно, было чудное. Солнце еще не вышло изъ-за горъ, но сады и гостинницы уже тонули въ золотистой

дымкѣ, и на улицѣ слышалось шлепаніе соломенныхъ сандалій. Совсѣмъ не писалось.

— Ну не ворчите, не ворчите, дорогой мой, — проговорилъ я, бросая перо. — Куда же мы поѣдемъ? Что смотрѣть, откуда? Для чего? Чѣмъ заинтересовать читателя?

— Онъ еще спрашиваетъ!— воскликнулъ Ивановъ, — этакій право!... вы кавалеристъ?

— Кавалеристъ, — отвѣчалъ я, не понимая къ чему онъ клонитъ.

— Ну-съ, а въ Нагасаки есть храмъ бронзоваго коня. Храмъ лошади! Понимаете: намъ, какъ кавалеристамъ, надо поѣхать и помолиться въ этомъ храмѣ.

— А что вы скажете вашему батюшкѣ на исповѣди, когда придется покаяться что вы ѣздили молиться языческому богу, — замѣтилъ я, любуясь его неподдѣльнымъ восторгомъ.

— Боже мой, да, вѣдь, это не языческій, во первыхъ, а Конфуціанскій храмъ, а во вторыхъ, я только поѣду умилиться душою, что вотъ де лошадь и для нея храмъ,—оправдывался Ивановъ.

— Да говорятъ не интересно,—нарочно подзадоривалъ я его.

— Это вамъ-то, писателю, да не интересно! Вы должны все видѣть и все описать.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ. Россія дошла до Великаго Океана, появились войска въ Сибири, во Владивостокѣ, на Квантунѣ, появились и офицеры. Теперь вѣкъ не тотъ, одной водкой не проживешь, есть и другія потребности. На дальнемъ востокѣ книгъ еще мало, свѣдѣнія не ахти какія, въ Россію не скоро попадешь, одна надежда у насъ, одно очарованіе, либо съ винтовкой въ тайгѣ пропадать, либо туда, туда, wo die Zitronen blühen, какъ я. Пріѣдешь въ Японію и не знаешь куда сунуться, что смотрѣть— вотъ вы бы и написали.

— Что же путеводитель составлять? Русскимъ Бедекэромъ быть? Нѣтъ, ужъ увольте.

— А почему-бы,—сконфуженно сказалъ Ивановъ.—Ну хотя-бы маршрутъ дней на двадцать росписали. Все можетъ быть, мы, манчжурцы, и воспользовались-бы имъ иной разъ и спасибо сказали-бы.

— Маршрутъ вамъ далъ полковникъ,—возразилъ я.

— А вы запишите.

— Хорошо, запишу. Это можно.

Тѣмъ временемъ Ивановъ покончилъ съ непокорнымъ галстухомъ, напялилъ на себя жилетъ и визитку и вопросительно посмотрѣлъ на меня.

Мы одѣли шляпы и вышли на улицу. Рикши насъ ожидали.

— „Храмъ коня"!—скомандовалъ Ивановъ, но рикши не поняли его.

— „О-Сува",—сказалъ я и мы помчались по набережной къ японской части города.

Было прохладно. Утренняя свѣжесть была разлита надъ городомъ. Пахло моремъ, гнилымъ иломъ, помоями. На улицахъ уже было движеніе. Японскіе гимназисты въ сѣрыхъ кимоно и форменныхъ фуражкахъ шли гурьбою, неся завернутыя въ платокъ книжки. Газетчики бѣгомъ разносили свѣжіе номера. Хлопотливыя хозяйки съ корзинами изъ бамбуковой соломы спѣшили на рынокъ.

Мы поднимались въ городъ мимо кладбища, расположившагося на горѣ, въ густой тѣни. Съ каменной стѣны, поддерживавшей горный склонъ, спускался плющъ, нѣжная ползучая травка и пышныя блѣднорозовыя розы росли изъ расщелины между камней.

— Смотрите-ка, розы въ январѣ,—крикнулъ мнѣ со своего рикши Ивановъ.

Противъ стѣны были цвѣточныя лавки; японцы, а больше японки продавали срѣзанные нарцисы, красную ромашку и пучки зеленыхъ вѣтвей. Японцы любятъ ставить на могилы близкихъ людей цвѣты и свѣжую зелень. Не знаю, символъ это, или обрядъ, или просто прирожденная любовь къ цвѣтамъ, но только на всѣхъ кладбищахъ Японіи я видалъ возлѣ стоймя поставленныхъ могильныхъ плитъ глиняные, маіоликовые или бамбуковые стаканчики и въ нихъ въ водѣ пучекъ цвѣтущихъ нарциссовъ, или вѣточку лимона, туйи, или кипариса. И также какъ китайцы—японцы умѣло выбираютъ мѣстами для храмовъ такія мѣстѣ, гдѣ сама природа невольно заставляетъ воскликнуть—„дивны дѣла Твои, Господи!"

Но вотъ и О-сува,—покровитель Нагасаки, храмъ бронзоваго коня.

Широкія деревянныя простыя и некрашенныя ворота, съ поднятыми концами поперечнаго бруса, вели къ каменной лѣстницѣ, подымавшейся на гору. Гора, покрытая густою листвою большихъ деревьевъ и кустарниковъ, уходила высоко въ небо. Мы поднялись по лѣстницѣ до одной площадки, поднялись еще

выше и остановились. Передъ нами была площадь, мощеная каменными плитами, на которой стояли зеленыя мѣдныя урны жертвенниковъ и грубо сдѣланное изображеніе лошади, съ разставленными ногами, большою и безобразною головою, прямыми бабками и копытами стаканчикомъ. Изображеніе было вышиною аршинъ 12 вершковъ. Мы остановились возлѣ коня.

— Неважно, — проговорилъ Ивановъ, — ваять, такъ слѣдовало ваять, какъ слѣдуетъ; наши Клодтовскія статуи на Аничковомъ мосту покрасивѣе сдѣланы и были-бы болѣе достойны подъ сѣдло здѣшняго бога.

Въ углахъ площадки, на каменныхъ пьедесталахъ, были поставлены двѣ береговыя стальныя бомбы — трофей войны съ Китаемъ.

Кругомъ площадки была зелень кустовъ и деревьевъ. Влѣво, на обширномъ лугу, играли въ мячъ японскія дѣвочки, и тутъ-же пріютился чистенькій японскій чайный домикъ, съ бумажными рамами, столярной работы стѣнами и полами, сверкающими циновками, маленькими столиками и хорошенькими японками въ пышныхъ халатахъ. Увидавъ насъ, онѣ покинули свои игрушечные домики и вышли навстрѣчу.

— Чай, пожалуйста, лимонадъ, пиво, — заговорили онѣ по-русски.

— Этакая прелесть,—воскликнулъ Ивановъ,—значитъ, русскіе здѣсь бываютъ, научили, кругомъ русскіе, то-то англичанамъ, должно быть, тутъ тошно.

И какъ-бы въ опроверженіе его словъ и въ доказательство того, что англичанамъ нигдѣ не тошно, эти-же японки, видя, что мы къ нимъ не идемъ, заговорили еще нѣжнѣе:

— Ти, тзэ биръ, лемонадъ плійзъ.

Ивановъ только отвернулся и пошелъ къ самому храму.

Японскій храмъ простъ. Это жилище бога, проповѣдывавшаго простоту и воздержаніе во всемъ. И самъ японскій богъ поэтому живетъ безъ кричащей пестроты китайскаго храма. Крыша храма О-Сува искусно поддѣлана подъ соломенную, само зданіе выведено изъ чистыхъ тонкихъ досокъ и имѣетъ внутри лишь стѣны съ картинами да бѣлыя циновки на полу. Это жилище простого японца. Только чудная рѣзьба стропилъ и деревянныхъ колоннъ показываетъ, что тутъ постройкой завѣдывалъ истинный художникъ, знающій свое искусство.

Вокругъ главнаго храма разбитъ садъ съ узкими дорожками, усыпанными гравіемъ, съ маленькими причудливыми деревьями.

Въ этомъ саду поставлены маленькіе, не то храмы, не то часовни, не то модели храмовъ. „Сяо-мяо", какъ ихъ по-манчжурски назвалъ Ивановъ.

Но не смотря на простоту устройства храма, въ немъ было много настроенія. И это настроеніе можно было понять сейчасъ, какъ обернешься кругомъ. А кругомъ, на склонахъ горы, была роща гигантскихъ деревьевъ. Сквозь эту рощу вели дорожки. И когда войдешь въ эту рощу, вдохнешь ароматъ травъ и листвы, увидишь лавры-великаны, камелію, покрытую алымъ цвѣтомъ, причудливую криптомерію и олеандръ съ длинными листами, увидишь эту прелесть субтропическаго лѣса, полудикаго, полурасчищеннаго, проникнешься благоговѣніемъ къ Создателю прекрасной вселенной. И когда увидишь, какъ на ладони, заливъ, окруженный зелеными горами, сѣрые квадраты крышъ Нагасаки и горныя дали, поросшія лѣсами — остановишься въ нѣмомъ восторгѣ и не знаешь, что сказать!

Нагасаки прекрасны съ моря, но и съ этой горы, съ высоты птичьяго полета, такъ красивы эти прозрачныя пятна синяго моря, зеленыхъ горъ и сѣрыхъ улицъ.

Ниже — японскіе садики съ каменными бассейнами, съ цвѣтами, чайные дома и японки. Здѣсь въ аллеяхъ сада ихъ пестрые кимонó и пышные кушаки на спинѣ выглядятъ такъ красиво и эффектно.

— Хорошо — вздыхаетъ Ивановъ. — Почище будетъ владивостокскаго Золотого Рога. Видъ-то какой широкій, какія горы. Ахъ, чортъ возьми! Покупай тутъ всякую дрянь! Я хочу любоваться, хочу наслаждаться красотою вполнѣ...

И мы долго бродили по крутымъ тропинкамъ въ тѣни лавровъ и цвѣтущихъ камелій и смотрѣли, какъ старыя японки и дѣти собирали съ земли осыпавшіяся ягóды лавровъ.

За садомъ было маленькое поле и деревушка. Мы заглянули и на огороды. Японецъ, работавшій на грядахъ, улыбнулся, увидалъ насъ и звалъ къ себѣ.

Ивановъ только ахалъ и вдыхалъ полною грудью воздухъ, а потомъ сталъ въ упоеніи мурлыкать:

„Тамъ цѣпкій плющъ развалины объемлетъ,
Шумитъ тамъ лавръ и кипарисъ тамъ дремлетъ"...

— Вотъ кипариса, пожалуй, не достаетъ, а онъ здѣсь былъ бы кстати! — прервалъ онъ свое пѣніе.

— Знаете, я здѣсь стану поэтомъ, говорилъ онъ мнѣ, когда мы шли пѣшкомъ домой, — ей Богу правда.

— Это мелочи жизни, — сказалъ я словами Людвига Ивановича.

— Ахъ, что-то Людвигъ Ивановичъ! Они завтра ѣдутъ въ деревню Моги цѣлой компаніей, поѣдемъ, что-ли съ ними?

— Поѣдемъ, — отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ развивать свою мысль Ивановъ. — Я бы хотѣлъ стоять тутъ у храма коня и декламировать, декламировать свои импровизаціи...

— Бѣдный конь, — сказалъ я.

Ивановъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— И я бы декламировалъ, пока...

— Пока не захотѣлъ-бы ѣсть! — Вотъ и Kliff house, — уже половина перваго, время идти садиться за tiffin.

— Ты прозаикъ... съ укоризною сказалъ Ивановъ и немного погодя добавилъ — и ты не жилъ пять лѣтъ на дальнемъ востокѣ!..

Послѣ tiffin'а прозаикъ писалъ, а поэтъ ходилъ по лавкамъ и подбиралъ матеріи и бѣлье для полковыхъ дамъ своего полка...

На другой день мы раннимъ утромъ всею компаніей покатили на шести рикшахъ въ деревню Моги.

Поѣздка въ Моги имѣетъ свою прелесть. Кто былъ въ Нагасаки и не былъ въ Моги, тотъ видѣлъ только половину красотъ этого хорошенькаго города. Погода насъ баловала. Румяный восходъ горѣлъ надъ горами, Нагасаки опять закипало утреннею жизнью, когда мы по узкой дорогѣ выѣхали за городъ и стали медленно подыматься въ гору мимо японской деревни. Дома въ деревнѣ почти не отличаются архитектурой отъ домовъ въ городѣ. Тѣ-же тоненькія, точно для ящика выпиленныя дощечки, бумажныя окна, циновки „татами" на полу, семья японца съ поджатыми ногами за трапезой, или за работой и огороды. Въ каждомъ домѣ чѣмъ нибудь торгуютъ, выставлены вареное тѣсто, печенье, овощи, или какія-нибудь матеріи, или издѣлія изъ дерева. Удивляешься, кто-же покупатели, кому нужно все это, когда вся деревня торгуетъ. Въ деревнѣ собакъ не видно. Пробѣжитъ изрѣдка куцая кошка съ обрубленнымъ хвостомъ, пройдетъ ощипанная курица и все. Не слышно въ деревнѣ задорнаго ржанія лошадей, мычанія коровъ и блеянія овецъ, не увидишь и мальчишекъ, охлюпкой посѣвшихъ на доморощенныхъ пузатыхъ коней и несущихся въ табунъ короткимъ галопомъ. Нѣтъ — только

люди. Животныхъ нѣтъ. И отъ этого японская деревня мало напоминаетъ деревню, въ ней и запаха деревенскаго нѣтъ, не пахнетъ коровами, хлѣвомъ и дымомъ, — нѣтъ тотъ же, что и въ Нагасаки запахъ какого-то печенья, или жаренья, да удобренія полей стоитъ въ узкой улицѣ японской деревушки. Но вотъ она кончилась. Мы въ поляхъ. Но не въ раздольи полей, какъ хотѣлось бы сказать, потому что раздолья въ Японіи иначе, какъ въ морѣ нѣтъ, а среди полевыхъ террасъ. Одна терраса саженъ тридцать отдѣлена отъ другой каменной кладкой, и возвышается надъ нею на полъаршина, а тамъ, гдѣ гора покруче и на аршинъ и на полтора. Оттого гора кажется громадной лѣстницей. Тутъ чуть зеленѣютъ нѣжныя пучки риса на болотистой, мокрой почвѣ, длинными рядами сидитъ исполинская рѣдька, видна морковь, рѣдисъ, салатъ — только хлѣба и овса не видно...

Дорога въ Моги дѣлится на двѣ части. Подъемъ вверхъ отъ моря въ горы и спускъ съ горъ внизъ въ деревню къ уютному заливу, поросшему бамбуковыми и сосновыми лѣсами и апельсиновыми рощами.

Наши рикши устали. Починяемое шоссе усыпано мелкими острыми камушками. Эти камушки рѣжутъ ногу рикшъ, сквозь соломенную сандалію и рикши еле бредутъ. Подъ Ивановымъ бѣдный рикша совсѣмъ сталъ. Мы вылѣзаемъ изъ телѣжекъ и идемъ пѣшкомъ.

— Что мы проѣхали? Версты двѣ не больше, говоритъ Ивановъ, а посмотрите-ка какъ устали эти люди, избравшіе бѣгъ своею спеціальностью.

— И какъ кашляютъ, Боже! какъ кашляютъ! съ ужасомъ восклицаетъ Анна Сергѣевна, — господа, знаете что, пойдемте пѣшкомъ. Жаль этихъ бѣдныхъ людей.

И мы идемъ пѣшкомъ. На каждомъ поворотѣ мы останавливаемся, оборачиваемся къ нагасакскому заливу и ахаемъ.

— Ахъ! — восклицаетъ Анна Сергѣевна, — посмотрите на эту маленькую горку, какъ красиво поросла она соснами!

— Смотрите, Людвигъ Ивановичъ, вѣдь это все камеліи цвѣтутъ! — говоритъ Ивановъ.

— Ахъ, какой садикъ, восклицаетъ морячка.

— Чудный видъ! — томно вторитъ ей Анна Сергѣевна...

Мы на перевалѣ. Въ маленькой деревнѣ насъ ожидаетъ чай, японки съ приглашеніемъ отдохнуть и мы садимся на циновкахъ и пьемъ блѣдный горьковатый чай изъ крошечныхъ чашечекъ, Kirinbeer — пиво мѣстнаго изготовленія и закусываемъ сладкими

лепешками. Деревня стоитъ у глубокой лощины, обросшей кустарникомъ и лѣсомъ. Тамъ, внизу, шумитъ ключъ, видны дома и наша дорога, пыльной лентой спускающаяся внизъ. Хорошій домъ директора русско-китайскаго банка стоитъ на полугорѣ. Повыше — кладбище, еще выше — уродливыя сосны раскинули стволы и кронами хвой прикрыли вершины скалъ.

За деревней начинается спускъ. Спускъ лѣсной. То мы идемъ густою рощей бамбуковыхъ деревъ и кругомъ видимъ только длинные чуть погнутые зеленые колѣнчатые стволы, точно трава временъ великановъ, то попадаемъ въ сосновый лѣсъ, — лѣсъ какихъ-то вычурныхъ елокъ, то въ изумленіи останавливаемся подъ тѣнью громаднаго лавра. Лѣсъ состоитъ изъ десятка лѣсовъ, иногда онъ вдругъ перемѣшается и возлѣ лавра и апельсина, поставитъ пальму, окруживъ ее молодою порослью бамбуковъ, надъ ними склонитъ сосну и опять разобьется по породамъ. Тамъ, гдѣ лѣсъ прекратится, тамъ нѣтъ ни луга, ни болота, но или поле риса, или огородъ, или постройки. Да, къ этимъ густымъ рощамъ слово „лѣсъ“ какъ будто и не подходитъ. Вѣдь лѣсъ — это что-то мощное, тѣнистое, такое, гдѣ купы деревьевъ перемѣшались со стволами, стволы протянули вѣтви во всѣ стороны, заслонили отъ солнца землю и земля покрылась нѣжнымъ мохомъ, сырыми кочками. И темно, сумрачно, таинственно въ лѣсу. А въ этихъ маленькихъ рощахъ тайны нѣтъ. Есть тѣнь, но тѣнь зеленая, веселая, они, эти лѣса Японіи, не зовутъ васъ таинственнымъ шумомъ, они лишь ласкаютъ вашъ глазъ, да причудливой и эффектной декораціей закрываютъ горы.

Узкая долина извилинами спускается къ морю. Иногда между изумруда лѣсовъ вдругъ точно маленькій сапфиръ покажется прозрачное синее море...

Ниже, ниже — вотъ и Моги. Опять отели, чайные дома, сады апельсиновъ, покрытыхъ золотистыми плодами и карточные домики, расположившіеся по берегу полукруглаго залива.

Заливъ красивъ. Каменистые берега его окружены горами, а горы поросли тѣми же пестрыми пятнами разнообразной зелени лѣсовъ.

Рикши рѣшительно останавливаются возлѣ чайнаго дома.

— Надо заказать завтракъ, говоритъ бывалый полковникъ.

Японка, говорящая по-русски, принимаетъ заказъ.

Мы идемъ на берегъ моря, наслаждаемся красотами сверкающей синевы залива, сидимъ на камняхъ, собираемъ раковины, полною грудью вдыхаемъ береговой воздухъ, потомъ ѣдимъ

прекрасно приготовленную рыбу и бифштексъ, платимъ по 80 коп. за обѣдъ и далеко за полдень, забывши человѣколюбіе, не слѣзая катимъ на рикшахъ домой въ Нагасаки.

Завтра подъ вечеръ на пароходѣ „Saïkio Maru", японской компаніи Nippon-Iusen-Kaicha мы ѣдемъ въ Кобэ.

Въ Нагасаки, на томъ берегу бухты есть японскій ресторанъ знаменитой Амати-Санъ. Кругомъ раскинулась колонія русскихъ моряковъ. У Амати-Санъ вы можете получить русскій столъ — чудные блины съ зернистой икрой, щи, борщъ, словомъ все то, чего такъ недостаетъ русскому человѣку въ чопорныхъ англійскихъ отеляхъ...

Нагасаки, говорящее по-русски съ тѣхъ поръ, какъ русскій флотъ началъ зимовать въ его зеленой бухтѣ, теперь забываетъ русскій языкъ. Портъ-Артуръ замѣнилъ Нагасаки и русскихъ стало меньше. Но мнѣ кажется, что это временно. На смѣну морскимъ дамамъ пріѣдутъ зимовать въ этотъ благословенный Богомъ уголокъ земли стрѣлковыя и казацкія дамы съ дальняго востока. Къ нимъ на время отпуска будутъ пріѣзжать и ихъ мужья и Нагасаки съ его красивыми окрестностями опять заговоритъ все, сплошь, по-русски. Не заговорятъ только упрямые джентльмены, содержащіе отели, но ихъ головы не въ силахъ вмѣстить въ свой мозгъ никакого языка, кромѣ англійскаго.

Что смотрѣть еще въ Нагасаки? Музей, кладбище, храмы, фотографа Ено, у котораго, чуть не съ шестидесятыхъ годовъ, снимаются всѣ русскіе? — Да, — все смотрѣть. Потому что каждый каналъ, каждый переулокъ, улица, роща, садъ живописны и красивы въ этомъ городѣ, на фонѣ горъ и моря подъ яркимъ солнцемъ юга.

Кобэ, Міаношта, Атами 10—13 января 1902 г.

Панорама Кобэ.

XL.

Симоносеки—Кобэ.

На японскомъ пароходѣ.—Англійскій обѣдъ.—Выходъ въ море.—Симоносеки.—Кладбище.—Церковь.—Кобэ.—Японское богослуженіе.—Священная лошадь.—Часовня Нофукуджи.—Водопадъ Нунобики.—Японскія горы.—Встрѣча съ русскими въ отелѣ.

7-го января, въ понедѣльникъ, вся наша компанія на маленькой фунэ, японскомъ яликѣ, принадлежащемъ Kliff-house отелю причалила къ сходнямъ „*Saikio Maru*" и поднялась на палубу.

— Посмотримъ, что за штука японскій почтовый пароходъ, проговорилъ Ивановъ.

— Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютка, сказалъ Людвигъ Ивановичъ, немного побаивавшійся парохода „устроеніемъ и управленіемъ котораго занимались дикари". Людвигъ

Ивановичъ, съ японцами ходившій на Пекинъ, не считалъ ихъ за цивилизованную націю и не довѣрялъ ихъ искусству обращаться съ плодами европейской культуры. Но бояться было нечего. Пароходъ оказался построеннымъ въ Ливерпулѣ, а капитанъ его былъ плотный и краснолицый, весьма внушающій довѣріе, американецъ. Случайно на „*Saikio Maru*“ собрались тѣ-же пассажиры, которые были на „*Манчжуріи*“ и теперь наши дамы перемѣнились ролями съ американками. На „*Манчжуріи*“ наши пользовались исключительнымъ вниманіемъ капитана и занимали первое мѣсто въ каютъ-компаніи, весело болтая по-русски—здѣсь это положеніе заняли американки.

Японскій пароходъ „*Saikio Maru*“—одинъ изъ шестидесяти большихъ пароходовъ богатой компаніи Nippon Jusen Kaischa, ходящихъ между портами Японіи, Кореи, Владивостокомъ, Чифу, Таку, Шанхаемъ, берегами Австраліи и Индіи, Санъ-Франциско, Гонолулу и Ликейскими островами. Это большіе до 6.000 тоннъ пароходы, богато обставленные, чистые и изящные. Копируя съ Европы все, японцы завели у себя почтовое срочное пароходство по европейскому образцу. За билеты 1-го класса (на японскихъ пароходахъ не принято европейцамъ ѣздить во 2-мъ) до Кобэ, съ насъ взяли по 20 іенъ,—это умѣренно. Кормили насъ по-англійски, начиная съ ранняго breakfeast'а, потомъ въ 1 часъ дня tiffin, потомъ въ 4 часа дня чай и въ $6^1/_2$ вечера dinner. И брэкфастъ, и тиффинъ, и обѣдъ состоялъ изъ двадцати, тридцати блюдъ по картѣ, написанной на изящномъ меню по-англійски, что ставило бѣднаго Иванова въ немалое затрудненіе. Англійскаго языка онъ не зналъ и для объясненій съ „туземцами“ пріобрѣлъ себѣ за цѣлковый тетрадку съ претенціознымъ заглавіемъ „русскій въ Англіи“. Но по книжкѣ онъ свободно могъ спросить „болятъ-ли у васъ зубы“ и „любите-ли вы литературу“, но выбрать толковый обѣдъ по-англійскому меню ему не удавалось. На бѣду билетикъ съ его именемъ лежалъ съ края стола, рядомъ съ американками и противъ американца. Красный какъ піонъ, онъ усѣлся за столъ и впился глазами въ меню будто желая его пронзить насквозь. Лакей японецъ, настоящая макака въ мундирѣ, почтительно вытянулся сзади него, ожидая приказаній.

Ивановъ храбро ткнулъ пальцемъ въ начало меню и удачно получилъ супъ; онъ торжествующе посмотрѣлъ на насъ, уныло заглянулъ въ тарелку, гдѣ супъ болтался едва на донышкѣ, проглотилъ содержимое, ткулъ пальцемъ дальше и получилъ

рыбу. Мы переглянулись. Онъ былъ доволенъ. Но вотъ ему подали редисъ, вотъ несутъ бобы, вареный картофель, сельдерей—смущенію Иванова нѣтъ предѣла—онъ попалъ въ отдѣлъ овощей „Végétables“. Чтобы поправить обстоятельства, онъ рѣшается пропустить номеровъ пять и пропускаетъ и бифштексъ, и баранину, и гуся и ветчину и рѣшительно говоритъ макакѣ по-русски:

— Дай-ка ты мнѣ, братецъ ты мой, вотъ этого самаго курри (curry).

Бѣдный Ивановъ. Ему подали вареный рисъ подъ ѣдкимъ соусомъ. Но Ивановъ не посрамилъ русскаго оружія—храбро проглотилъ curry, выпилъ чашку чая, съѣлъ пару микановъ и голоднымъ взглядомъ посмотрѣлъ на американокъ, уплетавшихъ подлѣ него кровавые бифы и бѣлоснѣжную телятину.

— Это свинство!—накинулся онъ на насъ послѣ обѣда.—Не по товарищески поступили, оставили одного разбирать эту варварскую галиматью. Подали китайскій обѣдъ съ милліономъ блюдъ, что я въ немъ пойму? Голоденъ теперь, какъ собака!

Мы рѣшили помѣняться съ Ивановымъ мѣстами и посадить его рядомъ съ полковникомъ, который по-англійски говорилъ, какъ англичанинъ. Но долго еще Ивановъ не могъ успокоиться. То и дѣло слышно было, какъ онъ бранился.

— Передовая нація! Просвѣтители! Живутъ въ холодныхъ домахъ и до простой голландки не додумались. Я имъ этого китайскаго курри по гробъ жизни не забуду! До сей поры языкъ болитъ...

— Вы, хотя ради красиваго пейзажа, пожалѣйте ихъ,—сказалъ полковникъ... А пейзажъ былъ удивительный. Солнце только что сѣло. И море бѣлесоватое и тихое, безъ волны и безъ зыби и берега, и скалы подлѣ береговъ, и лѣса были уже въ тѣни. И только вершины горъ и холмовъ, да паруса лодокъ ярко горѣли золотымъ блескомъ, озаренные лучами уже невидимаго солнца. И получалась рѣдкая картина. Одинъ изъ тѣхъ мотивовъ, что находишь въ изображеніи старинныхъ художниковъ—видъ Капри, видъ благословенной Адріатики. Море успокоилось на ночь, но не заснуло. Паруса были видны повсюду. Цѣлыя колонны парусныхъ джонокъ входили въ Нагасакскую бухту, и косые паруса ихъ такъ оживляли тихое море.

Пароходъ идетъ въ виду береговъ. Отъ берега оторвались скалы. И одна изъ нихъ, продолбленная-ли волной въ тотъ моментъ, когда жидкой каплей минерала она вылетѣла изъ нѣдръ земли и упала въ море, или потомъ терпѣливо проточенная

морскимъ прибоемъ перекинулась воротами надъ водой. Глядишь и не вѣришь, что это игра природы, такъ правильно округла арка, такъ, словно по циркулю, размѣренъ ея сводъ.

На смѣну уснувшему солнцу выходитъ луна. Серебряная струя бѣжитъ за пароходомъ, шумитъ и переливается. Пароходная жизнь затихаетъ, только томительно-однообразно стучитъ машина, да звонятъ каждые полчаса склянки. Клонитъ ко сну.

Проснувшись поутру, я увидалъ, что мы стоимъ въ виду берега. Въ каюту постучали.

— Кто тамъ?—недовольнымъ голосомъ крикнулъ Ивановъ.

— Докторъ—отвѣтили снаружи.

— Зачѣмъ докторъ! — возмутился Ивановъ — скажи пожалуйста, что здѣсь больныхъ нѣтъ!

Но это былъ обычный медицинскій осмотръ. Я открылъ каюту, докторъ заглянулъ въ нее и ушелъ. Формальность была окончена, насъ пустили въ Симоносеки.

Симоносеки, когда-то запретный городъ, лежитъ у входа во внутреннее Японское море на островѣ Ниппонъ, противъ него на берегу о. Кіу-Сіу пріютился маленькій городокъ *Моджи*, извѣстный каменноугольными копями.

Погода сѣрая, холодная, моросить мелкій дождь. Отъ сѣраго неба зеленыя горы кажутся такими грустными и безотрадными. У Моджи по берегу ходятъ поѣзда съ платформами, гружеными каменнымъ углемъ. Симоносеки пустынно. Деревянныя сѣрыя стѣны жалкихъ бѣдныхъ японскихъ домовъ спускаются къ самой водѣ. Тамъ у каменистаго берега тѣсной толпой стоятъ фунэ.

На берегъ ѣдемъ только мы съ Ивановымъ. Ивановъ не можетъ не быть въ Симоносеки.

— Развѣ вы не помните,—говоритъ онъ мнѣ,—гейшу—эту арію матроса, воспѣвающаго Јеррі изъ Симоносеки—и вотъ мы можемъ сами посмотрѣть эту симоносекскую Јер-Јеррі.

Но женщины Симоносеки гораздо хуже нагасакскихъ. Сказывается маленькій городокъ. Лица широкія, плоскія, онѣ грязнѣе нагасакскихъ японокъ и костюмъ ихъ бѣднѣе. Прямыя и узкія улицы Симоносеки застроены маленькими деревянными одноэтажными и рѣдко двухъ-этажными домами. Во многихъ стѣнки раздвинуты, и вся жизнь японца идетъ тамъ наружу. На маленькомъ возвышеніи постланы толстыя соломенныя циновки и на нихъ, поджавъ ноги, на колѣняхъ сидитъ японская семья. Деревянныя туфли, въ видѣ скамеечекъ, и соломенныя сандаліи

оставлены подлѣ возвышенія въ узкихъ проходахъ. Подлѣ семьи стоитъ маленькій деревянный таганокъ, въ которомъ въ каменной или желѣзной чашкѣ положенъ горячій пепелъ и древесный уголь. Объ эту чашку японцы грѣютъ руки—это ихъ печка „хибачъ". Всѣ за работой, шьютъ или клеютъ что-нибудь, и лишь маленькія дѣти, привязанныя за спиной матери, отвратительныя и грязныя, ревутъ благимъ матомъ.

Мимо нихъ, дальше отъ нихъ! Мы сворачиваемъ въ узкій переулокъ, подымаемся по липкой грязи наверхъ на гору, поросшую красивыми соснами и попадаемъ на кладбище. Могильные памятники стоятъ часто. Покойникъ въ Японіи требуетъ мало мѣста для своего вѣчнаго успокоенія. Его хоронятъ въ небольшомъ ящикѣ или боченкѣ, въ сидячемъ положеніи, или сжигаютъ и погребаютъ только прахъ его. У каждой могилы въ бамбуковомъ стаканѣ стоитъ свѣжая вѣтка лимона или лавра. Кто-то помнитъ о покойникахъ, кто-то о нихъ заботится. Кладбище не наводитъ на грустныя мысли—оно весело своею зеленью. И не противно оно гніющими въ непогребенныхъ гробахъ трупами, какъ кладбища Манчжуріи и Китая, оно тихо и мирно.

Съ кладбища мы идемъ въ церковь. Храмъ, простая деревянная постройка, расположился на утесѣ надъ моремъ. Въ саду, посреди котораго онъ выстроенъ, въ углу стоитъ грубое каменное изображеніе лошади; храмъ также простъ, какъ и храмъ О-сува. Какой-то японецъ пришелъ къ нему, похлопалъ въ ладоши, пробормоталъ молитву, насыпалъ горсточку риса въ развалившійся деревянный ящикъ и ушелъ. Въ притворѣ за рѣшеткой стояли громадные бѣлые журавли. Тихо, безлюдно и пустынно было въ храмѣ. Мы вышли изъ него, пошли по узкой горной дорожкѣ, мимо домовъ богатыхъ японцевъ съ маленькими вычурными садами, полными скалъ, каменныхъ бассейновъ съ золотыми рыбками, извилистыхъ елокъ и бамбуковъ. Японцы хорошіе садоводы и любители цвѣтовъ и зелени. Ихъ сады не широки—мѣста мало; дорожки, усыпанныя сѣрымъ гравіемъ, узки, деревья—крошки,—но все вмѣстѣ красиво, вычурно и ласкаетъ глазъ зелеными пятнами.

По каменной лѣстницѣ мы спустились внизъ и вернулись на пароходъ мокрые, но довольные прогулкой.

Это и все о Симоносеки, скажете вы. Стоило ѣздить, стоило писать! И правда—ѣздить не стоило... А батареи? А укрѣпленія Симоносекской бухты?—О, японцы ревниво оберегаютъ свои военныя постройки. Они не только не позволяютъ подходить къ ба-

тареямъ, но они не разрѣшаютъ снимать фотографій даже съ улицъ и уличныхъ сценъ города. Видовъ Симоносеки вы не достанете ни у одного японскаго фотографа, а японцы продаютъ фотографіи тысячами. Ни одной деревушки нѣтъ безъ фотографа... Все снято и переснято, и сзади, и спереди, и сбоковъ.

А такъ нечего больше писать. Если-бы я зналъ хорошо японскій языкъ—я поселился-бы въ Симоносеки и описалъ-бы вамъ, какъ поссорился симоносекскій Иванъ Никифоровичъ со своимъ сосѣдомъ, но только ссора ихъ не могла произойти изъ-за гусака, потому что весьма вѣроятно во всемъ Симоносеки нѣтъ ни одного гусака, а появляющіяся изрѣдка на улицахъ черныя коровы ходятъ подъ вьюкомъ и служатъ лишь для перевозки тяжестей. Все Симоносеки питается рыбой, рисомъ и овощами, да можно думать, что почти вся Японія питается тоже только рыбой, рисомъ и овощами.

Когда „Saikio Maru“ тронулся, можно было видѣть по обѣимъ сторонамъ узкаго, въ этомъ мѣстѣ, моря песчаныя линіи батарей, башни и черныя точки орудій. Батареи грозны на видъ.

Горы береговъ закутаны сѣрой дымкой тучъ. Иногда онѣ обрываются, и тогда видны зеленые сады, лѣса и частыя рыбацкія деревушки. День и ночь мы идемъ по внутреннему морю, какъ по рѣкѣ, любуясь берегами и на разсвѣтѣ опять разбужены возгласомъ:—„докторъ“—и стукомъ въ каюту. Мы у Кобэ, Часовъ въ восемь утра мы ошвартовываемся у каменнаго мола, покидаемъ пароходъ и водворяемся въ англійскомъ „Oriental hotel'ѣ“.

Кобэ состоитъ изъ *иностранной колоніи,* или квартала, японскаго города *Кобэ* и отдѣленнаго отъ него высохшею горною рѣкою Минато-гава большого города—*Хіого.*

Японцы не болѣе религіозны, чѣмъ китайцы. Я никогда не видѣлъ, чтобы они усердно молились. Не видалъ я и молящейся толпы во время богослуженій: они народъ дѣловой—имъ не до молитвы. Изрѣдка увидишь, какъ подойдетъ къ храму старикъ, а чаще женщина, похлопаетъ въ ладоши, упадетъ на колѣни, пробормочетъ нѣсколько словъ и уйдетъ. Въ Кобэ, у одного изъ храмовъ, въ притворѣ котораго въ небольшомъ и грязно содержанномъ денникѣ стояла живая бѣлая лошадь, небольшого роста, съ бѣлесоватыми глазами и розовыми вѣками, плохо зачищенная, хотя и священная, мы застали богослуженіе. Пятеро священниковъ, одни въ бѣлыхъ шелковыхъ, другіе въ зеленыхъ и розовыхъ богатыхъ кимоно и черныхъ треугольныхъ шляпахъ на

головахъ, чинно сидѣли врядъ въ саду на деревянныхъ табуретахъ со спинками. Шестой, въ блестящемъ лиловомъ шелковомъ костюмѣ съ дощечкой и листомъ бумаги въ рукахъ, стоялъ у подножія пустого храма вѣчной истины и молился. Онъ вставалъ на колѣни, медленно и важно подымался, кланялся, складывалъ со смиреніемъ руки и на распѣвъ, какъ читаютъ дьячки въ деревенскихъ церквахъ, бормоталъ молитвы. Иногда пятеро, сидѣвшихъ на стульяхъ священниковъ подымались, сгибали спины и долго стояли такъ, выражая покорность. Молящійся лиловый бонза похлопывалъ въ ладоши, и эти короткіе удары, скорѣе щелчки рука объ руку, въ тихой обстановкѣ задумчиваго сада, у безмолвнаго пустого храма, были таинственны. И намъ, чужимъ людямъ, православнымъ, жутко было смотрѣть на напряженныя серьезныя лица священниковъ, выражавшія молитву и почтеніе. Молящихся не было. Вокругъ рѣшетки храмового сада стояли кучки любопытныхъ прохожихъ, нянекъ съ дѣтьми, рикшъ и ремесленниковъ Они глазѣли на представленіе, которое разыгрывалось передъ ними, на пестрый шелкъ священныхъ кимоно, но они не молились, не участвовали въ томъ богослуженіи, которое отправлялось на рѣзныхъ деревянныхъ ступеняхъ японскаго храма...

Въ боковыхъ храмахъ, сдѣланныхъ въ видѣ деревянныхъ клѣтокъ, стояли идолы изъ папье-маше, была бѣлая лошадь и воины съ луками, стрѣлами и страшными лицами. Хорошенькая японка подошла къ нимъ, похлопала въ ладоши, отвѣсила земной поклонъ и насыпала въ щелку стоявшаго передъ идолами ящика горсть риса.

Передъ священнымъ конемъ стояли маленькія деревянныя тарелочки съ зелеными бобовыми зернами. Конь былъ голоденъ. Онъ тянулся изъ-за рѣшетки розовой мордочкой и просилъ ѣсть.

— А что, если мы ему подадимъ эти жертвы. спросилъ Ивановъ.

— Какъ можно, вѣдь, это священная лошадь!—со страхомъ сказала морская дама.

— Ради Бога не дѣлайте скандала. Насъ схватятъ и уведутъ въ тюрьму,—въ ужасѣ воскликнула Анна Сергѣевна,—не трогайте! Вамъ говорятъ... я закричу!

— Никогда не трогалъ святыхъ лошадей,—спокойно сказалъ Ивановъ, хоть разъ да потрогаю.

И онъ потрепалъ по косматой шеѣ коня, погладилъ его по

нѣжнымъ розовымъ храпкамъ и, ссыпавъ жертвенныя зерна, подалъ ихъ на ладони лошади.

Анна Сергѣевна и морская дама млѣли отъ ужаса. Японцы смотрѣли на это и смѣялись европейской затѣѣ.

Въ каждомъ домѣ японца стоятъ изображенія Будды, иногда передъ ними горитъ лампада или свѣча, стоятъ блюда съ разнообразными яствами, а чаще горсточка риса—но этотъ кіотъ, эта часовня есть только обрядовая, вошедшая въ привычку принадлежность дома. Въ минуту тяжкаго горя или радости, передъ началомъ работы или по окончаніи труднаго дѣла, японецъ не пойдетъ къ своимъ пенатамъ, чтобы забыться, распростершись въ горячей молитвѣ, слившись душою съ божествомъ.

Нѣтъ души у японца.

Тамъ, гдѣ въ уваженіи къ божеству можетъ проявиться тщеславіе, тамъ японецъ сыплетъ деньги, одариваетъ духовенство и воздвигаетъ идолы и храмы. И такъ какъ храмы бога вѣчной истины должны быть просты, то онъ или изощряется въ дорогой художественной рѣзьбѣ, или придаетъ изображенію громадные, сверхъестественные размѣры. Таковъ идолъ-часовня Нофукуджи въ Хіого.

Мы поѣхали туда изъ Кобэ на рикшахъ. Прокативъ около двухъ верстъ по ровнымъ широкимъ улицамъ японскаго Кобэ, пересѣкши желѣзную дорогу, мы по легкому желѣзному мосту переѣхали песчаное русло Минатогавы и въѣхали въ городъ Хіого. Тѣ же лавки вдоль просторныхъ широкихъ улицъ, тѣ же соломенныя сандаліи, деревянныя издѣлія, овощи и миканы въ нихъ, какъ и во всѣхъ японскихъ городахъ. Рикши свернули въ тѣсный и грязный переулокъ, потомъ въ еще болѣе тѣсную, мощеную большими плитами, по-китайски, улицу, застроенную балаганами, въ которыхъ торговали игрушками, фруктами, печеньями и сластями, мясомъ и рыбою. Тутъ-же возвышался двухъэтажный театръ, со всѣхъ сторонъ увѣшанный длинными пестрыми афишами, нарисованными на синей, бѣлой и красной матеріи.

И здѣсь, въ тѣснотѣ и торговой сутолокѣ этого базара, странно и нелѣпо возвышался громадный мѣдный идолъ на гранитномъ фундаментѣ. Мѣдь позеленѣла и почернѣла отъ времени. Идолъ изображалъ Будду, но Будду нѣсколько саженей высотою, одно ухо котораго было 6-ти футовъ длиною, а вся статуя равнялась 7 саженямъ. Будда сидѣлъ въ обычной своей покойной позѣ, съ поджатыми ногами. Полное лицо его съ слегка

приплюснутымъ носомъ и опущенными вѣками глазъ выражало покой и полное равнодушіе ко всему. Онъ, казалось, дремалъ, въ сладкой дремѣ прислушиваясь къ мірской суетѣ и удивляясь ей и не понимая значенія ея передъ вѣчнымъ покоемъ Нирваны.

А японская торгашеская жизнь свила вокругъ свое гнѣздо. Возлѣ громадныхъ бронзовыхъ священныхъ лотосовъ и букетовъ живыхъ цвѣтовъ продавали сласти, миканы, описаніе статуи и и фотографіи ея; за гривенникъ насъ провели во внутрь статуи, и какъ за гривенникъ! Не за гривенникъ, стыдливо опущенный въ протянутую руку въ видѣ бакшиша, а за гривенникъ таксы, смѣло спрашиваемой съ насъ.

Мы вошли во внутрь и невольно сняли шляпы, до того эта полутемная внутренность напомнила намъ наши склепы и часовни. Въ глубинѣ сверкали позолоченныя изображенія трехъ буддъ, и подлѣ нихъ горѣли маленькія восковыя свѣчки. Изгибы складокъ одежды давали таинственные выступы и углубленія часовнѣ. Маленькіе идолы, украшенные цвѣтами, отражали огоньки свѣчекъ и таинственно мерцали въ полумракѣ. Внутри идола пахло какими-то куреньями.

Мы вышли. Богато одѣтый бонза подкатилъ на рикшѣ къ своему дому и, стуча деревянными башмаками, прошелъ по каменнымъ дорожкамъ вычурнаго красиваго сада въ домъ и скрылся за бумажной дверью. Продавцы фотографій, микановъ и деревянныхъ рамокъ лѣзли къ намъ, предлагая свои издѣлія. Мы сѣли на рикшъ и поѣхали смотрѣть другую достопримѣчательность Кобэ-Хіого—водопадъ Нунобики.

Чтобы достигнуть его, намъ пришлось проѣхать поперекъ весь городъ и съ угла европейскаго квартала отъ сосновой аллеи, окружающей площадку для футъ-боля и тениса, свернуть къ горамъ по широкой улицѣ, обсаженной громадными вишневыми деревьями. Говорятъ, эта улица, Nunobiki-road, великолѣпна весною, когда она представляетъ изъ себя ароматную аллею густыхъ блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ. Теперь она была пуста. Только обширныя садоводства съ оранжереями и парниками съ разсадой подстриженныхъ елочекъ украшали ее. И шириною, и садами своими она напомнила Каменноостровскій проспектъ.

Nunobiki-road упиралась въ гору, на которую вели ступеньки. Мы слѣзли съ рикшъ и пошли пѣшкомъ. На красивыхъ скалахъ, поросшихъ соснами, бамбукомъ, туйей, лаврами и олеандромъ, пріютился кокетливый домъ фотографа „Ry-oun-do“. Возлѣ дома былъ японскій садъ съ крошечными деревьями, ка-

менной ямой съ фонтаномъ, подъ которымъ рѣзвились золотыя рыбки.

Дорога шла вверхъ вдоль узкой балки, густо заросшей кустарникомъ и соснами. Здѣсь съ отвѣснаго скалистаго обрыва, съ вышины саженей въ десять, падалъ въ каменный бассейнъ горный ручей. Надъ бассейномъ стоялъ чайный домъ, черезъ пропасть былъ перекинутъ жиденькій мостъ съ навѣсомъ, подъ которымъ были низкія скамейки съ красными одѣялами. Мы зашли въ него и сѣли отдохнуть. Явились японки, принесли намъ чай, печенья, яблоки и миканы. Мы сѣли на одѣяла и подъ меланхоличный ропотъ воды, любуясь прозрачнымъ бассейномъ, пили блѣдный и горькій японскій чай.

Отсюда узкая тропинка вилась въ горы. Мы устали, намъ лѣнь было карабкаться по крутымъ камнямъ, но мы шли впередъ и впередъ. Каждый шагъ открывалъ новыя красоты.

— Вы знаете,—сказала морская дама,—наше восхожденіе подобно азартной игрѣ. Усталъ.... Впереди обратный путь, на который не хватитъ силъ, но алчешь новыхъ видовъ, какъ игрокъ выигрыша, и лѣзешь черезъ силу...

Горы, обступившія разсѣлину, съ которой цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ каскадовъ срывался ручей, поросшія густымъ лѣсомъ сосенъ и кустовъ, были красивы. Но еще красивѣе рисовалась долина, въ рамѣ вѣтвей и травъ съ сѣрыми квадратами домовъ Кобэ, съ садами, прямыми желтыми улицами и прозрачной синевой моря, покрытаго бѣлыми точками парусовъ рыбацкихъ лодокъ. Мы видѣли второй водопадъ снизу, смотрѣли на него изъ другого чайнаго домика сверху, поднялись еще выше и увидали громадную сѣрую каменную стѣну, преграждавшую долину. Эта чисто сдѣланная изящная стѣна среди горной и лѣсной глуши казалась границей сказочнаго царства. Точно за нею долженъ былъ открыться чудный городъ, какое-нибудь тридевятое царство.

— Господа,—воскликнула Анна Сергѣевна,—неужели мы не поднимемся повыше и не заглянемъ, что тамъ за этою стѣною?

И мы пошли. Лѣсовъ уже не было здѣсь. Желтая трава уныло шелестѣла кругомъ. Вершины горъ, пустыя и скалистыя, были близки, и вотъ еще нѣсколько саженъ и большое, чистое горное озеро открылось передъ нами въ рамѣ горныхъ луговъ. Это его-то отдѣляла стѣна, образовавшая плотину горному потоку. Прозрачная, чистая вода была зеленаго малахитоваго густого цвѣта. Озеро было чистое, съ причудливо изрѣзанными бере-

гами, и въ немъ отражались горы. Сквозь расщелину между горъ видна была синева далекаго моря, сосны и лавры низкой падины.

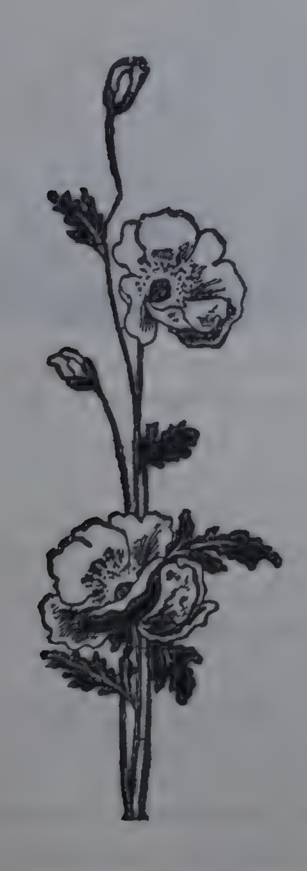
Мы сѣли на уступѣ скалы и любовались богатой декораціей покрытыхъ желтою травою горъ, зеленымъ озеромъ и тишиною. И чудилось, что это не жизнь, не природа, не настоящія горы съ травою и рѣдкими соснами съ извилистыми стволами, а что это волшебный сказочный сонъ, греза, навѣянная фантазіей разсказщика. Стѣна плотины такъ красиво бѣлой полосой рѣзала воды озера, которое постепенно сужалось и переходило въ ручей. Усталость была забыта, мы опять шли наверхъ, ища новыхъ красотъ. Вотъ маленькое озеро въ разсѣлинѣ между скалъ, глубокое и такое прозрачное, что каждый изгибъ, каждая царапина на скалѣ дна видны вполнѣ отчетливо, опять каскады, камни, и ручей, съ шумомъ бѣгущій между нихъ. Такъ вотъ откуда заимствовали японцы и простыя, и причудливыя очертанія своихъ рисунковъ—вотъ тотъ зеленый и прозрачный тонъ темнаго лака, на которомъ такъ искусно располагаетъ японецъ красивые узоры изъ перламутра и слоновой кости. Природа подсказала ему краски и контуры—непонятные европейскому глазу, кажущіеся намъ вычурными и преувеличенными, но лишь вѣрные природѣ японскихъ горъ, тоже вычурной и преувеличенной, кажущейся странной для нашего глаза.

Затемно возвращались мы домой. Завернулъ холодокъ, и въ освѣщенномъ фонарями европейскомъ кварталѣ города было тихо и безлюдно. Широкія, прямыя улицы съ большими двухъ и трехъэтажными домами готической архитектуры свѣтились огнями сквозь щели ставень. Тамъ шла жизнь торговыхъ фирмъ, тамъ обѣдали за пышной сервировкой наряженные во фраки и смокинги съ бѣлоснѣжными жилетами англійскіе мистеры и леди съ обнаженными плечами, въ бальныхъ туалетахъ.

Въ „Oriental hotel'ѣ“ насъ ожидала пріятная новинка. Во время обѣда игралъ прекрасный хоръ музыки. Откуда этотъ хоръ?—спросили мы у служившаго намъ боя-японца.—Съ русскаго броненосца „Петропавловскъ“,—послѣдовалъ отвѣтъ. И хотя въ программу концерта не вошло ни одно произведеніе русскаго композитора—мы чувствовали, что гремѣла и мощно отдавалась о стѣны отеля русская военная музыка. Да и русскихъ лицъ много. Вонъ морская мамаша съ сыномъ и бонной и возлѣ мужъ, вонъ пышная дама, въ красномъ, съ рѣшительнымъ видомъ ѣстъ англійскій обѣдъ подлѣ своего робкаго застѣнчиваго мужа, вонъ

еще дальше компанія молодежи весело смѣется за столомъ. Несмотря на смокинги, бѣлыя груди и жилеты, вы сразу скажете, что это мичмана и лейтенанты съ эскадры. Они надѣли на себя неуклюжіе статскіе костюмы, они стараются подражать англичанамъ, внушительно толкуютъ „бою“ по-англійски составъ обѣда, но не чопоренъ и не натянутъ ихъ обѣдъ, а веселъ, какъ можетъ быть веселъ русскій обѣдъ, гдѣ не священнодѣйствуютъ, а веселятся и ѣдятъ...

„Laos“—18-20 января 1902 г.



Видъ на вулканѣ Фузи-яму съ озера Хаконе.

XLI.

По острову Ниппонъ.

Японскія желѣзныя дороги.—Японскій обѣдъ.—Озеро Бива и вулканъ Фузи-яма.—Іокогама.—Торговая улица Хончо-дори.—Блёфъ.—Японское художество.—По деревнямъ.—Міаношита.—Верхомъ черезъ японскія горы.—Атами.—Пожаръ въ мѣстечкѣ.—Заключеніе о видѣнномъ въ Японіи.

Съ необыкновенной быстротою и поспѣшностью устраивая у себя европейскую цивилизацію, японцы покрыли всѣ острова сѣтью узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ. Отъ Нагасаки они проложили желѣзный путь въ Моджи, продолжили его по острову Ниппонъ, вдоль берега Великаго океана на Кобэ, потомъ на древнюю столицу Японіи—Кіото—прежнее мѣстопребываніе микадо, оттуда проложили путь въ Токіо (Іеддо), японскій Петербургъ, связали Токіо съ Іокогамой, европейскимъ торговымъ пунктомъ,

провели цѣлую паутину дорогъ вглубь страны, соединивши все, что только есть замѣчательнаго въ Японіи, если не желѣзной паровой дорогой, то электрическимъ трамваемъ, вагонетками на людяхъ, или омнибусами. А такъ какъ въ Японіи почти каждый пунктъ чѣмъ либо замѣчателенъ: или гейзеромъ, или красивымъ видомъ, или статуей Будды, или водопадомъ, то въ концѣ-концовъ вся Японія оказалась съ хорошими путями сообщенія и весьма порядочными, особенно въ лѣтнее, теплое время, отелями. Путешествовать въ Японіи можно такъ же удобно, какъ по горамъ Швейцаріи.

Изъ Кобэ четыре раза въ день идутъ поѣзда въ Токіо, и почти каждый часъ есть поѣздъ въ Кіото,. Утромъ, въ 6 часовъ идетъ поѣздъ съ европейскимъ вагономъ-рестораномъ и спальными вагонами, что является совершенно лишнею роскошью, потому что поѣздъ идетъ всего восемнадцать часовъ.

Мы поѣхали въ 12 час. 12 мин. дня съ маленькой станціи Санномійя, лежащей въ центрѣ Кобэ, въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды на рикшахъ отъ Оріенталь-отеля.

На японской желѣзной дорогѣ все маленькое. Маленькій паровозъ, маленькій тендеръ, маленькіе вагоны. 2-й и 3-й классы предназначены для японцевъ—первый для европейцевъ. Вагоны приспособлены болѣе для жаркаго времени, нежели для холодовъ. Въ нихъ много оконъ, и въ большинствѣ нѣтъ отопленія. Вмѣсто него на полу лежатъ большіе глиняные цилиндры, наполненные кипяткомъ и покрытые коврами, они назначаются для согрѣванія ногъ. Но на большихъ разстояніяхъ вода скоро остываетъ, и пассажиры отогрѣваются плэдами, одѣялами и собственною теплотою. Намъ попался вагонъ съ водянымъ отопленіемъ. Но японцы не умѣли имъ пользоваться, и въ вагонѣ то было нестерпимо жарко, то такъ холодно, что зубъ на зубъ не попадалъ. Мягкіе кожаные диваны поставлены вдоль стѣнъ, образуя въ серединѣ проходъ. Изо всѣхъ оконъ дуетъ. Но при всемъ томъ движеніе быстрое, аккуратное, безъ звонковъ, по одному свистку, чистота въ вагонахъ и вѣжливые и предупредительные кондукторы-японцы.

На станціяхъ буфетовъ нѣтъ. Да поѣздъ стоитъ такъ мало, что и некогда было выйти, чтобы закусить. Но вмѣсто буфетовъ на каждой станціи найдется нѣсколько продавцовъ японскаго готоваго обѣда, европейскихъ сандвичей, пива, микановъ, пряниковъ и печенья. Они, эти продавцы, проходятъ вдоль поѣзда, пронзительно выкликая названія продаваемыхъ предметовъ. Тутъ-

же и газетчики разносятъ японскіе листки съ иллюстрированными, изданными на европейскій ладъ, прибавленіями.

За Кіото мы проголодались. Дамы купили сандвичи, а мы съ Ивановымъ храбро принялись за японскій обѣдъ. И то, и другое было подано въ чистенькихъ деревянныхъ коробкахъ и переложено тонкой японской бумагой. Сандвичи съ ветчиною и мясомъ оказались весьма порядочнаго качества, а японскій обѣдъ... Что-же, если перевернуть всѣ понятія и соленое считать сладкимъ, а сладкое соленымъ—японскій обѣдъ—ничего. Съ голода ѣсть можно. Онъ уже тѣмъ лучше китайскаго обѣда, что всѣ блюда его вамъ знакомы. Нѣтъ тутъ ни червей, ни собачки, ни ласточкиныхъ гнѣздъ, а есть рыба, морковь, зеленые стручки, рисъ... Вы читали, конечно, у Гончарова въ „Фрегатѣ Паллада“ описаніе японскаго обѣда—онъ не измѣнился съ тѣхъ поръ ни капли. Сладкая морковь, неимовѣрно прѣсная рыба, какое-то приторное желе, или пастила красиваго розоваго цвѣта и печенье. Печенье лучше всего. Японское пиво нѣжно и ароматно и мало отличается отъ лучшихъ европейскихъ сортовъ. Вмѣсто сельтерской вамъ подадутъ мѣстныя содовыя минеральныя—воды Танзанъ и Хирано...

Въ окна вагона виденъ чудный, улыбающійся, несмотря на зиму, пейзажъ. А зима сурова. Орошенныя водой площадки рисовыхъ полей замерзли, мѣстами виденъ снѣгъ и этотъ снѣгъ рядомъ съ нѣжной весенней зеленью бамбуковъ и темной листвой лавровъ производитъ странное впечатлѣніе.

За Кіото идутъ чайныя плантаціи. Маленькіе низкіе кусты чая темнозелеными купами растутъ на поляхъ. Между полями чая посажены овощи, устроены рисовыя поля и всюду прорыты канавы, сдѣланы запруды для искусственнаго орошенія. Глядишь на эти работы, на чисто, аккуратно посаженныя, какъ въ саду, кусты чая, на рисъ, нѣжные всходы котораго растутъ тоже въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, и удивляешься терпѣнію и искусству японцевъ. Даже пески по берегамъ рѣкъ и тѣ унавожены, обработаны, орошены, и тамъ зрѣетъ рѣдька, или салатъ и рисъ пустилъ свои побѣги. Запруды у оросительныхъ канавъ спущены, всюду звенятъ между камней ручьи и бѣгутъ въ общую канаву. Тамъ и тамъ подъ кустами лавровъ и апельсиновъ, или приткнувшись къ бамбуковой рощѣ, стоятъ японскія деревни. Деревянные домики рѣшетчатыми или бумажными окнами вытянулись въ линію. Возлѣ, непремѣнно въ рощѣ или на красивой скалѣ, видны деревянныя арки и пріютившійся въ зеленой чащѣ

храмъ и кругомъ квадраты полей, взбирающіеся на высокія горы. И тутъ какъ подлѣ Нагасаки, невольно обращаешь вниманіе на отсутствіе стадъ и лошадей. Безжизненна поэтому деревня. Странно видѣть домики, стоящіе тѣсно одинъ подлѣ другого, безъ дровъ, безъ сараевъ и гуменъ. Невольно напрашивается вопросъ, чѣмъ живетъ японецъ, откуда черпаетъ онъ физическія силы, энергію и работо-способность?...

Иногда увидишь на полѣ сѣрую фигуру японца въ соломенныхъ сандаліяхъ, одѣтыхъ на босую ногу, и въ тщательно залатанномъ кимоно. Онъ копошится одинъ въ своемъ полѣ, подравниваетъ кучки земли, протаптываетъ ногами канавки между ростками, руками разрыхляетъ землю.

За Кіото мы длиннымъ тоннелемъ перерѣзываемъ горы у станціи Отами и вылетаемъ въ широкую долину, занятую овальнымъ озеромъ Бива.

Это красивое голубое озеро, съ дремлющимъ парусомъ на немъ; озеро 45 верстъ длиною и 15 верстъ шириною явилось въ Японіи совершенно неожиданно и случайно.

Это было давно. Очень давно—если вѣрить японскимъ историкамъ 286 лѣтъ до Рождества Христова. Однажды долго гудѣла земля, потомъ произошло страшное колебаніе почвы, горы и долины опустились, образовавъ озеро, и въ тоже время верстахъ въ трехстахъ дальше земля поднялась, образовавши громадный вулканъ Фузи-яма.

Фузи-яма—это гордость Японіи. Когда въ августѣ повсюду жарко, и японцы мечтаютъ о свѣжемъ воздухѣ горъ—конусообразная вершина Фузи-ямы уже покрыта бѣлымъ снѣгомъ. Среди цѣлаго ряда цѣпей онъ одинъ выдѣляется своею вышиною и одинокимъ видомъ. Японскіе художники особенно полюбили этотъ бѣлый конусъ, такъ величественно рисующійся на голубомъ фонѣ неба среди зелени кустовъ и лѣсовъ окружающихъ его горныхъ цѣпей. Подносы, ширмы, рамки для портретовъ, коробки, альбомы, лаковыя издѣлія очень часто повторяютъ этотъ снѣжный конусъ, то одинокій среди горъ, то въ цѣломъ цвѣтущемъ пейзажѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ по этимъ издѣліямъ давно. И вотъ подъ утро въ лѣвое окно вагона я увидалъ его конусъ. Да, онъ красивъ. Онъ давитъ своей одинокой вершиной. Онъ великъ, потому что онъ одинъ. Восходъ еще не наступилъ, а уже его бѣлая вершина, отчетливо рисовавшаяся на матовомъ небѣ утра, зарозовѣла и засвѣтилась. Что особеннаго? Ровный, почти правильный конусъ. И въ этой правильности его скатовъ,

такихъ граціозныхъ, въ серебристой синевѣ его снѣга есть какая-то особенная, почти магическая красота. Онъ тянетъ и манитъ къ себѣ, онъ ласкаетъ глазъ. Я видѣлъ его потомъ изъ окна вагона въ полдень, когда залитый солнечными лучами, блестящій и яркій, онъ гордо рисовался на прозрачной синевѣ неба, и маленькая тучка прикурнула на его мощномъ боку, видалъ я его и на пурпурѣ заката, когда на заревѣ пылающаго неба, онъ, розовый, былъ особенно красивъ и полонъ чего-то мистическаго, таинственнаго, будто живой, одухотворенный; видалъ я его и съ горныхъ вершинъ у Хаконе, вблизи; видалъ хмурымъ, полузакрытымъ сѣрыми тучами, сквозь которыя лишь сквозили серебристыя линіи его боковъ, и всегда онъ былъ великъ и прекрасенъ. Онъ меньше Везувія, въ немъ всего 12,365 футовъ надъ уровнемъ моря, но онъ лучше поставленъ, красивѣе обрамленъ...

Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Іокогамы, на станціи Офуна мы слѣзли. Нашъ поѣздъ шелъ въ Токіо, и намъ нужно было подождать іокогамскаго поѣзда около 40 минутъ. Здѣсь насъ ожидалъ холодный вагонъ. Черезъ полчаса ѣзды мы прибыли въ Іокогаму.

Носильщики въ красныхъ кепи, съ номерами на синихъ курткахъ и въ штиблетахъ, схватили наши вещи и понесли ихъ на рикшъ. Куда ѣхать? Намъ рекомендовали Oriental hôtel—мы приказываемъ ѣхать туда—но рикши въ недоумѣніи—что такое? А Oriental-hôtel сгорѣлъ недавно до основанія. Куда-же ѣхать?

— Здѣсь есть еще два отеля,—говоритъ все-знающій полковникъ—Club-hôtel и Grand-hôtel, Grand hôtel—это будетъ шикарный отель, отель „джигитъ",—Club-hôtel попроще.

Ивановъ тянетъ въ Club-hôtel, но компанія хочетъ быть „джигитъ" и мы ѣдемъ въ Grand-hôtel.

Улица съ легкими извилинами идетъ почти прямо къ нему. На площади, у вокзала бьетъ фонтанъ, виденъ кусокъ моря, мачты и остовы судовъ. Сначала идутъ двухъ этажные дома—это богатая улица японскаго города Хончо-дори. То и дѣло видишь вывѣски Silk-store—шелковыя издѣлія. И какихъ, какихъ тутъ вышивокъ нѣтъ. Вотъ на лѣвой рукѣ и другъ русскихъ, потому другъ, что хорошо говоритъ по-русски—Танабе-санъ. За нимъ японскіе дома кончаются и начинается европейскій кварталъ. Здѣсь дома каменные, двухъ и трехъ-этажные, вдоль панели посажены деревья, появляются экипажи, парныя коляски, запря-

женныя посредственными, большею частью австралійскими или американскими, лошадьми.

Въ Гранд-отелѣ съ насъ взяли по 8 рублей за номеръ съ полнымъ содержаніемъ съ одного и по 14 рублей съ двоихъ. И, едва мы устроились, какъ цѣлая серія всевозможныхъ японцевъ стала стучать къ намъ въ двери и на всѣхъ языкахъ объяснять, что они прачки, фотографы, продавцы рѣдкихъ вещей, издѣлій изъ шелка и слоновой кости.

Широко улыбающійся, толстый и упитанный, низко кланяясь русскимъ гостямъ Іокогамы, явился и Танабе-санъ. Онъ уже пронюхалъ, что пріѣхали русскіе и пришелъ звать къ себѣ, посмотрѣть его вышивки.

— И почему онъ узналъ, что мы русскіе? возмущался Ивановъ.

— Да по вашему не джигитскому виду, хладнокровно говоритъ полковникъ.

— Почему-же? спрашиваетъ сконфуженный Ивановъ.

— Да, когда вы сѣли на рикшу, ваши, pardon mesdames, брюки такъ поднялись, что высокіе сапоги обнаружили свое присутствіе, и всѣ поняли, что вы русскій, потому что кто-же при штатскомъ костюмѣ носитъ высокіе сапоги.

Ивановъ былъ уничтоженъ.

Онъ поѣхалъ таки къ Танабе-санъ, поѣхали и дамы, и Людвигъ Ивановичъ, и полковникъ, и я. Жена Танабе встрѣтила насъ чаемъ съ леденцами вмѣсто сахара и, что дороже того и другого—русскою рѣчью. А когда она, ея мужъ и работникъ стали разворачивать передъ нами вышитыя дорожки, салфетки, покрывала на постели, костюмы и прочія тряпки—наши дамы просто ошалѣли отъ восторга. Жалованье, порціонныя, походныя и 50% по военному положенію ихъ манчжурскихъ и плавающихъ мужей грозило быть забраннымъ и растраченнымъ за годъ впередъ.

— Помилуйте, Анна Сергѣевна, какъ не купить эти вышивки. Всего 12 рублей, а у насъ въ Портъ-Артурѣ за такія просятъ пятьдесятъ рублей.

— Ахъ, какія хризантемы!—восторженно восклицаетъ Анна Сергѣевна, а Танабе, кланяясь въ поясъ, несетъ еще и еще вороха сверкающихъ шелковъ и чудныхъ вышивокъ.

О! японецъ опытный продавецъ. Онъ завлечетъ васъ на покупку своею ласковостью, предупредительностью, готовностью показать вамъ весь магазинъ и глубокою благодарностью и поклонами, если вы купите хотя на гривенникъ.

Но дамы покупаютъ на десятки, на сотни рублей. Ивановъ измучился, подбирая заказанныя ему вышивки по образцамъ, и никогда бы ему не подобрать ихъ, если бы ему не помогла madame Танабе. Съ большимъ вкусомъ она подобрала ему ворохъ матерій. Два часа прошли, какъ минута—я одинъ стоялъ у дверей и глядѣлъ на улицу.

По улицѣ носились рикши; стуча деревянными сандаліями, проходили японцы, да бѣгомъ пробѣгали почтальоны.

Когда все было кончено, Танабе, отвѣшивая поклоны въ поясъ, вышелъ провожать насъ, приговаривая:

— Покупайте еще, милости просимъ и другимъ русскимъ рекомендуйте. Очень благодарствую. Очень пріятно.

Мы пошли смотрѣть другіе магазины.

Что за чудныя вещи въ магазинахъ Іокогамы! Я видалъ вышитую шелками картину, изображавшую льва и львицу. Цѣна 400 рублей (іенъ), но что за вещь! Какія тонкія краски, какой блескъ, каждый волосъ гривы, усовъ, шерсти на своемъ мѣстѣ.

Кромѣ магазиновъ, красиваго рейда и чистаго европейскаго квартала, Іокгоама славится своимъ Блефомъ (Bluff). Блефъ это это то-же для Іокогамы, что острова для Петербурга. На высокой горкѣ, мысомъ выдвинувшейся въ море, разбиты богатые сады. За каменными и желѣзными рѣшетками цвѣтутъ камеліи, повѣсили длинные листы олеандры, стоятъ причудливо подстриженные лавры и елки, видна темная зелень туій и блѣдная прозрачная зелень бамбуковъ. За садами прячутся хорошенькія дачи, маленькіе домики, устроенные по-англійски, на два этажа, стоящіе въ тѣни и зелени. Тихо на Блефѣ. Не видно надоѣдливыхъ рикшъ, не слышно пронзительныхъ криковъ разнощиковъ и щелканья деревянныхъ сандалій. Изрѣдка раздастся топотъ благородныхъ копытъ и пара лошадей, не Богъ вѣсть какихъ лошадей, провезетъ шуршащую резиновыми шинами коляску. Въ коляскѣ вы увидите бѣлокурые волосы, модную шляпку, шелковый зонтикъ и розовое лицо ангельской красоты... Часовъ около шести изъ торговыхъ улицъ Іокогамы, изъ ея конторъ, банковъ и агенствъ придутъ и пріѣдутъ серьезные дѣловые люди, облачатся во фраки и смокинги и при свѣтѣ электричества станутъ священнодѣйствовать въ своихъ элегантныхъ котеджахъ.

Съ Блефа открывается чудный видъ на море, которое кротко плещетъ у его береговъ, задумчивое и синее. Вечеромъ на немъ горятъ огни маяковъ и судовъ, иногда доносится музыка съ

военнаго корабля, или дружный крикъ юлящихъ единственнымъ кормовымъ весломъ на баржѣ японцевъ.

Въ другую сторону подъ Блефомъ разстилается перспектива города, маленькихъ домовъ японскаго квартала, каналы, а еще дельше надъ сизой дымкой полей и лѣсовъ гордо высится Фузи-яма.

На Блефѣ есть общественный садъ съ мягкими газонами для игры въ теннисъ и футъ-боль, съ горками, причудливо подстриженными деревьями, бесѣдками и цвѣтниками; на Блефѣ есть европейское кладбище и въ немъ между чужихъ именъ и званій я нашелъ родныя имена: вотъ молодой русскій лейтенантъ лежитъ подъ мраморной плитою такъ далеко отъ родины, вотъ двое матросовъ нашли себѣ успокоеніе въ англо-японской Іокогамѣ...

И эти родныя могилы было единственное дорогое мнѣ мѣсто въ чопорной и въ то же время торгашеской Іокогамѣ, на ея изящномъ и красивомъ Блефѣ.

Каждый японецъ художникъ въ душѣ. Нигдѣ такъ не развитъ художественный вкусъ, любовь къ изящному, какъ въ Японіи. Стоитъ только посмотрѣть ихъ художественныя вышивки, работы изъ дерева, слоновой кости и перламутра, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ каждомъ ремесленникѣ горитъ особенный feu sacré, помогающій ему подыскивать краски, ловить контуры си движенія. Но этотъ feu sacré у японца совершенно отличный отъ того feu sacré, который появляется у избранныхъ натуръ изъ европейцевъ. Японецъ будетъ годами корпѣть надъ какимъ-нибудь мотивомъ, усвоитъ его въ совершенствѣ и тогда начнетъ его повторять безконечно. Японскія хризантемы, группы играющихъ макакъ, цвѣтущая вишня, рыбы, рѣзвящіяся въ мутноѣрыхъ струяхъ, ирисы, птицы разныхъ породъ, Фузи-яма — вотъ тѣ мотивы, которые неизмѣнно повторяются и на вазахъ клуазонне, и въ вышивкахъ, и въ длинныхъ акварельныхъ панно, которыя въ богатыхъ японскихъ домахъ принято вѣшать отдѣльныя на каждое время года. Японскій художникъ работаетъ быстро, эскизно, не вырабатывая деталей. Его рисунокъ живетъ чистыми контурами, вѣрно подмѣченными движеніями, живо схваченными красками. Декадентство — эта погоня за настроеніемъ, извѣстно японцу раньше, чѣмъ оно появилось у насъ и въ японскихъ панно много настроенія. Но однообразіе мотивовъ обезцѣниваетъ художественныя вещи Японіи. Тутъ нѣтъ unica, но со всего имѣются безподобныя копіи, часто того-же самаго художника.

Въ кругъ образованія японской дѣвушки входитъ, между прочимъ, умѣнье играть на музыкальномъ инструментѣ, танцовать и писать акварелью. Но японскихъ дѣвушекъ учатъ не рисовать, а копировать и притомъ быстро, эскизно, затверженные рисунки. Художественный глазъ есть у японца, онъ видитъ вѣрно. Теперь чаще и чаще появляются въ Японіи работы на европейскій образецъ и произведенія японскихъ художниковъ заняли-бы не послѣднее мѣсто среди нашихъ передвижниковъ и академистовъ. У японскаго художника и вѣрный мазокъ, и правильный колоритъ, и сильно развитое чувство мѣры.

Вотъ музыка не далась японцамъ. Японскіе мотивы не сложны, грубы и неизящны. Трещотка и барабанъ, сопровождающіе пиликанье скрипки, тренькаые гитары и тягучія ноты пѣнія отзываются Китаемъ.

Японецъ не только любитъ красиво написанныя картины, но онъ любитъ и красоту цвѣтовъ, и красивыя картины природы. Часто приходится видѣть японца гдѣ нибудь на горѣ, или на берегу моря, углубившагося въ созерцаніе пейзажа. Цвѣтеніе вишенъ въ Nunobiki road въ Кобэ — привлекаетъ въ чайный домикъ подъ водопадомъ компаніи японцевъ, гейшъ и японокъ. И все это сидитъ между скалъ, слушаетъ незатѣйливое пѣніе гейшъ и любуется, часами любуется красотою розовыхъ деревъ, меланхолично льющихся струй и ловитъ ухомъ говоръ водъ.

Когда лѣтомъ наступятъ японскія жары и душно, и пыльно станетъ въ Токіо, Іокогамѣ и Кіото, японцы спѣшатъ въ прохладу горныхъ лѣсовъ, чтобы тамъ отдохнуть, любуясь природой и вдыхая ароматный воздухъ горъ. И европейцы покидаютъ тогда тѣнистый Блёфъ и ѣдутъ за японцами предпринимать прогулки въ горы и отдыхать въ богатыхъ и удобныхъ японскихъ отеляхъ.

Такихъ мѣстъ много. Но однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ считается горный треугольникъ Міанóшита — Хакóне — Атàми — японская Швейцарія и Ривьера вмѣстѣ. Въ эти мѣста наиболѣе удобное сообщеніе, здѣсь лучшіе отели и сюда толкнулся и я, чтобы еще разъ посмотрѣть японца на волѣ, въ свободномъ кимонó, прежде чѣмъ смотрѣть и изучать его въ мундирѣ, при исполненіи государственныхъ обязанностей.

Въ 11 час. 10 мин. утра мы, заплативъ за билетъ I класса по 1 р. 30 к. (1 іена 30 сеновъ), выѣхали изъ Іокогамы въ Кодзу и черезъ полтора часа пріѣхали въ эту японскую деревушку. Отъ станціи до горнаго кряжа, въ глубинѣ котораго, въ тѣни сосно-

выхъ и кедровыхъ лѣсовъ, притаилась Міаношита идетъ электрическій трамвай. Конечный пунктъ его дер. Юмоту (билетъ 1 кл. 80 к.).

Все время пути вы видите изъ оконъ вагона коричневые японскіе дома, лавки, чайныя заведенія, все время улица кишитъ народомъ. Вотъ оживленіе кончилось, прекратилось на минуту суетное движеніе и линія домовъ прервалась, вы въѣхали въ аллею громадныхъ кедровъ, молодой сосновый лѣсокъ побѣжалъ къ морю. Пахнуло свѣжестью, вотъ-вотъ подымется высокій лѣсъ и зашумитъ надъ головами, но нѣтъ — не проѣхали и пятидесяти саженей, какъ и лѣсъ и аллея кончились, опять дома, опять деревни, люди, лавки и торговля. Товары везутъ больше люди. Рѣдко увидишь вьючную корову, еще рѣже лошадь, запряженную въ телѣгу, — *всадника не увидишь нигдѣ.* За деревней мелькнутъ на минуту квадраты рисовыхъ полей и огородовъ и опять дома. И кругомъ на горизонтѣ, по склонамъ горъ видишь темныя пятна маленькихъ деревень, отдѣльныя фермы и громадныя вычурныя вывѣски, иногда двухъ и трехсаженныя изображенія людей, бутылокъ и разныхъ издѣлій — это рекламы фабрикантовъ табака и пива, „Kirin beer“ и „Jebisu beer“ и т. п.

Но вотъ на склонѣ горы и Юмоту. Лакеи чайнаго дома кидаются на нашъ багажъ и несутъ его на лавки открытаго чайнаго дома. Японки окружаютъ съ ласковыми улыбками, предлагая чай, миканы и прѣсныя мучнистыя сласти. Но даже и Иванова „съ души рветъ“ отъ японскихъ угощеній. Да и горная широкая тропа манитъ наверхъ, въ горы — не до чая теперь. Мы нанимаемъ рикшу подъ вещи за 1 іену, а сами идемъ пѣшкомъ въ горы.

Сейчасъ же за Юмоту начинается узкая лѣсная долина. Теперь зима, январь мѣсяцъ, холодно въ горахъ, выпалъ снѣгъ. Онъ таетъ правда и тысячи ручьевъ, горныхъ потоковъ и водопадовъ съ рѣзвымъ говоромъ несутся между камней и скалъ. Природа богатая, воздухъ чудный. Вотъ въ густой заросли бамбуковъ притаилась пальма, рядомъ кедръ, уксусное дерево, лимонъ и камелія въ цвѣту. Выше и выше поднимается неширокая дорога. Внизу шумитъ ручей. Бѣлая пѣна несется между камнями среди густой заросли деревьевъ и кустовъ. Наверху причудливые изгибы горъ, покрытыхъ снѣгомъ и голубое небо. Долина развѣтвляется. Новые горные хребты вступаютъ въ нее темнозелеными отъ хвойныхъ лѣсовъ вершинами, удваиваютъ и утраиваютъ ее.

Мы идемъ около восьми верстъ и вотъ большіе двухъэтажные дома, мостъ черезъ пропасть, продажа фотографій, деревянныхъ издѣлій и богатый отель Фужія. Японецъ въ чистомъ кимоно отводитъ намъ комнаты (7 р. за одного и 11 р. за двоихъ); являются горничныя-японки, прибираютъ ихъ, потомъ въ уютной столовой у камина англійскій обѣдъ въ обществѣ пышной леди и стриженой американки, потомъ прогулка при свѣтѣ луны по снѣгомъ покрытымъ тропинкамъ, чудная картина вершинъ, облитыхъ луннымъ свѣтомъ лѣсовъ и водопадовъ и крѣпкій сонъ на мягкой постели.

— Это хорошая награда за манчжурскія лишенія, говоритъ засыпая тихимъ сномъ Ивановъ.

Утромъ, послѣ break feast'a насъ ожидаютъ верховыя лошади. Изъ Міаношита въ Атами рекомендуется ѣхать верхомъ. За лошадь *съ пѣшимъ проводникомъ* берутъ 3 іены 50 сеновъ, вещи за одну іену несетъ пѣшій кули. Отъ Міаношиты до Атами около 30 верстъ.

Лошади поданныя намъ... Но вѣдь это лошади, на которыхъ сядетъ японская кавалерія, которыя повезутъ обозъ и все прочее, когда японцы вздумаютъ, однажды, завоевать весь міръ, начавъ свое завоевательное движеніе съ Кореи и Манчжуріи.

Лошади — это двѣ гнѣдыя кобылы, безъ вершковъ, поросшія косматой шерстью, давно нечищенныя, а можетъ быть и никогда нечищенныя, ковка неважная, тѣла нѣтъ, а есть одно пузо. На этихъ жалкихъ животныхъ, у которыхъ одни только благородные глаза говорили, что это лошади, неумѣло были положены, истрепанныя, связанныя веревочками англійскія сѣдла.

Мы сѣли и поѣхали. Разбитыя клячи шли по привычной тропѣ увѣреннымъ шагомъ, норовя сорвать траву или листья по пути.

Подъемъ былъ крутой и каменистый. Между каменьями лежалъ снѣгъ. Лѣсъ скоро кончился и начались вершины, поросшія высокой желтой травой, такъ напомнившія намъ Манчжурію.

Часа черезъ три пути, внизу показалось удивительной красоты горное озеро, замокъ на лѣсномъ мысѣ среди него и дома. Это Хаконе, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Японіи. Здѣсь надъ озеромъ, полупокрытый тучами, мощно гомоздился надъ горами величественный Фузи-яма...

Изъ Хаконе проводники повели насъ по вершинамъ горныхъ хребтовъ, по узкимъ тропинкамъ.

Подъ ногами, какъ на рельефномъ планѣ виднѣлись отдѣль-

ные хребты, долины, поросшія густыми лѣсами, деревни, тропинки и красивый голубой заливъ, округло обрѣзавшій берегъ. Море видно далеко. Въ туманной дымкѣ оно совершенно сливается съ небомъ и не скажешь, гдѣ конецъ его и начало неба. Холодно въ горахъ. Здѣсь снѣгъ не таетъ. Лошади утопаютъ въ заносахъ по колѣно и еле бредутъ. Узкая тропинка безконечна. Кругомъ жесткая сухая трава, ниже вершины сосенъ и криптомерій, еще ниже лѣса бамбуковъ, лавровъ и апельсиновъ.

Но вотъ горы круто спускаются къ морю. Мы идемъ пѣшкомъ, жалко усталыхъ лошадей. И съ каждымъ шагомъ становится теплѣе.

Въ Атами—бьетъ гейзеръ, пуская громадные клубы пара; вверхъ отъ гейзера идутъ бамбуковыя трубы и ведутъ горячую воду въ десятки бань, которыми полно мѣстечко. Улицы Атами, широкія и хорошо мощеныя, спускаются къ морю. Въ садахъ растутъ миканы и пальмы, видны алые цвѣты камелій. Воздухъ теплый. Атами, какъ Ницца, закрыта горами съ сѣвера и востока и открыта къ южной морской бухтѣ. Здѣсь дивныя мѣста, здѣсь рай земной. Деревянные и картонные дома полны жизни, на улицахъ горятъ электрическія лампочки, всюду бѣжитъ вода горячаго источника, всюду чистота. Насъ пріютилъ японскій Хигуши-отель, стоящій на берегу моря, менѣе богатый, чѣмъ гостинница въ Міаношита, но отель чистый, хорошо содержанный и даже изящный...

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи насъ разбудилъ набатъ и крики. Я кинулся къ окну. Среди свѣтлой лунной ночи, шагахъ въ двухстахъ отъ гостинницы, пылало громадное зарево. Слышались крики, гулъ голосовъ: по всѣмъ улицамъ и переулкамъ были видны большія свѣтлыя точки круглыхъ и овальныхъ бумажныхъ фонарей, съ которыми спѣшили обыватели на пожаръ.

И мнѣ представился весь городъ, созданный изъ сухихъ кустовъ, соломы и бумаги, какъ громадный костеръ. И часа не пройдетъ, какъ запылаетъ все—будетъ море огня, будетъ потрясающая картина стихійной силы и человѣческаго бѣдствія.

Въ минуту мы были одѣты и на улицѣ. У гостинницы стояли слуги. Ни лакеи, ни горничныя японки, никто не побѣжалъ на пожаръ. Большой пожарный насосъ былъ поставленъ подлѣ пруда съ золотыми рыбками въ саду, а на крышу отеля внесли кадки съ водой и тамъ дежурили наготовѣ люди. И у каждаго дома остались люди. На каждой крышѣ была припасена вода. А на пожарѣ съ хоровою нескладной пѣснью работали

обыватели, качая воду двумя насосами, разбирая сосѣдніе дома, выдвигая стѣнки, чтобы локализировать огонь. Ни плача, ни воя, ни причитаній. Образцовая дисциплина и порядокъ, нѣтъ толкотни. Имущество погорѣльцевъ снесено въ садъ при храмѣ и тамъ дежурятъ два городовыхъ при сабляхъ. Страшное бѣдствіе ограничилось тремя домами.

Въ восторгѣ отъ видѣннаго мы возвращались домой.

На другой день мы сѣли въ маленькій вагончикъ, поставленный на рельсы, и четверо японцевъ покатили насъ въ гору. Съ горы вагончикъ катился самъ, а люди становились на подножки вагоновъ и мы весело и стремительно неслись по горному карнизу мимо морского берега.

Виды были одинъ красивѣе другого.

— Это рай земной, вздыхаетъ Ивановъ,—какъ уѣхать отсюда!

Его отпускъ кончается на-дняхъ и онъ меланхолично настроенъ.

Черезъ четыре часа ѣзды по горамъ мы пріѣхали въ деревню Одавари, оттуда по той же электрической конкѣ проѣхали въ Кодзу и въ 6 часовъ вечера вернулись обратно въ Іокогаму...

. . . .

Да это рай земной! И Нагасаки съ ея смѣющимся заливомъ рай, и Кобэ съ улицей вишневыхъ деревьевъ и водопадомъ, и Міаношита, и Хаконе, и Атами, и много много другихъ мѣстечекъ и уголковъ веселой жизнерадостной Японіи—рай земной. И жить-бы японцамъ въ этомъ раю, ткать шелки, расшивать ихъ пестрыми художественными узорами, рисовать рыбокъ и птичекъ, точить слоновую кость, рѣзать дерево и чаровать весь міръ своимъ кропотливымъ искусствомъ.

Но нѣтъ, другого хочется Японіи. Она вдругъ признала себя не чѣмъ-то особеннымъ, красивымъ, вычурнымъ, не порогомъ отъ Европы къ Азіи, не ступенью къ Китаю, а европейскимъ государствомъ. Вдругъ показалось японцамъ, что они не желтые, а бѣлые; услужливые англичане увѣрили ихъ въ этомъ и японцы задумались... Появился флотъ, нѣмецкіе мундиры, ружья, пушки, инструкторы. На бѣду попался Китай. Его хорошо поколотили. И вотъ отуманенному взору японца представилось, что онъ дѣйствительно великъ и силенъ. Въ газетныхъ листкахъ стали чаще и чаще появляться сенсаціонныя статейки о томъ, что пора де ногою твердой стать при сушѣ, закрѣпить свою культуру цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для начала на азіатскомъ материкѣ. Появилась брошюра, изданная въ Токіо и нынѣ воспрещенная правительствомъ, приводившая доводы къ тому, что

настало время объявить войну... Кому-бы вы думали?... Россіи... Услужливая англійская печать превознесла до небесъ японскую армію и японскаго солдата. Наши большія газеты написали рядъ статей о прекрасномъ состояніи вооруженныхъ силъ Японіи, и въ русскомъ обществѣ явилось сознаніе, что мы на дальнемъ востокѣ нажили себѣ опаснаго врага.

Въ манчжурской глуши я слышалъ вопросы, какъ мы будемъ обороняться противъ *японской* арміи и это слово „японской" произносилось съ такимъ уваженіемъ, какъ будто дѣло шло о германской арміи. Приводили примѣры мужества японцевъ, ихъ отличной дисциплины и чудной интендантской части. Дамскіе разсказы о выносливости рикшъ, бѣгущихъ 9 верстъ въ часъ *), о силѣ японцевъ и ихъ неиспорченности были приняты, какъ доказательство боевого духа и изъ Японіи вмѣсто кокетливой, улыбающейся гейши, вмѣсто цвѣтущей страны, полной жизни, пѣсенъ и веселья, создалось что-то грозное, опасное—особая если и не желтая, то блѣдно-желтая опасность...

Съ необыкновеннымъ вниманіемъ присматривался я ко всему военному въ странѣ, знакомился со всѣми людьми, долго жившими въ Японіи и могущими мнѣ дать нужныя указанія, старался понять японца, какъ элементъ, изъ котораго создается солдатъ, глядѣлъ и лошадей, и поля, и казармы и пришелъ къ выводу... Но лучше вы послушайте мой правдивый разсказъ о всемъ, что я видѣлъ военнаго въ не военной Японіи и сдѣлайте свой выводъ о томъ, существуетъ-ли для великой Россіи опасность отъ маленькой хорошенькой Японіи?

„Laos"—Южно-Китайское море, рѣка Вампу, 21—23 янв. 1902 г.

*) Черевкова. Очерки современной Японіи. Очень хорошая, дѣльная книга для желающихъ путешествовать по Японіи.

Фужія—отель въ Міаношита.

XLII.

Японская кавалерія.

Составъ вооружённыхъ силъ Японіи. — Воинская повинность. — Японецъ рекрутъ. — Воспитаніе. — Религія. — Муштра въ полку. — Стойкость японцевъ. — Унтеръ-офицеры. — Офицеры. — Посѣщеніе японской кавалерійской школы. — Собраніе. — Составъ школы. — Обмундированіе. — Конскій составъ. — Манежная ѣзда. — Преодолѣваніе препятствій. — Въ 1-мъ кавалерійскомъ полку. — Офицерское собраніе. — Офицерскій обѣдъ. — Казармы. — Хозяйственныя постройки. — Кузница. — Ковка. — Конюшни. — Обученіе ѣздѣ, гимнастикѣ и фехтованію. — Рекруты и наѣздники. — Составъ японской кавалеріи. — Невольныя параллели. — Въ Іокогамѣ.

Сухопутныя вооруженныя силы Японіи слагаются изъ: 1) *постоянной арміи* (зіоби-гунъ), *запаса* ея (іоби-гунъ) и *рекрутскаго* резерва (хозю-хей), 2) *территоріальной арміи* (коби-гунъ), 3) *народнаго ополченія* (кокуминъ-гунъ), 4) *милиціи* (тонъ-денъ-хой) остр. Хоккаидо и милиціонныхъ командъ (кеби-тай) остр. Тсусима и Гото.

Къ отбыванію воинской повинности привлекаются всѣ японцы, достигшіе 17-лѣтняго возраста. Они несутъ ее до 40-лѣтняго возраста, находясь 3 года на дѣйствительной службѣ (генъ-эки), 4 года 4 мѣсяца въ запасѣ постоянной арміи и 5 лѣтъ въ территоріальной арміи (коби), а всего 12 лѣтъ и 4 мѣсяца, послѣ чего зачисляются въ народное ополченіе, въ которомъ остаются до 40-лѣтняго возраста. Молодые люди, остающіеся по разверсткѣ въ избыткѣ зачисляются въ рекрутскій резервъ. Нижніе чины, прослужившіе два года подъ знаменами и оказавшіеся хорошо образованными въ военномъ дѣлѣ увольняются въ годичный отпускъ, изъ котораго перечисляются прямо въ запасъ. Отъ военной службы въ мирное время освобождаются чиновники, состоящіе на государственной службѣ, выборные члены губернскихъ и городскихъ собраній, буддійскіе и синтоискіе жрецы, профессоры и учители правительственныхъ и учебныхъ заведеній, если всѣ они въ теченіе семи лѣтъ не лишатся своего званія или положенія.

Лица, имѣющія менѣе 5 фут. роста, или болѣзненнаго и слабаго развитія, получаютъ отсрочку на годъ, и, если въ теченіе этого года не поправятся, зачисляются прямо въ народное ополченіе. Молодые люди, являющіеся единственной поддержкой семьѣ, получаютъ послѣдовательную годичную отсрочку въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего зачисляются въ народное ополченіе. Наконецъ, молодые люди, находящіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, получаютъ отсрочку до 28-ми-лѣтняго возраста, послѣ чего или обязаны поступить на службу на годъ вольноопредѣляющимися, или подлежатъ призыву на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ главнымъ, первенствующимъ сословіемъ въ японской арміи являются японскіе крестьяне, жители японской деревни. Отъ солдата прежде всего требуется, чтобы онъ имѣлъ здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ. Солдатъ долженъ быть нравственъ, твердо вѣрить въ Высшее Начало, онъ долженъ быть крѣпокъ, силенъ, храбръ, выносливъ, терпѣливъ и послушенъ, кромѣ того для болѣе легкаго и скораго приготовленія хорошаго солдата нужны еще особыя физическія качества, которыя даются человѣку жизнью среди природы, лишеній и опасностей. Японцы нашли достаточнымъ для подготовки своихъ солдатъ держать ихъ *отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ* въ дѣйствующихъ полкахъ, но намъ кажется, что они пришли къ этому рѣшенію не на основаніи опыта, а просто путемъ точнаго копированія административныхъ порядковъ германской арміи.

Маленькій японецъ-крестьянинъ съ первыхъ дней своего рожденія и до 3-хъ—4-хъ лѣтняго возраста безпомощно мотается привьюченный за спиною своей матери или сестры, не имѣя ни движенія, ни воздуха, постоянно сотрясаемый при сгибаніи нянькой ея спины. Ноги маленькаго японца кривятся въ неловкой позѣ, а голова постоянно болтается со стороны на сторону. Чистота, составляющая одно изъ непремѣнныхъ условій быта японца, не распространяется на дѣтей, и дѣти японцевъ вѣчно покрыты лишаями, болячками, грязны и неопрятны. 4-хъ лѣтъ японецъ спускается на землю и здѣсь впервые предается дѣтскимъ играмъ и забавамъ. Дѣвочки играютъ въ мячъ, мальчики гоняютъ кубарь или забавляются воздушнымъ змѣемъ. У нихъ нѣтъ друга и повѣреннаго ихъ дѣтскихъ тайнъ въ лицѣ собаки, лошади или коровы; дѣтскія головки не прислушиваются къ мычанью стадъ, ржанію лошади, или блеянью овецъ; дѣтскія голыя ножонки не охватываютъ костлявую и вытертую спину кормильца Сѣрка и дѣти не скачутъ по вечерамъ съ заливистымъ смѣхомъ провожать табунъ въ поемные луга, или въ ароматную степь. Нѣтъ у японскаго мальчика и страшнаго, и поэтичнаго *ночною* возлѣ костра, вблизи похрапывающаго и жующаго табуна. Крѣпкимъ сномъ спитъ японская деревня всю ночь — ей нечего стеречь, нечего дѣлать по ночамъ въ поляхъ и лугахъ... Едва ребенокъ подростетъ — онъ начинаетъ изучать грамоту въ народной школѣ, идетъ на огородъ, или въ маленькое поле... Да поле-ли?.. Въ маленькій клочокъ засѣянной земли, а по вечерамъ садится клеить и лакировать коробку, рѣзать дерево, сушить шелковыя нити или вышивать.

Нѣтъ простора для глазъ. Глаза начинаютъ болѣть и на носу появляются очки. Нигдѣ я не видалъ такъ много простого народа въ очкахъ, какъ въ Японіи. Міръ японца ограничивается тѣснымъ уголкомъ его маленькаго поля, его раздвижнымъ домомъ и окрестными горами. По праздникамъ вся школа уходитъ въ горы. Рано познаетъ японецъ красоты природы и цвѣтовъ и становится художникомъ въ душѣ.

Онъ не мучитъ и не тиранитъ ни птичекъ, ни собакъ, онъ не тискаетъ кошку, не сторожитъ съ тенетами лѣсного звѣрька, не пытается стрѣлять изъ ружья, взятаго у лѣсника или охотниковъ. Мало охотниковъ въ Японіи, нѣтъ ружей у лѣсниковъ.

Не знаю, говорятъ-ли въ школѣ японцу объ ученіи Будды, толкуютъ-ли ему о величіи Нирваны въ сравненіи съ мимолетной суетой земной жизни, но уже одно отсутствіе печальныхъ одеждъ

по покойникѣ, спокойное къ нему отношеніе, пріучаютъ японца холодно смотрѣть на жизнь и смерть и не бояться смерти. Не религія, не церковь и не богослуженіе его утѣшаютъ, а вѣра, что все земное смертно, даетъ ему крѣпость переносить и страданія, и самую смерть тихо и безропотно.

Одежда японскаго юноши проста и свободна. Это по большей части длинная ниже колѣнъ рубаха синяго цвѣта, съ короткими широкими рукавами, *кимоно*, на головѣ у него ничего, или широкая соломенная шляпа, на ногахъ узкіе штаны, чулки съ выдѣленнымъ, какъ въ рукавицѣ большимъ пальцемъ и соломенная лепешка въ формѣ подошвы въ сухое время года или маленькая деревянная скамеечка, привязанная веревкой — въ грязь. Онъ привыкъ ходить въ ней, привыкъ сидѣть на полу, ѣсть палочками, онъ свободенъ и ловокъ въ своихъ движеніяхъ.

Ему наступаетъ 17 лѣтъ и онъ поступаетъ въ полкъ. Здѣсь все ново для него. И сапоги, которые нужно учиться носить, и узкій мундиръ, и высокое кепи, и ружье, и бѣлые гамаши. Но японецъ способенъ перенимать все. Онъ терпѣливъ и усерденъ. Онъ привыкъ слушать своего отца, онъ дисциплинированъ. И вотъ, комично сгибая колѣни, онъ маршируетъ въ тяжелыхъ сапогахъ, бѣгаетъ, дѣлаетъ гимнастику, ружейный артикулъ. Онъ дрессируется на военную службу. Онъ научается ходить медленнымъ и неуклюжимъ шагомъ, все дѣлать по командѣ, онъ учится стрѣлять. Это всего труднѣе для него. Но подлѣ торчитъ неумолимый унтеръ - офицеръ инструкторъ и эта наука осиливается японцемъ. Затѣмъ идетъ краснорѣчивый разсказъ о безчисленныхъ побѣдахъ Японіи надъ Китаемъ, изученіе прусской словесности по маленькимъ уставнымъ книжкамъ и солдатъ готовъ. Онъ умѣетъ держать въ чистотѣ и порядкѣ имущество и казарму — потому, что и дома у него идеальная чистота, онъ вымытъ, довольно опрятно одѣтъ, маршируетъ на парадѣ, безукоризненно точенъ на часахъ и все то, что ему показали и чему его научили, исполняетъ съ точностью механизма, — онъ не боится смерти, — онъ не пьянствуетъ, не кутитъ, не дѣлаетъ самовольныхъ отлучекъ — помилуйте, да онъ идеальный солдатъ.

Но есть вещи, которыя даются не изученіемъ, а природой. Военное дѣло, какъ дѣло, въ которомъ прежде всего участвуетъ духовная сторона, требуетъ качествъ, требуетъ знаній, которыхъ въ человѣка не вложишь, которымъ не научишь.

Есть тяжелая *полевая служба.* Нужно умѣть съ ружьемъ и ранцемъ дѣлать длинные и быстрые переходы, не спать ночей

на постахъ и заставахъ, быть вѣчно готовымъ къ тревогѣ. Японцы пока воевали только съ Китаемъ, да усмиряли возстанія у себя, внутри страны. И тутъ, и тамъ они были хозяевами положенія. Въ Китаѣ они избивали китайцевъ, находили ихъ, составляли планъ боя и согласно этого плана дѣйствовали. Когда они уставали — они отдыхали, словомъ они дѣлали то, что было имъ по силамъ и по характеру.

Въ атаку японцы бѣгутъ съ дикими воплями, они сильно бьютъ штыкомъ, ихъ офицеры колютъ и лично подаютъ примѣръ солдатамъ. Видъ у нихъ дикій, кровопролитіе имъ не противно.

Въ бою, по заранѣе обдуманному плану, особенно въ оборонѣ, японскій солдатъ упоренъ. Если ему сказать—иди и умри, на тебя смотрятъ—онъ пойдетъ и умретъ, спокойно, равнодушно, почти съ удовольствіемъ—и эти прекрасныя качества японскаго солдата и создали ему славу воина, поставили его рядомъ съ нашимъ солдатомъ, дали ему мѣсто, которое онъ не заслужилъ.

Попробуйте смѣшать, озадачить японца чѣмъ нибудь такимъ, чему его не учили. Сдѣлайте нападеніе, не предусмотрѣнное начальниками, заставьте эту машинку дѣлать то, чего ему не показывали, чего нельзя было предвидѣть и все обаяніе его храбрости пропадетъ—передъ вами будетъ растерявшійся человѣкъ, способный на все, даже на панику.

Японскій солдатъ слабъ. Японскій носильщикъ или кули съ трудомъ поднимаетъ чемоданъ, который, какъ перышко, понесетъ любой нѣмецъ и тѣмъ болѣе русскій. Рикши, пробѣгающіе девять верстъ въ часъ, находятся... только въ дамскихъ книжкахъ, тѣ-же рикши, услугами которыхъ приходилось мнѣ пользоваться, и кашляли, и по мало-мальски скользкому грунту едва тащили телѣжку. Большинство моихъ поѣздокъ по Японіи на рикшахъ я сдѣлалъ пѣшкомъ, потому что жалость не позволяла мнѣ сидѣть въ коляскѣ и смотрѣть, какъ сгибается, напрягая свои мускулы и жестоко страдая, несчастный рикша. И пѣшкомъ, идя ровнымъ мѣрнымъ шагомъ, я мало отставалъ отъ нашихъ дамъ, ѣхавшихъ на рикшахъ.

Мое личное впечатлѣніе—это, что военное дѣло не совсѣмъ пристало японцу. Оно придумано для него шовинистскимъ правительствомъ полнымъ милитаристическихъ убѣжденій. Японскій солдатъ слабъ, но онъ хорошо дисциплинированъ, способенъ къ дрессировкѣ и все, чему онъ обученъ, выполнитъ точно, хорошо, не щадя живота.

Хорошій унтеръ-офицерскій и офицерскій составъ до нѣкоторой степени могли-бы пополнить недостатки мозгового организма японца и подготовить его къ болѣе быстрому мышленію, словомъ дать японскому солдату ту необходимую, предпріимчивую, активную храбрость, увлечь его своимъ примѣромъ, восполнить его недостатки.

Въ Японіи существуютъ: *старшій фельдфебель* (токму-со-чо), *фельдфебель* (со-чо), *старшій унтеръ-офицеръ* (итто-гунъ-со) и *младшій унтеръ-афицеръ* (нито-гунъ-со). Первоначально для подготовленія къ этимъ должностямъ были организованы унтеръ-офицерскія школы (кіодо-данъ) съ двухгодичнымъ курсомъ, но правительству скоро пришлось отказаться отъ этого способа комплектованія арміи унтеръ-офицерами. Въ еще вчера полудикомъ государствѣ уже развился соціализмъ и въ мелкихъ газетныхъ листкахъ стали появляться статейки, направленныя противъ офицеровъ. Писалось, что съ какой стати унтеръ-офицеръ будетъ подчиняться офицеру, когда первый проходитъ двухгодичный курсъ, а второй только въ продолженіе 12-ти мѣсяцевъ изучаетъ военныя науки. Дисциплина, которой такъ гордились японцы, шаталась, подъ вліяніемъ газетныхъ статей, были случаи неповиновенія унтеръ-офицеровъ офицерамъ, тщательно скрываемые японцами и замятые ими, но унтеръ-офицерскія школы пришлось закрыть, какъ разсадникъ сквернаго духа въ юной, еще не сложившейся арміи. Временно начали готовить унтеръ-офицеровъ при ротахъ, призывая для этого людей съ воли. Для лучшей же приманки такимъ унтеръ-офицерамъ было обѣщано, по окончаніи срока службы, давать мѣста писцовъ въ разныхъ административныхъ учрежденіяхъ. Но какое могли имѣть вліяніе унтеръ-офицеры, взятые съ воли, по большей части изъ среды горожанъ, не служившіе въ ротѣ, на старыхъ солдатъ, уже пробывшихъ нѣкоторое время подъ знаменами? При томъ ихъ готовили скорѣе для дѣятельности писцовъ, нежели для унтеръ-офицерской инструкторской и воспитательской работы. Унтеръ-офицеры получались плачевные.

Съ прошлаго года японцы перешли, какъ они и сами сознались—къ русскому способу комплектованія унтеръ-офицерами—именно къ подготовкѣ способнѣйшихъ рядовыхъ къ занятію унтеръ-офицерскихъ мѣстъ въ полковыхъ учебныхъ командахъ.

Вся тяжесть обученія, или вѣрнѣе для японской арміи—*дрессировки* солдата должна такимъ образомъ лечь на офицера. Японцы отказались уже давно отъ европейскихъ инструкторовъ

и имѣютъ свои собственныя военно-учебныя заведенія, подготовляющія имъ офицерскій составъ для всей арміи.

Офицерскіе чины въ японской арміи слѣдующіе: *маршалъ* (тай-сіо), *генералъ-лейтенантъ* (чіу-сіо), *генералъ-маіоръ* (сіо-сіо), *полковникъ* (тай-са), *подполковникъ* (чіу-са), *маіоръ* (сіо-са), *капитанъ* (тай-и), *поручикъ* (чіу-и) и *подпоручикъ* (сіо-и). Корпусъ офицеровъ постоянной арміи пополняется исключительно производствомъ *минарай-сикановъ*, отвѣчающихъ нашимъ подпрапорщикамъ. Молодые люди, желающіе посвятить себя военной службѣ, по окончаніи народной школы, поступаютъ въ военную школу (іоненъ-гакко) съ одногодичнымъ курсомъ, или вольноопредѣляющимися въ полки и по прослуженіи первые—4-хъ мѣсяцевъ, а вторые—10-ти мѣсяцевъ и по окончаніи ими послѣ этого 14-ти-мѣсячнаго курса въ военной школѣ (сиканъ-гакко) они производятся въ подпрапорщики, поступаютъ на вакансіи въ полки и несутъ службу наравнѣ съ офицерами. По удостоенію ближайшаго начальства и съ согласія офицеровъ части они производятся въ первый офицерскій чинъ. Далѣе производство идетъ до чина капитана, въ каждой части отдѣльно на вакансіи по линіи и за отличіе. Затѣмъ производятъ по цѣлому роду оружія.

Сознавая, что неожиданность есть слабое мѣсто японской арміи, японцы особенно заботятся о хорошемъ устроеніи своей кавалеріи, глазъ и ушей арміи, и не жалѣютъ средствъ на пріобрѣтеніе лошадей за границей, на командированіе офицеровъ въ Сомюрскую и Ганноверскую офицерскія школы ѣзды, на правильное обученіе своихъ кавалеристовъ. Вѣдь если въ одинъ прекрасный день имъ придется, повинуясь хвастливому призыву шовинистовъ, переброситься за море и начать наступательныя дѣйствія не въ горахъ и рисовыхъ болотахъ Японіи, а на материкѣ,—кавалеріи придется занять видное мѣсто, играть большую роль въ военныхъ операціяхъ.

Описывая свои прогулки по Японіи, я особенно напиралъ на полное отсутствіе лошадей въ этой горной густо заселенной странѣ. Слово *японская кавалерія,* по мѣрѣ того, какъ я дальше и дальше углублялся въ страну, становилось для меня менѣе и менѣе понятнымъ. И я жаждалъ увидѣть, разсмотрѣть, понять и постигнуть японскую кавалерію...

Получить разрѣшеніе осмотрѣть какую-нибудь часть въ Японіи нелегко. Японцы народъ подозрительный и притомъ они большіе секретники. Только благодаря любезному содѣйствію нашего военнаго агента въ Японіи, мнѣ удалось добиться позволенія

осмотрѣть японскую офицерскую апликаціонную школу ѣзды въ г. Токіо и 1-й кавалерійскій полкъ. На первыя просьбы отвѣтомъ было глубокомысленное втягиваніе воздуха сквозь зубы и цѣлый рядъ вопросовъ: Кто? Зачѣмъ? Что онъ хочетъ смотрѣть?“— Было отвѣчено:—„все“. И опять это втягиваніе воздуха—„Сссъ, какъ все? Почему все? Надо спросить у начальства“. - Пришлось дойти до военнаго министра и отъ него получить два билета, которыми „is permitted to visit the Cavalry Application School“ и „1 Cavalry Regiment“—назначенъ день и часъ посѣщенія и обѣ части предувѣдомлены, какъ и что показать.

Пока это все тянулось, я успѣлъ совершить поѣздку въ горы и приглядѣться нѣсколько къ японцу-крестьянину.

Былъ чудный, ясный, слегка морозный, но очень солнечный веселый январьскій день, когда я съ полковникомъ В. въ каретѣ парой мышастыхъ лошадей подъѣхалъ къ деревяннымъ воротамъ кавалерійской школы. И школа, и полкъ помѣщаются за городомъ, на обширныхъ плоскогорьяхъ, занятыхъ когда-то имѣніями феодаловъ-сіогуновъ и конфискованныхъ правительствомъ. Неподалеку отъ казармъ раскинулось и широкое Аоянское поле— Царицынъ лугъ города Токіо.

Насъ встрѣтилъ ротмистръ, совсѣмъ не похожій на японца— высокій, плечистый, хорошо сложенный, съ большими черными усами. Онъ провелъ три года въ Ганноверѣ и прекрасно говорилъ по-нѣмецки.

— Пройдемте въ собраніе посидѣть немного, сказалъ онъ, и повелъ насъ черезъ просторный дворъ къ двухэтажному каменному зданію. Мы поднялись во второй этажъ и здѣсь меня представили начальнику школы. Какъ большинство японскихъ кавалерійскихъ офицеровъ, начальникъ школы изучалъ русскій языкъ и потому умѣлъ проговорить—„здраствуйте“. Какая хорошая погода. Какъ вы поживаете?“ Мы обрадовались было, что можемъ перейти на русскій языкъ съ нѣмецкаго, но познанія полковника въ русскомъ языкѣ дальше не шли.

Въ собраніи, большой залѣ, занятой только столомъ покрытымъ зеленымъ сукномъ, и хорошо отопленной желѣзными переносными печами, японецъ слуга, „въ вольной одеждѣ“, т. е. въ кимоно, принесъ блѣдно-желтый чай въ маленькихъ чашечкахъ и поставилъ передъ нами.

Офицеръ-ганноверецъ очень любезный и предупредительный, полный того офицерскаго достоинства, которое всегда такъ пріятно видѣть въ человѣкѣ, носящемъ военный мундиръ, сообщилъ

намъ, что школа имѣетъ назначеніе подготовлять инструкторовъ верховой ѣзды для кавалеріи и артиллеріи, что курсъ въ ней продолжается 1 годъ и что въ нее командируютъ по 1 ротмистру отъ каждаго кавалерійскаго полка, а всего 13, и по 18 поручиковъ и корнетовъ—отъ полковъ кавалеріи, обоза и артиллеріи и по 3 унтеръ-офицера отъ полка, и что при ней есть эскадронъ. Начальникъ школы глубокомысленно молчалъ, бывшіе тутъ еще два офицера и штатскій переводчикъ тихо болтали въ углу. Минутъ черезъ пятнадцать пришелъ худой безусый адъютантъ школы и доложилъ начальнику, что все готово. Насъ пригласили осматривать.

Мундиръ японской кавалеріи составляетъ смѣсь мундира прусскаго и французскаго. На головѣ черная фуражка съ желтымъ околышемъ прусскаго образца, черная французская венгерка съ черными шнурами у офицеровъ и желтыми у солдатъ и алые рейтузы съ зеленымъ лампасомъ, заправленные въ гусарскіе ботики. У единственнаго гвардейскаго кавалерійскаго полка шнуры у нижнихъ чиновъ и околыши на фуражкахъ алаго цвѣта. Чины и званія различаются нашивками на рукавѣ по французскому образцу. У всѣхъ шпоры, причемъ подобно нашимъ офицерамъ, японскіе драгуны имѣютъ пристрастіе къ вычурнымъ шпорамъ—то непомѣрно длиннымъ, то узкимъ или толстымъ.

Громадная площадь, занимаемая школой, раздѣлена на двѣ части оврагомъ съ переброшеннымъ черезъ него мостомъ. Этотъ оврагъ съ неширокимъ, аршина полтора ручьемъ, съ рощей бамбуковъ, съ красивыми кустами по берегамъ, обращенъ въ учебный шпрингъ-гартенъ. Узкая дорожка круто спускается съ плаца въ оврагъ, идетъ вдоль его дна, подходитъ къ ручью, укрѣпленному здѣсь бревнами, и опять круто поднимается къ конюшнямъ. На длинныхъ ея концахъ было поставлено четыре hurdle'я и одинъ мертвый бревенчатый барьеръ, всѣ не выше одного аршина.

Въ тотъ моментъ когда мы вышли, длинная вереница всадниковъ полевымъ галопомъ проходила черезъ препятствія, но мы не должны были этого смотрѣть: это была послѣдняя репетиція.

Ганноверецъ провелъ насъ въ манежъ, гдѣ ѣздила смѣна ротмистровъ подъ командой офицера, бывшаго въ Европѣ. Манежъ, весьма просторный, полуоткрытый, былъ полонъ воздуха и свѣта. Смѣна офицеровъ начала вытягиваться при насъ. Всѣ сидѣли на англійскихъ сѣдлахъ безъ стремянъ. Посадка одно-

образная, съ выломанной поясницей, выпяченной грудью и неестественная. Ноги поджаты, но носки привернуты хорошо. Ѣзда была на уздечкахъ съ разобраннымъ въ двѣ руки поводомъ.

Командовавшій офицеръ не дѣлалъ никакихъ поправокъ. Стѣснялся-ли онъ насъ, или вообще не принято въ Японіи поправлять, но только въ манежѣ кромѣ командъ не было ничего слышно.

И вотъ въ привычной обстановкѣ манежа мимо меня стали проходить бѣлыя, гнѣдыя и рыжія лошади.

Ганноверецъ называлъ намъ происхожденіе лошади.

— Вотъ эта изъ Санъ-бонги—полукровная,—говорилъ онъ, указывая на маленькую безъ вершковъ лошадку съ непомѣрно узкой грудью, безъ почекъ, со слабою спиною и посредственно зачищенную.

— Эта изъ Австраліи, эта—американская.—Знакомые намъ узкіе, цыбастые кони, плохо кормленные, шли мимо.

— Эта опять изъ Санъ-бонги, и эта, и эта... Большинство лошадей были „полукровки“ изъ Санъ-бонги.

Я поставилъ слово „полукровки“ въ ковычки потому, что то, что японцы разумѣютъ подъ словомъ полукровная лошадь, не подходитъ подъ наше опредѣленіе. У насъ полукровной называется та, у которой отецъ или мать—чистокровная англійская лошадь; японскія полукровки или совсѣмъ не имѣютъ англійской крови, или имѣютъ ее въ отдаленныхъ поколѣніяхъ. Для разведенія этихъ „полукровокъ“ у японцевъ на островѣ Хоккаидо есть два конскихъ завода—одинъ старый, императорскій, называемый Михару, около Коріямы и другой—казенный. Тамъ смѣшиваютъ лошадей мѣстной японской породы съ американскими и австралійскими узкогрудыми выходцами 6-ти и 7-ми вершковъ, добиваясь отъ молодяка только роста въ ущербъ всѣмъ другимъ качествамъ. Лошадь въ Японіи появилась давно, но никогда не играла въ ней видной роли, ни какъ оружіе, ни какъ работница. Вглядываясь въ типъ японской лошади, находишь въ ней сходство и съ монгольской, и американской, но только и отъ той, и отъ другой отняли всѣ ихъ лучшія качества и оставили только недостатки. Японская лошадь невысока, узкогруда и слаба, съ большой безобразной головой и злыми глазами. Лучшія лошади находятся на югѣ, на островѣ Кіу-Сіу, и на сѣверѣ, на островѣ Хоккаидо; лошади острова Ниппонъ наихудшія. Въ своихъ заботахъ объ улучшеніи породы лошадей и обезпеченіи арміи лошадьми подъ артиллерію и обозъ въ случаѣ мобилизаціи японскій парламентъ въ прошломъ году

издалъ законъ объ обязательномъ холощенiи жеребцовъ въ деревняхъ. Но привести въ исполненiе этотъ законъ будетъ нелегко и онъ вызоветъ справедливые протесты всего населенiя. Въ кавалерiю поступаютъ лошади преимущественно изъ конскихъ заводовъ (полукровныя). Онѣ въ 2-хъ—3-хъ-лѣтнемъ возрастѣ идутъ въ ремонтныя депо, гдѣ проводятъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ и нѣсколько подъѣзженныя поступаютъ въ полки въ пятилѣтнемъ возрастѣ. Въ Японiи пять ремонтныхъ депо—въ Токiо (главное, съ учебной кузницей на 40 учениковъ), въ Санъ-бонги, Казiязава. Аоно и Фукумото... Лучшiя лошади идутъ подъ офицеровъ.

Итакъ эти узкогрудыя, бѣдныя костью „лошадки", проходившiя медленнымъ шагомъ мимо меня, были лучшiя верховыя военныя лошади Японiи. Мнѣ, конечно, и въ голову не пришло сравнивать ихъ съ тѣми прелестными полукровками, на которыхъ работаетъ наша кавалерiйская школа, нѣтъ я только мысленно поставилъ рядомъ съ ними лошадей нашихъ забайкальскихъ казаковъ, только что вернувшихся съ похода, грудастыхъ и крѣпкихъ, на короткихъ и широкихъ ногахъ, съ широкимъ задомъ и выпуклой почкой. Помните, мнѣ забайкальскiя лошади не понравились своею тупостью, собачьимъ ходомъ и неширокими аллюрами, но теперь, по сравненiю съ этими жиденькими коньками—забайкальцы казались мнѣ идеальными лошадьми. Любая забайкальская лошадь на скаку свободно опрокинетъ цѣлое отдѣленiе этихъ лошадей...

Что сильно бросалось въ глаза въ этой лучшей смѣнѣ—это то, что всѣ лошади были страшно посѣдланы на передъ.

Смѣна долго и монотонно ходила рысью, мѣняя направленiе по дiагонали манежа, потомъ прошла галопомъ, полевымъ галопомъ и рысью на маленькое препятствiе. Всадники сидѣли прочно въ сѣдлахъ, что отчасти можно приписать малой тряскости лошадей, но управляли лошадьми плохо. Всѣ лошади шли упершись въ поводъ и дистанцiи соблюдались лишь благодаря уму лошади. На препятствiе лошади шли хорошо, но само препятствiе было такъ мало, что не всѣ лошади даже прыгали, многiя просто перелѣзали черезъ него. Всадники сидѣли, какъ истуканы, не мѣшая лошади. Казалось, что если бы лошадь не пошла на барьеръ, то всадникъ не смогъ бы ее послать шенкелями и поводомъ.

За этой смѣной явилась смѣна кавалерiйскихъ поручиковъ, и они также монотонно и скучно ѣздили по манежу, какъ и смѣна ротмистровъ, только посадки были разнообразнѣе, да дистанцiи хуже соблюдались; затѣмъ мы осмотрѣли смѣну офицеровъ артил-

лерін и обоза,—эти уже совсѣмъ не блюли дистанцій, но ѣздили также монотонно и скучно.

А, вѣдь, это былъ заранѣе обдуманный показъ! Казалось, тутъ-то бы развернуться показывающему офицеру! Начать вольты, спутать смѣну, заставить однихъ идти галопомъ, другихъ рысью, свести рядами, сдѣлать звѣздочку, изъ которой вылетали бы полевымъ галопомъ крайніе номера, показать рубку, вольтижировку... Но ничего этого не было. Правда, по командѣ обучающаго офицеры смѣны нагибали спины назадъ, стараясь донышкомъ фуражки коснуться крупа лошади, но далеко не всѣмъ это удавалось, да и всѣ тянули при этомъ за поводъ. Почему не одурманилъ насъ красивой манежной ѣздой офицеръ? Да потому, что всадники не смогли бы сдѣлать и одного вольта. Лошади возили ихъ, а они только сидѣли и ломили носки кверху. Казалось, что это ѣздитъ не смѣна офицеровъ, будущихъ инструкторовъ, а смѣна юнкеровъ младшаго курса, еще вчера кадетъ. .

Мы вышли изъ манежа и прошли въ громадныя свѣтлыя конюшни. Да только въ этомъ климатѣ, гдѣ въ январѣ ѣзда идетъ на воздухѣ въ однихъ мундирахъ, только съ японскими аккуратными плотниками, можно имѣть такія просторныя, чистыя конюшни. Корридоры конюшенъ вымощены асфальтомъ, полы станковъ—глинобитные.

— Не по конямъ хоромы,—подумалъ я.

А внутри стояли худощавые кони и ни одной между ними не было безъ набитой спины. И среди маленькихъ „своихъ" лошадокъ мощно выдѣлялось десятка полтора англійскихъ, хорошихъ американскихъ и австралійскихъ лошадей. Но на нихъ никто кромѣ иностранныхъ военныхъ агентовъ, и не ѣздитъ. Слишкомъ велики и страшны онѣ для японцевъ. Слишкомъ похожи на лошадей!

Едва мы вышли на дворъ, какъ увидали проскачку на шпрингартенъ. Сначала прошли офицеры, потомъ смѣна унтеръофицеровъ при полной аммуниціи, съ маленькими карабинами за плечами.

Сопровождавціе насъ офицеры съ восторгомъ смотрѣли то на лихихъ наѣздниковъ, то на насъ и какъ будто спрашивали: „Ну, каково?! А, вотъ мы какъ"!!...

Но было плохо. Нацуканныя лошади стремились по хорошо извѣстному имъ пути, прыгали хердели и барьеры, прыгали ровъ, вскакивали по кручѣ наверхъ и стремились въ конюшню. Онѣ это дѣлали вчера, третьяго дня, два года изучали эту дорожку.

Всадники вцѣпились обѣими руками въ мундштукъ и нужно только удивляться, какъ ни одна изъ лошадей не опрокинулась при крутомъ подъемѣ на берегъ оврага. Но зато почти всѣ, задержанныя поводьями на прыжкѣ черезъ канаву, оборвались въ нее задними ногами.

— Теперь все,—сказалъ намъ нашъ любезный ганноверецъ.— Пойдемъ въ собраніе закусить.

Намъ подали сандвичи, японское печенье и сладкій портвейнъ.

Разговоръ не клеился. Среди собравшихся японскихъ офицеровъ только одинъ ганноверецъ понималъ, что хвастать еще рано, еще нечѣмъ и онъ спросилъ у нашего полковника его мнѣнія. Осторожно и мягко сказалъ полковникъ, что все было хорошо, что жаль только, что сѣдла лежатъ слишкомъ на передy и офицеры мало заняты обученіемъ управленію лошадью. Но, добавилъ полковникъ, во всякомъ случаѣ съ послѣдняго раза, какъ я видѣлъ школу—дѣло обученія подвинулось впередъ.

Ганноверецъ просіялъ. Вѣдь въ этой школѣ онъ одинъ былъ настоящимъ учителемъ и руководителемъ, онъ одинъ понималъ, что такое ѣзда и для чего она нужна офицеру,—а научить ей и пониманію лошади японцевъ было такъ трудно.

Онъ обѣщалъ быть нашимъ проводникомъ и переводчикомъ и въ 1-мъ кавалерійскомъ полку. Мы откланялись и поѣхали въ казармы.

Милые затѣйники японцы! Когда я вспоминаю теперь въ чудномъ уголкѣ міра *) ваши венгерки, натянутыя посадки, лошадокъ въ манежѣ, шпрингартенъ, эти точныя копіи съ чего-то видѣннаго, воспринятыя только на глазъ, по виду, а не по духу, мнѣ жалко становится большихъ денегъ, которыя брошены на эту школу. Да и денегъ уже не хватаетъ. Вонъ унтеръ-офицерская смѣна ѣздила не въ суконныхъ алыхъ рейтузахъ, а въ синихъ полотняныхъ штанахъ,—почему?—изъ экономіи, а, вѣдь это на показъ и въ образцовомъ учрежденіи. Зачѣмъ же эти траты? Зачѣмъ стараться создать то, что не дано природой! Да и съ кѣмъ воевать этой дорогой кавалеріи? На островахъ Японіи ей нечего дѣлать, а плыть въ Корею или Америку?.. Полноте, зачѣмъ...

1-й кавалерійскій полкъ—*лучшій изъ полковъ* кавалеріи въ Японіи. Имъ долгое время командовалъ принцъ Канъ-Инъ, полу-

*) Писано въ Гонкъ-Конгѣ.

чившій военное образованіе во Франціи въ Сенъ-Сирской школѣ, а спеціальное кавалерійское обученіе въ Сомюрѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, посѣтилъ между прочимъ Россію въ 1898 году и лѣтомъ въ Красномъ Селѣ видѣлъ кавалерійское ученье лейбъ-гусаръ и атаманцевъ и лихую джигитовку казаковъ. Вѣрный принципу японцевъ заимствовать у иностранцевъ все то, что по ихъ мнѣнію хорошо и отметать все дурное, Канъ-Инъ дѣятельно принялся за устроеніе своего полка, за воспитаніе офицеровъ и какъ японецъ, быстро схватилъ наружныя черты обученія и устройства быта европейскихъ войскъ и передалъ ихъ съ точностью, до мелочей, въ своемъ полку. Его полкъ японцы охотно показываютъ—здѣсь, думаютъ они, кавалерійское дѣло Японіи не ударитъ въ грязь лицомъ...

Молодой сіо-и, корнетъ по нашему, съ широкимъ бѣлымъ съ желтымъ шарфомъ черезъ плечо, что обозначало, что онъ дежурный по полку, встрѣтилъ насъ у входа и, внимательно просмотрѣвъ наши билеты, провелъ насъ во второй этажъ деревяннаго зданія и введя въ комнату, просилъ обождать. Въ комнатѣ былъ столъ съ маленькими книжками уставовъ, на стѣнахъ въ рѣзныхъ коробкахъ висѣли, надо полагать, императорскіе указы, окруженные обрывками соломы, что показывало, что это мѣсто священное. Ждать пришлось недолго. Скоро пришелъ худощавый высокій полковникъ, командиръ полка, и нашъ знакомый офицеръ, кончившій Ганноверскую школу.

Командиръ полка извинился передъ нами, сказавъ, что ему нечего показывать.

— Вы неудачно пріѣхали, хмуро сказалъ онъ.—Теперь полдень, всѣ люди обѣдаютъ, занятія начнутся только въ часъ.

— А можетъ быть пока вы покажете намъ казармы?—сказали мы.

Полковникъ повелъ насъ черезъ дворъ къ полковому садику и офицерскому собранію.

День походилъ на лѣтній. Ясное небо было безоблачно. На солнцѣ было уже градусовъ пять тепла. Обширный дворъ, ограниченный казармами, конюшнями и высокимъ заборомъ, красиво рисовавшимся на фонѣ высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсами—былъ почти пустъ. Только въ углу, за высокой сквозной бамбуковой загородкой, три офицера шагомъ проѣзживали своихъ лошадей. Лошади, неважно зачищенныя, съ узкими грудями, мѣстной японской породы, не блистали ни красотою формъ, ни нервностью и изяществомъ движеній. Рядомъ съ загородкой былъ

полковой садъ. Обыкновенный японскій садикъ съ карликами-деревьями, крошечными бассейнами, скалами и горками. Большая скала съ надписями занимала лѣвый его уголъ. Это памятникъ по офицерамъ и солдатамъ полка, убитымъ въ послѣднюю японо-китайскую войну. Противъ памятника было и собраніе. Оно состояло изъ двухъ большихъ свѣтлыхъ и чистыхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой стеклянной перегородкой. Первая комната, въ которую мы вошли, была оффиціальная—„зала“ собранія, вторая служила столовой. Въ залѣ былъ громадный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, стулья и обстановка, представлявшая смѣсь убранства залы офицерскаго собранія нашего небогатаго полка и японскаго дома. Въ углу стояло чучело рыцаря давнихъ временъ въ бронзовыхъ доспѣхахъ, въ шлемѣ, латахъ, наколѣнникахъ и наручникахъ, висѣлъ на стѣнѣ большой фотографическій портретъ принца Канъ-Инъ, въ золотой рамѣ, небольшой портретъ масляными красками молодого офицера, убитаго въ японо-китайскую войну, картина масляными красками, немного лубочная, изображавшая одно изъ дѣлъ полка на Квантунскомъ полуостровѣ. Съ синихъ горъ въ желтую степь карьеромъ съ поднятыми надъ головами маленькими саблями въ эскадронной колоннѣ спускается 1-й полкъ. Китайцы на бѣлыхъ лошадкахъ уже бѣгутъ. Одни, поверженные на землю, лежатъ, пытаясь стрѣлять съ земли, другіе уходятъ во всѣ стороны и знамя, пышное и пестрое,—уже въ рукахъ японцевъ... Въ простыхъ рамочкахъ висятъ еще двѣ, нѣмецкаго изданія, литографіи: одна изображаетъ ганноверскую лошадь, на другой—пышный сѣрый жеребецъ съ прекраснымъ поставомъ шеи, широкою грудью и большимъ волнистымъ хвостомъ. Что-то знакомое мелькнуло въ благородныхъ чертахъ этой лошади, мы подошли ближе и прочли дорогую нашему сердцу надпись—„Chrénowoy“...

Такъ вотъ гдѣ чудная орлово-ростопчинская лошадь, гордость Россіи, увы, забытая, почти выродившаяся,—гдѣ довелось намъ встрѣтиться съ твоимъ нѣмецкимъ портретомъ! Въ сердцѣ Японіи, въ городѣ Токіо, въ странѣ безъ лошадей. Минуту мы пребывали въ задумчивости.

— Это русская лошадь,—сказалъ я, указывая на картину.

— А, развѣ!—холодно сказалъ полковникъ. И не взглянулъ на картину.

У двери, на небольшомъ столикѣ, стояла бронзовая группа лошадей, прыгающихъ черезъ туры, европейской работы. Этимъ кончалась европейская часть обстановки собранія. Между картинъ

висѣла громадная таблица, испещренная японскими письменами— указъ Императора. Справа и слѣва были двѣ большія черныя лаковыя доски съ большими золотыми письменами. Это завѣты солдатамъ великихъ людей молодой Японіи—принца Орисугава и Канъ-Ина. Одинъ написалъ четырьмя хитрыми знаками—„Солдатъ долженъ почитать Государя, какъ отца", другой написалъ— „У солдата Государь и отецъ—все".

За стеклянной перегородкой были два длинныхъ стола и на столахъ стояли ряды лакированныхъ подносовъ, и на подносахъ были маленькія чашечки и въ нихъ уже поданъ японскій обѣдъ. Несложенъ и небогатъ обѣдъ японскаго офицера. Чашка риса, сладкіе стручки, морковь, рѣдька, кусочекъ рыбы и чашка бѣлаго рыбьяго бульона—вотъ и все. Весь обѣдъ умѣщался на подносѣ величиной съ средняго размѣра тарелку.

Мы сидѣли въ столовой и по обычаю пили чай съ американскимъ печеньемъ и пиво. Я ожидалъ прихода офицеровъ. Вотъ, думалось мнѣ, войдетъ шумная толпа молодежи, послѣдуетъ представленіе, польется, хотя и непонятный мнѣ, но знакомый по духу разговоръ. Заговорятъ всѣ сразу, будутъ выпучивать молодого минарай-сикана, упавшаго съ лошади, будутъ хвастать лошадьми, кто-нибудь изъ холостяковъ разскажетъ вчерашній вечеръ въ чайномъ домѣ, гдѣ онъ игралъ въ джонъкина съ гейшами, послѣдуетъ смѣхъ и часъ пролетитъ какъ минута.

И вотъ открылись двери. Человѣкъ шесть офицеровъ въ мундирахъ вошли одинъ за другимъ въ столовую и каждый сквозь стеклянную дверь чинно и церемонно поклонился командиру полка. Командиръ не отвѣчалъ на поклоны, онъ, казалось, не замѣчалъ кланяющихся ему офицеровъ.

Они прошли за столъ и стали каждый противъ своего прибора. Секунда—они какъ будто подравнялись и словно по командѣ сѣли. Ни слова, ни звука. Быстро работаютъ палочки и въ пять минутъ обѣдъ конченъ. Опять всѣ встали и по одному стали выходить. У двери каждый поворачивался въ сторону командира и кланялся и опять командиръ не отвѣчалъ на поклоны. Пришли солдаты, убрали опустошенные подносы, и въ столовую за другой столъ вошло человѣкъ двѣнадцать молодыхъ людей въ солдатскихъ венгеркахъ съ желтыми шнурами и съ нашивкой на рукавѣ, обозначавшей, что это минарай-сиканы (эстандартъ-юнкера). И опять тѣ-же поклоны, то же подравниваніе, та же молчаливая и быстрая работа палочекъ, посылающихъ рисъ и про-

чія блюда въ ротъ и тотъ же молчаливый уходъ съ поклономъ.

Да что это? Люди это были или нѣтъ? Есть у нихъ страсти? Есть мысли въ ихъ коротко остриженныхъ головахъ, или все сдавлено, разрушено, подогнано подъ одно лекало японской муштрой. Ну хотя бы одинъ забылъ поклониться, обмолвился словомъ съ сосѣдомъ, толкнулъ его, вѣдь этимъ людямъ едва сравнялось 17 лѣтъ, неужели кровь не играетъ въ нихъ, неужели они, сейчасъ четыре часа проведшіе на занятіяхъ, ѣздившіе подъ этимъ чуднымъ яркимъ солнцемъ Японіи не желаютъ ну хотя поговорить о своемъ дѣлѣ? Неужели все въ нихъ убито!

Странные офицеры, странное отношеніе къ нимъ и командира полка.

— Теперь можно пойти смотрѣть полкъ,—сказалъ полковникъ.

Насъ повели въ казарму. Казармы двухъэтажныя, деревянныя, довольно жидкой постройки. Чтобы не пачкать половъ, люди оставляютъ свои ботики внизу въ корридорѣ и по лѣстницѣ и въ помѣщеніи ходятъ въ японскихъ туфляхъ. Но тѣмъ не менѣе чистоты въ казармѣ гораздо меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ японскомъ домѣ средней руки. Въ корридорахъ висѣли черныя доски—списки солдатъ по разрядамъ стрѣльбы и нарядъ. Люди размѣщены повзводно; обѣдаютъ въ своихъ же взводахъ, для чего имѣются простые деревянные столы и длинныя скамьи. Спятъ солдаты на деревянныхъ кроватяхъ съ мягкими матрацами и имѣютъ отъ 5 до 6 теплыхъ байковыхъ одѣялъ. Казармы едва отапливаются переносными печами и въ нихъ зимою бываетъ очень холодно. Помѣщенія производили впечатлѣніе подобное нашимъ казармамъ. Надъ головою у каждаго солдата былъ бумажный билетъ съ его именемъ, висѣла его аммуниція, маленькая сабля въ желѣзныхъ ножнахъ, стояла кордонка съ параднымъ кепи и лежало сложенное платье и бѣлье. Маленькіе карабины, не болѣе 5 фунтовъ вѣсомъ, были поставлены въ корридорахъ въ пирамиды и видомъ своимъ не внушали довѣрія. Солдаты, бывшіе во время обхода въ помѣщеніяхъ тянулись меньше, чѣмъ пекинскіе пѣхотинцы и были не такъ опрятно одѣты.

Изъ казармы мы вышли на дворъ.

— Вотъ здѣсь баня,—говорилъ намъ унылымъ голосомъ полковникъ. Мы зашли въ баню. Тамъ стояло нѣсколько широкихъ и высокихъ деревянныхъ кадокъ съ водою. Солдаты по утрамъ моются въ этихъ кадкахъ, набиваясь въ нихъ сколько влѣзетъ—по шести, по восьми человѣкъ въ кадку.

Конечно, это омовеніе не Богъ вѣсть какое, но умывать все тѣло по утрамъ народный обычай и правительство не стѣсняетъ въ немъ и солдатъ.

— Это отхожія мѣста, говорилъ полковникъ.

Мы заглянули и въ отхожія мѣста. Онѣ каменныя и чисто содержаны. Стоялъ даже тазъ съ водой для умыванья.

— Это кухня.

Въ кухнѣ было шесть котловъ, по два котла на эскадронъ. Въ одномъ варится рисъ, въ другомъ похлебка или чай, смотря по времени дня. Японецъ-поваръ перемывалъ въ горячей водѣ безконечный рядъ хорошенькихъ лакированныхъ ящиковъ, служащихъ солдатамъ вмѣсто котелковъ.

Дальше мы осмотрѣли швальню, сѣдельную и оружейную мастерскія. Въ швальнѣ человѣкъ двадцать портныхъ шили мундиры безъ мѣрки, по лекалу. Отъ этого всѣ японскіе кавалеристы и безъ того плохо, непропорціонально сложенные, въ неуклюжихъ синихъ венгеркахъ, расшитыхъ толстымъ желтымъ шнуромъ производятъ впечатлѣніе не одѣтыхъ солдатъ, а ряженыхъ куколъ. Въ сѣдельной мастерской дѣлали сѣдла. Кожа неважная, грубая и ломкая. Ленчикъ англійскаго образца, деревянный; грубый, всѣ оковки мѣдныя. Сѣдло очень тяжелое, около 30 фунтовъ вѣсомъ, потника къ нему не полагается, а вмѣсто потника кладется разъ въ шесть сложенная грубая холщевая попона. Результатъ такой сѣдловки этими сѣдлами, да еще при неискусной ѣздѣ, мы увидали черезъ нѣсколько минутъ.

— А можно посмотрѣть кузницу, спросилъ нашъ военный агентъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ командиръ полка. Мы прошли за нимъ въ богатое помѣщеніе кузницы. Каждый эскадронъ имѣетъ свой горнъ и своихъ кузнецовъ. Кузнецы при насъ выковывали тонкія подковы, выдѣлывая ихъ на глазъ, безъ мѣрки. Въ подковѣ двѣнадцать отверстій для гвоздей.

— Скажите пожалуйста, спросили мы,—зачѣмъ у васъ по двѣнадцати гвоздей на подкову?

— Это такая форма,—послѣ много разъ повторенныхъ „ыссссъ“—отвѣтилъ намъ ганноверскій офицеръ и никто не могъ намъ объяснить, что это запасныя дырки на случай перековки.

Нѣсколько лошадей перековывалось. Раскаленныя подковы гнулись прямо на рогѣ. То тутъ, то тамъ раздавалось предательское шипѣнье, взвивался бѣлый дымокъ и слышался противный запахъ паленаго рога. И командиръ, и офицеры, которыхъ было

съ нами человѣкъ пять, не обращали на это вниманія. Расчистка дѣлалась грубо, гвозди перебивались по нѣсколько разъ. И все это рядомъ съ изящными горнами, хорошо выточенными столбами коновязей, красивымъ легкимъ навѣсомъ, производило впечатлѣніе, какъ будто варвары овладѣли чьею то кузницей и хозяйничаютъ въ ней безъ спроса и вѣдома хозяевъ.

Изъ кузницы мы зашли въ конюшни. Конюшни для здѣшняго климата идеальны. Это громадные высокіе сараи, легкіе, красивые. Лошади стоятъ въ нихъ въ четыре ряда на два корридора. Корридоры вымощены асфальтомъ, полы глинобитные. Подстилка—рисовая солома—днемъ не полагается. Лошадей кормятъ рисомъ, сѣномъ, соломенной рѣзкой и очень рѣдко ячменемъ. Сколько чего даютъ каждой лошади этого никто не могъ объяснить.

— Этимъ вѣдаетъ ветеринарный врачъ—поспѣшилъ сказать командиръ полка.

Послали за ветеринарнымъ врачемъ. Но и онъ объяснялъ очень туманно. Иногда даютъ столько, а иногда полстолько, иногда... да все зависитъ отъ работы, сказалъ ветеринарный врачъ и удалился съ весьма довольнымъ видомъ, потому что онъ, какъ японецъ, считалъ себя неизмѣримо выше и умнѣе всякаго европейца.

Надъ станками, просторными и удобными, висѣли бумажныя таблички именъ лошади, какого завода и прочее.

Вотъ конь „Кангинъ"—„горный ручей", вотъ „Тейха-Ку"— „большой бѣлый", хотя онъ и не большой, и не бѣлый, а маленькій гнѣдой. Оба завода Самбонги. Рѣдкая лошадь больше 2 аршинъ. Тѣла порядочныя, чистка плохая. Особенно ноги совсѣмъ не замыты и не зачищены... А вѣдь насъ ждали... Гривы у лошадей подрѣзаны, хвосты острижены по скакательный суставъ. Лошади разномастныя, короткія, на тонкихъ слабыхъ ногахъ и *ни одной лошади не было съ не набитой спиной*. Сѣдла, потники и неумѣлая сѣдловка сказались даже на манежной ѣздѣ. Въ каждой конюшнѣ былъ дневальный, одѣтый во все бѣлое, который рапорговалъ командиру при входѣ. И опять его никто не слушалъ, мимо него проходили и онъ въ спину намъ кричалъ непонятныя слова японскаго рапорта.

Когда изъ свѣтлыхъ, свободныхъ конюшенъ мы вышли на дворъ, строевыя занятія были въ полномъ разгарѣ. Всѣ маленькіе манежи были заняты смѣнами. Смѣны невелики, отъ 8—12 лошадей въ смѣнѣ. Гоняли ихъ унтеръ-офицеры, офицеры были

въ сторонѣ и мало занимались тѣмъ, что происходило кругомъ. Также какъ и въ кавалерійской школѣ, дѣло шло совсѣмъ безъ поправокъ и замѣчаній. Смѣна гонялась, но не обучалась.

— Это ѣзда рекрутовъ, отъ нихъ нельзя еще многаго требовать, проговорилъ бывшій ганноверскій офицеръ, какъ бы извиняя неискусную посадку солдатъ.

Маленькая смѣна ходила рысью, на уздечкахъ безъ стремянъ. Дистанціи не держались. Солдаты въ однобортныхъ кителяхъ и фуражкахъ, безъ оружія, тряслись съ поджатыми колѣнями, сохраняя въ лицѣ тупое равнодушіе ко всему.

Ни вольтовъ, ни остановокъ, ни поворотовъ. Лошади шли тупо, но не въ поводу, уныло переставляя ноги и почти не поднимая копытъ и всѣ были посѣдланы страшно напередъ. Носки у солдатъ привернуты, но колѣни разставлены и поясницы выгнуты съ отдѣленнымъ сѣдалищемъ. Фигура возмутительная. Конечно, это рекруты, но рекруты, которые пришли въ ноябрѣ, а мы имѣли 28-е января новаго стиля—три мѣсяца работы могли бы сказаться и въ правильно привернутомъ колѣнѣ, и крѣпкомъ шлюссѣ, и въ живыхъ шенкеляхъ, но этого-то и не было. Конечно, говоря словами Людвига Ивановича, это „мелочи жизни", была бы крѣпкая свободная посадка, но посадки не было ни крѣпкой, ни свободной... Это рекруты... но ихъ смѣна уже ходитъ галопомъ, не спрашивайте какимъ. Вотъ унтеръ-офицеръ свернулъ одну изъ смѣнъ и со двора ввелъ ее въ маленькій открытый манежъ и шагомъ сталъ пропускать на крошечный hurdle—не выше полуаршина. Большинство лошадей спокойно перелѣзало черезъ него. Но вотъ одна расшалившись и забывъ о сѣдокѣ прыгнула и прыгнувъ поддала задомъ, за ней и другая дала легкаго козла и оба всадника свалились на шею, а оттуда послѣдовательно на землю, бросивъ поводья. Лошади, освободившись отъ докучливой обузы, стали бѣгать за загородкой—обученіе кончилось, всѣ, и начальство, и унтеръ-офицеры были заняты тѣмъ, какъ бы поймать играющихъ лошадей.

Ну, конечно, это рекруты...

Рядомъ, въ открытомъ манежѣ, подъ руководствомъ офицера, окончившаго курсъ въ кавалерійской школѣ, шла выѣздка молодого ремонта, недавно прибывшаго изъ Самбонги. Всѣ лошади были пятилѣтняго возраста по шестой веснѣ. Но онѣ были такъ узкогруды, такъ узки и слабы, такъ плохо сформированы, что напоминали плохихъ трехлѣтокъ, отбитыхъ отъ табуна. Выѣздкой занимались унтеръ-офицеры. Обучающій былъ верхомъ,

тоже на молодой лошади и не дѣлалъ ни указаній, ни поправокъ. *Наѣздники* посѣдлали лошадей напередъ, поджали колѣни и ворочали лошадей однимъ поводомъ, безъ всякаго участія шенкелей. Все шло молча. Никто не говорилъ съ лошадью, не хвалилъ и не бранилъ ее, ни кто не требовалъ отъ лошади послушанія. Если лошадь упрямилась идти въ одну сторону и поворачивала, всадникъ мѣнялъ направленіе и ѣздилъ туда, куда хотѣла идти лошадь. И это была уже не рекрутская ѣзда, а выѣздка лошадей лучшими ѣздоками полка.

Ни командиръ полка, никто изъ офицеровъ не предложилъ намъ вызвать по тревогѣ эскадронъ, пропустить его на препятствія, на рубку хвороста, или соломы, показать два-три движенія, словомъ сдѣлать то, что сдѣлали-бы въ любомъ нашемъ кавалерійскомъ полку для гостя, осматривающаго часть съ разрѣшенія военнаго министра. Да это было-бы и невозможно при этомъ конскомъ составѣ и при этихъ рекрутахъ.

Въ одномъ углу плаца занимались гимнастикой, въ другомъ маханіемъ саблей по воздуху—пріемами сабельнаго фехтованія. Гимнастикой завѣдывалъ унтеръ-офицеръ. Онъ требовалъ, чтобы солдаты вспрыгнули сзади на маленькую, аршина полтора, деревянную кобылу, обитую кожей. Изъ трехмѣсячныхъ рекрутовъ рѣдко кто могъ взгромоздиться, и то при помощи рукъ на кобылу.

И мнѣ невольно вспомнились наши новобранцы, какъ живо воспринимаютъ они эту науку, какъ весело идетъ у насъ гимнастика! — „А ну, ребятежъ, кто выше!“ — говоритъ плечистый унтеръ, поднимая кобылу на сажень, на такой ростъ, какихъ и лошадей не бываетъ, на ростъ добраго слона. И „ребятежъ“ съ конфузливыми улыбками выталкиваетъ изъ своей среды широкаго земляка, увалистаго и кряжистаго. Землякъ сконфуженъ, но и доволенъ, его безкозырка лихо сползла на затылокъ, на темномъ лицѣ проступилъ потъ конфуза и длинный рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ налицо между улыбающихся губъ. „Нѣшто попробовать“, говоритъ онъ и съ маху перелетаетъ черезъ кобылу... „Ай да Матвѣевъ, видать, что томскій“—поощряетъ его унтеръ-офицеръ, а уже задоръ забралъ молодаго корнета. Во мгновеніе ока скинулъ онъ свой сюртукъ на руки услужливаго унтеръ-офицера и уже бѣжитъ легко наноскахъ, между почтительно разступившихся молодыхъ солдатъ и уже прыгнулъ и перелетѣлъ, едва коснувшись руками саженной кобылы.

— Подушку! кричитъ онъ, и въ моментъ унтеръ-офицеръ водружаетъ подушку на кобылу.

— А ну кто? спрашиваетъ онъ, и увлеченіемъ молодости, русской молодости горятъ его глаза.

И вотъ солидный унтеръ, учитель, скинулъ поясъ и идетъ и прыгаетъ, но валитъ подушку. Задумчиво смотритъ на эту сцену солдатъ въ шинели и съ винтовкой, пришедшій изъ суточнаго караула и вдругъ его завхатываетъ задоръ и быстро „разбирается“ онъ и лихо запрокинувъ голову и выпятивъ грудь впередъ несется, чтобы перемахнуть и кобылу и подушку могучимъ прыжкомъ. . . . .

. . . .

Тихо и сонно идетъ гимнастика на японскомъ плацу, еще болѣе уныло машутъ саблями рекруты подъ наблюденіемъ унтеръ-офицера. Скучно въ японскомъ полку. А вѣдь какъ чисто и мягко на дворѣ, какъ тепло и свѣтло, такъ и тянетъ заниматься, учить, поправлять, муштровать и ѣздить...

— Теперь все, говоритъ полковникъ, какъ-бы намекая, что пора и честь знать, да и поздно, скоро четыре часа, а въ пять темнѣетъ.

— А сколько у васъ эскадроновъ, неожиданно спрашиваетъ его нашъ полковникъ.

— Ыссъ, тянетъ командиръ воздухъ—„fünf“, говоритъ онъ.

— Неужели здѣсь всѣ пять? вопрошаетъ В.

— Ыссъ—еще не всѣ развернуты,—не смущаясь говоритъ полковникъ, подавляя свое волненіе только потягиваніемъ воздуха черезъ зубы. — Ыссъ — здѣсь три эскадрона. Остальные, ыссъ, — будутъ. Вотъ на островѣ Кіу-Сіу, тамъ всѣ пять, тамъ развернуты.

Японская кавалерія состоитъ изъ 13 полковъ (въ томъ числѣ одинъ гвардейскій). Каждый полкъ долженъ имѣть 5 эскадроновъ и одинъ запасный, а всего въ кавалеріи 11.466 сабель... Но *должны* не значитъ *состоятъ* и до сего времени полки едва достигли трехъ-эскадроннаго состава, т. е. самое большее, что Японія можетъ имѣть, это 6—7 тысячъ боевыхъ коней. 2 полка ея, гвардейскій и 4-й кавалерійскій (г. Осака) вооружены саблями и магазинными карабинами системы Мурата, остальные саблями и однозарядными карабинами Мурата обр. 1880 года. Гвардейскіе эскадроны въ мирное время имѣютъ еще пики. Офицеры вооружены саблями и револьверами. . . . .

. . . .

Давно, очень давно были у насъ казачьи полки, стоявшіе

въ такихъ медвѣжьихъ углахъ, что никто никогда не ѣздилъ ихъ повѣрять или инспектировать. Командиръ полка, какой-нибудь старичекъ, не выходилъ изъ лисьяго халата, сѣялъ арбузы, да дыни и даже не зналъ, гдѣ находятся вѣрные его хлопцы и господа „ахвицеры“. А хлопцы тоже дѣлали свои дѣла, кормили коней, да взаимными усиліями выправляли породу и людей, и лошадей занимаемой округи. И не знали они ни ученій, ни манежей, ни гимнастики... И вдругъ прослышали они, что къ нимъ бригадиръ ѣдетъ. Собралъ, едва не въ первый разъ, командиръ своихъ офицеровъ и повѣдалъ имъ страшную новость.

— Слышьте, паничи, ѣдетъ бригадиръ, говорятъ инспехтировать насъ будетъ,—проговорилъ онъ, сидя по своему обыкновенію на рундучкѣ хаты въ любимомъ лисьемъ халатѣ.

— Что за слово такое, не прослышаны мы, сказалъ старый есаулъ и мрачно замолчалъ.

— И что намъ дѣлать я не знаю заключилъ немудрую рѣчь свою старикъ-командиръ.

По счастью нашелся молодой хорунжій, бывшій въ Москвѣ и видывавшій виды, онъ разъяснилъ, что надо къ пріѣзду бригадира собрать полкъ „во хрунтъ, да на конѣхъ и встрѣтить съ ружейною пальбою, а быть всѣмъ въ мундерахъ и со всѣмъ пречендаломъ“.

— Какъ, неужели и мнѣ мундеръ надѣвать, Господи Ты Боже мой. Да вѣдь я никахъ забылъ на коее плечо и эполетъ-то привязывать, захлопотался старичекъ.

Однако мундиръ надѣлъ и эполетъ на правое, какъ тогда носили, плечо нацѣпилъ, и изображеніе матушки-Царицы навѣсилъ по полной формѣ, только на коня не сѣлъ, старъ уже очень былъ, да и колѣни отъ былыхъ походныхъ ревматизмовъ не сгибались совсѣмъ. А хлопцы и господа офицеры собрались, перехватили горилки и стали во фронтъ, какъ умѣли. Рвутъ сытые кони, ржутъ и не стоятъ на мѣстѣ; жирные, круглолицые казаки, оправдывающіе пословицу „отъ того казакъ и гладокъ, что покушалъ, да и на бокъ“, крѣпко держатъ ихъ на поводу.

И вотъ съ крыши крайней хаты раздались крики „ѣдетъ, ѣдетъ, самъ катитъ“.

Кряхтя и охая спустился съ рундучка командиръ и вышелъ навстрѣчу бригадиру.

— Закусить съ дороги не прикажешь-ли, ваше превосходительство, по казацкому обычаю. Груздочковъ, али икорки... Мать, проси!..

А уже матушка-командирша съ подносомъ на крыльцѣ. „Милости просимъ, отецъ, не гнѣвись"!..

Куда тутъ! начальство пріѣхало строгое.

— Подавай смотръ, да и все тутъ. Какіе груздочки!

— Изволь, батюшка, ваше превосходительство, что же—смотрѣть будешь? растерянно говоритъ командиръ.

— Что! грозно восклицаетъ инспекторъ,—диверсію направо, диверсію налѣво, деплояду, дистанціи, и все прочее по артикулу.

— Ахъ, батюшка ты мой, не обучены хлопцы мои этому самому артикулу—простодушно говоритъ старикъ-командиръ—и никакъ это невозможно. И траву потопчемъ, и дѣвокъ напугаемъ, и загородки побьемъ—и не приведи Богъ, что изъ этого выйдетъ—лучше и не пробовать.

— Какъ! А какъ-же безъ артикула вы, полковникъ, непріятеля побѣждать будете?

— Ахъ, господинъ ты мой,—да ты только покажи, гдѣ непріятель, а уже мои хлопцы такъ его раздѣлаютъ, что и мокраго мѣста не оставятъ.

— Что-жъ они могутъ дѣлать въ мирное время? спросилъ бригадиръ.

— Да, вотъ, изволь, сударь, зайди за заборикъ, да смотри, я имъ зашумлю, чтобы они джигитовать стали.

— Зачѣмъ-же, къ примѣру, мнѣ за заборикъ становиться?—съ изумленіемъ спросилъ его превосходительство.

— Ахъ, сударь ты мой, да есть у меня тутъ одинъ есаулъ, и уже семейный человѣкъ, но какъ станетъ джигитовать, такъ никакихъ силъ нѣтъ его удержать, все джигитуетъ, „покуль" самъ не убьется, или всѣхъ кругомъ не переколотитъ. Такой озорной.

— Ну, ладно. Начинайте только скорѣе—сказалъ бригадиръ.

Полковникъ только платкомъ махнулъ и съ свистомъ, съ гикомъ понеслась джигитовка; впереди всѣхъ отчаянный эсаулъ, согнулся направо, согнулся налѣво, и вдругъ бу-бухъ—бухнулся на землю, но нѣтъ не шибко видно расшибся, всталъ, лицо въ крови, поймалъ коня и снова пошелъ выкрутасы раздѣлывать. А за нимъ казаки, кто стоя съ пикой, кто прыжками, кто задомъ напередъ, неслась безумная, отчаянная джигитовка.

И вотъ кончили.

— Славнечко у васъ джигитуютъ, уже болѣе ласково сказалъ бригадиръ,—соберите-ка, прошу васъ, полкъ я имъ спасибо хочу сказать.

— Невозможное дѣло, сударь, батюшка, ваше превосходительство. Они теперь всякъ до своей хаты доскакали, поди уже и коней поразсѣдлали, да и спать полегли... Пойдемъ лучше до рюмочки...

. . . .

Японцы тратятъ страшно много денегъ, труда и времени, чтобы создать себѣ кавалерію и ничего не создали, а у насъ она была, есть и будетъ своя, безъ всякаго усилія, потому что мы имѣемъ лошадь и всадника, а бѣдные японцы не имѣютъ ни лошади, ни всадника, и потому всѣ ихъ усилія разбиваются, какъ горохъ о каменную стѣну.

Если взять самый дальній полкъ 3-й очереди Забайкальскаго казачьяго войска, съ некормленными по сибирскому обычаю конями, никогда не учившійся, съ полуграмотными офицерами изъ зауряд-прапорщиковъ, такъ и онъ за поясъ заткнетъ самый лучшій японскій кавалерійскій полкъ, гдѣ все устроено на нѣмецкій образецъ. Потому, что въ казачьемъ полку каждый казакъ, какъ влипъ въ лошадь и его съ нея не стянешь, а тутъ всякій сидитъ на честномъ словѣ!

Слышалъ я еще, что у каждаго японскаго кавалерійскаго офицера есть пѣшій вѣстовой *бэто*, который всюду бѣгаетъ, переводитъ лошадь черезъ канавы, и всюду и вездѣ поспѣваетъ раньше своего господина!

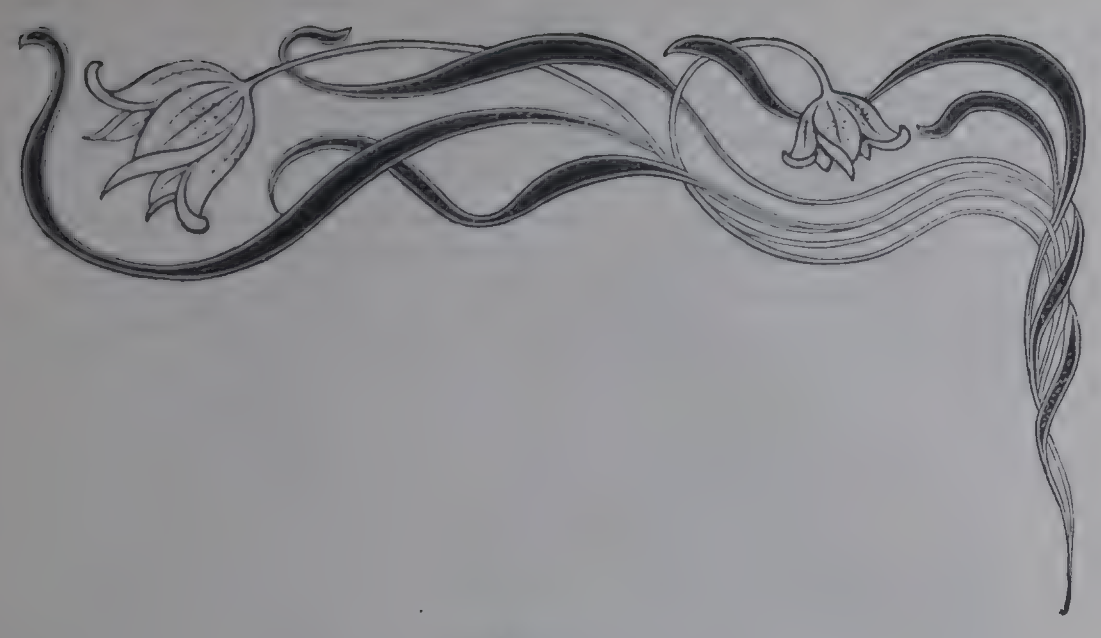
Когда во второмъ часу ночи я шелъ по Іокогамской набережной, среди ряда огней торговыхъ судовъ я увидалъ высокіе тройные огни военныхъ кораблей. Это были наши „*Полтава*“ и „*Петропавловскъ*“, только что пришедшіе изъ Кобэ.

И на другой день я любовался, какъ по набережной, мимо англійскихъ отелей, лихо катались на велосипедахъ наши матросы, и видѣлъ я, какъ чудно одѣтый въ бѣлую голландку красавецъ-квартирмейстеръ съ „*Петропавловска*“ проходилъ мимо маленькаго японца полицейскаго. И я подмѣтилъ взглядъ этого боцмана, брошенный имъ на полицейскаго... И сколько въ этомъ взглядѣ было сознанія своего русскаго достоинства!

Говорятъ, японскій флотъ страшенъ. Говорятъ, онъ сильнѣе русскаго! Да полно? Да такъ-ли? Вѣдь силу флота, какъ и сухопутнаго войска, составляютъ не броненосцы и крейсеры, а тѣ люди, которые ими управляютъ и ихъ одухотворяютъ. И не тѣ же-ли цифры взяты во флотѣ, какъ и въ кавалеріи?

А впрочемъ, это не мое дѣло!...

Гонкъ-Конгъ 27 января, Сайгонъ 1 февраля 1902 г.



XLIII.

Заключеніе о японской арміи.

Военная статистика.—Невыносливость японскихъ солдатъ.—Примѣры.—Военный бюджетъ Японіи.—Новое японское ружье.—Интендантская часть.—Извѣстіе объ англо-японскомъ союзѣ.

— Цифры, цифры и цифры... говорилъ мнѣ на пароходѣ одинъ человѣкъ, десять лѣтъ прожившій въ Японіи, женатый на японкѣ и большой поклонникъ всего японскаго, начиная отъ лакированныхъ ящичковъ и кончая солдатами.

— Языкъ цифръ не мой языкъ. Но извольте, займемся немного статистикой. Въ Японіи территоріальная система комплектованія арміи, съ этою цѣлью Японія по числу дивизій раздѣлена на 13 дивизіонныхъ участковъ (сиканъ). Каждый бригадный участокъ, а ихъ два въ дивизіи, комплектуетъ 2 пѣхотныхъ полка постоянной арміи, 2 запасныхъ баталіона и 2 пѣхотныхъ полка территоріальной арміи. Кавалерія, артиллерія и другія войска дивизіи пополняются со всего дивизіоннаго участка. Штабы дивизій расположены—гвардейской и 1-й въ Токіо, 2-й въ Сендай, 3-й въ Нагойѣ, 4-й въ Осака, 5-й въ Хиросима, 6-й въ Кумамото, 7-й — въ Саппоро, 8-й въ Хиросаки, 9-й въ Каназава, 10-й въ Химеджи, 11-й въ Маругаме и 12-й въ Кокура. Японскій пѣхотный полкъ состоитъ изъ 3-хъ баталіоновъ, баталіонъ изъ 4-хъ ротъ, рота въ мирное время имѣетъ 125 нижнихъ чиновъ, а всего въ полку 1.500 рядовыхъ и 70 офицеровъ; кавалерійскій полкъ имѣетъ отъ 2-хъ до 3-хъ эскадроновъ 149 коней, полагая по 16 рядовъ во вводахъ, 10 унтеръ-офицеровъ

и 5 офицеровъ. Полевая батарея имѣетъ 6 орудій и 103 нижнихъ чина, горная батарея столько-же. Двѣ батареи образуютъ дивизіонъ, два дивизіона полкъ.

Кромѣ того имѣются: инженерныя войска по одному баталіону при дивизіи, обозные конные баталіоны по одному при дивизіи и баталіонъ жандармовъ, а всего въ мирное время японская армія содержитъ 121 баталіонъ, 39 эскадроновъ, 53 батареи при 212 орудіяхъ, а всего около 100 тысячъ человѣкъ при 15 тысячахъ лошадей. По завершеніи мобилизаціи японская армія будетъ состоять изъ 170 баталіоновъ, 65 эскадроновъ и 702 орудій, а всего 225 тысячъ постоянной армій, 55¼ баталіоновъ, 13 эскадроновъ и 78 орудій, а всего 33.000 запасной арміи и 110½ баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 312 орудій, а всего 136.000 территоріальной арміи, словомъ, на войну Японія выставитъ 335¾ баталіоновъ, 104 эскадрона, 1.902 орудія, а всего около 400 тысячъ людей при 36.000 (?) лошадей.

Насколько эта четырехсоттысячная армія способна къ передвиженію, маневрированію, показываетъ вамъ этотъ случай,— и я подалъ своему собесѣднику № издаваемой въ Токіо газеты „The japan times“ отъ 30-го января 1902 года и показалъ ему статью „Those two hundred soldiers, reports discouraging“—въ ней повѣствовалось о несчастномъ случаѣ, постигшемъ 28-го января близъ города Амори 211 человѣкъ солдатъ и офицеровъ 2-го баталіона 5-го полка. Имъ нужно было пройти изъ мѣстечка Таширо въ Хигаши. Былъ снѣгъ, поднялась вьюга. Люди потеряли дорогу. Офицеръ не въ состояніи былъ держать людей въ кучѣ и предложилъ имъ идти кто куда знаетъ. Несчастная рота, легко одѣтая, разбрелась какъ стадо безъ пастыря и пропала. Напрасно были посланы на развѣдку офицеры и жандармы, рота пропала въ горахъ Японіи, посыпанныхъ снѣгомъ среди густого населенія на небольшомъ островѣ, какъ иголка на поемномъ лугу. Наконецъ отъ развѣдочныхъ партій стали появляться ужасныя донесенія. 209 солдатъ и офицеровъ, въ томъ числѣ 3 капитана, 4 лейтенанта, фельдфебель и 3 минарай-сикана замерзли на переходѣ мирнаго времени и умерли... Мнѣ пришлось видѣть фотографію, изображавшую походное движеніе роты по снѣгу зимою. Японецъ-фотографъ, продававшій фотографію, съ гордостью показалъ мнѣ, какъ почти по колѣно въ снѣгу бредетъ рота. Впереди роты возвышалась какая-то фигура, не то человѣкъ на лошади, не то на рикшѣ. Я взялъ лупу и увидѣлъ, что *командиръ роты ѣхалъ верхомъ на солдатѣ.* Вотъ вамъ какіе офицеры и

солдаты двинутся въ 400-тысячной громадѣ завоевывать, съ благословенія западно-европейскихъ державъ, блестящее положеніе на материкѣ! Мнѣ кажется комментаріи къ этимъ двумъ фактамъ излишни.

На маневрахъ всякаго военнаго человѣка поражаетъ быстрое расходованіе японцами резервовъ. Не пройдетъ и 20 минутъ боя, какъ уже остаются однѣ цѣпи. Кавалерія повсюду опаздываетъ, по причинамъ, хорошо понятнымъ при первомъ взглядѣ на всадниковъ и лошадей.

Завоевательная политика требуетъ большихъ денегъ, а Японія бѣдна. Ея солдаты спятъ въ неотапливаемыхъ казармахъ, учатся въ кителяхъ и холщевыхъ брюкахъ, не ради закаливанія, а изъ экономіи. Полковникъ, командиръ полка, получаетъ въ годъ около 2.500 іенъ содержанія (1 іена имѣетъ 100 сенъ и почти равна одному рублю) ротмистръ—758, а младшій офицеръ—375 іенъ въ годъ. Фельдфебель получаетъ 25 сенъ въ день, унтеръ-офицеръ отъ 9—20 сенъ въ день и солдатъ отъ 3-хъ до 4-хъ сенъ въ день. Кромѣ того, каждый нижній чинъ получаетъ ежедневно около 1 литра риса, который замѣняетъ японцамъ хлѣбъ. И тѣмъ не менѣе расходы военнаго министерства растутъ, поглощая японскую казну. Въ 1892—93 году оно израсходовало 18.921.139 іенъ, въ 1893 — 94 г.—20.162.373, въ 1894—95 г. — 24.240.156, въ 1895—96 г.—27.453.500 іенъ, а въ 1896—97 г., ослѣпленная успѣхомъ первой войны—уже 35 съ лишнимъ миліоновъ іенъ.

Въ благоразумныхъ японскихъ газетахъ раздаются голоса противъ все увеличивающагося милитаристическаго направленія Японіи, но уличные листки и партія молодой Японіи неотступно зовеэтъ японскій народъ на западъ, бросать мирные зеленые острова и идти на материкъ за славой и побѣдами. Во всѣхъ японскихъ школахъ учителями преподается военная гордость, презрѣніе къ западу и любовь къ отечеству. Каждая гейша умѣетъ пѣть торжественную военную патріотическую пѣсню. Послѣ японо-китайской войны у японцевъ закружилась голова. Они стали считать себя передовой *военной* державой, повернули весь міръ кругомъ и стали все считать не съ запада, а съ востока.

Самолюбіе японцевъ, ихъ самоувѣренность, заставила ихъ отказаться отъ прекрасныхъ нѣмецкихъ ружей, которыми была вооружена ихъ армія. Японцамъ казалось неудобнымъ пользоваться европейскими ружьями. И вотъ въ армію выдаютъ новыя

японскія скорострѣльныя ружья японской системы, съ магазиномъ на восемь патроновъ, съ калибромъ 7,$_5$ мм., съ 4-мя нарѣзами. Но и этого имъ мало. Является чисто-японскій изобрѣтатель и въ 1900 году вновь вооружаютъ японскую армію новенькими, настоящими японскими ружьями. Патріоты въ восторгѣ. Но японецъ-изобрѣтатель, копируя нѣмецкую систему Маузера, упустилъ что-то изъ вида и новое ружье оказалось съ весьма плохими балистическими качествами. Японцы испугались. Они начали измѣнять величину заряда, комбинировать вѣсъ пули и ея поперечную нагрузку, но, конечно, этими паліативами нельзя придать ружью тѣ боевыя качества, которыхъ оно не имѣетъ. Я не имѣю точныхъ данныхъ системы и устройства новаго ружья, потому что это у японцевъ секретъ. Я только видалъ его въ Пекинѣ и могу сказать, что оно имѣетъ калибръ менѣе трехъ линій, магазинъ-коробку для обоймы на пять патроновъ, что оно легче нашего, съ грубымъ и тяжелымъ прикладомъ и безъ ствольной накладки. Содержать въ порядкѣ такой тоненькій стволъ задача не легкая. Да и пораженія этими маленькими пулями врядъ-ли смогутъ остановить основательную и бойкую атаку. Японская сабля... Но это игрушка, которую дарятъ маленькимъ мальчуганамъ и которой мѣсто на папкѣ подъ киверомъ и бумажными латами.

Такъ говорилъ я своему собесѣднику, сидя въ роскошномъ fumoir'ѣ болтыхающагося на водахъ японскаго моря „*Лаоса*“.

Мой собесѣдникъ, милый штатскій человѣкъ, котораго прельстили малиновые рейтузы съ зеленымъ кантомъ и который увидалъ въ нихъ силу арміи, попробовалъ доказать силу японской арміи послѣднимъ аргументомъ:

— У японцевъ за то чудно организована интендантская часть, а брюхо арміи не послѣдняя штука.

— Конечно, у японцевъ есть интендантская школа, есть школа портныхъ и сапожниковъ, есть генералъ-интенданты, субъ-интенданты и коммисары, на нихъ лежитъ завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ въ полкахъ, и строевые офицеры въ хозяйственныхъ расчетахъ и соображеніяхъ не принимаютъ никакого участія, но такъ-ли это хорошо, какъ вамъ разсказывали?

Мы разошлись.

Нѣсколько дней спустя на всемъ „*Лаосѣ*“ только и было разговора, что о полученной въ Сингапурѣ телеграммѣ объ англо-японскомъ союзѣ. Пылкіе французы уже видѣли на горизонтѣ кровавую войну въ истокахъ Уссури и на Квантунѣ. Я позна-

комился въ это время съ симпатичнымъ французскимъ миссіонеромъ, прожившимъ десять лѣтъ въ Японіи.

— Заблудшіе люди, — сказалъ онъ про японцевъ. Военное дѣло не въ ихъ натурѣ.

И это было сказано не ради „alliance'a", о которомъ умный миссіонеръ и не думалъ въ эту минуту, а съ глубокимъ убѣжденіемъ человѣка, прожившаго много лѣтъ въ Японіи и хорошо изучившаго японскую душу.

И это было мнѣніе всего парохода, разноплеменнаго и разноязычнаго, возбужденнаго интересными телеграмами.

И глядя на голубыя дали Малаккскаго пролива, надъ которыми нависли пышныя тучи послѣ только что разразившагося ливня—я думалъ, такъ-ли мыслятъ въ эту минуту большія газеты въ Петербургѣ.

Малаккскій проливъ на „Лаосѣ" 4 (17) февраля 1902 г.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Часть III.

Въ теплыхъ моряхъ.

Прибой Индѣйскаго океана у Коломбо.

XLIV.

Штормъ.

Океанъ съ берега и парохода.—Выходъ изъ Нагасаки.—Тайфунъ въ желтомъ морѣ.—Качка.—Въ устьѣ р. Вампу.

Какъ красивъ океанъ съ берега! Далекой дугой голубого простора уходитъ онъ къ розовому востоку, пышный, величественный, безконечный. Лиловыя облака дремлютъ на горизонтѣ, а монотонный прибой поетъ имъ колыбельную пѣсню. Волна за волной изъ тихаго и ровнаго пространства образуютъ на его груди полуокруглую складку, подымаются выше и пѣннымъ гребнемъ съ тихимъ шелестомъ переваливаются на береговой песокъ. И что за волны! Какія длинныя, какія прозрачныя, голубыхъ, зеленыхъ, аквамариновыхъ тоновъ? Прибрежная пѣна съ шипѣньемъ отходитъ, а на ея мѣсто уже встаетъ, подымается, пучится, катитъ и, сломавшись въ гребень, разсыпается длинная волна. И такъ было вчера, такъ было много столѣтій тому назадъ, такъ будетъ и впредь... Тамъ, на берегу, растутъ пальмы и онѣ, вытянувъ стройные стволы и разсыпавшись кроной пестрыхъ листьевъ, тихо слушаютъ вѣчные удары, мощный шопотъ и шипѣнье величественнаго прибоя... Но еще красивѣе океанъ, когда вдругъ потянетъ откуда нибудь свѣжій вѣтеръ, которому всегда есть названіе—муссонъ, или пассатъ или нале-

титъ тайфунъ и вдругъ надуется и помутнѣетъ океанъ. Бѣлые гребни побѣгутъ по его поверхности, а горизонтъ покроется неровными зубцами взбушевавшихся волнъ. И волна за волной летятъ тогда къ берегу, подымаются, падаютъ, разсыпаясь въ пѣну и снова встаютъ громадныя, высокія, совсѣмъ зеленыя, уже кипящія въ вершинѣ волны прибоя. Грозно тогда бьетъ прибой! Какъ пушечные выстрѣлы раздаются удары волнъ и не шипитъ, и не говоритъ вѣчную сказку тогда сѣдой старикъ, а реветъ и бьетъ, разсыпаясь со страшной силой о прибрежные камни и скалы. И тогда каждая волна его—произведеніе искусства, тогда онъ грозенъ, страшенъ, величественъ. И гдѣ-нибудь тамъ, въ темно-синей, цвѣта индиго, срединѣ его, между бѣлыхъ гребней волнъ идетъ пароходъ. И вы видите, какъ бѣлый корпусъ его то подымается, то опускается зарывается въ волны и снова выходитъ изъ нихъ и, громадный, прыгаетъ, какъ маленькій яликъ на Невѣ, когда задуетъ осенью западный вѣтеръ. Красивъ океанъ и ночью, когда въ тихихъ волнахъ его отражается мелкою зыбью луна, а онъ, уже успокоившійся, лишь шипитъ и шумитъ прибоемъ волнъ. Съ берега—нѣтъ момента, когда онъ мощнымъ просторомъ и силой не привлекъ бы къ себѣ очарованнаго взора, не разбудилъ бы мыслей, не успокоилъ бы гнѣва и страсти своею величиной и силой могучихъ волнъ прибоя. Вѣчный, прекрасный, сильный, великій, дивный!! Изъ чудесъ вселенной ты, повѣствующій сказку зарожденія міра, ты, свидѣтель образованія земли, на которой мы живемъ,—самое чудное, вѣчное чудо, и взоръ никогда не утомляется любоваться тобою съ берега...

Но, когда вы смотрите на океанъ со спардека, или изъ-за борта парохода, когда синее море и небо синее, океанъ безконечный, какъ думы, стоятъ передъ глазами дни и ночи, долгіе и скучные, когда не твердая земля, а колеблющіяся гладкія доски ходятъ то вверхъ, то внизъ у васъ подъ ногами—океанъ дѣлается скучнымъ своей безконечностью, шириною величественной дали. Еще Индѣйскій океанъ выкупаетъ скуку однообразія необыкновенно голубымъ сверкающимъ цвѣтомъ волны, серебристыми летучими рыбками, которыя нѣтъ-нѣтъ, да и выпорхнутъ на пылающее солнце и, сверкая крыльями, дружной стаей, словно стая маленькихъ птичекъ, пролетятъ надъ волнами и съ тихимъ всплескомъ снова скроются въ прозрачной синевѣ моря. Но Великій океанъ—это пустыня воды—это морская Сахара. Ни рыбокъ, ни чарующей волшебной синевы волнъ, ни спокойствія.

Онъ надоѣдаетъ этимъ темнымъ, всегда одинаковымъ своимъ цвѣтомъ. Онъ непривѣтливъ, въ немъ всегда, на всякое время года найдутся вѣтры подъ названіемъ и безъ названія, которые дадутъ всѣ эффекты и боковой, и килевой качки.

Въ 11 часовъ утра 21-го января мы вышли изъ Нагасаки, чтобы пересѣчь Желтое море и достигнуть береговъ Китая. Было холодно. По здѣшнему, конечно, холодно, то есть градуса 2 тепла. Нагасаки, храмъ Осува, бамбуковые лѣса, горы, Папенбергъ были подъ снѣгомъ, который быстро таялъ на яркомъ солнцѣ. Холодный „свѣжій" вѣтеръ гналъ волны въ мирную и тихую нагасакскую бухту и нѣтъ-нѣтъ воды всплескивали маленькимъ гребнемъ, а тамъ, за Папенбергомъ, океанъ бушевалъ. Въ бинокль было видно, какія горы подымались кругомъ на горизонтѣ, горы волнъ. Настроеніе пассажировъ „*Лаоса*" было тихое, во второмъ классѣ, который притомъ не отапливается, и гдѣ по этому было холодно, оно было мрачное, отчаянное, плачевное. Къ довершенію всего, дѣлая маневры для поворота, „*Лаосъ*" носомъ опрокинулъ двѣ японскія „фуне" и трое японцевъ лодочниковъ потонуло. Впрочемъ на это мало обратили вниманіе. Пріѣхалъ полицейскій солдатъ и, стоя на лодкѣ, сталъ шарить кругомъ неуклюжаго „*Лаоса*", ища погибшихъ.

Медленно прошли мы мимо Папенберга, о который билъ бѣшеный прибой, взяли курсъ на юго-западъ и пошли набирать хода. До четырехъ часовъ свѣжій вѣтеръ только немного раскачалъ пароходъ, но съ четырехъ часовъ разыгрался штормъ. Одинъ изъ тѣхъ ураганов, что вдругъ подымаются въ холодномъ сквознякѣ между Азіей и японскими островами и со страшной силой обрушиваются на суда и джонки, налетѣлъ и на нашъ „*Лаосъ*". Суда штормуютъ, ныряя въ черныхъ волнахъ, а джонки тихо гибнутъ, давая славную смерть на днѣ моря ихъ незатѣйливымъ владѣльцамъ.

Мы едва поднялись наверхъ послѣ 4-хъ часового чая, какъ запѣли и засвистали боцманскіе свистки возлѣ рулевой рубки. И по тону ихъ и по тому, что на пассажирскихъ пароходахъ обыкновенно боцмана не свистятъ, можно было догадаться, что чего-то ждутъ и къ чему-то готовятся. Приказали задраить всѣ окна каютъ двухъэтажнаго „*Лаоса*" на палубѣ и на спардекѣ, приказали на глухо закрыть иллюминаторы. Къ обѣду вышло человѣка три все мущины. Противъ меня сидѣлъ молодой католическій миссіонеръ Викторъ Фурнье, съ русой бородой, какъ у нашихъ священниковъ, коротко остриженными волосами, и въ очкахъ,

сквозь которыя глядѣли добрые, умные глаза. И я смотрѣлъ, какъ его блѣдное лицо вытягивалось и самъ онъ поднимался отъ качки. Глазъ не успѣвалъ ловить впечатлѣній качки и вотъ казалось, что предметы, такіе неподвижные и не растяжимые, тянутся и ходятъ. Тянулись стѣны, окна, круглые столики подъ желтыми скатертями, качающійся лакей въ синей тужуркѣ съ вышитыми красными якорями. И отъ этого рябило и пучило глаза и непріятно становилось въ головѣ.

Съ трудомъ, качаясь и разбивая бока о поручни, я вышелъ на палубу. Уже стемнѣло. Ни луны, ни звѣздъ. Черное небо опустилось низко надъ горизонтомъ и горизонтъ сталъ такой близкій, точно міръ сузился и тѣсно было на немъ. Громадныя волны, но не волны у берега, красиво изогнутыя, идущія длинной полосой сине-зеленой влаги, а громадные холмы воды подымались кругомъ. Каждая волна состояла изъ тысячи волнъ и трудно было замѣтить и опредѣлить ея вышину. Издали она, волна океана, казалась небольшой, но вотъ она подвинулась ближе и ближе, вотъ съ шипѣньемъ покрылась бѣлой пѣной и налетѣла на пароходъ. Бездна открылась за кормой и громадный „*Лаосъ*“, такой большой, какъ пятиэтажный домъ съ тысячнымъ населеніемъ, „*Лаосъ*“ со столовой не меньше, чѣмъ столовая офицерскаго гвардейскаго общества, съ гостиной, курительной, дамской гостиной, съ зеркалами, величественными лѣстницами, сотнями каютъ, бойней, хлѣбопекарней, скотнымъ и птичьимъ дворомъ, вдругъ поднялся на дыбы, вздрогнулъ отъ мощнаго удара волны и зарылся носомъ въ пѣнящіяся воды океана. И вы поднялись съ нимъ, какъ на перекидныхъ качеляхъ, и вы опустились, едва устоявъ на ногахъ отъ сильнаго удара волны. За этой волной другая, потомъ третья. И вамъ чудится, что когда васъ, поднимаетъ наверхъ—мозги опускаются, желудокъ падаетъ и все давитъ внизъ, еще минута и мозги, и желудокъ пошли наверхъ, нажимая на черепную коробку, вызывая противное, гадкое чувство головной боли и тошноты.

А какой адскій концертъ кругомъ... Вѣтеръ гудитъ и воетъ въ мачтахъ, вантахъ и таляхъ лебедокъ, волны шипятъ и ревутъ, ударяя съ громомъ пушечнаго выстрѣла въ желѣзные борта парохода. А когда винтъ вырвется изъ воды и онъ вдругъ, потерявъ сопротивленіе, со страшнымъ стукомъ и со стремительной быстротой начнетъ вращаться за кормой, заставляя дрожать все судно—тогда ко всему этому страхъ забирается вамъ въ душу, страхъ отъ сознанія вашего безсилія, безпомощности, отъ сознанія,

что и вы, и „*Лаосъ*“, милліонный „*Лаосъ*“, бѣлая громада, которой вы любовались на Іокогамскомъ рейдѣ—жалкая игрушка стихіи и волнъ. Но страхъ, это только одна минута. Уже и нѣтъ его! Уже гордо смотрите вы впередъ въ темную даль, вы, маленькій, жалкій, смертный человѣкъ, глядите на вѣчный океанъ въ горделивомъ сознаніи, что вы побѣдили, что вы идете, дѣлая 16 миль въ часъ, что въ этой игрушкѣ безсмертныхъ волнъ спрятана людская смертная воля, которая сильнѣе стихіи.

Тамъ, въ самомъ низу парохода, теперь адъ кромѣшный. При свѣтѣ маленькихъ электрическихъ лампъ и красномъ заревѣ шести громадныхъ печей, въ страшной жарѣ, бродятъ полуголые люди и подсыпаютъ, непрерывно подсыпаютъ черный уголь въ зіяющія отверстія печей. Этотъ уголь пересыпается отъ тряски, прыгаетъ, вырывается наружу въ желѣзныя рѣшетки, грозитъ сжечь этихъ людей. Ихъ такъ кидаетъ наверхъ, внизъ, вправо и влѣво, что каждую минуту они рискуютъ сгорѣть. Идетъ борьба на жизнь и на смерть маленькихъ людей и Великаго океана. Тамъ всѣ молчатъ, не до разговора тамъ, языкъ прилипаетъ къ гортани...

Въ серединѣ, въ батарейной палубѣ, въ лежку лежатъ пассажиры по каютамъ. Темно. Въ темнотѣ не такъ страшны и необычны ожившіе предметы, сундуки и ящики, ползающіе по каютѣ. Слышны повсюду стоны, проклятія морю, жалобы на то, что „*Лаосъ*“ черезчуръ кидаетъ, что онъ идетъ безъ балласта. Еще выше на палубѣ, разгромъ полный. Мимо богатыхъ залъ, по чистому корридору, гдѣ крѣпко привязанные стоятъ соломенныя и камышевыя кресла и лонгшезы, гдѣ привязаны шлюпки и катера, гдѣ еще третьяго дня бѣлокурыя англичанки играли въ палетки, бросая каучуковыя лепешки на зеленую доску, расчерченную квадратами—по этой палубѣ свободно ходятъ бѣлые гребни волнъ. Еще выше на спардекѣ, въ каютахъ luxe—тишина, чьи-то стоны и вопли, напоминающіе мертвецкую люднаго полицейскаго участка послѣ двунадесятаго праздника. Уже не рыженькія-ли то миссъ несутъ посильную дань Нептуну?! А еще выше, въ ярко освѣщенной стеклянной галлереѣ, впившись руками въ колесо, безжизненно замерли два матроса, вперивъ глаза на картушку въ мѣдномъ фонарѣ. Капитанъ и второй помощникъ, вахтенный офицеръ, всѣ налицо, въ этой безмолвной, неподвижной, но полной жизни галлереѣ.

— Лѣво руля, слышенъ короткій французскій возгласъ—легкое движеніе колеса, еще болѣе легкое компаса...

— Такъ держать! и опять тишина среди рева волнъ и стука, и грохота машины.

Куда дѣться, куда уйти отъ своего сжатаго тоскою сердца, куда спрятаться отъ этого ужаснаго чувства тошноты и головокруженія, отъ бѣгущихъ мыслей, тяжелыхъ, мрачныхъ и безпорядочныхъ!

Сладкой грезой мерещатся и бѣгутъ картины прошлаго. *Земли-бы*! какъ славно на *землѣ*! Тамъ, по колѣно въ снѣгу, на морозѣ бѣгаютъ смѣны казацкихъ коней, тамъ теперь рубятъ хворостъ, берутъ ледяные барьеры—тамъ холодно, можетъ быть тамъ вамъ и скучно, и жутко, но вы, счастливцы, имѣете *твердую почву* подъ ногами, васъ не кидаетъ, не валяетъ, обращая въ безпомощнаго человѣка... Меня не укачиваетъ... Мнѣ только гадко. И гадко именно потому, что меня уже не укачиваетъ. Тѣмъ миссъ лучше, онѣ уже забылись крѣпкимъ сномъ безъ грезъ, сномъ вытрезвляющагося пьяницы, а мнѣ привыкшему къ морю, этимъ капитану и офицерамъ хуже, потому что и у меня, и у нихъ только пустота въ головѣ и безотрадное направленіе мыслей.

Окаченный ледяною влагой, я иду весь мокрый въ холодную каюту, ложусь на узкую морскую койку, гашу электричество и силюсь заснуть подъ свистъ вѣтра, ревъ и удары страшныхъ волнъ, тутъ, сейчасъ за стѣной и тревожный стукъ винта, вылетѣвшаго на свободу. И то засыпая, то просыпаясь, я лежу такъ 18 часовъ. Темнота въ каютѣ съ задраенными окнами полная. Внизу звонятъ къ утреннему чаю, къ завтраку, тиффину, но звонятъ неохотно, никто не придетъ внизъ ѣсть и пить въ эту качку. Никто.

Въ четыре часа дня матросъ открылъ доски иллюминатора и яркій свѣтъ ворвался сквозь матовое стекло въ каюту.

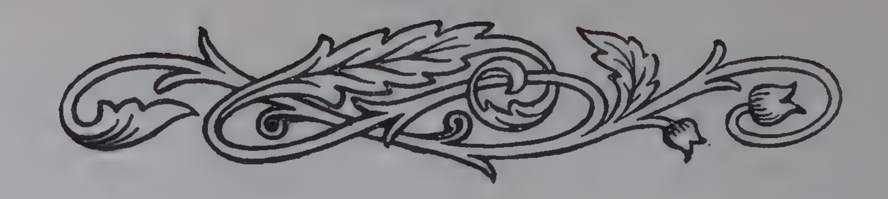
Меньше качало. Вся команда въ черныхъ шапкахъ съ алыми помпонами на макушкѣ, гутаперчевыми щетками сгоняла воду съ палубы и приводила пароходъ въ порядокъ. Волны были меньше, вода изъ черной стала свѣтло-коричневой и мутной—то Янъ-секіангъ запрудилъ море своими илистыми отбросами. Яркое солнце весело свѣтило и голубое небо—такъ невинно улыбалось вамъ, какъ будто-бы и не было темной и мрачной ночи. Маленькій тайфунъ улегся. Мы подходили къ устью рѣки Вам-пу, на которой лежитъ Шанхай.

Ожившая публика понемногу выходила на палубу. Всѣ разговоры о штормѣ. Только и слышны слова „tengage“ (килевая

качка) и „roulis"—(боковая качка). Говорятъ, что и vrais marins были больны, что помощникъ капитана долженъ былъ лечь, что вообще этотъ переходъ къ Шанхаю всегда бурный, но что намъ особенно не повезло...

Вчерашнія мысли прошли. Душа и сердце рвутся впередъ и впередъ, „на развѣдку"—въ шелковый и чайный міровой рынокъ, въ Шанхай... Но до завтра. Мы бросимъ якорь у Восунга поздно ночью, и завтра на паровомъ катерѣ можемъ подняться по р. Вам-пу до Шанхая.

Коломбо 10 февраля 1902 г.



XLV.

Шанхай.

Рѣка Вампу.—Торговля Шанхая.—Nanking-road.—Китайскій городъ.—Англійская и русская культура.

Чтобы добраться до Шанхая, нужно ожидать паровую шлюпку компаніи Messageries maritimes и на ней идти около двухъ часовъ вверхъ по р. Вампу. Маленькую шлюпку „Wo-Sung“ подали къ 8 часамъ утра, 23-го января и при свѣтѣ наступающаго утра мы пошли по желтымъ водамъ рѣки. Вампу и широка, и глубока, но на ней такое движеніе, рейдъ Шанхая такъ загроможденъ пароходами и военными кораблями, что почтовые пароходы предпочитаютъ отстаиваться въ ея устьѣ, противъ батарей у городка Во-Сунгъ.

Громадныя двухъ и трехмачтовыя джонки, съ желтыми, коричневыми, бурыми, почти черными парусами на бамбуковыхъ реяхъ то спускались по рѣкѣ, то поднимались, медленно лавируя между низкихъ песчаныхъ береговъ. Желтая имперія окружала насъ. Желтый песокъ, желтая сухая трава и тѣже раскидистыя, лишенныя листьевъ деревья, похожія на наши ветлы—по берегамъ. Китайскія канонерскія лодки, бѣлыя и чистыя, стоятъ въ устьѣ рѣки, за ними цѣлая колонна пестро-раскрашенныхъ съ рѣзными украшеніями парусныхъ Императорскихъ джонокъ, составляющихъ рѣчную военную флотилію нанкинскаго вице-короля. А потомъ опять джонки, сампаны, шампунки, то идущіе на веслахъ, то подъ парусомъ, то длиннымъ карованомъ ползущіе за небольшимъ пароходомъ. Все это движеніе предвѣщаетъ близость большого города, крупнаго торговаго центра. Иногда среди этой массы темныхъ лодокъ вдругъ покажется бѣлый островъ съ черными или желтыми трубами и военный корабль вырисуется своимъ стройнымъ такелажемъ. Надъ военными и

торговыми судами большею частью рѣютъ алые флаги Англіи, рѣже желтые съ черным драконом флаги срединной Имперіи, прикрывающіе по большей части англійскаго или американскаго кэптена, видны японцы съ ихъ бѣлыми съ краснымъ шаромъ флагами, американцы и нѣмцы.

Рѣка то суживается, то становится шире, и вотъ на ея лѣвомъ берегу показываются высокіе многоэтажные дома, садъ, въ которомъ перемѣшались сѣрые и коричневые стволы и сучья деревьевъ, лишенныхъ листвы, и зеленые лавры, туйи, фикусы и небольшія пальмы. Но холодно должно быть этимъ пальмамъ. Хотя вода и не замерзла и льда нигдѣ не видно, вѣтеръ холодный и жесткій и впечатлѣніе отъ шанхайской погоды, если-бы не голубое небо и яркое солнце, было-бы тоже, что и отъ Петербурга позднею осенью.

Мы высадились на широкую и полную движенія набережную французской концессіи. Шанхай двумя каналами и нѣсколькими узкими канавами раздѣленъ на китайскій городъ, окруженный высокой и широкой, сажени въ двѣ ширины, каменной стѣною, французскій городъ, примыкающій къ китайскому, англійскій городъ и американскій городъ. Каждый изъ иноземныхъ городовъ состоитъ изъ европейскаго квартала—по набережной и двѣ, три улицы вглубь, и китайскаго европеизированнаго квартала. Все занято торговлей и только торговлей. Всевозможныя business (торговыя предпріятія) видны повсюду. Большая часть построекъ—громадные склады, торговыя конторы, противъ которыхъ на рѣкѣ стоятъ пароходы и джонки и идетъ дѣятельная разгрузка.

Случалось-ли вамъ бывать лѣтомъ, въ іюлѣ или августѣ, въ разгаръ сезона, на калашниковской пристани, когда изъ громадныхъ баржъ, мокшанъ и сойменокъ идетъ разгрузка; сотни носильщиковъ, въ алыхъ рубахахъ, съ мѣшками на спинѣ, согнувши спины, таскаютъ кули и ящики, укладывая ихъ рядами на берегу. И тутъ такой-же шумъ, такое-же движеніе, гомонъ и суетня. Только вмѣсто красныхъ рубахъ видны голыя желтыя тѣла, длинныя косы, платки, синія кофты. Вмѣсто ломовыхъ телѣгъ стоятъ небольшія повозки, запряженныя лошадьми и быками, а чаще одноколесныя грубыя тачки, которыя возятъ люди. Сотни рикшъ ожидаютъ пассажировъ, другія сотни бѣгутъ, шлепая босыми ногами, по грязи вдоль набережной, за мостъ въ англійскій городъ и спускаются съ моста къ конторамъ и складамъ французскаго квартала.

Англійскій кварталъ чище, богаче, набережная шире и обсажена высокими развѣсистыми деревьями. Здѣсь движеніе еще больше. Среди рикшъ показываются парныя англійскія коляски, въ коляскахъ видны нарядныя дамы, замкнутые въ глубокія размышленія купцы и иногда, поражая глазъ блѣднымъ цвѣтомъ лица, рыжими усами и рыжею косой, въ богатой шелковой кофтѣ, юбкѣ и китайскихъ войлочныхъ туфляхъ проѣдетъ англійскій миссіонеръ. Къ чему этотъ маскарадъ? Кого хочетъ обмануть этотъ служитель Христа, дерзающій принять на себя апостольское знамя? Эта рыжая коса, голубые глаза, этотъ наглый взглядъ все равно выдадутъ его, не смотря ни на косу, ни на костюмъ! А видъ европейца съ косой, въ неудобномъ китайскомъ костюмѣ, рѣжетъ глазъ, производитъ странное, нелѣпое впечатлѣніе.

Отъ людной набережной идутъ улицы въ городъ. Вотъ и знаменитая Nanking-road съ богатыми магазинами, торговлей шелками, серебромъ, китайскими издѣліями, съ ресторанами и кондитерской.

Признаюсь, я ожидалъ большаго отъ этой улицы. Зеркальныя стекла магазиновъ, богатыя выставки товаровъ были хороши, но они были хуже, чѣмъ въ Іокогамѣ и хуже, нежели торговые дома Чурина, Кунста и Альбертса во Владивостокѣ. А между тѣмъ въ то время, когда Nanking-road съ тревогой прислушивалась къ выстрѣламъ въ китайскомъ городѣ, вслѣдствіе возстанія тайпинговъ, Владивостока еще не было и вдоль его береговъ лишь пытливо шарилъ лейтенантъ Невельской, отыскивая устья Амура и изслѣдуя островъ Сахалинъ. Nanking-road постепенно переходитъ въ китайскую улицу. Она также широка, какъ и европейская, только дома китайскіе двухъэтажные съ балконами, вывѣсками, открытыми лавками, гдѣ торгуютъ шелкомъ и тутъже вонючими лепешками, битой дичью, мясомъ и серебряными издѣліями.

На набережной на бульварѣ стоитъ красивый памятникъ. У сломанной мачты наклонилось знамя, кругомъ якоря. Это нѣмцы поставили памятникъ офицерамъ и матросамъ военной лодки „Iltis“, погибшимъ 23-го іюля 1890 года во время тайфуна у береговъ Шантунга.

Не смотря на полное оживленіе города, на рикшъ, бѣгущихъ во всѣхъ направленіяхъ, на важныхъ англійскихъ полисменовъ, однимъ мановеніемъ руки останавливающихъ и рикшъ, и коляски, и тачки, чтобы пропустить новый потокъ рикшъ и лошадей, не смотря на толкотню на троттуарахъ, на безпрерывное движеніе

пароходовъ и парусныхъ лодокъ на рѣкѣ, Шанхай произвелъ на меня скучное впечатлѣніе. Торговля, торговля и торговля... Все для торговли, ни развлеченій, ни веселья, ни обширныхъ садовъ. Въ единственномъ городскомъ саду, который не больше нашего Лѣтняго сада, играетъ иногда музыка и тогда весь Шанхай дѣловито ѣздитъ кругомъ, какъ будто отбывая какую-то повинность. Деньги, золото, фунты, долары и таэли висятъ въ прозрачномъ воздухѣ и, какъ будто отражая ихъ золотой блескъ, желта Вампу, желтъ Императорскій каналъ, желты канавы и каналы, отдѣляющіе европейскія концессіи и китайскій городъ.

Китайскій городъ живописнѣе, характернѣе и интереснѣе. Но послѣ Пекина и Тянь-Цзина онъ не производитъ впечатлѣнія. Тѣ же широкія сѣрыя стѣны, что и въ Цицикарѣ, Гиринѣ и другихъ китайскихъ и манчжурскихъ городахъ, только улицы уже и грязнѣе, толпа пестрѣе и гуще, торговля оживленнѣе. По узкому мосту, сквозь тѣсныя ворота, утопая по щиколку въ грязи, я прошелъ въ улицы китайскаго Шанхая. Улица тянулась безконечно. Отъ нея отходили вправо и влѣво тѣсные переулки, такіе тѣсные, что нужно удивляться, какъ и гдѣ живутъ люди въ маленькихъ домикахъ, тѣсно жмущихся другъ къ другу. И въ этихъ маленькихъ клѣтушкахъ кипѣла, тѣмъ не менѣе, жизнь. Тутъ, въ открытыхъ домахъ, стирали бѣлье, шили, дѣлали колеса, пекли, варили, писали и печатали. По этимъ улицамъ двигались процессіи, здѣсь, можетъ быть, мыслили и передавали мысли бумагѣ. Китайскій Шанхай узкій и грязный, вонючій, построенный противно всѣмъ правиламъ гигіены, пятномъ грязи ложится на европейскій Шанхай съ чистыми улицами, троттуарами и богатой набережной. Гдѣ же европейская культура? Гдѣ же дѣятельность миссіонеровъ съ рыжими косами, гдѣ же благотворное вліяніе запада? Въ Шанхаѣ западъ сидитъ почти 100 лѣтъ и за 100 лѣтъ онъ ничего не сдѣлалъ для Шанхая. И вспомнились мнѣ наши Цицикаръ, Нингута, Омосо, занятые только вчера русскими, не приносящіе ни копѣйки дохода, лежащіе въ болѣе суровомъ климатѣ и уже подчищенные, приведенные въ порядокъ. Вспомнился мнѣ китайскій Портъ-Артуръ съ широкими прямыми улицами, чисто распланированными по горамъ и холмамъ. Что же это такое? Вѣдь, мы боимся и трепещемъ запада, наши газеты полны похвалъ умѣнью англичанъ колонизировать и просвѣщать дикія страны, наши путешественники любятъ поставить себѣ въ примѣръ англичанъ, ихъ чистоту, ихъ умѣнье жить... Нѣтъ, наша культура, культура

сердца и души, куда шире англійской. Да, англійская культура весьма высока—въ колоніяхъ въ страшную жару англичанинъ одѣнетъ въ обѣдъ фракъ или смокингъ, у него великолѣпные отели, чудный садъ, широкія улицы и богатые дома, онъ ѣздитъ на резиновыхъ шинахъ, онъ элегантно одѣтъ и его англійскія дамы во всѣхъ широтахъ носятъ прекрасные туалеты и прически, но это только онъ одинъ—*англичанинъ*,—все остальное тонетъ въ грязи, нищетѣ и бѣдности. Наши одѣнутъ въ жару бѣлый пиджакъ, бѣлое остальное на кожаные сапоги и выйдутъ такъ обѣду, выдѣляясь среди чопорной компаніи англійскаго отеля; въ нашихъ городахъ далекаго востока на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ едва чахнутъ тощія деревца и гибнутъ за неимѣніемъ ученаго садовника, порученныя неумѣлому солдату; наши гостинницы грязны и не всегда приличны, а наши колонизаторы ѣздятъ въ тарантасахъ и дрожкахъ зато наши полиціймейстеры и купцы тихонько толкаютъ уснувшаго китайца и говорятъ ему съ ласкою: „встань, проснись, пробудись"... И начинаетъ китаецъ мести улицы, заводитъ самоваръ, подумываетъ, не вырядиться ли ему въ европейское платье. Можетъ быть это опасно? Можетъ быть мы пригрѣваемъ змѣю у сердца, но во всякомъ случаѣ это болѣе гуманно и болѣе соотвѣтствуетъ ученію Христа.

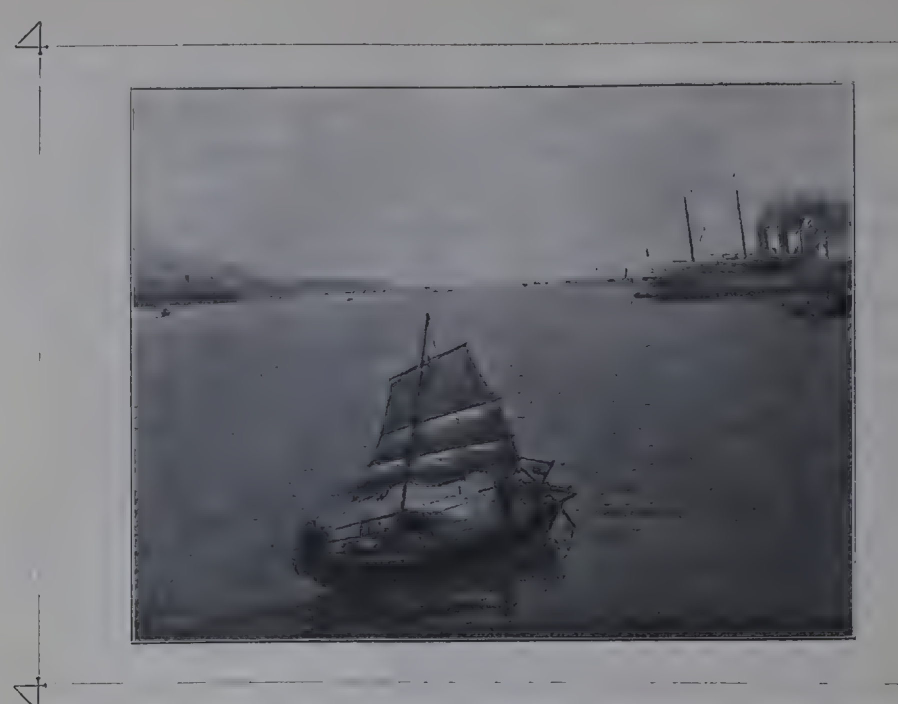
Грязь, толкотня и вонь китайскихъ улицъ меня утомили. Я поднялся на стѣну и пошелъ по ней. Кое-гдѣ надъ воротами, гдѣ были сдѣланы круглыя башни, еще сохранились старыя чугунныя пушки, никѣмъ не охраняемыя, грязныя, на поломанныхъ лафетахъ. Къ самой стѣнѣ примыкали дома и сверху была видна вся внутренняя жизнь китайца на дворѣ и на балконахъ.

Часовъ шесть я бродилъ по городу и только позднимъ вечеромъ возвратился на „Wo-Sung'ѣ" на „*Лаосъ*". Холодный вѣтеръ дулъ на рѣкѣ. Луны не было, было темно. Среди немногихъ пассажировъ шелъ разговоръ о Шанхаѣ. Въ каждомъ городѣ есть, что смотрѣть. На вопросъ „что смотрѣть въ Шанхаѣ?" отвѣчаютъ—„набережную, садъ, Nanking-Road, китайскій городъ". Тутъ нѣтъ ничего такого, что захватило бы, заинтересовало и увлекло васъ...

Я могъ съѣхать на берегъ и на другой день, но я предпочелъ остаться на пароходѣ и съ борта смотрѣлъ на низкій песчаный берегъ, поросшій кое-гдѣ ветлами, на джонки и пароходы, входящіе и выходящіе изъ рѣки Вампу. Вечеромъ мы снялись съ якоря и, подгоняемые муссономъ, переваливаясь съ бока на

бокъ, пошли на югъ, вдоль береговъ Азіи. 26-го января мы проходили мимо острова Формозы, стало замѣтно теплѣе, но хотя мы и прошли тропикъ Рака, въ суконномъ платьѣ еще было хорошо. 27-го января, въ 4 часа утра, мы увидали берегъ и стали на якорь. Мы подошли къ группѣ острововъ подлѣ Гонкъ-Конга и до свѣта не могли пройти сквозь тѣсный проливъ. Въ 7 часовъ утра мы были на рейдѣ и на китайскомъ чистомъ сампанѣ, по случаю Новаго года украшенномъ маленькими красными бумажками съ надписями, я спустился на берегъ.

„Duplcix" Бенгальскій заливъ 11 февраля 1902 г.



Китайскій сампанъ на рейдѣ Гонкъ-Конга.

XLVI.

Гонкъ-Конгъ.

Воскресный день въ Гонкъ-Конгѣ.—Улицы.—Городской садъ.—Высадка матросовъ разныхъ націй — Викторія.—Пикъ.—Китайскій городъ.—Скаковой кругъ.—Кладбище.—Возвращеніе матросовъ на суда.

Въ Гонкъ-Конгѣ китайскій новый годъ и христіанское воскресенье. Всѣ магазины, всѣ лавки закрыты, народъ на улицахъ, въ большомъ городскомъ саду, за городомъ, въ церквахъ. Тропическое, темное, густого кобальтоваго цвѣта небо безоблачно; ни вѣтерка, никакого движенія воздуха между густой листвы лавровъ, цикусовъ, пальмъ, банановыхъ деревьевъ, цвѣтущихъ олеандровъ, китайскихъ датуръ, составляющихъ тѣнистыя аллеи улицъ, спиралью подымающихся на гору Пикъ, растущихъ въ обширныхъ садахъ богатыхъ англійскихъ домовъ, окружающихъ зеленыя площадки для тенниса и футъ-боля. Изъ готическаго

городского собора несутся меланхолическіе звуки благовѣста— бимъ-бомъ, бимъ-бомъ, вотъ пристала еще одна нота, благовѣстъ звучитъ въ три удара, потомъ еще и еще и веселый благовѣстъ въ шесть нотъ льется надъ городомъ, вотъ снова сталъ рѣже и опять двойное бимъ-бомъ несется съ колокольни въ теплый воздухъ. Городъ раскинулся у подножія горы. Тутъ конторы, склады, городской рынокъ, громадный „Гонкъ Конгъ—отель", магазины, городская площадка для состязаній въ теннисѣ и игры въ мячъ, мраморный памятникъ Императрицѣ индійской Викторіи, сидящей подъ навѣсомъ со скипетромъ и державой на тронѣ и смотрящей на громадный рейдъ, полный англійскихъ и иноземныхъ судовъ. Внизу на ровномъ берегу business свила себѣ гнѣздо, тутъ-же раскинулся и чистый съ широкими улицами китайскій городъ. Дальше на террасахъ Пика идутъ большіе дворцы—дома англичанъ, окруженные тропическими садами, раскинулся великолѣпный городской садъ со статуей Кеннеди, губернатора Гонкъ-Конга, съ круглымъ бассейномъ, въ которомъ между листьевъ водяныхъ травъ рѣзвятся золотыя рыбки, еще выше—опять дачи въ зелени кустовъ и деревьевъ, дачи, почти до самой вершины Пика. И эти дачи, богатой архитектуры, между красивой зелени тропическихъ садовъ, придаютъ эффектный видъ городу и горѣ.

По шоссейнымъ дорогамъ и тропинкамъ мѣрнымъ шагомъ идутъ китайцы носильщики. На плечахъ у нихъ бамбуковая палка, къ которой привязано кресло, накрытое тентомъ. Въ креслѣ развалился джентльменъ или сидитъ китаецъ, а чаще англійская леди въ роскошной шляпкѣ и съ молитвенникомъ въ рукахъ качается въ паланкинѣ. Англійскія полубѣлыя миссъ съ копной густыхъ черныхъ волосъ, съ несомнѣнной примѣсью португальской крови, сопровождаемыя молодыми людьми, весело прыгаютъ по каменнымъ ступенямъ лѣстницы улицы, направляясь туда, откуда бодрымъ призывомъ звучитъ „бимъ-бомъ-бумъ, бимъ-бомъ-бумъ"...

Внизу, въ улицахъ города, китайцы бьютъ хлопушки и отъ того и панели и самыя улицы засыпаны обрывками и клочками красной бумаги. Издали кажется будто рота пѣхоты открыла огонь пачками, такъ часто трещатъ выстрѣлы. Всѣ на улицѣ, въ парадныхъ платьяхъ, дѣлаютъ визиты, заносятъ красныя бумажныя карточки съ черными іероглифами. Голубыя, фіолетовыя кофты, блестящія, туго скрученныя косы видны тамъ и тамъ. Торговли нѣтъ. Въ раскрытыя двери лавокъ видны жертвенные столы, на которыхъ горятъ свѣчи и лампадки и поставлены

передъ золоченымъ бурханомъ, или передъ дощечками съ именами предковъ горки лепешекъ или бѣлыхъ пышекъ, пучки нарцисовъ, розъ и другихъ цвѣтовъ. Городской садъ съ громадными пальмами, высокими юкками, рододендронами, акаціями и мимозами, съ клумбами богато цвѣтущихъ розъ, и благоухающей резеды полонъ китайцами. На всѣхъ скамьяхъ безпечно развалились группы китайской молодежи; возлѣ клѣтки съ попугаями, фазанами, орлами и утками, завитой цвѣтущими большими желто-красными цвѣтами растеніемъ, толпа. Среди китайцевъ изрѣдка покажется красный мундиръ съ черными погонами, непомѣрно стянутый въ груди и съ короткой таліей англійскаго солдата.

Рейдъ полонъ жизни. Съ одного берега на другой каждую минуту отваливаютъ пароходы; разукрашенные бумажками снуютъ сампаны, да съ военныхъ судовъ мѣрно взмахивая веслами будто бѣлыя птицы, несутся къ берегу катера съ командами для высадки на берегъ. Вотъ сошла компанія блѣдныхъ нѣмцевъ съ „Тигра“, въ бѣлыхъ мундирахъ съ металлическими пуговицами и въ безобразно надвинутыхъ на лобъ безкозыркахъ, одѣтыхъ такъ, какъ носятъ матросскія шапочки барышни, подшпиливающія ихъ къ волосамъ, вотъ сошли на берегъ блѣдные длиннолицые, съ длинными подбородками американцы, вонъ французы, черные и веселые, съ красными помпонами на шапкахъ, загорѣлые и смуглые и опять блѣдные, испитые англичане. И вотъ показался громадный катеръ подъ бѣлымъ съ голубымъ крестомъ флагомъ и наши матросы съ „Разбойника“ весело выпрыгнули на набережную Гонкъ-Конга.

Я стоялъ въ это время у памятника Викторіи и любовался на нашихъ. Широкоплечіе и широкогрудые, съ красными загорѣлыми лицами, съ лихо заломленными на затылокъ фуражками, такъ лихо, какъ умѣютъ носить только наши матросы, въ ярко бѣлыхъ новенькихъ рубашкахъ и штанахъ они разбрелись и пошли бродить по тропическому Гонкъ-Конгу съ такимъ-же безпечнымъ видомъ, какъ бродили они и по какой-нибудь Маниловкѣ, Голодаевкѣ, Собакину или иной деревнѣ. И когда они перемѣшались съ матросами другихъ націй стало видно, что и одѣты они чище другихъ, и въ походкѣ и свободной выправкѣ ихъ есть что-то такое мощное, импонирующее, что на нихъ всѣ оглядывались и не разъ я слышалъ съ завистью и страхомъ сказанное слово—„решенъ“ (russian).

Всѣ разошлись. Праздничный день вступилъ въ свои права, служба кончилась, дѣловые англичане поѣхали предаваться вос-

кресной скукѣ, солдаты и матросы пошли осматривать достопримѣчательности Гонкъ-Конга. Пошелъ съ ними и я.

Въ Гонкъ-Конгѣ принято осматривать Пикъ, кладбище и скаковой кругъ. На Пикъ по почти отвѣсной кручѣ идетъ канатная желѣзная дорога (фуникули). Маленькій вагонъ привязанъ къ желѣзному канату, который паровой лебедкой наматывается на валъ, стоящій на вершинѣ Пика. Временами вагонъ идетъ подъ угломъ въ 60°. Тогда кажется, что вы сидите прямо, а дома, кусты и деревья, мимо которыхъ вы ѣдете стоятъ подъ страшнымъ уклономъ къ горизонту. Все удовольствіе подъема и спуска стоитъ 50 центовъ (около полтинника). Возлѣ станціи строится громадный Peaks-hotel, стоятъ казармы крѣпостной артиллеріи и идетъ шоссейная дорога на самую вершину, гдѣ помѣщается мачта. Отсюда чудный видъ. Весь гонкъ-конгскій архипелагъ какъ на рельефномъ планѣ. Рейдъ сверкаетъ словно кусокъ голубого зеркала. Корабли и пароходы стоятъ на немъ, какъ хорошенькія игрушки. Острова какъ нарисованные, а городъ выдѣляется сѣрыми и красными квадратами крышъ на фонѣ густой темно-зеленой листвы. Я возвращался внизъ пѣшкомъ по узкой тропинкѣ, вьющейся надъ обрывомъ. Два французскихъ матроса встрѣтились со мной. Чтобы пропустить меня, одинъ спустился нѣсколько внизъ, другой поднялся.

— On ne dira pas, que nous ne sommes pas polis“, услыхалъ я за собою—и эта фраза дала мнѣ понять, что вѣжливость эта была сознательная, если можно такъ сказать—умышленная.

Дорога съ Пика къ кладбищу очаровательна. Все время идешь склонами горы, по прекрасному шоссе мимо густыхъ кустарниковъ съ блестящими темнозелеными листами. Мѣстами громадныя скалы низко свѣсились надъ шоссе, бѣгутъ горные ручьи и кругомъ нихъ все цвѣтетъ и благоухаетъ. Дорога спускается внизъ и мы попадаемъ въ китайскій Гонгъ-Конгъ.

Онъ мнѣ напомнилъ наши жидовскіе городки. Узкія, хорошо мощеныя плитами улицы, двухъ и трехъэтажные дома съ длинными балконами, на которыхъ кипитъ жизнь. Грязныя дѣти, возня, игры, хлопушки, соръ и грязь.

Взрослые китайцы чинно сидѣли на балконахъ, вели бесѣду, и ѣли что-то, празднично настроенные, блестящіе черными косами и смуглыми лицами.

Пройдя китайскій городъ, я повернулъ по широкому, обсаженному деревьями шоссе направо и вышелъ къ скаковому полю. Скаковой кругъ занялъ всю ширину лощины между горъ. Это

овальное поле, поросшее мягкой нѣжной травой съ остатками маленькихъ препятствій. Англичане любятъ скачки. И лошади въ Гонкъ-Конгѣ плохи, и кавалеріи нѣтъ и кругъ пришлось взять между горъ, неширокій и небольшой, а смотрите какія трибуны, немногимъ меньше нашихъ царскосельскихъ! Смотрите сколько народа въ нихъ бываетъ, съ какимъ увлеченіемъ скачутъ джентльмены на чистокровныхъ, англійскихъ и мѣстныхъ китайскихъ лошадяхъ! Кажется и скакать некому, а скачутъ. И въ Шанхаѣ есть ипподромъ, и въ Іокогамѣ и въ Сайгонѣ, и въ Пекинѣ, и въ Тянь-Цзинѣ, а вотъ въ Харбинѣ, гдѣ стоитъ бригада конной пограничной стражи и дивизіонъ казаковъ, въ Раздольномъ, гдѣ стоятъ драгуны я что-то не слыхалъ о существованіи круга для скачекъ. Не любимъ еще мы этого дѣла, не видимъ въ немъ пользы, но лишь пустую забаву. Прежде, когда у насъ процвѣтали псовыя охоты, мы были правы, а теперь, когда иной нашъ кавалерійскій офицеръ никогда иначе, какъ на ученьяхъ полка не скакалъ—скачки, этотъ суррогатъ парфорсной охоты, подготовка къ неудержимой атакѣ на непріятеля, шлифовка нервовъ вещь необходимая для кавалеріи...

Въ Гонкъ-Конгѣ—это забава и азартная игра и только. Но ипподрому, гладкому, ровному и мягкому—можно позавидовать.

Рядомъ съ ипподромомъ помѣщается знаменитое гонкъ-конгское кладбище. Роскошные мраморные памятники разбросаны среди богатѣйшей тропической растительности. Громадныя пальмы и лавры обвиты цвѣтущими растеніями, повсюду розы, громадныя лиліи—все цвѣтетъ и благоухаетъ. Но врядъ-ли хорошо тутъ покойникамъ. Когда я бродилъ по кладбищу, любуясь перистыми листьями пальмъ, цвѣтами, цѣлыми гроздями цвѣтовъ лиловыхъ, розовыхъ, пунцовыхъ и желтыхъ, мнѣ невольно вспоминалась грустная элегія Пушкина: „и хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, но ближе къ милому предѣлу мнѣ все-жъ хотѣлось почивать“, а увы „милый предѣлъ“ этихъ покойниковъ лежитъ такъ далеко за морями...

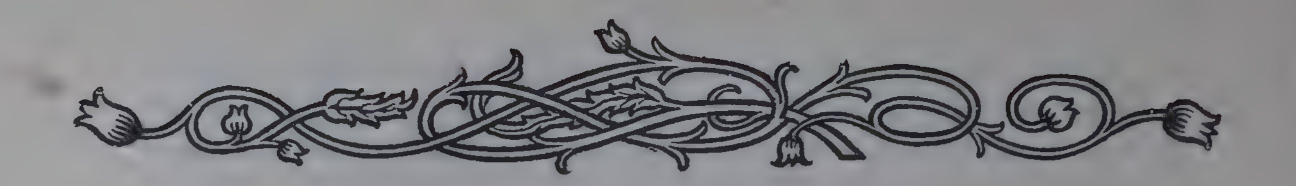
Солнце садилось, когда я возвращался въ Гонкъ-Конгъ. Воскресный день кончился; матросы, послѣ дня, проведеннаго въ тѣсномъ переулкѣ у „Annette-Papier“ за возліяніями виски, рома и коньяка возвращались на суда въ состояніи близкомъ къ невмѣняемости. И при этомъ рѣзко выразился характеръ каждой національности. Нѣмцы исчезли съ улицъ такъ, что ихъ никто не видалъ. Бравые квартирмейстеры живо подобрали ихъ на улицахъ и водворили на „Тигра“. Наши бродили, покачиваясь и

заломивъ безкозырки такъ, что вся голова лѣзла наружу, но дорогу давали и, какъ будто конфузились, что англійская виски ихъ такъ скоро одолѣла, англичане и американцы были гнусно пьяны. Ихъ блѣдныя лица опухли, но не покраснѣли, а стали еще блѣднѣе, куртки были разорваны и алые мундиры выглядѣли весьма некрасиво. Одни сипаи были трезвы. Грустнымъ взглядомъ провожали они эту пьяную Европу, возвращавшуюся на суда. За нашими прибылъ ботъ при офицерѣ и команда тихо и скромно усаживалась. Раздалась команда: „весла“ и „на воду“ и неувѣренно и не всегда въ тактъ шлепая веслами ботъ сталъ удаляться домой на „*Разбойника*“. А англичане, американцы и французы еще долго бродили по улицамъ Гонгъ-Конга, задѣвая китайцевъ, шатаясь и падая на перекресткахъ...

На другой день послѣ полудня мы снялись съ якоря и медленно вышли съ рейда. Море было бурное, муссонъ дулъ съ полной силой и „Лаосъ“ началъ переваливаться съ борта на бортъ. Въ столовой натянули скрипки, чтобы предохранить отъ паденія бутылки и стаканы и между пассажирами пошли безконечные разговоры о „roulis и о „tengage“.

Наступало скучное время продолжительнаго плаванія при постоянной, утомительной качкѣ.

„Dupleix“ у Пондишери. 15 февраля 1902 г.



XLVII.

Сайгонъ.

Французскія колоніи. — На р. Донаи. — Сайгонскія лошади. — Улицы. — Ботаническій садъ. — Русскіе матросы въ Сайгонѣ. — Опера „Thaïs“ Массенэ. — Ночь въ Сайгонѣ.

Rue Catinat въ Сайгонѣ.

Когда французы говорятъ о своихъ колоніяхъ, они говорятъ всегда со злобой, ничуть не скрывая своей ироніи. „Сайгонецъ“ — это bête noir парохода, его боятся, его не любятъ, его презираютъ.

— Наши колоніи, говорятъ французы, даютъ одинъ расходъ государству; онѣ созданы для чиновниковъ и совсѣмъ не имѣютъ торговли.

— Мы плохіе колонисты, говоритъ другой, мы слишкомъ любимъ родину, чтобы промѣнять belle France на Сайгонъ или Пондишери.

И сейчасъ же со всѣхъ угловъ парохода раздадутся вопли и стоны: „oh, belle France!“, „oh, Marseille!“, „oh, Paris!“. —

Paris это уже кульминаціонная точка вздоховъ, дальше все на секунду смолкаетъ и затѣмъ на васъ кидаются съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ — были вы въ Парижѣ? О, Парижъ! Видали вы Лувръ? А бульваръ Инвалидовъ, а Елисейскія поля? А оперу? — вы должны долго пожить въ Парижѣ, что вы думаете тамъ смотрѣть?

— Если у меня будетъ одинъ день свободнаго времени, говорю я, я съѣзжу въ Сомюръ, посмотрѣть кавалерійскую школу.

— Ну вотъ. Ничего интереснаго. Вы должны видѣть бульвары...

Это хорошо, этотъ патріотизмъ, но насчетъ колоній я совсѣмъ не согласенъ съ французами. Тамъ, гдѣ есть хорошій губернаторъ, гдѣ французы любовно отнеслись къ колонизаціи, тамъ очень хорошо.

Захвативши въ свои руки клочекъ Индо-Китая, уцѣпившись въ устья Меконга, а главное, поливши свои новыя владѣнія кровью Тонкинской экспедиціи, они на р. Сайгонъ создали цвѣтущій городокъ, въ которомъ, по злобному выраженію ѣхавшаго въ первомъ классѣ богатаго шанхайскаго буржуа, — on s'amuse plus qu'on fait la marchandise. И въ добрый часъ. Не все франки и луи, надо же и красивые сады, и умѣлая эксплоатація тропическихъ красотъ, и искусство, и поэзія. Къ р. Донаи, на которой стоитъ Сайгонъ, мы подошли 30-го января нашего стиля ночью и остановились у колоніи св. Іакова, у маяка, въ устьѣ, въ ожиданіи разсвѣта и лоцмана. Р. Донаи не шире Невки у Елагина острова, но она, какъ большинство рѣкъ Китая, необыкновенно глубока и полноводна. Вода въ ней мутная и желтая. Берега низменные, болотистые, густо заросшіе джунглями — сплошной чащей кустарниковъ, камыша, травы и пальмъ. Только у устья подымаются невысокія горы и на нихъ расположенъ госпиталь для моряковъ и солдатъ Тонкинскаго отряда. Дальше на 60 съ лишнимъ миль ярко-зеленая лѣсная пустыня. Она напомнила-бы наши заросли ивы и ольшаника по берегамъ рѣкъ, если-бы не необыкновенная яркость зелени, гуща кустовъ, да тамъ и тамъ подымающіеся вверхъ перистые листья молодыхъ кокосовыхъ пальмъ. Кое-гдѣ видны расчищенные уголки, соломенныя жалкія хижины аннамитовъ, двѣ-три каменныя постройки фермера и маякъ. „*Лаосъ*“ идетъ медленно. Рѣка страшно извилиста, иногда она подходитъ къ тому же мѣсту, съ котораго вышла, и мы описываемъ почти полный кругъ. Эти джунгли полны лихорадокъ и сайгонцы почти всѣ становятся ихъ жерт-

вами. Послѣ четырехъ-часового плаванія по рѣкѣ, въ 8 часовъ утра мы ошвартовались у пристани. На рѣкѣ было много судовъ. Стояли двѣ французскія канонерки и нашъ минный истребитель „Амуръ“, зашедшій сюда за провизіей. Противъ пристани былъ богатый садъ, потомъ площадка, на которой стояли длинные желѣзные пакгаузы компаніи Messageries-maritimes. На площадкѣ тѣснились маленькія кареты, запряженныя одной лошадью, и парныя изящныя коляски. Лошади мелкія, мѣстной породы съ ершикомъ подстриженными гривами, короткими хвостами, весьма пропорціональныя по сложенію и хорошо выхоленныя. Я видалъ въ Сайгонѣ собственныя закладки этихъ маленькихъ коньковъ — это были прелесть какъ сложенныя лошади, великолѣпно выхоленныя, въ прекрасныхъ тѣлахъ, сильныя и широкогрудыя. А много-ли сдѣлали французы для улучшенія этой породы? Ничего. Только кормили, холили, да баловали лошадей.

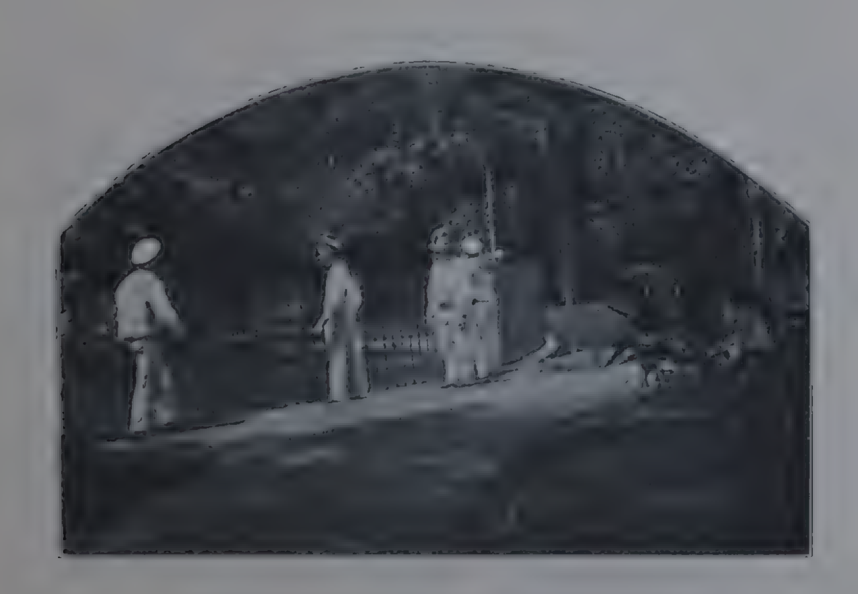
Сайгонъ раскинулся за каналомъ, впадающимъ въ рѣку. Черезъ каналъ перекинутъ каменный крутой мостъ. По одну сторону канала изумрудная зелень луговъ, банановые сады, масса цвѣтовъ и маленькія хижины, возлѣ которыхъ пасутся горбатые быки и лошади, да бродятъ „кохинхинскія“ куры, по другую — бульваръ громадныхъ вязовъ и цвѣтущей бѣлой и лиловой акаціи и рядъ домовъ, идущихъ къ рѣкѣ.

Всѣ улицы Сайгона прямыя и широкія, всѣ обсажены громадными деревьями, а каменные дома ихъ утопаютъ въ зелени пальмъ, розъ, фикусовъ и цвѣтущихъ лиловыми цвѣтами роскошныхъ кустовъ. И отъ этого Сайгонъ весь зеленый. На тѣхъ улицахъ, гдѣ садовъ у домовъ нѣтъ, гдѣ стоятъ лавки китайцевъ, аннамитовъ и сингалезовъ, посерединѣ насажены широкіе бульвары и поставлены высокіе электрическіе фонари. На главной улицѣ „rue Catinat“, есть хорошіе магазины платьевъ, парижскихъ objets d'art, японскихъ издѣлій, богатые рестораны, кафе и прекрасный городской театръ, въ которомъ играетъ ежедневно оперная и драматическая труппы. Противъ театра разбитъ цвѣтникъ и бульваръ, дальше высится величественный готическій соборъ и противъ него громадное зданіе почты. Отъ собора тѣнистый бульваръ идетъ налѣво — къ статуѣ Гамбетты, за которой высится богатый губернаторскій дворецъ, и направо — къ монастырю, казармамъ артиллеріи и ботаническому саду.

Ботаническій садъ весьма красиво распланированъ на берегу неширокаго притока р. Донаи. Чистыя красныя дорожки идутъ между пальмъ и банановъ, въ серединѣ большой круглый прудъ

весь покрытъ большими розовыми цвѣтами лотоса, на прудѣ есть островъ и на островѣ бесѣдка, сдѣланная изъ бамбука и соломы и обвитая цвѣтущимъ бельдежуромъ.

Среди зелени кустовъ и деревьевъ тамъ и тамъ разбросаны звѣриные дома. Черная пантера щурила желтозеленые глаза изъ мрака клѣтки, облѣзлый слонъ топтался на берегу рѣки, просовывая хоботъ за рѣшетку и собирая мѣдяки, которые онъ передавалъ лѣнивому аннамиту, почти голому, сидѣвшему подлѣ корзины съ травой, пучки которой онъ давалъ слону за деньги.



„А скажите, господинъ, что это за звѣрюга?"

Въ бассейнѣ изъ дикаго камня плавали крокодилы, громадная копра сидѣла въ стеклянномъ террарiумѣ и художественно сдѣланная клѣтка была полна пеликанами, цаплями, павлинами, курами, утками и фазанами — пестрыми и яркими представителями птичьяго царства Кохинхины.

Я сидѣлъ на скамейкѣ подъ тѣнью развѣсистой фиги, любовался чужимъ синимъ небомъ, необычною зеленью, аннамитами-садовниками съ голыми ногами и красиво обвязанными пестрыми тряпками бедрами, съ женской прической пучкомъ на

головѣ и съ широкой корзинкой вмѣсто шляпы, слушалъ тихую мелодію органа, доносившуюся изъ сосѣдней церкви и такъ прекрасно гармонировавшую съ тишиною воздуха, съ безоблачнымъ небомъ и неподвижно уснувшими въ темно-синемъ небѣ пышными кронами пальмъ и юккъ, завитыми ліанами, громадными рододендронами, какъ вдругъ веселый русскій говоръ раздался сзади и компанія матросовъ въ ярко бѣлыхъ рубахахъ и фуражкахъ, широко размахивая руками, прошла мимо меня и остановилась подлѣ загородки крокодила.

— Ахъ ты, чтобъ тебѣ! раздавались громкіе смѣлые голоса — вотъ такъ чудовище! Ну, право слово, Егоровъ, глянь-ка какая звѣрюга.

И всѣ облокотились о рѣшетку и штукъ пятнадцать широкихъ мускулистыхъ спинъ, облаченныхъ во все бѣлое, яркими пятнами обрисовались на фонѣ тропической зелени.

И мнѣ захотѣлось ихъ удивить. Я подошелъ къ нимъ, въ своемъ желтомъ костюмѣ хаки и въ бѣломъ шлемѣ, и по-русски спросилъ ихъ, давно ли они стоятъ въ Сайгонѣ.

Казалось бы русскій языкъ въ далекой Кохинхинѣ, куда не заходятъ иностранныя суда, долженъ былъ поразить матросовъ. Но можно ли удивить саратовскаго мужика, ставшаго бравымъ матросомъ русскаго флота?

Матросъ съ квартирмейстерской нашивкой внимательно посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая угадать, что я за человѣкъ такой, потомъ спросилъ:

— А вы сами изволите быть русскій или французъ?

— Русскій, отвѣчалъ я.

— А откуда вы будете?

— Изъ Гонкъ-Конка, отвѣчалъ я.

— Такъ, протянулъ квартирмейстеръ.

На минуту водворилось молчаніе.

— А, позвольте васъ спросить, господинъ, что это за морское чудовище будетъ? спросилъ меня молодой матросъ, рѣшивши, что по моему говору я не начальство и что со мной можно разговаривать.

— Крокодилъ, отвѣчалъ я.

— Глянь-ко, братцы, какой онъ самый крокодилъ есть, и толпа тѣснѣе придвинулась къ рѣшеткѣ.

— А что онъ примѣрно человѣка съѣсть можетъ или нѣтъ? спросилъ снова меня матросъ.

— Случается, что большіе крокодилы и ѣдятъ людей, отвѣчалъ я.

— А что, господинъ, лёва здѣсь есть или нѣтъ? спросилъ меня опять молодой матросъ.

— Нѣтъ, льва здѣсь нѣтъ, а пантера и слонъ есть.

— Пошли что-ль смотрѣть слона, пригласилъ товарищей матросъ.

Я пошелъ вмѣстѣ съ ними. Они очень удивились, что я казакъ, все время величали меня „господиномъ“ и вели себя образцово. Я потомъ видѣлъ, какъ въ шестомъ часу вечера они возвращались по улицѣ Catinat домой на корабль. Ни одного пьянаго, ни одного неприличнаго жеста не было сдѣлано ими. Они шли свободно, властно, но никого не затрогивая.

Когда я одѣлъ штатское платье одинъ мой знакомый полковникъ говорилъ мнѣ: — теперь вы увидите, какъ плохо дисциплинированы наши солдаты, вы увидите, какъ они курятъ на улицахъ, затрогиваютъ прохожихъ, никому не уступаютъ дороги. И вотъ я, штатскій, видѣлъ пьяныхъ матросовъ въ Гонкъ-Конкѣ и трезвыхъ въ Сайгонѣ — и тутъ и тамъ они вели себя образцово. Въ Сайгонѣ они шли торопливымъ шагомъ по улицѣ, а не по панели, боясь опоздать, давая дорогу каждому.

„*Лаосъ*“ ночевалъ на р. Донаи. Я поѣхалъ въ театръ. Ночь была удивительная. Кузнечики непрерывно трещали въ поляхъ, квакали на болотѣ лягушки, полная луна боролась съ электричествомъ и набрасывала серебристыя краски на удивительную природу Кохинхины. Театръ былъ полонъ. Что пріятно было прочесть — это обычное правило, правило всѣхъ французскихъ театровъ, по которому офицеры и унтеръ-офицеры за кресла, а солдаты за галлерею платятъ полцѣны. И это было правило безъ ограниченій, когда-бы военно-служащій не пришелъ брать билетъ.

Сайгонская опера была полна матросовъ и солдатъ артиллеріи. Оркестръ, постановка, исполненіе были прекрасны. Сама — „Thaïs“ — новая опера, несовсѣмъ удачнаго опернаго композитора Massenet [1]). Она скучна, обилуетъ речитативами, написана въ новомъ стилѣ, безъ арій и безъ смѣшанныхъ хоровъ. Сюжетъ

[1]) Оговорю: — романсы его „Poême d'Avril“, „Poême d'Octobre“ и „Sérénade du Passant“ прекрасны.

очень эффектный. Борьба языческаго міра, міра тѣлесной красоты съ христіанскимъ міромъ душевной красоты и самоотреченія. Христіанскій міръ долженъ былъ побѣдить, онъ и побѣдилъ, когда блестящая куртизанка Thaïs умерла въ монастырѣ и, умирая, увидала и Бога, и апостоловъ, и ангеловъ, принявшихъ ее для вѣчной жизни, но и авторъ, и композиторъ такъ неумѣло выразили эту побѣду, что жаль было Thaïs, жаль было, что она промѣняла блестящій уборъ куртизанки на скромную схиму и умерла, захирѣвъ въ чуждой ей обстановкѣ. Монахъ Аѳанаилъ, убѣдившій ее на этотъ шагъ и самъ безумно влюбленный въ нее, былъ противенъ. Актеръ, игравшій его, почему то загримировался Христомъ и тѣмъ тяжелѣе было видѣть его, изнывающаго отъ любви и страсти, а потомъ сурово ведущаго несчастную бабочку Thaïs черезъ пустыню въ мирную обитель святыхъ сестеръ. Фальшъ и неискренность либреттиста (по роману Anatol France'a) чувствовались на каждомъ шагу и мнѣ, православному, было больно смотрѣть на это сурово-католическое искаженіе полнаго любви и прощенія ученія Христа.

Послѣ спектакля я пилъ чай на улицѣ въ модномъ café du théâtre. Рядомъ со мной за столомъ тянула абсентъ компанія французскихъ моряковъ. Одѣты они были грязно, вели себя развязно, почесывались и грубо спорили. До котораго часа они отпущены? Разрѣшенъ имъ развѣ входъ въ café, гдѣ сидѣли офицеры, удобно-ли имъ быть среди сайгонскихъ дамъ? Очевидно, это было такъ принято. Сидѣвшія рядомъ со мною, разряженныя въ шелка сайгонскія дамы милостиво, снисходительно смотрѣли на своихъ matelots и гордились ими, хотя гордиться было право нечѣмъ. Дай Богъ нашимъ дамамъ такой любви къ русскому солдату, но избави Боже нашего солдата отъ такой развязности.

Позднею ночью я возвращался домой. На улицахъ было движеніе. Тамъ и тамъ у кафе горѣли огни, сидѣли веселые французы и нарядныя француженки, слышался смѣхъ, говоръ и шутки. Ночь была обаятельно тепла и напоена незнаемымъ намъ ароматомъ тропиковъ. Въ поляхъ и садахъ немолчно трещали цикады. Электрическіе фонари отбрасывали волшебныя тѣни на улицы отъ деревьевъ съ причудливыми узорчатыми листами, отъ пальмъ и банановъ. Слышалось пѣніе, звонъ мандолины, звуки рояля. Мѣрно стуча копытами пробѣгали экипажи. Лишь въ два часа ночи я былъ дома, т. е. въ душной каютѣ „*Лаоса*“. Рѣка уснула. На томъ берегу еще горѣли въ аннамитской деревнѣ огни и отражались желтыми полосами въ тихой

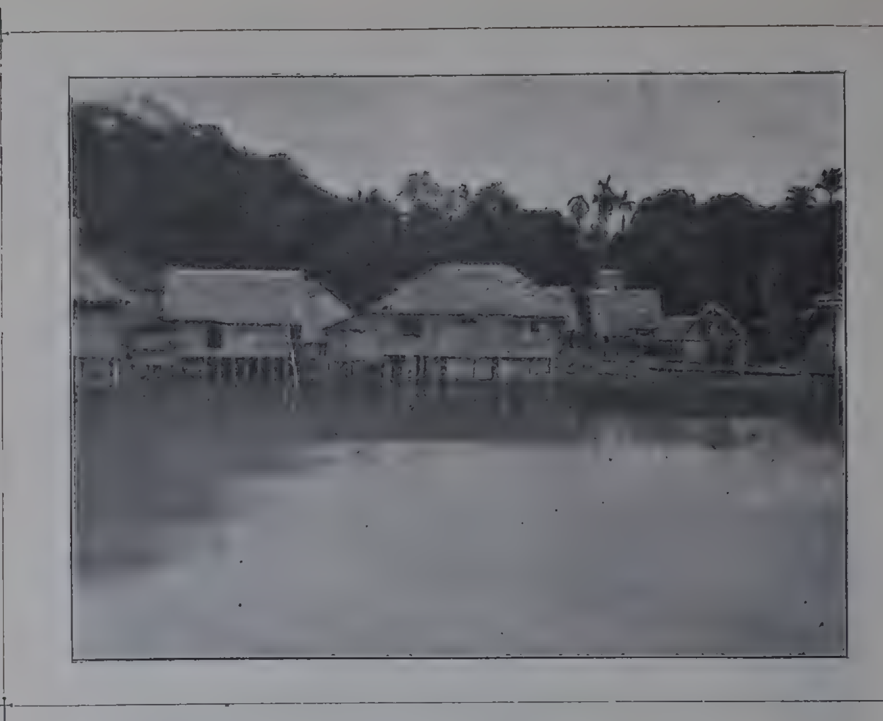
водѣ. Теплый воздухъ благоухалъ какими-то незнаемыми ароматами. На пароходѣ всѣ спали.

На другой день при первыхъ лучахъ разсвѣта мы отчалили отъ пристани и стали медленно спускаться по р. Донаи [1]).

„Dupleix". Бенгальскій заливъ, 2 февраля 1902 г.

Въ ботаническомъ саду въ Сайгонѣ.

[1]) Желающихъ ближе ознакомиться съ бытомъ сайгонцевъ и устройствомъ французской Кохинхины отсылаемъ къ прекрасной статьѣ „На досугѣ во французскомъ Индо-Китаѣ" г. Дм. Симонова, помѣщенной въ январьской книжкѣ *„Военнаго Сборника"* за 1902 г.



Сингалезская деревня въ Сингапурѣ.

XLVIII.

Сингапуръ.

Острова у Сингапура.—Городъ.—Россія подъ тропиками.—Зоолого-ботаническій садъ.—Плоды экватора.—Сингалезская деревня.—Вечеръ въ Сингапурѣ.—Въ Малакскомъ проливѣ.

Въ Сингапурѣ тропическая растительность достигаетъ наибольшей роскоши. Острова и островки, скалы и камни, будто отскочившіе отъ Малакскаго полуострова, остатки материка, сливавшагося нѣкогда съ еле виднымъ вдали зеленымъ низменнымъ берегомъ Суматры и Явы—все зелено. Это не голыя желтыя скалы, что уныло торчатъ тутъ и тамъ въ океанѣ и носятъ различныя названія, то „трехъ братьевъ“, то „кораблей“, это не острова, покрытые чахлой зеленью, крутые и высокіе, какъ у Гонкъ-Конга—это сама зелень, выходящая изъ воды и изумрудными пятнами раскинувшаяся по сафировымъ волнамъ океана.

Первое впечатлѣніе—*наша* зелень. Густыя акаціи, азаліи и олеандры, фиговыя деревья, мангу составили такую плотную зеленую стѣну, за которой совсѣмъ закрылись тонкіе, стройные, чуть изогнутые стволы пальмъ и только перистыя кроны ихъ торчатъ кое-гдѣ изъ мелкой зелени кустовъ. Зеленые острова составили бухту и *„Лаосъ“* свободно ошвартовался у пристани верстахъ въ двухъ отъ города.

Самъ городъ некрасивъ. Это квадратъ съ прорѣзанными въ немъ прямыми улицами съ домами съ галлереями, въ которыхъ находятся лавки и магазины. У краснаго дворца губернатора поставленъ каменный слонъ—эмблема и гербъ города.

Соборъ стоитъ на обширной площади и къ нему по діагоналямъ проведены дороги, обсаженныя высокими и развѣсистыми деревьями. Затѣмъ берегъ океана съ рядомъ четырехъ и пятиэтажныхъ домовъ, съ каменной набережной, о которую звучно, словно пушечные выстрѣлы, бьются зеленыя волны. Городъ пустъ. Воскресенье, полдень, 1-й градусъ послѣ экватора, отвѣсные лучи солнца даютъ себя чувствовать, все европейское, все бѣлое населеніе спѣшитъ спрятаться за деревянныя створчатыя ставни, въ прохладу галлерей, подъ мѣрно колышащіяся панка. Да въ городѣ, въ раскаленныхъ каменныхъ громадахъ, никто и не живетъ. Все, что имѣетъ хоть какія нибудь средства, устроило себѣ дачи среди густой зелени вѣчно цвѣтущихъ розъ, подъ мощными кронами пышныхъ кокосовыхъ пальмъ, среди вырѣзанныхъ лапчатыхъ листовъ гигантскихъ филодендроновъ. Тамъ, въ тѣни деревьевъ, я видалъ крытые сараи, подъ которыми стояли холеныя лошади, видалъ красивыхъ англійскихъ барышень, приносившихъ лошадямъ хлѣбъ, и, конечно, тамъ были площадки изумрудной травы для тенниса, съ разбитымъ четыреугольникомъ и натянутой сѣткой. Тамъ, въ ароматной тѣни чудесъ тропической флоры, среди пальмъ, ліанъ, цвѣтовъ и плодовъ—англичане имѣютъ свой home, недоступный для глаза посторонняго наблюдателя.

Въ городѣ я одинъ, бѣлый, нарушалъ его сонную тишину стукомъ сапогъ, я одинъ бродилъ подъ отвѣсными лучами по желтымъ шоссе, сопровождаемый цѣлой ватагой совершенно голыхъ назойливыхъ рикшъ, не хотѣвшихъ допустить, чтобы бѣлый человѣкъ могъ ходить пѣшкомъ по городу. И бродя по улицамъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что въ портовыхъ городахъ Азіи—Россія свила себѣ послѣ англичанъ наиболѣе прочное гнѣздо. Въ этомъ убѣдили меня вывѣски лавокъ и магази-

новъ во всѣхъ пройденныхъ мною городахъ. Онѣ всѣ англійскія кромѣ Сайгона, гдѣ онѣ, конечно, французскія; ни одной нѣмецкой, или французской вы не найдете ни въ Гонкъ-Конгѣ, ни въ Сингапурѣ, ни далѣе въ Коломбо. Но среди английскихъ надписей нѣтъ-нѣтъ мелькнетъ русская вывѣска: „*Продажа серебряныхъ издѣлій*".—„*Торговля табакомъ и русской икрой*",—„*Брадобрѣй*". На рейдѣ все чаще и чаще виситъ русскій флагъ и „купецъ" грузится чаемъ или колоніальными товарами. Англійскіе комерсанты уже подмѣтили эту пробудившуюся нашу предпріимчивость и оцѣнили ее. Чуждые иной политики, кромѣ политики денегъ, бумагъ, акцій и золота они откровенно высказываютъ свое сожалѣніе, что Россія отвернулась отъ нихъ, называютъ союзъ съ Германіей и Японіей безсмыслицей.

— О, если бы Россія когда-нибудь слилась съ Англіей,— говорилъ мнѣ въ Сингапурѣ одинъ богатый плантаторъ, англичанинъ—тогда все было бы наше... и ваше—поправился онъ, хотя немного поздно.

— Съ вашими солдатами, съ нашей торговой предпріимчивостью—весь міръ былъ бы въ нашихъ рукахъ...

Рикши таки уговорили меня на смѣси языковъ сингалезскаго, англійскаго и французскаго ѣхать, а не идти, и я покатилъ въ ботаническій садъ Сингапура. Садъ этотъ гораздо больше и пышнѣе, чѣмъ садъ Сайгона, но хуже содержанъ. Его звѣри— тигръ, обезьяны, коллекція птицъ, тихоходовъ и змѣй, сидятъ въ грязныхъ деревянныхъ клѣткахъ. Зато флора великолѣпна.

На обширномъ пруду простирались громадныя листья Викторіи-Регіи, той самой, которую, какъ рѣдкость, показываютъ вамъ въ оранжереяхъ петербургскаго ботаническаго сада. Мимоза, лиловая акація, громадныя пальмы, клумбы цвѣтущей петуніи, резеды, нашихъ недолгихъ лѣтнихъ гостей, тѣнистыя и сырыя заросли папоротниковъ и ползучекъ, тѣсные ряды сырыхъ стволовъ, обвитыхъ ліанами, между которыми бѣгутъ еле замѣтныя тропинки, все это было такъ пышно, такъ оригинально красиво!

Малаецъ несъ на коромыслѣ двѣ корзины фруктовъ. Тутъ были и громадные *ананасы*, такіе, которые вы видали только на картинкахъ, зеленожелтые *манго*,—продолговатые *папая*, темнолиловые *мангустаны*, красные орѣшки въ иглахъ *лячи*, внутри которыхъ находится мякоть, похожая на сливу, но не такъ ароматная—словомъ, цѣлый ассортиментъ даровъ экватора. Я остановилъ его и за 25 сенсовъ сталъ обладателемъ представителей всѣхъ сортовъ здѣшнихъ фруктовъ. Нѣтъ, наши яблоки, вино-

градъ, груши, сливы, наши персики лучше, сочнѣе и ароматнѣе этой пестрой и громоздкой компаніи тропическихъ плодовъ. Хорошъ, безусловно хорошъ, только ананасъ. Онъ сочнѣе, слаще нашихъ ананасовъ, онъ и ароматнѣе. Пожалуй, это царь фруктовъ. Знаменитый мангустанъ—хуже; представьте себѣ темно-фіолетовый плодъ, цвѣта красной брюквы, нѣсколько плоскій, величиною съ некрупный мандаринъ; вы обрѣзаете ножомъ его по окружности и снимаете какъ крышку толстую мясистую кожу. Внутри пять-шесть зернышекъ, обросшихъ сочною мякотью молочно-бѣлаго цвѣта. Эту мякоть и ѣдятъ. Она нѣжна, сладка, прохладительна, имѣетъ легкій, чуть слышный ароматъ. Гончаровъ сказалъ, что мангустанъ напомнилъ ему сливочное мороженое—по моему онъ хуже. Но съѣшь одинъ, хочется другой, третій—онъ не пріѣдается. Мангу, плотный мясистый плодъ, нѣсколько плоскій, величиною съ порядочную грушу. Онъ желто-зеленый и покрытъ цѣлымъ рядомъ черныхъ точекъ. Его разрѣзаютъ ножомъ и ложечкой выскабливаютъ ярко-желтое волокнистое мясо. Оно сладкое, сочное, съ особеннымъ „тропическимъ“ маслянистымъ вкусомъ и ароматомъ. Внутри останется большое совершенно плоское зерно. Папая—опять можетъ конкурировать съ плодами Европы. Это среднихъ размѣровъ зеленая дыня; также, какъ и дыня, она имѣетъ внутри пустоту, наполненную мелкими круглыми зернышками, плавающими въ прозрачномъ соку; мясо папая желтое, ароматное, сочнѣе и слаще нашей дыни. На рынкахъ вы найдете еще громадные плоды вродѣ тыквы, но только покрытые шипами, внутри ряды зеренъ, обросшихъ сладкимъ слизистымъ мясомъ, и наконецъ повсюду висятъ громадныя грозди зеленыхъ и золотисто-желтыхъ сочныхъ и ароматныхъ бананов...

Послѣ полудня я вернулся на „*Лаосъ*“. До отхода оставалось еще два-три часа и я сошелъ на берегъ. Жаръ свалилъ, и, хотя и не повѣяло прохладой, но было какъ-то легче, не такъ душно. Деревья и скалы отбросили тѣнь, на синемъ небѣ набѣгали облака, и вѣтеръ иногда поднималъ красную пыль и крутилъ, и игралъ ею по дорогѣ. Я не пошелъ въ городъ, а свернулъ налѣво и мимо горъ, на которыхъ воздвигнуты англійскія батареи и ходить на которыя строго запрещено, прошелъ въ широкую улицу малайской деревни. Деревня вытянулась по берегу внутренняго моря, образованнаго островами. Это море мѣстами проникло заливами и въ деревню и образовало тамъ озера, каналы и пруды.

Если вы будете когда-либо въ Сингапурѣ и притомъ не-

долго, — нѣсколько часовъ, — не тратьте времени на утомительную поѣздку въ ботаническій садъ. Тамъ вы увидите тропическую флору, подстриженную и прилизанную, пріодѣтую и принаряженную. Ступайте прямо на берегъ, возьмите влѣво отъ города, мимо St.-James и идите по широкому шоссе за мостъ. Уже на мосту вы невольно остановитесь передъ малайской деревней на сваяхъ. Соломенныя хижины стоятъ надъ водою на высокихъ бамбуковыхъ палкахъ, внизу привязаны челноки и фономъ этимъ сѣро-желтымъ домамъ служитъ богатѣйшая заросль кокосовыхъ пальмъ, у подножія которыхъ выросъ лѣсъ бамбуковъ. Дальше, по обѣимъ сторонамъ шоссе съ красной пылью, лѣсъ кокосовыхъ пальмъ, между которыми протянули громадные листья бананы, перевились деревья мангу и видны темные стволы желѣзнаго дерева. Есть что-то волшебное въ этой смѣси зеленыхъ пятенъ всѣхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ, въ наслоеніяхъ нѣжныхъ листиковъ акаціи на громадныхъ листахъ банана или темнозеленыхъ вѣерахъ пальмы. Среди садовъ стоятъ англійскія дачи, и маленькія хижины малайцевъ. Голыя дѣти, полуголые мущины шоколаднаго цвѣта, женщины въ пестрыхъ тряпкахъ съ большими карими глазами глядятъ на васъ. Деревня кругомъ, правда, пригородняя, но настоящая деревня дикихъ. Вонъ пара бѣлыхъ горбатыхъ быковъ везетъ высокую двуколку, на двуколкѣ человѣкъ 5 совершенно обнаженныхъ черныхъ людей. Одинъ правитъ, стоя на тѣлегѣ впереди, остальные стоятъ и сидятъ. Сбоку свободной походкой идетъ женщина. Красный платокъ, обвязанный возлѣ бедръ, свободно мотается у черныхъ ногъ, у щиколки которыхъ блестятъ серебряные браслеты. Выпуклая грудь прикрыта пестрою шалью, на шеѣ рядъ монисто, въ ушахъ и въ носу сверкаютъ золотыя пуговки, а на рукахъ, повыше локтя, цѣлый рядъ золотыхъ и серебряныхъ обручей-браслетовъ. Настоящая сцена изъ „Аиды“...

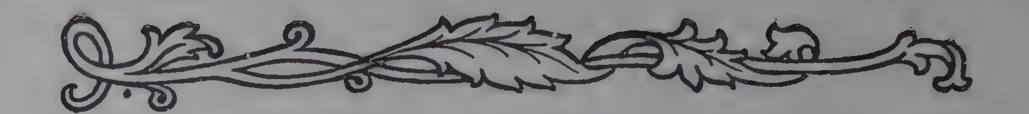
А небо начинаетъ покрываться заревомъ заката. Это не то мутно-красное зарево, что бываетъ у насъ, когда, предвѣщая рѣдкое ведро, солнце медленно спускается къ горизонту. Красныя точки загораются тогда пожаромъ на стеклахъ домовъ и алое зарево охватываетъ полнеба. Здѣсь зарево заката уже, зато оно мощнѣе по тонамъ. Тутъ такая глубина краснаго цвѣта, перистые странные силуэты пальмъ лиловыми тѣнями ложатся на этотъ закатъ, такая сильная игра красокъ, къ которой мы не привыкли. Первый моментъ она даже непріятна. Темнота наступаетъ быстро. Вотъ зажгли фонари на улицѣ засвѣтились элек-

тричествомъ огни маяковъ и зажглись сигнальные фонари на мачтахъ судовъ. Пора на „*Лаосъ*“...

Мы вышли позднимъ вечеромъ изъ Сингапура и Малакскимъ проливомъ, между полуостровомъ Малакка и островомъ Суматра, прошли въ Индійскій океанъ. Въ проливѣ не качало. Темно-синій Индійскій океанъ былъ блестящѣе, ласковѣе, гостепріимнѣе Великаго. Хотя муссонъ и тутъ нагналъ волну, которая разбиваясь о борта парохода, раскачала его со стороны на сторону, но яркій блескъ воды, стайки летучихъ рыбокъ скрашивали скуку плаванія и унылой качки. За два дня до прибытія въ Коломбо со стола сняли скрипки. Мое 21-дневное плаваніе на „*Лаосъ*“ кончилось, я сходилъ съ его борта, чтобы идти на другомъ пароходѣ той-же компаніи въ Калькутту, въ Индію.

Калькутта 18 февраля 1902 г.

У St-James въ Сингапурѣ.



Индѣйскій океанъ изъ окна гостинницы Gale face hotel въ Коломбо.

XLIX.

На океанскомъ пароходѣ.

Океанскій пароходъ.—Утро.—Матросы няньки.—Пассажиры 2-го класса.—День.—Ночь.—Тайны океана.—Въ тихую погоду.

Океанскій пароходъ—это маленькій уѣздный городъ съ его мелкими событіями, сплетнями и волненіями. Фантазія Жюля Верна, Гретъ-Истерномъ котораго мы зачитывались въ дни своей юности, осуществилась очень скоро и на „*Лаосъ*", какъ и на Гретъ-Истернѣ, есть и бойня и хлѣбопекарня, живутъ и плодятся куры, утки и индѣйки. Внизу, подъ водою, находится трюмъ, кладовыя и помѣщеніе, куда насыпаютъ уголь. Здѣсь-же, въ центрѣ поставлено шесть громадныхъ паровыхъ котловъ и помѣщается паровая машина, приводящая въ движеніе два винта, подъемные краны и машину электрическаго освѣщенія. Надъ машиной, длинная и узкая палуба, занятая койками матросовъ команды, гарсонами, китайцами-прислугой, поварами, хлѣбниками и другимъ рабочимъ людомъ. Слѣдующій этажъ,—батарейная палуба,—разбитъ на три части. На носу тѣсныя каюты и столовая третьяго класса, посерединѣ залъ, ванныя, гостиная, дамская и часть каютъ перваго класса,-на кормѣ каюты,столовая, ванныя—второго класа. На верхней палубѣ построены каюты второго

класса и часть кают и столовая перваго, на их крышах—*спардек*—во втором площадка для игр, в первом—каюты и корридор для прогулок.

И всѣ эти пять этажей длиннаго „*Лаоса*“ кишат людьми, живут особенной жизнью, то дѣятельной, то лѣнивой, веселятся, работают, или скучают и томятся от жары и морской болѣзни.

Вѣчно бодрствует вахта, что помѣщается в длинном стеклянном корридорѣ над спардеком на так называемой „passerelle“, по нашему „мостикѣ“.

Там всегда, во всякое время дня и ночи, можно видѣть двух матросов, крѣпко ухватившихся за рукоятки колеса, офицера в бѣлом кителѣ и в фуражкѣ с галуном, туда-же заходит иногда солидный и плотный капитан с красным лицом, сѣдыми усами и эспаньолкой. Это голова и нерв парохода. Здѣсь стоит ярко освѣщенная картушка с расчерченными странами свѣта, сигнальный аппарат в машину и к лебедкам, здѣсь положены карты, бинокль и секстант. В безбрежном горизонтѣ океана пароход идет всегда по одному пути, точно находит маяки и берега и не опаздывает ни на один час. Тут-же повѣшен колокол, что отбивает каждыя пол часа „склянки“, дѣля четырех часовую вахту на восемь склянок и сокращая время ея чинам... В самом низу вѣчно бодрствует желудок парохода, его ужасныя топки. Там, возлѣ громаднаго манометра у цѣлой системы клапанов, рукояток и кранов стоит механик, а дальше у огнедышащих котлов цѣлая вахта „шофферов“ кочегаров, черных, закопченных, полуголых, изнывающих от жары...

Первым подымается низ. Еще восток не начинает свѣтлѣть и только верхнія звѣзды медленно меркнут одна за другою, когда пронзительный боцманскій свисток поднимает с коек команду и гонит ее наверх, на уборку палуб. Начинается ерзанье гуттаперчевых щеток по мокрому полу, поливка палуб, тентов и бортов водою. Под однообразный шорох щеток, сливающійся со стуком винта, еще крѣпче спят пассажиры перваго класса и их день далеко не настал.

Из пассажиров третій класс поднимается, первым. Там ѣдут запасные матросы и солдаты из колоній.

Они привыкли вставать рано. При первых проблесках утра они выползают один за другим из душных кают и в это же время подымаются и тѣ, что спали на палубѣ. Их

не мытыя лица опухли отъ сна и жары, синія шинели порваны и въ пятнахъ, мундиры, сапоги, штаны все въ бахромѣ, какъ на нищихъ. Французскіе запасные не щеголяютъ своимъ мундиромъ, но стараются его сбросить возможно скорѣе, смѣнить на блузу, или на пиджакъ. Они садятся компаніями на канаты, на трюмовые люки и, болтая между собою, наблюдаютъ восходъ солнца.

Синее темное море вдругъ бѣлѣетъ, волны становятся изъ черныхъ мутно-зелеными и ихъ шипящіе гребни отчетливо видны. За кормой парохода загорается желтая полоса, лиловыя тучи краснѣютъ и на ихъ фонѣ взволнованное море поднимается дикими, страшными зубцами. Въ воздухѣ проходитъ струя свѣжаго воздуха и на минуту тѣло отдыхаетъ отъ жары. А полоса восточнаго зарева становится шире и шире, захватываетъ полъ-неба, звѣзды гаснутъ одна за другой и только Венера еще сверкаетъ блѣднымъ серебристымъ свѣтомъ. И вдругъ океанъ вспыхиваетъ золотыми блестками, волны синѣютъ и быстро, быстро выплываетъ изъ воды пурпурное солнце. Оно сейчасъ же желтѣетъ и, поднимаясь наверхъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ пароходъ, солдатъ и матросовъ, сидящихъ на его носу.

Въ столовыхъ гарсоны въ затрапезныхъ синихъ курткахъ и штанахъ разносятъ по каютамъ одежду и сапоги, приносятъ на столы чашки, хлѣбъ, масло, чай, кофе и шоколадъ. Шесть часовъ утра. Пассажиры перваго и второго класса начинаютъ просыпаться.

Внизу, у каютъ-компаніи второго класса раздается капризный дѣтскій плачъ, за нимъ женскій возгласъ—„matelot“, одна изъ дверей отворяется и оттуда выходитъ женщина съ растрепанными черными волосами, худая, измученная, въ туфляхъ на босу ногу, въ халатѣ. Только лучистые глаза ея, большіе, окруженные синими кругами, говорятъ, что въ холѣ и одеждѣ эта женщина была-бы прекрасна.

— „Matelot“, кричитъ она снова и на ея зовъ, сверху, съ соломеннаго лонгъ-шеза подымается здоровенный матросъ и идетъ внизъ.

— „Bébé“—говоритъ женщина. И матросъ беретъ ревущаго младенца, еще двухъ немытыхъ крошекъ и идетъ съ ними на верхнюю палубу. Къ 7 ч. утра на палубѣ уже возится, кричитъ и шумитъ штукъ 20 дѣтей, пѣстуемыхъ четырьмя матросами французскаго военнаго флота, однимъ артиллеристомъ и тремя китайцами.

Китаецъ, немилосердно картавя, зоветъ совершенно голую Thérese, которая, забывъ всѣ приличія первокласснаго дитя, катается по сырой палубѣ, матросъ съ „Friant" не можетъ успокоить плачущую Lili, а маленькій Louis уже затѣялъ драку съ Yvonne къ великому огорченію артиллериста, обѣ руки котораго заняты Annette и André.

Я сначала думалъ, что все это офицерскія дѣти и думалъ, что дамы, легко одѣтыя и весьма просто обращающіяся съ matelot и солдатами-нянъками—офицерскія жены, думалъ, что денщичьи услуги во французской арміи пустили такіе-же глубокіе корни, какъ и у насъ, но оказалось, что все это запасные, за нѣкоторую сумму денегъ взявшіеся пѣстовать дѣтей во время пути изъ колоній до Марсели, и только одинъ былъ деньщикъ, посланный при дѣтяхъ.

И я вспомнилъ нашихъ деньщиковъ при женатыхъ офицерахъ. Широко трактуемый параграфъ о томъ, что офицерская прислуга должна служить офицеру и его семейству, обратилъ нашего безотвѣтнаго солдата въ няньку, горничную, кухарку, прачку, въ раба офицерской семьи. Эти французскіе матросы и солдаты живо напомнили мнѣ нашу Манчжурію. Тамъ, на далекой окраинѣ, гдѣ нѣтъ женской прислуги, сибирскій деньщикъ выполняетъ самыя деликатныя порученія офицерской барыни, лучшій другъ и учитель дѣтей, первое лицо, которое по своему солдатскому разумѣнію толкуетъ маленькому гражданину величайшія тайны природы. И это, конечно, нехорошо. И были изъза этого недоразумѣнія, писались громовыя статьи, строгіе приказы, но требованія жизни сильнѣе приказовъ, убѣдительнѣе статей и деньщику офицерской семьи ни у насъ, ни за границей не избѣжать неподходящей для солдата обязанности нянчить дѣтей.

Шумъ, возня и плачъ дѣтей поднимаютъ весь пароходъ. Бѣлокурая англичанка въ соломенныхъ японскихъ сандаліяхъ и халатѣ, вся раскраснѣвшаяся отъ сна, съ копной растрепанныхъ волосъ, избѣгая встрѣчи съ мущинами, бѣжитъ въ ванну, встаютъ сайгонскіе fonctionnaire'ы, начинаются споры о томъ, правильно, или неправильно дѣлаетъ компанія пароходнаго общества, что не пускаетъ пассажировъ второго класса на спардекъ перваго, раздаются громкія рѣчи о томъ, что буржуазія губитъ всѣхъ, что господство аристократіи было лучше для народа, чѣмъ господство капитала и жидовъ. Плотный и сальный сайгонецъ съ густыми черными усами уже вскочилъ на соломенное кресло и

проповѣдуетъ динамитъ и бомбы противъ пароходныхъ буржуа, не дающихъ въ жаркую погоду льда, кормящихъ одними бананами и стѣсняющихъ движенія. „Гдѣ-же это égalité и fraternité“, восклицаетъ онъ, „когда мы загнаны здѣсь, какъ въ клѣтку и не имѣемъ права перейти границу своего класса. Динамитъ! револьверъ! бомбы!..“

Но звонокъ къ завтраку прерываетъ революціонера. Послѣ завтрака революціонеръ мирно играетъ въ палетки съ католическимъ миссіонеромъ и хозяиномъ шанхайскаго отеля, дѣти возятся и плачутъ, а матери лежатъ въ лонгшезахъ и читаютъ или болтаютъ.

Море принимаетъ густой синій цвѣтъ, надъ волнами тутъ и тамъ вспархиваютъ серебристыя летучія рыбки, качка становится сильнѣе и дамы постепенно уходятъ въ каюты.

Въ первомъ классѣ скучнѣе. Больше больныхъ, больше розни между пассажирами и недовольства другъ другомъ. За вечернимъ обѣдомъ дамы сидятъ въ бальныхъ платьяхъ декольте, мущины томятся во фракахъ и смокингахъ. Разговоръ идетъ вяло. Мои сосѣди допрашиваютъ меня, скоро-ли будетъ окончена постройкой „Transsibérienne“ и когда пойдутъ „Sleepingcarte“ прямого сообщенія изъ Парижа на Пекинъ, Портъ-Артуръ и Владивостокъ. Даже сайгонцы собираются ѣздить черезъ Россію. Очень уже всѣмъ надоѣла качка.

Въ 6 часовъ вечера солнце садится. Еще съ полчаса закатъ горитъ багровымъ свѣтомъ, потомъ море чернѣетъ, вѣтеръ зловѣще свиститъ въ вантахъ и чужія яркія и обильныя звѣзды проступаютъ на небосклонѣ. Качка утомляетъ и убаюкиваетъ. Дѣтское населеніе, наконецъ, успокаивается и смолкаетъ, за нимъ затихаетъ и весь пароходъ.

На небѣ, поднявши рога вверхъ, загорается луна и серебристыя точки горятъ на волнахъ. Размахи судна становятся сильнѣе, вотъ устроившійся на спардекѣ въ лонгшезѣ революціонеръ покатился къ борту, вскочилъ съ проклятіями и пошелъ привязывать кресло канатами къ протянутымъ вдоль перилъ веревкамъ. Молоденькая миссъ затихла, поблѣднѣла и ушла внизъ, за ней прошли и ея компаньонки.

11 часовъ вечера. Въ каютахъ, fumoire'ахъ и гостиныхъ гаснетъ электричество. Въ проходахъ, столовыхъ и уборныхъ еще горятъ маленькія лампочки, скудно освѣщая палубы. Теперь все спитъ. Только въ галлереѣ наверху, да у огненныхъ топокъ внизу стоятъ и работаютъ люди очередной смѣны...

Завтра тоже самое. Тотъ-же плачъ, возня и визгъ дѣтей, тѣ же няньки matelots, разговоры о transsibérienne, возгласы и призывы къ динамиту и бомбамъ, скрипки на столѣ, пѣнящійся рокочущій, сердитый океанъ, и жизнь отъ завтрака до чая, и отъ чая до обѣда...

Въ эту качку работать нельзя.

Итакъ было восемь дней, не считая дневной остановки въ Сайгонѣ. Восемь дней качки, скрипокъ, бездѣйствія... Наконецъ вѣтеръ началъ стихать, мы подходили къ Коломбо.

И по мѣрѣ того, какъ размахи судна становились покойнѣе, море синѣе и бѣлыхъ гребней меньше, больше и больше появлялось пассажировъ на пароходѣ. Изъ каюты выползли французскія сестры милосердія въ забавныхъ бѣлыхъ колпакахъ, такъ живо напомнившія мнѣ оперетку, появилась дама съ темными кругами подъ глазами. Капоты и халаты исчезли, прически стали изысканнѣе, туалеты роскошнѣе, во второмъ классѣ перетащили пьянино на спардекъ и по вечерамъ раздались звуки вальсовъ и лансье и начались танцы. На смѣну танцорамъ выступили пѣвцы и пѣвицы и немудреныя французскія пѣсеньки, тѣ, что мы слушаемъ лѣтними вечерами въ Акваріумѣ и въ Крестовскомъ, стали звучать подъ полотнянымъ тентомъ пароходнаго спардека.

Замышлялся grand concert de charité въ пользу вдовъ и сиротъ моряковъ компаніи, погибшихъ въ морѣ, готовились разсказщики, солисты, куплетисты, наверху становилось веселѣе.

И, когда измученный жарою, вернешься со спардека въ душную каюту, прислушаешься къ шелесту воды, лижущей борта парохода—станетъ такъ гадко въ ней, что уйдешь и устроишься наверху на соломенномъ лонгшезѣ и залюбуешься дивнымъ океаномъ. Почти надъ головою горитъ Южный Крестъ, чудный, величественный; его звѣзды такъ ярко мигаютъ, такъ крупны, что невольно привлекаютъ къ себѣ очарованный взоръ. И Плеяды въ этихъ широтахъ, почти на экваторѣ, ярче, а далеко внизу, показывая мѣсто холодной Россіи, горитъ Полярная звѣзда. Большая Медвѣдица склонилась надъ нею, опустивъ рукоятку своего котла въ воду и опрокинувъ чашу внизъ. Созвѣздіе родины! Оно и тутъ прекрасно и тутъ дорого, какъ старый другъ, какъ вѣрный совѣтникъ заблудившагося ночью развѣдчика.

Черный океанъ кругомъ. На блестящихъ волнахъ его вспыхиваютъ искорки отъ звѣздъ, небо синее теперь свѣтлѣе и ярче его. Но вотъ изъ нѣдръ его, изъ таинственной глубины подымается громадный багровый шаръ и медленно ползетъ наверхъ.

То запоздалая луна восходитъ на небосклонъ. Еще полчаса и она наверху и кротко свѣтитъ, умѣряя своимъ серебрянымъ блескомъ яркое мерцаніе звѣздъ. И океанъ теперь далеко виденъ. Онъ, какъ колышущаяся парча сверкаетъ серебромъ и бѣлесоватой гранью сливается съ прозрачнымъ небомъ.

Тамъ, налѣво, за горизонтомъ находятся таинственные острова Суматра, Борнео, Ява,—впереди насъ ждетъ Цейлонъ, направо Индія, полная сказочныхъ чудесъ. Книга арабскихъ сказокъ раскрыта, океанъ хранитъ на днѣ своемъ слѣды Синдбада, Васко-де-Гамы; тамъ между водорослей гніютъ кости и ржавѣетъ желѣзо доспѣховъ пиратовъ, эти волны, эта луна и небо были свидѣтелями первыхъ изслѣдованій, стычекъ съ дикарями, пріемовъ царскихъ и изысканныхъ у раджей и царей индійскихъ. Туда, туда, гдѣ путешествовалъ Будда, туда, гдѣ сидятъ важные брамины, гдѣ пляшутъ дервиши, гдѣ все полно чудесъ, туда, въ тѣ страны, о которыхъ мечталось въ юности, когда учитель водилъ пальцемъ по картѣ, показывая экваторъ, Индію, тропики и Полинезію, а Майнъ Ридъ, Куперъ, Эмаръ, Жюль-Вернъ и Жаколіо дополняли фантазіей своей полетъ вашей мысли.

Да точно, на экваторѣ-ли я? Какъ это просто. Тамъ, гдѣ блеститъ на югѣ, отражая луну, океанъ, тамъ экваторъ. Темная полоска, что мы видали третьяго дня—это была Суматра, мы были вчера въ Сингапурѣ, а черезъ три дня будемъ въ Коломбо на Цейлонѣ, этотъ вѣтеръ, что свисталъ на прошлой недѣлѣ и такъ уныло раскачивалъ пароходъ—это муссонъ. Муссонъ—вы помните, какую роль онъ игралъ во всѣхъ исторіяхъ кораблекрушеній. Это онъ несъ корабли, рвалъ паруса, а потомъ гналъ плоты съ умирающими отъ голода пассажирами къ неизвѣстнымъ островамъ. А мы шли съ нимъ дѣлая акуратно, съ точностью часового механизма, 383 мили въ сутки, и мы не боялись бури. А если бы мы наскочили на подводную скалу, или наша машина испортилась бы—въ первомъ случаѣ желѣзная постройка затонула бы въ полчаса, не давши даже вылѣзти наружу по узкимъ лѣстницамъ всѣмъ пассажирамъ, а безъ машины, „*Лаосъ*“, лишенный мачтъ и парусовъ, сталъ бы игрушкой волнъ и прыгалъ по океану какъ плотно закупоренная бутылка, пока не разбился бы о камни и не исчезъ въ волнахъ. Недавнія крушенія „Атлантиды“, пожаръ въ океанѣ, гдѣ мущины отталкивали женщинъ отъ шлюпокъ, ужаснѣе нежели крушенія, описанныя Майнъ Ридомъ и Жюль-Верномъ. Теперь спасенныхъ почти не бываетъ и хроника отмѣчаетъ событіе просто,—„такого-то числа, у та-

кихъ-то береговъ погибъ пароходъ такой-то компаніи со столькими-то пассажирами и столькими то чинами команды".

Зато на берегу васъ ждутъ не дикари и людоѣды, а обнаженные рикши „пусъ-пусъ", готовые затѣять драку изъ за нѣсколькихъ пенсовъ платы за конецъ. У нихъ есть номера и муниципалитетъ осматриваетъ ихъ, какъ у насъ осматриваютъ извощиковъ, собирая ихъ при полицейскихъ участкахъ. Убить тигра также трудно, какъ у насъ медвѣдя; на слоновъ на островѣ Цейлонѣ разъ въ пять лѣтъ устраивается слоновая правительственная охота, гдѣ несчастныхъ животныхъ загоняютъ въ особый заборъ, куда ихъ заманиваютъ старые ученые слоны.

И даже вѣчный океанъ, такъ таинственно шумящій, кругомъ измѣренъ, вдоль и поперегъ и капитанъ ведетъ по нему судно такъ же увѣренно, какъ вы идете съ Невскаго на Надеждинскую и съ Надеждинской на Кирочную.... Чудесъ нѣтъ больше! Кокосовые лѣса растутъ по плану, а тамъ, гдѣ были таинственныя дебри, тамъ насажены ровными пучками кустики цейлонскаго чая. Три дня тому назадъ въ Сайгонѣ, столицѣ Кохинхины, я слушалъ новую оперу Massenet—Thais, вчера, въ Сингапурѣ я ѣздилъ въ коляскѣ любоваться дикими звѣрьми въ зоологическомъ саду, завтра—въ Коломбо... Да гдѣ же тайны? Еще Гончарову досталось немного тайнъ въ Японіи, а теперь... теперь неужели со всего снятъ покровъ, все открыто и помазано цивилизаціей business, все приноровлено ко вкусамъ и взглядамъ англичанъ...

Океанъ! Неужели и ты! Ты вѣчный, ты премудрый и великій! Неужели и ты измѣренъ и изслѣдованъ вдоль и поперегъ?..

— Мы идемъ теперь надъ глубиной 4.867 метровъ, проговорилъ надо мною голосъ моего сосѣда, которому тоже не спалось—я сейчасъ смотрѣлъ по картѣ—это самыя глубокія мѣста океана.

Я всталъ и подошелъ къ борту. Внизу шипѣла черная влага, по ней изрѣдка, сверкая при лунѣ, пробѣгала бѣлая пѣна. Но она не была таинственна: она имѣла глубину 4,867 метровъ...

„Dupleix" Бенгальскій заливъ 17 февраля 1902 г.

„И сказалъ Богъ, да будетъ свѣтъ“.

L.

На островѣ Цейлонѣ.

Коломбо. — Храмъ Келанія. — Сингалезы и сингалезки. — Гора Лавинія. — Плѣнные буры. — Сборы въ Индію. — Прогулка на Адамовъ Пикъ. — Кенди. — Хеттенъ. — Вечеръ въ Ла-Ксапану. — Подъемъ на Пикъ. — Ночь на Пикѣ. — Восходъ солнца. — Обратный путь. — Сингалезы паломники. — Книга посѣтителей Ла-Ксапанской гостинницы.

Широкое красное шоссе, прямое и ровное, идетъ вдоль берега. Направо, за невысокой набережной, чистый песчаный пляжъ, на который набѣгаютъ изумрудныя и сафировыя волны океана, налѣво каменныя съ галлереями казармы въ три этажа 1-го мадрасскаго пѣхотнаго англійскаго полка, потомъ широкій лугъ, покрытый мелкой ярко-зеленой травой, за лугомъ обсаженное

деревьями большое озеро, за озеромъ, подступая къ его берегу, лѣса кокосовыхъ пальмъ.

Красное шоссе упирается въ громадную трехъ-этажную постройку Gallo-face-hotel. Возлѣ отеля, на самомъ берегу моря, пучекъ пальмъ, склонившій богатыя перистыми листьями кроны къ вѣчно шумящему, вѣчно что-то разсказывающему океану. Это шоссе Gallo-face-bridge, въ утренніе и полуденные часы такое тихое и пустынное, съ пяти часовъ дня и до семи вечера полно экипажей и людей. Это Невскій проспектъ и набережная Коломбо. Мимо ропщущаго и несущаго сѣдые валы океана, мимо зелени луга и далекихъ пальмовыхъ садовъ, тихо шурша резиной, на кровныхъ австралійскихъ лошадяхъ, закутанные пледами тихо ѣдутъ богато одѣтые англичане и англичанки. Ихъ лица блѣдны и странно одутловаты, ихъ зябкость на этомъ ужасномъ солнцѣ, въ этой тропической жарѣ, не сдающей и къ ночи, поражаетъ. По одну сторону шоссе, за казармами начинается городъ. Тутъ, возлѣ земляной батареи, выдающейся въ море стоятъ небольшіе отдѣльные домики въ садахъ — „бунгалоу“ — офицеровъ мадрасскаго полка, дальше, въ саду, у памятника генерала Кеннеди, трехъ-этажный дворецъ губернатора, напротивъ башня съ часами и три-четыре квартала высокихъ домовъ съ рядами лавокъ внизу. Отсюда идетъ электрическій трамвай въ окрестности города. Въ этихъ кварталахъ помѣщаются конторы, склады, банки, консульства, великолѣпный grand-hotel, таможня, двухъэтажная пристань для лодокъ, выходящая на рейдъ съ двумя полукруглыми молами, за которыми стоитъ цѣлая флотилія пароходовъ. Между ихъ флагами рѣетъ и нашъ русскій флагъ добровольца — „*Саратовъ*“.

За городомъ идутъ узкія улицы и маленькіе дома сингалезскаго квартала, потомъ плантаціи кокосовъ, озера и болота, поля риса — словомъ деревня о. Цейлона.

Англичане раскинули свои каменныя дачи по берегу озера и дальше по берегу океана. Ихъ балконы окружены цвѣтущими розами; на озерѣ, въ тѣни громадныхъ баніановъ, растетъ пышный лотосъ, купы пальмъ оттѣняютъ темную зелень рододендроновъ, а филодендронъ развѣсилъ свои ажурные громадные листы на стволахъ деревьевъ. Тамъ, на пескѣ дорожекъ, грѣются хамелеоны и ящерицы, а на изумрудныхъ лужайкахъ пасутся хорошо содержанные гладкіе и блестящіе кони.

Въ 8-ми верстахъ отъ города, въ дивномъ тропическомъ лѣсу стоитъ бѣлый храмъ Kelaniya temple, окруженный сплош-

ной гущей кокосоваго лѣса. Дорога къ нему — одно очарованіе. Она желѣзнымъ мостомъ пересѣкаетъ широкую рѣку Келанію, съ густо заросшими пальмами и кустарникомъ берегами. Это зелень не нашего рисунка и не нашего колера, это берега рѣдкой, поразительной красоты. Самъ храмъ — бѣлая постройка съ большимъ куполомъ индѣйскаго стиля, красиво рисующимся на фонѣ зелени и темно-голубого неба. Въ храмѣ покоится рука Будды, кругомъ идутъ пристройки. Въ одной изъ пристроекъ, за стеклянной рѣшеткой, лежитъ громадная золоченая статуя Будды. Кругомъ храма цвѣты. Маленькіе желтые цвѣточки, розовыя розы, лотосы — положены и у статуи Будды, и возлѣ храма. Въ большихъ причудливо сдѣланныхъ мѣдныхъ фонаряхъ теплятся лампады, толпа народа, преимущественно женщинъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ обнаженными головами, вокругъ храма. Ароматъ куреній, запахъ цвѣтовъ и шорохъ молитвенно настроенной толпы. Видны руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ, колѣнопреклоненныя фигуры, глаза, поднятые кверху. По улицѣ, идущей отъ дороги къ храму, на ступеняхъ самаго храма раскинули лавочки торговцы священными предметами. Цѣлая ярмарка — книги, цвѣты, описанія храма на языкѣ сингалезовъ, статуи, издѣлія изъ золота и серебра и снова цвѣты — много цвѣтовъ. И почему-то вспомнились мнѣ ярмарки у нашихъ монастырей, продажа свѣчекъ, образовъ и книжекъ, такое же торжище у воротъ святыни...

Сингалезскія женщины, если онѣ молоды, красивы. Онѣ стройны и хорошо сложены, ихъ полныя груди едва прикрыты тонкимъ спенсеромъ, отъ бедра начинается юбка, плотно обтягивающая ноги. Между спенсеромъ и юбкой — середина спины и верхъ живота обнажены. Отъ этого ихъ фигуры, словно стянутыя темнымъ поясомъ, кажутся очень стройными и легкими. Мужчины находятся въ блаженномъ невѣдѣніи костюма и имѣютъ только маленькую повязку спереди. Сложены они порядочно, но не мускулисты, не широкоплечи и узкогруды.

Очарованный, я возвратился въ Коломбо. Я былъ влюбленъ въ это могущественное солнце, въ красивыя пальмы, въ яркую зелень мангу, обремененныхъ зелеными и желтыми плодами.

Океанъ чудный, величественный, безконечный ропталъ у моихъ ногъ, а голые рикши-сингалезы старались пробудить меня изъ зачарованнаго небытія назойливыми приставаніями.

— Мосье пусъ-пусъ (такъ называютъ рикшъ французы),

мосье пусъ-пусъ — Келаній я—темплъ, мунтъ Лавинія, сольдà боерсъ. Мосье сольдà боерсъ...

Эти послѣднія слова поразили меня.

Какое отношеніе могли имѣть мужественные защитники своей далекой трансваальской родины къ этимъ голоднымъ сингалезскимъ „пусъ-пусъ"?

Думать было нечего, надо было развѣдать. Я сѣлъ въ колясочку и поѣхалъ. Дорога шла берегомъ океана, мимо кокосовыхъ лѣсовъ, подступившихъ къ самой водѣ. Кругомъ были сады и дачи. Шоссе было обсажено то громадными мимозами, то желѣзнымъ деревомъ, то тимариндами. Рикша мѣрно бѣжалъ и по мѣрѣ бѣга его коричневая голая спина покрывалась крупными каплями пота. Ѣхали мы долго, часа полтора. Наконецъ, дорога поднялась на небольшой холмъ; въ пальмовомъ лѣсу оказалась прогалина, застроенная большими каменными бараками. Эти бараки были окружены невысокой желѣзной рѣшеткой. Вдоль рѣшетки, опираясь на нее, въ традиціонныхъ широкополыхъ „бурскихъ" шляпахъ стояло человѣкъ 30 буровъ. Они были въ фланелевыхъ розовыхъ, синихъ и сѣрыхъ рубахахъ, заправленныхъ въ легкіе штаны и большинство босые. Почти всѣ были молодежь, лѣтъ 18—25, рѣдко-рѣдко между розовыми безусыми лицами виднѣлась рыжая и еще рѣже сѣдая библейская борода. Они были хорошаго роста, широки въ плечахъ и видимо физически сильные. И странное дѣло, издали они напомнили мнѣ толпу нашихъ новобранцевъ, которую я видалъ на бортѣ „*Саратова*" на рейдѣ Коломбо. То-же грузное, сильное впечатлѣніе было отъ этой молчаливой шеренги больныхъ буровъ, какъ и отъ нашей болтающей и гогочущей команды новобранцевъ. Ворота, ведшія къ нимъ, не были заперты, я не видалъ даже часового, но только были надписи „no permitted", приглашавшія проходящихъ и проѣзжающихъ безъ разрѣшенія начальства не заглядывать.

Сюда, къ этому мѣсту, ѣздятъ любопытные, преимущественно съ нашихъ и съ французскихъ судовъ. Бурамъ передаютъ табакъ, папиросы, глазѣютъ на нихъ, какъ въ зоологическомъ саду праздная толпа смотритъ на пантеръ, слона, или обезьянъ, молчаливо тоскующихъ за желѣзной рѣшеткой.

Это больные буры, привезенные сюда на гору Лавинія изъ глубины Цейлона, гдѣ находятся ихъ наибольшія массы.

А въ двухъ шагахъ отъ нихъ былъ громадный отель и ресторанъ. Тутъ, на берегу ревущаго океана, въ пальмовомъ саду

Рѣка Келанія.

стояли столики, бесѣдки и компанія англичанъ меланхолично сидѣла на береговой скамьѣ, любуясь, какъ медленно опускалось румяное солнце въ синія воды.

Черезъ полчаса надъ пальмовымъ лѣсомъ взошла луна. Пейзажъ принялъ видъ волшебной декораціи, серебро побѣжало по морю и тонкой линіей обозначило горизонтъ. Пальмовый густой лѣсъ былъ полонъ таинственной прелести. Весь Цейлонъ, прекрасное сочетаніе богатѣйшей растительности и красивѣйшаго моря, вѣчно ясное тихое утро и покойный вечеръ, небо, не знающее ни тучъ, ни облаковъ, природа, непрерывно производящая цвѣты и плоды, темные таинственные лѣса,ароматъ зелени, вся чудная, волшебная обстановка этой жаркой и сырой ночи въ Коломбо была такъ очаровательна, такъ манила, что хотѣлось воскликнуть словами поэта.

„C'est la, où je voudrais vivre, aimer et mourir"!..

... Счастливые англичане!..

Счастливые!.. И мнѣ вспомнились блѣдныя одутловатыя лица англійскихъ дамъ и джентльменовъ, катавшихся по вечерамъ по galle-face-bsidge'у. Это вѣчно румяное, одинаково знойное, высокое солнце убиваетъ все европейское. Малѣйшая оплошность наказывается солнечнымъ ударомъ. Отъ долгой жизни здѣсь исчезаютъ изъ крови красные шарики, въ характерѣ является вялость, равнодушіе ко всему, а вскорѣ захватываетъ организмъ жестокая лихорадка. Громадный по торговлѣ Коломбо небогатъ домами. Все, что имѣетъ средства, живетъ въ горахъ, въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Коломбо, въ богатомъ и живописномъ городкѣ Кенди. Семейства и больные спѣшатъ еще дальше, еще выше въ Хеттенъ, въ Ла-Ксапану въ Нувара-Элію, въ царство чайнаго дѣла острова Цейлона. Этотъ вѣчный зной, эти пальмы, самъ океанъ—губительны для бѣлаго человѣка.

Такъ размышляя, я возвращался домой въ свой отель.

Жаркое утро и неописуемый по красотѣ восходъ солнца засталъ меня за работой. Я составлялъ маршрутъ поѣздки по Индіи. Передъ мною былъ толстый путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ Индіи и карта. На картѣ чорныя линіи бѣжали вверхъ и внизъ, соединяли города, развѣтвлялись и уходили вглубь страны. Въ книгѣ были сотни поѣздовъ то быстрыхъ, то медленныхъ, то идущихъ съ рѣдкими остановками, то останавливающихся каждыя пять минутъ. Куда ѣхать? Что смотрѣть?—Мадрасъ, Аллагабадъ, Калькутту и Дарджилингъ, изъ котораго видны снѣжныя Гималаи, или Калькутту, Лагоръ, Дели и Бомбей, или Лукновъ, Бенаресъ, Агру? Иллюстрированный англійскій гидъ очаровывалъ видами пагодъ и храмовъ, красивой природы и таинственной старины. Я исписывалъ листы и не зналъ, на чемъ остановиться. Вдругъ въ комнату ко мнѣ постучали.

— Комъ-инъ, воскликнулъ я. Дверь открылась и передо мною оказался молодой, изящно одѣтый джентльменъ.

— Не узнаете, проговорилъ онъ по-русски, и я васъ не узналъ у фотографа въ вашемъ тропическомъ костюмѣ.

Это былъ капитанъ С. Мы выѣхали почти одновременно изъ Петербурга, онъ направлялся въ Индію, я въ Манчжурію, и вотъ на перепутьи, въ Коломбо, мы встрѣтились, оба обремененные запасомъ впечатлѣній.

— Что это вы дѣлаете? спросилъ онъ у меня. Я объяснилъ свои сомнѣнія.

— Бросьте, воскликнулъ С.,—поѣдемте сейчасъ къ Томасу Куку, онъ вамъ и поѣзда укажетъ, и билеты дастъ, и маршрутъ составитъ. Вамъ необходимо посѣтить Дарджилингъ, оттуда вы увидите Гималаи, потомъ Лагоръ, Дели, Агру, Бенаресъ, Гайдерабадъ, Лукновъ—это обязательно.

— Но я боюсь, что у меня не хватитъ времени, робко замѣтилъ я.

Но С. не слушалъ меня.

— Пустяки! Должно хватить. Это будетъ грѣхъ, если вы не побываете въ Мадрасѣ, Аллагабадѣ и Бомбеѣ. Вы ѣдете завтра на Тутукоринъ, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Бенгалоръ и Мадрасъ...

— Нѣтъ, рѣшительно сказалъ я, это невозможно. Срокъ командировки моей приходитъ къ концу, я не могу опоздать, завтра я ѣду вглубь Цейлона, на одинъ изъ знаменитѣйшихъ застывшихъ вулкановъ, Адамовъ Пикъ, а черезъ три дня я иду

на французскомъ пароходѣ „Dupleix“ въ Калькутту черезъ Пондишери и Мадрасъ.

— А потомъ?

— Потомъ вы мнѣ назовете два-три наиболѣе интересныхъ пункта, которые стоитъ, особенно стоитъ посмотрѣть и я только въ нихъ и буду.

С. смотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

— Что же, проговорилъ онъ, не видѣть Дарджилинга—не видѣть Гималаевъ, не видѣть Бенареса, Агры и Дели—не видѣть древней самостоятельной Индіи, не видѣть мусульманскихъ сказокъ востока. Вся Индія отразилась въ этихъ трехъ городахъ, но природа ихъ не подавитъ васъ такъ, какъ величественное зрѣлище покрытыхъ серебряною пеленою вѣчнаго снѣга Гималайскихъ горъ. Поѣдемте къ Куку, онъ въ полчаса скажетъ вамъ, куда вы успѣете проѣхать.

Мы вышли изъ отеля и поѣхали въ контору Томаса Кука. По времени, имѣвшемуся у меня въ распоряженіи, я могъ или посѣтить Дарджилингъ, или Бенаресъ и Агру. Дарджилингъ былъ только прекрасный видъ на громадный горный хребетъ, большій, чѣмъ Кавказскія и Альпійскія горы—это было чудо природы, но онъ не выражалъ собою Индіи, онъ не давалъ характеристики той странѣ, о которой мы съ дѣтства привыкли мечтать, какъ о странѣ сказокъ, о мірѣ волшебныхъ грезъ...

Я выбралъ маршрутъ на Бенаресъ, Агру и Бомбей и у Томаса Кука получилъ маленькую книжечку билетовъ съ указаніемъ пересадокъ, часовъ отправленія и часовъ прибытія.

С., такъ кстати явившійся выручить меня изъ затрудненія и напомнившій мнѣ о Кукѣ, на другой день уже умчался въ Австралію, а оттуда, черезъ Америку, въ Россію. Я на другой день садился раннимъ утромъ на станціи Марадана-Жонкшонъ, чтобы ѣхать въ Хеттенъ, а оттуда совершать подъемъ на Адамовъ Пикъ.

Совершить трудный и утомительный подъемъ на Адамовъ Пикъ пожелала со мной одна русская дама, случайно гостившая въ Коломбо, моя манчжурская знакомая, госпожа К. Я встрѣтился съ нею въ русской колоніи острова Цейлона, въ богатомъ бунгалоу, построенномъ на берегу озера и осѣненномъ красивою листвою тропическаго сада. Здѣсь жили представители московскаго чайнаго дома Щербачевъ, Чоковъ и К°, и здѣсь, въ честь проѣзжей пѣвицы, былъ устроенъ настоящій русскій обѣдъ съ блинами, икрой и рябчиками, только что привезенными на „Са-

ратовѣ". Узнавъ, что подъемъ на Адамовъ Пикъ не только красивъ, но и труденъ, что пять часовъ надо идти наверхъ и столько-же внизъ пѣшкомъ, г-жа К. стала неотступно просить меня взять ее съ собою. Хозяинъ подзадоривалъ ее.

— Вы будете первой русской дамой, которая совершитъ восхожденіе на Адамовъ Пикъ, говорилъ онъ.

— И третьей дамой по счету, такъ какъ изъ европейскихъ женщинъ тамъ было только двѣ англичанки, проговорилъ помощникъ хозяина.

— Дамы предпочитаютъ слащавыя красоты Кенди величественному виду съ Адамова Пика, сказалъ обѣдавшій съ нами англичанинъ.

— Не ходите, понапрасну измучитесь, ничего нѣтъ интереснаго, — промолвилъ хозяинъ, не ожидавшій такой прыти отъ соотечественницы. Желаніе „рёшенъ леди" подняться на вершину Адамова Пика возбудило интересъ англичанъ. Но никто не смотрѣлъ на это серьезно и это заставило г-жу К. рѣшить исполнить подъемъ во что-бы то ни стало.

Итакъ, 11-го февраля, раннимъ утромъ мы сошлись на маленькой станціи Марадана-Жонкшонъ и въ половина восьмого утра понеслись черезъ густые и богатые лѣса Цейлона.

Лѣса становятся рѣже, на горизонтѣ синѣютъ горы, просторныя долины покрыты полями риса, кое-гдѣ видны селенія сингалезовъ, быки, появляются и дачи англичанъ. Это Кенди. Здѣсь тропическая растительность достигаетъ наибольшаго напряженія. Цвѣты, перистые листья пальмъ, густыя заросли бамбуковъ, жидколиственныя кофейныя деревья, побѣги филодендроновъ, бананы и баніаны образовали клумбы, купы, аллеи, заросли и лѣса. Здѣсь не такъ томительно жарко и сыро, какъ въ Коломбо, и хотя нѣтъ прекраснаго синяго океана, но зато есть горы.

Еще три часа ѣзды по горамъ, длинный подъемъ и мы въ центрѣ чайныхъ плантацій въ Хеттенѣ. У самой станціи въ красивомъ саду стоитъ удобный англійскій отель съ пансіономъ, чистыми свѣтлыми комнатами и верандой, съ которой открывается прелестный видъ на горные хребты. Надъ этими хребтами, одинокій, полуоткрытый, продолговатый высится Адамовъ Пикъ. До него еще далеко, около тридцати верстъ, а онъ уже виденъ отчетливо и манитъ узкой вершиной, утопающей въ прозрачной синевѣ полуденнаго неба. Бѣлая туча примостилась на его краю и сладко вздремнула, не шевелясь въ зеленомъ лѣсу, покрываю-

щемъ скалы. А ближе, у самаго отеля, возлѣ сингалезской деревушки Хеттенъ, сколько глазъ хватаетъ, на желто-красной почвѣ крутыхъ скатовъ посаженъ чай. Его маленькія деревца издали напоминаютъ кусты черники, поросшей по чистому сосновому лѣсу, только стволы толще, листъ грубѣе и больше и кое-гдѣ блеститъ бѣлый цвѣтокъ съ четырьмя толстыми лепестками и желтой серединой. Иныя поля покрыты темнозелеными кустами, на другихъ торчатъ одни пучки стволовъ и вѣтокъ, лишь коегдѣ пустившіе молодые свѣтлозеленые побѣги, третьи подрѣзаны подъ корень и мертвые и сухіе лежатъ вдоль грядокъ.

Позавтракавши въ хеттенской гостинницѣ, мы взяли шарабанъ парой лошадей и по прекрасному шоссе, медленно поднимающемуся въ гору, поѣхали въ мѣстечко Ла-Ксапану, помѣщающееся недалеко отъ подножія Адамова Пика. Дорога все время вьется по уступамъ горныхъ кряжей, пересѣкаетъ горныя рѣчки и потоки. Здѣсь нѣтъ той удушливой, сырой жары, какъ въ Коломбо, здѣсь, на этихъ вершинахъ, дышется легко. Въ хаки даже прохладно. Мы ѣдемъ три часа. Но горные пейзажи, виды долинъ, покрытыхъ то кофейными, то чайными плантаціями, такъ очаровательны, а воздухъ такъ ароматно свѣжъ, что дороги не замѣчаешь. Вотъ легкій желѣзный мостъ черезъ широкій горный потокъ, маленькіе домики сингалезовъ и бѣлое просторное зданіе лаксапанской гостинницы — ни дать ни взять помѣщичій домъ въ Малороссіи. Передъ домомъ разбитъ цвѣтникъ. Пышныя розовыя розы цвѣтутъ въ грядкахъ, между ними бѣлѣютъ большіе колокольчики лилій. За цвѣтами плантаціи чая, однообразный пейзажъ — переплетъ маленькихъ кустиковъ, уходящихъ вверхъ по пологому скату, еще дальше высокіе горные хребты, заканчивающіеся шпилемъ Адамова Пика. Онъ выше всѣхъ. Онъ закрылъ собою горизонтъ, поднялся выше облаковъ и сверкаетъ, обливаемый лучами солнца.

На верандѣ, выходящей въ садикъ, тихо и прохладно. Вонъ въ рѣчкѣ, у неглубокой заводи, подъ тѣнью громадныхъ бамбуковъ купаются три сингалезки. Двѣ молодыя, на диво сложенныя, словно Діаны, изваянныя изъ темнаго воска, третья старуха. Но вотъ онѣ замѣтили меня на верандѣ, пестрыя тряпки покрыли ихъ бедра и онѣ ушли.

А какая кругомъ тишина. Вечеръ наступаетъ тихій и невольно ухомъ ловишь блеянье и мычанье стадъ, звонъ бубенцовъ и лай собакъ. Но тихо кругомъ. Романсъ Ц. Кюи — „*Слети къ намъ тихій вечеръ на мирныя поля*" неотступно рвется въ уши. Онъ

и слетѣлъ, этотъ вечеръ, такой тихій, кроткій, что забылись всѣ сомнѣнья, волненья и все — и природа, и люди, словно застыло въ созерцаніи багроваго заката. На красномъ небѣ Пикъ рисовался темнымъ, зловѣщимъ силуэтомъ.

— Неужели сегодня ночью мы будемъ карабкаться въ эту высь, задумчиво проговорила г-жа К.

— Да, односложно отвѣтилъ я.

— Какъ онъ далеко! сказала г-жа К.

— Четырнадцать нашихъ верстъ, отвѣтилъ я, и разговоръ погасъ.

Послѣднія краски меркли и потухали. Стало темно. Надъ розами и лиліями, точно электрическія лампочки, носились свѣтящіеся жуки. Я поймалъ одного и любовался, какъ онъ ползалъ у меня по рукѣ, то складывая, то открывая крылья, и всякій разъ, какъ онъ открывалъ свои крылья, вспыхивалъ сильный зеленоватый огонекъ. Въ это время вошелъ сингалезъ, хозяинъ гостинницы.

— Это нехорошій жучекъ, бросьте, его не надо трогать,— сказалъ онъ мнѣ по-англійски. Дѣйствительно, на другой день вся рука моя покрыта была красными пятнами.

Мы пообѣдали въ 8 часовъ и сейчасъ послѣ обѣда легли спать. Въ 11 час. ночи насъ разбудили. Пришли проводники Время было собираться въ путь. Ночь быля теплая, тихая. Полная луна обманчивымъ серебристымъ свѣтомъ обливала долины и чайныя поля. Проводники кутались въ пестрыя тряпки и изъ подъ низко замотанныхъ чалмъ сверкали темные глаза. Двое были съ фонарями, третій несъ корзину съ хлѣбомъ, чаемъ и бананами. Намъ дали длинныя палки и ровно въ полночь мы двинулись въ путь.

Первыя восемь верстъ мы прошли легко. Дорога состояла изъ прекрасной шоссейной тропинки съ еле замѣтнымъ уклономъ, вьющейся между горъ, кофейныхъ лѣсовъ и чайныхъ полей. Прямые квадраты тонкихъ деревьевъ, обозначавшіе рубежи плантацій, причудливыя горы, залитыя луннымъ свѣтомъ, — все было по нервамъ, производило странное чарующее впечатлѣніе. И контуры, и цвѣта были непривычные, я сказалъ-бы декадентскіе, если-бы слово это не было такъ опошлено. Иногда тропинки подходили къ широкому и глубокому оврагу съ отвѣсными берегами. Черезъ оврагъ былъ перекинутъ легкій висячій мостъ, который качался подъ нашими ногами.

Около 2 час. ночи мы остановились у маленькой деревушки,

отдохнули, сидя на камняхъ и готовясь къ крутому подъему наверхъ. Пикъ былъ передъ нами. Онъ выглядѣлъ такимъ отвѣснымъ, словно стѣны башни, что казалось невозможнымъ подняться на него. Дальше шоссейной дороги не было. Чайныя плантаціи тоже кончились и нашъ путь шелъ по узкой песчаной дорожкѣ между густого и колючаго кустарника. Внизу у ручья громадные древовидные папоротники тянули вверхъ свои волосатые стволы, чаща тамъ была непроходима, и жутко, и таинственно было въ ней.

Но вотъ кусты кончились. Передъ нами дѣвственный тропическій лѣсъ, полный разгула фантазіи природы. Вотъ мальвы, — громадныя деревья безъ листьевъ, но густо покрытыя пунцовыми цвѣтами, фикусы, обвитые ліанами, папоротники съ изрѣзанными листами. Тропинка узка. Она идетъ подъ сводами зелени. Лунный свѣтъ не проникаетъ сюда и тутъ темно. Мѣстами каменная скала поднималась отвѣсно вверхъ. По выступамъ, по наваленнымъ камнямъ, цѣпляясь за корни деревьевъ, за камни, за вѣтки, мы карабкались наверхъ. Кое-гдѣ путь былъ отвѣсенъ. Тамъ были сдѣланы стремянки изъ бамбуковыхъ палокъ и мы лѣзли по нимъ. Иногда тропинка изъ лѣсной глуши выходила на опушку и шла надъ обрывомъ отвѣсной скалы. Тамъ были сдѣланы легкія желѣзныя перила или протянуты цѣпи. Цѣпляясь за нихъ, хватаясь руками за стволы, за сучья, за камни, мы полземъ въ темномъ лѣсномъ корридорѣ. Мы не знаемъ времени, оно словно остановилось. Идешь въ какомъ-то опьяненіи тяжести подъема, кажется, что невозможно идти дальше, а идешь, и идешь. Прямо передъ нами босыя тонкія ноги сингалезовъ, словно отлитыя изъ темной бронзы. Иногда, случайно освѣщенная фонаремъ, пестрымъ пятномъ мелькнетъ красная повязка около бедеръ, пестрая чалма, смуглая голова. Изрѣдка въ кустахъ слышенъ шелестъ, — то испуганныя нашими шагами уползаютъ въ темную чащу змѣи.

Порою забываешь, что это лѣсъ настоящій, реальная тропинка, живые люди — чудится, что это ночной кошмаръ, погоня во снѣ по небывалому пути, безконечная погоня, никогда не достигающая цѣли. Вотъ-вотъ толкнетъ что-нибудь и я проснусь и буду лежать. Но гдѣ лежать? Послѣдніе шесть мѣсяцевъ я такъ часто перемѣнялъ ночлеги, видѣлъ столько выходящаго изъ рамокъ обыкновеннаго, что все возможно — и этотъ подъемъ, и глушь лѣсная, и темно-бронзовые люди, и тишина заоблачнаго края... Лѣсъ кончился. Голыя скалы кругомъ, камни, навален-

ные одинъ на другой, и между разсѣлинъ этихъ камней низкій кустарникъ и высокая желтая трава. Еще четыре версты подъема. Здѣсь, у начала этого пути, въ родникѣ наши люди набрали воды и понесли ее за нами — выше воды нѣтъ. Теперь путь ужасенъ. Да и путь-ли это? Представьте себѣ, что вамъ пришла бы дикая охота прыгать со стола на шкафъ, со шкафа на стулъ, потомъ на буфетъ — таковы были камни. Впереди легко карабкались сингалезы, сзади г-жа К., съ отчаяніемъ говорившая при каждой новой кручѣ — „еще, еще“, еще сзади, пыхтя, хрипя и отдуваясь, какъ запаленная кляча, подавался я.

Наконецъ начался подъемъ на самый Пикъ. Страшный вѣтеръ, вѣтеръ пронзительный, рѣзкій и холодный силился сорвать насъ съ карнизовъ, уступовъ, скалъ и камней. Пришлось закутаться въ пледы. Этотъ подъемъ по счастью длился недолго. Еще нѣсколько усилій и мы на вершинѣ. Сингалезы въ небольшой хижинѣ у ея подножія сложили корзины и тамъ развели огонь для приготовленія чая, а мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и вышли на площадку неправильно округлой формы, саженей десять въ квадратѣ. Это жерло давно потухшаго вулкана. Время и вѣтры вывѣтрили и обвалили кусокъ за кускомъ края и теперь низкая каменная искусственная ограда окружаетъ ее. Здѣсь стоитъ простой деревянный храмъ Будды и рядомъ лежитъ камень, на которомъ запечатлѣлась по однимъ преданіямъ ступня святого пророка востока, по другимъ—ступня перваго человѣка—Адама. Разсказываютъ, что первый человѣкъ проводилъ безмятежную жизнь въ роскошныхъ тропическихъ садахъ Цейлона. Но діаволъ соблазнилъ его, онъ нарушилъ заповѣдь Всемогущаго Бога—и все измѣнилось для него. Опостылѣлъ рай; тѣсно стало на Цейлонѣ, жутко и страшно въ знакомой обстановкѣ и Адамъ бѣжалъ въ горы, оттолкнулся о самую большую вершину и перепрыгнулъ въ Индію. Такъ говорятъ сингалезы. Отъ этого и потухшій вулканъ, вышиною 7,350 футовъ, получилъ названіе Адамова Пика.

Адамовъ Пикъ не такъ красивъ, какъ накрытый снѣжной шапкой, совершенно правильный контуромъ Фузіяма. Онъ не такъ величественъ, какъ Этна, и не дымитъ онъ таинственной дымкой, какъ дымитъ Везувій, но онъ дивно красивъ и видъ съ него не нашихъ контуровъ и красокъ.

Когда мы окончили подъемъ, ночь была еще въ полной силѣ. Луна ясно свѣтила и серебрила сѣрый камень съ овальнымъ углубленіемъ въ немъ, слабо напоминающимъ оттискъ че-

ловѣческой ступни саженнаго роста человѣка. Ступня Адама или Будды отпечаталась здѣсь, выдолбили ее дожди и непогоды, или прилежная рука жреца—это все равно. Она лежитъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ чувствуешь себя ближе къ Богу, гдѣ вѣришь чудесамъ, охотно слушаешь легенды.

Какъ все дико кругомъ! Помните у Поэ „Молчаніе",—дьяволъ на скалѣ... Помните искушеніе Христа—скалы, наваленныя одна на другую, горы, пустыня, луна и вѣтеръ. Вѣтеръ вѣчный, вѣтеръ высотъ, тотъ вѣтеръ, что по словамъ легендъ и сказокъ гонитъ звѣзды и стройнымъ хороводомъ прогоняетъ ихъ по синему небу. Какъ холодно кругомъ!.. И этотъ холодъ хорошъ—онъ только усиливаетъ жуткое безотрадное настроеніе. Мы одни на Пикѣ. И Пикъ одинъ на свѣтѣ. Низко подъ нами море тучъ, озаренныхъ бѣлесоватымъ призрачнымъ свѣтомъ луны. И точно громадные валы бѣжали по этому морю, бѣжали и остановились. И впечатлѣніе отъ этого покоя тучъ—ужасно. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ вершины сосѣднихъ горъ пробились сквозь тучи и торчатъ уродливыми островами, а земли не видно. И это такъ дико. Потому дико, что эти тучи не похожи на тучи. Знаешь, что это тучи потому, что чему же быть другому, а глазъ не вѣритъ, такъ ровна ихъ бѣлесая поверхность, по которой тянутся темныя полосы. Это луна обманывала. Она окрасила ихъ въ лиловатый цвѣтъ и протянула кудреватыя бѣлыя полосы, словно грубо изображенные гребни волнъ океана, но гребни застывшіе—океана мертваго... А наверху небо было чисто. Луна ясная, полная, яркая была на небѣ, а кругомъ тоже яркія, смѣлыя, дерзкія сверкали звѣзды: Оріонъ, Сиріусъ, Южный Крестъ, и Венера—зеленоватая, красивая, невольно влекущая вашъ взоръ не дающая оторваться отъ нея. Мы молчали. Слова не шли къ этой обстановкѣ— они были бы просты, грубы подъ чистымъ небомъ и надъ дикимъ мертвымъ моремъ тучъ.

Не вѣрилось, что мы на землѣ. Чудилось, будто мы гдѣ-то между, на островѣ, гдѣ нѣтъ ни времени, ни пространства, гдѣ всѣ предметы новы, гдѣ вѣчно свѣтитъ луна, проливая обманчивый свѣтъ на причудливые контуры горныхъ вершинъ. Точно будто мы присутствовали при началѣ мірозданія. Луна и звѣзды уже были созданы, а кругомъ былъ хаосъ, въ которомъ носился холодный вѣтеръ, сильный, рѣзкій и постоянный и былъ наваленъ матеріалъ для созданія „тверди"...

..... *„И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ!"*

И вдругъ далеко-далеко, словно розовой краской брызнуло

снизу на тучи и онѣ стали прозрачнѣй. Еще минута, минута борьбы и кровавой полосой залился горизонтъ и темный небесный сводъ позеленѣлъ. Только въ этихъ широтахъ, только это солнце экватора способно такъ мощно залить сурикомъ небо, подмѣшать къ нему карминъ, вызолотить одну тучку и пышной розой бросить на далекое громадное кучевое облако. Востокъ пылалъ. Въ темныхъ еще тучахъ играла зарница и Венера все ярче и ярче свѣтила надъ заревомъ востока въ прозрачномъ зеленомъ небѣ. Она и Южный Крестъ были такъ прекрасны, такъ могучи своею красотою, такъ долго боролись со свѣтомъ таинственно зародившагося дневнаго свѣтила! Но ихъ часъ насталъ. Изъ зеленаго— небо стало желтымъ, потомъ лиловымъ, по небу побѣжали полосы въ видѣ лучей и оно побѣлѣло. Южный Крестъ погасъ. Венера померкла и еще держалась нѣсколько минутъ едва замѣтной бѣлой точкой, но вотъ и она исчезла. Небо начало синѣть. Красная полоса опустилась внизъ, стала уже, ярче, тучи зарумянились и стали тучами, а не моремъ, надъ горизонтомъ протянулась узкая черта растопленнаго золота, она быстро вытягивалась и вдругъ появилось солнце...

. *И былъ свѣтъ*. . . . .

Сначала блѣдный, потомъ яркій..

Помните Венеру, выходящую изъ водъ морскихъ. Чудное женское тѣло, одѣтое пѣной, окруженное голубыми волнами— игрушка, людская выдумка, слабая, ничтожная, какъ все созданное людьми. Взгляните, какъ изъ тучевыхъ волнъ восходитъ солнце, хоть разъ посмотрите на солнце экватора сверху внизъ и вы поймете, что язычники могли боготворить свѣтило, дающее жизнь всему міру, что храмы Буддѣ и храмы природѣ,—что созерцаніе имѣютъ свои права на существованіе...

И въ этотъ моментъ изъ храма Будды медленно, величественно вышелъ закутанный въ желтую мантію жрецъ. Онъ подошелъ къ намъ и показалъ рукою на западъ. Тамъ на тучахъ, среди едва просвѣчивающихъ горъ, чуть рисовалась прозрачная колеблющаяся тѣнь фіолетоваго цвѣта. Она имѣла видъ пирамиды, размѣромъ нѣсколько десятковъ верстъ. Это Адамовъ Пикъ отбросилъ въ туманъ свою громадную тѣнь. И по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось, тѣнь становилась темнѣе, рельефнѣе, выше. И что-то мистическое, одухотворенное было въ этой тѣни. Не даромъ буддисты здѣсь построили храмъ, не даромъ таинственная легенда объ отчаянномъ прыжкѣ и проповѣди Будды связана съ этимъ мѣстомъ.

Солнце поднялось высоко. Въ хижинѣ насъ ожидалъ чай. Съ днемъ исчезла таинственность пейзажа, стали видны безконечныя цѣпи горъ и пиковъ, уходившія во всѣ стороны.

Въ восемь часовъ утра мы начали спускаться. Теперь только, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, мы увидали; какъ тяжелъ былъ подъемъ.

— Да неужели мы здѣсь поднимались! восклицала г-жа К., когда ей приходилось прыгать съ двухъ-аршинной высоты на крошечный уступъ скалы надъ бездной.

Но видно здѣсь часто ходятъ. Всюду слѣды, даже въ камняхъ есть углубленія отъ человѣческихъ ногъ. Корни и сучья, за которые мы хватались, словно отполированы отъ частаго прикосновенія человѣческихъ рукъ.

Кто же это ходитъ?

И какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы увидѣли путниковъ.

Впереди шелъ сѣдой и старый сигналезъ, голый, съ одною повязкою у бедръ, за нимъ женщины въ пестрыхъ платкахъ и короткихъ цвѣтныхъ юбкахъ. Онѣ не были красивы, съ большими золотыми филигранными кольцами въ носу, съ серьгами и браслетами на рукахъ и ногахъ, съ темными лицами и черными густыми волосами—не были красивы, какъ женщины, но для дикаго пейзажа этихъ горъ, для дѣвственнаго лѣса онѣ были дивно хороши!!! Въ рукахъ у каждой былъ пучекъ цвѣтовъ, нарциссовъ, лотосовъ или розъ—и эти цвѣты такъ гармонировали со сложенными на груди руками, со взоромъ, полнымъ молитвеннаго вдохновенія. Весь длинный и тяжелый путь на Пикъ онѣ молчатъ, сосредоточенныя въ молитвѣ и стараются, на пути туда, не разнимать молитвенно сложенныхъ рукъ...

Женщины, цвѣты, молчаніе высокаго шпиля, молитвенный экстазъ созерцанія красотъ природы... Господи! да неужели существуетъ Европа, съ ея страстями, драками изъ-за куска хлѣба, съ ея ужасной денежной сутолокой?!

Длиненъ обратный путь. Солнце печетъ невыносимо, Около полудня мы увидали домики Ла-Ксапану, и, отдохнувъ часа три, подъ вечеръ поѣхали въ Хеттенъ, чтобы поспѣть на одинадцатичасовой поѣздъ, который приходитъ на разсвѣтѣ въ Коломбо,

Мы вписали свои имена въ книгу гостинницы и Russian mistriss K“, которая поднявшись и спустившись съ Адамова Пика вмѣсто хвастливой болтовни иностранокъ, сказала только классическое русское „ничего“ — вѣроятно возбудитъ ревность англичанокъ...

Просматривая эту книгу ла-ксапанской гостинницы, я на-

шелъ въ ней имена трехъ, четырехъ русскихъ и много стиховъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Французъ M. Darfeuille излился въ слѣдующихъ стихахъ;

... Qu' un jour, ainsi qu'on le raconte
Adam, pour mieux cacher sa honte,
Ait eu le besoin singulier
D'aller la haut marquer son pied.
Ceci, bien que je m'en étonne,
Ne fait de doute pour pers›nne,
Mais sur ce lieu charmant qu'on dit
Avoir èté le paradis,
Voulez Vous que je Vous soumette
Mon opinion tout nette?
Au rest-hous on l'on est receus
C'est Eve qui manque le peus.

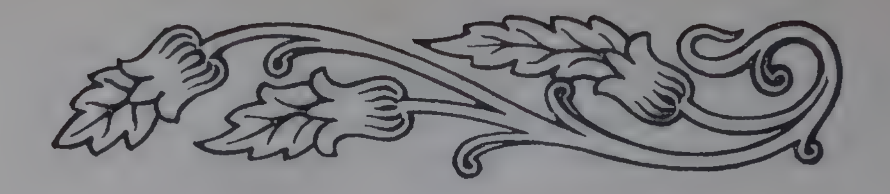
18 fevrier 1900 a.

Чисто французская точка зрѣнія. И какъ хороша была подъ этимъ выспреннимъ, напыщеннымъ стихотвореніемъ простая русская надпись *„встрѣтилъ Свѣтло Христово Воскресеніе на Adams-Peak 1—14 апрѣля 1901 года. Москва—Коломбо“*.

И какъ много должно быть пережилъ этотъ москвичъ, случайно занесенный въ цейлонскую глушь, сливая торжественнѣйшіе моменты жизни христіанина—съ красивымъ восходомъ солнца и полной трогательной наивности чистой вѣрой буддиста, несущаго на гору цвѣты!..

Ла-Ксапану 13 февраля 1902 г.

По дорогѣ на Пикъ.



LI.

По Бенгальскому заливу.

Вдоль Цейлона.—Пондишери.—Русскія, англійскія и французскія колоніи.—Лодочники сингалезы.—Мадрасъ.—Р. Хугли.—Въ Индіи.

Пристань въ Пондишери.

Изъ Коломбо въ Калькутту, къ берегамъ Индіи я шелъ на пароходѣ Messageries maritimes—„*Dupleix*". Мы вышли съ рейда 13-го февраля около 4 часовъ пополудни. Океанъ былъ тихъ, волны лиловатаго оттѣнка медленно шли по нему, словно уходили куда-то въ безвѣстную даль. Волшебные берега Цейлона проносились передъ нами. Вонъ gale face-bridge, нашъ отель, красный, съ пучками кокосовыхъ пальмъ у подъѣзда и у садика, вонъ плантаціи кокосовъ, бѣлое зданіе „Mount Lavynia", а тамъ вдали, надъ синѣющею цѣпью горъ, одиноко возвышается Адамовъ Пикъ. Весь вечеръ и ночь, весь слѣдующій день зеленые низкіе берега Цейлона намъ видны съ парохода. 15-го февраля около полудня мы подошли къ французской колоніи Пондишери. На обширномъ и не Богъ вѣсть какъ удобномъ рейдѣ стояло шесть пароходовъ и въ томъ числѣ одинъ подъ русскимъ флагомъ—"*Baron Driesen*" изъ Гельсингфорса. Громадныя лодки, неуклюжія и неладныя, сшитыя кокосовыми канатами, изъ кокосовыхъ досокъ, съ голыми гребцами окружили пароходъ. Гребцы, темной бронзы, худощавые, съ дикими глазами, подняли крикъ.

До пристани было рукой подать, а они требовали четыре рупiи (рупiя—около 75 коп.) за пассажира. Насъ, пассажировъ, было четверо—мы сложились и сѣли на неуклюжую постройку дикарей.

Говорятъ, что здѣсь во время муссона волны такъ велики, что шлюпка съ досками, прибитыми или привинченными къ шпангоутамъ не выдержала и была-бы разбита въ щепы...

Сшитая шлюпка донесла насъ до мола и мы вышли на индiйскiй берегъ. Нѣсколько тонкихъ колоннъ сѣраго камня, покрытыхъ рѣзьбою, стояли на набережной полукругомъ. Вправо и влѣво шли старые дома съ облупившейся штукатуркой и выцвѣтшей краской. Набережная въ этотъ полуденный часъ была пустынна. Только рикши окружили насъ съ неотступными просьбами взять ихъ. Здѣсь рикши имѣютъ телѣжки на четырехъ колесахъ, которыя толкаютъ сзади. Пассажиръ помощью длиннаго рычага управляетъ ходомъ коляски. Отсюда и пошло французское наименованiе рикшъ—пусъ-пусъ (pousse-pousse).

Въ Пондишери есть... Позвольте, въ Пондишери ничего нѣтъ... То есть—тамъ выстроенъ католическiй соборъ съ довольно бѣдной готикой, разведенъ запыленный садъ, есть батальонъ сипаевъ и громадные лѣса кокосовъ, есть старая индусская церковь, цѣлебный прудъ съ обычными преданiями о Буддѣ, но все это интересно, если вы попадаете въ Пондишери сразу изъ Петербурга, а послѣ чудныхъ тропическихъ садовъ и лѣсовъ Коломбо—лѣса Пондишери бѣдны, садъ жалокъ, индусскiй храмъ не стоитъ смотрѣть, когда ѣдешь въ Бенаресъ, а прудъ—только прудъ, окруженный пальмами и съ берегами, обдѣланными ступенями.

Улицы Пондишери пустынны. Туземный кварталъ интереснѣе. Тамъ бѣлыя каменныя хижины туземцевъ, стоящiя въ тѣни развѣсистыхъ акацiй, возлѣ пучка пальмъ, имѣютъ свое особенное красивое, влекущее. Тамъ можно увидѣть индусовъ мущинъ и женщинъ съ кувшинами на головахъ, поддерживаемыми рукою покрытой браслетами и согнутой въ изящный ракурсъ... Тамъ со страшнымъ скрипомъ вертится въ деревянной ступѣ колода, размалывая зерно, а пара сѣрыхъ горбатыхъ быковъ, подгоняемая голымъ мальчикомъ и полуголымъ старикомъ медленно ходитъ по кругу.. Тамъ все-таки Индiя, хоть и не Индiя сказокъ, не волшебная чаровница и смутительница бѣдныхъ сѣверныхъ умовъ, но все же Индiя, необычная и странная. А въ пыльныхъ запущенныхъ улицахъ французскаго города—только нестерпимый

зной и тоска. Кажется, что не только обыватели, но и дома, и лошади, и мулы, и католическій соборъ со стонущимъ органомъ все думаетъ о „patrie bien aimée“ о „France, belle France adorée“ и спустя рукава, кое какъ, ведетъ городское хозяйство. И мнѣ вспомнились наши уѣздные города далекаго юга. Та же безпечность, то же нежеланіе шевелиться, думать, работать, заботиться о благоустройствѣ, та же энергія, спящая непробуднымъ сномъ, но тутъ она копится для и ради европейскаго patrie, а у насъ до проѣзда кого-либо изъ высокопоставленныхъ особъ...

Я углубился въ городъ. Маленькіе домики индусовъ дремали подъ тѣнью развѣсистыхъ акацій; за домами были сады, за садами пустыня желтыхъ полей, кое-гдѣ перерѣзанная аллеями пальмъ и тимариндовъ.

Такъ вотъ она Индія!—За этими полями начинается волшебный просторъ лѣсовъ и джунглей, тамъ-то должны быть старинные города востока.

„Пусъ-пусы“ меня преслѣдовали предложеніями отвезти посмотрѣть набережную, пагоду и священный прудъ, но я предпочиталъ все это осмотрѣть пѣшкомъ.

Къ вечеру я пришелъ на пристань. По случаю прихода почтоваго парохода тамъ было настоящее гулянье. Блѣдныя, нездоровыя, лимфатичныя француженки привели такихъ же блѣдныхъ дѣтей и ходили, и сидѣли на скамейкахъ, любуясь, какъ солнце скрывалось за городъ и золотило крыши облупившихся домовъ и шпиль собора. Онѣ, эти колонистки, не были веселы. Имъ было скучно въ Индіи, онѣ въ ней не жили, а прозябали. Въ отношеніи умѣнья жить на чужбинѣ французы хуже всѣхъ примѣняются къ обстановкѣ. Живетъ и то искусственною жизнью, подогрѣтый правительственными субсидіями одинъ Сайгонъ, а Пондишери, Джибути, которое я видѣлъ въ 1898 году [1]), французскій Шанхай только прозябаютъ. Нѣтъ общества, каждый замкнулся въ бѣдномъ домикѣ и копитъ деньгу, чтобы потомъ, ликвидировавъ дѣла, вернуться во Францію и устроиться тамъ по настоящему. Правительство возводитъ дворцы для губернаторовъ, монументальные соборы, поддерживаетъ театры, но въ театры ходятъ лишь офицеры, да чиновники, а колонисты предпочитаютъ лежать на кушеткѣ у входа въ хижину и мечтать о возвращеніи на родину.

---

[1]) П. Красновъ. Казаки въ Абиссиніи. С.-Петербургъ, 1900 г.

Не то у англичанъ. Тамъ кипитъ дѣятельность, никто и не думаетъ о возвращеніи, каждый стремится устроиться на чужбинѣ съ тѣмъ же точно комфортомъ, который былъ у него и дома. И оттого имъ не скучно. Ихъ жизнь течетъ по строго опредѣленному росписанію.

Breakfast, business, tiffin—полудремотный кейфъ, и опять business, потомъ прогулка, спортъ, dinner, полный обрядовъ, молчаливое rêverie на верандѣ, и опять до завтра. Спортивные кружки связують общество и скуки нѣтъ.

Русскій... Въ русскихъ „новыхъ краяхъ" много порыва, много понапрасну брошенной энергіи, жизненности, много ссоръ и сплетенъ, нѣтъ того спокойнаго, мѣрнаго ритма жизни, который знаменуетъ англійскую колонію, но и нѣтъ летаргіи французскихъ колонистовъ. У насъ скуки ради изобрѣтаются необыкновенные клубы вродѣ „ланцепуповъ" стараго Владивостока, или игры въ „ку-ку"—древняго Ташкента но изъ этихъ кружковъ скоро выростаютъ любительскіе кружки и строятся театры. Притомъ мы быстро сходимся съ туземцами, ходимъ къ нимъ въ гости, посѣщаемъ ихъ театры и хотя и вздыхаемъ, и мечтаемъ о своей Полтавской или Рязанской губерніи, но денегъ на нее не копимъ, а проигрываемъ и пропиваемъ ихъ, заработанныя въ новомъ краю, самымъ безпощаднымъ образомъ. Оттого и города наши на дальнемъ востокѣ имѣютъ видъ порывистой, нервной дѣятельности. Вдругъ строится домъ въ пять этажей, но хозяинъ, съ большого выигрыша, задумавшій отдѣлать его какъ дворецъ дожей въ Венеціи, бросилъ эти мечты и недостроенный домъ стоитъ годами, пока предпріимчивый еврей не купитъ его подъ гостинницу или фабрику... То мы распланируемъ городъ на много квадратныхъ верстъ, проведемъ канавы, положимъ плиты тротуаровъ и кинемъ вызовъ желающимъ строиться. А желающихъ нѣтъ. Мода прошла. И осыпаются тротуары, сорятся канавы, а города нѣтъ—городъ возникъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, въ видѣ безалаберной кучки домовъ и домишекъ...

Но куда занесся я въ мечтахъ своихъ? Гляжу на зеленѣющее и желтѣющее Пондишери, на Индію, а думаю о Владивостокѣ, Портъ-Артурѣ и Никольскѣ. Мои спутники ждутъ меня. Голые индусы вставляютъ длинныя весла съ круглой лопаткой на концѣ въ уключины—время ѣхать на пароходъ.

Я сажусь на корму. Мы отчаливаемъ. Гребцы отчаянно налегаютъ на весла и дико поютъ.

Vive, vive papa, hourra! vive, vive mama, hourra! vive, vive

patrie, hourra! vive, vive les passagers, hourra! vive, vive bakchich, hourra!—Послѣднее идетъ наиболѣе отъ сердца, но не трогаетъ разсчетливыхъ французовъ и бакшиша темнокожіе гребцы не получаютъ. Они долго стоятъ у сходней съ мольбой и укоромъ глядя на „passagers“, которые не признали ихъ восторговъ по адресу бакшиша. Нѣсколько разъ они начинаютъ снова свои вопли, но ихъ прогоняютъ отъ судна, которое постепенно тонетъ во мракѣ.

Тропическая ночь наступаетъ быстро. Вдали горятъ и мерцаютъ огни Пондишери и будто съ тоскою и страстнымъ порывомъ глядятъ на море. На пароходѣ голые люди быстро доканчиваютъ погрузку угля, раздаются тонкіе заливистые свистки боцмановъ, мы выбираемъ якорь.

Глухою ночью мы идемъ по темному морю, направляясь къ Мадрасу.

На разсвѣтѣ мы въ виду Мадраса и въ восемь часовъ утра—на рейдѣ. Мы будемъ стоять всего два часа. Спуститься на берегъ не придется. А жаль. Вдоль моря вытянулись монументальныя зданія въ индійскомъ стилѣ, многоэтажныя, съ богатыми лѣпными украшеніями. Видно движеніе, всадники. Вдали, за домами—растутъ пальмы и кустарники и, конечно, кокосовые лѣса англійскаго Мадраса далеко не такъ загажены, какъ во французскомъ Пондишери. Мадрасъ—третья столица Индіи и въ немъ хотѣлось-бы побывать, но капитанъ „Dupleix'a„ торопится. Онъ обѣдалъ вчера у губернатора Пондишери, поэтому вышелъ поздно и теперь наверстываетъ время.

— Да тамъ нѣтъ ничего интереснаго,—говоритъ мнѣ въ утѣшеніе старшій офицеръ парохода.

— Помилуйте,—какіе дома!—уже они одни составляютъ достаточную приманку. Потомъ вонъ тамъ, если я не ошибаюсь, я вижу слоновъ,—отвѣчаю я.

— Ну, что дома!—говоритъ веселый марселецъ-офицеръ.—Въ Калькуттѣ дома лучше, а въ Бомбеѣ и еще богаче. Зато посмотрите вонъ тотъ пароходъ, на немъ семьсотъ плѣнныхъ буровъ.

Я перехожу отъ babord—къ tribord'у и смотрю на большой черный грузовикъ „№ 101“. Онъ весь освѣщенъ утреннимъ веселымъ солнцемъ. Это солнце бѣлыми язычками отражается въ спокойныхъ водахъ залива. Всѣ борта этого парохода, кромѣ маленькаго кусочка на ютѣ, гдѣ стоитъ англійскій часовой въ хаки и съ блестящими пряжками широкаго ремня, въ желтой каскѣ съ мѣднымъ шишакомъ,—унизаны бурами.

Гдѣ я видалъ эту картину? Да въ Коломбо, на „Саратовѣ“, такъ-же точно стояли у борта, любуясь на воду, такіе-же широкоплечіе, коренастые люди съ босыми ногами и въ цвѣтныхъ рубахахъ, наши русскіе мужички-новобранцы. Издали, въ своихъ цвѣтныхъ фланелевыхъ рубахахъ, бѣлыхъ штанахъ и съ босыми ногами, крупные, кряжистые буры производили то же впечатлѣніе мощи и силы.

Разъ начавъ смотрѣть на нихъ, я уже не могъ отъ нихъ оторваться. Вся трансваальская эпопея вставала передо мной, когда я смотрѣлъ на этихъ бравыхъ людей. А съ какими чувствами смотрѣли они на французскій флагъ „Dupleix'a“, для многихъ, можетъ быть, родной флагъ. Вѣдь и они любили свою новую африканскую родину, не меньше, чѣмъ эти люди были привязаны къ своей очаровательной Франціи. Они стояли толпой. Не всѣ помѣщались у борта, другіе стояли во второй и далѣе въ третьей линіи. Больше все была молодежь, хотя нѣтъ-нѣтъ среди безусыхъ и безбородыхъ лицъ попадалась бѣлая окладистая библейская борода. Всѣ пассажиры были у этого борта. Всѣ смотрѣли на буровъ, сочувствовали имъ и жалѣли ихъ.

Я не знаю, буры, каковы они какъ солдаты, но наружно, какъ матеріалъ—они были безупречны—они были дѣти природы, а кто же, какъ не солдатъ, долженъ быть въ наибольшемъ родствѣ съ природой...

Въ 9 часовъ утра мы покинули Мадрасъ и, удалившись отъ берега на два дня, затерялись бѣлой точкой въ лиловатыхъ сонныхъ водахъ тихаго Бенгальскаго залива.

18-го февраля, въ 1 часъ дня, вода въ морѣ стала мутнаго желтаго цвѣта, вдали показался низменный берегъ. Къ намъ пріѣхалъ лоцманъ. Мы входили въ рукавъ рѣки Ганга—Хугли. Ходъ машины былъ замедленъ и мы тихо пошли по широкой, какъ Нева у Троицкаго моста, рѣкѣ, мимо красивыхъ низкихъ береговъ. Тамъ—то росли пальмы—пальмиры, съ широкими вѣерными листами, то въ тѣни цвѣтущаго кустарника притаились бѣлыя хижины индійцевъ и длинныя пироги были вытянуты на прибрежный песокъ. Иногда одноэтажный домъ съ фабричной трубой появлялся на берегу, отъ дома въ рѣку шла желѣзная пристань, у пристани были лодки, на концѣ стоялъ европеецъ въ бѣломъ шлемѣ съ дамой въ европейскомъ платьѣ—это шелковая фабрика... Мы обгоняли тонкія лодки, шедшія подъ темными парусами причудливой формы.

Наше длинное плаваніе въ теплыхъ моряхъ оканчивалось,

мы были въ Индіи. Индія была справа и слѣва, пряный ароматъ ея, казалось, носился въ воздухѣ и пальмы, и лодки съ парусами, освѣщенными заходящимъ солнцемъ, и хижины, и золотистый просторъ поросшаго кустарникомъ берега, и темные люди въ пестрыхъ чалмахъ, все говорило, что жизнь развернула новую яркую страницу, что сейчасъ можно нагнуться и прильнуть къ ней, изучая волшебный рисунокъ, приглядываясь къ новымъ великимъ чудесамъ.

Да уже одно то, что мы были въ Индіи, чаровало, опьяняло, волновало и восхищало... И въ то же время пугало... Какъ описать вамъ ее, какъ представить волшебницу, болѣе эфектную, чѣмъ самый великолѣпный балетъ, чѣмъ самая чудодѣйственная феерія?!.

С.-Петербугъ. 15 апрѣля 1902 года.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Часть IV.

Черезъ Индію.

Бенгальскіе уланы.

LII.

Впечатлѣнія отъ калькутскаго гарнизона.

Калькутская набережная вечеромъ. — Гулянье. — Слуги-индусы и господа англичане. — На Майданѣ. — Бенгальскіе уланы. — Шотландскіе стрѣлки. — Рота сипаевъ.

„Dupleix" только къ вечеру подошелъ по р. Хугли къ Калькуттѣ и бросилъ якорь, не дотянувъ версты двѣ до города. Русло р. Хугли весьма перемѣнчиво. Быстрое теченіе воды наноситъ постоянно новыя мели; вотъ почему пароходъ нашъ, руководимый опытнымъ лоцманомъ, такъ медленно и осторожно подавался по рѣкѣ.

Передъ нами былъ низкій берегъ, вдоль котораго тянулось усердно поливаемое голыми индусами изъ бурдюковъ шоссе,

дальше была зеленая эспланада, подходившая къ крѣпостнымъ валамъ форта Вильгельма — городской крѣпости, влѣво виднѣлись сады и дома Калькутты.

Былъ шестой часъ вечера. Вся Калькутта была на эспланадѣ. Я высадился на маленькомъ индійскомъ челнокѣ, управляемомъ полудюжиной голыхъ индусовъ, на берегъ и стоялъ на шоссе въ ожиданіи экипажа. Солнце садилось. Мимо меня то шагомъ, то мѣрною рысью проѣзжали красивыя запряжки холеныхъ лошадей. Вотъ два кучера на козлахъ въ темнозеленыхъ съ золотомъ тюрбанахъ и два лакея сзади, одѣтыхъ также, окружили пышнымъ вѣнкомъ коляску, въ которой, развалясь, сидѣлъ толстый джентльменъ съ опухлой леди; ихъ догонялъ легкій кабріолетъ, запряженный высокой англійской лошадью и управляемый двумя богато одѣтыми англичанками. Между высокихъ колесъ экипажа, на оси, скорчившись и уцѣпившись руками и ногами въ ступеньки экипажа, словно обезьяна, укрѣпился грумъ въ бѣлой чалмѣ, кафтанѣ и панталонахъ. И опять великолѣпный четверикъ чистокровныхъ рыжихъ коней катилъ ярко-красный догъ-картъ съ цѣлой компаніей женщинъ. И на ступенькахъ, въ самыхъ невозможныхъ позахъ, повисли индусы въ пышныхъ тюрбанахъ и съ босыми ногами.

Прямо передо мною былъ полукруглый желтый портикъ и за нимъ конная статуя лорда Непира, дальше, на изумрудной зелени большого поля, называемаго *Майданомъ*, виднѣлись еще конныя статуи англійскихъ генераловъ. Ихъ бронзовыя лошади то спокойно стояли на мраморныхъ постаментахъ, то будто рыли землю копытомъ, то, поджавъ заднія ноги, готовились сдѣлать лансаду и пуститься галопомъ. Точно какой-то набѣгъ мѣдныхъ генераловъ готовился на Индію... Еще дальше виднѣлся облицованный мраморомъ памятникъ солдатамъ, павшимъ въ Гваліорѣ въ 1843 году.

Но вотъ два извощика подкатили съ коляской „second class“ — въ одну заморенную высокую лошадь, лодочники свалили мой багажъ на козлы, и я поѣхалъ въ Buskolo hotel — на главной улицѣ противъ Майдана. Коляски и шарабаны продолжали свое движеніе по эспланадѣ и всѣ они поражали обиліемъ черныхъ индійскихъ слугъ. Вправо шли бастіоны небольшого форта Вильгельма съ правильно обрисованными куртинами, каменными сухими рвами и полого спускающимся къ эспланадѣ гласисомъ. Когда-то (онъ построенъ въ 1773 году) онъ былъ каменнымъ, теперь, примѣняясь къ новѣйшимъ требованіямъ фор-

тификаціи, его обложили землею, понизили высоту стѣнъ, но въ щекахъ амбразуръ еще видѣнъ старый щербатый камень.

Широкое шоссе, обсаженное громадными тѣнистыми буками, шло мимо сада, гдѣ играла военная музыка, мимо губернаторскаго дворца, у котораго дежурили бѣлые англійскіе полисмены и индусы въ алыхъ чалмахъ и куда подкатывала экипажъ за экипажемъ калькутская знать.

— Что тамъ такое? спросилъ я у городового-англичанина.

— Гарденъ парти, коротко отвѣтилъ англичанинъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда я пріѣхалъ въ отель. Комната мнѣ досталась съ балкономъ и я вышелъ на воздухъ. Повсюду зажглись огни газовыхъ фонарей. Движеніе усилилось и стало не меньше, чѣмъ у насъ на Невскомъ. Городовые-индусы, индусы-дворники, индусы-извощики — все, что совокупными усиліями своими создаетъ комфортъ, все полуголое, въ однѣхъ повязкахъ, возилось и устраивало поливку улицъ, подметало, чистило, волосяными метелками обмахивало каретныхъ лошадей. Въ отелѣ, въ корридорѣ, на полу сидѣлъ длинный рядъ индусовъ въ бѣлыхъ чалмахъ, курткахъ и штанахъ. Цѣлый день они ничего не дѣлали, молчали, лишь изрѣдка переговариваясь на своемъ выразительномъ языкѣ. Они ожидали каждый своего барина англичанина. Эти хорошо сложенные люди съ красивыми темными лицами въ тюрбанахъ были тѣ же самые Фильки, Андрюшки, Павлушки, казачки давно минувшаго нашего крѣпостного права. Это были *личные* слуги англичанъ, гостей отеля, содержимые ими для мелкихъ услугъ. И люди въ синихъ и зеленыхъ тюрбанахъ, которыхъ я видѣлъ на запяткахъ и на козлахъ, на осяхъ и на желѣзныхъ ступенькахъ экипажей, все это были тоже слуги, почти рабы англичанъ. Они жили *гдѣ нибудь* — въ корридорѣ гостинницы, подъ развѣсистымъ деревомъ Майдана, въ конуркѣ изъ соломы и цыновокъ, на заднемъ дворѣ у конюшенъ.

Роскошь экипажей, блестящихъ холеныхъ лошадей, безукоризненные фраки и смокинги джентльменовъ, декольте, брилліанты, шелкъ, перья, кружева дамъ и рядомъ слуги съ босыми ногами, то раболѣпно подсаживающіе господъ въ коляску, то соскакивающіе съ оси, чтобы забѣжать передъ лошадь. Ночью одни изъ нихъ дремали въ корридорѣ, другіе дергали за веревку у двери комнаты ихъ господина, приводя въ движеніе длинную панка, повѣшенную надъ широкой постелью барина.

Ярко освѣщенная улица Калькутты, по которой неслись громыхая вагоны конно-желѣзной дороги, экипажи, съ гортанными

криками проходила пестрая толпа индусовъ, дѣлилась на двѣ столь отличныя одна отъ другой части — богатыхъ бѣлыхъ англичанъ и бѣдныхъ черныхъ индусовъ.

И долго, почти всю ночь, раздавались стукъ колесъ, топотъ копытъ и крики индусовъ.

Я всталъ рано и пошелъ на Майданъ. На Майданѣ, съ южной стороны крѣпости, расположились лагеремъ войска калькутскаго гарнизона и здѣсь же, за фортомъ, раскинулся громадный овальный скаковой кругъ съ тремя дорожками, отдѣленными другъ отъ друга черными столбиками „веревки“.

Меня обгоняли статскіе джентльмены и амазонки въ круглыхъ пробковыхъ тропическихъ шляпкахъ и бѣлыхъ кофтахъ. Лошади были разныхъ породъ. Большинство сидѣло на порядочныхъ англійскихъ чистокровныхъ лошадяхъ, но попадались и индійскія лошади, узкогрудыя, съ оленьими шеями, и гунтера, и одинъ джентльменъ проѣхалъ на чудномъ бѣломъ арабѣ той великолѣпной осанки, съ круто собранной шеей, которую ненавистники арабской крови прозвали „пряничной“.

Джентльмены ѣздятъ неважно. Это знакомая намъ посадка „Sontags-reiter'овъ“, съ прибавкой къ ней жокейской небрежности. Болтающіеся локти, кривостоящія плечи и колѣни съ просвѣтомъ между сѣдломъ и колѣномъ. На галопѣ всѣ они основательно ерзали по сѣдлу и сомнительно было, чтобы они могли усидѣть на хорошемъ парфорсѣ или на скачкахъ съ препятствіями.

Я шелъ безцѣльно. Утренняя прохлада давала возможность дышать, въ головѣ стоялъ сумбуръ, та каша впечатлѣній, которая знакома всякому сухопутному человѣку, прожившему мѣсяцъ на кораблѣ. Безсознательно любовался я лошадьми, утромъ, низкимъ солнцемъ, кидавшимъ длинныя тѣни отъ развѣсистыхъ, густолиственныхъ деревъ, пучками пальмъ на горизонтѣ и мачтами кораблей на рѣкѣ. Казалось, ноги радовались чувствовать снова твердую землю, а не шаткую палубу, глазъ отдыхалъ на зелени послѣ блеска синяго моря. Вдругъ звукъ трубы, незнакомой, чужой, но несомнѣнно кавалерійской, остановилъ меня. Вдали подъ купой деревьевъ—показался силуетъ коннаго строя. Я ускорилъ шаги, почти побѣжалъ по зеленому лугу съ низенькой изумрудной травой и черезъ двѣ-три минуты я былъ подлѣ солдатъ.

Полуэскадронъ 14-го Бенгальскаго уланскаго полка только что спѣшилъ стрѣлковъ и коноводы въ колоннѣ по четыре па-

гомъ отводили лошадей. Каждый коноводъ имѣлъ съ лѣвой стороны одну заводную лошадь и съ правой двѣ. На правой рукѣ, за плечомъ, на бѣлыхъ ременныхъ петляхъ, болтались четыре тонкія бамбуковыя пики съ алымъ съ бѣлымъ флюгерами. Сабли звенѣли въ металлическихъ ножнахъ. Вотъ одна изъ заводныхъ лошадей заиграла и вырвавшись поскакала къ стрѣлкамъ...

Командиръ полуэскадрона, высокій, худощавый, загорѣлый индусъ съ черной бородой и большими выразительными глазами, сидѣлъ на чудной гнѣдой лошади. На немъ была надѣта красная чалма, скрѣпленная спереди аграфомъ, желтая куртка цвѣта хаки, такіе же рейтузы, высокіе черные сапоги со шпорами и сабля на широкомъ кожаномъ поясѣ въ металлическихъ ножнахъ. Его люди были одѣты такъ-же. У солдатъ на плечахъ были небольшія сѣтки изъ стальной цѣпочки, вродѣ нашихъ эполетъ. Всѣ гнѣдыя, всѣ кровныя, чудно содержанныя, 2-хъ и 3-хъ вершковыя элегантныя лошади были посѣдланы широкими сѣдлами, совсѣмъ новыми, похожими на наше офицерское драгунское сѣдло, и на мундштукахъ. Мундштучные рычаги, цѣпки, стремена, трензеля, пряжки, все горѣло, какъ серебро. Ученье было во второй половинѣ, правда не скакали, но ни одна лошадь не была въ поту. Тонконогія, съ маленькими головками, тонкими гривами и челками, съ большими глазами, широкою грудью, надежной почкой, онѣ выглядѣли такими красавицами. Онѣ напомнили мнѣ нашихъ лошадей гвардейскихъ драгунъ и мастью, и кровностью, и прекраснымъ содержаніемъ. Люди подобраны молодецъ къ молодцу. Всѣ какъ одинъ чернобородые, смуглые, почти черные, стройные и высокіе. Они походили на нашихъ казаковъ л.-гв. Казачьяго Его Величества полка и терцевъ Собственнаго Его Величества конвоя.

Полуэскадронъ быстро сѣлъ на лошадей и сталъ во взводной колоннѣ. Обѣ шеренги оказались съ пиками. По командѣ и знаку командира полуэскадрона люди тронулись и пошли шагомъ. Шагъ у лошадей выработанный, свободный. Люди сидятъ хорошо, плотно охвативъ колѣнями сѣдло, съ наложенными шенкелями. Пику держатъ „въ руку“, карабинъ имѣютъ съ правой стороны сѣдла, на сѣдлѣ. Сабля надѣта на широкомъ ремнѣ на поясѣ и кромѣ того подтянута тонкимъ ремешкомъ черезъ плечо. Тюрбаны скручены изъ красной матеріи у всѣхъ одинаково и придаютъ темнымъ лицамъ красивый, парадный видъ. Внѣшность, чистота куртокъ и рейтузъ „хаки“, ремней такая-же образцовая, какъ и сѣделъ. На фонѣ молодой зеленой травы этотъ полуэ-

скадронъ съ красными точками тюрбановъ и болтающимися вверху языками флюгеровъ, легко и неслышно подающійся впередъ, производилъ чарующее впечатлѣніе. Командиръ подалъ команду и поднялъ шашку, подняли руки и взводные офицеры, ѣхавшіе передъ взводами, вотъ командиръ опустилъ руку и полуэскадронъ пошелъ рысью. Рысь мѣрная, темпистая, такая-же короткая, какъ и у насъ. Люди сидятъ правильно, не подпрыгивая по-англійски, строй мало жмется, пики не колеблются. По-взводно на рыси заѣхали направо кругомъ, потомъ задній взводъ короткимъ галопомъ пристроился вправо къ переднему и весь полуэскадронъ продолжалъ идти рысью, мѣняя направленіе плечомъ, нацѣливаясь на предметы. Направленіе, а потому и равненіе всего строя было хорошо. Кровныя лошади подавались необыкновенно легко и строй безшумно и красиво какъ-бы рѣялъ надъ полемъ.

Бенгальскіе уланы съ точки зрѣнія уставной были прекрасны. Они были красивѣе нашихъ сибирскихъ казаковъ въ ихъ длиннополыхъ, почти всегда рваныхъ кафтанахъ, на косматыхъ, плохо подъѣзженныхъ коняхъ, они казались такими красавцами послѣ неказистыхъ японцевъ въ худопригнанныхъ мундирахъ на узкогрудыхъ калѣкахъ, на веревочками связанныхъ грязныхъ сѣдлахъ. Это лучшія войска Индіи, гордость англичанъ. Офицеры, даже унтеръ-офицеры Бенгальскаго полка, происходятъ изъ лучшихъ фамилій, всѣ солдаты сидятъ на собственныхъ лошадяхъ австралійской породы, доставленныхъ въ Индію заботами англійскаго правительства. Солдаты тоже люди благородной индійской расы...

Но... Но одна красивая внѣшность не даетъ еще права считаться хорошей боевой силой. Эти уланы, красавцы и бородачи, не имѣютъ внутренней товарищеской спайки. Тутъ люди десяти племенъ и религій. Сейки, индусы-магометане, магометане Пенджаба, джаты, патаны, доградсы, раджпуты, рангуры, индусы немагометане и брахманы [1]) смѣшались въ этихъ, на первый взглядъ столь однородныхъ и хорошо подобранныхъ, полкахъ. Можетъ быть и люди этого полуэскадрона, стоящіе стремя къ стремени передо мной, тоже были чужіе другъ другу по духу, по религіи, по взглядамъ и поняіямъ. Можетъ быть даже, что

---

[1]) Цифры и имена заимствованы мною изъ „Военныхъ очерковъ Индіи"— В. Ѳ. Новицкаго. 2-е изд. Спб., 1901 г., къ которымъ желающихъ ознакомиться съ Индійскими войсками я и отсылаю.

это были люди, взятые изъ Пенджаба и Центральной Индіи, люди не знакомые съ лошадью съ молодыхъ лѣтъ, привыкшіе къ сѣрому горбатому быку, бѣдняки, ютящіеся въ земляныхъ хижинахъ, крытыхъ красной черепицей, въ запаханныхъ пустыняхъ долины Ганга. И среди нихъ, быть можетъ, были полудикіе патаны изъ Афганистана и дограсы Кашмира, привычные къ коню, какъ наши горцы Кавказа.

19 полковъ, 76 эскадроновъ бенгальской конницы—даже, если предположить, что всѣ они также хороши по внѣшности, какъ 14-й уланскій полкъ, стоящій въ Калькуттѣ, на глазахъ у вице-короля—не составляютъ грозной силы, во-первыхъ, потому, что они разнородны по духу и по понятіямъ; во-вторыхъ, они не имѣютъ боевыхъ традицій. Они не воины отъ рожденія. Эти стройные красавцы съ великолѣпными глазами кротки, какъ голуби, они, видимо, любятъ лошадь, хорошо обучены военной муштрѣ, но это не ищейки-развѣдчики, не бѣшеные въ борзой атакѣ, отчаянные рубаки-кавалеристы... Тотъ престолъ, воевать за который они призваны, далекъ отъ нихъ, эти бѣлые, полные, откормленные джентльменты-начальники—чужіе для нихъ, ихъ полюбить, отдать душу свою за нихъ—они не могутъ. Ихъ исторія... конвоированіе вице-короля, губернаторовъ, парады и маневры. Ни борьба съ сипаями, возставшими въ 1857 году, ни войны съ афганцами, ни экспедиціи противъ афридіевъ не покрыли лаврами побѣдъ знамена бенгальскихъ полковъ. Пока это красивая игрушка, это всадники, просящіеся на картину и по одиночкѣ, и вмѣстѣ...

Они удалялись отъ меня въ колоннѣ по четыре, имѣя пики за плечо, и жаркій вѣтеръ игралъ флюгерами ихъ копій. Не играли среди нихъ зурна или волынка, не слышался тулумбасъ, и звонкій голосъ запѣвалы не воспѣвалъ побѣды предковъ. Ихъ не было,—этихъ побѣдъ... Да врядъ-ли онѣ и будутъ. Эти красавцы люди, эти дивныя лошади не рвались въ кровавую сѣчу, а, казалось, созерцали тихую природу и мечтали о жизни въ деревенской степной или горной глуши...

Съ первой встрѣчи съ уланами, Майданъ сталъ любимымъ мѣстомъ моихъ прогулокъ. Однажды въ седьмомъ часу утра, проходя мимо памятника маркиза Дюфферина, вице-короля Индіи, я услыхалъ рокотъ барабанчиковъ, мѣрные удары турецкаго барабана и сопѣніе волынокъ. Красивый маршевой мотивъ, легкій и бодрящій, разливался въ туманномъ утреннемъ воздухѣ, звалъ за собой. Вотъ эффектное „бумъ-бумъ“ прекратило харак-

терное сопѣніе волынокъ и разомъ грянулъ мѣдный хоръ. Я поспѣшилъ на звуки и увидалъ баталіонъ восьмиротнаго состава шотландскихъ стрѣлковъ, шедшихъ вздвоенными рядами изъ лагеря на Майданъ. Оригинальный, немного, смѣшной, но красивый видъ имѣли стрѣлки. На головахъ, вмѣсто обычной маленькой шотландской шапочки были надѣты высокія пробковыя каски, обтянутыя „хаки“. Однобортные короткіе мундиры хаки были стянуты бѣлымъ широкимъ ремнемъ съ двумя сумками и кинжаломъ-штыкомъ въ ножнѣ. Изъ подъ мундира шла короткая, едва доходящая до колѣнъ юбка изъ клѣтчатой шотландской матеріи темносиняго цвѣта съ зелеными клѣтками. Ноги солдатъ были по середину икры голыя, дальше, шелъ бѣлый чулокъ, подтянутый широкой подтяжкой бѣлой съ красными квадратами. На ногѣ черный башмакъ. Черная сѣтчатая сумка спускалась съ пояса на животъ и длинными кистями болталась между ногъ. Офицеры вмѣсто юбки имѣли рейтузы изъ хаки, у командира баталіона, ѣхавшаго верхомъ, рейтузы были изъ той-же матеріи, что и юбки у стрѣлковъ. Музыка шла сбоку середины колонны и состояла изъ двѣнадцати маленькихъ барабановъ, двѣнадцати волынокъ и одного большого барабана. За ними слѣдовалъ мѣдный хоръ, еще дальше взводъ людей безъ ружей, съ длинными лопатами и топорами на плечѣ. Баталіонъ былъ щегольски одѣтъ. Люди великолѣпно вымыты, колѣни и начала икры розоватыя, безъ признака грязи. И мундиры, и аммуниція, и башмаки все было точно перваго срока, одѣто на парадъ. Люди несли ружья на плечѣ, держа ихъ кто въ правой, кто въ лѣвой рукѣ за шейку приклада. Многіе разговаривали, нѣкоторые курили трубки. Но шагъ былъ широкій, свободный, не смотря на начавшійся сильный жаръ. Бросалась въ глаза блѣдность лицъ. Всѣ солдаты имѣли такой цвѣтъ лица, какъ холеныя, оранжерейныя дѣти. Казалось на этомъ солнцѣ они должны были-бы загорѣть, немного похудѣть, подтянуться... Дойдя до Майдана баталіонъ остановился, выстроилъ фронтъ, не поворотомъ и выстраиваніемъ рядовъ, а захожденіемъ отдѣленій, которое было сдѣлано не въ ногу и нескладно. Людямъ было дано минутъ пять „вольно“, послѣ чего они снова взяли „на плечо“ и имѣя музыку сзади пошли развернутымъ фронтомъ по полю. Равненіе держали довольно чисто, но шагъ былъ не твердый и середина, на которую было направленіе, сбивалась съ него, почему фланги играли, какъ гармоника: то жались то разсыпались. Музыка играла все время марши. То таинственно шипѣли и переливались волынки, акомпанируемыя барабанчиками, то мощно гремѣли трубы оркестра.

Пройдя развернутымъ строемъ около двухъ верстъ, баталіонъ вытянулъ въ каждой ротѣ колонну по четыре, потомъ сомкнулъ эти восемь колоннъ въ массу и пройдя такъ около $^1/_4$ версты вытянулся въ походную колонну по четыре и длинной змѣей ушелъ въ крѣпостныя ворота.

Я не знаю—было-ли это ученье, была-ли военная прогулка, или просто баталіонъ совершалъ передвиженіе походнымъ порядкомъ въ крѣпость, я видѣлъ только маршъ, на протяженіи 4—5 верстъ, отъ трибунъ скакового круга мимо памятника Дюфферина въ крѣпость.

Ни во фронтѣ, ни потомъ на гуляньѣ, на эспланадѣ, гдѣ я видѣлъ солдатъ въ кокетливыхъ черныхъ шотландскихъ шапочкахъ съ ленточками, въ красныхъ однобортныхъ мундирахъ съ золотыми пуговицами и бѣлымъ ременнымъ поясомъ, на которомъ спереди висѣлъ ягташъ, въ юбкахъ, чулкахъ и съ голыми колѣнями—стрѣлки Шотландіи мнѣ не нравились. Фронтъ не имѣлъ силы и спайки. Онъ шелъ въ ногу, но не „печаталъ", не было замѣтно этого нагнета воздуха, этой страшной силы человѣческаго натиска. И людей въ ротахъ было немного. Я насчиталъ гдѣ 36, гдѣ 44 человѣка самое большее. Даже идя развернутымъ строемъ многіе перекладывали безъ всякой команды ружья съ одного плеча на другое. Конечно, это все пустяки. Дисциплина и видъ строя вещь относительная, но поведеніе солдатъ, ихъ розовыя, холеныя колѣнки напомнили мнѣ дѣтей, собравшихся поиграть въ солдатики. Они послушны своему старшему, который верхомъ на лошадкѣ-палкѣ, въ бумажномъ колпакѣ гарцуетъ передъ ними. Они идутъ въ ногу, выдумывая на губахъ невообразимый маршъ, они поворачиваются, выстраиваютъ фронтъ они настоящіе солдаты.

И мнѣ кажется, что если хорошій свинцовый дождь сыпнетъ на это войско, то оно должно дрогнуть. Голыя колѣни шотландскихъ стрѣлковъ вѣковая традиція и, какъ традиція—вещь хорошая, но колѣно, которое каждый день сгибается, или ерзаетъ по землѣ во время стрѣльбы, колѣно, которое продирается сквозь кусты густыхъ джунглей, не будетъ такимъ холенымъ и розовымъ. И лицо солдата подъ этимъ солнцемъ... Да что говорить! Взгляните на мѣднокрасныя лица нашихъ туркестанскихъ стрѣлковъ, посмотрите, какъ черны кавказскіе казаки и драгуны, солдаты во всякую погоду, и вы поймете, что солдатъ, бывающій на ученьи лишь отъ 7—9 утра, пьющій сельтерскую воду,

берущій ежедневно ванну и соблюдающій полдневную сьесту не солдатъ, а одѣтый въ военное платье джентльменъ.

И какъ отлична отъ нихъ наружнымъ видомъ была учившаяся въ тотъ-же день на Майданѣ рота туземнаго пѣхотнаго полка.

Высокіе, стройные, правда, узкогрудые, чернокожіе солдаты темнымъ цвѣтомъ лица и правильными чертами напоминали нашихъ солдатъ южныхъ губерній—Новороссіи и Кавказа. На нихъ были сѣрыя чалмы съ ярко-желтымъ донышкомъ (донышко различается по полкамъ). Свободная куртка и шаровары изъ хаки, низъ ногъ былъ забинтованъ сѣрымъ суконнымъ бинтомъ, на ногахъ черные башмаки. Патронныя сумки были на черномъ поясномъ ремнѣ.

Рота разсыпала четыре цѣпи, каждый взводъ по одной цѣпи, расположенная уступами. Ротный командиръ-англичанинъ весь въ хаки, въ шлемѣ, съ палочкой въ рукахъ, руководилъ ученьемъ. Но, или у него не хватало знаній, или онъ былъ не въ настроеніи, но только его люди лежали добрыхъ полчаса, лишь разъ перемѣнивъ положеніе, ставши на колѣно. Наконецъ, уже когда я надумалъ уходить, онъ прокричалъ что-то на туземномъ языкѣ. Взводные командиры-туземцы повторили команду. Люди вскочили, сбѣжались къ серединѣ, примкнули штыки, сдѣлали видъ залпа, потомъ взяли на руку. А, отраженіе кавалеріи... Вотъ отомкнули штыки, повторили еще разъ этотъ маневръ. Потомъ собрались въ колонну, не спѣша, но и не стройно, въ порядкѣ номеровъ взводовъ и пошли домой. Все ученье длилось не болѣе $^{3}/_{4}$ часа.

По этому ученью я не могу ни о чемъ судить. Вѣдь и у насъ, особенно въ кавалеріи, бываютъ такія-же неудачныя ученья. Офицеръ вернулся съ коннаго ученья, жарко, его разморило. Впереди поѣздка къ помѣщику, будутъ танцы, барышни, трубачи. Мысли далеко отъ фронта, ученья и солдатъ. И вдругъ записка: эскадронный командиръ проситъ заняться спѣшеннымъ строемъ. Ему нездоровится. Вретъ, конечно, добрѣйшій Константинъ Николаевичъ, просто тоже размаялся, и не въ настроеніи. Ну и идетъ субалтернъ „отбыть номеръ“ отъ 2-хъ до 3-хъ дня, и лежатъ у него тоскуя люди, вяло собираются во взводы, вяло бѣгутъ въ цѣпи... Можетъ быть и тутъ то же самое вышло случайно. Можетъ быть этому толстенькому джентльмену предстоитъ сегодня партія тенниса въ городскомъ саду и ему не до дурацкой черномазой роты.

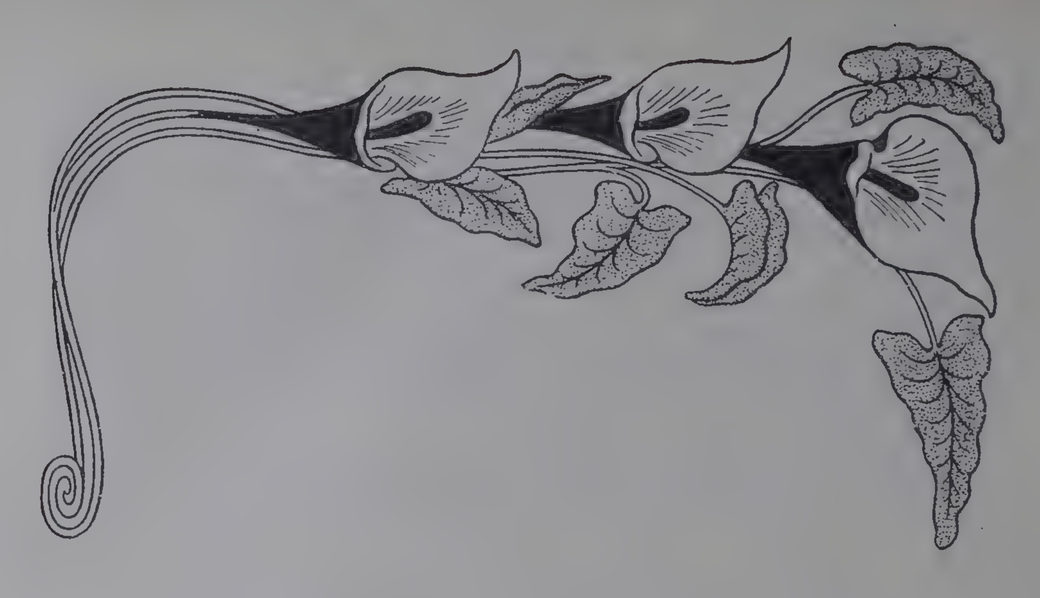
А черномазая рота хороша. Правда, унтеръ-офицеры пин-

ками подаютъ людей, не попавшихъ на мѣсто въ шеренги, правда, примыкаютъ штыки неважно, но посмотрите, гуркаса или сейка, словомъ сипая [1]) на часахъ! Какое преданное лицо, какая спокойная готовность умереть, сколько скрытаго природнаго благородства въ этомъ солдатѣ-рабѣ, пасынкѣ вымирающей расы!

Изъ этихъ людей можно сдѣлать солдатъ. Только воспитать ихъ нужно въ военномъ духѣ. Но это-то и не подъ силу англійскому офицеру, потому что онъ самъ „военной косточки“ въ себѣ не имѣетъ.

Калькутта 19 февраля 1902 г.

[1]) Сипаями въ Индіи называется туземная пѣхота. Сейки и гуркасы различныя племена.



LIII.

По канвѣ.[1])

День англійскаго офицера на чужбинѣ, въ Индіи;—день русскаго стрѣлковаго офицера на чужбинѣ—въ Манчжуріи.

Лишь только поблѣднѣетъ на горизонтѣ небо и зарево востока загорится за густою зеленью калькутскаго зоологическаго сада, въ каменной галлереѣ бунгалоу[2]) начинается движеніе. Чернокожій слуга въ высокомъ бѣломъ тюрбанѣ съ гербомъ джентльмента на аграфѣ, зашпиливающемъ чалму, въ длинномъ бѣломъ кафтанѣ и штанахъ, неслышно ступая босыми ногами, проходитъ по корридору, неся платье своего барина. Это утренній костюмъ для прогулки. Башмаки на тесемкахъ шоколаднаго цвѣта, такого же цвѣта кожаныя половинки голенищъ, обвиваемыя ремнемъ, короткія брюки и пиджакъ составляютъ этотъ костюмъ. Въ корридорѣ бьетъ 6 часовъ. Слуга входитъ въ обширную, чрезвычайно высокую комнату бунгалоу съ набѣленными стѣнами. На стѣнахъ висятъ двѣ-три гравюры охотничьихъ сценъ, длинный и узкій палашъ въ стальныхъ ножнахъ и подъ бѣлой кисеей гардеробъ разнообразнаго платья. На кругломъ столѣ, у окна, стоятъ зеркало и цѣлая батарея банокъ и склянокъ съ духами, притираньями, бинтомъ для усовъ и помадами. Самъ хозяинъ спитъ на широкой постели подъ балдахиномъ, затянутымъ бѣлой прозрачной кисеей, подъ широкимъ одѣяломъ.

---

[1]) Канвою служили: личныя наблюденія, знакомые англійскіе и русскіе офицеры и книга подп. Новицкаго.

[2]) Бунгалоу-отдѣльный домикъ, занятый офицеромъ.

Онъ проснулся съ первымъ ударомъ часовъ и, открывъ глаза, ожидаетъ слугу.

— Приготовьте ванну. Сѣдлать „Миссъ Монрое“, коротко говоритъ онъ слугѣ.

— „Yes“ — отвѣчаетъ индусъ, складываетъ платье и уходитъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ шумитъ вода, наливаемая въ простую желѣзную ванну.

Баринъ, mister Джонсъ, онъ-же и офицеръ одного изъ калькутскихъ полковъ,—беретъ ванну, медленно подставляетъ свою спину подъ особую щетку, которою его растираетъ слуга, выправляетъ усы машинкой, брѣется, вытираетъ лицо и тѣло одеколономъ съ водой, надѣваетъ безукоризненно чистую манишку, натягиваетъ ботинки и обкрутивъ ремнемъ голенища, завязавши и зашпиливъ брилліантовой булавкой галстухъ, онъ надѣваетъ на голову соломенную шляпу, беретъ въ руки стикъ и оглядываетъ себя: — кажется все въ порядкѣ, все чисто, все новое, англійское, добротное.

„Миссъ Монрое“—нервная гнѣдая кобыла съ длиннымъ хвостомъ—ожидаетъ его, заигрывая съ двумя индусами. Одинъ, чернобородый и статный, съ красивыми бѣлками глазъ, въ высокомъ тюрбанѣ и кафтанѣ съ широкимъ военнымъ ремнемъ держитъ ее, другой, полуголый, съ легкой повязкой вокругъ бедеръ, конскимъ хвостомъ въ ручкѣ обмахиваетъ съ „Миссъ Монрое“ мухъ. Сѣдло, мундштукъ, трензель, повода, все вычищено, все какъ новое.

Mister Джонсъ выходитъ на крыльцо, натягивая перчатки, равнодушно тянетъ ноздрями воздухъ, напоенный розами, медленно садится и разобравъ поводья ѣдетъ по шоссе на кругъ. Тамъ теперь всѣ. Когда онъ подъѣзжаетъ къ кругу, тамъ уже галопируетъ mistriss Булль съ двумя брюнетками-дочерьми и своимъ племянникомъ адъютантомъ вице-короля. Вдали видна солидная фигура начальника штаба индійской арміи на статномъ ворономъ гунтерѣ съ жирными лоснящимися на выпуклостяхъ ляшками.

— „Good day“,—привѣтствуетъ его Джонсъ. Они теперь оба равны. Онъ, маленькій офицеръ, и солидный генералъ въ бѣлой визиткѣ, оба въ данную минуту лишь джентльмены, корректные, знающіе англійскую вѣжливость люди.

— Не проведете-ли вы меня по веревкѣ,—говоритъ генералъ,— отвѣчая ласковымъ „good morning“ на привѣтствіе молодого человѣка.

— All right—отвѣчаетъ Джонсъ. И оба галопируютъ собачьимъ галопомъ вдоль невысокаго чернаго забора-веревки. Временами они перебрасываются двумя-тремя словами по поводу вчерашней партіи въ теннисъ у вице-короля, которую выигралъ молодой Гопкинсъ, о ходѣ лошади, о томъ, что на-дняхъ будетъ большое состязаніе въ игрѣ въ мячъ, на которое пріѣдетъ какая-то знаменитость изъ Австраліи.

— Довольно,—говоритъ генералъ,—и они ѣдутъ шагомъ, раскланиваясь и отвѣчая тихимъ воркующимъ „good morning“ на ласковыя „good day“, которыя имъ посылаютъ амазонки. Потомъ они смотрятъ, какъ за оградой скакового круга два молодыхъ джентльмена, сидя на высокихъ лошадяхъ, молотками гоняютъ по полю резиновый мячъ, что называется игрою въ „поло“.

— Чарли Кеннеди долженъ выиграть,—внушительно говоритъ генералъ—„good day“, добавляетъ онъ послѣ короткой паузы и шагомъ ѣдетъ къ городу. За нимъ ѣдетъ домой и мистеръ Джонсъ.

Дома его ждетъ слуга съ ванной, другой беретъ лошадь, чиститъ ее, снимаетъ потъ, одѣваетъ недоуздокъ и идетъ на Майданъ. Тамъ, подъ сѣнью громадной липы, онъ усядется и съ веревкой отъ недоуздка въ рукахъ будетъ пасти лошадь на зеленой травѣ весь день. Туда скоро соберутся слуги съ лошадьми генерала, амазонокъ, Кеннеди и Майданъ наполнится группами лошадей и людей, то голыхъ, съ обнаженными головами, то въ тюрбанахъ и штанахъ, то во всемъ бѣломъ.

Mister Джонсъ выпилъ чашку коричневой бурды—того ужаснаго „ти“—чая, который сваренъ, а не заваренъ, облачился въ мундиръ изъ „хаки“, надѣлъ шлемъ, ременный широкій поясъ и сѣлъ въ кабріолетъ:—время ѣхать на занятія. Онъ добросовѣстно маршировалъ, стоя въ рядахъ шотландскихъ, мадрасскихъ, сипайскихъ или иныхъ войскъ, сдѣлалъ замѣчаніе унтеръ-офицеру за то, что онъ вышелъ во фронтъ въ пыльныхъ сапогахъ, разговорился съ фланговымъ рядовымъ, который разсказалъ ему грубое приключеніе въ индѣйскомъ кварталѣ, посмѣялся съ нимъ вмѣстѣ надъ горемъ несчастной индіянки, надъ которой дурачились пьяные солдаты. И когда солнце стало довольно сильно припекать, приближаясь къ зениту,—мистеръ Джонсъ прошелъ съ другими офицерами въ казино. Тамъ черная прислуга уже приготовила breakfast въ обширной столовой. Онъ и человѣкъ 12 другихъ офицеровъ батальона задымили короткія трубки и

усѣлись за столъ, хотя и обильный числомъ блюдъ, но довольно скромный ихъ качествомъ. Всѣ эти джентльмены не товарищи, а просто воспитанные—люди, стоящіе при одномъ дѣлѣ. Послѣ breakfast'а вплоть до tiffin'а, до 2-хъ часовъ, тянулась утомительная сьеста.

Тѣни почти исчезли, солнце поднялось на самую вершину неба и тамъ какъ будто замерло, остановилось на мѣстѣ, обжигая отвѣсными лучами все, что попадалось подъ его всюду проникающіе лучи; парадныя, главныя улицы, окружающія Майданъ, опустѣли. Во всѣхъ окнахъ поднялись створчатыя зеленыя жалюзи, магазины закрыли богатыя выставки такими же плотными ставнями, извощики, сидящіе на козлахъ, распустили надъ собою черные зонтики. Ни одного движенія вѣтра, ни вздоха природы—тишина и солнце. Небо приняло темно-синій колоритъ, стало мутнымъ отъ жары и мелкой пыли, поднятой въ воздухъ. Въ эти часы только въ узкихъ улицахъ индійскаго квартала, въ хижинахъ-конурахъ, рѣшетчатыхъ клѣткахъ, на балконахъ бѣлыхъ домиковъ съ плоскими крышами еще есть движеніе. Голые люди куютъ, пекутъ и варятъ, пожевывая зеленые листья бетеля и сплевывая кровавую жвачку.

Въ 3 часа дня послѣ tiffin'а въ собраніи, заглянувъ на минуту въ библіотеку и справившись, что есть интереснаго въ этотъ вечеръ, mister Джонсъ въ кабріолетѣ, на оси котораго скрючился индіецъ-слуга, пріѣхалъ домой, облачился въ сѣренькій фланелевый костюмъ, изящную бѣлую шляпу и пошелъ въ городской садъ, гдѣ на обширной лужайкѣ, окруженной развѣсистыми баніанами у балагана за синимъ парусиновымъ заборомъ былъ раскинутъ теннисъ. Три агента Кукъ и К°, молодой купецъ, торговецъ ружьями, два студента, одинъ дипломатъ и мистеръ Джонсъ чудно играли въ теннисъ и ихъ удары по резиновому мячу ракетой то и дѣло вызывали взрывъ аплодисментовъ у многочисленной публики.

Наемная коляска „first class“ парой лошадей ожидала ихъ у воротъ сада и Джонсъ прокатился по набережной Хугли, любуясь встрѣчными красавицами Калькутты и обмѣниваясь поклонами съ знакомыми. Багровое солнце опускалось за мутную желтую рѣку и золотило вершины мачтъ кораблей и пароходовъ. Между длинныхъ вереницъ экипажей то и дѣло пробѣгали голые люди съ свиными бурдюками, наполненными водой, которой они опрыскивали пыльное шоссе.

Адмиралъ Пиль, опираясь на бронзовый якорь, и лордъ

Непиръ съ бронзоваго коня милостиво смотрѣли на эту вереницу экипажей, щеголявшихъ обиліемъ слугъ. Сопровождаемый четырьмя уланами съ пиками на бедра, рысью проѣхалъ вице-король; по мягкому полю, уже подернутому вечернимъ туманомъ, гарцовали джентльмены, да толпа обнаженныхъ индусовъ шла домой съ работы. И видъ коричневыхъ тѣлъ съ одной повязкой между ногъ, волосатыхъ и худыхъ, не шокировалъ молодыхъ леди, ѣздившихъ въ красивыхъ платьяхъ и шляпкахъ изъ Парижа и Лондона. Онѣ не замѣчали ихъ, какъ не замѣчали блеска румянаго заката и игры свѣтотѣни, подернутой дымкой тумана на томъ берегу рѣки. Онѣ были заняты сами собой.

Солнце сѣло за рѣку и толпа начала рѣдѣть на эспланадѣ, когда mister Джонсъ вернулся домой. Ему оставалось ровно полтора часа времени, чтобы побриться, помыться, одѣть свѣжую рубашку, снѣжно-бѣлый смокингъ, черный шелковый кушакъ поверхъ черныхъ брюкъ и приколоть въ петлицу пунцовую розу. Онъ обѣдаетъ сегодня у мистера Гаррисона, своего компаньона по теннису. Гаррисонъ холостой, они сядутъ только вдвоемъ за столъ, но хозяинъ ожидаетъ гостя въ черномъ фракѣ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ, выбритый и вымытый такъ же тщательно, какъ и гость.

Обѣдъ длится долго. Послѣ темнокоричневаго супа ѣдятъ рыбу, потомъ мясо, потомъ зелень, опять мясо, птицу, холодное мясо, кёрри, пуддингъ и мороженое. Разговоръ идетъ вяло, съ потугами на краснорѣчіе, и вертится вокругъ чего-то, ничего не касаясь. Обыкновенный свѣтскій разговоръ. Послѣ обѣда за дымящимися сигарами и кружками содовой воды съ виски и гость, и хозяинъ сидятъ на длинныхъ креслахъ на верандѣ и молчатъ.

Ихъ глаза устремлены вдаль. Но въ ясныхъ зрачкахъ, окруженныхъ блѣдно-голубымъ кольцомъ, не отражаются темное зазвѣздившееся небо, причудливые фасады домовъ, изъ-за которыхъ растрепанною тѣнью свѣсилась пальма, не отражаются и огни экипажей. Ихъ уши не слышатъ треска колесъ, лошадинаго топота и дикихъ гортанныхъ криковъ востока, ихъ ноздри не ловятъ доносящагося легкимъ теплымъ зефиромъ аромата востока, дыма, куреній и нечистотъ... Они уснули съ открытыми глазами.

Въ одинадцатомъ часу гость поднимается неожиданно.

— „Гутъ найтъ“, говоритъ онъ. Хозяинъ не удерживаетъ. Ему самому время спать. Гость садится въ коляску „second class“ и мчится по темнымъ улицамъ къ себѣ въ бунгалоу. Черезъ

часъ онъ уже лежитъ въ постели со тщательно подоткнутой подъ матрацъ кисеей балдахина и панка мѣрно колышется надъ нимъ, освѣжая его холеное бѣлое тѣло, бѣлизнѣ котораго можетъ позавидовать любая женщина.

День англійскаго офицера конченъ. Его рота его не заботитъ — тамъ все устроено, все хорошо, всякій человѣкъ знаетъ свое дѣло... Онъ спитъ обыкновенно спокойнымъ сномъ...

Но сегодня странный сонъ, длинный и подробный словно рядъ картинъ снится ему... И видитъ онъ... . . . .
. . . . Надъ синимъ отъ мороза утреннимъ небомъ розовымъ заревомъ играетъ восходъ. Звѣзды меркнутъ одна за другою и день, холодный зимній день просыпается. Изъ безчисленныхъ трубъ, проведенныхъ изъ низкихъ кановъ, возлѣ сѣрыхъ кирпичныхъ фанзъ подымается густой бѣлый кизечный дымъ. И въ одной изъ фанзъ съ бумажными окнами стоитъ простая деревянная, грубо сколоченная постель. Надъ постелью повѣшенъ коверъ, на которомъ вышиты круто собранные кони и индійскій раджа въ чалмѣ съ брилліантовымъ перомъ. На коврѣ виситъ ружье и плетка съ рукояткой кавказскаго серебра. У окна стоитъ маленькій письменный столикъ и на немъ чернильница, группа тоненькихъ книжекъ въ зеленой бумажной оберткѣ, двѣ пустыя бутылки съ воткнутыми въ нихъ свѣчами и начатое письмо, на которомъ выведено „милая мама“, — но письмо уже покрылось пылью и не видно, чтобы къ столу прикасались въ недавнее время. На стѣнѣ, ничѣмъ не прикрытые, висятъ мундиры въ перемѣжку съ шароварами и чинно подъ ними стоитъ двѣ пары высокихъ черныхъ сапогъ. Простые деревянные часы съ гирями и будильникомъ мирно тикаютъ на стѣнѣ и аляповатая стрѣлка ихъ близится къ шести.

На постели лежитъ молодой человѣкъ. Подушка скатилась во время крѣпкаго сна и онъ растянулся во всю длину и сладкій покой разлитъ на его загорѣломъ красномъ лицѣ. Одѣяло спустилось на половину и черезъ растегнутый воротъ рубахи видно бѣлое тѣло.

И едва стрѣлка часовъ коснулась шести, какъ со скрипомъ отворилась дверь, ведущая прямо во дворъ и невысокій парень въ красной рубахѣ и суконныхъ шароварахъ съ малиновымъ кантомъ, безъ сапогъ съ босыми, покраснѣвшими отъ мороза ногами, вошелъ въ комнату. Въ рукахъ у него были сапоги и другіе принадлежности господскаго туалета. Онъ положилъ ихъ въ изголовьи, на табуретѣ и принялся будить молодого человѣка.

— Ваше благородіе, а ваше благородіе! — настойчиво повторялъ онъ стоя у изголовья, — извольте вставать! — Шесть часовъ уже. Время на стрѣльбу. Фельдфебель роту уже сгоняютъ...

Но офицеръ только рукою машетъ.

— Ну вотъ поди ты! Господи! Ваше благородіе! Извольте вставать! Потому трѐвога...

— А, что? Хунхузы напали! — проворно вскакиваетъ офицеръ, уже готовый летѣть въ бой со врагомъ.

— Никакъ нѣтъ. На стрѣльбу время идти.

— Я не пойду на стрѣльбу. Что холодно?

— Мало-мало морозъ есть.

— Я не пойду на стрѣльбу, — еще разъ заявляетъ офицеръ, — я нездоровъ, подамъ записку. — И онъ, какъ былъ, не одѣваясь подошелъ къ столу. Но писать не хочется, чернила высохли, перо куда-то запропастилось... Да и сонъ прошелъ и морозное утро съ голубымъ безоблачнымъ небомъ и солнцемъ Манчжуріи манитъ на воздухъ. За окнами веселые слышны голоса и офицеръ рѣшаетъ одѣваться...

— Чаю, Смирновъ, да живо!.. командуетъ онъ деньщику.

Но блѣдный, жидкій чай съ ломтемъ чернаго хлѣба уже готовъ. Наскоро одѣвшись онъ идетъ умываться. Умывается онъ прямо на дворѣ, гдѣ деньщикъ поливаетъ ему ковшомъ воду на руки. Въ водѣ еще плаваютъ ледяшки и холодное прикосновеніе ихъ горячитъ кожу и румянцемъ молодости и здоровья загораются щеки.

Не допивъ чаю, не поѣвши какъ слѣдуетъ, накидываетъ офицеръ полушубокъ съ пришитыми къ нему погонами и выходитъ къ ротѣ. Минутой позже къ ротѣ является и ротный Иванъ Петровичъ.

Иванъ Петровичъ толстенькій коротенькій человѣкъ въ валенкахъ и полушубкѣ, съ очками на носу, изъ за которыхъ глядятъ добрые веселые глаза. Иванъ Петровичъ женатъ и субалтернъ его Семенъ Ивановичъ Ходженко столуется у него.

Рота одѣта тоже въ полушубки и валенки и имѣетъ на головахъ большія мохнатыя сибирскія папахи. Возлѣ роты въ выжидательной позѣ уже сидитъ Мильтонъ, ротный песъ, неизвѣстной породы, хотя фельдфебель и увѣряетъ, что это аглицкій песъ.

Идти нужно далеко. Семь верстъ. Туда идутъ молча. И ротный и Ходженко не выспались, люди тоже молчатъ и Мильтонъ скромно бѣжитъ сзади фельдфебеля.

Стрѣляютъ долго. Часа два. Слышны отрывистые отвѣты—

„попалъ“, „попалъ“ и измятый листокъ покрывается крестами. И Ходженко и Иванъ Петровичъ озабоченно ходятъ за людьми. И хотя они отлично знаютъ своихъ людей, они считаютъ долгомъ говорить каждому—„смотри не дергай за спускъ.—Не сваливай винтовку. Не слишкомъ-ли влѣво берешь“.

Въ концѣ стрѣльбы Иванъ Петровичъ предложилъ Ходженко пострѣлять въ карандаши. Карандашемъ онъ называетъ мишень, на которой наклеено изображеніе одного человѣка и которую ставятъ на 400 шаговъ, откуда она выглядитъ совсѣмъ, какъ карандашъ.

Ходженко соглашается. Они держатъ пари на бутылку пива. Вся рота слѣдитъ за офицерской стрѣльбой. Промаховъ нѣтъ; успѣшная стрѣльба, солнечный пригрѣвъ возбуждаютъ ихъ и они рѣшаютъ послѣ обѣда идти на дикихъ козъ. На охотничій совѣтъ вызванъ и ефрейторъ Ермолаевъ, шустрый сибирякъ съ калмыцкимъ лицомъ, безпрерывно повторяющій слово „понимаю“.

Тутъ мнѣнія расходятся. Ермолаевъ совѣтуетъ идти на крутобережную сопку, Ходженко вчера видалъ свѣжій слѣдъ возлѣ рѣки, а Иванъ Петровичъ, любитель походить совѣтуетъ забраться за тридцать верстъ въ горы.

— Тамъ и кабаны будутъ,—говоритъ онъ и рачьи глаза его вылупляются отъ удовольствія изъ орбитъ. Но рѣшаютъ идти все таки на сопку. Ближе, темнѣетъ рано, и не поспѣть воротиться къ обѣду.

Около полудня идутъ домой. Домой идутъ ходко. Пѣсенники поютъ о томъ, что въ Таганрогѣ „солучилася бѣда“, Мильтонъ считаетъ своимъ долгомъ влетѣть въ каждый растворенный манчжурскій дворъ и надѣлать тамъ переполоху между черными косматыми свиньями, курами и пѣтухами.

Рота расходится по фанзамъ. Ходженко хочетъ идти переодѣваться, но Иванъ Петровичъ увѣряетъ, что не нужно—и такъ хорошъ. Эта сцена повторяется каждый день передъ обѣдомъ и Иванъ Петровичъ къ этому привыкъ. Ходженко поломавшись немного соглашается, что можно и не переодѣваться. Оба снявши полушубки оказываются въ черныхъ шведскихъ курткахъ съ золотыми пуговицами и съ нашитыми на нихъ погонами.

Вѣра Петровна, жена Ивана Петровича, встрѣчаетъ ихъ въ синей кофтѣ, перешитой изъ мужниной австрійки. Дѣти Ивана Петровича лѣзутъ къ отцу, въ фанзѣ тепло, пахнетъ щами и кашей. Сейчасъ же садятся и за обѣдъ. Обѣдъ немудреный всего изъ двухъ блюдъ—щей съ кашей и жаренаго мяса. Передъ обѣ-

домъ выпиваютъ по рюмкѣ водки, но по второй не повторяютъ, потому что боятся, чтобы глазъ не лукавилъ. Во время обѣда даютъ наставленія Ермолаеву сколько взять охотниковъ и какихъ лошадей посѣдлать.

Лошади манзовскія—маленькія и мохнатыя. Онѣ посѣдланы казацкими, пѣхотными, китайскими и даже мексиканскими сѣдлами. Охотники вооружены трехлинейками, трехлинейка же въ рукахъ и у Семена Ивановича, только у Ивана Петровича за плечами виситъ новенькій винчестеръ.

На охоту ѣдутъ весело. Разговоръ идетъ больше про службу. Ивана Петровича мучаетъ совѣсть, что онъ „удралъ“ отъ маршировки и субалтерна увлекъ, а Семенъ Ивановичъ доказываетъ ему, что очень хорошо даже, что они отмѣнили послѣобѣденныя занятія; есть время плотникамъ заготовить доски для эстрады для солдатскаго спектакля.

Охота состоитъ въ карабканьи по неприступнымъ утесамъ. Оба сняли полушубки и тѣмъ не менѣе оба мокры. Не смотря на морозъ, въ лѣсной глуши жарко. Солнце прогрѣваетъ дубы и тисы и таинственно шелеститъ сухою травою вѣтерокъ. Только къ концу дня набрели на стадо гурановъ и пошла стрѣльба. Въ восьмеромъ убили десять штукъ. Затемно навьючили ими лошадей, и сами пошли домой пѣшкомъ. Было темно. Луны не было. Но и Иванъ Петровичъ и Семенъ Ивановичъ и охотники шли черезъ сопки веселой толпой безъ компаса, узнавая дорогу какимъ то чутьемъ. Въ семь часовъ вечера были дома и тутъ вспомнили, что къ восьми надо ѣхать на другой конецъ громаднаго манчжурскаго города въ Арсеналъ на тактическія занятія, послѣ которыхъ назначены были танцы. Иванъ Петровичъ бранился страшно, но увидѣвъ разодѣтую по бальному Вѣру Петровну успокоился. Семенъ Ивановичъ побѣжалъ одѣваться, надѣлъ новый сюртукъ и даже надушился китайскими духами. Вмѣсто экипажа подали двуколку, запряженную парой манзовскихъ коней, одной въ оглобли, а другой на пристяжку. Офицеры одѣли шубы, а Вѣра Петровна доху, усѣлись въ двуколку и покатили рысью по страшно промерзшей бревенчатой мостовой мимо запертыхъ китайскихъ лавокъ.

Въ собраньи молодой капитанъ Генеральнаго Штаба дѣлалъ сообщеніе объ Англо-бурской войнѣ, его прослушали съ удовольствіемъ, апплодировали ему и дамы даже писккливо кричали браво. Потомъ расторопные вѣстовые убрали стулья и доски съ картами, явился оркестръ и подъ звуки веселаго вальса стали носиться

офицеры и дамы. Дамъ было всего семь. Семенъ Ивановичъ былъ героемъ вечера и танцовалъ до двухъ часовъ ночи. Иванъ Петровичъ игралъ въ винтъ съ прикупкой съ командиромъ полка, начальникомъ Штаба Дивизіи и ласковымъ генераломъ, начальникомъ артиллеріи. Онъ выигралъ восемьдесятъ копѣекъ и былъ доволенъ. Ночью идти пришлось обоимъ пѣшкомъ. За дочерью священника не пріѣхала двуколка и они уступили свою.

Манчжурскій городъ спалъ мертвымъ сномъ. Было очень холодно. Пахло чеснокомъ, дымомъ, нечистотами—пахло китайцемъ. Иванъ Петровичъ и Семенъ Ивановичъ мѣрно шагали по узкимъ вонючимъ переулкамъ, пробираясь къ своей штабъ-квартирѣ.

— Задачку то ты мнѣ того... Рѣшишь,—говорилъ ротный своему субалтерну,—„а то я насчетъ крокъ—то слабъ".

Субалтерну не хочется садиться за письменную работу, но и отказать неловко.

— Хорошо. Ты меня за это пивомъ угостишь.

— Ладно... Да слушай Сеня,—ты бы Обухова грамотѣ подрепертилъ. Весь народъ у насъ въ ротѣ грамотный, онъ одинъ никуда.

— Экъ ты какой. И задачу и Обухова. Обуховъ болванъ на рѣдкость.

— Ну и болванъ, а ты его понемногу, онъ и цивилизуется...

Потомъ вспоминаютъ сообщеніе.

— А важно буры били англичанъ,—говоритъ Семенъ Ивановичъ.

— Господа твои англичане, оттого ихъ и били. Спортсмены, а настоящаго дѣла не знаютъ.

— Ну покойной ночи.

— До сви-швеція,—говоритъ Семенъ Ивановичъ и идетъ въ свою фанзу. Въ его квартирѣ тепло, но дымно и угарно—деньщикъ перестарался, растапливая каны.

Семенъ Ивановичъ наскоро раздѣвается и ложится. Онъ вспоминаетъ засыпая, что нужно бы кончить писать матери письмо, но сонъ уже смежилъ его очи, онъ спитъ крѣпко и не видитъ сновъ. Завтра надо вставать въ шесть часовъ утра на обычный субботній маневръ.

Тепло постепенно уходитъ изъ фанзы и легкій паръ начинаетъ выходить изо рта уснувшаго Семена Ивановича . . . . .
. . . .

Мистеръ Джонсъ проснулся. Ему было не по себѣ. Утренняя прогулка, теннисъ и полло, казались ему дѣтскими забавами, и сильные холеные мускулы, чудилось ему, недостаточно сильны и закалены для военнаго дѣла.

Молчаливый индусъ входилъ въ комнату, неся шоколадные башмаки и пиджакъ. Солнце Индіи подымалось за зоологическимъ садомъ и горячими лучами разгоняло туманъ утра, дымкой покрывшій громадный зеленый Майданъ. Время было вставать и ѣхать на игру въ мячъ возлѣ первой четверти мили скаковаго круга...

Бенаресъ 22 февр. 1902 г.

Улицы туземнаго квартала въ Бенаресѣ.

Жертвоприношеніе индійскихъ женщинъ въ храмѣ Мандель-Шовала.

LIV.

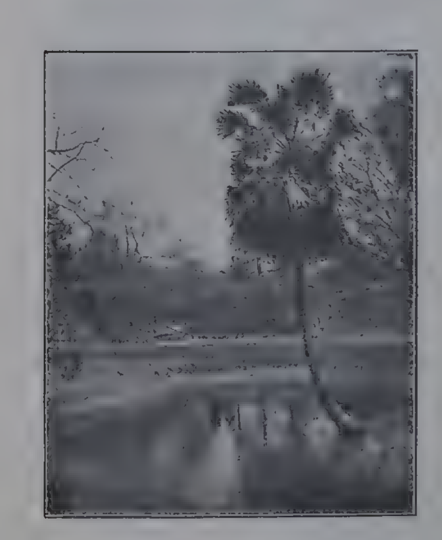
На Гангѣ.

Калькутта.—Зоологическій садъ.—Музей.— Туземный городъ. — На желѣзной дорогѣ.—Бенаресъ.—Кантоннементъ.—Утро на Гангѣ.—Видъ Бенареса съ Ганга.—Священныя омовенія индусовъ.—Сожженіе покойника.—Дворецъ Магараджи.—Мечеть Аурунгзебе.—Улицы Бенареса.—Храмы Мандельшовала.—Сарнатскій храмъ.—Храмъ коровъ и храмъ обезьянъ.—Факиры.—Чудеса Индіи.

Что смотрѣть въ Калькуттѣ? Туземцы говорятъ—нечего, ничего нѣтъ интереснаго, назойливые гиды и извощики тянутъ въ ботаническій садъ на лѣвомъ берегу р. Хугли, въ зоологическій садъ въ концѣ Эспланадной улицы и въ музей. Въ ботаническомъ саду показываютъ какой-то знаменитый баніанъ, необыкновенно толстый и широкій, со множествомъ спускающихся внизъ

корней, кромѣ того ботаническій садъ очень красивъ купами пальмъ и экзотическихъ цвѣтовъ, живописно раскинувшихся по берегу Желтой рѣки. Я въ него не ѣздилъ. Времени не было, Майданъ съ его солдатами мнѣ нравился больше.

Въ зоологическомъ саду обращаетъ на себя вниманіе богатая коллекція змѣй. Туземецъ, присматривающій за зданіемъ, при мнѣ вынулъ нѣсколько изъ стеклянныхъ коробокъ и держа въ рукахъ и смотря имъ прямо въ глаза, показывалъ ихъ движенія. Красивы клѣтки и каменные дома для обезьянъ, птицъ и хищниковъ въ тѣни большихъ тамариндовъ; ласкаютъ взглядъ группы оленей на берегу пруда, подъ тѣнью высокихъ пальмъ-пальмиръ, растущихъ цѣлыми пучками. Но все это, эта богатая флора тропиковъ, кусты съ лиловыми листьями—цвѣтами, филодендроны, обвивающіе громадныя деревья, крокодилы въ каменныхъ бассейнахъ, тибетскій медвѣдь въ клѣткѣ, львы, тигры, черныя пантеры, пеликаны, снѣжно-бѣлые павлины и черные лебеди, кенгуру и казуары—все это больше, полнѣе, но все то же, что въ Сайгонѣ и въ Сингапурѣ. Въ музеѣ удивительная коллекція морскихъ раковъ, крабовъ, звѣздъ, восьминоговъ, то высушенныхъ то заспиртованныхъ, морскія змѣи, змѣи сухопутныя, фигуры изъ папье-маше представителей людской расы Индіи, изображенія ихъ быта, минералогическія богатства, флора и фауна въ видѣ чучелъ и гербаріевъ. Индійская старина, каменныя статуи Будды, Сивы и другихъ божествъ, громадныя таблицы санскритскихъ письменъ, цѣлая исторія таинственной Индіи, собранная въ трехъ громадныхъ каменныхъ залахъ музея. Самъ музей—колоссальная постройка, выходящая фасадомъ на Майданъ. Его залы, помѣщающіяся въ трехъ этажахъ, также велики, какъ залы, Ассиріи и Вавилона въ петербургскомъ Эрмитажѣ, только Эрмитажъ богаче отдѣланъ, интереснѣе по коллекціямъ. На самомъ верху помѣщается постоянная выставка современныхъ мануфактурныхъ и кустарныхъ издѣлій Индіи. Тутъ и работы изъ слоновой кости и мѣди, прекрасный филигранъ и старинное клуазонне, занесен-


Пальма-пальмира въ зоологическомъ саду Калькутты.

ное изъ Китая, и шелки, и ковры, и издѣлія изъ дерева и глины—до водки и вина индійскихъ заводовъ.

Но музей и сады, великолѣпный дворецъ вице-короля, на колоссальномъ подъѣздѣ котораго застыли парные часовые совары въ бѣлыхъ костюмахъ, красныхъ чалмахъ и съ длинными пиками съ флюгерами, готическіе соборы, громадная ратуша, великолѣпное зданіе почты съ куполомъ, все это было уголкомъ Англіи, копіей тяжелой готики Вестминстерскаго аббатства, улицами Европы, а не таинственной азіатской Индіи.

Въ поискахъ индійскаго въ Калькуттѣ я бросился въ туземный кварталъ. Горькое разочарованіе. Вотъ углубишься въ узкій извилистый переулокъ. По обѣимъ сторонамъ каменныя хижины, словно пещеры, внутри горитъ огонь, мѣдный кувшинъ отражаетъ его пламя, группа обнаженныхъ мѣдно-красныхъ людей сидитъ кругомъ, что-то точатъ на станкѣ, сучатъ нити, а въ глубинѣ стоитъ швейная машинка Зингера; вотъ у каменнаго колодца группа темнокожихъ женщинъ съ кувшинами на головахъ. Какія классическія позы! Какіе раккурсы голыхъ рукъ, поддерживающихъ эти пузатые сосуды, по формѣ напоминающіе амфоры древнихъ, какъ эффектно свѣшивается мысомъ на лобъ малиновый платокъ, а другой, ярко-желтый, длинными складками скрываетъ едва замѣтную грудь, въ то время, какъ третій, бѣлый, обвиваетъ ноги, давая чувствовать ихъ стройныя линіи. Въ носу и въ ушахъ золотыя звѣздочки, большія серебряныя кольца лежатъ у щиколки, а темные глаза пытливо и лукаво смотрятъ. Изъ-за бѣлой, старой, изщербившейся ограды, свѣшиваются пальмы и роза кидаетъ свои цвѣты съ ея хребта. Но мимо ѣдетъ на велосипедѣ англичанинъ въ бѣломъ шлемѣ, звенитъ и свиститъ за угломъ конка...

Туземная, узкая полная типовъ улица вдругъ упирается въ бунгалоу съ заставленными зелеными ставнями, соломенными креслами въ саду и англійской полной мистриссъ, сидящей въ креслѣ... За Бунгалоу виденъ проспектъ, шоссе, бульваръ, англійскія вывѣски и полисменъ въ бѣлой каскѣ и бѣломъ кителѣ съ золотыми пуговицами или конный туземный стражъ въ алой чалмѣ и бѣломъ костюмѣ. Какая уже это Индія!

И вотъ 20-го февраля вечеромъ я покинулъ Buskolo hotel и въ скромной „carriage second classe“ поѣхалъ за рѣку Хугли на вокзалъ Howra, чтобы со скорымъ бомбейскимъ поѣздомъ ѣхать въ Бенаресъ—сердце Индіи.

Howra — громадный вокзалъ. Я и носильщики сразу затеря-

лись среди отчаянной толкотни туземцевъ, врывавшихся на дебаркадеръ. На дебаркадерѣ, который не меньше Николаевскаго вокзала въ Петербургѣ, было нестерпимо душно и пыльно. Электрическіе фонари свѣтили надъ этимъ людскимъ стадомъ. Изящныя англичанки стояли у купе 1-го класса „for ladies only“, подлѣ нихъ были провожавшіе ихъ джентльмены въ вечернихъ костюмахъ, рослые, бородатые индусы, именуемые всетаки боями (boy—мальчикъ) въ высокихъ тюрбанахъ стерегли багажъ. Индійскій поѣздъ длинный, большинство вагоновъ третьяго класса, нѣсколько вагоновъ 2-го класса съ отдѣленіями для туземцевъ и два вагона 1-го класса. Большинство европейцевъ, но далеко не всѣ, ѣздятъ въ первомъ классѣ. Вагонъ перваго класса состоитъ изъ двухъ просторныхъ купе со скамейками по длинѣ вагона и большими уборными при каждомъ купе. Въ купе только четыре мѣста. Два на нижнихъ скамейкахъ и два на верхнихъ подъемныхъ. Между купе маленькое помѣщеніе для туземной прислуги, безъ которой почти никто изъ англичанъ не путешествуетъ. Одно купе для джентльменовъ, другое для дамъ. Купе чистыя, относительно, конечно, потому, что пыль во всей странѣ убійственная. Диваны кожаные и очень мягкіе. Въ моемъ купе я оказался съ молодымъ англичаниномъ вдвоемъ и мы оба устроились на нижнихъ скамьяхъ. Раздался звонокъ, поѣздъ плавно принялъ и затѣмъ помчался со страшной быстротой въ абсолютномъ мракѣ безлунной тропической ночи.

Предстояла мучительная, душная ночь въ вагонѣ. Окна были открыты съ обѣихъ сторонъ, на мнѣ кромѣ костюма хаки — ничего, англичанинъ въ сукнѣ и заботливо достаетъ изъ чемодана одѣяло и пледъ.

Но вотъ, первый разъ послѣ Адамова Пика я почувствовалъ дуновеніе свѣжаго вѣтра, стало холодно. Я поднялъ створки окна и углубился въ чтеніе. Хорошо, свѣжо,—думалъ я. Англичанинъ дремалъ надъ книгой. Наступила ночь. Поѣздъ мчался, изрѣдка останавливаясь на станціяхъ. Въ Бурдванѣ (Burdwan) въ 10 часовъ вечера мы остановились на 20 минутъ, буфетъ. Англичанинъ всталъ и выразительно сказалъ мнѣ, что здѣсь есть „refreshment Room“, попросту говоря буфетъ, и что время обѣдать. Помоему, по-русскому, было поздно и я не пошелъ. За Бурдваномъ стало еще темнѣе и холоднѣе. Въ хаки было неважно. Я то задремывалъ, то просыпался, ежась на пыльномъ диванѣ. Вдругъ чувствую, что теплый пледъ летитъ на меня. Англичанинъ подаетъ его мнѣ, весьма внушительно говоря „all right“. Я дока-

зываю ему, что мнѣ не нужно его пледа, что у меня въ сверткѣ есть пальто, ничего не подѣлаешь. Англичанинъ упрямъ, да и спать хочется и я засыпаю подъ его пледомъ, онъ подъ своимъ одѣяломъ...

Я былъ на ногахъ съ восходомъ солнца. Древняя Индія была передо мною. Индія, по которой ходили полки Александра Великаго, Индія раджей, магараджей, Индія волшебныхъ сказокъ. Съ замираніемъ сердца глядѣлъ я въ окно... Подъ ярко-синимъ небомъ, насколько глазъ хваталъ, тянулась равнина. Ни холма, ни балки, ни вершины, ни покатости. Непрерывный рядъ полей, то рисовыхъ, то пшеничныхъ, то особаго высокаго боба-керри, то маковыхъ съ бѣлыми цвѣточками тянулся по этой равнинѣ. Тамъ и сямъ стояло одно-два баніановыхъ дерева, свѣсивъ длинные корни внизъ. Иногда вдругъ попадалась цѣлая роща цвѣтущихъ тамариндовъ, словно желтыхъ отъ кистей пряныхъ цвѣтовъ, между ними вилась пыльная дорога. По дорогѣ шли индусы гнали пестрыхъ козъ или большихъ бѣлыхъ горбатыхъ быковъ, шли женщины съ кувшинами, рѣзвились дѣти. Кое-гдѣ подъ кущами баніана показывались бѣдныя сѣрыя хижины индусовъ, крытыя черепицей, безъ оконъ съ однимъ широкимъ отверстіемъ—дома-пещеры.

Издали совсѣмъ наша Литва, черезполосица посѣянныхъ хлѣбовъ, желтый рисъ, молодая пшеница, цвѣтущій макъ и какъ тамъ дубы, такъ тутъ баніаны и тамаринды. Но вотъ надъ купами кустовъ видны двѣ-три стройныя пальмы, дорога поросла по краямъ кактусами и юкками—показалось яркое синее небо—нѣтъ, это Индія, Индія сказокъ и легендъ, Индія страна чудесъ!...

Въ 8 часовъ 18 минутъ утра поѣздъ подошелъ къ Moghal-sarai jonction—здѣсь была пересадка на Бенаресъ. Я простился съ любезнымъ молчаливымъ спутникомъ и вышелъ. Черезъ полчаса подали поѣздъ на Лукновъ и еще черезъ полчаса въ десятомъ часу утра я подъѣзжалъ къ Бенаресу...

Низкая станція, длинный перронъ, носильщики въ чалмахъ съ мѣдными бляхами, таково было первое впечатлѣніе отъ Benares cantonnement'а. Парныя коляски ожидали насъ. Коммисіонеры отъ Hotel de Paris и Кларкъ-отеля были къ услугамъ пассажировъ. Я сѣлъ въ коляску и по невозможно пыльной улицѣ между тѣнистыхъ тамариндовъ и баніановъ поѣхалъ по Кантоннементу. Коляска миновала одноэтажныя казармы, проѣхала мимо двухъ церквей, мимо пыльныхъ огородовъ и садовъ, бѣлыхъ зданій съ зелеными ставнями, завернула въ другую алею и остановилась

передъ длиннымъ одноэтажнымъ зданіемъ отеля de Paris, стоявшимъ въ громадномъ саду цвѣтущихъ розъ.

Мы были возлѣ Бенареса. До города оставалось еще около трехъ верстъ. Англичане не живутъ въ городѣ, а устроились возлѣ, въ обширномъ и тѣнистомъ дачномъ мѣстѣ—Cantonnement'ѣ За очень уютный номеръ, выходившій на веранду, съ ванной, которая въ Индіи есть необходимая безплатная принадлежность номера, съ меня взяли 8 рублей въ сутки (1 фунтъ стерлинговъ = 9 р. 60 к. = 15 рупіямъ = 16 аннамъ) съ полнымъ продовольствіемъ.

Я заказалъ коляску (4 рупіи полдня, 8 рупій въ день) и поѣхалъ къ Бенаресу.

И странно было думать, оглядываясь кругомъ, что эти камни загородокъ, камни колодцевъ, эти мѣдные кувшины, драпировка женскихъ одеждъ, эта пыль видала Будду, когда пришелъ онъ сюда со своею кроткою проповѣдью, этотъ воздухъ, это небо полны такой древней, непостижимой страны. Еще верста, двѣ и откроется прелестный Гангъ. Вы помните, конечно:

„Auf Flügeln des Gesanges
Herzliebchen trag' ich dich fort,
Fort, nach den Fluren des Ganges,
Dort kenn ich den schönsten Ort..,“ [1]).

Еще минута и онъ, старый, оригинальный, красивый, ни съ чѣмъ не сравнимый открылся...

Но не ѣздите въ Бенаресъ днемъ, не подготовляйте впечатлѣній, дождитесь утра и въ 6 часовъ утра на челнокѣ съ высокой палубой, на которой поставлены соломенныя кресла, за четыре рупіи проѣзжайте по Гангу вверхъ и внизъ и посмотрите священныя омовенія...

Тутъ одна поэзія, одна старина, одинъ вѣковѣчный покой! Смотрите!...

. . . .

Большой неуклюжій челнокъ, системѣ котораго было не меньше трехъ тысячъ лѣтъ, приводимый въ движеніе лѣнивыми взмахами веселъ, медленно спускался по Гангу. Направо шелъ

---

[1]) ...„На крыльяхъ моихъ пѣснопѣній
Унесу я тебя далеко.
На поляны вдоль Ганга теченья.
Тамъ дышатъ такъ привольно-легко“...
Гейне. Переводъ *Платона Краснова.*

низменный, полого выходящій изъ воды песчаный берегъ, песокъ доходилъ до зеленой полосы травы, хлѣбовъ, низкаго ярко-зеленаго кустарника, надъ которымъ кое-гдѣ возвышались величественныя кроны баніановъ и темные купы тамариндовъ. Дальше было небо, желторозовое, съ блестящимъ шаромъ только что взошедшаго солнца. Вода Ганга, чуть подернутая мелкою рябью, уходила въ даль зеленоватою лентой. Гангъ тутъ не широкъ, онъ

Ча Гангѣ. Бенаресъ утромъ.

какъ Нева у Литейнаго моста. Воображеніе-ли, настроенное поэтами и грезами прошлаго красило его, но широкая полоса свѣжей воды, зеленоватой, прозрачной, мягкаго, нѣжнаго полутона, показалась мнѣ красивой въ рамѣ зеленыхъ береговъ. Направо берегъ подходилъ высокимъ обрывомъ и здѣсь, на протяженіе трехъ, четырехъ верстъ, стоитъ древній Бенаресъ. Старинные каменные дома, дворцы раджей, храмы съ длинными коническими

куполами, стройные минареты мечети Аурунгзебе, дома съ плоскими крышами подходятъ вплотную къ водѣ, омываютъ низы фундаментовъ въ волнахъ священнаго Ганга. Между домами въ гору подымаются то широкія лѣстницы съ крутыми ступенями, то узенькія извилистыя спускаются между высокихъ отвѣсныхъ стѣнъ къ самой водѣ, и здѣсь соединяются съ длинными ступенями, идущими вдоль берега. На берегу, входя въ воду черезъ каждые два-три шага, подѣланы легкія бамбуковыя пристани подъ соломенной покрышкой. Тамъ и сямъ между этихъ простыхъ и убогихъ пристаней виденъ выступъ изъ мрамора, украшенный богатой рѣзьбой. Нѣсколько выше—цѣлая группа прямоугольныхъ пещеръ, наконецъ просто громадные, сажень въ діаметрѣ зонты изъ соломенной рогожи, подъ которыми накидана солома—жилища браминовъ и паломниковъ, стекшихся со всего буддійскаго востока поклониться храмамъ Шивы, посмотрѣть мѣста, видавшія Будду, слыхавшія его великое ученье, омыться въ водѣ святой рѣки.

И повсюду храмы. Всюду бесѣдки, то крошечныхъ размѣровъ, въ нишѣ которыхъ видна колѣнопреклоненная каменная корова или слонъ, то громадные храмы съ высокими куполами, украшенными бронзовыми шишечками съ бронзовымъ флагомъмачтою на вершинѣ.

И на лѣстницахъ-улицахъ, и на лѣстницахъ-переулкахъ, у воды рѣки, возлѣ храмовъ, въ каменныхъ нишахъ и подъ рогожными зонтами, вездѣ и всюду индусы: вездѣ народъ. Вотъ медленно идетъ по лѣстницѣ группа женщинъ. Ихъ лица темныя, цвѣта дыма, словно закопченныя. Малиновые, розовые и желтые платки спускаются съ темени на грудь, сходятся внизу съ темной юбкой-платкомъ. Цвѣта не рѣзкіе, не кричащіе, но чуть мутные, словно подобранные въ тонъ неопредѣленному темному колориту кожи. Мѣдные кувшины на ихъ головахъ, низкіе и пузатые кувшины омовеній, горятъ золотыми точками въ темномъ переулкѣ, уходящемъ въ гору. Подъ зонтомъ изъ рогожи, красиво набросивъ на голое тѣло красный плащъ, лежитъ сѣдой коротко остриженный бонза - браминъ. Подлѣ два человѣка мѣднокраснаго цвѣта въ бѣлыхъ одеждахъ, сидятъ поджавъ ноги. На узкомъ плоту, въ простѣнкѣ между двухъ мраморныхъ выступовъ, человѣкъ двадцать худыхъ, совершенно голыхъ, темныхъ людей. Тутъ молодые, и старые. Видна сморщенная кожа, рѣзко выдающіяся кости скелета, худыя конечности. Одни стоятъ по колѣно въ водѣ и обливаютъ себя изъ золотыхъ, горя-

щихъ на солнцѣ кувшиновъ, другіе вошли по грудь, по шею; молодые плаваютъ возлѣ берега. Старикъ съ суровымъ лицомъ сталъ на колѣни, молитвенно сложилъ руки, да такъ и застылъ на долгіе часы, въ созерцаніи тихихъ водъ рѣки. Тутъ нѣсколько браминовъ подняли цвѣты къ небу и будто молятся, посвящая ихъ Гангу, а потомъ бросили ихъ въ воду и цвѣты медленно уносятся теченіемъ. А рядомъ полощатъ одежды и тутъ же съ размаха бьютъ ими о камни, чтобы выжать воду. Вотъ женщины, скинувъ покрывала съ головы и распустивъ черные волосы, полощутся по поясъ въ водѣ. Черезъ лобъ отъ бровей у большинства идетъ яркокрасная полоса, знакъ того, что онѣ замужнія... Плескъ воды, легкое бормотаніе людей, и откуда-то изъ дворца несущіеся тягучіе звуки восточной мелодіи. Хвала Богу, создателю Ганга, хвала богинѣ Ганга, хвала Брамѣ, Вишну, Шивѣ, хвала великому учителю Буддѣ!!!.

Вѣка, тысячелѣтія восходящее надъ Бенаресомъ солнце видитъ эти картины. Ихъ смотрѣли греческіе ученые и солдаты авангарда Алексанра Македонскаго, ихъ смотрѣли мусульманскіе цари индійскаго востока съ пышныхъ, коврами устланныхъ галеръ, ихъ смотримъ мы съ галеры, на которой стоятъ соломенныя кресла со спинками.

И костюмы были тѣ же, и прически, и бронзовые кувшины, и позы молитвеннаго созерцанія.

Вѣка шли. Царства и королевства падали, раджи умирали и ихъ вдовы сжигали себя на кострѣ, прахъ ихъ развѣвался надъ холодными водами этой рѣки, а люди оставались безъ перемѣны. Они строили громадный Сарнатскій храмъ, ихъ внуки воздвигали дворцы на берегахъ Ганга, внуки этихъ внуковъ работали надъ постройкой высокихъ трехъ-этажныхъ домовъ, потомъ дѣлали лѣстницы, возводили католическіе и англиканскіе храмы, составляли громадныя желѣзныя фермы желѣзнодорожнаго моста, кидали камни для быковъ на священномъ Гангѣ. Но религія, обычаи, молчаливое созерцаніе вѣчнаго Ганга, омовенія при свѣтѣ восходящаго солнца, мелодія дворцовой музыки, тихая незлобивая любовь къ животнымъ остались тѣ же и передъ моими глазами проносились сцены далекой старины, сцены, знакомыя по исторіи Эллады, по исторіи древней Индіи...

Медленно спускается нашъ челнокъ, чуть плещутъ длинныя весла, тихо бѣжитъ вода за кормой. Вотъ уступами поднимаются одинъ надъ другимъ высокіе куполы храмовъ. Одни изъ нихъ сѣрые, другіе темно-красные, третьи желтые; это храмы Мандель-

Шовала—лабиринтъ старинныхъ святынь, каменныхъ и мраморныхъ гротовъ, въ таинственномъ сумракѣ которыхъ еле видны Будды со скрещенными ногами, Шива о трехъ головахъ, слоны и священныя обезьяны „монкей“. Суровые, дикіе тона красокъ, тонкая рѣзьба по камню на куполахъ, золотыя шишечки, уходящія въ небо и кое-гдѣ длинный алый языкъ священнаго знамени это такъ своеобразно красиво!

Мечеть Аурунгзебе.

Рядомъ широкая площадь, вся заваленная небольшими связками сучьевъ и стволовъ сухихъ дровъ,—эти дрова приготовлены для сожженія покойниковъ. Лодка останавливается въ двадцати шагахъ отъ берега. Внизу плещутся и моются, стираютъ бѣлье, моютъ голову мыломъ худощавые брамины и индусы, сверху спускаются новые и новые паломники. Другіе, окончивъ омовеніе, тутъ-же ложатся на каменныхъ плитахъ или подъ зонтами на соломѣ молчаливо созерцаютъ посинѣвшій подъ лучами солнца блѣдный Гангъ. Вотъ изъ узкаго переулка вышли два обнаженныхъ человѣка. Передній несъ какой-то длинный свертокъ, завернутый

въ бѣлый холстъ. Онъ подошелъ къ рѣкѣ и опустилъ этотъ свертокъ въ воду и подержавши подъ водой вынулъ. Мокрая матерія рѣзко облѣпила угловатые контуры вытянувшагося исхудалаго ребенка,— это трупъ. Его положили просохнуть па солнцѣ, потомъ сложили длинный костеръ, внутрь засунули трупъ и пламя тихо стало лизать дрова. Бѣлый дымъ потянулъ вверхъ и растаялъ въ голубомъ прозрачномъ небѣ, по которому ползли барашки.

Два взмаха веселъ, и мы противъ безобразной розовой каменной фигуры, изображающей человѣка, лежащаго на берегу, на спинѣ, съ раскинутыми широко руками. Это богъ, воспрещающій чумѣ входить въ Индію. Лѣвѣе его, подъ небольшимъ мраморнымъ куполомъ, статуя чернаго мрамора—богиня Ганга. Дальше стройныя башни-колонны и величественный фасадъ дворца непальскаго раджи. Громадное зданіе, обложенное мраморными плитами, было на всемъ своемъ фасадѣ совсѣмъ безъ украшеній. Только узенькія башни были кое-гдѣ покрыты рѣзьбой, да громадная дверь, темная, полная таинственной мглы, была окружена художественнымъ орнаментомъ. По высотѣ оно соотвѣтствовало большому пяти-этажному дому, но три нижнихъ этажа были безъ оконъ и только вверху виднѣлись рѣдкія окна, прикрытыя зелеными ставнями. И красивы были эти плоскія стѣны то розоватаго, то зеленаго, то сѣраго цвѣта, украшенные временемъ, солнцемъ и природой богаче, чѣмъ самымъ искуснымъ художникомъ. Дворецъ пустъ. Магараджа въ немъ не живетъ и тѣмъ таинственнѣе были несшіеся оттуда незамысловатые звуки унылой, однообразной, какъ скрипъ колеса, мелодіи, выдуваемой на инструментѣ, похожемъ на кларнетъ.

Еще дальше, кривые повалившіеся купола храмовъ, обломки колоннъ, капители, покрытыя драгоцѣнной рѣзьбой, лежатъ на каменныхъ ступеняхъ у воды, торчатъ изъ самой воды. Здѣсь былъ богатый дворецъ, но вода подмыла его и онъ упалъ, сломавшись и покрывши обломками своихъ художественныхъ частей весь берегъ. Но отъ этого берегъ сталъ еще красивѣе. Это случилось сорокъ лѣтъ тому назадъ, но хочется думать, что это слѣды разрушенія болѣе отдаленной эпохи... Надъ дворцомъ видны дома, узкія улицы, купола храмовъ. По куполамъ и крышамъ бѣгаютъ обезьяны, пара зеленыхъ попугайчиковъ сидитъ на карнизѣ у одного изъ оконъ.

А за развалинами высоко въ голубое небо мечеть протягиваетъ двѣ стройныя башенки минаретовъ. И она тѣхъ-же неопредѣленныхъ тоновъ, что такъ красивы были у дворца раджи.

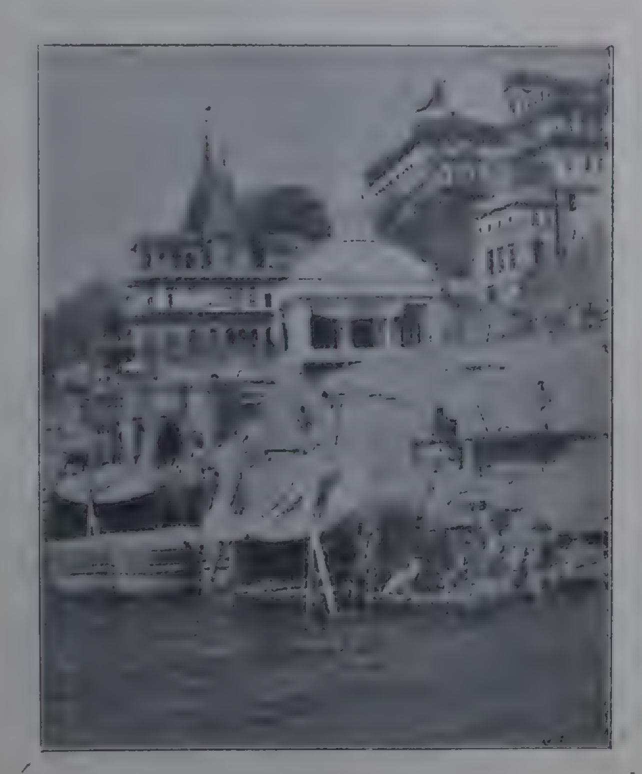
Тѣ же пятна розовыя, темныя, желтыя. Куполъ, башенки по краямъ его—все это необычной архитектуры, но архитектуры строгой и красивой. И опять, какъ въ Пекинѣ, казалось, что этотъ голубоватый потокъ Ганга съ длинной перспективой уходящихъ кулисами домовъ и храмовъ—былъ грезой, навѣянной сказками Индіи, волшебными разсказами дѣтства. Только тамъ эти сказки были полны пестрыхъ ярко размалеванныхъ картинокъ, контуры были неестественны, тона какіе-то рѣзкіе, лубочные—здѣсь полная гармонія прямыхъ линій, башенокъ, точеныхъ куполовъ, полная гармонія блѣдныхъ, расплывчатыхъ красокъ такихъ неуловимыхъ, неопредѣленныхъ тоновъ, какъ и тонъ зеленовато-синяго Ганга и подернутой дымкой тумана зелени того берега, и цвѣта плащей и накидокъ и самихъ тусклыхъ тоновъ кожи совершающихъ омовенія индусовъ, то желтой, то коричневато-красной, то почти черной...

Бенаресъ! Бенаресъ! Аѳины Индіи, Оксфордъ восточной учености. Бенаресъ, видавшій и видящій алые мундиры англичанъ, чутко прислушивающійся къ грохоту желѣзнодорожнаго поѣзда, несущагося по мосту, сковавшему берега священнаго Ганга, ничто не измѣнило въ тебѣ жизни, не сломило трогательнаго, наивнаго лепета мягкой вѣры твоей, твоего непротивленія!..

Подъ вечеръ, когда весь Бенаресъ былъ окутанъ золотистымъ облакомъ пыли, я попалъ въ тѣсныя его улицы. Народъ сновалъ по нимъ. Въ нишахъ лавокъ, гдѣ продавалась всякая дрянь, сидѣли продавцы. У однихъ были издѣлія изъ мѣди, мѣдные чашки, подносы и кувшины, другіе торговали серебряными обручами, картинками, книгами, ѣдой, бетелемъ и табакомъ. Улица шла, постепенно спускаясь внизъ—гдѣ полого, гдѣ каменными ступенями. Индусы всѣхъ племенъ, факиры съ нестриженными и небритыми головами, растрепанными волосами; сытые и полные, бѣлые купцы съ широкими плечами и выпуклою грудью, почти черные нищіе съ ногами, какъ у слона, вслѣдствіе элефантіазиса, худыя и заморенныя дѣти, женщины, красиво задрапированныя, сзади дающія темы мечтамъ, а спереди безобразныя, какъ вѣдьмы-старухи, бѣлый быкъ, коза, англійскій сипай-полицейскій въ хаки и алой чалмѣ—все перемѣшалось въ общую толпу. Но шума мало. Почти никто не кричитъ, не вопитъ, голыя ноги беззвучно ступаютъ по мягкой пыли и только мальчишки бѣгутъ сзади меня, совершенно безъ всего, хлопаютъ руками по животу, пялятъ красивые темные глаза и вымаливаютъ „бакшишъ“. Отъ узкой улицы, по которой едва-ли телѣга проѣ-

детъ, идутъ еще болѣе узкіе переулки. Дома высокіе. Запахъ въ улицѣ пряный, запахъ куреній, дыма, ладана, цвѣтовъ тамаринда, пряный ароматъ Индіи, запахъ востока...

Узкимъ переулкомъ вышелъ я на небольшую площадь на берегу и очутился передъ „Золотымъ храмомъ". Это собственно не храмъ, а группа храмовъ, масса часовень, каменныхъ изображеній, таинственныхъ проходовъ, темныхъ закоулковъ, крутыхъ лѣстницъ и альковов. Надъ всѣмъ этимъ возвышается громадный куполъ золотого цвѣта, думаю, что мѣдный, потому что все-таки Бенаресъ принадлежитъ англичанамъ. На маленькихъ площадкахъ, занятыхъ неподвижными фигурами женщинъ, горбатыми бѣлыми священными быками, высѣченными въ нишахъ, среди художественнаго орнамента статуй Буддъ, Шивы, Вишну и Брамы раскинули свои лари торговцы мѣдными издѣліями, серебряными браслетами, запястьями и цвѣтами для жертвоприношеній. Площадки соединялись узкими и темными корридорами съ крутыми ступенями, сумрачными и темными переходами. Дикая фантазія лѣпила безъ плана, строила одинъ храмъ за другимъ, не заботясь дать мѣсто для вида, сочетая громадные плоскіе золотые купола съ шишковатыми узкими куполами всѣхъ величинъ и формъ. Бонза вышелъ ко мнѣ навстрѣчу и повелъ меня по этимъ переходамъ. Въ одномъ темномъ корридорѣ, между двухъ высокихъ стѣнъ онъ остановилъ меня передъ отдушиной, выбитой въ стѣнѣ, маленькой и неправильной.



Золотой храмъ.

— Смотри! сказалъ онъ.

Я прильнулъ къ отверстію въ камняхъ и застылъ въ нѣмомъ восторгѣ. Внутренность большого храма, внутренность темная,

какъ пещера. Въ углу подъ низкими сводами каменный водоемъ. Надъ водоемомъ пылаютъ красными пламенными языками свѣтильники. При ихъ неровномъ трепетномъ свѣтѣ видна толпа женщинъ. Темныя лица, блестящіе глаза, сверканье браслетовъ и серегъ, таинственныя складки цвѣтныхъ матерій и бѣлыхъ покрывалъ, цвѣты, много цвѣтовъ бѣлыхъ, желтыхъ, красныхъ. Женщины бросаютъ эти цвѣты въ воду и они ложатся на водѣ вѣнками и гирляндами. Иныя, нагнувшись къ водоему, черпаютъ воду и обливаютъ ею лицо. Красные огоньки лампадъ отражаются въ мелкой зыби и ряби. Плескъ воды, шелестъ одеждъ, тихій шопотъ молитвъ.

Какое трогательное, поэтичное жертвоприношеніе! Сколько таинственной красоты въ этомъ темномъ нѣмомъ храмѣ, полномъ тихаго бормотанія и шелеста.

И снова мраморные, черные и бѣлые боги, которыхъ тыкалъ пальцами торопливый бонза-гидъ и выкликалъ: „Вишну, Шива, Будда“...

Ночь спускалась надъ городомъ. Тѣни исчезли, поднятая людьми, быками и лошадьми пыль стояла надъ улицами. Движеніе затихало. Кое-гдѣ засвѣтились огни, стали видны четыреугольныя рамы на ножкахъ, постели индусовъ, незатѣйливая обстановка открытой на улицу комнаты, крошечная дверь въ заднюю комнату. Въ предмѣстьи сильнѣе стали благоухать рѣзкимъ прянымъ ароматомъ тамаринды и немолчно трещали сверчки. Звѣздная ночь наступила.

Въ 4-хъ миляхъ (7 верстахъ) отъ Бенаресъ-Кантоннемента находится Сарнатскій храмъ, мѣсто посвященное памяти Будды. Здѣсь, по преданію, на широкой долинѣ Дамекъ находится мѣсто, гдѣ Будда произнесъ свою первую проповѣдь. Здѣсь же показываютъ слѣды древняго Бенареса.

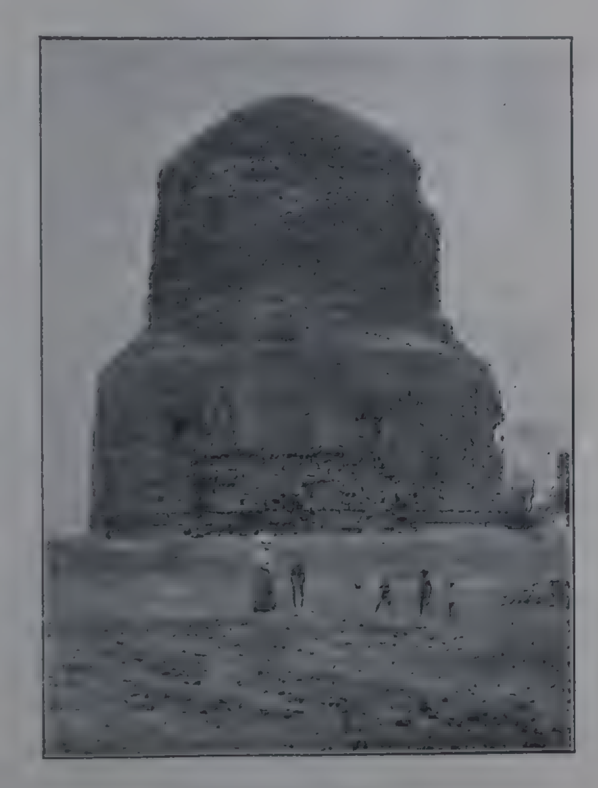
Я посѣтилъ это мѣсто вечеромъ другого дня. Солнце опускалось въ тучи и мягкій свѣтъ обливалъ обширную равнину съ полями риса, пшеницы, мака, съ сѣрыми десятинами, оставленными на отдыхъ, съ богатыми купами баніановъ и тополей. Коляска, взятая мною за четыре рупіи въ оба конца, тихо катилась по широкой, страшно пыльной дорогѣ между аллей высокихъ, густо цвѣтущихъ тимариндовъ. И вотъ влѣво, надъ зеленой рощей, я увидалъ какую-то гигантскую копну — будто стогъ соломы нѣсколько саженей вышиною.

— „Сарнатъ-темплъ“, на ломаномъ англійскомъ языкѣ про-

изнесъ мой возница и показалъ на стогъ, отчетливо рисовавшійся на потухавшемъ небѣ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ него на ровномъ насыпанномъ холмѣ виднѣлась круглая кирпичная башня. Черезъ 20 минутъ мы подъѣхали.

Возлѣ буддійскаго монастыря съ большимъ тѣнистымъ садомъ, окруженнымъ каменною стѣною, на небольшомъ холмѣ возвышалась красная каменная громада. Внизу еще сохранились громадныя плиты; кое-гдѣ виденъ высѣченный въ темно-коричневомъ камнѣ художественный восточный орнаментъ, фигуры людей и листьевъ. Выше—это груда кирпичей, обломковъ, мусора темно-краснаго цвѣта. Въ одномъ мѣстѣ камни фундамента покрыты пожухлой позолотой, здѣсь воткнуто двѣ бамбуковыя палки, на которыхъ мотались бѣлые и красные лоскутки матеріи.



Сернатскій храмъ.

Толпа нищихъ, безобразныхъ стариковъ и голыхъ дѣтей, окружила меня. Нашелся проводникъ.—„Будда“ — пояснилъ онъ мнѣ, показывая на остатки позолоты. Было-ли это мѣсто, гдѣ проповѣдывалъ Будда, или это было мѣстомъ моленій буддистовъ — я не понялъ. Въ двадцати саженяхъ отъ башни, подъ деревяннымъ навѣсомъ за рѣшеткой были въ порядкѣ собраны обломки камней съ Сарнатскаго храма. Тутъ барельефы Шивы, слоновъ, богини плодородія съ темными выпуклыми грудями, обезьянъ и быковъ. Кругомъ башни каменистая пустыня. Въ землѣ видны остатки фундаментовъ, вотъ круглый колодезь спускается внизъ къ изсохшему дну, — всюду камни, обломки. Кто разрушилъ древній Бенаресъ? Стихійная-ли сила снесла этотъ

городъ и, какъ Помпею раздавила и сломала землетрясенiемъ, время-ли незамѣтно, камень за камнемъ, отрывало куски зданiй и стерло все въ порошокъ, приказъ-ли завоевателя не оставить камня на камнѣ уничтожилъ городъ, жившiй такой-же жизнью востока, торговаго и лѣниваго, какою теперь живетъ современный Бенаресъ?.. Кто знаетъ. Наша исторiя далеко еще не разобралась въ темномъ и свѣтломъ прошломъ буддiйскаго востока и санскритскiя рукописи, вотъ уже больше ста лѣтъ изучаемыя, еще не дали полныхъ откровенiй.

Обломки башни некрасивы, но въ этомъ пустынномъ безлюдномъ уголкѣ, на могилѣ уснувшей цивилизацiи такъ много настроенiя.

Когда я уѣзжалъ, солнце спустилось ниже тучъ и красные лучи широкими полосами подымались звѣздою къ небу. Сарнатскiй храмъ горѣлъ на красномъ солнцѣ, горѣла и кирпичная башня. Я поднялся на нее и долго при свѣтѣ умирающаго дня любовался этой умершей много вѣковъ назадъ городскою жизнью...

Каждый уголокъ въ Бенаресѣ красивъ. Каждая бесѣдка, башенка, колонка подъ пальмой, маленькая мраморная часовня съ широкимъ куполомъ надъ Шивой или Буддой полны интереса, всякая группа людей, будутъ-ли то женщины надъ колодцемъ съ кувшинами на головахъ, старикъ-нищiй, факиръ, заклинатель змѣй, погонщикъ верблюда, — все равно, все красочно, колоритно и интересно. Это тусклѣе Каира, блѣднѣе и меньше Константинополя, но это таинственнѣе, страннѣе и глубже захватываетъ душу, вызывая непонятные образы. Но особенно интересны своею странностью храмъ коровъ и „монкей-темпль“ — храмъ священныхъ обезьянъ.

Храмъ коровъ расположенъ у Ганга вблизи города. На богатомъ дворѣ, образованномъ галлереей, съ красивымъ четыреугольнымъ храмомъ посерединѣ, бродитъ около двадцати бѣлыхъ, не особенно сытыхъ и чистыхъ коровъ. Эти коровы священны. *Монкей-темпль* помѣщается въ предмѣстьи. Это храмъ изъ краснаго камня съ высокимъ куполомъ овальной формы, усѣяннымъ невысокими каменными и мѣдными желудями. Внутри храма престолъ, на престолѣ каменное изваянiе божества. Вокругъ храма идетъ квадратная крытая галлерея съ колонками. Одна сторона ея выходитъ на улицу, двѣ въ сады, изъ которыхъ къ ней свѣшиваютъ густыя кроны пальмы и третья къ четыреугольному каменному бассейну, берега котораго спускаются ступенями къ водѣ. По этимъ ступенямъ, по галлереѣ, по крышѣ храма на

висящемъ подлѣ него колоколѣ, на пальмахъ сосѣднихъ садовъ всюду бродятъ коричневато-желтыя макаки. У входа женщины и юноши предлагаютъ купить корзинку зерна. Я взялъ корзину и вошелъ съ нею въ ограду храма. Мальчишка, продавшій ее мнѣ и толпа нищихъ пошли за мною.

— Цопъ, цопъ, цопъ, кричали они и обезьяны тихонько спускались и окружали меня. Я кидалъ имъ зерна. Странно было видѣть себя окруженнымъ этими животными, которыхъ привыкъ видѣть лишь въ клѣткахъ, да у шарманщиковъ. Большія и маленькія обезьяны тихо ворча и лая, отбѣгая трусливо при каждомъ моемъ движеніи, лакомились вокругъ зернами.

Потомъ я видѣлъ такихъ-же макакъ у Ганга на крышахъ храмовъ, видалъ ихъ въ садахъ и понялъ, почему Бенаресъ нѣкоторые называютъ городомъ обезьянъ.

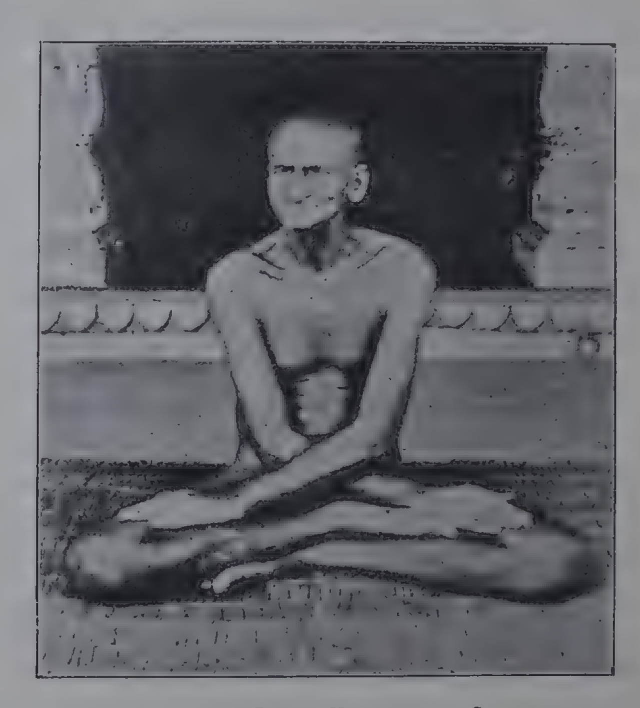
Возившій меня по городу кучеръ привезъ, между прочимъ, къ квадратному саду съ камнемъ выложенными дорожками. Въ глубинѣ его былъ храмъ, посерединѣ каменная бесѣдка, влѣво, въ каменной нишѣ было мраморное изображеніе человѣка, изможденнаго постомъ, съ жесткими чертами лица, выдавшимися костями реберъ, бедеръ, поясницы и ключицъ. Человѣкъ этотъ сидѣлъ въ обычной позѣ Будды со скрещенными ногами и сложенными руками и даже статуя его имѣла дикій, ненормальный видъ. Это памятникъ современнаго браминскаго святого, ученаго философа Шри-Свами-Баскаранандъ-Сарасвати, родившагося въ 1833 году въ Кавнпурскомъ уѣздѣ (дистриктѣ) и умершаго въ 1899 году. Онъ училъ, а потомъ сдѣлался аскетомъ и молчальникомъ и умеръ въ этомъ саду магараджи Ахмета.

Утромъ 23-го февраля я покидалъ Бенаресъ. Поѣздъ несъ меня черезъ желѣзный мостъ и въ окна вагона я еще разъ увидалъ, теперь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ и голубой прозрачный Гангъ, и длинную перспективу мутныхъ тонами характерныхъ зданій Бенареса съ возвышающимися двумя стройными минаретами мечети Аурунгзебе... На немъ, какъ и третьяго дня, были толпы совершающихъ омовеніе индусовъ и браминовъ, да вдали полоса темнаго дыма медленно поднималась къ небу, то сожигали умершаго на берегу рѣки . . . .

Какъ! воскликнетъ читатель, — и это все о Бенаресѣ! Это все о чудесахъ Индіи, о факирахъ, которые могутъ умереть на время и потомъ воскреснуть, которые не подчинены законамъ притяженія земли, которымъ повинуются змѣи!

Видалъ я и факировъ.

Одинъ худой старикъ у храма Монкей при мнѣ вынулъ изъ мѣшка съ полдюжины змѣй и обвился громадной копрой, лежавшей мирно у его ногъ. Зеленыя и черныя змѣйки въ его рукахъ извивались, высовывали тонкіе, черные раздвоенные язычки, касались его обнаженной груди. Онъ не удовольствовался этимъ и



Философъ Шри-Свами-Баскарандъ-Сарасвати

съ видомъ балаганнаго фокусника вынулъ изъ мѣшка двухъ скорпіоновъ, поднявшихъ хвосты и бросилъ ихъ къ моимъ ногамъ. Потомъ со змѣями подошелъ ко мнѣ и сталъ слезливо вымаливать: „ту рупи“ (двѣ рупіи) — я далъ ему восемь аннъ и онъ остался доволенъ. Змѣи были безъ зубовъ, скорпіоны съ обломленными жалами.

Но я искалъ факировъ. Я спрашивалъ возницу, гидовъ отеля и, наконецъ, нашелъ возлѣ золотого храма проводника, обѣщавшаго мнѣ показать прекрасныхъ факировъ. Я пошелъ за нимъ. Долго водилъ онъ меня тѣсными и грязными улицами,

поднимался со мною по крутымъ ступенямъ, наконецъ, вывелъ на высокій обрывъ надъ Гангомъ. Тамъ, подлѣ маленькаго храма Будды, на землѣ сидѣлъ худощавый человѣкъ и тупо смотрѣлъ по сторонамъ. Подлѣ него была широкая обыкновенная индійская постель, ложе которой состояло изъ досокъ съ часто набитыми на нихъ гвоздями остріями вверхъ. Проводникъ сказалъ ему что-то и „факиръ“ неохотно поднялся, подошелъ къ постели и усѣлся на ней съ ногами къ изголовью. Лицо его не выражало страданья, онъ только поводилъ глазами со стороны на сторону. Гвозди постели были достаточно тупы, а кожа факира тверда и ни одной царапины не было на тѣлѣ факира. Это не было чудомъ и я пожелалъ видѣть больше.

„Оль рэйтъ“, сказалъ проводникъ и мы снова начали колесить по безконечному лабиринту прибрежныхъ улицъ. Наконецъ, возлѣ пристани нашлось два чернобородыхъ навязчивыхъ субъекта, выдававшихъ себя за факировъ. Одинъ притащилъ тяжелую гирю, другой металлическій тазъ съ водою и оба набивались поднять эти вещи, вѣсомъ не болѣе полупуда, зубами на воздухъ. Такія и даже большія чудеса можно видѣть въ любомъ циркѣ. Я махнулъ рукою и пошелъ отъ нихъ.

Можетъ быть, думалъ я, я найду чудеса во дворцѣ магараджи, можетъ быть тамъ я на яву увижу царственную роскошь востока, воскрешу сказки тысячи и одной ночи.

Дворецъ стараго магараджи Визіанаграмъ, расцвѣтъ царствованія котораго относится къ шестидесятымъ годамъ истекшаго столѣтія, находится между гостинницей и храмомъ обезьянъ. Это большое двухъ-этажное зданіе съ открытымъ каменнымъ балкономъ въ индійско-мавританскомъ стилѣ. Передъ нимъ за каменной оградой разбитъ цвѣтникъ, въ которомъ между ароматныхъ цвѣтовъ растутъ кусты, остриженные въ видѣ слоновъ и тигровъ. Вдоль стѣнъ идутъ чистыя бѣлыя службы. У воротъ часовой въ хаки, красной чалмѣ, но съ курковымъ шестилинейнымъ ружьемъ, взялъ на плечо, а послѣ моего проѣзда спокойно поставилъ ружье въ нишу воротъ и сталъ прогуливаться, меланхолично щелкая кожаными туфлями, одѣтыми на босу ногу.

Привратникъ въ чаяніи бакшиша охотно повелъ меня показывать дворецъ. Грустное впечатлѣніе произвела на меня пестрая смѣсь лубочной европейской обстановки на фонѣ индійскихъ стрѣльчатыхъ оконъ и колонокъ.

Въ среднемъ полутемномъ залѣ лежали дешевые англійскіе

ковры, стояла золотая мебель, обитая краснымъ штофомъ, а на стѣнахъ между портретами магараджи Визіанаграма, его пріятелей магараджи Непальскаго и другихъ правителей фиктивныхъ княжествъ, висѣли портреты принца Уэльскаго, литографіи формъ англійской кавалеріи шестидесятыхъ годовъ, охотничьи сценки въ узенькихъ багетахъ подъ стекломъ. Рядомъ была карточная, маленькая гостиная, все по-европейски убранныя комнаты, наверху столовая и только спальня магараджи и его женъ, гдѣ вмѣсто постелей стояли низкія альги съ плетеными изъ тесьмы широкими рамами ложа, только въ башенкѣ съ каменнымъ поломъ, гдѣ былъ бассейнъ для омовеній и передъ спальной, гдѣ лежалъ индійскій коверъ удивительной мягкости, было что-то мѣстное, свое, незаимствованное, не перенятое.

Но чудесъ не было.

Вечеромъ, прощаясь съ Бенаресомъ и глядя, какъ удивительными, необычными силуэтами рисовались его башни на розовомъ закатѣ, какъ тихо угасалъ легкій шорохъ его улицъ и замирала протяжная унылая мелодія въ стѣнахъ стараго дворца, я понялъ, что въ Индіи есть чудеса.

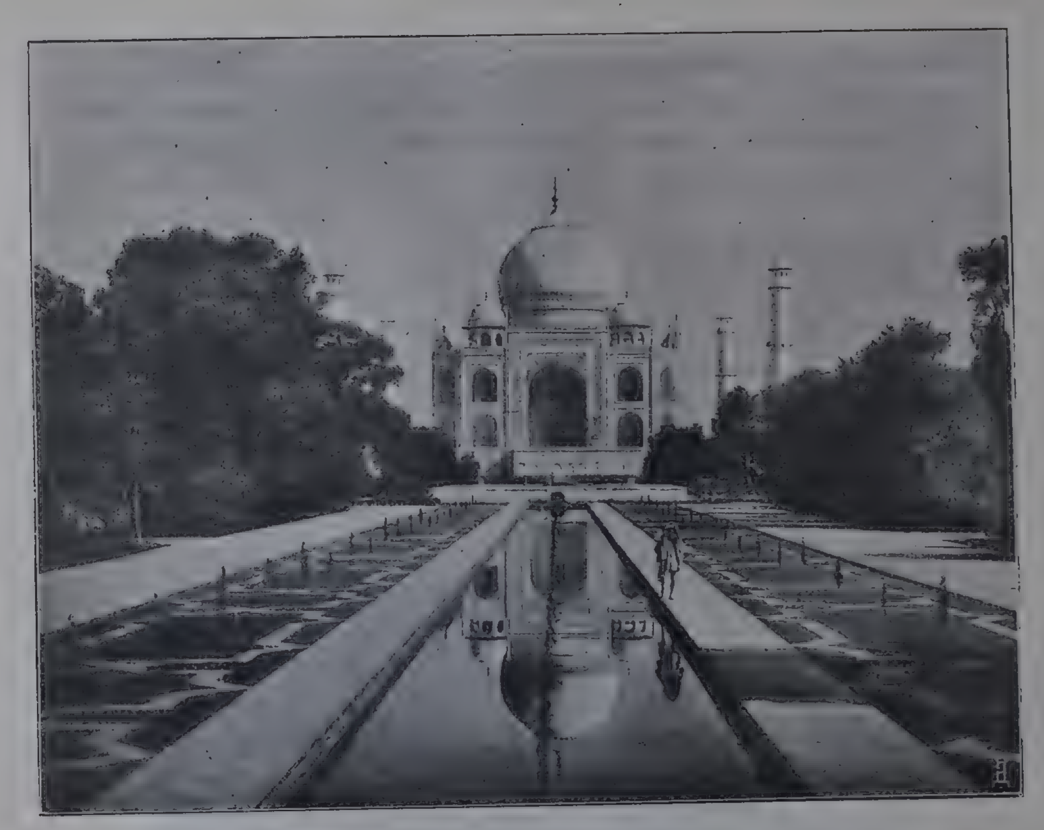
И первое чудо ея — это удивительная гармонія между природой и людьми, гармонія красокъ и цвѣтовъ растеній, земли, птицъ и животныхъ съ архитектурными мотивами ея построекъ, второе чудо это жизнь, которая тихо текла много вѣковъ тому назадъ и которая и нынѣ проходитъ передъ нами такая же тихая и спокойная, ничѣмъ не волнуемая. И третье чудо я увидалъ въ Агрѣ черезъ день, когда передо мною на яву проходили чудеса тысячи и одной ночи, когда передъ трезвыми и ясными очами моими, вдругъ, какъ передъ зачарованнымъ Синдбадомъ, или Лораномъ принцессы Грезы развернулась декорація сказочнаго міра волшебной Индіи...

Индія не ярка и не пестра лубочными красками, рѣтущей глазъ смѣсью сурика, кобальта, индиго и охры, какъярокъ и пестръ Китай, она не щеголяетъ вычурностью построекъ и природы—крошечными курами и людьми, большими деревьями, Буддуами—великанами, какъ Японія—она вся выдержана въ мутныхъ, такъ называемыхъ „дикихъ“ тонахъ и обрамлена богатой зеленью, яснымъ голубымъ небомъ и пестрыми птицами и это и чудо ея великолѣпіе и можетъ быть и есть чудеса иного толка, можетъ быть сверхъестественное и живетъ въ Индіи — я не видалъ его, и, какъ христіанинъ, скажу, что я не вѣрю, чтобы оно было и могло быть.

Помню, при мнѣ никогда не удавались чудеса нашихъ спиритовъ и медіумовъ, и можетъ быть по той-же причинѣ, моего анализа и недовѣрчивой развѣдки, мнѣ не припало видѣть и чудесъ факировъ.

Бенаресъ, 23 февр. 1902 г.

Дворецъ Непальскаго раджи въ Бенаресѣ.



Таджъ-Магалъ (мечта въ мраморѣ) въ Агрѣ.

LV.

Агра.

Въ мусульманской Индіи.—Объ индусахъ.—Агра-фортъ.—Таджъ-Магалъ.—Секундра—Могила Императора Акбара.—Дворецъ Шаха Джехана.—Жемчужная мечеть.—Городъ Агра.

Въ Mochal Sarai я перемѣнилъ вагонъ, сѣлъ въ поѣздъ East Indian-Railway, направлявшійся на сѣверо-западъ, и понесся по долинѣ р. Джумны. Опять стали мелькать мимо меня поля и рощи, прекрасныя шоссе, обсаженныя тамариндами, гигантскіе баніаны, мимозы, юкки и кактусы, посаженные вмѣсто изгородей. Иногда среди сѣрой безцвѣтной пустыни виднѣлся бѣлый кубъ съ толстымъ куполомъ мечети, или высокій и узкій куполъ браминскаго храма. Подлѣ торчалъ шестъ, съ котораго спускался длинный красный флюгеръ. У Аллагабада мы пересѣкли Гангъ.

Вдали показался городъ, стѣны, зубцы, дома, стоящіе одинъ надъ другимъ, высокіе шпили минаретовъ и тонкія колонки куполовъ надъ рѣкою. Потомъ за Cawnpr'омъ мы понеслись по настоящей пустынѣ. Сѣрая пыль, рощи чахлыхъ мимозъ, изрѣдка жидкія поля пшеницы или риса и только вдоль желѣзнодорожнаго пути въ канавѣ была густая заросль кустовъ и деревьевъ. Но эта пустыня была полна особенной великолѣпной жизни. Жизни сказокъ. Вотъ изъ подъ кустовъ мимозъ въ небольшую сухую траву идутъ степенно три дикіе павлина. Темносинія блестящія шеи, длинные пышные хвосты такъ красиво, такъ волшебно рисуются среди травы и пустынной природы. Стадо желтосѣрыхъ обезьянъ медленно крадется въ густой заросли у желѣзнодорожнаго пути, ярко-голубыя птицы порхаютъ съ вѣтки на вѣтку и зеленые попугаи то носятся въ воздухѣ, то рядами садятся на телеграфную проволоку. Зеленыя, голубыя и синія птицы, обезьяны въ лѣсу, развѣ это не сказка Шехеразады для насъ, бѣдныхъ сѣверянъ, которыхъ красногрудый снѣгирь трогаетъ до слезъ, а заяцъ, выскочившій на прогулкѣ въ лѣсу, составляетъ тему разговора на недѣлю?!..

Красивые храмы, высокіе дома Бенареса и Аллагабада; тамъ и сямъ виднѣющіяся на пути развалины, не говорятъ-ли вамъ, что здѣсь когда-то иначе текла жизнь, что изъ оконъ дворцовъ узкой и пестрой полосой свѣшивались ковры, что здѣсь звенѣли пѣсни и красавицы востока покоряли сердца властелиновъ, покорителей міра. Куда-же дѣлись потомки этого народа, имѣвшаго свой придворный этикетъ, хранившаго свои обычаи, свои правила, народа художника-строителя, исповѣдывавшаго гуманную религію. Неужели они, эти потомки, сидятъ теперь на запяткахъ у англичанъ, неужели они бѣгаютъ хлопая руками по голому голодному животу и вымаливаютъ у проѣзжихъ по четверти и полкопѣйки?..

Да, это они . . . .

Вглядитесь пристально въ манеры, въ бытъ, въ способности этихъ несчастныхъ дикарей.

Всякое дѣло имъ понятно, всякое дѣло у нихъ спорится. Вы наняли слугу, показали ему ваши вещи и онъ навсегда запомнилъ ихъ и не ошибется, что приготовить вамъ, какъ снарядить васъ, онъ изучитъ въ одинъ день ваши привычки и будетъ вамъ усердно угождать. Народъ рабъ, говорите вы—вѣковая привычка угождать и раболѣпствовать. Но вотъ вы идете съ дамой по какой нибудь кручѣ, посмотрите, какимъ жестомъ пока-

жетъ проводникъ путь вашей дамѣ. Французскій придворный временъ короля солнца не сдѣлалъ-бы это изящнѣе. Если вы путешествуете съ дамой, въ каждомъ отелѣ, въ каждомъ саду или храмѣ къ вашей спутницѣ непремѣнно пойдетъ садовникъ и поднесетъ ей букетикъ розъ или какихъ нибудь пахучихъ экзотическихъ цвѣтовъ. Конечно, это дѣлается ради бакшиша, но кто-же подсказалъ эту улыбку, кто научилъ цѣнить цвѣты и сопоставлять грацію и ароматъ цвѣтка съ изяществомъ женщины? Войдите въ самую босую толпу. Босую мало сказать—здѣсь всѣ босые, войдите въ самую голую толпу—ни запаха, ни толкотни, никто васъ не задѣнетъ, всякій дастъ дорогу. Въ толпѣ вы видите гирлянды цвѣтовъ на шеѣ у мущинъ, вы видите пестрыя монисто, обручи на ногахъ и рукахъ у женщинъ. А эти строгія драпировки матерій, платковъ, это умѣнье накинуть рваную тряпку, это достоинство во взорѣ, свободная поступь—не говоритъ-ли это все, что дѣды этого народа умѣли жить иначе, что они понимали толкъ въ красотѣ. Съ грустью надо сознаться, что пѣсня Индіи спѣта, она никогда не возродится. Этотъ народъ кончилъ свою жизнь и медленно и красиво умираетъ. Смолоду привыкли мы думать, что англичане давятъ Индію, что это ихъ вина, что индусы мрутъ и отъ чумы, и отъ голода. Но мнѣ казалось, когда я проѣзжалъ мимо индусскихъ деревень и глядѣлъ на поля, посѣянныя на истощенной мертвой землѣ, производившей такъ много, такъ долго и уже уставшей производить — мнѣ казалось, что англичане, давая работы, возобновляя и поддерживая храмы, имѣя всѣхъ служащихъ желѣзной дороги индусовъ, имѣя всюду мелкими чиновниками, рабочими индусовъ-же,— что этимъ они еще поддерживаютъ немного ихъ, даютъ имъ пропитаніе. Если-бы богатства Индіи отдать самимъ индусамъ — они уже не съумѣли-бы ихъ извлечь. Ихъ государственный интересъ ослабѣлъ. Вѣка, проведенные властителями Индіи въ сказочной роскоши и въ развратѣ истомили лучшую кровь индусскаго дворянства и она уже не въ состояніи подняться и дать изъ своей среды что-либо мощное, способное на борьбу. То тутъ, то тамъ въ Индіи вспыхиваютъ мятежи, солдаты туземныхъ полковъ не имѣютъ ружей на рукахъ, но мятежниковъ усмиряютъ родные братья и полки сипаевъ посылаются противъ афридіевъ. Туземные полки, гордость англичанъ, ихъ опора въ Индіи, составлены изъ умершаго народа. Въ солдатахъ нѣтъ воли не только завоевать себѣ жизнь, но и жить. А солдатъ безъ пыла, безъ желѣзной воли—это уже солдатъ только наполовину.

По Индіи не звучатъ пѣсни. Деревни, улицы городовъ не оглашаются пѣніемъ. Молча сидитъ за работой индусъ, молча работаютъ въ полѣ, молча проводятъ праздники. Народъ, который не поетъ, какъ ребенокъ, который не кричитъ, жить не станетъ.

Такія мысли шли мнѣ въ голову подъ мѣрный стукъ колесъ вагона. Въ вагонѣ ярко горѣли газовые огни, было менѣе душно и въ растворенныя съ обѣихъ сторонъ окна глядѣла непроглядная черная ночь. Въ 11 часовъ вечера въ Tundla была пересадка и въ 12 час. 20 мин. ночи я подъѣхалъ къ Agra-fort. Черезъ четверть часа ѣзды въ каретѣ, я за 6 рупій со всѣмъ продовольствіемъ устроился въ чистомъ англійскомъ отелѣ Метрополь, верстахъ въ двухъ отъ стариннаго форта. И на разсвѣтѣ слѣдующаго дня я уже осматривалъ удивительныя красоты построекъ Агры.

Если Бенаресъ увлекателенъ своею буддійскою стариною, если онъ говоритъ вамъ про исторію давно прошедшихъ временъ, когда здѣсь мощно бился пульсъ индійскаго царства, то Агра, расположившаяся въ низкой долинѣ рѣки Джумны повѣствуетъ вамъ о среднихъ вѣкахъ Индіи, о расцвѣтѣ мусульманства, о великихъ полководцахъ и завоевателяхъ Индійскаго полуострова. Въ Бенаресѣ все было классически просто—въ Агрѣ роскошь востока, смѣсь арабской учености, персидской изнѣженности, мусульманскаго фанатизма.

Агра состоитъ изъ „форта Агры", громаднаго укрѣпленія полигональной формы, со рвами, подъемными мостами, высокими зубчатыми стѣнами, иногда тянущимися въ три ряда, съ круглыми башнями по угламъ и по серединѣ стѣнъ, съ обороной рвовъ и фланкируемыми фасами. Эта постройка, занятая англичанами, даже и теперь достаточно солидна, чтобы противустоять полевымъ орудіямъ. Конечно, противъ правильной осады современными пушками она не устоитъ и въ общемъ это только красивая игрушка. Но устройству стѣнъ позавидовалъ бы маршалъ Вобанъ, а между тѣмъ фортъ Агра построенъ задолго до него—въ 1566 году при Императорѣ Акбарѣ, воинственномъ властителѣ Пенджаба, называемомъ въ англійскихъ гидахъ—Наполеономъ Индіи. У подножія крѣпости раскинулся туземный городъ Агра, еще дальше, утопая въ садахъ и паркахъ, между которыми проложены широкія, освѣщенныя шарообразными изящными фонарями шоссе — стоятъ дома „бунгалоу" англичанъ—кантонементъ Агра... Еще дальше пустынныя поля, рощи деревъ,

маленькія деревушки и въ 8-ми миляхъ мѣстечко Sekundra, гдѣ покоится, окруженный развалинами древней Агры, создатель форта, знаменитый султанъ Акбаръ...

. . . .

Есть вещи, описать которыя почти невозможно. Не хватаетъ словъ, чтобы вызвать соотвѣтствующія представленія, да и самыя представленія столь отличны отъ того, что мы видѣли и что мы привыкли видѣть, что словами не вызовешь достаточно ясной картины. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ и Таджъ-Магалъ—могила-храмъ, помѣщающаяся недалеко отъ форта Агры. Въ англійскомъ путеводителѣ по Индіи [1]) Таджъ-Магалъ названъ—*грезой въ мраморѣ* и едва-ли это не самое вѣрное опредѣленіе ея необычности, сказочности ея красоты.

Уже подъѣзжая, вы чувствуете, что восточный художникъ съ особенною любовью отнесся къ своему произведенію, онъ искалъ широкаго горизонта, много воздуха для полной картинности творенія, чтобы тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на воображеніе зрителя. Таджъ-Магалъ стоитъ одинъ среди пустыни песковъ, полей и кустарниковъ. Тамъ, гдѣ рѣка Джумна дѣлаетъ изгибъ и намыла небольшой обрывъ, въ исходящемъ углу этого изгиба воздвигнута обширная каменная площадь; четверо воротъ-павильоновъ, по одному съ каждой стороны, ведутъ за зубчатую ограду. Павильоны состоятъ изъ громадныхъ стрѣльчатыхъ дверей, башенокъ и восьмигранныхъ колонокъ, уходящихъ въ небо. Они сдѣланы изъ краснаго камня съ художественной инкрустаціей по нему бѣлымъ, чернымъ и желтымъ мраморами. Рисунокъ такъ чистъ, а размѣры каждой отдѣльной части этихъ часовенъ такъ пропорціонально художественны, что не вѣрится, что эта постройка сдѣлана въ 1648 году. Но едва вы входите черезъ мѣдныя ворота во дворъ, мощеный мраморными плитами, какъ вы невольно останавливаетесь, не вѣря своимъ глазамъ, въ восторгѣ отъ необычной гармоніи и красоты открывшагося передъ вами памятника. Въ огромныя стрѣльчатыя ворота храмъ видѣнъ весь съ окружающимъ его садомъ, каналами, басейномъ и фонтанами со всѣми причудами, на какія только способенъ арабъ, житель востока, житель сказочной Индіи. Въ рамѣ громадныхъ зеленыхъ деревъ, надъ которыми тамъ и тамъ подымаетъ тонкій стволъ пальма и разсыпаетъ куполомъ перистые ажурные листья, на фонѣ темносиняго глубокаго неба вы видите бѣлый, какъ снѣгъ храмъ. Онъ

[1]) Taylors Illustrated Guide to India. Calcutta.

весь изъ джапурскаго мрамора, вдоль его портиковъ, по четыремъ башнямъ—минаретамъ, поставленнымъ по угламъ квадратнаго основанія проложены полоски чернаго, зеленаго и краснаго мрамора. Эта инкрустація то обозначаетъ совершенно правильные швы мраморныхъ плитъ, то квадратомъ характерныхъ арабскихъ письменъ съ длинными зигзагами красиво выведенныхъ хвостовъ буквъ окружаетъ красивый входъ, то, наконецъ, чуднымъ орнаментомъ, изображающимъ цвѣты и листья лежитъ въ углахъ между верхомъ четыре-угольнаго портика и округлостями вписанной въ него стрѣльчатой арки воротъ. Ворота, карнизъ громаднаго купола, колонки, поддерживающія четыре малыхъ купола, ярусы минаретовъ, переплетъ мраморныхъ оконъ—все покрыто тонкой художественной рѣзьбой. Это не работа каменьщика, не работа скульптора—это тонкая рѣзьба ювелира. Восемнадцать лѣтъ, съ 1630—1648 годъ на этомъ мѣстѣ работали лучшіе индійскіе художники и создали—„грезу въ мраморѣ". И внутри храма только мраморъ. Однѣ плиты стѣнъ покрыты художественно сдѣланными цвѣтами лилій и розъ изъ цвѣтнаго камня на другихъ тѣ же лиліи высѣчены изъ чистѣйшаго мрамора. Отъ храма черезъ богатый садъ, многія деревья котораго насажены болѣе 400 лѣтъ тому назадъ, идетъ каналъ съ цѣлымъ рядомъ фонтановъ. По серединѣ канала сдѣлана площадка изъ мраморныхъ плитъ и передъ нею бассейнъ, въ которомъ цвѣтетъ таинственный цвѣтокъ Будды—лотосъ.

Сквозь ажурныя мраморныя ворота входишь внутрь храма. Тамъ таинственный полумракъ. Подъ громаднымъ куполомъ стоитъ четыреугольный мраморный ящикъ, весь покрытый тончайшей художественной рѣзьбой. Это могила Аржаманды-Бену-Бегумъ, любимой жены шаха Джехана.

Индусъ привратникъ въ бѣлой одеждѣ подвелъ меня къ этому памятнику и мы остановились. Я въ нѣмомъ восторгѣ передъ чистотою рисунка, онъ, можетъ быть, въ святомъ умиленіи передъ величіемъ шаха Джехана, можетъ быть въ чаяніи хорошаго бакшиша.

— „Алла!" воскликнулъ онъ протяжно и долгимъ таинственнымъ призывомъ переливали и звенѣли мраморныя стѣны громаднаго купола, дрожа и медленно замирая. Казалось, этотъ голосъ звалъ прекрасную Аржаманду возстать изъ мраморныхъ кружевъ коробки, ее окружающей и явиться міру во всей ея восточной красотѣ.

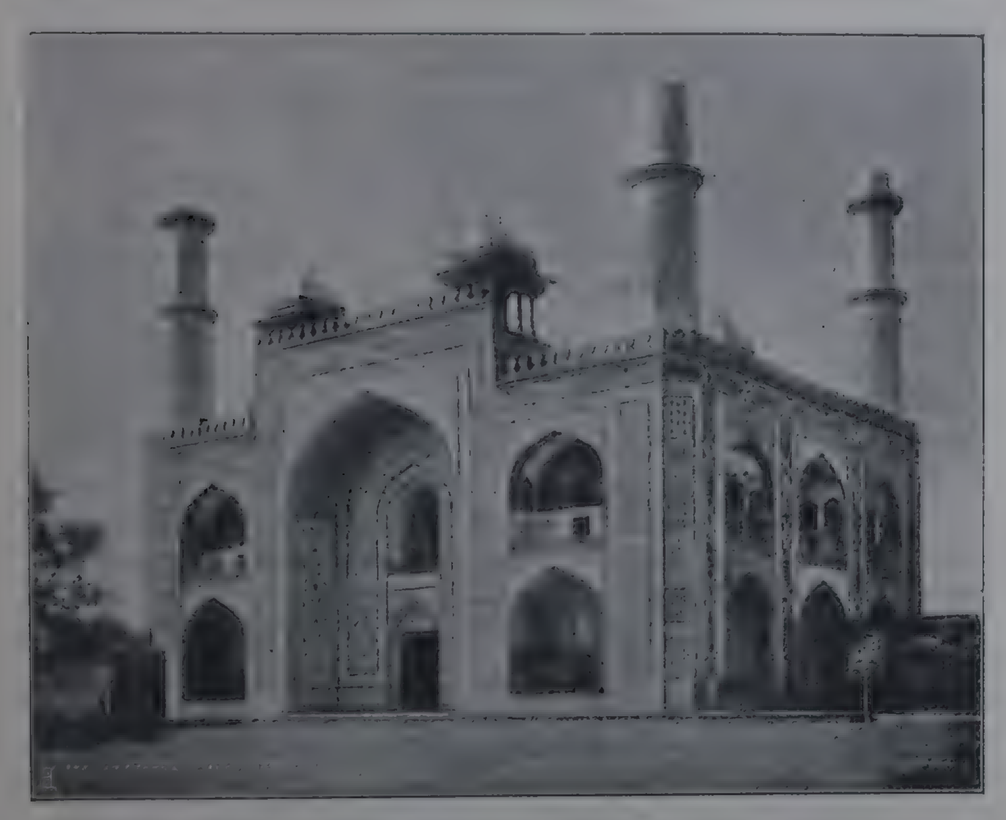
Я вышелъ изъ храма, прошелъ къ красному каменному пор-

тику и поднялся на башню минарета. Въ темныхъ корридорахъ лѣстницъ сотнями висѣли летучія мыши. Испуганныя звукомъ моихъ шаговъ онѣ съ легкимъ пискомъ стремились вылетѣть и мягкими бархатистыми крыльями задѣвали меня за лицо. На верху, на зубчатыхъ стѣнахъ, окружающихъ памятникъ, на куполахъ минаретовъ сидѣли орлы. Зеленые попугаи съ веселымъ пискомъ кружились надъ садомъ, перелетали съ дерева на дерево, цѣплялись за мраморный карнизъ храма и чудными ярко зелеными пятнами ложились на его свѣтломъ бѣломъ фонѣ.

И, когда я выходилъ изъ мечети Таджъ-Магалъ я невольно остановился въ дверяхъ портика и замеръ въ восторженномъ созерцаніи. Греза въ мраморѣ, чудеснѣйшая декорація изъ самой волшебной изъ необычныхъ сказокъ далекаго востока, стояла предо мною наяву. Въ блестящемъ голубомъ прозрачномъ небѣ таяли мягкія очертанія бѣло-мраморныхъ куполовъ съ золотыми шпилями минаретовъ и они были такъ-же воздушны, какъ самъ небосклонъ, вся мечеть была на фонѣ неба, потому что́ она стояла на обрывѣ и за обрывомъ были Джумна и низменная пустыня на много верстъ. Если Аржаманда была прекрасна, какъ можетъ только быть прекрасна женщина, перлъ Созданія—то памятникъ ей также прекрасенъ. Это одно изъ удивительнѣйшихъ чудесъ Индіи—это полная гармонія линій, размѣровъ и красокъ съ окружающимъ небомъ и садомъ. Поставьте этотъ прелестный памятникъ магометанскаго зодчества подъ сѣрое холодное небо Европы и онъ пропадетъ. Его снѣжной бѣлизнѣ необходимо сіяніе вѣчно голубого неба и вѣчная зелень деревьевъ, покрытыхъ цвѣтами. И Таджъ-Магалъ волшебенъ только тогда, когда вокругъ него поютъ и чирикаютъ веселыя птицы и стаи попугаевъ изумрудными точками носятся среди зелени и отдыхаютъ на мраморѣ удивительныхъ стѣнъ. Ему нужны эти темныя женщины Индіи, эти длинные платки и шали, прозрачными складками ниспадающіе на темную кожу плечей и груди, ему нужны эти пестрыя юбки изъ шелка, эти ноги и руки, сверкающія золотомъ и серебромъ запястій. Ему нужны громадные пурпурные цвѣты мальвъ, ароматъ розъ, благоухающихъ въ обширныхъ цвѣтникахъ, ему нужно пѣніе птицъ, сверканье летающихъ попугаевъ и величественный клекотъ многочисленныхъ орловъ. Безъ этой обстановки Таджъ-Магалъ, какъ бриліантъ безъ оправы, какъ конь безъ выѣздки, какъ женщина безъ красы, какъ солдатъ безъ храбрости! На безконечномъ горизонтѣ неба храмъ кажется маленькой игрушкой, а онъ немногимъ меньше Исаакія—такова сила гармоніи

линій и полной пропорціональности частей архитектурнаго творенія.

Изъ этого храма по пыльному шоссе, минуя нарядный фортъ Агры, я проѣхалъ на могилу знаменитаго императора Акбара— этого восточнаго Наполеона. Могила лежитъ среди обширной



Могила Акбара въ Секундрѣ.

равнины запаханныхъ полей, пальмовыхъ, тамариндовыхъ и мальвовыхъ рощъ. За крѣпостной зубчатой оградой, къ которой примыкаютъ громадные слоновые сараи, въ серединѣ большого запущеннаго сада съ каменными дорожками воздвигнуто обширное красное зданіе. Это громадный каменный квадратъ, украшенный узорами изъ цвѣтного мрамора. На его плоской крышѣ поставлена галлерея изъ цѣлаго ряда колоннокъ, соединенныхъ легкими висячими сводами, надъ этой колоннадой еще одна меньшихъ размѣровъ, надъ нею третья, еще меньшая и на этой мень-

шей четвертая, вся изъ рѣзного бѣлаго мрамора. Тамъ на полу изъ шахматныхъ бѣлыхъ и черныхъ плитъ стоитъ гробница подъ открытымъ небомъ. Это лучшій мраморъ Италіи, привезенный много лѣтъ тому назадъ на маленькихъ судахъ съ косымъ остроконечнымъ парусомъ изъ далекой Европы. По мраморнымъ плитамъ сдѣлана рѣзьба, зигзаги арабскихъ письменъ повторяютъ святые стихи корана. Надъ могилой въ мраморномъ жезлѣ, претворяя лучи солнца въ нестерпимый блескъ, стоялъ когда-то гигантскій Коинуръ, великолѣпнѣйшій бриліантъ міра. Но самое тѣло владыки востока, Акбара, покоится не подъ этимъ чуднымъ саркофагомъ, а внизу, въ землѣ. Тамъ подъ громаднымъ куполомъ, образованнымъ этими четырьмя ярусами галлерей, поставленныхъ одна на другую, на плитномъ полу мечети стоитъ такой-же мраморный ящикъ и въ немъ лежитъ въ драгоцѣнныхъ доспѣхахъ завоеватель Индіи—Акбаръ. И тотъ-же эфектъ звуковой волны, то же торжественно звучащее и медленно замирающее „Алла“ раздается чудеснымъ призывомъ подъ сводами Акбаровой могилы.

Но молчатъ окрестныя долины. Съ вершины храма видна пустыня, виденъ изгибъ голубой Джумны и ширь полей... Мраморные минареты главнаго входа обвалились, краски инкрустаціи, драгоцѣнные камни вставокъ выпали и потухли. И только кое-гдѣ, возобновленный по приказанію англичанъ рисунокъ сверкаетъ золотомъ, индиго, и другими богатыми красками индійскаго орнамента.

Эта мѣстность носитъ названіе Секундры. Кругомъ видны развалины. Вотъ вилла раджи, въ два этажа съ башнями, со многими комнатами и залами, съ уцѣлѣвшими барельефами плодовъ и цвѣтовъ по стѣнамъ, съ тонкими, витыми колонками зала, а рядомъ его мечеть съ тремя упавшими, обратившимися въ прахъ, куполами. Вотъ остатокъ стѣнки форта, аркады лавокъ и домовъ и между ними бѣдныя грязныя хижины современныхъ индусовъ.

Еще дальше темныя, грязныя развалины, колонны, купола, стѣнки, гробницы. Вотъ каменная лошадь выдалась изъ земли, за нею видны остатки храма, вонъ посреди засѣянныхъ рисомъ полей стоитъ какая-то колоннада, прикрытая куполами. Что было тутъ, какая роскошь камня, изящныхъ линій, блескъ ковровъ, сверканье тканей, когда съ поля на поле, отъ одного баніана къ другому, съ вышки на вышку звучалъ торжественный призывъ: „Хвала Богу, властителю вселенной, милосердному, милостивому,

владыкѣ дня суда, дня воздаянія". Эта молитва звучала надъ всей округой и отдавалась въ многогранныхъ башенкахъ Аурунгзебской мечети въ Бенаресѣ и оттуда неслась дальше по всему магометанскому востоку...

Тогда, въ эти дни, за тремя стѣнами, за валами и рвами съ подъемными мостами, внутри форта Агры жилъ потомокъ Акбара, преемникъ Джегангира — славный Шахъ Джеханъ. Въ Агрѣ и по наши дни сохранилась его Жемчужная мечеть, вся сдѣланная изъ бѣлаго мрамора и пышный его дворецъ.

Старикъ индусъ, въ громадномъ тюрбанѣ съ длинной сѣдой бородой, магометанинъ, какъ большинство жителей Агры, говорящій на ломаномъ англійскомъ языкѣ, повелъ меня по безконечнымъ заламъ, волшебнымъ садамъ, бассейнамъ для омовеній, купальнямъ и гаремамъ дворца восточнаго владыки.

Дворецъ раздѣленъ на двѣ отличныя другъ отъ друга части — магометанскую, арабскую — всю изъ мрамора, со строгимъ рисункомъ инкрустацій, округлыми куполами и широкими плоскими крышами и на индійскую часть, гдѣ преобладаетъ тонкая высѣчка изъ темно-краснаго камня, богатые орнаменты золотомъ и краской. Проводникъ показывалъ мнѣ и пріемныя залы, гдѣ на возвышеніи изъ мрамора на шелковыхъ подушкахъ сидѣлъ владыка Индіи, а любимая жена его, окруженная богато одѣтыми женщинами гарема, смотрѣла на церемонію сквозь тонкія рѣзныя мраморныя рѣшетки оконъ; онъ показывалъ мнѣ и павильонъ, весь выложенный драгоцѣнными камнями, съ тонкими рѣшетками, высокимъ куполомъ и углубленіями въ камняхъ, въ которыя можно засунуть руку по кисть. Здѣсь въ этомъ павильонѣ спала прелестная Аржаманда-Бену-Бегумъ, а въ каменныя ямки она складывала драгоцѣнные уборы, которыхъ было такъ много, что ямки заполнялись до верха. Передъ павильономъ была мраморная купель, которая наполнялась водой и въ ней въ жаркіе дни, подъ опахалами изъ громадныхъ перьевъ павлина, нѣжилась красавица востока. Проводникъ показывалъ мнѣ длинную галлерею надъ дворомъ, посыпаннымъ пескомъ. Этотъ дворъ заполнялся водою, въ него пускали живыхъ рыбъ и шахъ Джеханъ, его министры, прелестная Аржаманда и штатъ придворныхъ женщинъ удили рыбу въ своихъ залахъ... Я видѣлъ всѣ тайники крошечныхъ комнатъ гарема, когда-то полныхъ цвѣтными плѣнницами, видѣлъ площадку, на которой танцовали одалиски, видѣлъ сады розъ, гдѣ порхали попугаи и райскія птицы, видѣлъ храмы, видѣлъ бесѣдку, съ которой от-

крывался видъ на Джумну и на блестящій бѣлый Таджъ-Магалъ; въ этой бесѣдкѣ, наблюдая за сооруженіемъ памятника, скончался шахъ Джеханъ. Мнѣ показывали большой черный камень, на которомъ казнили важныхъ заговорщиковъ и даже потоки крови на немъ (?).

Все отлично сохранилось. Мѣстами индусы, по приказанію англичанъ, возобновляютъ богатую золотую и красочную инкрустацію, реставрируютъ богатые рисунки востока.

И подъ мѣрный говоръ старика-индуса, подъ шелестъ его загнутыхъ кверху туфель, исторія былыхъ дней Агры вставала предо мной. И видѣлъ я на бѣломъ мраморѣ залъ, между рѣзными столбами и столбиками, у оконъ и площадокъ пышныя ткани индійскихъ шелковъ, ковры, шкуры тигра и леопарда, золото уборовъ, камни ожерелій и запястій и красоту едва прикрытаго тѣла женщинъ. Я видѣлъ праздники, которые слѣдовали одинъ за другимъ, видѣлъ это общее уженье рыбы, видѣлась мнѣ на полу многограннаго павильона, еле освѣщенная трепетнымъ блескомъ лампадъ, красавица Аржаманда, когда въ кругу своихъ подругъ она играла самоцвѣтными камнями и золотыми обручами браслетовъ, а потомъ прятала ихъ въ каменныя ямки толстыхъ стѣнъ.

Слышались мнѣ протяжные призывы муэззиновъ съ Жемчужной Мечети и длинная процессія министровъ, царедворцевъ и женщинъ, спускающаяся изъ дворца на прямоугольныя плиты открытой мечети...

Крутошеистые арабскіе кони, покрытые чепраками съ изумрудомъ, рубинами и брилліантами въ драгоцѣнныхъ оголовьяхъ топчутъ землю въ ожиданіи похода, быстраго набѣга, новаго завоеванія... Но тщетно... Владыка Индіи сидитъ мрачный и согбенный на подушкѣ, въ павильонѣ, уступомъ свѣсившемся надъ крѣпостной стѣною у рѣки Джумны... Прелестной Аржаманды нѣтъ — она умерла. Умерла ея неземная красота, умеръ кумиръ... Дикъ и грозенъ шахъ Джеханъ. Страшны его приказы. Аржаманда, красавица востока, должна жить вѣчно! И вотъ создается Таджъ Магалъ — вѣчная красота. Какъ бѣло было тѣло Аржаманды, такъ бѣлъ мраморъ памятника, какъ изящны и стройны были изгибы ея тѣла — такъ изящно сочетаніе линій и красокъ этого сказочнаго храма-памятника.

— Великъ Богъ земли и Магометъ его пророкъ!!... Въ знойные дни, когда небо становится густого синяго цвѣта, а воздухъ дрожитъ, мрачный сидитъ шахъ Джеханъ и глядитъ на голубую

ленту Джумны, на пустынные ея берега, на зеленые сады и бѣлую грезу въ мраморѣ. И когда прохладная ночь смѣнитъ душный день и серебряная луна засверкаетъ между чудеснымъ Оріономъ съ его поясомъ Венеры и ослѣпительнымъ Сиріусомъ, а большая Медвѣдица низко нагнется на небосводѣ, кругомъ затрещатъ немолчные цикады, а пряный ароматъ акацій, тамариндовъ и розъ будетъ кружить голову, тогда Таджъ Магалъ — греза въ мраморѣ станетъ такой великолѣпной. Живо вспомнитъ тогда, любуясь на ея красоту, старый шахъ красоты прекрасной Аржаманды и суровый взглядъ его прояснится. . . . . . .
. . . .

Жестко стуча каблуками сапоговъ, подкованными гвоздями, по мраморному полу, попыхивая табачными трубками проходятъ по комнатамъ прелестной Аржаманды, унтеръ-офицеры англійскаго пѣхотнаго полка. Бравый капралъ подноситъ мнѣ книгу и я расписываюсь, добавляя рѣдкія для Агры слова „from Petersbourg".

Англійскій военный флагъ чуть колышется надъ фортомъ и тамъ и тутъ виднѣются краснорѣчивыя надписи „no admitted", „no permitted". Старикъ индусъ, казавшійся старикомъ изъ сказки, современникомъ всѣхъ этихъ чудесъ, показавши мнѣ мраморный памятникъ какому-то lieutenant-colonel'ю и двѣ бронзовыя пушки, почтительно протягиваетъ руку и, пріявъ полъ рупи, выпрашиваетъ еще.

Дежурный англійскій офицеръ въ бѣломъ кителѣ и съ шарфомъ черезъ плечо ѣдетъ на сѣромъ, плохомъ арабѣ къ подъемному мосту и осматриваетъ вытянувшагося передъ нимъ часового сипая. Въ крѣпости живутъ солдаты англійскаго пѣхотнаго полка и батареи, а подлѣ форта стоятъ каменныя казармы двухъ полковъ сипаевъ. Меня ожидаетъ не арабъ въ роскошномъ уборѣ съ кованной золотомъ уздою, а „carriage second classe" на заморенной клячѣ, и не сонмъ одалисокъ будетъ подавать мнѣ шербетъ въ серебряныхъ кувшинахъ, а ловкій „boy" индусъ принесетъ ледъ да „содъ-андъ-уиски", чтобы прохладить послѣ далекой поѣздки.

Возлѣ громадной Джама-Мушидъ съ тремя большими куполами и сотней маленькихъ, съ чуднымъ мраморнымъ дворомъ, стучитъ и свиститъ поѣздъ и по желѣзному пути несутся вагоны въ Лагоръ и Бомбей.

И городъ Агра красивъ и оригиналенъ. Маленькіе двухъ и трехъ-этажные каменные дома съ балконами, галлереями и пло-

скими крышами сбились въ тѣсные улицы и переулки. Жизнь кипитъ въ этихъ кварталахъ. Идетъ торговля, слышны звуки флейты, видны двухъ-колесныя огромныя телѣги, запряженныя парой сѣрыхъ круторогихъ быковъ и полныя цвѣтовъ. Вотъ шесть людей на носилкахъ изъ бамбуковыхъ жердей пронесли длинное тѣло и положили его на землю. Это покойникъ. Совсѣмъ обнаженное тѣло окутано полупрозрачною тканью, состоящею изъ красныхъ и золотыхъ полосъ. Его несутъ на берегъ Джумны, чтобы тамъ сжечь на кострѣ.

Въ каменныхъ домахъ, разбитыхъ на маленькія клѣтки-квартиры, тихо катится спокойная жизнь индусовъ. Такая-же покойная, какъ это безоблачное небо, вѣчно ясное, вѣчно голубое.

И эти узкія улицы, по которымъ бродила пестрая толпа индусовъ, гдѣ, то бѣлыя тоги, то платки, то пурпуровые плащи, то желтыя накидки смѣшались съ темными обнаженными торсами простонародья — эти улицы еще помнили блаженныя времена мусульманскихъ императоровъ Бабера, Акбара, Джегангира и шаха Джехана.

И потому Агра вся, и городъ, и фортъ, и храмы, и памятники, и развалины, и могилы — вся словомъ Агра — сказка, проходящая наяву передъ вами, чудо Индіи, чудо прелестное поэтичной подкладкой исторіи, прикрашенной народной легендой и пестрой арабской сказкой.

Агра 24 февраля, Бомбей 28 февраля 1902 г.

Башня Молчанія.

LVI.

Бомбей.

Мѣстность за Агрой.—Фортъ Гваліоръ.—Станціи желѣзной дороги.—Бомбей.—Чума.—Кладбище парсовъ.—Башня Молчанія.—Fantaisie.

Изъ Лагора черезъ Агру на Бомбей идетъ скорый поѣздъ прямого сообщенія; въ Агрѣ онъ въ 9 часовъ утра, въ Бомбеѣ на другой день въ 4 часа пополудни. За Агрой сейчасъ же начинаются владѣнія раджпутанскаго раджи, поѣздъ вступаетъ въ сѣверозападную Индію, мертвую, однообразную пустыню. Мрачный характеръ мѣстности, состоящей изъ безплодныхъ песковъ, поросшихъ чахлой мимозой, акаціей и кое-гдѣ мальвой, увеличивался еще шестимѣсячной засухой, обратившей обработанныя поля въ четыреугольники сѣрой пыли. Работа воды въ этомъ

краю мѣстами изумительна. Рѣки, образованныя дождями, размыли цѣлые овраги и на много верстъ страна имѣетъ характеръ миніатюрныхъ горныхъ хребтовъ съ узкими долинами, со шпилями высокихъ землистыхъ скалъ, съ плоскогорьями, съ недоступными отвѣсными горами, проходами и ущельями—все свѣтло-сѣраго цвѣта и лишено растительности, а потому уныло и скучно. Индія здѣсь не страна сказокъ, а мертвая пустыня.

Послѣ полудня на горизонтѣ начинаютъ обрисовываться странной формы горы. Это не горный хребетъ, не мощный кряжъ, а рядъ отдѣльно стоящихъ скалъ, то плоскихъ столообразныхъ, то остроконечныхъ. Когда-то, когда эта часть Индіи была дномъ моря, эти скалы и горы были островами. Мѣста, гдѣ были морскіе проливы, рѣзко видны своею пологоуглубленною формою. На плоской вершинѣ одного изъ такихъ острововъ-плоскогорій видны стѣны съ башенками и старинныя постройки форта Гваліоръ, нѣкогда могущественнаго оплота раджпутанскаго раджи, дорого стоившаго англичанамъ. Теперь надъ его стѣнами рѣетъ пестрый флагъ британской имперіи, а у подножія его раскинулся огромный лагерь индійскихъ войскъ, отправляемыхъ въ южную Африку.

За Гваліоромъ пустыня принимаетъ еще болѣе дикій видъ и мой охотничій глазъ то и дѣло различаетъ на сѣромъ фонѣ земли, на черныхъ запаханныхъ нивахъ розовато-сѣрыя точки стадъ антилопъ и оленей. Они совсѣмъ не боятся поѣзда; вотъ парочка, быкъ и корова, совсѣмъ близко остановились у полотна, онъ нагнулъ свои темные рога и, запрокинувъ голову на крутой шеѣ, зорко глядитъ большими черными глазами на проносящійся мимо поѣздъ. Она немного поодаль щиплетъ сухую желтую траву. Какъ красивы животныя на волѣ! Какъ хорошо подобраны ихъ мускулы и легкій стройный станъ, гибкій отъ постояннаго движенія! Эти животныя такъ далеки отъ тѣхъ тяжелыхъ неуклюжихъ антилопъ, которыхъ мы видимъ въ зоологическомъ саду. Только свобода даетъ животному ловкость и естественную красоту!

До поздней ночи сижу я у раскрытаго настежъ окна, обвѣваемый знойнымъ вѣтромъ индійской пустыни. Я вижу, какъ раскаленное солнце медленно опускается за горизонтъ, какъ пылаютъ отъ его лучей пески и пурпуромъ окрашены отдѣльно стоящія горы.

Но вотъ и ночь. Съ чуть народившимся узкимъ серпомъ молодого мѣсяца, съ ярко-сверкающимъ Сиріусомъ, красивымъ

созвѣдіемъ Оріона и Южнымъ Крестомъ, она, эта ночь индійской глуши, свидѣтельница биваковъ Александра Македонскаго, магометанскихъ властителей Индіи—Акбара и шаха Джехана, — эта ночь далекаго юга, полная стрекотанья цикадъ и странныхъ звуковъ пустыни, ночь, разбуженная грохотомъ поѣзда, освѣщенная тремя красными огнями паровоза, таинственно прекрасна. Вотъ станція. Торговцы лимонада, льда, банановъ, мандариновъ, печеній и чая бѣгутъ съ пронзительными криками вдоль вагоновъ. „Refrechment room“ полна пассажировъ. Она со своими рекламами и росписаніями, правилами и оленьими рогами, съ серебряными вазами, цвѣтами и керосиновыми лампами живо напоминаетъ наши вокзалы южныхъ дорогъ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ, у двери раздастся протяжный, гнусавый голосъ: „Воронежъ, Ростовъ, Владикавказъ—первый звонокъ, Москва—Петербургъ—второй звонокъ“. Но звонки звонятъ, а никто ничего не объявляетъ и только черные „бои“ въ высокихъ бѣлыхъ тюрбанахъ, неслышно ступая босыми ногами, разносятъ блюда пассажирамъ. Тутъ нѣтъ порцій, какъ у насъ, но на утренней остановкѣ вы за $1^1/_2$ рупіи получите breakfast изъ четырехъ блюдъ, между полуднемъ и двумя часами за ту же цѣну tiffin и вечеромъ за 2 рупіи—обѣдъ изъ пяти блюдъ.

Выйдешь со станціи и теплая ночь обступитъ кругомъ. Видны горящіе въ развѣсистыхъ аллеяхъ акацій, тополей или пахучихъ тамариндовъ керосиновые фонари и сады небольшого кантоннемента, видны освѣщенныя свѣтильниками небольшія хижины-лавки индѣйцевъ. Вдоль полотна цвѣтутъ олеандры, а юкки простираютъ вверхъ мечеобразные мясистые листья. Знойная Индія передо мной.

На другой день послѣ полудня пустыня кончилась. Начались горы. На протяженіи какихъ-нибудь 30 верстъ между станціями Igatpuri и Kasara мы проѣхали 13 тунелей и два раза перемѣнили направленіе, одинъ разъ крутымъ объѣздомъ горнаго ущелья, другой разъ въ тупикѣ. За горами природа стала богаче, показались болота, рѣки съ илистой желтой водой и пальмы. Чаще стали появляться деревни, фермерскіе дома, стада рогатаго скота, козъ, хорошо воздѣланныя нивы; въ четыре часа пополудни мимо цѣлаго ряда громадныхъ бумагопрядиленъ мы вкатили въ обширный бомбейскій вокзалъ, чудо готической, смѣшанной съ индійской, архитектуры—Victoria-terminus-station. . .

Въ Бомбеѣ чума въ полномъ разгарѣ. Число заболѣвающихъ доходитъ ежедневно до трехсотъ человѣкъ, русскій докторъ г.

Хавкинъ работаетъ съ прививками, цѣлый рядъ врачей наблюдаетъ, лечитъ, пресѣкаетъ, обеззараживаетъ...

Чума... Такъ и кажется, что городъ долженъ быть мраченъ, что тамъ и сямъ должны появляться одѣтые во все черное со страшными стеклянными масками люди, таинственные ящики съ трупами, всюду должны быть солдаты, часовые, всѣ строгости чумного кордона.

...„Поминутно мертвыхъ носятъ
И стенанія живыхъ
Непрерывно Бога просятъ
Упокоить тоже ихъ"!...

Ничего подобнаго. Бомбей живетъ тою же суетливою жизнью, какъ и Калькутта, какъ Лондонъ, Парижъ или Петербургъ. Масса носильщиковъ, извощиковъ, колясокъ, каретки коммисіонеровъ гостинницъ: Apollo-Bunder, Esplanade, Great-Western и Watson's-Annexe, газетчики—все обступило меня, едва я вышелъ изъ вагона. По улицамъ, звеня, ходили конные трамваи, носились запряженныя хорошими лошадьми коляски, велосипедисты, толпы темныхъ индусовъ, парсовъ въ черныхъ клеенчатыхъ колпакахъ, евреевъ, арабовъ, пестрота одеждъ, нарѣчій, кожи, широкіе тротуары, сады, памятники, соборы удивительной готической архитектуры, громадные пятиэтажные дома, городовые-сипаи въ синихъ курткахъ и красныхъ или желтыхъ колпакахъ, все говорило, что здѣсь бьется здоровый мощный пульсъ богатаго торговаго города.

Едва устроившись въ Esplanade отелѣ, я вышелъ на улицу. Я хотѣлъ видѣть чуму. Хотѣлъ видѣть это страшилище съ мертвой головой, огненными глазами и косой, хотѣлъ посмотрѣть на ея покосы, на панику, ею произведенную. Но ни на Esplanade-road, ни дальше у грандіознаго дворца почты и телеграфа, ни противъ величественныхъ башень чисто индійскаго стиля муниципальнаго совѣта я не видалъ ничего похожаго на панику. Уже вечерѣло, когда я по берегу залива, по набережной возвращался домой. И вотъ здѣсь я наткнулся на громадное становище. Цѣлый городъ большихъ палатокъ, такихъ, какъ у насъ употребляютъ для офицерскихъ собраній, стоялъ на городской площади. Что это? Палатки переселенцевъ? войскъ, прибывшихъ или убывающихъ изъ Индіи?.. Но нѣтъ. Вотъ въ отогнутую полу одной виденъ ярко освѣщенный бильярдъ и игроки вокругъ него въ однихъ жилетахъ, вонъ видны, въ другой, ковры, мягкая мебель, пьянино, стройная, какъ бываютъ стройны только англичанки,

дѣвушка стоитъ въ ней, освѣщенная сзади, тамъ звенитъ мандолина, тамъ слышенъ стукъ посуды, плачъ дѣтей. Этотъ городъ палатокъ—жилища бывшихъ жильцовъ чумнаго индійскаго квартала. Многіе чиновники, купцы агличане жили среди чумнаго населенія въ центрѣ индійскаго города. И вотъ, когда чума стала сильна, они переселились и громаднымъ становъ раскинулись на бомбейскомъ „Майданѣ".

Вотъ вамъ и вся чума...

На улицахъ Бомбея, кромѣ толпы и нищихъ, неотступно цѣлые кварталы преслѣдующихъ васъ пронзительными криками: „саръ, саръ", нѣтъ ничего индійскаго. Это старый европейскій городъ съ солидными домами, прямыми и широкими улицами, садами, площадями и памятниками. Въ индійскомъ кварталѣ улицы уже, кривы, дома небогато отдѣланы, узкіе, высокіе и грязные, еще дальше, въ предмѣстьѣ, это земляныя и циновочныя хижины. Въ окрестностяхъ, обступающихъ заливъ, построены дачи англичанъ, разведены богатые сады, растутъ повсюду пальмы, придающія Бомбею, издали красивый, восточный характеръ, котораго онъ, пожалуй, внутри не имѣетъ.

Небольшая скалистая гора мысомъ вдавалась въ заливъ. Она вся густо засажена садами, вся зеленая, такая веселая, несмотря на тамъ и сямъ чернѣющіе выступы скалъ, а между тѣмъ эта веселая на видъ гора заключаетъ въ себѣ мрачную башню молчанія (Toer of Silence) парсовъ...

Покончивъ съ почтой и устроивши себѣ мѣсто на пароходѣ я взялъ коляску и утромъ еще поѣхалъ на эту башню. Дорога шла по прекрасному шоссе, по берегу моря, мимо богатыхъ англійскихъ дачъ. Но вотъ мы свернули на мысъ и стали подниматься наверхъ. Первое, что бросилось въ глаза—это обиліе грифоновъ. громадныхъ черныхъ птицъ, болѣе аршина ростомъ, съ длинными голыми шеями, и большими хищными клювами. Они сидѣли молчаливыми и мрачными рядами на каменныхъ заборахъ, занимали большія вѣтви высокихъ скалъ. Ихъ видъ, черный, траурный, такъ тѣсно связанный съ ихъ жизнью возлѣ труповъ, уже заранѣе мрачно настраивалъ. Они сидѣли тутъ, какъ господа, какъ хозяева, какъ птицы, имѣющія законное право занимать эти мѣста.

Вотъ, среди кустовъ показалась калитка и городовой-сипай остановилъ коляску—мы подъѣхали къ воротамъ кладбища, для входа на которое нужно было имѣть билетъ отъ совѣта парсовъ. Я зналъ это правило, но ѣхавшій со мной въ вагонѣ въ Бомбей

англичанинъ, разсказывая мнѣ о башнѣ, сказалъ: чѣмъ вамъ хлопотать о билетѣ, покажите одну рупію, она тотъ же билетъ.

Я показалъ рупію, но городовой упорно требовалъ отъ меня „ticket“, потомъ, знакомъ остановивши меня у воротъ, пошелъ наверхъ и вызвалъ мнѣ парса. Парсъ согласился повести меня на кладбище.

Кладбище Парсовъ. Едва-ли можно назвать кладбищемъ этотъ богатый, чисто содержимый садъ, въ которомъ не было ни могилъ ни надгробныхъ памятниковъ, не было и самыхъ гробовъ, но лишь въ четырехъ мѣстахъ въ разсѣлинахъ между скалъ возвышались большія груглыя бѣлыя башни, видомъ и величиной напомнившія мнѣ керосиновые резервуары. По краямъ этихъ башенъ, на голыхъ мальвахъ съ алыми мясистыми цвѣтами, на стройныхъ пальмахъ молча, мрачно и озабоченно сидѣли черные грифы—орлы стервятники.

Религія парсовъ не допускаетъ, чтобы трупъ человѣка былъ закопанъ въ землю или сожженъ, его оставляютъ въ полѣ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Но условія англійскаго Бомбея не могли-бы допустить такое разбрасываніе труповъ въ поляхъ и долинахъ и вотъ, на окраинѣ города, на одинокомъ мысу воздвигнуты башни молчанія, башни труповъ и цѣлые отряды мрачныхъ грифоновъ глядятъ на кладбищенскую дорогу, зорко высматривая, не покажется-ли похоронная процессія, не принесутъ-ли имъ пищу.

Въ саду уютно и красиво. Пахнетъ цвѣтами, иногда изъ храма парсовъ вмѣстѣ со звуками размѣреннаго хорового пѣнія донесется ѣдкій запахъ ладана. Но трупами не пахнетъ.

Въ бѣлой башнѣ есть черная желѣзная дверь, плотно заложенная засовомъ съ замкомъ. Открывать ее запрещено. Но... но, если открыть ее, то вы увидите, что дно ямы пологой воронкой опускается внизъ. Воронка эта разбита на продолговатыя ячейки, вверху побольше, потомъ меньше и у центра не болѣе аршина по длинной сторонѣ.

Грязныя коричневыя кости, птичьи нечистоты, обрывки тряпокъ, черные сгустки и потеки застывшей гнилой крови, черепа, кое-гдѣ уже побѣлѣвшіе, высохшіе рядами, кучами, горками лежали по ячейкамъ. Верхнія ячейки были заполнены покойниками мущинами, ниже лежали женщины, еще ниже дѣти. . . . . .

. . . .

„Послѣдній обрядъ совершенъ. Та, которую я такъ любилъ, прекрасная, съ молодымъ упругимъ тѣломъ, съ выпуклою грудью

и большими глазами дѣвушка, сейчасъ будетъ унесена и заперта въ ту страшную, бѣлую башню. Я слышу клекотъ грифоновъ, стражей смерти, хлопанье крыльями, ихъ порывистые взлеты и перелеты съ дерева на дерево. Они чуютъ добычу, чуютъ пиръ смерти. И званымъ блюдомъ этого пира будетъ она, моя прелестная...

Вотъ она лежитъ на жердяхъ изъ бамбука, вытянувши стройное полное тѣло. Прозрачныя ткани покрываютъ смуглую кожу ея плечъ и ногъ, а цвѣты, мой послѣднiй подарокъ, наброшены на ея тѣло. Въ носу и въ ушахъ блестятъ золотыя серьги—мой подарокъ. Я не хотѣлъ чтобы ихъ вынули, пусть идетъ на страшный пиръ смерти съ памятью обо мнѣ.

Голубое небо Индiи жарко, вѣтеръ Бомбея душенъ, ароматы куренiй затмѣваютъ мой разсудокъ.

Ее понесли.

А они, стражи мрачной смерти, посредники этого и новаго мiра уже ждутъ своей очереди.

Со скрипомъ открылись черныя ворота, ворота ужаса и башня ужаса и башня молчанiя приняла въ свою пасть ту, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ....

И всѣ разошлись. Я одинъ остался, безсильно опершись спиною о стройный стволъ пальмы, я, любившiй ее, стройную, какъ пальма.

О! что я слышу!

Я слышу удары желѣзныхъ носовъ о ея кости, я слышу трепетное порханiе крыльевъ, я слышу, какъ лопается ея кожа, какъ съ трескомъ рвутъ ея священныя одежды. Это башня молчанiя? Нѣтъ это башня ужаса.

И я взлѣзъ на высокую пальму и я видѣлъ какъ отъ нея, моей прекрасной, осталась только куча окровавленныхъ костей... Гдѣ ея чудные карiе глаза, гдѣ мягкая нѣжность ея рукъ, гдѣ упругiя перси?....—

Башня молчанiя—это смерть,—грифоны черные—это стражи смерти. Вся жизнь смерть—что въ ней вѣчно? какая красота можетъ существовать на землѣ, гдѣ все полно разрушенiя, ужаса, и гибели". . . . .

. . . .

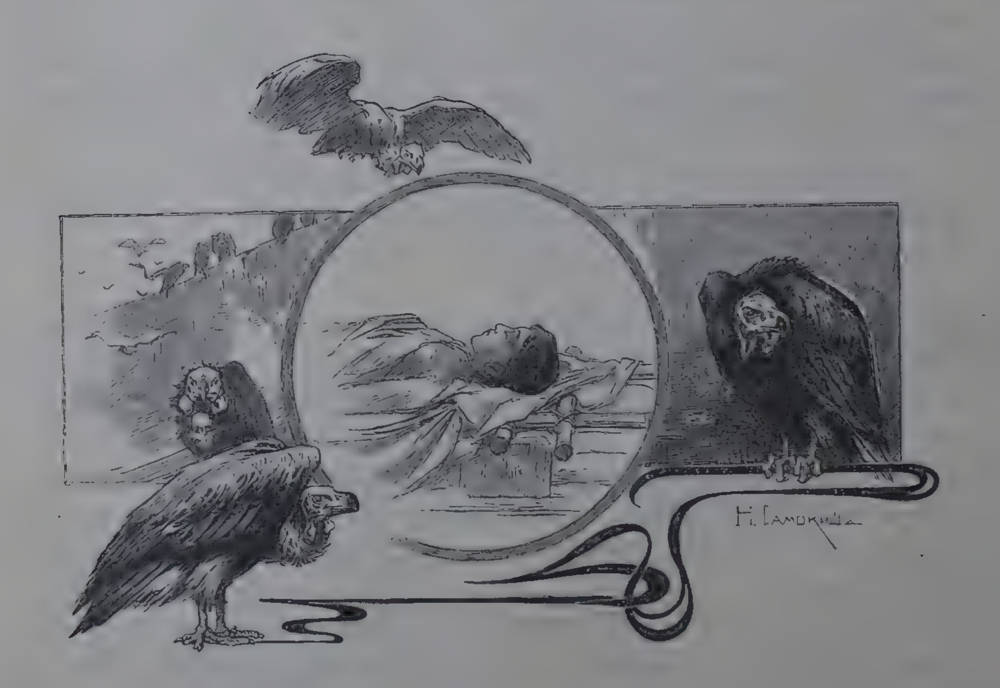
Нѣтъ наши удары комьевъ земли о гробовую крышку и тихiй покой среди кустовъ, цвѣтовъ и растенiй лучше для живыхъ, хотя порою и хуже для покойника, не всегда уснувшаго до вѣчной жизни.

И что лучше? быть сожраннымъ громадными орлами стервятниками, сгорѣть и чернымъ вонючимъ дымомъ унестись въ безоблачное вѣчно правдивое небо или гнить, хотя и не чувствуя, не сознавая, но медленно разрушаться, при пособіи сырости и червей....

А кругомъ этой страшной башни благоухали цвѣты, пальмы склоняли, будто заглядывая, косматыя головы да тихо и неподвижно сидѣли громадные грифоны.

Широкая площадь Бомбея, обрамленная синимъ моремъ виднѣлась внизу. Вдали высились острова, закрывавшіе входъ въ бухту—тамъ кипѣла жизнь, а здѣсь было вѣчное молчаніе смерти.

Арабское море на „Salazie“ 2 марта 1902 г.



Пещеры-Шарапури.

LVII.

Поѣздка на островъ Элефанта.

Элефанта.—Русскіе-евреи въ Индіи.—Исаакъ, Борухъ и Сарра.—Мнѣніе евреевъ о колонизаторской дѣятельности Россіи.—Пещеры-Шарапури.—Возвращеніе въ Бомбей.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Бомбея моремъ лежитъ небольшой островъ, имѣющій видъ продолговатой горы и называемый Элефанта. По склонамъ Элефанты растутъ кустарники; высокія пальмы то по одиночкѣ, то группами по три и по четыре выступаютъ изъ разсѣлинъ между скалъ. Отъ кустарниковъ и скалъ островъ имѣетъ мутно-зеленый цвѣтъ, особенно, если смотрѣть на него издали. Море подлѣ него не голубое, не синее и не зеленое, не прозрачнаго яркаго цвѣта, а желтое, густое, словно

грязное. На этомъ островѣ есть индійская деревушка и бѣлый домикъ англичанина, смотрителя острова. Снаружи островъ ничѣмъ не замѣчателенъ, а между тѣмъ къ каменному узкому молу его, безъ перилъ, то и дѣло причаливаютъ парусныя лодки, да иногда суетливо пыхтя прибѣжитъ паровой катеръ и высадитъ на мокрыя скользкія плиты компанію англичанъ.

Элефанта одно изъ любимыхъ мѣстъ воскресныхъ прогулокъ англичанъ, на него ѣздятъ любоваться, удивляться и недоумѣвать, глядя на обширныя пещеры, выбитыя человѣческою рукою въ черномъ базальтѣ скалы, глядя на колонны храмовъ, на грубыя изваянія боговъ, сдѣланныя много вѣковъ тому назадъ. Говорятъ, пещеры Шарапури современницы Дарія Гистаспа и Кира персидскаго, тѣхъ старыхъ героевъ, съ которыми вы знакомы еще съ дѣтскихъ лѣтъ, съ первыхъ классовъ гимназіи или корпуса.

Я поѣхалъ на Элефанту въ компаніи „русскихъ" жителей Бомбея, съ однимъ изъ которыхъ я познакомился на желѣзной дорогѣ. Этихъ „русскихъ" на англійскомъ востокѣ и особенно въ Индіи много. Они единственные русскіе, постоянно живущіе въ Индіи. Они завѣряютъ васъ, что почти забыли русскій языкъ, потому что давно „уфъ Россіи" не были, что они тоскуютъ по Россіи, по „россійскимъ" кушаньямъ и обычаямъ. И фамиліи у нихъ особенно русскія—Грюнбергъ, Клеманъ, Берманъ, Исаакъ, Борухъ и тому подобныя. Нѣмцевъ они называютъ „джерманъ", а индѣйцевъ „индустаны", Вернуться въ Россію имъ невозможно почему-то, они скорбятъ объ Россіи и говорятъ, что въ Россіи богатыя окраины ея, какъ напримѣръ, Манчжурія и Уссурійскій край, гдѣ скрыты замѣчательныя богатства никогда не будутъ въ такомъ блестящемъ видѣ, какъ англійскія колоніи. Я познакомился съ этими русскими, потому что мнѣ рекомендовали ихъ англичане, какъ моихъ, увы, единственныхъ соотечественниковъ, а потомъ мнѣ неловко было отказать бомбейскимъ людямъ, давно не бывшимъ „уфъ Россій" и „забывающимъ говорить по русскому" поѣхать съ ними на Элефанту. Притомъ среди нихъ былъ одинъ прекрасно образованный старый еврей, много читавшій, бывавшій въ „русскихъ" рабочихъ кружкахъ въ Лондонѣ, въ колоніяхъ „русскихъ интеллигентныхъ землепашцевъ" въ Аргентинѣ, словомъ, человѣкъ интересный и въ два часа дня, я, какъ было условлено, сошелся на пристани у яхтъ-клуба съ Исаакомъ, Борухомъ и женой его Саррой [1]).

[1]) Имена и фамиліи вымышленныя.

Насъ ожидалъ большой мачтовый ботъ съ острымъ индійскимъ парусомъ и пятью человѣками мусульманъ-индусовъ команды. Это былъ рослый мускулистый народъ съ красивыми темными лицами въ живописныхъ чалмахъ и курткахъ. Одинъ, почти мальчикъ въ солдатской рваной хаки съ золотыми пуговицами и съ обнаженными тонкими еще не сформировавшимися ногами, стоя въ люкѣ на носу, растиралъ бобы и перецъ на камнѣ, приготовляя ѣдкое индійское керри для команды. Трое сидѣли на днѣ лодки, красивый старикъ съ сѣдою бородой и умными быстрыми глазами усѣлся на корточкахъ за кормою возлѣ румпеля. Вѣтеръ былъ попутный и довольно свѣжій. Мы быстро выбрались между цѣлой эскадры грузовыхъ и торговыхъ пароходовъ и вышли въ проливъ, лодка стала прыгать по волнамъ и пѣна съ пріятнымъ шипѣньемъ начала разливаться вокругъ. Мимо мачтъ затонувшаго мѣсяцъ тому назадъ пассажирскаго парохода, мимо башни съ часами таможни, мимо красныхъ коническихъ бакеновъ мы быстро летѣли къ далекой туманной линіи гористыхъ острововъ.

Сарра, боявшаяся потонуть и не желавшая показать свой страхъ передъ „русскимъ господиномъ", истерично смѣялась, молодой Борухъ пилъ стаканъ за стаканомъ ледяную сельтерскую, Исаакъ продолжалъ свою филиппику противъ Россіи.

— И вы думаете, почему торговля не идетъ въ Россіи, почему мы не можемъ извлекать большихъ доходовъ и равняться съ Англіей. Потому что въ Россіи нѣтъ свободы религіи. Почему ежели я не православный, но чистокровный русскій, я не могу пріѣхать въ Портъ-Артуръ? Когда открыли Квантунъ я прибылъ первый предложить свои услуги, и мы въ компаніи съ другими коммерческими людьми предложили доставлять наши товары очень за дешевую цѣну... И меня выселили. А кто же двигаетъ торговлю, какъ не мы—евреи. Мы одни умѣемъ заняться въ колоніяхъ. Индія богата, потому что мы тамъ. Вы видали Индію? вы видали, что это за пустыня? Это хуже Сибири, а Индія богатая страна, Индія кормитъ всю Англію, потому что мы умѣемъ ее такъ поставить? Разрѣшите намъ пріѣхать въ Россію и закипитъ торговля. Нужна только политика открытыхъ дверей.

И какъ разъ предо мною, позади меня былъ Китай, индиферентный къ своимъ старымъ богамъ, Индія, обратившая боговъ своихъ въ предметъ языческаго поклоненія, въ предметъ торговли—гдѣ же ихъ могущество?

Я проскочилъ черезъ Россію, Сибирь и Манчжурію и видѣлъ

полное спокойствіе туземцевъ, горделивое сознаніе ихъ, что они подъ властью Россіи. Я видѣлъ, какъ кротко приняли больную Манчжурію подъ свое покровительство здоровые, сильные вѣрой въ истиннаго Бога и любовью, и преданностью къ Царю русскіе солдаты. Я почти не видалъ въ Манчжуріи нищихъ. Въ Индіи я не могъ выдти изъ отеля, чтобы за мной не бѣжали голыя дѣти, старики, женщины и не вопили, жалобно протягивая руки— „саръ, саръ"...

Лодка приближалась къ берегу. Волны стали меньше, Сарра оправилась и весело щебетала, разсказывая, какъ она любитъ готовить обѣдъ „по-россійски", какъ она ѣла годъ тому назадъ, когда еще была „уфъ Россіи". Борухъ былъ задумчивъ. Та Могилевская губернія, которая была его родиной, была ему мачихой. Онъ принужденъ былъ бѣжать отъ надвигавшейся воинской повинности, отъ нищеты и бѣдности родной семьи. Онъ притащился во Владивостокъ, былъ въ Портъ-Артурѣ, въ Тянь-Цзинѣ, въ Шанхаѣ. Цѣлая Одиссея еврейской четы развертывалась передъ мною. Страхъ солдатской шапки заставлялъ избѣгать предъявить паспортъ и въ то-же время, какъ бабочку на огонь, его тянуло въ военную среду. Ему хотѣлось „выпивать съ поручикомъ Т*, который очень задушевный былъ человѣкъ", хотя и не всегда въ срокъ платилъ за сюртуки и пальто, ему хотѣлось тереться подлѣ людей, которые каждую минуту могли схватить его. Долгіе трусливые дни, проведенные въ осажденномъ Тянь-Цзинѣ, свистъ пуль и рокотъ шрапнели, смерть кругомъ—все это ему пришлось пережить вмѣсто того, чтобы отзвонить два года со льготой по образованію, гдѣ нибудь у себя-же въ польско-еврейской глуши. Трюмы грузовыхъ пароходовъ при ужасѣ передъ моремъ, качка, зной, исканье работы, не зная языка, не зная обычаевъ!.. Въ Индіи онъ устроился. Заговорилъ по-англійски и на индустани, имѣетъ хорошее дѣло, но его тянетъ „уфъ Россію", онъ тоскуетъ за этимъ хорошимъ дѣломъ.

Увѣряю васъ, въ маленькой индійской шлюпкѣ, съ полнымъ вѣтромъ мчавшейся къ далекому острову Элефантѣ, была цѣлая драма, цѣлый романъ жизни, мрачный, полный приключеній, еврейскій романъ.

Мы обогнули островъ и, сдѣлавъ красивый поворотъ и спустивши остроконечный гротъ, на полощущемся кливерѣ медленно подошли къ камнямъ мола. Толпа индусовъ съ носилками, нищихъ, продавцовъ палокъ и крашеныхъ жуковъ обступила насъ съ назойливыми приставаньями.

Прямо передъ нами каменная лѣстница съ крутыми ступенями и грубыми перилами вела наверхъ. Наверху англичанинъ, смотритель пещеръ, взялъ съ каждаго по 4 анны за входъ, и мы по дорожкѣ мимо деревенскаго ресторана поднялись къ пещерамъ.

Въ отвѣсной черной скалѣ базальта былъ выбитъ громадный четыреугольный входъ. Большія, аршина полтора въ діаметрѣ, точеныя изъ камня колонны поддерживали потолокъ. Ихъ было шестнадцать — четыре въ рядъ и по четыре въ глубину. Большинство изъ нихъ сломалось, повалилось, осыпалось, разрушилось. Эти колонны были одно цѣлое съ пещерой — строитель, выбивая углубленіе въ скалѣ, оставлялъ ихъ и потомъ отдѣлывалъ, обтесывалъ. Ихъ круглыя капители поддерживались подваленными къ нимъ въ позднѣйшія времена каменными плитными столбами, или висѣли, какъ громадные отростки, въ воздухѣ. Стѣны этой таинственной пещеры-храма были покрыты громадными барельефами, изсѣченными изъ той-же скалы, что служила основаніемъ, потолкомъ и стѣнами пещеры. Эти барельефы, изъѣденные и обитые временемъ, съ поломанными фигурами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сохранились контуры, поражаютъ чистотою рисунка, полными движенія, смѣлыми ракурсами. Это не уродливыя каменныя фигурки, что находятся во многихъ храмахъ, не бурханы буддистовъ, съ округлыми мускулами, безъ чувства костей — это великолѣпныя фигуры, подобныя ваяніямъ древней Греціи и Рима. На главной стѣнѣ прямо противъ входа сдѣлана en face громадная голова. Ея черты совсѣмъ греческія, правильныя, суровыя. Отъ нея въ профиль направо и налѣво сдѣланы двѣ другія головы. Это Брама — создатель вселенной, — Вишну — направо — охранитель и Шива — налѣво — разрушитель. У Брамы въ рукахъ граната (плодъ) — символъ творчества, у Вишны лотосъ — цвѣтокъ, предохраняющій отъ бѣдъ, у Шивы — змѣя, кобра, — символъ разрушенія. И лотосъ, и граната, величиною съ голову взрослаго человѣка, и кобра сдѣланы натурально, естественно, художественно. А лица божества полны выраженія. У Брамы покой — тотъ величественный покой Нирваны, который можно подмѣтить и въ изображеніяхъ буддъ Японіи и Китая, Вишну оттопырилъ толстую нижнюю губу и будто дуетъ, заботливо оберегая цвѣтокъ, у Шивы сурово сдвинуты брови, мрачно выраженіе его лица...

Правѣе и лѣвѣе этого троеглаваго барельефа — двѣ картины изъ камня. На одной четырерукій Шива — полуженщина,

полумущина — центръ фигуры, а сзади Брама, сидящій на тронѣ, подъ нимъ Индра, богъ земли, на священномъ слонѣ Айравати. Отъ слона остались только контуръ, да ухо, но Шива цѣлъ. И опять удивляешься цѣльнымъ правильнымъ абрисамъ мускуловъ рукъ и лица. Правѣе двѣ двухсаженныя фигуры въ ростъ мущины и женщины. Мущина суровый, сильный обнялъ лѣвой рурою полуобнаженную женщину, стоящую на одной ногѣ, отставивъ другую — въ обычной позѣ индійскихъ невѣстъ и донынѣ. Это бракъ суроваго Шивы съ прекрасной Парвати. Кругомъ несется рѣзвый хороводъ — праздникъ свободы. И этотъ хороводъ начертанъ такою умѣлой художественной рукою, что онъ дѣйствительно несется, движется, хотя и высѣченъ изъ мертваго темнаго камня.

Въ темномъ углу стоитъ квадратная часовня съ жертвенникомъ, посерединѣ котораго лежитъ круглый камень. Какія жертвы приносились на этомъ камнѣ? Обвивали-ли его гирлянды розоваго лотоса и желтыхъ цвѣточковъ, принесенныя охранителю Вишну, или трепетали въ предсмертной агоніи трупы дѣтей, маленькія головки скатывались съ каменной плахи въ темный уголъ часовни, а кровь обливала дымящимся потокомъ угловатыя стѣнки жертвенника? Вонъ, напротивъ, на барельефѣ, изображенъ суровый Шива съ восемью руками. Онъ отрубилъ голову ребенку жертвы, онъ звонитъ въ колоколъ, возвѣщая всѣмъ, что жертва принята. Кругомъ вѣнкомъ, какъ ангелы на картинѣ Мурильо, несутся дѣти — это его жертвы.

Въ темной пещерѣ при видѣ темныхъ громадныхъ изображеній божествъ, чернаго входа къ жертвеннику высокой часовни, воображеніе разыгрывается. Видится этотъ храмъ — новый, съ цѣлыми не подпертыми плитами колоннами, съ блестящими, увитыми цвѣтами и золотомъ каменными изображеніями. Слышится ароматъ куреній, сизые дымы которыхъ медленно плывутъ къ низкому плоскому потолку пещеры. Толпы народа. Плачъ женщинъ, сдержанные вздохи, ожиданіе чего-то ужаснаго, таинственнаго, неземного. Всѣ взгляды устремлены на темный алтарь, въ которомъ тускло мерцаетъ свѣтильникъ и жрецъ въ пурпуровой тогѣ молча и неподвижно стоитъ передъ каменнымъ жертвенникомъ.

И вотъ плачъ, стоны. Что-то ужасное, какой-то гнусный стукъ, скрипъ, плескъ чего-то, капель и — звонокъ! Жертва принята, мстительный разрушитель Шива ликуетъ.

Вправо и влѣво отъ главной пещеры какъ бы два придѣла.

въ обоихъ водоемы. Воды священнаго Ганга за тысячу верстъ таинственно приходятъ въ плоскую купель водоема, чтобы дать возможность омыться въ водѣ индусамъ запада Индіи. Когда мы были тамъ, въ таинственной водѣ священной рѣки медленно ходила, плещась и фыркая, собака смотрителя пещеръ, толстый бѣлый фоксъ-терьеръ.

Направо у входа изображенъ танецъ Шивы въ состояніи неземного возбужденія. Къ сожалѣнію, время отбило ноги, но по слѣдамъ ихъ можно видѣть, что онѣ были полны художественной правды и движенія. Напротивъ тотъ же Шива, погруженный въ священный покой, эту молчальническую неподвижность, которая составляетъ основной подвигъ и, пожалуй, единственное чудо факировъ.

Въ лѣвомъ притворѣ у воды Ганга изображена исторія сына Шивы Ганеши — человѣка съ головою слона. Тутъ и девять женщинъ, охраняющихъ покой Ганеши и леогрифы — животныя наполовину тигры, наполовину слоны. Тутъ длинная исторія браминства, тутъ остатки барельефовъ обезьянъ.

Пещера острова Элефанты, этотъ остатокъ древней религіи, остатокъ того времени, когда еще увлекались ею и богамъ посвящали неземныя работы, производитъ глубокое впечатлѣніе. Это тоже штрихъ для характеристики Индіи чудесъ, Индіи, выходящей изъ обычнаго масштаба, изъ привычныхъ мѣрокъ.

Полумракъ пещеры съ обломками колоннъ, съ чернѣющимъ на задней стѣнкѣ громаднымъ троеличнымъ Брамой, дикій горельефъ пляски Шивы, человѣческія каріатиды у алтаря, все это темнымъ пятномъ, полнымъ черныхъ контуровъ и коричневыхъ и сѣрыхъ тѣней, рисовалось на зеленомъ скатѣ горы, подъ пальмами, голубымъ небомъ и далекимъ моремъ.

Мы осмотрѣли еще три меньшія, повидимому, неоконченныя пещеры и начали спускаться внизъ. Вѣтеръ усилился. Бурая зыбь залива покрылась бѣлыми гребешками. Арабы подняли парусъ, лодка дрогнула, нагнулась и понеслась черезъ заливъ. Вѣтеръ былъ почти противный, мы лавировали въ крутомъ бейдевиндѣ.

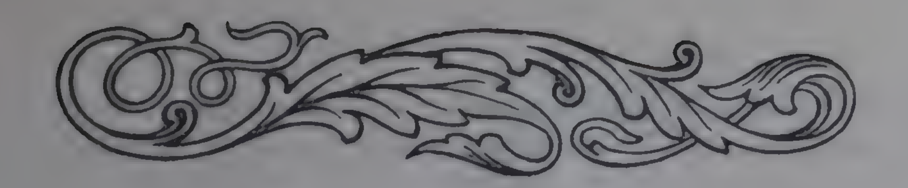
Солнце зашло за море. Быстро, быстро темнѣло. Лодка лежала на борту, едва не черпая, и вода шипѣла подъ ея килемъ. Индѣйцы подняли фонарь съ зеленымъ и краснымъ стекломъ, и мы полтора часа неслись вдоль берега. Дальніе огни постепенно приближались. Ясно вырисовывалась линія фонарей набережной, сигнальные огни пароходовъ и лодокъ. У города и вѣтеръ, и

волна стала тише. Лодка выпрямилась и съ тихимъ шелестомъ шла по тихому рейду. Въ началѣ восьмого часа я разстался съ бомбейскими русскими: Борухомъ, Исаакомъ и Саррой и пошелъ въ гостинницу укладываться.

На другой день утромъ въ обширномъ пакгаузѣ Принцева дока меня наскоро осмотрѣли, ощупали пульсъ, провели поверхъ платья руками отъ мышекъ къ бедрамъ, спросили не боленъ-ли я чумою и дали билетъ о здоровьи.

Въ 12 часовъ пополудни, 28-го февраля, я на французскомъ пароходѣ „*Salazie*" покинулъ Индію и направился домой, въ Европу, въ Петербургъ.

Арабское море на „Salazie" 3 марта 1902 г.



LVIII.

По пути въ Россію.

На „Salazie".—Пассажиры 2-го класса.—Англичане и Французы.—Въ Арабскомъ морѣ.—Концерты г-жи К.—Испанцы и испанки.—Вдоль береговъ Италіи.—Мистраль.—Въ Европѣ.—Заключеніе.

На „Salazie", громадномъ бѣломъ пароходѣ французской компаніи „Messageries maritimes"—пассажировъ полный комплектъ. Преобладаютъ сайгонцы и англійскіе офицеры изъ индійскихъ войскъ. Сайгонцы ѣдутъ во второмъ классѣ изъ обычной французской экономіи, англичане ѣдутъ во второмъ классѣ тоже изъ экономіи. Они и избрали французскій пароходъ потому, что на англійскомъ имъ это было-бы неудобно—noblesse oblige... Къ чести французскихъ пароходовъ нужно сказать, что особенно на старыхъ судахъ, каковы „Peiho", „Natal", „Oceanie" и „Salazie"—второй классъ не менѣе комфортабеленъ, чѣмъ первый. Палуба—это мѣсто, гдѣ проводятъ большую часть плаванія—общая для перваго и второго классовъ, столъ тотъ-же, только въ первомъ классѣ на обѣдъ даютъ однимъ блюдомъ больше, наконецъ, каюты второго класса расположены центральнѣе каютъ перваго, находящихся на кормѣ, а для людей, не выносящихъ килевой качки—это не малое преимущество. Не то на новыхъ шикарныхъ громадахъ „Лаосѣ" и „Индѣ"—тамъ второй классъ—это паріи, загнанные на самую корму и имѣющіе для прогулокъ крошечный клочекъ верхней палубы и спардека.

Англичане и сайгонцы—это два полюса парохода. Англичане не говорятъ по-французски, сайгонцы тѣмъ менѣе—по-англійски. Англичане не переносятъ сайгонцевъ, потому что они чиновники—классъ дѣловыми людьми заграницей не особенно уважаемый, сайгонцы косятся на англичанъ, потому что они англичане, создатели Фашоды, трансваальской войны и прочихъ беззаконій,

къ которымъ французы по свойству своего характера равнодушно относиться не могутъ. Англичане утромъ ходятъ въ кокетливыхъ костюмахъ, къ завтраку надѣваютъ пиджаки и крахмальныя рубашки, къ обѣду фраки и смокинги, французы—утромъ въ такихъ костюмахъ, что барышнямъ лучше съ ними не встрѣчаться, а въ остальное время въ бѣлыхъ тропическихъ пиджакахъ, не снимая ихъ и къ обѣду... Англичанки нарядны, подмазаны и строго выдержаны въ типѣ. Всѣ рыжія и всѣ красивыя такъ или иначе—всѣ породистыя,—къ обѣду онѣ рядятся въ бальныя платья и декольте; француженки колоній наглядно показываютъ неразборчивость ихъ отцовъ на браки—тутъ и галло-японка, и галло-болгарка, и маленькія, блѣдныя, заморенныя выродки съ умными глазами—сотрудницы парижской газеты „la Fronde“, редактируемой, издаваемой, создаваемой, набираемой, корректируемой и... и читаемой исключительно женщинами... Въ жару француженки одѣты болѣе чѣмъ легкомысленно. Метръ д'отель „de la seconde“—на обязанности котораго лежитъ распредѣленіе публики по каютамъ и за обѣденнымъ столомъ, весьма искусно разбилъ сайгонцевъ и англичанъ на два стола—столъ аристократовъ и столъ демократовъ или, говоря безъ увлеченія классицизмомъ: половина для чистой публики и черная половина.

На палубѣ, гдѣ первый классъ смѣшивается со вторымъ—англичане держатся отдѣльно отъ сайгонцевъ. Офицеры парахода ухаживаютъ за англичанками и, пользуясь случаемъ, берутъ уроки англійскаго языка, столь необходимаго для нихъ во время стоянокъ въ портахъ. Связующимъ звеномъ между пассажирами враждующихъ національностей являются русскіе. Насъ трое—г-жа К., перваго класса, — ѣдущая изъ Коломбо, одинъ инженеръ съ китайской дороги и я.

Благодаря нашимъ познаніямъ въ языкахъ мы прежде всего переводчики... а затѣмъ—съ французами насъ связываетъ наше полуфранцузское воспитаніе, дружба націй и преданія,—къ англичанамъ притягиваетъ ихъ корректность, честность, наконецъ то, что всѣ они „джентльмены“...

До перваго порта, Адена, пять съ лишнимъ дней пути черезъ Арабское море. Погода тихая, жаркая. Первые два дня на морѣ даже зыби нѣтъ, воздухъ неподвиженъ и теплъ, море любуется небомъ, небо смотрится въ море и оба такія синія, прекрасныя, блестящія и прозрачныя. Качки никакой. Верхняя палуба, накрытая тентомъ, сплошь установлена креслами, лонгшезами, качалками и соломенными стульями—всюду сидятъ, полулежатъ и ле-

жатъ пассажиры. Одни болтаютъ, другіе читаютъ, третьи любуются ширью океана, пролетающими летучими рыбками, иные прозаично спятъ. Жарко, но въ то же время хорошо въ этомъ спокойствіи моря и воздуха. Послѣ кипучихъ, полныхъ дѣятельности, волненій и возбужденія чудными видами дней, проведенныхъ въ Индіи, эта тишина и однообразное плаваніе даютъ полный покой и отдохновеніе... Тишина, усиленная монотоннымъ плескомъ, шипящей подъ килемъ воды, нарушается лишь звонками къ завтраку, тиффину, чаю, обѣду. Незамѣтно подкрадывается шесть часовъ. Море зеленѣетъ и вдругъ покрывается золотомъ. Цвѣтъ его удивительно блестящъ и прозраченъ. Летучія рыбки теперь вылетаютъ цѣлыми стаями и оживляютъ эту золотую пустыню. Красный шаръ солнца медленно опускается къ водѣ и небо вокругъ него пылаетъ. Тамъ, выше, оно уже цвѣта кобальта и становится все темнѣе и темнѣе. Вотъ солнце дѣлается овальнымъ, вотъ скрылось и послѣдній яркозеленый лучъ вертикально поднялся наверхъ и растаялъ въ прозрачномъ небѣ. Нѣсколько минутъ закатъ густой красной узкой полосой еще пылаетъ надъ океаномъ—но вотъ и онъ погасъ, надъ моремъ загораются звѣзды и румяная, едва возставъ отъ сна, выплываетъ ночная красавица-луна. Звонятъ къ обѣду.

Послѣ обѣда ночь въ полномъ разгарѣ. Темное море подъ килемъ фосфорецируетъ, словно маленькія электрическія искорки вспыхиваютъ и потухаютъ при плескѣ волнъ. Отъ луны—полморя покрыто серебряной пеленой. Кротко горятъ звѣзды Большой Медвѣдицы и родная Полярная звѣзда опустилась совсѣмъ къ водѣ. Властно вспыхиваетъ крупный Сиріусъ, играютъ Плеяды и Оріонъ манитъ глазъ. Млечный таинственный путь ярокъ и силенъ, онъ краситъ потокомъ темно-синее небо.

Всѣ на палубѣ. Парижскій пшютъ, напившійся абсента, нетвердыми ногами бродитъ по полу съ французскимъ офицеромъ въ форменномъ хаки и въ кепи съ золотыми галунами, двѣ американки, одна брюнетка съ лицомъ херувима, другая блондинка съ лицомъ англійской лошади, мечтательно опершись о бортъ, слушаютъ жаркую рѣчь юноши-англичанина, невѣста офицера, уѣхавшаго въ Трансвааль, серьезная, задумчивая, неутѣшная, съ широко раскрытыми глазами лежитъ на лонгшезѣ и смотритъ на югъ, будто желаетъ проникнуть темную ночь и заглянуть на побережье далекой, проклинаемой Африки... Дама изъ „фронды“ таскаетъ скорыми шагами своего мужа взадъ и впе-

редъ по палубѣ, англійскій полковникъ тихо и степенно говоритъ о чемъ то съ капитаномъ. Оба во фракахъ, оба серьезны.

Изъ „salle de musique“, помѣщающейся въ рубкѣ на верхней палубѣ, слышны аккорды фортепьяно и мужской голосъ, недурно поющій какой-то романсъ. Все движется къ окнамъ. Меня таинственно подхватываетъ подъ руку инженеръ и взволнованнымъ шопотомъ говоритъ мнѣ: „эта русская, что ѣдетъ въ первомъ классѣ, одна, собирается пѣть. Вы съ ней знакомы. Отговорите ее. Богъ знаетъ какъ она поетъ. Затянетъ какое нибудь: „солнце низенько“, только русское имя осрамитъ!“...

Я имѣлъ удовольствіе слышать г-жу К., знаю сколь высока ея школа, а потому молча веду патріота-инженера, привыкшаго къ „русскимъ“ талантамъ къ salle de musique.

Французъ кончилъ. Видная гречанка, г-жа Джаннакопуло заняла мѣсто у піанино и спѣла двѣ-три маленькихъ вещицы съ выдающимся успѣхомъ. У ней не большой, но хорошо поставленный голосъ, хорошая школа, музыкальность. И вотъ вышла г-жа К...

— „Une russe“.... толпа придвинулась тѣснѣе „Русская“, говорящая на пяти языкахъ, проѣхавшая, „какъ англичанка“, верхомъ Манчжурію, всѣхъ интересовала.

Просили русской музыки. Многіе „просвѣщенные“ англичане и мнящіе себя высокообразованными французы ожидали услышать мяуканье и нытье, подобное пѣснямъ дикарей...

Г-жа К. начала съ нѣжной вещицы на французскомъ языкѣ— „Te souviens tu“ Годара, все примолкло, все было поражено... Англичане выражали восторгъ, просили русскаго... И подъ пароходнымъ тентомъ, надъ уснувшими волнами Индійскаго океана въ безпредѣльной глади водъ мощно понеслись творенія Чайковскаго, Глинки, Рубинштейна, Кюи, Варламова... „Уснули голубыя“—Глинки вдохновили маленькаго французскаго офицерика съ „Salazie“ написать французскія слова на мотивъ русскаго композитора, и на другой день я уполномоченъ былъ передать г-жѣ К. маленькій конвертъ со стихами, называвшимися „возвращеніе во Францію“. Стихи начинались словами:

„En ouvrant la fenêtre
Nous verrons le matin
L'avril qui fait renaître
Les fleurs dans le jardin“...

и заканчивались приспособленнымъ къ случаю куплетомъ:

„Demain c'est l'espérance
C'est la fête et l'amour
Que le pays de France
Nous donnera chaque jour"...

Но пѣть твореніе Глинки съ французскими словами не пришлось. Съ одной стороны, ударенія приходились неправильно и пѣть пришлось-бы—„en ouvrant", что некрасиво и г-жа К. не соглашалась пѣть некрасиво, съ другой—началась качка. Акомпаніаторша заперлась въ каютѣ и жалобно стонала; на верхней палубѣ стало меньше пассажировъ. А когда черезъ пять дней послѣ Адена, наболтавшись и нажарившись въ Красномъ морѣ, мы прибыли въ Суецъ—къ намъ посадили восемьдесятъ новыхъ пассажировъ—команду и путниковъ затонувшаго испанскаго парохода. Стало тѣсно. Грязные испанцы развели на палубѣ такую грязь, что противно стало ходить. Прелестныя испанки, о которыхъ такъ хорошо мечталось въ Петербургѣ, глядя „Карменъ", оказались вблизи весьма смахивающими на испанокъ изъ Бердичева. Платья и мантильи, черныя кружева у самой красивой изъ нихъ, жены капитана потонувшаго судна, оказались весьма грязными, а бѣлье... Я думаю, что бѣлье было съ населеніемъ. Дѣти ихъ устроились на палубѣ, какъ дома, забросали апельсинными корками, шелухой отъ яицъ, хлѣбомъ и загадили ее. Чопорныя англичанки сбились въ одно мѣсто. Вмѣсто радостнаго, веселаго, ликующаго настроенія, вызываемаго чуднымъ океаномъ—настроеніе стало мрачное, раздраженное и концерты г-жи К., иначе ея пѣніе, собиравшее весь пароходъ, я не могу назвать,—сами собой прекратились...

10-го (23-го) марта мы пришли въ Портъ-Саидъ. Портъ-Саидъ это уже—*дома*. Не странно ли такъ чувствовать, когда есть люди, которые поѣздку въ Павловскъ считаютъ путешествіемъ, и для которыхъ Васильевскій островъ, что то далекое и чужое. А между тѣмъ, кончая свое шести съ половиной мѣсячное скитаніе по морямъ, портамъ и горамъ и войдя въ Портъ-Саидъ я почувствовалъ себя дома. Русскій флагъ у помѣщенія консула, хорошо знакомыя улицы, мальчишки негры, бѣгающіе съ предложеніями по-русски показать городъ и увѣряющіе, что они васъ знаютъ, арабы въ цвѣтныхъ платкахъ, ловящіе васъ за руку въ глухомъ переулкѣ и скороговоркой опять таки по-русски шепчущіе вамъ про какую то русскую Маргариту, которая ожи-

даетъ васъ тутъ въ этомъ домѣ, наверху и которая танцуетъ „danse du ventre“, книжные магазины, полные между прочимъ и русскихъ книгъ Лейпцигскаго изданія,—все это, мнѣ по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ знакомо...

Въ Портъ-Саидѣ мы стояли четыре часа, и затѣмъ вышли въ Средиземное море. Средиземнымъ моремъ пароходъ шелъ пять дней. Первые два дня была хорошая погода. У борта судна играли дельфины, море было темно-синяго цвѣта, часто встрѣчались пароходы. Потомъ мы подошли къ берегамъ Италіи и Мессинскимъ заливомъ вышли въ Тирренское море. Дулъ свѣжій вѣтеръ. Большія волны ходили въ проливѣ. Но мы шли близко къ берегу и насъ не качало. Отчетливо виденъ былъ маленькій городокъ Реджіо на итальянскомъ берегу и Мессина на Сицилійскомъ. Въ легкомъ туманѣ, необыкновенно красиво рисовался бѣлый конусъ покрытой снѣгомъ Этны. Она напомнила Фузіяму, но на синемъ прозрачномъ просторѣ моря она была красивѣе японскаго вулкана. Легкій дымокъ маленькимъ облачкомъ дремалъ надъ нею. А по ту сторону пролива виднѣлись каменные дома, то стоящіе на берегу моря, то прилѣпившіеся къ скаламъ Калабрійскихъ горъ, видны были улицы, люди, экипажи, поѣзда, рощи итальянскихъ сосенъ и оливокъ. И вспоминался классическій міръ, Одиссей, Алкивіадъ, походы на Сицилію, Сиракузы, Аннибалъ... Какимъ густымъ флеромъ давности покрыто все это... На мѣстахъ воспѣтыхъ Гораціемъ, Саллустіемъ, Тибулломъ—явилась совсѣмъ новая жизнь и герои д'Аннунціо и Матильды Серао рисовались мнѣ на розоватомъ фонѣ скалъ, въ тѣни лѣсовъ пиній и оливокъ...

Тирренское море, потомъ проливъ святого Бонифація между Сардиніей и Корсикой и особенно Ліонскій заливъ показали себя. Задулъ мистраль. Французскіе моряки боятся мистраля больше, чѣмъ тайфуна восточныхъ морей. Тайфунъ свирѣпъ, но скоропроходящъ—мистраль дуетъ по нѣсколько дней, мѣшаетъ войти въ марсельскую гавань и заставляетъ пережидать долгіе скучные бурные дни въ смятенномъ морѣ. Два дня насъ трепалъ мистраль. Голубое море стало чернымъ, графитовымъ и такъ напомнило мнѣ наше Балтійское море. Громадныя волны избороздили его поверхность и „Salazie“ стало кидать какъ щепку. Маленькія парусныя, рыбацкія шкуны исчезли съ горизонта и на пустынномъ морѣ были мы, да какой то бригъ на одномъ кливерѣ, боровшійся съ волнами. Страшно было смотрѣть какъ качались его мачты и какъ яростно били объ него громадныя волны, раз-

биваясь въ горы бѣлой пѣны. На нашей палубѣ только два три любителя сильныхъ ощущеній. Мокро. Холодно. Носъ то поднимет такъ наверхъ, что трудно стоять, хватаешься руками за что нибудь, то опуститъ внизъ, ударивъ объ воду, и онъ скроется въ пятисаженной волнѣ. Тогда на темномъ фонѣ волны съ ярко сверкающимъ бѣлымъ гребнемъ какъ то странно обрисуется мостикъ, капитанъ на немъ и два матроса впившихся руками въ штурвалъ—вотъ вотъ сломаетъ и снесетъ. Пѣна съ шипѣньемъ разбѣгается во всѣ стороны и прыгаетъ на волнахъ. Вѣтеръ шумитъ въ вантахъ, мачтахъ и кранахъ, шумитъ уныло, зловѣще, мрачно. Иногда онъ сорветъ верхушку волны и броситъ ее на палубу и зальетъ все, а васъ промочитъ насквозь.

Мы идемъ въ виду берега. У берега волны еще свирѣпѣе. Онѣ обдаютъ маяки и на минуту высокія башни скрываются въ громадной горѣ кипящей пѣны...

Съ трудомъ добрались мы до Фріуля—маленькаго островка возлѣ Марсели, гдѣ врачи осмотрѣли судно, произвели его дезинфекцію на случай чумы и въ восемь часовъ вечера мы пристали къ берегамъ Европы—въ Марсели.

На другое утро Парижъ встрѣтилъ меня теплымъ весеннимъ дождемъ, каштаны его бульваровъ едва зеленѣли набухшими почками, еще черезъ три дня въ Берлинѣ меня мочило уже холоднымъ дождемъ, а въ Петербургѣ 21-го марта, было холодно и на окраинахъ города толстымъ слоемъ лежалъ снѣгъ.

Путешествіе „по Азіи“ было кончено.

И только то? И это отчетъ о путешествіи, гдѣ вы коснулись такихъ интересныхъ странъ, культуръ и религій,—скажетъ терпѣливый читатель,—такъ то вы поучаете насъ о невѣдомой, но почти родной намъ Манчжуріи, о дряхломъ сосѣдѣ Китаѣ, который вы осмѣливаетесь сравнивать съ до-Петровской Русью, такъ то третируете вы Японію и невѣжественно очерчиваете Индію. Вы проѣхали полъ-міра...

Да нѣтъ, въ томъ то и дѣло, что это заблужденіе считать человѣка, проѣхавшаго кругомъ свѣта, за человѣка объѣхавшаго весь свѣтъ. Міръ Божій имѣетъ измѣреніе не только въ длину, но и въ ширину и вышину. Я прошелъ только узкую линію—насколько глазъ хваталъ направо и налѣво отъ пути. А что за горизонтомъ? Что за тѣми горами, что синѣютъ вонъ тамъ вдали? Что за этимъ лѣсомъ пальмъ, за тѣми сосновыми рощами? Не

знаю.... Что дѣлается внутри этого дома, какая жизнь течетъ въ фанзѣ, какъ пульсируетъ жизненная кровь въ хижинѣ сингалеза, или индуса? Не знаю... Я старался дать вамъ возможно больше. Я зигзагомъ шелъ по Манчжуріи, я колесилъ по Японіи, я сушей проѣхалъ черезъ Индію, я подымался на Адамовъ Пикъ и все изъ желанія прибавить еще измѣренія пройденнаго пути... Но учить я не могу. Я буду счастливъ, если вы дочитали правдивую повѣсть мою и, если... если вы позавидовали мнѣ. Потому что позавидовавъ путешественнику, можетъ быть вы и сами надумаете путешествовать, а путешествовать хорошо, потому что жизнь есть движеніе, путешествовать значитъ двигаться, а двигаться—жить...

С.-Петербургъ, 25 марта 1902 г.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I

Въ Манчжуріи и на Дальнемъ Востокѣ.

Часть II

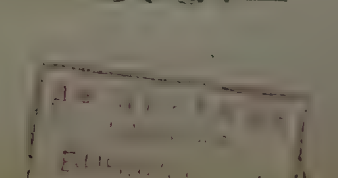
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ ВЪ ЯПОНІИ.

Часть III

ВЪ ТЕПЛЫХЪ МОРЯХЪ.

Часть IV

ЧЕРЕЗЪ ИНДІЮ.



КАРТА АЗІИ

Масштабъ 1: 48,000,000.

Ниже уровня моря

отъ 0 — 750 | 5000 — 16,000

750 — 5000 | выше 16,000 ф.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ

СѢВЕРН. ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ

ЛОНДОНЪ

СТОКГОЛЬМЪ

ПАРИЖЪ

БЕРЛИНЪ

ВѢНА

РИМЪ

С.ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Черное море

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

КАИРЪ

АФРИКА

АРАВІЯ

НЕДЖДЪ

ПЕРСІЯ

ТЕГЕРАНЪ

АФГАНИСТАНЪ

БЕЛУДЖИСТАНЪ

БУХАРА

ТУРКЕСТАНЪ

РОССІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ

СИБИРЬ

МОНГОЛІЯ

ГОБИ

ШАМО

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ

ТИБЕТЪ

ИНДОСТАНЪ

КАЛЬКУТТА

ИНДОКИТАЙ

СІАМЪ

ТОНКИНЪ

КАНТОНЪ

ЯПОНСКАЯ ИМПЕРІЯ

Охотское море

ПЕРСИДСКОЕ

АРАВІЙСКОЕ МОРЕ

Бенгальскій

ЮЖНО КИТАЙСКОЕ МОРЕ

ИНДѢЙСКІЙ ОКЕАНЪ

ВЕЛИКІЙ ИЛИ ТИХІЙ ОКЕАНЪ

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.